

Российская академия наук
Институт психологии

ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО

Материалы V Международной конференции
молодых ученых
28-29 ноября 2013 года
Москва

Ответственные редакторы

*А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко,
Н.Е. Харламенкова, К.Б. Зувев*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2013

УДК 159.9
ББК 88
П 86

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

Редакционная коллегия:

*Е.Г. Будрина, Г.А. Виленская, Е.В. Волкова, О.А. Ворона, Е.Н. Дымова,
А.Л. Журавлев (отв. ред), В.В. Знаков, К.Б. Зуев (отв. ред), Ю.В. Ковалева, Е.И. Лебедева,
Л.Ш. Мустафина, Е.А. Никитина, Г.В. Ожиганова, М.А. Падун, А.Ю. Рачугина,
П.А. Сабадош, Е.А. Сергиенко (отв. ред), В.А. Толочек, Н.Е. Харламенкова (отв. ред),
М.А. Холодная*

П 86 Психология – наука будущего. Материалы V международной конференции молодых ученых/ Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е Харламенкова, К.Б. Зуев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 746 с. (Материалы конференции)

ISBN 978-5-9270-0277-1

УДК 159.9
ББК 88

© ФГБУН Институт психологии Российской академии наук, 2013

ISBN 978-5-9270-0277-1

СВЯЗ ВЫРАЖЕННОСТИ ФЕНОМЕНА «СЛЕПОТА К ИЗМЕНЕНИЯМ» С ОБЪЕМОМ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ, КОНЦЕНТРАЦИИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВНИМАНИЯ

Б. В. Абдуллаева (Баку)

Введение. Феноменом «слепота к изменениям» (СКИ) - называется явление, возникающее, когда человек, рассматривающий цикл изменяющихся изображений, не в состоянии обнаружить явных различий между ними (Рензинк Р., Макконки Дж, Саймонз Дж. и др.). Актуальность и научная новизна данной работы заключается в том, что психологические, механизмы, лежащие в основе данного феномена, недостаточно изучены. Исследований, в которых оцениваются характеристики внимания и памяти испытуемых, выполняющих задачу на поиск изменений в парадигме СКИ, в литературе встречается мало (Уточкин, 2011; Гусев, Михайлова, Уточкин, 2012; Levin, Momen, Drivdahl, 2000; Simons, Ambinder, 2005).

Цель работы: изучить связь феномена СКИ с особенностями внимания и кратковременной памяти.

Гипотеза исследования: особенности внимания и кратковременной памяти связаны с выраженностью феномена СКИ.

Объект исследования: выраженность феномена СКИ.

Предмет исследования: связь феномена СКИ с характеристиками внимания и кратковременной памяти.

Испытуемые: выборку составили 57 жителей г. Баку, 37-женского пола, 20-мужского в возрасте от 16 до 56 лет (средний возраст - 22 года). Основная часть испытуемых были студентами ВУЗов г. Баку. В эксперименте участвовали испытуемые с нормальным зрением.

Методы исследования

1. Для оценки кратковременной памяти использовался компьютерный вариант теста «Отсроченный подбор фигуры по образцу» (адаптация теста DMS - Delayed Matching to Sample из нейропсихологической батареи Contab Eclips, авторы – А.Н. Гусев и А.Е. Кремлев, <http://psychosoft.ru>).

2. Для оценки концентрации и переключения внимания использовался компьютерный вариант методики «Корректирующая проба Бурдона» (А.Н. Гусев, А.Е. Кремлев, <http://psychosoft.ru>).

3. Для исследования феномена слепота к изменениям использовалось компьютерная методика «Слепота к изменениям» (Гусев, Михайлова, Уточкин, 2012). Использовалась так называемая процедура мерцания. В ходе пробы на экране монитора испытуемому попеременно предъявлялись два изображения с цветными квадратами, которые отличались друг от друга одной деталью, например, один квадрат мог появляться и исчезать, менять место или изменять свой цвет. В качестве стимулов использовались матрицы состоящие из 5 и 20 квадратов разных цветов. Время экспозиции каждого изображения - 400 мс, длительность межстимульного интервала (пустое серое поле) – 200 мс. Тест состоял из 85 последовательных проб. Чередование изображений продолжалось до тех пор, пока испытуемый не находил изменение и не останавливал предъявление, после чего должен был показать экспериментатору и назвать объект, подвергшийся изменению.

Для обработки данных использовалась статистическая система IBM SPSS Statistics 19.0. Обработка проводилась с помощью процедуры корреляционного анализа.

Результаты

В результате проведенного исследования была обнаружена связь между показателями зрительного внимания, памяти и выраженностью феномена «слепота к изменению». Результаты корреляционного анализа показали, что зависимость исследуемого феномена от показателя зрительного внимания и памяти также опосредуется типом (сложностью) стимульного материала.

К первому типу стимулов относятся изображения, содержащие 5 регулярно расположенных квадратов. Для этой группой обнаружена статистически достоверные и квази-значимые корреляции между: временем поиска изменения цвета и концентрацией внимания ($r=0,536$, $p<0.001$)

Второй тип стимульного материала состоял из изображений 5 квадратов расположенных случайно. Также были выявлены значимые и квази-значимые корреляции между: 1) индексом рабочей памяти и временем обнаружения сдвига матрицы; 2) индексом рабочей памяти и временем обнаружения появления/исчезновения квадрата; 3) между временем поиска изменения цвета и показателем концентрации внимания ($0,536$, $p<0.001$; $r=0,535$, $p<0.001$; $r=5,61$, $p<0,001$; $r=0,370$, $p<0,001$; $r=0,424$, $p<0.001$)

Третий вариант стимулов заключал в себе изображения 20 квадратов, расположенных регулярно. Установлены следующие статистически значимые и квази-значимые корреляции между индексом рабочей памяти и временем поиска сдвига одного из квадратов и изменением его цвета ($r=0,478$, $p<0,001$; $r=0,690$, $p<0,001$; $r=0,414$, $p<0.001$)

Четвертым вариантом изображений было 20 квадратов, расположенных в случайном порядке. Также были обнаружены достоверные корреляции между величиной индекса рабочей памяти временем поиска сдвига квадрата, его появления/исчезновения и изменением цвета ($r=0,528$, $p<0,00$; $r=0,577$, $p<0.001$; $r=0,470$, $p<0.001$)

Полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о связи эффективности поиска изменений в сменяющихся друг друга (мерцающих) зрительных паттернах с показателями кратковременной памяти и внимания

Результаты исследования указали на сложность поставленной проблемы связи феномена «слепота к изменению» с индивидуальными различиями в когнитивных способностях наблюдателей, а необходимости определить возможные направления дальнейших исследований. Наша гипотеза была доказана, поскольку выявилось, что выраженность феномена «слепота к изменениям» связана со способностью наблюдателей к концентрации и распределения внимания и объемом рабочей памяти: чем выше способность концентрация и распределение внимания и объем рабочей памяти, тем менее выражен феномен «слепота к изменениям».

ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ СТУДЕНТОВ-КОНФЛИКТОЛОГОВ

И.Р. Абитов (Казань)

Одной из важнейших проблем, стоящих перед современными студентами является проблема адаптации к требованиям рынка труда и условиям профессиональной деятельности. Важнейшей личностной характеристикой, обеспечивающей успешную адаптацию, является адаптивность.

Л.М.Колпакова вводит понятия «субъектной» и «личностной» адаптивности, рассматривая их как разные уровни адаптивности. «Личностная» адаптивность определяется выраженностью «социоориентированной» направленности в регуляции жизнедеятельности и проявляется в активном приспособлении к будущему. «Субъектная» адаптивность проявляется в «автономноориентированном» поведении человека и преодолении трудных жизненных ситуаций. Таким образом, мы можем выделить 2 типа психологической саморегуляции: 1) «субъектно-ориентированный» («автономноориентированный»), реализующийся в процессе преодоления жизненных трудностей и опирающийся на такие качества субъекта, как активность, осознанность, целенаправленность; 2) «социо-ориентированный», реализующийся в процессе приспособления к ситуации и опирающийся на имеющийся опыт приспособления и социальные нормы и требования.

Мы рассматриваем психологическую саморегуляцию, как процесс, включающий в себя два разнонаправленных процесса: приспособление и преодоление и предлагаем двумерную модель психологической саморегуляции, в которой процесс приспособления представлен континуумом механизмов психологической защиты от неадаптивных до адаптивных, а процесс преодоления – континуумом способов совладания со стрессом от реактивного совладания до проактивного. «Субъектно-ориентированный» тип саморегуляции преобладает при высокой выраженности проактивного совладания и адаптивных механизмов психологической защиты. «Социо-ориентированный» тип саморегуляции преобладает при выраженности реактивного совладания и адаптивных или неадаптивных механизмов психологической защиты.

Нами было проведено исследование психологической саморегуляции студентов вуза. Объектом исследования являлась психологическая саморегуляция. Предметом исследования «социо-ориентированный» и «субъектно-ориентированный» типы психологической саморегуляции. Нами была выдвинута следующая гипотеза: в процессе получения высшего профессионального образования у студентов формируется «субъектно-ориентированный» тип саморегуляции. Цель исследования: выявить особенности психологической саморегуляции студентов, находящихся на разных этапах профессионального образования (первый и последний курсы бакалавриата).

Проводилась диагностика студентов Приволжского (Казанского) Федерального Университета, обучающихся по направлению «конфликтология» на первом и четвёртом курсах бакалавриата на очной форме обучения. Общая выборка исследования включала в себя 51 испытуемого. После отбора бланков с учётом достоверности результатов по шкале лжи, для дальнейшего анализа были отобраны бланки, заполненные 45 испытуемыми: группа первокурсников – 23 испытуемых, группа четверокурсников – 22 испытуемых.

Для диагностики особенностей адаптации мы использовали «Опросник структуры психологической защиты» М.Бонда, для диагностики особенностей преодоления – опросник «Проактивного совладающего поведения» Э.Грингласса.

По всем составляющим проактивного совладающего поведения в обеих исследуемых группах наблюдаются средние значения. У испытуемых обеих групп на среднем уровне развиты целеполагание и накопление ресурсов, стратегическое планирование, рефлексивное преодоление, предвосхищение потенциальных стрессовых ситуаций и подготовка действий для преодоления стресса в будущем, поиск инструментальной и эмоциональной поддержки от окружения.

По всем группам психологических защит в обеих исследуемых обнаруживаются также средние значения. Студенты обеих групп со средней частотой используют неадаптивные защиты, защиты, искажающие образ, самопринижающие и адаптивные защитные механизмы.

Для выявления различий между исследуемыми группами был использован t-критерий Стьюдента. При этом статистически значимых различий между группами обнаружено не было.

Для выявления взаимосвязей между исследуемыми показателями был использован коэффициент линейной корреляции Пирсона. В группе студентов первого курса проактивное преодоление имеет прямую связь с механизмами психологической защиты, искажающими образ ($r=0,58$, $p<0,01$). Чем более склонны студенты данной группы прибегать к искажению реальности, к расщеплению чувств и мыслей, тем более они склонны к накоплению ресурсов для преодоления возможных стрессовых ситуаций в будущем.

В группе студентов четвёртого курса обнаруживается обратная связь между самопринижающими механизмами психологической защиты и стратегическим планированием ($r= - 0,44$, $p<0,05$). Чем более студенты данной группы склонны использовать защитные механизмы, принижающие их, проявляют чувства, противоположные тем, которые испытывают, тем менее они склонны создавать продуманный план действий и разбивать цели на отдельные задачи.

Таким образом, психологическая саморегуляция студентов-конфликтологов относится к промежуточному между «субъектно-ориентированным» и «социально-ориентированным» типу. Не прослеживаются изменения системы психологической саморегуляции от первого к четвёртому курсу. Получение профессионального образования не связано с изменением системы психологической саморегуляции студентов, обучающихся по направлению «конфликтология». При этом происходят изменения в структуре связей между механизмами психологической защиты и составляющими совладания со стрессом. В начале обучения использование умеренно-эффективных защитных механизмов, искажающих образ реальности, приводит к более частому использованию проактивного совладания. В конце обучения использование умеренно-эффективных защитных механизмов, принижающих человека, их использующего, приводит к снижению частоты использования важнейшего механизма преодоления, направленного на создание общего плана действий и выделение отдельных тактических задач.

ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УТРАТЫ ЗНАЧИМОГО ДРУГОГО

О. В. Абражевич (Москва)

На сегодняшний день существует большое количество экспериментальных и теоретических исследований утраты значимого Другого. Анализ этой проблемы в рамках психологической науки впервые был осуществлен З. Фрейдом. Далее эту тему исследовали Линдемманн, Боулби, Паркес и др. Мы проведем краткий обзор основных современных теоретических взглядов ряда наиболее авторитетных в данной области западных авторов.

Worden W. предлагает интерпретировать переживание утраты в терминах «задача горя». Переживание человеком утраты - последовательное решение задач, которые

являются универсальными, а способы их решения индивидуальны. От успешности их последовательного решения зависит сложность индивидуального совладания с утратой. Кратко перечислим эти задачи: признание реальности факта утраты; переживание боли утраты (сложных и болезненных чувств, которые испытывает горющий); приспособление к реальности без умершего (происходит утрата жизненных устоев); выстраивание нового отношения к умершему и продолжение жизни с приобретением новых эмоциональных связей. Признаки завершения процесса горевания – способность воспринимать новые впечатления и говорить об умершем без сильной боли.

Rubin S. предлагает модель «двух треков»: процесс утраты концептуализируется по двум различным, но взаимодействующим осям. Первый трек строится вокруг биопсихосоциального функционирования после потери. Второй трек фокусируется на разворачивающейся во времени эмоциональной привязанности горющего к умершему. Горевание рассматривается автором как процесс, резонирующий через всю последующую жизнь человека.

Bonanno G. A. и Kaltman S. предположили, что люди могут относиться к горю сознательно через использование определенной стратегии совладания. Реакции горя рассматриваются как сходные с возникающими при других негативных жизненных событиях. Исследователи выделили четыре компонента, определяющие успешность процесса горевания: контекст, в котором произошла утрата (например, субъективная вероятность данной утраты); субъективные смыслы, связанные с утратой; стратегии совладания, которые могут усиливать или ослаблять переживание утраты; переосмысление образа утраченного через продолжение связи с ним, которая влияет на текущую жизнь горющего.

Stroebe M. и Schut H. в своих работах предложили модель «двойных процессов» печали. Существует два типа стрессоров – ориентированные на восстановление и на утрату и динамический регулятор совладания, который проявляется в колебании между этими двумя процессами, посредством чего горющий временами сопротивляется, а временами – избегает решения задач горя. Авторы подчеркивают динамический компонент горевания, считая эти колебания вспомогательными средствами успешного совладания. Адаптивное совладание состоит из конфронтации и избегания стрессоров утраты и восстановления. Предложенная модель ставит вопрос и о необходимости «дозировки» горевания, то есть потребности в периодах эмоционального отдыха от совладания как части адаптивного копинга.

Janoff-Bulman R. занимался вопросами конструирования смысла (который выражен в картине мира горющего) в процессе адаптации к психической травме. Автор выделил три основных варианта картины мира, которые могут ставиться под сомнение из-за произошедшей с человеком утраты: доброжелательность мира; справедливость мира; ценность Я. Горевание рассматривается через процесс реконструкции смысла.

Neimeyer R. определяет переживание горя как процесс реконструкции смысла жизни с особым акцентом на различиях, а не на сходствах горющих людей. Автор исследует личные семейные и культурные факторы, которые влияют на успешность совладания человека с утратой, однако уделяет наибольшее внимание идиосинкретической природе переживания и считает главной задачей горющего не возвращение в предутратное состояние, а развитие жизни, наполненной смыслом даже без любимого, но утраченного человека.

Walter T. анализирует классический подход к исследованию утраты, в котором межличностные процессы служили внутриличностным и вели к разрыву связи с умершим. Walter считает, что в реалиях современного мира функция разговоров

иная: люди стремятся интегрировать память об умершем в свою текущую жизнь. Задача горя – осознание реальности смерти через разговоры с людьми, которые знали утраченную фигуру. Горюющий сравнивает их мнения и формулирует для себя заключение о том, кем умерший являлся в действительности, конструируя новую автобиографию.

Исследованием переживания смерти близкого человека, в частности изучением горюющих по своему ребенку родителей, занимался Klass D. Он указал, что некоторые родители находятся в трансцендентных переживаниях, непрерывно продолжающихся в их собственной картине мира или чувстве себя, в то время как другие с трудом их интегрируют. Общество, где этот трансцендентный опыт и картина мира могут признаваться действительными необходимо для трансформации горя и его успешного переживания. Это может происходить в религиозной группе либо в группе самопомощи других горюющих людей.

Дока К. J. развивает концепцию «бесправного» горя. Большинство концепций изучали утрату, которая признается социумом и при которой горе становится естественной и ожидаемой реакцией - «разрешенной». Дока исследует «бесправное» горе – не признаваемое социумом, открыто не выражаемое. Например, потеря, в которой социальная значимость утраты не признается; психосоциальная смерть (человек теряет сам себя из-за психической болезни или органического синдрома) и др. Успешное переживание и выражение горя являются необходимыми условиями нормального совладания с утратой.

В обозначенных выше концепциях можно выделить такие тенденции, как исследование процесса горевания с позиций когнитивной психологии, использование системных принципов, описание в терминах реконструирования смысла, акцент на культурных факторах и идиосинкретической природе переживания. Таким образом, нами кратко рассмотрены основные современные представления зарубежных авторов о процессах, происходящих при переживании утраты значимой фигуры.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ С ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Н. Г. Абрамян, Т.В. Лебезова (Владимир)

Жизнь с ребенком полна радостей, проблем, неожиданностей. Она постоянно меняется, задает вопросы и преподносит сюрпризы. Материнство и отцовство – составные части института родительства, они определяют родительскую любовь как целостность. Ребенок формируется своеобразной комбинацией отношений матери и отца в их родительских и супружеских ролях.

Тем не менее, по прогнозам специалистов, грядущим поколениям угрожает «безотцовщина». Статистика такова, что на фоне увеличения числа разводов и внебрачных рождений почти половина рождающихся детей заметную часть дошкольного детства проживают без активного участия в их воспитании отцов, так как в случае распада семьи дети остаются с матерью.

Именно поэтому мы считаем тему исследования актуальной, поэтому и необходимо рассмотреть особенности отношений родителей с детьми старшего дошкольного возраста.

В исследовании приняли участие дети старшего дошкольного возраста ($n=30$) и их родители ($n=60$). Все дети посещают дошкольное учреждение. Все родители проживают в совместном браке.

В ходе работы была выдвинута гипотеза: существуют различия в отношении к детям старшего дошкольного возраста отцов и матерей по следующим параметрам: «Принятие-отвержение», «Кооперация», «Контроль»; «Гиперпротекция», «Чрезмерность требований запретов», «Минимальность санкций»; «Понимание причин состояния», «Стремление к телесному контакту», «Ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия».

В нашем исследовании мы использовали ряд психодиагностических методик: «Методику PARI» (авторы - Е. Шеффер и Р. Белла, адаптация Т. В. Нещерет); «Методику диагностики родительского отношения» (авторы - А. Я. Варга, В. В. Столин); «Опросник эмоциональных отношений в семье» Е. И. Захаровой (методика ОДРЭВ), «Методика Рене Жиля»; «Методика анализа семейных взаимоотношений (АСВ)» (авторы – Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис).

По результатам эмпирического исследования можно сделать следующие выводы.

Нами было изучено отношение родителей к разным сторонам семейной жизни (методика PARI). Средние оценки матерей и отцов по шкалам «оптимальный эмоциональный контакт», «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком», «излишняя концентрация на ребенке» имеют практически одинаковые значения.

Продиагностировано родительское отношение к ребенку, поведенческие стереотипы, практикуемые в общении с ним (методика А. Я. Варги и В. В. Столина). По результатам исследования выявлены высокие баллы по шкалам «принятие – отвержение» (у 97% испытуемых), «кооперации» (у 48 %), «симбиоз» (у 30% матерей и 16 % отцов), «контроль» (у 26% матерей и 16% отцов) и низкие баллы по шкалам «кооперация» (у 3%), «симбиоз» (у 3% матерей и 13% отцов), «контроль» (у 13%), «маленький неудачник» (у 82%).

Изучены степени выраженности параметров эмоционального взаимодействия родителя и ребенка (методика ОДРЭВ). По результатам исследования можно сделать вывод, что степень выраженности параметров эмоционального взаимодействия родителя и ребенка у матерей выше, чем у отцов.

Исследована сфера межличностных отношений ребенка и его восприятие внутрисемейных отношений (методика Р. Жиля). Полученные результаты свидетельствуют о том, что испытуемые дети показали больше выборов по шкале «отношение к матери», чем по шкале «отношение к отцу». Данные подтверждают, что большинство испытуемых – дети общительные, не закрытые, не отгороженные, имеющие адекватность социального поведения.

Изучено, каким образом родители воспитывают ребенка в семье (методика АСВ). Средние результаты анализа представлений родителей о стилях воспитания в целом – сходные, и различаются лишь по 3 параметрам: гиперпротекция, чрезмерность требований-запретов, минимум санкций.

На основе качественного анализа мы пришли к выводу о том, что большинство родителей эмоционально контактируют с детьми, сконцентрированы на их воспитании, выражают положительное отношение к ребенку. Взрослые принимают ребенка таким, какой он есть, проводят с ним достаточно много времени и не жалеют об этом. Многие родители проявляют искренний интерес к тому, что интересует ребенка, высоко оценивают способности ребенка, поощряют самостоятельность и инициативу, стараются быть с ним на равных. Родители предпочитают обходиться либо вовсе без наказаний, либо применяют их крайне редко. В результате полученных данных

можно сделать вывод о том, что большинство родителей не устанавливают психологическую дистанцию между собой и ребенком, стараются всегда быть ближе к нему, удовлетворять его основные разумные потребности.

Кроме того, по методике АСВ (авторы Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис), опроснику эмоциональных отношений в семье (автор Е. И. Захарова), методике диагностики родительского отношения (авторы А. Я. Варга и В. В. Столин) мы сравнили показатели матерей и отцов на достоверность различий по критерию Манна-Уитни с целью выявить особенности их показателей по отношению к детям. В результате выявлены различия по следующим параметрам: гиперпротекция ($U=285$; $p = 0,01$), чрезмерность требований-запретов ($U=260$; $p = 0,01$), минимум санкций ($U=104,5$; $p = 0,01$) (методика АСВ), а также понимание причин состояния ($U=130$; $p = 0,01$), стремление к телесному контакту ($U=118,5$; $p = 0,01$), ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия ($U=281$; $p = 0,01$) (методика диагностики родительского отношения).

Таким образом, гипотеза о том, что существуют различия в отношении к детям старшего дошкольного возраста отцов и матерей по следующим параметрам: «Принятие-отвержение», «Кооперация», «Контроль»; «Гиперпротекция, «Чрезмерность требований запретов», «Минимальность санкций»; «Понимание причин состояния», «Стремление к телесному контакту», «Ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия» частично подтверждена.

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Т.П. Автомонова (Новомосковск)

Дошкольный возраст, как писал А.Н. Леонтьев, — это «период первоначального фактического склада личности». Именно в это время происходит становление основных личностных механизмов и образований. Развиваются тесно связанные друг с другом эмоциональная и мотивационная сферы, формируется самосознание.

В работах П. К. Анохина, Л. И. Божович, В. К. Вилюнаса, К. Изарда, А. В. Запорожца, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева, С. Л. Рубинштейна, П. В. Симонова и других исследователей эмоциональная сфера рассматривается как важнейшая система психики, тесно связанная с когнитивной, волевой, мотивационной сферами, влияющая на любое проявление человеческой активности и обеспечивающая адаптацию к изменяющимся условиям окружающей действительности.

В дошкольном возрасте эмоции играют большую роль в развитии ребенка: помогают воспринимать действительность и реагировать на нее. Проявляясь в поведении, они информируют взрослого о том, что ребенку нравится, сердит или огорчает его. По мере того, как ребенок растет, его эмоциональный мир становится богаче и разнообразнее. От базовых эмоций (страха, радости и др.) он переходит к более сложной гамме чувств: радуется и сердится, восторгается и удивляется, ревнует и грустит. Меняется и внешнее проявление эмоций.

Проблема изучения эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста является исключительно актуальной, поскольку эмоции помогают человеку в его становлении, являются той сферой психологического бытия ребёнка, которая заряжает и регулирует все остальные его функции, такие, как восприятие, внимание, мышление, воображение, память.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что для изучения особенностей эмоциональной сферы детей в старшем дошкольном возрасте может быть использована диагностическая программа, включающая следующие методики проективного характера: графическая методика «Кактус», методика «Рисунок семьи», методика «Сюжетные картинки», методика «Эмоциональная идентификация», методика «Паровозик».

Методы исследования:

1. Теоретические методы: теоретический анализ психолого-педагогической литературы по проблеме эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста
2. Эмпирические методы: констатирующий эксперимент, проективные техники.
3. Методы обработки данных: количественный и качественный анализ полученных результатов.

Психодиагностическое обследование было проведено на базе МДОУ № 125 г. Тула. В нашем исследовании принимали участия группа детей, состоящая из 5 человек старшего дошкольного возраста.

В экспериментальном исследовании мы использовали диагностическую программу, включающая следующие методики: методика «Эмоциональная идентификация», методика «Паровозик», методика «Рисунок семьи», графическая методика «Кактус», методика «Сюжетные картинки».

На констатирующем этапе были получены следующие результаты.

При обработке результатов методики «Эмоциональная идентификация» мы выявили, что у 30% детей нарушено восприятие экспрессии: они плохо выделяют комплексы экспрессивных признаков. Нарушено понимание эмоций. У 50% детей средний уровень эмоциональной идентификации. Эти дети с незначительными затруднениями выделяют комплексы экспрессивных признаков. У 20% детей высокий уровень развития эмоциональной сферы.

При обработке результатов методики «Паровозик» мы выявили, что у 2 детей из обследуемой группы доминирует негативное психическое состояние высокой степени (40%), у 3 детей преобладает позитивное психическое состояние (60%). Негативное психическое состояние низкой степени никто из обследуемых детей не показал.

Анализ результатов методики «Рисунок семьи» показал, что из 5 детей только 1 рисунок можно отнести к высокому уровню детско-родительских отношений (20%), у 1 ребенка рисунок относится к среднему уровню детско-родительских отношений (20%) и к низкому уровню – относятся три рисунка (60%).

Анализ результатов графической методики «Кактус» показал, что у исследуемой группы низкий уровень агрессии (60%), у детей отмечается высокий уровень стремления к домашней защите (60%), высокий уровень интровертированности (60%).

По результатам методики «Сюжетные картинки» мы выявили, что большая часть детей (60%) имеют высокий уровень эмоционального отношения к нравственным нормам. Дети правильно называют моральные нормы, ярко и адекватно проявляют эмоциональные реакции в мимике. Средний уровень эмоционального отношения к нравственным нормам отмечается в 20% случаев, дети правильно определяют ярко выраженные моральные нормы. Детям с низким уровнем эмоционального отношения к нравственным нормам не удастся правильно разложить картинки с изображением как положительных, так и отрицательных поступков, эмоциональные реакции отсутствуют, что случается в 20% случаев.

Данные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что для изучения особенностей эмоциональной сферы детей в старшем дошкольном возрасте может

быть использована диагностическая программа, включающая следующие методики: графическая методика «Кактус», методика «Рисунок семьи», методика «Сюжетные картинки», методика «Эмоциональная идентификация», методика «Паровозик».

Данные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что для изучения особенностей эмоциональной сферы детей в старшем дошкольном возрасте может быть использована диагностическая программа, включающая следующие методики проективного характера: графическая методика «Кактус», методика «Рисунок семьи», методика «Сюжетные картинки», методика «Эмоциональная идентификация», методика «Паровозик»

ВЛИЯНИЕ БОЛЬНИЧНОЙ СРЕДЫ НА СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧЕНИЕ ПАЦИЕНТОВ

К.Н. Агаларова (Москва)

Человек и среда вступают в сложное взаимодействие, попадают под влияние друг друга. Среда может быть, как дружественной и поддерживающей, так и враждебной человеку. В свою очередь, человек может пассивно принимать предоставленные ему условия среды, а может как субъект активно вносить изменения в окружающее его пространство, обживать его, персонализировать и делать дружественным, конгруэнтным.

Психотерапевтичность среды играет большую роль в случае, когда речь идет о жизни и здоровье человека. Так, исследования показывают, комфортная обстановка в больнице способствует повышению общего психологического состояния человека и, соответственно, способствует его выздоровлению.

Цель исследования - выявить поведенческие паттерны, направленные на обживание пространства, и показать, что активное, преобразующее средовое поведение сочетается с хорошим самочувствием человека.

В исследовании влияния персонализации пространства на субъективное благополучие приняли участие 20 пациентов среднего возраста Центра реабилитации имени Шкловского, вынужденные длительное время (45-90 дней) пребывать в больнице, и 20 отдыхающих в санатории в Подмосковье.

Основные гипотезы исследования:

1. Чем сильнее персонализируется вторичная территория, тем ниже тревожность субъекта.
2. Чем сильнее персонализируется вторичная территория, тем выше уровень субъективного благополучия.

Методы и методики исследования:

1. Наблюдение;
2. Вербально-коммуникативный метод (интервью) – разработано автором;
3. Психодиагностические методы:
 - А) Методика самооценки тревожности (по Д.Моудсли);
 - Б) Шкала субъективного благополучия;
 - В) Шкала оценки персонализации пространства (от 1 до 10).

Методы обработки данных:

- корреляционный анализ;
- дисперсионный анализ (критерий Фишера).

Результаты корреляционного анализа продемонстрировали наличие связи между исследуемыми переменными в обеих группах:

Значения корреляции между переменными: персонализация – тревожность в экспериментальной группе -0,74, в контрольной 0,57. Значения корреляции между переменными персонализация – субъективное благополучие в экспериментальной группе 0,67, в контрольной -0,65.

Результаты исследования показали, что пациенты, персонализирующие больничную палату, демонстрировали более низкий уровень тревожности и более высокий уровень психологического благополучия по сравнению с теми больными, которые не производили в палате никаких изменений. В то же время стремление обустроить вторичное пространство добровольного проживания (в нашем случае, дом отдыха), напротив, оказалось связано с более высокой тревожностью и более низким уровнем психологического благополучия.

Дисперсионный анализ. За нулевую гипотезу (H₀) принимаем отсутствие взаимосвязи между исследуемыми факторами. Соответственно, гипотеза H₁, обратная нулевой, означает, что взаимосвязь есть. Уровень значимости P=0,05.

Во всех случаях дисперсионного анализа были получены значения статистики Фишера, которые превосходят критическое значение ($F_0 > F_t$, где F_0 – посчитанные нами значения по каждому случаю, а $F_t=4,41$ – критическое значение при уровне значимости P=0,05). Поэтому все нулевые гипотезы об отсутствии связи между изучаемыми факторами отклоняются. Принимаются гипотезы H₁ о наличии взаимосвязи. Следовательно, в каждом случае факторы имеют достоверную взаимосвязь между собой.

Выводы:

Люди, отправляющиеся в дом отдыха, уже на этапе его выбора, как правило, принимают его: расположение, дизайн, обслуживающий персонал и пр. Они стремятся туда попасть, сами выбирают, считают это место и уклад жизни своими. Им не обязательно предпринимать особые действия, для того чтобы идентифицироваться с местом. И потом, сам санаторий предназначен для отдыха и расслабления. Все условия направлены на достижение именно того, чтобы людям было комфортно.

У людей, попавших в больницу и вынужденных находиться в ней подобной идентификации не существует. Поэтому им нужно «сродниться» с изначально чужим местом, и в этом персонализация, как выяснилось, действительно помогает.

Но если для больного обживание пространства является вполне адаптивным поведением, способствующим улучшению психологического состояния, то о подобном поведении человека, приехавшего в дом отдыха, такого мы сказать не можем, исходя из полученных в исследовании результатов.

Таким образом, изучаемые связи имеют не всеобщий, а частный характер и актуальны только для мест вынужденного пребывания.

Обе территории – вторичные, но различаются по фактору вынужденности-добровольности. И это привело к прямо противоположным зависимостям.

Тема новая, малоизученная, особенно в отечественной психологии. Но дальнейшее изучение взаимодействия личности и среды позволит раскрыть и развить психотерапевтический потенциал среды, что это особенно относится к вторичной территории, к местам вынужденного пребывания (дошкольно-школьные заведения, детские приюты, больницы, места тюремного заключения и т.д.).

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УЧЕБНОГО СТРЕССА У СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О.В. Агафонова (Москва)

В исследовании были рассмотрены особенности развития учебного стресса у студентов разных специальностей.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что специфика возникновения, развития и переживания негативных последствий учебного стресса, возникающие у студентов разных специальностей, обусловлены субъективными и объективными факторами реализации учебной деятельности.

Обработка и обсуждение полученных результатов были реализованы при помощи комплекса методик, позволяющих в общем виде оценить и сопоставить различия развития синдрома учебного стресса у студентов разных специальностей:

1. Анкета-Интервью для получения предварительной информации о составе обследуемой выборки, их демографических характеристиках и степени напряженности их деятельности;
2. Методика «Опросник для выявления источников информационного стресса у студентов» (Леонова А.Б., Федорчерченко В.В., 2000);
3. Методика «Дифференцированная оценка работоспособности» (ДОРС) (Леонова А.Б., Величковская С.Б., 2002);
4. Методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) (Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., 2001).

Обследование было проведено в течение семестра среди студентов 4 курса. Испытуемые обучаются по следующим специальностям: «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» (8 человек), «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» (15 человек) и «Психология» (17 человек). Количество участников составило 40 человек, возраст колеблется от 20 до 22 лет (средний возраст – 21 год). 82,5% испытуемых – лица женского пола, 17,5% – лица мужского пола.

В результате анализа и обобщения полученных данных было установлено, что у студентов всех специальности наблюдается выраженный уровень стресса. При этом группы студентов различаются в оценке стресс-факторов, оказывающих на них наибольшее воздействие в процессе учебной деятельности.

Обследованные группы студентов различаются по ряду изученных характеристик негативных состояний и последствий стресса. Оценки проявлений сниженной работоспособности находятся в границах умеренно-выраженных значений. Исключением здесь является значения показателя монотонии у студентов-бухгалтеров, который имеет нижнюю границу выраженного значения. Также в зависимости от специальности в некоторой степени различаются стратегии, используемые студентами для преодоления стресса. У всех трех групп выражена просоциальная стратегия преодоления «Поиск социальной поддержки». У группы «бухгалтеров» эта стратегия имеет верхний предел средней выраженности, у студентов психологических специальностей и студентов «педагогов» данная стратегия имеет нижний предел высоких значений. Для студентов-бухгалтеров и «педагогов» характерна пассивная стратегия «Избегания». У студентов психологических специальностей упомянутая стратегия приобретает нижний предел высокой степени выраженности. Та же ситуация складывается в применении такой копинг-стратегии, как «Агрессивные действия». У студентов психологических специальностей и студентов-педагогов уровень стратегии «Поиска социальной поддержки» выше, чем у студентов-бухгалтеров. У студентов

психологических специальностей в сравнении с остальными группами были установлены более выраженные проявления таких копинг-стратегий, как «Избегание» и «Агрессивные действия».

Установленные значимые различия по выраженности состояния утомления между студентами-бухгалтерами и группами студентов психологических специальностей и студентов-педагогов свидетельствуют о зависимости выраженности этого состояния от специфики деятельности студентов. Группа студентов изучаемой экономической специальности характеризуются выраженной степенью утомления в отличие от групп студентов «гуманитарной» направленности. Связь со спецификой направления обучения так же подтверждается значимыми различиями по применению такой стратегии преодоления стресса как «Вступление в социальный контакт» между студентами-бухгалтерами и студентами-педагогами. Косвенно эти данные подтверждаются и установленными сведениями об удовлетворенности обучением по специальности.

Для выявления структуры и качественной специфики учебного стресса у студентов обследованных групп был проведен факторный анализ массивов данных. При факторизации массива всех основных показателей использованных методик по всей выборке испытуемых было выведено 4-факторное решение. Данная структура отражает специфику возникновения, развития и переживания негативных последствий учебного стресса, возникающие у студентов разных специальностей. В ней представлен целостный синдром стресса: возникновение стресса - развитие стресса - поиск копинг-стратегий как способа преодоления стресса - «фиксация». Так фактор «Напряженность ситуации» аккумулирует причины возникновения стресса. В факторе «Негативные проявления переживания напряженности ситуации» отражена реакция на негативные воздействия среды, которые были представлены в предыдущем факторе. Далее следует поиск наиболее подходящих стратегий преодоления стрессовой ситуации (фактор «Совладание с ситуацией»), в том числе и в виде попыток «привыкнуть», «избежать», «договориться». Наиболее эффективные копинги формируются в конструктивные «адаптированные» стратегии, то есть те способы деятельности, которые оказались наиболее удачными для совладания с учебной ситуацией.

Полученные выводы служат базой для определения пути дальнейшей экспериментальной работы. Проведенное исследование может стать основой работы, направленной на получение более развернутой информации о характерных стресс-факторах, специфике развития и переживания учебного стресса у студентов разных специальностей в течение семестра и в сессионный период.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ ИНТЕРНЕТ-АДДИКТАМИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕРНЕТА

С. К. Акимов (Бердянск)

Внедрение информационных технологий в жизнь современного человека имеет как позитивные, так и негативные последствия. Отрицательными последствиями длительного, нецелесообразного использования человеком информационных технологий является сужение круга интересов, уход от реальности в виртуальный мир и развитие интернет-аддикции.

Важным моментом процесса удовлетворения информационной потребности у интернет-аддиктов следует рассматривать наличие выраженного противоречия

между отходом аддиктов от адекватного информационного взаимодействия с объективной действительностью и нарастающей потребностью в новой информации из сети. Как попытка псевдоразрешения указанного противоречия и может приниматься факт формирования у интернет-аддиктов представления виртуальной реальности, во многом противоречащего объективным связям и отношениям, но при этом регулирующего их жизнедеятельность.

Целью нашей работы является рассмотрение особенностей переработки информации интернет-аддиктами при использовании Интернета.

На основании применения критерия внутренней или внешней локализации источника информационного взаимодействия и критерия осознанности или неосознанности выделяются различные формы информационных процессов системной организации личности. Их можно рассматривать в определенной последовательности с точки зрения критерия активизации всё более глубоких личностных образований. Такая последовательность по своему содержанию вполне соответствует уровням построения движений, предложенным Н.А. Бернштейном (Н.А. Бернштейн, 1991). В свою очередь, согласно с иерархически организованными уровнями построения действий могут быть представлены и формы информационных процессов личностной организации: рефлексов, целесообразных автоматизмов, осмысленного реагирования и самоорганизации.

Рефлексивный уровень принятия решений организует реакции на поступившую информацию о возникших потребностях с учетом силы и подвижности нервных процессов в форме различных рефлексивных вариантов.

Уровень целесообразных автоматизмов служит для ответа на внешнюю информацию среды с использованием памяти и эмоций. В процессе реализации его функций формируются автоматические привычные действия – поведенческие стереотипы с возможностями интуитивных решений.

Уровень осмысленного реагирования организует реакции и действия на поступившую внешнюю информацию через волевые навыки и реализацию функций мышления. Этот уровень необходим для принятия рациональных решений в необычных изменяющихся условиях и, естественно, на основании учета внешних обстоятельств.

Уровень самоорганизации личности реализуется для разрешения противоречий самой личностной организации, давая ответ через убеждения. Решения на этом уровне принимаются на основании и в направлении изменений мировоззренческих и духовных ценностей, что позволяет определять новые отношения в информационной структуре личностной организации, устанавливать новые жизненные цели, критерии и ориентиры.

Повышение уровня связей в структурной иерархии информационных процессов соответствует активизации более "глубоких" личностных образований. На основе базисного механизма ориентировочной реакции может сформироваться сложный процесс "принятия нового" через формы информационных процессов личностной организации от уровней неосознанных рефлексов и целесообразных автоматизмов до уровней осмысленного реагирования и самоорганизации (С.К. Акимов, В.В. Плохих, 2012).

В зависимости от количества задействованных уровней информационных процессов личностной организации удовлетворение информационной потребности может проходить как через осмысление и понимание "новой информации", так и через ориентировочную реакцию на новые впечатления.

Далее, согласно биологической модели удовлетворения информационной потребности, в мозгу человека происходит активация эндогенных морфинов, которые

через положительные эмоции влияют на дальнейшую мотивацию человека к познавательной деятельности (В.М. Кроль, 2003).

Если в целях удовлетворения информационной потребности были задействованы все уровни информационных процессов личностной организации и "новая информация" прошла через процесс понимания, осмысления, исследования и творчества, то мотивация к познавательной деятельности несет конструктивную, исследовательскую направленность. В случае с частичным, редуцированным использованием уровней информационных процессов личностной организации и использованием ориентировочной реакции для удовлетворения информационной потребности мотивация к познавательной деятельности несет преимущественно потребительский характер.

Процесс переработки информации человеком при использовании Интернета представляет замкнутый контур, в котором реакция на "новую информацию" из сети ведет к определенному выбору действий, которые в свою очередь ведут к последующему принятию "новой информации".

Проведенные нами исследования показали, что у интернет-аддиктов наиболее выражены потребительские ценности и гедонистическое отношение к жизни, наблюдаются проблемы с суждениями на основе линейных взаимосвязей, абстрактного мышления и динамического синтеза. Интернет-аддикция приводит к сужению временной перспективы жизнедеятельности путем сокращения перспективы будущего, акцентирования внимания на негативных событиях прошлого и стремления к немедленному получению удовольствия и сиюминутному удовлетворению желаний (С.К. Акимов, 2012).

С развитием интернет-аддикции происходит регресс в информационных процессах системной организации личности на уровнях осмысленного реагирования и самоорганизации, что ведет к преимущественной локализации процессов переработки информации на уровне автоматизмов и рефлексивных реакций. В связи с этим мотивация к познавательной деятельности трансформируется в мотив получения положительных эмоций за счет увеличения потока новой информации и новых впечатлений. Как следствие, конструктивная мотивация, ведущая к познавательной (исследовательской) деятельности, вытесняется потребительской мотивацией и стремлениями гедонистического характера.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА С ИХ ПОСТТРУДОВОЙ АДАПТАЦИЕЙ

А.В. Алексеева (Москва)

В последнее десятилетие в связи с увеличением продолжительности жизни человека заметно возрос интерес к геронтологическим проблемам. Необходимость сохранения активной жизни в пожилом возрасте – одна из актуальных тем современных исследований. В научной литературе все более утверждается точка зрения, согласно которой старение не может рассматриваться как простая инволюция, угасание или регресс. Старение рассматривается как продолжающееся становление человека. Работа с пожилыми людьми, например, тренинговые программы по благополучной адаптации, по саморазвитию и развитию творческих способностей будут укреплять связь между поколениями, и улучшать качество жизни человека. Социально-психо-

логический тренинг – это активные процессы самопознания и самосовершенствования, улучшение эмоционального состояния участников, возможность становиться более уверенным в себе, развитие техник межличностного общения, чувства принадлежности к группе, а также эмоциональная разгрузка, выражение сильных чувств. Целью исследования является изучение взаимосвязи компонентов мотивационно-потребностной сферы пожилых людей и особенностей их адаптации в посттрудовой период.

Предмет исследования – проявления мотивационно-потребностной сферы пожилого человека.

В процессе подготовки исследования было сформулировано предположение о взаимосвязи конкретных характеристик мотивационно-потребностной сферы (социально-психологических установок личности, полимотивационных тенденций «Я-концепции», направленности и потребностей) с показателями социально-психологической адаптации в пожилом возрасте.

В современной психологии делается упор на комплексный подход к процессу жизни, дающий возможность грамотного осмысления структуры «Я» пожилого человека и понимания процесса старения личности.

Под социальной адаптацией обычно понимают постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды, и результат этого процесса. При этом выделяются два уровня адаптированности: адаптацию и дезадаптацию. Адаптация – достижение оптимального взаимодействия между личностью и средой за счет конструктивного поведения, дезадаптация – отсутствие оптимального взаимодействия вследствие недоминирования неконструктивных реакций или несостоятельности конструктивных подходов.

Тренинговые занятия с пожилыми людьми являются одним из наиболее эффективных видов работы.

Были выделены следующие показатели мотивационно-потребностной сферы, отличающие людей пожилого возраста: в качестве доминирующих социально-психологических установок были выявлены установки на альтруизм, свободу; значимыми являются денежная сторона жизни и общая ориентация на благополучие, вера в хорошее, надежда на изменения к лучшему. Также следует сказать о том, что никто из испытуемых точно не определяет сроки выполнения их потребностей; обнаружилось доминирование поддерживающих мотивов личности над развивающими, то есть общежитийский мотивационный профиль личности. При анализе типов мотивационных профилей следует отметить, что самым характерным для этой группы испытуемых (16 человек, 40%) является уплощенный тип. Он отражает недостаточную дифференцированность мотивационной иерархии личности, ее бедность; свойственен в большинстве случаев средний уровень потребностей в поиске впечатлений: с одной стороны, открытость опыту, с другой – рассудительность; средний уровень адаптации испытуемых. Сильная взаимосвязь выявлена между показателями «общение» – «комфорт», «общение» – «результат», «общение» – «общая активность», «общение» – «творческая активность», «общая активность» – «творческая активность», «творческая активность» – «общественная полезность», «свобода» – «труд», «самопринятие» – «интернальность», «власть» – «потребность в поиске ощущений», «власть» – «эмоциональная комфортность», «адаптация» – «потребность в поиске впечатлений»

На следующем этапе нашего исследования нами была разработана и проведена программа занятий по облегчению социально-психологической адаптации лиц пожилого возраста. Цель тренинговой программы – облегчение социально-психологической адаптации людей пенсионного возраста к посттрудовой деятельности. После

проведения тренинговых занятий в экспериментальной группе проводилось повторное измерение изучаемых параметров, как в экспериментальной, так и в контрольной группах. На высоком уровне значимости установлены различия в экспериментальной группе испытуемых по параметрам «творческая активность» ($U=107,5$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$), «адаптация» ($U=56$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$), «принятие других» ($U=87$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$), «эмоциональная комфортность» ($U=84$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$). Также установлены различия в экспериментальной группе испытуемых по параметрам «общая активность» ($U=134,5$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$), «комфорт» ($U=137$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$), «общественная полезность» ($U=128,5$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$), «потребность в поиске впечатлений» ($U=134,5$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$), «интернальность» ($U=124$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$). В контрольной группе испытуемых установлены различия по параметрам «общая активность» ($U=94$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$), «принятие других» ($U=125,5$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$), «стремление к доминированию» ($U=134$, 114 при $p \leq 0,01$, 138 при $p \leq 0,05$).

Следует говорить о позитивных возможностях использования тренинга и положительной динамике критериев по всем методикам в экспериментальной группе (по некоторым показателям – не весьма прогрессирующим, но в большинстве случаев – достаточно показательным и эффективным). Это можно продемонстрировать по следующим критериям: общественная активность, творческая активность, комфорт, общественная полезность, потребность в поиске впечатлений, адаптация, принятие других, эмоциональная комфортность, интернальность.

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СПОРТСМЕНОВ

А.В. Алешичева (Харьков)

Целью работы было изучение состояния психического здоровья личности спортсменов. Основным постулатом в рабочей гипотезе было предположение о негативном влиянии на психику спортсменов экстремальных условий спортивной деятельности, приводящем к ухудшению состояния психического здоровья личности и, следовательно, к большой «цене», которой спортсмены платят за рекорды и победы.

В исследовании были использованы методы теоретического анализа, психодиагностики, наблюдения и статистической обработки данных с привлечением корреляционного и факторного анализа. Объем выборки составлял 460 спортсменов разного пола, возраста и спортивной квалификации.

В результате исследования установлены различия в уровнях выраженности качеств личности между спортсменами с небольшим стажем спортивной деятельности и уровнем квалификации и лицами, не занимающимися спортом, незначительные.

Показано, что увеличение длительности занятий спортом и ростом спортивной квалификации, сопровождается повышением степени выраженности негативных качеств личности таких как тревожность, ригидность, фрустрация, депрессия, агрессивность, раздражительность, завистливость, жесткость, гипервозбудимость и ряда других.

Изменения личностных качеств снижают состояние психического и социального здоровья параллельно увеличению времени занятий спортом.

Спортсмены, имеющие одинаковый спортивный стаж, возраст и пол, но занимающиеся разными видами спорта, претерпевали разную степень изменений качеств и свойств личности. Показано, чем в большей степени спортивная деятельность насыщена стрессогенными и экстремальными ситуациями, тем более значительные негативные изменения на уровне отдельных качеств личности регистрируются у спортсменов, т.е. экстремальность вида спорта является одной из главных причин негативных изменений свойств и качеств личности спортсменов.

Устойчивость спортсменов к повреждающим стрессогенным и экстремальным факторам более высокая у спортсменов с небольшим спортивным стажем и у занимающихся видами спорта не насыщенном повреждающими факторами. Выявлена существенная зависимость развития негативных качеств личности от психологической, эмоциональной, соревновательно-эмоциональной устойчивости, которые с повышением стажа спортивной деятельности приобретают для спортсменов большую значимость. У спортсменов со стажем, мотивация к успеху снижается, а к избеганию неудач – растет.

Чем больше у спортсмена спортивный опыт, тем в большей степени ухудшается его текущее эмоциональное состояние и превалируют демобилизующие компоненты психики. Ценностные ориентации личности начинающих спортсменов в большей мере сосредоточены на собственном «Я», а у высококвалифицированных – на окружающих, близких, обществе.

Установлены гендерные различия в показателях психического и социального здоровья личности. Женщины, по сравнению с мужчинами, имеющими один возраст и длительность занятий спортом, имеют более низкий уровень этих видов здоровья. На состояние психического здоровья женщин-спортсменок влияет учет или неучет ими интенсивности физических и психических нагрузок в разные фазы менструального цикла. Большие нервно-психические напряжения в предменструальную, менструальную и овуляторную фазы овариально-менструального цикла ведут к угнетению эмоционального состояния, к росту компонентов демобилизующих психику, эмоциональному дискомфорту и, как результат, значительному ухудшению психического и социального здоровья.

Выделено восемь обобщающих факторов психического здоровья личности, существенно влияющих на его состояние. К ним относятся следующие: адаптация, качество жизни, психологическая устойчивость, тревожность, напряжение, психическое утомление, надежность и упорядоченность. Степень влияния этих факторов на психическое здоровье личности находится в прямой зависимости от длительности занятий спортом, взаимоотношений спортсмена с окружающими и насыщенности спортивной деятельности стрессогенными факторами. Рост спортивного мастерства стажа, сопровождается ухудшением показателей названных факторов, проявляющихся в увеличении соматических симптомов, бессоннице, социальных дисфункций, психическим утомлением.

У спортсменов высокого класса растет принятие себя, окружающих, ожидание внутреннего контроля, эмоциональный дискомфорт и рост психовегетативных нарушений. Психическая надежность и устойчивость у них также снижаются. Указанные изменения более выражены при занятиях видами спорта с большей степенью экстремальности.

Вычисление информационных показателей (энтропии общей и относительной и коэффициента избыточности) свидетельствует о дезорганизации компонентов психического здоровья у опытных спортсменов, о снижении их упорядоченности и

ослаблении его функций, что трактуется как объективное подтверждение ухудшения психического здоровья параллельно с увеличением времени занятий спортом.

СРАВНЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ПРОФИЛЕЙ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ОПРОСНИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (ОНХ) И МЕТОДИКИ ТРЕХ ЧЕРТ

Е.А. Алямкина (Дубна)

Цель исследования – разработка и апробация процедуры анализа ответов (далее называемая «методикой трех черт»), позволяющей получать результаты, сопоставимые с результатами других методов (на примере Опросника Национального Характера, ОНХ). Критерием успешности (валидности) этой разработки может быть достаточно существенное подтверждение уже описанных результатов относительного психокультурного сходства трех целевых этнических групп и сходства их личностных профилей (Мещеряков Б.Г., Шаманина Е.А., Алик Ю. Сравнительный анализ трех проекций национальных характеров русских, мокшан и эрзян // Культурно-историческая психология. 2013. №1. – С. 33-43).

Выборка состояла из 150 студентов Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, из которых 50 были русские, 50 – эрзя и 50 – мокша. Средний возраст по всей выборке составил 20 лет.

Методика. Респонденты трех этнических групп (русские, мокша и эрзя) оценивали с помощью ОНХ личностные черты следующих заданных «объектов оценки»: 1) русский вообще; 2) русский, живущий в Мордовии; 3) мордвин; 4) эрзянин; 5) мокшанин и 6) себя лично. Индивидуальные оценки респондентов в каждой этнической группе усреднялись, давая личностные профили по 30 субшкалам, дополнительно группируемых по 5 факторам Большой Пятерки (N – «нейротизм», E – «экстраверсия», O – «открытость опыту», A – «доброжелательность» и «C» – «сознательность»). Таким образом, возникает 18 личностных профилей, по три для каждого из 6 объектов оценки.

Еще один методический подход к исследованию представлений респондентов о национальном характере русских, эрзя и мокшан – методика трех черт, основанная на прямых вопросах о трех положительных и трех отрицательных чертах этих этногрупп («Какие черты характера Вы больше всего цените у русских/эрзян/мокшан?» и «Какие черты характера Вам не нравятся у русских/эрзян/мокшан?»).

Результаты. Показатели силы ответов (частоты ответов, взвешенные в соответствии с порядком их встречаемости) для положительных и отрицательных черт по трем объектам оценки в каждой группе респондентов ранжировались, и, таким образом, были выделены «ведущие» черты характера трех этногрупп.

Во всех этногруппах в положительных характеристиках типичного представителя своего этноса на первое место вышла доброжелательность, а на третье – честность. Отрицательные автостереотипы показывают более высокое разнообразие. На первое место в отрицательном автостереотипе русских представлена лень, тогда как у двух мордовских этносов – упрямство.

Полные списки черт вместе с показателями силы ответов использовались для количественной оценки различий между этническими группами теми же способами (корреляции и евклидовы расстояния), как и при анализе личностных профилей, по-

лученных с помощью ОНХ. Для того чтобы сравнить результаты двух разных методик, необходимо их представить в одном формате. Для этого результаты из Методики анализа черт были семантически сгруппированы (в соответствии с 5-факторной моделью личности, а также по Атласу личностных черт Шмелева А.Г.) по пяти факторам БП. В результате было получено также 9 личностных профилей черт – 3 автостереотипа и 6 гетеростереотипов.

Анализ сходства между распределениями показателей силы ответов в автостереотипах черт характера демонстрирует, что при оценке положительных черт своих типичных представителей эрзяне и мокшане расходятся в большей степени, чем при оценке отрицательных черт. В положительных автостереотипах наибольшее сходство показывают русские и мокшане, что согласуется с результатами, полученными с помощью опросника ОНХ, где было получено наибольшее сходство для группы русские-мокша.

На основании данных, были построены графики оценок факторов большой пятерки по ОНХ и методике трех черт. Анализируя личностные профили, отметим следующие их явные совпадения и расхождения с результатами ОНХ в минимумах и максимумах по каждому фактору:

По Нейротизму (N) самое низкое значение наблюдается у автостереотипа эрзян (2) и такой же результат имеет место в данных по ОНХ. Однако самый высокий уровень нейротизма у автостереотипа русских (20) не совпадает с тем, что выявляет ОНХ.

По фактору Экстраверсия нет точных совпадений минимума и максимума по двум методикам.

По фактору Открытости получено совпадение в максимумах: автостереотипы русских, но не в минимумах.

По фактору Доброжелательность отмечается совпадение как максимумов (автостереотип эрзян), так и минимумов (эрзянские респонденты так оценивают мокшан), т.е. эрзяне выше всех оценивают это качество у себя (87), а ниже всех у мокшан (-59).

По фактору Сознательность имеет место совпадение в максимумах (автостереотип эрзян), но не в минимумах.

Таким образом, из 10 сравниваемых точек (максимум и минимум по 5 факторам) профилей, построенных довольно разными методиками, обнаружено 50 % совпадение, что, очевидно, значительно выше случайного уровня. Кроме того, по результатам обеих методик заметна идентичная закономерность монотонного снижения значений в последовательности от автостереотипа к гетеростереотипам по фактору Доброжелательность.

Более полную оценку степени сходства профилей по обоим методикам можно дать с помощью коэффициентов корреляций. В целом по 9 личностным профилям (т.е. по 45 парам значений) коэффициенты корреляции оказались положительными и значимыми: r (Пирсона) = 0,369 ($p < 0,05$), r (Спирмена) = 0,342 ($p < 0,021$).

Если рассматривать степень межгруппового сходства пар личностных профилей, то для автостереотипов обе методики демонстрируют вполне согласующиеся результаты. Обе методики и по корреляциям и по расстояниям показывают самое большое сходство автостереотипов для мордовских субэтносов (максимальные коэффициенты корреляции и минимальные расстояния), самое низкое сходство для пары русские – эрзяне (минимальные коэффициенты корреляции и максимальные расстояния).

Таким образом, можно сделать выводы, что методика трех черт, будучи значительно более простой, позволяет давать сопоставимые и согласующиеся результаты с методикой «Опросник национального характера».

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОЯВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ОШИБОК В ПРОЦЕССЕ СЕНСОМОТОРНОГО НАУЧЕНИЯ

Н.В. Андриянова (Санкт-Петербург)

Данная работа направлена на описание феномена устойчивых ошибок и прогнозирование появления устойчивых ошибок в процессе сенсомоторного научения с помощью регистрации времени реакции при совершении ошибок в начале процесса научения.

Существуют различные классификации ошибок, в большинстве из них возникновение ошибок объясняется определенным сбоем, ограниченностью ресурсов (Reason, Norman). В более современных работах ошибки рассматриваются как закономерности работы психики и сознания. Согласно В.М. Аллахвердову, человек в процессе сенсомоторного научения обычно не делает преднамеренных ошибок. Ошибка является ошибкой только с точки зрения экспериментатора или инструкции. Для человека она может быть следствием каких-то иных принятых им решений. Например, при решении некоторых однотипных задач человек заранее, не всегда осознавая это, определяет, что не может справиться со всеми задачами безошибочно, определяет вероятность правильности своих действий, при этом имплицитно выбирает для себя те конкретные задачи, в которых будет допускать ошибки. Так появляются устойчивые ошибки. Действительно, в процессе сенсомоторного научения человек склонен неосознанно повторять как правильные, так и ошибочные ответы, а для этого он должен помнить, что именно он не осознал ранее. В экспериментальных исследованиях было также показано, что время повторяющейся ошибки меньше, чем время перехода на правильный ответ, и чем время одиночной ошибки (Hajcak, Simons).

Актуальность исследования: Проблема совершения ошибок и причин их возникновения является актуальной в настоящее время. Получено много данных о закономерностях совершения и повторения ошибок в процессе научения. Однако такие закономерности регистрируются, как правило, после завершения процесса научения, в ходе которого происходит закрепление ошибок. Данная работа направлена на обнаружение устойчивых ошибок на начальном этапе процесса научения, что позволит своевременно корректировать такие ошибки и не допускать их закрепления. Кроме того, данные позволят расширить представления о природе устойчивых ошибок, об их связи с закономерностями работы сознания.

Цель исследования: описание феномена устойчивых ошибок и определение особенностей ошибочных ответов в начале процесса сенсомоторного научения, которые способствуют прогнозированию устойчивых ошибок при продолжении процесса научения.

Гипотеза исследования: показатели времени реакции на данный стимул при совершении ошибки в начале процесса научения позволяют предсказывать появление ошибок и их устойчивость по мере продолжения научения.

Метод исследования: эксперимент (регистрация появления ошибок при предъявлении разных, но однородных стимулов). Испытуемым на экране компьютера на 200 мс предъявляются по одному 120 циферблатов часов, показывающих время. После предъявления каждого стимула на экране появляется ячейка, в которую испытуемому нужно вписать время, которое было показано на циферблате. Стимулы сгруппированы в 10 серий, в каждой серии используется 12 разных показаний, эти показания повторяются в каждой серии в разном порядке. В процессе выполнения задания у испытуемого регистрируются ответы и время реакции на стимулы. Сравниваются

время правильных ответов, время одиночных ошибок, время устойчивых ошибок в начале процесса научения (первые ошибочные ответы на данный стимул) и время устойчивых ошибок при продолжении процесса научения (повторные ошибочные ответы на данный стимул). Будем также различать устойчивые ошибки замены (одинаковые ошибочные ответы на стимул) и устойчивые ошибки пропуска (идущие подряд разные ошибочные ответы на стимул). Предполагается, что быстрая реакция на стимулы во время совершения ошибки в начале выполнения экспериментальной задачи будет являться основанием того, что именно в этих стимулах испытуемый будет совершать устойчивые ошибки.

В исследовании приняли участие 30 испытуемых в возрасте от 20 до 30 лет.

Результаты:

1. Для устойчивых ошибок замены обнаружены статистически достоверные различия во времени реакции при правильных ответах и при устойчивых ошибочных ответах по сравнению со временем реакции при одиночных ошибочных ответах ($p < 0,01$) при парном сравнении по Т-критерию для связанных выборок. При совершении одиночных ошибок время реакции достоверно выше, чем при правильных ответах и при устойчивых ошибках в начале и продолжении процесса научения ($p < 0,01$). Сравнение времени одиночных ошибок и устойчивых ошибок в начале процесса научения позволяет определить, в каких стимулах будут повторяться устойчивые ошибки замены при продолжении процесса научения. Для ошибок пропуска таких различий не обнаружено.

2. Однако обнаружены статистически достоверные различия времени реакции при правильных ответах перед устойчивыми ошибками пропуска в начале процесса научения и перед одиночными ошибками при парном сравнении по Т-критерию для связанных выборок. Перед устойчивыми ошибками время правильных ответов статистически достоверно выше, чем перед одиночными ошибками ($p < 0,05$). Таким образом, наблюдается замедление времени реакции перед устойчивыми ошибками в начале процесса научения, которое позволяет прогнозировать повторение ошибок пропуска в этих стимулах при продолжении процесса научения. Для ошибок замены таких различий не обнаружено.

Выводы:

1. При опознавании разных, но похожих друг на друга стимулов у испытуемых возникают устойчивые ошибки

2. Показатели времени реакции при совершении устойчивых ошибок замены в начале процесса научения позволяют предсказывать появление ошибок и их устойчивость по мере продолжения научения

3. Для устойчивых ошибок замены характерно более выраженное уменьшение времени реакции по сравнению с одиночными ошибками, чем для устойчивых ошибок пропуска

4. По времени правильных ответов перед устойчивыми ошибками пропуска в начале процесса научения можно предсказывать повторение этих ошибок по мере продолжения научения

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 11-06-00287а (рук. В.М. Аллахвердов).

СТРУКТУРА ТЕЛЕСНОГО Я ЛИЧНОСТИ

Л.О. Андропова (Тула)

Анализ исследований представленности в сознании различных аспектов телесного опыта, показал, что они не только не проясняют уже существующие дефиниции, но и подменяют одни понятия другими. Заявляя в теме исследования «телесное Я», далее авторы оперируют понятиями «образ телесного Я», «физическое Я», «концепция тела», «схема тела» и другими. Разнообразны и подходы к структуре телесных феноменов и, поскольку за каждой дефиницией телесного Я стоят различные эмпирические факты и теоретические конструкции, этот вопрос требует конкретизации. Поэтому мы считаем, что для расширения предметного поля исследования телесного Я личности необходимо выделить его определение и представить структуру.

Телесное Я человека является одним из важнейших компонентов всего Я-образа личности, так как тело мы можем наблюдать и оценивать постоянно. Восприятие тела состоит из психического, эмоционального, физического, исторического аспектов. По мнению исследователей в области телесности здоровое тело предполагает подвижность телесного Я при неизменной телесной схеме, внутренний стержень, реалистичность собственного телесного образа и объемность своего тела, видение его в трех измерениях

В психологии существуют различные подходы к определению места и роли телесного Я в структуре Я-концепции личности – от почти полного исключения его из структуры самосознания до рассмотрения телесного Я как одного из ведущих факторов организации психики. На основе изучения различных исследований, мы выделили несколько основных определений, которые, так или иначе, отождествляются с телесным Я.

Чаще всего это происходит с дефиницией «образ телесного Я». Агарева М.В. в своем исследовании определяет образ телесного Я как качество личности, составляющее телесно-чувственную основу сознания, включающее в себя ментальное представление о теле (мысли, эмоции, знания), образующее зрительную картину, в основе которой находятся образы-впечатления человека о себе. Никитин В.Н. считает, что образ телесного Я – это интегральное психическое образование, социально-культурный продукт, складывающийся в процессе развития и постижения личностью своей телесной самоидентичности. Соколова Е.Т. под «образом тела» понимает «сложное комплексное единство восприятия, установок, оценок, представлений, связанных с телесной внешностью и с функциями тела»

В исследованиях, посвященных телесному Я, также используется понятие «схема тела» как конструируемая мозгом модель тела, отражающая его структурную организацию и представленная в соответствующих сенсорно-моторных зонах мозговой коры. Схема тела обеспечивает регуляцию положения частей тела, контроль и коррекцию двигательного акта в зависимости от внешних условий. Физиологическую основу схемы тела составляет функциональная система нейронов коры головного мозга, интегрирующая поток чувствительных импульсов от собственного тела и его частей.

Еще одна дефиниция используемая при рассмотрении телесного Я - это «концепция тела». Р. Шонц предлагает понимать под «концепцией тела» один из уровней «образа тела», включающий формальные, общепринятые знания о теле, как организме, которые могут быть выражены при помощи известных символов. Все части тела, их

функции и взаимодействия изучены человеком, обозначены в соответствующих понятиях и пределах нормы и патологии. Подобное рациональное осознание тела позволяет человеку поддерживать здоровье, распознавать и бороться с болезнями.

Мы считаем, что феномен телесного Я можно обозначить как психическое представление собственного тела, которое является исходной точкой для развития Я и выполняет центральную функцию Я. Все рассмотренные нами феномены, представляющие в сознании различные аспекты телесного опыта, мы объединили в структуру телесного Я. Структура телесного Я включает в себя три основных компонента:

1. Эмоциональный компонент – восприятие, установок, оценок, представлений, связанных с телесной внешностью и с функциями тела. Его обозначают чаще всего как «образ тела»

2. Когнитивный компонент – знания о теле, как организме, которые могут быть выражены при помощи известных символов, это определение характеризует «концепцию тела».

3. Функциональный компонент – обеспечивает регуляцию положения частей тела, контроль и коррекцию двигательного акта в зависимости от внешних условий, ему соответствует определение «схема тела».

Кроме того, важной составляющей телесного Я является «архетип интернального тела» (телесного бессознательного), который проявляется в некоторых основных архетипических образах направленной визуализации, которые принципиально отличаются от сенсорных образов тела.

В данной структуре телесного Я отражено авторское понимание этого понятия, сформированное на основе анализа исследований различных психологических телесных феноменов. Представленная структура, возможно, не включает некоторые параметры и требует доработки, однако позволяет определить место и роль тех или иных телесных аспектов, изучаемых в психологии.

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О.А. Артемьева, О.В. Синева (Иркутск)

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 12-06-31093) и гранта Президента Российской Федерации (№ МК-2419.2012.6)

Проблематика истории становления и развития отечественной практической психологии является относительно новой. Наиболее активно она обсуждается последние двадцать лет интенсивного развития психологической практики в России.

Обширный материал для анализа закономерностей развития практических психологических течений предоставляет период первой половины XX столетия. На это время приходится активное становление практико-ориентированных направлений отечественной психологической науки в послереволюционный период, их фактическая ликвидация в 1930-е гг., а также период латентного развития соответствующих идей в годы Великой Отечественной войны (В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник, А.В. Брушлинский, Н.С. Курек, С.А. Богданчиков и др.). Накопленный опыт историко-научного и методологического осмысления закономерностей развития отечественной психологии первой половины XX века позволяет рассматривать педологию, психотехнику и психоанализ в качестве ее самостоятельных практико-ориентированных

направлений. Признавая, вслед за С.А. Богданчиковым, О.Г. Носковой, А.А. Пископелем, Ф.Е. Василюком и др. системный характер данных течений, отражающий единство теоретико-методологических и практико-прикладных аспектов, для их обозначения мы используем термин «научно-практические».

Проблеме развития указанных направлений уделяется значительное внимание в современных историко-психологических публикациях. Анализ становления педологии, психотехники и психоанализа в России и Советском Союзе представлен в научных источниках различного характера. Во-первых, это учебники по истории психологии (А.Н. Ждан, Т.Д. Марцинковская) – обобщающие работы, принятые и признанные научным сообществом, в которых отражается логика развития психологической науки в целом, и научно-практических ее направлений, в частности. Во-вторых, монографии и диссертационные исследования, посвященные истории развития тех или иных научно-практических течений (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник, Б.Н. Тугайбаева, Н.С. Курек, А.М. Эткинд, В.И. Овчаренко, В.М. Лейбин, О.Г. Носкова, О.А. Артемьева, Ю.Б. Плавинская и др.). В-третьих, публикации в периодических изданиях, затрагивающие некоторые частные исторические и методологические аспекты изучения научно-практических направлений (А. Ясницкий, С.А. Богданчиков, А.А. Пископель, А.И. Белкин, А.В. Литвинов, В.М. Лейбин, В.И. Овчаренко, О.Г. Носкова и др.).

Большинство работ концентрируют внимание на истории и периодизации развития одного либо двух (педологии и психотехники) направлений, обращаясь к тем или иным аспектам динамики их становления, а также социальным и научно-социальным условиям, ее детерминирующим. Отдельные научно-практические течения чаще рассматриваются изолированно друг от друга, определяя предмет самостоятельных исследований.

Вместе с тем, на наш взгляд, назрела необходимость системного анализа единого процесса развития научно-практических направлений отечественной психологии начала XX века (психоанализа, психотехники и педологии), что обусловлено следующими факторами. Во-первых, это развитие осуществлялось в единых социокультурных, политических и экономических условиях, определивших сходство «исторической судьбы» различных научно-практических направлений. Во-вторых, результаты научной коммуникации, а также факты научных биографий отечественных психологов позволяют обнаружить глубинные внутренние взаимосвязи отдельных течений внутри «научно-практической отрасли», нашедшие свое отражение в процессуально-динамических и содержательных характеристиках ее истории. В-третьих, подобного рода подход не только позволит вскрыть общие закономерности становления отдельных практико-ориентированных направлений психологической науки, но будет способствовать формированию представления о специфике развития научно-практической отрасли психологии в целом – в социокультурном и политическом контексте России 1920–1930-х гг. Разработка данной проблематики представляется актуальной в современных условиях повышенного интереса к прикладной и практической психологической деятельности.

Видится возможным выдвижение следующей гипотезы: история развития научно-практических направлений отечественной психологии в первой половине XX столетия может быть представлена в виде пяти основных периодов:

1. Подготовительный период – 1901-1920 гг.
2. Период становления, институционального оформления научно-практической психологии в СССР – 1921-1925 гг.

3. Период методологических дискуссий, самоопределения, организационного оформления научно-практической психологии в СССР – 1926-1930 гг.

4. Период преследования, ужесточения контроля, влияния советской научной политики на развитие научно-практических направлений – 1931-1936 гг.

5. Период латентного развития советской научно-практической психологии в виде отдельных исследований практико-ориентированного характера – 1937-1950 гг.

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВНУТРЕННЕГО ДИАЛОГА

Д.А. Астрецов (Москва)

В современной психологии наметились две основные линии рассмотрения проблемы внутреннего диалога – западная, развиваемая Хермансом, Олесем и другими, и отечественная, развиваемая Столиным, Визгиной, Соколовой и другими. Понятие внутреннего диалога является центральным в работах Х. Херманса (Hermans, 2001). Фактически он определяет его как основной механизм работы сознания. «Я» по Хермансу можно определить как динамическую множественность относительно независимых Я-позиций. Каждая такая Я-позиция основана на какой-либо социальной роли (я как отец, я как сын и т.д.), на ценностях (я как хороший семьянин, я как честный работник и т.д.). Херманс подчеркивает, что эти позиции не существуют независимо друг от друга, они могут вступать во взаимодействие и выступают как равноправные участники диалога. Как и в реальном диалоге, исход может быть различным: конфронтация позиций, доминирование одной над другой, создание новой компромиссной позиции.

На основе представления Херманса о диалектическом характере сознания были созданы различные психологические методики, направленные на выявление различных Я-позиций и их характеристик (например, Puchalska-Wasył, Chmielnicka-Kuter, Oles, 2008; Oleś, Brygola, Sibińska, 2010; Batory, 2010). Остановимся чуть подробнее на первой работе.

В ней приводится исследование особенностей внутреннего диалога с точки зрения, во-первых, его функций и, во-вторых, с точки зрения видов внутренних собеседников, которые в нём участвуют. Виды собеседников были выделены на основе результатов испытуемых по опроснику, выявляющему эмоциональный климат каждого из внутренних собеседников. В исследовании представлено 4 измерения эмоционального климата: эмоции, связанные с мотивом самоутверждения, связанные с потребностью в контакте с другим, а также позитивные и негативные эмоции. В результате кластерного анализа были выделены 4 основных вида собеседников:

- Преданный друг: любящие и заботливые, выстраивающие прочные отношения с человеком

- Гордый соперник: самоуверенные и автономные собеседники, уверенные в собственном превосходстве

- Беспомощный ребёнок: изоляция, чувство бессилия. Такие собеседники сначала хотят получить помощь от других, но в конце концов отчаиваются и погружаются в переживание своего бессилия

- Амбивалентный родитель: сильные и любящие собеседники, но одновременно сильно критикующие своего оппонента.

Также авторами было выделено 7 функций внутреннего диалога: поддержка, замена, исследование, связь, самоулучшение, инсайт, самоуправление. В результате сравнения показателей выраженности данных функций для каждого из вида собеседника были выявлены следующие феномены. Собеседники разбивались на группы по 2: преданный друг и амбивалентный родитель (значения функций выше среднего) и гордый соперник и беспомощный ребёнок (значения ниже среднего). В первой группе различие между собеседниками было лишь по функции поддержки (выше у преданного друга), во второй – по самоулучшению (выше у беспомощного ребёнка).

В отечественной науке также активно разрабатывалась проблема диалогичности сознания. Внимание ей посвятили, например, М.М.Бахтин, Л.С.Выготский Г.М.Кучинский, В.В.Столин, А.В.Визгина, А.В.Россохин, Н.С.Бурлакова, Е.Т.Соколова (см. Измагурова, 2006 для обзора). В отечественной психологии внутренний диалог рассматривается как реализация процессов мышления, а также процессов самосознания и смыслообразования. В диалоге возможно проявление новых для личности контекстов. Разрабатываются проблемы формы проявления внутреннего диалога, его специфики по отношению к внутренней речи в целом, способы его фиксации и анализа.

Приведём в качестве примера одно исследование, в котором использовалась схожая с приведённой выше методика, хотя теоретические основания работы были другие. В исследовании Столина и Визгиной (Столин, 1983) использовался метод управляемой проекции. Суть этого метода сводится к следующему: испытуемому предлагается два словесных портрета под видом описания конкретных людей. Один из них представляет собой описание самого испытуемого, сформулированный на основе результатов обработки личностного опросника 16 ЛФ Р.Кеттелла (персонаж Я), а другой – человека с противоположными качествами (персонаж не-Я). Испытуемому требовалось ответить на ряд вопросов о каждом из этих людей, а также описать возможные взаимоотношения испытуемого и каждого из представленных персонажей. Отношение испытуемого к персонажу Я и не-Я затем оценивалось по параметрам симпатия-антипатия (эмоциональная близость - далекость) и уважение-неуважение (признания заслуг – непризнание). В исследовании были выделены различные паттерны отношений, одни из которых авторы описывают как более зрелые (симпатия и уважение к обоим персонажам), другие – как невротические (антипатия и неуважение к персонажу Я и симпатия и уважение к не-Я). Однако все паттерны обладают поддерживающей функцией – даже если человек испытывает глубокую антипатию и неуважение к персонажу Я, он тем самым позволяет себе таким и оставаться, как бы говоря: меня уже не спасти. Персонаж не-Я при этом может обвинять и нападать на него за его слабость и неспособность к действию.

Таким образом, приведённые работы показывают, что имеется значительное сходство в отечественном и западном подходах к проблеме внутреннего диалога. Дальнейшая интеграция подходов необходима и может быть представлена в виде адаптации зарубежных методик, внесение смысла как единицы анализа внутреннего диалога в методологию исследований, поиск возможных способов объединения отечественных и западных концепций в единую теорию внутреннего диалога.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Н.А. Афлятунова (Уфа)

Актуальность психологического проектирования обусловлена такими детерминантами, как преобладание научных работ, выполненных в исследовательской парадигме, где главное предпочтение отдается описанию объекта. Данная тенденция в психологической науке приводит к ряду дополнительных проблем, одной из которых является поиск возможностей перевода знаний, полученных с помощью описания объекта на язык, с помощью которого возможно будет принять практическое решение.

Кроме этого, по мнению А.А. Грачева, еще одной детерминантой, которая обуславливает актуальность психологического проектирования, выступает оформление организационной психологии в самостоятельную дисциплину, что предполагает выделение ее специфических элементов: модели организации; рабочая модель человека, включенного в организацию и методы ее изучения; формы работы психолога в организации, связанные, в первую очередь, с принятием решения на основе полученных данных [А.А. Грачев, 2008].

На сегодняшний день концептуальная база психологии не дает возможности ученым осуществить подробное и обоснованное описание психологического проектирования как метода прикладной отрасли науки, не смотря на достаточно широкое изучение различных исследовательских подходов [Б.Ф. Ломов (1991), Ю.М. Забродин, В.В. Новиков (1992) и др.).

Б.Ф. Ломов в рамках исследования проблем прикладного психологического исследования выделил особый вид профессиональной деятельности психолога – проектную деятельность. Автор объясняет, что данный вид деятельности психолога, в первую очередь, связан с проектированием новых видов деятельности [Б.Ф. Ломов, 1991].

Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. отмечают, что с позиции подхода, опирающегося на принцип системности, инженерно-психологическое проектирование требует органического соединения двух линий и в создании проекта, и в его реализации. При этом, по мнению авторов, необходимо учитывать системный механизм психической регуляции деятельности при разработке средств деятельности, а также разработки методов подготовки человека-оператора как субъекта деятельности, уделяя особое внимание развитию его творческого потенциала [Н.Д. Завалова, Б.Ф. Ломов, В.А. Пономаренко, 1986].

Забродин Ю.М. в рамках исследования конструктивного подхода в психологии выделяет проектировочную функцию психологии. При этом В.В. Новиков и Ю.М. Забродин отмечают, что психологическое проектирование направлено на формирование идеального объекта, что еще раз подтверждает мысль о том, что одной из проблем психологии является ограниченная возможность переноса теоретического знания в практическую деятельность. Здесь же авторы делают важное замечание о том, что при проектировании условий жизни, отношений, технологий, орудий труда и т.д. психологу необходимо взаимодействовать со специалистами из других областей знаний. Это говорит о том, что современные ученые выступают за междисциплинарные исследования в психологии, поскольку данное направление исследований позволит приблизиться к практике [В.В. Новиков, Ю.М. Забродин, 1992].

Крылов А.А. и Климов Е.А., в свою очередь, отмечают, что анализ литературы, посвященной проектированию деятельности, обнаруживает, что в процессе проектирования используются методы, заимствованные из арсенала, сложившегося еще до постановки проблемы проектирования деятельности [А.А. Крылов, Е.А. Климов, 1998].

Грачев А.А., исследуя мотивационные ориентации персонала, указывает, что критериями эффективности, используемыми при психологическом проектировании, выступают жизненные интересы персонала, представленные в модели жизненных ориентаций человека. Эти ориентации в плане построения операциональной модели сводятся к трем основным – ориентации на удовольствие (дефицитарной ориентации), ориентации на самореализацию и духовной ориентации [А.А. Грачев, 2008].

Однако важно отметить, что согласно исследованиям К. Аргирис, не все руководители организаций готовы допустить психолога до процесса психологического проектирования структуры организации, системы контроля и взаимоотношений в коллективе. Автор отмечает, что лишь небольшая часть современных руководителей готовы сотрудничать с психологами в рамках управления организацией [С. Argyris, 1976].

Таким образом, мы можем отметить, что проблема психологического проектирования в организации на сегодняшний день остается острой. Связано это с тем, что знания, полученные в ходе теоретического исследования объекта, как правило, оказываются ненужными на практике в силу невозможности их применения. Еще одним немаловажным аспектом, ограничивающим возможности психологии как прикладной отрасли, является малое количество междисциплинарных исследований.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ МАСКУЛИННОСТИ-ФЕМИНИННОСТИ НА МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ СТУДЕНТОВ

Р.Х. Багова (Нальчик)

Особенности современного состояния Кабардино-Балкарской республики, Северо-Кавказского региона, связанные с обострением социально-экономических проблем, в ситуации фрустрации социальных потребностей порождают в социуме напряженность. В условиях обучения в полиэтнической среде это приводит к затруднениям, барьерам и конфликтам в общении. Эти проблемы порождаются в том числе гендерной спецификой общения в этнической культуре.

Данное исследование посвящено проблеме трудностей в общении, связанных с различными представлениями субъектов о нормах, обусловленных этническими и профессиональными факторами. Исследование затруднений, барьеров и конфликтов в общении, порождаемых этнокультурной некомпетентностью субъектов взаимодействия, а также противоречиями между требованиями к гендерной коммуникации профессиональной роли и традиционной культурой общения.

Одна из задач современной социо-этно-психологии, разрабатывающей проблему межэтнических трудностей общения в быту, в профессиональной сфере, на международной арене, заключается в определении устойчивых, стабильных характеристик субъекта затрудненного общения, объединяющих представления этнических групп, и динамических составляющих содержания представления о трудном партнере, разъединяющих их и изменяющихся под влиянием такой важной переменной как ролевая позиция партнера.

Требуют дальнейшего изучения основные причины и психологический механизм затруднений межэтнического общения с точки зрения гендерной принадлежности. Мы рассматриваем затруднения в общении как результат столкновения в психике субъекта межэтнического общения, норм родной культуры, с одной стороны, с нормами этнической культуры партнера, а с другой - со стандартами профессионального общения.

С целью выявления уровня маскулинности-феминности мы использовали полоролевой опросник Сандры Бем, и тест Романовой Н.М. «Рисунок мужчины и женщины», который позволяет выявить гендерные установки личности в сфере отношений полов. Выборку составили 52 испытуемых, студентов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик). Исследование проводилось на медицинском факультете, направление подготовки «сестринское дело», инженерно-техническом – направление подготовки «управление качеством», и математическом факультете. Использование методики «Рисунок мужчины и женщины», позволило выделить типичные паттерны восприятия межполовых отношений. Значительная часть испытуемых продемонстрировали гендерную установку независимости между мужчиной и женщиной, являющуюся индикатором отсутствия четкой эмоциональной выраженности. Гендерная установка независимости в средненормативной выборке составляет около 70% (по данным Н.М.Романовой), в нашей выборке на инженерно-техническом факультете- 61,1%, математическом- 42,7% и на медицинском факультете-35%. При этом обнаружили довольно значимые различия между юношами (51%) и девушками (38%), что позволяет предположить, что девушки в большей степени, чем юноши придают значение эмоциональной связи в межполовых отношениях. Такое положение может быть объяснено тем, что современные социокультурные условия поощряют женщин к проявлению эмоций и чувств, которые «настоящим мужчинам» предписывается сдерживать. Данная установка свидетельствует об эмоциональной сдержанности, пассивности, возможных проблемах с реализацией своей заинтересованности.

Гендерная установка «опора», это установка на партнера-друга, наиболее значим эмоциональный компонент, эмоциональное принятие противоположного пола, позитивные представления о взаимоотношениях полов. В средненормативной выборке Н.М.Романовой такая установка встречается в 10% случаев. В нашем случае 42% и в основном на медицинском факультете отделение «сестринское дело».

Гендерная установка «притяжение», раскрывающая сильную заинтересованность в контактах с противоположным полом, выявлена в 14% рисунков, различия между факультетами незначительны.

На четвертом месте установка «изоляция», встречающаяся в средненормативной выборке у 7-11%, в нашем исследовании так же наблюдается у 7% студентов и только на инженерно-техническом факультете. Это говорит о наличии отвержения, конфликта, фрустраций в гендерных отношениях.

Установка «индифферентность», (диагностируется при рисовании «механических» человечков с невыраженным полом) может интерпретироваться как показатель низкой значимости данной сферы жизни. Данная установка представлена на двух рисунках из общего числа исследуемых, по одному на инженерно-техническом и медицинском факультетах.

Установка «сотрудничество» имеет место, если фигуры нарисованы занятыми какой-либо совместной деятельностью. Количество рисунков с установкой на «сотрудничество» во всех трех исследуемых группах особо не отличается.

Если на рисунке изображена драка, персонажи замахиваются друг на друга, явно выражено противопоставление полов, то диагностируется установка «агрессия». Нами выявлен всего один рисунок с установкой «агрессия».

Таким образом, гендерная установка «независимость» является безусловно преобладающей в представленных рисуночных репрезентациях и более всего она выражена у студентов ИТФ, у которых выше маскулинность. У них же встречаются такие негативные установки, как «изоляция» и «агрессия». Позитивные установки «опора» и «сотрудничество» также в меньшей степени у них представлены по сравнению с другими факультетами.

Полученные нами результаты показывают, что повышение общего уровня маскулинности негативно влияет на взаимоотношения между полами. Это может привести к проблемам не только в личной жизни, но и к проблемам межличностных коммуникаций, высокой конфликтности в студенческих группах.

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ОЦЕНКЕ ЗНАЧИМОСТИ РАБОТЫ

Д.С. Бакиева (Уфа)

Работа в жизни современного человека имеет большое значение. Работа является основной формой деятельной активности взрослого человека, благодаря которой, в существенной степени, происходит формирование и развитие его как личности. Благодаря работе у человека определяется индивидуальная система ценностей, формируются такие качества личности как уверенность в себе, целеустремленность, чувство социального благополучия и пр. У работающего человека рождаются желания, цели, изменяются ценности и мотивы, появляются импульсы к развитию. Таким образом, индивидуальную ценность работы для человека, независимо от его профессиональной принадлежности, трудно переоценить. Мы в нашем исследовании изучали ценность работы для специалистов, работающих в сфере образования. Для этой цели мы использовали комплекс методик, в том числе ассоциативный эксперимент.

В «Большой психологической энциклопедии» читаем: «ассоциативный эксперимент – проективный метод, предназначенный для исследования мотивации личности» [Большая психологическая энциклопедия 2007, с. 42].

Такие исследователи, как Э. Крепелин (1892), К. Юнг (1906), Г. Кент и А. Розанов (1910), В. Вундт (1911), А. Р. Лурия (1932), Д. Рапапорт и его коллеги (1946) внесли свой вклад в развитие ассоциативного теста. Общая схема проведения ассоциативного эксперимента заключается в следующем: испытуемому предлагается слово – стимул, на которое он должен быстро, не задумываясь, предложить, написать или назвать, слова-ассоциации (или слова-реакции), которые пришли первыми в голову [Попова Т. В., 2011].

В нашем исследовании мы проводили ассоциативный эксперимент по типу свободного, смысловые и стилистические ограничения на слова-реакции отсутствовали, испытуемым была предложена письменная форма ответов. В исследовании приняли участие 35 человек (12 мужчин и 23 женщин) в возрасте от 21 до 60 лет. Участниками исследования были специалисты, работающие в учреждении сферы образования, выполняющие контрольные функции. Все участники имели высшее образование. Общий трудовой стаж варьировал от 1 до 40 лет. Участникам эксперимента было предложено дать ассоциации на слово-стимул «работа».

При обработке полученных данных мы сгруппировали слова, имеющие сходное значение, обозначили название каждой группы, исходя из общего смысла образующих их слов, и далее расположили эти группы в соответствии с частотой встречаемости. В результате мы получили следующую иерархию смысловых значений, приписываемых нашими испытуемыми работе (в скобках указаны общая сумма по группе слов и количество отдельных слов, вошедших в группу).

1. Материальный доход (22): зарплата (7), доход (4), деньги (4), заработок (3), достаток (2), высокий заработок (1).

2. Общение в коллективе (20): коллектив (8), общение (5), коллеги (2), сообщество (1), хороший коллектив (1), работа с людьми (1), взаимопонимание (1), помощь другим (1)

3. Развитие (14): карьера (7), развитие (1), обучение (1), умственное развитие (1), познание нового (1), карьерный рост (1), самореализация (1), самосовершенствование (1).

4. Результативность (14): результат (3), труд (3), документы (2), многое сделать (2), усталость (2), поездки (2).

5. Чувство удовлетворения (10): удовлетворение (3), радость успеха (3), удовольствие (2), смысл жизни (2).

6. Ответственность (7).

Часть слов оказались нам слишком разнородными, поэтому мы не смогли объединить их в общие группы. Мы приводим их ниже, с указанием в скобках также как и в отношении предыдущих групп, частоты их встречаемости: каждый день рано вставать (3), отдаленность (2), компьютер (2), понедельник (2), уважение (2), уверенность (2), график (2), поиск правильного решения (1), забота (1), необходимость (1), полезность (1), работа (1), пахать (1), День сурка (1), прилежание (1), загруженность (1), стаж (1), порой нервозность (1), не подвести (1), грамотное и чуткое руководство (1), служба (1).

Интерпретируя полученную на нашей выборке испытуемых иерархию смысловых значений слова «работа», мы можем отметить, что работа воспринимается нашими испытуемыми, прежде всего, как источник материального дохода и финансового благополучия. Работа удовлетворяет потребности в общении, взаимопонимании и взаимопомощи, воспринимается как коллективно организованная. Работа видится как предоставляющая возможности для развития в различных аспектах: в карьерном, познавательном, через личностное самосовершенствование и саморазвитие. Работа нацелена на результат, необходимость «многое сделать», в том числе подготовить или обработать документы, при этом можно устать. Работа – источник удовлетворения, радости, удовольствия, осмысленности жизни, требует при этом от человека чувства ответственности. Работа сопряжена с чувством необходимости, с некоторой рутинной – «День сурка», часто осуществляется в соответствии с графиком, с использованием компьютера, вызывает порой нервозность, в связи с загруженностью и необходимостью рано вставать, требует прилежания, и в то же время порождает чувство уважения, возможно к себе, коллегам и руководителям за «грамотное и чуткое руководство», и чувство уверенности.

Мы осознаем вероятность некоторой доли субъективизма при интерпретации данных ассоциативного эксперимента. Минимизация субъективной оценки возможна, по нашему мнению, при проведении подобных экспериментов на разнообразных выборках испытуемых, последующем внимательном сопоставлении получаемых результатов с целью выявления инвариантных и отличительных особенностей, характеризующих разные в профессиональном и возрастном отношении группы. Также

возможен и другой путь увеличения надежности получаемых результатов – через использование параллельных методик, ориентированных на оценку содержательных характеристик ценности работы, и выявление согласованности результатов, получаемых на одних и тех же испытуемых.

ЛИДЕРСКИЕ КУЛЬТУРЫ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

К.В. Баранников, Н.В. Сафьян (Екатеринбург)

Данная статья посвящена исследованию феномена лидерства в разных контекстах. По мнению ряда исследователей, лидер определяется не целями и обещаниями, а реальным результатом. Мы предлагаем посмотреть на эту идею шире - лидер определяется успешным результатом, достигнутым в конкретных условиях. Более того, именно внешние условия являются определяющими, и подобный результат в ином контексте может быть неприемлем. Для описания лидерства в разных контекстах мы используем термин лидерская культура. Для более точного его определения, рассмотрим основные постулаты:

- Лидер – это человек, формирующий в данной группе людей новое видение или новые формы поведения на основе собственных ценностей, принципов и стереотипов. Интегрируя их в ценности и в деятельность последователей, успешный лидер, стремится развить скрытые таланты сотрудников, реализовать их потенциал и за счет этого достигать поставленной цели.

- Лидер существует в определенных рамках социальной среды, которые сформированы ценностями, принятыми в данном государстве, в данное время и в данных социально-экономических условиях. Привнося собственные ценности, лидер изменяет набор ценностей данной социальной среды и должен нести социальную ответственность за результат интеграции и за цель, к которой ведет последователей.

- Лидер действует в системе личность – социум – личности привлеченных людей. Т.е. его идеи должны быть не только понятны, но и востребованы миром. Например, Мендель описал законы генетики, но восприняты и использованы обществом они были лишь спустя время. Т.е. потенциальный лидер лишь тогда может самореализоваться как лидер, когда он сможет найти людей способных воспринять его идеи и реализовать их в жизнь.

- Для каждой культуры характерен свой лидер, которого эта культура считает успешными. Лидер должен соответствовать предпочтениям той группы, для которых он стремится стать лидером, он существует в этих жестких рамках. Поэтому не может безболезненно в данной культуре появиться новый лидер с характеристиками принятыми в иной культуре.

Основываясь на вышеизложенные постулаты, определим термин лидерской культуры.

Лидерская культура – это те историко-культурные корни, которые неизменно достаточно долго в некой группе людей, которые возникли в результате действия лидера по интеграции его ценностей. Это тот образ лидера, который возникает в сознании человека, принадлежавшего к данной группе. Если лидерский стиль – это индивидуальное проявление данного руководителя, то лидерская культура – это внутренний ресурс всего коллектива, который возник в результате управления данным руководителем.

Рассмотрим динамическую классификацию лидерских культур. В классификации используется одна основная шкала: «рациональность» - «эмоциональность».

Лидеры рациональных культур, в первую очередь объединяют людей за счет принципов причинно-следственной связи, планирования и последовательности в действиях. Лидеры эмоциональных культур отличаются способностями эмоционального управления. Если первые лидеры управляют эмоциями за счет рационального подхода, то вторые управляют мышлением за счет эмоций и на их основе.

Так же мы выделяем две дополнительных шкалы. Для «рациональных» лидеров – это шкала «открытость-закрытость».

«Открытость» показывает высокую степень готовности сотрудников данной лидерской культуры воспринимать новую информацию, поступающую извне. По сути – это скорость восприятия инновационных идей и моделей с последующей их интеграцией.

«Закрытый» - это противоположный тип. У таких лидеров наблюдается большая концентрация на отработке уже приобретенного успешного, «наработанного» утверждения «их ценностей», они с трудом воспринимают «иное».

Для лидеров эмоциональных культур – шкала «Причастность – отстраненность».

«Причастность» – показывает высокую степень личной эмоциональной включенности в процесс. Лидеры таких культур больше склонны к сопереживанию, к личному воодушевлению, эмоционально вовлекаются в процесс.

«Отстраненность» – показывает стремление отгородиться от эмоций, занять нейтральную позицию и управлять на расстоянии.

На основании описанных шкал выделяются четыре типа лидерских культур.

1. Рационально-открытый тип – проявляется там, где нужна динамика, скорость интеграции новых технологий, есть четко заданный измеримый результат, основанный на ближайшую перспективу. Лидеры данного типа отличаются целеустремленностью, умением рационально анализировать и строить прогнозы, ориентацией на поиск новые технологии для достижения результатов в условиях конкуренции.

2. Рационально-закрытый тип – характерен для контекста, в котором опорой являются долгосрочные прогнозы, а для реализации планов необходимо объединение всех систем вокруг единого набора ценностей. Лидер подчеркивает важность социальной ответственности, постоянство развития, вырабатывает длительную стратегическую цель, использует сильные внутренние традиции и ценности.

3. Эмоционально-причастный тип – характерен для среды развития творчества, где решения принимаются интуитивно, где невозможны прогнозы. Лидеры в данном контексте отличаются вовлечением всех вокруг и личной заряженностью на интересный и нестандартный результат, часто без какого либо анализа или на основе интуиции.

4. Эмоционально-отстраненный тип – характерен для среды, где преобладает опасность и неопределенность, где есть необходимость отстранения от эмоций. Здесь преобладает культ Учителя Он знает, как выживать в ситуации опасности, он знает единственно верный Путь, и никто не усомнится в его правильности, миллионы людей будут следовать за ним, будут воспринимать его идеи, как важные для себя. Глубину влияния таких лидеров невозможно переоценить, этот лидер ориентирован на исключительность и лидерство в долгосрочной перспективе, то есть за горизонтом прогнозирования.

Динамическая классификация лидерских культур помогает осознать контекст, в которых действует лидер, спрогнозировать эффективность проводимых им изменений, выбрать оптимальные инструменты управления группой людей.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ ФЕНОМЕНА «ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ» ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ШКОЛЫ

К.Б. Баранова (Екатеринбург)

Самой главной задачей школьной психологической службы является сохранение психологического благополучия школьников.

Современные исследования все больше посвящены изучению позитивных проявлений личности. Психологи обращаются к поиску ресурсов личности, способствующих успешной самоактуализации. Формирование психологического благополучия происходит в процессе деятельности. Таким образом, психологическое благополучие личности может быть выражено в психосоматическом здоровье, психическом здоровье, социальном здоровье, физическом здоровье личности. Р.М. Райан и К. Фредерик отмечают, что важнейшим показателем психического здоровья является именно психологическое благополучие, которое характеризуется через субъективное благополучие, умение справляться с трудностями, благоприятный эмоциональный фон, отсутствие конфликта с собой и с социумом.

Воронина А.В. в своей диссертации говорит о том, что наличие всех составляющих психологического благополучия отражается как в субъективном состоянии и переживаниях человека, так и в объективно наблюдаемых особенностях поведения и фактах жизненного пути.

Существует несколько подходов к изучению психологического благополучия личности. Так, Эд Динер (последователь Нормана Брадбурна) стал основоположником гедонистического подхода к исследованию благополучия. Эд Динер рассматривал такое понятие как «субъективное благополучие, которое формируется из субъективной удовлетворенности жизнью, позитивного аффекта и негативного аффекта.

Р.М. Шамионов определял «психологическое благополучие» в рамках гедонистического подхода как собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное значение для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде и характеризующееся ощущением удовлетворенности.

С позиции эвдемонистического подхода основным критерием благополучия является полнота самореализации. Данный подход разрабатывался представителями гуманистической психологии (А. Вотермена, Маслоу, К. Роджерса, Г. Олпорта, Э. Эриксона, М. Яходы, А.А. Кроника).

Кэрол Рифф выделила шестикомпонентную структуру феномена «психологическое благополучие», которая включает принятие себя, личностный рост, цель в жизни, позитивные отношения с другими, контроль над окружающей средой, автономия. В теории самодетерминации Р. Райана и Э. Деси связывают личностное благополучие с реализацией базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связи с другими.

Финские психологи К. Яронен и П. Онстедт-Курки выделили следующие факторы психологического благополучия: безопасность и комфортность домашней среды; атмосфера любви (семейные радости, близость и гармония); открытость и доверительность межличностных взаимосвязей; родительский контроль; чувство значимости в семье; семейная поддержка отношений с людьми и видов деятельности детей за границами семьи.

В своем диссертационном исследовании Воронина А.В. определяет «психологическое благополучие» как «системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности на основе психофизиологической сохранности функций, которое проявляется у субъекта в переживании содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних социально ориентированных целей и является условием реализации его потенциальных возможностей и способностей».

Если говорить о психологическом благополучии учащихся школы, то подходящим будет определение, данное в статье Бессоновой Ю.В.: чувство психологического благополучия - интегральный психический феномен, целостное переживание, отражающее успешность функционирования индивида в социальной среде, сопровождающееся благоприятным эмоциональным фоном, функциональным состоянием организма и психики и позитивным самоотношением, доверительным отношением к миру. Можно отметить, что одним из основных принципов психологического благополучия – активность личности.

В результате теоретического анализа литературы, можно обозначить следующую структуру феномена «психологического благополучия» обучающихся средних школ:

- эмоциональный компонент: оценка психологического комфорта личности в образовательной среде школы;
- когнитивный компонент: объективная оценка школьником образовательной среды школы с точки зрения безопасности.
- личностный компонент: оценка обучающимися собственного отношения к образовательной среде.
- поведенческий компонент: оценка активности обучающихся.

Уровень психологического благополучия обучающихся школы складывается из оценки обучающихся школьным психологом, самооценки самих школьников, оценки обучающихся его родителями и наблюдений педагога, работающего непосредственно со школьником. При этом можно отметить три варианта совпадения оценок: позитивное (ситуация «благополучия»), негативное (ситуация «неблагополучия»), рассогласованность оценок («пограничное» состояние). Исходя из этого, можно планировать работу психологической службы школы с учащимися, а именно создавать психологически комфортную и безопасную образовательную среду.

ПРОЯВЛЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ В ПРОЕКТИВНОЙ ПРОДУКЦИИ ВЫГОРЕВШЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

А.А. Барина (Владимир)

Синдром психического выгорания представляет собой состояние эмоционального и умственного истощения, физического утомления, возникающее в результате хронического стресса на работе. Развитие данного синдрома характерно в первую

очередь для профессий субъект-субъектного типа, где доминирует оказание помощи людям (медицинские работники, учителя, психологи, социальные работники).

Многочисленные данные показывают, что синдром выгорания, наряду с другими разновидностями профессионального стресса, вызывает появление депрессивных настроений, чувства беспомощности и бессмысленности своего существования, низкой оценки своей профессиональной компетентности, что сказывается на работоспособности человека. Это приводит к снижению продуктивности деятельности, и, как следствие, потере интереса к работе.

Здесь стоит рассмотреть факторы, инициирующие возникновение синдрома психического выгорания. Наиболее важными являются внешние факторы, куда включаются условия материальной среды, содержание работы и социально-психологические условия деятельности:

1. Хроническая напряженная психоэмоциональная деятельность.
2. Дестабилизирующая организация деятельности.
3. Повышенная ответственность за исполняемые функции и операции.
4. Неблагополучная психологическая атмосфера профессиональной деятельности, которая определяется двумя основными обстоятельствами - конфликтностью по вертикали, в системе «руководитель-подчиненный», и по горизонтали, в системе «коллега-коллега». Нервозная обстановка побуждает одних рассчитывать эмоции, а других - искать способы экономии психических ресурсов.
5. Психологически трудный контингент, с которым имеет дело профессионал в сфере общения.

Целью работы являлось исследование психического выгорания в профессиях субъект-субъектного типа, посредством проективных методов. Важнейшей отличительной особенностью проективных методик является то, что в них используют неопределенные, слабоструктурированные стимулы, создающие наиболее оптимальные условия для проявления внутреннего мира человека. Определяя нечто неоднозначное, неизвестное, индивид делает его известным путем активного соотнесения с имеющимся уникальным личностным опытом взаимодействия с предметами и явлениями действительности, опытом понимания как собственных поступков, так и действий других людей.

В соответствии с целью работы были определены следующие задачи исследования: рассмотреть проявления психического выгорания у сотрудников, осуществляющих свою профессиональную деятельность в профессиях субъект-субъектного типа; выявить возможности исследования психического выгорания проективными методами.

В качестве гипотезы исследования проверялось предположение о том, что психическое выгорание в профессиях субъект-субъектного типа имеет более значительное проявление и обладает своей спецификой и может быть выявлено проективными методами.

Эмпирической базой исследования является ДОУ №77 города Владимира, в нем принимали участие воспитатели в составе 17 женщин в возрасте 23-60 лет. Исследование проводилось с применением следующих методик: опросник психического «выгорания» для учителей А.А. Рукавишникова, методика С. Розенцвейга, методика «Дерево» К. Коха, восьмицветовой тест М. Люшера.

В ходе исследования был выявлен высокий уровень проявления психического выгорания у 35% воспитателей. В группе выгоревших профессионалов, в первую очередь происходит снижение в мотивационном компоненте (35%), так же наблюдается

высокий уровень психоэмоционального истощения (12%) и личностного отдаления (6%).

Исследование фрустрационных реакций по С. Розенцвейгу показало, что в группе выгоревших профессионалов преобладает экстрапунитивная направленность реакций (46%), характеризующаяся высокой степенью экспрессивности и внешней активности человека при неожиданном столкновении с неприятной для него ситуацией. Кроме того, преобладает препятственно-доминантный тип реакций (40,5%, что в два раза выше нормы), который свидетельствует о высокой степени ригидности воспитателей в стрессовых ситуациях. У выгоревших воспитателей выявляются такие реакции на фрустрирующие обстоятельства, как открытое проявление недовольства, озабоченность, раздражение, гнев, заикленность на произошедшем, погружение в переживания, эмоциональная инерция, вовлечение в свои переживания окружающих людей, поиск помощи и поддержки с их стороны.

Исследование с использованием восьмицветового теста М. Люшера выявило трудности социальной адаптации (33%), неустойчивую самооценку (50%), эмоциональную нестабильность (66%) и потребность в самореализации (83%) у выгоревших воспитателей. Применение методики «Дерево» К. Коха указывает на потребность в строгой систематизации на основе привычек (33%), инфантильность (66%), поиск прочной позиции в своей среде (66%), тревогу и беспокойство (83%).

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что психическое выгорание в профессиях субъект-субъектного типа проявляется в значительной степени и фиксируется в проективной продукции выгоревших профессионалов в виде экстрапунитивных реакций, неустойчивой самооценки, эмоциональной нестабильности, инфантильности, поиске прочной позиции в своей среде, тревоге и беспокойстве, что свидетельствует о возможности применения проективных методик для оценки психического выгорания.

К ПРОБЛЕМЕ ДИСКРИМИНАЦИОННОГО ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ И КАЛМЫКОВ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ИНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРУПП

А.А. Басангова, В.Д. Альперович (Ростов-на-Дону)

В ситуациях социальной нестабильности, обострения межэтнических, межкультурных конфликтов во всем мире внимание исследователей привлекают проблемы формирования, динамики индивидуальной и коллективной этнической идентичности, поддерживаемой в том числе посредством этнических стереотипов личности и группы; упрощенных, устойчивых, схематизированных, эмоционально насыщенных образов, приписываемых всем членам своей и иных этнических групп.

По мнению социальных психологов (Гулевич О.А., Стефаненко Т.Г., Платонов Ю.П., Почебут Л.Г.), этнические стереотипы включают личностные свойства членов этнических групп, их позиции в общении, характеристики и перспективы позитивных или негативных отношений с ними, выражаемых подчас в их позитивной или негативной дискриминации; явлении, при котором с группой взаимодействуют как с привилегированной или отвергаемой, пренебрегаемой. Данные характеристики, положительные или отрицательные, способствуют самоопределению личности и группы в социальном пространстве, определяют стратегии взаимодействия, враждебные/дружественные взаимоотношения разных этнических групп.

В психологии социального познания проанализировано содержание, функции и свойства этнических стереотипов (Гулевич О.А., Платонов Ю.П., Почебут Л.Г., Солдатова Г.У., Стефаненко Т.Г., Хотинец В.Ю.) разных этнических групп, дискриминационное поведение, отношение к другим людям (Лебедева Н.М., Левин М.И.). Тем не менее, сравнительные особенности дискриминационного отношения русских и калмыцких студентов к представителям иных этносов недостаточно изучены.

Вслед за отечественными учеными (Гулевич О.А., Лебедевой Н.М., Левиным М.И., Стефаненко Т.Г.), дискриминационное отношение к этнокультурной группе понимается нами как позитивное или негативное отношение к ней, выражаемое в приписывании ее членам определенных личностных свойств, во взаимодействии с ней как с предпочитаемой или пренебрегаемой (дискриминационном поведении).

Проблемой нашего исследования выступили особенности дискриминационного отношения молодежи к членам этнокультурных групп. Цель исследования: выявить различия дискриминационного отношения русских и калмыцких студентов к членам иных этнокультурных групп. Предметом исследования стали особенности дискриминационного отношения русских и калмыцких студентов к членам славянской, кавказской, азиатской групп. Гипотеза исследования: особенности дискриминационного отношения русских и калмыцких студентов к членам иных этнокультурных групп различаются.

Методы исследования: субъективное шкалирование, частотный анализ, кластерный анализ. Методики: «Личностная оценка типа внешнего облика», «Отношение к этническим группам», «Дискриминационные установки в отношении людей с различными типами внешнего облика» (В.А. Лабунская, 2012). Объектом пилотажного эмпирического исследования выступили 28 русских респондентов (8 юношей, 20 девушек), студентов Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону); 28 калмыцких респондентов (9 юношей, 19 девушек), студентов вузов г. Элиста (Калмыкия) в возрасте 19-21 года.

Русские респонденты (80-100% выборки) приписывают характеристики «отталкивающий», «замкнутый» обладателям кавказского (в большей степени), азиатского типов внешнего облика, полагают (71-92%), что обладатели кавказского типа внешнего облика менее «серьезные» и «спокойные», более «злые», «легкомысленные», «тревожные», «враждебные», «неуверенные», «недовольные», «напряженные», чем обладатели славянского и азиатского типов внешнего облика (21-35%). Калмыцкие респонденты (80-100%) считают «привлекательными» представителей азиатского типа внешнего облика, не придают особой важности характеристике «отталкивающий» (17%), описывают, в отличие от русских, сходные, в одинаковой степени позитивные и негативные, образы представителей всех типов внешнего облика (каждая характеристика, в т.ч. «серьезный-легкомысленный», «умный-глупый», «добрый-злой», «спокойный-тревожный», «дружелюбный-враждебный», отмечена 25-35% выборки), наиболее значимыми из которых являются характеристики «уверенный» и «неординарный» (36-42%). Русские респонденты (57-64%) крайне позитивно относятся к представителям славянских этнических групп (оценки «нейтрально», «негативно» малочисленны (14%)), нейтрально («с уважением»); к представителям кавказских групп (оценки «позитивно» - «негативно» малочисленны (14-17%)), амбивалентно (одновременно крайне позитивно (51%) и негативно (49%)); к представителям азиатских групп. Калмыцкие респонденты неоднозначно относятся к представителям славянских, кавказских и азиатских групп, в отличие от русских: в отношении к каждой группе одновременно имеют место оценки «позитивно» (21-25%), «нега-

тивно» и «нейтрально» (35-42%). Респонденты фактически не принимают (42% русских/18-35% калмыков) или вообще не принимают (57% русских/57-78% калмыков) отрицательные дискриминационные установки в отношении представителей славянского, азиатского и кавказского типов внешнего облика. Некоторые русские респонденты демонстрируют принятие дискриминационных установок слабой или средней степени выраженности в отношении представителей кавказского типа внешнего облика (14%).

Нами сделаны следующие выводы. Калмыцкие и русские респонденты приписывают разные личностные свойства представителям иных этнокультурных групп. Отношение русских и калмыцких респондентов к представителям иных этнокультурных групп, принятие отрицательных дискриминационных установок на данные этнокультурные группы различается. Русские респонденты более склонны приписывать «негативные» свойства представителям кавказского типа внешнего облика, в большей степени принимают дискриминационное отношение к ним. Особенности дискриминационного отношения к членам других этнокультурных групп взаимосвязаны у представителей одного этноса и различаются у членов разных этносов. Полученные результаты свидетельствуют в пользу выдвинутой гипотезы.

ТЕОРЕТИКО – МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КРЕАТИВНОСТИ И ИННОВАТИВНОСТИ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

А.А. Базилян (Москва)

Актуальность исследования состоит в том, что как Россия взяла курс на модернизацию, поощряются инновации и, конечно, косвенно встает вопрос воспитания подрастающего поколения новаторов либо мотивирования современного поколения на проявление творческого подхода к работе. Креативность является психологическим процессом, лежащим в основе инновационного развития. А так как в современном мире ведущие экономики мира понимают, что будущее за инновационным развитием, то, соответственно, и государство, и бизнес заинтересованы в лучшем понимании феномена креативности личности и механизмах его развития. Можно сказать, что креативность личности является метафактором инновационного развития. Отдельным звеном является инновативность как черта личности, помогающая внедрять новые идеи, продукты и технологии. Но эта особенность не определяющая в инновационном процессе, так как важнее понять как происходит процесс творчества, а сами идеи могут быть внедрены не самими новаторами, а другими людьми. От этого распределения функций, экономики стран на пострадают. В работе особое внимание уделяется культурным различиям восприятия креативности, так как имплицитные теории креативности показали достаточно существенную разницу среди представителей разных стран. Поэтому понимание культурных различий позволит, возможно, экономикам различных стран наметить оригинальные пути развития.

Теоретическая значимость исследования. В последнее время больше внимания уделяется социокультурным детерминантам креативности, а имплицитные теории креативности ярко продемонстрировали культурные различия восприятия феномена креативности и инновативности. Имплицитные теории креативности – это наиболее современный подход в рамках социокультурной теории: больше изучена американская и азиатская (китайская, японская, корейская) выборки, меньше рос-

сийская, латиноамериканская, арабская и индийские выборки. Поэтому исследование имплицитных теорий креативности среди представителей других культурных групп будет вкладом в теорию, особенно в российской науке, так как Россия – многонациональная страна.

Научная новизна состоит в том, что в работе предпринята попытка выявить связь между имплицитными теориями креативности и социальными аксиомами М. Бонда и К. Леунга. В основе лежит понимание, что и имплицитные теории креативности и социальные аксиомы схожи в своей сущности, методология их изучения одинакова, оба подхода основаны на представлениях, верованиях.

Теоретико – методологическую базу исследования составили труды российских и зарубежных ученых, таких как Богоявленская Д. Б., Лебедева Н. М., Поддьяков А.Н., Рубинштейн С. Л., Amabile T. M., Cheng Y., Kim K. H., Choi I., Nisbett R. E., Csikszentmihalyi M., Eysenck H. J., Guilford J.P., Hofstede G., Katz A. N., Kaufman J. C., Lubart T. I., Mednick S. A., Mumford M. D., Runco M. A., Simonton D. K., Sternberg R.J., Torrance E. P., Van de Ven A. H.

Цель: анализ теоретико – методологических подходов к изучению креативности и инновативности личности в кросс – культурной перспективе

Задачи:

- аналитический обзор источников по проблеме креативности, инновативности, социальных аксиом;

- обобщение теоретического фундамента и результатов исследований;

- формулировка гипотезы, дизайн эмпирического исследования.

Объект: креативность и инновативность личности

Предмет: взаимосвязь социальных аксиом с креативностью и инновативностью личности

Основная гипотеза: существуют универсальные и специфические связи между имплицитными теориями креативности, инновативностью и социальными аксиомами в разных культурах.

Метод: тестирование с использованием стандартизированных опросников и тестов.

Методики: опросник «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга; субтест «Назвершенные фигуры» П. Торренса; методика «Шкалы самооценки инновативных качеств личности» Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко; методика Доллингера «Креативное достижение».

Состав выборки находится в стадии утверждения. Предположительно исследование будет проведено с русскими, дагестанцами и немцами.

В статье рассматриваются психологические подходы к изучению креативности, приводятся дефиниции креативности (около двадцати). Далее в соответствии с исторической хронологией рассматриваются личностно-ориентированные теории креативности, социокультурные детерминанты креативности, имплицитные теории креативности и инновативность личности. А также приводится авторский подход к изучению креативности: существуют универсальные и специфические связи между имплицитными теориями креативности, инновативностью и социальными аксиомами в разных культурах.

Социальные аксиомы были предложены как альтернатива ценностям в вопросе понимания культуры. М. Бонд и К. Леунг полагают, что верования – это репрезентация когнитивной карты людей. Были выделены следующие факторы: социальный цинизм, социальная сложность, награда за усилия, религиозность и контроль судьбы.

На наш взгляд, касательно креативности и инновативности наиболее значимыми будут являться «социальная сложность», «награда за усилия», «контроль судьбы». Представление о социальной сложности содержит в себе прямое утверждение, что проблема может быть решена разными способами, соответственно дивергентность мышления – это отличный способ поиска альтернативного решения. Так как инновациям часто сопротивляются, поэтому инноваторы должны, в принципе, быть способны находить немагистральные варианты внедрения инноваций.

Так как данное исследование является кросс-культурным, нельзя отрицать мысль, что обозначенные связи имплицитных теорий креативности и инновативности с социальными аксиомами будут универсальны для разных культур. Мы вводим допущение, что в ходе эмпирического исследования могут быть обнаружены специфические связи между обозначенными конструктами.

В конце приводятся выводы и заключение. Использовано около ста восьмидесяти источников литературы.

ДИНАМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХ

Н.В. Безгина (Тула)

Вопрос становления и формирования гражданских качеств личности обозначался со времен античности. Ему уделяли внимание такие философы как Н.А. Бердяев, М.В. Ломоносов, Л.Н. Толстой, А.С. Макаренко и др. На сегодняшний день происходит актуализация данного вопроса в поле зрения психологической науки. Рассматривая идентичность личности как многокомпонентную структуру, уделяется внимание многими авторами (Е.М. Арутюнова, М.В. Ефремова, Н.Л. Иванова, Е.Н. Данилова, И.В. Конода, Г.Б. Мазилова и др) гражданской составляющей. Противоречия, сложившиеся между реальным личностным гражданским портретом россиянина и востребованностью общества в членах с сформированной гражданской идентичностью, приводят к необходимости рассмотрения данного феномена с точки зрения психологической науки. Гражданский компонент идентичности рассматривается многими отечественными учеными как один из содержательных компонентов Я-концепции (К.А. Абульханова, Г.М. Андреева, Е.М. Арутюнова, Н.Л. Иванова, Е.Н. Данилова, И.В. Кондакова, Е.Конева, И.В. Конода, Г.Б. Мазилова и др.). Гражданская идентификация (самоидентификация) — процесс отождествления индивидом себя с определенной гражданской общностью, сложившейся у одного или нескольких этнико-культурных элементов, но проживающих на одной государственной территории, обладающих общими гражданскими правами и обязанностями, имеющих объективные основания для собственной идентификации. Результатом гражданской идентификации является гражданская идентичность, которая понимается нами как субъективное ощущение индивида, формирующее его личностные качества, ценности, убеждения, служащие для становления системы представлений и смыслов, являющихся критерием для противопоставления группы «Мы» (группы имеющей схожие гражданские представления) от группы «Они» (группы имеющей отличающиеся гражданские представления).

В качестве структурной модели гражданской идентичности личности мы предлагаем четырехкомпонентную структуру, состоящую из когнитивного (гражданские знания, гражданские представления, вера, убеждения, моральные прин-

ципы), эмоционального (рефлексия, цели, переживания), поведенческого (гражданский выбор, гражданский поступок, вербальные гражданские проявления) и семантико-символического (гражданский идеал, гражданские ориентиры) компонентов. На разных жизненных этапах составляющие компоненты структурной модели гражданской идентичности меняются по трем критериям: наполненность, осмысленность, устойчивость. Под наполненностью, мы будем понимать — количественное расширение списка качеств личности гражданина, представлений, спектра эмоций, моделей поведения. Осмысленность — увеличение интенсивности и присвоенности смыслового содержания осознаваемых компонентов гражданской идентичности. Устойчивость — увеличение, сохранение и постоянство количества признаков гражданской идентичности и свойств, качеств личности при наличии измененных условий. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что процесс становления гражданской идентичности как психологического феномена на разных жизненных этапах, начиная от подросткового и заканчивая зрелостью, изменяется по трем количественно-качественным критериям (наполненность, осмысленность, устойчивость) на каждом возрастном этапе, то есть, имеет динамический характер развития.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, НЕ ПРОЖИВАЮЩИХ В СЕМЬЕ

А.Т. Бекузарова (Москва)

В настоящее время институт семьи претерпевает кризис. Все больше детей остается без попечения родителей, оказываются вынужденными воспитываться в специальных учреждениях. Так, в детских домах, приютах, домах ребенка и школах-интернатах России воспитываются и постоянно проживают 260000 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Целью данной работы явилось изучение эмоционально-личностных особенностей подростков, не проживающих в семье.

В исследование было задействовано 40 подростков от 15 до 17 лет.

Исследование проводилось на базе СРЦ «Красносельский».

Для получения эмпирических данных были применены такие методы, как беседа, анализ анамнестического материала, психологическое тестирование и статистическая обработка данных.

Для исследования представлений ребенка о семье и семейных взаимоотношениях были использованы проективная методика «Рисунок семьи» и «Семейная социодиаграмма». Анализу защитной структуры подростков способствовал опросник Келлермана-Плутчика. Ценностные ориентации исследовались посредством теста ценностных ориентаций Рокича. Данные о самооценке подростка были получены с помощью методики Дембо-Рубинштейн. Для формирования более полного представления об эмоциональной сфере подростков был применен тест на эмоциональный интеллект Майера-Соловья-Карузо MSCEIT.

В результате проведенного исследования было выявлено, что у подростков, не проживающих в семье, происходит искажение семейной структуры, наблюдаются заниженный уровень эмоционального интеллекта, примитивные ценностные ориентации, неадекватная самооценка, доминируют такие защитные механизмы, как замещение, регресс, проекция и вытеснение.

Во-первых, в семьях данной группы детей подросткового возраста отмечаются достаточно холодные дистантные взаимоотношения. Члены семьи обособлены друг от друга, им сложно коммуницировать между собой, доносить свои чувства и мысли до близких, что приводит к разобщенности, непониманию внутри семьи и низкому уровню эмоциональных связей. В результате чего подросток чувствует себя изолированным, одиноким и непонятым.

В то же время данная категория детей занимает в семье эгоистическую позицию по отношению к остальным членам. Они подчеркивают свою главенствующую роль в семье, стремятся к полному удовлетворению своих потребностей, порой в ущерб интересам остальных членов.

Таким образом, в следствие разнонаправленных тенденций возникает конфликт. С одной стороны, ребенок воспринимает себя главным, требует повышенного внимания от остальных членов семьи к собственной личности, но с другой стороны, он сталкивается с непониманием родителей и, как следствие, с эмоциональной изоляцией. Соответственно, у подростков, не проживающих в семье, отмечаются тревожные чувства по отношению к собственной семье. В ней они чувствуют себя дискомфортно и небезопасно. Это, в свою очередь, ведет к регулярному возникновению конфликтных ситуаций, которые еще больше увеличивают тревогу подростка.

Во-вторых, было показано, что у детей подросткового возраста, не воспитывающихся в семье, отмечаются низкие показатели эмоционально интеллекта. Это приводит к формированию и актуализации серии проблем: трудности восприятия своих и чужих чувств, сложности контроля и регуляции эмоциональной сферы. В свою очередь это вызывает такие личностные особенности, как агрессивность, конфликтность, возбудимость и чувствительность, которые ведут к социальной дезадаптации данной категории подростков.

В-третьих, была отмечено, что у данной группы детей формируется неадекватная самооценка. Это проявляется в заниженной оценке себя по многим параметрам, в то время, как уровень притязаний неадекватно завышен. Соответственно, возникает внутренний конфликт между реальным и желаемым, способствующий неадекватности поведения, эмоциональным срывам, повышенной тревожности и трудностям адаптации в социуме.

В-четвертых, было выявлено, что у подростков, не воспитывающихся в семье, отмечаются примитивные ценностные ориентации, направленные на потребительские характеристики и развлечения. Для них важно общение и связанные с ним ценности, но контакт выстраивается по принципу получения удовольствия и удовлетворения только собственных потребностей. При этом во взаимодействии с другими такие подростки агрессивны, односторонни и злопамятны, они активно насаждают собственную точку зрения и не принимают альтернативных точек зрения.

Кроме того, отмечается конфликт в ценностных установках данной группы детей: с одной стороны, они активно жаждут свободы и самостоятельности, а с другой, всячески отвергают активность, развитие, ответственность, направляя свое внимание на гедонистически-потребительские факторы.

В-пятых, было выявлено, что подростки, не проживающие в семье, прибегают к таким защитным механизмам, как замещение, регресс, проекция и вытеснение.

Таким образом, формируется целый спектр проблем, которые ведут к трудностям адаптации в социуме подростков, не проживающих в семье, что в свою очередь подвергает данную категорию детей риску продуцирования девиантного поведения. Соответственно, необходимо, заниматься превенцией и коррекцией данных особенностей детей подросткового возраста, не воспитывающихся в семье.

РАССМОТРЕНИЕ РЕЧЕВОГО ИМИДЖА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Т.Н. Белик (Херсон)

Проанализировав материал, который касается имиджа, речи, и, в частности речевого имиджа, мы пришли к следующему определению речевого имиджа:

Речевой имидж - это речевое поведение индивида в совокупности психологического, социального и символического компонентов, которые реализуются соответственно в речевом, интерперсональном и языковом стилях, а также характеризуются возрастными, социальными и культурными проявлениями.

Раскрыть сущность речевого имиджа можно с помощью экологической теории У. Бронфенбреннера, что является одной из теорий психического развития. Согласно с данным подходом, развитие человека - это динамический процесс, который происходит по двум направлениям: с одной стороны, человек сам реструктурирует свою жизненную среду, а с другой - испытывает воздействие со стороны элементов данной среды.

Экологическую среду У. Бронфенбреннер описал с помощью четырех экосистем, которые разместил в соответствии по степени воздействия и дал им названия: микросистема, мезосистема, экосистема и макросистема.

Экологическая теория касалась детской психологии, в частности ее автор считал, что не стоит рассматривать ребенка как изолированный организм, нужно пытаться понять его в контексте естественного окружения, а не в экспериментах, тщательно спланированных и надежно контролируемых. Еще одним важным аспектом данной теории является то, что изучение личности ребенка невозможно без учета всех выше перечисленных четырех экосистем, только таким образом можно проводить действительно адекватные значимые исследования. Так, и для изучения речевого имиджа необходимо учитывать все три компонента речевого имиджа, которые оказывают влияние друг на друга. Важным является и то, что изучение речевого имиджа необходимо проводить в естественных условиях, а не в специально спланированных экспериментах, которые могут повлиять на результаты испытуемых. Кроме того, человек сам способен формировать свой речевой имидж, но, с другой стороны, эти реконструкции происходят под влиянием элементов внешней среды - в процессе взаимодействия человека с другими, что является еще одним связующем звеном речевого имиджа с экологической теорией.

С учетом вышеперечисленных моментов, целесообразно изучение речевого имиджа с точки зрения экологического подхода, который позволит раскрыть его развитие.

Таким образом, психологический компонент речевого имиджа, который реализуется в речевом стиле, можно раскрыть с помощью микросистемы экологической теории У.Бронфенбреннера.

Микросистема представляет собой комплекс отношений между человеком и его ближайшим непосредственным окружением и осуществляет непосредственное влияние на ход психического развития субъекта, на его становление. Так, например, рассматривая особенности развития речи в онтогенезе, следует сказать, что речь ребенка формируется под влиянием речи взрослых и в огромной степени зависит от достаточной речевой практики, которые начинаются с первых дней его жизни. Сле-

дует обратить внимание и на то, что психика каждого человека приобретает свою выразительность благодаря речи, которая реализуется во внешнем потоке как средство объединения и взаимодействия человека с окружающей средой, с миром в целом.

Кроме микросистемы, психологический компонент условно находится и в пределах мезосистемы, которая рассматривается как совокупность взаимоотношений между микросистемами. В этих двух системах субъект является непосредственным участником тех событий, которые происходят, а, следовательно, осуществляется непосредственное влияние на становление речевого стиля личности.

Анализируя социальный компонент речевого имиджа, который реализуется в интерперсональном стиле, мы предусматриваем, что он может находиться в пределах функционирования трех систем. В первых двух системах - микросистеме и мезосистеме, - как уже указывалось, между субъектом и окружающей средой устанавливается непосредственная связь, т.е. между ними существует взаимодействие, проявляющееся в процессе общения, что и представляет собой интерперсональный стиль.

Так, например, общение со старшими для маленького ребенка служит единственно возможным контекстом, в котором он постигает и «присваивает» добытое людьми ранее. Таким образом, общение – главнейший фактор общего психического развития детей.

Третья система, принадлежащая к социальному компоненту, называется экзосистемой. Она представляет собой расширенную мезосистему, охватывающую специфические социальные структуры как формальные, так и неформальные, которые сами не включая в себя субъекта, тем не менее, оказывают непосредственное влияние на него и его взаимодействие с другими людьми, а также могут или ограничивать, или определять характер этого взаимодействия. Такими социальными структурами, влияющими на речевой имидж человека, являются социальные службы, средства массовой информации и др.

К символическому компоненту речевого имиджа принадлежит макросистема, к которой, по определению У. Бронфенбреннера, принадлежат: идеология, установки, обычаи, традиции, ценности окружающей культуры. Суть в том, что каждому обществу свойственны определенные культурные и субкультурные ценности. В нашем случае макросистему представлено языковым стилем (в котором реализуется символический компонент), это собственно языковая грамотность, свойственная каждому человеку определенной национальности, передается из поколения в поколение как некое культурное достояние с помощью символов и знаков. В макросистеме размещены все другие системы, она является источником наиболее широких, самых глобальных и опосредованных влияний на развитие личности ребенка. Так и символический компонент является более широким понятием, поскольку, в общем плане, он передается из поколения в поколения с помощью символов и знаков.

Таким образом, можно утверждать о существовании связи речевого имиджа личности с экосистемами, и целесообразности рассмотрения данного имиджа с точки зрения экологической теории.

ИЗУЧЕНИЕ ОШИБОК ЗРИТЕЛЬНОГО ВНИМАНИЯ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ПРЕСПЕКТИВЫ

А.А. Белинская (Москва)

Существует интуитивная вера в то, что мы понимаем устройство наших психических процессов и мотивы поступков. Однако, современные исследования феноменов функциональной слепоты доказывают, что вне зависимости от пола, возраста и вида профессиональной деятельности люди могут не замечать очевидных и находящихся в фокусе их внимания объектов. Так как речь идет об абсолютно здоровых людях, то возникает вопрос, который значительно шире самих этих феноменов: насколько адекватны наши убеждения относительно самих себя? На самом ли деле мы имеем адекватные представления об устройстве сознания и причин поведения? Представляется, что изучение феноменов функциональной слепоты - слепоты по невниманию, слепоты к изменениям, слепоты к выбору - имеет особое значение для исследований механизмов зрительного восприятия, внимания и сознания. Само их открытие существенно меняет взгляд на природу человека: благодаря изучению расширившейся феноменологии когнитивных процессов он сегодня предстает гораздо менее рациональным, нежели это считалось в психологии недавно. По отношению ко всем феноменам функциональной слепоты закономерно возникает вопрос о факторах, влияющих на факт их возникновения.

Возможно, феномены функциональной слепоты связаны с привычкой современного человека к определенным подсказкам в процессе организации восприятия и внимания. Сегодня мир наполнен различными техническими устройствами, берущими на себя многие исходно чисто человеческие функции. Но возможно, что они возникают в силу определенных закономерностей нашего восприятия. Современные экспериментальные исследования показывают, что одним из объяснений слепоты к изменениям являются именно характеристики мгновенного образа – он содержит в себе лишь глобальные свойства сцены и сложных объектов, а при этом какие-то другие характеристики могут оставаться незамеченными.

Еще одним фактором, ведущим к ошибкам зрительного внимания могла бы быть степени активности и субъектности самого испытуемого. Можно предположить, что если испытуемый имеет возможность активно отнестись к зрительному стимулу, то это снизит количество ошибок зрительного внимания. Однако в экспериментах П.Йохансона и Л.Халла^[3] это не подтвердилось, что и получило название слепоты к выбору. Эти результаты заставляют задуматься над целым рядом социально значимых вопросов. Что на самом деле меряют опросы общественного мнения? Какова реальная степень изменчивости наших моральных предпочтений? Подчеркнем, что основной эмпирический факт данного исследования состоит в том, что следующие после выбора обсуждения и аргументации имеют большее значение, нежели те умозаключения или суждения, которые были до.

Отдельный интерес составляют существующие объяснения слепоты к выбору. Во многом они зависят от того, насколько исследователи склонны полагать, что данный феномен имеет общую природу с другими ошибками зрительного восприятия. Так, например, считается, что это схожие феномены: и в том, и в другом случае основную роль в их возникновении играет момент прерывания зрительного образа. Соответственно, возникают следующие возможности. Первая: старая «картинка» полностью замещается новой, и в своих дальнейших рассуждениях человек начинает опираться

только на нее. Вторая: старая «картинка» оказывается настолько «сильной», что никуда не исчезает – согласно эффекту первого впечатления, - и человек в дальнейшем исходит из нее. И третья: обе «картинки», и старая и новая, существуют одновременно, и именно поэтому человек не может их сравнить: фокус его внимания удерживается только на одной и если изменения происходят в ней, то это замечается, а если внимание переключилось на другой объект-«картинку», то «файл», с которым на данный момент внимание не работает, просто уничтожается.

Изучение феноменов зрительного внимания имеет значение не только для психологии внимания. Ведь одно из современных предположений относительно мыслительных процессов состоит в том, что они делятся на два типа: 1) быстрые и автоматические и 2) медленные, рефлексивные [2], у каждого из которых есть свои ограничения. Феномены функциональной слепоты играют важную роль в каждом из них. Ведь во всех описанных выше экспериментах есть одна общая черта: после «столкновения» с фактом своей функциональной слепоты испытуемые переживают удивление или же пытаются как-то рационализировать свое поведение, не признавая само наличие ошибки, что свидетельствует об ограниченности нашей рефлексии. Иными словами, вместо того, чтобы как-то исправить и/или признать совершенную ошибку восприятия, наш механизм рефлексии в большинстве случаев выполняет, по сути, защитную функцию. Получается, что мы в итоге не столько стремимся к познанию мира, сколько к подтверждению уже имеющегося у нас знания о нем. Еще менее изученной остается судьба той информации, которая «выпала» из фокуса внимания: те «файлы», которые не были задействованы в нужный момент, удаляются ли они навсегда? Если нет, то как и когда они будут или не будут использованы? Саймонс и Шабри отвечают на этот вопрос только через идею наличия у каждого человека «здорового смысла»: подобное сохранение играет роль в принятии решений, не требующих от нас никакой рефлексии, что в итоге и дает человеку уверенность в полноте его восприятия. Но представляется, что дело не только в этом: именно в факте этого сохранения кроются потенциальные возможности нашей интуиции (как способности принимать максимально адекватные решения в ситуации нехватки информации и времени) и инсайтов (если речь идет о решении мыслительных задач).

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА РЕБЕНКОМ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ ВНЕ СЕМЬИ

О.В. Белоус, К.Е. Жаворонкова (Армавир)

Процесс социальной адаптации человека обусловлен его социальным опытом. Следует отметить, что социальный опыт ребенка, воспитывающегося вне семьи, составляют как элементы синтеза сложившейся культуры, так и элементы обыденного сознания, но их соотношение всегда достаточно неопределенно и дискретно.

Процесс воспитания и обучения младших школьников в интернатных учреждениях к детскому социальному опыту практически не обращается. В результате такого педагогического пренебрежения личностное развитие детей серьезно обедняется.

Одна из важнейших задач воспитания младшего школьника в детском доме — помочь ребенку обращаться к своему жизненному опыту на рефлексивном уровне, сделать его предметом самопознания, самоанализа. Предлагая детям тот или иной элемент содержания воспитания, обучения, их следует направлять не столько на реализацию этого содержания, сколько на соотнесение последнего со своим социальным

опытом: что принять, от чего отказаться, в каких прежних представлениях усомниться, в чем еще раз утвердиться, над чем впервые задуматься.

Как известно, социальный опыт ребенка является результатом его социализации и воспитания. Овладение социальным опытом происходит у ребенка тремя взаимосвязанными путями. Во-первых, оно идет стихийно, так как ребенок с самых первых шагов выстраивает свою индивидуальную жизнь как человеческое существо, как член человеческого сообщества. Причем ребенок не пассивно вбирает воздействия окружающей среды, а, включаясь в совместные с другими людьми акты поведения, присваивает социальный опыт. Во-вторых, овладение социальным опытом реализуется и как целенаправленный процесс, как нормативное (специально организованное обществом в соответствии с его социально-экономической структурой, идеологией, культурой и целями) воспитание, просвещение, обучение. В-третьих, социальный опыт ребенка складывается и спонтанно. Современная наука (в частности, физиология и этология) на богатейшем эмпирическом материале выявила феномены врожденной адаптированности человека к условиям окружающей его реальности.

Социальный опыт — это всегда результат действий ребенка, активного взаимодействия с окружающим миром. Овладеть социальным опытом — значит не просто усвоить сумму сведений, знаний, навыков, образцов, а обладать, владеть тем способом деятельности и общения, результатом которого он является.

Таким образом, первой важнейшей составляющей механизма становления социального опыта ребенка выступает деятельность.

Первый уровень предметного содержания социального опыта ребенка складывается вокруг знания о том, «как делать». Второй уровень предметного содержания социального опыта ребенка связан с формированием «вторичного знания», получаемого в общении, знания «как делают другие». Ребенок включает в свой опыт не только то, что было продуктом его собственной деятельности, но и то, что сделали другие люди. Однако это произойдет лишь при условии, что действия «другого» или сам их «продукт» как-то эмоционально затронут ребенка.

Для объяснения механизма становления социального опыта ребенка следует обратиться и к феномену социальной роли личности..

В социально-психологической литературе различается «играние роли» и «принятие роли». Под игранием роли понимается организация поведения в соответствии с групповыми нормами, а под принятием роли — требование к действующему лицу представлять себя на месте другого человека, стремиться вообразить, как ты сам выглядишь с точки зрения другого человека. Получается, что социальные противоречия и конфликты между людьми — это результат непонимания ролей друг друга, а значит, для того чтобы приходило к согласию, люди должны научиться взаимному принятию ролей.

Значение социальной роли в механизме становления социального опыта ребенка нельзя объяснить без рассмотрения связанных с ролью понятий «позиция» и «ожидание». Человек занимает в обществе определенную позицию (позицию отца или матери, дочери или сына, учителя или ученика и т. д.), а с ней непременно связана совокупность прав и обязанностей. Исходя из этого общество можно представить как систему взаимодействующих позиций, а позицию — как структурно оформленную единицу общества. Роль в такой интерпретации означает совокупность действий, которые производит субъект для реализации занимаемой им позиции, и, следовательно, является одновременно и видом социальной деятельности и способом поведения личности в обществе.

Третий элемент, определяющий становление социального опыта ребенка, — его самосознание, без которого не состоится ни познание социального мира, ни социальное самоопределение в этом мире. Социальный опыт, определенным образом «закодированный» в социальной роли, будет присвоен ребенком только по мере активности его самосознания, по мере осознания своего взаимодействия с окружающим социумом, своей активности в этом взаимодействии.

Р.Бернс определяет «Я-концепцию» как динамическую систему представлений человека о самом себе, установок, направленных на самого себя, куда входят: а) образ «Я» — собственное осознание своих физических, интеллектуальных, нравственных и других качеств; б) самооценка; в) потенциальная поведенческая реакция (конкретные действия, которые могут быть вызваны образом «Я» и самооценкой).

Четвертым элементом психолого-педагогического механизма становления социального опыта ребенка являются его социальные отношения, в которых он соотносит себя с действительностью.

Современная социальная психология детства рассматривает социальные отношения ребенка в нескольких аспектах: функционально-ролевые отношения, эмоционально-оценочные отношения, личностно-смысловые отношения.

Таким образом, можно выделить следующие элементы психолого-педагогического механизма становления социального опыта ребенка: деятельность, социальные роли личности, самосознание, социальные отношения. Именно они должны стать предметом внимания специалистов детских домов, школ интернатов в процессе организации социального воспитания детей-сирот и социальных сирот.

ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Ю. А. Белоус (Краснодар)

Здоровье и культура человека всегда были, есть и будут одними из основных ценностей, которые характеризуют развитость цивилизации. Современная ситуация общественного развития с наметившейся тенденцией ухудшения состояния здоровья людей всех возрастов, особенно молодежи, с одной стороны, и развитием процесса гуманизации общества, инициировала рассмотрение личности как высшей ценности и актуализировала развитие ее социокультурного, нравственного, интеллектуального и физического потенциала.

Мы живем в эпоху кризисов и социальных перемен. Тем не менее, в одних и тех же обстоятельствах люди ведут и чувствуют себя по-разному. На некоторых людей жизненные сложности действуют угнетающе, приводят к ухудшению физического состояния. У других, те же проблемы способствуют пробуждению скрытых ранее ресурсов, духовному совершенствованию и успешной самоактуализации — как бы вопреки экстремальным ситуациям. Что же позволяет человеку проявлять жизнестойкость? Что дает ему силы для сохранения здоровья, душевного комфорта, активной созидательной позиции в сложных условиях? Можно ли помогать человеку уже с детства находить опору в себе самом, наращивать ресурсы психологического противостояния негативным факторам реальности и взаимодействия с благотворными сторонами той же реальности? Ребенок беспомощен, но мудрость взрослых дает ему защиту, так как именно окружающие ребенка взрослые способны создать приемлемые условия для его полноценного развития. Основа такого развития — психологическое здоровье, от которого во многом зависит здоровье человека в целом.

Само понятие психологического здоровья (этот термин введен лишь недавно И.В.Дубровиной) долгое время входило в базовое содержание психического здоровья как его часть, и опыт психопатологии необоснованно применялся в отношении психики нормального человека. Однако современная наука разграничивает сферы психического и психологического здоровья. Это разные области: различен их инструментарий, критерии определения нормы, пути и методы коррекции нарушений. Психологические отклонения более обратимы, их своевременная диагностика и грамотная коррекция призваны помочь человеку выработать средства саморегуляции, позволяющие ему справляться с внутренними проблемами самостоятельно, до того как эти проблемы обретут необратимый характер.

Наиболее дискуссионным является вопрос о путях формирования психологически здоровой личности. Очевидно, что заботиться о психологическом здоровье человека нужно с детства, а для этого необходимо знать факторы, оказывающие неблагоприятное воздействие на его развитие.

Необходимо, чтобы родители и воспитатели владели элементарным психологическим инструментарием, базовыми сведениями о возрастных проблемах детей.

И.В. Дубровина неоднократно указывала, что главная цель работы взрослых в ДОУ - обеспечение психического и психологического здоровья детей. К настоящему времени в отечественной психолого-педагогической науке уже накоплен достаточный потенциал, который лежит в основе успешной реализации в образовательных учреждениях указанной цели (М.Р.Битянова, И.В.Дубровина, О.А.Карабанова, С.В.Кривцова, Е.А. Мухаматулина, Р.В. Овчарова, А.М. Прихожан, А.С.Прутченков, Н.Н. Толстых, Л.М.Фридман, О.Н. Усанова и др.).

Психологическое здоровье является необходимым условием полноценного функционирования и развития человека в процессе его жизнедеятельности. Таким образом, с одной стороны, оно является условием адекватного оценивания человеком своих возрастных, социальных и культурных ролей (ребенка или взрослого, учителя или менеджера и т. п.), с другой стороны обеспечивает человеку возможность непрерывного развития в течение всей жизни.

Основная функция психологического здоровья — это поддержание активного динамического баланса между человеком и окружающей средой в ситуациях, требующих мобилизации ресурсов личности.

Анализ литературы позволяет утверждать, что психологическое здоровье можно описать как систему, включающую аксиологический, инструментальный и потребностно-мотивационный компоненты.

Психологическое здоровье позволяет личности постепенно стать самодостаточной, регулирующей свои психические процессы, ориентирующейся в поведении и отношениях не только на задаваемые извне нормы, но и на внутренние осознанные ориентиры. Говоря о психологическом здоровье личности дошкольника, мы выделяем психологическое здоровье, основу которого составляет полноценное психическое развитие на всех этапах детства, т. е. удовлетворение возрастных потребностей ребенка, успешность овладения им ведущей деятельностью.

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ПОДРОСТКОВ

Е.М. Беляева (Елец)

Успех учебно-воспитательной работы со школьниками зависит от знания и учета их возрастных психологических особенностей. Это положение в еще большей степени относится к подростковому возрасту (от 10—11 до 15 лет), который считают переломным. Трудности, встречающиеся порой в учебной и воспитательной работе со школьниками-подростками, объясняются иногда недостаточным знанием или игнорированием особенностей и закономерностей психического развития в этом возрасте (Крутецкий, 1976). Однако, еще большие трудности возникают при работе с одаренными подростками, и здесь нужно быть особенно внимательными и осторожными, так как социальные проблемы могут необратимо погубить имеющийся потенциал.

Одаренная личность часто характеризуется недостаточной социальной адаптацией. Можно говорить о наличии интеллектуально-социальной десинхронии, которая характеризуется наличием высокого уровня развития интеллекта и недостаточно сформированными и апробированными социальными навыками.

Казалось бы, выдающиеся достижения, высокий творческий и интеллектуальный потенциал, которые присущи и демонстрируются одаренными подростками, должны формировать чувство уверенности в своих силах, а самооценка – повышаться. Однако вместо позитивного самовосприятия у молодых людей возникает заниженная самооценка.

Таким образом, одаренные люди часто испытывают трудности социализации, что вызывает у них высокое нервно-психическое напряжение, невротизацию, приводит к дезадаптации (Антонова, 2012). Подростковый возраст, тем не менее является тем возрастом, когда дети выбирают для себя способы, с помощью которых они будут в дальнейшем справляться с трудными жизненными ситуациями. В психологии эти способы принято называть копинг-стратегиями.

Проблема копинга как индивидуального способа взаимодействия личности с трудными жизненными ситуациями возникла в психологии во второй половине XX века. Первоначально понятие «копинг-поведение» использовалось в психологии стресса, и было определено как сумма когнитивных и поведенческих усилий, затрачиваемых индивидом для ослабления влияния стресса. В настоящее время, по высказыванию С.К. Нартовой-Бочавер, «будучи свободно употребляемым в различных работах, понятие «coping» охватывает широкий спектр человеческой активности – от бессознательных психологических защит до целенаправленного преодоления кризисных ситуаций» (Симатова, 2010).

Как было выяснено, копинг-поведение регулируется посредством реализации копинг-стратегий на основе личностных и средовых копинг-ресурсов. Копинг-стратегии рассматриваются как актуальные ответы личности на воспринимаемую угрозу, как способ управления стрессором.

Современные психологические данные позволяют говорить о том, что нормально адаптированные люди чаще прибегают к более продуктивным, адаптивным копинг-стратегиям и меньше используют непродуктивные. Личности же с дезадаптивным поведением склонны к мало продуктивным стратегиям, таким как уход от проблем и трудностей, отрицание и изоляция (Симатова, 2010).

Получается, что одаренные подростки находятся в так называемой группе риска – с одной стороны они склонны к дезадаптации а с другой, нарушения адаптации провоцируют выработку непродуктивных стратегий поведения.

Для того, чтобы выяснить, какие копинг-стратегии чаще всего выбирают подростки, нами было проведено исследование, в котором приняли участие 158 учащихся 6-х и 7-х классов в возрасте 12 – 13 лет. В качестве методики исследования, была выбрана методика Д. Амирхана – индикатор копинг-стратегий. Она предназначена для диагностики доминирующих копинг-стратегий личности и адаптирована в Психоневрологическом научно-исследовательском институте им. В.М.Бехтерева. Испытуемому предъявляется бланк, который содержит несколько вариантов преодоления проблемной ситуации. Ознакомившись с ним он должен определить, какие из предложенных вариантов обычно им используются. Далее, для каждого утверждения испытуемый должен выбрать один из трех возможных вариантов: полностью согласен, согласен, не согласен. При обработке результатов, с помощью ключа, ответы распределяются по трем шкалам: разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание проблем, после этого начисляются баллы по каждой шкале и определяется уровень развития каждой копинг-стратегии.

Результаты нашего исследования показали, что 45 процентов (22 процента-мальчики, 23 процента-девочки) испытуемых используют стратегию избегания проблем, которая является дезадаптивной. 17 процентов (6 процентов-мальчики, 11 процентов-девочки) используют стратегию поиска социальной поддержки и всего лишь 4 (1% -мальчики и 3 % -девочки) процента детей ориентированы на разрешение проблемы. 34 процента опрошенных подростков находятся еще в стадии становления. С возрастом ситуация не меняется. Так например, если среди учеников 6 класса распределение составляло – 1 процент(разрешение проблем), 4 процента(поиск социальной поддержки) и 18 процентов(избегание проблем), то в 7 классе оно составляло уже 3, 12 и 26 процентов соответственно.

Выводы

1. Нет различий по типу копинг-стратегий между подростками мальчиками и девочками, между учениками 6-го и 7 го классов
2. Подростки с одинаковой вероятностью выбирают копинг-стратегии разрешение проблем и избегание проблем. В меньшей мере они готовы искать поддержку у других

Такие результаты не могут не настораживать, так как означают, что практически половина детей уже дезадаптирована и с возрастом ситуация ухудшается. Естественно, если в это количество попадают дети с повышенным уровнем креативности, то ситуация дезадаптации может вызвать у них падение этого уровня. Как следствие может произойти заглушение развития креативных способностей.

Все это приводит нас к выводу о том, что необходимо проводить работу по преодолению дезадаптации и выработке наиболее результативных копинг-стратегий.

ТРЕХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ: РАЗРАБОТКА И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ

А.В. Бердыган (Хабаровск)

Анализ исследований профессиональной мотивации в отечественной и зарубежной науке выявил их дискретный и дискуссионный характер. Разнообразие научных

взглядов и подходов к исследованию мотивации не дают единого представления о данном психологическом явлении. Большинство исследователей изучают отдельные компоненты мотивационной сферы личности в процессе профессионального становления: учебно-профессиональные мотивы, познавательный интерес, поведенческий аспект мотивации, ценностно-смысловой компонент, эмоциональные характеристики, установки учебно-профессиональной мотивации, содержание и уровни интенсивности проявления мотивов, цели и т. д. (Н.Ю. Воронкова, А.Л. Сыркина, О.И. Павлюк, А.В. Коноваленко, О.И. Зайцева, В.А. Суворов, Ю.В. Бессонова и др.). В связи с этим встает вопрос о необходимости разработки единой концепции профессиональной мотивации, которая смогла бы интегрировать в себе все основные источники мотивационного поведения личности. Выделение теоретической модели профессиональной мотивации, на наш взгляд, позволит разрешить противоречие в подходах к ее пониманию.

В основных теориях исследования мотивации описана мысль о том, что психологические образования, отвечающие за мотивационную сферу личности (планы, интересы субъекта, желания, стремления, цели, установки, представления и т. д.), порождаются совместно как аффективными, так и когнитивными процессами (Ж. Нюттен, П.М. Якобсон и др.), в основе которых лежит базовая ценностно-смысловая структура (Б.С. Братусь, Б.И. Додонов, М. Рокич и др.). Профессиональная мотивация протекает на всех уровнях психической регуляции деятельности и является доминирующей тенденцией активности личности по освоению профессии. Таким образом, создание единой трехкомпонентной модели профессиональной мотивации позволяет избежать одностороннего подхода к ее описанию. В рамках данной модели были выделены основные содержательные компоненты: ценностно-смысловой, когнитивный и эмоциональный.

Ценностно-смысловой компонент профессиональной мотивации является фундаментом ее содержания и включает в себя: направленность личности; системы ценностных и смысложизненных ориентаций, отвечающие за субъективное отношение личности к важнейшим целевым программам, формирование интересов, склонностей и устремлений человека. Ценности входят в психологическую структуру личности, являясь при этом одним из главных источников мотивации. Отражаясь в сознании в виде ценностных ориентаций, они определяют основные стратегические жизненные цели и общие мировоззренческие ориентиры. Ценностные ориентации формируют содержательную сторону направленности личности и составляют основу ее отношений к другим людям, к самому себе, к профессиональной деятельности, основу мировоззрения и ядро мотивационной активности. По мнению Б.С. Братуся, личностные ценности, как осознанные общие смысловые образования, являются конституирующими единицами сознания личности и определяют главные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам жизни в целом, и к профессиональной деятельности в частности (Б.С. Братусь, 1988). В нашем понимании, ценностно-смысловой компонент мотивации является основой для формирования содержания когнитивного и эмоционального компонентов. Дальнейшее формирование основных целевых объектов и эмоционального отношения к профессиональной деятельности происходит под влиянием базовых ценностных ориентиров личности.

Содержание когнитивного компонента профессиональной мотивации определяется совокупностью профессиональных представлений и мотивационных объектов, которые включают в себя образы целей, планов, объектов желаний, связанных с профессиональной деятельностью. Происходит трансформация базовых ориентиров личности (ценностей, направленности, стратегических приоритетов) в конкретные

цели и планы действия. При этом мотиваторами становятся те психические проявления, которые приобретают свойство побуждения: интересы, желания, цели, представления о профессии и т. д. (П.М. Якобсон, 1968).

Эмоциональный компонент профессиональной мотивации включает в себя отношение личности к процессу и продуктам его деятельности и отвечает за силу побуждения, энергетическую основу активности и связанную с этим профессиональную продуктивность. Согласно Ж. Нюттену, аффективные и когнитивные процессы совместно создают объективно направленные значения-структуры: задания, планы поведения и интересы (I. Nuttin, 1976). Аффект, рожденный из опыта деятельности или когнитивной переработки потребностей, ведет к возникновению мотивации, направляющей профессиональное поведение. Таким образом, эмоции образуют одну из основных мотивационных категорий человека (С.С. Томкинс, К.Е. Изард и др., 1980).

Выделение трехкомпонентной модели профессиональной мотивации позволит избежать локального подхода к ее пониманию и дальнейшему развитию. Использование данной модели как теоретической основы для создания программ формирования профессиональной мотивации различных профессиональных групп на всех этапах профессионализации повысит их эффективность.

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФИЛЯ

А.А. Бехтер (Москва)

Профессиональная деятельность, связанная с оказанием помощи другим людям имеет ряд требований к будущему специалисту и к его уровню ее личностно-профессионального развития. В условиях работы специалиста помогающего профиля рефлексивность как способность как самоосознанию себя и своей деятельности, ситуации и мира приобретает особую важность. Исследование рефлексивности специалистов помогающего профиля необходимо для понимания роли прошлого опыта в жизни конкретного человека, его способов осмысления трудных или повседневных ситуаций, роли рефлексивности в его профессиональной деятельности.

Цель нашего исследования - с помощью психодиагностических методик изучить рефлексивность специалистов помогающего профиля и выделить ее особенности. Гипотетически мы предположили, что у специалистов данного вида труда существуют особенности рефлексивности, связанные с профессиональной деятельностью. Объектом эмпирического исследования выступили специалисты помогающих профессий на территории Хабаровского и Приморского края Дальневосточного Федерального округа России. Общий объем выборки 160 человек: 40 врачей, 40 учителей, 40 социальных работников 40 психологов. При этом учитывались такие показатели как возраст, пол, социальный уровень, образование, сфера профессиональной деятельности. В диагностический инструментарий вошли следующие методика измерения уровня рефлексивности (Карпова А.В.), методика определения уровня онтогенетической рефлексии (Фетискина Н.П.). Для обработки данных применялся кластерный анализ (метод k – средних), дисперсионный анализ (ANOVA), и t- критерий Стьюдента для независимых выборок.

Полученные результаты по исследованию рефлексивности подверглись кластерному анализу (метод k - средних). Итогом кластерного анализа стало распределение испытуемых на 3 группы, в соответствии с заданными показателями - уровень общей

рефлексивности и рефлексии прошлого опыта. Распределение групп получилось следующее: 1 кластер (n = 70), 2 кластер (n = 58), 3 кластер (n = 32). Дисперсионный анализ показал, что различия по указанным переменным существенны и достоверны.

Первый кластер составили личности (15 врачей, 25 социальных работников, 27 педагогов, 3 психолога) со средним уровнем онтогенетической рефлексии (рефлексии прошлого опыта) и низким уровнем общей рефлексивности среди всех трех кластеров. Онтогенетическая рефлексия предполагает анализ прошлых ошибок, успешного и неуспешного опыта жизнедеятельности. Средний уровень онтогенетической рефлексии в данном кластере близок к показателю высокого (высшая граница среднего или нижняя граница высокого). По интерпретации автора методики (Фетискина Н.П.), эти люди обладают хорошим анализом прошлой ситуации и умеют использовать этот опыт в настоящем, демонстрируя способности к хорошему планированию и предвидению собственного будущего. Субъективное переживание, возникающее при этом «творец собственной жизни». При этом общий уровень рефлексивности низкий. Возможно шаблонность мышления, созданная прошлым опытом, не запускает механизм рефлексивности, чтобы не разрушать привычные когнитивные схемы. Поэтому механизмы планирования будущего могут быть действительно хорошо развиты, но проживание жизни может идти по принципу «избегание неудач и неизвестности». Как известно, рефлексивность запускается механизмом неоднозначной или трудной для личности ситуации. Объединенные в этом кластере группа людей отличается такой особенностью как не раздумывать много над происходящим, а опираться на прошлый опыт, считая его единственно правильным.

Второй кластер составили личности (21 врач, 11 социальных работников, 7 педагогов, 18 психологов), обладающими следующими характеристиками: средним уровнем общей рефлексивности и средним уровнем рефлексии прошлого опыта. Средний уровень онтогенетической рефлексии связан такими проявлениями как избегание неудач и постоянными сомнениями в правильности собственных действий. Склонность действовать по образцу проявляется здесь сильнее всего. Вероятно, это связано с недостаточным переосмыслением прошлого опыта и средней общей способностью к анализу событий и ситуации, себя в ней и своего отношения к происходящему. Критические ситуации для данного кластера – это ситуации не похожие на прошлый опыт, где нужно отрефлексировать события с точки зрения разных временных периодов с учетом настоящего и себя самого в нем.

Третий кластер составили личности (3 врача, 3 социальных работника, 5 педагогов, 19 психологов). У представителей этого кластера были выделены следующими характеристиками: высоким уровнем рефлексивности и средними показателями рефлексии прошлого опыта. Учитывая такой уровень рефлексивности, люди обладают высокой способностью планирования, моделирования ситуации, оценки результатов своей деятельности на основе анализа событий. Большинство людей, попавших в этот кластер, являются психологами, работающими в сфере психотерапии и преподавания психологии (средний возраст испытуемых 45 лет, стаж работы - 25 лет). Поэтому для них характерно осознание своего отношения к ситуации, своих действий, своего выбора и значение прошлого опыта, так как это является неотъемлемой частью их профессиональной деятельности.

Таким образом, наше эмпирическое исследование позволило сделать ряд выводов относительно рефлексивности как особого свойства личности у специалистов помогающих профессий:

1. В результате исследования было установлено, что уровни развития рефлексивности (низкий, средний и высокий) у испытуемых обусловлены особенностями их

профессиональной деятельности (условия при повышенной моральной ответственности, постоянное включенность в общение с другим человеком, оказание помощи) и конкретной специальностью (врач, социальный работник, психолог, педагог).

2. Ведущим фактором в определении рефлексивного типа личности является временной фактор в отношении рефлексии (рефлексия прошлого, настоящего и будущего).

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫХ СТУДЕНТОВ

Е.И. Бирюлина (Владимир)

В современной психологии термин «Мотив» применяется для обозначения различных явлений и состояний, вызывающих активную деятельность субъекта. Изучение причин активности человека и животных началось с древнейших времен.

В условиях нестабильного политического положения в стране все большее количество молодых людей стремится к активности именно в этой сфере деятельности. Что именно побуждает их к этому шагу? Какие именно мотивы участвуют в стремлении политически активных студентов заниматься этим делом?

В изучении процесса мотивации возникают сложности и противоречия, которые объясняются тем, что каждый автор имеет свой взгляд на данную проблему, каждый по-своему трактует содержание данного процесса, структуру мотива.

Актуальность исследования мотивационной сферы обусловлена все возрастающим интересом к психологии личности, а мотивационная сфера, безусловно, является ее ядром. Усложнение деятельности людей, их поступков, изменяющаяся социальная обстановка делают изучение мотивации поведения человека актуальной проблемой психологии.

Целью исследования является изучение особенностей мотивационной сферы личности политически активных студентов.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические источники по проблеме.
2. Выявить особенности мотивационной сферы личности политически активных студентов.
3. Провести диагностику особенностей мотивационной сферы личности политически активных и политически неактивных студентов.

Объект исследования – мотивационная сфера.

Предмет исследования – мотивационная сфера личности политически активных студентов.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что мотивационная сфера политически активной студенческой молодежи существенно отличается от мотивационной сферы студентов, не занимающихся политической деятельностью.

Методы исследования: 1. Метод анализа теоретических источников; 2. Метод тестирования с применением следующих методик: «Мотивация достижения»; «Пирамида потребностей. Методика актуальности основных потребностей» И.А. Акиндиновой; «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А.А. Реана; 3. Методы математической статистики.

Поведение политического активиста является целенаправленным и мотивированным. Существует множество различных мотивов, которые так или иначе связаны с его политической деятельностью.

С целью изучения особенностей мотивационной сферы личности политически активных студентов нами было проведено исследование двух групп испытуемых. В нём участвовало 76 студентов в возрасте от 19 до 25 лет, которым были предложены методики на выявление особенностей мотивационной сферы личности. В экспериментальную группу входило 40 политически активных студентов, участников молодежного форума «Селигер», смены «Политика», и 36 политически неактивных студентов. Отбор проходил методом фильтрующего опроса.

Мы сравнивали группы по уровню мотивации достижения; по мотивации успеха и боязни неудач; и по ведущим мотивам.

По результатам исследования были выявлены следующие особенности мотивационной сферы личности политически активных студентов:

- Уровень мотивации достижения выше у политически активной молодёжи. Процент студентов с высоким уровнем достижения гораздо выше в первой группе (20%/2,4%) Это говорит о том, что политически активная молодёжь стремится к улучшению своих результатов, присутствует неудовлетворенность достигнутым, настойчивость в достижении своих целей, стремление добиться «своего» во что бы то ни стало. Это важные свойства личности будущего политического деятеля.

- При выявлении мотивации на успех и мотивации на избегание неудач явных различий выявлено не было (показатели в зоне незначимости). В обеих группах больше чем у половины испытуемых (55%;61%) эти типы мотиваций ярко не выражены. Но в первой группе практически у всех этих испытуемых прослеживается тенденция к мотивации на успех.

- Ведущие мотивы в обеих группах различны. У политически активных испытуемых преобладает потребность в самореализации (50%), а в группе политически неактивных испытуемых на одинаковом уровне потребность в материальном положении(36%) и потребность в безопасности(33%).

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза, что существуют отличия в мотивационной сфере политически активных студентов, подтвердилась.

ИМИДЖ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Н.М. Блинова (Иркутск)

Актуальность психологических исследований имиджа обусловлена, во-первых, социальным заказом, отражающим возросшую значимость феномена для политических, экономических, общественных процессов, социальной успешности и адаптивности человека, во-вторых, неоднозначностью научного понимания механизмов имиджирования, структуры имиджа, его свойств и связей. Понятие «имидж» впервые было употреблено американским экономистом Болдуингом и стало активно использоваться политологами. В России данный термин сначала употреблялся лишь в политологии и был связан только с имиджем политиков. В дальнейшем этот термин распространился и на другие объекты (имидж фирмы, имидж товара).

«Имидж» образован от английского слова «image», которое имеет множество значений: образ, отражение, идол, копия, метафора, воплощение, репутация. Можно ска-

зять, что имидж – это символический образ, на основе которого формируются отношения, мнения, стереотипы. Имидж всегда включает в себя эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты. Он может возникать в сознании и в подсознании индивида (учитывая это, для построения имиджа часто используют мифы как наиболее действующие на подсознание системы символов, метафор, архетипов) и включает в себя вербальные и невербальные средства репрезентации. Согласно данному пониманию, имидж – это символический образ или образ-символ. В этом случае символы определяются с точки зрения семиотики. Символами являются знаки, не связанные с обозначаемым естественной связью или внешним сходством, они связаны друг с другом искусственно или условно (Перелыгина Е.Б., 2002).

Структуру имиджа в таком случае можно представить как семиотическую систему. Изучение имиджа проводится по трем направлениям: синтаксическому, семантическому и прагматическому (Кыштымова И.М., 2006).

В англоязычных странах в литературе по формированию имиджа имидж определяется, как «отражение в психике человека в виде образа тех или иных характеристик объекта или явления» (Панасюк А.Ю., 2008). Имидж представляется как отражение человеком определенных характеристик субъекта или субъекта имиджа – имидженосителя. Имидженоситель произвольно или непроизвольно формирует эти характеристики и транслирует их. Здесь человек воспринимающий предстает как некое зеркало, принимающее и отражающее транслируемый образ, но, в отличие от зеркала, имеющий активную природу.

Имидж также можно представить в виде изваяния и копии одновременно, как оболочку, сформированной человеком (осознанно и неосознанно) для коммуникации с другими людьми (слепок с самого себя).

А формируя имидж современным политикам, организациям и даже товарам, не пытаются ли создавать имиджмейкеры подчас идиологов?

Учитывая то, что понятие «метафора» определяется как переносное значение, как слово и выражение в переносном значении. «Метафора – словесное или образное иносказание, передающее смысловую и содержательную сущность кого-либо или чего-либо» (Горчакова В.Г., 2011). Можно сказать, что имидж – это метафора человеческой души, метафора психики и сознания человека.

«Художественный замысел поэта, чтобы осуществить себя, должен облечься в конкретную форму: этот акт оформления поэтического замысла и выхода его из безобразного хаотического состояния — есть акт воплощения. В творческом процессе он является одним из существенных актов, ибо ему главным образом и обязано художественное произведение своим появлением на свет» (Словарь литературных терминов, 1925). Из приведенного суждения можно сделать вывод, что имидж или образ – естественная и необходимая составная часть человеческой природы. И человеку необходимо облечь свою внутреннюю форму во внешнее выражение. Причем, можно предположить, что акт формирования имиджа является творческим актом.

И наконец, в каком-то смысле репутация это и есть имидж, но если имидж – это в большей степени образ и портрет, то репутация – это оценка и мнение (Сальникова Л.С., 2006). Имидж больше строится на эмоциональных предпочтениях, а репутация на рациональных (Елшина Е., 2009).

Для рассмотрения имиджа удобно использовать три критерия: индикаторы, каналы получения основных частей имиджа и направления построения имиджа (Ушакова Н.В., Стрижова А.Ф., 2011).

Рассматривая имидж как образ и отмечая, что этот образ попадает к другому через восприятие, остановимся на том, как же этот процесс восприятия происходит. В.А.

Петровский, обобщая размышления психологов, пишет о том, что в образе восприятия выделяются три слоя: 1) «чувственные впечатления» или ощущения, образующие «чувственную ткань сознания»; 2) «значения»; 3) «смыслы» (Петровский В.А., 1992). Он отмечает, что в ходе восприятия человек не только приобретает синтез ощущений, но и категоризирует данные и осмысливает их. В ходе восприятия вырабатываются понимание, личное отношение, оценка. Мы полагаем, что имидж, рассматриваемый нами, как образ, также проходит через эти три слоя. Изначально он является лишь результатом ощущений, в дальнейшем, приобретая очертания, он приобретает оболочку значений и только потом приобретает личные смыслы для имиджпотребителя.

Имидж всегда помогает выполнять ориентировку в действительности, в наличной социальной ситуации и побуждает к определенным действиям имиджпотребителей. Можно сказать, что имидж, как символический образ, несущий в себе определенное послание для другого, помогает осуществлять коммуникацию и интеракцию.

ПРОБЛЕМЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В.Н. Блохин (Горки, Беларусь)

Отклоняющееся поведение – система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам. Основные виды отклоняющегося поведения – преступность и уголовно ненаказуемое аморальное поведение (пьянство, наркомания, проституция, суициды, азартные игры и т.д.). Связь между этими видами отклоняющегося поведения заключается в том, что совершению правонарушений нередко предшествует ставшее привычным для человека аморальное поведение. Однако отклоняющееся поведение имеет и другую ось – культурно одобряемые отклонения.

Так как существуют нормы поведения, выработанные многовековым общежитием людей, имеются и отклонения от этих норм. Известный исследователь-девиантолог Ю.А. Клейберг считает, что девиантное поведение всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности, распространенным в обществе или группах нормам, правилам поведения, идеям, стереотипам, ожиданиям, установкам, ценностям.

Н. Смелзер определяет девиацию как отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя. Здесь, как можно заметить, речь идет не столько о поведении, сколько о его последствиях. В происхождении такого рода поведения особенно большую роль играют дефекты правового и нравственного сознания, содержание потребностей личности, особенности характера, эмоционально-волевой сферы.

Отклоняющееся поведение делится на:

делинквентное (преступное) поведение, – такое поведение, которое противоречит принятым в настоящее время правовым нормам и запрещено под угрозой наказания. По характеру и степени общественной опасности деяний делят на преступления, административные и гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки (по характеру действий они также делятся на преступления: против личности, преступления в сфере экономики, против государственной власти, против военной службы, против мира и безопасности человечества);

аддиктивное поведение является одной из форм отклоняющегося поведения с формированием стремления к уходу от реальности, который происходит путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых психоактивных веществ. Выделяют такие формы аддиктивного поведения как алкоголизм и наркоманию, токсикоманию, табакокурение, азартные игры, сексуальные аддикции и др.;

Асоциальное непроступное поведение отличается отсутствием явной направленности на причинение вреда другому человеку, хотя опосредованный вред вполне возможен. Он основан на таком уровне социализации личности, который предполагает «нормальность» ценностей и установок, присущих определенным группам лиц. Примерами негативной социализации могут стать принятие антисоциальных установок, норм и свойств личности, что мы часто наблюдаем в «закрытых» системах. Это выражается не только в адаптации к ним, но и в принятии этих норм, противоречащих ранее усвоенным просоциальным. Нам представляется, что такая ситуация возникает в случае адаптивного поведения субъекта, социальной незрелости и невыраженности критического мышления в структуре личности, а также это есть показатель наличия «нормы» на автоматическую адаптацию к любой субкультуре, независимо от ее направленности (что, однако, отлично от конформности). К примеру, в подростковом возрасте негативная социализация может реализовываться на уровне группообъединения личностей с антисоциальным складом на основе элементов подростковой субкультуры, отвечающих их нереализованным потребностям. К таким формам поведения относятся всякого рода поведение отвлечения, уходы, побеги, бродяжничество;

культурно-одобряемое отклоняющееся поведение – это такое поведение в основе которого лежат ценности и мотивы, не противоречащие глобальным ценностям человечества. Оно может быть связано с так называемым «опережающим» развитием; это, своего рода «нетипичная» социализация, при которой субъект выходит за рамки своего социального отражения (социум «не принимает»), но в силу своей самодостаточности личность не стремится к адаптации. Она привносит нечто новое и конструктивное, что позволит изменить ситуацию для последующих поколений.

Новое всегда выступает отклонением от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления и поэтому воспринимается как аномалия. При этом, чем значительнее новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем «аномальнее» оно выглядит. Неудивительно поэтому бесчисленные высказывания о связи (тождестве) гениальности и безумия, о патологии творчества, об изначальной (генетической) отягощенности творческой личности и т.п.

Подводя итог, необходимо отметить широкую распространенность девиантного поведения.

Несмотря на то, что процесс социализации «закладывает» социальную основу поведения личности, все же индивидуальные вариации поведения часто приводят к девиантным поступкам, что создает условия для динамики общественных явлений, а также динамики самого человечества.

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

А.А. Блохина (Тула)

Человек как субъект практической и теоретической деятельности, познает и изменяет мир. Действуя, он не только производит те или иные изменения в природе, в предметном мире, но и воздействует на других людей и сам испытывает воздействия, идущие от них и от своих собственных действий и поступков; он переживает то, что с ним происходит и им совершается. Переживание этого отношения человека к окружающему составляет сферу чувств или эмоций.

Изучением эмоций занимались такие выдающиеся отечественные и зарубежные психологи и нейрофизиологи как П. К. Анохин, Л. С. Выготский, К. Изард, К. Лоренц, Г. Спенсер, П. Фресс и другие.

Наиболее характерная черта ребенка — его эмоциональность. Он очень живо откликается на негативные и положительные изменения в его окружении. В большинстве случаев эти изменения носят позитивный характер, но при определенных условиях чувства могут играть и отрицательную роль, приводя к невротическим или соматическим расстройствам. Это происходит в тех случаях, когда сила эмоции достигает такой степени, что становится причиной стресса.

Своеобразие в развитии структуры эмоциональной сферы детей может существенно влиять на особенности их сознания и поведения. Среди нарушений эмоционального развития в детском и подростковом возрасте первое место занимают тревожность, боязнь, страхи, агрессия, повышенная эмоциональная истощаемость, трудности общения, депрессия, дистресс.

Важнейшим новообразованием дошкольного возраста выступает готовность к школьному обучению. Являясь итогом развития ребенка на протяжении первых 7 лет жизни, она обеспечивает переход к позиции школьника (А. Н. Леонтьев).

Почти все авторы, исследующие психологическую готовность к школе, особое место в изучаемой проблеме уделяют произвольности. Есть точка зрения, что слабое развитие произвольности — основная причина неуспеваемости в первом классе. Особенно важно для поступления в школу наличие волевых проявлений поведения и развитие умения произвольно регулировать свою деятельность.

Данная проблема является довольно актуальной на сегодняшний день.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что для изучения особенностей развития эмоциональной регуляции в старшем дошкольном возрасте может быть использована диагностическая программа, включающая следующие методики: графическая методика М. А. Панфиловой «Кактус», цветовой тест М. Люшера, методика Е. В. Никифоровой «Оцени поведение» (модификация теста А. Л. Венгера), тест тревожности (Р. Тэмпл, В. Амен, М. Дорки) и тест Розенцвейга «Методика рисуночной фрустрации» (детский вариант, модификация Н. В. Тарабриной).

В ходе исследования использовались следующие методы:

- 1) Теоретические: теоретический анализ психолого-педагогической литературы по проблеме эмоциональной регуляции;
- 2) Эмпирические: констатирующий эксперимент, тестирование, анализ продуктов деятельности;
- 3) Методы обработки данных: качественный и количественный анализ.

Исследование проводилось на базе МБДОУ №125 г. Тулы. В исследовании приняло участие пятеро детей старшего дошкольного возраста (5-6 лет).

Анализ теоретических данных и результаты экспериментального исследования позволяют сделать вывод о том, что для детей старшего дошкольного возраста характерна в целом спокойная эмоциональность, отсутствие аффективных вспышек и конфликтов. В то же время эмоции детей неустойчивы и ситуативны, среди специфических особенностей эмоциональной сферы отмечается тревожность, неуверенность, импульсивность и невысокая степень агрессии. Поведение старших дошкольников в состоянии фрустрации в целом конструктивно, наблюдается стремление найти конструктивный выход из критической ситуации.

Наша диагностическая программа была апробирована в ходе работы с детьми старшего дошкольного возраста. В ходе проведения графической методики М. А. Панфиловой «Кактус» у части испытуемых была выявлена агрессивность высокой степени и наличие импульсивности, у каждого из обследуемых было обнаружено возможное наличие тревоги. Цветовой тест М. Люшера показал наличие негативных тенденций и силы волевого усилия у большинства испытуемых. С помощью методики Е. В. Никифоровой «Оцени поведение» нам удалось выявить, что большинство испытуемых хорошо социализированы и обладают высоким уровнем социальной нормативности. Анализ результатов теста тревожности (Р. Тэмпл, В. Амен, М. Дорки) показал, что большинство детей обладают высоким уровнем тревожности. Тест Розенцвейга показал, что в критических ситуациях поведение большинства испытуемых в целом конструктивно, наблюдается стремление найти конструктивный выход из критической ситуации.

Данные результаты подтвердили ранее выдвинутую гипотезу о том, что для изучения особенностей развития эмоциональной регуляции в старшем дошкольном возрасте может быть использована диагностическая программа, включающая следующие методики: графическая методика М. А. Панфиловой «Кактус», цветовой тест М. Люшера, методика Е. В. Никифоровой «Оцени поведение» (модификация теста А. Л. Венгера), тест тревожности (Р. Тэмпл, В. Амен, М. Дорки) и тест Розенцвейга «Методика рисуночной фрустрации» (детский вариант, модификация Н. В. Тарабриной).

Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что проведенное исследование является чрезвычайно значимым для практической деятельности, поскольку показывает необходимость своевременного проведения диагностической работы, направленной на изучение особенностей эмоциональной регуляции у детей старшего дошкольного возраста.

ВЛИЯНИЕ КОРРЕКЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВУЮ СФЕРУ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ОПЫТ АБОРТА

А.И. Блюм (Курск)

Женщины, в анамнезе которых был аборт, при повторной беременности нуждаются в психологической поддержке и стабилизации эмоционального состояния, так как это особое жизненное событие, которое накладывает отпечаток на дальнейшее отношение женщины к последующей беременности и родам.

В нашем исследовании психологическому воздействию подверглись беременные женщины с негативным опытом беременности, у которых с помощью методики «Фигуры» Г.Г. Филипповой был диагностирован игнорирующий и тревожный тип переживания беременности. При этом, игнорирующий тип переживания беременности

мы связываем с непринятием роли матери, а тревожный – с амбивалентными чувствами, связанными с волнением по поводу исхода беременности.

Целью психологического воздействия является оптимизация эмоциональной и смысловой сферы беременной женщины, способствующие общему положительному настрою, улучшению психологического и соматического состояния.

Задачи психологического воздействия:

- осознание личностных смыслов;
- формирование образа ребенка и отношения к нему;
- осознание необходимости изменения своей жизни;
- изменение эмоциональной окраски имеющихся субъективных переживаний;
- обучение ценностному отношению к себе и ребенку.

Мишени психологического воздействия: эмоциональная и смысловая сфера беременной женщины. Мы предполагаем, что повышение уровня осмысленности жизни, снижение тревоги по поводу протекания беременности и родов будет способствовать формированию адекватного стиля переживания беременности, то есть высокому уровню значимости новой социальной роли женщины – роли матери, а так же благополучному принятию, освоению, фиксации и выполнению материнской роли.

Наше внимание в процессе проведения программы психологического вмешательства было обращено, в первую очередь, к субъективному миру женщины, поскольку возможность для неё услышать, поделиться группой своими переживаниями, чрезвычайно важны. Функцией в работе с беременными женщинами было, прежде всего, оказание всех форм поддержки, применяемых в гуманистической психологии. Само по себе общение в группе, предполагающее отсутствие критики любых высказываний, поощрение спонтанности, уважение к каждому участнику способствует снижению тревожности и раскрытию внутренних ресурсов. Особое внимание в процессе оказания психологического воздействия уделялось чувствам и их проявлению.

В нашем исследовании мы выдвинули частную гипотезу о положительном влиянии коррекционных мероприятий на эмоционально-смысловую сферу беременных женщин, имеющих опыт искусственного прерывания беременности. Мы использовали следующие методы: тест «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьева), модифицированный восьмичетовой тест Люшера, тест «Фигуры» В.И. Брутмана, Г.Г. Филипповой, И.Ю. Хамитовой.

Результаты, полученные после проведения психологического вмешательства, свидетельствуют о том, что под воздействием психологической коррекции частота встречаемости адекватного стиля переживания беременности увеличилась, за счет уменьшения количества женщин с тревожным и игнорирующим типом. Так после проведения коррекции количество женщин с негативным опытом переживания беременности имеющих тревожный тип переживания беременности уменьшилось на 55,6%. Так же произошла смена типа переживания беременности у женщины с игнорирующего на адекватный.

После психологического воздействия мы можем наблюдать изменения как в эмоциональной, так и в смысловой сферах, о чём свидетельствуют полученные данные до и после психокоррекционных мероприятий. После программы психологического воздействия снизился уровень тревожности, неуверенности, неудовлетворенности. А потребность в удовлетворении, спокойствии, устойчивой положительной привязанности, самоутверждении, потребности активно действовать и добиваться успеха терпение, самооценка, потребность в надеждах на лучшее увеличились. Отношение к жизни стало более позитивным. Такие эмоциональные состояния, как стресс, печаль,

переживание страха, душевный дискомфорт, негативное отношение к окружающей ситуации сменились на спокойствие и удовлетворенность.

Смысловая сфера беременных женщин с негативным опытом беременности увеличилась наличием целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Процесс своей жизни стал восприниматься как более интересный эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Повысилась оценка пройденного отрезка жизни, продуктивность и осмысленность прожитой жизни. Появилась уверенность в принципиальной возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора.

СПЕЦИФИКА МЕТОДА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА Б.А. ГРИФЦОВА

Е.Л. Бобылев (Арзамас)

Работать над «Психологией писателя» Б.А. Грифцов начал с июня 1923 по июнь 1924 года. С первых страниц книги заметна полемика ее автора с традиционным психологизмом. Б.А. Грифцов критиковал Д.Н. Овсяннико-Куликовского за абстрактное разделение художественного творчества на «субъективное» и «объективное». Неоднозначно отношение филолога и к потепбианскому пониманию искусства как «оживления» образной внутренней формы слова. От старого литературоведческого психологизма Б.А. Грифцов отходил, прежде всего, в том отношении, что последовательно и сознательно отстаивал суверенность художественного творчества, в процессе которого душевный опыт писателя подвергается принципиальной трансформации, преобразуется согласно специфическим законам искусства. Таким образом, главной задачей метода было изучение только психологии творческого акта, при отвлечении от всех нетворческих переживаний художника. В первую очередь Б.А. Грифцова интересовал вопрос о том, какие чувства испытывает «писатель по отношению к стоящей перед ним писательской задаче». Материалом его исследования оказывалось, прежде всего, само литературное произведение, его текст. В результате, общая формула метода может быть представлена следующим образом: от психологии писателя (определение типа творческого сознания - классицистическое, романтическое, реалистическое) - к анализу психологии литературного жанра (соотношение историко-социальных, композиционных - основополагающих и содержательно-идейных критериев) - к анализу эстетического впечатления (особенности воздействия произведения на читателя). Филолог отказывался от попыток объяснить произведение с помощью писем, дневников и прочих нехудожественных высказываний писателя. Б.А. Грифцов считал, что у творчества есть свои внутренние законы, а, значит, литература может не только раскрывать, но и скрывать личность писателя, поэтому напрасно искать в таких высказываниях окончательную истину о душевной жизни автора: «Если поэзию считать историческим свидетельством, то свидетельствует она только о том, чего не было в действительности, чего не хватало. Исторически она есть только негативное свидетельство». То есть поэзия сама начинает собою новый психический ряд, становясь не только отражением, но и новым фактом опыта. В своей жизни человек постоянно имеет дело с фактами духовной культуры, и эта искусственно созданная среда сама становится для него вполне реальным объектом восприятия и осмысления. Следуя традициям философии И. Канта и описательной

психологии, Б.А. Грифцов считал, что действительность духовная относительно независима от действительности материальной, и прежде всего это проявляется в творческой психологии писателя.

Особняком Б.А. Грифцов стоял и от новейшего направления в психологическом исследовании искусства - направления, основанного на принципах фрейдовского психоанализа. Его удивляло упрощенное, чисто психиатрическое истолкование этих трансформаций у З. Фрейда и его последователей. Искусство, по мнению Б.А. Грифцова, принципиально отличается от сновидений и патологического бреда, оно строится по своим законам и не сводится к простому проявлению бессознательного. Его взгляды на позиции психоанализа в области искусства совпадали с идеями Л.С. Выготского относительно этого вопроса.

К постижению художественного феномена Б.А. Грифцов и Л.С. Выготский шли независимо друг от друга и с совершенно различных сторон; первого интересовал процесс художественного творчества, второго - главным образом художественное восприятие («эстетическая реакция»); первый опирался на традиции описательной психологии, второй - на достижения экспериментальной психологической науки. Несмотря на это, между их книгами есть сходство не только в названиях, но и в содержании. Оба исследователя старались исходить прежде всего из материала самих художественных произведений, оба уделяли большое внимание психологической типологии жанров, независимой от личности конкретного автора или читателя. По-своему каждый из них решал задачу методологического обновления психологии искусства, связанную с осознанием суверенности творческого акта.

При анализе психологии жанров, в теории Б.А. Грифцова определенным образом предвосхищаются позднейшие исследования тех же проблем. Так, в главе «Начало романа» Б.А. Грифцов писал о связи между романами Ф.М. Достоевского и «контroversами» позднеантичных риторов. Здесь явно прослеживалась аналогия с концепцией «полифонического романа», сформулированная несколькими годами позже в книге М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929г.). По мнению С. Зенкина, М.М. Бахтин скорее всего был знаком, с этой идеей Б.А. Грифцова по его книге «Теория романа», вышедшей в 1927 году. Современник Б.А. Грифцова исходил не из психологии творчества, а прежде всего из философии субъекта и языка.

В целом, метод Б.А. Грифцова очень близок формальному методу, а точнее «описательному формализму». Это и утверждающий взгляд на художественную форму как на категорию, определяющую специфику литературы, игнорирование всех нелитературных компонентов творчества, отказ от генетических и эволюционных подходов к предмету литературы, отказ от сравнительного и исторического методов анализа. Однако само название работы Б.А. Грифцова «Психология писателя» говорило о преодолении ограниченности классического формализма. Он признавал и использовал понятие литературной функции, под которой понималось признание разнозначности одних и тех же литературных элементов в различные исторические эпохи. Это давало возможность отказаться от механистического толкования произведения как суммы художественных приемов. Приемы постигались не изолированно, а в меняющемся динамическом соотношении между собой и со всей литературной системой.

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ «УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК» В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

М.С. Богдан (Бердянск)

Младший школьный возраст – особенный период в жизни каждого ребенка. В 6-7 лет его помещают в новую для него среду – школу. К нему выдвигают правила, нормы, требования, к которым он еще не готов, ведь в детском саду основным видом деятельности была игра. При этом происходит перестройка всего субъективного отношения ребенка к действительности. При правильном подходе педагогов ребенок быстро включается в учебную деятельность и она, как и должно быть, становится его ведущей. Еще одной особенностью школы для ребенка является появление учителя – абсолютно нового постороннего человека. От того, как педагог себя преподнесет и от стиля его работы будет зависеть не только эффективность учения, но и развитие личности ученика в целом (Л.С.Выготский, Б.Г.Ананьев, В.Н.Мясищев, А.Н.Леонтьев, Л.И. Божович, С.Л.Рубинштейн, А.В.Петровский, М.И. Лисина, А.Г. Асмолов и др.).

Именно учитель для младшего школьника является наиболее значимой личностью. Стилль его поведения, как правило, бессознательно присваивается детьми и становится своеобразной культурой учащихся класса. Чтобы избежать возможных конфликтов и кризисов, нужно знать основные особенности взаимоотношений «ученик-учитель» и отношение самого школьника к педагогу в частности.

У детей младшего школьника макросистема «ребенок-взрослый» дифференцируется на две подсистемы: «ребенок-учитель» и «ребенок-родители». Система «ребенок-учитель» становится центром жизни младшего школьника. Она опосредует отношения «ребенок-родители» и «ребенок-сверстники».

Учитель-первый «полномочный представитель» общества, которого ребенок встречает в своей жизни. Этим и объясняется совершенно особое отношение к нему многих детей: любовь, доходящая до обожания, уважение, доходящее до почитания, восхищение, доходящее до преклонения. Для благоприятного вхождения ребенка в общество такое отношение имеет большое значение. Те дети, у которых оно отсутствовало, впоследствии обычно испытывают серьезные трудности в общении с социальной действительностью. Это естественно: ведь их первое столкновение с нею оказалось неудачным.

Социальная роль учителя связана с предъявлением детям важных, равных и обязательных для выполнения требований, с оценкой качества учебной работы. По словам В.С. Мухиной, учитель, неукоснительно предъявляющий требования к ребенку, оценивающий его поведение, создает условия для социализации поведения младшего школьника в пространстве обязанностей и прав. Учитель должен предъявлять одинаковые требования ко всем учащимся, учитывать их индивидуальные особенности для выбора того или иного способа воздействия.

Дети младшего школьного возраста любят учиться, и отношение к учителю вытекает из их общей мотивации учения. Как уже упоминалось: учитель для них высший авторитет, от его отношения зависят все остальные переживания школьника. Конечно, дети любят и уважают учителя, прежде всего за то, что он учитель, за то, что он учит, но в то же время у них есть свои ожидания по отношению к нему, и если учитель их не оправдывает, дети испытывают неудовлетворенность. Ученики относятся к учителю некритически, любое слово для них закон. Но при этом они хотят, чтобы

учитель был требовательным и строгим. Это подчеркивает серьезность, значительность их новой деятельности. И именно эта значимость и важность учителя и учения в жизни школьника вызывает определенные трудности и переживания у ребенка.

Впервые отношение «ребенок–учитель» становится отношением «ребенок–общество». В пределах взаимоотношений в семье имеется неравенство отношений, в детском саду взрослый выступает как индивидуальность, а в школе действует принцип «все равны перед законом». В учителе воплощены требования общества, в школе существует система одинаковых эталонов, одинаковых мер для оценки всех учеников. Ребенок очень чуток к тому, как учитель относится к другим: если он замечает, что у учителя есть «любимчики», то авторитет учителя ухудшается.

Отношение ребенка к учителю зачастую формируется дома. Поэтому очень важно, чтобы родители отзывались о педагоге уважительно. От этого зависит отношение к нему самого ребенка. В случае, если младший школьник будет правильно настроен по отношению к учителю, то педагог с легкостью сможет найти с ребенком общий язык. А от того, как ребенок будет чувствовать себя в школьной атмосфере, зависит его дальнейшее психическое развитие.

Таким образом, система отношений «ученик–учитель» в младшем школьном возрасте составляет особую часть жизни ребенка. При возникновении проблем в этой системе неминуемо возникнут трудности в развитии личности ребенка. Поэтому очень важно знать особенности этих отношений как родителям ребенка, так и педагогам.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ ПРИВАТНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ЕЕ АНОНИМНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ (АНАЛИЗ РАБОТ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Е.И. Богомолова (Краснодар)

Анализ зарубежных исследований в области проблем личности, личностной идентичности, проблем приватности и достоверности информации, предоставляемой о личности в социальных сетях, показал, что сегодня уделяется особое внимание роли межличностной коммуникации в виртуальном пространстве. Актуальны и активно исследуются проблемы манипулирования и иного негативного использования личной информации, предоставленной в социальной сети, проблемы безопасности личной информации и конструирования ложных идентичностей, а так же вопросы анонимности. Эти темы выносят на обсуждение западные теоретики и практики в области философии, психологии и социологии (Albrechtslund A. (Дания), Indalecio T. (США), Shanyang Zhao, Grasmuck S., Martin J. (США), Yong-Yeol A., Seungyeo H., Haewoon K. (Корея), Boyd D. (США) и др.).

Исследователями утверждается неразрывность внешнего и внутреннего мира личности пользователя, т.е. мир виртуальных социальных коммуникаций рассматривается, как слияние, симбиоз online и offline деятельности (Albrechtslund A., 2008). Социальные сети являются пространством для обмена мнениями, деятельностью, предпочтениями, убеждениями и т.п. Это - пространство для общения между людьми, пространство их со-бытия. На характер общения оказывает влияние характер самой социальной сети, провоцирующий откровенность. Отсюда, одна из ключевых проблем

– нарушение приватности в социальной сети. Известно, что после террористических актов 11 сентября 2001 года правительство США усилило наблюдение за личной информацией в Интернете. В поле интересов правительства попал широкий спектр информации о людях, т.е. именно та информация, которая в добровольной форме предоставляется пользователями, но затем может использоваться для контроля над ними. Именно это делает социальные сети так называемой «snoor's dream», т.е. мечтой для наблюдателя (Albrechtslund A., 2008).

Неосмотрительная откровенность дает возможность заинтересованным лицам управлять полученной информацией, осуществлять давление или напротив демонстрировать отсутствие интереса к личности. В итоге возможно возникновение зависимости от других. В ходе дискуссий западные специалисты пришли к выводу, что молодые люди должны обучаться особенностям поведения и общения в социальных сетях, чтобы иметь возможности и навыки виртуальной самозащиты. В 2006 году в США был принят спорный «Законопроект об устранении Интернет хищников» (Albrechtslund A., 2008), направленный на организацию защиты несовершеннолетних пользователей, посредством их инструктирования и ограничения доступа в школах и библиотеках к социальным сетям, где они могут подвергнуться сексуальным домогательствам. Однако исследователи сталкиваются с непониманием реальности существования такой опасности со стороны критиков, которые полагают, что ограничения в использовании Интернета углубят культурный разрыв между различными группами населения. Проблемой также является возникновение трудностей с трудоустройством молодых людей излишне активных в социальной сети. Позиция работодателей, основанная на нежелании нанимать на работу кандидатов, имеющих аккаунты в сетях, была раскритикована Даной Бойд. Проведя тематическое исследование в Harvard Business Review, Бойд утверждает, что участие молодых людей в виртуальном общении, является неотъемлемой частью современной культуры. В результате подобная дискриминационная практика может быть сравнима с дискриминацией по признаку пола, расы или ограничением свободы слова и возможности самовыражаться (Boyd D., 2007).

Важными объектами изучения социальных сетей являются вопросы личностной идентичности, анонимности и связь между ними.

Уже стало очевидно, что социальные сети являются инструментарием для личности, стремящейся к расширению границ offline взаимодействия посредством online и компенсации возможностей, фрустрированных в реальной жизни. Структура и особенности виртуального пространства позволяют пользователям свободно исследовать многие аспекты собственной личности. Одной из предпосылок этой свободы является анонимность, которая дает независимость от социальных норм, давления со стороны или отвержения (Indalecio T., 2010, Yong-Yeol A., Seungyeo H., Haewoon K., 2007). Однако есть опасность столкновения двух идентичностей – online и offline. Т.е. при создании online личности, отличающейся от реальной (offline), человек тратит много усилий для поддержания ложной идентичности. Может произойти путаница в сознании и поведении человека. В результате возникновения несогласованности двух идентичностей и неочевидности того, кто является физическим лицом, выступающим за виртуальным образом, были сформулированы такие понятия, как «домены плавающих идентичностей». Таким образом, становится реальной опасность «отключения от реального бытия». Так же вероятно возникновение проблемы доверия. По мнению некоторых ученых, виртуальная коммуникация осложняет реализацию идентичности по сравнению с общением «face to face» и имеет целый набор ограничений, не позволяющих человеку доверительно идентифицировать собеседника,

физические характеристики которого ему не очевидны (например, пол, раса, внешности и т.д.). Другими словами происходит манипуляция теми параметрами идентичности, которые анонимность социальной сети позволяет скрыть или изменить (фальсифицировать идентичность) (McKenna, K. Y. A, 2002, Shanyang Z., Grasmuck S., Martin J., 2008).

Выводы, которые можно сделать из проведенного анализа западных исследований согласуются с результатами исследований субъектности личности пользователя и взаимосвязи ее виртуальной бытийности с реальным бытием, полученными нами (Рябикина З.И., Богомолова Е.И., 2013). Очевидно, что социальные сети способны диаметрально различно повлиять на субъектную позицию личности, поскольку невозможно рассматривать ее смысловое содержание и реальное бытие в отрыве от ее позиции и активности в виртуальном пространстве. Успешная трансляция личностью своей offline идентичности в сферу online коммуникации позволит ей в итоге достигнуть аутентичного бытия.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ. КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ СУБЪЕКТОВ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С.В. Божко (Саратов)

Цели:

1. Анализ научных исследований в сфере данной проблематики;
2. Изучение опыта работы психологов с семьями, имеющих детей с ограниченными возможностями развития;
3. Разработка программы группового консультирования родителей.

Гипотеза: взаимозависимость кризисов, возникающих в семьях с детьми с ОВЗ, уровня развития эмпирических данных, общественной просвещенности.

Консультирование является направлением противоположным традиционной психотерапии. Длительность консультативных занятий составляет от 8 до 12 сессий за период до шести месяцев, фокусируясь на разрешении ситуационных проблем и проблем развития. Консультирование субъектов специального образования – одно из новых и важных направлений консультативной психологии.

Консультирование родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) является важным прецедентом к предупреждению социальных конфликтов, слому стереотипов восприятия детей с психофизическими недостатками, так как отношение общества к лицам с ОВЗ либо содействует, либо препятствует социализации и интеграции таких людей в общество. «Неадекватное» понимание и непринятие родителями диагноза, поставленного их детям; завышенные либо заниженные со стороны семьи требования, предъявляемые к ребенку; неправильные типы семейного воспитания могут стать причиной агрессивного настроения родителей по отношению к социуму, к сотрудникам правительственных, образовательных, медицинских структур.

Изучение информированности общества о проблеме инвалидности, а также выяснения отношения людей к лицам с ОВЗ показали, что среди вариантов ответов на вопрос о том, какие чувства испытывают респонденты по отношению к

детям-инвалидам, на первое место выходит «сострадание» (77%), на второе – «жалость» (39%), и лишь 5% выразили «желание помочь». 13% респондентов

помимо указанных чувств отметили, что испытывают страх (2% опрошенных), раздражение (2%), сочувствие (2%), пренебрежение (2%), отвращение (2%),

негодование (1%), чувство долга (1%), неприятные чувства (1%). У респондентов доминируют в отношении инвалидов два чувства: сострадание и жалость. и

они не против обучения детей-инвалидов с обычными детьми в системе дошкольного и школьного образования, за это – подавляющее большинство. Но, вместе с тем, есть и такие, которым не хотелось бы, чтобы их ребёнок сидел за одной партой с ребёнком-инвалидом (15%). При этом люди считают, что школы абсолютно не приспособлены для обучения детей-инвалидов (40%), или они есть, но их очень мало (31%). Контрольные вопросы показали, что в данной группе респондентов:

- 8% негативно воспринимают присутствие людей с отклонениями в развитии среди «обычных» людей;

- 17% относятся к ним равнодушно, безучастно;

- 62% опрошенных проявляют дистанцированное сочувствие на фоне отсутствия инициативы в плане оказании помощи;

- 13% говорят о своей активной готовности затратить время и силы на оказание помощи людям с отклонениями в развитии¹.

Исходя из таких данных можно говорить о том, что существуют какие-то причины (не информированность общества о том «кто такие» люди с ОВЗ, «не опытность» общения с ними в связи с тем, что дети с психофизическими нарушениями чаще всего изолированы от общества, воспитываясь и обучаясь в учреждениях закрытого типа), вызывающие или способные вызвать напряженные отношения между здоровыми людьми и людьми с особыми образовательными потребностями.

В качестве субъектов специального образования мы выбираем родителей, воспитывающих детей с ОВЗ и школьных психологов, работающих в структуре специального (коррекционного) образования, способных проводить консультативные часы, учитывая общественные стереотипы, современное состояние науки и научных достижений в сфере инклюзивного образования.

ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ В СФЕРЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Ю.П. Божко (Киев)

Сфера программирования одна из наиболее активно развивающихся областей во всем мире, а специальность программиста очень востребована. В настоящее время они должны не только быть в курсе новых технологических изобретений, но и применять эффективные пути использования компьютерных технологий.

Анализом проблемы программирования, индивидуальных особенностей программистов занимались ряд ученых психологов: в отечественной психологии (А. Войскунский, М. Смольсон, и др.); в зарубежной психологии (Б. Шнейдерман, Е. Дейкстра, F. Brooks, N. Wirth, L. Fernando Capretz, и др.)

Е. Дейкстра задавался вопросом, какие особенности программиста обеспечивают успешное выполнение его работы. Он выделяет ряд личностных характеристик и психологических особенностей, которые должны присутствовать у программиста. Наличие комплексного мышления - умение заранее определять этапы, которые нужно пройти, чтобы решить тот или иной вопрос, разбивать сложную задачу на элементарные составляющие, представлять себе процесс, который проецируется в динамике. Также хороший программист умеет обобщать типичные ситуации, применять,

комбинировать хорошо известные приемы программирования и типичные алгоритмы. Автор выделяет целый ряд социальных, психологических и интеллектуальных особенностей успешного программиста.

М.Л. Смульсон считает, что в работе работника программного обеспечения, неотъемлемым фактором является гибкость и стратегичность мышления; творческие свойства мышления; внимательность; логический характер мышления; высокая работоспособность и исполнительность в работе;

Необходимым условием успешной работы программиста является развитие критического мышления. По мнению S. Smiles критически мыслить, означает проявлять любознательность и использовать исследовательские методы, не довольствуясь фактами, а искать причины и последствия этих фактов, способность отстаивать свою точку зрения, быть самостоятельным.

L. Capretz в своих работах, посвященных личностным типам разделяет программистов по личностным особенностям: экстраверсия - интроверсия; ощущающие - интуиты; думающие - чувствующие, судьи - воспринимающие. Исследование показало, что среди программистов больше интровертов (57%), чем экстравертов (43%). Также более рациональных, объективных (68%), чем интуитивных (33%) типов личности, также значительно больше тех, у кого преобладают процесс мышления, думающих (81%), чем чувствительных, те которые полагаются на чувство (19%). Хотя у программистов присутствуют все психологические типы, есть черты, которые более четко представлены, чем в других сферах профессиональной деятельности. Наибольшая разница программистов от общей популяции в том, что они думают больше, чем кто-либо может себе почувствовать и представить. Они имеют бедную вербализацию. Также автор приходит к выводу, что хорошо, когда в организации имеются различные типы личностей работников программного обеспечения, для повышения эффективности работы и успешности компании.

Было установлено, что экстраверты и чувствительный тип личности, взаимодействуют с пользователями лучше, чем интроверты и думающие типы. Чувствительный тип опирается на ценности как базис принятия решения, тогда как думающие ориентированы на принципы. Для разработчиков программного обеспечения, важной характеристикой является интуиция, мышление и разум. 80% работников программного обеспечения имеют думающий тип личности. Итак авторы приходят к выводу, что программное обеспечение должно быть результатом совместных усилий различных ментальных процессов, опыта и ценностей.

S. Sodiya, S. A. Onashoda в своем исследовании за основу взяли пяти - факторную модель (The Big Five Factors - нейротизм, экстраверсия, поступливость, сознание, открытость опыту, когнитивные способности) результаты показали, что работники программного обеспечения имеют высокие показатели по шкале открытость опыту, то есть они положительно настроены в усвоении новых знаний, изучение нового материала и саморазвития. Успешность программистов зависит от : развитие мышления, аналитичности, способности к визуализации. Карьерная успешность связана с внутренней мотивацией и стилем управления.

Иностранные психологические источники, свидетельствуют, что в компаниях по программированию хорошо, когда есть различные типы личностей. Экстраверты могут лучше налаживать отношения с людьми, интроверты имеют свои положительные воздействия, например могут выполнять долгую монотонную работу. Они дополняет друг друга и в результате получаем хорошую слаженную работу коллектива. Таким образом личностные особенности навыки, имеют ключевые влияния на

успешное выполнение профессиональных функций работника программного обеспечения.

На успешность программиста безусловно влияет мотивация. Если человек сам выбирает специальность программиста и чувствует это своим призванием, имеет внутренние предпосылки для продуктивного выполнения данного вида деятельности (аналитический склад ума, заинтересованность в том, как функционирует ЭВМ, умеет творить и решать сложные задачи, имеет свою автономную позицию). Такие специалисты достигают значительных высот профессионального и карьерного роста.

Опытные разработчики, ведущим фактором в достижении успеха проекта, называют наличие опытного менеджера и психологический климат в команде. Поскольку современное программирование является коллективным, полезность отдельного программиста, тесно связана с пользой для всей команды, а потому требует навыков работы в команде, лидерских качеств. В профессиональной мотивации разработчиков программного обеспечения, очень важны как гигиенические (поддержание) так и мотивационные (развития) факторы, которые свидетельствует о высоких запросах программистов к работодателю и к себе.

Можно сделать вывод, что для достижения успеха в сфере программирования, необходимо наличие целого ряда личностных особенностей, практических умений, навыков и благоприятная психологическая атмосфера.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ

М.А. Бокарева (Москва)

Данное исследование подготовлено при поддержке РГНФ (проект 12-36-01369)

Данная статья представляет собой теоретический обзор исследований мотивов студенческой миграции, обусловленной психологическими, внутренними факторами.

На сегодняшний день проблемным вопросом данного исследования становится проблема массовой студенческой миграции и отсутствия знаний о мотивации к ней как в зарубежной, так и в отечественной науке. В связи с этим, актуальность данной работы состоит в накоплении и структурировании уже имеющихся исследований по данной проблематике.

Например, в исследовании мотивации китайских студентов, Цвайг пришел к выводу, что студенты едут получать PhD за границу, веря, что это добавит им ценности как специалистам в родной стране (Zweig, Chen Rosen, 2004).

Ученые университета Питтсбурга провели исследование среди 1805 студентов с целью установить связь между личностными чертами и желанием уехать из города после или нет. Поэтому было введено понятие «мигрантской личности».

Мигрантская личность - определяется как желание сменить географическую обстановку всякий раз, когда ему начинает казаться, что в другом регионе больше возможностей.

Так как ученые университета Питтсбурга считают, что определенные личностные черты влияют на желание переехать или остаться. Исследователи назвали несклонность к переезду как «привязанность к месту» или «немигрантская личность».

Далее они предположили, что личностный фактор связан с такими мотивами как мотив достижения и мотив власти: те, кто имеет высокие показатели по этим мотивам, более склонен и имеет желание переехать. Для тех, кто предпочитает остаться, важнее близкие отношения с людьми. Это означает, что открытость к миграции представляет собой комплекс «выталкивающих» (“push”) факторов: мотивы достижения и власти, которые приводят к тому, что человек ищет то место, где он может реализовать свои амбиции и недостаток привлекающих факторов, таких как наличие тесных дружеских, родственных связей. У тех, кто остается, доминирует мотив принадлежности. Это подтверждено также некоторыми исследованиями, проведенными в Центральной и Западной Европе (Dreher Poutvaara, 2011; Frieze, Hansen Boneva, 2006; Kelo, Teichler Waechter, 2006).

Среди мотивов остаться в родной стране было выявлено следующее: люди чувствуют принадлежность к постоянному месту жительства, и такие люди имеют тенденцию чувствовать себя комфортно и защищенно рядом со своей семьей.

Когда группу выпускников из нескольких колледжей в Питтсбурге спросили: «Почему вы решили поступать в Университет Питтсбурга?», они ответили: «Потому что это рядом с домом». Дальнейшие исследования показали, что 53% этой выборки впоследствии нашли первую работу в Питтсбурге.

Также эти исследователи предполагают, что студенты, отдающие предпочтение семейным ценностям, менее заинтересованы в активных пробах себя на широком рынке труда и не готовы переехать ради открывающихся широких карьерных возможностей и перспектив. Исходя из этого, они предполагают, что студенты, которые сильно сконцентрированы на семье, склонны оставаться дома, в то время как те, у кого низкие значения по шкале семейных ценностей, склонны покидать город. Помимо этого, существует много других «осаждающих» факторов, такие как вовлеченность в местное сообщество, а также ученые предполагают, что принадлежность к религиозной группе является фактором, определяющим желание остаться (Zweig, Chen Rosen, 2004).

Среди студентов, которые хотят уехать обучаться за рубеж, выражены мотивы власти и достижения. Индивиды, у которых высок уровень мотива достижения, готовы много и упорно работать ради достижения цели. Такие люди ищут трудные, но интересные задания и стремятся избегать рутин, поэтому они привыкли постоянно работать и быть гибкими и мобильными в решении их задач. Если социальная обстановка не позволяет более выполнять или нет возможности для таких трудных и интересных заданий, они хотят мигрировать для поиска новых возможностей.

Мотив власти чаще всего выражается в желании быть узнаваемым и иметь возможность влиять на других людей. Люди, у которых мотив власти высок, склонны к рискованным действиям в достижении своих целей. Также мотив власти может проявляться, когда человек сильно не удовлетворен кем-то или чем-то, или общественной обстановкой в целом, что может привести к неосознаемому желанию эмигрировать из родной страны (Frieze, Hansen Boneva, 2006).

Существует подход к мотивации МакКлеланда, базирующийся на трех основных мотивах: мотив власти, мотив достижения и мотив принадлежности. Исследования, проведенные в рамках этого подхода, продемонстрировали, что люди с более высоким уровнем мотивов достижения и мотива власти готовы эмигрировать, чем люди с низкими значениями по этим мотивам. В рамках экономической психологии было установлено, что иммигранты с высокой потребностью достижения успеха экономически превосходят тех иммигрантов, кто эмигрировал из родной страны по политическим соображениям (Chirkov, Vansteenkiste, Tao Lynch, 2007).

Таким образом, ясно, что наряду с социальными, внешними причинами, важную роль в желании эмигрировать играют внутренние, личностные факторы.

КЛОУНОТЕРАПИЯ КАК МЕТОД АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ

Г.В. Болтик (Санкт-Петербург)

В центре внимания клоунотерапии – смех, юмор. Рассматривая генезис юмора, как основополагающего компонента клоунотерапии, используем определение из словаря, сформулированное В. Коллинс (W.Collins, 1987): «Юмор является способностью замечать и конструктивно реагировать на забавные ситуации, явления в повседневной жизни».

По мнению Р. Парса (R.R.Parse, 1993) юмор, смех в процесс психотерапевтической работы в группе усиливает чувства близости, теплоты и дружелюбия.

Юмор – это важный фактор в основе личностного роста, который помогает детям в рамках арт-терапевтической работы справиться с трудными ситуациями, с ощущением неловкости в отношениях со сверстниками и взрослыми, чувством отчужденности.

Феномен смеха в психологии изучали такие психологи, как Л. Хилл (L. Hill), Н. Смит (N. Smith), Р.Парс (R.R. Parse), Г. Виллиамс (H. Williams), У. Уорнер (U. Warner), Ж. Симон (J. Simon) и другие. В странах СНГ исследования психологического аспекта смеха, смехотерапии, клоунотерапии в частности, отсутствуют. Такие катарсические процессы, как плач и агрессия довольно часто применяются в системе арт-терапевтического воздействия, однако смех, использование юмора в психотерапии, как правило, игнорируется. В культуре стран СНГ принято считать, что смех является игровым методом, не несущим под собой терапевтического воздействия. При этом смех, использование юмора в сложных ситуациях не рассматриваются как самостоятельные категории, заслуживающие пристального внимания в области научной онтологии.

Метод клоунотерапии направлен на возвращение природного, естественного смеха, который снимает напряжения в теле и постепенно освобождает от зажимов и напряжения.

Родоначальником клоунотерапии явился Пэтч Адамс (Patch Adams), американский детский педиатр, который хотел скрасить пребывание детей в больнице.

Говоря о клоунотерапии Л. Хилл (L. Hill) и Н. Смит (N. Smith) утверждают, что каждый здоровый человек обладает чувством юмора, которое предполагает умение смеяться над собой и вместе с другими. Юмор часто используют для создания атмосферы доверия в общении между различными группами собеседников. Это способствует снижению напряжения, ненависти, страха, неуверенности в себе.

На сегодняшний день, активно развиваются некоммерческие волонтерские организации, как в странах ближнего и дальнего зарубежья, так и в странах СНГ:

- Италия (Турин, Модена) – волонтерская организация «Viviamo in positivo» (1997 год основания).

- Россия (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Краснодар) – волонтерская организация «Доктор-клоун» (2008 год основания).

- Беларусь (Гомель) - группа клоунотерапевтов «Funny nose» (2009 год основания).

В основе деятельности волонтерских проектов - сопровождение детей, находящихся на длительном лечении в стационаре больниц, работа с семьями, работа с детьми в учреждениях специального образования: детских домах, школах-интернатах, центрах коррекционно-развивающего обучения и реабилитации, а так же центрах социального обслуживания населения.

Во всем мире метод клоунотерапии широко используется в практике работы стационара больниц и госпиталей, помощи тяжело больным или умирающим взрослым людям и детям, но на сегодняшний день отсутствуют работы, подтверждающие актуальность использования метода клоунотерапии в рамках образовательной среды, в сфере оптимизации межличностных отношений в учебной группе. В связи с этим возникает необходимость теоретического обоснования заявленной проблемы, ввиду отсутствия научной литературы и эмпирических исследований в области применения метода клоунотерапии в образовательной среде.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИТЕЛЕЙ ТАШКЕНТА)

А.С. Бондаренко (Ташкент)

Сегодня, в эпоху активной глобализации и интеграции государств в различных сферах – политической, экономической, культурной и других, остро встаёт проблема межнационального согласия. Большинство государств на сегодняшний день являются многонациональными.

В свою очередь, имеющиеся стереотипные представления одной этнической группы о другой могут перерасти в национальные предрассудки и привести к этническим конфликтам.

Поэтому крайне важно своевременно выявлять «опасные» представления и, так или иначе, воздействовать на них с помощью средств массовой коммуникации для предотвращения отрицательных последствий.

В свою очередь, настоящее исследование направлено на выявление представлений различных этнических групп о себе и о других группах в сфере религиозных ценностей. [См. так же 2]

Объектом исследования являются представители 4 этнических групп обоих полов – узбекской, русской, татарской и корейской.

Предметом исследования являются этнические стереотипы в сфере религиозного менталитета.

Выборка. В исследовании приняли участие 151 человек (99 женщин и 52 мужчины) в возрасте от 14 до 69 лет (ср. знач. = 28,8; std. откл.= 12.9).

Среди них, 13 мужчин и 26 женщин узбекской национальности, 21 мужчина и 35 женщин русской национальности, 10 мужчин и 27 женщин корейской национальности, а также 8 мужчин и 11 женщин татарской национальности.

Метод исследования. Использовалась психосемантическая методика множественной идентификации В.Ф. Петренко (ММИ) [3]. В опросник вошло 69 утверждений, заимствованных из священных книг 4 религий – ислама, христианства, буддизма, иудаизма; цитаты различных философов и писателей, а также ключевые утверждения из «морального кодекса строителя коммунизма» [1].

Испытуемым предлагалось оценить данные утверждения по семибальной шкале (от -3 до 3), касающиеся различных ролевых позиций – «Я сам», «Идеал», «Презируемый мною человек», «Отец», «Мать», «Сверстник», «Человек нашего общества через 30 лет», «Татарин», «Узбек», «Русский», «Кореец». Таким образом каждый респондент заполнял таблицу ответов: каждый из 69 вопросов применительно к 11 ролевым позициям.

Процедура обработки. Агрегированная матрица, включающая в себя 88 ролевых позиций – по 11 позиций опросника для 8 групп, сформированных по этническому и половому признаку, была подвергнута факторно-аналитической обработке.

Результаты. Было выделено 5 значимых биполярных неортогональных факторов, объясняющих 42.2, 13.1, 6.5, 5.4 и 4.3 % общей дисперсии соответственно. Выделенные факторы были проинтерпретированы следующим образом:

- 1.«Атеизм - Религиозность»;
- 2.«Религиозная автономия - Привязанность к религиозным стереотипам»;
- 3.«Социальный конформизм - Пренебрежение нормами социальной морали»;
- 4.«Макиавеллизм - Социальный альтруизм»;
- 5.«Оптимизм - Пессимизм».

Семантические пространства, построенные по результатам ответов представителей исследуемых национальностей обоих полов для таких ролевых позиций как «Я», «Идеал», «Презируемый», «Узбек», «Русский», «Татарин», «Кореец», иллюстрируют следующее:

- Гетеростереотипы об узбеках совпадают с их собственными автостереотипами, при этом позиция «я сам» узбекскими респондентами оценивается несколько иначе, нежели позиция «типичный узбек». Так, «типичный узбек» оценивается представителями рассматриваемых национальностей как религиозный, при этом подверженный религиозным стереотипам, социально-альтруистичный. А сами себя узбеки оценивают несколько менее религиозными, религиозно-автономными, склонными к макиавеллизму и оптимизму (мужчины), а женщины – к социальному альтруизму и пессимизму.

- Русские оценивают себя как религиозно-автономных, про религиозность дают нейтральные ответы, видят себя социально-альтруистичными и уважающими нормы социальной морали, а также с надеждой в будущее. Другими группами русские воспринимаются несколько более религиозными и менее автономными в вопросах веры, в остальном – приблизительно также, как видят себя сами.

- Корейцы себя оценивают религиозно-автономными, социально-конформными и немного пессимистичными, при этом представители других национальностей видят типичного корейца чуть менее религиозно-автономным и менее пессимистичным.

- Татары видят себя религиозно-автономными, по поводу религиозности дают нейтральные ответы, считают себя социально конформными и альтруистичными и имеют оптимистичный взгляд на жизнь. Их автостереотип примерно совпадает с гетеростереотипами о них представителей других рассматриваемых здесь национальностей. Однако, самооценка татар чуть выше по религиозной автономии, нежели им приписывают.

Таким образом,

- среди всех рассматриваемых групп нет ни одной, воспринимающей себя или другую группу нерелигиозной;

- представители всех групп считают себя религиозно-автономными, однако оценки типичных представителей этносов (и их автостереотип и гетеростереотипы) говорят об их более низкой религиозной автономии;

- в большинстве рассмотренных случаев автостереотипы одной этнической группы сходны с гетеростереотипами других групп о ней;

- наибольшие расхождения в представлениях о себе и образом своей этнической группы «глазами» представителей других групп характерны для представителей узбекской национальности.

Автор выражает благодарность Горбуновой А. И., принимавшей участие в исследовании, а также своему научному руководителю О. В. Митиной.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ НАСИЛИИ У ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

М.С. Бреус (Ростов-на-Дону)

В настоящее время актуальной проблемой является изучение моббинга (психологического насилия) среди школьников и студентов. Известным является тот факт, что наиболее уязвимой к психологическому насилию является молодежь и дети. Отмечается, что для значительной части современной молодежи в целом характерен «моральный релятивизм» и даже цинизм, равнодушие к каким бы то ни было идеалам [Волков Е. Н., 2002]. Неудивительно поэтому, что в настоящее время возрастает число ситуаций, характеризующихся нарушением норм отношений и взаимодействия между людьми, что с особой остротой ставит перед психологией проблему изучения психологического насилия во всех его видах и формах проявления. Особенно опасно психологическое насилие в детском возрасте, так как оно серьезно искажает развитие эмоциональной сферы ребёнка и его личности в целом. Х.Лейман и К.Лоренц [1980] считают, что практически в каждом классе имеются дети, которые являются мишенью, «козлами отпущения» для окружающих,- их постоянно дразнят, унижают или бьют, издеваются, высмеивают их же одноклассники.

Поэтому целью моего исследования выступило изучение содержания представлений о психологическом насилии у школьников и студентов в связи с их личностными особенностями (эмпатическими способностями, ценностными и мотивационными ориентациями в общении).

Предметом исследования является содержание представлений о психологическом насилии у школьников и студентов. Эмпирическим объектом исследования выступили учащиеся общеобразовательной школы г. Ростова-на-Дону в количестве 160 человек, а также студенты, обучающиеся на факультетах психологии ЮФУ и экономики ДГТУ, в количестве 55 человек.

Полученные данные позволяют сформулировать ряд выводов.

Содержание представлений студентов и школьников о психологическом насилии различается:

- представления студентов о психологическом насилии являются более широкими (оно понимается и как навязывание мнения другому человеку, что отсутствует в представлениях школьников);

- вместе с тем, представления студентов являются более размытыми (часто студенты не воспринимают специфику психологического насилия в ряду других видов психологического воздействия);

- студенты-психологи гораздо чаще, чем школьники, понимают психологическое насилие как давление, т.е. принуждение человека к действию или, напротив, ограничение его свободы;

- студенты гораздо реже, чем школьники характеризуют объект психологического насилия через его социальный статус. Студенты-психологи в большей степени связывают положение человека в качестве жертвы психологического насилия с его физическими недостатками, а студенты-экономисты – с его профессиональной принадлежностью и женским полом;

- содержание представлений об объекте психологического насилия у студентов гораздо шире, чем у школьников.

Содержание представлений о психологическом насилии у студентов частично связано с их эмпатическими способностями:

- студенты, обладающие хорошо развитой способностью интуитивно чувствовать и предвидеть поведения партнёра по общению (интуитивный канал эмпатии), имеют тенденцию психологическое насилие понимать как манипуляцию, а студенты, испытывающие затруднение в понимании партнёра по общению (рациональный канал эмпатии),- как навязывание мнения;

- содержание представлений об объекте психологического насилия как о людях с низким социальным статусом значимо связано со способностью к эмоциональному сопереживанию собеседнику;

- студентам с выраженными установками, препятствующими эмпатии (эмоциональная закрытость и закрытость в общении, убеждение в неуместности любопытства к другой личности), свойственна тенденция считать, что жертвами психологического насилия люди становятся по причине своего психологического своеобразия.

Содержание представлений студентов о психологическом насилии связано с их ценностными ориентациями:

- психологическое насилие преимущественно как навязывание мнения рассматривают студенты, для которых значимы терминальная ценность «Наличие хороших и верных друзей» и инструментальные ценности «Исполнительность» («Дисциплинированность») и «Образованность» («Широта знаний, высокая общая культура»). Несклонны видеть в психологическом насилии навязывание мнения студенты с высокими жизненными запросами и высокими притязаниями, ценящие широту взглядов;

- как манипуляцию психологическое насилие воспринимают студенты, для которых неактуальна ценность «Ответственность», как оскорбление – студенты, для которых неактуальна ценность «Развлечения»;

- наиболее недифференцированные представления о психологическом насилии характерны для студентов, ориентированных на высокие жизненные запросы и предъявляющих высокие требования к жизни, а также для тех, кто низко оценивает значимость любви;

- представления о том, кто чаще всего становится в нашем обществе жертвой насилия, также оказались связанными с ценностными ориентациями студентов: студенты, высоко оценивающие эффективность в делах, считают, что жертвой психологического насилия чаще всего становятся женщины; видеть в возрасте характерный признак жертв насилия свойственно студентам, для которых значимой является твердая воля, умение настоять на своем, не отступать перед трудностями; представление о том, что чаще всего жертвами насилия становятся люди с физическими недостатками, характерно для студентов, невысоко оценивающих значимость счастливой семейной жизни, исполнительности и ответственности;

- наиболее высоко актуальность проблемы психологического насилия в нашем обществе оценили студенты с ценностями Чуткости (Заботливости) и Самоконтроля (Самодисциплины).

Полученные в настоящем исследовании результаты могут быть полезны при разработке профилактических и реабилитационных мероприятий, связанных с проблемами психологического насилия; они могут способствовать более адресному оказанию помощи тем школьникам и студентам, которые пережили ситуацию психологического насилия.

ОБРАЗ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ У СОТРУДНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

К.А. Брукштын (Минск)

Актуальность темы работы обусловлена существованием проблемы по привлечению персонала и удержанию в организации ценных сотрудников. Данная работа на примере одной из крупнейших белорусских организаций раскрывает особенности лояльности белорусских сотрудников, характеристики образа организационной культуры и особенности взаимосвязи этих феноменов.

Организационная культура (ОК) – автономный пласт культуры, сложившаяся система общих ценностей, представлений, убеждений, отношений, символов, норм, которые проявляются в формальных или неформальных правилах, ориентирующих членов организации на определенные образцы поведения. Говоря об организационной лояльности (ОЛ), мы придерживаемся точки зрения С.С. Баранской, которая отделяет организационную лояльность (ОЛ) от профессиональной лояльности (ПЛ) и лояльности труду (ЛТ).

Объект исследования: образ организационной культуры.

Предмет исследования: образ организационной культуры у сотрудников с различным уровнем организационной лояльности.

Цель исследования: охарактеризовать образы организационной культуры у сотрудников с разным уровнем организационной лояльности.

Гипотеза исследования: характеристики образов организационной культуры различны у сотрудников с разным уровнем организационной лояльности, а именно:

- сотрудники с высоким уровнем организационной лояльности в большей степени удовлетворены организационной культурой компании, чем сотрудники с низким уровнем организационной лояльности;

- у сотрудников с высоким уровнем организационной лояльности образ организационной культуры кланового типа, а у сотрудников с низким уровнем организационной лояльности образ организационной культуры бюрократического типа.

Наряду с общей гипотезой был выдвинут ряд частных гипотез исследования:

1. Образы организационной культуры различны у мужчин и женщин с разным стажем работы.

2. Образы организационной культуры различны у сотрудников, занимающих разные должностные позиции в организации.

3. Образы организационной культуры различны у сотрудников из разных подразделений организации.

4. Образы организационной культуры различны у сотрудников с разным уровнем профессиональной лояльности.

5. Образы организационной культуры различны у сотрудников с разным уровнем лояльности труду.

Метод исследования – опрос. Методики: инструмент оценки организационной культуры (OCAI) К. Камерона и Р. Куинна и методика измерения лояльности С.С. Баранской.

Выборка: 218 сотрудников из разных подразделений крупной белорусской торговой организации со стажем работы от 1 месяца до 5 лет.

Данные эмпирического исследования обработаны с помощью программы IBM SPSS Statistics v.16. Обработка осуществлялась с помощью методов описательных статистик, таблиц сопряженности, парного t-критерия Стьюдента, непарного t-критерия Стьюдента, однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), множественных сравнений с использованием апостериорного критерия значимости Шеффе.

В результате исследования основная гипотеза подтвердилась:

- сотрудники с высоким уровнем ОЛ воспринимают ОК как смесь Кланового и Рыночного типов; со средним уровнем ОЛ – как смесь Кланового, Рыночного и Бюрократического типов; с низким уровнем ОЛ – как смесь Рыночного и Бюрократического типов;
- сотрудники с высоким уровнем организационной лояльности в большей степени удовлетворены организационной культурой компании, чем сотрудники с низким уровнем организационной лояльности.

В качестве желаемой ОК большинство сотрудников независимо от уровня ОЛ выбирают ОК кланового типа.

Частная гипотеза о том, что образы организационной культуры различны у мужчин и женщин с разным стажем работы подтвердилась:

- у мужчин с увеличением стажа работы в компании образ ОК изменяется от ОК смешанного типа к ОК бюрократически-рыночного типа;
- у женщин с увеличением стажа работы образ ОК практически не изменяется. У женщин-стажеров образ ОК с ярко выраженными признаками клана, а у женщин со стажем работы более года образ ОК кланово-рыночный.

Было выявлено, что уровень ОЛ не связан с полом сотрудника, однако, имеет взаимосвязь со стажем работы в компании. У стажеров уровень ОЛ выше, чем у более опытных сотрудников.

Частная гипотеза о взаимосвязи образа организационной культуры с занимаемой должностной позицией не подтвердилась. Что касается уровня ОЛ, было выявлено, что сотрудников с низким уровнем ОЛ больше всего среди специалистов, а сотрудников с высоким уровнем ОЛ больше всего среди руководителей.

Было также выявлено, что образы организационной культуры различны у сотрудников из разных подразделений организации:

- офисные сотрудники находят в ОК компании больше признаков Бюрократии, чем сотрудники магазинов,
- сотрудники розничных продаж в большей степени, чем безналичных, описывают ОК компании как клановую,
- сотрудники из г. Минска находят в ОК компании больше признаков «Рынка», чем сотрудники из регионов.

У сотрудников из разных подразделений значимых различий по уровню ОЛ выявлено не было.

Частная гипотеза о том, что образы ОК различны у сотрудников с разным уровнем профессиональной лояльности не подтвердилась. Частная гипотеза о том, что образы ОК различны у сотрудников с разным уровнем лояльности труду подтвердилась: сотрудники с высоким уровнем ЛТ в меньшей степени в образе ОК компании отмечают

признаки рынка и бюрократии и считают, что в организации в большей степени проявляют себя признаки клана и адхократии.

На основании результатов исследования можно прогнозировать изменения лояльности персонала и контролировать факторы, определяющие, какой образ организационной культуры складывается у персонала.

Благодарность за помощь в исследовании выражается старшему преподавателю кафедры психологии Факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета Фофановой Галине Александровне.

РАЗВИТИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ У ШКОЛЬНИКОВ

А.В. Будакова (Томск)

Проект выполнен при поддержке гранта РФФИ № 13-06-90721

Изучение математических способностей у детей и подростков и факторов, способствующих или препятствующих их развитию, является актуальной психологической и социальной задачей. Результаты этого изучения могут быть полезны для разработки и осуществления федеральных и муниципальных программ развития образования по приоритетным областям науки техники и технологий Российской Федерации. Математические способности и развитие когнитивных функций подростков рассматриваются в качестве одного из важных факторов успешности обучения в школе. В частности, известно, что развитию математических способностей, и, как результат, высокой успеваемости школьников может способствовать развитие рабочей памяти (А.Ю. Пигарев, 2009).

В связи с этим нам представилось важным и необходимым изучить рабочую память школьников в данный период их психофизиологического и социально-психологического развития. Для этого было организовано и проведено исследование с участием 80 школьников 10-14 лет (5-8 класс) с помощью объективного измерения психофизиологических параметров с использованием программно-аппаратного комплекса КАНТАБ.

КАНТАБ состоит из трех отдельных наборов тестов, оценивающих зрительную память, внимание и планирование решения задач. Они были созданы для работы на микрокомпьютерах Acorn BBC Master, а в последнее время для персональных компьютеров IBM и сходных с ними устройств. В обоих случаях программы требуют высокого графического разрешения, и использования сенсорного экрана (B. J.Sahakian, A. M.Owen, 1992).

В тестовой батарее мы работаем с тестом «Пространственная рабочая память» (Spatial working memory, SWM).

Школьник садится за стол, перед ним на расстоянии примерно 20 см от него экспериментатор вертикально устанавливает планшетный компьютер в вертикальном положении.

Испытуемому дается инструкция: «Вы увидите несколько цветных коробок на экране. Сейчас в одной из коробок синий жетон. Вам нужно собрать синие жетоны из всех коробок в пустую колонку расположенную справа на экране. Чтобы переместить жетон нажмите на пустую колонку справа. Жетон никогда не появляется в одной коробке больше одного раза»

Сначала испытуемый с помощью экспериментатора выполняет тренировочный подход.

Тестирование начинается с показа на экране планшета цветных коробок. Пример представлен на рисунке 3. Цель тестирования состоит в том, чтобы испытуемый, методом исключения нашел синий «жетон», спрятанный в какой-то одной из коробок. Жетон находится в одной конкретной коробке до тех пор, пока его не найдёт испытуемый. Найденными синими жетонами испытуемый заполняет пустую колонку в правой стороне экрана. Количество коробок постепенно возрастает от трёх до восьми штук. Цвет и расположение отображаемых коробок меняется, чтобы избежать использования стереотипной стратегии поиска.

В ходе исследования был проведен корреляционный анализ по r -критерию Пирсона. Были обнаружены корреляционные связи между возрастом школьников (в исследовании приняли участие школьники от 10 до 14 лет) и некоторыми показателями кембриджской батареи тестов.

Взаимосвязь возраста и времени до первого ответа при решении задачи на пространственную память. Обнаружены отрицательные взаимосвязи возраста со временем до первого ответа для задач с 4 ($r=-0,4074$, $p=0,001$) и 6 ($r=-0,3073$, $p=0,014$) коробками. Это говорит о том, что чем старше школьники, тем быстрее они принимают решение о том каким образом необходимо начать задачу и с чего следует начать для ее успешного выполнения. Это характерно для задач с 4 и 6 коробками. В случае с задачами с задачами сложными – 8 коробок школьники от 10 до 14 лет, думают одинаково долго перед тем как приступить к выполнению.

Взаимосвязь возраста и времени до последнего ответа. Корреляционная связь возраста со средним временем выполнения одной задачи оказалась отрицательной, для задач с 6 ($r=-0,4075$, $p=0,001$) и 8 ($r=-0,4427$, $p=0,000$) коробками. В данном случае можно сказать что задачи более сложные (6 и 8 коробок) школьники постарше выполняли быстрее. Возможно в процессе выполнения задач менее сложных (4 коробки) школьники усваивали способ действия, а на переходе к сложным задачам школьники старше начинали выполнять успешнее ввиду немного более высокого уровня развития рабочей памяти.

Взаимосвязь возраста и времени подготовки поиска. Как показывает данная отрицательная корреляционная связь, чем старше школьник, тем меньше время на подготовку поиска синего кубика во время решения задачи (для задач с 4 ($r=-0,3769$, $p=0,002$), 6 ($r=-0,3795$, $p=0,002$) и 8 ($r=-0,3218$, $p=0,010$) коробками). Это говорит о том, что школьники способны ориентироваться в задаче выстраивать и менять свою линию решения задачи на основе информации хранимой в рабочей памяти. Чем старше школьник тем лучше он запоминает пространство задачи и легче ориентируется в процессе решения, и начинает быстрее осмысливать свое дальнейшее действие.

Взаимосвязь возраста и стратегии ($r=-0,2655$, $p=0,035$). Как показано в таблице, обнаружена отрицательная связь возраста и показателя стратегии. Что говорит о том, что чем старше школьник, тем меньше неправильных движений в поиске он делает, соответственно тем вернее стратегия, тем продуктивнее и быстрее он решает задачу.

Данный показатель характеризует развитие лобных долей коры головного мозга. В данном случае мы можем сказать что развитие на данном этапе этого отдела улучшается с возрастом у школьников 3-8 классов.

Таким образом, по результатам корреляционного анализа мы можем сказать что развитие рабочей памяти связано с возрастом испытуемых. Школьники 10-12 лет

имеют уровень развития рабочей памяти, чем школьники 13-14 лет. Результаты свидетельствуют о том, что данные задачи школьники старше (13-14 лет) уже могут выполнять успешнее, чем школьники младшего возраста (10-12 лет), при этом понимание алгоритмов успешного выполнения самых объемных задач на 8 коробок, пока еще находятся в зоне ближайшего развития школьников 10-12 лет.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

А.Г. Буенок (Санкт-Петербург)

Как предмет научного исследования термин «профессиональное здоровье», интегрирующий в себе сложные взаимоотношения человека с профессиональной средой, впервые появляется в научной литературе в 1980-х годах XX века.

Несколько позже в рамках исследований профессионального здоровья происходит выделение нового научно-практического направления - психология профессионального здоровья (occupational health psychology), которое объединяет в себе подходы таких дисциплин как психология здоровья, психология труда и организационная психология. Данное направление позволяет более глубоко исследовать аспекты взаимодействия человека и работы.

Целью работы является оценка психологических особенностей профессионального здоровья руководителей. В исследовании приняли участие 178 менеджеров высшего и среднего звена производственно-коммерческих компаний г. Санкт-Петербурга, из них: 117 мужчин и 61 женщина.

Метод исследования. Для реализации поставленной цели в работе использовался разработанный У. Шааршмидтом и А. Фишером многофакторный опросник поведения и переживания, связанного с работой (AVEM), в адаптации Т.И. Ронгинской (2002).

Результаты исследования. С помощью методики AVEM проведена диагностика трех основных сфер личности, определяющих взаимодействие индивида с требованиями профессиональной среды. Начнем анализ полученных результатов с описания такой сферы профессионального здоровья как профессиональная активность, по которой было получено самое высокое среднее значение ($M=5,29$), а, следовательно, у опрошенных респондентов в структуре профессионального здоровья именно эта сфера выражена больше других. Теперь рассмотрим шкалы, которые вносят наиболее существенный вклад в развитие данной сферы. Полученные нами данные позволяют говорить о высокой готовности к энергетическим затратам ($M=6,43$), о достаточно высоких профессиональных притязаниях ($M=5,69$), которые сочетаются у руководителей со сформированными навыками восстанавливать затраченные силы и способностью сохранять дистанцию по отношению к работе ($M=5,88$). Другими словами, опрошенные менеджеры достаточно энергичны, профессионально активны и заинтересованы в своей работе, умеют вовремя дистанцироваться от ненужных проблем и в то же время аккумулировать свои силы для решения какой-то важной задачи.

Следующей сферой личности является сфера психической устойчивости ($M=5,09$), включающая в себя стратегии преодоления проблемных ситуаций. Полученные средние значения характеризуют опрошенных испытуемых как людей уравновешенных. Иными словами, менеджеры не склонны к чрезмерной эмоциональной

реакции; и время от времени у них наблюдается склонность к примирению с ситуацией неудачи и легкому отказу от ее преодоления ($M=5,34$). Мы полагаем, что, несмотря на высокую профессиональную активность менеджеров, уровень сформированности их профессиональных навыков позволяет им дистанцироваться от проблемных ситуаций, что в свою очередь, учитывая полученные результаты, не является фактором риска.

В структуре профессионального здоровья средние значения сферы эмоциональное отношение к работе самые низкие по сравнению с другими сферами, хотя и могут быть отнесены к среднему уровню выраженности ($M=4,47$). Такие результаты обусловлены тем, что по одной из трех шкал, входящих в данную сферу, получены показатели близкие к низким значениям, а именно: по шкале чувство социальной поддержки ($M=3,67$). Это говорит о том, что уровень поддержки со стороны коллег оценивается опрошенными нами менеджерами как низкий. Однако следует отметить, что низкие значения по шкале чувство социальной поддержки у опрошенных менеджеров компенсируются относительно высокими средними значениями по другой шкале - чувства успешности своими профессиональными достижениями ($M=5,32$).

Теперь перейдем к более обобщенному уровню анализа результатов, полученных с помощью опросника АВЕМ. На основе анализа показателей отдельных шкал опросника и их взаимосвязей авторами методики были выделены четыре типа поведения и переживания в профессиональной среде. Мы получили следующее распределение респондентов по типам: «профессиональное здоровье» (Тип G) – 12,9%, что характеризует данную группу менеджеров как здоровых, активных, способных к решению трудных проблем; «экономный» тип (Тип S) – 27,2%, характеризующий данную группу респондентов как бережливых, со средним уровнем мотивации, энергетических затрат и профессиональных притязаний; тип риска А (Тип А) – 22,4%, характеризующийся экстремально высоким субъективным значением профессиональной деятельности, большой степенью готовности к энергетическим затратам, низкой устойчивостью к фрустрации и стрессу; «выгорание» (Тип В) – 18,3%, что указывает на высокий риск развития синдрома выгорания. Оставшиеся 19,2% были отнесены к смешанным типам.

В заключении отметим, что полученные с помощью данного опросника данные могут быть полезны, прежде всего, для ранней диагностики и идентификации симптомов риска для профессионального здоровья, а также для определения соответствующих превентивных мер. С точки зрения вмешательства особое значение следует уделять двум типам риска – типу А и типу В. Однако, следует отметить, что и респонденты, относящиеся к типу S также могут нуждаться в предупреждающих профилактических мерах.

Таким образом, на наш взгляд, результаты опросника позволяют осуществлять дифференцированный подход к психологическому обеспечению профессионального здоровья менеджеров.

БАЗОВЫЕ КАЧЕСТВА КОНФЛИКТООУСТОЙЧИВОСТИ УЧИТЕЛЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ

А.В. Бузмакова (Ярославль)

В данных тезисах представлена часть диссертационного исследования, направленного на исследование конфликтостойчивости субъектов образовательного процесса.

В нашем исследовании мы опираемся на определение конфликтостойчивости, сформулированное А.Я. Анцуповым и А.И. Шпиловым. Под конфликтостойчивостью авторы понимают специфическое проявление психологической устойчивости, способность человека оптимально организовать свое поведение в трудных ситуациях социального взаимодействия, бесконфликтно решать возникшие проблемы в отношениях с другими людьми.

Нами было проведено исследование, в котором приняли участие сто учителей общеобразовательных школ. Исследование было направлено на решение следующих исследовательских задач: выделение базовых качеств структуры конфликтостойчивости учителей общеобразовательных школ и выделение групп учителей с различной структурой конфликтостойчивости.

Во время проведения исследования использовался следующий методический инструментарий: методика диагностики ведущего типа реагирования на конфликт (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева); методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев); опросник межличностных отношений (В. Шутц, адаптация А.А. Рукавишников); опросник «Волевые качества личности» (М.В. Чумаков); опросник «Субъективный локус контроля» (Дж. Роттер).

Для реализации поставленных задач были применены следующие способы математической обработки данных: структурный анализ (Карпов А.В., Шадриков В.Д.) и кластерный анализ.

Методом структурного анализа были выделены базовые качества структуры конфликтостойчивости учителей общеобразовательных школ. К базовым волевым качествам конфликтостойчивости учителей относятся инициативность, энергичность, выдержка и решительность. Важное место в структуре конфликтостойчивости учителей занимает потребность устанавливать контакты с другими людьми. Конфликтные качества в структуре конфликтостойчивости учителей представлены агрессивностью, подозрительностью, обидчивостью, мстительностью и вспыльчивостью. Локус контроля в базовые качества конфликтостойчивости учителей не входит.

С помощью метода кластерного анализа нами было получено три кластера учителей. В первый кластер вошли 25 учителей, во второй – 39 учителей, в третий – 25 учителей. Далее внутри каждого кластера был проведен структурный анализ, который позволил выявить базовые качества структуры конфликтостойчивости у разных групп учителей.

В первой группе учителей волевые базовые качества конфликтостойчивости представлены выдержкой, внимательностью и целеустремленностью. Уровень конфликтостойчивости связан с конфликтностью, вспыльчивостью, напористостью и подозрительностью, входящих в ее структуру. В межличностном общении это структура конфликтостойчивости связана с эмоциональными и компетентными ха-

раактеристиками поведения других участников общения. Типы реагирования на конфликт в базовые качества этого вида структуры конфликтоустойчивости учителей не входят.

Во второй группе учителей волевые базовые качества конфликтоустойчивости представлены выдержкой, решительностью, самостоятельностью, внимательностью и энергичностью. Межличностное общение связано с эмоциональными характеристиками своего поведения и заинтересованностью других участников общения. Так же важное место в этой структуре конфликтоустойчивости занимают позитивная агрессивность, неуступчивость и агрессивный тип реагирования на конфликт.

В третьей группе учителей волевые базовые качества конфликтоустойчивости представлены выдержкой, настойчивостью, инициативностью, энергичностью и ответственностью. В межличностном общении эта структура конфликтоустойчивости связана с потребностью устанавливать контакты с другими людьми. Уровень конфликтоустойчивости этого типа связан с обидчивостью, неуступчивостью и напористостью. Уход от конфликта является наиболее характерным типом реагирования на конфликт у учителей с данной структурой конфликтоустойчивости.

В структуре конфликтоустойчивости учителей общеобразовательных школ количественно преобладают конфликтные и волевые качества. Можно предположить, что основой конфликтоустойчивости учителей является баланс между конфликтными и волевыми качествами, а механизмом конфликтоустойчивости является не подавление конфликтных качеств, а их трансформация с помощью волевых качеств личности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-06-00738а

ВОСПРИЯТИЕ СИТУАЦИЙ ТРУДНОГО СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПОВЕДЕНИЕ В НИХ ЭКОНОМИСТОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

А.В. Бузмакова, А.А. Фирсова (Ярославль)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 11-06-00738а)

Целью данной работы явилось исследование восприятия ситуаций трудного социального взаимодействия и поведение в них экономистов на разных этапах профессионализации.

Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема связи конфликтоустойчивости личности и предпочитаемой стратегии совладания со стрессом недостаточно рассмотрена в теоретическом плане и мало изучена экспериментально.

Объектом исследования являются ситуации трудного социального взаимодействия. Предмет исследования – восприятие ситуаций трудного социального взаимодействия и поведения в них экономистов на разных этапах профессионализации. В качестве гипотезы выступают следующие предположения: ситуация вертикального конфликта воспринимается как более опасная по сравнению с ситуацией горизонтального конфликта на ранних этапах профессионализации; в процессе профессионализации личности экономиста уменьшается число используемых им неконструктивных копинг-стратегий.

Выборку составили 8 экономистов на стадии профессионального обучения), 8 работающих экономистов (стадия профессиональной адаптации), 12 экономистов на

стадии развития профессионала, 10 экономистов на стадии реализации профессионала.

В качестве методического инструментария использовалась методика «Стратегии совладающего поведения» (Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова) и методика частного семантического дифференциала «Восприятие конфликтных ситуаций» (А.В. Бузмакова).

Эмпирические данные были подвергнуты математической обработке. Согласно U-критерию Манна-Уитни студенты более склонны справляться с негативными переживаниями за счет реагирования по типу уклонения ($p < 0,01$). Это может быть обусловлено различием в степени ответственности. Так как данная стратегия не предусматривает какое-либо решение проблемной ситуации, студенты, будучи менее ответственными, предпочитают уклониться от нее, считая, что все исправится само собой. Студенты более склонны выбирать стратегию конфронтативный копинг ($p < 0,01$). Они моложе, более импульсивны, более остро реагируют на проблему, предпринимая зачастую нерациональные действия для ее преодоления. Студенты более склонны воспринимать ситуацию вертикального конфликта как опасную, которая может привести к нежелательным последствиям ($p < 0,01$). Они считают, что конфликты с преподавателями или деканом могут привести к отчислению и боятся этого.

Для исследования связей использовался корреляционный анализ Спирмена.

В выборке экономистов обнаруживается высокая значимая связь между шкалой восприятие вертикального конфликта (ВК) как включенного в более широкий круг ситуаций социального взаимодействия и шкалой конфронтативный копинг ($p \leq 0,01$). Включение вертикального конфликта в более широкий круг ситуаций социального взаимодействия означает осознание того, что разногласия с начальством могут повлечь за собой более серьезные последствия. Поэтому, такое восприятие конфликтной ситуации вызывает стремление к осуществлению действий, направленных на изменение ситуации или на отреагирование негативных эмоций.

Очень высокая значимая связь между восприятием ситуации ВК как опасной и конфронтативным копингом ($p \leq 0,001$) также объясняется тем, что восприятие ситуации конфликта как приводящей к нежелательным последствиям вызывает стремление разрешить ситуацию любым выгодным способом.

Очень высокая значимая связь между восприятием ситуации ВК как опасной и стратегией принятия ответственности ($p \leq 0,001$) объясняется тем, что при восприятии ситуации конфликта как опасной, экономисты склонны к принятию ответственности за конфликт на себя, чтобы сохранить нормальные отношения с руководством и не потерять работу.

Обнаружена очень высокая значимая связь шкалы восприятие ВК как опасной ситуации со стратегией бегство-избегание ($p \leq 0,001$). Многие экономисты выбирают отрицание, уклонение от ответственности и т.п., с целью снижения эмоционального напряжения, полагая, что, если не предпринимать никаких действий по разрешению ситуации, руководство может успокоиться и не предпринимать нежелательных для работника действий.

Обратная высокая значимая корреляция между восприятием ситуации горизонтального конфликта по шкале «статичность-динамичность» и выбором конфронтативного копинга ($p \leq 0,01$) говорит о том, что чем более изменяющейся и динамичной воспринимается ситуация ГК, тем чаще выбирается стратегия конфронтации.

Выводы:

1. Выбор конфронтативного копинга у экономистов связан с восприятием ситуации вертикального конфликта как включенной в более широкий круг ситуаций социального взаимодействия и восприятием ситуации горизонтального конфликта как стабильного конструкта. Если экономисты воспринимают ситуацию вертикального конфликта как опасную, которая может привести к нежелательным последствиям, они чаще выбирают следующие стратегии совладания со стрессом: конфронтативный копинг, бегство-избегание и принятие ответственности.

2. В процессе профессионализации у экономистов происходят следующие изменения: ситуация вертикального конфликта воспринимается как менее опасная, поведение в вертикальном конфликте и горизонтальном конфликте воспринимается как менее сопротивляемое. Таким образом, гипотеза о том, что ситуация вертикального конфликта воспринимается как более опасная по сравнению с ситуацией горизонтального конфликта на ранних этапах профессионализации, подтвердилась.

На более поздних этапах профессионализации становится более редким использование таких стратегий совладания со стрессом как бегство-избегание, конфронтативный копинг. Таким образом, гипотеза о том, что в процессе профессионализации личности экономиста уменьшается число используемых им неконструктивных копинг-стратегий, подтвердилась.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ СИТУАЦИЙ ТРУДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПОВЕДЕНИЯ В НИХ У ДИСПЕТЧЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

А.В. Бузмакова, Е.О. Кузьмичева (Ярославль)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 11-06-00738а)

Восприятие человеком трудных ситуаций взаимодействия и поведение в них может радикально изменить его отношение к производственным ситуациям. Часто стресс наступает из-за конфликтных ситуаций. Конфликт возникает в социуме, а рабочая обстановка диспетчеров представляет собой множество социальных контактов. Мы считаем, что восприятие ситуаций трудного взаимодействия и поведения в них у диспетчеров на разных стадиях профессионализации может быть различным, также разные параметры восприятия ситуаций трудного взаимодействия и поведения в них могут быть связаны с выбором стратегии совладания со стрессом.

Цель работы – исследовать восприятие ситуаций трудного взаимодействия и поведение в них диспетчеров железнодорожного транспорта.

Объектом исследования являются ситуации трудного взаимодействия. Предмет исследования: восприятие ситуаций трудного взаимодействия и поведение в них у диспетчеров железнодорожного транспорта. Гипотезой исследования стало предположение о том, что диспетчера, склонные к позитивному переосмыслению проблем в условиях ситуаций трудных взаимодействий, ориентированы на сохранение конструктивного взаимодействия.

Выборку составили 8 студентов железнодорожного техникума, 22 диспетчера железной дороги.

В работе использованы методики «Стратегии совладающего поведения» (Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова) и методика частного семантического дифференциала «Восприятие конфликтных ситуаций» (А.В.Бузмакова).

С помощью U-критерия Манна-Уитни был проведен сравнительный анализ восприятия конфликтных ситуаций и стратегий совладающего поведения у диспетчеров на разных стадиях профессионализации. Достоверно различается по показателям диспетчеров с высоким стажем работы и низким стажем работы копинг-стратегия дистанцирования ($p < 0,001$). Различия объяснимы тем что, у людей с более высоким стажем работы сформированы все необходимые ПВК, есть определенная стабильность во всех сферах, многие ситуации в рабочей деятельности встречаются уже не в первый раз и по этому таким людям не составляет в стрессовых ситуациях снизить ее важность или переключится на более важную проблему. В то время как для людей с низким стажем работы, любая ситуация будет более важной, значимой и если они будут дистанцироваться от стрессовой ситуации, то вряд ли добьются успеха в своей работе.

Похожим будет и объяснение того, что более высокое восприятие вертикального конфликта как опасной ситуации наблюдается у рабочих с низким стажем ($p < 0,05$). Ситуация конфликта воспринимается как напряженная, может привести к увольнению, чтоб будет совсем не желательно для тех людей, которые работают в организации не долгое время.

Достоверно различается по показателям диспетчеров находящихся на стадии реализации профессионала и стадии профессионального обучения направленность деятельности. Она преобладает у людей с высоким стажем работы ($p < 0,01$). Диспетчера, находящиеся на стадии реализации профессионала, воспринимают своего поведение в вертикальном конфликте как просоциальное, а диспетчера, находящиеся на стадии профессионального обучения – как асоциальное. Данные объяснимы профессиональными требованиями диспетчеров. Их работа заключается в постоянном взаимодействии между собой, и только ориентируясь на совместную профессиональную деятельность, диспетчер сможет успешно справиться со своей работой.

Студенты чаще используют копинг-стратегию избегания, чем диспетчера с высоким стажем работы ($p < 0,001$). Данные вполне объяснимы недостаточным владением знаний, необходимых для решения проблемы, отрицательных последствий. Восприятие горизонтальной конфликтной ситуации как значимой, также более высоко у студентов ($p < 0,001$). Получается что им важны социальные отношения и необходима поддержка, возможно именно по этому им легче уйти от проблемы, чтобы она не привела к более нежелательным последствиям.

Для исследования связей использовался корреляционный анализ Спирмена. Восприятие вертикального и горизонтального конфликта как значимой ситуации имеет обратную связь с выбором стратегии дистанцирования ($p < 0,001$). Чем более значима ситуация, тем менее выражена стратегия дистанцирования. Копинг- стратегия дистанцирования предполагает собой переоценивание возникшей проблемы, переключение внимания и уменьшение ее влияния, что как раз противоречит восприятию ситуации как значимой. Получается если для диспетчера ситуация конфликта будет первостепенной, то он постарается ее разрешить не отдаляясь, так как это может привести к сбою и в профессиональной деятельности.

Восприятие своего поведения в горизонтальном конфликте по шкале «направленность поведения» имеет обратную связь с выбором копинг- стратегии бегства и избегания ($p < 0,001$). Чем больше диспетчер воспринимает свое поведение, как ориентированное на поддержание социального взаимодействия, тем меньше он будет использовать копинг- стратегию бегства и избегания. Данная связь вполне закономерна. Работа диспетчера предполагает необходимость поддерживать постоянный контакт с людьми для эффективного выполнения своей деятельности. Поэтому если

возникнет конфликт, то его просто необходимо разрешить как можно раньше и спокойнее, а не уходить от него.

Восприятие своего поведения в горизонтальном и вертикальном конфликте, как устойчивого имеет прямую связь с положительной переоценкой ($p < 0,001$). Чем чаще человек воспринимает свое поведение в конфликте как стойкое, тем чаще он использует копинг - стратегию положительной переоценки. Мы считаем, во многом это связано с мыслью о личностном росте. Диспетчер сохраняет конструктивное социальное взаимодействие в конфликте и при этом оценивает ситуацию не просто как проблему, а как стимул того, что ее рациональное разрешение приведет личностному росту и саморазвитию. Такое восприятие проблемы также является конструктивным и говорит о конфликтоустойчивости личности.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СКАЗКОТЕРАПИИ В РАЗВИТИИ КРЕАТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Н.В. Буравцова, А.А. Мальцева (Новосибирск)

В настоящее время очевидна необходимость развития активных, инициативных, творчески мыслящих личностей. Креативная личность готова не только к постоянным изменениям, но и к принятию этих изменений как возможности получения удовлетворения потребности в решении нестандартных задач. В связи с этим, главная роль образовательной инноватики принадлежит личностно-ориентированному подходу, который обеспечивается педагогикой сотрудничества и гуманистическим комплексом средств психолога – педагогического воздействия. В центре личностно-ориентированной технологии – уникальная целостная, нестандартно мыслящая личность.

Однако, исследование креативности учащихся 3 классов ряда школ г. Новосибирска, в количестве 90 человек (возраст 9-11 лет) показало, что только у 55-60% испытуемых показатели беглости, гибкости и оригинальности мышления находятся в пределах нормативного значения.

Выявленные особенности поставили нас перед необходимостью разработки специализированной программы, направленной на повышение уровня креативности детей и гармоничного личностного развития школьников. Используя принципы психологического развития творчества, выдвинутые Н.Н. Поддьяковым, Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой, А.В. Гнездиловым, а так же на основании моделей, разработанных Дж. Гилфордом, Э.Де Боно, Дж. Галлаиром, П. Торренсом, была создана программа, способствующая гармоничному развитию учащихся и повышению уровня их творческого потенциала.

Творческая активность предусматривает самостоятельную художественную деятельность детей, облеченную в своеобразные и доступные им формы. Одним из наиболее актуальных (для данной возрастной ступени) способов развития творческой активности детей является сказкотерапия, так как она обращена к чистому и восприимчивому детскому началу каждого человека. Сказочные фантазии ребенка оказывают психолога – педагогическим усилиям действенную помощь: одновременно они делают возможным глубокое проникновение во внутреннюю жизнь фантазии, с учетом которой сознательное поведение становится более понятным и благодаря этому доступным для воздействия. При помощи сказкотерапии эффективно развивается творческая активность младших школьников.

Методологическую основу программы «Путешествие в сказку» составили: научные, философские и психолого-педагогические работы по проблемам формирования творчества человека в процессе деятельности Л.С. Выготского, М.С. Кагана, Н.Н. Поддъякова, А.Т. Шумилина; исследования в области эстетического воспитания и обучения детей и особенностях формирования творчества Н.А. Ветлугиной, Т.С. Комаровой, Е.А. Флериной, Т.Я. Шпикаловой; работы по сказкотерапии Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой, А.Ю. Капской, Т.Л. Мирончик, Е.В. Набойкиной, Н.В. Буравцовой; теоретические идеи В.Я. Проппа.

Задачи коррекционно-развивающей программы:

- развитие творческого мышления, способности концентрироваться;
- обучение приемам творческой деятельности, посредством создания комфортной ситуации для успешного ее проявления и овладения;
- привитие интереса к любому проявлению творчества через использование сказкотерапевтических и игровых методов;
- сохранение психологического здоровья в процессе развития личности младшего школьника;
- способствование повышению личностной самооценки;

Центральным элементом, на котором базируется разработка и реализация программы «Путешествие в сказку» стоит личностная индивидуальность ребенка, как исходный компонент процесса личностной самореализации, а в центробежных направлениях действуют силы развития творческих способностей личности. Предполагаемым результатом становится воспитание творчески мыслящей, обладающей духовной культурой, нравственной личности.

Занятия разделены на два раздела: «Сказочная страна» и «Волшебство моей души». Каждый раздел имеет подцель, например, раздел «Сказочная страна» направлен непосредственно на повышение уровня креативности и развитие творческого потенциала детей младшего школьного возраста. Раздел «Волшебство моей души» имеет своей целью способствовать гормональному развитию личности младших школьников. Таким образом, программа, в целом, не только способна повысить уровень креативности детей, но и способствует их личностному развитию, преодолению затруднений в социализации учащихся.

Программа соотносится с федеральным Государственным Образовательным Стандартом второго поколения, ориентированного, прежде всего, на личностное развитие учащегося. Она способна не только развивать отдельные психологические качества личности, но и формировать метапредметные взаимосвязи, развивать универсальные учебные действия.

Результатами реализации данной программы стало определение базовых факторов, влияющих на повышение уровня креативности младших школьников:

- обеспечение новизны и занимательности в развитии художественных интересов способствует формированию эмоциональной сферы креативности;
- ситуации, обуславливающие необходимость интуитивного поиска, способствуют формированию эмоциональной и интеллектуальной сфер креативности;
- генерирование идей отражается, главным образом, на формировании интеллектуальной сферы креативности;
- конструктивное развитие творческого замысла обуславливает формирование интеллектуальной и волевой сфер креативности;
- ситуации конструктивной критики способствуют формированию волевой сферы;

- интенсивная и перспективная мотивация способствует развитию всех сфер креативности.

ЗЕРКАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЧЕЛОВЕКА: КОМПЕТЕНЦИИ И ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

А.В. Булова (Москва)

Открытие зеркальных нейронов и зеркальной системы человека ставит вопрос о её функциях и работе с этой системой в медицине.

Открытие зеркальных нейронов произошло при исследовании активности отдельных нейронов моторной области коры головного мозга у обезьян в опытах на открытом мозге. Сделавший это открытие нейрокогнитолог Дж.Ризолатти считает, что эта система обеспечивает моторное знание о собственных действиях и действиях другого. Сегодня зеркальная система рассматривается психологами и социологами как нейрональный механизм совместного действия и сопереживания. Но резонанс наблюдается и в работе сердечнососудистой системы, и в работе пищеварительной системы, и в работе гормональной системы, и даже в работе иммунной системы. От понимания зеркальной системы как механизма совместного действия и сопереживания мы переходим к её пониманию как ресурса развития возможностей терапевтической коммуникации, обеспечиваемых этой системой специальной перцепции и новой транзактной базы терапии. Задействование зеркальных систем терапевтом для специальной перцепции и терапевтических транзакций мы определяем как его новые компетенции и новую грань профессионального интеллекта – перцептивный интеллект.

Зеркальная система обеспечивает внутреннее копирование форм активности другого, но не в результате их узнавания, а наоборот, их узнавание происходит в результате происходящего в этой системе копирования. В опытах с обезьянами работа зеркальной системы обнаруживается прямым измерением на открытом мозге активности командных нейронов, некоторые из которых оказываются зеркальными нейронами. Действие зеркальной системы человека наблюдается иначе: косвенно, измеряющими активность мозга приборами как передача в коммуникации паттернов активности мозга. Эту работу косвенно можно обнаруживать и по мышечным реакциям, и по поведенческим реакциям. Пока не изучено, какие функции организма охвачены такими резонансами, но явления резонанса явно охватывают многие процессы в физиологии. Это значит, что через зеркальную систему можно влиять на многие процессы в организме. Особенность этой системы в том, что её действие обнаруживается в коммуникации неосознанным спонтанным копированием активности другого. Поэтому методы медицины менее соответствуют задачам работы с этой системой, чем методы психологии. Работа с зеркальной системой в лечебном процессе вполне может стать сферой компетенций именно клинического психолога, участвующего тогда на всех этапах лечебного процесса во всех видах лечебных учреждений. Формирование необходимого для такой работы перцептивного интеллекта вполне вписывается в модель подготовки клинического психолога, тогда как совершенно особняком лежит от модели подготовки врача. Здесь возникает новая группа медицинских коммуникативных технологий, в чём-то близких к психотерапии, но работающих с соматическими заболеваниями разной нозологии путём резонансной коррек-

ции форм активности разных систем человека. Признаки такой резонансной коммуникации и коррекции есть в психотерапии, психологических практиках и в практиках целительства в традиционных культурах, где они помещены в онтологию мифа. Исследование зеркальной системы позволяет объективно приборами наблюдать нейробиологический резонанс как передачу паттернов активности мозга и строить его технологически. Ещё одна группа измерений – это измерение резонансной активности разных систем организма в терапевтической коммуникации. Всё это требует приборного оснащения рабочего места клинического психолога, разработки модификаций существующих приборов под наблюдение активности различных систем организма уже не одного клиента, а резонансной коммуникации клиента и группы клиентов с клиническим психологом.

Проблема состоит в возможности управления резонансами. Исследования зеркальной системы показывают, что за её активацию и торможение отвечают определённые зоны коры головного мозга. Но для терапевтических транзакций сам терапевт должен стать и эталоном для копирования паттернов активности, и регистрирующим прибором и аппаратом трансляции паттернов активности клиенту. Всё это требует формирования у клинического психолога перцептивного интеллекта: выделяемого нами из множества составляющих интеллекта профессионала его специальных эмпирических, перцептивных и транзактных баз работы с зеркальной системой клиента, что уже больше напоминает подготовку спортсмена по высоким требованиям к такой внутренней организации. Именно такую профессиональную готовность клинического психолога к использующей зеркальные системы коммуникации мы определяем как перцептивный интеллект.

Вступление в мир резонансов требует особых технологий обеспечения безопасности терапевта, защиты от неизбежного резонансного переноса болезненных состояний с клиента на терапевта, а далее – на его ближайшее окружение. Необходимы фундаментальные исследования работы зеркальной системы и поиск возможностей её безопасного задействования в терапии.

Наш проект формирования компетенций клинического психолога в сфере работы с зеркальной системой человека включает в себя:

1. Исследование нейробиологического резонанса в терапевтической коммуникации с использованием наблюдения паттернов активности мозга (приборами В.Ф.Фокина).
2. Эксперименты по формированию специальных перцептивных и транзактных баз участников нейробиологического резонанса.
3. Разработка методик использования нейробиологического резонанса в терапевтической коммуникации.
4. Научное и методологическое обеспечение такой работы.

Нами отслеживались различные проявления резонанса и были проведены опыты терапевтической коммуникации с использованием эффекта резонанса.

Исходя из накопленной нами эмпирики, мы ожидаем эффектов очень глубокого воздействия резонанса на организм человека.

Важным выделяемым нами моментом является нередуцируемая сложность этого феномена, требующая создания технологий управления знанием, которые мы называем методологическим интерфейсом.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ОСОЗНАННОМУ СУПРУЖЕСТВУ

К.А. Бурякова (Москва)

Актуальность данной проблемы определяется тем, что курс государства направлен на решение демографических проблем, повышение рождаемости; серьёзно встал вопрос брачно-семейной активности молодёжи, в частности такой молодёжной группы, как студенчество.

Сегодня многие пары, готовящиеся вступить в брак или уже связанные супружескими узами, не умеют правильно построить свои взаимоотношения и практически не знают, как это сделать. Психологическая подготовка жениха и невесты, мужа и жены в этом плане серьёзно и основательно не велась. Средства массовой информации формируют и распространяют неверные представления о супружестве.

Вступая в брак, супруги имеют определенные ожидания, представления, установки, фантазии, тревогу относительно супружеских отношений. Между супругами могут быть большие расхождения в этих вопросах, что создает объективную основу для возникновения несогласованности и конфликтных ситуаций.

Наше теоретико-экспериментальное исследование посвящено изучению условий формирования психологической готовности студентов к осознанному супружеству и разработке программы тренинга. Такое исследование потребовало изучения условий формирования эмоциональной близости, симпатии и любви в семье, интимности в браке, активизации духовно-нравственного потенциала супругов и профилактики конфликтных ситуаций.

Гипотеза исследования:

1. Процесс формирования готовности студентов к осознанному супружеству будет успешным, если в ходе тренингового взаимодействия студенты выявят согласованность семейных ценностей, ролевых установок и овладеют умением проявлять эмпатические способности в супружеской паре.

Задачи исследования:

1. Теоретический анализ современных тенденций развития семьи.
2. Рассмотреть особенности восприятия семьи в студенческом возрасте.
3. Рассмотреть условия формирования готовности к принятию друг друга.
4. Разработать, обосновать и апробировать программу тренинга по формированию готовности студентов к осознанному супружеству.

Методы исследования: теоретический анализ психолого-педагогической литературы; эмпирические методы: наблюдение, анкетирование, опрос, тестирование, беседа.

Методики, применяемые в исследовании:

1. Диагностика перцептивно-интерактивной компетентности, модифицированный вариант Н.П.Фетискина.
2. Методика определение согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре.
3. Опросник удовлетворенности браком.
4. Методика «Измерение установок в супружеской паре».
5. Диагностика уровня эмпатических способностей В.В.Бойко.

Исследование проводилось на базе семейного центра «Семья», в Московской области, г. Одинцово, в период с 3 ноября 2012 г. по 14 апреля 2013 г. В исследовании приняли участие 14 студентов в возрасте 20-28 лет.

На первом, констатирующем этапе исследования, было проведено изучение психологической готовности к браку и созданию семьи у всех респондентов. Помимо этого респондентам была предложена анкета, позволяющая прояснить и конкретизировать некоторые аспекты восприятия и значимости для них семейных отношений.

На втором, тренинговом этапе исследования, была разработана и проведен социальнo-психологический тренинг (СПТ), направленный на развитие социальнo-психологических установок, навыков и компонентов межличностного взаимодействия.

Третий этап исследования осуществлялся через две недели после последнего тренингового занятия, осуществили повторную диагностику с использованием тех же психодиагностических методик, что и на первом этапе работы.

На контрольном этапе исследования было проведено сравнение экспериментальной группы с контрольной группой.

Основные результаты эксперимента следующие:

1. На констатирующем этапе:

- широкое распространение в системе супружеских отношений различного вида неблагополучия в виде преобладания низких уровней взаимной приспособленности супругов друг к другу, недостаточная способность осознавать, понимать и принимать индивидуальные гендерные различия друг друга, значительное распространение рассогласованности в ролевых ожиданиях и притязаниях по широкому спектру семейных ценностей и целей;

- преобладание ориентаций на использование непродуктивных способов поведения в конфликтных ситуациях, возникающих в интимной и других сферах супружеской жизни; отсутствие ориентаций на высокие духовно-нравственные ценности, скрепляющие супружество.

2. Результаты формирующего эксперимента показали, что через реализацию данной программы тренинга происходят значительные изменения, а именно:

- снижается и снимается рассогласованность системы ролевых ожиданий и притязаний в браке;

- происходит принятие супругами существенных гендерных различий друг друга;

- происходит переориентация на конструктивные способы поведения в конфликтных ситуациях;

- вырабатывается новая мотивация отношений друг к другу и к семейной ситуации в целом;

- существенно меняются духовно-нравственные ориентации супругов и скрепляющая семью система ценностей; программа способствует ценностной, нравственной и духовной переориентации личности; именно на этой основе создается новая система знаний, мотивов, умений и действий, критериев отношения супругов друг к другу и к самому себе.

Результаты нашего исследования показали, что студентов необходимо обучать искусству партнерских взаимоотношений.

В связи с этим, мы считаем, что разработанный тренинг должен стать частью процесса обучения. Предполагается целесообразным использование разработанной программы психологической подготовки студентов к осознанному супружеству для работы со студентами и студенческими семьями в вузах, колледжах, службах психологической и духовной помощи семье, центрах семьи и брака, супружеских центрах.

Перспективу данного исследования мы видим в целенаправленной психологической помощи студентам в выборе спутника жизни и выстраивании осознанного супружества.

НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ РОДИТЕЛЯМ ДЕТЕЙ С ОВЗ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕВМАТИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ)

А.С. Буслаева (Москва)

Актуальность: хронические заболевания оказывают негативное влияние на физическое состояние и психическое развитие ребенка, искажая систему социальных отношений и образ его жизни. В связи с этим усилия специалистов должны быть направлены на гармонизацию взаимоотношений между болеющим ребенком и его близким окружением, создание оптимальных воспитательных условий внутри семьи, способствующих сохранению физического и психического здоровья ребенка, а также реализации индивидуальных психологических возможностей детей с ОВЗ.

Цель: изучить особенности воспитательных установок родителей детей с ревматическими болезнями и определить направления психологической помощи данной категории родителей.

Выборка: в исследовании приняли участие дети с ревматическими болезнями в возрасте от 7-17 лет и их родители. Всего было обследовано 30 диад «ребенок – родитель».

Методики: «Родительское сочинение» в форме незаконченных предложений, пробы на совместную деятельность и наблюдение за особенностями родительского поведения при взаимодействии с ребенком в стационаре.

Результаты: анализ полученных данных позволил обнаружить 5 типов родительских установок.

1. Гармоничная родительская установка. Взрослый с учетом физического состояния, индивидуальных психологических характеристик и потребностей ребенка выстраивает процесс воспитания. Родитель способен самостоятельно определить круг интересов и ведущую детскую деятельность, оценить реальные возможности ребенка, стремиться в процессе общения, воспитания и обучения удовлетворить его потребность в эмоциональном принятии, активности и познании, оказать необходимую помощь и создать условия для творческой реализации и самостоятельности.

Данная категория родителей нуждается в психологической помощи с целью получения эмоциональной поддержки, расширения индивидуального педагогического опыта. Это, в свою очередь, позволит осуществить профилактику нарушений детско-родительских отношений.

2. Родительская установка, ориентированная на обучение. В иерархии ценностей родителя первое место занимает развитие интеллектуальных способностей ребенка, а так же достижение значительных успехов в той или иной творческой деятельности. Взрослый склонен избегать реальной оценки ситуации, стремится снизить значимость «проявлений» болезни, родителем недостаточно учитываются индивидуальные психологические потребности ребенка в процессе воспитания.

Задача психолога в работе с родителями, которые ориентированы, прежде всего, на обучение – это расширение представлений родителя о физических возможностях и ограничениях, которые возникают у детей в силу хронической болезни, оптимизация уровня социальных требований и ожиданий. Психологическая поддержка

должна быть направлена на повышение педагогической компетентности родителей и практического их обучение способам удовлетворения психологических потребностей болеющего ребенка, эффективной реализации его психических возможностей в процессе воспитания.

Родительская установка, ориентированная на лечение. Главной ценностью для родителя становится сохранение жизни и восстановление здоровья ребенка. Вся жизнь ребенка, межличностное общение, обучение и воспитание зависят и подчинены процессу лечения, возрастные, личностные и индивидуальные психологические потребности ребенка игнорируются.

Целью психологической работы с данной категорией родителей является развитие умения самостоятельно ориентироваться в возрастных и индивидуальных психологических потребностях ребенка, не связанных с процессом лечения, а также способах их реализации во время лечения ребенка в стационаре и после выписки.

3. Неустойчивая родительская установка. В ходе взаимодействия родителя с ребенком наблюдается частое изменение стиля межличностного общения, приоритетов и целей воспитания, приемов и методов обучения. Взрослый затрудняется самостоятельно оценить физическое состояние, индивидуальные психологические характеристики и потребности ребенка, его реальные возможности и затрудняется осуществлять развивающее руководство.

Взрослый с неустойчивой родительской установкой нуждается в психологической помощи с целью улучшения понимания собственных приоритетов и ценностей в воспитании и способа их реализации с учетом особенностей физического и психического развития ребенка.

4. Отстраненная родительская установка. Взаимоотношения между родителем и ребенком характеризуется чрезмерной эмоциональной дистанцией. Родитель склонен действовать формально и пассивно во взаимодействии с ребенком, отстраняется от физического и эмоционального контакта, минимизирует собственное участие в жизни ребенка в момент его пребывания в стационаре, перекладывая всю ответственность за процесс лечения, обучения и воспитания на сотрудников лечебного учреждения. Основная задача психологической помощи – это уменьшение эмоциональной дистанции между родителем и ребенком, обучение оптимальным способам детско-родительского взаимодействия.

Выводы:

1. Выявлены эффективные (1) и неэффективные (2,3,4,5) типы родительских установок в отношении воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья. Предполагаем, что формирование неэффективных видов воспитательных установок – это результат спонтанного приспособления родителя к ситуации болезни ребенка. Ситуация болезни вызывает значительное эмоциональное напряжение у родителя. В некоторых случаях снижению родительской тревоги способствует игнорирование или приуменьшение значимости болезни, поиск способов «компенсации» проявлений болезни в обучении, а в некоторых – полное погружение в вопросы лечения ребенка.

2. Родители детей с ограниченными возможностями здоровья нуждаются в систематической психолого-педагогической помощи, содержание которой необходимо разрабатывать с учетом особенностей взаимоотношений между ребенком и родителем, характера родительских установок, а также тяжести течения заболевания и возраст-психологических особенностей ребенка.

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ ВО ВЗРОСЛОСТИ

С.М. Буянова (Москва)

На сегодняшний день ни в системе дошкольного, ни в системе школьного обучения внимание человека не сосредоточено сегодня на нём самом – его специально не учат рефлексии, самопониманию и пр. А.Ф. Мирзаянов считает, что в условиях современного социального заказа на формирование личности школьника важно формировать личность с позитивной мотивационной направленностью, с высоким уровнем потребностей в достижении успеха и т.п. (Мирзаянов, 2010, с. 12). Вследствие этого у взрослого человека наблюдается превалирование материальных благ, девальвация нравственных, идеологических и экзистенциальных ориентиров. Личность ощущает утрату целостности Я, чувство фрагментарности собственного бытия, растворение в «публичном», что актуализирует исследование «подлинного Я» и «социального Я» как частей системы представлений о себе.

По нашему мнению, складывающаяся к взрослому возрасту общая система представлений о себе может быть описана в виде следующей структурно-содержательной модели:

А. Когнитивный компонент: включает те содержательные характеристики, которые отражают знания личности о самой себе (Я-образ). Включает два уровня:

1. телесно-психофизиологический, включающий «физическое Я» и «телесное Я» (представления о характеристиках собственного тела и особенностях его функционирования, о здоровье, о задатках; представления о поле и возрасте, о внешнем облике, физических характеристиках);

2. социально-психологический, включающий «психологическое Я», «моральное/нравственное Я», «духовное Я», «социальное Я», «профессиональное Я», «экономическое Я», «семейное Я», «этническое Я» (представления о личностных качествах, характере, темпераменте, способностях, психических состояниях, познавательных процессах, волевых качествах, эмоциональных качествах; оценка собственных проявлений в сравнении с общественными нормами, ориентация на нормы и эталоны; ценности, цели, мечты, планы, жизненные стратегии; ролевые и статусные представления, гражданское Я; представления о себе как профессионале; представления о себе как собственнике, о владении территорией, личными вещами; представления о демографическом статусе; представления о принадлежности к нации, национальности.

В. Эмоционально-оценочный компонент: включает те содержательные характеристики представлений о себе, которые обеспечивают эмоционально-оценочное отношение к самому себе.

1. самооценка всех «Я» когнитивного компонента как степень соответствия реальных представлений о себе идеальным;

2. самопринятие как ощущение ценности всех «Я» когнитивного компонента, то есть удовлетворенность собственными «Я».

С. Поведенческий компонент: конкретные действия личности, которые могут быть вызваны самопредставлениями.

1. самопрезентация;

2. самописание.

Д. Символический компонент: смысловое наполнение содержательных характеристик когнитивного компонента, символизация, принятая личностью в отношении себя.

1. Я-концепты;

2. Я-метафоры.

Мы считаем, что качественное изменение и перестройка содержания системы представлений о себе происходит на индивидуальном (кризисные и лиминальные фазы развития личности) и социальном уровнях (социализация и инкультурация).

Особенно четкое и возможно полное осознание собственной личности и собственных переживаний, психических процессов и действий от человека требуется только в ответственных проблемных ситуациях (Налчаджян, 1969). Потребность в рефлексии возникает вследствие сомнений относительно исходных позиций своей жизнедеятельности. Первое такое сомнение возникает в младшем школьном возрасте. В начале младшего школьного возраста ребенок приходит к осознанию своего места в мире общественных отношений. Вторым кризисным этапом является подростковый возраст, когда происходит толчок к осознанию своей уникальности, своих индивидуальных качеств и способностей. В подростковом возрасте человек начинает самостоятельно формировать систему ценностей, становясь ее автором. Еще одним важным периодом можно считать взрослый возраст, когда человек переживает кризис середины жизни, толкающий его переосмыслить свою жизнь и самого себя. В этот период прокрадывается сомнение, связанное с оценкой пройденного жизненного пути, с пониманием стабилизации, «сделанности» жизни, переживаниями отсутствия ожиданий новизны и свежести, спонтанности жизни и возможности в ней что-то изменить, переживанием краткости жизни для осуществления всего желаемого и необходимости отказаться от явно недостижимых целей.

Лиминальные (переходные) состояния выступают как моменты пиков напряженной внутренней активности по поиску новых смыслов, отслеживанию и выстраиванию новых «образов Я», созиданию новых проектов самоосуществления, рефлексии своего жизненного предназначения. Согласно Е.Е. Сапоговой, лиминальный период является субъективно переживаемым разрывом в непрерывно длящемся потоке жизненного опыта человека, связанным с осознанием смысловой завершенности определённого фрагмента жизни и пока ещё ненаступления нового фрагмента, когда необходима активизация внутренних эмоционально-когнитивных ресурсов для преодоления «себя-наличного» и становления «себя-иного» (Сапогова, 2007). Пребывание личности в лиминальном периоде требует от нее особой внутренней работы, значимую часть которой составляет рефлексия своих смыслов, представлений о себе, целей и ценностей с опорой на имеющиеся экзистенциальные прецеденты.

В процессе социализации индивид приобретает опыт, который требуется для исполнения различных социальных ролей. И. Гофман поставил вопрос о существовании «Я-для-себя» и «Я-для-других», которые подчиняются различным целям, возникающим в рамках взаимодействия. В рамках инкультурации индивид осваивает присутствие определенной культуре миропонимание и поведение, ценности и нормы, символы и традиции.

Таким образом, именно в такие периоды жизненного пути человека возникает внутренняя необходимость саморефлексии, построения новых образов Я, дополнения и качественного перестроения структуры и содержания системы представлений о себе.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Л.А. Вапельник (Таганрог)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-36-01006а1.

Проблема личностной беспомощности как феномена была поставлена в отечественной психологии в 90-е годы 20 века. Личностная беспомощность понимается как «устойчивое образование, проявляющееся в неспособности и нежелании преодолевать жизненные трудности, создающее предрасположенность к частому и лёгкому возникновению состояния выученной беспомощности» (Д.А. Циринг).

Подростковый возраст является критическим для становления личностной беспомощности, так как именно в этом возрасте формируется самосознание подростка, происходит закрепление всех сторон его личности. В отличие от выученной беспомощности, понимаемой как состояние, возникающее в качестве реакции на неконтролируемые, преимущественно негативные события и характерное в основном для младших школьников, личностная беспомощность понимается уже как устойчивая личностная деформация. При влиянии негармоничного стиля воспитания и постоянных неудач, компоненты личностной беспомощности могут закрепиться и стать характерными для поведения подростка на протяжении всей жизни.

Целью настоящего исследования стало изучение проявления личностной беспомощности в подростковом возрасте.

Гипотеза: личностно беспомощные подростки характеризуются низкой активностью в учебной и коммуникативной деятельности, низкой инициативностью, низким уровнем притязаний и эмоциональной уравновешенности.

В исследовании участвовали 86 подростков, учащихся 7 классов школ города Таганрога.

Методы и методики. Беседа с учителями – с целью распределения учащихся в континууме беспомощность – самостоятельность. Метод экспертных оценок, направленный на выявление уровня проявления различных составляющих феномена личностной беспомощности у подростков (активность в учебной деятельности, инициативность, эмоциональная уравновешенность, коммуникативная активность, уровень притязаний).

В исследовании использовался опросник "Стиль саморегуляции поведения" В.И. Моросановой, целью которого являлась диагностика развития индивидуальной саморегуляции и ее индивидуального профиля, включающего показатели планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показатели развития регуляторно-личностных свойств (гибкости и самостоятельности).

Для обработки результатов были применены критерий φ^* – угловое преобразование Фишера и критерий U Манна-Уитни.

В результате беседы с классным руководителем выборка из 86 учеников была разделена на 3 группы.

Первую группу составили беспомощные подростки – 32 человека (37%) – дети, которые характеризуются низкой активностью на уроках, испытывают трудности с самостоятельным принятием решений, склонны принимать чужое авторитетное мнение одноклассников или учителя, проявляют нерешительность в общении со сверстниками. Учителями они воспринимаются как «лодыри» при этом «балованные и очень опекаемые» подростки, которым «для учёбы нужен постоянный стимул, тре-

буется беспрестанный контроль и помощь со стороны родителей, бабушек, учителей». По словам учителя, такие дети «часто отказываются от общественных поручений», «не стремятся участвовать в жизни класса».

Вторую группу составили подростки со средним уровнем беспомощности/самостоятельности – 20 человек (23%) – дети «достаточно тихие, но сильные в учёбе» или подростки, проявляющие свою активность в различных сферах (футбол, танцы), но в учёбе не очень решительные и активные.

Третью группу составили самостоятельные подростки – 34 человека (40%) – дети, которые характеризуются инициативностью, высокой активностью на уроках, «выполняющие домашнюю работу без помощи взрослых», стремящиеся участвовать во всех школьных мероприятиях, «открытые», «общительные» и зачастую обладающие лидерскими способностями.

Далее в рамках данного исследования, мы рассматривали только крайние варианты – беспомощных и самостоятельных школьников.

По результатам методики экспертных оценок среди беспомощных подростков было выявлено больше всего детей с низкой активностью в учебной (72%) и коммуникативной (63%) деятельности, низкой инициативностью (84%), эмоциональной уравновешенностью (50%) и низким уровнем притязаний (66%). Среди самостоятельных подростков большинство характеризуется очень высоким уровнем активности в учебной деятельности (71%), инициативности (68%), эмоциональной уравновешенности (88%), коммуникативной активности (85%) и притязаний (85%).

Одним из главных признаков самостоятельности является высокое развитие волевых качеств личности, в том числе, самоконтроля и саморегуляции.

Результаты методики "Стиль саморегуляции поведения" В.И. Моросановой показали, что личноно беспомощные подростки в основном оценивают свой уровень самостоятельности как низкий (87%) и в редких случаях как средний (13%). Самостоятельные подростки, напротив, в большинстве случаев оценивают свой уровень самостоятельности как высокий (82%) и только 18% оценивают его как средний.

Таким образом, самооценка своей самостоятельности/беспомощности подростками в большинстве случаев совпадает с оценкой их классных руководителей. Беспомощные подростки зависимы от мнений и оценок окружающих, не разрабатывают планы действий самостоятельно, часто некритично следуют чужим советам. При отсутствии посторонней помощи у них неизбежно возникают регуляторные сбои. Самостоятельные подростки, напротив, способны сами планировать деятельность, организовывать свою работу по достижению выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать результаты своей деятельности.

Полученные данные, а также теоретический анализ проблемы формирования и проявления личностной беспомощности позволили нам предположить, что семья, как важный фактор личностного развития ребенка, играет первостепенную роль в развитии самостоятельности, с одной стороны, и личностной беспомощности – с другой. Изучение влияния различных форм семейного неблагополучия на формирование этих личностных образований у подростков и составляет перспективу нашего исследования.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВОЗМОЖНЫХ «Я» В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Е.Ю. Василевская (Москва)

В настоящее время все больше исследователей в области возрастной психологии обращаются к изучению периодов взрослости. При этом особый пласт исследований составляют работы, посвященные кризисам развития в период взрослости, в том числе кризисам ранней взрослости (кризису перехода к взрослости, «кризису четверти жизни» и т.д.). Исследователями описывается симптоматика кризисов, строятся модели кризисов; особый интерес представляет понимание кризиса в традиции Л.С.Выготского и К.Н.Поливановой как противоречия реальной и идеальной форм. Обращение в период кризиса к идеальной форме, то есть, образам будущего, позволяет ввести в контекст исследования феномен возможных «Я». Мы понимаем возможные «Я» как представления индивида о том, каким он может стать, каким он хотел бы стать и каким он боится стать в будущем. Следует отметить, что ряд исследователей обращались к изучению возможных «Я» в период кризисов ранней взрослости, однако, пришли к несколько противоречивым результатам. Кроме того, проблема различий возможных «Я» в зависимости от уровня выраженности симптомов кризиса остается практически не охваченной, поэтому в приведенном исследовании предпринимается попытка более тщательного анализа видов и параметров возможных «Я» в период кризиса.

В исследовании приняли участие 183 человека, средний возраст – 21 год, среди участников 27% мужчин и 73% женщин. Респондентам предлагался следующий методический инструментарий: методика диагностики симптомов нормативного кризиса взрослости И.А.Шляпниковой, авторский опросник, направленный на выявление симптомов нормативного кризиса взрослости и дополняющий методику И.А.Шляпниковой, шкала жизненной удовлетворенности Э.Динера в адаптации Д.А.Леонтьева, методика возможные «Я» К.Хукер, личностный семантический дифференциал (методика, адаптированная сотрудниками психоневрологического института имени В.Бехтерева), в которой респонденты оценивали понятия «Я в настоящем», «Я в прошлом»,

«Я в будущем», «Я идеальный – каким я хотел бы быть в будущем», «Я, которым я боюсь стать в будущем», «Мои цели», «Мои надежды», «Мои несбывшиеся мечты», «Я – хозяин жизни», «Мои стратегии достижения целей».

С целью сравнения психологического содержания возможных «Я» в группах с разной выраженностью симптомов кризиса, первоначально нами был получен общий показатель выраженности симптомов кризиса по трем методикам (методике диагностики симптомов нормативного кризиса взрослости И.А.Шляпниковой, нашему опроснику, направленному на выявление симптомов нормативного кризиса взрослости и шкале жизненной удовлетворенности Э.Динера в адаптации Д.А.Леонтьева). Предварительно баллы по шкале жизненной удовлетворенности были переведены в обратную шкалу для соответствия методикам, направленным на выявление кризисов.

Общий показатель выраженности симптомов кризиса был получен с помощью процедуры факторизации всех 5 суммарных шкал приведенных выше методик.

Общий показатель выраженности симптомов кризиса оказался нормально распределенным ($p=.339$), поэтому деление выборки на группы по уровню выраженности кризиса осуществлялось по 27% и 73%.

В первой группе, с 1% по 27%, оказались респонденты с наименее выраженными симптомами кризиса, во второй группе, с 28% по 73%, оказались респонденты с умеренно выраженными симптомами кризиса, в третьей группе, с 74% по 100%, оказались респонденты с сильно выраженными симптомами кризиса.

Мы установили, что наиболее сильно выражен кризис у 20-летних респондентов-студентов старших курсов института, не женатых/ не замужних. В отличие от других исследований образов будущего в этот период, в которых показаны преимущественно страхи и опасения, связанные с профессиональным путем и созданием собственной семьи, в данном исследовании была зафиксирована широкая вариативность возможных «Я» респондентов, как надежд (т.е., позитивных возможных «Я»), так и опасений (т.е., негативных возможных «Я»). Стоит отметить, что тематическое содержание возможных «Я» в группах с разной выраженностью симптомов кризиса практически не различается, хотя можно и наметить следующие тенденции – респонденты в кризисе больше боятся оказаться зависимыми, пассивными в жизни, неспособными самостоятельно выстроить свой жизненный путь. Сходство тематического содержания возможных «Я» в группах с разной выраженностью симптомов кризиса требует поиска более глубоких параметров образов будущего и оснований кризиса. В исследовании показаны различия между группами респондентов по параметрам сбалансированности, воспринимаемой эффективности, ожидаемого результата возможных «Я», частоты мыслей о них. Респонденты с сильно выраженными симптомами кризиса чувствуют себя менее способными воплотить в жизнь свои надежды по сравнению с респондентами в других группах, тем не менее, они также часто думают о своих надеждах и считают их важными, как и респонденты в группах с менее выраженными симптомами кризиса. Что касается опасений, то респонденты с сильно выраженными симптомами кризиса склонны чаще думать о своих негативных возможных «Я», чувствуют себя менее способными избежать их воплощения.

Полученные результаты позволяют также предположить, что в основании кризиса перехода к взрослости наиболее остро стоит проблема идентичности, нежели разрешения ключевых задач ранней взрослости. Дальнейшие исследования образов будущего в этот период необходимо планировать с учетом этой специфики.

ИНТУИЦИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЛИДЕРА

Е.Д. Вашурина (Ташкент)

Меняясь перманентно, мир оказывает сильное влияние на различные аспекты современного менеджмента. Говоря словами польского социолога П. Штомпки, «социальная реальность – это не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов». Происходит смена парадигм, но тема лидерства остается актуальной и по сей день. Однако, наличие большого числа исследований и концепций не позволяет однозначно раскрыть природу феномена лидерства. Дж. Хемфилл, утверждал, что не существует абсолютных лидеров, поскольку эффективное лидерство должно всегда иметь в виду специфические требования, обусловленные природой группы, которая является ведомой. Но, возможно, наиболее точно суть изменившегося взгляда на лидерство выразил С. Джибб: «Лидерство есть функция личности и социальной ситуации и их обеих во взаимодействии». Эффективность лидерства проявляется не только в способности быстро реагировать на возникающие препятствия, но и предвидеть их появление,

возможный путь их развития и блокировать негативные последствия. Что позволяет лидеру принять правильное, с точки зрения будущих перспектив решение, прогноз, основанный на математической теории вероятности, либо интуиция, основанная больше на чувственном восприятии мира? Научный интерес к проблеме прогнозирования на сегодняшний день имеет уже полувековую историю. Широкий спектр исследований прогнозирования как самостоятельного психического феномена актуализируется во второй половине XX в. Разделяя точку зрения отечественных авторов на феномен вероятностного прогнозирования или антиципации, что терминологически сильно не отличается, мы принимаем ставшее классическим определение антиципации как способности принимать те или иные решения и действовать с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых, будущих событий. Далее для сравнения приведем определение менее исследованного феномена «интуиции» из словаря Вебстера : «интуиция – это наша способность к прямому знанию, немедленному инсайту, без предварительных наблюдений или рассуждений». «Интуитивное мышление напоминает восприятие, оно происходит быстро и без усилий», - Дэниэл Канеман. В проведенном нами исследовании была предпринята попытка выявления взаимосвязей между 3-мя структурами: 1. тип личности (типология MBTI Майерс-Бриггс (версия Д. Кейрси)), 2. тип ситуации (прогнозируемая, случайная), 3. тип лидерства. Целью нашего исследования было выявление индивидуальных и групповых особенностей поведения типов личности, как детерминант выдвижения в позицию лидера и стратегии реализации лидерства, в условиях неопределенности. В нашем исследовании приняли участие 32 испытуемых, студенты 5-го курса факультета «Психологии». Основная гипотеза: В условиях неопределенности, выдвижение в позицию лидера малой группы, зависит от типологических личностных особенностей членов группы. Методы и методики: Для достижения поставленной цели и реализации ряда задач мы использовали экспериментальный метод с включенным наблюдением, также нами была использована методика Майерс-Бриггс (модификация Д. Кейрси) и бланк опросника направленный на изучение системы власти в команде. Полученные данные обрабатывались при помощи общего многофакторного, (одномерного) дисперсионного анализа и других инструментов статистического пакета SPSS. Исследование проходило в 2 этапа: 1-ый этап включал индивидуальный анализ испытуемых, на основе результатов которого было создано 6 групп, в среднем по 5-6 человек в каждой, для участия во 2-ом этапе, который заключался в совместном поиске и принятии решения. 1 часть эксперимента: Проводилось измерение уровня прогнозирования при помощи предъявления карт двух мастей (черной и красной), основная задача испытуемого заключалась в предсказывании следующей масти и фиксировании своего ответа в бланке. После чего все испытуемые прошли методику Майерс-Бриггс MBTI (версия Д. Кейрси). На основании полученных данных по методике Майерс-Бриггс MBTI (версия Д. Кейрси) проводилось деление на гомогенные группы, согласно выраженности профиля (S,I,SP,NF,NT). Перед групповой серией мы получили 6 групп. 2 часть эксперимента: После формирования групп, в каждой группе проводилось измерение уровня прогнозирования, при помощи серий предъявления карт двух мастей, в отличие от индивидуальной серии, в групповой серии давалась возможность обсудить и выработать стратегию принятия решения в группе, и дать окончательный ответ после обсуждения. При помощи метода наблюдения регистрировались участники, которые оказывали большее влияние на принятие окончательного решения. После завершения групповой серии, была проведена групповая дискуссия, в каждой группе, основанная на вопросах опросника направленного на изучение уровня распределенности роли лидера в группе, а также

на оценку групповой продуктивности, и психологического климата в коллективе. После завершения эксперимента была дана обратная связь, как по индивидуальной серии, так и по групповой. На основании полученных данных мы можем сделать следующие выводы:

1. Лидерская позиция в условиях неопределенности является более неустойчивой, нежели в стабильной ситуации, когда будущее хорошо прогнозируемо. 2. Лидеры типа SJ, видят логику и четкую структуру во всех событиях, даже в тех, в которых нет логики, они также склонны к разработке технологии в деятельности группы.

3. Лидеры типа NF основываются на интуиции, и не видят закономерности в событиях, в которых она присутствует, но в тоже время чувствуют себя комфортнее, чем лидеры типа SJ в ситуации неопределенности.

4. Ситуация определенности, т.е. логическая, когда возможно предсказать будущее на основании прошлого опыта, воспринимается всеми типами личностей одинаково, в отличие от ситуации неопределенности, которая воспринимается каждый раз по-разному.

ПОВЕДЕНИЕ ГЛАЗ В МОМЕНТ ПРИЦЕЛИВАНИЯ, НА ПРИМЕРЕ СПОРТСМЕНОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СТРЕЛЬБОЙ ИЗ ЛУКА

А.Н. Веракса, Е.Ю. Коробейникова (Москва)

Технология айтрекинга, или регистрации движения глаз, позволяет измерять и анализировать поведение глаз, определять направление взгляда человека. В зависимости от поставленной задачи, исследования с использованием айтрекинга могут проводиться как в лаборатории, так и в условиях, максимально приближенных к спортивной реальности. В связи с этим различают стационарные и мобильные системы, которые в свою очередь подразделяются на монтируемые на голове – системы HED, а так же полностью мобильные системы, в виде очков. Системы айтрекинга, относящиеся в последней категории наиболее предпочтительны для использования в исследованиях психологии спорта, т.к. позволяют испытуемым совершать наиболее разнообразный диапазон движений.

Актуальность использования технологий айтрекинга в психологии спорта обусловлена объективностью получаемых данных, а так же высокой степенью их соответствия содержанию и формам реальной деятельности спортсменов.

Большинство исследований с применением технологии айтрекинга в психологии спорта, зачастую направлены на выявление различий в визуальных стратегиях поиска успешных и не успешных атлетов.

Хорошим примером вида спорта, в котором не малую роль играет зрительная система, является стрельба из лука, где наибольшую значимость имеет момент прицеливания, поскольку результат спортсмена напрямую зависит от количества очков, которые он получает при поражении мишени.

Прицеливание – наведение и удержание мушки в район прицеливания (как правило – в мишень) вплоть до совершения выстрела.

Устройство глаза не позволяет спортсмену во время выполнения прицеливания видеть мишень, тетиву а так же прицельное приспособление одинаково четко, а значит, стрелок вынужден фокусироваться на чем-то одном. Как правило, наиболее

четко спортсмен видит мушку, однако некоторые спортсмены предпочитают фокусировать свой взгляд на мишени, причем у последних, фокусировка на мушке может привести к т.н. ошибке «зацеливания».

Можно отметить, что, несмотря на ограниченную область фокусировки зрения, в процессе прицеливания спортсмен вынужден контролировать несколько элементов (например, проекцию тетивы относительно мушки, наклон лука в ту, или иную сторону, и т.п.), что непосредственно связано с движениями глаз стрелка.

Мы предположили, что занятия стрельбой из лука могут формировать у спортсменов специфичные паттерны движения глаз во время прицеливания, которые в том числе зависят от вида лука, из которого стреляет спортсмен.

В нашем исследовании, направленном на изучение специфики глазодвигательной активности спортсменов, занимающихся стрельбой из лука, в момент прицеливания принимали участие спортсмены нескольких спортивных школ г.Москвы, имеющие по данному виду спорта спортивный разряд не ниже звания КМС («кандидат в мастера спорта России»). Всего участвовало 27 испытуемых, разделенных по группам, в зависимости от вида лука, из которого стреляют спортсмены, при этом, каждый спортсмен совершал выстрелы в заданиях различных уровней сложности.

В результате проведенного исследования не было выявлено значимых различий между паттернами глазодвигательной активности спортсменов, стреляющих из разных видов лука. При этом отмечено, что при увеличении сложности задания, спортсмены, стреляющие из блочного вида лука, лучше концентрируются на мишени, т.е. совершают более точное прицеливание. Кроме того, у некоторых спортсменов отмечалось снижение амплитуды движений глаз непосредственно перед выстрелом. Также, необходимо заметить, что практически четверть (24%) всех выстрелов были совершены спортсменами с отвлечениями (отвлечение – выход траектории движения взгляда за пределы мишени), причем, больше половины которых (52%) были направлены в сторону левой руки. Данный вид отвлечений, на наш взгляд, является способом контроля над прицельным устройством, а так же над правильным расположением технических элементов, с помощью которого лучник может предотвращать некоторые ошибки (например, неправильное расположение стрелы).

Мы считаем, что результаты нашей работы могут быть полезны как спортсменам, для повышения спортивного мастерства, так и тренерам, для совершенствования учебно-тренировочного процесса.

ПОНИМАНИЕ УДОВОЛЬСТВИЯ В ДЕТСКОМ СПОРТЕ

А.Н. Веракса, А.Н. Кондратичев (Москва)

Удовольствие – один из мотивов занятия спортом. В 1993 году была разработана теоретическая модель, направленная на описание удовольствия в спорте. Двумерную модель, на полюсах которой располагались такие понятия как стремление к успеху (на противоположном – его отсутствие) и внутренние (внешние) факторы, позволила комплексно подойти к пониманию удовольствия. Область «Внутреннее – стремление к успеху» состоит из осознания собственных возможностей достижения мастерства. Удовольствие можно получить от победы, демонстрации собственного превосходства, награды (Scanlan Lewthwaite, 1986; WankelKreisel, 1985). В этой области был

определен единственный фактор – «осознаваемые способности», который определялся как осознание своего мастерства и своих возможностей вследствие достижения определенных результатов.

Область «Внутреннее – отсутствие стремления к успеху» отражает источники удовольствия, связанные с 1) физической активностью и подвижностью, такие как ощущение напряжения, возбуждение, действие; 2) соревнованиями, такие как волнение (Scanlan Lewthwaite, 1986). Получение опыта и совершенствования навыков, приложение собственных усилий и соревновательное волнение, связанные со спортивно – тренировочной деятельностью, были так же описаны как источники удовольствия у спортсменов (Bakker et al., 1993; Boyd Yin, 1996; Scanlan et al., 1989). Многие молодые и профессиональные спортсмены указывали ощущения, соревновательные волнения, приложение усилий в спорте как один из основных источников удовольствия (Boyd Yin, 1996; Scanlan et al., 1989).

Область «Внешнее – стремление к успеху» состоит из двух факторов: «Социальное отношение», который определяется как восприятие успеха через осознание собственного превосходства над другими (сюда входит демонстрация превосходства собственных способностей, награда за победу в соревнованиях); и «Спортивное признание», которое, как понятно из названия, заключается в узнавании спортсмена другими (спортсменами, судьями, тренерами и т.п.), признание его спортивных заслуг. Для того, что бы лучше представить эти два фактора в области «Внешнее – стремление к успеху» их можно описать как восприятие успеха и мастерства, достигнутых путем собственного превосходства над другими и признание среди других участников спортивной деятельности.

Область «Внешнее – отсутствие стремления к успеху» состоит из двух факторов: «Взаимодействие со сверстниками» (общение с друзьями – товарищами по команде, поиск друзей, работа в коллективе); а так же «Участие взрослых» (чувство поддержки, участие со стороны родителей и тренеров). Взаимодействие со сверстниками и взрослыми положительно сказывается на характере спортивного опыта и повышает уровень удовольствия у многих молодых спортсменов.

Для измерения этих факторов, опираясь на описанную выше модель, в 2001 году Lenny Wiersma создал опросник SEYSQ (Sources of Enjoyment in Youth Sport Questionnaire [5]).

Целями данного исследования стало выявление источников удовольствия в спорте у детей 9-11 лет. Мы остановились именно на этом возрасте, т.к. зарубежные исследования показали, что в возрасте 12-13 лет наиболее часто юные спортсмены прекращают заниматься спортом [4]. Мы предположили, что уход можно связать со сменой источников удовольствия.

Методы исследования. Использовалась методика SEYSQ (методика была переведена на русский язык и апробирована на выборке из 10 атлетов), проективная методика – рисунок на тему самого счастливого дня в спорте и устная беседа.

Респондентами стали 52 ребенка (M=10,39). Из них 35 девочек и 17 мальчиков – представители 11 видов спорта: волейбол, легкая атлетика, прыжки в воду, ушу, карате, греко-римская борьба, бокс, танцы.

Результаты: были выделены три источника удовольствия: спортивное превосходство, поддержка взрослых и общение со сверстниками. Различий в источниках между мальчиками, девочками, командными и индивидуальными видами спорта не выявлено.

Выводы и Практическое значение:

1. Юному атлету необходим постоянная поддержка со стороны взрослого, поэтому родителям рекомендуется как можно больше времени уделять спортивному развитию своего ребенка: посещать тренировки и спортивные мероприятия, хвалить за успехи и подбадривать в случае неудач;

2. Юному атлету необходимо постоянное взаимодействие со сверстниками. Это стоит учесть тренеру при составлении спортивных программ и построении тренировочного процесса (особенно для индивидуальных видов спорта);

3. Юные атлеты получают удовольствие от получения наград. Это так же стоит учитывать тренеру при составлении программ соревнований. Например, награждать всех спортсменов за различные успехи («Самый быстрый», «Самый ловкий» и т.д.)

ИЗУЧЕНИЕ РИТУАЛЬНЫХ СУЕВЕРИЙ ОПРОСНЫМ МЕТОДОМ

А.Н. Веракса, К.А. Кукушкин (Москва)

Проблема ритуальных суеверий является одной из древнейших, преследующих почти всю практическую деятельность человека, начиная с истоков. Если на начальных этапах истории этот феномен сливался с контекстом мифологического мироощущения то сейчас, пройдя эпоху рациональности, он уже обрел совсем другую значимость и актуальность для исследования. Одной из сфер, где он наиболее распространен, является спорт. В большинстве случаев опубликованные работы посвящены лишь описаниям суеверий, минуя сущность и феноменологию самой проблемы. Таким образом, нашей целью стала разработка опросника ритуальных суеверий, который смог бы выступить в качестве инструмента изучения суеверия.

В работе представлен изначальный вариант методики, прошедшей первичную проверку на надежность. Выборку составили 60 спортсменов в возрасте от 16 до 24 (средний возраст – 20 лет). Спортсмены представляли различные виды спорта. Ритуальные суеверия были определены нами как необычная, повторяющаяся, строгая последовательность действий, которая, по восприятию исполняющего, оказывает непосредственный положительный эффект на исход дальнейшего события, при отсутствии явной причинно-следственной связи. Основой для опросника послужили данные Шипперса и Ван Лэнга (2006), которые обнаружили наиболее распространенные ритуальные суеверия, встречающихся у спортсменов. Проанализировав ритуальные суеверия, мы разделили их на два больших кластера. Первый касается внутренних стимулов к суеверному поведению, второй – к внешним. К внутренним относятся такого рода поведение, как, например, просыпаться в установленное время или не выходить из дома вечером перед игрой а к внешним – различные талисманы или «счастливая форма».

Методика состоит из 17 вопросов. Испытуемому дается следующая инструкция: Четыре варианта ответов : 1 абсолютно неверно, 2 едва ли это верно, 3 скорее всего верно, 4 совершенно верно. Поставьте после каждого утверждения соответствующую цифру.

Проверка надежности опросника показала надежность вопросов № (2;3;4;5;7;8;9;10;13;14;15;16;17). Значения корреляции Пирсона между четными и нечетными вопросами оказалось равным 0,448 на уровне значимости 0,002. Такой результат, безусловно, говорит нам о наличии хорошей связи между частями теста. В завершении проверки надежности – значение альфа- Кронбаха оказалось равным 0,675. Такое значение говорит о том, что согласованность вопросов внутри можно

охарактеризовать как достаточную. Таким образом, наше пилотажное исследование показывает, что опросник с осторожностью можно использовать за вычетом вопросов №№ 1, 6, 11, 12.

В дальнейшем предполагается апробация опросника на большей выборке и доработка формулировок вопросов.

Итоговый вариант:

Четыре варианта ответов : 1 абсолютно неверно, 2 едва ли это верно, 3 скорее всего верно, 4 совершенно верно. Под ними в строчку соответствующие цифры.

Варианты вопросов:

1.Иногда я начинаю спонтанно задавать себе задачи, а потом стараться их решить ("если я успею перейти через дорогу, пока не загорится зеленый, то сбудется желание/..." , " если я попаду камнем в урну, то сбудется желание/...")

2.У меня есть движение/ несколько движений, которые помогают добиться лучшего результата, снять напряжение.

3.Иногда, проходя мимо зеркала, я сам себе улыбаюсь (машу рукой, показываю "окей")

4.Я верю, что, если во время ответственного дня наткнусь на плохую примету, то, скорее сего, все пойдет не так.

5.У меня есть определенная песня, которую я всегда слушаю перед ответственным днем.

6.Я верю, что существуют высшие силы, которые мне помогают.

7.Перед ответственным днем я обращаю внимание на все мелочи.

8.У меня есть талисман/ какая-нибудь вещица, который я ношу с собой на важные мероприятия.

9.У меня есть форма/инвентарь, которая сильно влияет на мое выступление.

10.Перед ответственным днем я предпочитаю есть определенные продукты.

11.Я достаточно много внимания уделяю своему снаряжению.

12.Бывает, я начинаю пересчитывать столбы, попадающиеся по пути.

13.Я могу показаться суеверным человеком.

ИССЛЕДОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ИТ- СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА.

А.Н. Вегасова, Е.А. Палт (Москва)

Исследование ключевых компетенций различных специалистов становится особенно актуальным в контексте обсуждения вопроса о профессиональной успешности специалиста.

В современной психологии труда профессиональной успешности субъекта посвящен ряд отечественных и зарубежных исследований. Профессиональная успешность есть сложный интегральный феномен, формируемый множеством внутренних субъектных и внешних факторов. В отечественной психологии успешность профессионала рассматривается В.А.Бодровым, К.М. Гуревичем, Г.М. Зараковским, Е.П. Ильиным, А.К. Марковой, В.Д. Небылицыным и др. с позиции внутренних - личностных и субъектных детерминант, таких как профессиональные способности, стиль профессиональной деятельности, профессионально-важные качества, профессиональная мотивация и т.д. Описание лишь субъективной составляющей общего представления об

успешности является недостаточным: такие показатели не являются прогностичными, например, для специалистов опасных профессий, где объективная оценка профессионализма необходима.

Согласно второму подходу к анализу вопросов профессиональной успешности многие современные авторы обращают внимание на влияние объективных факторов профессиональной успешности, таких как влияние значимых других на становление профессиональной карьеры и специфики организационной структуры, миссии, целей, и типа организации (Бодров, 2006; Могилевкин, 2007; Родина, 1996, Толочек, 2012 и др.).

Модель компетенций профессионала рассматривается в данной статье как один из способов описания успешности специалиста. В настоящее время единого подхода к описанию термина «компетенция» не существует. Тем не менее, многие авторы (Спенсер, 2005; Равен, 2002, Базаров, 2011 и др.) в качестве единого основания для введения данного термина называют: 1) объективные требования должности (у каждого специалиста на каждом новом профессиональном посту будет новая модель компетенций), в которой зашифрованы в том числе требования корпоративной культуры, 2) указание на «правильное» и «идеальное» поведение, а также на поведение, направленное на достижение максимального результата, наилучшего выполнения деятельности. Второе уточнение понятия «компетенция» напрямую связано с общей теорией успешности профессионала и обозначает его объективную составляющую, независимую от представлений субъекта о своей успешности.

Таким образом, исторический фокус психологического исследования перемещается на потребности самой организации, требования профессии и успешное выполнение профессиональных задач. Если рассматривать проблему успешности профессиональной деятельности с точки зрения задач самой организации, то для целей профессионального отбора, профподготовки, а также дальнейшей оценки сформированности профессионализма нужны ориентиры, позволяющие определять и прогнозировать степень овладения человеком профессиональной ролью, уровень реального профессионализма. Таким образом, введение в психологическую практику термина «компетенция» позволяет оценить множество психологических явлений в организационной среде.

Однако оценка компетенций профессионала становится по-настоящему удобным психологическим инструментом только в том случае, если выполняет еще одно, третье требование к описанию данного понятия: поведенческие характеристики компетенции должны быть сформулированы в терминах наблюдаемого поведения (см. исследование).

Исследование ключевых компетенций специалистов с последующим формированием модели компетенций было проведено на базе известной российской ИТ-компании; в исследовании приняли участие ИТ-специалисты (менеджеры проектов).

В исследовании применялись следующие методы и методики: метод экспертных оценок, который включал в себя прогностическое интервью (интервью по компетенциям), репертуарные решетки Дж. Келли, методика прямых атрибутов, методика критических инцидентов, контент-анализ и статистический анализ для анализа согласованности экспертов).

Основное исследование состояло из 2-х этапов: На первом этапе принимало участие 12 экспертов: 6 руководителей и 6 менеджеров проектов, которые непосредственно проходили методики. Из них было 4 женщины и 8 мужчин. Опыт работы от 2-х лет, образование - высшее техническое.

На втором этапе принимало участие 50 экспертов: 17 руководителей и 33 менеджера проектов, которые ранжировали полученные на первом этапе компетенции. Из них было 16 женщины и 34 мужчины. Опыт работы от 2-х лет, образование у всех высшее техническое.

С помощью методов, направленных на выявление поведенческих индикаторов компетенций, были составлены 2 перечня компетенций и поведенческих характеристик, которые были названы экспертами. Один перечень отражал восприятие компетенций для руководителя, второй - для менеджера проектов.

Для оценки согласованности мнений экспертов был использован коэффициент согласованности (конкордации, W) Кендала. По результатам статистики оценок компетенций для менеджера проектов коэффициент конкордации (W) равен 0,642, для руководителей - 0,481, что может свидетельствовать о том, что оценки экспертов в восприятии ключевых компетенций согласованы.

Проведенное исследование подтвердило высокий потенциал метода создания модели компетенций как для практических целей, так и для описания различных стадий развития профессионализма и успешности профессионала.

Полученный материал лег в основу формирования программы обучения, оценки и развития персонала в данной компании. Знание ключевых компетенций позволит компании не только отбирать на работу высококвалифицированных и грамотных специалистов, но и предоставит возможность растить собственные кадры и обучать их тем компетенциям, которые являются важными в конкретной организации. Также предложенная модель компетенций необходима компании для процедур кадрового резерва и карьерного планирования. Создание приверженности и лояльности к компании путем индивидуально направленного обучения может стать хорошим конкурентным преимуществом организации.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ ГРУПП В КРОСС - КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Е.А. Верченова (Москва)

Проблемы развития малых групп являются интенсивно изучаемыми областями социальной психологии. Однако остается круг вопросов, которые недостаточно глубоко разработаны. Особый интерес в настоящее время представляют исследования, раскрывающие специфику малых групп в связи с этнической гомо- или гетерогенностью их состава. Наибольшую актуальность данное направление приобретают в московских вузах, поскольку полиэтничность, поликультурность и многоконфессиональность концентрированно представлены в столичном мегаполисе и его системе образования.

Исследуя социально-психологические особенности развития студенческих групп, мы планируем эмпирическое исследование, которое будет построен на базе методик: социометрия, референтометрия, методика определения ценностно-ориентационного единства группы (ЦОЕ), методика определения индекса групповой сплоченности Сихора, методика оценки микроклимата студенческой группы (В.М.Завьялова), методика определения социальной дистанции (шкала Богардуса). В исследовании будут принимать участие русские студенты, обучающиеся на 1 курсе московских вузов и студенты из стран Азии (китайцы, вьетнамцы, монголы и другие) подготовительного факультета РУДН в возрасте от 18 до 26 лет. Состав выборки 300 человек.

Было проведено пилотажное исследование с целью апробации методик. В нем приняли участие китайские студенты, обучающиеся на подготовительном факультете РУДН в возрасте 18-26 лет. Выборку исследования составил 21 человек из 4 учебных групп. Пилотажное исследование проводилось с применением всех планируемых методик, однако в данной статье рассмотрим результаты социометрии.

При проведении социометрии в группах китайских студентов и обработке полученных результатов мы столкнулись с рядом особенностей.

Процедура социометрии включала в себя 6 вопросов, затрагивая симпатии в сфере учебной деятельности и неформальном общении. Студентов просили отвечать на вопросы, вписывая фамилию и имя двух членов группы. Социометрическая процедура проводилась на китайском языке, вопросы были переведены на китайский. Валидность исследовательского инструментария обеспечивалась методом обратного перевода.

В ходе проведения исследования было обнаружено, что 10 студентов оставили полностью незаполненным бланк ответов, остальные 11 человек заполнили его фрагментарно, сославшись на некорректность вопросов. Оценивая степень сплоченности и симпатии, многие респонденты отмечали, что не могут выбрать одного или двух человек по причине дружественных взаимоотношений в группе, подчеркивая, что они готовы выполнять совместную деятельность «все вместе». На вопросы, выявляющие антипатию, большинство испытуемых (71,4%) отвечали «никто» или не отвечали вовсе.

Мы можем предположить, что полученные результаты обусловлены коллективистской культурой. Для китайцев важен принцип общинности, значимы групповые ценности, которые признаются большинством. Следовательно, выбрать одного – двух членов группы является нарушением принципа общности. Нежелание студентов отвечать на вопросы, измеряющих антипатию можно объяснить также с позиции коллективизма: уважение к членам своей группы, высокая степень зависимости индивида от группы, а также наличие страха, что ответы могут увидеть другие студенты, следовательно, потеря своего «лица» в группе.

Вопросы, затрагивающие учебную сферу, были пропущены студентами (61,9%). Студенты мотивировали это тем, что они готовы обращаться за помощью только к преподавателю или делать все самостоятельно. Возможно, это связано с высокой дистанцией власти в китайской культуре: уважение к преподавателю, неоспоримость его авторитета и мудрости. Таки образом, в случае возникновения трудностей в учебной сфере студент либо ориентируется на себя, либо на преподавателя, помогающего справиться с появляющимися проблемами.

В своем исследовании мы столкнулись с рядом особенностей в использовании инструментария в группах иностранных студентов. Таким образом, учитывая кросс-культурные аспекты, мы доработали метод социометрии, избегая прямых вопросов, и провели очередной этап пилотажного исследования, который оказался успешным при выполнении методики.

Следующий этап пилотажного исследования был проведен в студенческих группах РУДН, где приняли участие 20 вьетнамских студентов в возрасте 20-26 лет, 12 монгольских студентов в возрасте 18-25 лет и 20 русских студентов МГППУ в возрасте 18-20 лет. Полученные результаты показали, что методика социометрии была успешно адаптирована для студентов в учебных группах и является надежным инструментарием с целью изучения межличностных и межгрупповых отношений.

В своей статье мы столкнулись с кросс-культурными особенностями в использовании и проведении методик в этнических студенческих группах, а также рассмотрели

актуальность данного направления, обусловленная спецификой современного общества: интенсификация межкультурных контактов, рост миграционных процессов, глобализация образования и экономики, что подчеркивает необходимость изучения социально-психологических особенностей развития малых групп в кросс-культурном аспекте.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ: ПОЛОВЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

И.И. Ветрова (Москва)

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 11-06-00459-а

«Эмоциональный интеллект: динамика и структура».

В рамках модели способностей эмоциональный интеллект определяется как способность воспринимать и выражать эмоции, ассимилировать эмоции и мысли, понимать и объяснять эмоции, регулировать свои эмоции и других (Mayer, Salovey, 1997). Закономерно, что при психических заболеваниях, связанных с нарушением социальной адаптации, наблюдается дефицит эмоционального интеллекта. В отдельных работах уже было описано снижение эмоционального интеллекта при эндогенных заболеваниях (Плужников, 2009; Лоскутова, 2009; Гоженко, Васьковская, 2013). Целью нашего исследования стало изучение половых и возрастных особенностей эмоционального интеллекта у больных шизофренией со стойкими нарушениями поведения.

В клиническую группу вошли 192 больных (86 мужчин и 106 женщин в возрасте от 16 до 63 лет, средний возраст 32,38) с диагнозом «Шизофрения параноидная» на этапе дезактуализации психотической симптоматики, находящиеся на лечении в стационаре, но при этом не имеющие выраженного органического поражения головного мозга. Исследование проводилось с применением русскоязычной версии теста эмоционального интеллекта MSCEIT V2.0 (Сергиенко, Ветрова, 2010). Большая выборка стандартизации этой методики позволила отобрать полностью идентичную по полу и возрасту группу сравнения (86 мужчин и 106 женщин в возрасте от 16 до 63 лет, средний возраст 32,38), в которую вошли психически здоровые люди. Особенностью методики является отсутствие нормального распределения полученных данных даже при изучении больших выборок, поэтому для статистического анализа данных используются непараметрические методы (критерий Манна-Уитни и коэффициент корреляции Спирмена).

При сравнении клинической группы и группы нормы было выявлено снижение показателей по четырем ветвям и общего уровня эмоционального интеллекта при шизофрении. Так же статистически значимо более низкие показатели в клинической группе получены по 7 секциям методики из 8 – кроме секции В, посвященной использованию эмоций при решении задач.

Половые различия в целом менее выражены в группе нормы: только по секции F, посвященной соотношению эмоций и различных ощущений, в этой группе женщины преобладают над мужчинами. В клинической группе статистически значимых различий не выявлено по секциям Е (определение эмоций в картинках) и Н (эмоциональные отношения с другими людьми), а так же по ветви «Восприятие эмоций». По всем остальным показателям женщины статистически значимо преобладают над мужчинами.

При сравнении отдельно мужчин и женщин из клинической группы и группы нормы обнаружено, что различия у мужчин повторяют общегрупповые различия – снижение эмоционального интеллекта в клинической группе по всем показателям, кроме секции В. Различия у женщин менее выражены: статистически значимых различий не выявлено не только по показателю секции В, но и по показателям секции А (идентификация эмоций в лицах) и ветви «Активизация процессов мышления».

Таким образом, можно заключить, что при шизофрении половые различия эмоционального интеллекта более выражены. Кроме того, при шизофрении у мужчин страдают более широкие области эмоционального интеллекта. У женщин же остается сохранна способность, связанная с использованием эмоций при решении проблем.

При анализе возрастных различий как в клинической группе, так и в группе нормы были обнаружены статистически значимые положительные связи возраста и эмоционального интеллекта в области использования эмоций при решении проблем. При этом у мужчин обеих групп связи менее выражены по сравнению с женщинами. Кроме того у женщин группы нормы выявлены обратные связи возраста с областями эмоционального интеллекта, ответственными за понимание и сознательное управление собственными эмоциями на уровне секций теста (С и D соответственно), а также на уровне ветви теста «Понимание эмоций».

Возрастная динамика эмоционального интеллекта у мужчин группы нормы проходит плавно, без резких скачков, которые могли бы проявиться при сравнении смежных возрастных групп. В клинической группе мужчины в возрасте 30-39 лет значимо преобладают над мужчинами в возрасте 20-29 лет по показателю секции В и соответствующей ветви эмоционального интеллекта «Активизация процессов мышления», но при этом имеют и сниженные показатели в области понимания эмоций. У женщин группы нормы получены различия по секции А (оценка эмоций в лицах) при сравнении возрастных групп 16-19 лет и 20-29 лет (показатель возрастает), и по секции С (понимание эмоций) при сравнении возрастных групп 20-29 и 30-39 лет (показатель снижается). У женщин клинической группы с возрастом от 16-19 лет к 30-39 лет заметно растут показатели, связанные с идентификацией эмоций и использованием эмоций в решении проблем. Можно заметить, что непосредственно при оценке возрастных различий мы получили данные, которые несколько противоречат выявленным связям показателей эмоционального интеллекта с возрастом. Это может быть объяснено спецификой разбивки на возрастные группы, предложенной авторами теста, а также тем, что мы оценивали возрастные различия только между смежными возрастными группами. Тем не менее, можно отметить общие тенденции половозрастных различий эмоционального интеллекта в клинической группе и группе нормы. Эмоциональный интеллект в контексте возраста менее подвижен у мужчин. У женщин эмоциональный интеллект при общей большей динамичности по сравнению с мужчинами демонстрирует рост показателей ответственных за оценку эмоций и их использование в решении проблем именно в клинической группе. В группе нормы с возрастом же возможно же снижение уровня понимания эмоций.

Таким образом, можно сделать вывод, что эмоциональный интеллект при шизофрении меньше страдает у женщин, что может быть связано с его большей возрастной динамичностью именно у женщин. У мужчин большая ригидность эмоционального интеллекта приводит к более заметной дисфункции в области эмоционального интеллекта при заболевании шизофренией.

УТРОКУЛЯРНОЕ РАЗЛИЧИЕ: ЗНАЕМ ЛИ МЫ, КАКИМ ГЛАЗОМ И ЧТО ВИДИМ?

Е.В. Винклер (Санкт-Петербург)

Различия в картинке, доступной правому и левому глазу, позволяют человеку определять объем или расстояние до отдаленных объектов. Различия не вступают друг с другом в противоречие благодаря бинокулярному зрению. Для того, чтобы мозг мог правильно обработать визуальную информацию из двух источников, ему нужно знать, от какого источника/глаза, какая часть информации поступила. С точки зрения житейского опыта эта информация считается недоступной сознанию, однако экспериментальные данные противоречат обыденным наблюдениям.

Возможность определить источник визуальной информации в условиях бинокулярного виденья называется Утрокулярное различие (УР). Этот термин был введен Smith (1945) и в переводе с латыни означает «отличать какой глаз из двух». Enoch, Goldman и Sunga (1968), используя пятна света как стимулы, показали, что люди имеют разную способность к УР от отличного до уровня случайного угадывания. Ощущения, помогавшие дать правильный ответ, описывались участниками как напряжение в стимулируемом глазу. Тренировка помогла улучшить результаты участникам с невысокой способностью к УР, но не влияла на показатели неспособных к УР и высокоуспешных, которые были способны к УР и в условиях изменения положения стимула на экране. Авторы считали, что УР основано на проприоцептивных ощущениях, возникающих в ответ на свет.

Результаты Enoch и др. (1968) были повторены Blake и Cormack (1979) с использованием в качестве стимула синусоидальной решетки. Ими было выявлено, что на проявление УР влияет частота расположения контрастных полос в стимуле: если частота была больше 4 циклов на градус зрительного поля, вероятность верного УР не превышала уровня случайности. Химический паралич аккомодации глаза успешного участника не повлиял на его результаты, что противоречит гипотезе УР как результата проприоцептивного ощущения. Авторы предполагают, что УР возникает благодаря работе монокулярных нейронов первичной зрительной коры, чувствительных к частоте синусоидальной решетки, и отличающихся долей в V1 от человека к человеку. Martens, Blake, Sloane и Cormack (1982) повторили эти результаты с использованием других процедур: участники успешно определяли не только то, какой глаз видит появившийся стимул, но и какой из двух одинаковых одновременно предъявляемых стимулов исчезает, а так же какая из двух отличающихся бинокулярно предъявляемых синусоидальных решеток имеет меньшую частоту.

Barbeito, Levi, Klein, Loshin и Ono (1985) продемонстрировали, что одновременное с появлением монокулярного стимула изменение яркости экрана, видимой другим глазом, не только снижает успешность УР, но и в зависимости от интенсивности приводит к статистически значимому ошибочному определению стимулируемого глаза при снижении или увеличении яркости. Schwarzkopf, Schiendler и Rees (2010), оценив с помощью фМРТ активацию первичной зрительной коры во время выполнения участниками задания на УР, обнаружили разницу в активности нейронов правого и левого полушария при монокулярном предъявлении стимулов, однако различие было не в паттерне активации, а в силе, что соответствует результатам исследования Barbeito и др. (1985).

Наше исследование направлено на повторную проверку предыдущих результатов и оценку УР при использовании сложных стимулов. Его актуальность обусловлена противоречивостью результатов отдельных исследований и теорий по данному вопросу. Так как механизм УР на основе силы активации зрительных нейронов получил подтверждение на когнитивном и нейрологическом уровне, мы принимаем его как основу нашей гипотезы: различия стимулов для УР не влияют на успешность различения.

Для проверки гипотезы мы использовали следующую процедуру: участники (7 человек, из них трое мужского пола, возраст от 19 до 23 лет, бинокулярное зрение не нарушено), проходили обучающую часть, в которой стимулы – ортогональная синусоидальная решетка, частота 1 цикл/°, отклонение от вертикали $\pm 45^\circ$, средний уровень яркости равен фоновому – в случайном порядке 40 раз предъявлялись для правого или левого глаза через зеркальный стереоскоп и сопровождалась соответственно высоким или низким звуком. Во второй части участники в тех же условиях, но без звуков-подсказок, выполняли задание на УР, нажимая на правую или левую стрелки на клавиатуре в зависимости от того, какой глаз видит стимул. После пяти повторений этих двух блоков, синусоидальную решетку заменяли на разные сложные цветные изображения того же размера, что и стимулы в основной части. Задание не менялось. Процедура неизменно повторялась 5 раз с промежутком в 24 часа.

Было выявлено сходное с ранее полученными результатами распределение успешности выполнения УР: двое участников достигли уровня в 70% правильных ответов в первый день, еще трое – во второй день. Двое участников не проявили способности к УР. Эффект обучения, выразившийся в статистически значимом росте числа правильных ответов, оцененного методом Линейной регрессии, был выявлен у трех участников, проявивших УР на второй день эксперимента. Оценка использования сложных стимулов в тесте УР с помощью одномерного дисперсионного анализа (с контролем факторов успешности испытуемого и порядкового номера блока, оказывающих существенное влияние на результат) не выявила статистически значимого влияния на успешность УР. Анализ согласованности оценки успешности УР с помощью синусоидальной решетки и сложного стимула по критерию #940;-Кронбаха так же дал высокий результат ($\#940;=0,975$).

Наши результаты показывают, что люди имеют разную способность к УР, при этом невысокие, но положительные результаты могут быть улучшены тренировкой. Так же мы смогли подтвердить правильность гипотезы об одинаковой успешности УР для синусоидальной решетки и сложных стимулов, что свидетельствует в пользу теории различения стимулируемого глаза по силе активации. Тем не менее, в данной теории имеется существенный недостаток, так как она не объясняет повторяющееся в разных условиях распределение успешности выполнения УР между людьми, что требует дополнительного исследования.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ КАК НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Е.В. Виноградная (Киев)

Психологическое консультирование в сети Интернет, - отрасль сравнительно новая, так как Интернет-консультирование появилось относительно недавно, и по-

этому мало изучено. В рамках Интернет-консультирования как технологии психологического консультирования предоставляется профессиональная психологическая помощь. Клиент может общаться с психологом в режиме on-line приватно, и режиме off-line –по электронной почте, в системе форумов. В последние несколько лет особенно популярным является консультирование с использованием skype и текстовое консультирование с использованием смартфонов.

Консультативная психология трактуется как раздел знаний содержащий систематическое описание процесса оказания психологической помощи (консультирования). Консультативная психология исходит из представления о том что с помощью специально организованного процесса общения у обратившегося за помощью могут быть актуализированы дополнительные психологические силы и способности, которые с свою очередь, могут обеспечить отыскание новых возможностей выхода в трудной жизненной ситуации. От классической психотерапии консультирование отличается отказом от концепции болезни, большое внимание к ситуации и личностным ресурсам.

Пространственная организация консультирования в сети коренным образом отличается от очного консультирования. Вместо того что-бы встретиться в отдельном кабинете или ином искусственно ограниченном пространстве люди, вступающие в консультативную переписку или общение, располагаются как правило, у себя дома (на работе) за персональным компьютером. И большее значение здесь приобретают технические составляющие –тип компьютера, наличие скоростного интернета, наличие веб камеры, динамиков и т.д. Как правило, так как в очном (телефонном) консультировании пациент мало представляет, чем ему может помочь интернет консультант. Кроме того, он абсолютно не представляет консультанта, за исключением случаев, когда он пишет определенному лицу, чье резюме и фото представлены на сайте консультативном службы. Вместо невербального поведения консультанта, которое в очном консультировании должно быть конгруэнтно (соответственно) ситуация консультирования(например, неуместная улыбка или напротив, отстраненность, полная неэмоциональность могут разрушить консультативную ситуацию, формирование « рабочего альянса») особое значение играют отдельные фразы. Неоднозначно толкуемые слова должны быть дополнительно объяснены. Бедность невербальной составляющей, например, жесты открытые, показывающие положительное отношение к собеседнику необходимо корректировать вербальными, описательными средствами, а также возможностями письменных символов (выделением большими буквами, смайликами и т.д.) Этот недостаток полностью устраняется при использовании skype консультирования когда пациент может не только видеть консультанта через веб камеру, но и слышать его. В последние несколько лет очень популярно тестовое консультирование, пациент со своего смартфона может отослать текстовое сообщение своему консультанту и получить ответ от него в течении нескольких минут. Этот метод консультирование для молодых людей которые не хотят тратить свое время на посещение психолога-консультанта, но при этом хотят получить экспресс помощь в виде короткого тестового сообщения.

В работах современных американских психологов, рабочий альянс определяется как чувство того, что оба участника процесса помощи работают один для другого, и что они могут и будут продуктивно двигаться по направлению к разделяемой обоими цели.

Соответственно рабочий альянс на ранней стадии консультирования должен включать 3 компонента:

1. Общая цель;

2. Единые задачи;
3. Развитие личной связи между клиентом и консультантом.

Получение психологической помощи посредством интернета имеет свои преимущества для клиентов:

1. Возможность получить помощь «здесь и сейчас»;
2. Возможность сохранения полной анонимности;
3. Оказание помощи при отсутствии возможности у клиента получить очную консультацию (удаленность места проживания, ограниченные возможности здоровья, нехватка времени).

Психологические приложения Интернета увеличиваются с каждым годом. Они различны по своей природе и начаты различными людьми и организациями. Поскольку мы двигаемся далее, открывая новые возможности для терапевтической работы онлайн, профессиональное обучение в дальнейшем станет не только необходимым для психологов, но и более сложным. Психологи будут обучаться, чтобы специализироваться в различных видах работы на основе текста, мультимедийных и других вмешательствах виртуального мира.

ЭМОЦИОГЕННАЯ ФАСИЛИТАЦИЯ РЕШЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ. ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

И. Ю. Владимиров, Д.М. Кабанова (Ярославль)

На протяжении многих лет в области исследования психологии юмора ученые все чаще приходили к общему мнению о его двойственной природе, представляющей собой и когнитивный, и эмоциональный механизмы. Также существуют данные о юморе как фасилитаторе мыслительной деятельности. На данный момент наиболее популярной является модель юмора, предложенная Мартином (2009), согласно которой, юмор способствует поднятию тонуса и, тем самым, повышает эффективность когнитивной деятельности, а также задает прайминг оригинального решения. Если модель верна, то аналогичные эффекты должны наблюдаться и при другом эмоциогенном воздействии, имеющем сходную структуру. Моделью такого воздействия может являться музыка. По мнению некоторых авторов (Теплов, 1961; Крупник, 1999) эффект воздействия музыки имеет двойную природу. С одной стороны это прямое эмоциональное воздействие, с другой – понимание структуры и идеи музыкального произведения. Данные факторы сопоставимы с факторами воздействия юмористических текстов и если наше предположение верно, аналогичным образом может воздействовать на решение задач.

Можно выделить два фактора воздействия музыки: тонизирующий/ нетонизирующий эффект воздействия и сложность/простота. В качестве тонизирующей, по нашему мнению, должна выступать музыка громкая, динамичная, исполняемая в темпе *allegro*. Нетонизирующая музыка представлена нами, как статичная, обычно тихая и исполняемая в среднем или медленной темпе. Критерий сложности музыки, как когнитивный компонент ее воздействия будет отражен скорее не в выразительных средствах музыки, а в ее структуре. Неоднозначность лейтмотива, неоднократная смена тональностей, темпа и, возможно, размера музыкального произведения. Простая музыка напротив, будет характеризоваться ярко выраженным лейтмотивом и некоторой статичностью. По нашему мнению, сложная музыка может выступать своеобразным праймингом оригинальности.

Гипотеза №1: Музыка воздействует на эффективность решения задач.

Гипотеза №2: Тонизирующее воздействие музыки оказывает позитивный эффект на успешность решения инсайтных задач.

Гипотеза № 3: Сложность музыки как когнитивная составляющая воздействия оказывает положительное влияние на решение инсайтных задач.

Всего в исследовании приняло участие 24 человека в возрасте от 18 до 30 лет. Исследование проводилось в индивидуальном порядке. Для эксперимента в качестве стимульного материала испытуемым были предъявлены музыкальные произведения, после испытуемым предлагалось решить ряд задач; при этом регистрировалось время решения каждой задачи. Таким образом, независимыми переменными нашего исследования послужили музыкальный стимул, дифференцированный по критерию тонизирующего/ нетонизирующего эффекта и по критерию сложности/простоты. Зависимой переменной выступила эффективность решения задач (время решения каждой задачи). Полученные данные мы подвергли процедуре дисперсионного анализа и получили следующие результаты:

Сравнительный анализ контрольной и экспериментальной выборок в эффективности решения задач показал, что различия незначимы, однако, на графиках прослеживается некий тренд. Эффективность решения задач у испытуемых контрольной выборки будет выше. Полученные результаты можно объяснить неграмотной организацией экспериментальной и контрольной групп, что более вероятно. Или же звуки, предъявлявшиеся в контрольной группе в качестве стимульного материала, в силу простоты своей организации подвергаются более поверхностному анализу и в силу этого не оказывают интерферирующего эффекта с когнитивной деятельностью в виде решения задач, по сравнению с музыкальным стимулом.

Полученные данные о влиянии тонизирующего/нетонизирующего эффекта воздействия музыкального стимула не показали значимых различий, однако прослеживается некий тренд, вполне соотносимый с вышеизложенными гипотезами: тонизирующая музыка способствует повышению эффективности решения инсайтных задач. Стоит предположить, что в основе энергетического компонента, выражающегося главным образом в эмоциях и аффектах, передаваемых музыкой, и осуществляется повышение уровня активации, изменение интенсивности физиологических процессов организма, стимулирующих когнитивную деятельность и способствующих повышению эффективности решения задач.

Полученные данные по фактору сложности простоты расходятся с выдвинутыми нами гипотезами. Мы предполагали, что стимульный материал в силу своей когнитивной составляющей способен выступать праймингом оригинальности, своим примером давать установку на поиск оригинальных решений. Однако полученные результаты показывают обратное – сложность снижает эффективность решения задач. Вполне возможно, что сложность музыки, именно как ее когнитивная составляющая, несущая в себе не просто аффекты, а саму идею, законченную художественную мысль, требует более глубокого, тщательного когнитивного анализа и потому может конкурировать за когнитивный ресурс с другой деятельностью, тем самым вызывая сильный интерферирующий эффект с решением задач.

Так же полученные данные можно объяснить с помощью закона оптимума. Оптимальный уровень сложности будет способствовать наиболее эффективной деятельности в виде решения задач, нежели низкий или высокий уровень сложности предъявляемого музыкального стимула. Вполне возможно, что фактор сложности способствует большему повышению уровня активации, чем фактор тонизирующего эффекта воздействия, вследствие чего «творческое вдохновение» теряется и прайминг

оригинальности становится невозможен. Таким образом, мы можем заключить, что гипотеза о положительном влиянии тонизирующего эффекта воздействия на эффективность решения задач хоть и не подтвердилась, но наблюдается на уровне тренда. Гипотеза о факторе сложности как прайминге оригинальности, несмотря на полученные результаты, не может быть опровергнута, поскольку имеют место быть неучтенные факторы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-33008

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ СТУДЕНТОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ИАТЭ НИЯУ МИФИ)

К.С. Возничук (Обнинск)

В современных условиях социальной и политической нестабильности мира проблема этнической толерантности приобретает особую актуальность. Однако даже активная пропаганда толерантности не решает многочисленных проблем взаимоотношений между представителями разных этногрупп.

Проблема взаимоотношений между студентами из различных стран становится всё более актуальной для ИАТЭ НИЯУ МИФИ по мере превращения института в интернациональный вуз, в котором в настоящее время обучается более 10% иностранных студентов (Турция, Вьетнам).

В ходе исследования изучалась социальная дистанция студентов ИАТЭ по отношению к представителям различных этносов. Мы использовали методику Э. Богардуса в нашей модификации для изучения многонациональной студенческой среды. Варианты ответов были следующими: 1 – самые близкие из возможных; 2 – допустимы дружеские отношения; 3 – не против, чтобы представитель этой национальности был однокурсником/группником, либо же соседом по этажу; 4 – коллега по работе; 5 – нет возражений против того, чтобы представитель данной национальности был гражданином РФ; 6 – восприятие представителей указанной национальности исключительно в качестве туристов; 7 – нежелание контактировать с данной национальностью вообще. Анализ полученных результатов показал, что у отечественных студентов существует тенденция предпочтения одних национальностей другим. Выделились 3 группы национальностей по социальной дистанции: 1 – допустимость близких отношений; 2 – дружба и совместное обучение; 3 – безразличное или негативное отношение. В первую группу попали русские, французы, американцы, немцы, украинцы и болгары. Во вторую: буряты, вьетнамцы, молдаване, турки, якуты и нигерийцы. В третью: армяне, азербайджанцы, евреи, монголы и таджики.

Анализируя этносы 1 группы, видна общая тенденция выбора национальностей. Самый высокий процент предпочтения был выявлен по отношению к своим соотечественникам – 100% респондентов допускают близкие отношения с русскими. Чуть больше 80% процентов подтвердили такую возможность с украинцами. Более 60% испытуемых согласны на брак с французами, а больше 50% с американцами и немцами. 45% относятся к болгарам соответственно. И остальные варианты являются положительными (дружба, соседские отношения). Негативных вариантов по отношению к этой группе этносов не было.

Во 2 группе присутствует более низкий процент выборов первых 3 категорий, а так же появляется значительный процент выборов в 7 категории, что говорит о несколько напряженных отношениях между представителями этих национальностей и

русскими. В этой группе наибольшее предпочтение респонденты отдают молдаванам и бурятам, а самые низкие показатели – у вьетнамцев. Близкие отношения готовы поддерживать 35% респондентов с молдаванами, что является самым высоким показателем по данной группе, и 8% с вьетнамцами, что является самым низким значением. Выбор остальных национальностей колеблется от 20-30%. Большинство испытуемых отдало предпочтение дружбе с нигерийцами (преобладание ответов юношей) и якутами (более 40%), причем процент выбора вырос в 2 раза по сравнению с первой категорией. Так же достаточно высокий процент набрали буряты и молдаване (38 %). Причем девушки выбирали этот вариант ответа в 2 раза чаще, чем юноши, по отношению к молдаванам, а в случае с бурятами наоборот. Треть респондентов (33%) подтверждают развитие дружеских отношений с вьетнамцами и турками. Причем у вьетнамцев этот показатель повысился в 4 раза за счет ответов юношей, которые превышают выбор девушек в 2 раза. В 3 категории распределение ответов несколько иначе. Больше трети респондентов выразили одобрение по отношению к бурятам, причем процентное соотношение ответов юношей превышает ответы девушек. Молдаване в этой категории набрали 23%. На 1 процент их опережают вьетнамцы. Якуты набрали 15%, нигерийцы и турки поднялись чуть выше 10%. На 4, 5 и 6 категорию приходится самый малый процент выборов. Другая картина складывается в 7 категории. Предпочитают не контактировать вовсе с вьетнамцами 28%, причем процент выбора этой категории девушками более 40%. Турки держатся в пределах 19%, причем процент ответов девушек в этом соотношении выше. 15% высказывают нежелание общаться с якутами (преобладание ответов девушек), чуть больше 10% с нигерийцами. Буряты набрали 8% и молдаване – 4% (ответы были даны только юношами).

Выбор национальностей, отнесенных к 3 группе, характеризуется низким предпочтением близких или дружеских отношений с преобладающими нейтральными или негативными выборами вариантов ответов. Самый низкий процент выборов по 1 категории получили азербайджанцы и таджики (примерно по 3%), и монголы (8%). В противовес им армяне и евреи поднялись выше отметки в 20%. Однако существенно повышается процент выборов во 2 категории у азербайджанцев, таджиков и монголов – он составляет 19,5%, 15% и 17,5%. Предпочтение представителей армян повысился незначительно – с 23 до 26%. А вот выбор евреев несколько упал – до 18,5%. Следовательно, дружеские отношения с представителями этих национальностей готово поддерживать большее число респондентов, нежели близкие. Наибольшую лояльность к совместному обучению респонденты проявляют к монголам (39%), причем этот показатель выше у девушек, и азербайджанцам (34,5%). Но присутствуют определенные гендерные различия в отношении азербайджанцев – девушки на 13% выше оценили принятие их как сокурсников. Другая картина складывается в 7 категории. Предпочитают не контактировать вовсе с таджиками больше половины респондентов – 51%, причем среди девушек этот процент выше в два раза. Азербайджанцы держатся в пределах 19%, и тут процент ответов девушек выше. 22% высказывают нежелание общаться с монголами (треть девушек выбрала этот вариант), чуть больше 10% с евреями. Армяне набрали 8%.

В результате проведенного исследования нами были обнаружены различия в восприятии разных национальностей студентами интернационального вуза, а так же гендерные различия, что позволит проводить активную работу по уменьшению социальной дистанции в вузе.

ЛИЧНОСТНЫЕ КОНСТРУКТЫ ПРОФЕССИОНАЛОВ, РАБОТАЮЩИХ ВАХТОВЫМ МЕТОДОМ В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Т.С. Войтехович (Архангельск)

Представленность в сознании образа вахты, личностные конструкты, которыми оперирует профессионал, принимают участие в регуляции его поведения в конкретных ситуациях, влияют на эффективность его адаптации к условиям вахтового труда. В результате экспедиционных исследований психологии вахтового труда в условиях Крайнего Севера Н.Н. Симоновой было выявлено, что динамика состояний профессионала в течение вахтового заезда зависит не столько от объективных параметров времени, сколько от восприятия длительности вахты (Н.Н. Симонова, 2010). Изучение представлений о вахте с помощью психосемантических методов позволило описать изменение образа вахты с течением времени: к концу вахты, с увеличением стажа работы (Н.Н. Симонова, Т.С. Войтехович, 2013). Целью данного исследования является изучение личностных конструктов профессионалов, благодаря которым создается образ вахты.

Достижение поставленной цели осуществлялось путем изучения ментальной репрезентации вахты у профессионалов, работающих вахтовым методом в условиях Крайнего Севера. Исследование проходило в рамках экспедиции психологов на нефтепромыслы НАО в 2012 году. В нем приняли участие 31 сотрудник нефтяной компании (мужчины, средний возраст $37,65 \pm 9$ лет). Наряду с классическими психосемантическими методами для изучения представлений о вахте был применен метод, позволяющий учесть образный компонент. Предложенная С.Л. Белых идея представления связи с близкими и расстояния, отделяющего вахтового работника от близких, в виде картинок-образов, которые респондент выбирал из предложенных или рисовал свой вариант (С.Л. Белых, Н.Н. Симонова, Я.А. Корнеева, Т.С. Войтехович, 2012), была модернизирована с целью более детального изучения ментальных схем профессионалов. Профессионалу предлагался лист бумаги, на котором он должен был расположить объекты (символические изображения понятий «я»; «моя семья»; «мои друзья»; «мои коллеги»; «руководство»; «мой дом»; «север»; связь с близкими; расстояние, отделяющее от близких; а так же понятия временных этапов – «начало вахты», «середина вахты», «конец вахты»; понятия состояний – «удовлетворенность», «не удовлетворенность»). Располагать объекты в пространстве листа необходимо было в зависимости от того, в какой мере они близки или далеки были друг от друга, по мнению респондента. Понятия предлагались постепенно, с добавлением каждого нового понятия человек мог менять схему расположения предыдущих. Сильными сторонами данного метода исследования ментальной репрезентации вахты являются: большая готовность респондентов выполнять данную методику в сравнении с длительным заполнением опросников; при проведении сопровождающей беседы существует возможность увидеть динамический аспект использования ментальных схем профессионалом в процессе конструирования образа вахты на бумаге. Сложностью данного метода является подбор картинок-стимулов, обладающих однозначной смысловой трактовкой.

Наряду с описанием образа вахты, в рамках исследования ментальной репрезентации вахты так же были выделены факторы, определяющие расположение объектов-стимулов в заданном пространстве. В ходе обработки представлений о вахте изначально в условных единицах были замерены расстояния между объектами. Для

того, чтобы убрать влияние субъективных различий в расположении объектов на заданном пространстве, полученные расстояния были переведены в стандартные оценки, основанные на нормальном распределении. Для выявления личностных конструктов, определяющих воссоздание образа вахты на листе бумаги, был проведен кластерный анализ в качестве аналога факторного (метод кластеризации объектов – метод дальнего соседа, мера близости – корреляция Пирсона, взятая по абсолютной величине). Статистическая обработка данных производилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 19.0.

Рассмотрим распределение переменных, отображающих расстояния между объектом-состоянием «удовлетворенность» и другими понятиями, по 4-м группам (исходя из анализа шагов агломерации).

Первую группу переменных («удовлетворенность-конец вахты», «удовлетворенность-связь») можно условно назвать «степень реальности связи с близкими людьми». Она описывает особенность связи профессионала с домом, близкими людьми в контексте удовлетворенности. В конце вахты скорое возвращение домой создает реальность связи с близкими, в противовес которой выступает понятие «связь с близкими» - образ связи с домом у профессионала, пока он находится на вахте. Чем более реальна связь с домом, тем более удовлетворенным чувствует себя профессионал.

Вторую группу переменных можно условно назвать «контекст жизнедеятельности: вахта-межвахта», которая описывает жизнедеятельность профессионала дома («удовлетворенность-я», «удовлетворенность-мой дом») и на вахте («удовлетворенность-руководство», «удовлетворенность-моя работа», «удовлетворенность-север»). Более удовлетворенным чувствует себя профессионал в контексте межвахты.

Третью группу переменных можно условно назвать «степень отдаленности от друзей и удовлетворенности от этого». На схемах респондентов понятие «расстояние» чаще близко расположено с «удовлетворенностью», и, как бы отделяет его от понятия «мои друзья».

Четвертую группу переменных («удовлетворенность-середина вахты», порой «удовлетворенность-середина вахты», «удовлетворенность-мои коллеги») можно условно назвать «работа-отдых». На схемах респондентов понятия «удовлетворенность» и «отдых» чаще всего близко расположены друг с другом.

Выделенные группы переменных являются своеобразными личностными конструктами, через призму которых профессионал воспринимает события жизни, создает свой образ вахты. Данные конструкты являются характерными для данной формы организации труда, основанной на чередовании вахтового и межвахтового периодов. Подробное описание конструктов в контексте других ключевых понятий позволит выявить конструкты универсальные для оценки большого класса объектов, и специфичные для оценки в контексте конкретного понятия.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ КАК ВАЖНОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ

Е.О. Волкова (Краснодар)

Формирование стрессоустойчивости является залогом психического здоровья людей и неприметным условием социальной стабильности, прогнозируемости процессов, происходящих в обществе. Стрессоустойчивости, как показатель стойкости к

стрессу, необходимости компонент эффективности управленческой деятельности и деятельности, которая повышает качества труда в целом.

Стрессоустойчивости определяется в литературе как приобретенная, в процессе тренингов и программ свойство личности. Так же стрессоустойчивость – это способность, которая позволяет переносить стресс с минимальными физическими и эмоциональными затратами. Понятие стрессоустойчивости в науке используется для объяснения «меры сопротивления» человека стрессовым взаимодействиям. То есть стрессоустойчивость – это способность хранить высокие показатели психического функционирования и деятельности при растущих стрессовых нагрузках.

Стрессоустойчивость часто определяют или сравнивают с собственно адаптацией к стрессовой ситуации. По мнению психиатров А.В Вальдмана, В.И Лебедева основа стрессоустойчивости – это барьер психической адаптации. А психологи Р.Р. Сагиев и О.А. Морганова основой стрессоустойчивости считают саморегуляцию человека, который состоит, из определенных звеньев Баранов А.А предлагает считать стрессоустойчивость частым случаем психической стойкости, которая оказывается при действии факторов стресса. Планов К.К и Маришук В. Л. вкладывают в это понятие способность руководить своими эмоциями, хранить высокую работоспособность, осуществлять сложную деятельность без напряженности, невзирая на эмоциональные влияния.

Методика. Для более подробного изучения стрессоустойчивости было проведено данное исследование. Целью, которого было проведение анализа, особенностей стресса и его влияния на организм человека. Предметом исследования выступили особенности стрессоустойчивости опрашиваемых. Объектом исследования являлся уровень стрессоустойчивости студентов I-V курсов факультетов: Государственное и Муниципальное управление, Юридического, Экологического и педагогов различных дисциплин Кубанского государственного аграрного университета. Всего в исследовании приняло участие 576 человек.

Для выполнения цели была разработана программа исследования, состоящая из ряда последовательно решаемых задач.

1. Сформировать количественно и содержательно адекватную группу.
2. Определить методы статистической обработки данных.
3. Изучить с помощью психодиагностических методик уровень стрессоустойчивости.
4. Сделать вывод по поводу полученных результатов и предложить практические рекомендации.

Психодиагностический инструментарий включал в себя:

1. Шкала профессионального стресса.
2. Анализ стиля жизни (Бостонский тест на стрессоустойчивость

Результаты и их обсуждения. Сравнительный анализ уровня стрессоустойчивости студентов I-V курсов показывает что на протяжении обучения в университете показатель уровня уменьшается.

Проанализировав результаты, можем выделить определенные причины к изменению показателя. Свойственные всей совокупности студентов указанных факультетов.

К данным причинам следует отнести:

1. Высокая работоспособность;
2. Стремление занимать лидерские позиции;
3. Возникновение конфликтных ситуаций;
4. Увеличение уровня социальной ответственности;

5. Сокращение личного времени;

Изучив литературу по данной теме, проведя исследование уровня стрессоустойчивости, следует сделать следующие выводы. Психологическое тестирование показало зависимость между уровнем стрессоустойчивости и самооценкой исследуемых групп. Исследование показало, что с увеличением возрастного показателя уровень стрессоустойчивости меняется, как возрастает, так и понижается. Результаты работы могут быть использованы для достижения более высокого уровня стрессоустойчивости. Определены основные факторы влияющие на развитие стресса: смена специфики работы, внедрение новых технологий, применение инновационных методов работы. Чтобы быть успешным, здоровым, в мире с самим собой необходимо постоянно повышать уровень стрессоустойчивости, выбирая разнообразные приемы и методы саморегуляции.

ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО – ЧЕЛОВЕК ТВОРЧЕСКИЙ?

Ю.А. Володина (Брянск)

Образ Человека будущего – каков он? Еще выдающийся отечественный психолог Алексей Николаевич Леонтьев утверждал, что образ мира личности, представляет собой сложную целостную многоуровневую систему представлений о мире, других людях, о себе самом и собственной жизнедеятельности, основанную на закономерностях формирования и функционирования психического образа.

Деятельностная парадигма формирования образа акцентирует роль активности человека как субъекта в функционировании и трансформировании мира, позволяет рассматривать психологическое строение образа, его универсальность и устойчивость.

Проводя теоретический анализ особенностей современного процесса развития человека, Д.И. Фельдштейн отмечает, что «сегодня человек живет в качественно новом пространстве открытых границ, в новых ритмах». Он находится под воздействием огромного количества информации, что «определяет изменения его восприятия, сознания, мышления». Значительные изменения отмечаются в развитии потребностно-мотивационной и эмоционально-волевой сфер, меняются ценности, появляются новые потребности и новые возможности их реализации.

В течение последних десятилетий психологи доказывают, что важнейшим фактором становления личности, ее развития и самореализации является включение в значимую актуальную деятельность, в ходе которой формируется направленность мотивационной стратегии. В связи с этим, кардинальной задачей российского общества становится развитие человеческого потенциала, «генерация нового поколения россиян: людей с новым мышлением, современным стилем поведения и новой мотивацией, способных жить и работать в условиях все более усложняющихся общественных, экономических и политических отношений». Образование обеспечивает формирование человека новой формации, человека успешного, владеющего современными знаниями, навыками и компетенциями, воспитанного в соответствии с национальными и общечеловеческими ценностными установками, эффективно реализующего свой личностно-профессиональный потенциал, способного быстро ориентироваться в динамично развивающемся и обновляющемся информационном пространстве, решать жизненные проблемы, принимать обоснованные решения.

Новые образовательные стандарты позволяют охарактеризовать устойчивый образ человека будущего – человека с развитой мотивационной системой, конкретизирующейся в соответствующих личностных результатах; человека владеющего универсальными способами действий; обладающего широкими когнитивными ресурсами, готового к самообучению, самообразованию, самоорганизации, позитивной самореализации в новых социально-экономических условиях, способного самостоятельно познавать и преобразовывать окружающий мир.

Как отмечает О.О. Петрова, творчество предполагает, прежде всего, умение смотреть на события с разных точек зрения, многообразие способов взаимодействия с миром. Механизм же данного процесса состоит в том, что субъект в процессе рефлексии обращается к своему культурно обусловленному личностному опыту и творческому потенциалу, мобилизуя его ресурсы с целью обретения и построения смысловых опор через эмоциональную вовлеченность, мотивационную значимость, уровень притязаний, ценностные ориентации, личностные переживания и т.п. Именно таким образом, в результате рефлексии создаются смысловые предпосылки для открытия новых содержаний, имеющих эвристическое значение для достижения инновационного успеха и раскрытия, самореализации.

Реализация потребностей в творческой деятельности в ходе формирования новых идеалов, определяющих новые границы пространства, обусловленные различными инновациями, позволяет человеку воспроизводить интерпретируемый им самим культурный опыт, что выражается в переосмыслении сложных культурных процессов. В процессе непрерывной активности субъект, стремясь к самореализации, преодолевает нетождественность самому себе и формирует новые границы психологического пространства. Эти вновь образуемые субъектом границы стимулируют развитие в нем способности к освоению культурного опыта, что позволяет в процессе динамического сдвига сохранить интегральность личности. Таким образом, посредством взаимопереходов реализуется поиск субъектом способов осмысления границ окружающего его пространства и утверждения его нового образа в индивидуальной картине мира. В результате следует говорить о процессе самореализации творческого потенциала человека в творческой деятельности, образованной конструктивными инновациями в процессе трансформации пространственных границ.

В связи с этим представляется необходимым обобщение существующих взглядов, выработка единого подхода к проектированию пространства развития личности, разработка механизмов его функционирования и определения границ, способствующих максимально возможному развитию личности и индивидуальности человека, предельных (универсальных) знаний, компетенций и квалификаций.

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ ДОШКОЛЬНИКОВ ИЗ СЕМЕЙ С ДЕСТРУКЦИЕЙ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ

Е.А. Волошена (Таганрог)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №13-36-01006а1

Дошкольный возраст характеризуется, с одной стороны, активным освоением окружающего мира ребенком, что неразрывно связано с его познавательной активностью. С другой стороны – зависимостью ребенка от семьи и установленной в ней

системы отношений. Соответственно любые структурные и функциональные нарушения семьи, так называемое семейное неблагополучие, оказывают психотравмирующее воздействие и неблагоприятное влияние на развитие личности ребенка в целом и на его познавательную активность в частности.

Теоретический анализ литературы показал, что такая форма скрытого семейного неблагополучия как деструкция родительского отношения, т.е. изменение тех представлений родителя о своем ребенке, чувств, испытываемых к нему, которые определяют поведение взрослого по отношению к ребенку, систему воздействий на него, стиль семейного воспитания, приводит к возникновению у ребенка общей напряженности, страха, пассивности, снижению уровня любознательности, непосредственности и инициативности, снижению степени социальной и коммуникативной компетентности, и соответственно тормозит развитие познавательной активности дошкольника.

Вопросительно-исследовательская активность, как своеобразный «индикатор» развития познавательной активности дошкольника в целом, является исследовательским процессом, связанным с коммуникацией с взрослым и в первую очередь с родителем, что обусловлено социальной ситуацией развития в данном возрасте.

Таким образом, целью нашего исследования стало выявление различий в уровне развития вопросительно-исследовательской активности дошкольников из благополучных семей, т.е. семей с сотрудничающим типом родительского отношения и детей из семей с неэффективными типами родительского отношения. Гипотеза нашего исследования выражается в предположении, что высокий уровень вопросительно-познавательной активности наиболее выражен у детей из семей с сотрудничающим типом родительского отношения, а низкий уровень наиболее выражен у дошкольников из семей с отвергающим и непоследовательным типами родительского отношения.

В исследовании приняли участие 94 дошкольника в возрасте 6-7 лет и их родители. Результаты диагностики родительского отношения к ребенку с помощью методик «Опросник родительского отношения» и «Рисунок семьи» показали, что только четверть респондентов демонстрируют позитивное отношение к ребенку в виде сотрудничающего типа (26,6 %). Среди распределения по типам отношения это доминирующий тип. Однако это очень малая часть по сравнению с неблагоприятными типами родительского отношения, которые распределены в относительно равной степени (отвергающий и симбиотический по 17%, непоследовательный – 16% и смешанный – 23,4%).

Далее мы провели диагностику вопросительно-исследовательской активности дошкольников из семей с сотрудничающим, симбиотическим, отвергающим и непоследовательным типами родительского отношения. Таким образом, мы оценивали уровень вопросительно-исследовательской активности 72 детей с помощью методик «Вопрошайка» и «Оценка вопросительных проявлений у детей».

Обработав полученные результаты с помощью критерия Фишера, мы выявили следующее:

1. Большинство старших дошкольников (68%) имеют средний уровень вопросительно-исследовательской активности. Это объясняется возрастными особенностями мышления и развития речи старших дошкольников. Согласно исследованию Н.Б. Шумаковой, в возрасте 6-7 лет только 8-12 % детей начинают формулировать вопросы-гипотезы непосредственно во время исследования ситуации, которые и являются показателем высокого уровня вопросительно-исследовательской активности.

2. Различия в выраженности высокого уровня вопросительно-познавательной активности у детей из семей с сотрудничающим (24%), симбиотическим (12,5%) и непоследовательным (6,7%) типами родительского отношения являются статистически незначимыми. Однако наблюдается тенденция к выделению сотрудничающего типа, как наиболее благоприятного для развития данного компонента познавательной активности. В группе дошкольников из семей с отвергающим типом отношения детей с высоким уровнем вопросительной активности не выявлено.

3. В группах дошкольников из семей с симбиотическим и сотрудничающим типами отношений детей с низким уровнем вопросительной активности очень мало (4% и 6,2% соответственно) и различия между данными выборками статистически незначимы. Наиболее выражен низкий уровень вопросительно-исследовательской активности в группах детей из семей с отвергающим (43,7%) и непоследовательным (33%) типами родительского отношения.

Полученные результаты объясняются тем, что родители с сотрудничающим и симбиотическим типами отношения стараются удовлетворять все потребности ребенка, в том числе и познавательную, выраженную в виде вопросов. Родители с отвергающим типом родительского отношения часто игнорируют вопросы детей, что является некомфортной и даже травмирующей ситуацией для дошкольника. Для избегания таких ситуаций ребенок перестает задавать вопросы родителям, а затем и всем окружающим. Непостоянство, непредсказуемость реакций родителей, имеющих непоследовательный тип родительского отношения, лишает ребенка стабильности окружающего мира и провоцируют повышенную тревожность, что также не способствует вопросительным проявлениям познавательной активности ребенка.

Таким образом, в нашем исследовании было выявлено, что на уровень развития вопросительно-исследовательской активности влияет стиль отношения родителя к ребенку. При этом наименее благоприятными для развития данного компонента познавательной активности являются непоследовательный и отвергающий типы родительского отношения, что подтверждает нашу гипотезу.

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ОЦЕНКИ НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

А.Е. Воробьева (Москва)

Дискуссии с коллегами на конференциях показали, что в научном сообществе существует высокая потребность в обобщении и систематизации информации об уже разработанном методическом инструментарии для изучения нравственной сферы личности.

Зачастую не удается найти полную информацию о той или иной методике. Некоторые методики доступны в виде полных текстов со структурой шкал и ключами, по другим можно ознакомиться только с бланками для опроса, а есть и такие, о существовании которых встречаются только упоминания. Не всегда удается установить автора той или иной методики. В силу указанных ограничений анализ может быть не столь полным и объективным, как нам бы хотелось.

Начнем с формальных характеристик инструментария. Большинство методик являются опросниками. Популярным методическим приемом является использование моральных дилемм. Реже используются рисунки, беседа, экспертная оценка, совсем

редко — моделирование реальных ситуаций. Часто в одном исследовании комбинируется несколько приемов оценки нравственной сферы личности: опросник дополняют моральные дилеммы, экспертные оценки или моделирование реальных ситуаций, что позволяет авторам получить более полную информацию о нравственных характеристиках исследуемой группы людей.

Можно выделить методики, оценивающие нравственно негативные качества и нравственно позитивные, причем последних нам удалось найти больше, что соответствует общей тенденции в современных исследованиях — переходу от анализа негативных явлений к анализу позитивных.

Отечественными психологами разработано много методик узкого применения: только для детей, только для подростков, только в сфере бизнеса. Таким образом, в зависимости от целей исследования можно выбрать специализированную и адаптированную для конкретной группы людей методику. В этом достоинство перечисленных методик. С другой стороны, невозможно будет сравнить результаты, полученные на одной группе, с другими группами, для которых использованная специализированная методика не подходит. Использование разных методик на разных выборках в рамках одного исследования даст трудно сопоставимые данные. В этом недостаток узкоспециализированного подхода.

Теперь обратимся к содержательным характеристикам методик. Большинство измеряет когнитивные феномены. Нравственные эмоции позволяет оценить куда меньшее число методических приемов. Обращение к поведению респондентов — и вовсе редкость. Косвенным методом оценки нравственного поведения можно считать обращение к нравственным стратегиям, стилям взаимодействия, решения проблем. Однако это является предметом дискуссий: не все коллеги согласны с таким подходом.

Цельный ряд методик измеряет только одно нравственное качество.

В качестве теоретической основы при создании методик наиболее распространенной является теория Л. Колберга. Зачастую авторы опираются на собственные концепции.

Теперь перейдем к критической части. Наиболее распространенные недостатки среди проанализированных нами методик: большой объем вопросов, риск получения социально желательных ответов, непереносимость в иную культуру, отсутствие русскоязычной адаптации.

Моральные дилеммы Л. Колберга базируются на этическом абсолютизме, не учитывая культурные особенности различных обществ, измеряет установки, которые далеки от реального поведения. Исследования Л.Д. Уокер показали, что гипотетические ситуации не учитывают мотивационную и эмоциональную сторону нравственного суждения, делают возможным рассуждение без какого-либо личного риска, поэтому респонденты дают ответы, соответствующие более высокой стадии морального развития, чем при решении повседневных дилемм.

Анализ имеющегося психодиагностического инструментария для оценки нравственной сферы личности дошкольника показал, что «подавляющее большинство методик не имеют четкого методологического обоснования и не валидизированы. Они направлены на исследование конкретного параметра одного из компонентов нравственной сферы личности дошкольника, не затрагивают этот компонент полностью. Нет методик, которые охватывали бы нравственную сферу в единстве всех ее компонентов и обеспечивали представление об общем уровне нравственного развития ребенка» (Овчарова, Мельникова, 2008, с. 156).

Анализ методик диагностики индивидуальной морали, проведенный А.А. Хвостовым, показал, что получаемые с их помощью результаты несопоставимы. Он объясняет это спецификой предметной области и заданностью морального типа концепцией авторов. А.Ф. Терешкин в своем анализе опросных методов измерения моральных установок отмечает распространенность одномерного подхода, исследований отношения к отдельному моральному требованию или основанию морального выбора, что сужает возможности анализа моральных установок. Е.Ю. Стрижов, анализируя группы разнотипных отечественных и зарубежных методик для определения их пригодности к психодиагностике нравственно-смысловой сферы личности, заключает, что «суждения носят общий характер, не учитывают культурно-исторические особенности ситуации и взаимодействующих субъектов, часто не являются значимыми для испытуемого, перенос и адаптация зарубежных методик затруднены, поскольку восприятие социальных объектов различается в различных культурах» (Стрижов, 2009, с. 142). Г. Линд утверждает, что до сих пор «между понимаемым содержанием и измерением моральной компетентности существует большой разрыв», из чего О.А. Подольский делает вывод о необходимости продолжения поисков адекватного инструмента для измерения моральной компетентности.

Таким образом, разными авторами отмечается недостаточность существующего инструментария для оценки нравственности. Необходима многомерная методика, доступная для широкого применения, охватывающая всю нравственную сферу, использующая реалистичные ситуации морального выбора.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Нравственно-психологические и социально-экономические факторы самоопределения личности» № 12-36-01099а1.

ПРАЙМИНГ-ЭФФЕКТ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ НА ОПОЗНАНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ОШИБОК

И В. Ворожейкин (Самара)

Исследование проведено в рамках проекта, поддержанного РГНФ (№ 12-14-63002)

С середины XX века накоплено впечатляющее количество эмпирики, свидетельствующей о серьезных возможностях неосознанной переработки информации (Агафонов, 2006; Аллахвердов, 2000; Куделькина, 2010). Ведутся дискуссии о глубине такой переработки, высказываются предположения как о примитивном её характере, так и о феноменальных способностях неосознаваемой части человеческой психики (Аллахвердов, Воскресенская, Науменко 2008, Фаликман, Койфман 2005). Одним из основных методов исследования неосознанной переработки информации является парадигма прайминга. Экспериментальная парадигма прайминга, в общем виде, исследует влияние предшествующей информации (собственно прайм) на последующую переработку информации (целевая задача). В работе Куделькиной и Агафоновой (Агафонов, Куделькина 2012) выполненной в парадигме прайминга приводятся убедительные доказательства возможности возникновения когнитивных ошибок уже на стадии так называемого “когнитивного бессознательного”, то есть на этапе, предшествующем осознанию: “К ошибкам приводит не только включение сознательного контроля над осуществлением автоматизированных алгоритмов обработки информации. Ошибки в работе когнитивного аппарата могут возникать и на этапе протосо-

знательной деятельности. Если все, что мы осознаем, мы прежде имеем в бессознательной сфере, то, следовательно, и ошибочные идеи, которые осознаются, до этого уже наличествуют в неосознаваемом качестве”. В настоящем исследовании нас интересовал вопрос о принципиальной возможности неосознанной детекции ошибок в предъявляемой информации и о специфике последствия результатов такой обработки на дальнейшую деятельность.

В эксперименте приняли участие 40 добровольцев в возрасте от 18 до 43 лет. Испытуемые имели нормальное или скорректированное до нормального зрение. В ходе экспериментальной процедуры испытуемым на экране последовательно предъявлялось сначала 10 тестовых, а затем 60 экспериментальных заданий и была дана следующая инструкция: “Сейчас на экране Вам будут последовательно предъявлено 60 слов. Как только слово будет предъявлено на экране, как можно скорее, необходимо определить – на экране слово написано правильно или с орфографической ошибкой. Если слово написано правильно – как можно быстрее нажимайте клавишу “Вправо”, если написано с ошибкой – клавишу “Влево”. Таким образом, испытуемые решают задачу направленную на поиск возможной орфографической ошибки в предъявляемых словах.

Структура заданий в эксперименте:

1. прайм-подсказка – 16 мс

2. маска – 250мс

3. целевой стимул – слово – находится на экране до момента принятия решения испытуемым

4. Межстимульный интервал – 2 сек.

В экспериментальном исследовании изучалось влияние двух независимых переменных (прайм и целевая задача) на две зависимых (скорость решения и количество правильно решенных задач).

Независимая переменная “прайм” имела два состояния:

1. С ошибкой

2. Без ошибки

Независимая переменная “целевая задача” имела три состояния:

1. С ошибкой

2. Без ошибки

3. Отсутствие подсказки – Пустой прайм

Таким образом, всего было шесть вариантов заданий (пар “прайм-целевое слово”):

1. Прайм с ошибкой – Целевой стимул с ошибкой

2. Прайм с ошибкой – Целевой стимул без ошибки

3. Прайм без ошибки – Целевой стимул с ошибкой

4. Прайм без ошибки – Целевой стимул с ошибкой

5. Отсутствие подсказки – Целевой стимул с ошибкой

6. Отсутствие подсказки – Целевой стимул без ошибки

Необходимо отметить, что в случае №1 слово предъявляемое в качестве прайма было тождественно слову, предъявляемому в качестве целевого стимула. В случаях №5 и №6, вместо прайма предъявлялся пустой экран на 16мс, а затем маска на 250мс – как и в заданиях №1-№4. Все 60 пар “прайм-целевое слово” предъявлялись каждому испытуемому в случайном порядке.

Анализ данных производился в программе Statistica 10 при помощи одномерного и многомерного дисперсионного анализа ANOVA. Статистически достоверно влияние наличия ошибки в целевом стимуле на скорость решения (ANOVA, $F(1, 2394)=34,107$,

$p < 0,000000006$). Скорость опознания целевых слов без ошибки медленней, чем целевых слов с ошибкой. Так же выражено влияние наличия ошибки в целевом стимуле и на эффективность решения (ANOVA Current effect: $F(1, 2394)=36,786$, $p < 0,000000002$). Эффективность правильной идентификации слова без ошибки выше чем слова с ошибкой. Влияние прайминг-эффекта так же статистически достоверно. Отличается скорость решения ANOVA $F(2, 2394)=9,1257$, $p=,00011$). Дольше всех решаются задачи, содержащие пустой прайм, быстрее всего – с праймом содержащим ошибку, с праймом без ошибки задачи решаются со средней скоростью. Эффективность решения так же имеет статистические различия (ANOVA $F(2, 2394)=6,6018$, $p=,00138$). Хуже всего решаются задачи с пустым праймом, лучше всего с праймом, содержащим ошибку, с праймом без ошибки средняя эффективность. Совместное влияние факторов (прайм и целевая задача) так же статистически достоверно (ANOVA $F(2, 2394)=11,530$, $p=,00001$).

Самой эффективной подсказкой, в нашей процедуре, оказался прайм с ошибкой. Используя тезис о том, что неосознанно человек способен исправлять ошибки и работать уже с “исправленной” подсказкой (Агафонов, Куделькина 2012) можно предположить, что выполняя исправление ошибки в прайм-подсказке такое же исправление оказывается проще выполнить и в целевой задаче. То есть исправление ошибки в прайм-подсказке происходит неосознанно, а затем, уже выполнение этого же действия в целевой задаче происходит быстрее и эффективнее. Тем более, что в нашей процедуре ошибки в прайм-подсказках и целевых задачах идентичны – повторять то, что уже один раз было сделано, второй раз оказывается эффективнее. Действие же подсказки без ошибки, с нашей точки зрения, представляет собой типичный позитивный прайминг-эффект. Разница же в эффективности и скорости решения задач без прайм-подсказки так же представляется объяснимой – осознанный поиск ошибки достаточно трудоёмкая задача и без подсказки такой процесс происходит с гораздо большей временной задержкой и более низкой эффективностью.

ЭТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ

М.И. Вронская, Е.Г. Козырь (Москва)

Психология развивается, основываясь на предыдущих достижениях, и в ответ на «социальный заказ», вызовы социальной действительности, включая политические. В частности в соответствии с Конвенцией ООН против коррупции все государства-участники, в том числе Россия, взяли на себя обязательства внедрять культуру транспарентности и для этой цели вести научные исследования. Очевидно, что определённую часть исследований предстоит провести в области психологии. Социальная транспарентность, понимаемая как органическое единство ясности мышления (относительно смыслов, целей, средств, методов и т.д.); открытости, то есть атмосферы доверия (при любом взаимодействии на любом уровне); прозрачности информационных процессов (доброкачественности и эффективности) в практике жизни вообще и управления социальными процессами в частности, достижима при одновременном выполнении трех условий:

- 1) осознанности субъектов социального взаимодействия и, как следствие, оформленности отношений между ними;
- 2) доверительности отношений участников социального взаимодействия;

3) эффективной коммуникации между субъектами взаимодействия.

Внедрение культуры социальной транспарентности находится в зависимости от того, в какой мере у людей как социальных субъектов развиты соответствующие способности. А именно способности ясно мыслить, ни в коем случае не сводимой к навыку логических спекуляций, но сродни ясновидению, то есть способность видеть социальную ситуацию цельной в органическом единстве и взаимодействии всех её составляющих, а также способности предвидеть возможный сценарий развития этой ситуации при изменении внутренних и/или внешних обстоятельств; доверительность (не слепая доверчивость), способность доверять тому, чему необходимо, и не доверять тому, чему не следует, то есть способность к душевной чуткости и эмоциональной искренности, способность выстраивать и капитализировать устойчивые социальные связи; коммуникабельность, как способность работать с информацией (искать, собирать, дефинировать, реферировать, обобщать, предоставлять, презентовать...), а также проявлять вербальную и невербальную выразительность и восприимчивость, обучаемость использованию технических средств и т.д.

При исследовании способностей к транспарентному взаимодействию и внедрении культуры транспарентности представляется необходимым учитывать этно-психологический аспект. То, как указанные способности проявляются при внутриэтническом и межэтническом взаимодействии; какие проблемы этно-психологического характера препятствуют внедрению культуры транспарентности; какими путями выявленные этно-психологические препятствия можно преодолеть.

В контексте обозначенной темы представляются интересными некоторые материалы. Например, сравнительно-культурные исследования Г. Хофстеде, в которых он выделяет четыре измерения: 1) дистанция власти; 2) избегание неопределённости; 3) индивидуализм-коллективизм; 4) маскулинность – феминность. Так, можно предположить, что при сравнении на основе 1 и 2 позиций, допустим, представителей культуры Дагестана и Тверской области, показатели будут различны, что в свою очередь явится отражением степени доверия при взаимоотношениях, и соответственно по степени готовности к осуществлению социальной транспарентности Дагестан и Тверская область также будут различаться.

Опыт рассмотрения Татарко А.Н., Лебедевой Н.М. доверия наряду с социальной сплочённостью и взаимной толерантностью в качестве составляющих психологической структуры социального капитала может быть учтён при рассмотрении психологической структуры этно-значимых отношений с точки зрения их транспарентности.

Особое значение для будущих исследований может иметь заимствованный И.М. Кузнецовым из социологии в социальную психологию феноменологический подход понимающей социологии, применение которого позволило интуитивно обнаружить наличие "у каждого народа (и его культуры) представлений о собственной эго-идентичности, индивидуальности в новом глобальном контексте". Транспарентная акварельная живопись фактически уже стала средством психологических исследований благодаря Э. де Брайн, что также может явиться подспорьем и в этно-психологических исследованиях в контексте социальной транспарентности.

Указывая на данные материалы, мы видим и то, что для изучения этно-социального аспекта социальной транспарентности предстоит сделать более полный обзор публикаций, отражающих эту проблематику. Нужна разработка методологической базы этно-психологических исследований применительно к названной теме. Также необходимо разработать и апробировать конкретные методы этно-психологических мониторинга за процессом внедрения культуры транспарентности и соответствующих

дискретных исследований. В частности, перспективным видится использование проективных методов для социально-психологических и социологических исследований в этнопространстве.

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ

В.И. Вус (Киев)

Говоря о духовно-религиозном воспитании, возможно вести речь о формировании личностного развития ребёнка в системе «человек-социум-Бог». Согласно общей теории систем, система — это совокупность взаимосвязанных компонентов, способная качественно изменять привходящие внешние потоки [2]. Поэтому религиозным человеком может считаться лишь тот, кто воспринимает воздействие внешнего мира через призму собственных отношений к себе, к социуму и к Богу (см. таблица 1).

На основе собственных индивидуальных особенностей характера отношений к себе, к социуму и к Богу, родители и пытаются формировать воспитательный процесс, создавая социально-психологические модели духовно-религиозного развития их детей (см. рис 1).

В соответствии с этими моделями, родители и совершают выбор форм воспитательного воздействия. Процесс сравнения родителями результатов духовно-религиозного воспитательного воздействия с их социально-психологической моделью духовно-религиозного развития ребёнка может привести к коррекции форм воспитательного воздействия. Эта коррекция также опосредуется изменениями индивидуального характера отношений родителя к себе, социуму и Богу, и изменениями социально-психологической модели духовно-религиозного развития ребёнка.

Методика и организация исследования. В соответствии с вышеизложенной моделью духовно-религиозного воспитательного процесса был разработан опросник для родителей. Исследование проводилось в 2012 году среди родителей учеников, обучающихся в экспериментальных классах с углублённым изучением основ православной культуры (1-3 классы).

Выводы. Воспитательный процесс, в контексте духовно-религиозного развития ребёнка, обуславливается индивидуальным характером отношений родителей к Богу, социуму и себе, особенностями социально-психологической модели развития, выбором форм воспитательного воздействия и духовно-религиозной активности ребёнка.

По результатам анализа проведённого анкетирования возможно констатировать расхождение мнений родителей относительно особенностей воспитательного процесса, выбора форм воздействия, отношений со школой. Такие обстоятельства способствуют развитию напряжения, конфликтов, вызывают у родителей чувства неудовлетворённости, раздражённости.

Стремление родителей формировать в ребёнке пассивную форму репрезентации себя в социуме может способствовать развитию у ребёнка зависимого поведения, конформизма, неустойчивости его нравственной позиции, неконгруэнтного отношения к религии.

Дополнительная психолого-педагогическая работа с родителями будет способствовать эффективности интеграции религиозно-нравственных ценностей в структуру личности ребёнка.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННЫХ ЗВУКОВ

Н.А. Выскочил (Москва)

В настоящее время все более актуальным становится изучение психологических аспектов взаимодействия человека и окружающей среды (Панов, 2011). Выявляя закономерности такого взаимодействия, становится возможным проектировать и изменять окружающую среду, чтобы она стимулировала социально приемлемое поведение, творческий и личностный потенциал человека, а также прогнозировать наиболее вероятные модели поведения и регулировать эмоциональное состояние человека. Важной составляющей окружения человека является акустическая среда, представляющая богатый источник информации о эмоциональной сфере человека.

Психологические исследования взаимодействия акустической среды и человека прежде всего направлены на изучение восприятия музыки, человеческой речи, шумового загрязнения (Gygi, Kidd, Watson, 2007; Li, Logan, Pastore, 1991; Warren, Verbrugge, 1984 и др.). Широкомасштабные исследования данной области позволили создать классификации некоторых из этих типов звуков. Выявлены основные средства передачи эмоциональной информации: посредством речи человека, а именно тембра, высоты и интенсивности голоса, темпа и ритма речи; посредством музыкальных произведений, а именно ладовой стороны звучания - мажорного или минорного - отображающего светлый, радостный или грустный, печальный характер звучания (Морозов, 2007; Antonietti, Cocomazzi, Iannello, 2009; Larsson, V#228;stfj#228;ll, Kleiner, 2001; Parker et al., 2008; Schreiber, Kahneman, 2000; Szpunar, Schellenberg, Pliner, 2004; Tran, Letowski, Abouchacra, 2000; V#228;stfj#228;ll, 2003; V#228;stfj#228;ll, Larsson, Kleiner, 2002 и др.). Наиболее известная классификация звуков естественной среды человека представлена в работах В. Гэйвера (Gaver, 1993). Однако данная классификация базируется на характеристиках источника звука и не содержит оснований для оценки его эмоциональной окрашенности.

Цель нашей работы разработать принципы классификации и создания базы данных звуков естественной среды по основанию их эмоционального воздействия.

При подборе эмоционально окрашенных звуков мы руководствовались следующими принципами.

1) Были исключены из рассмотрения музыкальные и речевые звуки. Подбор касался только звуков естественного окружения человека, к которым отнесены природные звуки, а также бытовые и промышленные (техногенные) шумы. Примером природных звуков является шелест листьев, журчание воды в реке, шум дождя, пение птиц и крики животных, свист ветра, гром и т.п. Производственные шумы сопровождают функционирование различных технических устройств (шумы двигателей, станков, электронных устройств в аппаратных залах и т.п.), включая звуки транспортных средств (поездов, трамваев, автомобилей, двигателей самолетов и т.д.). Бытовые шумы являются следствием повседневной домашней деятельности человека (звяканье посуды и т.п.), а также функционирования домашних электроприборов (холодильников, бытовых компьютеров, кондиционеров, пылесосов) и других технических средств.

2) Для изучения эмоционального воздействия звука использовались категории эмоций, наиболее часто встречающиеся в описаниях базовых эмоций (Анохин, 1978; Дарвин, 2001; Изард, 1999; Экман, 2010; Plutchik, 1986; Tomkins, 1962): «вина», «гнев»,

«горе», «интерес», «испуг», «отвращение», «печаль», «презрение», «принятие», «радость», «раздражение», «страх», «стыд», «счастье», «удивление», «удовольствие». Дополнительно была добавлена категория «другое», которая указывалась в случае, когда респондент описывал эмоции, не вошедшие в исходный перечень.

3) Предварительным этапом подбора эмоционально окрашенных звуков являлся опрос большой выборки респондентов (более 500 человек) с целью выявления мнений, относительно звуков, которые могли бы вызывать вышеперечисленные эмоции. Результаты частотного анализа данных опроса являются основой для последующего выбора звуков из существующих фонотек или записи и монтажа соответствующих акустических событий (звуковых сцен).

4) Выбранные звуковые фрагменты использовались при организации основного этапа исследования: оценка эмоциональной окрашенности акустического события. На этом этапе изучается «воспринимаемое качество» (Носуленко, 2007) этих акустических событий, с целью определения тех из них, в состав воспринимаемого качества которых входят преимущественно характеристики одной из указанных эмоций. Для выявления составляющих воспринимаемого качества используется качественно-количественная методология, основанная на анализе свободных вербализаций, которые продуцируют участники исследования при сравнении различных эмоционально окрашенных звуков (Самойленко, 2010). Главная особенность методов анализа заключается в предоставлении участнику возможности самому выделить особенности воспринимаемого звука без навязывания исследователем гипотезы о направлениях анализа.

Результаты предложенного подхода показали его перспективность: отработана процедура опроса респондентов с помощью Интернет, получены данные для выбора или создания эмоционально окрашенных акустических событий, проведены эксперименты по оценке воспринимаемого качества выбранных акустических событий. Результаты позволили сформировать первичную базу звуков (более 70 фрагментов), соответствующих ряду базовых эмоций. Эта база может использоваться для проведения исследований эмоционального воздействия звуков в различных социокультурных, этнических и т.п. контекстах. Важная перспектива видится в дальнейшем наполнении создаваемой базы и обеспечении доступа к ней широкого круга исследователей.

Работа выполнена в рамках президентского гранта МК-6031.2013.6.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ С РАЗНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

М.А. Вышквыркина (Ростов-на-Дону)

Проблема ценностных ориентаций активно исследовалась как в зарубежной, так и в российской науке. Среди отечественных исследований выделяются работы, в которых изучена зависимость ценностных ориентации от индивидуальных особенностей личности (Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Д.Н. Узнадзе, В.Н. Мясищев), от активно-деятельностного окружения ею окружающего мира (К.А. Абульханова-Славская, Л.П. Буева, Д.Н. Узнадзе, В.Н. Мясищев и др.), от духовного творчества (Н.А. Коваль, С. Б. Каверин, В. А. Токарева и др.), от целеполагания и способов целедостижения (Б.С. Братусь, Л.Н. Собчик и др.). В тоже время работ, направленных на сравнительный анализ ценностных ориентаций студентов с

разной профессиональной направленностью в трудах психологов практически не представлено. В связи с этим, целью нашего исследования является сравнительный анализ ценностных ориентаций студентов с разной профессиональной направленностью.

Мы предположили, что система инструментальных и терминальных ценностей студентов-медиков и студентов-приборостроителей будет иметь свои особенности. В исследовании приняли участие 50 студентов Ростовского государственного медицинского университета и 50 студентов Донского государственного технического университета в возрасте от 18 до 20 лет.

Для определения особенностей ценностных ориентаций студентов – медиков мы использовали методику Рокича М. «Ценностные ориентации». Сложив все ранги в каждой группе и высчитав средний ранг по каждой ценности, мы получили общую картину распределения ценностных ориентаций (как терминальных, так и инструментальных) в основной и контрольной группах. Затем мы определили по пять терминальных и инструментальных ценностей, имеющих наибольшую степень значимости для студентов РостГМУ и ДГТУ, и по пять терминальных и инструментальных ценностей, которые для студентов – медиков и студентов – приборостроителей значимы меньше остальных.

Среди терминальных ценностей в основной и контрольной группах нами были выделены следующие доминирующие ценности. Для студентов – медиков наиболее важной терминальной ценностью является «любовь», за ней следуют такие ценности как: «наличие хороших и верных друзей», «уверенность в себе», «счастливая семейная жизнь» и «здоровье».

Для студентов – приборостроителей первостепенное значение имеют такие ценности как: «активная деятельная жизнь», «здоровье», «уверенность в себе», «любовь» и «свобода».

«Красота природы и искусства» - это ценность, имеющая наименьшую степень значимости для студентов – медиков, она занимает 18 позицию. Следующие четыре ценностных ориентации расположились следующим образом: 17 ранг – «счастье других», 16 ранг – «творчество», 15 ранг – «развлечения» и на 14 месте находится «общественное признание».

У студентов – приборостроителей последние пять мест распределены иначе. На последнем месте по степени значимости расположена «счастье других», предпоследнее место отдано «творчеству», на 16 месте находится «красота природы и искусства», на 15 – «материальная обеспеченность» и на 14 – «развлечения».

Обработав полученные данные U-критерием Манна-Уитни, были выявлены достоверно значимые различия в ранжировании терминальных ценностных ориентаций в основной и контрольной группе. Среди отвергаемых терминальных ценностей достоверно значимых различий выявлено не было.

Помимо терминальных ценностей, мы так же провели анализ инструментальных ценностей и получили следующие результаты. Наиболее значимой инструментальной ценностью в группе студентов – медиков является «честность», следующими по степени значимости расположены «независимость», «аккуратность», «воспитанность» и «образованность». В группе студентов – приборостроителей приоритеты расставлены иначе: доминирующая ценность - средство – «образованность», затем следуют «независимость», «честность», «ответственность» и «воспитанность».

Анализ пяти инструментальных ценностных ориентаций имеющих самые большие ранги (от 14 до 18), т.е. ценности с наименьшей степенью значимости показал,

что студенты – медики, проранжировав восемнадцать ценностей, ценностной ориентации «непримиримость к недостаткам в себе и других» присвоили в среднем восемнадцатый ранг, семнадцатый, шестнадцатый, пятнадцатый и четырнадцатый ранги были присвоены «высоким запросам», «чуткости», «широте взглядов» и «эффективности в делах» соответственно.

Тем же ценностям, за исключением одной, были присвоены последние пять рангов в группе студентов – приборостроителей, однако применительно к каждой ценности приоритеты расставлены немного иначе. Максимальный ранг присвоен «непримиримости к недостаткам в себе и в других», семнадцатое место в среднем отдано «чуткости», шестнадцатый ранг присвоен «высоким запросам», следующей располагается «широта взглядов» и на четырнадцатом месте находится «рационализм».

Проведенная статистическая обработка данных, с использованием критерия Манна-Уитни позволила выявить достоверно значимые различия в ранжировании некоторых инструментальных ценностей студентов. Отвергаемые инструментальные ценностные ориентации в основной и контрольной группах схожи, и не имеют ярко выраженных особенностей.

Подводя итог, можно сказать, что анализ системы ценностных ориентаций выявил, что для студентов-приборостроителей первостепенное значение имеют физическое и психическое здоровье, полнота и эмоциональная насыщенность жизни, самостоятельность, независимость в суждениях и поступках, а также чувство долга, умение настоять на своем, не отступать перед трудностями, умение держать свое слово, широта знаний и высокая общая культура.

Студентов-медиков отличает стремление иметь хороших и верных друзей, важна духовная и физическая близость с любимым человеком. А также аккуратность, чистоплотность, умение содержать в порядке вещи и дела, умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения, при этом правдивость, искренность в словах и поступках человека.

ВНЕШНИЕ УСЛОВИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ОДАРЁННОСТИ

С.В. Галанин (Томск)

Феномен одаренности и привлекает внимание исследователей уже много веков, но лишь в последние годы рост интереса к проблеме одаренности приобрел характер устойчивой тенденции.

Изучение детской одаренности как психического явления изначально актуализировано образовательной практикой. В становлении этой интегральной личностной характеристики значение приобретают внешние условия развития. Поэтому, создание условий, обеспечивающих выявление и развитие одаренных детей, реализацию их потенциальных возможностей, является одной из приоритетных задач современного общества.

На ряду с выше сказанным было проведено исследование, целью которого стало изучение внешних условий влияющих на развитие одаренности.

Гипотеза: условия проживания, самооценка и отношение родителей оказывают влияние на развитие одаренности

Выборка составила 56 человек, ученики 9-10 классов. Выборка была разделена на две группы, 1 группа 28 учеников школы №9 г. Читы, (экспериментальная группа), 2 группа 28 учеников сельской школы кыренского района, (контрольная группа).

Методы исследования:

1. Тест творческого мышления Вильямса, адаптация Е.Е.Туник
2. Тест Самооценка творческих характеристик личности
3. Шкала Вильямса. Опросник для родителей.
4. метод математической статистики метод ранговой корреляции Спирмена.

Тест творческого мышления Вильямса, адаптация Е.Е.Туник показал, что в экспериментальной выборке по показателям гибкость значение находится выше среднего показателя нормы (11,7), беглость (7,9), оригинальность (24,9), разработанность (18,5), название (19,8), суммарный показатель (80,9)

В контрольной группе гибкость (8,6), беглость (11,8) оригинальность (24,1), разработанность (11,3), название (18,4), суммарный показатель (74,2)

Результаты теста Самооценка творческих характеристик личности в экспериментальной группе показал, что данные по основным показателям любознательность (20,3), воображение (16,6), сложность (17,8) стремление к риску (17,9) суммарный показатель (72,7). Показателей, выходящих за пределы нормы, отмечено не было.

В контрольной группе: любознательность (17,8), воображение (16,4), сложность (16,5), склонность к риску (20,1), суммарный показатель (70,8).

Результаты теста Шкала Вильямса в экспериментальной группе: трое родителей (20%) оценили творческие способности своих детей очень низко, суммарный показатель (27,4), один из родителей высоко оценил творческие способности своего ребёнка, суммарный показатель (88,6), остальные родители оценили творческие способности своего ребёнка в пределах нормативных значений.

Результаты теста Шкала Вильямса для родителей в контрольной группе: только один родитель оценил творческие способности своего ребёнка очень низко, суммарный показатель (35,6), и один родитель высоко оценил творческие способности своего ребёнка, суммарный показатель (74,6). Остальные значения находятся в пределах нормативных значений.

Так же оценивалась учебная успеваемость при помощи школьных журналов. В результате получилось что в экспериментальной и контрольной группах средний показатель не имеет существенных различий. Можно отметить, что в экспериментальной группе число не успевающих и хорошо успевающих меньше чем в контрольной группе.

Расчет коэффициентов корреляции между различными факторами теста, а также между разными тестами показал:

1. Между показателем оригинальности и суммарным показателем по тесту творческого мышления выявлена сильная корреляция (коэффициент корреляции равен 0,85).

2. Между показателем разработанности и суммарным показателем по тесту творческого мышления также выявлена сильная корреляция (коэффициент корреляции равен 0,71).

3. Существует корреляция между суммарным показателем творческих способностей и суммарным показателем самооценки творческих характеристик личности (коэффициент корреляции равен 0,48).

4. Не выявлено значимой корреляции между суммарным показателем творческой самооценки подростков и оценкой их творческих способностей родителями.

На основании статистической обработки можно сделать вывод, противоречащий гипотезе психологического исследования о том, что существует взаимосвязь между одаренностью и внешними условиями, в соответствии с которой, среди подростков, помещенных в наиболее благоприятные условия, одаренность будет проявляться чаще и вероятней. На основании данных статистического анализа нельзя с уверенностью заявлять, что проявление одаренности не зависит от условий проживания.

Так же. Оказалось, что у ребят, хорошо - и среднеуспевающих в школе, более высокая творческая самооценка. Из результатов видно, что всех учащихся из обеих групп можно условно разделить в зависимости от учебной успешности и степени проявления творческих способностей на следующие группы:

1. Подростки, имеющие высокие рейтинги учебной успешности и высокий уровень креативности. Как правило, они имеют адекватный уровень самооценки. Один человек на выборке.

2. Подростки, хорошоуспевающие в школе и имеющие уровень творческих способностей выше средней нормы. Или высокая норма. Имеют адекватный уровень творческой самооценки. Таких ребят около одной трети от общего числа испытуемых.

3. Подростки, имеющие средний уровень успеваемости и высокий уровень творческих способностей. Как правило, имеют адекватную творческую самооценку. Таких ребят меньше одной трети от общего числа испытуемых.

4. Подростки, имеющие средние рейтинги учебной успешности и уровень творческих способностей ниже среднего значения нормы, но в пределах нормы.

5. Подростки, слабоуспевающие в школе и имеющие высокий уровень креативности. Такой подросток один на выборке. Имеет адекватную творческую самооценку.

6. Подростки, слабоуспевающие в школе и имеющие уровень творческих способностей среднее значение нормы или выше. Творческая самооценка, как правило, ниже средней нормы. Таких ребят чуть меньше одной трети от всех испытуемых.

Проведённое исследование свидетельствует о том, что одаренность является сложным психологическим феноменом, и её изучение требует самых чутельных исследований.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ У ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В.А. Гвоздев (Чита)

Проблема адаптации человека в осложненных условиях жизненной среды является одной из ключевых в современной психологической науке. Понятие «жизненная среда» обозначает совокупность природных и социальных условий и факторов, во взаимодействии с которыми происходит развитие организма и психики индивида, многих людей (Г.А. Ковалев, 1993; В.И. Панов, 2001; М. Черноушек, 1989; В.А. Ясвин, 1997).

Осложненными являются особые природно-климатические, экологические и социальные характеристики жизненной среды, затрудняющие жизнедеятельность человека и обуславливающие специфику адаптационных процессов (Н.М. Сараева, А.А. Суханов, 2010).

Лишение свободы представляет собой серьезное осложнение социальных условий жизненной среды человека, требующее напряжения адаптивных механизмов.

Психологическая адаптация является системной характеристикой системы «человек – жизненная среда». С системных позиций психологическая адаптация – это процесс и результат приспособления человека к средовым условиям на уровне целостной психики в системе «человек – жизненная среда» с целью сохранения ее динамического равновесия (Н.М. Сараева, А.А. Суханов, 2010).

Целостная психологическая адаптация человека имеет сложную структуру, в которой выделяют психофизиологический, психический и социально-психологический уровни.

Мы предполагаем, что при анализе структуры психологической адаптации людей, находящихся в условиях лишения свободы, будут обнаружены деформации следующего характера: смещение показателей в обе стороны от диапазона средней нормы на психофизиологическом и психическом уровнях психологической адаптации. Возможно достижение нормативных (средних) показателей на социально-психологическом уровне психологической адаптации.

Для подтверждения гипотезы было проведено эмпирическое исследование. Основную выборку составили мужчины, осужденные к лишению свободы, в количестве 147 человек, средний возраст $27 \pm 5,9$ лет. Продолжительность сроков заключения варьировала от 3 до 12 лет. Все осужденные к моменту обследования находились в условиях лишения свободы не менее полугода. Контрольную группу составили мужчины – работники железнодорожного транспорта, – в количестве 108 человек, средний возраст $30 \pm 5,5$ лет.

Показателями психофизиологического уровня психологической адаптации выступили эмоциональные характеристики психики (проявляющиеся в акцентуациях личности).

Психический уровень психологической адаптации представлен показателями такой интегральной характеристики, как интеллект.

Параметры социально-психологического уровня психологической адаптации представлены 1) интегральным показателем социально-психологической адаптации и 2) показателями такой личностной переменной, как жизнестойкость.

В исследовании использовался метод тестирования (представленный личностным опросником Г. Шмишека, опросником социально-психологической адаптации К. Роджерса-Р. Даймонда в адаптации Т.В. Снегиревой, культурно-свободным тестом интеллекта Р. Кеттелла и тестом жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой).

По результатам проведенного исследования у людей, находящихся в условиях лишения свободы, было выявлено снижение психологической адаптации на психофизиологическом уровне в виде эмоционального дисбаланса.

Эмоциональные особенности, выраженные по типу явной акцентуации, в основной группе оказались более распространены по сравнению с представителями контрольной группы (73,5 % против 23,1 %).

Среди доминирующих типов у осужденных чаще встречались эмоциональные особенности потенциально опасных типов с точки зрения их влияния на эмоциональное благополучие (циклотимический, возбудимый, дистимический).

На психическом уровне почти у половины осужденных (49 %) показатели интеллекта приближались к нижней границе нормы (соответствовали уровню сниженной нормы). Еще у 6,8 % был диагностирован уровень интеллекта, граничащий с умственным дефектом.

У представителей контрольной группы сниженный уровень интеллекта регистрировался лишь в 3,7 % случаев.

Исследование первого параметра социально-психологического уровня психологической адаптации показало, что у осужденных выявляются достаточно хорошо сформированные механизмы совладания со стрессом в виде высокого уровня жизнестойкости и большинства ее компонентов (77,5 %).

У 84,4 % осужденных уровень социально-психологической адаптации соответствовал нормативному и высокому. Это свидетельствует о хорошем уровне адаптации осужденных к конкретным социальным условиям жизненной среды (лишению свободы). Это достигается за счет механизмов социальной компенсации.

В работе определена достоверность различий в показателях при помощи критерия φ^* – углового преобразования Фишера. По всем основным сравниваемым параметрам основной и контрольной групп различия достигали статистической значимости.

Таким образом, в результате проведенного эмпирического исследования была обнаружена специфика структуры психологической адаптации людей, находящихся в условиях лишения свободы. Она проявляется в наличии ряда деформаций и снижении адаптационных показателей на психофизиологическом (дисбаланс в сфере эмоций) и психическом (дрейф показателей к нижней границе нормы) уровнях психологической адаптации.

В то же время выявленный у значительной части обследованных осужденных в целом высокий уровень жизнестойкости и социально-психологической адаптации может свидетельствовать об активизации личностных механизмов компенсации и повышении адаптивных возможностей на социально-психологическом уровне.

Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ № 6.3657.2011

СКЛОННОСТЬ К РИСКОВАННОМУ ПОВЕДЕНИЮ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ СРЕДИ СТУДЕНТОВ СРЕДНИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

И.А. Геронимус (Москва)

В настоящее время не существует единой, общепризнанной теории, описывающей формирование и развитие зависимости от психоактивных веществ (ПАВ). Признается, что формирование аддикции представляет собой результат сложного и плохо предсказуемого взаимодействия наследственных, биохимических, социальных и индивидуально-психологических факторов (Барцалкина В.В., 2010). М. Zuckerman (1975, 1986) описал такой характерный для зависимых лиц паттерн поведения, связанный с высокой склонностью к поиску новых впечатлений, переживаний и стремлению к физическому и социальному риску. Данная концепция была убедительно доказана в ряде работ (см. например, Бузина Т.С., Должанская Н.А., 1997)

Цель исследования - изучение склонности к риску и особенностей употребления ПАВ (алкоголя и каннабиноидов) на разных этапах развития аддиктивного поведения у студентов средних профессиональных учебных заведений.

В исследовании, проводимом в 2012/2013 учебном году на базе одного из колледжей г. Москвы, приняли участие 113 испытуемых в возрасте от 14 до 22 лет, из которых 70 юношей (61,9%) и 43 девушки (38,1%).

Для исследования особенностей употребления респондентами алкоголя и каннабиноидов использовалась анонимная анкета ESPAD (European School Survey Project on Alcohol and Other Drugs), адаптированная к возрасту испытуемых и целям исследования. Анкета включала вопросы об употреблении алкоголя и наркотиков в течение жизни, за последний год и за последний месяц, а также ряд вопросов, посвященных информированности о ПАВ, отношении к их употреблению и доступности. Для оценки склонности респондентов к рискованному поведению использовался одноименный опросник А.М. Шуберт (PSK).

Для статистической обработки использовался пакет программ SPSS 20 (применялся непараметрический критерий U Манна-Уитни).

В результате анализа данных было установлено следующее.

36 респондентов (31,9%) отметили, что они не употребляли алкоголь в последний месяц (можно предположить, что респонденты этой группы не экспериментируют с употреблением алкоголя). 43 респондента (38,0%) отметили, что они пили алкогольные напитки за последний месяц 1-2 раза (можно предположить, что большая часть респондентов этой группы испытывает интерес к употреблению алкоголя). 34 респондента (30,1%) отметили, что они за последние 30 дней употребляли алкоголь более 3х раз (что может указывать на периодическое или регулярное употребление).

75 респондентов (66,4%) отметили, что они никогда не пробовали препараты конопли (можно предположить, что респонденты этой группы не экспериментируют с употреблением препаратов конопли). 18 респондентов (15,9%) отметили, что они употребляли препараты конопли 1-2 раза (это может говорить о склонности к экспериментированию с этими препаратами). 20 респондентов (17,7%) отметили, что они употребляли препараты конопли более 3х раз (это может свидетельствовать о периодическом их употреблении).

Было выявлено значимое различие по параметру склонности к риску между респондентами, не употреблявшими алкоголь за последний месяц и теми, кто употреблял алкогольные напитки за это время хотя бы один раз ($p=0,007$). Также было выявлено значимое различие по этому параметру между респондентами, никогда в жизни не употреблявшими препараты конопли, и респондентами, которые имели опыт ее потребления ($p<0,001$). Других достоверных различий выявлено не было.

Таким образом, можно предположить, что склонность к риску и получению новых впечатлений имеет определяющее значение на ранних этапах формирования аддикции (экспериментирования с ПАВ), в то время как на развитие зависимости на более поздних этапах (при периодическом или регулярном потреблении) оказывают влияние другие факторы.

Полученные результаты пилотажного исследования позволили разработать программу дальнейшего исследования, проблемой которого стало определение факторов перехода от стадии экспериментирования с ПАВ к стадии его периодического употребления. Реализация данного исследования позволит разработать дифференцированные программы профилактики употребления ПАВ среди учащихся средних профессиональных учебных заведений.

СТРУКТУРА КРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Р.У. Гильмутдинова (Москва)

В отечественной литературе термин «креативная компетентность» впервые упоминается в проекте «Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики». Данное понятие связано с актуальными на современном этапе образования подходами к подготовке специалистов нового времени.

Изучив и проанализировав мнения исследователей относительно сущности креативной компетентности (Р.Эпстайн, И.Е. Брякова, А.М. Давтян, А.Г. Нафиева, Н.А. Тимофеева, А.Г.Шумовская), нами выведено интегративное определение данного понятия:

Креативная компетентность – это многофакторное качество личности, система интеллектуальных, эмоциональных, нравственных, волевых знаний, умений, навыков, личностных качеств и опыта личности, обуславливающих развитие творческих способностей человека и позволяющих на принципиально новом уровне генерировать множество оригинальных, нестандартных, адаптивных и полезных идей и продуктов, а также теоретическая и практическая готовность человека действовать творчески в различных жизненных и профессиональных ситуациях, его стремление к самосовершенствованию и саморазвитию.

И.А.Зимняя в структуру компетентности включает пять компонентов: мотивационный, когнитивный, поведенческий, ценностно-смысловой, эмоционально-волевой аспекты.

По мнению И.Е. Бряковой креативная компетентность объединяет мотивационный, когнитивный, операциональный, аксиологический, рефлексивный компоненты. в диссертационном исследовании структуру креативной компетентности филолога автор раскрывает через специфические компоненты следующих компетенций: филологической, культурологической, психолого-педагогической, методической.

Т.В.Бугайчук, и С.Л.Янбых полагают, что креативная компетентность включает систему знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств, необходимых для творчества. А.М.Давтян в структуру креативной компетентности видит как систему обобщенных знаний, умений и навыков, обладающих свойством широкого переноса, эрудицию в той или иной области, а также теоретическую и практическую готовность эффективно действовать в этой области.

О.В.Соловьева и Л.А.Халилова в структуре креативной компетентности выделяют следующие качества: способность к творчеству, к решению проблемных задач; изобретательность; гибкость и критичность ума, интуицию, уверенность в себе; способность ставить и решать нестандартные задачи, способность к анализу, синтезу и комбинированию, способность к переносу опыта; эмоционально-образные качества: одухотворенность, эмоциональный подъем в творческих ситуациях; ассоциативность, воображение, чувство новизны, чуткость к противоречиям, эмпатийность; проницательность, умение видеть знакомое в незнакомом; преодоление стереотипов; склонность к риску, стремление к свободе.

На основе анализа изученной литературы, структуру креативной компетентности бакалавров мы видим в единстве следующих компонентов:

1) Когнитивный компонент подразумевает приобретение необходимых теоретических знаний в процессе активной поисково-познавательной деятельности, обращенной к различным областям и источникам знаний и наличие интеллектуальных

качеств, включает в себя: способность к синтезу, анализу, сравнению, прогнозу; способность ставить и решать нестандартные, проблемные задачи; развитое дивергентное мышление; сформированность базовых знаний, умений; способность к отбору и применению методик, адекватных целям и ситуациям; умение извлекать необходимую информацию из окружающей среды; семантическая гибкость; образная адаптивная гибкость; способность к переносу опыта; боковое мышление.

2) Волевой компонент – преодоление внешних и внутренних препятствий для достижения цели, его составляющими являются: независимость; настойчивость; способность к преобразованию; открытость новому опыту; способность идти на риск; умение доводить дело до конца; ярко выраженное стремление к интеллектуальной новизне; преодоление стереотипов; стремление к свободе; способность самостоятельно принимать решения.

3) Эмоциональный компонент – регулирование и оптимизация деятельности на сознательном и бессознательном уровне. Данный аспект объединяет: умеренная чувствительность; экспрессивность; эмоциональная устойчивость; чувство новизны; чуткость и терпимость противоречий.

4) Мотивационный компонент представлен в виде пускового механизма для активизации психики, ее настройки и мобилизации на предстоящую деятельность. Сюда относим: стремление к самореализации; мотивация достижения успеха; сформированность мировоззрения; готовность к актуализации; реалистический уровень притязаний; ценностные ориентации; благоприятные условия окружающей среды; внутренняя мотивация.

5) Деятельностный компонент – это реализация совокупности знаний, умений, навыков, творческого опыта и личностных качеств в деятельности; содержит набор операций и способов, с помощью которых осуществляется достижение осознанной цели деятельности, а именно: способность находить решение в нестандартных ситуациях; гибкость поведения и мышления; активность; толерантность к неопределенности; владение основными способами и средствами хранения и переработки информации; адаптивность; оригинальность, нетривиальность, необычность высказываемых идей.

6) Рефлексивный компонент подразумевает наличие таких качеств как объективная оценка себя и своей деятельности самоконтроль; критичность оценки достигнутого; самоуважение; развитая интуиция; развитое самосознание; внутренний локус контроля; прогнозирование результатов своей деятельности.

Выделение компонентов креативной компетентности позволит нам дальнейшем выделить критерии и показатели ее сформированности, что дает возможность определения уровня развития креативной компетентности личности.

Структура креативной компетентности позволит нам дальнейшем выделить критерии и показатели ее сформированности, что дает возможность определения уровня развития креативной компетентности личности.

РАЗВИТИЕ ДОВЕРИЯ У СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ВУЗА

О.У. Гогицаева (Владикавказ) Ч.В. Кочисов (Санкт-Петербург)

Доверие является сложным психологическим феноменом, проявляющимся в виде ценностной установки-отношения к себе и к другим людям. Развитие доверия у сту-

дентов юридического факультета в период обучения в вузе представляется актуальным, поскольку профессиональная юридическая деятельность связана с реализацией правовых, этических, моральных норм в процессе взаимодействия с различными людьми.

Большинство исследований в области отечественной психологии доверия посвящено проблеме понимания и сущности феномена доверия, в то же время, работы по вопросам его развития и гармонизации практически отсутствуют. Мы полагаем, что при организации работы по развитию доверия в условиях вуза необходимо учитывать ключевые идеи авторов практически ориентированных работ, для этого рассмотрим основные направления практической психологии.

Психоаналитически ориентированные психологи полагали, что поведением людей управляют лишь бессознательные инстинкты, поэтому изначально исключали доверие из сферы своего внимания. В последствии в круг их интересов стали входить такие вопросы, как представления пациентов о вере или неверии, которые психоаналитики связывали с чувством вины. В настоящее время доверию придается все большее значение. Так, Д.Бразерс считает, что самым существенным для человека является умение доверять другим и лишь это есть гарантия того, что другие будут доверять вам. Согласно психоаналитическому подходу, это умение является базисом взаимодействия с другими от рождения до смерти. Разочарования в самодоверии автор объясняет негативностью прошлого опыта.

В традиционном бихевиоризме поведение человека рассматривается как функция различных, внешних по отношению к человеку обстоятельств, тем самым исключается собственная инициатива человека (Б.Скиннер). Соответственно, в бихевиоральной психотерапии менее всего проявляется природа воздействия, направленного на усиление и совершенствование сознания человека. Цели поведенческого направления включают в себя задачу усилить или затормозить те или иные реакции человека, имеющие характер болезненных симптомов, на определенные стимулы. В основе действенности поведенческих процедур лежит сознание человеком «собственной эффективности».

В рамках другого направления психотерапии - гештальттерапии (Ф.Перлз) личность понимается как существо, обладающее свободой и ответственностью за формирование собственного внутреннего мира. Проблема доверия к себе и к другим, с точки зрения гештальттерапии, связана с понятием зрелости личности. Ф.Перлз полагает, что зрелый человек готов принять ответственность за самого себя, чтобы жить настоящим и опираться только на себя; он преодолевает свое стремление искать поддержку в окружающем мире и находит источники поддержки в самом себе. Незрелая личность начинает манипулировать людьми, используя в своем поведении различные ролевые позиции, и искать поддержку в прошлом или фантастическом будущем. Главной причиной манипуляции Э.Шостром считает недоверие человека к себе и к окружающим. По ее мнению, недоверие к себе ведет и к недоверию к окружающим; к неумению не только искренне выражать свои чувства, но и блокировке самого их переживания.

В экзистенциальной и гуманистической психологии (А.Маслоу, К.Роджерс) приоритетным является оказание помощи клиенту в поиске смысла жизни и самого себя, до постижения самоидентичности, обретении способности к выбору и ответственности. Основопологающим фактором свободно и созидательно функционирующего человека является доверие к собственной природе. К. Роджерс понимает доверие к себе как доверие к своему жизненному опыту. В своих размышлениях он приходит к

выводу, что существует интуиция, или внутреннее чувство, которому человек должен верить больше, чем логическому мышлению. Цельность человека проявляется в умении интегрировать опыт, куда органично входят как физиологические потребности человека, так и культурный опыт.

Разрабатываемые психотерапевтические и психокоррекционные практики направлены, с одной стороны, на коррекцию доверия к себе, с другой – коррекцию доверия к другим – в самых различных областях жизни. Было показано, что доверие к себе связано с доверием к другому. Оптимальное соотношение этих явлений способствует гармонизации как внутриличностных, так и межличностных отношений человека, формирует целостность личности и является показателем личностной зрелости.

Одной из эффективных форм воздействия на личность является групповой тренинг. В группе участники имеют возможность получения обратной связи и поддержки от людей со сходными проблемами, поскольку группа способна отразить общество в миниатюре. Групповой тренинг особенно эффективно способствует созданию доверительных контактов.

По мнению Р.Шо, построение доверия в группе должно базироваться на так называемых императивах доверия. Ключевыми императивами доверия к другим выступают результативность деятельности, порядочность взаимоотношений и проявление заботы о людях. Результативность подразумевает, что доверие требует получения результатов, обещанных другим людям. В самом общем смысле результативность – это выполнение того, чего ждут другие. Развитие доверия к себе и к другому достигается посредством осознания самооценности, повышения самоэффективности, уверенности в себе, развития интуитивных навыков, коммуникативных умений, формирования адекватной самооценки.

Анализ психологических работ, посвященных психотерапевтическим и психокоррекционным практикам по развитию доверия, показал, что наиболее приемлемым является лично-ориентированный подход. Максимально эффективным, с учетом психологических особенностей доверия студентов-юристов, является гуманистическое направление, поскольку главный акцент ставится на поиск человеком душевной гармонии, интеграции, целостности, осмысленности. Наиболее эффективной формой в работе со студентами в условиях вуза, является групповая работа, особым преимуществом которой является противодействие отчуждению, создание доверительного контакта.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛАБИЛЬНОСТИ И РЕФЛЕКСИВНОСТИ МЫШЛЕНИЯ У ЛИЦ ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ И ПРАКТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н.С. Голикова (Сыктывкар)

В связи с нарастающими процессами информатизации современного труда, постоянного совершенствования технологий, осуществление профессиональной деятельности требует от человека постоянной адаптации, обучения, перестройки схем деятельности и мышления. Несмотря на то, что задачи усложняются, а инструменты

и способы деятельности совершенствуются, набор мыслительных процессов, операций, осуществляемых человеком в процессе профессиональной деятельности, остается неизменен (анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, моделирование и т.п.). Помимо прочего резко возросло количество различных задач, с которыми необходимо работать человеку за единицу времени. Для того, чтобы в подобных условиях эффективно осуществлять профессиональную деятельность, человек должен быть способен адаптироваться и гибко подстраиваться под новые задачи, условия и средства труда. Такими механизмами, наряду с прочими, являются рефлексивность и лабильность.

Мышление может быть рефлексивным и нерефлексивным. Рефлексия появляется тогда, когда субъект пытается проанализировать ход своего мышления, оценить степень его адекватности, развернуть любую мысль в форме понятия, т.е. освоить ее категориально. Рефлексивное мышление способно выявлять ошибки и исправлять, корректировать их, вырабатывать новые, более эффективные схемы решения задач. Именно поэтому специфику регуляции мыслительных процессов нужно рассматривать посредством изучения рефлексии.

Под лабильностью мыслительных процессов понимается скорость перестройки этих процессов при последовательном переходе от решения одной задачи к другой, не допуская при этом ошибок.

Целью исследования являлось изучение взаимосвязи уровня рефлексии и уровня лабильности мышления в зависимости от характера профессиональной деятельности. Исследование строилось на основе теоретических гипотез. Мы предполагали, что лица, включенные в научно-исследовательскую деятельность будут обладать большей рефлексивностью и большей лабильностью мышления. При этом степень взаимосвязи лабильности и рефлексивности мышления у научных работников также будут выше, чем у лиц, занятых в различных сферах практической деятельности.

Исследование проходило в период с марта по май 2013 года на базе ФГОБУ СыктГУ. В экспериментальную группу вошли 20 испытуемых занимающихся научно-исследовательской деятельностью (преподаватели СыктГУ, имеющие степень кандидата исторических, экономических, биологических, филологических наук). Контрольную группу составили 20 человек, занимающихся практической деятельностью (социальные работники, воспитатели детского сада, секретари, учителя, медицинские сестры, пекари, продавцы, автомеханики). В каждой группе было по 16 женщин и 4 мужчины в возрасте от 30 до 45 лет. В этом возрасте у людей снижаются показатели обучаемости, гибкости мышления, склонность к самоанализу (что является типичным для более ранних возрастов). Это дает нам основания предполагать, что если будут выявлены различия по интересующим нас параметрам, то их причиной будут являться как раз особенности и требования профессиональной деятельности.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью методики А.В.Карпова – «Диагностика уровня развития рефлексивности» и методики для выявления лабильности-ригидности мышления «Словесный лабиринт». Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью компьютерной программы IBM SPSS Statistics 20. Для оценки различий показателей двух выборок был использован статистический критерий Манна-Уитни. Для того чтобы выявить связь между показателями был подсчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Полученные нами результаты показывают, что между уровнем рефлексивности и лабильностью мышления нет прямой зависимости. Судя по отрицательным значениям коэффициента корреляции (в контрольной группе $r_s = -0.202$, при $p > 0,05$; в

экспериментальной группе $r_s = -0.323$, при $p \Rightarrow 0,05$) скорее мы наблюдаем тенденцию к обратной корреляционной связи: чем выше уровень рефлексивности, тем ниже уровень лабильности мышления в обеих группах. Вероятно, высокорефлексивный индивид будет затрачивать больше времени на задачу, вызвавшую сложность, что значительно замедляет способность переключаться на новые задачи.

В результате обработки методики диагностики А. В. Карпова были получены средние значения уровня развития рефлексии в обеих выборках. В контрольной группе среднее значение равняется четырем стенам, а в экспериментальной группе – пяти, что свидетельствует о среднем уровне рефлексивности. Для оценки различий показателей уровня рефлексивности двух выборок был использован статистический критерий Манна-Уитни. Значение U-критерия Манна-Уитни, полученное при обработке показателей уровня рефлексивности в обеих выборках, равняется 118,5. Полученное значение попадает в зону значимости при $p=0,05$. Это говорит о том, что уровень рефлексии у испытуемых в экспериментальной и контрольной выборках имеет существенные различия.

Полученные данные по методике «Словесные лабиринты» обрабатывались по статистическому критерию Манна-Уитни. Критическое значение U-критерия равняется 127. Если эмпирическое значение критерия больше данного, то различия будут незначимы. Значимыми являются показатели лишь при решении седьмого, девятого и десятого лабиринтов. В целом же было выявлено, что различия выборок незначимы. Уровень лабильности у лиц, занятых научно-исследовательской деятельностью, существенно не отличается от прочих.

Тем не менее, полученные нами предварительные результаты позволяют сделать вывод что лица, включенные в научно-исследовательскую деятельность действительно обладают большей рефлексивностью, но не отличаются по уровню лабильности. При этом взаимосвязь рефлексивности и лабильности мышления у научных и практических работников имеет обратный характер. Необходимо продолжить дальнейшее изучение этого вопроса в отношении других характеристик, свойств и процессов мышления.

СОЦИАЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

И.А. Голубев (Ярославль)

Павлов И.П. утверждал, что все поведение животных складывается из реакций. Человек высокоорганизованный биологический вид и одними лишь биологическими реакциями описать все многообразие его поведения невозможно. Кроме биологических реакций поведение человека имеет в своей основе психологические и социальные факторы.

Так Леонтьев А.Н. считал, что предпосылка всякой деятельности есть субъект, обладающий потребностями. Наличие у человека потребностей – такое же фундаментальное условие его существования, как и наличие реакций. Если в данных размышлениях принять во внимание, что человек существует в социуме и является социально зависимым, то логично предположить наличие у человека обязанностей, которые являются фундаментальным условием его существования в социуме. Данные обязанности носят характер социальных требований.

Если учесть, что действие биологической реакции направлено на адаптацию к раздражителю, а психическая деятельность – на реализацию потребностей, то суть социального поступка заключается в социализации через выполнение социальных требований.

Социальные требования являются продуктом социальных конструктов. Социальный конструкт есть явление конкретной культуры или общества, существующее в силу того, что люди согласны действовать определенным образом согласно условным правилам. Следует учитывать, что социальное требование не является четко сформулированным устным или письменным правилом, но существует в виде определенной модели социального поведения.

Социальные требования, созданные обществом и транслируемые через СМИ и общественное взаимодействие, воспринимаются через личностные конструкты человека и корректируют их. Понятие личностного конструкта, введенное Дж. Келли, обозначает оценочную систему, которая используется индивидуумом для классификации различных объектов жизненного пространства. Социальное требование, принятое человеком через призму личностных конструктов, является конструкцией. Корректировка личностных конструктов влечет за собой изменение социальных поступков с целью улучшения социального положения. Таким образом, происходит социальная реконструкция индивидуума.

Реконструкция есть ответный поступок человека, вызванный каким-либо социальным требованием (конструкцией) и подчиняющийся определенным законам. Социального поступка без конструкции быть не может, равно как не может быть реакции без первоначального раздражителя. Таким образом, реконструкцию следует понимать как известное взаимоотношение между индивидуумом и окружающим его социумом. Реконструкция всегда есть ответ индивидуума на изменение социума, и представляет собой чрезвычайно ценный и лично социально полезный механизм социализации.

Реконструкция представляет собой первоначальную и основную форму всякого социального поведения человека. Наиболее простой ее формой является покупка человеком популярной вещи, поднимающей его статус в социуме. Из этих простейших форм реконструкций в процессе социального научения развивается огромное множество самых разнообразных форм социального поведения человека. Социум через социальные требования выполняет как бы роль наставника в формировании безопасного для общества индивидуального поведения.

Всякая реконструкция, подобно рефлексу, изученному Павловым, непременно будет заключать в себе три основных процесса. Первый процесс – это восприятие человеком социального требования, т.е. преобразование его в индивидуальную понятную конструкцию. Следует четко обозначить, что конструкция – есть понятие индивидуумом социальное требование на основании личностных конструктов. Если требование человеком не понято, то реконструкция не будет иметь места. Затем следует второй процесс – обработка этой конструкции и поиск оптимальных решений. Оптимальными будут решения, реализация которых приведет к желаемой оценке социума с наименьшими временными, материальными и энергетическими затратами индивидуума. Наконец, третьим процессом будет непосредственно социальный поступок человека.

Собственно говоря, конструкция есть условие качественной социализации, суть которой заключается в положительной социальной оценке поступков индивидуума. Из сказанного вытекает главная характеристика конструкций – значимость.

В ходе развития цивилизации происходит расширение круга социальных требований и их специализация. Так за последние сто лет дифференцировались такие социальные требования как собственное жилье с мебелью и ремонтом, транспортное средство передвижения, путешествие, образование, карьера, телекоммуникационные средства общения, электротехнические средства облегчения выполнения бытовых работ. Социальные требования регулярно обновляются и дополняются благодаря технологическому и экономическому прогрессу.

Принятие социальных требований является принудительно-добровольным делом, т.к. конструкции могут идти в разрез с возможностями и способностями человека, но реализация конструкций ведет к качественной социализации. Конструкция сама по себе, как условие социализации индивидуума, вызывает негативное состояние долженствования. Свою положительную окраску конструкция приобретает в результате успешной реконструкции.

Необходимо отметить, что каждому возрастному периоду социализации человека присущи определенные социальные требования. Человек в социуме находится под постоянным давлением нескольких конструкций одновременно. Следует предположить, что реконструкция происходит по принципу доминанты, выведенному Ухтомским А.А. Следовательно, во все моменты социальной жизни человека существуют такая конструкция, реконструкция которой является более важной, чем реконструкции других конструкций.

Исходя из взаимосвязи человека и социума, можно заключить, что человек, находясь под давлением конструкций, сам является носителем определенных социальных требований. Также реконструкция одного человека, может стать конструкцией для другого. Таким образом, социальное требование является важным механизмом в формировании личности, характеризующимся непрерывностью и двухсторонней связью.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В СИТУАЦИИ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Е.В. Голубева (Таганрог)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-36-01006а1.

Экономическое воспитание представляет собой целенаправленный нравственно ориентированный процесс формирования экономического сознания. Ведущее значение в развитии у ребенка ценностных ориентаций, иерархии духовных и материальных ценностей занимает семья. Поэтому различные варианты семейного неблагополучия могут обуславливать дефекты в экономическом воспитании подрастающего человека.

Один из вариантов семейного неблагополучия – неоптимальные стили воспитания ребенка в семье (диктат, опека, невмешательство) – искажают тактику семейного экономического воспитания. Направленность личности родителей (гуманистическая, прагматическая и др.) определяет «ценностный вектор» воспитательного воздействия и, наряду с тактикой, обуславливает семейное благополучие.

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что особенности семейного экономического воспитания определяются направленностью личности родителей и используемой ими тактикой воспитания.

В качестве участников в исследовании выступили родители детей 8-9 лет, учащихся 3-х классов средних школ г. Таганрога. Количество испытуемых составило 195 человек.

Участникам исследования предлагались следующие методики: Морфологический тест жизненных ценностей В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной (МТЖЦ); Тест-опросник родительского отношения к детям (ОРО) А.Я. Варга, В.В. Столина. Для того чтобы дать целостную характеристику детско-родительских отношений, результаты, полученные по ОРО, соотносятся с тактиками воспитания по известной классификации А.В. Петровского: «диктат», «опека», «невмешательство» и «сотрудничество». Для выявления особенностей экономического воспитания ребенка нами были разработаны вопросы анкеты, направленные на выяснение мнения родителей по поводу важности экономического аспекта воспитания и выявление того, какие методы экономического воспитания используются в семье: беседы на экономические темы, привлечение к домашнему труду, побуждение к самостоятельным заработкам и т.д.

Для проверки статистических гипотез использовался критерий z , позволяющий проверить гипотезу о том, отличается ли выборочная пропорция от пропорции в генеральной совокупности.

Типы семейного воспитания определялись по соотношению 4 вариантов направленности личности родителей (гуманистической и прагматической, неопределенной и противоречивой) и 4 тактик воспитания (диктат, опека, невмешательство, сотрудничество).

Гипотеза нашего исследования подтвердилась. Так, например, в группе родителей, использующих тип воспитания «Гуманистический – опекающий», статистически значимо реже, чем во всей выборке родителей в целом, признается справедливым утверждение, что в детях важно развивать такие качества, как бережливость, экономность, расчетливость ($z = -3,94$). Родители этой группы статистически значимо реже, чем вся выборка родителей в целом, разговаривают с ребенком на экономические темы ($z = -1,76$), объясняют ребенку причину отказа в покупке желаемой вещи ($z = -4,80$), рассказывают ребенку о своей работе ($z = -2,05$), обсуждают с ребенком бюджет семьи ($z = -2,22$), привлекают ребенка к домашнему труду ($z = 1,82$) и согласуют с ребенком сумму денег, выдаваемых на карманные расходы ($z = -2,07$). Родители, использующие тип воспитания «Гуманистический – опекающий», статистически значимо чаще, чем вся выборка родителей в целом, поощряют деньгами хорошую учебу ребенка ($z = 7,22$). Таким образом, тип воспитания «Гуманистический – опекающий», в соответствии с гуманистической направленностью личности родителей, не предполагает беседы родителей с детьми на экономические темы, а, в соответствии с опекающей тактикой воспитания, обуславливает низкую степень участия детей в домашнем труде и материальное поощрение хорошей учебы ребенка в школе.

Родители, применяющие тип воспитания «Прагматический – диктат», в соответствии с прагматической направленностью личности, статистически значимо чаще, чем вся выборка родителей в целом, соглашались с утверждением о важности экономического аспекта воспитания в развитии ребенка ($z = 2,83$). Родители этой группы статистически значимо чаще, чем вся выборка родителей в целом, привлекают детей к домашнему труду ($z = 2,34$) и наказывают ребенка, если он испортит вещь, принадлежащую ему лично ($z = 3,26$). Кроме того, родители этой группы статистически значимо реже, чем вся выборка родителей в целом, помогают ребенку в планировании его расходов ($z = -3,04$). Таким образом, осознание родителями, использующими тип

воспитания «Прагматический – диктат», важности экономического аспекта воспитания ребенка не подкрепляется адекватным использованием методов такого воспитания.

В целом, в семьях, в которых направленность личности родителей является гуманистической, наблюдается эпизодическое использование отдельных методов экономического воспитания ребенка, причем предпочтение отдается беседе и домашнему труду. В семьях, в которых направленность личности родителей является прагматической, активно применяется комплекс методов экономического воспитания, что связано с установкой родителей на важность экономического воспитания. В семьях, в которых направленность личности родителей является противоречивой или неопределенной, наблюдается установка на второстепенность экономического воспитания, вступающая в противоречие с активным применением методов такого воспитания, а их использование является непоследовательным. Неоптимальные стили семейного воспитания (диктат, опека, невмешательство) искажают и тактику экономического воспитания, т.е. применение методов экономического воспитания родителями несет на себе отпечаток «недостатков» этих тактик. Так, диктат характеризуется частыми наказаниями ребенка, опека – распространением материального поощрения ребенка при низкой требовательности к нему, невмешательство – недостатком общения с ребенком, в том числе и на экономические темы.

КРЕАТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ

Д.С. Гранопольский (Санкт-Петербург)

Актуальность проблемы адаптации больных шизофренией отмечают на многих уровнях: медицине и медицинской психологии, социологии, а также внутри семей, имеющих в своем составе больных шизофренией. Психиатры отмечают необходимость научить больных и членов их семей, как «жить с шизофренией». Как показывает практика, это заболевание на всю жизнь, но какой будет эта жизнь, во многом зависит от личности больного от его способностей.

Своеобразие мышления больных шизофренией, позволяющее рассматривать предметы и явления с самых разных сторон, сопоставлять несопоставимое, способность отойти от шаблонов породили интригующую и привлекающую всеобщее внимание проблему «гениальности и помешательства». Эта проблема возникла не на пустом месте: имеется много фактов, подтверждающих наличие особых способностей и склонностей лиц шизоидного круга и даже больных шизофренией, позволяющих достигать значительных успехов в отдельных областях творчества.

Гипотеза исследования: не существует значимых различий уровня развития креативных способностей людей с шизофренией и психически здоровых людей.

Характеристика обследуемого контингента.

Экспериментальная выборка- 18 пациентов психиатрической больницы. Среди них 12 мужчин и 6 женщин. Возраст испытуемых от 25 до 64 лет. Уровень образования: 37% имеют высшее образование, 42% имеют средне-специальное образование, 11% имеют среднее образование. У всех пациентов был диагноз- «Шизофрения, параноидная форма. Апато-абулический синдром». Все находились в стадии ремиссии. Лечение проходили добровольно, находились в санаторном отделении.

На обследование испытуемые были настроены положительно, без негативных эмоций. Все дали свое письменное согласие. Однако, само обследование проходило в

несколько этапов (дней), так испытуемые чувствовали постоянную слабость, сонливость, быстро утомлялись.

Контрольная выборка- 18 человек, не имеющих в статусе психиатрического диагноза. Возраст испытуемых от 25 до 56 лет. Уровень образования: 40% имеют высшее образование, 45% имеют средне-специальное образование, 15% имеют образование среднее и начальное.

На обследование испытуемые были настроены положительно, без негативных эмоций. Все дали свое письменное согласие. Обследование было проведено в течении одного дня в присутствии экспериментатора.

В ходе обследования были использованы методики: методика «Диагностика личностной креативности Е.Е.Туник», тест вербальной креативности (RAT) С. МЕДНИКА.

Для анализа результатов исследования были применены следующие методы математико-статистической обработки данных: сравнительный анализ, с использованием t - критерия Стьюдента, корреляционный анализ.

Результаты исследования.

Средние показатели экспериментальной выборки по тесту С. Медника: уникальность-6.78, оригинальность- 0.53.

Средние показатели контрольной выборки по тесту С. Медника: уникальность-8.44, оригинальность- 0.73.

Средние показатели экспериментальной выборки по тесту Е.Е. Туник: риск- 12.78, любознательность- 12.61, сложность- 9.83, воображение-7.72.

Средние показатели контрольной выборки по тесту Е.Е. Туник: риск- 16.67, любознательность- 15.72, сложность- 14.61, воображение-8.28.

Результаты показывают, что присутствуют значимые различия по шкале индекса оригинальности.

Однако, значимых различий по шкале индекс уникальности не выявлено. Для оценки креативности большее значение имеет индекс уникальности, показывающий, насколько действительно новое может создать человек, но дифференцирующая сила предлагаемого индекса недостаточно велика, и поэтому часто используется индекс оригинальности. Количество ответов показывает прежде всего степень продуктивности и работоспособности. По данным автора методики, этот индекс в значительной мере коррелирует с мотивацией достижения, то есть чем выше количество ответов, тем выше мотивация достижения.

При $p=0,01$ выявлены значимые различия средних показателей по шкале «сложность» методики «диагностика личностной креативности Е.Е.Туник».

При $p=0,05$ выявлены значимые различия средних показателей по шкале «Склонность к риску» методики «диагностика личностной креативности Е.Е.Туник».

Такие различия, по нашему мнению, могут быть обусловлены пребыванием членов экспериментальной выборки в длительном шизофреническом дефекте, а также применения медикаментозного лечения в рамках данного психиатрического диагноза.

По шкалам «воображение» и «любознательность» методики «диагностика личностной креативности Е.Е.Туник» не выявлено значимых различий средних показателей.

Воображение. Субъект с развитым воображением: придумывает рассказы о местах, которые он никогда не видел; представляет, как другие будут решать проблему, которую он решает сам; мечтает о различных местах и вещах; любит думать о явлениях, с которыми не сталкивался; видит то, что изображено на картинах и рисунках,

необычно, не так, как другие; часто испытывает удивление по поводу различных идей и событий.

Любознательность. Субъект с выраженной любознательностью чаще всего спрашивает всех и обо всем, ему нравится изучать устройство механических вещей, он постоянно ищет новые пути (способы) мышления, любит изучать новые вещи и идеи, ищет разные возможности решения задач, изучает книги, игры, карты, картины и т. д., чтобы познать как можно больше.

Результаты частично подтверждают гипотезу исследования о том, что не существует значимых различий уровня развития креативных способностей людей с шизофренией и психически здоровых людей.

Данные исследования позволяют выдвинуть предположение об относительной сохранности креативных способностей личности, имеющей психиатрический диагноз, а также задают вектор изучения проблематики креативных способностей лиц с диагнозом «шизофрения, параноидная форма».

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ СТРЕССА У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ

Т.О. Гребенникова (Москва)

В работе рассматриваются особенности развития и переживания негативных последствий стресса, возникающие у студентов медицинских специальностей на разных этапах обучения.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что специфика развития и переживания негативных последствий стресса, возникающих у студентов медицинских специальностей, зависит от этапа профессионального обучения.

Частная гипотеза исследования заключается в том, что развитие и особенности переживания негативных последствий стресса у студентов медицинских специальностей обусловлены уровнем сформированности субъективного образа трудовой деятельности на разных этапах обучения.

Обработка и обсуждение полученных результатов были реализованы при помощи комплекса методик, позволяющих в общем виде оценить и сопоставить различия в характере переживания негативных последствий стресса у студентов медицинских специальностей на разных этапах обучения. В этот психодиагностический комплекс вошли:

1. Анкета-интервью, содержащая 3 блока вопросов, касающихся: демографического статуса обследуемого, серьезных событий/стрессовых ситуаций в жизни обследуемого, особенностей образа жизни и привычек.
2. Методика «Шкала дифференциальных эмоций» [Леонова и Капица, 2003];
3. Методика «Анкета для оценки субъективно важных характеристик деятельности» [Леонова А.Б., 2001];
4. Методика «Опросник для оценки уровня переживаний острого и хронического стресса» [Леонова А. Б., 2004].

Всего в исследовании приняло участие 27 студентов-медиков, обучающихся по специальности «Стоматология общей практики». Испытуемые были разделены на

две группы – по этапу профессионального обучения. В первую группу вошли студенты 4 курса стоматологического факультета (11 чел.), во вторую – интерны, проходящие обучение на факультете последипломного образования (16 чел.).

При обобщении сведений об особенностях переживания стрессовых ситуаций был установлен, что в обеих группах отмечается ухудшение общего самочувствия и повышенная эмоциональная напряжённость. Выраженность двух этих факторов является предпосылкой к дальнейшей «хронитизации» симптоматики стресса. Однако у интернов значения показателей по общим индексам острого и хронического стресса и отдельным субшкалам значительно ниже, чем у студентов. И хотя статистически значимых различий выявлено не было, можно говорить о том, что группа интернов психологически более благополучна, чем группа студентов.

Для обследованных групп студентов характерны также различия в эмоциональной окраске деятельности. В целом по выборке эмоции интереса и радости проявлены наиболее сильно. Однако показатели эмоций негативного и тревожно-депрессивного комплекса также выражены, хотя и находятся в пределах нормы. В группе студентов-четверокурсников позитивные эмоции проявляются несколько менее интенсивно, чем в группе интернов, а острые негативные и тревожно-депрессивные эмоции проявляются более ярко, хотя показатели по отдельным комплексам эмоций не превышают нормативных значений. Общий эмоциональный фон у обследованного контингента в целом благоприятен, однако интенсивность положительных эмоций у студентов-четверокурсников ниже, чем у интернов. Менее благоприятный эмоциональный фон у студентов-четверокурсников, возможно, обуславливает более выраженную стрессовую симптоматику у данной группы.

Эмоциональные переживания студентов тесно взаимосвязаны с мотивационным компонентом деятельности и уровнем продуктивности выполняемых профессиональных задач. Для студентов 4 курса разнообразие профессиональных задач, значимость выполняемой деятельности не только для себя, но и для окружающих являются ключевыми факторами образа будущей трудовой деятельности. Для интернов наиболее значимыми факторами выступают свобода в принятии собственных решений и возможность оценить продуктивность собственной деятельности. Возможно, именно сформированность субъективного образа трудовой деятельности позволяет им более эффективно преодолевать негативные последствия стресса, чем студентам 4 курса, которые только начинают конструировать этот образ.

Для выявления структуры и качественной специфики переживания стрессовых состояний у студентов-медиков на разных этапах профессионального обучения нами был проведен факторный анализ массивов данных для всей выборки в целом. В целом в факторной структуре отмечаются тесные взаимосвязи между эмоциональным компонентом и субъективно важными характеристиками деятельности. Неблагоприятный эмоциональный фон способствует нарушению мотивационного компонента деятельности и снижает заинтересованность, включенность в деятельность. Благоприятный фон эмоциональных переживаний напротив, выступает в качестве «компенсаторного механизма» в преодолении стрессовых ситуаций. Осознание значимости собственной деятельности на личном и социальном уровне благотворно влияет на продуктивность выполнения профессиональных задач и заинтересованность в осуществляемой деятельности.

Что касается групповой специфики, в ходе факторного анализа были выявлены статистически значимые различия между группами испытуемых по фактору «Стрессовая направленность и субъективная привлекательность деятельности» и фактору «Значимость деятельности». Полученные данные свидетельствуют в пользу нашего

предположения о том, что развитие и особенности переживания негативных последствий стресса у студентов медицинских специальностей обусловлены целостностью субъективного образа трудовой деятельности на разных этапах профессионального обучения.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ЛЕЧЕНИИ В КЛИНИКЕ С ДИАГНОЗОМ «РАССТРОЙСТВА АДАПТАЦИИ»

Д.С. Гречина (Санкт-Петербург)

В настоящее время, в связи с Реформированием Вооружённых Сил РФ и переходом на новые сроки службы, проблема успешности военно-профессиональной адаптации военнослужащих, проходящих службу по призыву, становится весьма актуальной. Под Военно-профессиональной адаптацией (ВПА) понимается приспособление человека к новой социальной среде, военной технике и специфическим условиям военного труда и быта. [«ВМед журнал» 9,2000] Известно, что не все молодые военнослужащие способны успешно приспособиться к новым и необычным для них условиям жизнедеятельности, поэтому у многих из них уже на начальных этапах могут формироваться дезадаптационные нарушения, которые в ряде случаев трансформируются в нозологическую единицу «Расстройства адаптации» (F.43)

Анализ литературных источников, посвящённых проблемам адаптации, свидетельствует, что понятие адаптация рассматривается авторами, как с позиции свойств личности, так и с позиции динамического процесса. Так, А.Г. Маклаков ввёл понятие, характеризующее адаптационные способности человека, назвав его «Личностным адаптационным потенциалом» (ЛАП). Он считал, что этот взаимосвязанный между собой комплекс психологических особенностей личности, определяет успешность адаптации и вероятность сохранения профессионального здоровья [Психологический журнал №1, 2001]. Однако, по мнению Ю.А. Александровского адаптационные возможности организма, называемые «адаптационным барьером», при длительном воздействии стрессоров могут перенапрягаться, что приводит к слому этого барьера. Это проявляется в возникновении невротических и поведенческих нарушений. [Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства, 2000]

Изначально на личность и её дальнейшую адаптивность влияет множество разных факторов: состав семьи, стиль воспитания, генетическая предрасположенность к тому или иному заболеванию. Поэтому Ш. и Э. Глюк считали, что в подростковом и раннем юношеском возрасте можно формировать его личностные качества [Иншаков С.М. Криминология, 2000]. По мнению психолога Е.В. Змановской [Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2012. № 4.] следует, что адаптационные способности индивида – сложный процесс, на формирование которого оказывают воздействие многие факторы жизнедеятельности человека: условия жизни, воспитания, детско-родительские отношения. Следовательно, не у всех молодых людей в период, предшествующий призыву на военную службу, достаточно сформировались необходимые адаптационные способности личности, что затем приводило к «слому» механизма адаптации [«Военно-медицинский журнал» №9,2000].

Целью исследования стало изучение психологических особенностей военнослужащих с диагнозом «Расстройства адаптации», находящихся на лечении в психиатрической клинике. Гипотеза: военнослужащие с диагнозом «Расстройства адаптации» обладают личностными характеристиками, которые могут способствовать слому адаптационного барьера. Объект исследования: 20 военнослужащих, проходящих службу по призыву в возрасте 18-26 лет и находящихся на стационарном лечении в психиатрическом отделении военно-лечебного учреждения с диагнозом «Расстройства адаптации»(F.43). Причиной направления военнослужащих на лечение являлось освидетельствование ВВК о дальнейшем прохождении воинской службы: затяжной процесс ВПА. У всех военнослужащих наблюдались трудности и конфликты в общении с сослуживцами, подавленное настроение, тревога, беспокойство, также наблюдалось суицидальное поведение. В качестве контрольной выборки выступили 25 военнослужащих, проходящих службу по призыву и успешно адаптирующихся к условиям военной службы.

В ходе обследования были применены такие психодиагностические методы, как тестирование, наблюдение, а также метод беседы. Для получения дополнительной информации о пациентах был проведён анализ медицинской документации. Все методики для данного исследования подбирались с учётом адекватности и научной обоснованности, комплексности, практичности, надёжности и валидности. Использовались следующие методики: Многофакторный личностный опросник (МЛО) «Адаптивность», Индекс жизненного стиля» (ИЖС), «Пятифакторный опросник личности», а также был использован «Блок методик диагностики наличия социально-стрессовых расстройств и эмоционального дискомфорта обследуемого» [Психодиагностические методы выявления дезадаптационных нарушений в практике клинических психологов, СПб, 2009].

Для обработки и анализа данных, полученных в ходе исследования, были применены следующие методы математико-статистической обработки: сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента, частотный анализ и корреляционный анализ с применением критерия Пирсона.

На основе проведённого исследования были сделаны следующие выводы:

1. Установлено, что в 100% случаев у лиц, находящихся на лечении, в анамнезе присутствовала склонность к девиантным формам поведения, которые предшествовали службе в армии: употребление психотропных веществ, воспитание в социально неблагополучных семьях, учёт в детской комнате милиции и др., что негативно сказалось на формировании адаптационных способностей.

2. Выявлено, что для них в большинстве случаев был свойственен низкий уровень показателей в коммуникативной и эмоционально-волевой сферах. Это явилось причиной слома адаптационного барьера, что проявилось в затяжной Военно-профессиональной адаптации.

3. До момента обследования в условиях стационара больные демонстрировали невротическую и психотическую симптоматику, что являлось симптоматикой диагноза «Расстройства адаптации смешанного типа» по МКБ-10.

4. Оценка дифференциально-диагностических возможностей используемых в стационаре психодиагностических методик показала, что наиболее прогностичной оказалась методика МЛО «Адаптивность», методика «ИЖС» и «Пятифакторный личностный опросник» также прогностичны, но в них отсутствуют некоторые шкалы для полного патопсихологического заключения. Методики из Блока диагностики ССР И ЭДЛ оказались неинформативными для данного контингента больных.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ КРЕАТИВНОЙ РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Е.С. Гринина (Саратов)

Происходящие в современном мире социальные и экономические преобразования в ряде случаев имеют в качестве оборотной стороны негативные проявления в виде снижения уровня духовности и нравственности населения, в особенности его молодой части. Формирование ценностей молодежи находится под давлением материальной культуры: на первый план выступают идеи материального благополучия наряду с потерей значимости морально-этических и духовных ориентиров. В то же время неоспоримым фактом является невозможность полноценного функционирования «бездуховного» общества. В связи с этим особые надежды на формирование нравственного эталона возлагаются на одаренных учащихся как основных носителей духовности. Поскольку формирование ценностей ребенка происходит под влиянием социальной ситуации, то для школьников особую важность приобретает специфика организации школьной жизни.

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей формирования ценностных ориентаций одаренных школьников в специально организованных условиях обучения – креативной развивающей среде. Предполагается, что для данной категории учащихся характерно специфическое формирование ценностных ориентаций, с одной стороны отражающее возрастные закономерности психического развития, а с другой – являющиеся результатом обучения ребенка в специально организованных условиях. В ходе исследования применялись методы опроса, наблюдения, количественно-качественного анализа данных и т.д.

В исследовании принимали участие учащиеся 8-х и 10-х классов Музыкально-эстетического лицея им. А. Шнитке г. Энгельса. Такой выбор испытуемых обусловлен тем, что в подростковом и старшем школьном возрасте происходит активное становление жизненных ориентиров, в том числе под влиянием сложившихся в образовательном учреждении традиций обучения и воспитания. В представленной выборке выделены следующие группы испытуемых:

- 1) учащиеся, длительное время обучающиеся в МЭЛ (учащиеся 8 «А» класса, учащиеся 10-х классов) – 22 человека;
- 2) учащиеся, недавно поступившие в МЭЛ (учащиеся 8 «Б», учащиеся 10-х классов) – 17 человек.

Исследование ценностных ориентаций одаренных учащихся осуществлялось с применением методики М. Рокича. Автор методики различает два класса ценностей: терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства).

Анализ терминальных ценностей позволил выявить их определенную общность у учащихся 8 «А» и 8 «Б» классов. Так, наиболее значимыми для подростков являются наличие хороших и верных друзей и возможность активной деятельности. Этот факт является отражением общих для подростков тенденций развития, связанных с актуализацией потребности в межличностном общении со сверстниками и принятием активной жизненной позиции. Учащиеся 8 «А» в качестве наиболее значимых ценностей назвали также любовь, здоровье и жизненную мудрость. Эти данные свидетельствуют о более зрелой жизненной позиции подростков, длительное время обучаю-

щихся в лицее. В отличие от них, для учащихся 8 «Б» особо ценной становится уверенность в себе, что также закономерно для подросткового возраста. Отсутствие же данной ценности в списке особо значимых для подростков, длительное время обучающихся в лицее, может быть связано с тем, что они имеют постоянную возможность самоутверждения в процессе их творческой деятельности, в ходе различного рода выступлений.

Исследование десятиклассников, длительно обучающихся в МЭЛ, показало, что для них, как и для рассмотренных выше групп испытуемых, особую ценность представляет активная деятельность. Сближает их с учащимися 8 «А» класса признание особой ценности жизненной мудрости. Кроме того, о более зрелой социальной позиции испытуемых этой группы свидетельствует признание ими значимости счастья других, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом. Для учащихся, недавно поступивших в МЭЛ, особую ценность представляет интересная работа, общественное признание и творчество. Отсутствие последних двух ценностей в списке наиболее предпочтительных у десятиклассников, длительно обучающихся в МЭЛ, может быть связано с постоянным присутствием их в обыденной жизни (концерты, репетиции, выступления, конкурсы) и потерей в связи с этим какой-либо особой привлекательности и значимости.

В качестве наиболее значимых инструментальных ценностей испытуемые, длительно обучающиеся в МЭЛ, назвали воспитанность и жизнерадостность. Это касается учащихся как 8-го, так и 10-го класса. Такую закономерность можно объяснить особой социальной ситуацией развития, характерной для МЭЛ, где внимание уделяют не только формированию определенного набора знаний, умений, навыков, но и воспитанию школьников, их гармоничному развитию. Признание ценности жизнерадостности характерно и для учащихся 8 «Б» класса, кроме того, констатируется ценность аккуратности и независимости. Наименее значима для восьмиклассников терпимость, что объясняется закономерным преобладанием в подростковом возрасте эгоистических тенденций.

В числе наиболее значимых ценностей десятиклассников была отмечена воспитанность (обе группы испытуемых). Для школьников, длительно обучающихся в МЭЛ, также ценна исполнительность, дисциплинированность, которой они овладевают во многом благодаря обучению в лицее, подготовке и участию в выступлениях. Для учащихся, недавно поступивших в лицей, также важна твердая воля и высокие запросы.

Таким образом, исследование ценностных ориентаций учащихся Музыкально-эстетического лицея им. А. Шнитке свидетельствует, с одной стороны об общих тенденциях в формировании как терминальных, так и инструментальных ценностей, что связано, в основном с возрастными закономерностями развития, так и о специфике формирования ценностей в условиях креативной развивающей среды. Так, для испытуемых, длительно обучающихся в лицее, характерна более активная жизненная позиция (признание ценности активной деятельности), а также более зрелые, широкие взгляды на значимые моменты бытия, затрагивающие не только узкоэгоистические потребности, но и интересы народа, человечества в целом.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ДЕТСТВА

Л.Н. Гришина (Ростов-на-Дону)

Проблемы детства в современном мире не утрачивают своей актуальности и становятся предметом пристального внимания не только науки, но и государства. Права и свободы ребенка, который от рождения является особым субъектом права, требующим защиты и введения дополнительных институтов и механизмов для обеспечения этого права, признаются на международном уровне.

На обеспечение социальной защиты, поддержки детей и молодежи направлены усилия Организации объединенных наций (ООН), Европейского союза (ЕС), Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ).

Для осуществления правовой защиты детства ООН разработаны нормативно-правовые документы: Декларация прав ребенка (1959); Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (1974); Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей (1986); Конвенция о правах ребенка (1989); Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990) и т.д. Контроль по соблюдению ряда документов во всех странах и государствах осуществляет Комитет ООН – специальный орган независимых экспертов по правам ребенка.

Программы ООН в интересах детства, реализуемые во всем мире, направлены на обеспечение безопасного проживания детей в городах мира («Безопасные и Дружественные города для всех»); просвещение населения о «зонах» вооруженных конфликтов, в которых в отношении детей совершаются серьезные нарушения («Дети и вооруженные конфликты: Интерактивная карта мира»); осуществление глобального обучения и преподавания в области прав ребенка («Школьный киберавтобус»); обеспечение населения методическими материалами (руководство для детей «Защите детей»; электронная книга «Наше право на защиту от насилия»).

Вопрос о правах человека, ребенка является одним из основных приоритетов деятельности ЕС. В этом направлении ЕС разработана обширная нормативная база: Европейская конвенция о правах человека (1950), Руководство ЕС по поддержке и защите прав ребенка (2007), Конвенции Совета Европы по борьбе с сексуальной эксплуатацией и насилием над детьми (2007) и др.

Вопросы, касающиеся детства входят в Европейскую зону юстиции. Реализация ряда программ ЕС («Молодежь в действии»; «Аудиовизуальные средства массовой информации»; «Безопасный Интернет»; «Европейский Альянс по безопасности детей»; «Общественные группы по вопросу о детях»; «Строим Европу для детей и вместе с детьми»; «От правового просвещения – к обеспечению прав ребенка») имеет своей целью решение задач, касающихся определения специальных правил для защиты несовершеннолетних; поощрения активной гражданской позиции молодых людей; обеспечения содействия их социальной интеграции в общество; безопасного использования Интернета и новых информационных технологий детьми и подростками; предупреждения травматизма и укрепления безопасности детей; создания общественных групп в различных странах мира по решению экстренных вопросов детей.

Исполнительные органы ЕС реализуют проекты и программы во внутренней и внешней политике стран ЕС. В деятельности по защите детства на территории РФ ЕС

реализует проекты: «Содействие интеграции детей-инвалидов в школы»; «Содействие нахождению детей с их семьями»; «Содействие принятия решений ребенком»; «Поддержка социальной интеграции детей-инвалидов»; «Оказание помощи матерям и их детям».

ЮНИСЕФ в своей деятельности опирается на нормативную базу в области прав детства ЕС и ООН. Вместе с тем, одной из задач ЮНИСЕФ является разработка адаптированных для детей нормативных документов: «Детский паспорт», «Разные возможности – равные права. Что такое Конвенция о правах инвалидов».

Программы, иницилируемые ЮНИСЕФ («Города, доброжелательные к детям»; «Борьба с дискриминацией»; «Все дети равны»; «Мир и толерантность детям Северного Кавказа») направлены на осуществление мероприятий в интересах детей города; содействие реализации социальной политики, доброжелательной к детям; искоренение дискриминации детей по состоянию здоровья, способностям или национальности; поддержание здоровья, безопасности, образования детей и толерантность.

ЮНИСЕФ осуществляет свои инициативы в 157 странах мира. Программы, реализуемые ЮНИСЕФ в РФ направлены на создание благоприятных условий для полноценного развития ребенка в первые годы жизни, которые во многом определяют дальнейшее развитие ребенка («Развитие в раннем детстве»); осуществление помощи детям из неблагополучных семей, преодоление социальной изоляции детей с ограниченными возможностями здоровья, создание института уполномоченных по правам ребенка («Защита детей»); предоставление молодым людям и подросткам широкого спектра медицинских и социально-психологических услуг, сотрудничество с учреждениями системы школьного образования по привитию детям навыков здорового образа жизни («Здоровье и развитие молодежи»); формирование толерантного отношения к ВИЧ-инфицированным детям («ВИЧ/СПИД»).

В деятельности по защите детства на территориях различных страна мира иницилируемые ООН, ЕС, ЮНИСЕФ проекты и программы, соответствуют национальным приоритетам и реализуются по согласованию с Правительством и региональными администрациями, ведущими Министерствами; воплощаются с помощью партнерских правительственных и неправительственных организаций, а также при участии самой молодежи.

Вопрос о правах детей, защите их интересов и свобод является приоритетным в деятельности организаций международного и государственного уровня. Инициативы в данном направлении отражены в социальных и образовательных программах и проектах. Тревожная ситуация с положением детей в отдельных регионах мира требует консолидации международных и национальных инициатив в данном направлении.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ АЙТРЕКИНГА В СПОРТЕ (НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНОГО СКАЛОЛАЗАНИЯ)

А.И. Грушко (Москва)

Современный спорт многолик – достижение высоких результатов осуществляется не только благодаря индивидуальным особенностям спортсменов (физиологическим, генетическим, психологическим), но и профессиональному сопровождению

тренировочной и соревновательной деятельности спортсмена командой специалистов: тренеров, спортивных врачей, диетологов, психологов и др.

При этом особую популярность в подготовке спортсменов получили аппаратные методы диагностики, т.к. они обеспечивают высокую экологическую валидность исследований: условия, в которых тестируется спортсмен, как правило, максимально соответствуют его тренировочной деятельности. Технологии регистрации движений глаз (айтрекинга) являются одним из передовых методов спортивной диагностики. В настоящее время исследования в профессиональном спорте при помощи айтрекинговых систем достаточно популярны в зарубежной практике и менее представлены в России. Наиболее исследованы такие виды спорта как футбол (Williams, Davids, Burwitz, Williams, 1994), хоккей (Bard, C., Fleury, M., 1981), баскетбол (Harle, S. K., Vickers., J. N., 2001), гольф (Samuel J. Vine, Lee J. Moore and Mark R. Wilson, 2011), художественная гимнастика (Bard, Fleury, Carriere, Halle, 1980), стрельба из лука (K.M. Barfoot, M.C. Casey, A. J.Callaway, 2012), настольный теннис (Ripoll Fleurance, 1988), шахматы (Тихомиров О.К., 1967).

Данная работа посвящена возможностям применения технологий айтрекинга в скалолазании: при подготовке к прохождению трасс различной категории сложности. Мы предположили, что характер айтрекинга при просмотре трасс будет отличаться в зависимости от сложности маршрута. Для этого был проведен эксперимент с применением компьютерной системы «SMI Eye-tracking glasses», позволяющей зарегистрировать особенности движений глаз во время просмотра трасс.

Эксперимент включал 2 этапа. На первом скалолазам предлагалось пролезть трассу, равную среднему уровню онсайт по группе (далее – «легкая» / t1, классификации: 6a+/6b). На 2 этапе скалолазам было необходимо пройти трассу приблизительно равную или выше среднего уровня онсайт по группе («сложная»/t2; по скалолазной классификации – 7a+/7b). Обе трассы предполагали прохождение с нижней страховкой. Высота трасс - 5 м. Выбор трасс в соответствии с уровнем спортивного мастерства определялся при помощи тренера сборной по скалолазанию, Баговой И.В. Перед прохождением t1 и t2, спортсменам предлагалось надеть айтрекинговые очки и посмотреть трассу (цит. из инструкции) "так как это им обычно свойственно".

В эксперименте приняли участие 23 скалолаза, средний возраст=16,1±39 (м=14, ж=9), выступающих на соревнованиях от сборной Москвы и России по скалолазанию. Исследование проводилось на базе центра "Big Wall". На видео фиксировалось непосредственное прохождение трасс.

Результаты: успешность прохождения простой трассы составила 100%, сложную трассу смогли пролезть 52%, 35% достигли середины трассы, в 13% случаев отмечен срыв в начале маршрута. Были проанализированы такие параметры как: количество фиксаций взора во время 1-го просмотра трассы; время, затраченное на 1 просмотр (количество фиксаций положительно коррелирует со временем просмотра в обоих случаях ($r(t1)=0,781$ и $r(t2)=0,863$ при $p<0,001$), средняя скорость просмотра трассы. Оказалось, что у 56% увеличилось время, затраченное на первый просмотр t2 по сравнению с t1, а также количество фиксаций. Особое внимание мы уделили особенностям предварительного просмотра трасс: выделены следующие типы стратегий:

"Восходящая стратегия": спортсмен просматривает трассу снизу-вверх, заканчивает просмотр на финишной зацепке (или точке страховки). Данная стратегия свойственна 21,7% спортсменов при просмотре t1, при просмотре t2 данная стратегия не применялась скалолазами, следовательно, можно предположить, что к просмотру сложной трассы скалолазы отнеслись более внимательно.

"Диагональная" стратегия: характеризуется "сквозным" просмотром по диагонали (или «пилообразная» - Величковский Б.М.), незначительной фиксации на зацепках и оттяжках, отсутствует проработка блоками (при просмотре t1 встречается у 13%; t2 у - 4,3%), Диагональная стратегия свойственна спортсменам, имеющим наиболее высокие спортивные достижения. На наш взгляд, восходящая и диагональная стратегия характеризуют общее ознакомление с направлением маршрута и менее связаны с его стратегической проработкой.

"Последовательная с проработкой блоков": постепенный просмотр трассы блоками по 2-4 зацепки, т.о. спортсмен не просто смотрит "снизу-вверх", но и последовательно прорабатывает участки трассы, возможно, представляя при этом альтернативы расположения рук/ног. Данная стратегия является наиболее распространенной среди скалолазов, отметим также, что частота ее применения увеличивается от t1 к t2 (52,2% и 87% соответственно). На наш взгляд, применение данной стратегии является наиболее эффективной при подготовке к прохождению маршрута, т.к. спортсмен постепенно и вдумчиво анализирует участки трассы (ее «ключ», места для отдыха и использования магнезии и т.д.).

"Рваная" - спортсмен просматривает лишь избранные участки трассы, большинство зацепок и оттяжек "игнорирует". Данная стратегия свойственна 13% скалолазов при просмотре t1, и 8,7% при просмотре t2. Данная стратегия оказалась свойственна скалолазам с более высоким стажем, на наш взгляд, подобный «дискретный» анализ трассы был связан с уверенностью спортсмена в ее прохождении.

Таким образом, гипотеза нашего исследования о зависимости характера айтрекинга и сложности трассы подтвердилась: просмотр сложной трассы занял у спортсменов больше времени, при этом стратегия просмотра стала более последовательной и тщательной. В заключение отметим, что применение технологий айтрекинга в спорте достаточно перспективно, при этом планирование исследования с применением айтрекинговых систем должно учитывать специфику конкретного вида спорта и проводиться в условиях максимально приближенных к той, реальности, в которой осуществляется непосредственная подготовка спортсменов.

МАНДАЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОДИАГНОСТИКИ, ЛИЧНОСТНОГО РОСТА И ТЕРАПИИ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И ГРУППОВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ. МЕТОД ДЖОАННЫ КЕЛЛОГ

М.В. Данилина (Тверь)

Методика MARI (Mandala Assessment Research Instrument) разработана Джоанной Келлог на основе 30-летнего клинического опыта. Этот инструмент основывается на целостном подходе и интегрировано задействует мозг. МАРИ использует все четыре функции сознания – мышление, чувства, ощущения и интуицию – в той же степени, как и правое и левое полушарие мозга.

МАРИ основана на архетипических символах и цветах, которые выбираются интуитивно и передают точную «картину» психологического состояния личности, его психики. Благодаря тому, что человек «видит» где на самом деле он находится, изменения происходят довольно быстро, зачастую в течение одной сессии. Она позитивно ориентирована и представляет наилучшим образом то, чем современная психология должна быть – изучение духовного мира и личности в целом, а не только исследование состояния ума и интеллекта.

Идея Дж.Келлог заключается в том, что она соотнесла этапы развития человека и его личности с общим принципом развития жизни. Келлог назвала эту модель Большой Круг Мандалы. Этот принцип можно отнести и к развитию и росту любого живого существа, будь то растение, животное, или даже явление. Все живое проходит несколько основных жизненных этапов. Это формирование, становление, проявление или расцвет и распад, дающий начало новому жизненному циклу. В ее модели круг как универсальная модель жизни разделен на сегменты, соответствующие этапам развития и жизни вообще, и человеческого организма, и личности в целом, а также различных этапов развития личности. Круг делится на четыре сегмента, соответствующих крупным жизненным этапам, о которых мы говорили выше. Кроме того, относительно модели психики, круг, разделенный на четыре части, отражает структуру психики в целом. Рассматривая сегменты относительно горизонтальной линии, мы видим модель сознательного-бессознательного в психике. Все, что располагается ниже линии горизонта – бессознательное или глубинные аспекты психики, располагающиеся иерархично. Все, что расположено над линией горизонта – сознательное и социальное, так же развивающееся поэтапно и последовательно.

Вертикальная ось представляет собой разделение на прогрессивные и регрессивные процессы, так же происходящие поэтапно и последовательно. Эта модель личности отражает, в том числе, и пренатальный опыт человека, и его связь с коллективным бессознательным в форме его глубинного и глубоко личного, индивидуального трансцендентного опыта.

Четыре сектора круга:

1. Формирование. Вход в мир; Интуитивная часть психики; Способность распознавать энергию. Концепция: все начинается с идеи.

2. Становление. Все новое начинается; стадии, связанные с развитием; познание и борьба за собственную целостность. Концепция: все новое проходит стадии развития, достигая полного осознания себя в мире.

3. Проявление или расцвет. Достижения полной самоосознанности и полной автономии; Я и Другие; концепция: полная самоосознанность проявляется в социуме и мире через наше взаимодействие с окружающими.

4. Распад и возрождение. Изменение и завершение, тяжелые испытания, преобразование себя и новые возможности. Концепция: все изменяется, подходя к завершению, распадается на части и возрождается снова.

5. Кроме того существует Центр, ядро личности, Чистый Свет, как назвала его Дж. Келлог. Некий центр, душа, самость, хранилище глубинного трансперсонального опыта. Кроме того, эта стадия соответствует коллективному бессознательному, в Дзэн-буддизме я-все и я-ничто.

Относительно жизни индивидуума, первый сектор соотносится со временем зачатия и беременности, развития плода.

Второй сектор соответствует детства и юности и завершается полным отделением личности от родителей и обретением самостоятельности.

Третий сектор соответствует молодости и зрелости, общественной и личной жизни человека.

Четвертый сектор отражает завершающий этап жизни, пожилой возраст, этап осмысления прожитой жизни, дезинтеграцию и смерть как переход в новое состояние сознания.

В свою очередь, круг делится на двенадцать стадий, а Центр соответствует тринадцатой или нулевой стадии, стадии начала и конца. Далее. Стадии распределяются следующим образом:

1. Стадия 1 – Вход. С этой стадии начинается первый сектор. Эта стадия соответствует наиболее глубинному бессознательному личности. Это момент зачатия, момент, когда материя организуется в новую сознательную жизнь.

2. Стадия 2 – Блаженство.

3. Стадия 3 – Лабиринт или Путь

4. Стадия 4 – Начало или рождение. С этой стадии начинается второй сегмент.

5. Стадия 5 – Цель

6. Стадия 6 – Борьба, единоборство с Драконом

7. Стадия 7 – Независимость. Эта стадия – начало третьего сегмента.

8. Стадия 8 – Идентичность

9. Стадия 9 – Я и Другие

10. Стадия 10 – завершение. С этой стадии начинается четвертый, наиболее сложный сегмент

11. Стадия 11 – Дезинтеграция

12. Стадия 12 – Трансформация

Представляя собой целостную систему в форме методики для практической работы, МАРИ позволяет говорить о трех крупных направлениях ее использования:

1. Использование МАРИ как инструмент диагностики. Уникальность методики заключается в ее возможности увидеть полную и детальную картину внутреннего мира человека, в том числе и бессознательных аспектов, эмоционального состояния, особенностей социального взаимодействия личности.

2. Использование МАРИ как методику для личностного роста и развития человека в групповой и индивидуальной психологической тренинговой работе.

3. Использование МАРИ как инструмента личной глубинной психотерапии.

Основываясь на сказанном выше, мы можем определить работу с мандалой в методике МАРИ как многофункциональный метод. Рисуя и концентрируясь на мандалах, а так же работая с материалами МАРИ, человек получает возможность в безопасном для личности пространстве исследовать свой внутренний мир, включить ресурсы и возможности, не используемые в повседневной жизни, найти свой собственный путь познания себя и упорядочивания своих психологических структур.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ И МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

Г.И. Данилова (Москва)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
(проект №13-16-77602)*

В современных условиях урбанизации актуальным становится исследование влияния такого типа поселения как мегаполис на психологию его жителей. Мы предположили, что религиозность людей с разным вероисповеданием в условиях их совместного массового проживания в мегаполисе будет иметь схожие черты. В данной статье представлены результаты предварительного исследования психологических особенностей религиозности православных и мусульман, проживающих в мегаполисе.

Эмпирической базой исследования явилась случайная выборка: православные юноши и девушки г. Москвы. Всего в исследовании приняло участие 103 человека в

возрасте 17–35 лет: 78 респондентов православного вероисповедания и 25 респондентов-мусульман.

Методы исследования: «Шкала религиозной ориентации» (Г. Олпорт); «Структура индивидуальной религиозности» (Ю.В. Щербатых). Математические методы обработки данных: критерий Фишера (φ); критерий Манна-Уитни (U).

В ходе исследования обнаружилась особая группа испытуемых, которые по соотношению выраженности внешней и внутренней религиозной ориентации не подходили под описание ни одного из типов религиозности, выделенных Г. Олпортом. Данный тип религиозности характеризуется средними показателями по субшкалам внешней и внутренней ориентации. Данный тип религиозности был обозначен как «смешанный».

Распределение типов религиозности у православной молодежи: последовательный внутренний тип религиозности – 42,31%, непоследовательный тип религиозности – 7,69%, смешанный тип – 50%.

Распределение типов религиозности у мусульманской молодежи: последовательный внутренний тип религиозности – 20%, непоследовательный тип религиозности – 16%, смешанный тип – 60%, непоследовательный тип – 4%. В обеих группах последовательного внешне религиозного типа не выявлено.

Между православными и мусульманами по смешанному и непоследовательному типу религиозности различий не выявлено. По последовательному внутреннему типу различия в религиозной ориентации достоверны $\varphi = 2,11$ при $p = 0,05$. Данный факт свидетельствует о том, что последовательный внутренний тип религиозности у православных встречается чаще, чем у мусульман. Москва, являясь центром православной духовной культуры, способствует поддержанию и укреплению в верующих последовательной внутренней религиозности. Мусульманам же в условиях православно-ориентированного мегаполиса сложнее поддерживать свою религиозность.

По методу «Структура индивидуальной религиозности» у православных (1) и мусульман (2) последовательного внутреннего типа религиозности наблюдаются высокие показатели по шкалам «Поиски в религии поддержки и утешения» ($m_1 = 9,6$; $m_2 = 9,8$), «Отношение к религии как философской концепции» ($m_1 = 9,1$; $m_2 = 9,8$). Полученные результаты позволяют констатировать развитое религиозное самосознание у православных и мусульман с внутренней религиозной ориентацией. Православная и мусульманская молодежь стремится найти в религии поддержку и утешение.

Между православными и мусульманами последовательного типа религиозности обнаружены различия по шкалам: «Отношение к магии» ($U = 29$), «Внешние признаки религиозности» ($U = 41,5$), «Интерес к псевдонауке» ($U = 37,5$), «Наличие религиозного самосознания» ($U = 35$). Для мусульман, находящихся вне центра мусульманской культуры внутренние запреты ослабевают. В связи с этим появляется повышенный интерес к магии и к «псевдонаукам», несмотря на то, что в исламе это категорически запрещено. Для православных молодых людей важно наличие внешних атрибутов религии, и у них более развито религиозное самосознание, так как они пребывают в своей религиозной среде.

У православных и мусульман смешанного типа религиозности наблюдаются высокие показатели по шкалам «Поиски в религии поддержки и утешения» ($m_1 = 9,3$; $m_2 = 8,5$), «Наличие религиозного самосознания» ($m_1 = 9$; $m_2 = 8,4$). Православные и мусульмане, относящиеся к смешанному типу религиозности, стремятся найти в религии поддержку и утешение и относятся к религии как философской концепции. Между православными и мусульманами данного типа религиозности обнаружены

различия по шкалам: «Поиски в религии поддержки и утешения» ($U = 206$) и «Внешние признаки религиозности» ($U = 185$). Мы предполагаем, что верующие смешанного типа религиозности придерживаются не канонических представлений о религии, а имеют собственную точку зрения на те или иные постулаты, из чего складывается их индивидуальная религиозность. Поэтому для православных смешанного типа религиозности важно наличие внешних религиозных атрибутов как носителей глубокого религиозного смысла, а для мусульман внешние атрибуты – это своеобразные «маркеры», служащие им напоминанием о том, кто они есть, какую веру исповедуют. Также, православные верующие смешанного типа религиозности склонны искать поддержки и утешения в большей степени, чем мусульмане.

Православные и мусульмане непоследовательного религиозного типа имеют высокие баллы по шкалам: «Поиски в религии поддержки и утешения» ($m_1 = 10$; $m_2 = 9,5$), «Самооценка религиозной убежденности» ($m_1 = 9,3$; $m_2 = 10$). Молодые люди с непоследовательной религиозной ориентацией также ищут в религии поддержки и утешения, обладают религиозным самосознанием. Так же как и у представителей последовательного внутреннего и смешанного типов религиозности, у верующих непоследовательного типа отношение к религии как образцу моральных норм не является главенствующим принципом; существует определенный интерес к магии. Между православными и мусульманами нерелигиозного типа различий не обнаружено.

В целом, религиозность православных и мусульман молодого возраста, проживающих в условиях мегаполиса схожа. Для молодых людей независимо от вероисповедания религия преимущественно служит средством поддержки и утешения, что является основой их религиозности. У православной и мусульманской молодежи выражен смешанный тип религиозности, для которого существенную роль играют внешние признаки религиозности для их религиозной самоидентификации.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ, ВЫЯВЛЯЕМЫХ ТЕСТОМ К. МАНГИНЫ

Н.Н. Данилова(Казань), О.Г. Новикова(Москва)

Тест К.Мангины включает задачи, требующие «специфического аналитического зрительного восприятия» (analytical-specific visual perception). По результатам выполнения теста выдается заключение о математических способностях и способностей к чтению и пониманию текста. Тест содержит набор пар геометрических фигур, в каждой паре первая фигура является элементом более сложной, второй фигуры. Испытуемому в условиях дефицита времени требуется опознать простую фигуру внутри сложной, геометрической фигуры, что требует специфического анализа и мыслительных процессов. Тест К.Мангины хорошо зарекомендовал себя при исследовании детей с гиперактивностью и дефицитом внимания в экспериментах с нагрузкой на память. У детей получены низкие результаты в сравнении с нормой, которые коррелировали с увеличением латенции вызванных потенциалов и уменьшением амплитуд его компонентов в префронтальной и фронтальной областях коры (Mangina, Beuzeron- Mangina and Grizenko, 2000). Эти данные согласуются с низкими результатами теста К. Мангины у взрослых пациентов на ранней стадии болезни Альцгеймера при запоминании зрительно предъявляемых слов. Применив метод фМРТ во время

выполнения теста здоровыми молодыми испытуемыми, исследователи выявили различие в локализации активности мозга для двух категорий стимулов, выявляющих математические способности и способности к чтению (Mangina, Beuzeron-Mangina, Ricciardi, Pietrini, Chiarenza, Casarotto, 2009). Однако результаты оказались сложными из-за низкого временного разрешения метода фМРТ. В нашем исследовании применен авторский метод микроструктурного анализа осцилляционной активности мозга (МАО), базирующийся на пейскеккерной гипотезе ритмогенеза в мозге (Данилова, 2009; Danilova, 2010; Данилова, Страбыкина, 2011). Метод выделяет осцилляции активированных частотно-селективных генераторов из состава ВП, локализует их диполи в структурах мозга, используя их сумму в качестве меры их активности. Для данного исследования были отобраны только те пары стимулов теста, которые оценивали способности к математике и чтению. В тесте используется кратковременная рабочая память. Чтобы понять ее роль интервал между предъявлением простого и сложного стимулов был удлинен. Цель работы - выявить различие влияния двух типов задач на две группы студентов, получающих математическое и гуманитарное (психологическое) образование (по 11 человек в каждой группе). Эффективность выполнения теста оценивалась по поведенческим показателям: ошибкам, пропускам и времени, затрачиваемым на опознание целевого стимула. В качестве психологического тестирования использовалась методика - «Фигура Рея», позволяющая оценивать индивидуальные аналитические способности. Исследовалась активность частотно-селективных тета генераторов, как отображающая процессы формирования следов памяти и их использование в мыслительной деятельности. Для зависимых выборок (для внутригрупповой статистики) использовался Т-критерий Вилкоксона, для независимых выборок (для межгрупповой статистики) применялся U-критерий Манна-Уитни.

Полученные результаты показали, что опознание простых фигур в составе сложных оказалось более трудным при решении задач, тестирующих математические способности. Это проявилось в обеих группах испытуемых: «математиков» и «гуманитариев». В группе «гуманитариев» «математические» задачи вызвали большее количество ошибок (11,3 против 4,8 при $p < 0.01$, $n=11$) и пропусков (5,5 против 2,7 при $p < 0.05$, $n=11$), чем задачи на «чтение». В группе «математиков» выявилась та же тенденция: больше ошибок возникало при решении «математических» задач (8,2 против 2,6 при $p < 0.01$, $n=11$). Эти результаты получили подтверждение и по времени реакции. Обе группы испытуемых: «математики» и «гуманитарии» дольше решали «математические» задачи теста К. Мангины в сравнении с задачами на «чтение», что также подтвердило большую сложность математических задач самого теста. Сравнение результатов двух групп испытуемых выявило межгрупповое различие. Среднее время, затрачиваемое на решение «математических» задач, у группы «математиков» статистически достоверно короче (3,4 секунд против 3,7 при $p=0.05$, $n=11$). При решении задач на «чтение» группы не различались временем реакции, но отличались средним числом пропусков, которых было больше у группы «гуманитариев» (4,1 против 8,2 при $p=0.05$, $n=11$). Группы испытуемых также различались уровнем активности тета генераторов и их временной динамикой. У «математиков» решение задач активировало низкочастотные (4-5 Гц) и высокочастотные (6-7 Гц) тета генераторы. Сумма их диполей росла на второй секунде в процессе решения задач обоого типа. Тогда как у «гуманитариев» активность предстала только низкочастотными тета генераторами (4-5 Гц). Кроме того, она была ниже и падала уже на второй секунде процесса решения как «математических» задач, так и задач на «чтение». Полученные данные согласуются с результатами применения методики «Фигура Рея», показавшими, что

группа «математиков» обладает большими аналитическими способностями, чем группа «гуманитариев». В геометрической фигуре они лучше видят как целое, так и его элементы. По результатам теста «Фигура Рея», «математики» демонстрировали хорошую пространственную рабочую память, что подтверждается их более высоким уровнем активности частотно-селективных тета генераторов - показателем активного использования процессов памяти, которая необходима для запоминания простого стимула и опознания его наличия в составе сложного графического стимула. Тест К.Мангины в сочетании с методом «Микроструктурного анализа осцилляторной активности мозга» подтвердил свою эффективность в выявлении когнитивных способностей к математике и чтению.

Работа поддержана грантом № 13-06-00312 «Выявление психофизиологических механизмов когнитивных способностей человека авторским методом микроструктурного анализа осцилляторной активности мозга».

ВЕРА КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ГИПОТЕЗЫ

А.М. Двойнин (Москва)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-31109)

Вера – важное условие бытия человека и одна из интереснейших тем для научно-психологических и философских изысканий. Традиционно феномен веры являлся предметом преимущественно философской рефлексии, однако в последнее время активно обсуждается и в предметном поле психологии. В теоретическом плане психологическое исследование веры сопряжено с определенными трудностями.

Во-первых, само понятие веры в психологии встречается крайне редко и, как правило, вне какого-либо концептуального контекста. Ни одна из масштабных отечественных и зарубежных психологических теорий не оперирует данным термином. Во-вторых, система категорий современной психологии выстроена таким образом, что понятию «вера» найти свое место чрезвычайно сложно (равно как и другим концептам, разрабатываемыми современными психологами, – «совесть», «любовь», «мудрость», «духовность» и др.). В-третьих, при всей очевидной реальности веры для ее носителя, для исследователя-психолога остается неясным, какая конкретно психическая реальность обозначается термином «вера». В-четвертых, естественнонаучная методология, до недавнего времени безраздельно господствовавшая в психологической науке, оказалась малоприспособленной для изучения веры. Попытка исследовать веру естественнонаучным способом – регистрируя ее внешние проявления, пытаясь «вызвать» ее в экспериментальных условиях затруднительна. В-пятых, кроме этих, научная общественность несколько настороженно относится к использованию понятия «вера», нередко ассоциируя веру с чем-то мистическим, религиозным, а потому заведомо ненаучным, либо воспринимая ее как нечто ложное и недостоверное.

Детальный анализ проблемы веры, проведенный нами в статьях и монографиях «Проблема веры в зеркале философско-психологического знания» (Омск, 2011) и «Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности» (СПб., 2011), показал, что среди исследователей (Ю.Ф. Борунков, Б.С. Братусь, К.К. Платонов, Т.П. Скрипкина, Д.М. Угринович, J.W. Fowler, W.C. Smith и мн. др.) нет

согласия во взглядах на психологическую природу феномена веры, ее психологические особенности, следствием чего является теоретическая неопределенность данного феномена.

Если проанализировать многообразие феноменальных проявлений человека, описываемых термином «вера», то условно можно выделить две группы психологических феноменов, которые при всем своем внешнем сходстве с эмпирической точки зрения, с теоретической позиции следует рассматривать как различные по своей психологической природе.

Первая группа феноменов, традиционно обозначаемых как «вера», связана с когнитивными операциями установления истинности некой информации. Например, когда преподаватель сообщает студентам некоторую информацию, которую студентам предстоит «усвоить» как истину. Часто в рамках теоретического анализа подобных феноменов психологи-исследователи оперируют антиномией «знание-вера», которая практически в неизменном виде заимствуется из гносеологии. В рамках гносеологического понимания веры (заложенного Платоном и развитого И. Кантом) сама вера определяется как признание истинности чего-либо при достаточном субъективном основании и недостаточном объективном. Знание же трактуется как признание истинности чего-либо при достаточном и субъективном, и объективном основаниях. Однако эталоны того, что считать «достаточным объективным основанием», а также сами критерии истинности меняются в разные времена и в разных когнитивных системах. Получается, что и знание, и вера в таком случае психологически идентичны, меняется лишь статус информации и акта ее «усвоения». Очевидно, что подобная гносеологическая трактовка веры в противопоставлении ее знанию при психологическом исследовании неприемлема.

Вторая группа феноменов, обозначаемых как «вера» – это феномены глубокой личностной убежденности в чем-либо. Например, вера в идеи коммунизма, вера в собственные силы при стремлении добиться поставленной цели, вера в высшую справедливость или вера в победу футбольной команды. Здесь главным признаком веры выступает смысловая вовлеченность человека – то, насколько предмет его веры наполняет его жизнь смыслом. Такая вера базируется на личностных основаниях и не зависит от какой-либо аргументации или контр-аргументации.

Мы считаем, что, несмотря на микшированность данных двух групп феноменов в реальной жизни, по своей психологической природе они различны. В качестве предположения выдвинем следующие утверждения. В случае установления истины некой информации, верой называется некий механизм сознания, который проверяет информацию на противоречивость, согласованность, обоснованность и т.д. – назовем это «верификационным механизмом сознания» (Ср. с концепцией сознания В.М. Аллахвердова). По сути, веры как психической реальности здесь нет. Во втором случае вера предстает (и в этом ее психическая реальность) как особое внутреннее отношение человека к миру, наполняющее его жизнь смыслом, мобилизующее волю.

Если искать противоположность вере как отношению, то противопоставлять ей следует не «знание» а «неверие». Данная мысль, уже высказанная философами (Д.И. Дубровский, Е.А. Евстифеева), особенно продуктивна в психологии, так как позволяет понять промежуточные формы диалектических переходов от одной противоположности к другой и, таким образом, увязать в стройную схему достаточно неопределенные психологические феномены. Переходной формой при движении от «веры» (А) к «неверию» (В), по нашему мнению, является «сомнение» (АВ), а при движении от «неверия» (В) к «вере» (А) – «надежда» (ВА). Данные переходные формы сочетают в

себе свойства обеих противоположностей, давая возможность понять динамику веры как внутреннего отношения.

Заявленные гипотетические положения относительно: 1 – психологической природы веры как отношения (с переходными диалектическими формами); 2 – верификационного механизма сознания, могут являться теоретическим основанием дальнейших психологических исследований феномена веры.

К ВОПРОСУ СТРЕССА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

М.Н. Дедух (Киев)

Проблема психологической стойкости милиционеров к стрессу занимает одно из ведущих мест по значимости в системе органов внутренних дел (ОВД) Украины, поскольку от нее напрямую зависит эффективность деятельности правоохранителей. Оценка и формирование психологической стойкости к стрессу относятся к числу приоритетных задач профотбора, профессиональной, психологической и технической подготовки персонала.

Значительный научно-практический интерес представляют исследования правоохранительной деятельности, в которых раскрываются профессионально значимые качества работника милиции (В. Г. Андросюк, В. С. Деликатный, А. В. Молоканова, Г. А. Юхновец др.), психологическая готовность личности к правоохранительной деятельности во внутренних войсках (И. В. Платонов, М. И. Томчук), профессиональные деформации и психические состояния сотрудников милиции (В. А. Лефтеров, В. С. Медведев, О. В. Тимченко и др.), проблемы межличностного общения оперативных работников правоохранительных органов (В. П. Барковский, Е.М. Потапчук и др.), пути совершенствования кадровой и управленческой работы с офицерами (Д. В. Ищенко, Л. Н. Карамушка, М. В. Корниенко, А. Д. Сафин, А. В. Филиппов) и т.д.

Несмотря на значительный научный потенциал, проблема применения стратегий преодоления стрессовых состояний в профессиональной деятельности работниками правоохранительных органов в психологической науке остается недостаточно изученной.

Профессия милиционера входит в десятку самых сложных. Характерным признаком профессиональной деятельности милиционера является ее оперативность, проходящая в условиях повышенного напряжения. При выполнении своих функциональных обязанностей, милиционер часто находится в состоянии стресса.

На сегодня, как отмечает И. М. Томчук, в милицейской службе, по сравнению с прошлым, произошли существенные изменения в сторону ее усложнения:

1) в связи с все большей ее интеллектуализацией и внедрением новых научно-технических разработок, устройств, ростом квалифицированности представителей преступного мира, увеличился удельный вес умственного труда;

2) постоянно проводится реорганизация и определенные изменения в структуре, содержании деятельности различных подразделений правоохранительных органов;

3) активизация антисоциальных элементов привело к росту преступности и правонарушений.

К особенностям профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел следует отнести частую смену задач и условий выполнения этих задач. Воз-

никновение непредвиденных ситуаций, а нередко необходимость преодоления трудностей, является обычно нормой профессиональной деятельности. Это обуславливает необходимость наличия определенных черт характера у сотрудника ОВД: организованности, активности, настойчивости, инициативности в работе, способности интуитивно чувствовать возможность изменений обстоятельств, гибкости и оперативности. Следует отметить также значение физической подготовки и морально-психологической закалки милиционера.

Отметим еще один важный психологический момент в деятельности правоохранителей при обеспечении прав граждан – публичность исполнения обязанностей. Публичность является сильнодействующим эмоциональным фактором, где деятельность превращается в социально-профессиональную роль. Часто срабатывает так называемый стереотип милиционера, который формируется преимущественно на основании личного опыта взаимоотношений с сотрудниками ОВД. Предвзято-негативный характер стереотипа может вызвать психологические барьеры – смысловые, эмоциональные, коммуникативные, а также привести к снижению уровня доверия к сотрудникам ОВД. На сегодня наблюдается тенденция к проявлению недоверия к деятельности правоохранительных органов. Милицию скорее воспринимают как фактор опасности, чем защиты. Так, по результатам исследования социологической службы Центра Разумкова в марте 2013 года, во всех регионах Украины почти 53,9 % украинского населения не поддерживают деятельность милиции. Полностью поддерживают деятельность лишь 9,2 % опрошенных, 30,3 % поддерживают только отдельные действия правоохранителей. Можно предположить, что на эмоциональном уровне у отдельных граждан формируется неосознанное отрицательное отношение к работникам ОВД, что может выражаться в идентификации его с преступником. Поэтому, так важно сегодня сотруднику ОВД не потерять целостность личности, показать принципиальность и честность в работе, помогать людям, соблюдая законы.

Специфичность стрессовой деятельности сотрудника ОВД обусловлена еще и тем, что связана с постоянным воздействием эмоциональных факторов: дефицит времени, высокая социальная значимость деятельности, противодействие заинтересованных лиц, интеллектуальные перегрузки, связанные с избытком или недостатком информации, повышенная ответственность за принимаемые решения. Кроме того, в роли стресс-факторов в деятельности сотрудников ОВД могут выступать действие средств массовой информации, контроль над ходом расследования со стороны руководства МВД Украины, представителей органов исполнительной и законодательной власти.

Для успешного выполнения профессиональной деятельности сотрудники ОВД должны обладать соответствующими высокоразвитыми профессиональными и личностными качествами. Специфика профессиональной деятельности сотрудников ОВД предъявляет повышенные требования к эмоционально-волевой готовности и профессиональной деятельности в экстремальных условиях. Выполняя свои профессиональные обязанности в экстремальных ситуациях, работник ОВД должен организовывать работу на разных уровнях: психологическом, физическом, когнитивном.

Таким образом, экстремальные условия деятельности, в которых часто находятся сотрудники ОВД, можно охарактеризовать с психологической точки зрения, как события с сильным психотравмирующим действием на психику милиционера. Эффективность профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в сложных, напряженных и стрессовых ситуациях определяется сформированностью необходимых стратегий преодоления стресса (копинг-стратегий).

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КОНГРУЭНТНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

С.Н. Денисов (Уфа)

Конгруэнтность - это совпадение вербального и невербального каналов передачи информации между собой. Иными словами, это соответствие того, что человек говорит с тем, как он это говорит. Анализ конгруэнтности говорящего включает так же содержание разговора с такими проявлениями как одежда (стиль, цвет) и много других мелких, но очень важных деталей. Соответственно неконгруэнтность - это несовпадение смысла говорящего с тоном, жестами, внешностью, мимикой лица, и т.д [Карл Роджерс. "Взгляд на психотерапию. Становление человека"].

Т. Мерри определяет конгруэнтность следующим образом: «Конгруэнтность - это такое состояние бытия, в котором мы наиболее свободны и аутентичны в качестве самих себя и не испытываем потребности в том, чтобы предъясвлять фасад, прятать себя, например, за маской или ролью «эксперта». Конгруэнтность там, где наши внутренние чувства и переживания точно отражаются нашим поведением, когда нас можно воспринимать и видеть теми, кто мы есть на самом деле»

Конгруэнтность является поведенческим показателем согласованности личности.

Конгруэнтное поведение, выражающее внутренние состояния и стремления, несет с собой переживания целостности, достоинства, прилива энергии и комфорта. Это заметно со стороны по невербальным проявлениям: согласованности слов, действий и мимики, жестов, интонаций, тембра голоса, гармоничности движений и их адекватности ситуации. Нередко степень конгруэнтности партнера по общению оценивается интуитивно и неосознанно.

"Конгруэнтность - это название для состояния, в котором все внутри вас пребывает в согласии между собой. Куда бы ни было направлено ваше внимание, оно ничем не отвлекается. Любуется ли вы закатом солнца или меняете стертые покрышки, ничто в вас не отвлекается от этого занятия. Ничто внутри не говорит: «Но тебе уже пора готовить обед» или «Мне следовало бы сначала проветрить помещение». Никакая часть внутри не строит образы о том, как можно было бы усилить впечатление от заката, если добавить оранжевого цвета, и не фантазирует о каких-нибудь небывалых покрышках. И ни одна ваша внутренняя часть не желает, чтобы вы сменили позу, потому что затекла спина [Стив Андреас статья "Конгруэнтность"].

Конгруэнтность - это воспитательное состояние, так как в нем отсутствует конфликт между альтернативными желаниями и возможностями, не нужно принимать никаких решений, рассматривать какие-то альтернативы и делать что-нибудь дополнительное. Многие описывают конгруэнтное состояние «я един со всей Вселенной» и тратят уйму времени и сил на достижение этого очаровательного состояния конгруэнтности, потому что оно такое приятное и комфортное.

Но жизнь постоянно ставит нас перед альтернативами, и мы должны выбирать.

Особую необходимость в конгруэнтности испытывают те люди, которые находятся в состоянии постоянной внутренней борьбы - борьбы с самим собой, с собственными внутренними частями за те возможности, которые они считают достаточно важными.

Люди начинают стремиться к конгруэнтности, когда неконгруэнтность овладевает ими полностью и надолго.

Каждый раз, когда мы переключаемся с одного вида деятельности на другой, неизбежно возникает момент, когда мы рассматриваем одновременно и то, чем заняты сейчас, и то, чем собираемся заняться. В состоянии абсолютной конгруэнтности это было бы невозможно.

Выбор альтернативы - как среди внутренних желаний, так и среди внешних возможностей - также всегда включает в себя сравнение двух представлений с целью определения того из них, которое подойдет больше, и такое сравнение требует того, чтобы человек стал неконгруэнтным хотя бы на некоторое время. Будучи абсолютно конгруэнтными, мы никогда не сможем сделать новый выбор, научиться чему-то новому, посмотреть в будущее или переместиться мысленно в прошлое, удивиться новой мысли или взглянуть на мир глазами другого человека. В реальном мире результатами абсолютной конгруэнтности могут стать застой, несчастье и полная зависимость от внешних обстоятельств.

И действительно, комфорт и простота состояния конгруэнтности оказывается настолько важным для нас, что мы готовы отказаться от альтернатив, от принятия решений, от рассмотрения новых идей, от учета неожиданных внутренних потребностей и тому подобного, лишь бы достичь конгруэнтности. Такое решение может быть лишь временным, потому что меняющийся мир неизбежно вынуждает нас, его нарушить. Мы можем относиться к этим внешним вмешательствам, как к чему-либо иному, родному и опасному, и тратить огромное количество времени и сил, пытаясь избежать любую ситуацию, которая выходит за рамки нашего небольшого и жестко конгруэнтного мира.

Но настоящее удовлетворение приносит динамическое равновесие между конгруэнтностью и неконгруэнтностью и полное признание важности и ценности обоих состояний. Конгруэнтность позволяет нам на некоторое время полностью погрузиться в то или иное переживание либо для того, чтобы оценить его по заслугам и научиться чему-то новому, либо для того, чтобы завершить какое-то дело. Неконгруэнтность же позволяет нам рассмотреть бесконечное количество возможностей и последствий, которые непрерывно предоставляет нам жизнь. Чтобы поддерживать этот баланс, нам необходимо хорошенько понять и оценить обе составляющие этого равновесия, научиться замечать признаки дисбаланса и в случае его обнаружения уметь восстанавливать наше равновесие.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТРЕССА У СПЕЦИАЛИСТОВ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ЗВЕНА

М.К. Дерьяева (Екатеринбург)

Синдром профессионального выгорания – есть совокупность стойких симптомов, проявляющихся в негативных эмоциональных переживаниях и установках относительно своей работы (профессии) и субъектов делового общения. В соответствии с моделью К. Маслача и С.Джексона выгорание рассматривается как ответная реакция на длительные профессиональные стрессы межличностных коммуникаций, включающая в себя три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию персональных достижений. Существует несколько моделей выгорания, описывающих данный феномен. Однофакторная модель (Pines, Aronson). Согласно ей, выгорание – это состояние физического, эмоционального и когнитивного истощения.

Двухфакторная модель. Ее авторы – Д. Дирендонк, В. Шауфели, Х. Сиксма. Синдром выгорания сводится к двумерной конструкции, состоящей из эмоционального истощения и деперсонализации. Трехфакторная модель К. Маслач и С. Джексона синдром выгорания представляет собой трехмерный конструкт, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редуцирование личных достижений. Четырехфакторная модель (Firth, Mims; Iwanicki, Schwab).

В четырехкомпонентной модели выгорания один из его элементов (эмоциональное истощение, деперсонализация или редуцированные персональные достижения) разделяется на два отдельных фактора. Среди многообразия видов социальной деятельности человека профессиональная деятельность занимает особое место, образуя основную форму активности субъекта. Процесс профессионального становления — важнейшая составляющая жизнедеятельности человека. Этот процесс не является однонаправленным. Прогрессивные стадии профессионального развития сменяются регрессивными периодами, в которых на первый план выходят такие проблемы, как профессиональная деформация, профессиональное выгорание, профессиональная саморегуляция. Синдром профессионального выгорания непосредственное проявление всевозрастающих проблем, связанных с самочувствием работников, эффективностью их труда и стабильностью деловой жизни организации. Обеспокоенность работодателей профессиональным выгоранием сотрудников объясняется тем, что оно начинается незаметно, а его последствия в виде «упущенной прибыли» очень дорого обходятся организации. Данная работа посвящена проблеме исследования профессионального выгорания и психологического стресса у специалистов среднего и низшего управленческого звена Уральского завода тяжелого машиностроения. Цель исследования – выявление особенностей психологического стресса и профессионального выгорания управленцев среднего и низшего звена. Объект исследования: профессиональное выгорание. Предмет исследования: взаимосвязь синдрома профессионального выгорания и уровня выраженности психологического стресса у специалистов управленческого звена. Были выдвинуты гипотезы о существовании взаимосвязи профессионального выгорания и психологического стресса у специалистов управленческого звена, и вторая гипотеза о существовании значимых различий в выраженности психологического стресса и профессионального выгорания у управленцев среднего и низшего звена. Для подтверждения гипотез было проведено эмпирическое исследование на базе Уральского завода тяжелого машиностроения. Всего в исследовании участвовало 48 человек, среди них управленцы среднего звена в количестве 17 человек, в возрасте от 23 до 57 лет, а также управленцы низшего звена в количестве 31 человека, в возрасте от 22 до 55 лет. Использовались методики «Профессиональное выгорание» Водопьяновой Н. Е. и «Шкала психологического стресса PSM-25». В результате сравнительного анализа выяснилось, что группа управленцев низшего звена достоверно превосходит группу управленцев среднего звена по уровню редуцирования персональных достижений. Это объясняется тем, что управляющие низшего звена занимаются деятельностью, которая является напряженной и наполненной разнообразными действиями. Она характеризуется частыми сменами и переходами от одной задачи к другой, а временной период для реализации решений короткий. И около половины своего рабочего времени управленцы низшего звена проводят в общении со своими подчиненными. По результатам корреляционного анализа в группе управленцев низшего звена выявлена значимая корреляционная связь между всеми шкалами методики «Профессиональное выгорание» и шкалой психологического стресса. А в группе управленцев среднего звена была выявлена значимая

корреляционная связь между эмоциональным истощением и психологическим стрессом. Полученные результаты имеют место быть вследствие особенностей профессиональной деятельности управленцев среднего и низшего звена. Функциональные обязанности управляющих среднего звена включают координирование и управление работой руководителей низшего звена, анализ данных о производительности труда. Значительная часть времени уходит на подготовку бумаг, а также на различные заседания. Управленцы среднего звена готовят информацию для решений, принимаемых руководителями высшего звена, и передают эти решения обычно после трансформации их в технологически удобной форме, в виде спецификаций и конкретных заданий низовым линейным руководителям, они являются «посредниками» между управляющими высшего и низшего звена. Таким образом, профессиональная деятельность управленцев среднего звена хоть и сопряжена частым взаимодействием и коммуникацией, все же она меньше чем у руководителей низшего звена, т.к. последние взаимодействуют с рабочими, чье количество превышает круг общения управляющих среднего звена. Таким образом, гипотеза о взаимосвязи профессионального выгорания и психологического стресса у управленцев среднего и низшего звена подтвердилась. Гипотеза о существовании достоверных различий в выраженности психологического стресса и профессионального выгорания подтвердилась. Полученные результаты могут быть использованы в работе с персоналом с целью психологического сопровождения сотрудников промышленного предприятия.

ОСОБЕННОСТИ КОГЕРЕНТНЫХ СВЯЗЕЙ КОРЫ МОЗГА У ИСПЫТУЕМЫХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРОДУКТИВНОСТИ РЕЗУЛЬТАТА ОБРАЗНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л.А. Дикая, В. В. Карпова (Ростов-на-Дону)

Работы, направленные на изучение нейрофизиологических коррелятов невербального творчества, пока немногочисленны. В современных научных работах описаны результаты исследования особенностей мозговой активности при решении творческих задач с учётом пола испытуемых, уровня мотивации к нахождению решения (О.М. Разумникова, 2007; Н.П. Бехтерева, 2009).

Целью нашего исследования стало изучение особенностей когерентных связей коры мозга у испытуемых с разным уровнем продуктивности результата образной творческой деятельности.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что различия функциональной организации коры головного мозга при выполнении образной творческой деятельности у художников и не художников могут определяться уровнем её продуктивности.

В исследовании приняли участие студенты

г. Ростова-на-Дону (60 человек), 18-23 лет, разделённые в зависимости от их профессиональной принадлежности и продуктивности выполнения творческого задания на группы: не художники с низким и средним уровнем продуктивности; художники со средним и высоким уровнем продуктивности.

Для моделирования образной творческой деятельности применяли художественную технику монотипии.

Техника заключается в случайном отпечатывании красок на бумаге. Впоследствии из случайного отпечатка формируется композиция. Монотипия позволяет находить решение задачи инсайтным путём.

На первом этапе исследования испытуемым предлагалось в одной из предложенных монотипий создать в своём воображении художественный образ.

На втором этапе продумать детали будущей композиции, найти выразительные средства для её изображения.

При выполнении творческого задания у испытуемых регистрировали ЭЭГ. Регистрация ЭЭГ осуществлялась при помощи энцефалографа в 21 отведениях, расположенных по стандартной системе 10-20. Была использована монополярная схема с ушными референтными электродами.

Показатели ЭЭГ регистрировались в спокойном состоянии с открытыми глазами и на разных этапах решения невербальной творческой задачи.

После окончания регистрации ЭЭГ испытуемым предлагалось нарисовать придуманную композицию на соответствующей монотипии.

Продуктивность выполнения творческого задания затем подвергалась анализу экспертов.

Анализировались отрезки ЭЭГ длительностью 10 секунд, не имеющие артефактов. Рассматривались когерентные связи биопотенциалов коры мозга между отведениями в диапазонах частот: δ 1 (0,5-2 Гц), δ 2 (2-4 Гц), θ 1 (4,0 – 6,0 Гц), θ 2 (6,0 – 8,0 Гц), α 1 (8,0 – 10,5 Гц), α 2 (10,5 – 13,0 Гц), β 1 (13,0 – 24,0 Гц) и β 2 (24,0 – 35,0 Гц).

Для статистической обработки данных применялся многофакторный дисперсионный анализ ANOVA/MANOVA и сравнительный *post hoc*-анализ по критерию Фишера.

Обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ Statistica 6.0.

На основе обобщения полученных нами результатов и сопоставления их с данными других авторов (Л.А. Дикая, 2011; О.М. Разумникова, 2009; Н.Е. Свищерская, 2007; М.Н. Цицерошин и др., 2009) были сформулированы следующие выводы:

1. У не художников с низким уровнем продуктивности во время выполнения творческой задачи процесс осмысления содержания монотипии и подбор зрительных образов из долговременной памяти протекают независимо друг от друга, о чём свидетельствуют высокий уровень когерентности в коротких внутрислоушарных связях и низкий уровень их взаимодействия в длинных внутрислоушарных связях (δ диапазон).

При просмотре монотипий сила когерентности в α 2 диапазоне увеличивается во внутрислоушарных связях правого полушария и снижается в связях левого полушария, что способствует решению задачи с помощью случайного формирования образов.

2. Высокий уровень когерентности на всех этапах творческого процесса для группы не художников со средним уровнем креативности характерен в передних отделах левого полушария (α 2 диапазон), что связано с оценкой, анализом материала монотипий из которого необходимо создать собственную композицию. На этапе фрустрации (в момент переживания невозможности решения задачи) усиливается процесс обработки и манипулирования информацией (сильные когерентные связи в длинных внутрислоушарных взаимодействиях в δ 1 диапазоне). Наибольший уровень эмоциональной реакции (усиление внутри- и межполушарных взаимодействий в θ 1 диапазоне) связан с этапом нахождения решения.

3. У группы художников со средним уровнем продуктивности этап без идеи (просмотр монотипий) связан с переносом внимания во внутренний план (снижение когерентности в передних отделах коры мозга в тета2 диапазоне). На этапе проверки найденного решения усиливаются короткие связи в передних отделах левого полушария в альфа2 диапазоне, что свидетельствует об анализе и оценке найденного образа.

4. У группы художников с высоким уровнем продуктивности на этапе нахождения решения усиливаются значения когерентности в коротких внутриволновых и межполушарных связях (альфа2 диапазон), что способствует интеграции спонтанной продукции образов и мысленному конструированию из них изображений. Выраженные короткие симметричные межполушарные связи на данном этапе свидетельствуют о возможности решения творческой задачи одновременно с помощью образного восприятия и дополнительного анализа.

Полученные результаты могут быть использованы при подборе специфических методов обучения художников, направленных на активизацию областей мозга ответственных за реализацию творческой деятельности. Также знание специфических областей, активизирующихся во время творческого процесса у художников, позволяет проводить психофизиологическую диагностику с целью профориентации, чтобы оценить физиологическую предрасположенность к художественной деятельности.

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИЙ ПОНЯТИЯ ИСС

К.Г. Дорошко (Самара)

Определение понятия ИСС носит довольно условный характер и в отечественных словарях не определено (Альмуханова А.Б., Гладкова Е.С., Есина Е.В. и др., 2007; Еникеев М.И., 2008; Мещеряков Б.Г., Зинченко В. П., 2002; Шапарь В.Б., 2006). Из всего множества психологических словарей и энциклопедий ИСС встречается только в нескольких. (Кордуэлл М., 2000; Немов Р.С., 2007). Чаще всего встречаются определения пионеров исследователей в данной области (Людвиг А., 1969).

Одна из самых главных причин трудности исследования феномена изменённых состояний сознания связана с отсутствием единого мнения по поводу другого феномена – сознания. Уже существует обширный обзор современных отечественных исследований в области сознания (Акопов Г.В., Ихсанов Р.Ф., 2010). Авторы интегрируют различные, разрозненные идеи ИСС и описывают это понятие с множества сторон. Так же попытка поднять этот вопрос встречается у других авторов (Колчина А. Г., 2009). Для определения понятия ИСС можно использовать одну из концепций сознания.

Одним из первых свою концепцию сознания предлагает В.П.Зинченко. Он строит свою идею, структурную концепцию сознания, на основе идей Выготского о различии смысла и значения в сознании (Выготский Л.С., 1983) и деятельностного подхода к сознанию Леонтьева (Леонтьев А.Н., 1975, 2000).

С точки зрения В.П.Зинченко сознание имеет пять слоёв: онтологический (предметно-деятельностный, он же «бытийный»), хронотопический, рефлексивный, ценностный и духовный слои (Зинченко В.П., 2011). Каждый слой имеет две собственные компоненты. Каждая компонента может быть охарактеризована как «Субъективная» или «Объективная» соответственно. Причём эти компоненты «могут рассматриваться как образующие сознания» (Зинченко В.П., 2011). Как поясняет это разделение

сам Зинченко «наиболее адекватной сути дела является оппозиция: «внутренняя форма» и «внешняя форма». Она подчеркивает не только целостность сознания (в идеализированном смысле), но также не противоречит положению о том, что сознание и бытие представляют собой единый континуум» (там же). Между «субъективными» и «объективными» компонентами располагается общее диалогическое пространство, в котором происходят «противоположно направленные процессы (акты): субъективация объективного и объективация субъективного. Или близкие к ним акты: композиции и декомпозиции образов и действий, овременение пространства и опространствование времени, осмысление значений и означение смыслов, вчитывание себя в другого и вычитывание себя из него» (там же). Именно в этом пространстве и происходит, согласно Зинченко, рождение нового.

Структура сознания – полицентрична – «каждая из образующих бытийного, рефлексивного и духовного слоев сознания может стать его центром». (Зинченко В.П., 2006) Т.е. в процессе работы сознания любая из указанных компонент может на время стать доминантой и подчинить себе другие компоненты (там же). Важно отметить, что полицентричность как свойство сознания необходимо для сохранения свободы сознания.

ИСС в этой системе взглядов условно можно разделить на две категории: положительные и отрицательные. Отрицательные ИСС – это «болезнь» сознания, и связаны они с «с гипертрофией в развитии той или иной образующей, в ослаблении или даже в разрыве связи как между слоями, так и между их образующими» (там же). Положительные же связаны с гетерогенностью структуры сознания, что, таким образом позволяет искать точку опоры и осуществлять самопознание, происходит же это за счёт «взаимных трансформаций компонентов (образующих) сознания не только в пределах каждого слоя, но и между слоями» (там же). Таким образом, ИСС является сверхдоминированием в некотором промежутке времени одного из слоёв структуры сознания.

В современной же отечественной психологии выделяются несколько концепции сознания (Петренко В.Ф., 1988; Аллахвердов В.М., 2000; Карпов А.В., 2007; Акопов Г.В., 2010). Наиболее парадоксальной является концепция Аллахвердова В.М.

Сознание рассматривается Аллахвердовым в двух категориях: первая «сознание как явление будет пониматься как эмпирический факт представленности субъекту картины мира и самого себя, в том числе как выраженная в словах способность испытуемого отдавать себе отчет в том, что происходит»; вторая – «сознание будет обозначать некий теоретический (гипотетический) механизм, порождающий или трансформирующий осознаваемую информацию — например, преобразующий результаты каких-либо информационных или физиологических процессов в осознаваемые явления». (Аллахвердов В.М., 2000)

Следуя идеям «Психологики» их нельзя считать не логичными (а, следовательно, не понятными или бессмысленными), т.к. «психика сама по себе написана на языке логики» (там же). Психика и сознание являются продуктами процесса познания. Сознание является частным (специфическим) случаем познания, т.к. «только протосознательные процессы (познавательные процессы, приводящие к возникновению сознания, прим. наше) имеют возможность вводить в работу механизма сознания непосредственную информацию о внешнем и внутреннем мире» (там же).

Из всего выше описанного можно сделать вывод, что изменение состояния сознания происходит из-за смены информации, которую поставляют протосознательные процессы. Информация, экстернальная (поступающая из окружающего индивида мира) или же интернальная (являющаяся личной, индивидуальной информацией его

внутреннего мира), после попадания в сознание инодетерминируется, но уже исходя из других причин, нежели это происходит в повседневном опыте.

Это приводит нас к предположению, что существуют некоторые «шаблоны» или паттерны того, как информация обрабатывается после того как попадает в сознание. И именно смена «шаблонов» обработки (появления новых причин для интерпретации информации «обычным» образом) и приводит к формированию такого уникального, не стандартного опыта.

Стоит так же оговориться, что эта идея не проливает свет на причины возникновения таких перемен в использовании «шаблонов» логики познания.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРРЕЛЯЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ МОТИВАЦИОННОЙ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И АФФЕКТИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМ У ШКОЛЬНИКОВ В ОБЫЧНЫХ И «КОГНИТИВНО ОБОГАЩЕННЫХ» УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ

А.М. Дрегнина (Москва)

Одна из исследовательских задач нашей работы, посвящённой изучению роли когнитивного фактора в формировании учебно-познавательного мотива у школьников 7-х и 10-х классов, состояла в выявлении сдвигов в межфункциональных связях интеллектуальной, аффективно-эмоциональной и мотивационной подсистем под влиянием целенаправленных и систематических когнитивных воздействий. Эти сдвиги должны продемонстрировать, что повышение уровня когнитивного развития школьников приводит к эффективному интегрированию мотивационной сферы в целостную структуру личности. На субъективном уровне такая динамика проявляется в усилении (формировании) у обучающихся учебно-познавательной мотивации.

Испытуемые и организация исследования.

Экспериментальный материал получен на двух возрастных группах испытуемых – учащихся двух 7-х классов (N=25 для экспериментального класса /ЭК/, N=28 для контрольного класса /КК/) и двух 10-х классов (N=21 для ЭК, N=25 для КК).

Исследование включало три этапа. На 1-ом и 3-ем этапах все школьники ЭК и КК участвовали в психодиагностическом обследовании по 13 показателям, относящимся к интеллектуальной (5), аффективно-эмоциональной (6) и мотивационной (наличие учебно-познавательной мотивации, 2 показателя) подсистемам. На 2-ом этапе работы осуществлялось «когнитивное обогащение» условий школьного обучения для учеников ЭК. Для этого с ними в течение учебного года были 2-3 раза в неделю проведены специально организованные уроки по 45 минут по программе развития когнитивной сферы «Уроки психологического развития в средней школе» Н.П. Локаловой (2001). В течение этого периода учащиеся КК обучались в обычных условиях.

Обработка полученных данных.

В целях раскрытия особенностей межфункциональных связей между изучаемыми подсистемами индивидуальные данные, полученные в ходе первичной и повторной диагностик в каждом ЭК и каждом КК, подверглись интеркорреляционному анализу по Пирсону. Затем были выделены и подсчитаны значимые коэффициенты корреляции, на основании которых были построены корреляционные графы, наглядно отражающие связи между отдельными подсистемами.

Результаты исследования.

Полученные данные позволяют проследить характер и направление изменений взаимосвязей подсистем мотивационной с интеллектуальной и аффективно-эмоциональной у учеников ЭК, с которыми проводилась работа по их когнитивному развитию, и у их сверстников из КК, с которыми такая работа не велась.

7 класс.

В ЭК до начала развивающей работы ни одной взаимосвязи мотивационной подсистемы с другими подсистемами обнаружено не было. После периода когнитивного развития появилась слабopоложительная связь с интеллектуальной подсистемой ($r=0.351$, $p<0.1$) и отрицательная связь с аффективно-эмоциональной подсистемой (показатель школьной тревожности) ($r= - 0.689$, $p<0.01$). Всего количество межфункциональных связей между всеми изучаемыми подсистемами в ЭК увеличилось с 6 до 12.

В КК в конце опытного периода по сравнению с его началом связи мотивационной подсистемы с другими подсистемами не изменились: по-прежнему имела место слабopоложительная связь с интеллектуальной подсистемой ($r=0.346$, $p<0.1$) и отрицательная связь с аффективно-эмоциональной подсистемой (показатель враждебности и агрессивности) ($r= - 0.480$, $p<0.05$). Число межфункциональных связей уменьшилось с 7 до 6.

Таким образом, целенаправленные когнитивные воздействия внесли позитивные изменения во взаимосвязи мотивационной, интеллектуальной и аффективно-эмоциональной подсистем у школьников ЭК: проявилась не только выраженная тенденция мотивационной подсистемы к интеграции с другими подсистемами, но и позитивная связь низкого уровня школьной тревожности с реальной действенностью учебно-познавательного мотива. У школьников же КК на всём протяжении опытного периода существенной остаётся отрицательная связь низкого уровня мотивации с высоким уровнем враждебности. Кроме того, проявилась негативная тенденция к ослаблению межфункциональных связей.

10 класс.

В ЭК в начале периода когнитивного развития обнаружены две отрицательные связи мотивационной подсистемы с интеллектуальной подсистемой ($r= - 0.422$, $p<0.1$; $r= - 0.500$, $p<0.05$) и одна корреляционная связь с аффективно-эмоциональной подсистемой (показатель враждебности) ($r=0.493$, $p<0.05$). В результате повышения уровня когнитивного развития мотивационная подсистема обнаружила уже 4 связи с интеллектуальной подсистемой ($r=0.431-0.658$, $p<0.1-0.01$) и слабopрицательную связь с аффективно-эмоциональной подсистемой (показатель школьной тревожности) ($r= - 0.420$, $p<0.1$). Количество межфункциональных связей между всеми показателями изучаемых подсистем у школьников ЭК увеличилось с 15 до 19.

В КК в начале опытного периода мотивационная подсистема имела только одну взаимосвязь и только с интеллектуальной подсистемой ($r=0.506$, $p<0.05$). В конце этого периода к ней добавилась корреляционная связь с аффективно-эмоциональной подсистемой (показатель школьной тревожности) ($r=0.441$, $p<0.05$). Отмечается незначительное увеличение количества межфункциональных связей с 4 до 5 в конце опытного периода по сравнению с его началом.

Таким образом, для учащихся 10 класса «обогащение» школьной среды целенаправленными когнитивными воздействиями позволяет создать условия для эффективной интеграции, в первую очередь, мотивационной и интеллектуальной подсистем, повышая, таким образом, действенность учебно-познавательного мотива. Одновременно снижается влияние на учебную деятельность негативных аффективно-

эмоциональных состояний, в том числе школьной тревожности. В КК же, наоборот, в конце опытного периода усиливается влияние аффективно-эмоциональной подсистемы.

На основании представленных данных мы полагаем, что целенаправленные системно организованные когнитивные воздействия являются действенным фактором позитивных преобразований во внутренней структуре целостной личности школьников.

ПЕРЕЖИВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ Я-КОНЦЕПЦИИ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Т.Ф. Дремина (Курск)

В современной психологии изучению первой беременности придается большое значение. Актуальность нашего исследования заключается в том, что мы исследуем переживание беременности, как особой жизненной ситуации, в контексте жизненного пути личности у женщин, ожидающих второго ребенка, а также влияние контекста жизненного пути на обретение новой идентичности и трансформацию Я-концепции личности беременной женщины, имеющей опыт материнства.

В нашей работе переживание беременности представлено совокупностью двух компонентов – смыслового и эмоционального. Переживание беременности в контексте жизненного пути личности беременной женщины определяет смысл беременности, который, в свою очередь, является фактором формирования того или иного типа готовности к материнству, являющегося критерием принятия новой социальной роли – роли матери. Особенности принятия материнской роли позволяют провести анализ обретения новой идентичности.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы выявить, является ли переживание беременности в контексте жизненного пути личности фактором трансформации Я-концепции беременной женщины.

Мы предполагаем, что у женщин, ожидающих первого ребенка, трансформация структуры Я-концепции выражается в обретении новой идентичности, которая, в свою очередь, характеризуется принятием новой социальной роли – роли матери. В следствие того, что женщина, ожидающая второго ребенка, имеет опыт материнства в контексте жизненного пути, трансформация Я-концепции будет иметь свои особенности.

В нашем исследовании мы делаем попытку провести анализ социально-психологических особенностей трансформации Я-концепции в особой жизненной ситуации – ситуации беременности у женщин, ожидающих первого и второго ребенка во втором и третьем триместрах беременности.

Объектом исследования выступает трансформация Я-концепции беременных женщин.

Предметом – влияние переживания беременности в контексте жизненного пути личности на трансформацию Я-концепции беременных женщин.

Выборка составила 60 человек.

Методы и методики:

1. Структурированное интервью.
2. Психодиагностические методики:

- Тест «Смысложизненные ориентации» Леонтьева Д.А. (СЖО) (1997).
- Методика «Локус субъективного контроля» в адаптации Ксенофонтовой Е.Г. (1990).
- Методика «Уровень рефлексивности» Карпова А.В. (2003).
- «Тест эгоцентрические ассоциации».
- Тест-опросник «Удовлетворенность браком» Столин В.В., Романова Т.Л., Бутенко Г.П. (1984).
- Опросник Терминальных ценностей Рокича в адаптации Сениным И. Г. (1991).
- Тест Лири Т., Лефоржем Г., Сазеком Р. (1954).
- Опросник саморефлексии телесного потенциала Ложкина Г. В. и Рождественского А. Ю. (2004).

3. Проективные методы:

- Методика «Линия жизни» (автобиографический вариант J.J.F. Schots (1989) в адаптации Василенко Т.Д.).
- Восьмицветовой тест Люшера в адаптации Собчик Л.Н. (2003)
- «Цветовой тест отношений» Эткинда А.М., Е.Ф. Бажин (1985).
- Тест «Фигуры» Филипповой Г.Г. (2002).
- Тест Куна «Кто Я?» модификация Румянцевой Т.В. (2006).
- «Семейная социограмма» Эйдемиллер Э.Г. (1996).
- Сочинение на тему «Быть матерью это...»

4. Статистические методы анализа данных. С использованием Statistika 6.0. В качестве основных математических методов статистической обработки выступают методы общей статистики, методы сравнительной статистики.

Результаты исследования и их обсуждение:

В настоящем исследовании мы проследили динамику переживания беременности у женщин, ожидающих первого и второго ребёнка во втором и третьем триместрах беременности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к третьему триместру у женщин, ожидающих второго ребенка, психологическая структура социальной идентичности становится более сбалансированной: на первое место выходит семья, остальное занимает подчиненное положение. Психологическая структура социальной идентичности беременных женщин к третьему триместру характеризуется более высоким уровнем осмысленности, но сохраняется высокий уровень напряженности. По показателям ролевого компонента во втором и третьем триместре отмечается несбалансированность: ценность ребенка не представлена, но наблюдается снижение показателей по значимости профессиональной сферы к третьему триместру.

Таким образом, женщины, ожидающие первого ребенка, находящиеся во втором и третьем триместре беременности, испытывают трудности в обретении новой социальной идентичности, а, следовательно, и в принятии новой социальной роли, которая в свою очередь является критерием готовности к материнству. Женщины, ожидающие второго ребенка, находящиеся во втором и третьем триместре беременности, на основе уже имеющегося опыта, претерпевают изменения в структуре социальной идентичности.

Обобщая полученные данные, можно сформулировать следующие выводы:

1. Контекст жизненного пути личности влияет на переживание особой жизненной ситуации – ситуации беременности.
2. Наличие опыта беременности влияет на переживание беременности, которое представлено эмоциональным и смысловым компонентами.

3. Принятие новой социальной роли матери, критерием которой является готовность к материнству, зависит от срока беременности и наличия опыта материнства.

4. Переживание беременности в контексте жизненного пути является фактором трансформации Я-концепции, которая выражается в обретении новой социальной идентичности.

5. Основаниями для проведения коррекционных мероприятий, направленных на принятие новой социальной роли — роли матери, являются несформированность материнской роли (преобладание игнорирующего и тревожного типов готовности к материнству), низкий уровень осмысленности жизни, неразвитость смысловой сферы, повышенная тревожность.

ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕНИАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВИНСЕНТА ВАН ГОГА

М.М. Дробышева (Москва)

Проблема гениальности и таланта является одной из актуальных проблем нашего времени, когда сами понятия дискредитированы, а критерии заменены иными составляющими. Данная тема интересовала многих исследователей, начиная с Античности, и имеет междисциплинарный характер. Несмотря на значительное количество исследований, нет единого мнения относительно того, что такое гениальность, и на каком основании одни люди считаются гениальными, а другие, на мгновение ставшие великими, навсегда забываются своими потомками. Между тем, гении – это олицетворение совершенства и высших форм творческой самореализации личности, своеобразные эталоны, образцы предельных возможностей в развитии способностей и талантов человека. Они являются наиболее яркими представителями своего времени. Поэтому изучение гениальности и гениальной личности – важная область психологического исследования, позволяющая определить наиболее оптимальные условия, формы и механизмы развития таланта и способностей личности. Большие затруднения возникают при изучении гениальных личностей прошлого. Единственным путем, позволяющим «по круплицам» воссоздать, реконструировать их жизненный путь и психический мир, становится обращение к имеющимся историческим источникам (дневники, письма, воспоминания современников, продукты деятельности). Благодаря сравнению, анализу, синтезу и обобщению дошедших памятников культуры, что составляет метод психолого-исторической реконструкции, возможно изучение психологических феноменов различных исторических эпох (Кольцова, 2008). Особая трудность возникает при изучении выдающихся художников прошлого, ибо при анализе их художественного наследия мы имеем дело не с языком слов, в котором непосредственно выражены мысли, чувства и переживания автора, а с языком образа и цвета, богатым и эмоционально насыщенным, но сложным для психологической интерпретации. Поэтому, осуществляя психобиографическое исследование гениальных художников прошлого, наряду с анализом продуктов их творческой деятельности, необходимо опираться также на их дневники, письма, воспоминания их современников, учитывать культурные и исторические особенности того времени, когда были созданы их гениальные творения.

Целью исследования (организованного и проведенного под руководством В.А.Кольцовой) стало выделение основных факторов формирования и развития гениальности, и раскрытие психологических характеристик личности Ван Гога на основе изучения его биографии и продуктов творчества. Для ее реализации применялся контент-анализ эпистолярного наследия Ван Гога как объективированной формы выражения системы его ценностей, отношения к творческой деятельности, окружающим людям (родным, коллегам, женщинам), к самому себе как творцу и личности. В качестве единиц анализа выступили фразы или короткие предложения. Наряду с этим применялся контент-анализ автопортретов Ван Гога (16 автопортретов) с целью выявления особенностей и динамики его самовосприятия и психического состояния. Анализ автопортретов включал следующие единицы: цветовая гамма, стиль художественного изображения, детализацию образа, расположение фигуры в пространстве, выражение лица, которые раскрывали выделенные категории модальности психического состояния: позитивное /негативное; депрессия, кризис/ стабильное состояние; душевный подъем /спад и т.п. Полученные данные анализа двух видов продуктов деятельности художника подвергли сравнительному анализу.

Контент-анализ писем показал изменение отношений Ван Гога к различным ценностям жизни. Если в начале творческого пути Ван Гог больше ставил на первое место религию, служение людям в качестве пастора, любовь, счастливую семейную жизнь, то со временем приоритетными ценностями для художника стали творчество, здоровье (которое было напрямую связано с творчеством) и красота природы. Свобода действий и познание окружающего мира для Ван Гога всегда имели большое значение, вне зависимости от сложившихся ситуаций, также, как и активная деятельная жизнь. Многочисленные автопортреты, написанные Ван Гогом на протяжении всей его творческой жизни, как способ отражения внутреннего мира и общения со зрителем, определенным образом показывают эволюцию художника как творца и как человека, динамику его психического состояния. Большее количество автопортретов Ван Гогом было создано в Париже: в период его становления и вхождение в мир настоящих живописцев как равного художника. Цветовая палитра, контрасты, штрих и линии менялись на автопортретах вместе с изменением его стиля в результате личностных кризисов. Если после инцидента с Гогеном и тяжелой болезни Винсент изобразил себя с перевязанным ухом, измученным выражением лица, то в периоды осознания себя как художника он писал свой автопортрет с мольбертом и кистями. Исследователями было подмечено, что существует определенная взаимосвязь между автопортретами и письмами Ван Гога. В те периоды, когда не было необходимости в написании писем, Винсентом было создано наибольшее количество автопортретов, и наоборот. То есть, для Ван Гога и живопись, и эпистолярные труды были формой самоанализа, анализа окружающего мира, благодаря которым исследователи могут воссоздать его психологический портрет и как личности, и как художника.

Таким образом, при сравнении полученных данных, нами были выделены черты, составляющие психологический портрет Ван Гога: гиперчувствительность, внутриличностный конфликт, стремление к максимальной реализации своей мечты посредством упорного труда, потребность в познании и расширению кругозора, стремление к совершенству, прекрасная память, избирательное внимание и восприимчивость, впечатлительность, альтруизм, образное мышление, эгоцентричность, несдержанность, вспыльчивость, импульсивность, рассеянность, неряшливость, неумение решать денежные вопросы, невозможность счастья в личной жизни, склонность к оди-

ночеству, понимание своего предназначения, склонность к риску, создание уникального оригинального стиля живописи, уверенность в успехе и предсказание своего открытия в искусстве.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ДОВЕРИЯ К МИРУ У ЛЮДЕЙ С ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Е.В. Дробышевская (Гомель)

Доверие к миру составляет важный момент межличностного общения, межгруппового и организационного взаимодействия, присутствует во всех сферах общественной жизни. В то же время в современном мире все более злободневной становится социальная проблема доверия к миру между государствами, различными социальными группами, доверия в семье, между отдельными людьми, что отмечено многими исследователями (Т.П. Скрипкина, И.В. Антоненко, А.Б. Купрейченко) и стало темой ряда международных форумов и конференций. Таким образом, существующая и крайне актуальная социальная проблема преобразуется нами в исследовательскую проблему доверия к миру, имеющую важнейшее научное и практическое значение.

Доверие к миру - специфический субъектный феномен, сущность которого состоит в специфическом отношении субъекта к различным объектам или фрагментам мира, заключающемся в переживании актуальной значимости и априорной безопасности этих объектов или фрагментов мира для человека (Т.П. Скрипкина, 2000).

На современном этапе человеку важно ощущать себя дееспособным, иметь возможность постоянно совершенствоваться и раскрывать не реализовавшийся ранее потенциал. Удовлетворение этих потребностей часто может быть затруднено рядом обстоятельств, в число которых входит наличие заболеваний опорно-двигательного аппарата. В первую очередь специфика такой травматической ситуации заключается в том, что человек после тяжелой травмы опорно-двигательного аппарата, лишаящей его возможности передвигаться и самостоятельно управлять своим телом становится полностью зависимым от ближайшего окружения. В связи с этим адаптационные ресурсы необходимо изыскивать путем налаживания взаимоотношений с окружающими по средствам поиска и использования социальной поддержки, а это труднодостижимо когда у человека низкий уровень доверия к миру.

Актуальность изучения трансформации доверия к миру после тяжелой травмы или заболевания опорно-двигательного аппарата объясняется необходимостью решения многих проблем, с которыми человек самостоятельно справиться не в силах, поскольку не имел опыта функционирования в условиях жестких ограничений, вызванных травмой. В ситуации, когда человек теряет возможность свободно передвигаться, совершать действия по самообслуживанию, происходит кардинальная перестройка всей его жизни. Сегодня мир, общество, государство стремятся иметь в своих рядах людей пусть с определенными ограничениями, но активных, стремящихся к личностной и профессиональной самореализации, бытовой и финансовой самостоятельности. Из этого следует практическая значимость нашего исследования, трансформация доверия к миру может нести за собой ряд негативных последствий, отказ от получения помощи и поддержки от близких людей, специалистов может привести к переходу из состояния активного поиска способов реабилитации к состоянию пассивной приспособительной жизнедеятельности.

В нашем исследовании выборку составили 60 человек, 30 из которых имеют заболевание опорно-двигательного аппарата (экспериментальная группа) и 30 у которых отсутствует данная категория заболеваний (контрольная группа). Выборки были также упорядочены по половому признаку: 15 женщин, 15 мужчин. Средний возраст по выборке 35 лет.

Для решения поставленных задач исследования нами были отобраны следующие диагностические методики: Экспресс диагностика доверия по шкале Розенберга; Опросник А.Б. Купрейченко и С.П. Табхаровой, для изучения критериев доверия и недоверия личности другим людям; Разработанный нами опросник «Доверие к миру».

В результате нашего исследования, было выявлено, что у людей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата высокий показатель доверия преобладает, т.е. они открыты для взаимодействия и получения помощи от окружающих, несмотря на наличие заболеваний. Чем больше уровень доверия к миру, тем меньше дистанция в отношениях между людьми, и наоборот, а это является важным моментом в ситуации болезни.

Для доверия наиболее значимы следующие характеристики оцениваемого человека: открытость, активность, искренность и другие. Наиболее значимыми критериями недоверия выступают: расчетливость, ненадежность, агрессивность, скрытность и другие.

В работе нами использовались методы статистической обработки и статистические критерии: t-критерий Стьюдента, метод ранговой корреляции Спирмена. В результате было выявлено, что 1-я группа испытуемых значимо отличается по показателю доверия от группы 2-й (с уверенностью 95% $t=2.2$, $p<0.05$); (с уверенностью 99% $t=3.2$, $p<0.05=2.66$). Также отметим, нами была проделана работа по выявлению гендерных различий в доверии к миру: выявлены статистически значимые различия между мужчинами 1-й группы и мужчинами 2-й группы, (с уверенностью 99% $t=3.3$, $p<0.01=2.76$). Часто мужчины не спешат обращаться за помощью к специалистам, что только усугубляет их положение и в дальнейшем течение заболевания. Поэтому учет выявленных различий важен для предотвращения глубины заболеваний у данной категории лиц.

Недостаточность двигательной активности, вызванная врожденными или приобретенными нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, накладывает отпечаток на процесс формирования представлений об окружающем и, как следствие, искажает процесс становления личности (Г. Ю. Колесникова, 2010). По результатам проделанной работы мы можем видеть, что преобладающим показателем доверия к миру является средняя степень доверия, то есть люди сейчас находятся на пороге открытого отношения с окружающим миром и другой гранью этого полным недоверием к миру и опорой только на собственные ресурсы. Поэтому мы считаем очень важным информирование людей о важности доверия к миру в процессе взаимодействия с людьми и миром в целом во всех его проявлениях.

Теоретические и практические разработки в рамках данной тематики могут быть применены психологами в медицинских учреждениях и других сферах деятельности, а также могут использовать работники медицинских учреждений.

КРЕАТИВНОСТЬ, ИНТЕЛЛЕКТ И РЕАЛЬНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

С.В. Дружинина (Москва)

Наряду с такими старыми исследовательскими проблемами как: операционализация понятий, проблема диагностики интеллекта и креативности – одним из главных вопросов в психологической литературе является проблема характера отношений между интеллектом и творчеством. Вторым немаловажным вопросом является прогностическая валидность тестов интеллекта и креативности и вытекающая из этого проблема связи интеллекта и креативности с реальными достижениями индивида.

В психологической литературе до сих пор нельзя найти однозначного ответа на вопрос о связи интеллекта и креативности. Точки зрения варьируются от отрицания творческих способностей как таковых до интеграции этих двух конструктов в единую модель. Представитель первого подхода, Д.Б. Богоявленская предполагает, что интеллект действует через мотивационную сферу личности, детерминируя творческую активность. А. Маслоу также отдает мотивации, личностным чертам главенствующее положение в проявлении творческой активности. Д. Векслер, Г. Айзенк, Л. Термен, Р.Стенберг в своих моделях не разделяют творчество и интеллект. В отечественной психологии примером интегрирования когнитивных способностей в единую систему является концепция ментального опыта М.А. Холодной (Холодная, 2002), в которой конвергентные и дивергентные способности включены в структуру интеллекта. Д. Гилфорд, К. Тейлор, Я.А. Пономарев, В.Н. Дружинин говорят о независимости факторов интеллекта и креативности.

Эмпирические же исследования демонстрируют различный характер отношений между интеллектом и креативностью: отсутствие связи, наличие связи, нелинейный характер связи. Чтобы объяснить нелинейный характер связи между двумя конструктами Торренс предложил теорию интеллектуального порога: при IQ ниже 115-120 – интеллект и креативность образуют единый фактор, выше – факторы становятся независимыми. В классических исследованиях М. Волаха и Н.Когана (Wollach, Kogan, 1965) при минимизации регламентации процедуры тестирования получилась независимость двух факторов ($r = 0,09$). Данные М.Волаха и Н. Когана были пересмотрены П. Сильвией с помощью анализа латентных переменных, который показал связь на уровне $r=0,2$ (Silvia, 2008). К. Ким был осуществлен мета-анализ 21 исследования, посвященного взаимосвязи интеллекта и креативности (Kim, 2005), средний коэффициент корреляции был хотя и мал (0.174), но статистически значим. В свою очередь, проверяемая в данном исследовании пороговая модель Торранса не подтвердилась.

Анализ исследований позволяет сказать, что диапазон корреляций зависит от методического инструментария, процедуры тестирования, применяемых статистик. При этом из вышеприведенных данных можно констатировать, что в экспериментальном плане креативность и интеллект – разные конструкты. Таким образом, интеллект и креативность как два независимых фактора дают различный вклад в реальные (творческие, учебные или профессиональные) достижения индивида.

Исследования, посвященные прогностической способности тестов интеллекта (тесты Векслера, Амтхауэра, Равена), демонстрируют величину корреляции между интеллектом и школьной успешностью в диапазоне 0,5-0,6. Таким образом, интеллект необходим для учебной успешности, но при этом полностью ее не объясняет. Несмотря на наличие связи, во многих исследованиях выделяется особая группа детей с высоким IQ, но относительно низкими школьными оценками (Дружинин, 1995;

Буралчук, Блейхер, 1978). Таким образом, прямая связь между интеллектом и способностью к школьному обучению отсутствует (Холодная, 2002).

Связь креативности и реальных достижений также не столь однозначна. Корреляция креативности как с учебными, так и с творческими достижениями определяется на уровне 0,2 (Silvia, 2008; Kim, 2008). А. Паланиаппан пришел в своих исследованиях к выводу о компенсаторном характере творческих способностей, которые могут компенсировать низкий уровень интеллекта и способствовать повышению успеваемости (Palaniappan, 2007). Эти данные согласуются с некоторыми исследованиями (Getzels, Jackson, 1962; Yamamoto, 1964) об отсутствии различий в учебной успеваемости между высоко креативными и высоко интеллектуальными группами учащихся. К схожим выводам приходит Т.Н.Березина, заключая, что также высокоинтеллектуальные люди могут самостоятельно развивать свой уровень креативности (Березина, 2008).

Нелинейный характер связи отмечается с одной стороны как между интеллектом и достижениями, так и между креативностью и достижениями. Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что люди с высокими тестовыми показателями интеллекта и креативности добьются высоких достижений в выбранной ими области деятельности. В свою очередь, реальные достижения могут объясняться не только когнитивными факторами.

Согласно модели «интеллектуального диапазона» В.Н. Дружинина (Дружинин, 1998), для того что бы освоить ту или иную деятельность, необходимо обладать соответствующим уровнем интеллекта (нижний порог), определяемым требованиями этой деятельности. Вместе с тем, предельный уровень достижений индивида (верхний порог) ограничен актуальным уровнем его интеллекта. Использует или нет индивид собственный интеллектуальный потенциал, а, соответственно, демонстрирует ли успешность в какой-либо сфере деятельности – зависит от его мотивации, компетентности и от внешних условий. У. Шнайдер (Schneider, 1993) сформулировал гипотезу о «пороге» показателей IQ, свыше которого реальные достижения в реальной деятельности определяются настойчивостью, увлеченностью, темпераментальными особенностями, поддержкой семьи. В исследованиях Д. Рензулли и коллег (Renzulli, Reis, 1985) показано, что продуктивность связана не только с IQ, но и с уровнем мотивации, «приобщенностью к задаче», уровнем специальных навыков и знаний, с «кристаллизованным» интеллектом».

Из вышесказанного можно заключить, что некогнитивные факторы играют далеко немаловажную роль в реализации внутреннего потенциала личности и объясняют значительную часть дисперсии в различии уровней индивидуальных достижений.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЙ В ЖИЗНИ МАТЕРЕЙ С ТРУДНЫМИ СИТУАЦИЯМИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНИ ИХ ДЕТЕЙ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Ю.А. Дружинина (Омск)

Процесс совладания со стрессом в психологической науке принято называть копингом (от англ. «cope» - преодоление). S. Folkman, R.S. Lazarus понимали копинг как «когнитивные, эмоциональные и поведенческие попытки справиться со специфиче-

скими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека». На наш взгляд отдельного внимания заслуживает проблема влияния детско-родительских отношений на поведение ребенка, а также проблема преемственности, трансляции копинг-стратегий из поколения в поколение, поскольку данные проблемы являются наиболее актуальными в современной психологической науке, т.к. их решение позволит повысить эффективность совладания с многочисленными стрессорами, посредством формирования навыков использования и усвоения социально-приемлемых, продуктивных копинг-стратегий, начиная с ранних периодов становления личности.

Основным видом деятельности в подростковый период является общение со сверстниками, однако С.К. Нартова-Бочавер поясняет, что предназначение старших в этот период состоит в обучении подростков стратегиям совладающего поведения, главная роль в успешности этого процесса принадлежит совместной деятельности и общению со значимыми взрослыми, прежде всего, родителями, особенно матерью, поскольку именно с ней у детей складываются более тесные отношения, обусловленные интимно-личностным общением. Поэтому в данном исследовании остановимся на изучении взаимосвязи трудных или стрессогенных ситуаций в жизни матерей и их детей-подростков.

Выборку исследования составили 60 человек, объединённые в две равные зависимые группы: родители – 30 женщин, воспитывающие детей-подростков и 30 подростков в возрасте 14-18 лет, среди которых 17 девушек и 13 юношей.

Использование опросника «Лист жизненных событий подростков» О.А. Идобаевой и А.И. Подольского позволило нам оценить степень влияния стрессогенных событий на личную жизнь, а также установить имели ли место данные события в реальной жизни подростка, нами были выявлены стрессогенные ситуации, имевшие место в жизни подростка: смерть родителя или близкого друга и собственная серьезная болезнь во время каникул, требующая госпитализации (7% подростков, соответственно, со ср. знач. -10 баллов), ссора с другом или подругой, приведшая к разрыву отношений и неприятности в личной жизни сестры или брата (54% и 10% подростков, соответственно, со ср. знач. -9 баллов), серьезная болезнь родителя, требующая госпитализации (27% подростков со ср. знач. -8,6 баллов), увольнение с работы папы или мамы (10% подростков со ср. знач. -7,5 баллов), серьезная болезнь брата или сестры, требующая госпитализации и ухудшение финансового состояния семьи (27% и 20% подростков со ср. знач. -7 баллов). Наиболее радостными и значимыми событиями являлись появление в доме домашнего животного (67% подростков со ср. знач. 9,7 баллов), поездка за границу (60% подростков со ср. знач. 9,6 баллов), рождение брата или сестры (47% подростков со ср. знач. 9,2 баллов), покупка недвижимости (дома, дачи, квартиры) или автомобиля (70% подростков со ср. знач. 8,2 баллов), личные достижения (83% подростков со ср. знач. 8,6 баллов), получение родителями нового рабочего места и присутствие на повторном замужестве собственной матери (57% и 17% подростков, соответственно, со ср. знач. 8,3 баллов), улучшение финансового состояния семьи (47% подростков со ср. знач. 7,7 баллов), улучшение взаимоотношений со сверстниками (67% подростков со ср. знач. 7,5 баллов). Отметим, что наиболее негативные события, по мнению подростков, происходят с ними в семейной сфере и в сфере отношений со сверстниками, а наиболее радостные и значимые события - в личной жизни и семейной сфере.

Описать стрессогенные ситуации, а также степень сопротивляемости стрессу, имеющему место в жизни матерей подростков возможно посредством «Методики определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге. Согласно

полученным данным, только 1% выборки матерей характеризуется низкой степенью сопротивляемости стрессу и близки к фазе нервного истощения. Большая часть выборки (69%) имеют очень высокую степень сопротивляемости стрессу, 16% характеризуются высоким уровнем сопротивляемости стрессогенным факторам и несколько меньшее количество родителей подростков (14%) имеют пороговую степень сопротивляемости стрессу, то есть находятся в зоне риска. В результате анализа были выявлены основные стрессоры, встречающиеся в жизни матерей подростков: отпуск (44% выборки), изменение финансового положения (20%), изменение условий или времени работы (16%). Остальные стрессовые ситуации встречаются менее часто и затронули меньше 15% родителей подростков.

Как показывают результаты исследования трудности, с которыми сталкиваются родители, связаны с трудностями в жизни их детей-подростков, так в отношении сложных ситуаций в личной жизни подростков выявлена прямая корреляционная связь ($r=0,391$), а также сильная прямая корреляционная связь ($r=0,471$) между трудностями в семейной сфере у подростков и стрессогенностью жизненных ситуаций их родителей. При этом связи данного параметра с трудностями в отношениях со сверстниками, а так же школьной и внешкольной жизнью подростков не выявлены.

В результате проведенного исследования, мы установили, что стрессовые ситуации в жизни матерей подростков связаны со стрессами в семейной сфере и личной жизни подростков. Таким образом, поведение подростка в стрессогенных ситуациях не только оказывает влияние на детско-родительские отношения, но и зависит от особенностей поведения его родителей в трудных жизненных ситуациях.

НЕГАТИВНЫЙ ЛИЧНОСТНЫЙ ОПЫТ В ОБЩЕНИИ КАК ВОЗМОЖНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ ИНКАССАТОРАМИ В АДРЕС КОЛЛЕГ

А.И. Дука (Белгород)

Инкассаторская деятельность всегда была и остается одной из наиболее опасных видов профессиональной деятельности в силу того, что связана с перевозкой крупных денежных средств. Экстремальные ситуации, встречающиеся в работе инкассаторов, возникают в основном в ходе реализации преступными лицами желания завладеть денежными средствами, причем, наибольшую угрозу представляют друг для друга лица, являющиеся коллегами, поскольку входят в зону «максимальной доступности». По данным средств массовой информации чаще всего преступления, связанные с хищением денежных средств у инкассаторов, совершаются либо в результате нападения инкассаторов на своих коллег в ходе инкассирования клиентов, либо «по наводке» (в случае, если маршрут передвижения стал известен преступным лицам). Предупреждение развития первого варианта преступных событий – задача особой важности сотрудников, занимающихся психологическим сопровождением инкассаторов. Именно поэтому в круг наших научных интересов вошли вопросы, связанные с изучением личностных характеристик инкассаторов, дезадаптирующих их в профессиональной деятельности и являющихся предпосылками совершения преступных действий.

Одной из таких характеристик, изучаемых нами, выступил негативный личностный опыт в общении.

По нашему мнению, именно негативный личностный опыт в общении является одной из наиболее важных личностных характеристик инкассатора, препятствующих формированию групповой сплоченности внутри отдела, крайне необходимой для предупреждения совершения инкассаторами преступных действий в адрес коллег.

Позитивный жизненный опыт специалиста, как правило, составляет его профессиональное богатство и опору, в том числе опыт, полученный в общении. Особенно важен это опыт для специалистов сферы «Человек-Человек», а также для всех работников, чей профессиональный результат во многом зависит от сплоченности команды, в которую они включены. Позитивный опыт общения позволяет личности выстраивать доверительные отношения с другими людьми, быть соучастным партнером в общении, испытывать радость в ситуации субъект-субъектного взаимодействия, конструктивно преодолевать барьеры общения. Человеку с таким опытом не чуждо «чувство плеча», он успешно работает в команде, кроме того, он, как правило, стремится гармонизировать межличностные отношения.

Негативный же опыт в общении, напротив, становится препятствием для включения субъекта в межличностное общение, порождает недоверие к людям, провоцирует актуализацию различных механизмов защиты, появление чувства враждебности, обостряющегося в ситуации конфликта и т.д.

В результате обретения личностью негативного опыта в общении зачастую возникает фрустрированность, накапливаются обиды и злость. Всё это может приводить к озлобленности, т.е. к неприязни к происходящему и лицам, участвующим в жизни озлобленного субъекта.

Изучение профессионального прошлого лиц, работающих инкассаторами, показало, что чаще всего эту должность занимают специалисты ранее служившие милиционерами или охранниками, что не могло не отразиться на формировании их личностных особенностей. Специфика правоохранительной и охранной деятельности, в том числе необходимость вступать во взаимодействие с правонарушителями, нередко содержит в себе элементы отрицательного воздействия на личность, влияет на формирование негативного опыта в общении. При отсутствии у сотрудника достаточного уровня психологической и нравственной устойчивости часто наблюдается развитие его профессиональной деформации.

Э.Ф. Зеер отмечает: «...Многолетнее выполнение одной и той же профессиональной деятельности приводит к появлению профессиональной усталости, обеднению репертуара способов выполнения деятельности, утрате профессиональных умений и навыков, снижению работоспособности... Профессиональная деформация - это постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности».

Профессиональная деформация представляет собой результат искажения профессиональных и личностных качеств работника органа правопорядка под влиянием отрицательных факторов деятельности и окружающей среды. Профессиональная деформация развивается под влиянием факторов, относящихся к внешней среде деятельности (общение с правонарушителями, решение задач применения к ним мер профилактики и пресечения и т.д.), а также факторов внутрисистемного взаимодействия (отношение с руководителем и сослуживцами, совместное выполнение служебных задач и т.д.).

Личностные предпосылки к развитию профессиональной деформации обнаруживаются у сотрудников милиции и охранных подразделений уже в первые годы

службы, а именно в период адаптации к ней, когда происходит овладение профессиональными функциями и профессиональной ролью. Не удивительно, что особая специфика в формировании личностных особенностей наблюдается у сотрудников инкассаторских служб, поскольку большинство из них более 15 лет отработали в правоохранительных структурах.

Подтверждением этому служит исследование, проведенное на базе инкассаторских служб отделений Сбербанка по Белгородской области. По данным исследования, в котором приняло участие 42 инкассатора, у 67 % из них наблюдается негативная коммуникативная установка, возникшая в результате ранее полученного негативного опыта в общении. Данный факт может препятствовать процессу командообразования и способствовать формированию неудовлетворенности профессиональным общением, собой в нем, враждебности, неприязни и т.д.

Таким образом, сотрудники инкассаторских служб нуждаются в своевременной диагностике личностных характеристик, актуализация которых связана с негативным опытом в общении, а также в психологической помощи по преобразованию этого опыта в позитивный.

РАЗЛИЧИЯ В МНЕМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СТУДЕНТОВ ПРИ РАЗНЫХ СТИЛЯХ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Я.Н. Дёгтева (Воронеж)

Современный студент в условиях модернизации высшего образования в России должен быть готов творчески решать задачи, предвидеть основные тенденции развития науки и общества, причём делать это самостоятельно. Психологическую основу его самостоятельности составляет система саморегуляции. Осуществление процесса саморегуляции и развитие творческой активности личности невозможно без постоянного накопления и переработки поступающей извне информации. Вообще трудно переоценить роль памяти в структуре деятельности субъекта, т.к. она является её компонентом и механизмом, участвующим в организации и функционировании всех психических процессов и форм психической деятельности. Нередко ограничения в возможностях мнемического звена являются преградой для решения тех или иных интеллектуальных задач.

Таким образом, необходимо уделять внимание особенностям как памяти у юношей и девушек, обучающихся в вузах, так и саморегуляции, т.к. оба этих процесса влияют на успешность обучения и профессионального становления. Знание этих особенностей может прояснить, в каком направлении двигаться психологам и педагогам в учебном процессе, который включает в себя помимо лекционных и семинарских занятий, разнообразные практики. Учёт различий в мнемических процессах студентов при разных стилях саморегуляции может облегчить этот процесс, так как это позволяет опираться на так называемые «сильные стороны» личности с определённым стилем саморегуляции и компенсировать его «слабые стороны» в ходе преподавания ему учебной информации, постановки учебных задач по её преобразованию, а также контроля качества усвоения.

В данном исследовании под особенностями памяти подразумеваются показатели объёма слухоречевого запоминания определенного количества слов и объёма отсроченного их воспроизведения, а также то, каким путём, с помощью каких мнемических техник студенты пытаются запомнить словесный материал. Мнемические

техники – система различных вспомогательных приёмов запоминания материала, облегчающих этот процесс и увеличивающих объём памяти (в тексте термины «приёмы» и «техники» используются как взаимозаменяемые). Индивидуальный стиль саморегуляции – индивидуально-типическое своеобразие саморегуляции и реализации произвольной активности человека. В отечественной психологии принято выделять эффективные и неэффективные стили саморегуляции. Эффективными считаются гармоничный (высокоразвитые и взаимосвязанные стилевые особенности регуляторики) или компенсированный акцентуированный стили. Неэффективными – гармоничный стиль с низким общим уровнем саморегуляции и некомпенсированные акцентуированные стили. Выделяют 3 акцентуированных стили: автономный, устойчивый, оперативный. Стиль саморегуляции во многом определяет, насколько успешен будет человек в той или иной деятельности, значит, формирование эффективного стиля важно в профессиональном становлении студентов.

База исследования – ВГУ. Выборка (180 человек) была поделена на группы в зависимости от результатов, полученных с помощью опросника В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ). Из результатов, полученных с помощью методики А.Р. Лурия «Запоминание 10 слов», следует, что объём слухоречевого запоминания в группе студентов с эффективными стилями саморегуляции в среднем равен 10 единицам. Среднее значение объёма слухоречевого запоминания в группе субъектов, продемонстрировавших неэффективные стили – 9. Среднее значение объёма долговременной памяти на слова у групп с эффективными и неэффективными стилями – 10 и 9 единиц соответственно.

На основании использования t-критерия Стьюдента выявлены значимые различия в величинах объёма слухоречевого запоминания и объёма отсроченного воспроизведения слов в группах с эффективными и неэффективными стилями: $|t| = 5$, $p < 0,01$ и $|t| = 4,3$, $p < 0,01$ соответственно. Применение методики Я.Н. Дёгтевой и Е.Н. Лисовой «Выявление техник запоминания» позволило обнаружить, что студенты с эффективными стилями чаще студентов с неэффективными стилями используют средства запоминания. Первые в 4 раза чаще, чем вторые пользовались приёмами, связанными с осмыслением материала.

Таким образом, было обнаружено, что в группе студентов с неэффективными стилями объёмы запоминания и отсроченного воспроизведения ниже, приёмами запоминания пользуются не так часто, как в группе с эффективными стилями, реже выбирая при этом приёмы, связанные с осмыслением, переструктурированием и включением материала в базу имеющихся знаний.

Кроме того, было выяснено, что ни одна из разновидностей эффективных стилей не является более предпочтительной по сравнению с другими в плане влияния на успешность запоминания и воспроизведения слов. Студенты с эффективными стилями успешно заучивают слова и воспроизводят их через некоторый интервал времени не зависимо от того, какая из разновидностей эффективных стилей саморегуляции у них представлена.

Следует отметить, что люди с гармоничным эффективным стилем и с акцентуированными компенсированными в среднем демонстрируют больший объём как слухоречевого запоминания, так и отсроченного воспроизведения слов, в сравнении со студентами с неэффективными стилями. Однако студенты с гармоничным стилем чаще остальных пользовались техниками запоминания, а это облегчает процесс заучивания, увеличивает объём памяти и свидетельствует об эффективной и рациональной регуляции деятельности.

Эти выводы касаются только студенческой молодёжи, поэтому нецелесообразно распространять полученные результаты на другие возрастные и социальные группы. Однако это исследование показывает, что дальнейшее рассмотрение проблемы особенностей памяти у студентов с разными стилями саморегуляции актуально и требует более глубокого и масштабного эмпирического изучения. Исследование этих особенностей на разных возрастных этапах также представляет интерес.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВВС РФ

Я.Н. Дёгтева (Воронеж)

В связи с развитием средств и способов ведения боевых действий, ростом напряжённости военнослужащих в боевой подготовке, а также усложнением задач работы с личным составом, в настоящее время роль психологической подготовки значительно возрастает и требует к себе повышенного внимания.

На данном этапе развития ВС РФ главной задачей личного состава военной авиации является повышение боеготовности авиационных частей, достижение и постоянное поддержание высокой боевой выучки лётного и инженерно-технического состава, что невозможно без психологической подготовки, т.е. комплекса мероприятий, согласованных по целям, задачам, месту, времени, проводимых по единому плану и замыслу руководящим составом подразделений по формированию высокого морально-психологического состояния личного состава и качеств, способствующих безопасному выполнению поставленных задач. Если говорить об особенностях психологической подготовки личного состава ВВС, то следует, в первую очередь, отметить, что в авиации понятия профессиональная и психологическая готовность практически тождественны.

Для повышения эффективности психологической и профессиональной подготовки необходимо проводить предварительное психологическое обследование личного состава, проверку на наличие у него профессионально значимых качеств. Напомним, что основные профессионально важные качества военнослужащих отражены в профессиограммах. Основу профессиограммы помимо лётных и др. способностей составляют характерологические качества военнослужащих. Целесообразно пояснить, что грамотная организация и планирование психологической работы, направленной на изучение индивидуально-психологических особенностей личного состава помогает прогнозировать профилактические мероприятия.

Людам, осуществляющим психологическую подготовку, необходимо помнить, что человек – существо социальное, на него сильно влияет обстановка, в которой он живёт, и люди, которые его окружают. Поэтому с военнослужащими должна проводиться социально-психологическая работа.

Обобщая, психологическую подготовку личного состава можно разделить на три этапа.

На первом этапе проводится в большей части теоретическая и психологическая подготовка всех специалистов, изучение их индивидуально-психологических качеств, обнаружение конфликтов, изучение обстановки в семьях. После этого определяется уровень теоретической подготовки к выполнению поставленной задачи и уязвимые места, где лётный состав в теоретическом плане не подготовлен – идёт корректировка и проводятся дополнительные занятия. На этом же этапе напоминаются

виды ответственности, которые могут наступить при отклонении или нечётком выполнении своих функциональных обязанностей и при нарушении лётной и технологической дисциплины.

На следующем этапе лётный состав и все специалисты воплощают полученные теоретические знания в практику. Здесь нужно создать такую атмосферу, чтобы военнослужащий, если у него что-то не получается или он что-то не понимает, обращался за разъяснениями к специалистам. Психологическая подготовка здесь заключается в том, чтобы обучить личный состав эффективным копинг-стратегиям, т.е. механизмам осознаваемого совладания со стрессом и аутотренингу, направленному на гармонизацию личности военнослужащего.

После обработки материалов объективного контроля, поступившей информации с полигона оценивается эффективность проведённых мероприятий боевой подготовки. Затем необходимо провести с военнослужащими занятия в комнате психологической разгрузки. Это способствует позитивному психологическому настрою, снимает психическую, эмоциональную и физическую напряжённость. Поэтому, если командир заинтересован в том чтобы был положительный результат боевой подготовки, он должен заниматься подбором людей, которые проводят психологическую подготовку личного состава и заботится о базе этой работы.

В настоящее время существуют различные системы восстановления психических и физических сил. Например, дыхательная гимнастика, аутотренинг, массаж биологически активных точек, основные упражнения из йоги и некоторых восточных единоборств. Здесь же следует указать ароматерапию; известно, что определённые ароматы оказывают целебное воздействие на психику человека. Помимо этого, в «Руководстве по психологической работе в ВС РФ» (2007 г.) указаны основные приёмы использования фитотерапии, которой, однако, следует пользоваться с большой осторожностью во избежание возникновения аллергических реакций у военнослужащих.

Перед началом выполнения боевых задач целесообразно уделять внимание специальным формам психологической подготовки. Эффективными являются упражнения, которые позволяют мысленно проработать стрессовую ситуацию. Результатом таких занятий является формирование образа поведения и действий, развитие уверенности в себе, своих силах, путём мысленного проигрывания ситуации, проговариванием её вслух. В конце занятия проводится анализ ситуации.

Раскрывая суть изложенной проблемы, хотелось бы подчеркнуть, что человек – это не машина, а личность, которой присущи определённые особенности. Исходя из этих индивидуальных особенностей, человек может заниматься теми видами деятельности, в которых сможет наиболее полно реализовать себя и получить от своей деятельности удовлетворение. К выполнению любой профессиональной деятельности его необходимо готовить, а если эта деятельность связана с риском для жизни, то подготовка к ней большей частью должна быть психологической.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ И МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ У ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ НА НАЧАЛЬНОМ И У ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЗРОСЛОСТИ

А.С. Дёмина (Ростов-на-Дону)

Актуальность исследования факторов, влияющих на удовлетворенность личностью собственной жизнью, обусловлена запросами теории и практики психологической науки. В данном исследовании была предпринята попытка внести свой вклад в изучение динамики и факторов удовлетворенности жизнью у взрослых людей.

Последние, как известно, делятся на субъективные и объективные. Одной из субъективных детерминант жизненной удовлетворенности личности можно считать мотивацию достижения. Иными словами, можно предположить, что существует взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и мотивацией достижения личности. Эмпирических исследований, посвященных исследованию этой взаимосвязи, нам обнаружить не удалось. Её изучение в настоящем исследовании осуществлялось путем сравнительного анализа удовлетворенности жизнью, мотивации достижения и взаимосвязи между ними у лиц, находящихся в начале и в конце периода взрослости. Вместе со сменой этапов взрослости происходит и смещение жизненных акцентов. Меняются критерии оценки качества жизни и, следовательно, не может не изменяться степень влияния отдельных факторов на удовлетворенность личности собственной жизнью.

Таким образом, целью исследования было изучение взаимосвязи между удовлетворенностью жизнью и мотивацией достижения у лиц, находящихся на этапе ранней и на этапе поздней взрослости.

Исходя из цели исследования, были выдвинуты следующие гипотезы

Основные:

1. Удовлетворенность жизнью участников исследования будет связана со степенью выраженности их потребности в достижении.
2. Взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и мотивацией достижения у лиц, находящихся на этапе ранней и у лиц, находящихся на этапе поздней взрослости, будет характеризоваться определенными особенностями.

Частные:

1. Удовлетворенность жизнью у лиц, находящихся на этапе ранней и у лиц, находящихся поздней взрослости, будет иметь особенности.
2. Мотивация достижения участников исследования, находящихся на этапе ранней и находящихся на этапе поздней взрослости, будет иметь особенности.

Эмпирическим объектом исследования выступили 60 человек: 2 возрастные группы по 30 респондентов (от 18 до 30 лет и от 50 до 60 лет).

В исследовании были использованы следующие методы и методики: для получения первичных данных: «Индекс жизненной удовлетворенности» Н.В. Паниной; «Диагностика уровня социальной фрустрированности» Л.И.Вассермана; Шкала прямого оценивания жизни; Методика изучения потребности в достижении успеха Орлова Ю.М; для обработки полученных данных была применена описательная статистика, процедура установления значимости различий, корреляционный анализ (по Спирмену).

Результаты эмпирического исследования состоят в следующем. Общая удовлетворенность жизнью участников исследования сравниваемых возрастных групп различается незначительно. При этом степень выраженности социальной фрустрированности респондентов, находящихся на позднем этапе взрослости, значимо выше, чем у респондентов, находящихся на начальном этапе взрослости (при $p < 0,02$). Старшие по возрасту респонденты значительно меньше удовлетворены своими социальными достижениями, чем молодые.

Лица, находящиеся на начальном этапе взрослости, с возрастом свою жизнь воспринимают как менее приятную. Те из них, кто удовлетворён собственной жизнью, воспринимают её интересной, насыщенной, предлагающей больше шансов и одновременно с этим не очень приятной и одинокой.

Уровень мотивации достижений у лиц, находящихся на начальном этапе взрослости, можно охарактеризовать как средний. У лиц, находящихся на завершающем этапе взрослости, уровень мотивации достижений низкий. В группе последних не оказалось респондентов с высоким уровнем мотивации достижения успехов. Таким образом, различие в уровне мотивации достижений у лиц, находящихся на начальном и у лиц, находящихся на завершающем этапах взрослости, имеет место. Однако при применении статистической процедуры установления значимости различий оно оказалось незначительным.

Значимые (при $p < 0,05$) корреляции индекса жизненной удовлетворённости с параметрами оценки респондентами собственной жизни говорят о следующем.

У лиц, находящихся на завершающем этапе взрослости значимой связи индекса жизненной удовлетворённости с возрастом – нет. При этом удовлетворённые собственной жизнью респонденты этой группы воспринимают её как интересную, приятную, насыщенную, обнадёживающую, вознаграждающую, предлагающую лучшее; одновременно с этим, так же, как и молодые респонденты, они оценивают её как одинокую.

Наибольшие различия в оценке удовлетворенности собственной жизни в сравниваемых группах проявились в следующих сферах жизни: жилищно-бытовые условия, материальное положение, отношения с детьми, возможность проводить отпуск, возможность выбора места работы: больше неудовлетворённых вышеперечисленным в группе молодых респондентов.

Значимые (при $p < 0,05$) корреляции индекса жизненной удовлетворённости респондентов с их мотивацией достижения свидетельствуют о следующем.

У лиц, находящихся на завершающем этапе взрослости, социальная фрустрированность тесно значимо положительно связана с выраженностью у них мотивации достижения: имея высокий уровень мотивации достижения, они не удовлетворены тем, как ее удалось реализовать; следствием этого может быть их неудовлетворенность своими социальными достижениями. У лиц, находящихся на начальном этапе взрослости, такой связи не обнаружено. У них имеет место значимая положительная связь между общей удовлетворённостью жизнью и мотивацией достижения: удовлетворены собственной жизнью молодые респонденты с высоким уровнем мотивации достижения. Молодые респонденты с высоким уровнем мотивации достижения и удовлетворенные собственной жизнью воспринимают свою жизнь как интересную, приятную, насыщенную и одновременно с этим всё-таки одинокую.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАССТОЯНИЯ КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ЮМОРА

А.А. Егорова (Ярославль)

Одним из самых малоизученных разделов когнитивной психологии является когнитивная психология юмора. В число основных гипотез, объясняющих когнитивные механизмы юмора, входит модель семантических расстояний (Osgood, Suci Tannenbaum, 1957; Snider Osgood, 1969; Godkewitsch, 1974). Согласно некоторым исследованиям, зависимость семантических расстояний и юмористичности имеет график U-образной инвертированной функции, то есть вследствие увеличения дальности, юмористичность достигает определенного «пика», а далее идет на спад (см. Р. Мартин, 2009). Сомнения в гипотезу внесли результаты других исследований, показавшие прямую зависимость приведенных выше факторов (Derks, Staley Haselton см. там же). Наша работа посвящена проверке данных гипотез.

Цель работы: определить связь между семантическими расстояниями в высказываниях и их юмористичностью.

Гипотезы:

1. семантическая близость компонентов определяет юмористичность высказывания;

2. существует некий оптимум для семантических расстояний, в котором выражение будет приобретать наиболее юмористическую окраску (предположительно, оптимумом является вершина U-образной инвертированной функции).

В качестве модели юмористических высказываний нами были выбраны высказывания типа «А – это Б». Например: «лосось – это ужин», «кирпич – это потеря». При этом для элемента «А» использовалось всего две вариации: «лосось» и «кирпич». Остальные слова были разделены на 4 группы по степени семантической близости.

Мы старались выбрать максимально простую форму высказываний, представляя их как упрощенную модель шутки. На примере подобных высказываний удобнее составить классификацию, т.к. слово имеет хорошо измеряемую семантику, в отличие от фразы или текста. Также, используя данную форму, мы исключаем действие дополнительных эффектов (омонимия).

Подобный метод в свое время был использован Майклом Годкевичем (Godkewitsch, 1974) из Торонтского университета: он предъявлял испытуемым набор пар существительных и прилагательных и просил оценить их оригинальность. Данное исследование наглядно подтверждает теорию несоответствия в юморе: чем дальше слова были расположены в семантическом пространстве, тем более забавными были признаны высказывания.

Род Мартин и Тим Хиллсон (Hillson Martin, 1994) также использовали в своем исследовании метод семантических расстояний, но схема высказываний, предъявляемых ими выглядела немного иначе: «А – это Б из области А» (например, «Джордж Буш – американский гриф среди мировых лидеров»). Эти исследования еще раз подтверждают теорию несоответствия и позволяют систематически предсказывать оценку забавности простого вербального материала.

Дизайн исследования:

Независимая переменная: семантическая близость.

Для измерения семантической близости мы использовали два способа: персональная оценка семантического дифференциала каждым испытуемым и экспертная оценка, проведенная нами предварительно по жестким критериям.

Мы разделили используемые слова на 4 уровня семантической близости:

1 уровень – близкие ассоциации;

2 уровень – ассоциации на слова 1 уровня;

3 уровень – слова, не связанные семантически;

4 уровень – слова из искусственного языка, непонятные и незнакомые испытуемому;

Зависимая переменная: юмористичность высказываний.

Юмористичность замерялась посредством оценки мимики испытуемых. В процессе исследования каждый из участников был записан на видеокамеру, а впоследствии их мимика была оценена нами по шкале от 0 до 2: 0 – отсутствие реакции, 1 – изменения в мимике (например, нахмуренные брови, приподнятые краешки губ), 2 – выраженная эмоциональная реакция: улыбка, смех.

Выборка: в исследовании приняло участие 10 испытуемых в возрасте от 18 до 24 лет, преимущественно девушки.

Характеристика экспериментальных заданий: в данной экспериментальной серии испытуемым предлагалось оценить степень оригинальности простых высказываний типа «А – это Б» по предложенной шкале, где оценка 1 означала нейтральное отношение к словосочетанию, 2 – «что-то в нём есть», оценка 3 характеризовала высказывание как оригинальное и необычное. Далее требовалось заполнить таблицу, оценив данные предметы по указанным характеристикам, для составления индивидуальной матрицы семантических расстояний.

Для проведения эксперимента нами была использована программа «PsychoPy». По заданному алгоритму, программа выдавала словосочетания в случайном порядке. Благодаря неупорядоченности словосочетаний по семантической близости, можно было более объективно оценивать эмоциональную реакцию испытуемых.

В ходе исследования фиксировались оценка данных выражений, время реакции и юмористичность словосочетаний – во время проведения исследования, мимика испытуемых отслеживалась с помощью видеокамеры.

Далее результаты подвергались математико-статистической обработке.

Результаты:

В результате сравнения выборок случаев с семантической дальностью 1, 2, 3 и 4 уровней по параметру юмористичности, мы получили следующие результаты: $H(3, N=24) = 1,677778$ $p = ,6419$

Исключив неюмористические случаи, мы получаем неравномерное распределение: большинство юмористических реакций приходится на слова с средней семантической близостью. Отличие от равномерного распределения значимо, Хи-квадрат = $13,29412$ $сс = 3$ $p < ,004042$

Кр.Краскела-Уоллиса: $H(3, N=29) = 3,188889$ $p = ,3634$

2. Теперь рассмотрим связь объективной (экспертной) семантической близости с юмористичностью.

Кр.Краскела-Уоллиса: $H(3, N=143) = 10,36531$ $p = ,0157$

Можно отметить, что наибольшей юмористичностью обладают словосочетания со средней семантической близостью, что подтверждает гипотезу о существовании оптимума.

Выводы:

1. Существует тенденция влияния семантической близости на юмористичность, и она подразумевает возрастающую прямолинейную зависимость. Особую роль играет объективная близость, что может говорить о значимости когнитивного компонента.

2. Выраженность на уровне тенденций может быть объяснена индивидуальными особенностями мышления и побочными переменными.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 12-06-33008

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМОКОНТРОЛЯ В ОБЩЕНИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

К.А. Елистратова (Владимир)

Самоконтроль является условием адекватной, целенаправленной, интегрированной психики. Самовоспитание и самосовершенствование личности, обучение и профессиональная деятельность, поведение в обществе предполагают непрерывную включенность в них самоконтроля. Самоконтроль относится к числу обязательных признаков сознания и самосознания человека. Он выступает как условие адекватного психического отражения человеком своего внутреннего мира и окружающей его объективной реальности. Самоконтроль является одним из неотъемлемых компонентов процессов самоуправления (саморегулирования) систем различной качественной природы, среди которых человек представляет собой пример живой и в высшей степени сложной системы.

Актуальность изучения гендерных особенностей самоконтроля в общении в юношеском возрасте обусловлена необходимостью поиска путей более эффективной психологической помощи юношам и девушкам, остро переживающим жизненные проблемы, связанные с налаживанием межличностного взаимопонимания с окружающими.

Вопросы, связанные с особенностями пола человека и его психологическими различиями, в последнее время часто входят в число наиболее активно обсуждаемых в обществе. Ведь роль мужчины и женщины в общественной среде сегодня претерпевает значительные изменения.

Так в данной работе целью становится исследование гендерных особенностей самоконтроля в общении и выявление различий.

Задачи:

- рассмотреть теоретические аспекты проблемы гендерных особенностей самоконтроля в общении;
- охарактеризовать особенности юношеского возраста;
- провести эмпирическое исследование гендерных особенностей самоконтроля в общении юношей и девушек;
- сделать выводы на основе полученных результатов и сформулировать заключение.

Объект исследования: самоконтроль в общении.

Предмет исследования: гендерные особенности самоконтроля в общении юношей и девушек.

Гипотеза исследования: существуют различия в самоконтроле в общении у юношей и девушек с различным гендером.

Методологической основой данного исследования послужили работы таких авторов, как: С. Бэм, М.Ю Орлова, А. К. Осницкого, М. Снайдера и др.

Методы, использованные в работе: анализ и синтез теоретических источников, методика Сандры Бэм «полоролевая диагностика фемининности-маскулинности», методика «Потребность в общении» для диагностики потребности в общении, а

также тест на оценку самоконтроля в общении М. Снайдера – для изучения самоконтроля в различных жизненных ситуациях. Для подтверждения достоверности результатов исследования был использован критерий Манна-Уитни.

Экспериментальными базами исследования явились общеобразовательные школы № 8, №36 г. Владимира. В исследовании приняли участие 42 учащихся 11 классов, в возрасте 17-18 лет.

Практическая значимость: материал исследования можно использовать в лекционных занятиях по курсу дифференциальной и общей психологии, в составлении специальных программ, тренингов с указанными группами испытуемых.

Исследование было направлено на изучение гендерных особенностей самоконтроля в общении в юношеском возрасте. Предполагалось, что существуют различия в самоконтроле в общении у юношей и девушек с различным гендером.

В первой главе были рассмотрены основные теоретические аспекты, особенности юношеского возраста, сущность самоконтроля и проявления его в общении.

В целом юношеский возраст характеризуется большей, по сравнению с подростковым, дифференцированностью эмоциональных реакций и способов выражения эмоциональных состояний, а также повышением самоконтроля и саморегуляции. Юношеские настроения и эмоциональные отношения более устойчивы и осознанны, чем у подростков, и соотносятся с более широким кругом социальных условий.

В период юности особенно велика потребность в дружеских отношениях, которые предполагают стремление к полному пониманию и принятию другого, определяя интимно-личностный характер общения со сверстниками, а позднее и со значимыми взрослыми. При этом самоконтроль является важным компонентом успешного построения отношений.

В процессе общения на первый план выступает ситуативная регуляция. Ситуативная регуляция выражается в эмоциональных стенических и астенических реакциях на необычные, внезапные события, прерывающие текущую активность, которые либо заставляют мобилизовать ресурсы организма в случае потенциальной опасности, либо приводят к расслаблению в случае приятных, позитивных впечатлений. Регуляция проявляется в форме моральных, интеллектуальных, эстетических чувств, связанных с необычностью, новизной, неожиданностью переживаний, которые заставляют человека изменить поведение и деятельность, совершить некоторый поступок.

Во второй главе представлены эмпирические результаты исследования. Было установлено, что уровень самоконтроля в общении в целом у девушек выше, чем у юношей.

Полученные результаты позволяют прийти нам к следующим выводам:

- Феминные юноши и феминные девушки имеют одинаковый уровень самоконтроля в общении;
- Маскулинные юноши и маскулинные девушки имеют одинаковый уровень самоконтроля в общении;
- Андрогинные юноши и андрогинные девушки имеют одинаковый уровень самоконтроля в общении;
- У феминных испытуемых уровень самоконтроля выше, чем у маскулинных и андрогинных испытуемых;

Специфические особенности самоконтроля в общении, на наш взгляд, обусловлены характером социального окружения юношей, что, в свою очередь, определяется целым комплексом различных социально-психологических факторов. Выявление

круга этих факторов и изучение степени и характера их влияния на формирование и развитие эмпатии станет одной из задач нашего дальнейшего исследования.

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛЬНЫХ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ, РЕАЛИЗУЮЩИМИСЯ В ПРОСТРАНСТВЕ КОЖНОГО ПОКРОВА

А.А. Ермушева (Москва)

В дерматологической клинике по данным современных исследований отмечается накопление психических расстройств (Rasouljan M. et al., 2010). Часть из них в руководствах по психодерматологии рассматриваются как первичные по отношению к дерматологическим жалобам, в некоторых случаях являющиеся непосредственной причиной повреждений кожного покрова (Shenefelt D., 2011). В отечественных исследованиях они рассматриваются как спектр психических расстройств, реализующихся в пространстве кожного покрова, и к ним относятся: соматоформный зуд, невротические экскориации (обсессивно-компульсивные расстройства и расстройства импульс-контроля), ограниченная ипохондрия и дерматозойный бред. В соответствии с разработанной моделью «бинарной» структуры облигатной составляющей этих расстройств являются коэнестезиопатии (Смулевич А.Б. и соавт., 2012; Smulevich A.B. et al., 2013, in press). Для решения проблем диагностики, а также спецификации описаний базовых патологических телесных сенсаций необходимо привлечение психологических методов.

При этом необходимо отметить, что пациенты с психическими расстройствами, реализующимися в пространстве кожного покрова, относятся к категории сложных в лечении: они лишь в малой степени комплаентны в отношении работы со специалистами в области психического здоровья (Long D. et al., 2006). В основном, пациенты убеждены в том, что их заболевание действительно дерматологическое, предполагает возможность соответствующей диагностики и требует исключительно местного лечения. Это создает дополнительные сложности для более пристального психологического исследования психических расстройств, реализующихся в пространстве кожного покрова.

Традиционно исследование психологических аспектов заболеваний, наблюдающихся в соматической клинике, проводится в рамках психосоматического подхода, и в центре внимания – связь телесных проявлений с психическими особенностями. В исследованиях на базе дерматологической клиники основное внимание уделяется таким психологическим факторам, как склонность скрывать собственные эмоции, наличие травматического опыта (Besiroglu L. et al., 2009), стрессовые воздействия, недостаток социальной поддержки, повышение показателей тревоги и избегание привязанностей (Jankovic S. et al., 2009). При этом собственно характер телесных сенсаций, их динамика, а также их связь с представлениями о болезни обсуждаются в малой степени.

Выделение психической патологии при рассматриваемых расстройствах как первичной открывает возможности обратиться к патопсихологии (Зейгарник Б.В., 1986). Рассмотрение этих расстройств как некоторого континуума различающихся по тяжести, но не облегатно сменяющих друг друга состояний позволяет провести синдромный анализ и выделить особенности функционирования патологических кожных

сенсаций. В то же время анализ невозможен без оценки нарушений психической деятельности и, в частности, когнитивных особенностей в условиях патопсихологического эксперимента, т.к. среди психических расстройств, реализующихся в пространстве кожного покрова, есть как невротические, так и психотические. В этом случае наиболее перспективным является выявление когнитивных особенностей в соответствии с тяжестью регистра расстройства на материале наиболее субъективно значимом для пациентов, поскольку позволяет не ограничиваться лишь несоответствием с нормативными показателями, а перейти к качественному анализу деятельности испытуемых, что является особенно продуктивным при изучении психической патологии, коморбидной расстройствам личности (Тхостов А.Ш., Виноградова М.Г., 2010; Виноградова М.Г., Шабанова А.А., 2012).

Методически исследование функционирования патологических кожных ощущений возможно с помощью средств, предлагаемых психологией телесности, где телесные сенсации рассматриваются как продукт интрацептивного восприятия. Для рефлексии и для описания определенных ощущений как жалоб, сами воспринимаемые ощущения должны быть помещены в категориальную систему. Исследование особенностей категоризации сенсаций при психических расстройствах, реализующихся в пространстве кожного покрова, возможно с помощью семантического метода, актуальность использования которого была показана в работах Тхостова А.Ш. (2002) (соответственно, основная методика в исследовании - «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» (Тхостов А.Ш., Елшанский С.П., 2003)). Наибольший интерес в плане проводимого эксперимента вызывают такие характеристики интрацептивного словаря, как его объем, содержание, а также структура. Схожесть первичных жалоб (например, на ощущение зуда) позволяет выделить единичные общие категории для всех синдромов, рассматривать возможные объединения этих категорий с другими признаками внутри семантических структур и выделить конституции, характерные именно для определенных психодерматологических синдромов.

В заключение следует отметить, что обращение психолога именно к характеру жалоб пациента, как он или она буквально чувствуют зуд, жжение и др., является наиболее понятной для самих больных ситуацией и в некоторой степени даже повышает интерес к взаимодействию со специалистом, в целом. Это позволяет говорить о практической актуальности исследования, т.к. появляется материал, на базе которого можно формулировать рекомендации по повышению комплаентности пациентов, а также по организации психологической работы с ними.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 12-06-31208 «мол_а».

ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ПАЦИЕНТОВ С ИШЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕРДЦА, ПРОШЕДШИХ ЛЕЧЕНИЕ МЕТОДОМ СТЕНТИРОВАНИЯ

Л.О. Жирова (Москва)

Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на современные достижения в области лечения сердечно-сосудистых заболеваний, коронарные болезни (особенно ишемическая болезнь сердца - ИБС) являются наиболее частой причиной смертности населения во всех экономически развитых странах (Чазов Е.И., 2001; Чапала Т.В., 2012). Одним из современных и эффективных видов лечения ИБС является

метод стентирования (Беленков Ю.Н, Оганов Р.Г., 2008). Однако далеко не все больные прибегают к данному методу лечения. Во многом это связано с недостатком комплексного подхода к лечению ИБС и ее осложнений, который обусловлен дефицитом психологической информации (Чапала Т.В., 2012). Отсутствуют данные о внутренней картине болезни, совладающем с болезнью и лечением поведении, клинико-психологических особенностях пациентов с ИБС на разных этапах лечения и реабилитации. В тоже время именно эти данные необходимы для построения эффективных программ индивидуализированного клинико-психологического сопровождения пациентов с хроническими соматическими заболеваниями, в т.ч. с ИБС (Зайцев В.П., Шхвацабая И.К., Аронов Д.М., 1978; Сирота Н.А., Ярославская М.А., 2011). Эти сведения позволят повысить комплаенс и приверженность лечению и реабилитации пациентов с ИБС, повысить их качество жизни и трудоспособность (Зайцев В.П., Аронов Д.М., 2002).

Цель исследования - изучение совладающего поведения пациентов с ИБС, прошедших лечение методом стентирования. Выборку составили 30 взрослых мужчин с ИБС (средний возраст – $51,2 \pm 4,3$ года): из них 15 - прошедших лечение методом стентирования (основная группа) и 15 - прошедших фармакологическое лечение (группа сравнения). Пациенты проходили обследование в ходе лечения в ГКБ№40 ДЗ г. Москвы. Использовались следующие методики: «Клинико-психологическое интервью» (Ялтонский В.М., Колпаков Я.В., 2010), «Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями» (WCQ, Folkman S., Lazarus R.S., 1988, в адаптации Вассермана Л.И. и др., 2009), «Психологическая диагностика индекса жизненного стиля» (LSI, Plutchik R., Kellerman H., Conte H., 1978, в адаптации Вассермана Л.И. и др., 1998). Для статистической обработки результатов использовался пакет программ SPSS 20.

Результаты исследования выявили статистически достоверные различия в структуре защитно-совладающего поведения в изучаемых группах. В основной группе степень напряжения системы механизмов психологической защиты личности была статистически достоверно ниже ($p < 0,05$), чем в группе сравнения. Также в основной группе статистически достоверно выше ($p < 0,05$) показатели по таким механизмам психологической защиты личности как рационализация-интеллектуализация, замещение и реактивное образование. В группе сравнения статистически достоверно выше ($p < 0,05$) показатели по таким механизмам психологической защиты личности как вытеснение и регрессия. Также в изучаемых группах статистически достоверно различались показатели по используемым стратегиям совладающего с болезнью поведения. В основной группе статически достоверно выше ($p < 0,05$) показатели по таким стратегиям совладающего с болезнью поведения как принятие ответственности и положительная самооценка. В группе сравнения статистически достоверно выше ($p < 0,05$) показатели по такой стратегии совладающего с болезнью поведения как бегство-избегание.

Внедрение результатов исследования в клинико-психологическое сопровождение пациентов с ИБС в процессе лечения с учётом особенностей защитно-совладающего поведения позволит повысить комплаенс и приверженности лечению, адапционных возможностей и качества жизни больных.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС БЕРЕМЕННОСТИ КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

И.В. Завгородняя (Воронеж)

Необратимость изменений, происходящих в период вынашивания ребенка, дает основание рассматривать беременность как кризис второго порядка (Ф.Е. Василюк), как кризис трансформации или духовный кризис (С. Гроф, К. Гроф), как экзистенциальный кризис невероятного размаха (Е.Л. Вознесенская, Е.Е. Голубева, М.Е. Ланцбург), как кризис полоролевой идентичности (Т.Д. Василенко, И.Н. Земзюлина, Д. Пайнз и др.), как психологический кризис «взрослого возраста» (Е.Б. Айвазян, Г.А. Арина) и как нормальный кризис развития, естественный период жизненного цикла (Т.М. Зенкова, М.А. Нечаева, Л.Ф. Рыбалова и др.). Все указанные трактовки объединяет общая идея – беременность как кризис представляет собой переходный период в жизни женщины.

Отдельное направление работ посвящено исследованию кризисной беременности как нежелательной для женщины или членов ее семьи, требующей обдумывания решения о сохранении беременности или ее прерывании, а также об отказе от рожденного ребенка (М.С. Радионова, С.Черняева, О.С. Куценко). Кризисной становится беременность, к которой родители (особенно женщина) эмоционально не готовы. В таком случае особую важность приобретает принятие решения о ее сохранении или прерывании, что создает потребность в преабортном консультировании. Переживание кризисной беременности создает дополнительные факторы для развития постабортного синдрома или послеродовой депрессии.

Психологический кризис беременности – психическое состояние личности, вызванное ситуацией ожидания ребенка, требующей принятия новой социальной роли, формирования нового образа Я и преобразования иерархии потребностей, не связанных с материнством (отцовством).

Психологический кризис беременности связан с появлением новой социальной ситуации развития и включением личности в новую ведущую деятельность – деятельность переживания, а новообразованием становится внутренняя позиция родителя.

Согласно Ф. Е. Василюку, переживание – особая деятельность по перестройке психологического мира, направленная на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью которой является повышение осмысленности жизни. Следовательно, в период ожидания ребенка глубокая личностная рефлексия становится средством выстраивания новой психологической реальности. Условиями этого процесса выступают одиночество, молчание, свобода от повседневных отвлечений, которыми каждый заполняет мир своего опыта.

Внутренняя позиция родителя – особая форма самосознания личности, заключающейся в самостоятельном принятии родительской роли, основанном на системе родительских мотивов и ценностей, и обуславливающим тип родительского поведения и воспитания.

Новая социальная ситуация развития в период ожидания ребенка характеризуется расширением жизненных отношений, в частности появляется новая система отношений – мать и ребенок (или точнее мать и образ еще не родившегося ребенка). Система отношений «мать – ребенок» является основой для формирования нового жизненного мира беременной женщины, качественно отличного от существовавшего ранее. В эту систему отношений включается и отец, на основе чего возникает

система «отец – мать – ребенок» на этапе беременности женщины, т.к. отношения отца и ребенка фактически осуществляются через мать. Мать выступает как посредник между ребенком и внешним миром.

Психологический кризис беременности может проявляться в острой и плавной формах в зависимости от того, стихийными или планируемыми были жизненные перемены.

Острый психологический кризис беременности – психологическое состояние личности, вызванное ожиданием ребенка, переживаемое как потенциальная угроза удовлетворению потребностей, не связанных с материнством (отцовством), и заставляющее отказаться от привычного образа Я.

Плавный психологический кризис беременности – психологическое состояние личности, вызванное ожиданием ребенка, переживаемое как перестройка смысло-жизненных ориентиров и привычного образа жизни, направленная на формирование нового образа Я родителя.

Психологический кризис беременности может проявляться в мотивационных, когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектах. В индивидуальном варианте проявления кризиса по одним из аспектов могут быть представлены в острой форме, а по другим – в плавной форме.

Возможно два выхода из психологического кризиса беременности – позитивный и негативный. Позитивный вариант выхода связан с принятием положительного решения о сохранении беременности, следствием чего становится переход к подлинной зрелости, проявляющейся в способности и желании заботиться о ком-то (в данном случае о ребенке).

Негативный вариант выхода из психологического кризиса беременности связан с отрицательным решением о сохранении беременности или минимальным включением в процесс переживания беременности при доминировании других более значимых сфер жизнедеятельности. В этом случае прослеживается увеличение периода взросления как результат поглощенности собой, при которой основным предметом заботы становятся личные потребности и удобства. На фоне этого развивается чувство вины либо по отношению к отказу от материнства (отцовства), либо в связи с трудностями установления психологического контакта с ребенком.

Психологический кризис беременности возникает в ответ на изменение жизненной ситуации, а потому обладает характеристиками, присущими кризису как целостному психологическому явлению (относительность, витальность, эмоциональная насыщенность, выбор возможностей). Кроме того, выполняя свои функции, он также подталкивает личность к новой ступени ее становления.

Беременность представляет собой особый этап и в жизни женщины и мужчины как будущих родителей. Психологический кризис беременности является переходным этапом в развитии личности, в ходе которого существенно перестраивается сознание и система взаимоотношений с миром. Это служит основанием для рассмотрения беременности как психологического кризиса, который проявляется не только у женщины, но и мужчины.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ КАК ФАКТОР КООПЕРАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е.А. Заволокина (Курск)

В современных условиях все большее число компаний берет курс на оптимизацию эффективности производства, достижение которой возможно лишь при эффективном кооперативном взаимодействии сотрудников.

Кооперация (кооперативное взаимодействие) - координация единичных сил участников. Важным показателем «тесноты» кооперативного взаимодействия является включенность в него всех участников процесса (Андреева Г.М., 1988).

На работу коллектива, и соответственно на активность взаимодействия сотрудников, оказывает влияние огромное число факторов. Интерес для нас представляют социально-психологические факторы, а именно: социометрический статус, установки в отношении к руководству и коллегам.

В ходе проведения исследования мы рассмотрели роль отрицательного отношения к руководству, установки на неформальное сотрудничество и социометрического статуса в организации совместной деятельности менеджеров среднего звена.

Нами были получены статистически значимые различия между группами активно взаимодействующих и пассивно взаимодействующих испытуемых на эмоционально-когнитивном уровне (модель «ЦГО») по показателю отрицательное отношение к руководству ($p=0,02$), по показателю социометрический статус ($p=0,000003$) и показателю установка на неформальное сотрудничество ($p=0,04$).

При этом у активно взаимодействующих испытуемых отмечаются высокий показатель отрицательного отношения к руководству, высокий социометрический статус и низкий показатель установки на неформальное сотрудничество, а у пассивно взаимодействующих - низкий показатель отрицательного отношения к руководству, низкий социометрический статус и высокий показатель установки на неформальное сотрудничество.

Анализируя полученные данные, укажем, что менеджеры среднего звена с выраженной установкой на негативное отношение к руководству, предположительно будут более активны при взаимодействии с коллегами. Из этого можно сделать вывод, что чем более низкий показатель отрицательного отношения к руководству имеет менеджер среднего звена, тем менее активно он включается во взаимодействие со своими коллегами. И наоборот, чем более высокий показатель отрицательного отношения к руководству имеет менеджер среднего звена, тем более активную позицию он будет занимать при взаимодействии со своими коллегами, т.е. совместная деятельность будет более эффективна. Такое сплочение, мы можем интерпретировать как интеграцию менеджеров по принципу «мы - они», менеджеры противопоставляют себя руководству.

Менеджеры среднего звена имеющие низкий социометрический статус, т.е. характеризующиеся как люди пассивные, безынициативные, не включаются или включаются крайне слабо во взаимодействие со своими коллегами. Социометрический статус человека здесь выступает показателем числа его контактов с сотрудниками. То есть низкий социометрический статус соответствует малому числу выборов по методике социометрических измерений. Из этого можно сделать вывод, что чем более высокий социометрический статус имеет менеджер среднего звена, тем активнее он включается во взаимодействие со своими коллегами. И наоборот, чем более низкий

статус имеет менеджер среднего звена, тем более пассивную позицию он будет занимать при взаимодействии со своими коллегами, т.е. совместная деятельность будет менее эффективна.

Менеджеры среднего звена, имеющие низкий показатель установки на неформальное сотрудничество, т.е. характеризующиеся как люди, стремящиеся в процессе трудовой деятельности выстраивать в первую очередь именно профессиональные отношения, активно включаются во взаимодействие со своими коллегами. Из этого можно сделать вывод, что чем более низкий показатель установки на неформальное сотрудничество власти имеет менеджер среднего звена, тем активнее он включается во взаимодействие со своими коллегами. И наоборот, чем более высокий показатель установки на неформальное сотрудничество имеет менеджер среднего звена, тем более пассивную позицию он будет занимать при взаимодействии со своими коллегами, т.е. совместная деятельность будет менее эффективна.

Таким образом, высокий социометрический статус менеджера, низкий показатель установки на неформальное сотрудничество и высокий показатель отрицательного отношения к руководству позитивно влияет на его включенность во взаимодействие с коллегами. Однако, возможно низкие показатели отрицательного отношения к руководству у менеджеров менее активно вступающих во взаимодействие, являются следствием их предполагаемой боязни быть уличенными в негативном отношении к руководству, и последующих напряженных отношений с начальством, в то время как менеджеры, занимающие более активную позицию, будучи уверенными в собственных силах, не боятся проявить негативное отношение к руководству.

ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ ГРУППЫ ПРИ ПРИНЯТИИ ГРУППОВОГО МОРАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ

В.А. Заикин (Москва)

Одной из основных проблем, с которой сегодня сталкивается психология морали, является проблема моделирования поведения человека, совершающего моральный выбор. Моральному выбору всегда предшествуют процессы рассуждения, анализа, сравнения, припоминания предшествующего опыта и другие. Актуальная задача сегодняшнего дня – определить степень влияния тех или иных факторов и процессов на моральный выбор, а также предложить реалистичную характеристику субъекта морального выбора.

До последнего десятилетия психология морали развивалась преимущественно в ключе когнитивно-ориентированного подхода, что не могло не сказаться на фундаментальных положениях психологии морали в целом. С позиции когнитивизма субъект морального выбора полностью рационален, всегда развивает свое моральное сознание и всегда прилагает усилия, чтобы ускорить это развитие. Подобные представления, конечно, вызывают ряд сомнений, но их пересмотр затрагивает фундаментальные представления о субъекте.

При обращении к метаанализу существующих теорий реального субъекта и социально-интуитивистскому подходу в психологии морали, подобное представление о субъекте морального выбора может быть подвергнуто серьезному пересмотру и переосмыслению. С нашей точки зрения, субъект морального выбора обладает иными свойствами и характеристиками.

Первой характеристикой субъекта с нашей точки зрения является «ограниченная рациональность», которая заключается в том, что люди не обладают способностями к обработке всей полноты поступающей к ним информации, следовательно, они «ограниченно рациональны». Наряду с этим каждый субъект детерминирован эмоциями, которые оказывают значительное влияние на процесс принятия решений.

Второй характеристикой субъекта является «склонность к оппортунистическому поведению», которая заключается в том, что люди склонны при прочих равных условиях, для достижения большего количества благ, применять средства хитрости и коварства или тип поведения не обремененный нормами морали.

Третьей чертой является пассивность, которая заключается в том, что человек отнюдь не стремится к развитию или самоактуализации без значимых внешних или внутренних причин. Без стимуляции субъект стремится к достижению баланса и гомеостазу своей личности.

Для анализа этих положений мы обратились к квазиэкспериментальному исследованию, наиболее значимым нововведением нашей квазиэкспериментальной схемы явилось то, что в качестве субъекта морального решения выступал не индивид, а группа.

Цель исследования: изучить феноменологию процесса принятия группового морального решения, определить влияние коммуникационной структуры реальной группы на коммуникативное поведение ее членов в процессе групповой дискуссии.

Объект исследования: индивидуальный субъект в контексте группы.

Предмет исследования: коммуникативное поведение реального субъекта в ситуации принятия группового морального решения.

Гипотеза: Поведение субъекта в рамках групповой дискуссии более согласуется с реальной моделью субъекта, чем с моделью, предложенной в рамках когнитивного подхода.

Гипотеза-следствие 1: Ограниченная рациональность субъекта проявляется в том, что, находясь на более низком уровне морального развития, он не располагает достаточными ресурсами для понимания аргументов более высокого уровня морального развития

Гипотеза-следствие 2: Склонность к оппортунизму проявляется в том, что когда участникам более высокого уровня выгодно поддержать решение группы более низкого уровня с целью повышения своего группового статуса, они отказываются от своих первоначальных моральных суждений.

Гипотеза-следствие 3: Пассивность субъекта проявляется в том, что участники дискуссии не склонны к сбору и анализу новых данных и аргументов от участников с более высоким уровнем морального сознания, а склонны к отстаиванию своей позиции вопреки рациональным доводам.

Выборка: В исследовании приняли участие группы студентов, обучающиеся по психологической специальности в ВУЗах г. Москвы. Выборку основной части исследования составили 86 человек, члены 6 реальных групп. В первой части исследования выявлялась социометрическая структура трех групп; затем для контроля достоверности полученных данных были подобраны еще три группы, сходные по численности и социометрической структуре.

Методы исследования: методика оценки уровня развития морального сознания личности Л. Колберга, в адаптации Л.И. Анцыферовой; метод групповой дискуссии; метод принятия группового решения.

В целом гипотеза подтвердилась. Подтвердилась гипотеза-следствие 1. Участники дискуссии с большей легкостью регрессировали в своем уровне, чем анализировали и признавали правоту аргументов участников более высокого уровня.

Гипотеза-следствие 2, также подтвердилась. Участники группы, имеющие более высокий уровень морального развития и обладающие высоким социометрическим статусом, поддерживали мнение группы и отказывались от своих аргументов, предложенных до этого.

Подтвердилась гипотеза-следствие 3. Участники с более низким уровнем морального развития проявляли высокую устойчивость к аргументам участников с более высоким уровнем морального развития и, даже когда их позиция была лишена рационального основания, они все равно продолжали ее отстаивать.

Таким образом, основой интерпретации поведения и суждений субъекта в ситуации принятия группового морального решения могут быть такие характеристики, как ограниченная рациональность, склонность к оппортунизму и пассивность. Данные характеристики проявляют себя только на групповом уровне взаимодействия субъекта и позволяют более точно описывать групповые процессы и моделировать поведение людей на групповом уровне принятия моральных решений.

ИЗМЕНЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛОКАЛИЗАЦИИ В СВЯЗИ С УГЛОМ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ЗВУКОВОГО СТИМУЛА ДЕТЬМИ РАННЕГО ВОЗРАСТА

Д.И. Замесина (Санкт-Петербург)

Эксперимент по изучению характеристик пространственного слухового восприятия в раннем возрасте проводился в звукоизолированной анаэроидной камере на базе лаборатории физиологии слуха ИФ РАН. В рамках эксперимента изучались особенности локализационного поведения детей раннего возраста в ответ на звуковую стимуляцию. Основной задачей стало получение количественных показателей характеристик локализации. В исследовании приняли участие 12 здоровых детей в возрасте от 9 месяцев 23 дней до 16 месяцев 2 дней и их матери. Ребенок сидел на коленях у матери лицом к поворотной горизонтальной дуге с 49 динамиками, голова и руки могли свободно двигаться, корпус придерживался матерью. В ходе эксперимента звуковые сигналы (серии коротких щелчков в 100мкс, с периодом следования 20 мс и интенсивностью 65 дБ, длительностью 1с) подавались от 5 разных динамиков, которые располагались под углами 0° (прямо против ребенка), 30° и 60° справа и слева от ребенка. Локализационные реакции ребенка в виде поворота головы на звук фиксировалось прибором системы Fastrak (Pollhemus). В результате анализа данных системы Fastrak были получены графики с траекториями движения головы ребенка, где на оси абсцисс представлено время реакции (начало регистрации – за 0,5 с до подачи сигнала, окончание – 2 с после окончания, общее время – 3,5 с), а на оси ординат – угловое положение головы в градусах. Графики позволяют оценить скорость реакции ребенка на сигнал, точность локализации и ее качественные особенности.

В ходе проведенного исследования дети обследованной выборки продемонстрировали локализационное поведение в ответ на предъявление стимула в 86,7% случаев: 76,7% из них представлены поворотом головы в сторону звукового сигнала и 10% - поворотом головы в противоположную сторону. В 13,3% реакция на звук отсут-

ствовала. При анализе графических изображений была выявлена периодичность локализационного поведения, которая четко демонстрировалась детьми в 78,3%, и имела размытые характеристики в 6,7%. При этом каждый из испытуемых продемонстрировал обнаруженные периоды хотя бы один раз из пяти. Было выделено три периода локализации: латентный период, период первого локализационного движения, период уточнения. В литературе встречается описание латентного периода (в отечественной традиции – скрытый период), описание двух других периодов либо не встречается вовсе, либо упоминается косвенно. Одной из задач нашего исследования стало изучение количественных характеристик описанных периодов. В частности, на проведенном этапе нас интересовало изменение длительности латентного периода и периода первого локализационного движения в связи с углом предъявления сигнала. Графические изображения траекторий позволяют вычислить эти параметры с большой точностью.

Были получены следующие результаты.

Средняя длительность латентного периода при предъявлении сигнала:

- в 0гр составила $0,52 \pm 0,38$ с;
- в -60гр (слева от центральной линии) составила $0,38 \pm 0,26$ с;
- в 60гр составила $0,57 \pm 0,45$ с;
- в -30гр (слева от центральной линии) составила $0,43 \pm 0,22$ с;
- в 30гр составила $0,49 \pm 0,33$ с.

Анализ данных с помощью непараметрического Wilcoxon signed-rank test не обнаружил статистически значимых различий в длительности латентного периода в зависимости от угла предъявления сигнала. При этом аппроксимирование данных обнаруживает тенденцию к право-левосторонней асимметрии ($R^2 > 0,7$): длительность латентного периода при предъявлении звукового сигнала слева меньше, по сравнению с длительностью периода при предъявлении сигнала справа.

Известно, что длительность латентного периода с возрастом уменьшается: наибольшая длительность соответствует приблизительно 8 секундам в первые дни после рождения, наименьшая – менее секунды во взрослом возрасте. Длительность латентного периода соответствует времени передачи импульса между мозговыми структурами. Значения длительности латентного периода в обследованной выборке приближены к тем же значениям у взрослых людей, что может косвенно свидетельствовать об определенной зрелости мозговых структур в возрасте 12 месяцев. При этом тенденция к асимметрии показателей времени реакции открывают возможности изучения особенностей функциональной асимметрии головного мозга в связи с формированием пространственного восприятия в раннем возрасте.

Средняя длительность периода первого локализационного движения при предъявлении сигнала:

- в 0гр составила $0,5 \pm 0,18$ с;
- в -60гр (слева от центральной линии) составила $0,51 \pm 0,16$ с;
- в 60гр составила $0,51 \pm 0,16$ с;
- в -30гр (слева от центральной линии) составила $0,33 \pm 0,14$ с;
- в 30гр составила $0,52 \pm 0,22$ с.

Анализ данных с помощью непараметрического Wilcoxon signed-rank test обнаружил отличия длительности первого локализационного движения при предъявлении сигнала в -30о от прочих точек предъявления на статистически значимом уровне: она значимо меньше по сравнению с длительностью соответствующего периода при предъявлении сигнала в -60гр ($p = 0,05$), 0гр ($p = 0,023$), 30гр ($p = 0,028$), 60гр ($p = 0,008$). Тенденций к право-левосторонней асимметрии не обнаружено.

В отличие от латентного периода, период первого локализационного движения менее изучен, но известно, что время обнаружения источника звука может уменьшаться: с возрастом, при наличии освещения, а также при наличии предварительного знакомства с источником, что свидетельствует в пользу влияния межмодального взаимодействия со зрительной системой при решении задач локализации в раннем возрасте. В нашем исследовании было обнаружено, что дети затрачивают значительно меньше времени на локализацию звука в точке -30гр. Обнаруженный феномен может иметь случайный характер в связи с немногочисленностью выборки, или объясняться другими факторами. В качестве основных гипотез о его природе выдвинуто предположение о влиянии межполушарной функциональной асимметрии и несформированности межмодальных взаимодействий в данном возрасте. Проверка гипотез в дальнейшем будет производиться на расширенной выборке.

САМООЦЕНКА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ

А. Е. Замятина (Лесосибирск)

Младший школьный возраст является периодом интенсивного складывания самооценки, что обусловлено включением ребенка в новую общественно значимую и оцениваемую деятельность, существенным расширением круга общения. В этом возрасте, по мере накопления опыта в оценивании результатов собственной деятельности (прежде всего учебной), самооценка ребенка становится более автономной и в меньшей степени зависимой от мнения окружающих.

Важную роль в процессе развития самооценки в младшем школьном возрасте продолжает играть семья. Семейная ситуация влияет на формирования у ребенка уверенности в себе и своих возможностях, выступает основанием для развития личной полноценности и компетентности или, напротив, препятствует раскрытию и реализации возможностей и способностей ребенка, ведет к возникновению внутренних конфликтов, нарушений общения и в целом свидетельствует о неблагоприятном развитии личности ребенка. Этим и объясняется актуальность нашего исследования.

Целью исследования, проведенного под руководством старшего преподавателя кафедры ПРЛ Левшуновой Ж.А., явилось изучение особенностей самооценки у детей младшего школьного возраста, воспитывающихся в полных и неполных семьях.

Объект исследования: самооценка как основной компонент самосознания.

Предмет исследования: особенности самооценки младших школьников, воспитывающихся в полных и неполных семьях.

Для решения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) изучить особенности самооценки детей в младшем школьном возрасте;
- 2) изучить специфику полных и неполных семей и особенности их влияния на развитие самооценки детей 7-10 лет;
- 3) подобрать диагностический материал по теме исследования;
- 4) проанализировать полученные результаты.

Для решения поставленных целей и задач нами были использованы следующие методы исследования: анализ психолого-педагогической литературы; метод сбора эмпирических данных (Методика «Определение самооценки личности младшего школьника» (авторы Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн) вариант №1; методика «Определе-

ние самооценки» (авторы Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн) вариант №2; методика «Определение эмоциональной самооценки» (автор А.В. Захаров)); количественный и качественный анализ полученных результатов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы о личностном развитии младшего школьника Л.И. Божович, И.Ю. Кулагиной, М.И. Лисиной и др. и о семейном воспитании И. Дементьевой и др.

База исследования: МБОУ «СОШ № 2» г. Енисейска Красноярского края. В экспериментальном исследовании приняли участие учащиеся второго и третьего классов. Выборка исследования составила 39 человек в возрасте 7 – 10 лет. Среди них в полных семьях воспитываются 32, в неполных – 7 школьников.

Практическая значимость исследования состоит в том, что систематизирован теоретический материал по проблеме изучения особенностей самооценки младших школьников, воспитывающихся в полных и неполных семьях, и получены экспериментальные данные о влиянии состава семьи на развитие самооценки ребенка 7-10 лет.

Для выявления системы представлений ребёнка о том, как он оценивает себя сам, мы использовали методику «Определение эмоциональной самооценки» А.В. Захарова. Исследование показало, что 38,5% выборки оценивают себя адекватно, 28% имеют завышенную самооценку, одна из причин которой может быть слабая рефлексия, 33% детей имеют заниженную самооценку, что может быть результатом повышенной тревожности детей.

При этом отметим, что среди детей, воспитывающихся в неполных семьях, преобладает заниженная эмоциональная самооценка (85,7%). Адекватная самооценка выявлена только у 14,3%. Возможно, это связано с условиями воспитания ребенка.

В группе детей из полных семей представлена несколько иная картина. Так, заниженная самооценка определена у 17% выборки, у 38% – адекватная самооценка, у 28% – завышенная самооценка.

Таким образом, адекватная самооценка преобладает у детей в группе из полных семей. Дети с адекватной самооценкой, исходя из интерпретации результатов, адекватно воспринимает особенности своего «Я-образа», осознает свою ценность и принимает себя.

Исследование по методике «Определение самооценки личности младшего школьника» Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн показало, что 12,8% выборки имеют завышенную самооценку. Заниженная самооценка была диагностирована по данной методике у 5% школьников. Остальные 82% обследуемых смогли оценить себя адекватно, что свидетельствует об адекватной самооценке, сложившейся к этому возрасту.

Анализируя полученные результаты, мы можем отметить, что 29% школьников, воспитывающихся в неполной семье имеют заниженную самооценку, 14% детей имеют завышенную самооценку, остальные 57% из этой группы – адекватную самооценку. Такие результаты могут быть связаны с выбором детей конкретных качеств характера. Возможно те дети, которые оценили себя высоко, намеренно завысили себе самооценку, выбирая те качества, которых у них нет, но они хотели бы, чтобы у них они были. Дети, воспитывающиеся в полных семьях, оценили себя адекватно (84%), либо имеют завышенную самооценку (16%).

Для определения уровня самооценки с помощью «сфер, в которых ребенок чувствует себя уверенно», мы использовали методику «Определение самооценки» Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн. Интерпретация результатов в данном случае зависит от вы-

бора ребенка психологически комфортных условий, что свидетельствует об адекватной самооценке, либо вызывающих напряжение и проблемность ситуации – о неадекватной самооценке.

Обследование показало, что 20,5% выборки имеют завышенную самооценку, остальные 79,5% школьников имеют адекватную самооценку. Ни один ребенок не оценил себя на низком уровне.

20% школьников, воспитывающихся в полных семьях, имеют завышенную самооценку. Некоторые дети из полных семей испытывают чувство дискомфорта в разных сферах: в сфере здоровья и умственного развития.

Таким образом, можно говорить о том, что наличие полной или неполной семьи в жизни ребенка играет важную роль в формировании самооценки.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ У УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Ю.С. Зарубин (Калининград)

Актуальность нашего исследования обусловлена все возрастающим уровнем интеграции информационных и телекоммуникационных технологий во все сферы человеческой деятельности. Основываясь на данных Росстата можно сказать, что информационные и телекоммуникационные технологии в стали неотъемлемой частью современного Российского общества на данном этапе его развития. Однако с формальной точки зрения психология интернета как отдельное исследовательское направление – отсутствует. Ситуация усугубляется тем, что именно «человеческий фактор» наиболее уязвимым местом в обеспечении информационной безопасности.

Задача исследования состояла в выявлении особенностей представлений об информационной безопасности, эмоциональной и содержательной составляющей установки у групп студентов различных направлений профессиональная деятельность которых связана с обеспечением государственной, коммерческой или иной тайны, а также у технического и административно - управленческого персонала персонала БФУ им. И. Канта.

В данном случае, под феноменом социального представления подразумевается особая форма познания и здравого смысла.

На данный момент выборка составила 52 человека и представляла собой четыре группы: сотрудники Университета – специалисты информационного центра БФУ им. И. Канта; административно- управленческий персонал; студенты, направление подготовки которых напрямую связано с обеспечением информационной безопасности - компьютерная безопасность и бизнес-информатика. Продолжается увеличение выборки.

В качестве основного метода исследования было выбрано анкетирование, проведенное с помощью оригинального опросника. Для выявления представлений о информационной безопасности была использована методика свободных ассоциаций. Содержательная составляющая установки исследовалась при помощи метода незаконченных предложений. Также была применена методика для изучения для измерения эмоциональной составляющей социальной установки Крит, Фабригар и Петти.

Данные, полученные методом свободных ассоциаций, были обработаны с помощью прототипического анализа П. Вержеса. После выявления структуры представления эмпирический материал был обработан методом контент-анализа. Результаты исследования содержательной части установки, полученные методом незаконченных предложений, также были обработаны с помощью контент-анализа.

В исследуемых группах студентов можно наблюдать не выраженную, либо очень слабо выраженную эмоциональную составляющую установки. В группах технического и не технического персонала «одобрение» и «скука» - как единственные сильно выраженные составляющие соответственно.

Ядро представлений у группы технического персонала сформировано понятиями «антивирус», «ограничение» и «закон». И по своему содержанию наиболее соответствует эталоны, за который была принята Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Также в данной группе можно выделить такие единичные ассоциации, как «ответственность», «составляющая моей личной безопасности», которые не наблюдаются ни в одной другой группе. Одновременно в данной группе наиболее высокий процент отказа от участия в опросе, как и фактов порчи анкет. Содержательная составляющая, в основном, представлена правовыми и технологическими аспектами обеспечения информационной безопасности.

У группы студентов ядро представляют понятия «физика» и «информация» и «компьютер». Однако при этом вторыми по частоте встречаемости, такой же, как и у ассоциации «компьютер», идут ассоциации связанные с учебой. В данном случае можно предположить, что свободные ассоциации в наибольшей степени определяются теоретическим курсом подготовки.

С одной стороны — это служит явным ограничением на применение результатов с другой, свидетельствует об отсутствии ассоциаций, не связанных с учебным процессом в ядре социального представления и требует дальнейшего исследования. Содержательная составляющая выражена с одной стороны «сложностью» и ассоциациями, связанными различными технологическими процессами и решениями, а с другой «надежностью» и «стабильностью». Не наблюдается ассоциаций, связанных с правовыми и глобальными проблемами безопасности. Более того, какие-либо особенности обеспечения информационной безопасности, не связанные прямо с информационными технологиями — отсутствуют.

При этом стоит отметить, что в исследуемых группах информационная безопасность в наибольшей степени ассоциировалась именно с компьютерными технологиями в классическом их понимании. Не рассматривая в качестве угрозы распространенные мобильные платформы, системы наблюдения и контроля и другие распространенные технологии.

Наибольший интерес вызвала группа административно - управленческого персонала. Социальное представление об информационной безопасности у данной группы не сформировано. В своей единичных ассоциациях представлено в основном различными культурными стереотипами.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать вывод о том, что представления об информационной безопасности у студентов профильных направлений – неоднородны и носят абстрактный характер, обусловленный учебной деятельностью и программой. Обеспечение информационной безопасности не воспринимается как личная проблема, требующая внимания и ответственности.

Представления об информационной безопасности у сотрудников технических служб БФУ им. И. Канта носит более личный характер и в большей степени связано с правовыми нормами и материальной ответственностью.

Представления административно - управленческих подразделений не имеет выраженного ядра. Вместе с этим можно сделать предварительный вывод о наличии критического противоречия между существующими и обусловленными современным уровнем развития технологий представлениями об информационной безопасности в во всех исследованных группах, что требует дальнейшего исследования.

Слова благодарности:

Торопову Павлу Борисовичу, доценту кафедры общей психологии Института социально - гуманитарных технологий и коммуникации Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

АНАЛИЗ ИНТЕГРАЦИОННОГО РЕСУРСА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СРЕДЫ

Т.А. Захаренко (Минск)

В последние годы система высшего образования претерпевает кардинальные изменения, и нет никаких сомнений, что на современном этапе данную систему следует рассматривать не столько в локальном, сколько в глобальном контексте. Экспорт образовательных услуг является на протяжении последних десятилетий одним из наиболее перспективных направлений развития системы образования Республики Беларусь. Белорусское правительство поставило перед Министерством образования задачу по привлечению в Республику для обучения к 2015/2016 году примерно 15 тыс. иностранных граждан. Так, заместитель министра образования РБ Виктор Якжик особенно подчеркнул важность максимального использования потенциала каналов международного сотрудничества в интересах повышения качества и конкурентоспособности национальной образовательной системы. Вполне очевидно, что включение Беларуси в международное пространство высшего образования повлечет за собой приток иностранных абитуриентов, что требует усилий по расширению интеграционного ресурса образовательного среды.

Социально-психологические проблемы интеграции иностранных студентов в образовательную реальность, как правило, рассматриваются в рамках эффективной организации учебно-воспитательного процесса в вузах, где обучаются иностранцы, а именно развитие структуры образовательного пространства, организацию межличностного взаимодействия, модификацию подачи учебного материала с учетом возможностей тех, кто обучает, и потребностей тех, кто обучается. Между тем, как нам кажется, существует явная необходимость исследования проблемы интеграции иностранных студентов на более узком микросоциальном уровне, а именно, внутригрупповом, ведь понимание процессов интеграции и дифференциации, происходящих в группе, имеет большое практическое значение, так как от этого зависит существование самой группы, результаты её деятельности и характер межличностных отношений, которые возникают между её членами. Кроме того появляется возможность в ином ключе анализировать традиционно изучаемые связи «индивид - индивид» и «группа - индивид».

Иностранные студенты приезжают из разных стран мира, являются представителями разных социумов с совершенно различными культурами, традициями, системами норм и ценностей. Несмотря на уже имеющийся социальный опыт, полученный в родной стране, условия жизни и обучения в Беларуси можно считать для студента-

иностранца непривычными. Иностранному студенту необходимо привыкнуть к новым климатическим и бытовым условиям, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп и т. д.

Оптимизация процесса интеграции, т.е. эффективного включения иностранных студентов в процесс совместного обучения с белорусскими, выступает необходимым условием адаптации иностранных студентов к системе обучения в вузе. Отличительная особенность интегративных процессов в том, что в обычных условиях они «скрыты» в повседневном функционировании группы и лишь в критических ситуациях могут приводить не только к дезорганизации самой общности, но и негативно сказываться на отдельном участнике образовательного процесса. В настоящее время огромное значение имеет своевременное оказание комплексной систематической поддержки и сопровождения процесса вхождения иностранных студентов в новую образовательную среду. При том, что на сегодняшний день объем, в том числе и практико-ориентированных исследований проблем интеграции, представляется весьма значительным, сохраняется целый ряд, по меньшей мере, дискуссионных вопросов. Неоднозначным является сам вопрос о целесообразности совместного обучения иностранных и белорусских студентов, ведь обучение совместно не приводит само по себе к интеграции.

Цель нашего исследования – определение особенностей социально-психологической интеграции иностранных студентов в однородной и разнородной этносоциальной среде с целью ее оптимизации. Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: определить влияние условий обучения на социально-психологическую интеграцию иностранных студентов (организация обучения (совместное или раздельное) – критерии, положенные в основу разделения обследованных учащихся на две группы: иностранные студенты, обучающиеся в вузе совместно с белорусскими студентами; иностранные студенты, обучающиеся раздельно от белорусских); изучить структуру межличностных взаимоотношений в учебной группе; выявить особенности субъективного восприятия иностранными студентами своего учебного заведения; выявить отношение преподавателей и белорусских студентов к совместному обучению; разработать и апробировать технологию психологической помощи иностранным студентам в социальной интеграции.

В исследовании рассматривается организационно-групповая обусловленность социально-психологической интеграции иностранных студентов. Были сформулированы следующие гипотезы:

1) эффективность социальной интеграции иностранных студентов во многом зависит от трех значимых социально-психологических факторов: особенностей внутригрупповой структуры учебных групп; психологической толерантности к иностранным студентам; полноты и достоверности информированности преподавателей и студентов о проблемах иностранных студентов. Учет этих факторов необходим для социальной интеграции и создания комплексной системы психолого-педагогической адаптации иностранных студентов.

2) применение технологии психологической помощи иностранным студентам позволяет гармонизировать и расширить возможности социальной интеграции.

Даже из этой краткой характеристики проблемы вполне понятно, что актуальной практической задачей является выявление системных факторов, обуславливающих динамику и качественный уровень интеграции иностранных студентов в социальном сообществе, а также разработка программ, направленных на оптимизацию интеграционных процессов. Важно, чтобы преподаватели разделяли идею интеграции и были подготовлены к ее осуществлению.

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА «ДИНАСТИЙНОСТИ» В ПРОФЕССИИ (НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВЫХ ДИНАСТИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ)

Е.А. Зиброва (Хабаровск)

Для определенных профессий «династийность» и клановость становятся неотъемлемой частью организации профессиональной деятельности. Трудовые династии встречаются в различных сферах профессиональной деятельности: в сфере образования, медицины, спорта, искусства, военного дела и т.д. Истории «династийных» семей тесно переплетены с историей предприятия, компании или целой отрасли. В момент перехода человечества к информационной цивилизации, проблема преемственности опыта предшествовавших поколений обостряется, как никогда ранее. Многие профессии исчезают, им на смену появляются новые. В настоящее время, когда реализация профессионала происходит в неустойчивом социально-профессиональном пространстве, наличие трудовых династий становится символом стабильности организации. В период, когда профессиональная лабильность рассматривается как закономерное явление, научный интерес вызывают составляющие специфической предрасположенности и готовности личности к конкретному заданному труду.

В данной работе мы, прежде всего, обратились к феномену «организационной культуры» и попытались проследить его влияние на формирование психологического феномена «династийности» в профессии. В качестве примера мы обратились к трудовым династиям железнодорожников. В настоящее время на сети Российских железных дорог трудится более двух тысяч трудовых династий, стаж каждой из которых составляет более ста лет.

Феномен трудовых династий железнодорожников является важным элементом организационной культуры железнодорожного транспорта. Длительная история существования железнодорожного транспорта позволяет сделать вывод, что в отрасли сформированы уникальные условия, благоприятствующие формированию трудовых династий. Феномен «династийности» формируется и развивается в пространственной, коммуникативной и информационной средах предприятий железнодорожного транспорта.

Широта пространственной среды определяется градообразующей функцией предприятий железнодорожного транспорта. Поведение человека в пространственной среде объясняется необходимостью удовлетворения следующих его основных потребностей:

- материальных (предприятия железной дороги зачастую становятся единственным способом трудоустройства и получения заработка);
- в безопасности существования (железная дорога дает стабильность условий жизнедеятельности, выражающуюся в определенном постоянстве и регулярности окружающего человека социума);
- социальных (коллективы предприятий железной дороги реализуют потребность в принадлежности, общении, внимании к себе, в уважении со стороны «значимых других»).

Коммуникативная среда характеризуется традиционной замкнутостью железнодорожных предприятий. Особенно в небольших поселках, где предприятия железнодорожного транспорта являются единственным местом занятости как для всех членов семей, так и для соседей, односельчан.

Информационная среда характеризуется ранним включением в профессиональное просвещение через накапливание знаний обо всех тонкостях и нюансах работы железнодорожника, касающихся как технической, так и социально-психологической сфер.

«Династийность» имеет свою организационную структуру, элементами которой являются семья железнодорожников, отраслевые образовательные учреждения, предприятия железнодорожного транспорта. Преемственность в образовании сменяется преемственностью в профессии.

Семья железнодорожников выступает важным фактором формирования профессиональной идентичности. Дети идентифицируют себя с работающими на железнодорожных предприятиях родителями, приобретают конкретные трудовые навыки. Это, в свою очередь, способствует формированию конкретной профессиональной идентичности, когда профессия уже выбрана, приобретен трудовой опыт, в дальнейшем помогающий сделать выбор и начать карьеру.

Отраслевые образовательные учреждения включают в себя детский сад, школу-интернат (либо технический лицей), малую железную дорогу (параллельно с обучением), техникум, университет (институт) и решают задачу погружения представителей династий в информационное профессиональное пространство, приобретения профессиональных знаний.

В дошкольных образовательных учреждениях железных дорог воспитывается более половины детей железнодорожников. В каждом детском саду имеется своя история железнодорожных династий. Перед школами-интернатами для детей железнодорожников поставлена такая же задача – прививать учащимся интерес к железнодорожному делу, чтобы после окончания школы они пошли учиться в средние профессиональные и высшие отраслевые учебные заведения. Малые железные дороги считаются своеобразным полигоном для практической подготовки будущих железнодорожников. Техникумы и университеты – завершающая ступень образования. Традицией множества семей железнодорожников является обязательное окончание отраслевого учебного заведения. Интересно отметить, что если ребенок не хочет работать по специальности родителей, они обязывают его поступить в железнодорожное учебное заведение с условием, что в последующем, получив отраслевое образование, следующую специальность он выберет сам.

Предприятия железнодорожного транспорта выступают основным пространством профессиональной деятельности трудовых династий и накопления уникального, в своем роде, профессионального опыта.

Указанная организационная структура, по своей сути, детерминирует профессиональный выбор. Даже при наличии возможности накопления профессионального опыта на других предприятиях или в других отраслях, феномен «династийности» предопределяет профессиональный выбор.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании психологического феномена «династийности» в профессии, включающего в себя психологические закономерности формирования профессионального самосознания, профессионального опыта, профессиональной установки. Предметом практического интереса и дальней-

шей разработки может стать рассмотрение особенностей возникновения психологического феномена «династичности» в профессии в различных областях профессиональной деятельности.

РЕФЛЕКСИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ И КАЧЕСТВО СУПРУЖЕСКИХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ

М.М. Зурабьян, П.Ю. Удачина (Краснодар)

Современный мир является источником различных эмоциональных состояний личности. Накапливая эмоциональные переживания, позитивные или негативные, человек движется вперед, часто не обращая внимания на собственные мысли и чувства, на мысли и чувства партнеров по общению. Неуверенность в завтрашнем дне, проблемы на работе, состояние здоровья и т.д. – всё это служит источником большого спектра негативных эмоциональных состояний: усталости, апатии, депрессии, раздражения, гнева, злости, обиды, тревоги. Такого рода эмоциональные переживания личности, накапливаясь, могут привести к эмоциональному перенапряжению. Оно, в свою очередь, требует разрядки, выхода. С течением времени внутри семьи складываются устойчивые формы снятия эмоционального напряжения.

Умение личности управлять своим эмоциональным состоянием и вовремя снимать эмоциональное напряжение приемлемым способом зависит от уровня рефлексии своего эмоционального состояния, от умения понять другого и предсказать его реакцию. Рефлексия эмоционального напряжения дает возможность для качественного взаимодействия супругов.

Проведенное нами исследование стало своеобразной попыткой изучить особенности снятия эмоционального напряжения супругами с разным уровнем рефлексии эмоциональной напряженности и их влияние на качество взаимоотношений в семье.

Для достижения основной цели исследования была выделена необходимая категория испытуемых – супружеские пары, состоящие в браке от 3 до 7 лет. Всего участвовало 60 человек (30 супружеских пар).

Методы исследования: для изучения уровня рефлексии эмоциональной напряженности своей и партнера была использована адаптированная авторами методика определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой; для выявления качества взаимоотношений в семье мы использовали методику измерения психологической дистанции Е.А. Медведовского; методику В.В. Столина, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко для определения степени удовлетворенности браком супругами; для исследования особенностей снятия эмоционального напряжения супругами в кругу семьи была разработана авторская опросная процедура «Особенности снятия эмоционального напряжения в семье», интервью, контент-анализ; коэффициент корреляции Спирмена.

Выборку составили 30 супружеских пар.

В ходе исследования мы получили следующие результаты:

* - установлена значимая прямая связь между уровнем рефлексии эмоциональной напряженности своей и партнера и уровнем удовлетворенности браком ($r = 0,45$; $p < 0,05$). В семьях, где один из супругов или оба супруга обладают высоким уровнем рефлексии эмоциональной напряженности своей и партнера супругам легче подобрать способы снятия эмоционального напряжения, удовлетворяющие обоих (благодаря рефлексии своего эмоционального состояния и умения понять чувства другого

и предсказать его реакцию лучше понимают потребности друг друга, лучше разбираются в эмоциональном состоянии друг друга, более осознанно подбирают способ снятия эмоционального напряжения);

* установлена значимая прямая связь между уровнем психологической дистанции между супругами и уровнем рефлексии эмоциональной напряженности своей и партнера ($r = 0,42$; $p < 0,05$). В семьях, где один из супругов или оба супруга обладают высоким уровнем рефлексии супруги, снимая эмоциональное напряжение похожими или одинаковыми способами, ощущают большую психологическую близость, описывая свое состояние рядом с супругом(ой) терминами, отражающими состояние близости, удовлетворенности и покоя: «спокойствие», «радость», «счастье», «удовольствие», «любовь»;

* установлена значимая прямая связь между уровнем эмоционального напряжения и уровнем психологической дистанции между супругами ($r = 0,54$; $p < 0,05$). Данная связь доказывает то, что чем выше уровень эмоционального напряжения личности, тем сильнее возрастает психологическая дистанция между супругами.

Контент-анализ результатов, собранных при помощи авторской опросной процедуры «Особенности снятия эмоционального напряжения в семье», выявил рациональные и разрушающие способы снятия эмоционального напряжения.

Рациональные способы снятия эмоционального напряжения супругами, способствующие укреплению семейных отношений, – это совместный отдых супругов, просмотр фильмов, обучающие занятия с детьми, занятия спортом, беседа, медитация и т.д. Эти способы снятия эмоционального напряжения не оказывают негативного влияния на взаимоотношения внутри семьи. Они дают человеку больше сил, возможности двигаться вперед с легкостью и уверенностью, положительные эмоции: спокойствие, удовлетворение, радость, любовь и гордость;

Разрушающие способы снятия эмоционального напряжения – употребление алкоголя, уход в себя, выяснение отношений «на повышенных тонах», ссоры с целью уйти из дома и побыть одному или с друзьями и т.д. Такие способы негативно влияют на взаимоотношения в семье, причиняют боль близким людям, вызывают чувство обиды, непонятости у партнера.

Установлено, что респонденты с высоким уровнем рефлексии своего эмоционального состояния и рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми, описывая свое эмоциональное состояние при общении с супругом/супругой, чаще использовали термины: «спокойствие», «радость», «счастье», «удовольствие», «любовь», чем респонденты с низким уровнем рефлексии своего эмоционального состояния и рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми.

Данное исследование подтверждает, что рефлексия проявлений эмоционального напряжения личностью влияет на качество супружеских взаимоотношений. Большая удовлетворенность браком и ощущение психологической близости наблюдались в тех семьях, где супруги благодаря высокому уровню рефлексии выбирали похожие или одинаковые рациональные способы снятия эмоционального напряжения: беседу, чаепитие, половую близость, совместные просмотры фильмов, занятия спортом, прогулки, походы в гости, поездки на природу, путешествия.

ИНТЕРНАЛЬНОСТЬ ПОДРОСТКА В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.С. Зурилина (Санкт-Петербург)

Прежде всего, обратимся к месту интернальности в структуре ответственности. Из множества частных, парциальных характеристик ответственности А.И. Крупнов выделяет следующие переменные: активность, направленность и саморегуляция (А.И. Крупнов, 1987). Уровень субъективного контроля по Д. Роттеру, таким образом, является одной из составляющих саморегуляции.

Наиболее продуктивным в изучении ответственности мы можем считать системный подход (Прядеин, 2001). Согласно Ломову, природа ответственности «может быть понята только на основе системного подхода, т.е. рассмотрения психического в том множестве внутренних и внешних отношений, в которых оно существует как единая целостная система» (Б.Ф. Ломов, 1984).

Интернальность подростка в межличностных отношениях, таким образом, является частью его ответственности.

Изучая ответственность подростка, мы столкнулись с тем, что подросток воспринимает ответственность, прежде всего, как ответственность за определенное дело.

В исследовании приняли участие 85 подростков в возрасте от 11 до 17 лет (40 девушек и 45 юношей). На данном этапе респондентам было предложено несколько открытых вопросов, касающихся ответственности. Прежде всего, респондентам предлагалось сформулировать, что такое ответственность. На этапе обработки данных использовалась описательная статистика.

5,9% респондентов охарактеризовали ответственность как определенную характеристику человека (способность, умение, особенное отношение к делу, черту человека, вызывающую доверие). 60% респондентов под ответственностью понимают ответственность за какое-то определенное дело или несколько дел. 10,5% респондентов под ответственностью понимают ответственность за других людей. 18,8% не смогли или не захотели никак сформулировать для себя такое понятие как ответственность, их ответы были эмоциональными («это страшно», «это волнительно») или бессодержательными («это ответственность», «когда я отвечаю», «не знаю»). 3,5% респондентов охарактеризовали ответственность как возможность проявить себя (вероятно, также в каком-то деле). 2,3% респондентов подразумевают под ответственностью принятие решений. 3,5% охарактеризовали ответственность как заботу о других. 2,3% понимают под ответственностью возможность управлять другими людьми. 1,7% понимает ответственность как вину за что-то (возможно, связывая это понятие, прежде всего, с уголовной ответственностью).

Иными словами, 5,9% рассматривают ответственность как характеристику человека, 20,5% не дали какой-либо содержательный ответ, 66% связывают ответственность с определенным делом (в том числе и принятием решений) и лишь 16,3% связывают ответственность с отношениями с другими людьми.

Таким образом, для большинства респондентов ответственность неразрывно связана с определенной деятельностью, фактически с делом, за которое они отвечают. Таким образом, в дальнейших исследованиях мы посчитали значимым подробнее рассмотреть ответственность подростка в межличностных отношениях, выбрав интернальность как один из компонентов ответственности.

На данном этапе в исследовании приняли участие 102 респондента в возрасте от 11 до 17 лет (51 девушка и 51 юноша). Была использована методика «Диагностика

парциальных позиций интернальности-экстернальности личности (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд)». На этапе обработки данных использовалась описательная статистика. Авторы методики рассматривают следующие парциальные позиции: интернальность достижений, интернальность неудач, интернальность в семейных отношениях, интернальность в производственных отношениях, интернальность в межличностных отношениях, интернальность в отношении здоровья. Мы предположили, что у подростков уровень интернальности в области семейных и межличностных отношений будет пониженным.

Однако, по результатам исследования по интернальности семейных отношений 16,6% респондентов имели низкие показатели, 58% респондентов – средние показатели, 12,7% - высокие показатели. По интернальности межличностных отношений 16,6% респондентов имели низкие показатели, 62,7% - средние показатели, 20,5% - высокие показатели. Таким образом, значительного перевеса в сторону заниженных оценок субъективного уровня контроля выявлено нами не было, наша гипотеза не нашла подтверждения.

Согласно нашему исследованию, подростки редко говорят об ответственности в контексте межличностных отношений, но и уровень субъективного контроля отношений у них не является заниженным. Можно предположить, что далеко не все подростки связывают понятие ответственности с отношениями с людьми на когнитивном уровне, предпочитая говорить об ответственности на более простом и понятном для них уровне – ответственности за дело. Также достаточно сложна для подростков мысль об ответственности как об определенной характеристике личности. Тот факт, что заниженный уровень субъективного контроля отношений у подростков выявлен не был, может говорить о том, что отвечая на конкретные вопросы, разбирая уже конкретные ситуации, подростку проще осознать свою ответственность за отношения с другими людьми и семейные отношения, в частности.

ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ ХРОНИЧЕСКОЙ ЛИЦЕВОЙ БОЛИ

Т.А. Иванова (Москва)

Актуальность исследования обусловлена отсутствием исследований об особенностях внутренней картины хронической боли как ведущего симптома, имеющего разную локализацию на теле, и запросами практической неврологии, нейростоматологии и клинической психологии.

Цель исследования: сравнительное исследование личностного смысла хронической лицевой боли, как параметра мотивационного уровня внутренней картины хронической лицевой боли.

Задачи исследования: определение структуры личностных смыслов хронической боли, локализованной на лице и на спине, сравнение их по степени выраженности.

Гипотеза исследования: в сравнении с хронической болью в спине, субъективные представления пациентов о хронической лицевой боли сопровождаются специфической смысловой представленностью боли, в статистически значимо большей степени отражающей поиск помощи. Данная гипотеза выдвинута на основании медицинских научных работ, посвящённых хронической боли, которые описывают хроническую лицевую боль при невралгии тройничного нерва, как более интенсивную и выраженную, по сравнению с болью в спине, а также на основании научных работ Выгот-

ского Л.С., Тхостова А.Ш., Ариной Г.А. и др. авторов, посвящённых анализу семантических аспектов в структуре телесности, исходя из которых лицо является в большей степени насыщенной смыслом и текстом и принимающей активное участие в социальных контактах человека частью тела, чем спина, исходя из чего лицевая боль затрагивает глубинные смысловые структуры человека, связанные с основой его жизни и развития, с его социальным взаимодействием, при ограничении которого обостряется потребность человека в помощи со стороны окружающих его людей.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось на базе ГКБ № 50, г. Москвы. Основная группа: 30 пациентов (21 женщина и 9 мужчин) с хроническими лицевыми болями с диагнозами «Невропатия тройничного нерва» (код по МКБ-10: G50.0), «Атипичная лицевая боль» (G50.1), средний возраст которых составил $53,54 \pm 3,6$ лет. Группа сравнения: 30 больных (19 женщин и 11 мужчин) с хроническими болями в спине с диагнозами «Радикулопатия» (код по МКБ-10: M54.1), «Лумбаго с ишиасом» (M54.4), «Боль внизу спины» (M54.5), средний возраст которых составил $53,27 \pm 3,6$ лет. В исследовании были использованы следующие методы: 1) Экспериментально-психологический метод (методика: «Личностный смысл боли» Ялтонского В.М., 2012); 2) Статистический метод (статистическая обработка количественных результатов исследования проведена при помощи компьютерной программы SPSS 20.0 и таких статистических методов, как критерий U Манна-Уитни для независимых выборок, непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмана).

Результаты исследования. По сравнению с пациентами с болями в спине, для больных с лицевыми болями личностный смысл «Стратегия», отражающий поиск помощи, представлен статистически достоверно интенсивнее ($1,19 \pm 1,27$ и $0,58 \pm 0,99$ соответственно, $p=0,046$). В структуре личностных смыслов хронической боли, локализованных на лице и на спине, преобладают смыслы «Вызов» ($1,73 \pm 1,34$ и $1,68 \pm 1,30$, $p=0,880$), «Потеря» ($1,42 \pm 1,27$ и $1,39 \pm 1,28$, $p=0,916$), «Угроза» ($1,38 \pm 1,33$ и $1,16 \pm 1,37$, $p=0,537$) и «Ценность» ($1,38 \pm 1,13$ и $1,42 \pm 1,28$, $p=0,915$), статистически достоверных различий между которыми не выявлено.

Выводы. 1. В структуре личностных смыслов хронической боли, локализованной на лице и на спине, преобладают как негативные, так и позитивные смыслы: «Вызов», «Потеря», «Угроза» и «Ценность», межгрупповых различий между которыми не выявлено. 2. Личностный смысл «Стратегия», отражающий поиск помощи, больными с лицевыми болями, представлен статистически достоверно интенсивнее, чем у пациентов с болями в области спины.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ У СТУДЕНТОВ АКАДЕМИИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА

В.А. Иванченко (Новосибирск)

Актуальность данного исследования обусловлена комплексом причин. Во-первых, студенты академии водного транспорта в силу специфики будущей профессиональной деятельности вынуждены длительное время (например, в период практики) находиться в ограниченном пространстве и окружении, что может приводить к сильнейшему эмоциональному напряжению, если в команде есть нерешенные кон-

фликты. Во-вторых, демографический спад привел к существенному уменьшению количества студентов в учебной группе, когда число студентов группы или потока не превышает 12-15 человек, соответственно, большинство студентов во время обучения в вузе вынуждены регулярно взаимодействовать с одними и теми же людьми.

Целью исследования стало изучение психологических условий предупреждения и разрешения конфликтов в группе студентов 4 курса Новосибирской государственной академии водного транспорта, при этом объектом исследования являются межличностные конфликты, а предметом - психологические условия предупреждения и разрешения конфликтов у студентов старших курсов. Автор предполагает, что социально-психологический тренинг как форма психологической коррекции позволяет снизить негативные и развить позитивные проявления групповых социально-психологических особенностей студентов в межличностных конфликтах. Эмпирическая база исследования – 10 студентов 4 курса судомеханического факультета Новосибирской государственной академии водного транспорта.

Для проверки гипотезы был проведен формирующий эксперимент в виде социально-психологического тренинга, состоявшего из 6 полуторачасовых занятий, направленных на развитие коммуникативных навыков. В частности были использованы отработка техники "Я-высказывание", упражнения "Покажи эмоцию", "Угадай эмоцию", психологическая игра "Подводная лодка", разыгрывание и анализ конфликтных ситуаций. Для оценки эффективности тренинга была проведена диагностика в первый и последний день тренинга с использованием теста описания поведения К.Томаса (адаптирован Н.В. Гришиной) и опросника агрессивности Л.Г. Почебут. Результаты диагностики были обработаны с помощью математического критерия Т-Вилкоксона.

До проведения тренинговых занятий предпочитаемым стилем поведения в конфликте в группе было приспособление ($M=6,9$), т.е. принесение в жертву собственных интересов ради другого, а наименее выраженными оказались компромисс и соперничество ($M=5,4$). По опроснику Л.Г. Почебут наиболее выраженной была прямая физическая агрессия ($M=5,7$).

После проведения тренинговых занятий предпочитаемыми стилями поведения в конфликте стали соперничество ($M=7,2$) и компромисс ($M=7,1$), а наименее выраженным – приспособление ($M=4,7$), т.е. студенты стали больше проявлять стремление добиться своих интересов, при этом стараясь достигать соглашения на основе взаимных уступок. Значения прямой физической агрессии снизились ($M=4,8$), что косвенно подтверждает выдвинутую гипотезу о снижении негативных проявлений групповых социально-психологических особенностей под влиянием тренинга. Наблюдения показали, что постепенно был достигнут определенный прогресс в общении, особенно в выражении и проговаривании своих чувств и эмоций у студентов, участвовавших в тренинге. Они стали чаще идти на контакт, получили навыки выхода из конфликтных ситуаций.

Хотя статистически значимыми оказались изменения только по фактору «Приспособление» ($T=2,0$, $p<0,02$), полученные изменения средних значений, описанные выше, позволяют сделать вывод о том, что социально-психологический тренинг как форма психологической коррекции позволяет снизить негативные и развить позитивные проявления групповых социально-психологических особенностей студентов в межличностных конфликтах.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило частично подтвердить выдвинутую гипотезу.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЁННЫХ

С.И. Ивашкин (Владимир)

В настоящее время исследования в области пенитенциарной психологии идут в направлении типологизации и изучения отдельных категорий осужденных. Представляет особый интерес изучение вновь прибывших в исправительное учреждение, освобождающихся условно-досрочно, имеющих право передвижения без конвоя, состоящих на профилактическом учете, перемещаемых на строгие или улучшенные условия содержания и др. Каждая из перечисленных групп требует особого внимания и дифференцированного подхода.

Основная цель изучения личности осужденного - подбор индивидуальных эффективных методов психологического воздействия, миссия пенитенциарных психологов заключается в изменении криминальной направленности осужденных, возможности прервать порочный круг преступлений, не допустить повторных правонарушений или, по крайней мере, снизить уровень отрицательного влияния криминальной среды на конкретного человека.

Значительный вклад в разработку принципов и методик изучения личности и групп осужденных внесли: Ю.А. Алферов, М.Г. Дебольский, А.Г. Ковалев, В.Ф. Пирожков, В.М. Поздняков, Е.А. Саблина, А.Н. Сухов, А.И. Ушатиков и др.

Обобщая точки зрения авторов, по проблеме криминогенной личности, позволяет утверждать, что Личность осужденного – это интегральное качество совершившего преступные действия человека, представляющее взаимосвязанный комплекс социально-демографических, психологических, уголовно-правовых и иных признаков, которые прямо или косвенно обуславливают преступное поведение и характеризуют общественную опасность осужденного.

Целью исследования является анализ типологических особенностей осужденных с учетом степени их криминогенности.

Постановка цели предполагала решение следующих задач: исследовать теоретические источники по изучаемой проблеме; выявить степень криминогенности и установить типологические особенности лиц, склонных к криминальному поведению.

Объектом исследования является личность осужденного, а предметом исследования выступает взаимосвязь типологических особенностей с криминогенностью личности осужденных

В качестве гипотезы исследования проверялось предположение о том, что типологические особенности личности взаимосвязаны с криминогенностью осужденного. В качестве методологической базы исследования использовалась концепция криминогенной личности В.Ф. Пирожкова. В качестве методов исследования применялось тестирование методиками: «Комплексное исследование личности осужденного» Чебаловой Е.А., опросник Г. Шмишека, Миннесотский многоаспектный личностный опросник (ММРП) С.Хаттуэя и Дж.Маккинли (мини-мульти), методы математической статистики.

Исследование проводилось в исправительной колонии УИН Владимирской области. В исследовании принимали участие 30 мужчин в возрасте 20-50 лет, осужденных за преступления средней тяжести и тяжкие преступления.

В результате исследования были выявлены типологические особенности осужденных. Анализ типологии акцентуированных черт характера по Г.Шмишеку показывает, что гипертимный тип проявляется в 20%, экзальтированный в 27% и эмотив-

ный 23%. Характерными поведенческими чертами таких осуждённых являются: неустойчивость эмоций, быстрая смена эмоциональных состояний, которые, как правило, представлены крайними вариантами.

Анализ личностных типологий по ММРІ (мини-мульти) показывает, что ведущими типологиями в исследуемой группе осужденных являются: психопатия (30%), гипомания (27%), паранойя (24%) и депрессия (10%).

На поведенческом уровне осужденные с такими типологиями имеют активную личностную позицию с преобладанием мотивации достижения, позитивной самооценкой, уверенными и доминантными тенденциями.

Определенная часть осужденных (10%) характеризуется пассивной личностной позицией, для них характерны пессимистичность, неудовлетворенность, инертность, неуверенность в себе, зависимость от окружающих. Такие осужденные остро переживают неудачи, имеют высокое чувство вины.

В процессе исследования взаимосвязи типологических особенностей осужденных с различными аспектами криминогенности было установлено, что такие акцентуированные черты как циклотимность, гипертимность, застревание и дистимность являются высоким риском развития криминогенной личности. Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать выводы о типологических особенностях личности осуждённого.

Исследование типологических особенностей личности осужденных показало, что ведущими типологиями в исследуемой группе осужденных являются: психопатия, гипомания, паранойя и депрессия.

Оценка акцентуированных черт осужденных показывает, что наиболее выражены гипертимный, экзальтированный и эмотивный типы акцентуации характера.

Исследование взаимосвязи типологических особенностей осужденных с различными аспектами криминогенности показало, что наиболее значимые взаимосвязи выявлены между такими типологиями как: циклотимность, гипертимность, застревание, дистимность и личностными типологиями – гипомания и шизофрения.

Полученные в работе результаты могут использоваться в воспитательной работе с осужденными, в проведении тренингов и других активных методов, с целью индивидуализации подхода к различным категориям заключенных, решения задач их ресоциализации.

Таким образом, изучение личности осужденных – это важная сфера деятельности психологической службы, которая способствует более успешному исправлению осужденных.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОПУС КАК СНОВИДЕНИЕ (К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА)

И. М. Иглицкая (Москва)

1. В творческом наследии Фрейда есть небольшая группа сочинений, посвященных вопросам художественного творчества. Один из вопросов, затронутых им в связи с искусством, касается процесса фантазирования. Фрейд приходит к мнению, что в фантазии исполняется желание и в этом ее сходство со сновидением.

2. Сходство сновидений и художественного произведения. Сновидения часто характеризуются как абсурдные, неясные. Им свойственны разорванность, спутанность, они кажутся бессмысленными. Фрейд обратил внимание, что некоторые сновидения, в частности детские, наоборот, вполне понятны. Например, ребенок днем не получил свою порцию клубники – ночью ребенку снится, что он ест клубнику. По мысли Фрейда, все сновидения показывают исполнение желаний. Но лишь инфантильные сновидения показывают исполнение желаний буквально. В сновидениях взрослых картина исполнения желаний, как правило, искажена. Искажение происходит вследствие действия цензуры.

Среди произведений искусства есть и такие, которые, как и сновидения, кажутся абсурдными, запутанными, неясными (например, абстрактная живопись). В рисунках детей, как и в инфантильных сновидениях, можно увидеть прямое изображение исполнения желания.

Феномен искажения картины исполнения желания в сновидении Фрейд называет работой сновидения. Он вводит понятия: явная картина сновидения, скрытые мысли сновидения. Распознавание скрытых мыслей по явной картине Фрейд именует толкованием сновидения.

Из-за искажений, вносимых цензурой, картина исполнения желаний в сновидениях приобретает символический характер. Символичность – наиболее заметная черта, сближающая искусство и сновидения.

Фрейд установил следующие процессы работы сновидения: сгущение, смещение, превращение идей в зрительные образы, вторичная обработка.

Сгущение – в широком смысле это превращение богатства скрытых мыслей в лаконичную явную картину сновидения. Сгущение опирается на противоположные действия; один элемент явной картины связывается с несколькими скрытыми мыслями; одна скрытая мысль представлена несколькими элементами явной картины.

В искусстве сгущение выдвигается как сознательное требование к произведению искусства и формулируется, в частности, в виде максимы: «...словам тесно, а мыслям просторно» (Некрасов).

Смещение в широком смысле есть перенесение психического акцента с более значимого объекта на менее значимый. Можно определить виды смещения: запретное с точки зрения цензуры действие направляется на другой объект; запретный, непереносимый аффект перемещается на другой объект; запретное действие переносится в другое место и др. Смещение разрывает реальные (нежелательные, запретные) связи между явлениями и устанавливает новые (фантазийные – желательные, допустимые). Смещение – один из источников возникновения символов: заменяющее служит символом заменяемого.

Превращение идей в зрительные образы, согласно Фрейду, связано с разрыванием логических связей между представлениями (выражаемых в речи с помощью союзов, не имеющих собственного значения, но указывающих на связи других слов в предложении); наглядным изображением слова. Логические связи заменяются той или иной конструкцией сновидения для выражения отношений между частями высказывания. Наглядное изображение слова основано на замене абстрактного конкретным; звуковым сходстве слов, обозначающих заменяемое и заменяющее; замене переносного значения слова буквальным.

Вторичная обработка – процесс, создающий видимость логики в сновидении. Произведения искусства часто выглядят логичными, но за видимой логичностью подчас можно обнаружить несурзность.

3. Для иллюстрирования этих процессов рассмотрим картину «Мадонна с Младенцем и ангелом» Бьяджо д'Антонио (15 в., Флоренция. Изображение здесь: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/ae/Biagio_d%27antonio%2C_madonna_col_bambino_e_un_angelo.JPG). В центре картины находится фигура Младенца Христа. В ней одной заключены несколько мыслей, что отвечает принципу сгущения в сновидении о Его божественной и человеческой природе (нимб и реалистически написанная плоть человеческого тела); птица в руке Младенца символически указывает на Его роль жертвы; предостерегающий жест и обращенный на зрителя строгий взгляд позволяют узнать в Нем не столько будущую жертву, сколько, скорее, грозного судию. Сгущение в картине создается еще и тем, что Ангел с лилией и Мария с книгой – это персонажи сюжета Благовещения, в изображении которого присутствие Христа исключено. Очевидно, смысл такого сгущения (Благовещение как предсказание о рождении Христа плюс уже родившийся Христос) в том, чтобы сказать: «пророчества сбываются». Считается, что в книге, которую в сцене Благовещения читает Мария, также содержатся пророчества о пришествии Спасителя. Младенец здесь получает еще значение Спасителя. Таким образом, в центральной фигуре соединяются противоречивые качества Спасителя и Судии. Ряд деталей картины указывают на путь спасения – крещение. Эта идея не так ярко видна на изображении, – поэтому, видимо, можно говорить о смещении, как переносе психического акцента с одной идеи на другую. Идея крещения угадывается в следующих деталях (одна мысль выражается разными элементами в соответствии с принципом сгущения): жест ангела – это жест совершения крестного знамения; плод граната: одно из его символических значений – христианская церковь (как объединение многих под одним покровом); на заднем плане дана церковь как архитектурное сооружение. Можно предполагать, что именно церковь как воплощение идеи защиты и спасения и есть содержательный центр картины, но из-за смещения эта идея «растворяется» среди множества других мыслей. Картина кажется логично построенной: действующие лица изображены в реалистической обстановке, выглядят как современники автора картины. Однако именно этот абсурд – присутствие Девы Марии, Христа, Архангела Гавриила в современном художнику интерьере – и показывает исполнение желания, возможное при данном сюжете не иначе как в сновидении или в фантазии.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

Н.Ю. Игумнова (Омск)

Жестокое обращение с детьми на сегодняшний день является одной из актуальных проблем современной России. Значимость исследования насилия в семье особенно велика, т.к. оно может отрицательно сказаться не только на взаимоотношениях ребенка с родителями, целостности его психологического пространства, но и на формировании и развитии его личности.

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей детско-родительских отношений, психологической суверенности и копинг-стратегий детей подросткового возраста, живущих в семьях с различным уровнем психологического насилия.

Особенно важно успешное переживание взаимоотношений с родителями в подростковом возрасте, т.к. именно в этот период происходит становление личности, индивида. Вместе с тем, мы отметили, что развитие способности преодолевать трудные

ситуации, а именно трудности взаимодействия с родителями, тем более жестокого обращения со стороны родителей особенно важно в этом возрастном периоде в связи с формированием готовности к личностному и жизненному самоопределению. Различные виды насилия в семье включают в себя различное содержание нарушений жизнедеятельности ребенка, такие как: воздействие на тело, лишение ребенка личной территории, права на личные вещи, возможности определять режим жизни и последовательность действий, а также выбирать круг знакомых и систему ценностей и прочее. Вышесказанные нарушения являются примерами нарушений границ повседневного бытия человека, что в свою очередь тесно связано с понятием психологической суверенности. Психологическая суверенность передает состояние границ психологического пространства, обозначающих пределы личной ответственности и определяющих идентичность человека. Таким образом, нашей главной гипотезой явилось предположение о том, что факторами психологического насилия в семье являются нарушение психологической суверенности и особенности детско-родительских отношений.

Выборку нашего исследования составили 60 человек подросткового возраста, из них 32 мальчика и 28 девочек в возрасте от 13 до 14 лет.

В соответствии с задачами нашего исследования выборка была разделена на группы по уровням психологического насилия в семье (низкий, средний и высокий).

При проведении исследования мы использовали метод тестирования. В качестве диагностического инструментария выступили:

1. Авторская анкета Дементий Л.И., Блатова М.М., Игумнова Н.Ю.

2. Опросник «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер.

3. «Анкета оценки копинг-стратегий» С.S. Carver (в адаптации Л.И. Дементий)

4. Опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» (И.М. Марковская)

При статистической обработке полученных эмпирических данных нами были использованы:

- Частотный анализ форм психологического насилия;

- Методы первичной описательной статистики: подсчет среднего арифметического и среднего квадратичного отклонения, асимметрии, эксцесса, дисперсии;

- Коэффициент ранговой корреляции Спирмена, для установления взаимосвязи исследуемых особенностей, а именно для выявления взаимосвязи уровня насилия в семье, особенностей детско-родительских отношений, параметров психологической суверенности и копинг-стратегий подростков;

- Критерий различий Фридмана, был использован нами для обнаружения значимых различий в уровне психологического насилия, параметров психологической суверенности и предпочитаемых копинг-стратегий подростков.

По данным нашего исследования самыми распространенными формами психологического насилия в семьях подростков являются: игнорирование мнения ребенка, контроль его социальных связей, общение на повышенных тонах, физические наказания, невыполнение обещаний, критика, наведение порядка среди личных вещей, обман, предъявление завышенных требований, недостаток внимания.

В ходе проведения исследования было выявлено, что существует обратная взаимосвязь уровня психологического насилия с параметрами психологической суверенности (суверенность психологического пространства, суверенность физического тела, суверенность территории, суверенность личных вещей, суверенность временного режима (привычек), суверенность социальных связей, суверенность вкусов и

ценностей), а также с такими особенностями детско-родительских отношений как эмоциональная дистанция – близость, непоследовательность-последовательность.

Существуют социально-психологические особенности у подростков, живущих в семьях с разным уровнем насилия. У подростков с высоким уровнем насилия в семье нарушены границы психологического пространства, семейные отношения характеризуются эмоциональной дистанцией и непоследовательностью родительских требований и неудовлетворенностью подростками отношениями со своими родителями. Подростки данной группы предпочитают использовать в качестве копинг-стратегий поиск эмоциональной поддержки и поведенческое отстранение.

У подростков с низким уровнем насилия в семье не нарушена личная автономия, семейные отношения характеризуются близостью, последовательностью, удовлетворенностью отношениями с родителями. В качестве копинг-стратегий предпочитают активный копинг, положительное истолкование и рост.

Таким образом, проблема жестокого обращения в семье является актуальной во все времена и требует своей проработки и более подробного освящения и эмпирического исследования более частных случаев с изучением конкретных условий психологического насилия. В качестве возможной перспективы нашего исследования мы рассматриваем изучение не только взгляда детей на насилие в семье, но того, как их родители воспринимают и оценивают феномен жестокого обращения с детьми в семье.

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ КОММУНИКАТИВНО ИНТОЛЕРАНТНЫХ СТУДЕНТОВ

Е.А. Ипполитова (Барнаул)

В условиях модернизации системы образования открытым остается вопрос о формировании у студентов компетенций, предполагающих принятие отличий других людей, уважение и способность жить и продуктивно взаимодействовать с людьми других культур, языков и религий, что актуализирует исследовательский интерес к проблеме толерантности студенческой молодежи.

В настоящее время категория толерантности интенсивно разрабатывается в психологии. В работах ряда зарубежных и отечественных исследователей установлено, что пространство толерантности-интолерантности многомерно (И.И. Ашмарин, А.Г. Асмолов, С.Л. Братченко, Дж. Бюджентал, М. Гефтер, И.Б. Гриншпун, А.В. Рубцов, Л.И. Рюмшина, Г.В. Солдатова, М. Уолцер). Среди взаимосвязанных измерений толерантности особое значение приобретает отношенческий аспект, который И.Б. Гриншпун рассматривает в контексте концепции В.Н. Мясищева: толерантность как отношение означает наличие потребности во взаимодействии с другим, понимании другого при изначально позитивном эмоциональном отношении к нему. Установлено, что толерантность формируется при наличии у человека адекватной самооценки, навыков независимого мышления, системы нравственных норм и ценностей и других личностных характеристик. При этом авторы утверждают, что в условиях интенсивных социальных трансформаций, детерминирующая направленность сознания на текущий момент, на выживание в условиях социальных трансформаций влияет на то, как молодежь воспринимает представителей других социальных групп (И.И. Лихницкая, А.И. Рубакина, Н.Н. Сачук, Е.И. Стеженской, В.Д. Шапиро). В этой связи возникает во-

прос о связи восприятия времени, временной перспективы молодого человека с уровнем его коммуникативной толерантности. В свою очередь Дж. Бойд и Ф. Зимбардо развивают идею о том, что временная перспектива – это фундаментальная единица измерения психологического времени, которая базируется на когнитивных процессах, распределяющих человеческий опыт на временные отрезки прошлого, настоящего и будущего, что помогает придать упорядоченность, последовательность и смысл жизненным событиям. Временная перспектива формируется обществом – религиозным воспитанием, образованием, социальным классом или культурой, а также в зависимости от индивидуальных характеристик личности. Этот процесс начинается в детском возрасте, наиболее интенсивно становление временных представлений происходит в юности и молодости.

Опираясь на вышесказанное, можно предположить, что одним из факторов, формирующих коммуникативную толерантность, является временная перспектива личности. В свою очередь, у молодых людей с низким уровнем коммуникативной толерантности могут существовать деформации временной перспективы, не позволяющие им гибко переключаться между личным прошлым, настоящим и будущим в зависимости от требований конкретной ситуации, затрудняя процесс взаимодействия с другими людьми. С целью проверки выдвинутого предположения, совместно с магистрантом факультета психологии Алтайского государственного университета А.А. Цибелевым, было предпринято соответствующее эмпирическое исследование, в котором приняли участие студенты в возрасте 18-21 лет, обучающиеся на 1-2 курсах 4 учреждений высшего профессионального образования г. Барнаула (71 человек). Было осуществлено анкетирование, психологическое тестирование (шкала коммуникативной толерантности В.В. Бойко; методика временной перспективы Ф. Зимбардо; «семантический дифференциал времени» Л.И. Вассерман), статистическая обработка данных (однофакторный дисперсионный анализ, Критерий Н-Краскала-Уоллеса). На основе применения шкалы коммуникативной толерантности В.В. Бойко, согласно выбранной мере центральной тенденции, респонденты были поделены на группы, которые состояли из 36 коммуникативно толерантных и 35 коммуникативно интолерантных студентов.

Применение методики Ф. Зимбардо позволило построить профиль временной перспективы коммуникативно интолерантного студента, который отличается высокими баллами по шкалам «фаталистическое прошлое», «гедонистическое настоящее» и более низкими оценками по факторам «будущее» и «позитивное прошлое». Это характеризует студентов с низким уровнем коммуникативной толерантности как негативно относящихся к своему прошлому, не мотивированных работать в счет будущего вознаграждения, не ориентированных на достижение успеха. Кроме того, они не склонны к планированию и учету последствий своего поведения, редко поддерживают общение с друзьями, в целом менее успешны в межличностных взаимоотношениях.

Полученные данные дополняются результатами применения семантического дифференциала времени. Установлено преобладание в структуре переживаний настоящего и будущего коммуникативно интолерантных студентов негативных эмоциональных аспектов. Выявлена специфика субъективного восприятия внешнего и внутреннего мира настоящего и будущего времени как недостаточно упорядоченного, слабоструктурированного, неподконтрольного. На основе описанных результатов коммуникативно интолерантных студентов можно охарактеризовать как растерянных, неорганизованных, пессимистично настроенных, проявляющих непоследовательность, импульсивность в поведении.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить ряд деформаций временной перспективы, характерных для студентов с низким уровнем коммуникативной толерантности. Полученные результаты демонстрируют необходимость оптимизации временной перспективы личности в процессе обучения в вузе с целью нивелирования возможных негативных аспектов в межличностном взаимодействии студентов.

АНАЛИЗ ДЕФОРМАЦИЙ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ МУЖЧИН, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Е.А. Ипполитова, А.П. Калачева (Барнаул)

В жизни общества проблема наказания преступников всегда привлекала к себе внимание государственных и общественных деятелей, ученых-исследователей, работников социальной сферы и рядовых граждан. Вопрос об эффективности наказания, о тех целях, которые оно преследует и средствах, которыми пользуется, а также о целесообразности затрат на содержание преступников до сих пор не имеет однозначного ответа. Статистика отражает тот факт, что большинство преступников, тем более из числа тех, кто неоднократно совершал преступления, не способны после освобождения успешно встроиться в жизнь социума. Статус маргиналов, антиобщественные ценности и способы поведения возвращают личность в криминальную среду снова и снова. Таким образом, одна из основных задач исправительной системы — ресоциализация личности преступников остается нерешенной. Возможно, один из путей решения данной проблемы заключается в исследовании психологических факторов, способствующих и препятствующих изменению поведения осужденных. На сегодняшний день вопросы психологии преступников освещены с разных сторон в работах Ю.М. Антоняна, В.Л. Васильева, Б.С. Волкова, А.Д. Глоточкина, М.И. Еникеева, Г.С. Ефремовой, А.Г. Ковалева, В.Н. Кудрявцева, И.А. Кудрявцева, Н.С. Лейкиной, Г.М. Миньковского, В.В. Мицкевича, В.Ф. Пирожкова, В.М. Позднякова, С.В. Познышева, А.Р. Ратинова, А.М. Яковлева и других исследователей. Описаны психологические особенности мужчин, отбывающих наказание, которые проявляются, в том числе, в низкой сформированности навыков саморегуляции, мотивационная сфера заключенных описывается как содержащая борьбу мотивов, стимулов, интересов. В этой связи проблема саморегуляции поведения преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы, может быть рассмотрена в аспекте анализа сбалансированности временной перспективы личности, разносторонне изученной в современной психологии (Р.А. Ахмеров, Т.Н. Березина, А. Сырцова, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен и др.).

Опираясь на вышесказанное можно предположить, что личностные особенности и фактор пребывания в местах лишения свободы формируют специфическое отношение заключенных к своему прошлому, настоящему и будущему, что отражается не только на психологическом самочувствии личности во время отбывания наказания, но и определяет эффективность исправительных мер. Таким образом, проблема необходимости изучения временных перспектив заключенных становится актуальной в практическом и теоретическом планах. В этой связи было предпринято эмпирическое исследование, направленное на выявление деформаций временной перспективы мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

В проведенном эмпирическом исследовании использовались следующие методы: психологическое тестирование (тест временной перспективы Ф. Зимбардо; «Шкала временных установок» Ж. Нюттена, У. Ленса), математико-статистические методы обработки данных (критерий Манна-Уитни). Выборку эмпирического исследования составили 38 мужчин, отбывающих наказание в Федеральном бюджетном учреждении исправительной колонии №3 Управления федеральной службы исполнения наказания России по Алтайскому краю за преступления против личности (срок заключения от 6,5 до 12 лет) и 30 мужчин, не привлекавшихся к уголовной ответственности. Возраст респондентов — от 30 до 40 лет.

Результаты применения методики Ф. Зимбардо позволили выявить специфику деформации временной перспективы мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Так, у заключенных более выражена ориентации на фаталистическое настоящее ($U_{эмп}=349$ при $p=0,006$), и значимо менее — на гедонистическое настоящее ($U_{эмп}=313,5$ при $p=0,002$), будущее ($U_{эмп}=353$ при $p=0,007$) и позитивное прошлое ($U_{эмп}=233,5$ при $p=0,007$). Таким образом, можно говорить об искажении структуры временной перспективы у заключенных мужчин, для которых весомую роль играет переживание фаталистичности, неизбежности, «непоправимости» настоящего момента, оценка текущих событий как неуправляемых, происходящих помимо воли, определенных судьбой. Заключенные негативно и с примесью отвращения относятся к своему прошлому, но при этом у них так же отсутствует устремленность в будущее, к моменту окончания срока заключения, нет целеустремленности.

Для оценки эмоционального отношения к прошлому, настоящему, будущему, использовалась методика «Шкала временных установок» Ж.Нюттена и У.Ленса. При анализе установок по отношению к прошлому были выявлены достоверные различия ($p=0,05$) по всем шкалам. Мужчины, отбывающие наказание в местах лишения свободы, воспринимают свое прошлое мрачным, наполненным негативными эмоциями и событийно бедным по сравнению с мужчинами, находящимися на свободе. Настоящее видится заключенным слабо насыщенным событиями, неуправляемым, так же наполненным негативными эмоциями (неприятное, угрожающее, ужасное, разочаровывающее). В свою очередь сравнение средних значений шкал установок показало, что в восприятии отбывающих наказание будущее аналогично насыщено в большей степени негативными эмоциональными характеристиками, менее наполнено какими бы то ни было событиями и целями.

Таким образом, можно заключить, что в условиях пребывания в местах лишения свободы наблюдаются разнонаправленные деформации временной перспективы личности, которые охватывают и прошлое, и настоящее, и будущее. Выявленные временные установки заключенных мужчин характеризуются размытостью и неопределенностью, ростом негативных оценок в отношении всех периодов жизни. В этой связи встает вопрос о необходимости коррекции временной перспективы мужчин, отбывающих наказание, прежде всего в аспекте переосмысления прошлого, поиска позитивных событий, а так же постановки значимых целей в будущем, его структурирования и снижения негативных ожиданий.

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТВОРЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

С.Р. Ихсанова (Самара)

Специфика современной профессиональной среды ставит перед системой образования все более сложные задачи, требуя быстрого реагирования и разработки инновационных подходов к процессу подготовки специалистов. Кроме того, все более актуальной становится проблема эффективности в самом широком ее понимании. При этом такому ее направлению, как творческая эффективность, в отличие от эффективности в других видах профессиональной деятельности, уделено мало внимания.

Инновационные модели современного образования все чаще опираются на психологические подходы и индивидуально-личностные характеристики студентов. Поэтому мы поставили целью своего исследования выявить характерологические предпосылки творческой эффективности студентов художественных специальностей.

Исследование характерологических предпосылок творческой эффективности было проведено весной 2013 на базе ГБОУ СПО Самарского художественного училища имени К.С. Петрова-Водкина. В общей сложности в исследовании приняло участие 45 студентов, составивших выборку, репрезентативность которой определяется возрастом и спецификой образования испытуемых.

Инструментом измерения характерологических особенностей стал классический опросник Леонгарда-Шмишека, позволяющий выявить 10 показателей, описывающих особенности характера испытуемых [Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: Учебное пособие.- Самара: Издательский дом "БАХРАХ", 1998. - 672с.].

Количественным показателем творческой эффективности стала экспертная оценка достижений учащихся по трем базовым дисциплинам – рисунку, живописи и композиции. Принятая в художественном училище модель коллективного оценивания по десятибалльной шкале всего массива работ каждого студента, выполненных в течение семестра, позволила получить надежный количественный критерий оценки творческой эффективности.

Математическим аппаратом исследования стал корреляционный анализ. Расчет корреляционных данных проводился с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена в компьютерной среде Statistica 10.0

Полученные результаты не только подтвердили перспективность такого подхода, но также поставили ряд новых задач для дальнейших исследований в этом направлении. Приведем лишь некоторые из обнаруженных связей.

Высокий показатель корреляции выявлен между успешностью в области композиции и дистимностью как характерологической чертой. Мы связываем этот результат с тем, что к факторам эффективности дистимного типа личности принято относить работу с информацией, на анализе и обработке которой и основаны задания по композиции для студентов художественных специальностей [Голубева О.Л. Основы композиции: учебное пособие – 2-е изд. М.: изд. Дом «Искусство», 2004. – 120с.].

Наиболее интересным и важным результатом мы считаем выявленную в ходе исследования связь между возбудимостью как проявлением характера и успешностью во всех трех областях художественной деятельности студентов. Результат не так парадоксален, как видится на первый взгляд, если взять за основную характеристику не ослабленный контроль над эмоциональным состоянием, присущий возбудимому

типу личности, а предшествующие этому низкие пороги эмоциональной чувствительности и повышенную реактивность нервной системы, реализующиеся в данном случае в творческой деятельности [Акцентуации характера: учебное пособие / Л.П. Паршукова, И.В. Выбойщик. – 2-е изд., испр. и доп. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 84 с.].

Таким образом, поставленная в начале исследования гипотеза об обусловленности творческой эффективности характерологическими особенностями личности подтвердилась, и это значит, что индивидуально-личностные предпосылки творческой успешности действительно существуют, и в частности к ним можно отнести особенности характера. Обнаружение таких закономерностей позволяет прогнозировать творческую успешность студентов на основе диагностики характера. Это позволит более точно выбирать для них специализацию и образовательную траекторию, повышая тем самым не только индивидуальную эффективность студента, но и общую эффективность учебного заведения.

ЗДОРОВЬЕ ГЛАЗАМИ ЛИЦ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ

А.А. Ишуткина (Санкт-Петербург)

Проблема здоровья человека всегда была актуальной темой для рассмотрения и изучения ее в научном аспекте. Существует категория лиц, чья деятельность протекает в опасных и особо опасных условиях, для которых соматическое и психическое здоровье является той базой, без которой деятельность невозможна.

В отличие от многих других профессий, деятельность сотрудников службы охраны (секьюрити) протекает в условиях достаточно высокой степени риска погибнуть на войне в результате схватки с преступниками, несчастных случаев. Поэтому профессиональная надежность и долголетие сотрудников службы охраны в значительной мере определяются уровнем их здоровья, а риск развития стрессовых патологических состояний из-за специфики службы у них намного выше, чем среди населения. В их службе не только предусматривается возможность экстремальных условий, но и определяется главенство выполнения задач по охране правопорядка в иерархии жизненных ценностей. Установки на сохранение собственного здоровья и даже жизни при этом отступают на второй план. Порой сотрудники не считаются со своим личным временем, отдавая все свои силы работе в свободное время. В таких ситуациях и ситуациях экстремального характера нарушается привычный режим труда и отдыха человека, которые так необходимы для поддержания здорового образа жизни. Психические и другие перегрузки достигают пределов, за которыми могут следовать переутомление, нервное истощение, полнейший срыв деятельности, аффективные реакции. Поведение типа А, являясь предрасполагающей переменной, влияющей на здоровье человека, имеет аналогичные признаки (агрессивность, мышечное напряжение, раздражение, враждебность, гнев).

В профессиональной деятельности принципиальное значение имеет собственные представления человека о здоровье и болезни, которые могут играть наиболее важную роль в детерминировании поведения, а также отношение человека к своим возможностям (самооценка).

В связи с вышеизложенным, нами было проведено пилотажное исследование, целью которого было изучение представлений о своем здоровье у лиц экстремальных профессий (служба охраны - секьюрити).

В исследовании применялось полуструктурированное интервью (с последующим контент-анализом) по разработанной нами анкете. Для уточнения психологических и социально-психологических механизмов формирования и их субъективных представлений о здоровье использовались также стандартизированное наблюдение и биографические данные.

Было обследовано 15 человек – мужчин и женщин в возрасте 24 – 45 лет, работающих в охранной структуре секьюрити.

В данной анкете перед респондентами была поставлена задача сформулировать определения здоровья. Качественный анализ представленных определений позволил выделить среди них следующие типы:

1. Определение здоровья с позиции медико-биологических представлений: в данном случае здоровье рассматривается, прежде всего, как здоровье всего организма, всех органов и отсутствие соматических расстройств. Пример такого определения: «Здоровье – это когда у человека ничего не болит; когда организм работает слаженно; хорошее зрение, обоняние и чувства; можно делать все, что нужно; положительное физическое состояние». Именно этой позиции придерживается наибольший процент респондентов (46,6%).

2. Определение здоровья с позиции психологического благополучия: здоровье определяется психологическими характеристиками личности. Пример: «Здоровье – это способность к реальному восприятию вещей» (6,7%).

3. Индивидуальное определение здоровья: здоровье определяется на основе субъективно значимых критериев. Пример: «Здоровье – не обращаться за помощью к врачу». Это свидетельствует о склонности к опоре на субъективные, личностно-значимые критерии при определении понятия «здоровье». Само это понятие для респондентов в большей степени обладает личностным смыслом (6,7%).

4. Определение здоровья с позиции гармоничного сочетания указанных выше сторон. Пример: «Здоровье – это состояние тела и души и функционирование всех органов и всей системы в целом» (13,3%).

Изучение представлений о своем здоровье у лиц экстремальных профессий (служба охраны - секьюрити) позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Наибольший процент респондентов (46,6%) определяет понятие «здоровье» с позиции медико-биологических представлений: «Здоровье – это когда у человека ничего не болит; когда организм работает слаженно; хорошее зрение, обоняние и чувства; можно делать все, что нужно; положительное физическое состояние».

2. 26,7% сотрудников не смогли сформулировать определение здоровья, что подтверждает предположение о меньшей дифференцированности представлений о здоровье у респондентов.

3. Всего респондентами названо 24 критерия здоровья. Наиболее распространенным оказывается критерий «физическое здоровье». Отдельно выделена группа негативных критериев, т.е. критериев, определяющих здоровье как отсутствие проблем, и категория условий, необходимые для поддержания здоровья, - «здоровый образ жизни». Респонденты меньше внимания уделяют психологическому благополучию, эмоциональной составляющей в поддержании здоровья.

4. Сотрудники охраны недооценивают либо вытесняют влияние внешних негативных факторов, которые впоследствии сказываются на состоянии здоровья, продолжительности службы и удовлетворенности своей работой.

5. По характеру информированности большая часть опрошенных хотела бы знать больше в области здоровья (53,3%).

6. Респонденты признают важность и нужность своего здоровья. Условия, необходимые для поддержания здоровья, ими осознаются («вести активный образ жизни» «забота о физическом здоровье», «личная гигиена», «закаливание»), однако не обязательно соблюдаются в силу отсутствия времени, сил и финансовой составляющей. В свою очередь, респонденты меньше внимания уделяют психологическому благополучию, эмоциональной составляющей в поддержании здоровья.

В заключении хочется сказать, «Здоровый нищий счастливее больного короля», - сказал как-то Шопенгауэр. Однако многие это не понимают и только впоследствии спрашивают себя: «Почему же я так часто болею?!».

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Л.Ц. Кагермазова (Нальчик)

В условиях перехода на двухуровневую систему образования профессиональная компетентность педагога становится одним из важнейших факторов в подготовке будущего специалиста. Термин «компетентность» в последнее время весьма интенсивно используется в международной практике, гуманитарных, социальных науках. Компетентность как феномен широко изучается в рамках деятельностного, аксиологического, акмеологического, системного подходов. Вопросы профессиональной компетентности, методологии компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования занимают существенное место в трудах как российских, так и зарубежных ученых. Определяя понятие «компетентность», авторы этимологически трактуют его посредством таких слов, как способность, совокупность, сформированность, готовность, качество. Так, по мнению доктора педагогических наук Н. Б. Шмелевой, «компетентность объединяет в себе, кроме определенной совокупности знаний, умений и навыков, процесс освоения и присвоения социальных норм, ценностных ориентиров и способность их реализации в своей деятельности, отношение к собственной профессии как к ценности, творческий потенциал саморазвития специалиста». Эту точку зрения разделяет и Ю. В. Сенько, утверждая, что профессиональную компетентность можно рассматривать как «интегральную характеристику педагога, отражающую уровень развития его способности и готовности к проектированию и реализации профессионального замысла, отвечающего его интересам и запросам обучающихся». В данном контексте личностный потенциал учителя, способность его к диалогическому общению, стремлению увидеть в студенте «другого» является одной из составляющих содержания модернизации образования. Это позволяет связать субъект с его деятельностью, актуализировать профессиональные, личностные качества, апеллируя к социокультурной реальности.

Учитывая исследования, проводимые в Западной Европе, Э. Ф. Зеер представляет «компетентностный подход в качестве приоритетной ориентации на цели – векторы образования: обучаемость, самоопределение, самоактуализация, социализация и развитие индивидуальности» При этом самоактуализация рассматривается одной из приоритетных целей профессионального образования. Иной посыл в образовании предполагает отказ от рамочного характера, преодоления узости знаниевой парадигмы. При этом в понятие «компетентность» включается не только когнитивно-знаниевый компонент, но и мотивационный, регулятивный, этический.

Анализируя особенности социокультурных изменений, происходящие в обществе, системе высшего профессионального образования, А. А. Орлов отмечает, что в высшей школе, к сожалению, сохраняется традиционный, устаревший взгляд на педагогическую профессию. «В педагоге видят, прежде всего, учителя-предметника», ориентированного на знаниевую модель образования, формирование ЗУНов, передачу определенного объема «культурной собственности». В подтверждение вышеизложенного по результатам опроса 2000 преподавателей высших учебных заведений 13 городов всех федеральных округов РФ – 83,6 % профессорско-преподавательского состава в реальной профессиональной деятельности доминирует позиция «подготовка к занятиям, дополнение своих лекций, семинаров новыми материалами». Если в качестве концептуальных координат принять то, что выпускник третьего тысячелетия – это компетентностный специалист, востребованный в социальном мире, устремлен в будущее, предвидит изменения, ориентирован на самостоятельное образование, то для решения данной проблемы необходим иной философско-антропологический подход. Ориентация такого подхода означает, что высшей ценностью и целью воспитания является Человек как существо свободное, автономное, независимое. Такая идеология основана на соотношении процесса воспитания с потребностями современной жизни, бережным отношением к индивидуальной сущности обучаемого, открывающей возможность к самоактуализации индивида.

Реализация такого подхода возможна на основе овладения искусством понимания воспитанника, искусством ведения и поддержания диалога. Приоритет феномена «понимание» обусловлен тем фактом, что в условиях образовательного процесса основное требование заключается в понимании человеком, что означает помощь, поддержка, доверие, создание ситуации успеха.

В связи с переходом на двухуровневую систему обучения ведущим принципом реализации образовательных программ является самоопределение студента в образовании и последующий этап для личностной и социальной самореализации. Исходя из этого, в программах подготовки специалистов бакалавров возрастают требования к составлению заданий по самостоятельной работе студентов, поскольку самостоятельное изучение должно стать органической составной частью в процессе овладения новыми знаниями. Анализ рабочих программ по дисциплинам психолого-педагогического цикла позволяет говорить о том, что многие преподаватели не придают значимости данному блоку, формально описывая содержание и особенности организации различных видов работ с обучаемыми. Предлагаемые задания характеризуются одинаковой степенью сложности, единообразием, не учитывают интересы студентов. Можно наблюдать такие задания, как подготовка к контрольным работам, написание реферата в электронном, бумажном вариантах, аннотирование монографий, режиссура курсового проекта. К сожалению, такие работы мало содействуют развитию познавательной активности, творческих способностей студента, поскольку основной вид деятельности является репродуктивным. Встречаются задания, подобранные преподавателем случайно, с большим объемом работы, отнимающие у студента много времени на их выполнение. Такая самостоятельная работа имеет неэффективный характер, снижает интерес к предмету, мотивацию к учебной деятельности, поскольку «...ум не формируется без умственного напряжения, без мысли, без самостоятельных поисков».

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

В.В. Каравайная (Краснодар)

Ценностная сфера личности является ее центральным образованием, определяющим направленность и особенности поведения, регулирующим деятельность в целом. По ходу жизненного пути каждого человека складывается и активно действует индивидуальная, уникальная для него система ценностей, а основанные на индивидуальном выборе в соответствии с этой системой выводы и оценки субъекта существенно сказываются на его процессах восприятия, памяти, на его переживаниях, на его поведении. Как писал К.Г. Юнг: «для того, чтобы получить целостную картину мира, совершенно необходимо учитывать ценностный аспект».

Стрессовые факторы современной интенсивной жизни нарушают психологическую безопасность, что приводит к росту психических и психосоматических заболеваний. В современной отечественной психологии предпринимаются попытки целостного осмысления личностных характеристик, ответственных за успешную адаптацию и совладания с жизненными трудностями. Это и психологическое наполнение введенного Л.Н. Гумилевым понятия пассионарности, и понятие о личностном адапционном потенциале, предложенное А.Г. Маклаковым, и понятие о личностном потенциале, разрабатываемое Д.А. Леонтьевым. Наиболее полно, с его точки зрения, этому понятию в зарубежной психологии соответствует понятие «жизнестойкость», введенное С. Мадди, которое представляет собой сложное структурированное психологическое образование, определяемое как развивающаяся система убеждений, способствующих развитию готовности управлять ситуацией повышенной сложности. Содержание жизнестойкости характеризуется экстраверсией, пластичностью, активностью, искренностью, интернальной локализацией контроля, способностью выходить за пределы самого себя, становясь и реализуя свою человеческую сущность, одновременно изменяя, преобразуя себя самого и мир вокруг.

Изучив представленный материал, мы заинтересовались проблемой выявления особенностей аксиологической направленности личности у мужчин и женщин с разным уровнем жизнестойкости на разных возрастных этапах.

В нашем исследовании приняли участие 94 человека в возрасте от 18 до 45 лет, из них 43 мужчины и 51 женщина, большинство имеет уровень образования не ниже незаконченного высшего. Критерием для формирования подвыборок послужил гендерный (мужчины и женщины) и возрастной (моложе и старше 25 лет) признак. В результате получилось четыре подвыборки: 1) молодые женщины (37 человек); 2) зрелые женщины (14 человек); 3) молодые мужчины (29 человек); 4) зрелые мужчины (14 человек).

С помощью методики А. В. Капцова и Л. В. Карпушиной, мы провели исследование аксиологической направленности личности. Для исследования жизнестойкости мы использовали тест Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой.

В выполненном исследовании для выявления различий между подвыборками испытуемых как статистический метод обработки данных были применены непараметрические критерии Н Критерий Краскала – Уоллиса (Kruskal – Wallis H) и U Манна – Уитни (Mann–Whitney U). Расчеты проводились при помощи статистической программы SPSS.13.

Результат статистического анализа позволяет нам кратко сформулировать следующие выводы.

1. По шкалам гуманистической направленности личности: для молодых женщин сфера общественной деятельности не является привлекательной, а вот мужчин в зрелом возрасте она привлекает; профессиональная сфера предпочитается молодыми мужчинами и зрелыми женщинами. Прагматическая направленность личности более выражена у молодых мужчин и женщин. Также наши испытуемые не считают важной для себя ценность собственного престижа, у них отсутствует важность социального одобрения и наличия высокого социального статуса, они уступчивы, избегают конфликтных ситуаций.

2. Среди женщин в зрелом возрасте преобладает гуманистическая направленность личности и направленность на активность. Мужчины в зрелом возрасте и молодые женщины отдают предпочтение прагматической направленности личности. Мужчин старше 25 лет привлекает сфера семейных отношений, высокое материальное положение и психическая активность.

3. При гендерном сравнении шкал жизнестойкости выявлено, что мужчины более склонны к контролю, чем женщины. У молодых женщин все параметры жизнестойкости оказывают влияние на большинство показателей аксиологической направленности личности, тогда как у женщин в зрелом возрасте это влияние минимально. У молодых мужчин наибольшее влияние на аксиологическую направленность личности оказывает контроль – это связано с тем, что молодые люди постоянно находятся в ситуации выбора (профессии, партнера, жизненного пути, ценностей и убеждений, способов взаимодействия с миром) и борьбы.

4. У мужчин в зрелом возрасте большее влияние на аксиологическую направленность оказывает вовлеченность – важная характеристика в отношении себя, окружающего мира и характера взаимодействия с миром, придаёт человеку силы, мотивирует к самореализации, лидерству, здоровому образу мыслей и поведению. Мужчины в зрелом возрасте чувствуют уверенность в себе больше, чем молодые. Они получают удовольствие от собственной деятельности, чувствует себя значимыми и достаточно ценными, чтобы полностью включиться в решение жизненных задач. Принятие риска как убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта – положительного или отрицательного, у мужчин в зрелом возрасте оказывает влияние на ценность сохранения собственной индивидуальности. Это помогает им оставаться открытыми окружающей среде и обществу и способствует восприятию личностью событий жизни как вызов и испытание лично себе.

Таким образом, с возрастом у женщин жизнестойкость теряет свое организующее значение для ценностной организации жизнедеятельности, тогда как у мужчин организующее значение жизнестойкости для ценностной организации личности не меняется, но изменяется структура этого влияния.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

А.М. Карасаева (Санкт-Петербург)

В работе представлены результаты исследования базовых смысловых установок у подростков 14-16 лет. В 2010 г. количество респондентов составило 95 подростка, а в 2012г. – 242.

Смысловая установка рассматривается как звено исполнительных механизмов деятельности, в котором аккумулировано жизненное значение происходящего для человека, что проявляется в различных формах человеческой активности. Проявление смысловых установок у подростков обычно находится в пределах, примерно соответствующих уровню их развития.

В нашем исследовании смысловых установок используется уже апробированный инструментарий. Это стандартизованный опросник «Смысловые базовые установки» (СБУ): адаптация А. Д. Ишковым и Н. Г. Милорадовой опросника «Шкала дисфункциональности» Д. Бернса.

В 2010 году были получены сравнительно высокие средние баллы по шкалам «Требовательность к себе» (7,2) и «Ответственность за других» (8,0). Это вполне объясняется подростковым стремлением к безупречности и сильным переживанием неудач. Подростковый максимализм проявляется, в частности, в стремлении брать на себя ответственность за события, которые фактически неподвластны подросткам. Сравнительно низкий средний балл был получен по шкале «Зависимость от достижений» (4,8). В 14-16 лет ещё недостаточен опыт индивидуальных достижений, и соответствующие их эталоны дифференцированы не у всех. Наличие идеалов, усвоенные нормы и правила общественного поведения свидетельствуют о развитии личности у подростков, о формировании у них «внутреннего плана» социальных отношений. И это является существенным фактором для мотивации и для организации собственного поведения. Однако, с позиции взрослых, этот «внутренний план» у многих подростков ещё недостаточно обобщён и устойчив, ещё недостаточно организован.

По двум шкалам, «Требовательность к себе» и «Ответственность за себя», в 2010 г. проявились достоверные (статистически значимые) различия между подростками-мальчиками и подростками-девочками. Девочки более требовательны к себе и ответственны, чем мальчики, и это связано с большей совестью и тревожностью девочек. Правда, в исследовании 2012 г. таких различий не обнаружено.

Показатели девочек в 2010 и 2012 гг. однородны; между средними шкальными баллами статистически значимых различий не оказалось. В то же время у мальчиков в 2012 г. больше выражены зависимость от достижений ($F \approx 18,5$ при $p = 0,00003$) и ответственность за себя ($F \approx 6,3$ при $p = 0,01$).

Можно говорить, что эти эмпирические факты хорошо иллюстрируют существующие представления о тенденциях в развитии смысловых установок у подростков. Их самоуважение зависит от мнения окружающих. Подростки чутко реагируют на высказывания в свой адрес, и им необходима эмоциональная поддержка.

Однако учёт отдельных парных отношений между шкалами остаётся в рамках общего аналитического подхода к эмпирическому материалу. Для того, чтобы рассмотреть шесть парных отношений у каждой из семи шкал с остальными шестью, мы используем метод структурного описания (по Еремееву Б. А., 2003, 2009). Чем больше коэффициент корреляции между шкалами, тем меньше расстояние между соответствующими установками в их взятой паре. А среднее расстояние (в радианах) у каждой шкалы со всеми остальными шкалами характеризует уже композицию соответствующих установок по их распределению в структуре – как занимающих в ней более или менее центральное положение.

Самая связанная со всеми шкала является центральной, имеет наименьшую специфичность. Соответствующая установка минимально удалена ото всех остальных установок в субъективном пространстве, является среди них самой общей. Наименее связанная со всеми остальными шкала занимает периферийное положение в структуре, имеет наибольшую специфичность. Соответствующая установка максимально

удалена ото всех остальных установок в субъективном пространстве, является среди них самой своеобразной.

Опираясь на обработку материалов исследования 2012 г. при помощи дисперсионного анализа, мы предположили, что у подростков-девочек и подростков-мальчиков будет различна структура смысловых установок. Для проверки этого предположения было проведено количественное описание общности между смысловыми базовыми установками в субъективном пространстве их предпочтений девочками и мальчиками. Для наглядного описания мы используем корреляционный граф результатов для девочек и мальчиков. Вершины графа – это порядковые номера шкал: 1 – вербальная зависимость, 2 – эмоциональная зависимость, 3 – зависимость от достижений, 4 – требовательность к себе, 5 – требовательность к другим, 6 – ответственность за других, 7 – ответственность за себя. Рёбра графа – это статистически значимые при $p \leq 0,01$ коэффициенты корреляции между шкалами ($r \geq 0,27$).

Семь установок распределены вдоль оси ординат, маркирующей специфичность их положения в обоих вариантах структуры. Очевидно, что структура смысловых установок в пространстве социального познания в данном случае у мальчиков находится «ниже», чем у девочек.

При этом у девочек поляризованы вербальная зависимость и ответственность за себя: $sp1 = 1,276 < 1,385 = sp7$, – выделяется единичный центр. У мальчиков же поляризованы требовательность к другим и требовательность к себе: $sp5 = 1,259 < 1,416 = sp4$; и в этой структуре явно выделяется периферия. Причём наибольшая гендерная разница в структуре смысловых установок проявилась в положении шкалы «требовательность к другим». Эта шкала является семиотически центральной в структуре у мальчиков и находится на периферии – в структуре у девочек.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ В УРОВНЕ РАЗВИТИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Т.М. Карманова (Пенза)

Проблема нравственности и нравственного сознания разрабатывается в разных областях научного знания. Однако, на сегодняшний день, всё равно остаются нерешенными многие вопросы, которые касаются определения понятийного аппарата, ответов на вопросы какие факторы влияют на формирование нравственного сознания детей в современном информационном мире. Дошкольный возраст является сензитивным для развития нравственного сознания. Кроме того, именно в дошкольном возрасте детям часто читают сказки, поэтому в нашем исследовании, мы попытались выявить как зависит уровень развития нравственного сознания дошкольников от литературных предпочтений, в частности от предпочтений сказок того или иного вида.

Методологическую базу нашего исследования составили работы Л.С. Выготского, В.Н. Мясищева, Л.И. Божович, Л.И. Анцыферовой, Р.Р. Калининой, Дрожжина, Н.В. Космачева, которые занимались изучением формирования развития нравственного сознания личности. Изучением влияния сказок на ребенка занимались такие ученые как Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, Э. В. Померанцева, В. Я. Пропп, Ю.М. Соколов, В. И. Чичеров, Е.Н. Трубецкой и др.

Нравственное сознание личности имеет уровневую структуру и 3-х компонентное строение, то есть оно включает в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Именно эти положения легли в основу нашего исследования.

Цель работы: изучение уровня развития нравственного сознания дошкольников в зависимости от литературных предпочтений для разработки рекомендаций родителям, воспитателям и психологам по развитию нравственного сознания в дошкольном возрасте.

Объект исследования: Нравственное сознание

Предмет исследования: различия в уровне развития нравственного сознания дошкольников, в зависимости от литературных предпочтений.

Новизна данного исследования состоит в том, что в нем исследуются различия литературных предпочтений, а именно, выбора той или иной сказки, в зависимости от уровня развития нравственного сознания дошкольников.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности применения его результатов педагогами-психологами при консультативной работе с родителями детей дошкольного и младшего школьного возраста, а так же в качестве дидактической основы обучения сказкотерапевтов и учителей начальных классов.

Гипотеза: существуют различия в уровне развития нравственного сознания между детьми, читающими и не читающими сказки. При этом различия в уровне развития компонентов нравственного сознания детей, зависят от характера сказок, предпочитаемых ребенком.

Методы исследования:

1. Организационный метод (сравнительный метод).
2. Эмпирические методы (психодиагностические методы, в частности
 - Проективная методика «Закончи историю» Калининой Р.Р.
 - Методика «Сюжетные картинки» Калининой Р.Р.
 - Методика «Подели игрушки» Калининой Р.Р.)
3. Методы статистической обработки данных (угловое преобразование Фишера)

В ходе работы было проведено исследование, в котором приняли участие 150 детей МДОУ г.Пензы и г.Саратова. Возраст участников эксперимента 5,5-6,5 лет.

Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе с помощью методик «Закончи историю», «Сюжетные картинки», «Подели игрушки» мы исследовали уровни развития когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов нравственного развития детей.

Затем, на 2 этапе отобрали тех детей, уровень развития которых по какому-либо из компонентов был высоким и низким. На 3 этапе мы произвели опрос детей с целью выяснить, читают ли им родители сказки, и если да, то какая из них любимая у ребенка. Мы выяснили, что 73% детей читают сказки сами или с помощью взрослых, 27% детей сказок не читают.

Сказки, которые выбрали дети, мы разбили на 2 группы: авторские и народные. Среди читающих детей авторские сказки предпочитают 57%, народные – 43%.

С помощью метода статистической обработки данных (угловое преобразование Фишера) мы проверили по каждому из 3-х компонентов, существуют ли достоверные различия среди детей, которым читают сказки и детей, которым сказки не читают. И выяснили, что действительно, дети, которым читают сказки, отличаются более высоким уровнем нравственного сознания, чем те дети, которым сказок не читают по таким компонентам как когнитивный и поведенческий. Таким образом, первая часть

нашей гипотезы подтвердилась частично. Получившиеся результаты мы можем объяснить следующим образом: Когнитивный компонент – это знание норм, ценностей, правил поведения. И именно сказка содержит в себе очень много этих норм и правил, которые представлены в ней в скрытой форме. Сказка носит символический характер, и ребенок легко впитывает ее бессознательную символику, именно поэтому уровень когнитивного компонента выше у детей, которые читают сказки, поскольку те дети, которые сказок не читают, не получают достаточного опыта усвоения нравственных ценностей, которые содержатся в сказках.

Поведенческий компонент – умение владеть своим поведением. В процессе чтения книг, у ребенка происходит развитие волевых качеств, он учится быть сосредоточенным на протяжении длительного времени, развивается послепроизвольное внимание. Следовательно, те дети, которые читают сказки, умеют владеть своим поведением гораздо лучше своих «не читающих» сверстников.

Вторая часть гипотезы о том, что различия в уровне развития компонентов нравственного сознания детей, зависят от характера сказок, предпочитаемых ребенком, так же подтвердилась частично, было выявлено, что дети, предпочитающие народные сказки, отличаются более высоким уровнем поведенческого компонента нравственного сознания. Это можно объяснить следующим образом: Народные сказки отражают жизнь народа, его обычаи и верования. В плане поведенческих норм, к примеру, как нужно себя вести в той или иной ситуации, по мнению многих аналитиков, именно народные сказки содержат в себе необходимые знания и ценности, которыми должен руководствоваться каждый человек. В авторских же сказках слишком много личного опыта, переживаний, травматичных событий самих авторов сказки.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБУЧАЕМОСТИ И МЕТАКОГНИТИВНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ

А.А. Карпов (Ярославль)

Одним из наиболее традиционных и широко представленных в психологии направлений является, как известно, исследование проблемы общих способностей в целом и обучаемости как одной из них, в частности. Другим, гораздо более молодым, чем исследование общих способностей направлением, является метакогнитивизм. Вместе с тем, как это нередко бывает в науке, два больших направления существуют и развиваются как бы параллельно и автономно друг от друга. Это с полным правом относится и к проблеме обучаемости, с одной стороны, и метакогнитивизму, с другой. Исследования, выполненные на их «стыке» представлены в явно недостаточной степени; особенно это относится к экспериментальным исследованиям, в связи с чем весьма актуальным становится их дальнейшая интенсификация. Исходя из этого, цель проведенного исследования заключалась в определении возможной взаимосвязи между степенью развития обучаемости как общей способности и основными параметрами метакогнитивных процессов и свойств личности. Данная цель конкретизировалась в следующих задачах: формирование выборки исследования, адекватной его целям; диагностика изучаемых факторов (переменных); статистическая обработка данных исследования и их последующая интерпретация. Объектом исследования является уровень обучаемости и степень развития метакогнитивных процессов и свойств личности. Предмет исследования – зависимость уровня обучаемости от

степени развития метакогнитивных процессов и свойств личности. Гипотеза исследования состояла в предположении, согласно которому: существует закономерная взаимосвязь между уровнем обучаемости и метакогнитивными качествами личности. В ходе исследования было использовано восемь психодиагностических методик. Методика диагностики рефлексивности (методика А.В. Карпова, В.В. Пономаревой); опросник диагностики способностей к метарешениям А.В. Карпова; методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта; шкала самооценки метакогнитивного поведения ЛаКоста; опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness Inventory); опросник Д. Эверсон; методика диагностики обучаемости «признаки четырехугольника»; методика «Ребусы» (Л.В. Занков). В исследовании приняли участие студенты и аспиранты ВУЗов г. Ярославля, а также сотрудники ряда коммерческих организаций. Общая выборка составила 100 человек. Все полученные в ходе проведенного нами исследования результаты были разделены на два больших блока. Первый блок – результаты испытуемых по методикам, направленным на диагностику уровня обучаемости. Второй блок – данные испытуемых по каждой из шести методик на диагностику метакогнитивных качеств личности. Они далее подверглись обработке, в итоге которой в начале в соответствии с результатами, полученными по тесту на обучаемость, все испытуемые были разделены на четыре группы. В группу I вошли испытуемые с наиболее низким уровнем обучаемости, в группу II и III – соответственно, с уровнем обучаемости ниже и выше среднего и, наконец, в группу IV – с высоким. В результате подсчета суммарных показателей по всем проведенным методикам для каждой из четырех групп испытуемых было установлено, что по мере увеличения уровня обучаемости как общей способности имеет место возрастание уровня развития метакогнитивных свойств личности. Следовательно, можно констатировать наличие прямой зависимости между данными категориями. Следующим этапом исследования стало определение матриц интеркорреляций метакогнитивных свойств личности, соответствующих шкалам используемых в исследовании методик. Это означает, что на основании уже полученных после проведения методик результатов, был осуществлен структурный уровень анализа взаимосвязи метакогнитивных свойств личности между собой. Каждая из матриц определялась на основе четырех – указанных выше групп испытуемых, образованных согласно критерию различий в уровне обучаемости. В итоге, каждой из четырех групп соответствует своя матрица интеркорреляций. Далее, были подсчитаны показатели индексов когерентности, дивергентности и организованности структур метапроцессов (ИКС, ИДС и ИОС) на основании полученных значимых связей (при $p=0,90$; $p=0,95$ и $p=0,99$), а также выполнено построение структурограмм по каждой группе, отражающий общую структурную организованность метакогнитивных качеств, наличие между ними значимых взаимосвязей. Индекс когерентности (ИКС) измеряется путем сложения положительных связей между элементами системы; индекс дивергентности (ИДС) – отрицательных связей, а общий индекс (ИОС) в данном случае вычислялся путем разности значений ИКС и ИДС. При суммировании числовых значений связей между элементами каждой из этих связей приписывается свой балл в зависимости от уровня значимости. Так, при $p=0,90$ балл равняется единице, при $p=0,95$ двум, при $p=0,99$ трем. Основным результатом, полученным посредством сравнения этих индексов в четырех группах, явилась следующая закономерность. Существует прямая зависимость степени структурной организации метакогнитивных процессов и качеств личности от уровня обучаемости. По мере увеличения уровня обучаемости, как одной из общих способностей, степень структурной организации метакогнитивных качеств существенно возрастает. Другими словами, испытуемые с

наивысшей степенью развития обучаемости обладают наиболее высокими показателями по метакогнитивным процессам и свойствам личности и наоборот. Таким образом, можно сделать следующие основные выводы по результатам проведенного исследования. 1. Существует зависимость между уровнем развития обучаемости, как одной из общих способностей, и метакогнитивными процессами и свойствами личности. 2. На аналитическом уровне эта зависимость заключается в том, что по мере повышения развития обучаемости, увеличивается степень развития метакогнитивных качеств. 3. На структурном уровне данная зависимость заключается в том, что по мере развития обучаемости, повышается общий уровень развития структурной организации метакогнитивных качеств.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ;
проект № 13-06-00096.*

ПЕРСПЕКТИВЫ СВЯЗИ ПСИХОЛОГИИ И ЭКОЛОГИИ

Е.В. Кастромицкая (Одесса)

Основная задача психологов заключается в том, что психику человека надо защищать от негативного воздействия на нее окружающей среды. К решению этой задачи следует подходить комплексно, объединяя усилия многих специалистов. В связи с техническим прогрессом, современный человек в некоторых сторонах своего бытия дегуманизировал свою активность и отвернулся от природы.

Экологическая психология изучает воздействие на психику людей. Ускорение развития техники разительно изменяет окружающую среду. Человек изменяет свое поведение в зависимости от физических и пространственных структур различной среды.

Созданная человеком среда настолько огромна и разнородна, что неизбежно вызывает целый комплекс реакций – физических и биологических, а также психологических. В то время как химическое, биологическое и физическое влияние окружающей среды на человека сравнительно хорошо изучено и зафиксировано, а о психологическом влиянии среды на ее создателя-человека – мы знаем значительно меньше. Тем не менее, психологическое влияние на человека созданной им среды является очень значительным.

Окружающая среда, особенно искусственно созданная человеком, всегда имеет социальные параметры. Позиции, оценки, интересы – все это отражает аспекты среды, в первую очередь исторические и социальные. Нормы поведения зависят не только от самих людей, но и от структуры среды. Создание человеком вокруг себя минимального неприкосновенного пространства влияет на его восприятие социальной ситуации, определяемой данной средой. Каждому индивидууму необходимо определенное пространство. У него должно быть достаточно возможности для передвижения в окружающей среде не только для того, чтобы утолять жажду, потребность в пище и другие биологические потребности, но и для того, чтобы работать, устанавливать межчеловеческие связи с другими людьми, обеспечивать сложные социально обусловленные потребности.

Потребность в таком пространстве имеет как биологические, так и психологические характеристики и закреплена в чертах поведения, определенных культурным наследием. Кроме того, она отличается значительным экологическим зарядом: если

действия человека должны вести к определенным целям, то среда должна быть соответствующим образом организована, в противном случае мы неизбежно приспособляем среду для этих целей.

В перспективе это представляется ключевой проблемой современной экологии и психологии. В будущем может случиться, что созданное человеком однажды, может обернуться против него самого и подчинить его себе. Личность испытывает чувство идентичности с местом, пространством и предметами, которые очень важны для нее. Анализ среды в психолого-экологическом плане требует во многих случаях учета социального и культурно-исторического аспектов. Организация личного пространства накладывает отпечаток на экологическую деятельность человека.

В связи с этим необходимо более глубокое осмысление собственной реакции и интерпретации своего отношения к изменениям в окружающей среде в индивидуальном и социальном плане. Только в этом случае человек может сознательно и ответственно изменять эту обширную сеть взаимоотношений между ним и средой, в свою пользу. В этом выражается взаимосвязь психологии с экологией.

Вклад психологии в экологию заключается не только в том, что она изучает отношение человека к окружающему пространству, но и в том, что она раскрывает возможность оказывать положительное влияние на это отношение. Поэтому психология может сыграть важную роль в решении экологических проблем.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТОРОНА ОБЩЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Н.И. Качановецкая (Москва)

В профессиональной сфере «человек-человек», и, в частности, для представителей социονомических профессий общение является основной деятельностью. В профессиональной деятельности представителей социονомических профессий могут возникать сложные напряжённые ситуации, связанные с отсутствием единого способа кодировки информации, а так же с отсутствием профессиональных навыков и компетентности. Поэтому, для эффективного и конструктивного общения необходимо, чтобы взаимодействующие друг с другом люди были компетентны в данной конкретной ситуации.

Учитывая сложность общения, необходимо каким-то образом обозначить его структуру. Можно охарактеризовать структуру общения путем выделения в нем трех взаимосвязанных сторон: коммуникативной, интерактивной и перцептивной. (Андреева, 2005)

Рассмотрим коммуникативную сторону общения. Когда говорят о коммуникации в узком смысле слова, то, прежде всего, имеют в виду тот факт, что в ходе совместной деятельности люди обмениваются между собой различными представлениями, идеями, интересами, настроениями, чувствами, установками и пр. Все это можно рассматривать как информацию, и тогда сам процесс коммуникации может быть понят как процесс обмена информацией. Однако при всяком рассмотрении человеческой коммуникации с точки зрения теории информации фиксируется лишь формальная сторона дела: как информация передается, в то время как в условиях человеческого

общения информация не только передается, но и формируется, уточняется, развивается.

Поэтому при описании коммуникативной стороны общения необходимо выявить специфику в самом процессе обмена информацией, когда он имеет место в случае коммуникации между двумя людьми.

Во-первых, общение нельзя рассматривать лишь как отправление информации какой-то передающей системой или как прием ее другой системой потому, что здесь мы имеем дело с отношением двух индивидов, каждый из которых является активным субъектом: взаимное информирование их предполагает налаживание совместной деятельности. Особую роль в специфически человеческом обмене информацией для каждого участника общения играет здесь значимость информации (Андреева, 1981), потому что люди не просто «обмениваются» значениями, но, как отмечает А.Н. Леонтьев, стремятся при этом выработать общий смысл (Леонтьев, 1972). Это возможно лишь при условии, что информация не просто принята, но и понята, осмыслена. Поэтому в каждом коммуникативном процессе взаимосвязаны деятельность, общение и познание.

Во-вторых, характер обмена информацией между людьми определяется тем, что посредством системы знаков партнеры могут повлиять друг на друга. Иными словами, обмен такой информацией обязательно предполагает воздействие на поведение партнера, т.е. знак изменяет состояние участников коммуникативного процесса, в этом смысле «знак в общении подобен орудию в труде» (Леонтьев, 1972). Коммуникативное влияние, которое здесь возникает, есть не что иное, как психологическое воздействие одного коммуниканта на другого с целью изменения его поведения. Эффективность коммуникации измеряется именно тем, насколько удалось это воздействие.

В-третьих, коммуникативное влияние как результат обмена информацией возможно лишь тогда, когда человек, направляющий информацию (коммуникатор), и человек, принимающий ее (реципиент), обладают единой системой значений, обеспечивающей возможность партнеров понимать друг друга. Еще Л.С. Выготский отмечал, что мысль никогда не равна прямому значению слов (Выготский, 1999). Поэтому у общающихся должно быть одинаковое понимание ситуации общения. А это возможно лишь в случае включения коммуникации в некоторую общую систему деятельности.

Наконец, в-четвертых, в условиях человеческой коммуникации могут возникать специфические коммуникативные барьеры. С одной стороны, такие барьеры могут возникать из-за отсутствия понимания ситуации общения, вызванного не просто различным языком, на котором говорят участники коммуникативного процесса, но и различиями более глубокого плана, существующими между партнерами. Это могут быть социальные, политические, религиозные, профессиональные различия, которые не только порождают разную интерпретацию тех же самых понятий, употребляемых в процессе коммуникации, но и вообще различное мироощущение, мировоззрение, миропонимание.

Все это позволяет по-особому ставить вопрос для изучения феноменологии стратегий преодоления сложных ситуаций в условиях профессиональной деятельности у представителей социономических профессий, что и предопределяет актуальность настоящего исследования.

Целью данного исследования является изучение особенностей взаимосвязи стратегий преодоления сложных ситуаций и компонентов коммуникативной деятельности на разных стадиях профессионального становления у представителей социально-экономических профессий.

Предполагается, что стратегии преодоления на разных стадиях профессионального становления имеют свои содержательные и структурные отличия и могут рассматриваться как психические регуляторы поведения в проблемной (напряжённой) ситуации.

Полученные эмпирические данные могут быть реализованы в рамках работы соответствующих психологических служб с целью овладения психологическими приемами адекватного преодоления затруднений, развития профессионально-значимых личностных качеств и выработки необходимых индивидуальных стратегий, а так же с целью ознакомления представителей социально-экономических профессий с особыми требованиями, проблемными ситуациями и типами повышенных психологических нагрузок, характерными для разных видов труда в рамках выбранной профессии.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ И КРЕАТИВНОСТИ КАК ОСНОВА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

С.М. Кашапов, Т.В. Огородова, Ю.С. Медведева (Ярославль)

Обычно научное творчество понимается как деятельность, приводящая к получению неизвестного ранее знания. Д.Б.Богоявленская пишет, что психология научного творчества мало связана с получением научных знаний через логику, т.к. в таком случае способ мышления репродуктивен, а творческое мышление отличается как новым результатом, так и оригинальными и актуальными способом его достижения. При этом креативность, в нашем понимании, выступает как характеристика, отражающая творческий потенциал личности, что особенно важно в научной сфере.

Но нельзя забывать, что никакая эффективная деятельность, в том числе и научная, невозможна без мотивации самого ученого. Главенствующую позицию здесь занимает внутренняя мотивация, т.е. то, что является движущей силой в решении поставленных задач.

В научной деятельности, на наш взгляд, крайне важно взаимодействие компонентов мотивационной структуры и структуры креативности. В данном случае, возможна реализация творческого потенциала личности, что является крайне важным для научной среды. При этом развитие данной структурной взаимосвязи на ранних этапах профессионализации ученого благотворно сказывается на его дальнейшей научной деятельности, а значит и на развитии науки.

Цель исследования - установить динамику соотношения креативности и мотивов научно-исследовательской деятельности учащихся.

Гипотезы исследования:

1. Ведущие компоненты мотивационной структуры научно-исследовательской деятельности проявляются как на этапе научно-исследовательской деятельности школьников, так и студентов

2. Структуры мотивов научно-исследовательской деятельности и креативности имеют специфические связи для выборок школьников и студентов

В исследовании приняли участие: 64 школьника старших классов СОШ №43, СОШ №58, участники программы «Открытие» Провинциального колледжа г. Ярославль, а так же 196 студентов 1-4 курсов ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Всего 260 человек.

Методики исследования: тест «Креативность» (Н. Вишнякова), методика диагностики мотивации научно-исследовательской деятельности «МНД» (Ю.С.Медведева, Т.В.Огородова), анкета участника исследования. Использовался коэффициент корреляции Ч.Спирмена.

Результаты исследования. Сравнение характера взаимосвязей креативности и мотивации научной деятельности школьников и студентов позволяет выделить общие черты. Для обеих выборок установлены связи показателей «карьера» и «творческое отношение к профессии» (реальные оценки) ($r=-0,220$; $p=0,028$) и ($r=-0,315$; $p=0,026$), а так же «творчество» и «любопытность» (реальные оценки) ($r=0,427$; $p=0,001$) и ($r=0,401$; $p=0,004$).

Показатель «творческое отношение к профессии» реальное значимую отрицательную связь с показателем «карьера». Учащиеся осознают, что творческий подход в профессии способствует раскрытию внутреннего потенциала человека, дает ему ресурс для дальнейшего личностного роста как сейчас, так и в будущем. При этом саморазвитие в их представлении все же не способствует дальнейшему карьерному росту, а значит и материальному достатку. В данном случае, учащиеся не связывают творчество со своей научной деятельностью, т.к. рассматривают его в узком значении (хобби, развлечения и т.д.).

«Творчество» имеет корреляцию с показателем «любопытность» (реальные оценки), т.е. учащиеся имеют потребность и возможность попробовать себя в разных направлениях, в том числе и в научно сфере. При этом они могут предложить свои идеи и представления по выбранной теме.

Для школьников так же характерно наличие связи между показателями «любопытность» (идеальные оценки) и «общение» ($r=-0,281$; $p=0,048$), что свидетельствует, о стремлении школьников получать ответы через непосредственный контакт с учителем, не прибегая к другим источникам.

Студенты отличаются наличием связей, не выявленных в выборке школьников: показатель «социальная полезность», как стремление заниматься научной деятельностью приносящей пользу обществу, коррелирует с показателями желаемого, идеального уровня таких креативных качеств как «оригинальность» ($r=0,222$; $p=0,027$), с показателями «интуиция» ($r=0,205$; $p=0,041$) и «творческое отношение к профессии» ($r=0,270$; $p=0,007$). Для реализации социально-полезных проектов следует учитывать обстановку времени и потребности социума, необходимо использовать творческий подход, вписаться в современные реалии и избежать возможных проблем, связанных с проектом или научной работой. Опираясь на свою интуицию (прежний опыт, свои представления и т.д.), ученый может реализовать проекты, придумывая принципиально новый подход или иной проект, работу, направление реализации.

«Материальное благополучие» отрицательно коррелирует с показателем «оригинальность» (идеальные оценки) ($r=-0,212$; $p=0,034$). Более высокий материальный достаток можно получить, если использовать в своей работе проверенные способы и средства, не рискуя при этом, предлагать что-то новое. Таким представляется в глазах студентов профессиональный путь, в том числе и ученого.

Юмор помогает пережить сложные ситуации, в том числе и в профессиональной сфере. Если к проблеме отнестись с долей юмора, то решение ее покажется более простым, и поможет снять психологическое напряжение. При этом юмор может проявляться как способ защиты, способность к самому процессу деятельности относиться

творчески. Для ученого важно понимание, что с первого раза тот или иной вид деятельности может быть не реализован, поэтому необходимо искать новые альтернативные подходы. На наш взгляд, это может объяснить связи между показателями «творчество» и «чувство юмора» (реальные и идеальные оценки) ($r=0,395$; $p=0,001$) и ($r=0,395$; $p=0,001$).

Таким образом, сравнение двух выборок учащихся выявило как общие, так и специфические черты взаимосвязей мотивов научной деятельности с проявлениями креативности, что подтвердило гипотезы нашего исследования.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №11-06-00738а

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-06-00589а

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИЧНОСТНЫХ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОДАРЕННЫХ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

Н.В. Каширина (Воронеж)

Актуальность заявленной темы обусловлена, во-первых, социальным заказом, во-вторых, отсутствием валидных методик диагностики одаренности, в-третьих, недостаточной изученностью феномена одаренности. При наличии социального заказа (интерес общества в одаренных детях существует, так как самый дефицитный товар — интеллект и талант, человеческий капитал) отсутствует четкая система диагностики одаренности, обучения и педагогического сопровождения таких детей (при наличии у них дисгармоничной одаренности).

В нашей работе мы хотели бы затронуть тему сочетания когнитивных и личностных черт у одаренных старшеклассников. Когнитивные характеристики важны для нас в качестве процессуальной составляющей интеллектуальной деятельности одаренных. Так как именно специфика интеграции познавательной и личностной сферы создает ту определенную систему, которой характеризуется особенность умственных процессов одаренных.

Целью исследования стало выявление статистически достоверных различий и закономерностей в когнитивной и личностной сферах между одаренными старшеклассниками и школьниками, не проявляющими признаков одаренности. Нами была сформулирована следующая гипотеза: между одаренными старшеклассниками и школьниками, не проявляющими признаков одаренности, существуют статистически достоверные различия в когнитивной и личностной сферах по уровню: полнезависимости-полезависимости (далее ПНЗ-ПЗ); ясности Я-концепции; рефлексии.

Идентификация старшеклассников как «одаренных» осуществлялась на основе критерия наличия реальных интеллектуальных достижений учащихся в области естественных наук, а именно, учеба в физико-математическом классе гимназии им. Басова при ВГУ (г. Воронеж), наличие призовых мест при участии в региональных, Всероссийских олимпиадах – 16 человек, из них 5 девочек, 11 мальчиков. Так же в группу одаренных мы включили после подсчета статистически достоверных различий (критерий t-Стьюдента) призеров областных и городских олимпиад (14 человек).

Контрольная группа: старшеклассники физико-математического класса гимназии им. Басова - 28 человек.

В общем виде интеллектуальная одаренность - это такое состояние индивидуальных психологических ресурсов (в первую очередь умственных), которое обеспечивает возможность творческой интеллектуальной деятельности. (Холодная, 1999)

Нами были использованы следующие методики: «Фигуры Готтшальдта», опросник рефлексии А.В. Карпова, методика изучения ясности Я-концепции, пиктограммы (Бурлачук, 2000) (схема анализа данных пиктограмм - интерпретативная схема Б. Г. Херсонского) (Холодная, 1999).

Результаты, полученные нами по критерию t-Стьюдента (различия между «одаренными» и призерами городских олимпиад 2,5 ($p > 0,05$), школьниками, не проявляющими признаков одаренности - 4,1 ($p > 0,01$)) подтверждают наше предположение о том, что принципиальным отличием одаренных школьников является уровень развития рефлексии. В данном случае это доказано на уровне $p > 0,01$ статистической достоверности. Мы можем так же проследить динамику от «одаренных участников олимпиад» до старшеклассников, не проявляющих признаки одаренности: уровень рефлексии увеличивается вместе с уровнем интеллектуальной одаренности. Потому что успешность в интеллектуальной деятельности обусловлена помимо индивидуальных интеллектуальных возможностей особенностями «интегральных психических процессов», которые обеспечивают организацию и регуляцию интеллектуальной деятельности (Холодная, 1999).

Большой интерес для нас представляет зависимость между понижением уровня ясности Я-концепции и увеличением символьных и графических изображений по методике «Пиктограммы» (0,43 - статистическая достоверность $p > 0,05$). Так как мы выявили еще одну взаимосвязь между показателями последней методики и ПНЗ-ПЗ (0,35 статистическая достоверность - $p > 0,10$), можем предположить, что эта корреляция обусловлена ригидной ПНЗ у старшеклассников, не проявляющих признаки одаренности и мобильной у ПНЗ-одаренных (так как зависимость отсутствует). «Одним из факторов, обуславливающих величину идентификации при оценке себя и других людей, является когнитивный стиль, в частности, параметры полезависимость - полнезависимость...Создатель теории личностных конструкторов Д.Ж. Келли связывает творческий потенциал личности со способностью переходить от большой дифференцированности к большой синтезированной восприятия объектов». (Шкурадова, 2008) (здесь мы можем предположить наличие мобильного когнитивного стиля) «Если индивид воспринимает и оценивает себя как мало похожего на других людей, вызывает повышение рефлексии, возрастание тревожности, усиление дифференцированности восприятия и оценки собственной и чужой личности». (Шкурадова, 2008) Это восприятие соответствует восприятию ПНЗ индивида. Если ПНЗ ригидная, то восприятие себя и других как сложно структурированных вызовет колебания самооценки, в том числе, ясности Я-концепции. Если же ПНЗ мобильная, то индивид может переходить как к синтезу, так к дифференциации без последствий для осознания своей идентичности. Следует отметить, что это предположение нуждается в дальнейшей проверке на более широкой выборке с учетом факторного анализа между параметрами мобильной-ригидной ПНЗ, ясности Я-концепции.

Повышение уровня рефлексии соответствует у одаренных старшеклассников повышению ПНЗ (0,452 - статистическая достоверность $p > 0,10$) – это объясняется отличительной особенностью данного когнитивного стиля (склонность к структуризации), а так же может служить еще одной предпосылкой для последующего исследования ригидной и мобильной ПНЗ. Где мы предполагаем повышение уровня рефлексии в связи с умением переходить от синтеза к дифференциации.

В результате проведенного исследования наша гипотеза частично подтвердилась: были обнаружены статистически достоверные различия по уровню рефлексии между одаренными старшеклассниками и школьниками, не проявляющими признаков одаренности.

ПОЛИМОРФИЗМА ГЕНА BDNF, КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АГРЕССИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

О. С. Кежаев (Москва)

Сегодня множество исследований посвящено изучению агрессии как онтогенетически устойчивой индивидуальной характеристике, детерминированной наследственными биологическими задатками. Такие исследования показывают как наличие ассоциации полиморфных маркеров генов различных нейромедиаторных систем мозга с агрессивностью, так и её отсутствие. Тогда как связь отдельных черт личности, сопряженных с агрессивностью, и полиморфных маркеров генов нейропептидов, в частности, мозгового нейротрофического фактора (BDNF), изучена недостаточно.

Цель исследования – изучение особенностей агрессивности в структуре личности психически здоровых лиц и больных шизофренией с учетом полиморфизма гена мозгового нейротрофического фактора головного мозга.

Гипотезы исследования:

1. Степень выраженности отдельных черт характера и свойств темперамента сопряжена со склонностью к проявлению агрессии.
2. Агрессивность как совокупная личностная характеристика зависит от генетической конституции на примере генетического полиморфизма гена мозгового нейротрофического фактора.
3. Наличие эндогенного психического расстройства в фенотипе, возможно, способствует повышению роли когнитивного компонента в проявлении агрессии и снижению влияния сдерживающих механизмов.

Научная работа включала в себя комплексное клиничко-психологическое, психодиагностическое и психометрическое исследования. Исследование проводилось на базе клиники психиатрии Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского.

Молекулярно-генетическая часть исследования проводилась в лаборатории генетики Научного центра психического здоровья РАМН (г. Москва).

Всего в исследовании приняли участие 54 респондента, 28 респондентов из числа психически здоровых лиц (11 мужчин и 17 женщин; средний возраст 32,7+1,8), и 26 пациентов, страдающих параноидной шизофренией (F20.0 в соответствии с диагностическими критериями МКБ-10; 11 женщин, 15 мужчин; средний возраст 30,5+2,3). Психически здоровые лица набирались из числа добровольцев, подписавших информированное согласие на участие во всех этапах настоящего исследования.

Психодиагностический аппарат для определения психологических характеристик включал следующие методики: 1) Опросник Басса-Перри для измерения выраженности агрессивных тенденций личности; 2) Диагностическая методика TCI-125 структуры характера и темперамента С. Клонингера, для оценки наследуемых и социально - обусловленных черт темперамента и свойств личности; 3) Фрайбургский личностный опросник FPI для общей оценки свойств личности.

Статистические методы анализа полученных результатов включали расчёт различий между независимыми выборками исследования через ранговый U-критерий Манна-Уитни, и ранговый коэффициент корреляции Спирмена, так же использовалось Z - преобразование Фишера. При сравнении выборок рассчитывалось среднее значение - взвешенное относительно медианы среднее арифметическое.

Посредством генетического анализа, был определён аллельный полиморфизм Val66Met (аллели Val и Met) гена мозгового нейротрофического фактора головного мозга (BDNF). Для снижения вероятности получения ложноположительных результатов в группе больных шизофренией, связанных с небольшим размером исследуемой выборки, было проведено объединение групп больных с выявленными генотипами.

Генотипы ValMet и MetMet гена BDNF объединили в группу, обозначенную Met+, генотип ValVal, соответственно, получил обозначение Met-.

В группе больных шизофренией генотип Met-, определён у 66% (17 человек) обследованных, генотип Met+ у 34% (9 человек); в группе здоровых респондентов, носителями генотипа Met- были 64% (18 человек) испытуемых, носителями генотипа Met+ - 36% (10 человек).

Выводы:

1. Наличие эндогенного психического расстройства в фенотипе, способствует повышению роли когнитивного компонента в проявлении агрессии и снижению влияния сдерживающих механизмов, таких как актуальное эмоциональное состояние. Это обусловлено тем, что больные проявляют больший уровень физической агрессии и большую враждебность, но существенно не отличаются от здоровых по выраженности шкалы «Гнев».

2. Склонность к агрессии составляет часть генетической конституции индивида, на примере генетического полиморфизма гена мозгового нейротрофического фактора. Присутствие в генотипе аллеля Met, независимо от наличия или отсутствия фактора заболевания, предрасполагает к выраженной агрессивности, через формирование враждебной атрибуции. Механизм формирования описывается через доминирование когнитивного и инструментального компонентов над эмоциональным компонентом агрессии, в совокупности с выраженностью индивидуально-типологических черт.

3. Прослежено сочетание индивидуально-типологических черт, связанных с агрессивностью, с учетом аллельного полиморфизма гена мозгового нейротрофического фактора головного мозга (BDNF) у больных шизофренией. Так враждебность как когнитивный компонент агрессии, положительно коррелирует с зависимостью от вознаграждения, застенчивостью и эмоциональной лабильностью. Перечисленные выше корреляции обусловлены у психически здоровых людей наличием аллели Met в генотипе, при его отсутствии эти связи не являются значимыми.

4. Прослежено еще одно сочетание индивидуально-типологических черт, связанных с агрессивностью, с учетом аллельного полиморфизма гена мозгового нейротрофического фактора головного мозга (BDNF) у больных шизофренией. Так выявлены положительные корреляции: настойчивости с физической агрессией и враждебностью, застенчивости с избеганием вреда и депрессивностью, раздражительности и невротичности. Все перечисленные корреляции характерны только для группы больных шизофренией с генотипом Met-. В свою очередь, при Met+, установлены положительные связи спонтанной агрессии и застенчивости, и отрицательные между уравновешенностью и зависимостью от вознаграждения.

Проведенное исследование подтвердило первоначально выдвинутые гипотезы и правильность постановки задач.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТРЕССА У БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН

Л. Ю. Кирдода (Черкассы)

На сегодняшний день активно изучается перинатальная психология и педагогика. Однако больше внимания уделяют формированию и развитию ребенка, нежели тем изменениям, которые происходят с самой беременной.

Зарубежные специалисты зачастую делают акцент на психологической подготовке к родам, но не протекании беременности. Так, британский врач Г. Дик-Рид, разработавший систему «естественных родов», изучает страх и тревогу, возникающие во время беременности у женщины как негативные факторы, влияющие собственно на роды и готовность к ним. Различные варианты патологического протекания родов возможны при эмоциональной неустойчивости одного из родителей [4]. Французский врач М. Оден обращает внимание на создание условий для психологического комфорта в период подготовки к родам и самих родов.

Защитить себя от негативных переживаний, страхов, психоэмоциональной неустойчивости, или, как принято их называть одним словом, стрессов, действительно нелегко. Тем более, что причин для таких состояний, особенно в начале беременности, очень много. Некоторые из них присущи для многих женщин, а другие вполне индивидуальные:

- Волнения в связи с физическими изменениями, неприятными явлениями: токсикоза, сонливости, изменения молочных желез и др.
- Более серьезный страх, параллельно связан с переживаниями по поводу благополучного вынашивания, например, при угрозе выкидыша в начале беременности, когда известны индивидуальные медицинские показания.
- Страх перед рождением малыша нежелательного пола для любого из супругов. Страх перед предстоящими родами.
- Общая нестабильность эмоционального состояния, похожая на передменструальный синдром, к которому относится раздражительность, резкие смены настроения, слезливость.
- Боязнь предстоящих изменений в своей фигуре, внешности.
- Неуверенность в завтрашнем дне, страхи перед будущей жизнью, необходимостью расстаться с активной профессиональной самореализацией и деятельностью на время отпуска по беременности и родам, а также отпуска по уходу за ребенком.
- Усталость на работе.
- Волнения связаны с конфликтами с начальством, коллегами. Если беременная учится, то редко удастся избежать текущих неприятностей и волнений, связанных с экзаменами.
- Отношения с мужем, имеющимися детьми, другими членами семьи.
- Бытовые проблемы.

Беременность - это время открытий и изменений.

Значительная часть изменений вызвана большим выбросом гормонов - особенно активных химических веществ, которые образуют и выделяют эндокринные железы. С самого начала беременности образуется гормон хорионический гонадотропин. Он

стимулирует усиление образования прогестерона и тем самым притормаживает менструацию. Гормон прогестерон успокаивает психику, предоставляет смягчающее, успокаивающее действие на матку для сохранения беременности. Однако женщина может почувствовать определенную усталость, заторможенность.

В плаценте образуется и накапливается прогестерон, гонадотропные и эстрогенные гормоны, плацентарный лактоген и соматропин. Они влияют на процессы роста плода и матки, готовят молочные железы к лактации. Эстроген пробуждает у будущей мамы инстинкт «гнезда» и связанные с этим вопросы и заботы - например: справлюсь ли я, смогу ли стать хорошей матерью? Благодаря гормону релаксина сухожилия и связки в области таза, в конце беременности становятся более мягкими и гибкими. Также релаксин вызывает противоречивое чувство женского самосознания. Эндорфин - гормон радости - влияет на эмоциональное состояние и является естественным обезболивающим средством. Гормон окситоцин приводит в действие механизм родов. В первые месяцы и на этапе завершения беременности, происходит снижение возбудимости коры головного мозга.

Независимо от причин стресса (внешние обстоятельства) в первую очередь реагирует кора головного мозга. Далее следует ответ гипоталамо-гипофизарной системы. В кровь попадает гормон стресса, который вырабатывают железы внутренней секреции. В ответ на уровень гормона в крови реагируют мышцы. Организм нуждается в защите, и напряженные мышцы провоцируют выработку адреналина. После чего уровень гормона пролактина повышается, а прогестерона - уменьшается: возникает угроза по реакции мышц матки. Чем больше и чем дольше сохраняется повышенный тонус матки - тем опаснее для ребенка (плацента не может удовлетворить потребности малыша). Снятие напряжения - помогает сохранить беременность.

Изменения в тонусе вегетативной нервной системы приводят к различным расстройствам, изменение вкуса, головокружение. В подготовке к беременности и обеспечению ее правильного протекания принимают участие все важнейшие системы женского организма. Все изменения, которые возникают, носят адаптационный характер и необходимы для процесса продолжения рода. В центральной нервной системе во время беременности возникает доминантный очаг возбуждения («доминанта беременности»), что обеспечивает нормальное протекание изменений в организме мамы и необходимого для развития плода.

Важную роль в подготовке к материнству носит психологическое сопровождение беременной женщины, своевременная диагностика психических состояний, в том числе уровня фрустрации, склонности к стрессу и стрессоустойчивости.

СООТНОШЕНИЕ САМООЦЕНКИ ВОЗРАСТА, ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Ю.Д. Киреева (Москва)

Проблеме восприятия своего возраста самим человеком посвящен целый ряд современных исследований. Субъективный возраст рассматривается как представление человека о том, на сколько лет он, по его мнению, выглядит, чувствует себя, действует, и какому возрасту соответствуют его интересы. Этот комплексный возрастной конструкт, отражающий различные «возрасты самого себя», тесно связан с внутренними процессами развития и старения.

У каждого человека в течение жизни изменяется отношение к своему прошлому, настоящему и будущему, то есть временная перспектива. Вместе с этим, человеку присуща возрастная идентификация, то есть субъективный возраст, который также имеет свойство изменяться на протяжении жизни и в сознании соотносится с возрастом хронологическим. Оба конструкта, временная перспектива личности и субъективный возраст, связаны с восприятием человеком времени вообще, и психологического времени в частности.

Целью данной работы было исследование соотношения компонентов субъективного возраста с временной перспективой личности, физическим и психологическим компонентами здоровья, а также исследование особенностей оценок возраста себя и Другого в разных возрастных группах.

В работе были использованы следующие методики: методика на определение субъективного возраста, модифицированный вариант опросника «Age-of-Me» (Barak, 1979); адаптированный опросник Ф.Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory: ZTPI) по временной перспективе (Сырцова А., Митина О.В., 2008); опросник SF-36 - методика оценки качества жизни; а также 30 фотографий людей обоего пола от 20 до 70 лет, возраст которых предлагалось оценить.

В общей сложности в исследовании приняли участие 152 человека в возрасте от 20 до 70 лет, из них 66 мужчин и 86 женщин. Все участники были разделены на три возрастные группы: 1) от 20 до 30 лет (51 человека); 2) от 40 до 50 лет (51 человека) 3) от 60 до 70 лет (50 человек).

Результаты исследования показали, что индивиды в возрасте 20-30 лет в среднем ощущают себя соответственно своему хронологическому возрасту. Исключение составляет биологический (чувствует) и эмоциональный (выглядит) возраст. Индивиды в возрасте 40-50 и 60-70 лет по всем составляющим оценивают себя младше своего хронологического возраста, при этом степень занижения субъективного возраста увеличивается с возрастом.

Результаты исследования факторов временной перспективы показывают, что с возрастом уменьшается ориентация на гедонистическое настоящее, то есть на получение удовольствия в настоящем, сиюминутного наслаждения. Значение фаталистического настоящего, наоборот, с возрастом увеличивается, то есть возрастает убеждение, что настоящее и прошлое предопределены. Различий в выраженности факторов временной перспективы у мужчин и женщин не показано. Однако при отдельном сравнении возрастных группы мужчин и женщин между собой, описанные межгрупповые различия проявляются только у женщин.

Получены следующие связи субъективного возраста и временной перспективы личности: в возрастной группе 20-30 лет показано что, чем более молодому возрасту соответствуют интересы человека, тем меньше они подвержены убеждению, что настоящее и прошлое предопределены. В возрастной группе 40-50 лет наблюдаются следующие тенденции: чем младше в целом человек себя оценивает, тем больше он направлен на будущее. Также, чем младше человек определяет возраст, которому соответствуют его действия, и оценивает себя в целом, тем меньше он направлен на фаталистическое настоящее. Для возрастной группы 60-70 лет характерно следующее: чем человек моложе выглядит, по его мнению, и чем более молодому возрасту соответствуют его действия, тем в меньшей степени это определяется его негативным прошлым опытом.

Результаты исследования показателей физического и психического здоровья, выявили, что с возрастом показатели физического здоровья снижаются, а психиче-

ского, в целом, не изменяются. При сопоставлении субъективного возраста индивидов различных возрастных групп с физическими и психическими компонентами здоровья, были получены следующие тенденции: если люди в возрасте 60-70 лет при проблемах со здоровьем в основном чувствуют себя старше и ближе к своему хронологическому возрасту, то у людей 40-50 лет подобная тенденция проявляется только, если здоровье ограничивает их социальную активность, а у молодых людей показаны обратные связи. Люди в возрасте 20-30 лет, если состояние здоровья ограничивает их жизнь, наоборот оценивают себя младше.

При рассмотрении того, как индивиды оценивают других показано, что оценки 60-70 летних чаще отличаются повышенной точностью от оценок остальных групп. В возрастных группах 20-30 и 60-70 лет максимально точную оценку дают людям своего возраста. Полученные результаты требуют дальнейшего более детального изучения.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №11-06-00916

РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ В СТРУКТУРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕНЕДЖЕРОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА

А.Р. Кливак (Курск)

Ежегодно открывается огромное число новых предприятий, организаций и компаний. В связи с этим отмечается активный рост рабочих мест. Но, несмотря на это, процент менеджеров среднего звена остается неизменным и весьма значимым в работе каждой компании. Данная профессиональная ниша представляет собой огромное значение в рамках любой организации, поэтому изучение особенностей влияния различных факторов на уровень продуктивности работы всей организации среди менеджеров среднего звена является актуальной.

В связи с этим отмечается повышение интереса к поиску зависимости продуктивности работы всей организации не только от оборудования, материала и условий труда, но и от самих работников как людей со своими взглядами и мнениями.

В процессе своей трудовой деятельности люди вступают во взаимодействие, которое является неотъемлемым атрибутом любого производственного процесса. Результат такого взаимодействия проявляется в их взаимоотношениях, в социально-психологическом климате, в удовлетворенности потребностей в общении, в привлекательности деятельности и культуры организации. И именно коммуникация формирует целостность организации и ведет к повышению продуктивности (Никифорова Г.С., 2004).

Нам представляется важным изучать именно личностные факторы, как первоначальную основу, на которой в дальнейшем будет базироваться весь процесс коммуникации работников с учетом их личностных особенностей.

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение влияния личностных факторов на взаимодействие менеджеров среднего звена.

К важным личностным характеристикам в организационном контексте можно отнести ценности личности, базовые потребности, жизненные стремления, уровень рефлексивности, локус контроля, жизненные ориентации, временную перспективу, профессиональное выгорание.

Исследование проводилось на базе филиалов национального агрохолдинга, в период с декабря 2011 года по апрель 2012, в нем принимали участие менеджеры среднего звена.

Общее количество испытуемых, принявших участие в исследовании, составило 140 человек.

В ходе проведения исследования были получены статистически значимые различия по показателям «гедонистическое настоящее», «негативное прошлое», «фаталистическое настоящее», «локус контроля».

Показатель «гедонистическое настоящее» отражает ориентацию на получение удовольствия, возбуждения в настоящем, отсутствие заботы о последствиях и будущих выгодах, наградах (Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В., 2007). В результате исследования в группе пассивно взаимодействующих испытуемых был отмечен уровень показателя выше, чем у активно взаимодействующих. Таким образом, у пассивно взаимодействующих преобладает ориентация на получение удовольствия, низкую включенность и отсутствие заботы о последствиях.

Преобладание ориентации на «негативное прошлое» свидетельствует об отсутствии направленности на будущее с опорой на настоящее. Негативная установка к прошлому чаще всего является результатом реальных травматических и неприятных событий, или негативной реконструкции событий прошлого (Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В., 2007). При этом у активно взаимодействующих испытуемых отмечается низкий показатель, а у пассивно взаимодействующих высокий показатель. Таким образом, пассивно взаимодействующие чаще имеют негативную установку к прошлому, что ведет к акцентированию их внимания не на настоящих событиях своей жизни, а на предшествующих и таким образом снижает активность взаимодействия.

Показатель «фаталистическое настоящее» отражает беспомощность и безнадежность, твердое убеждение, что будущее предопределено, а настоящее должно переноситься с покорностью (Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В., 2007). В ходе исследования у активно взаимодействующих испытуемых отмечается низкий показатель, а у пассивно взаимодействующих высокий. Результаты отражают ориентацию у активно взаимодействующих на убежденность в возможности контролировать свою жизнь путем принятия решений.

Показатель «локус контроля» отражает локализацию контроля личности, то есть убеждения человека относительно того, где находятся или локализуются силы, подвергающие влиянию, управлению и контролю то, что происходит в его судьбе (Елисеев О.П., 2003). У активно взаимодействующих испытуемых отмечается высокий показатель, а у пассивно взаимодействующих низкий показатель интернальности. Соответственно мы делаем выводы о том, что менеджеры среднего звена, имеющие низкий показатель интернальности демонстрируют низкую активность во взаимодействии, пассивность в решении вопросов коллектива, участие в общественных делах, не обнаруживается целенаправленного поведения в отношении своей деятельности.

В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что личностные факторы оказывают значительное влияние на процесс и структуру взаимодействия менеджеров среднего звена, при этом важно отметить, что в зависимости от проявления тех или иных личностных черт отмечается увеличение или снижение эффективности в процессе осуществления совместной деятельности. Так менеджеры с высоким показателем интернальности занимают активную позицию во вза-

имодействии со своими коллегами. Менеджеры же с ориентацией на гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее и негативное прошлое занимают пассивную позицию во взаимодействии со своими коллегами. Соответственно следует учитывать и сочетания данных факторов отдельно у каждого работника.

Полученные результаты важны для привлечения внимания к проблеме личности работника и в особенности его влияния на уровень продуктивности всей организации.

ВКЛАД ВЕСТИБУЛО-ОКУЛЯРНОГО РЕФЛЕКСА В СНИЖЕНИИ ПОДВЕРЖЕННОСТИ ИЛЛЮЗИИ ВЕКЦИИ У СПОРТСМЕНОВ ФИГУРИСТОВ

О.А. Климова (Москва)

Изучение работы функции определения положения тела в пространстве – новое направление современных нейроисследований. Сложность экспериментального изучения вестибулярной функции определяется комплексностью данного понятия. Вестибулярная функция является интегратором, в каждый момент времени сравнивающим сигналы зрительной, проприоцептивной, слуховой систем и вестибулярного аппарата. Современные исследователи считают, что эта функция локализована в области ветральной интрапариетальной коры¹. Так как это корковая структура, то количество нейноров и связей, вовлечённых в её работу, различно у людей разных образов жизни и профессий.

Спортсмены в дисциплине фигурное катание могут быть интересным объектом для изучения вестибулярной функции, а технологии виртуальной реальности позволяют вычленить лишь одну действующую модальность, например зрительную. В процессе выполнения различных элементов, перед фигуристом мелькают разные зрительные сцены - от широкого вида на стадион до небольшого поля зрения между ногами партнёра. В том случае, если на человека воздействует объёмная зрительная среды – у него возникает иллюзия движения собственного тела, открытая Э. Махом ещё в конце девятнадцатого века². В современной литературе данный феномен носит название «векция». Гипотеза заключается в том, что стимуляция с наиболее широким углом обзора должна привести к максимальной выраженности векции, причём у фигуристов данное ощущение должно быть меньше, по сравнению с контрольной группой.

Испытуемыми стали 19 человек в возрасте от 15 до 26. Экспериментальная группа - 8 фигуристов, все из них выступают в парных танцах на льду, кандидаты в мастера спорта и мастера спорта. Контрольная группа - 11 студентов МГУ имени М.В. Ломоносова различных факультетов. Для демонстрации стимуляции была использована установки виртуальной реальности CAVE-system. Установка состоит из четырёх больших плоских квадратных экранов, соединенных в куб (верхняя и задняя стенки отсутствуют). Длина сторон каждого экрана 2.5 метра. Для создания эффекта объёмного изображения используются активные затворные очки, одеваемые на голову.

Использовалась собственная методика оценки степени выраженности векции включающую анализ количества морганий и фиксаций глаз испытуемых, направление взгляда. В основу данной идеи легло явление вестибуло-глазного рефлекса, или

нистагма3. Запись движений глаз производилась с помощью системы регистрации движения глаз SMI Eye Tracking Glasses. Частота записи равна 60 Гц.

Так же, для регистрации степени выраженности иллюзии был применён опросник «Симуляторные расстройства» (в англоязычной версии Simulator sickness questionnaire)4. Пункты опросника входят в состав трех факторов: тошнота, глазодвигательные явления и нарушения ориентации. В результате подсчета по каждому испытуемому вычисляется общий балл для каждого условия.

Стимуляция представляла собой 256 синих кругов, движущихся по криволинейной траектории – эллипсоидной с изменением угла наклона. Первое условие предполагало предъявление стимуляции только в пределах части фронтального экрана комнаты виртуальной реальности. Во втором условии стимуляция занимала весь фронтальный экран полностью. В третьем варианте предъявления стимула движущиеся круги полностью заполняли всё зрительное поле испытуемого. Эксперимент состоял из 3 предъявлений различных условий стимуляции каждому испытуемому контрольной и экспериментальной группы, каждое условие в течение 2 мин. Данное время было выбрано неслучайно и является наиболее оптимальным с точки зрения соотношения количество данных/вызванное чувство дискомфорта. Последовательность предъявления условий была одинакова для всех испытуемых – от максимального объема периферической информации к минимальному.

Первичными данными стали значения количества морганий и фиксаций для каждого испытуемого по всем условиям. Сравнение средних между группами проводилось с помощью статистического критерия Манна-Уитни. На уровне значимости $p=0,01$ было показано, что фигуристы совершают значимо больше морганий и фиксаций взгляда во всех условиях (критическое значение=15, эмпирические значения при сравнении количества фиксаций 25, 40,5 и 37,5 для первого, второго и третьего условий соответственно, аналогично эмпирические значения при сравнении морганий 30, 38,5 и 43,5 по сравнению с контрольной группой). Данный результат подтверждает гипотезу о том, что у фигуристов лучше развиты компенсаторные механизмы к векции.

Сравнение результатов опросника показало следующее. На уровне значимости $p=0.01$ критическое значение критерия равно 20, а эмпирические значения для I,II и III условий соответственно равны 27, 36 и 33. Следовательно, контрольная и экспериментальная группа по общим баллам опросника значимо различаются. Экспериментальная группа имеет более низкий балл, чем контрольная.

Таким образом, было показано, что в условиях, максимально приближенных к реальным по степени своего воздействия, удалось получить резкие различия между результатами людей разных профессий. Для психологии спорта данный факт добавляет ещё одну монету в копилку технологий виртуальной реальности и современных аппаратных методов в противовес к традиционным психологическим методикам изучения спортсменов, таких как опрос и анкетирование. Для психологических исследований, связанных с фигурным катанием, настоящая работа дает материал для размышления о диагностике способностей молодых фигуристов и степени сформированности их вестибулярной функции.

КОРРЕКЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЛИЦ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В УСЛОВИЯХ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО ЛЕЧЕНИЯ

О.В. Князева (Екатеринбург)

Изучением психологических проблем психосоматических больных и больных с хроническими заболеваниями привлекало внимание следующих ученых: Е.Ф. Бажин; Ф.В. Бассин, Ю.Ю. Елисеев, Ю.Г. Зубарев, Б.Д. Карвасарский, А.В. Квасенко, В.В. Николаева, В.А. Ромасенко, Е.Т. Соколова, К.А. Скворцов и др. Исследование эмоциональных состояний больных хроническим заболеванием особенно актуально в настоящее время, так как позволяет определить меры по оказанию современного и своевременного эффективного психологического воздействия на процесс адаптации к заболеванию, по предупреждению негативных личностных деструкций, обусловленных внутренней картиной болезни.

В представляемой исследовательской работе была поставлена цель – разработать и апробировать краткосрочную программу коррекции эмоциональной сферы лиц с хроническими заболеваниями. Необходимость такого рода программы обусловлена коротким сроком пребывания пациентов в санатории и прохождением других обязательных медицинских процедур в рамках купирования симптомов их заболеваний.

В соответствии с этим была сформулирована следующая гипотеза исследования: краткосрочная программа психологической коррекции, включающая в себя психологические консультации, сеансы аутогенной тренировки и групповой эриксоновский гипноз, позволяет снизить депрессивное состояние, улучшить самочувствие, активность, настроение, в рамках нахождения пациентов с хроническими заболеваниями в санаторно-курортном учреждении.

Источниковую базу исследования составили материалы наблюдения и тестирования 13 пациентов, находящихся в санатории «Магадан» г. Сочи в октябре-ноябре 2012 г. У этих людей наблюдался хронический бронхит, хронический гастрит, хронический панкреатит, хронический остеохондроз, хроническая почечная недостаточность и ряд других заболеваний, которые составляют группу психосоматических, что может обуславливать формирование эмоционально-негативных состояний больного, менять весь стиль его жизни: жизненные установки, планы на будущее, его жизненную позицию.

В ходе психологического исследования использовался следующий диагностический инструментарий:

1. Методика самооценки эмоциональных состояний (А. Уэссман и Д. Рикс);
2. Методика диагностики самочувствия, активности и настроения (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шарай, М.П. Мирошников);
3. Методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний В. Зунге (адаптация Т.И. Балашовой).

В результате первичного обследования были получены следующие результаты: истинная депрессия (глубоко сниженное настроение) была выявлена у 1 (8%) испытуемого, «маскированная» депрессия у 2 (15%). До коррекционных занятий легкую депрессию испытывало 4 (31%). Отсутствие депрессии было выявлено у 6 (46%). Неблагоприятную оценку своему настроению дали 4 (31%) испытуемых. В первой диагностике самооценки эмоциональных состояний низкий уровень обнаружен у 1 (8%).

Программа психологической коррекции эмоционального состояния лиц с хроническими заболеваниями включала следующие этапы:

1. Беседа, в ходе которой выявлялись жалобы, проблемы, актуальное состояние, а также ресурсность пациентов, объяснялись цели и задачи психокоррекционной программы.

2. Первичная психологическая консультация (в рамках эмоционально-образной терапии Н.Д. Линде), которая заключалась в определении индивидуальных психологических проблем пациентов.

3. Аутогенная тренировка (7 сеансов), направленная на восстановление и запуск механизмов саморегуляции психофизиологических состояний.

4. Групповой эриксоновский гипноз, направленный на поиск и дальнейшее использование личностных ресурсов.

5. Вторичная (заключительная) психологическая консультация (после 14 дней нахождения на лечении и отдыхе в санатории), во время которой обсуждались результаты обследования, давались рекомендации, включающие индивидуальную программу психопрофилактики.

В целях проверки выдвинутой гипотезы были сопоставлены показатели, измеренные до и после применения коррекционной программы, а также было определено, является ли сдвиг показателей в одном направлении более интенсивным, чем в другом. Поэтому применялся непараметрический Т-критерий Вилкоксона, который позволяет установить не только направленность изменений, но и их выраженность.

После обработки полученных показателей по методике дифференциальной диагностики депрессивных состояний В. Зунга до и после проведенной коррекционной программы, были получены следующие результаты: ТЭмп = 3. Данный показатель находится в зоне значимости, соответственно можно говорить, что реализованная психокоррекционная программа позволила купировать депрессивное состояние.

Статистически значимые различия, полученные по показателям самочувствия, активности и настроения находятся в зоне значимости (ТЭмп =8,5, ТЭмп=6 и ТЭмп=1 соответственно; а также по самооценке эмоциональных состояний (ТЭмп.=7). Это позволяет утверждать, что психокоррекционная программа улучшает самочувствие, активность, настроение и общий эмоциональный фон.

Таким образом, подводя итог проведенному эксперименту, можно констатировать что разработанная психокоррекционная программа, включающая психологические консультации, сеансы аутогенной тренировки и групповой эриксоновский гипноз, позволяет снизить депрессивное состояние, улучшить самочувствие, активность, настроение, а также положительно повлиять на общее эмоциональное состояние лиц с хроническим заболеванием.

По итогам работы была выдвинута перспективная гипотеза, что данная программа оказывает не только положительное психологическое воздействие, направленное на достижение больными максимально возможного для них уровня психологического здоровья, но и выполняет функции профилактики возникновения и развития у пациентов психогенно обусловленных заболеваний, психосоматических расстройств. Проверка данной гипотезы запланирована на последующие этапы работы.

ЗНАЧИМОСТЬ ПРИЧАСТНОСТИ ТРЕНЕРА К ДИНАМИКЕ Т-ГРУППЫ

Н.В. Кобзева (Москва)

Основателем понятия «Групповая динамика» является Курт Левин. Слово «динамика» происходит от древнегреческого «dynamis», что означает «сила». То есть групповая динамика – это сила группы. Более широко можно определить групповую динамику как процессы взаимодействия членов группы. Групповая динамика описывает позитивные и негативные процессы, происходящие в социальной группе. Групповая динамика рассматривает вопросы, связанные с природой групп, закономерностями их развития и совершенствования, взаимодействия групп с индивидами, другими группами. Так как члены группы взаимодействуют и влияют друг на друга, в группе возникают процессы, отличающие её от совокупности индивидуальных лиц.

При этом групповая динамика развивается по определенным законам и ее развитие напрямую зависит от реализации или пренебрежения так называемых принципов работы Т-группы. Рассмотрим что это за принципы и что способствует их реализации.

1. Принцип активности. Это основной принцип, на основании которого появляется динамика. Без активности не будет взаимодействия, соответственно не будет результата. От активности участника прямопропорционально зависит его результат. Для достижения наибольшего эффекта необходима максимальная активность всех участников. При этом уровень активности напрямую зависит от тренера. Тренер задает активность и регулирует ее. Может «подбрасывать дрова», то есть искусственно разжигать дискуссию, провоцировать участников на выражение своей позиции. Или же напротив может «тушить», если дискуссия затягивается, принимает агрессивный характер или же не отвечает теме обсуждения. Также тренер может регулировать вовлеченность участников за счет выбора тех, кто будет участвовать в упражнении, назначения ответственных, регулирования деления на подгруппы.

2. Принцип открытий или «изобретение велосипеда». Пожалуй, только тренинговая среда благоприятна для открытия уже давно известных миру вещей. Суть принципа заключается как раз в том, что участники сами находят решения поставленных задач. И только когда человек проходит все этапы процесса самостоятельно и формулирует выводы и закономерности, только тогда он поистине их принимает. Сущность человека такова, что он больше верит своему опыту, а не готовым теориям. Исходя из этого принципа, работа тренера заключается в том, чтобы придумать, сконструировать и организовать те ситуации, которые давали бы возможность членам группы осознать, апробировать и тренировать новые способы поведения и экспериментировать с ними.

3. Принцип абстрагирования. Этот принцип необходим для создания здоровой рабочей атмосферы, то есть достижения объективного видения ситуации. Так как человек склонен к самокапаниям и сконцентрирован на собственном эго, необходимо создать такую среду, в которой личность объекта уйдет на второй план. Для этого тренер заготавливает кейсовые ситуации с вымышленными персонажами, именами, легендами. Тогда при анализе кейсов участники обсуждают не самого человека, а ситуацию, поведение кейсового героя. Таким образом это снижает психологическое давление на участников. Для усиления абстрагирования тренер также регулирует процесс: четко обозначает время начала и окончания ролевой игры, разграничивает пространство ролевой игры от пространства группы, организует так называемый «выход из роли».

4. Принцип осознания. Данный принцип последовательно связан с принципом абстрагирования. Он помогает осознать поведение индивида в каждой конкретной ситуации и объективно его оценить. Для этого универсальным средством является такой инструмент как обратная связь. Создание условий для эффективной обратной связи в группе — важная задача тренерской работы. Во-первых, необходимо рассказать всем участникам правила подачи обратной связи, самому показывать пример, а также контролировать, чтобы участники были корректны по отношению друг к другу. Дополнительным инструментом тренера для поддержания здоровой динамики группы является постоянная рефлексия всего, что происходит в группе.

5. Принцип уважения, доверия. Реализация этого принципа создает в группе атмосферу безопасности, доверия, открытости, которая позволяет участникам группы экспериментировать со своим поведением, не стесняясь ошибок. Для того, чтобы максимально эффективно реализовать этот принцип тренеру необходимо заранее обговорить это правило с участниками и добиться подтверждения согласия от каждого. В процессе тренинга тренеру необходимо демонстрировать личным примером уважение к остальным участникам и в случае необходимости напоминать о достигнутой договоренности.

6. Принцип добровольности. Согласно этому принципу члены группы должны быть заинтересованы в собственных изменениях и готовы целеустремленно достигать поставленной цели. То есть решение прийти и участие в тренинге должны быть добровольными осознанными решениями, а не навязанными социально значимыми для индивида членами общества.

Таким образом, в реализации каждого принципа работы тренинговой группы ключевую роль играет тренер, создает и регулирует групповую динамику или поддерживает ее на нужном уровне. А значит, без участия тренера групповая динамика Т-группы не получит должного развития, а участники группы не достигнут поставленных целей.

РЕГИСТРАЦИЯ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ ВЕКЦИИ

А.И. Ковалёв (Москва)

Решение о положении тела в пространстве и его ориентации зависит от сигналов разных модальностей, интегрированных сложным образом. Основной парадигмой для психофизиологических исследований становится создание иллюзорного восприятие движения собственного тела под действием только лишь зрительной стимуляции, которое получило в современной литературе название «векция» (vection)². Целью настоящего исследования стало решение вопроса о вкладе центральной и периферической части зрительного поля в формирование иллюзии векции при использовании системы виртуальной реальности типа CAVE-system. Гипотеза заключалась в том, что при большом объеме пустой периферии чувство векции будет минимально, как и при полной заполненности зрительного поля стимуляцией, поскольку сенсорный конфликт в этих случаях будет редуцирован.

Для оценки степени выраженности иллюзии использовался собственный метод, включающий анализ количества фиксаций глаз испытуемых. В основу данной идеи легло явление вестибуло-глазного рефлекса, или нистагма³.

Испытуемыми стали 28 студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова различных специальностей.

Для демонстрации стимуляции была использована установка виртуальной реальности CAVE-system Barco ISpace 4. Установка состоит из четырёх плоских квадратных экранов, соединенных в куб (верхняя и задняя стенки отсутствуют). Длина сторон каждого экрана около 2.5 метров. Система регистрации движения глаз SMI Eye Tracking Glasses. Частота записи равняется 60 Гц.

Так же, для регистрации степени выраженности иллюзии был применён опросник «Simulator Sickness Questionnaire»⁴. Он включает 16 наименований дискомфортных ощущений, по каждому из которых испытуемый отмечает степень выраженности по шкале от 0 до 4. Русским студентам опросник предъявлялся на английском языке.

Стимуляция представляла собой 256 синих кругов, движущихся по криволинейной траектории. Эксперимент состоял из 3 предъявлений различных условий стимуляции, отличающихся степенью заполненности зрительного поля. Основными показателями были выбраны количество фиксаций и их длительность. Предполагалось, что увеличение числа фиксаций одновременно с уменьшением их длительности станет индикатором выраженной работы механизма нистагма. То есть включение данного компенсаторного механизма должно быть максимальным тогда, когда стимуляция больше всего действует на испытуемого.

В процессе качественной обработки было выделено 4 группы испытуемых. Первая из них, самая большая по численности – 15 человек – имеет достоверно наибольшее количество фиксаций для 3 условия. При $p=0,01$ значение t -критерия=3,5 при сравнении с результатами данной группы по первому условию, значение t -критерия=2,8 при сравнении с результатами данной группы по второму условию, 14 степеней свободы, критическое значение критерия=19).

Вторая группа (4 человека) обладает большими показателями количества фиксаций для второго условия. Третья выделенная группа испытуемых (6 человек) имеет несколько увеличенные результаты по количеству фиксаций только для первого условия. А четвёртая группа (3 человека) не обнаружила различий в данных регистрации движений глаз по всем условиям.

По результатам опросника первая группа имеет наибольшее значение общего балла для третьего условия, что обозначает высокий уровень субъективного переживания дискомфорта в таких условиях стимуляции. Вторая группа имеет максимальные баллы среди всех остальных групп и отмечает первую ситуацию как самую дискомфортную. Третья группа представляет собой идеальную иллюстрацию модели, предложенную в гипотезе эксперимента. Обладая минимальным общим баллом для первого условия, данные испытуемые имеют завышенные показатели движений глаз для этого условия, по сравнению с другими группами. То есть, во время наблюдения за стимуляцией в первом условии у данных испытуемых механизм нистагма использовался максимально, что позволило им ощутить минимальный уровень дискомфорта. Оказываясь во всё более насыщенной зрительной среде, зрительная система испытуемых не смогла адаптировать работу механизма нистагма, что привело к изменению показателей движений глаз и росту субъективного дискомфорта. Четвёртая группа по опроснику SSQ получила минимальные баллы, к тому же мало различающиеся по условиям. То есть для испытуемых четвёртой группы стимуляция не вызвала активацию механизма нистагма и повышенной уровень субъективного дискомфорта.

Поскольку испытуемые третьей группы субъективно оценили именно третье условие, как наиболее действенное, следует признать гипотезу о наличии 25% периферии при демонстрации объёмной зрительной стимуляции как обязательной для максимальной выраженности иллюзии векции, несостоятельной.

Можно заключить, что поскольку направление взора и характер его перемещения связаны с восприятием векции, содержательная сторона стимуляции становится основной проблемой для исследователей. Очевидно, что абстрактная стимуляция не позволяет создать паттерн движений глаз, соответствующий реальным жизненным условиям, а значит такая стимуляция не позволит решать практические задачи.

Поэтому основным выводом данного эксперимента следует считать возможность применения методики анализа движений глаз во время восприятия иллюзии векции для экспериментов, максимально приближенных к реальности и особенно решающих конкретные практические задачи.

К ИЗУЧЕНИЮ СПЕЦИФИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Ю.Ю. Ковтун (Москва)

«Экологическое сознание» понятие мультидисциплинарное. Являясь предметом философских, социологических, психологических исследований, оно рассматривается с разных позиций.

В философии экологическое сознание рассматривается в контексте структуры общественного сознания (Гимазетдинова А. Х., 2005). Ряд авторов признают экологическое сознание особой формой общественного сознания (Ашхамаф А. Р., 2011, Биджиева Р. У., 1981, Громов Е. В., 2004). С точки зрения иной позиции, экологическое сознание не признается формой общественного сознания, а является его составной частью (Каландаров К. Х., 1999). В социологии экологическое сознание рассматривается как социальный феномен (Маркович Д.Ж., Жуков В.И., Бганба-Церера В.Р., 1998). Отличительной чертой психологического подхода к экологическому сознанию является рассмотрение его в качестве психического феномена. В.И. Панов отмечает: «...для психологии экологическое сознание – это феномен динамический и даже эволюционный, для которого характерна относительность существования и относительность определения» (Панов В.И., 2006). Примерами гносеологического рассмотрения субъекта экологического сознания могут служить работы следующих авторов В.И.Медведев, А.А.Алдашева, С.Д.Дерябо, В.А.Ясвин (Дерябо С.Д., Ясвин В.А., 1996, Медведев В.И., Алдашева А.А., 2011). Онтологический подход к проблеме экологического сознания развит в работах В.И.Панова.

Экопсихологический подход к проблеме психологии больничной среды предполагает рассмотрение ее как особого вида антропогенной пространственной среды. В.И.Панов под пространственной средой понимает «совокупность пространственно-предметных свойств и отношений окружающей среды, которая может иметь естественно-природный и/или антропогенный характер и которая обеспечивает человеку возможность его пространственных действий и поведения» (Панов В.И., 2006).

Для медицинского работника больничная как выступает в двух формах: как профессиональная среда и как социальная, в которую он погружен огромное количество времени в течение жизни. Т.е., с одной стороны, при изучении больничной среды нас

интересует пространственно-предметное окружение, содержащее условия и предоставляющее возможности для удовлетворения потребностей человека как субъекта профессиональной деятельности. С другой стороны, мы рассматриваем больничную среду как социально-психологическую среду медицинского учреждения, в которой проходит часть жизни медицинского работника, его социализация и индивидуализация.

В широком смысле о больничной среде можно говорить как о системе, включающей все медицинское сообщество, систему здравоохранения и медицинского образования. В более узком смысле, мы имеем в виду конкретные условия какого-либо лечебно-профилактического учреждения. В такой локальной больничной среде можно выделить микросреды (например, среды различных отделений, функционирующих в одной больнице).

Применив разработанную Е.А.Климовым структуру «среды существования и развития человека» для изучения больничной среды (Климов Е.А., 1996), мы получили социально-контактную, информационную, соматическую и предметную части среды, наполненные следующим содержанием:

Социально-контактная часть больничной среды включает:

- работа медицинской сестры в составе группы (средний медицинский состав своего отделения), одновременно с другим персоналом больницы (врачи, санитарки, администрация лечебного учреждения, персонал других отделений); место, которое занимает медицинский работник в структуре «своей» группы, включенность его в другие группы; взаимоотношения с лицами, у которых данный работник находится в непосредственном подчинении (врач, старшая медицинская сестра, заведующий отделением);

- взаимодействие с больными, находящимися на лечении и их родственниками;
- личный пример окружающих, их культуру, опыт, образ жизни, деятельность, поведение, взаимоотношения (сотрудничества, взаимопомощи, господства).

Информационная часть среды содержит:

- законы Российской Федерации и иные нормативные правовые акты по вопросам здравоохранения;
- правила техники безопасности при работе с медицинским оборудованием и инструментарием;
- основы лечебно-диагностического процесса, пропаганды здорового образа жизни, профилактики заболеваний, правила и нормы охраны труда, техники безопасности, производственной санитарии;
- правила внутреннего трудового распорядка;
- «неписанные законы», традиции данного сообщества, фактически принятые нормы отношения к людям, их мнениям;
- вопросы, пожелания, предложения, замечания, приказы, советы, поручения, и т.д., то есть персонально адресованные воздействия.

Соматическая часть среды по отношению к психике человека представлена собственным телом и его состояниями.

В предметную часть среды включены:

- материальные условия работы (медицинская форма одежды, предметы питания, пособия, медицинское оборудование, лекарственные препараты, предметы ухода за больным, профессиональный инструментарий);

- физико-химические, биологические, гигиенические условия (опасность загрязнения атмосферного воздуха, воздействия шума, токсических веществ, ионизирующей радиации, канцерогенных веществ).

С нашей точки зрения в структуру больничной среды необходимо добавить технологический компонент, включающий технологии лечебного процесса как такового (выполнение врачебных назначений, помощь при проведении манипуляций врачом, оказание первой доврачебной помощи и т.д.).

В рамках средового подхода изучается групповая специфика экологического сознания, что подразумевает анализ особенностей экологического сознания в различных социально-профессиональных группах.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА «КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА»

А.С. Козева (Москва)

Для большинства образованных людей ясно: культура неразрывно связывает человека и общество, опредмечивает реалии их бытия, каждодневных форм активности через феноменологию собственных пространственно-временных параметров и характеристик. В процессе своей жизнедеятельности каждый человек, любые объединения людей большей или меньшей емкости, так или иначе, обнаруживают, изучают и используют особенности этих взаимосвязей. Подобный процесс исследования сопровождает и развитие любой из наук, не только гуманитарных.

Ценности образуют фундамент любой культуры. Ценностные предпочтения и ориентации субъектов социокультурного взаимодействия, как носителей культуры, определяют возможности, содержание и перспективы развития разного рода взаимоотношений и взаимодействий во всех сферах их бытия и формах практической деятельности.

Корпоративная культура разных социальных групп, организаций – часть культуры конкретного общества и государства. Как особый феномен культуры, корпоративная культура проявляет и характеризует жизнь любой организации, определяет особенности жизнедеятельности ее членов. Считаю, что корпоративная культура, как и культура в целом, многообразно и многопланово проявляется в пространственно-временном континууме жизнедеятельности конкретных групп и их членов как особых субъектов собственного жизнетворчества, в том числе и профессионального. Корпоративная культура - подвижный, видоизменяющийся феномен. Он развивается, в том числе и стадийно. Наивысшей точкой развития корпоративной культуры является уровень ценностного единства, тесно связанный с многомерным явлением «акме».

Проведенное мною экспериментальное изучение корпоративной культуры объединения «УРАЛСИБ», его подразделений и персонала показывает, что социокультурная включенность человека в жизнь определенной организации осуществляется через осознанный выбор ценностных предпочтений в контексте корпоративной культуры данной организации. Этот выбор реализуется в процессе последовательного освоения разных субъектно-личностных позиций и уровней включенности человека в систему ценностей, нравственных и профессионально-деятельностных нормативов организации.

Исследование персонала «УРАЛСИБ» показало, что уровни включенности человека в систему ценностей, в разнообразные контексты жизнедеятельности организации меняются в процессе осознания, принятия и самодеятельностного видоизменения своего места, роли, профессиональных и творческих возможностей в работе и каждодневной внерабочей жизни организации. Результатом такой личностной работы в процессе профессионального саморазвития человека является многомерное расширение возможностей творчески осмысленного принятия и воспроизведения особого содержания корпоративной культуры конкретной организации в рабочее и нерабочее время жизнедеятельности ее сотрудников. Данный результат проявляется в изменении личностной позиции работника, в расширении его статусно-организационных и профессиональных возможностей в рабочих и нерабочих контекстах каждодневной практики и расширении горизонтов профессионального и личностного саморазвития.

Теоретическое осмысление и опыт экспериментального изучения корпоративной культуры в рамках изучения объединения «УРАЛСИБ» в форме констатирующего и формирующего эксперимента позволяет говорить, что развитие корпоративной культуры персонала, более или менее крупных организаций осуществляется стадийно через все более глубокое осмысление и освоение социокультурных контекстов жизнедеятельности конкретных организаций и подразделений. Развитие происходит путем перехода от уровня культуры функции к культуре гражданина в процессе последовательного освоения уровней культуры роли, культуры профессии, культуры субъекта.

Развитие корпоративной культуры персонала и организаций от низшего уровня к высшему предполагает осознание, принятие и актуализацию ключевых обязательств и ценностных норм, реализуемых в соответствующих типах межгруппового и межличностного взаимодействия. Ключевыми обязательствами последовательно, в соответствии с уровнями развития корпоративной культуры от низшего к высшему (смотри выше) являются: деятельностное, статусное, нравственное и смысловое обязательства. В предложенной стадийности развития корпоративной культуры персонала и организаций смысловое обязательство соответствует уровню культуры гражданина.

Исследование показывает, что на каждой из стадий (уровней) развития корпоративной культуры превалируют разные психологические качества, свойственные тем или иным сотрудникам организации в реальной деятельностной актуализации. В соответствии с уровнями развития корпоративной культуры персонала и организации в профессиональном и непрофессиональном общении, поведении персонала, при выполнении перечисленных выше обязательств, последовательно и преимущественно актуализируются следующие психологические качества: исполнительность, ответственность, доверие, преданность. В этой логике психологическое качество «преданность» подразумевает наличие стадии развития корпоративной культуры, которая носит название «уровень культуры гражданина».

Следует подчеркнуть, одним из базовых механизмов развития и саморазвития корпоративной культуры персонала и организации является осознанный личностно-значимый выбор целевых, ценностно-нормативных ориентиров взаимодействия, который реализуется в выполнении ценностно-смысловых обязательств, детерминирующих осуществление профессиональной и внепрофессиональной деятельности персонала в контексте жизни конкретной организации. Наряду с другими проблемами исследования данный факт обуславливает необходимость применения в экспе-

риментальном изучении феномена «корпоративная культура», как в констатирующей, так и в формирующей его форме, комплекса количественных и качественных методов. Теоретическое исследование и осмысление данного феномена с необходимостью требует использовать достижения разных наук, в первую очередь, в сфере предметных интересов психологии, акмеологии, социологии, культурологи, менеджмента.

СТРЕМЛЕНИЕ К ПУБЛИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ (ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ)

Н.С. Козлова (Иваново)

Целью работы является исследование стремления к публичности как тенденции, характерной для современного общества.

Задачи работы включают в себя:

анализ «Я-концепции» и процесса самореализации личности в различных социально-психологических научных школах;

определение понятия «публичность» как особой категории социально-психологических явлений, сопровождающих процесс самореализации ;

взаимосвязь «Я-концепции» и мотивации приобретения публичности личностью;

переживание собственной индивидуальности, пределов анонимности, безопасности частной жизни и свободы личности;

исследование способов достижения публичности личностью;

исследование положительных и отрицательных аспектов приобретения публичности личностью;

Феномен стремления к публичности, связанный с ростом технологий средств массовых коммуникаций, все более актуальным. Легкость осуществления межличностных контактов становится провоцирующим фактором, ответственным за разрушение границ интимной сферы личности, утрату чувства тревоги за возможное вмешательство в частную жизнь, повышение маргинальности. Личность перестает переживать свою принадлежность к устойчивым, стабильным сообществам, обладающим своеобразием и собственной историей, объединяющей разные поколения. Это может привести к серьезным изменениям личностного сознания и требует современных социально-психологических исследований механизмов возникновения стремления к публичности.

Научная новизна исследования определена тем, что социально-психологические аспекты зарождения и проявления стремления к публичности ни в зарубежной, ни в отечественной психологии не затрагивались.

Старшее поколение, возможно в силу состояния коммуникационных технологий, «изливало душу» только самым близким, родным, вызывающим полное доверия людям. Сегодня молодые люди рассказывает о себе самую сокровенную информацию. Главное - это происходит в отношении тех, кого человек практически или совсем не знает. Наиболее отчетлива данная тенденция проявляется на примере социальных сетей в рамках интернет-пространства. Современный человек сообщает практически полные сведения о себе (начиная от всех социально-демографических характеристик, заканчивая местами отдыха), рассказывает о своих интересах, увлечениях, предпочтениях во всех сферах жизнедеятельности, демонстрирует фотографии своих

близких и себя, и, что более важно, на наш взгляд, о своем состоянии и настроении «здесь и сейчас». Информация поступает ко всем людям, зарегистрированным в сети (как правило, несколько миллионов). Естественно, что большая часть из них - это абсолютно неизвестные люди. Поэтому мы считаем вправе говорить о возникновении нового социально-психологического феномена – стремления к публичности.

Требуют научного обоснования вопрос о том, каковы последствия данного феномена для личности и общества. Но этой задаче предшествует другая проблема – каковы причины возникновения такого «выброса» личной информации человеком во внешнюю, социальную структуру?

Как наиболее перспективные направления нами будут рассмотрены следующие аспекты:

1. Стремление к публичности - это компенсация дефицита межличностных отношений в реальной жизни (которые были вытеснены практическими и функциональными формами общения в связи с изменениями в обществе).

2. «Размывание» границ собственного «Я» (через расширение «информационного поля о себе») может рассматриваться как стратегия совладающего поведения – как стратегия поиска социальной поддержки.

3. Система ценностей и требования к человеку меняются. Конкретных критериев успешной личности общество не дает. В связи с этим страдает «Я-концепция» личности. Распространение о себе информации, которую к тому же никто не может проверить, дает реальные возможности для повышения самооценки.

4. Публичность может выступать как стратегия самореализации личности. Правда, скорее, как «ошибочный путь», как самовыражение, которое подменяет внутренне развитие определенными внешними атрибутами.

5. Стремление личности к публичности связано с основными мотивами, возникающими на стыке потребностей индивида и требований, предъявляемых обществом. Здесь уместно будет остановиться на анализе связи данного феномена с высшими потребностями (А.Маслоу), и основными социальными мотивами.

На основании этого, можно предполагать, что стремление к публичности становится самостоятельным НОВЫМ механизмом психологической защиты, средством, предоставляемым современными технологиями, изменяющими человеческое сообщество и человека, как индивидуального субъекта.

Выполнение работы предполагается осуществлять на базе социально-психологической лаборатории социолого-психологического факультета ИвГУ. Методы статистической обработки связаны с применением пакета SPSS. Работа предполагает привлечение студенческого научного актива, ориентированного на развитие научно-исследовательских навыков.

Ожидаемые научные результаты - уточнение категориального аппарата социальной-психологии. Выявление новых тенденций развития современного общества, оценка влияния роста стремления к публичности на процессы социализации и развития личности, определение новых аспектов механизмов самореализации личности.

ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И.Л. Козова (Ивано-Франковск)

Введение. В современном обществе проблема адаптации и невротизации личности считается одной из ключевых, что требует быстрого и эффективного ее решения. Как известно, ускоренный ритм жизни в мегаполисах, постоянные информационные перегрузки и дефицит времени пагубно влияют на человеческую психику и становятся причинами различных отклонений в нормальной деятельности отдельных или многих функциональных систем организма. В исследовании проблемы адаптации человека весомый вклад оставили ряд зарубежных и отечественных ученых, среди которых В. П. Казмиренко, В. И. Медведева, Г.М. Шевандрин и др. Но на сегодня недостаточно исследованы психологические механизмы адаптации будущих медиков к условиям обучения в вузе и не изучены инновационные методы повышения успеваемости студентов, обучающихся по Болонской системе.

Поэтому целью нашего исследования было сравнения уровня социально-психологической адаптации студентов медицинского вуза в разных системах современного образования.

Материалы и методы. Для решения поставленного задания была использована методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджера и Р. Даймонда. Обследуемыми были студенты-медики Ш-IV курсов стоматологического факультета ГВУЗ "Ивано-Франковский национальный медицинский университет". Для создания репрезентативной выборки и получения достоверных результатов студенты были разделены на две группы: первая (Ш курс) - 213 человек, которые на первом курсе учились по «старым» планам, а со второго курса продолжили учиться по кредитно-модульной системе, вторая (и V курс) - 168 человек - в течение четырех лет учились только по классической («старой») системе. Тест предусматривает 101 вопросы, сформулированные в третьем лице единственного числа, без использования каких-либо местоимений. В методике предусмотрено достаточно дифференцированная, 7 - бальная шкала ответов.

Результаты исследования. Как свидетельствуют исследования ученых, уровень социально-психологической адаптации в студентов 1 курса является достаточно низким в начале учебного года и характеризуется тенденцией к росту - в конце учебного года. Поэтому выборка состояла из студентов старших курсов.

Шкала социально-психологической адаптированности (шкала СПА), К. Роджера и Р. Даймонда, состоит из 101 суждения, из них:

- 37 соответствуют критериям социально-психологической адаптации личности, во многом совпадают с критериями личностной зрелости, а именно: чувство собственного достоинства и умение уважать других, открытость реальной практике деятельности и отношений, понимание собственных проблем и стремление господствовать, справиться с ними и др..
- 37 - критериям дезадаптированности (неприятие себя и других, наличие «защитных барьеров» в осмыслении своего актуального опыта, «решение» проблем, т.е. решение их на субъективном психологическом уровне, в собственном представлении, а не в действительности, негибкость психических процессов).
- 9 высказываний составляют контрольную шкалу («шкала лжи»).

- 18 нейтральны.

Нами установлено, что студенты отвечали на вопросы методики с достаточной степенью откровенности (показатель по шкале лжи - 15,3 балла, нормативное значение 18-45 баллов). У студентов первой группы (III курс обучающихся по кредитно-модульной системе) диагностировано высокие показатели адаптации (141,3 балла, в норме 68-170 баллов), что в 1,6 раза превышает показатель дезадаптации, который находится в пределах нормы (87,9 балла; норма 68-170 баллов). Также высокие показатели были выявлены по шкале принятия себя (46,5 балла, в норме 22-52 балла) и принятия других (26,5 балла, в норме 12-30 баллов). По другим шкалам показатели находятся в пределах нормы.

Далее осуществлялось вычисления интегральных показателей:

1. Адаптация: $A = 61,6\%$
2. Самопринятие: $S = 83,0\%$
3. Принятие других: $L = 54,2\%$
4. Эмоциональная комфортность: $E = 60,2\%$
5. Интернальность: $I = 60,3\%$
6. Стремление к доминированию: $D = 53,1\%$

Большое значение имеет показатель самопринятие (83,0%), а также принятие других (54,2%), что может способствовать успешности социально-психологической адаптации студентов. Показатель адаптации выше среднего (61,6%), что свидетельствует о преобладании процессов адаптации над процессами дезадаптации. Наименьшее значение среди интегральных показателей имеет стремление к доминированию (53,1%). Величина показателя позволяет говорить о том, что как доминирование, так и ведомость выражены у студентов данной группы примерно одинаково. Величина показателя интернальности (60,3%) свидетельствует о преобладании внутреннего контроля над внешним, о том, что опрашиваемые берут на себя ответственность за свое поведение и поступки, также является предпосылкой для успешной социальной адаптации. Показатель эмоциональной комфортности превышает средний уровень (60,2%).

Анализ результатов второй группы исследуемых студентов-медиков (IV курс), которые учились по «старой» системой образования, значительных отличий от первой группы испытуемых студентов не установил. Распределение показателей по половому признаку, также не показал различий.

Заключение. Полученные результаты показали, что почти все: 96,24% исследуемых студентов первой группы (III курс), которые учились по кредитно-модульной системе и 97,02% - второй группы (IV курс), которые учились по «старой» системы образования, хорошо социально адаптированы и обладают высоким контролем над собой и над своими поступками, способные к восприятию, что положительно влияет на обучение и возможностью овладением практическими навыками.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНЕЗИСА ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТАМИ ПРИЗВЕДИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЖИВОПИСИ

М.В. Кокарева (Киев)

Восприятие произведений живописи рассматривается нами как взаимодействие оценки художественных признаков картины и собственного творчества субъекта. В

основе исследования лежит гипотеза, что психологические особенности восприятия студентами произведений современной живописи проявляются в изменчивости оценок проявления художественных признаков в картинах, объема, содержания и художественного наполнения восприятия, согласованности между художественным восприятием и личностными творческими характеристиками студентов.

В исследовании приняли участие 57 студентов второго и третьего курсов, средний возраст испытуемых – 19 лет. Материал исследования – цветные репродукции сюжетных картин разных художников, стилей и жанров: картина И. Айвазовского «Девятый вал», И. Глазунова «Тутаев. Пруд» и Л. Афремова «Автобусная остановка». Для исследования восприятия студентами картин подобраны характеристики картины, по которым можно определить ее художественность. На основе этих характеристик разработан опросник «Оценка художественности картины», который позволяет определить субъективную оценку студентами степени проявления таких художественных признаков в картине: настроение, которое передает картина; визуальная привлекательность произведения; композиция; цветовая гамма; профессиональность и творческий подход художника; многозначность художественного образа, актуальность и общее впечатление от картины. Наполнение художественных признаков картины психологическим содержанием осуществлялось путем определения проявлений использования художником мыслительных действий аналогизирования, комбинирования и реконструирования (В. О. Моляко) в художественном произведении.

Для определения уровня проявления творчества студентов мы использовали опросник личностных творческих характеристик Вильямса, модифицированный Е. Е. Туник.

Определение показателей генезиса восприятия реализовывалось методом множественной линейной регрессии, который позволил выявить и описать объем художественного восприятия студентами картин, который определяется по количеству художественных признаков, оценка студентами которых влияет на общее впечатление от картины; содержание – по качественному своеобразию этих признаков (поверхностные, формальные, содержательные); художественное наполнение – по обусловленности общего впечатления от картины оценкой ее художественных признаков.

По результатам расчетов выявлены такие тенденции изменений в восприятии студентами произведений живописи: 1) к понижению оценки художественных признаков картин; 2) к углублению содержания восприятия картин; 3) к увеличению художественного наполнения восприятия.

Оценка студентами степени проявления художественных признаков в картине осуществляется на основе уже сформированных представлений, а творчество в восприятии живописи предполагает открытие для себя чего-либо нового, ранее не известного. В этом проявляется познавательное противоречие, о котором в частности говорил Г. С. Костюк. Учитывая то противоречие, взаимосвязь творчества и оценки студентами степени проявления художественных признаков в картине при ее восприятии рассматривается как согласованность или конфликтность между ними.

Одним из признаков конфликта в общем плане есть возникновение напряжения от трудностей в преодолении противоречий между внутренними импульсами субъекта и внешним влиянием (Н. В. Гришина). Подобное напряжение возникает и при восприятии произведений живописи. С одной стороны, существуют определенные специальные художественные приемы, которые применяет художник для передачи

собственного замысла, особенности организации его творческого мышления, своеобразие видения изображенного, собственная жизненная позиция художника. С другой – зритель со своими индивидуально-психологическими особенностями, мировоззрением и т. п. Другими словами, повышение согласованности между оценкой художественных признаков картин и личностными творческими характеристиками студентов означает, что найден «общий язык» во взаимодействии воспринимающего с произведением живописи, а оценка произведений живописи с точки зрения их художественной ценности с привлечением собственного творческого подхода сформировалась у студентов как индивидуальное свойство. Определение согласованности/конфликтности во взаимодействии указанных параметров осуществлялось методом множественной корреляции. Именно усиление связи между исследуемыми параметрами рассматривается как повышение согласованности в восприятии студентами картин с их личностными творческими характеристиками.

По результатам расчетов выявлена общая тенденция к усилению множественной линейной связи оценки тех художественных признаков картины, которые влияют на общее впечатление от нее, с личностными творческими характеристиками студентов. Это свидетельствует о повышении согласованности между указанными характеристиками. Такие личностные творческие характеристики, как риск, любознательность, сложность и воображение определяют готовность студентов к проявлению собственного творчества при восприятии картин. Их согласованность с оценкой художественных признаков позволяет воспринимать картину творчески, и в то же время, не оторвано от свойственных ей характеристик.

Склонность к риску позволяет воспринимать оригинальные приемы художника, отказываться от стереотипов, принимать ход мыслей художника, при оценке художественности картины руководствоваться больше собственными впечатлениями, чем общепринятыми мыслями. Любознательность создает условия для заинтересованности картиной, поиска непонятого, противоречивого. Сложность позволяет более глубоко разобраться в тонкостях творческого замысла художника. Воображение реализуется при восприятии картины в понимании условности художественного образа, в создании разных аналогий, способности представить себя участником событий, изображенных на картине. Поэтому чем больше связь оценки студентами художественных признаков картины с личностными творческими характеристиками студентов, тем более гармонично их восприятие.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ И СТАТУСНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ МЧС

Ю.Н. Коледа (Гомель)

В настоящее время, в связи с глобальными и стремительными социально-экономическими изменениями в обществе, остро встает проблема диагностики и коррекции социально-психологической адаптации людей. Проблема социально-психологической адаптации особенно актуальна для сотрудников Министерства Чрезвычайных Ситуаций (МЧС), потому что пожарные работают в постоянно меняющейся и экстремальной обстановке

Существует множество взглядов на содержания понятия социально – психологическая адаптация. Проблемами социально-психологической адаптации занимались: Т. В. Барлас, В. В. Грищенко, О. И. Зотова, И. К. Кряжева, А. Г. Маклаков.

Социально-психологическая адаптация - процесс приобретения людьми определенного социально-психологического статуса, овладения теми или иными социально-психологическими ролевыми функциями. В процессе социально-психологической адаптации человек стремится достигнуть гармонии между внутренними и внешними условиями жизни и деятельности. По мере ее осуществления повышается адаптированность личности. При полной адаптированности достигается адекватность психической деятельности человека заданным условиям среды и его деятельности в тех или иных обстоятельствах. В ходе социально-психологической адаптации происходит включение индивида в систему взаимоотношений группы с ее традициями, нормами жизни, ценностными ориентациями. В ходе такой адаптации индивид получает информацию о системе деловых и неформальных отношений, о микрогруппах, о социальных позициях отдельных членов группы.

Статус-социальное положение человека в обществе. Социальное положение - обобщенная характеристика, охватывающая профессию, экономическое положение, политические возможности, демографические свойства человека. Процесс индивидуального приобретения статусов в течение всей жизни описывается понятием «социализация». Социализация - продолжающийся всю жизнь процесс усвоения социальных норм и освоения социальных ролей. Статус, особенно высокий, накладывает на его носителя определенные обязательства - совокупность ограничений, которые касаются прежде всего поведения. Люди, работающие в организациях с различным уровнем социально-психологической адаптации, избирают различные стратегии статусного поведения.

Статусное поведение - набор различных приемов и способов, используемых индивидом для завоевания и поддержания своего положения в обществе.

Сбор данных в ходе исследования проводился среди сотрудников министерства по чрезвычайным ситуациям. В нем приняли участие 30 человек: 28 мужчин (93%) и 2 женщины (7%) в возрасте от 21 до 48 лет (средний возраст составил 30,5 лет).

В исследовании были использованы следующие методики: методика диагностики социально-психологической адаптации К.Роджерса и Р.Даймонда, личностный опросник Д.Басса.

В ходе исследования социально-психологической адаптации были выявлены следующие интегральные показатели. Наибольшее значение имеет показатель самопринятия (79,2%), а также принятия других (66,1%), что может способствовать успешности социально-психологической адаптации сотрудников МЧС. Показатель адаптации выше среднего (66,0%), что свидетельствует о преобладании процессов адаптации над процессами дезадаптации. Наименьшее значение среди интегральных показателей имеет стремление к доминированию (57,1%). Величина показателя позволяет говорить о том, что как доминирование, так и ведомость выражены у сотрудников данной группы примерно одинаково. Величина показателя интернальности (70,8%) свидетельствует о преобладании внутреннего контроля над внешним, о том, что люди берут на себя ответственность за свое поведение и поступки, что также является предпосылкой для успешной социальной адаптации. Показатель эмоциональной комфортности превышает средний уровень (67,2%).

По результатам исследования методики личностный опросник Д.Басса с использованием коэффициента корреляции Спирмена, существует положительная связь между шкалами лидерские качества и поддержка социальных связей ($r=0.73$, $p>0,05$), между шкалами лидерские качества и материальное благополучие ($r=0.54$, $p>0,001$), между шкалами лидерские качества и трудолюбие ($r=0.59$, $p>0,001$), отрицательная

связь существует между шкалами лидерские качества и неудачи на работе ($r=-0.27$, $p>0,05$).

При выявления взаимосвязи социально-психологической адаптации и стратегий статусного поведения у сотрудников МЧС были выявлены следующие показатели. На уровне значимости $p<0,01$ установлена достоверно значимая положительная связь между переменной «доминирование» и переменной «лидерские качества». Таким образом, чем более выражена у сотрудника МЧС склонность к доминированию, тем более выражены у него лидерские качества; на уровне значимости $p<0,05$ установлена достоверно значимая положительная связь между переменной «дезадаптация» и переменной «неудачи на работе». Таким образом, чем более выражен у сотрудника МЧС показатель дезадаптации, тем более выражена у него стратегия статусного поведения «неудачи на работе»; на уровне значимости $p<0,01$ установлена достоверно значимая положительная связь между переменной «непринятие себя» и переменной «неудачи на работе». Таким образом, чем более выражен у сотрудника МЧС показатель непринятия себя, тем более выражена у него стратегия статусного поведения «неудачи на работе»; на уровне значимости $p<0,01$ установлена достоверно значимая положительная связь между переменной «внешний контроль» и переменной «неудачи на работе». Таким образом, чем более выражен у сотрудника МЧС показатель внешнего контроля, тем более выражена у него стратегия статусного поведения «неудачи на работе»; на уровне значимости $p<0,01$ установлена достоверно значимая положительная связь между переменной «эскапизм» и переменной «неудачи на работе». Таким образом, чем более выражен у сотрудника МЧС показатель эскапизма, тем более выражена у него стратегия статусного поведения «неудачи на работе».

Теоретические и практические разработки в рамках данной тематики могут быть применены психологами среди сотрудников министерства по чрезвычайным ситуациям.

«ЭНЕРГОИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД». ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРЕДМЕТНЫХ ОСНОВАНИЯХ ПСИХОЛОГИИ

Т.О. Колесник (Москва)

- Становление новой научной картины мира обозначило категории энергия и информация как базовые в осмыслении «процессуальности» бытия. Философская трактовка движения, в физике представлена категорией энергия - инвариантное свойство материальных систем.

- С категорией информации дело обстоит чуть сложнее. Ее научное осмысление началось с открытиями термодинамики и введением в научный словарь категории энтропии, которая стала антагонизмом для категории информации (негэнтропии). Не смотря на то, что последняя свой категориальный статус получила с развитием кибернетики, ее философским аналогом остается категория отражения.

- Обе категории получили статус научно-идеализированных в точном естествознании и, отражают физическую природу объективной реальности.

- Содержание энергоинформационного подхода, следовательно, состоит в том, что механизмы самоорганизации психической реальности индивида могут быть интерпретированы как процесс взаимопревращения энергии и информации.

- Дифференциация обозначенных категорий по классам физических явлений произошла в рамках открытий релятивистской физики, термодинамики, квантовой

механики и кибернетики, что спровоцировало их обобщение для всего комплекса предметных оснований фундаментальных направлений науки в рамках дисциплинарной онтологии синергетики. Этим фактом с большим успехом воспользовалась биология, которая перевела описания ряда биологических явлений на язык физики. Старт пониманию живой органической материи как физической системы дал Э. Шредингер, не оставив без внимания и проблему сознания, как высшее проявление организации Природы.

- Философским аналогом дисциплинарной онтологии синергетики остается диалектика бытия.

- Подобное сопряжение философской мысли и точного естествознания стало надежным основанием для принятия и в науке, и в философии такого направления как физикализм. Упоминание термина «физикализм» в науках далеких от математической формализации, обращает нас к вопросу онтологического статуса физики в общенаучном пространстве.

- Физикализм сегодня – это не просто способ объяснения феноменальных оснований различных наук на языке физических наук. Физикализм – это продолжение философского осмысления окружающего мира, целью которого является материалистическое толкование сознания, каузальное и физическое обоснование его в системной картине «Закрытой физической Вселенной». Степень реализации принципа физикализма в фундаментальных научных дисциплинах прямо пропорциональна уровню неоднородности и сложности их предметных оснований.

- И это вовсе не возврат к материалистическим позициям в науке на основе «ортодоксального» позитивизма. Дело в том, что в своем развитии квантовая физика вплотную подошла к необходимости интерпретировать категорию сознания, через «принцип наблюдателя». В свою очередь теория информации, как теоретическое основание энергоинформационного подхода в интерпретации природы материальных систем, опирается на данные полученные квантовой физикой.

- Сегодня физикализм как философское направление - это одно из основных направлений англоязычной философской мысли. Нельзя сказать, что это направление сформировано: уровень сложности поставленной задачи, провоцирует или полярные, или компромиссные позиции ученых. Учитывая тот факт, что физикализм в философии является приемником материализма, отечественная психология, обращаясь к нему, получает некое преимущество по отношению к англоязычной науке, которая вплотную занята физической природой сознания.

- Теория отражения, базовая теория диалектического материализма получила очень глубокую содержательную интерпретацию в советской фундаментальной психологии и с учетом новой научной картины мира, удерживает статус базовой теории психологии, к осознанию которой западная научная мысль только приступает в рамках физикализма. А теоретические основания новой научной картины мира открывают возможность нового этапа в деле ее научной интерпретации.

- С другой стороны интерпретация сознания западной научной мыслью по большей части делает упор на квантовую физику и нейрофизиологию. Так как эти подходы призваны решить проблему «энтропии сознания», обозначая квантовый подход одним из аспектов энергоинформационного подхода. Без обобщения подобных умозаключений в контексте теории отражения, ее онтологического содержания для психологии, такой методологический прием не позволяет дать согласованную теоретическую картину данным интерпретациям. Ведь теория информации остается больше специализированной, нежели универсальной, а уж про междисциплинарный

статус квантовой механики в науке, и говорить нечего, - он остается дискуссионным вопросом, по сей день.

- Вернуть в отечественную психологию энергоинформационный подход, инициированный в свое время Веккером и Симоновым в купе с теорией психического отражения на новом уровне, призваны теоретические основания синергетики, структурной единицей которой является и теория квантовой физики.

- Между тем, квантовый подход, который изо всех сил апробируется в попытках интерпретации физической природы сознания, все же имеет огромные методологические перспективы для развития человекознания, так как является на сегодняшний день единственным основанием для построения теоретических моделей, направляющих научный поиск. Проблема наблюдателя открыла перспективу интеграции физических и психологических наук, - и первые и вторые нуждаются друг в друге. Физики потому что недостаточное понимание психологической природы сознания оставляет им только его функциональный аспект, в понимании принципов структурной организации объективной реальности. Для психологов его интерпретация квантовой механикой дает ключ к решению проблемы физической природы психических феноменов.

- Так что, научная кооперация в вопросах феноменальности психики в рамках энергоинформационного подхода выгодна и тем и другим.

СПОСОБЫ КОРРЕКЦИИ ПИЩЕВОЙ АДДИКЦИИ

И.С. Колесникова, Д.В. Сергеева (Екатеринбург)

Проблема пищевой аддикции актуальна, так как в наше время существует мода на стройную фигуру. Глянцевые журналы, интернет, телевидение, а так же СМИ навязывают стандарты красоты, поэтому многие девушки страдают тяжелейшими пищевыми расстройствами, такими как булимия или анорексия.

Социологи считают, что расстройство питания - серьезная и актуальная на сегодняшний день проблема западной цивилизации. Сейчас данная проблема захватывает и жителей России - как женщин, так и мужчин.

Булимия заключается в потребности частого приёма пищи, причина которого может быть не связана с чувством голода. Пищевая зависимость – наиболее социально-приемлемая форма аддикций, однако требует непростых форм коррекции.

На сегодняшний день определяются как минимум десяток форм зависимостей. Все они подразделяются на две большие группы:

1. Химические - когда человек зависит от вещества, которое перестает вырабатываться его организмом - это алкогольная и нарко-зависимости.

2. Эмоциональный круг зависимостей - когда с помощью определенного поведения, вида деятельности, занятия человек восполняет эмоциональные дефициты.

Пищевая зависимость относится к эмоциональному кругу и отличается от любой другой только одним - мы можем всю жизнь прожить без табака-наркотиков-алкоголя-азартных игр. Даже без близких отношений можно попробовать - чтобы избежать любовной зависимости. Но жизнь человека без еды невозможна. Максимум - дней сорок. В этом заключается основная трудность.

Часто в раннем детстве завязываются основные корни пищевой зависимости:

- Восполнение едой дефицитов любви, признания, внимания к себе.

- Восполнение едой своей устойчивости перед атаками негативных эмоций и страхов.
- Приобретение через еду стрессоустойчивости.
- Получение через еду утешения и поддержки.
- Укоренение веры в то, что еда - основной и самый безопасный источник удовольствия.

Причин, по которым тянет к холодильнику магнитом, может быть множество. «Заедают» и сильные эмоции, и скуку, и желание отвлечься, сменить занятие. Мотивы у каждого свои. Одинаковы результаты - тяжесть в желудке, недостаток энергии, недовольство и горячее желание заняться собой.

Нередко потребность в пище усиливается в ситуации стресса либо, наоборот, его отсутствия, в атмосфере скуки.

Депрессия – одно из распространенных последствий булимии. Чувство вины за собственное переедание, лишние килограммы, неудовлетворенность своим внешним видом, заниженная самооценка могут даже стать причиной суицидальных попыток. Лечение и коррекция нервной булимии может проходить комплексно. Приоритетным методом является когнитивно-поведенческая психотерапия, то есть обучение пациента умению контролировать свое мышление, поведение и эмоции. У этого метода есть преимущества:

- 1) Краткосрочность и предельная структурированность, здесь нет необходимости искать причину болезни в раннем детстве больного, как при классическом психоанализе.
- 2) Пациент учится навыкам самостоятельного совладения с симптомами своего расстройства, используя четкий алгоритм.
- 3) Когнитивная психотерапия улучшает характер человека (организует, учит добиваться поставленных целей) и в итоге меняет его мировоззрение.

Также применяются: психоанализ, гипноз, православно ориентированная психотерапия, аутогенная тренировка и др. методы.

Кроме психотерапии существуют такие методы как фармакотерапия – лечение правильно подобранным и эффективным препаратом; биологическая обратная связь; лазерная терапия – путем внутривенного лазерного облучения крови; магнитная терапия – путем действия на нервную систему магнитного поля; светотерапия; массаж и водолечение; реабилитационные программы, а также профилактика рецидивов.

Нам известно, что одна из основных причин булимии – низкая самооценка и неуверенность в себе. Человек не способен воспринимать себя таким, какой он есть и считает, что если он будет поддерживать свой вес на уровне или ниже его, то будет более удачливым и счастливым. Переедания случаются людей на фоне постоянного ощущения ненужности, тревожности, недостаточного удовлетворения собой, а компенсаторная рвота и прием слабительных – как способы предотвратить возможное развитие ожирения. Низкая самооценка мешает им ощущать радость и гордость за себя. Они искренне считают успехи случайностью, везением, но никак не результатом своей работы. Из-за этого они так и не научаются вознаграждать себя, а по отношению к себе довольствуются уровнем младенческих желаний, когда еда выступала в качестве награды за усилия. У больного булимией зачастую вес диктует личную самооценку: увеличение веса или мысль об его увеличении вызывает чувства неполноценности.

В данном случае целесообразно применять методы психологической коррекции, направленные на повышение самооценки, уверенности в себе и снятие тревожности. Задачи у такой программы могут быть следующими:

- выявление и анализ сильных и слабых сторон личности
- развитие навыков уверенного поведения и коммуникативных навыков
- формирование чувства доверия к себе и другим людям
- формирование позитивного отношения к себе

Нами была разработана программа коррекции пищевой аддикции путем повышения самооценки человека и формировании в нем позитивного восприятия себя и окружающего мира. Данная программа состоит из десяти занятий по 3-4 часа каждое и полностью отвечает необходимым задачам.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕЛОВЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА КОЛЛЕКТИВА

А.В. Колесниченко (Уфа)

Любое государство состоит из множества организаций (государственные учреждения, промышленные предприятия, коммерческие фирмы, учебные заведения и т. д.), и все они вносят существенный вклад в развитие современного специализированного общества. Эффективность функционирования любой организации зависит от условий, в которых протекает трудовая деятельность. Наиболее комфортные условия для труда создаются в коллективе, который является самым важным ресурсом, находящимся в распоряжении руководства. Коллектив – это сложная система, состоящая из множества связанных между собой групп людей и отдельных личностей. Человек как часть коллектива – это та основа, на которой строится организация, система производственных, трудовых взаимоотношений.

Климат в организации — это то, как люди воспринимают культуру, существующую в их организации или подразделении, что они думают и чувствуют в связи с ней. Социально-психологический климат, как определяет его В.В. Бойко, – это результат совместной деятельности людей, их межличностного взаимодействия. Он проявляется в таких групповых эффектах, как настроение и мнение коллектива, индивидуальное самочувствие и оценки условий жизни и работы личности в коллективе. Эти эффекты выражаются в конечном итоге во взаимоотношениях, связанных с процессом труда и решением общих задач коллектива.

Благоприятный социально – психологический климат коллектива обеспечивает работоспособность его членов, взаимную поддержку в достижении целей организации. Состояние удовлетворенности отношениями с товарищами по работе, руководителями, своей работой, ее процессом и результатами повышает настроение работника, его творческий потенциал, положительно влияет на желание работать в данном коллективе, применять свои творческие и физические силы на пользу окружающим людям. Коллективное достижение целей приводит к получению высоких результатов в деятельности, к обеспечению высокой эффективности предприятия, т.е. дает ощутимый социально-экономический эффект.

Рассматривая вопрос о факторах формирования социально-психологического климата трудового коллектива, нами было проведено исследование, направленное на определение тех деловых и личностных характеристик, которые оказывают влияние на психологический климат коллектива. Так, рассматривались такие качества, как толерантность, лояльность, удовлетворенность трудом, коммуникативные и ор-

ганизаторские склонности, самоактуализация, и показатель благоприятности психологического климата. Для определения имеющихся взаимосвязей между показателями использовался коэффициент корреляции r Пирсона. В результате, мы обнаружили три группы взаимосвязей, основанных на таких качествах, как толерантность, удовлетворенность трудом, самоактуализация.

Показатель толерантности связан с удовлетворенностью трудом, коммуникативными и организаторскими способностями и самоактуализацией. Рассматривая толерантность как свойство, включающее такие характеристики, как терпимость, эмпатия, нравственность, можно обнаружить прямую связь с таким качеством, как самоактуализация. Развитие в себе умения безоценочно относиться к людям, принимая их достоинства и недостатки, позволяет человеку обнаруживать и понимать собственные возможности (через познание окружающих мы познаем себя). В умении найти подход к каждому человеку, установить с ним взаимоотношения, направить и настроить на выполнение деятельности проявляются коммуникативные и организаторские способности. Способность объективно оценивать внешние обстоятельства, рационально измеряя собственные возможности, определяют удовлетворенность трудом.

Удовлетворенность трудом оказалась связана с коммуникативными и организаторскими способностями, а также самоактуализацией. Исходя из теории мотивации Маслоу, реализация высших потребностей напрямую зависит от степени удовлетворения низших потребностей. Поэтому обеспечение комфортного рабочего места, условий безопасности (стабильная зарплата, социальный пакет, уверенность в собственном будущем) обеспечивает удовлетворение потребностей в уважении и признании (межличностные отношения, признание вклада в деятельность), то есть определяет степень удовлетворенности сотрудника своим трудом. Поскольку удовлетворены основные потребности, личность стремится к развитию и реализации своего творческого потенциала, поиску индивидуального стиля деятельности. Коммуникативные и организаторские способности здесь следует рассматривать как неотъемлемый компонент системы взаимоотношений и межличностного общения, которые в свою очередь влияют на удовлетворенность трудом.

Развитость коммуникативных и организаторских качеств сотрудника позволяет ему активно взаимодействовать с окружающими, добиваться поставленных целей и задач, то есть реализовать себя в деятельности. Связь самоактуализации с психологическим климатом может свидетельствовать о стремлении к развитию и совершенствованию в психологически благоприятной атмосфере коллектива.

Таким образом, мы обнаружили наличие связей между деловыми и личностными характеристиками сотрудника организации и психологическим климатом коллектива. Результаты исследования показали, что, по крайней мере, две характеристики – толерантность и удовлетворенность трудом – в той или иной степени способствуют личностному и профессиональному развитию сотрудника. Потребность в самоактуализации, проявляющейся как стремление человека к реализации своей личности, способствует развитию и совершенствованию всех необходимых навыков и качеств, способствующих успешной профессиональной деятельности.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СПОСОБНОСТИ К САМОУПРАВЛЕНИЮ И НАСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА

А. С. Колобанов (Шуя)

Способность к самоуправлению связана с достижением успехов личностью, что проявляется в достижении поставленных целей различных уровней. У студентов достижение успехов проявляется в основном в учебной деятельности. Развитая способность к самоуправлению позволяет личности управлять собой на высоком уровне, где ставятся цели и разрабатываются пути их реализации. От уровня развития способности к самоуправлению зависит продуктивность достижения целей, а также уровень достижений личности. Исследование взаимосвязи способности к самоуправлению с настойчивостью позволит расширить знание в области самоуправления, а также применять полученные знания в практике. Полученный результат о взаимосвязи позволит ответить на вопрос о системности, детерминированности и прогнозировать результат развития одного элемента при воздействии на другой.

Проблема воли является дискуссионной, где множество вопросов являются спорными и на сегодняшний день. В одном из подходов волевые качества делят на две группы: сдерживающие, активизирующие. Сдерживающие волевые качества проявляются в усилиях, связанных с подавлением проявления внешних реакций. Активизирующие волевые качества проявляются в ситуациях, требующих дополнительных усилий человека, где достижение цели возможно лишь при усилии. Волевые качества личности актуализируются в ситуациях, требующих усилий, где человеку необходимо преодолеть трудности, препятствия на пути к поставленной цели. Необходимо обозначить важность учета индивидуальности при изучении данного вопроса, особенно, когда речь заходит о прикладном аспекте. Существует множество определений настойчивости, но большинство из них имеют схожее основание. Настойчивость Е.П. Ильин определяет как систематическое проявление силы воли, направленной на достижение отдаленной по времени цели, а также преодоление трудностей и препятствий, лежащих на пути к цели.

Способность к самоуправлению понимается М.Н. Пейсаховым как способность ставить себе цели, прогнозировать результат, выдвигать критерии оценки качества, самостоятельно планировать свои поступки и действия. Процесс самоуправления является творческим, так как не привязан к существующим нормам. Исследованием самоуправления занимались ученые Н.М. Пейсахов и О.А. Конопкин, описавшие структуру самоуправления. Самоуправление состоит из восьми этапов, элементов: 1) анализ противоречий – психический процесс, который направлен на поиск, обнаружение противоречий во внешних (средовых) условиях и создание субъективной модели сложившейся ситуации; 2) прогнозирование – деятельность умственного характера, направленная на формирование моделей возможного будущего, где осуществляется построение предположений по поводу того, каким будет исход при тех или иных действиях субъекта; 3) целеполагание – мыслительная деятельность субъекта, ориентированная на формирование моделей необходимого, желаемого будущего, где вкрапляются лично-значимые цели. Здесь предполагается, что субъект создает иерархически организованную модель, предполагающую существование структуры целей (стратегических, тактических и оперативных); 4) планирование – мыслительная деятельность, результатом которой является план в виде последовательности шагов к

достижению каждой из поставленных целей и учет необходимых ресурсов на пути достижения цели (материальных, временных, физических и др.); 5) критерии оценки – здесь субъект определяет, какие явления объективной реальности могут стать признаками того, что движение направлено к сформированной цели, а не в сторону от нее; 6) принятие решения – этап перехода от внутреннего плана деятельности к внешнему; 7) самоконтроль – процесс получения информации об объективных изменениях во внешних условиях (среде) с целью сопоставления со сформированными критериями успешности; 8) коррекция – этап, обуславливающий изменения внешней активности субъекта и самих звеньев системы самоуправления в тех случаях, когда реальные результаты не совпадают с ожидаемыми. Самоуправление необходимо отличать от саморегуляции, где самоуправления является творческим процессом, направленным на создание новых стратегий и планов, а саморегуляция проявляется также в изменениях, но происходящих в рамках норм и стереотипов. Несмотря на различия, по мнению Н.М. Пейсахова структура самоуправления включает в себя структуру саморегуляции.

Самоуправление и настойчивость связаны с достижением целей, преодолением трудностей, что и послужило основанием исследования взаимосвязи между данными параметрами.

Нами проведено исследование, в котором приняли участие студенты первого и третьего курса Шуйского филиала Ивановского государственного университета и студенты Ивановского государственного университета в количестве пятидесяти человек. Количество студентов первого курса равно тридцати двум, а третьего курса – восемнадцати. В исследовании нами использованы следующие методики: методика «Способность к самоуправлению», разработанная Н.М. Пейсаховым, а также опросник, направленный на оценку настойчивости (Е.П. Ильин, 2009). Получено корреляционное значение, равное 0,44, говорит о достоверной положительной умеренной статистической взаимосвязи между способностью к самоуправлению и настойчивостью.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что между способностью к самоуправлению и настойчивостью существует взаимосвязь, где степень, сила взаимосвязи умеренная. Также необходимо заметить, что это исследование не отражает целостной картины детерминант, а лишь показывает одну часть взаимосвязей, что открывает пространство для последующих исследований.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ САМОВОЛЬНЫХ УХОДОВ РЕБЕНКА ИЗ ДОМА.

А. В. Колодина (Омск)

Трансформация детско-родительских отношений является важной стороной современной перестройки семейных отношений. Последние исследования, проведенные учеными факультета психологии ОмГУ (Дементий Л.И., Колодина А.В., Коротева Е.М., Купченко В.Е., Карловская Н.Н., Маленова А.Ю.), показывают, что традиционное представление или модель семьи все меньше соответствует развитию общества, обнаруживая деформации, требующие диагностики причин их возникновения, а также прогноза дальнейших изменений с целью их контроля.

В современном мире ценность самих семейных отношений постепенно утрачивается, нарушая преемственность поколений, затрудняя выполнение семьей ее основных функций, требуя от специалистов в области охраны семьи и детства, проведения просветительских и профилактических мероприятий, направленных как на старшее, так и на молодое поколение.

Настоящее время характеризуется неопределенностью норм, регулирующих брачные и семейные отношения, а также очень фрагментарной научной проработанностью проблемы семьи в современных условиях. Довольно часто семейные модели в современном обществе формируются на основе западных шаблонов, активно пропагандируемых СМИ, что влечет за собой, нейтрализацию ценности семьи и брака, активной родительской роли, эмоционально - близких отношений с детьми.

Наиболее психологически уязвимой социальной группой к таким изменениям являются дети, которым в первую очередь требуется защита. Современные модели семьи довольно часто способствуют «вытеснению» ребенка из семьи на улицу. Специалисты по делам несовершеннолетних ежегодно фиксируют увеличение совершения детьми самовольных уходов из дома.

В современной психологии крайне малочисленны исследования, посвященные анализу причин и факторов, стимулирующих ребенка к побегу из дома, что побудило нас к их изучению.

Диагностический комплекс исследования составили следующие методики: «Патохарактерологический диагностический опросник для подростков (ПДО) А.Е. Личко, Н.Я. Иванова, методика «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковской (вариант для родителей и вариант для детей); «Карта семьи» Е.Н. Юрасовой; авторская методика для выявления причин самовольных уходов подростка из дома. В качестве методов математической обработки данных использовался корреляционный анализ (метод г-Пирсона, в виду соответствия изучаемых переменных закону нормального распределения).

В проведенном исследовании приняло участие 100 подростков из неблагополучных семей, имеющих риск самовольного ухода из дома, и 48 их родителей.

В результате проведенного исследования было установлено, что для подростков имеющих склонность к самовольным уходам из дома, характерны такие типы акцентуаций как астено-невротический и конформный, что свидетельствует о выраженной раздражительности, импульсивности, склонности к ипохондричности и аффективности подростков первой группы. Они склонны к изменчивости настроения, долго помнят обиды, очень чувствительны к критике собственной личности, но при этом достаточно легко внушаемы и подавляемы.

В трудных ситуациях подростки группы риска неспособны принимать ответственность за совершенные поступки, не умеют решать сложные и проблемные ситуации, у них отсутствуют сформированные навыки адаптации в разных группах.

При изучении специфики детско - родительских отношений в их семье, подростки группы риска указывали строгость мер и правил, которые применяют родители во взаимоотношениях, низкий уровень сотрудничества, отсутствие эмоциональной близости, применение наказаний. В целом, социальная среда, в которой воспитываются подростки группы риска, имеет следующие особенности: подростки в 80% случаев воспитываются в неполной семье (в основном, матерью); семья имеет недостаточную материальную обеспеченность; у родителей систематически не хватает времени на воспитание ребенка и общение с ними. При этом, сами подростки, имеют низкую успеваемость в школе и несформированную познавательную мотивацию.

В семьях подростков, имеющих склонность к самовольному уходу из дома, матери проявляют большую строгость в воспитании, выдвигают жесткие правила поведения, чаще принуждают детей к чему-либо. Во взаимоотношениях с отцом преобладает эмоциональная холодность, чрезмерность наказаний и дистанцирование.

Обобщив результаты, исследования факторов стимулирующих самовольные уходы детей из дома, нами были выделены следующие:

- 1) Неполная семья, чаще в семье отсутствует отец;
- 2) Педагогическая неграмотность и несостоятельность родителей (применение физических наказаний; оскорбление и унижение ребенка, попустительство или гиперопека);
- 3) Сверхзанятость родителей в профессиональной сфере (в исследуемой выборке группу риска составили родители следующих профессий - продавец, повар, слесарь, медицинская сестра);
- 4) Отсутствие знаний родителей об интересах и предпочитаемых занятиях их детей;
- 6) Недостаточная материальная обеспеченность;
- 7) Высокая конфликтность в семье и детско-родительских отношениях, обусловленная низкой успеваемостью ребенка в школе, его нежеланием учиться;
- 8) Конфликтные отношения с классным руководителем и сверстниками;

Таким образом, жесткая, эмоционально – холодная обстановка в семье, а также авторитарно-командный стиль воспитания со стороны родителей, способствуют «вытеснению» подростка из семьи на улицу.

К ПРОБЛЕМЕ АДАПТАЦИИ РЕБЕНКА В УСЛОВИЯХ ПОВТОРНОГО БРАКА ОДНОГО ИЗ РОДИТЕЛЕЙ

В. В. Колотилина (Кемерово)

Повторный брак как новая форма брачных отношений в современном обществе занимает в последние годы достаточно прочную позицию и становится реальностью современного института семьи.

В семьях повторного брака начинают проживать дети одного или обоих супругов, что влечет за собой определенные трудности адаптации всех членов семьи к измененной ее структуре и особенностям взаимоотношений в различных диадах и подсистемах. Особое значение в этой связи имеет адаптация ребенка к новым условиям жизни, его психологическое благополучие, которое является условием сохранения здоровья и достижения им высоких результатов в обучении и развитии.

В нашей работе мы изучаем и исследуем особенности адаптации ребенка, воспитывающегося в семье повторного брака одного из родителей. Мы предполагаем, что ребенок по мере прохождения новой семьей цикла ее развития переживает адаптационный период, который приходится на первые 3 года жизни семьи.

База исследования: 113 семей из семей повторного брака с различным стажем совместной жизни: 58 мальчиков, 55 девочек в возрасте от 7-18 лет. Стаж жизни семьи от 1 года до 18 лет. Средний возраст детей – 11 лет.

Для изучения адаптации ребенка в семье повторного брака были использованы следующие методики:

1. Шкала субъективного благополучия (ШСБ) Perrudet-Badoux, Mendelsohn и Chiche в адаптации М.В. Соколовой (состоит из 17 пунктов, содержание которых связано с эмоциональным состоянием, социальным положением и некоторыми физическими симптомами исследуемого);

2. Проективная методика «Рисунок семьи» А.Л. Венгера. Методика была использована для изучения особенностей социальной адаптации ребенка в семье: структуры семьи, особенностей взаимоотношений между членами семьи глазами ребенка, восприятия ребенком своего места в семье, отношение к семье в целом и отдельным ее членам. В анализе рисунков учитывались: порядок изображения членов семьи, наличие несуществующих персонажей и домашних животных, контакт рук между членами семьи, удаленность их друг от друга (в том числе пространственное разделение предметами или людьми), размер каждой фигуры, а также размер рисунка на пространстве листа;

3. Методы первичной статистики (анализ средних, построение гистограмм), метод определения достоверности различий U-критерий Манна-Уитни. Обработка данных осуществлялась в программном пакете STATISTICA.

Выборка детей была поделена по стажу совместной жизни в новой семье на 4 группы: 1 группа – стаж проживания 1-3 лет 25 человек (13 мальчиков, 12 девочек); 2 группа – 4-6 лет 49 человек (27 мальчиков, 22 девочки); 3 группа – 7-12 лет 35 человек (16 мальчиков, 19 девочек); 4 группа – 13-18 лет 4 человека (2 мальчика, 2 девочки).

В результате анализа и обработки данных установлено, что уровень субъективного благополучия в выделенных группах статистически достоверно имеет значимые отличия (метод достоверности различий Манна-Уитни для сравнения групп).

В гр.1 преобладают показатели по кластерам ШСБ: «напряженность и чувствительность» ($z=2,65$; $p=0,008$); «признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику» ($z=2,93$; $p=0,003$). Выраженность показателей «изменения настроения» ($z=2,22$; $p=0,02$), «значимость социального окружения» ($z=2,74$; $p=0,005$), «самооценка здоровья» ($z=2,33$; $p=0,001$) и «степень удовлетворенности повседневной деятельностью» ($z=2,05$; $p=0,04$) преобладает в гр.2. Самые высокие значения средних показателей по шкале субъективного благополучия отмечены у детей гр.1, что свидетельствует о выраженном эмоциональном дискомфорте.

Результаты исследования социальной адаптации ребенка с использованием методики «Рисунок семьи» показали наличие статистически значимых различий в восприятии им новой семьи и своего в ней места в зависимости от стажа совместной жизни (метод сравнения средних (t-кр. Стьюдента)).

В гр.1, проживающей совместно менее 3х лет, социальная адаптация ребенка проходит несколько хуже, нежели во 2ой гр. Ребенок в семьях гр.1 по сравнению с семьями 2ой гр. значимо реже ($t=-2,78$; $p=0,006$) рисует неродного родителя первым, чаще рисует его последним ($t=2,38$; $p=0,019$) либо исключает из состава семьи, не изображая вовсе ($t=-3,65$; $p=0,000$). Самой значимой фигурой при этом для ребенка остается мать ($t=3,22$; $p=0,001$).

Прохождение семьей стадий жизненного цикла развития, очевидно, существенно сказывается на восприятии ребенком неродного родителя, своего места в семье, благополучии и самооценке. Так, если в гр.1 ребенок чаще мельчил изображение ($t=-2,44$; $p=0,017$), то во 2ой и 3ей группах размер картинка становится пропорционален пространству листа ($t=2,32$; $p=0,022$). Растет значимость неродного родителя: в гр.1 мать изображается ребенком самой крупной ($t=3,22$; $p=0,001$), однако во 2ой и 3ей группах

– самой крупной фигурой мы видим уже фигуру неродного родителя ($t=2,01$; $p=0,047$), что, вероятно, свидетельствует о повышении его значимости для ребенка.

Подводя итог:

1. Ребенок, воспитывающийся в семье повторного брака одного из родителей, по мере прохождения новой семьи цикла ее развития переживает адаптационный период, который приходится на первые 3 года жизни семьи;

2. Трудности в контроле своих эмоций, неуравновешенность, беспокойство, неудовлетворенность собой и своим положением характерно для детей, переживающих в новой семье период, который приходится на первые 3 года жизни;

3. Прохождение семьей основных стадий жизненного цикла развития семьи существенно сказывается на восприятии ребенком неродного родителя, своего места в семье, его психологическом благополучии, самооценке и самопринятии. Как правило, дети успешно преодолевающие сложности адаптации, в дальнейшей жизни удовлетворены своей повседневной деятельностью, окружением, здоровьем, не испытывают напряжения в эмоциональном общении и резких перепадов настроения.

Отдельного исследования требуют особенности адаптации к повторному браку остальных членов семьи: родителей ребенка, отчимов и мачех, сводных детей в повторном браке.

МОТИВАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ КАК ПРЕДМЕТ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОДИАГНОСТИКИ

Я.В. Колпаков (Москва)

Концепция внутренней картины болезни (ВКБ) последовательно развивается как предмет исследования в отечественной клинической психологии (Лурия Р.А., 1935; Краснушкин Е.К., 1950; Рохлин Л.Л., 1971; Шевалев Е.А., Ковалев В.В., 1972; Лакосина Н.Д., Ушаков Г.К., 1979; Резникова Т.Н., Смирнов В.М., 1979; А.В. Квасенко А.В., Зубарев Ю.Г., 1980; Личко А.Е., Иванов Н.Я., 1980; Николаева В.В., 1987; Тхостов А.Ш., Арина Г.А., 1989, 1990, 1991, 1993; и др.) Данная концепция предполагает наличие взаимосвязанных чувственного, эмоционального, интеллектуального и мотивационного уровней ВКБ (Николаева В.В., 1987). В ряде работ А.Ш. Тхостова и его учеников последовательно изучены особенности чувственного уровня ВКБ (например, Елшанский С.П., 1999). Основное внимание уделяется в ряде исследований эмоциональному и интеллектуальному уровню ВКБ (например, Подосинова Т.В., 2011). Однако изучению мотивационного уровня ВКБ внимание уделяется в единичных работах (например, Колпаков Я.В., 2010). В тоже время, именно этот уровень является опосредующим между ВКБ и защитно-совладающим с болезнью и лечением поведения (см. например, Исаева Е.Р., 2009). Недостаточность таких исследований, в том числе обусловлена дефицитом психодиагностического аппарата, расширение которого аппарата представляется важной задачей современной клинической психологии.

Развивая идею о мотивационном уровне ВКБ, В.М. Ялтонский (2009) предложил теоретическую модель мотивации к лечению. В данной модели предполагается наличие уровней мотивации к лечению (негативной, амбивалентно-амбитендентно-неустойчивой и позитивной), а также наличие структуры этой мотивации (ценностно-смысловых, эмоциональных, когнитивных и поведенческих её предикторов). Модель нашла своё подтверждение при исследовании мотивации к лечению у женщин, зави-

симых от алкоголя (Колпаков Я.В., 2010). Практическим выходом данного исследования, помимо апробации комплекса психодиагностических методик, стало предложение мишеней психотерапии для каждого уровня мотивации к лечению (Колпаков Я.В., Ялтонский В.М., 2011).

Психотерапия малоэффективна, если у её потенциальных участников нет мотивации на собственно прохождение психотерапии. Для изучения этого аспекта было проведено исследование мотивации на психотерапию у лиц, зависимых от психоактивных веществ (Колпаков Я.В., 2011; Колпаков Я.В., Казаков А.А., Ялтонский В.М., 2012; Колпаков Я.В., Ялтонский В.М., 2012). Установлены различия в структуре мотивации на психотерапию у лиц, зависимых от алкоголя, у лиц, зависимых от опиоидов, и у условно здоровых лиц. В данном исследовании впервые апробирована методика «Опросник мотивации на психотерапию» (Fragebogen zur Psychotherapiemotivation, Nubling R. et al., 2001).

В другом исследовании (Ялтонская А.В., 2013) методом регрессионного анализа установлено влияние особенностей мотивации на психотерапию на эффективность лечения пациентов с непсихотическими тревожно-депрессивными расстройствами. В данном исследовании впервые апробирована методика «Шкала мотивации к психотерапии» (Client motivation for therapy scale, Pelletier L.G., Tuson K.M., Haddad N.K., 1997).

Не менее важным аспектом при изучении мотивационного уровня ВКБ, является оценка приверженности лечению у больных, прошедших основной этап лечебного процесса. Данный аспект был изучен в исследовании мотивации на реабилитацию у лиц, зависимых от опиоидов (Колпаков Я.В. и соавт., 2012; Колпаков Я.В., 2013). Установлены различия в структуре мотивации на реабилитацию у лиц, зависимых от опиоидов, участвующих в различных программах реабилитации (Анонимные Наркоманы, духовно-ориентированная реабилитация, медико-социальная реабилитация). В ходе данного исследования впервые апробирована методика «Опросник мотивации на реабилитацию» (Patientefragebogen zur Erfassung der Reha-Motivation, N#252;bling R. et al., 2005).

Полученные результаты позволили выдвинуть гипотезу о роли субъективного переживания угрозы собственного заболевания на особенности защитно-совладающего с болезнью и лечением поведения. Для проверки этой гипотезы впервые была апробирована методика «Опросник восприятия болезни» (The Brief Illness Perception Questionnaire, Broadbent E. et al., 2006) (Ялтонская А.В., 2013). Показав свою эффективность при оценке предикторов успешности психотерапии у пациентов с непсихотическими тревожно-депрессивными расстройствами, данная методика проверяется на пациентах с тяжёлыми соматическими заболеваниями (например, Абросимов И.Н., 2012, 2013; Ялтонский В.М., Абросимов И.Н., 2011).

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ПЕРЕЖИВАНИЕ ЕЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Е.Н. Комарова (Иваново)

Интерес к взаимосвязи самоактуализации личности с ощущением ее субъективного благополучия связан с обращением в современных условиях к проблеме развития и использования человеческого потенциала. Самоактуализация понимается как

стремление человека к выявлению и проявлению своих возможностей и способностей. Неотъемлемой частью процесса самоактуализации является ощущение личности своего благополучия, так как оно определяет равновесие личности, ее психологическое здоровье. На основе пилотажного исследования мы выявили, что существует несколько тенденций связи этих двух понятий. Высокий уровень самоактуализации может способствовать субъективному благополучию, но и высокий уровень субъективного благополучия может препятствовать процессу самоактуализации личности. В поле нашего внимания выступает изучение полюсов взаимосвязи данных понятий, так как для нас принципиально важно выявить причины данного феномена и установить, что может влиять на такую смену полюсов.

Мы разделили испытуемых на две группы – люди с однонаправленными полюсами наших понятий (высокий уровень самоактуализации и субъективного благополучия и наоборот), и люди с разнонаправленными полюсами (высокий уровень самоактуализации и низкий уровень субъективного благополучия и наоборот). Так, в процессе исследования нами были использованы следующие методики:

1. Диагностика самоактуализации личности (А.В. Лазуткин в адаптации Н.Ф. Калина);
2. Шкала субъективного благополучия (М.В. Соколова).
3. Тест смысловых ориентаций (СЖО).
4. Тест опросник самоотношения Столина.
5. Диагностика мотивов аффилиации (А. Мехрабиан).
6. Методика мотив власти.
7. Личностная и ситуативная тревожность по Спилбергу.
8. Краткий ориентировочный тест (КОТ).
9. Опросник для оценки потребности достижения успехов.

На первом этапе с помощью t -критерия Стьюдента мы выявили достаточно очевидные на наш взгляд результаты. В группе с однонаправленными полюсами характерны высокие показатели по шкалам, как «взгляд на природу человека», «высокая потребность в познании», «спонтанность», «аутосимпатия» и «шкала контактности». Все эти характеристики свойственны самоактуализирующимся личностям.

Поэтому бы обратили внимание на определение специфики каждой группы испытуемых.

Анализ показал, что уровень самоактуализации и субъективного благополучия в группе с однонаправленными полюсами имеет корреляционную связь с большим количеством изучаемых параметров, которые достаточно логично обосновываются характеристиками самоактуализирующейся личности. Например, прямая корреляционная связь самоактуализации выявлена с общим показателем осмысленности жизни ($r=0,677$) и субшкалами методики СЖО, как «насыщенность жизни» ($r=0,646$), «результативность жизни» ($r=0,596$), «локус контроля - Я» ($r=0,482$), так же интегральной шкалой самооценки как «самоуважение» ($r=0,485$), «самоинтерес» ($r=0,485$). Отрицательная связь наблюдается с тревожностью («ситуативная тревожность» ($r=-0,483$), «личностная тревожность» ($r=-0,588$) и со страхом отвержения ($r=-0,603$).

Аналогичная ситуация и с понятием субъективное благополучие, чем выше субъективное благополучие, тем выше и показатели самоуверенности, самопринятия, контактности, гибкости в общении, аутосимпатии и т.д. Эти показатели так же согласуются с результатами приведенными ранее.

Наибольший интерес составляет группа разнонаправленных полюсов (высокий уровень самоактуализации и субъективного благополучия и наоборот). Прямая корреляционная связь выявлена с самоактуализацией по таким шкалам, как «ожидаемое отношение других» ($r=0,513$), «отношение других» ($r=0,532$), причем данные связи не были выявлены в другой группе испытуемых.

Обратная связь была получена с субъективным благополучием и показателями «цели в жизни» ($r=-0,373$), «насыщенность жизни» ($r=-0,579$), «локус контроля - жизнь» ($r=-0,501$). При интерпретации данных связей мы должны учитывать обратный характер шкалы субъективного благополучия, в данном случае, чем выше один показатель, тем выше и другой. Значимая обратная корреляция наблюдается с субъективным благополучием и с такими показателями «самообвинение» ($r=-0,375$), «личностная тревожность» ($r=0,466$), «ситуативная тревожность» ($r=0,503$).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в первой группе с однонаправленными полюсами, в большей степени проявляется направленность на себя, во второй же группе при высокой самоактуализации проявляется ориентация на других, ожидание оценки со стороны, но при этом при низком субъективном благополучии проявляется самообвинение и возрастает тревожность.

В дальнейшем, мы хотим глубже изучить данную проблематику и рассмотреть уже конкретные варианты направленности центральных понятий, а именно разбить испытуемых на 5 групп с разным соотношением уровня самоактуализации и субъективного благополучия (это группа, где высокий уровень самоактуализации и субъективного благополучия, также группа низких показателей данных понятий, средних и две группы разнонаправленных). Это на наш взгляд позволит существенно продвинуться в исследовании и объяснить детерминанты взаимосвязи феноменов.

ВОЗРАСТНЫЕ ТРЕНДЫ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ПОДРОСТКОВ

М.С. Кондрашова (Дубна)

Теоретической основой данного исследования послужили представления Л.С. Выготского и его учеников о связи между потребностями и переживаниями в критические периоды развития личности.

Предмет исследования: структура и динамика деятельностно-ориентированных переживаний в подростковом возрасте, точнее говоря, учащихся 6-11 классов средних общеобразовательных школ г. Дубна. Всего в исследовании приняло участие 318 человек, возраст которых располагается в диапазоне от 11 до 17 лет.

Метод исследования: опросник деятельностно-ориентированных переживаний (ОДОП), созданный при участии и под руководством Б.Г. Мещерякова.

Опросник содержит семь блоков, каждый из которых соответствует одному из семи типов деятельностей, которые в разное время и разными авторами выдвигались на роль мотивационно-значимой в подростковом возрасте: учебно-профессиональная деятельность, общение, мировоззренческое самоопределение, учебная деятельность, социально-одобряемая деятельность, профессиональное самоопределение и самооценивание. Для каждого из семи видов деятельности в опроснике выяс-

няются два типа данных: как часто случается то или иное событие в жизни подростков (частота переживаний) и в какой степени эти события беспокоят и тревожат подростков (интенсивность переживаний).

Опираясь на уже существующие теоретические идеи и факты о подростковом возрасте были выдвинуты следующие три эмпирические гипотезы:

1. Гипотеза многовершинности мотивационной сферы: групповые и индивидуальные профили деятельностно-ориентированных переживаний подростков среднего и старшего школьного возраста являются многомодальными (многовершинными) и отражают картину полиморфизма ведущих психологических потребностей.

2. Гипотеза возрастной динамики: групповые и индивидуальные профили деятельностно-ориентированных переживаний подростков изменяются на интервале от среднего к старшему школьному возрасту. Наиболее существенные изменения можно предполагать для двух типов деятельности – «учебно-профессиональной» деятельности и «профессионального самоопределения»; здесь должна наблюдаться почти монотонно возрастающая зависимость уровня переживаний с возрастом. В отношении других 5 видов деятельности нет достаточно определенных теоретических и эмпирических оснований для выдвижения гипотез относительно из возрастных трендов.

3. Гипотеза индивидуального полиморфизма: Подростки каждого возраста не укладываются в модель единой нормативной ведущей деятельности; предполагается, что для одного и того же возраста (например, у учащихся одного и того же класса) существует значительное индивидуальное разнообразие ведущих потребностей, отражаемое индивидуальными профилями деятельностно-ориентированных переживаний.

Данные многофакторного дисперсионного анализа интегрального показателя переживаний (скалярная величина от частоты и интенсивности переживаний) подтверждают гипотезу возрастной динамики деятельностно-ориентированных переживаний, показывая, что мотивационная структура учащихся 6-7-х классов статистически значимо отличается от мотивационной структуры учащихся 9-11-х классов. Интересный факт состоит в том, что профиль переживаний 8-х классов существенно отличается как от профилей 6-7-х классов, так и от профилей 9-11-х классов. Он словно играет роль рубежа, на котором происходят существенные сдвиги в сфере потребностей подростков. Таким образом, возраст 13-14 лет является «переломным» моментом в возрастной динамике переживаний подросткового периода.

Результаты статического анализа изменений интегрального показателя переживаний от класса к классу показали, что данные по разным типам деятельности соответствуют трем формам возрастной зависимости.

(1) константная зависимость характерна для деятельностей «общение», «мировоззренческое самоопределение», «социально-одобряемая деятельность» и «учебная»;

(2) возрастающая зависимость – для «учебно-профессиональной деятельности» и «профессионального самоопределения» (подтверждение выдвинутой гипотезы);

(3) тенденция к убывающей с возрастом зависимости характерна для «самооценивания».

Анализ индивидуальных профилей переживаний, проведенный с помощью кластерного анализа, показал значительную степень индивидуального разнообразия, что подтверждает гипотезу индивидуального полиморфизма.

Значимых половых различий в деятельностно-ориентированных переживаниях не обнаружено.

Полученные результаты позволили описать возрастную динамику и индивидуальное разнообразие профилей личностно-значимых потребностей и связанных с ними типов деятельностей при переходе от младшего к старшему подростковому возрасту. Был сделан вывод о том, что результаты согласуются с принципом полиморфизма ведущих потребностей в подростковом возрасте.

Необходимо отметить, что наиболее радикальные изменения от младших подростковых классов к старшим, очевидно, происходят с двумя типами деятельности – «учебно-профессиональной деятельностью» и «профессиональное самоопределение».

Если в 6-7 классах эти типы деятельностей занимали позиции «аутсайдеров», то в 9, 10 и 11 классах они выходят на первый план. Этот результат дает право сделать вывод, что к старшим классам, потребности, связанные с профессиональным самоопределением и профессиональным обучением, становятся наиболее значимыми, что подтверждает взгляды многих отечественных исследователей (например, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, И.С. Кон, Д.И. Фельдштейн) о том, что к концу обучения в школе начинает формироваться самоопределение, связанное с выбором профессии. Данный факт также служит хорошим подтверждением содержательной валидности апробированного опросника.

ЛАТЕРАЛИЗАЦИЯ РЕЧИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАРАДИГМЫ СЛОВЕСНОГО ПРАЙМИНГА С ПОМОЩЬЮ МАГНИТОЭНЦЕФАЛОГРАФИИ

А.М.Коптелова, А.О. Прокофьев, А.В. Буторина, А.Ю. Николаева (Москва)

Работа выполнена при поддержке гранта президента Российской Федерации.

Проект № 5137.2013.4 Договор № 14.124.13.5137-МК от 04 февраля 2013г.

На сегодняшний день 1% людей страдает таким заболеванием как эпилепсия. Тридцати процентам таких больных показано хирургическое лечение. Если эпилептоформный очаг находится рядом с невосполнимыми зонами, то операция - большая опасность для здоровья. Случайное повреждение речевых центров может привести к полной потере речи у пациента, что повлечет серьезные психологические изменения личности. Послеоперационные коррекционные программы для таких пациентов практически отсутствуют. Именно поэтому остро стоит вопрос латерализации этих областей до хирургического вмешательства.

Основная методика, которую используют для этого – т.н. проба Вада. Суть метода заключается в том, что поочередно в каждую каротидную артерию вводится снотворное, после чего соответствующее полушарие временно прекращает свою работу. Данная методика является инвазивной. Возможные последствия – инфаркт или артериальный спазм (1) Осложнения возникают у 1% испытуемых (2)

Существуют неинвазивные методы латерализации речевых функций. Один из самых распространенных методов это фМРТ. Но он имеет ряд недостатков: отсутствие стандартной схемы исследования (3) приводит к тому, что разные задания вызывают разные паттерны активации. Также существуют различия в силе кровотока у разных испытуемых. Эти проблемы затрудняют сравнение и интерпретацию результатов. Также сила кровотока не имеет линейной связи с нейронной активацией, что снижает надежность полученных данных (4).

Другой метод, который используется это магнитоэнцефалография. Он основан на регистрации магнитных полей и прекрасно подходит для изучения сложных когнитивных функций (5).

Одной из наиболее известных методик латерализации речи, является технология, предложенная др. Папаниколау, методика задействует слухоречевую память испытуемых. Слухоречевая память – универсальный конструкт, который можно использовать в диагностических целях. Он практически не связан с внутриличностными особенностями человека, что делает возможным его применение на пациентах с любыми личностными особенностями и отклонениями, а также на пациентах и испытуемых из группы нормы.

Мы хотим предложить способ обработки, который увеличит точность данной методики. Он основан на феномене словесного прайминга, что отражает уменьшение ресурсов, затрачиваемых нейронными сетями речевых зон мозга, на семантическую обработку уже известного стимула при повторном его предъявлении.

Анализ результатов предполагается во временном окне 300-500 мс. В это время возникает так называемый семантический компонент N400. Источники его генерации соответствуют речевым зонам (6), также он сильно подвержен эффектам прайминга (7).

Методика и испытуемые

Эксперимент состоит из семи серий: одной тренировочной серии, содержащей 30 слов, которые необходимо запомнить, и шести экспериментальных серий. В каждой экспериментальной серии 30 слов знакомы испытуемому и 10 являются новыми (слова-дистракторы). Внутри каждой серии слова перемешаны в случайном порядке. Стимулы предъявлялись бинаурально.

В эксперименте приняли участие 28 испытуемых (от 17 до 57 лет), правши с нормальным слухом, и отсутствием неврологических заболеваний.

Методы анализа данных

Магнитоэнцефалограмму регистрировали при частоте дискретизации 1000 Гц и во время записи фильтровали с полосой пропускания 0,03 – 330 Гц. Сигнал был поделен на эпохи, каждая эпоха включала 500 мс до и 1500 мс после подачи стимула.

Результаты и обсуждение

Основным методическим подходом стало сравнение разницы в активации левого и правого полушарий мозга при предъявлении нового слова в сравнении со знакомым.

Высоко значимые различия в уровне активации при предъявлении нового слова по сравнению со старым были характерны только для левого полушария. Исследование временной динамики активации левого полушария, вызванной обработкой новых слов, показало, что дополнительная активация левого полушария возникает в трех временных интервалах после момента начала слухового предъявления нового слова: 90 – 100 мс, 350 – 500 мс, 750 – 900 мс. По данным литературы [8], эти временные этапы обработки слова соответствуют фонологическим (90 -100 мс), семантическим (350 – 500 мс) этапам анализа слова в нейронных сетях левого полушария, а также произвольной регистрации нового слова (750-900 мс) в структурах мозга, связанных с запоминанием.

Наши данные показывают, что более поздние этапы усиленной обработки нового слова, задействуют широко распределенные сети левого полушария мозга.

Учитывая специфику клинического исследования, нам было важно убедиться в том, что предложенный показатель асимметрии надежен не только при статистическом анализе группы испытуемых, но и на уровне конкретного пациента. С этой целью мы предприняли анализ индивидуальных коэффициентов асимметрии.

Индекс асимметрии показателя общей активации полушарий в указанном интервале свидетельствовал о доминировании левого полушария в семантической обработке нового слова у 19 из 21 испытуемого. Полученное процентное соотношение соответствует распределению межполушарной асимметрии, представленному в популяции (9).

Заключение

Наша методика позволяет надежно латерализовать речевое полушарие и базируется на универсальном конструкте для пациентов с любыми индивидуальными особенностями и психологическими отклонениями – на слухоречевой памяти. Мы можем сказать, что МЭГ - надежный полностью неинвазивный метод.

ПСИХИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЧЕЛОВЕКА

С.А. Корнеева (Белгород)

Исследуя особенности осознанной саморегуляции, мы вынуждены учитывать и закономерности саморегуляции, осуществляемой на уровнях, не всегда контролируемых сознанием (закономерности авторегуляции, свойственные функциональным системам, обеспечивающим жизнеспособность и поведение человека), и закономерности саморегулирования ранее протекавшие под контролем сознания, а в настоящий момент не требующие пошагового сознательного контроля, и закономерности саморегулирования «закрепившиеся в личностных характеристиках человека.

Разностороннему исследованию закономерностей и механизмов саморегуляции в психологической науке предшествовали исследования физиологов по организации движений (А.Н. Бернштейн, 1935) и функционированию других систем организма (П.К. Анохин, 1978). Психологическому исследованию в этом направлении дали толчок разработки принципа единства сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн, 1975), разработки теории деятельности (А.Н. Леонтьев, 1975) и разработки по теории информации 60-70 гг. Поскольку разработки теории саморегуляции в психологии начались относительно недавно, постольку в данной области существуют как теоретические, так и методологические проблемы. Одной из главных проблем является отсутствие общепринятого понятийного аппарата. Причины такого положения кроются и в сложности самого явления саморегуляции (многоаспектность, вариативность структурных составляющих, сложность функциональных связей между ними) и в различиях подходов к рассмотрению этого сложного явления. Наиболее устойчивыми и последовательными в этом направлении были концептуальные разработки О.А. Конопкина (1980). Именно О.А. Конопкину принадлежит конструктивная идея (корни ее можно проследить в работах С.Л. Рубинштейна) об осознанности саморегуляции в активности человека, ее системности и управляемости саморегуляции субъектом деятельности.

Осознанная саморегуляция по О.А. Конопкину понимается как системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной

активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей. Место и роль психической саморегуляции в жизни человека достаточно очевидны, если принять во внимание, что практически вся его жизнь есть бесконечное множество форм деятельности, поступков, актов общения и других видов целенаправленной активности (О.А. Конопкин 1995).

Приставка «само-» к термину «регуляция» отражает не только факт осознания субъектом осуществляемых им актов своей произвольной активности и целенаправленное управление ими, но и определение самим субъектом как объективных предметных, рационально-логических, так и личностно-ценностных оснований отдельных деятельностных актов и их соотнесение и согласование с контекстом целостной системы своих стержневых личностных потребностей и ценностей, смысловых установок и убеждений, с содержанием самосознания (О.А. Конопкин, 2007).

Позднее А.К. Осницким было уточнено различие саморегуляции деятельностной и саморегуляции личностной: «Саморегуляция деятельности обнаруживает себя в феноменологии предметных преобразований и в преобразованиях прилагаемых усилий. Саморегуляция личностная связана преимущественно с определением и коррекцией своих позиций (в рамках культурно-исторической традиции, закрепленной в нормах социума)» (А.К. Осницкий, 1996). Если саморегуляция деятельности исходно ориентирована на успешность тех или иных действий, то саморегуляция личности ориентирована на изменение или удержание отношения к используемым средствам, способам действия и сотрудицам.

Систему саморегуляции конкретной уже сложившейся деятельности необходимо понимать как совокупность взаимодействующих компонентов подчиненных осознаваемому человеком процессу целеполагания и целеосуществления: определения цели деятельности, анализа и выявления значимых условий, выбора лучшего способа и последовательности действий, оценки и их коррекции в случае необходимости (А.К. Осницкий, Н.О. Сипачев, Ю.С. Жуйков 2006).

Психическая организация процессов саморегуляции обеспечивается функционированием психофизиологических систем жизнеобеспечения организма человека. По мнению А.Р. Лурия (1969), нейропсихологическое исследование личности должно исходить из анализа условий прижизненного формирования высших психических функций и их динамической мозговой организации. При этом необходимо учитывать данные, полученные при исследовании больных с «лобным синдромом» и использовать понятие о «трех блоках» мозга. При нарастании признаков правополушарного парциального доминирования, как у мужчин, так и у женщин (хотя у последних и в меньшем числе случаев), было выявлено достоверное нарастание негативных эмоциональных самооценок личности. Л.Ф. Бурлачук (1989) считает перспективным использование психодиагностических методик при исследовании функциональных асимметрий человека.

В последние десятилетия в психологии были проведены многочисленные исследования, которые с полным обоснованием позволяют говорить о том, что в ней сформировалось и успешно развивается новое направление, которое может быть обозначено как нейропсихологический подход к изучению психических функций здорового человека (Е.Д. Хомская, И.В. Ефимова, 1997; А.П. Чуприков, 1985). Оценивая этот подход, Г.А. Аминев (1999) охарактеризовал его как «новое направление в изучении нейроструктурных основ индивидуальных различий», которое позволяет расширить поле дифференциальной психофизиологии.

Таким образом, интерес исследователей к феноменологии саморегуляции явно усиливается, расширяется круг исследований, затрагивающий самые различные аспекты этой феноменологии. Вместе с тем, многое из проблематики саморегуляции еще нуждается в изучении и, в частности, изучение индивидуальных различий и особенностей саморегуляции, связанных с психофизиологической организацией активности человека (А.К. Осницкий, С.А. Корнеева, 2011).

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВАХТОВОГО ТРУДА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Я.А. Корнеева, И.А. Порохина (Архангельск)

Районы Крайнего Севера характеризуются экстремальными природно-климатическими условиями жизнедеятельности, поэтому на этих территориях используется вахтовый метод организации труда. Вахтовый труд на Крайнем Севере сопровождается влиянием факторов, вызывающих такие неблагоприятные функциональные состояния, как стресс, психическое напряжение, снижение работоспособности, утомление и др. (А.П. Авцын, В.М. Ахметов, А.С. Ветошкин, Л.И. Гапон, Г.Н. Дегтева и др.). Помимо экстремальных климатогеографических и производственных условий на вахтовых работников воздействует комплекс неблагоприятных социально-бытовых факторов (А.Н. Силин, Н.Н. Симонова и др.).

В контексте рассмотрения социально-бытовых факторов вахтового труда на Крайнем Севере выделим следующие особенности условий жизнедеятельности и труда на вахте:

1. Изменение в условиях вахты процессов, с которыми человек «синхронизируется» в межвахтовый период — утрата ряда социальных ролей (привычные и важные для повседневной жизни роли отца, мужа, брата и т.п.), отсутствие привычных социальных институтов, процессов.

2. Пространственная близость бытовой и производственной сфер жизнедеятельности на вахте, а также существенное сужение личного пространства.

3. Разделенность социальной сферы: отдаленность значимого социального окружения и ограниченность непосредственного профессионального окружения.

На наш взгляд, перечисленные условия труда и жизнедеятельности вахтовых специалистов обусловлены влиянием групповой изоляции, которая является наиболее существенным социально-психологическим фактором, оказывающим влияние на коллективный субъект труда в условиях вахты на Крайнем Севере.

Групповая изоляция представляет собой вынужденное пребывание группы людей в условиях ограниченного пространства, скудости сенсорных раздражителей и постоянного общения с одними и теми же людьми. Можно выделить ряд факторов, оказывающих негативное влияние на межличностные отношения членов изолированных групп: астенизация нервной системы, проявляемая в повышенной раздражительности, периодическом накоплении негативных эмоций и последующей их разрядке в ситуациях конфликтного взаимодействия; информационная истощаемость человека; публичность пребывания, приводящая к постоянному контролю эмоций и стремлению скрыть свои истинные чувства.

Психическая напряженность в экстремальных условиях жизнедеятельности на групповом уровне представлена особым состоянием межличностных отношений, характеризующихся соотношением процессов интеграции (феномены идентификации,

групповой поддержки и др.) и дезинтеграции (конфликтность, снижение удовлетворенности межличностными отношениями и др.).

Н.Н. Симонова изучала влияние степени групповой изоляции на социально-психологический климат вахтовых коллективов на предприятиях нефтегазодобычи в условиях Крайнего Севера. Коллективы были дифференцированы по степени изоляции на слабую, среднюю и сильную степень изоляции в зависимости от количества человек в изолированной группе. Чем меньше коллектив работающих в изолированных условиях, тем менее комфортно ощущают себя его члены, вынужденные жить и работать вместе длительное время; степень групповой изоляции влияет на характер межличностных отношений и социально-психологический климат вахтового коллектива.

Групповая изоляция практически неизбежно приводит к возникновению конфликтов между участниками малой группы. Эмоциональный фон развития внутригрупповых отношений не позволяет зачастую раздифференцировать их инструментальные и экспрессивные компоненты и резко повышает вес последних в процессе групповой жизнедеятельности, что негативно сказывается на социально-психологическом климате коллектива.

При изучении социальных аспектов вахты А.Н. Силиным было обнаружено, что причинами конфликтов могут являться различия в жизненных ценностях, во взглядах на жизнь разновозрастных работников, поневоле оказавшихся соседями по комнате. Конфликты не способствуют полноценному отдыху после рабочей смены и могут переноситься на сферу производственных отношений.

Изучая вахтовые бригады в контексте эффективности их деятельности, Н.С. Давыдова обобщила положения А.Н. Силина относительно социально-психологического фактора производственной деятельности вахтовым методом и предложила следующие основные особенности социального взаимодействия работников вахтовой бригады:

а) Вынужденный характер взаимодействия. Общение друг с другом происходит независимо от интересов и личностных характеристик членов бригады.

б) Необходимость социального взаимодействия не только во время производственной деятельности, но и в нерабочее время.

в) Ограничение в свободе выбора круга общения, поведении в сочетании с чувством контроля и ограничение в свободе передвижения.

г) Интеграция формальной и неформальной структуры вахтовой бригады, обусловленная теснотой контактов, относительной изолированностью от др. групп.

Таким образом, произведенный анализ исследований показывает, что социально-психологический фактор наряду с климатическим и производственным относится к факторам производственной деятельности вахтовым методом в условиях Крайнего Севера, специфическое воздействие которых является стрессогенным. Сужение зоны личностного пространства, отсутствие возможности уединиться, вынужденный характер взаимодействия с коллегами как в рабочее, так и нерабочее время независимо от предпочтений и личностных характеристик в связи с ограничением в свободе выбора круга общения, - все перечисленные особенности социального взаимодействия в условия вахты могут оказывать ряд негативных влияний на вахтовый персонал. Коллективный субъект вахтового труда нуждается в психологическом сопровождении для поддержания оптимальных условий жизнедеятельности вахтового персонала в условиях групповой изоляции и стабилизации и поддержания эффективности трудовой деятельности вахтовых бригад.

КОММУНИКАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ТОЛЕРАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ БУДУЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Н.С. Корнилова (Нижний Новгород)

Профессия государственного служащего относится к типу «человек-человек», поэтому необходима качественная подготовка студентов не только в профессиональном, но и в личностном плане. Проводя исследование студентов, обучающихся по направлению государственное и муниципальное управление, мы ставили своей целью выявить выраженность коммуникативных установок и их проявление в уровне развития толерантности. В экспериментальную группу вошли студенты 1, 3 и 5 курсов, обучающиеся на очном факультете Нижегородского института управления в количестве 230 человек (155 женщин и 75 мужчин). Исследование проводилось с помощью следующих методик: экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хухлаева О.Е., Шайгерова Л.А.); вопросник для измерения толерантности (Магун В.С., Жамкочьян М.С., Магура М.М.); методика В.В. Бойко «Коммуникативные установки». Для оценки значимости межгрупповых различий использовался математический метод расчета критерия χ^2 (хи-квадрат) Пирсона.

В ходе обработки результатов по методике В.В. Бойко «Коммуникативные установки» было выявлено, что у студентов всех трех курсов обучения значительно преобладает высокий уровень завуалированной жестокости по отношению к людям, в суждениях о них. Отметим, что, несмотря на некоторое снижение этого показателя от 1 к 5 курсу, достоверных сдвигов выявлено не было. Отмечаются также не значимое позитивное изменение процентного соотношения количества студентов по уровням проявления негативизма от курса к курсу. Это дает основание говорить о том, что в процессе обучения проявляющийся у студентов эгоизм по отношению к нуждам и интересам других людей, возможное отвержение конкретной личности как таковой значимо не изменился в процессе обучения.

Отсутствие динамики развития в процессе личностного и профессионального становления во время обучения в ВУЗе по рассмотренным показателям коммуникативной установки отражается в достаточно низкой толерантности. Анализ полученных данных по вопроснику для измерения толерантности диагностировал преобладание уровней низкого и ниже среднего в развитии этого качества у студентов всех исследуемых курсов. Стоит отметить, что у обучающихся на 3 и 5 курсах этот показатель имеет тенденцию к улучшению (достоверные различия отмечаются на 3-м курсе ($p < 0,05$) и на 5-м курсе ($p < 0,01$)).

Более высокие показатели формирования толерантного поведения диагностируются по экспресс-опроснику «Индекс толерантности». В целом различные виды толерантности, а именно этническая, социальная, толерантности как черты личности и общая толерантность на всех изучаемых курсах имеет средние показатели без достоверно подтвержденных изменений в развитии. Исключение составляет тенденция к уровню выше среднего, просматриваемая у первокурсников по этнической толерантности (38,3% и 34,6% соответственно) с достоверным различием с третьекурсниками ($p < 0,05$), и у выпускников - как черты личности (43,8% и 49,4% соответственно) с достоверным различием с третьекурсниками ($p < 0,05$). Что касается общей толерантности, то достоверные различия отмечаются между 3 и 5 курсами ($p < 0,05$) по увеличению количества студентов на уровне выше среднего с 10% до 26%.

Следующие признаки негативных установок по методу В.В. Бойко, а именно открытая жестокость, брюзжание, негативный личный опыт имеют тенденцию к развитию в процессе обучения студентов. Так, например, показатели по открытой жестокости у всех трех курсов преобладают на среднем уровне и имеют тенденцию к уменьшению на 5 курсе. На это указывает достоверное снижение от 1 к 3 ($p < 0,05$) и от 1 к 5 курсам ($p < 0,01$) по среднему, выше среднему и высокому уровням. При этом наблюдается увеличение количества студентов с низким уровнем открытой жестокости от 1 к 5 курсу (с 2,5% на 15% соответственно) и уровнем ниже среднего с 9% до 18,4% соответственно. Брюзжание диагностируется на среднем и выше среднего уровнях на 1 курсе (32%), уровень выше среднего на 3 курсе (26,5%) и тенденцию к снижению на 5 курсе в показателях среднего и уровня ниже среднего (24,1%). Достоверное подтверждение снижения данной установки ($p < 0,05$) отмечается между 1 и 5 курсами. Негативный личный опыт общения с окружающими, учитывая возраст первокурсников диагностируется на уровне выше среднего (29,6%), тогда как у выпускников на уровне ниже среднего (35,6%), ($p < 0,01$). Что касается показателей студентов третьего курса, то они также достоверно отличаются по уровню развития от показателей первокурсников ($p < 0,01$) и находятся на среднем уровне (28,6%).

Таким образом, проведенное исследование и анализ результатов позволяет сделать следующие выводы. Коммуникативные установки студентов, приоритетом которых в будущей профессиональной деятельности является общение с гражданами и коллегами по работе, имеют высокие показатели по завуалированной жестокости и негативизму, что отражается на таком личностном качестве как толерантность, которая к выпускному курсу выходит лишь на средний и уровень ниже среднего. Несмотря на подтвержденные изменения в лучшую сторону показатели открытой жестокости и брюзжания от 1 к 5 курсу не выводятся на низкий уровень их проявления.

Сделанные выводы свидетельствуют о необходимости проведения со студентами профессионально-ориентированной работы, одним из вариантов которой может быть психолого-педагогическое сопровождение в процессе обучения студентов в вузе, которое должно осуществляться в рамках специально разработанной программы.

СЛЕПЫЕ ЗОНЫ МЫШЛЕНИЯ: ПРОВЕРКА СЕТЕВЫХ МОДЕЛЕЙ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

С.Ю. Коровкин, Е. Н. Морозова (Ярославль)

Мышление с точки зрения когнитивной науки - «процесс формирования новой мысленной репрезентации, включающий преобразование информации в ходе сложного взаимодействия мысленных атрибутов суждения, абстрагирования, рассуждения, воображения и решения задач» (Солсо, 2006).

Несмотря на наличие четкого определения и нескольких сосуществующих моделей мышления, до сих пор непонятны механизмы его функционирования, то, как человек находит верные решения, а что заставляет его ошибаться.

Наиболее популярна сегодня сетевая модель. Она представляет мышление как часть общей «архитектуры» когнитивной системы человека. Так, Е. А. Валуева объясняет взаимосвязь решения интеллектуальных и креативных задач активацией элементов общей семантической сети (Валуева, 2007).

«Теория распространения активации» Р. Коллинза и Э. Лофтус интерпретирует временной аспект работы мышления, согласно ей «определенные воспоминания распределены в пространстве понятий, связанных между собой ассоциациями» (Солсо, 2006).

Исходя из этих теорий, чем теснее ассоциация с тем или иным объектом, тем быстрее должен появляться он в сознании.

Феномен функциональной фиксированности, состоящий в наличии некой «когнитивной установки при решении проблемных задач узко и ригидно рассматривать возможности использования предметов только по их более явной функции, и в неспособности предложить нестандартные способы применения предмета для решения возникшей проблемы» (Дункер, 1965), подтверждает эти теории: он может быть объяснен через активацию установившихся ассоциаций и долгий поиск новых возможных связей.

Однако эти модели не дают ответов на многие вопросы. Почему при, казалось бы, благоприятных условиях, человек не видит правильного решения?

В сфере внимания обнаружено несколько эффектов, при которых субъект оказывается «слеп» при восприятии тех или иных стимулов: «слепота по невниманию», «мигание внимания», «слепота к изменениям» и, наконец, «мертвые зоны внимания».

«Мертвые зоны внимания» в работах И.С. Уточкина означены как «пространственная область, близко примыкающая к наиболее интересному (центральному) объекту, в которой вероятность заметить искомый предмет или событие чрезвычайно низкая» (Уточкин, 2011).

Одна из предложенных автором интерпретаций феномена связана со стратегией избегания пограничных областей центрального предмета для экономии зрительного ресурса.

Можно предположить, что эффект связан не только со зрительным, но и, в целом, с когнитивным ресурсом. Возможно, он не так уж уникален для зрительного восприятия, и мы можем объяснить с его помощью некоторые особенности решения задач? То есть, близкие к ответу или функционально фиксированной гипотезе в ходе решения задачи категории могут попадать в «слепые зоны мышления». Или, по крайней мере, категории, удаленные друг от друга на различные расстояния, выступающие в качестве подсказок, распределены по своему вкладу в решение неравномерно.

Для проверки гипотезы мы провели двухэтапное исследование.

В первой части была набрана выборка, состоявшая из 71 человека, генерировавших ассоциации к словосочетанию "Рабочий и колхозница". Ответы были распределены на восемь групп по частотности называний (1-2 раза, 3-5 раз, 6-8 раз, 9-13 раз, 19 раз, 25 раз, 30 раз, 41 раз).

Во второй части другим испытуемым от 18 до 36 лет предлагалось решить задачу, решаемую методом далеких аналогий (примеры таких задач часто появляются в интеллектуальной игре «Что? Где? Когда?»): «С точки зрения биологии, это самец и самка. С точки зрения химии, это 74% железа, 18% хрома и 8% никеля. С точки зрения сельского хозяйства, это совсем рядом. Что же это такое?» («Рабочий и колхозница, памятник Веры Мухиной»). В ходе решения те испытуемые, которые «попадали в тупик», получали подсказку, список которых представлял собой ассоциации разной частотности, собранные в ходе первой части исследования. Каждому испытуемому предъявлялось по одной подсказке, за исключением одного человека, получившего две (измерялось время от предъявления второй подсказки до верного ответа)

В течение всего хода решения задачи экспериментатор фиксировал следующие показатели: общее время решения, насколько подсказка «сработала», время от

предъявления подсказки до момента озвучивания верного решения, количество и правильность решений.

В результате подсчета наличия значимых различий между временем работы подсказок разной частотности (время от предъявления подсказки до озвучивания испытуемым правильного ответа) с помощью U критерия Манна – Уитни мы выяснили, что приближающая к ответу функция подсказки возрастает неравномерно в зависимости от увеличения частотности подсказки.

Наибольший «провал» в возрастании эффективности подсказки фиксируется в частотности 9-13 ед. Выявлены значимые различия с подсказками частотности 19 ед. (Uэмп.=0) и 3-5 ед. (Uэмп.=0). С подсказкой уровня 3-5 ед. различия находятся в зоне неопределенности (Uэмп.=3), а с подсказкой эффективностью в 1-2 ед. значимых различий не выявлено (Uэмп.=7).

Таким образом, гипотеза о том, что эффективность подсказок по мере приближения их к ответу возрастает неравномерно, на данном этапе исследования подтвердилась.

Это можно объяснить следующим образом: в конкретной задаче для того, чтобы решить ее, необходимо найти общие элементы и связь между тремя областями знаний (биологической точкой зрения, химической и сельскохозяйственной). При этом подсказки частотности 9-13, оказавшиеся одними из наименее эффективных и скорее отдаляющих от решения, чаще объединяли в себе взгляды двух из трех точек зрения (например, подсказки: «труд», «поле»). Это могло привести к поисковой активности внутри этих двух областей и игнорированию третьей. Что и активировало временную «слепоту» в процессе мышления.

Таким образом, гипотеза частично подтверждается. Но это приводит к появлению новых вопросов: «всегда ли проявляется «слепота»?», «От чего зависит ее появление?», «Каковы механизмы?» и другие. Ответы на них, возможно, будут найдены в будущем.

Выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-36-01035

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОТНОШЕНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А.И. Коротаева (Ярославль)

В современной психологической науке существует ряд теорий и концепций, объясняющие механизмы и особенности влияния семьи, школы и других факторов на отношение детей на различных возрастных этапах.

Пол – первая категория в которой ребенок осмысляет себя как индивидуальность. К двум годам не называя себя «Я», ребенок знает мальчик он или девочка. Только к 5-6 годам ребенок понимает, пол – характеристика константная. В этот период интенсифицируется дифференциация мальчиков и девочек: они выбирают разные игры, у них разные интересы. Роли других, важных факторов в процессе гендерной социализации ребенка, - группе сверстников, средствам массовой информации (СМИ) уделяется значительно меньше внимания в исследованиях зарубежных и отечественных психологов. Этот вопрос ставится лишь в единичных работах, где иден-

тификация со сверстниками того же пола, что и ребенок, рассматривается как важный механизм формирования представлений о половой принадлежности и гендерном поведении.

Вопросами полоролевой и гендерной социализации различных возрастных периодов среди отечественных исследователей занимались Т.В. Бендас, И.П. Ильин, Я.Л. Коломинский, И.С. Клецина, М.Х. Мелтсас. Следует отметить, что многие российские исследователи отмечают новые устойчивые тенденции в рассмотрении проблемы гендерной социализации детей, появившейся в последние десятилетия. К ним относятся снижение поляризации мужских и женских ролей. Кроме того, ряд социальных ролей недифференцируется по гендерному признаку. Основное внимание исследователей сосредоточено на изучении роли семьи и школы в формировании гендерных характеристик отношений младших школьников. Рассмотрим другие факторы, значимые для взаимоотношений младших школьников.

Я.Л. Коломинский, М.Х. Мелтсас отмечают, что важными агентами гендерной социализации ребенка являются родители, братья и сестры, воспитатели, учителя, сверстники. Поэтому изучения их значения в формировании полоролевой дифференциации у детей исключительно важно. Авторы подчеркивают, что в общении с ближайшим окружением ребенок сам активно накапливает информацию о половых различиях и гендерных ролях и соотносит ее со своим опытом. Следовательно, при изучении ролевой дифференциации пола необходимо учитывать, и взаимосвязь ребенка с окружающими для него значимыми людьми, и уровень осознания и переживания им самим этих взаимоотношений.

Источники, транслирующие информацию о гендерной роли дошкольникам, ограничены наблюдением детей за разнообразными формами поведения окружающих, использованием игрушек, игр, чтением детских книжек, просмотром телепередач. На этом этапе исследователи, отмечают асимметрию источников гендерной информации в пользу маскулинных тенденций. В частности, анализ детской литературы показывает, что мужчины изображаются в них гораздо чаще, чем женщины большинство мужчин представлены активно действующими; взрослые женщины - либо матери, либо жены, а мужчины заняты самыми разнообразными делами и представляют разные профессии. В школьные годы источники, формирующие у ребенка гендерные стереотипы, пополняются представлениями учительницы о содержании поведения. Кроме того трансляция гендерных стереотипов продолжается через информацию, содержащейся в школьных учебниках, книгах, телевизионной и средствах массовой информации. Большой объем информации школьники получают из телевизионных передач, в рекламных роликах и музыкальных клипах действия мужских и женских персонажей также типизированы по половому признаку.

В. Осорина указывает, что отношения между мальчиками и девочками в младшей школе иногда принимают «военный» характер, однако истинным мотивом является интерес мальчиков и девочек по отношению друг к другу. Признаками пола для младших школьников является отдельные части внешнего облика человека: прическа, одежда и другие атрибуты. Если взрослые дразнят ребенка, нарочно указывая ребенку противоположный ему пол, то подобная ситуация приводит к стрессу. Среди важных условий гендерной социализации, автор указывает на позицию родителей. Если пол ребенка нежелателен для родителей, то в одежде, имени, прическе, отношении к ребенку, они проявляют истинные предпочтения.

В.С. Мухина отмечает, что мальчики и девочки в младшем школьном возрасте знают о принадлежности к определенному полу и стремятся утвердиться соответственно ему. В этом возрасте существует разделение детей на группы мальчиков и

девочек. Как правило, общение между мальчиками и девочками высмеивается сверстниками. Ребята дистанцируются друг от друга, демонстрируют негативное отношение. Однако младший школьный возраст, по мнению автора, является относительно спокойным в плане выраженной фиксации на полоролевых отношениях.

В современном мире средства массовой информации та играют важную роль в конструировании гендера и гендерных отношений. Печатные издания, телевидение, интернет рассматриваются как важнейший агент социализации, во многом, в связи с тем, что непосредственным объектом воздействия потока их сообщений является не столько отдельный индивид, сколько сознание и поведение больших групп людей, составляющих аудиторию конкретного средства массовой информации. При этом эмпирические исследования чаще всего касаются изучения влияния СМИ на подростковую и юношескую аудиторию. Традиционно эта аудитория рассматривалась в качестве пассивных объектов воздействия. Низкий уровень критичности младших школьников ведет к усвоению гендерных стереотипов, транслируемых различными источниками информации.

Отметим, что младший школьник является активным субъектом процесса социализации. Опираясь на действия своих воспитателей, взрослых и сверстников, а также собственный жизненный опыт, он выбирает из предлагаемых ему образцов. Однако выбор дальнейшего жизненного пути зависит не только от лиц, составляющих ближайшее социальное окружение, но и других источников информации, доступность которых увеличивается в младшем школьном возрасте.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА

А.А. Костригин (Нижний Новгород)

В психологическом консультировании психолог-консультант является ключевой фигурой, от которой зависит эффективность консультационного процесса. Однако в теории современного консультирования отсутствует полноценное представление о личности психолога-консультанта, которое было бы поставлено на эмпирическую основу исследования.

Вследствие этого, нами была поставлена задача проведения исследования компетенций психолога-консультанта.

Объектом исследования являются психологи-практики, осуществляющие консультационную практику, а также студенты-психологи. Предметом является модель компетенций у профессиональных психологов, осуществляющих консультационную практику.

В исследовании нами была выдвинута следующая гипотеза: уровень выраженности показателей, отражающих поведенческие индикаторы в модели компетенции психолога-консультанта, различаются у профессиональных психологов, осуществляющих консультационную практику, и студентов-психологов.

В качестве цели исследования выступает создание модели компетенций психолога-консультанта с целью применения в системе современного рекрутмента, а также целенаправленного обучения психологов-консультантов.

Для того, чтобы задать вектор исследования компетенций, нами была изучена литература по психологическому консультированию, в которой описываются теоретические основы разных школ психологического консультирования. На этой основе мы

выделили главные требования к психологу-консультанту для каждой школы. Для такого анализа были выбраны следующие направления: психоанализ З. Фрейда, гештальт-терапия Ф. Перлза, клиент-центрированная терапия К. Роджерса, логотерапия В. Франкла и экзистенциальный анализ А. Лэнгле, экзистенциальная психотерапия Дж. Бьюджентала, резонансное консультирование С. Петрушина.

Учитывая требования разных школ, мы выделили общие характеристики, присущие всем школам. Таковых оказалось шесть: аутентичность, зрелость, самосовершенствование, глубокий интерес к людям, эмпатия, проницательность/интуиция.

Указанные шесть характеристик и есть модель, компоненты которой являются компетенциями психолого-консультативной деятельности. Эта модель является теоретической. Для более достоверного результата мы провели эмпирическое исследование на основе данной теоретической модели компетенций.

В качестве выборок испытуемых выступили 15 действующих психологов-консультантов г. Н.Новгорода и 17 студентов-психологов 3 курса ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Использовались следующие психодиагностические методики: 16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттелла (16PF) (форма А), Самоактуализационный тест (САТ) (автор адаптации – Гозман Л.Я.), Методика изучения стиливой саморегуляции поведения (ССП) (Моросанова В.И., Коноз Е.М.), Диагностика социально-психологической адаптации (СПА) (автор адаптации Снегирева Т.В.).

Для удобства проведения эмпирического исследования каждая ранее указанная компетенция была разделена на поведенческие индикаторы. Поведенческие индикаторы выделялись таким образом, что они соответствовали определенной шкале одной из психодиагностических методик, которые нами использовались.

Нами предполагалось, что в качестве достоверных компетенций психолога-консультанта должны выступать такие, по которым психологи-консультанты отличаются от студентов-психологов. Эти различия мы принимали за специфические для данной профессии компетенции.

На основе данных психодиагностических методик было проведено сравнение средних показателей между выборками, а также статистическая обработка средних показателей и выявление значимых различий. Статистический анализ показателей выборок проводился с помощью Т-критерия Вилкоксона. Значимые различия с уровнем достоверности $p > 0,05$ были выявлены по следующим поведенческим индикаторам:

- Фактор В (низкий интеллект – высокий интеллект);
- Фактор N (безыскусственность (наивность, простота) - искусственность (проницательность, расчётливость);
- VII (сотрудничающий-конвенциональный стиль поведения);
- Ех (гибкость поведения);
- ОР (оценка результатов).

Различия по данным поведенческим индикаторам говорят о том, что именно эти поведенческие индикаторы являются специфическими для консультанта компетенциями, т.к. они отсутствуют у студентов, у которых нет опыта работы в данной профессии. Эти поведенческие индикаторы объективно подходят для эмпирической модели компетенций.

Далее был проведен факторный анализ, в результате которого были выявлены еще несколько поведенческих индикаторов для эмпирической модели. Таковыми стали следующие:

- Самоподдержка;

- Ценность самоактуализации;
- Гибкость поведения;
- Креативность;
- Адаптированность;
- Гибкость;
- слабость "Я" (эмоциональная неустойчивость) - сила "Я" (эмоциональная устойчивость).

По этим индикаторам консультанты также отличаются от студентов, что определяет их как специальные компетенции консультанта.

На основе проведенного исследования можно составить эмпирическую модель психолога-консультанта. Можно выделить следующие компетенции, содержащиеся в себе выявленные поведенческие индикаторы:

- Компетенция «Решение задач»:
 1. Фактор В (низкий интеллект – высокий интеллект);
 2. ОР (оценка результатов);
 3. Креативность.
- Компетенция «Ценности»:
 1. Самоподдержка;
 2. Ценность самореализации.
- Компетенция «Эффективное поведение»:
 1. VII (сотрудничающий-конвенциональный стиль поведения);
 2. Ех (гибкость поведения);
 3. Адаптированность;
 4. Гибкость;
 5. слабость "Я" (эмоциональная неустойчивость) - сила "Я" (эмоциональная устойчивость).

Разработанная модель имеет практическую ценность: ее можно использовать для формирования программ обучения и развития психологов-консультантов, для создания диагностической методики, которую можно использовать во время профориентации, на этапе выбора специализации студента-психолога.

В дальнейшем планируется исследовать поведенческие индикаторы, выявленные при факторном анализе, на достоверность при помощи статистического анализа, использовать модель в прикладных целях, а также расширить выборку испытуемых для более точных результатов.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПОДРОСТКОВ

М.А. Кострова (Санкт-Петербург)

Выражаю огромную благодарность научному руководителю данной работы кандидату психологических наук, доценту Авдиенко Геннадию Юрьевичу.

Каждый человек в течение своей жизни сталкивается с проблемными ситуациями, различными неприятностями. По мнению психологов, человек имеет возможность и необходимые ресурсы для самостоятельного решения проблемы, но, к сожалению, далеко не каждый может достичь в этом деле успеха. То есть кто-то разрешает ситуацию самостоятельно, но очень многим необходима психологическая помощь —

друга, близкого человека, а иногда — специалиста, обладающего специальными знаниями.

Различные проблемы, неприятности могут возникать у человека на любом этапе его жизненного пути, но именно подростковый возраст характеризуется возникновением огромнейшего количества внутренних противоречий, межличностных конфликтов. Подростковый возраст - это период развития детей от 11-12 до 15-16 лет. Подростковый возраст является особым периодом в жизни человека, где наиболее сконцентрированы конфликты, часто приводящие к различным поведенческим отклонениям, таким как делинквентность, агрессивное поведение, наркомания, суициды. Исходя из этого, можно заключить, что проведение серии психологических консультаций для детей подросткового возраста является весьма полезным и целесообразным делом.

Было проведено индивидуальное психологическое консультирование 30 школьников общеобразовательной школы Ленинградской области. Все школьники, прошедшие консультирование, являются учащимися 8 и 9 классов. Непосредственно перед консультацией школьникам предлагалось пройти ряд психодиагностических методик, а именно: тест оценки школьной тревожности Филлипса, методика «САН», АСС и цветовой тест Люшера. Сразу после завершения консультации школьникам нужно было пройти те же методики, что и в начале. Затем при помощи метода параметрической статистики, точнее, при помощи параметрического t-критерия Стьюдента был произведён сравнительный анализ результатов по методикам до консультации и после консультации.

В качестве предмета данного исследования выступали тревожность школьников и их эмоциональные состояния.

Объектом являлись учащиеся 8-9 классов общеобразовательной школы.

Цель исследования: изучение эффективности индивидуального психологического консультирования учащихся 8 и 9 классов.

В ходе исследования был решён ряд исследовательских задач:

1. Изучить влияние консультативного процесса на уровень тревожности школьников;
2. Изучить влияние консультативного процесса на эмоциональные характеристики школьника;
3. Изучить влияние консультативного процесса на активность и самочувствие школьника;
4. Изучить устойчивость результатов, полученных в ходе психологического консультирования;

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что дети являются самой незащищённой частью нашего общества, и глобальные катаклизмы, и повседневные стрессы отрицательно сказываются на их психике. И если теоретические аспекты оказания психологической помощи взрослому населению в настоящее время уже достаточно разработаны, то проблема консультирования детей и подростков изучена недостаточно.

В ходе данного исследования была изучена эффективность индивидуального психологического консультирования подростков, учащихся в общеобразовательной школе и устойчивость результатов, полученных в ходе консультаций. Было изучено, насколько индивидуальное психологическое консультирование влияет на различные характеристики какие? школьника, влияет ли вообще и насколько устойчивыми являются полученные изменения.

По итогам проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. Проведение индивидуального психологического консультирования благоприятно влияет на такую характеристику школьника, как его тревожность. Об этом свидетельствуют результаты, из которых следует, что в ходе консультации понизились некоторые виды тревожности: переживание социального стресса (при $p=0,001$), страх самовыражения (при $p=0,001$), страх не соответствовать ожиданиям окружающих (при $p=0,01$).

2. Консультативный процесс положительно влияет на эмоциональные характеристики школьника. По методике САН выявлено, что процесс консультации способствовал повышению настроения у школьников (при $p=0,001$). Результаты по методике Люшера так же свидетельствуют о том, что в ходе проведения индивидуального психологического консультирования у школьников повышался общий эмоциональный фон (при $p=0,001$).

3. По результатам исследования выявлено, что индивидуальное психологическое консультирование положительно влияет на такие характеристики школьника, как самочувствие (при $p=0,01$) и активность (при $p=0,05$).

4. Изменения, полученные в результате воздействия индивидуальной консультации, являются достаточно устойчивыми. Это можно заключить исходя из того, что между данными двух психодиагностических срезов, (проведённым сразу после консультации и проведённым через две недели), статистически значимые различия обнаружены по шкале вегетативный коэффициент (при $p=0,01$).

Исходя из всего вышесказанного, можно подытожить, что проведение индивидуального психологического консультирования школьникам приносит положительные результаты и является весьма полезной и целесообразной частью работы школьного психолога.

КОНФЛИКТЫ В КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ

Д.А. Котляков (Москва)

В XXI веке многие государства переживают полосу этнополитических конфликтов, которые проявляются и в во внутренней, и во внешней политике. Такой вид конфликтов затрагивает не только отдельно взятые государства, но и весь регион в целом. Также, кросс-культурные часто случаются в бизнес сфере, где при столкновениях интересов сторон происходит конфронтация. Конфликты в бизнес сфере случаются по многим причинам: из-за страха сторон зайти в тупик, ошибок в понимании культурного поведения, открытого и скрытого манипулирования. Однако некоторые из таких ситуаций, как например, тупик, неизбежны и очень часто приводят к агрессии и конфликтам.

В современном мире кросс-культурные конфликты в переговорах в чистом виде не встречаются. Процесс кросс-культурных переговоров включают в себя множество разнообразных взаимосвязанных конфликтов, и было бы ошибкой полагать, что в основе любого кросс-культурного конфликта лежит незнание участниками переговоров культурных различий партнера по коммуникации.

Развитие межкультурного конфликта можно разделить на две фазы: латентную фазу, на которой конфликт имеет неявный, скрытый характер и фазу открытого конфликта, на стороны-участники переговоров начинают реализовывать свои цели.

В фазе латентного или скрытого конфликта у сторон проявляется наличие различий в целях, потребностях и ценностях. Но если они начинают действовать и реализовывать свои цели, то конфликт переходит в открытую фазу. Главное при попытке разрешить конфликт в первой фазе – устранить все возможности для его дальнейшего усиления.

Усиление конфликта может идти двумя различными путями: по горизонтали, за счет его расширения, или по вертикали, за счет эскалации, что связано с обострением конфликтных отношений.

Особенности ведения переговоров сильно различаются в зависимости от страны, поэтому достаточно сложно сделать какие-то существенные обобщения. На поведение сторон в переговорах влияют особенности культуры стран-участниц. Голландский социолог Герт Хофстеде выделил пять важнейших параметра деловой культуры, соотношение индивидуализма и коллективизма, дистанция власти, соотношение мужественности (маскулинности) и женственности (феминности), отношение к неопределенности, долгосрочная ориентация или краткосрочная.

Знание культурных особенностей поможет команде переговорщиков предвидеть некоторые особенности поведения деловой культуры той или иной страны, что впоследствии будет способствовать созданию плодотворной почвы в переговорах и избеганию конфликтных ситуаций.

РЕКЛАМА КАК ОСОБЫЙ ВИД КОММУНИКАЦИИ

А.А. Котлярова (Санкт-Петербург)

В современном мире большую часть информации человек получает от СМИ. Информация, поступающая к людям со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров, и при помощи Интернета, подкрепляет или корректирует сложившиеся взгляды, убеждения и представления об окружающем мире. В этом смысле продукция СМИ обладает значительным воздействующим потенциалом, поскольку восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и мире, осуществляется через, и с помощью масс-медиа. Реклама, являясь одним из особенно значимых инструментов СМИ в виду частоты ее трансляции и всеохватности различных информационных каналов, безусловно, может повлиять на формирование ценностей и стиля жизни. Человек может самостоятельно выбирать канал СМИ, через который он предпочитает находить информацию и развлечения. Однако, несмотря на осознанный выбор, реклама присутствует абсолютно во всех видах СМИ, будь то радио, телевидение, Интернет, газеты, журналы и т.д.

Рекламная коммуникация отличается особой спецификой и выделяется из перечня инструментов СМИ. Такие специалисты по психологии рекламы как Н.Н. Богомолова, А.Н. Лебедев-Любимов, Р.И. Мокшанцева, Г.Г. Николайшвили, В.В. Ученова, Н.Н. Старых, О.А. Феофанова и др. определяют следующие основные цели рекламы: создать осведомленность, предоставить информацию, убедить, напомнить, и самое главное склонить к решению о покупке. В отличие от других инструментов СМИ коммерческая реклама размещает свои сообщения обязательно на платной основе. Еще одной из отличительных особенностей рекламной коммуникации является ее существование различных приемов, методов и форм, как у массовой коммуникации, так и у межличностной.

Границы между массовой и межличностной коммуникацией постепенно стираются с течением времени. У производителей товаров и услуг появилась необходимость обращаться к большому количеству потенциальных покупателей, но обращаться таким образом, чтобы покупатель думал, что предложение направлено лично ему. В то же время технический прогресс предоставил людям возможность при помощи различных технических средств, общаться друг с другом опосредованно, не находясь в личном непосредственном контакте.

Рассмотрим более подробно различия между массовой и межличностной коммуникацией, для того чтобы иметь представление об особенностях рекламной коммуникации. Анализ работ специалистов по массовой и межличностной коммуникации Н.Н. Богомоловой, Л.Н. Федотовой, Д. Ольшанского, Г.Г. Почепцова, Р. Харриса, О.И. Матяш, П. Вацлавика, О.А. Гулевича и др. позволил выделить различия между двумя данными видами коммуникации.

Массовая коммуникация опосредована при помощи технических средств, в то время как межличностная может осуществляться как при помощи технических средств, так и без них. Общение в массовой коммуникации – это общение больших социальных групп, при ярко выраженной социальной ориентированности. Межличностная коммуникация – это в основном общение отдельных индивидов, и направленность может быть как социальной, так и личностно ориентированной. Обратная связь в межличностной коммуникации присутствует обязательно и является непосредственной, в массовой коммуникации нет непосредственной обратной связи. Массовая коммуникация отличается повышенной требовательностью к соблюдению норм общения, однонаправленностью информации и фиксированием коммуникативных ролей. Для межличностной коммуникации свойственно достаточно свободное отношение к нормам и попеременная смена направленности информации и коммуникативных ролей. Также различны роли коммуникатора и реципиента в данных видах коммуникации. В массовой - коммуникатор носит коллективный характер и публично направлен, аудитория отличается массовостью, стихийностью и разрозненностью во времени и пространстве. Для межличностной коммуникации свойственен индивидуальный характер коммуникатора и его приватная направленность, аудитория чаще всего предстает в виде конкретного отдельного реципиента. Сообщения в массовой коммуникации отличаются массовостью, публичностью, социальной актуальностью и периодичностью. В межличностной коммуникации сообщения единичны, приватны, универсальны, актуальны как социально, так и индивидуально и не обязательно периодичны.

Элемент межличностной коммуникации, который использует реклама, – это обращение к человеку лично, чтобы создавалась ощущение, что продукт предлагается непосредственно ему. Для большей убедительности в рекламных сюжетах используются популярные личности, “профессионалы” и “лидеры мнений” той аудитории, которой они предьявляются. Если в рекламе не присутствует “лидер мнения”, то появляются люди “такие же, как мы”, чтобы потребитель смог идентифицировать себя с ними. Также для рекламы свойственно ослабление норм общения, как и при личном контакте. Иногда допустим переход на слэнговый или профессиональный язык для привлечения узкой аудитории. Обратная связь в рекламной коммуникации присутствует в основном в виде повышения узнаваемости бренда, увеличение доли лояльности к бренду и повышение уровня продаж. В большинстве случаев измерение эффективности рекламы и обратная связь объединены. При увеличении продаж обратная связь сообщает о том, что рекламная кампания была успешной. Существует также такие виды обратной связи как бесплатный звонок на горячую линию, сообщения в

форумах, на сайтах и в социальных сетях, что в большей степени свойственно для межличностной коммуникации. Такой вид обратной связи не является основным для рекламной коммуникации, но постепенно развивается.

Рекламная коммуникация совмещает в себе приемы как массовой, так и межличностной коммуникации, что способствует ее большей эффективности. Реклама не только присутствует на всевозможных информационных носителях, не только отличается большой периодичностью сообщений, но и создает эффект непосредственного обращения к человеку, путем прямого обращения или использования “лидеров мнений”. Таким образом, реклама может воздействовать на формирование образа современного общества.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ И КОРРЕКЦИИ МОТИВАЦИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Н.В. Кочетков (Москва)

Тема учебной мотивации, без сомнения, является одной из самых актуальных как в педагогической практике, так и в сфере психологических научно-исследовательских интересов. Традиционно считается, что можно выделить три основных мотива – овладения профессией, получения знаний и получения диплома. Адекватными мотивами с точки зрения целей образовательного процесса являются первые два. Однако мотивацию можно рассматривать и в социально-психологическом ключе. При преобладании мотивов овладения профессией и приобретения знаний у референтных для большинства членов группы студентов улучшается социально-психологический климат, появляется отчетливо-выраженная направленность всей группы на достижение цели совместной деятельности, что сильно повышает эффективность работы педагога. К сожалению, в последние годы можно констатировать общее снижение учебной мотивации, что было отмечено многими авторами, исследовавшими эту проблему. Это происходит по многим причинам. Не претендуя на избыточность их перечня, а также иерархичность, перечислим некоторые из них. Это неопределенность профессионального будущего, постоянно меняющиеся запросы рынка труда, недостаток знаний о выбранной специальности, сложности в финансовой составляющей будущей работы, отсутствие навыков самостоятельной деятельности, инфантилизация и целый ряд других. Также на снижение мотивации может влиять доступность информации. Если раньше недостаток книг по тому или иному учебному курсу приводил к большей их избирательности, приобретению навыков работы с литературой, а в некоторых случаях даже сплочению группы (если книга, например, была всего в нескольких экземплярах и с ней приходилось работать по очереди). С появлением большого количества источников в сети Интернет, низким уровнем способности к самостоятельному критическому анализу того или иного текста, а также способности к систематизации фактов, студент, с одной стороны, переводит учебную деятельность в сугубо индивидуальную плоскость, а не групповую, а, с другой, – теряет в информации, решая проблему получения необходимых баллов для получения диплома, но никак не накопления необходимых для дальнейшей работы знаний и умений.

Кроме внешних, на учебную мотивацию влияют еще и внутренние факторы, относящиеся к личностной сфере. Если последние и можно скорректировать в необходимую для образовательного процесса сторону, то долго и тяжело в ходе индивидуальной психологической работы, что предполагает затрагивание ценностного уровня, то первые достаточно легко корректируются целенаправленным психологическим воздействием. Часть подобных «воздействий» складывалась в вузах стихийно – это и традиция «посвящения в студенты», и многочисленная внеучебная деятельность, осуществляемая студентами разных курсов, а также введение в учебный план пропедевтических курсов, на которых студент мог получить представление о выбранной профессии. Меняющаяся социальная ситуация свела подобного рода «естественные» факторы, формирующие мотивацию, к минимуму, соответственно, велика актуальность психологической поддержки образовательного процесса в обозначенной области, которую надлежит выполнять психологической службе образовательного учреждения. Ее увеличивающаяся роль в высшем учебном заведении не только не снижает значимость роли остальных субъектов образовательного процесса, но и подчеркивает огромный вклад профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного составов вуза в формировании мотивации студентов к обучению. При этом, как показывает педагогическая практика, формирование и коррекция мотивационной сферы наиболее эффективны не только в период кризисных моментов в ходе учебы, но и в первое время после поступления в вуз и должны носить комплексный характер. Нами были разработаны рекомендации и блок занятий как в лекционной, так и тренинговой формах, которые могут помочь в разрешении проблем в мотивационной сфере студентов. В ходе подобных тренинговых занятий студенты формируют функции высшего образования, цели обучения каждого учащегося; прописывают задачи, необходимые для достижения этой цели; описывают условия, в которых реализуется та или иная задача; получают представление о психологических ресурсах, которые могут быть помощниками при достижении намеченных целей и задач; получают представление и навыки использования простейшими психологическими инструментами.

Среди рекомендаций можно выделить следующие, которые нам кажутся одними из самых главных. В формально-организационном плане: поддержание учебной дисциплины (отслеживание посещаемости занятий и дисциплина на них); введение пропедевтического курса, в рамках которого создавался бы образ будущей профессии, студенты знакомились с многообразием возможностей трудоустройства, создавался имидж профессии, демонстрировался наиболее успешный опыт старших студентов и выпускников, говорилось о структуре обучения, формировались общие цели и задачи; формирование института кураторства – шефства старших курсов над младшими; организация совместной деятельности, как связанной с учебной деятельностью, так и нет (это могут быть совместные проекты по профессиональной деятельности, а также мероприятия по внеучебной деятельности).

В психологическом плане очень важно создание своего рода «корпоративной этики», традиций, направленных на формирование чувства «мы»; проведение для младших курсов тренинговых занятий на сплочение группы, а также приобретение навыков межличностного взаимодействия в среде высшего учебного заведения; создание системы мониторинга мотивационной составляющей образовательного процесса; немаловажным фактом в психологическом ключе нам кажется и такой ритуал, как посвящение в студенты, который делает возможным своего рода преемственность поколений, взаимодействие всех участников образовательного процесса – от

студентов до учебно-вспомогательного состава и администрации учебного заведения.

РАЗВИТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

В.К. Кочисов, О.И. Пухаева (Владиковказ)

Толерантность – сложный психологический конструкт, и его развитие начинается с раннего детства. Особая роль в целенаправленном формировании у школьников адекватных представлений о различных аспектах межэтнического взаимодействия, привития им навыков цивилизованного межэтнического и межкультурного общения на основах принципа ненасилия, этнической толерантности принадлежит школьным педагогам-психологам. В этой связи считаем, что обучение педагогов-психологов должно быть ориентировано на развитие этнопсихологической компетентности студентов, ценностного отношения к межкультурному взаимодействию, основанному на принципах толерантности.

Сегодня ВУЗ призван не только формировать систему знаний и профессиональных навыков, но и оказывать непосредственное влияние на личность студентов, повышая уровень их социально-психологической компетентности и психологической культуры, поэтому развитие толерантности должно находиться здесь на одном из приоритетных мест.

В настоящее время все чаще появляются специальные исследования, посвященные непосредственно социально-психологической компетентности. Данная компетентность порой отождествляется с межличностной компетентностью, коммуникативной компетентностью, компетентностью в общении. Нередко термин «социально-психологическая компетентность» используется для обозначения социально-психологических способностей или социально-психологических качеств. Социально-психологическая компетентность представляет собой сложное образование, характеризующееся своеобразием структуры, содержательными и качественными характеристиками. Мы понимаем социально-психологическую компетентность как «способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми в системе межличностных отношений». Следовательно, в структуру социально-психологической компетентности входит умение ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе межличностного и межэтнического взаимодействия.

Социально-психологическая компетентность выражается в способности человека осознавать и контролировать свое социальное поведение, понимать поведение других, понимать психологические механизмы возникновения того или иного эмоционального состояния, владеть механизмами саморегуляции, необходимой для успешного выполнения данной деятельности, в способности видеть социально-психологические проблемы в своей деятельности, умении их формулировать и искать пути их адекватного разрешения.

Рассматривая социально-психологическую компетентность применительно к деятельности педагога-психолога, мы считаем, что в структуре социально-психологической компетентности можно выделить три наиболее значимых компонента: мотивационно-ценностный, коммуникативный и социально-перцептивный.

Мотивационно-ценностный компонент способствует созданию условий для функционирования способностей и включения ориентации педагога-психолога на содержание внутреннего мира учащихся и интереса к познанию «другого», а также осознания своей личной и профессиональной позиции. Мотивационно-ценностный компонент включает следующие характеристики: направленность на другого человека; потребность в общении; представленность себя в профессиональном мире. Данный компонент отражает личностную позицию педагога-психолога, его мировоззренческие ориентации, особенности ценностных ориентаций личности, как в отношении самого себя, так и в отношении других людей и своей деятельности. Мотивационно-ценностный компонент является базовым в формировании социально-психологической компетентности педагога-психолога.

Коммуникативный компонент определяется как совокупность умений и навыков, обеспечивающих эффективное решение всевозможных задач общения. Коммуникативный компонент в структуре социально-психологической компетентности педагога-психолога включает в себя такие характеристики, как: регулирование межличностных отношений; содействие общему благоприятному психологическому климату в школьном коллективе и т.д.

Социально-перцептивный компонент является центральным звеном в структуре педагогического общения, в основе которой лежит система положительных отношений, безусловное принятие друг друга как ценностей самих по себе. Психологически грамотное восприятие «другого» помогает установить на этой основе взаимопонимание, эффективное взаимодействие и способствует развитию личности.

Социально-психологическая компетентность представляет собой сложное образование, характеризующееся своеобразием структуры, содержательными и качественными характеристиками. Необходимо отметить, что успешность деятельности педагога-психолога зависит от сформированности всех трех компонентов в равной степени.

В рамках пилотажного исследования общего уровня этнической толерантности студентов - будущих педагогов-психологов было выявлено, что 72% студентов отметили такие проявления интолерантности как стереотипизация, т.е. установки и эталоны, сформированные на негативных примерах, в отношении к людям других культур и социальных групп; 28% опрошенных выразили уверенность в необходимости доброжелательной, открытой атмосферы в группе, коллективе, обществе и 76% студентов полагают, что необходимо знакомство с самобытной культурой разных народов, наций, рас. Для основной части испытуемых (79%) оказался характерным средний уровень развития эмпатийных качеств. Из числа респондентов у 23% студентов выявлен высокий уровень эмпатии. Им присущи такие качества как терпимость, доброжелательность по отношению к другим людям. К сожалению, среди студентов, будущих педагогов-психологов, у 11% выборки выявлен низкий уровень эмпатийных способностей.

Изучение психологических особенностей проявления толерантности студентами – будущими педагогами-психологами позволит сформировать определенные представления об этом конструкте в контексте профессии, выявить возможности формирования этнической толерантности на этапе профессиональной подготовки.

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ НА ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ КУРСАНТОВ

В.А. Кратинов (Донецк)

В настоящем исследовании была поставлена цель: установить возможность оптимизации процесса личностно-профессионального становления курсантов университета внутренних дел.

Гипотетически предполагалось, что резкая смена условий жизнедеятельности курсантов первого курса, вызывающая негативные изменения в их психике, может быть оптимизирована путем целенаправленного влияния специальной психологической подготовки, осуществляемой в комплексе с занятиями добровольно избранным ими видом спорта.

В исследовании приняли участие курсанты первого курса ($n=40$), из которых были сформированы две группы: контрольная ($n=20$) и экспериментальная ($n=20$). Последняя в течение года проходила курс специальной психологической подготовки по разработанной нами программе. Кроме того, эти же лица тренировались три раза в неделю, занимаясь борьбой дзюдо с параллельным освоением приемов саморегуляции. Результаты эксперимента проверялись путем применения методов мотивации к успеху и к избеганию неудач Т. Элерса, степени готовности к риску Шуберта и диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко.

Количественные данные обрабатывались статистически по рекомендациям Е. В. Сидоренко (2003).

Полученные результаты свидетельствуют о наличии положительных изменений в психологической сфере курсантов, об улучшении в их эмоциональной сфере и о позитивных изменениях в мотивационно-потребностной сфере.

Так, например, в экспериментальной группе мотивация к успеху после эксперимента увеличилась на 4,1 балла ($p<0,05$), мотивация к избеганию неудач снизилась на 1,9 балла ($p<0,05$), а готовность к риску, наоборот, достоверно возросла на 2,2 балла.

На курсантов первого курса особенно сильно влияет отсутствие привычных для них условий: домашней обстановки, друзей, наличия свободы действий и прочее. В университете закрытого типа у них появляется целый ряд обязанностей: действовать по уставу, по инструкциям, по приказам командиров и начальников, сочетая учебную и служебную деятельность. Безусловно, все эти условия вызывают напряжение, действуют как типичные стрессогенные факторы и негативно влияют на личность курсантов, что подтверждено в исследованиях психологов и установлено в наших более ранних исследованиях.

При этом, следует подчеркнуть, что наиболее значимые изменения возникают у первокурсников в эмоциональной сфере.

Изучение их при помощи метода эмоционального выгорания показало, что у курсантов из контрольной группы к концу учебного года резко возрастает тревога, депрессия, загнанность в клетку, неудовлетворение собой, усиливаются переживание обстоятельств их существования в вузе. Все симптомы выгорания повышаются, а фазы становятся выраженными.

В отличие от контрольной, у курсантов из экспериментальной группы показано, что с помощью применения экспериментального комплекса имеется возможность

значительно уменьшить эмоциональное перенапряжение, снизить эмоциональный накал и затормозить формирование симптомов и фаз выгорания.

Особенно важным является существенное снижение у них нервно-психического напряжения, резистенции и истощения.

Следовательно, применение экспериментального комплекса обеспечило психологическую защиту личности курсантов и оптимизировало перенесение ими стрессогенных условий учебно-служебной деятельности.

Вывод. Применение специальной психологической подготовки, направленной на повышение стрессоустойчивости курсантов, осуществляемой в комплексе с занятиями добровольно избранным видом спорта, обеспечивает оптимизацию перенесения сложностей их первичной адаптации к новым условиям и играет положительную роль в личностно-профессиональном становлении.

РЕФЛЕКСИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ОБРАЗОВ ВЛАСТИ

М.В. Криворучко (Омск)

Современная модернизация важнейших сфер жизни нашего общества, включая и политическую, влечет за собой становление новых взглядов на политические партии и их лидеров. Проблема восприятия публичных фигур особенно политических деятелей активно разрабатывается в рамках различных исследований в последние десятилетия. Выявление значимых для электората характеристик политических лидеров, ожиданий в отношении идеальной власти и представлений о носителях реальной власти требует постоянного мониторинга для учета мнений избирателей. Следует отметить, что изучение образов власти в современной России осложняется целым рядом причин: их высокой персонифицированностью, архитипичностью, полидетерминантностью, противоречивостью, изменчивостью (Е.Б.Шестопад, 2012; Л.А.Преснякова, 2000; Ю.А.Левада, 2005; К.В.Егорова-Гантман 1994 и др.).

Наше исследование направлено на изучение образов идеальной и реальной власти на основании изучения представлений об идеальном и типичном для настоящего времени политических лидерах. Важность изучения образа идеального политического лидера обусловлена тем, что в нем наиболее концентрированно представлены ожидания граждан относительно профессиональных, личностных, нравственных и других качеств политика. Образ типичного для настоящего времени политика отражает отношение граждан к политике и к ее представителям.

Безусловный интерес исследователей, помимо анализа содержания самих образов власти, направлен также на изучение факторов их обуславливающих, среди которых выделяется чрезвычайно широкий спектр характеристик электората (социально-демографических, экономических, социально-психологических и личностных). Однако важность целостного изучения личности избирателя порождает актуальную необходимость обращения к ее интегративным характеристикам. В связи с чем, чрезвычайно перспективным является рассмотрение субъектных особенностей электората, к числу которых ученые относят активность, целостность, наличие внутренней свободы и ответственности, рефлексивность, самоактуализацию, креативность (С.Л.Рубинштейн, 1957; А.В.Брушлинский, 1991; А.В.Петровский, 1996; К.А.Абульханова, 2002; Л.И.Дементий, 2005 и др.). Значимость исследования субъектных характеристик в контексте политического восприятия обуславливает тот факт, что, их высокое развитие способствует формированию адекватных представлений о власти и, как

следствие, стремлению гражданина реализовывать свою активность во вне и направлять ее на преобразование не только себя, но и социально-политической действительности посредством адекватного взаимодействия с различными субъектами политических отношений.

В нашей работе мы обратимся к такой субъектной характеристике личности, как рефлексия, поскольку она, с одной стороны, представляет собой «наивысший по степени интегрированности процесс, выступает как осознание своего внутреннего мира и окружающей действительности, осуществляет регулятивную функцию для всей психической жизни человека и определяет адаптивность поведения в обществе» (А.В.Карпов, 2003). С другой стороны, коммуникативный аспект анализа рефлексии позволяет ее рассматривать как один из важнейших механизмов социальной перцепции (А.В.Петровский, 1996; Г.М.Андреева, 2005; А.А.Бодалев, 2005; В.Н. Куницына 2001). Наконец, когнитивный аспект изучения рефлексии (А.В.Брушлинский, 2003; И.М Семенов, 1985 и др.) дает возможность ее считать одним из основополагающих факторов критического мышления личности.

Т.о., в основу нашего исследования легло предположение, что образы идеальной и реальной власти имеют различия в зависимости от уровня развития рефлексии.

В качестве методического инструментария были использованы методика диагностики рефлексивности А.В.Карпова, а также частный семантический дифференциал И.Г.Дубова и С.Р.Пантелеева.

В нашем исследовании приняло участие 300 человек, представляющие в равной степени 6 возрастных групп (18-22, 23-29, 30-39, 40-49, 50-59, и старше 60), в каждой возрастной группе мужчин и женщин по 50%. В качестве методов обработки данных мы применяли однофакторный дисперсионный анализ.

Анализ образов идеального и реального политиков по выборке в целом показал, что существуют значительные расхождения между ожиданиями в отношении идеальной власти и реальной властью, абсолютно не соответствующей требованиям последней. Политический лидер, олицетворяющий идеальную власть, прежде всего, должен являться высоким профессионалом в своем деле, обладающим сильной волей, в чем проявляется традиционное для России ожидание «твердой руки». Типичный политик в глазах избирателей выступает как не самый привлекательный среднестатистический человек, наделенный слабовыраженными профессиональными, волевыми и негативными морально-нравственными характеристиками.

С ростом уровня рефлексии по выборке в целом повышаются ожидания относительно профессиональных, волевых характеристик и способности к эмоциональной саморегуляции идеального политического лидера, а также волевых характеристик типичного политического лидера. Далее мы в каждой половозрастной группе оценивали различия в образах власти в зависимости от уровня рефлексии. Так, среди молодежи 18-22 лет, рост рефлексии ведет к повышению требований к волевым характеристикам у юношей в отношении идеальной власти, а у девушек – реальной. У женщин 22-29 лет, более высокие требования к порядочности идеального политика предъявляют низко и высоко рефлексизирующие, а к волевым характеристикам средне и высоко. В возрасте 50-59 лет высокий уровень рефлексии обуславливает более высокие оценки способностей к саморегуляции реального политика со стороны мужчин, и профессиональных и волевых качеств со стороны женщин. Для лиц старше 60 лет высоко рефлексизирующие как мужчины, так и женщины менее требовательны к порядочности идеального политика.

Т.о., выявленные особенности, показывая неоднозначный характер роли рефлексии в детерминации образов власти, безусловно, нуждаются в осмыслении, в т.ч. и с учетом фактора вовлеченности граждан в политику.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Криулева (Ярославль)

Согласно современным научным позициям, влияние профессии на человека связано с формированием и преобразованием компонентов его индивидуальной психологической структуры деятельности, «приближением» ее к нормативным требованиям. В то время как влияние специалиста на деятельность — с той мерой творчества, которую проявляет специалист, нетрадиционностью решения им профессиональных задач, развитию при этом способов и приемов деятельности (Белкин П.Г., Романова Е.С.).

Наиболее общие положения, характерные для большинства из отечественных подходов в психологии к проблеме профессионального развития человека, заключаются в следующем. Во-первых, профессионализация признается одной из форм социализации личности как часть жизненного пути и как специфическая форма активности, опирающейся на общее психическое развитие человека. Во-вторых, профессионализация признается процессом, в ходе которого разрешается основное противоречие «профессия — человек». Данное противоречие состоит, с одной стороны, в существовании различий между требованиями, которые предъявляет профессия к индивидуальным особенностям и свойствам специалиста, необходимым для эффективного самостоятельного труда, и реальным уровнем развития этих свойств у человека на данном этапе профессионализации. С другой стороны, в существовании определенного комплекса требований и ожиданий самого специалиста от профессии и ограниченной возможностью их удовлетворения на конкретном этапе развития этой профессии. Разрешение данного противоречия связывается с процессом формирования психологической структуры деятельности у специалиста и сопровождающими этот процесс преобразованиями мотивационно-потребностной сферы личности и операциональных компонентов его деятельности. Другая линия характеризует изменение самой профессии в ходе ее общественно-исторического развития. В-третьих, профессионализация человека имеет две качественно различные стадии: стадию усвоения нормативного способа деятельности и обретения профессиональной самостоятельности и стадию «обратного» влияния человека на профессию. В пределах этих стадий существуют свои этапы, о завершенности которых предоставляется возможность судить на основе ряда объективных и субъективных критериев.

Следовательно, категория «становление» в профессии выступает в роли звена в общей последовательности этапов профессионализации, которое позволяет проследить тенденцию преобразования психологических качеств и свойств специалиста в качества и свойства осуществляемой им деятельности. Педагогическая деятельность относится к такому типу профессий, как «человек – человек». Такой тип профессий, качественно отличается необходимостью наличия компетентности во взаимодействии с людьми. Смысл педагогической профессии выявляется в деятельности, которую осуществляют ее представители и которая называется педагогической деятельностью. Она представляет особый вид социальной деятельности, направленной на

передачу накопленных человечеством элементов культуры и опыта, создание условий личностного развития обучаемых и подготовку к выполнению ими определенных социальных ролей в обществе.

Для проникновения в сущность педагогической деятельности необходимо обратиться к анализу ее структуры, которую можно представить как единство цели, мотивов, действий (операций), результата. Системообразующей характеристикой деятельности, в том числе и педагогической, является цель (А.Н. Леонтьев). Цели педагогической деятельности — явление динамическое. И логика их развития такова, что, возникая как отражение объективных тенденций общественного развития и приводя содержание, формы и методы педагогической деятельности в соответствие с потребностями общества, они складываются в развернутую программу поэтапного движения к высшей цели — профессиональному становлению личности. Развитие профессионала может быть представлено следующим «векторным» рядом категорий, соотносимым с определенным этапом профессионализации: «трудоспособность» — «профпригодность» — «профессиональная готовность» — «профессиональная самостоятельность» — «профессиональное мастерство» — «профессиональное творчество» (Борисова Е.М., Гальперин П.Я., Климов Е.А., Козлова Н.В.).

Основной функциональной единицей, с помощью которой проявляются все свойства педагогической деятельности, является педагогическое действие как единство целей и содержания. Понятие о педагогическом действии выражает то общее, что присуще всем формам педагогической деятельности (уроку, экскурсии, индивидуальной беседе и т.п.), но не сводится ни к одной из них. В то же время педагогическое действие является тем особенным, которое выражает и всеобщее, и все богатство отдельного.

Педагогическое действие сначала выступает в форме познавательной задачи. Опираясь на имеющиеся знания, педагог теоретически соотносит средства, предмет и предполагаемый результат своего действия. Познавательная задача, будучи решенной во внутреннем плане, затем переходит в форму практического преобразовательного акта. При этом обнаруживается некоторое несоответствие между средствами и объектами педагогического влияния, что сказывается на результатах действия самого педагога. В связи с этим из формы практического акта действие снова переходит в форму познавательной задачи, условия которой становятся более полными. Таким образом, согласно исследованию В.И. Ивановой, деятельность педагога по своей природе есть не что иное, как процесс решения неисчислимого множества задач различных типов, классов и уровней.

В отличие от принятого в психологии понимания деятельности как многоуровневой системы, применительно к педагогической деятельности преобладает подход, связанный с выделением ее компонентов как относительно самостоятельных функциональных видов деятельности педагога.

Выражаю слова благодарности научному руководителю д.п.н., проф. Белкиной В.Н.

ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСПОЗИЦИЙ ЗАЩИТНОГО И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

О. В. Кружкова (Екатеринбург)

Находясь в городской среде и постоянно контактируя с ней, человек вынужден вырабатывать особые механизмы преодоления стрессогенного воздействия, к которым можно отнести защитные действия и копинг-стратегии. Существуют разные подходы к пониманию функционирования и структуры данных феноменов. В результате теоретического анализа многочисленных работ, касающихся данного вопроса, нами были выделены четыре базовые диспозиции защитного и совладающего поведения (блокирование информации, изменение дистанции, контроль и преобразование), реализуемые по двум векторам направленности активности личности (на среду и на себя). Диспозиция защитного и совладающего поведения – это устойчивая ориентация личности в стрессовых средовых условиях или при возникновении ощущения угрозы, приводящая к формированию готовности действовать определенным образом по отношению к себе или к среде с целью сохранения позитивного состояния, преодоления стресса, совладания с его последствиями. В условиях городской среды каждая из выделенных диспозиций с учетом вектора может проявляться в следующем образом:

- блокирование информации о среде – игнорирование информации об окружающей среде (отвлечение, отрицание, вытеснение);
- изменение дистанции: изгнание – изгнание источника стрессогенного воздействия, агрессия как форма удаления носителей проблемных отношений из поля собственной активности (агрессивные действия, нападение, замещение);
- контроль среды – контроль среды, отслеживание и ограничение активности окружающих, поддержание установленного порядка, ограждение себя от воздействия извне (антиципирующий копинг, регламентация поведения, снижение значимости ситуации);
- преобразование среды – преобразование, изменение предметной среды (творчество, вандализм, вступление в социальный контакт, манипуляция);
- блокирование информации о себе – сокрытие информации о себе, отказ от взаимодействия, социальная маскировка, ложь, ограничение распространения сведений о себе, замирание (осторожные действия, маскировка, гиперкомпенсация, регрессия);
- изменение дистанции: уход – уход как изменение дистанции с носителем проблемных отношений (избегание, уход в фантазию, замещающие действия (еда, алкоголь и т.п.);
- самоконтроль – контроль и произвольная регуляция своих действий и эмоций (подавление эмоций, планирование поведения, рационализация);
- преобразование себя – преобразование себя, самоизменение, саморазвитие, самосовершенствование, приспособление, установление контакта с другими как изменение своего ресурсного состояния (поиск социальной поддержки, сублимация, компенсация).

Целью нашей работы стало выявление роли фактор возраста респондентов в выборе различных диспозиций защитного и совладающего поведения в городской

среде. Для реализации поставленной цели, было проведено исследование с применением метода видеонаблюдения. Видеосъемка производилась в Екатеринбурге в осенний период в рабочие дни в «часы пик» с 17.00 до 19.00, общее время записи составило 3,5 часа. Выборка исследования (люди, зафиксированные при видеонаблюдении) представлена 1767 наблюдаемыми. Для выявления различий по фактору возраста (с выделением трех возрастных категорий: 15-30 лет, 31-60 лет, 61 год и старше) применялся метод MANOVA.

В результате были обнаружены следующие особенности возрастной специфики проявления диспозиций защитного и совладающего поведения личности в городской среде.

Наименее интенсивно диспозиции защитного и совладающего поведения используются пожилыми людьми по сравнению с людьми иных возрастов. Обладая обширным жизненным опытом, пожилые люди понимают ценность информации об их окружении и не стремятся к блокированию информационных потоков, как от среды, так и от себя. Они не скрывают своих чувств, мыслей, намерений, часто провоцируя других на контакт, не пытаются казаться кем-то иным, и эта «прямолинейность» часто является причиной повышения их виктимности. Также для пожилых характерно снижение общей активности, приводящее к ощущению «бессилия» и невозможности контролировать окружение. В силу высокой консервативности и ригидности пожилые люди реже других используют преобразование себя как ресурс адаптации к условиям городского взаимодействия, в то же время на основе имеющихся притязаний на преимущества возраста (уважение, признание заслуг, забота) они не склонны уходить от конфликтов или сложных ситуаций.

В большинстве случаев наиболее активно диспозиции защитного и совладающего поведения в городской среде используются людьми юношеского и молодого возраста. Так для них характерны оба вектора блокирования информации, что зачастую приводит к неадекватному реагированию на стимулы внешней среды, когда поведение выстраивается без учета наличной ситуации и своей роли в ней. Также данная возрастная категория чаще использует уход от проблемной ситуации или же приспособление к ситуации через изменение своих возможностей, преобразование себя. Изменять свое поведение в зависимости от требуемой ситуации, устанавливать контакты с другими людьми с одной стороны молодежи легче, т.к. их психика более лабильна, с другой – это им более необходимо как особый ресурс социализации и обогащения жизненного опыта.

Только диспозиция «контроль среды» ярче проявляется не у молодежи, а у взрослого населения. У зрелых людей уже имеется определенный жизненный опыт по взаимодействию с окружающей средой, они знают, какие опасности она может нести и у них достаточно сил и возможностей для активного противодействия среде, поэтому они интенсивно контролируют то, что происходит вокруг них.

Использование MANOVA определяет детерминацию дисперсии выделенных в сравнении диспозиций защитного и совладающего поведения фактором возраста от 14% для диспозиции «Контроль среды» до 42% для диспозиции «Блокирование информации о среде», что подчеркивает значимость возрастных характеристик человека в выборе им типа поведения в городской среде.

Исследование проведено в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2450.2011.6.

СКЛОННОСТЬ ПОДРОСТКОВ К ВАНДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ПРИ ДЕСТРУКЦИИ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

О.В. Кружкова, И.В. Воробьева (Екатеринбург)

Вандализм как комплексная социально-психологическая проблема российского общества сформировалась на рубеже 20 века в связи со сложными кризисными условиями и до сих пор не получила всестороннего изучения. Свершение вандальных действий приносит многомиллионные убытки в Европе и Америке. В России подобная активность также возрастает, и проблему вандального поведения констатируют все больше специалистов в области психологии, социологии, юриспруденции и педагогики. Однако, необходимо отметить отсутствие общей научной теории по изучению данного феномена. Западные ученые, начавшие изучать вандализм в 80-х гг. прошлого столетия, подошли к нему с практической точки зрения – выяснения статистики вандальных проявлений с целью создания уголовного кодекса (С. Коэн, Д. Кантер и др.). В отечественной психологии первые исследования вандализма были проведены В.Ф. Пирожковым в 1994 году. Настораживает, что явление, получившее столь широкое повседневное распространение, за последнее десятилетие нашло свое отражение только в небольшом числе работ по психологии (Л.С. Ватова), по юриспруденции (С.Н. Вязов, М.М. Москаленко, О.С. Пашутина, Л.М. Самохина, Э.Н. Харина, Н.А. Черемшова, В.А. Шурухнов и др.) и по педагогике (З.В. Патрушева, Т.С. Стрелкова и др.).

Склонность именно подростков и юношей совершать подобные действия фиксируется статистикой, что специалисты объясняют пубертатными изменениями и общей тенденцией данных возрастных категорий демонстрировать девиантное поведение. Несмотря на то, что вандальные действия совершают и взрослые люди, подростковый и юношеский вандализм заслуживает наибольшего внимания, так как именно такие правонарушения очень часто влекут за собой все более серьезные проступки. По результатам зарубежных исследований более 50% подростков, совершавших акты вандализма, и в дальнейшем демонстрируют деликвентное поведение (Д. Эллиот, Л.Шеннон). Современные научные исследования уделяют особое внимание мотивационной составляющей вандального поведения, через что раскрываются возможные причины девиации подростков и юношей. Однако, помимо побудительных источников, особый интерес представляют более глубокие личностные основания, определяющие выбор и готовность человека к причинению ущерба общественной или чужой собственности. В качестве одного из которых, нами была выделена ценностная сфера, а именно ее возможная рассогласованность между осознаваемыми ценностями и теми, которые лежат в основе собственного поведения.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что подростки имеющие рассогласование ценностной сферы наиболее мотивированы к совершению вандальных действий.

Для сбора эмпирических данных были использованы: ценностный опросник Шварца, авторский опросник «Мотивы вандального поведения». Обработка полученных результатов включала в себя первичные описательные статистики, корреляционный анализ (коэффициент r -Спирмена) и сравнительный анализ (критерий Т-Стьюдента).

В исследовании приняли участие 217 подростков, обучающихся в общеобразовательных школах.

Первоначально были сопоставлены ценности, которые подросток определяет в качестве ведущих на настоящий момент времени и те ценности, которыми он руководствуется при построении собственного поведения. При согласованности этих конструктов можно утверждать, что основные принимаемые и используемые ориентиры человека в настоящем тесно связаны и не противоречат друг другу, соответственно поведение человека, определяемое этими ценностями, вряд ли будет иметь выраженный импульсивный или компенсаторный характер. Для чего полученные данные были подвергнуты корреляционному анализу, на основании результатов которого было сформировано 2 группы подростков: к первой были отнесены учащиеся, у которых существует взаимосвязь ценностей и профиля личности, ко второй – респонденты у которых статистически достоверной связи между конструктами нет. Первая группа по численности составила всего около 28% от общего числа участников исследования, т.е. меньше трети опрошенных имеют связь между ориентирами, которые они транслируют в своем поведении на уровне социальных норм и правил и теми ценностями, которые они приняли для себя лично. 72% подростков имеют определенным образом деформированную сферу ценностных ориентаций, т.е. то чем они вынуждены руководствоваться в своем поведении, не является для них лично значимым, и соответственно в ситуациях ослабления социального контроля подросток, может нарушать предписанные правила, осознанно идти на проступки.

Анализ выраженности мотивов вандального поведения у выделенных подгрупп показал, что подростки с рассогласованной ценностной сферой на уровне тенденции более готовы к нанесению вреда чужой или общественной собственности, руководствуясь неудобством условий и необходимостью их сделать комфортнее для себя ($t=1,922$ при $p=0,053$). Можно предположить, что в ситуации, когда учащийся будет находиться в малоприятном для него месте (сером, однообразном, непригодном для его деятельности), он будет активно преобразовываться (раскрашиваться, оборудоваться местами для сидения или других видов активности) не смотря на существующие правила и запреты (так, это могут быть парки, территории с археологической или исторической ценностью). Кроме того, у данной подгруппы близки к критическим мотивы эстетического и конформного вандализма, что добавляет действиям подростков желание изменить среду в лучшую, как им кажется, сторону и выраженную потребность совершать вандальные действия в группе сверстников.

Выявление деформаций ценностной сферы подростков и юношей, позволит не только расширить представления о детерминантах вандализма в этих возрастных группах, но и определить действительно эффективные методы его предупреждения и профилактики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ-Урал «Деструкция ценностей современных подростков и юношей как предпосылка вандального поведения», проект № 13-16-66017а/У.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА У СОТРУДНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ГРАФИКАМИ РАБОТЫ

И.О. Куваева (Екатеринбург)

Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых Уральского федерального университета в рамках реализации программы развития УрФУ (договор № 2.1.1.1./20 от 27.05.2013)

Целью эмпирического исследования является изучение специфических синдромов профессионального стресса (далее ПС) у сотрудников с различными графиками работы в организациях сферы обслуживания.

Наше предположение заключается в том, что у персонала, работающего по «скользящему» графику, в большей степени выражены проявления ПС по сравнению с теми сотрудниками, график которых не предполагает работу в ночные смены. В некоторых исследованиях отмечается, что нестандартный график в виде посменной работы является рабочим стрессором, оказывающим негативное влияние на физическое и психическое состояние человека [Картрайт, Купер, 2004; Купер и др., 2007; Bohle et., 2011; Jamal, 2004; Noronha, D'Cruz, 2006].

Всего в исследовании приняли участие 262 человека, это операторы контакт-центров (далее КЦ), работающие в телекоммуникационной и банковской сферах г. Екатеринбурга. В выборочной совокупности большую часть составляют женщины (222 чел.). Возрастной диапазон обследованной профессиональной группы - от 18 до 57 лет (ср. возраст - 27 лет). Средний стаж работы респондентов составляет 6 лет 7 месяцев (ср. опыт работы оператором - 2 года 3 месяца). В соответствии с целью исследования в выборке выделены две группы работников: (1) операторы с дневным графиком, деятельность которых не предполагает работу по ночам (124 чел., ср. операторский стаж - 2,6 г.); (2) операторы со «скользящим» графиком, работа которых организована с чередованием дневных и ночных смен (138 чел., ср. операторский стаж - 1,8 л.).

Основным психодиагностическим инструментом, направленным на определение целостных синдромов ПС у выборочной совокупности, является диагностико-превентивная система «Интегральная диагностика и коррекция профессионального стресса» (сокращенно «ИДИКС»; [Леонова, 2006]). ИДИКС выявляет особенности ПС в полном цикле развития стресса: «стрессоры - субъективная оценка трудовой ситуации - негативная симптоматика острых и хронических стрессовых состояний - личностные и поведенческие деформации». При обработке данных применяются следующие методы анализа: статистическая обработка и качественная интерпретация целостных синдромов ПС.

По результатам сравнительного статистического анализа (t-критерий Стьюдента) выдвинутое предположение о повышенной стрессогенности деятельности оператора КЦ, работающего по «скользящему» графику, подтвердилось. Так, у сотрудников с посменным режимом труда сильнее выражен интегральный показатель общего стресса; более напряженными являются интенсивность трудовых нагрузок, условия и особенности содержания труда. У данной категории работников сильнее сформированы негативные переживания острого и хронического стресса. Текущее стрессовое состояние операторов выражается в эмоциональной напряженности, хронические эффекты - в тревоге, астении, депрессивных и психосоматических проявle-

ниях. Невротические реакции являются признаком личностных и поведенческих деформаций у операторов, деятельность которых организована по «скользящему» графику.

Качественный анализ целостных синдромов ПС у персонала КЦ продемонстрировал наличие общих и специфических проявлений стресса у двух групп операторов. Общие проявления ПС у работников выражены в субъективном восприятии трудовой ситуации, переживаниях актуального стресса и способах совладания с напряженными рабочими ситуациями. Сотрудники отмечают следующие типичные субъективные затруднения - простота выполняемых задач, низкая значимость труда и отсутствие автономии исполнения. Тотальный контроль за деятельностью оператора и неэффективная система обратной связи являются факторами напряженности для представителей обеих групп. Негативная симптоматика острого стресса проявляется в сниженном самочувствии, затруднениях в поведении и общении, когнитивной напряженности. Персонал КЦ купирует рабочее напряжение с помощью вредных для здоровья привычек – интенсивного курения, употребления алкоголя после рабочего дня, переедания и т.д. Отличительными проявлениями ПС у работников со «скользящим» графиком являются специфические особенности субъективного образа трудовой ситуации. Так, операторы данной группы считают заработную плату несправедливо заниженной. Выполнение работы воспринимается этими сотрудниками как чрезмерно однообразное, что обуславливается минимальным обращением клиентов в ночные смены.

Таким образом, в результате проведенного исследования было доказано, что сотрудники контакт-центров, работающие по «скользящим» графикам, в большей степени подвержены развитию профессионального стресса и формированию его негативных последствий, чем работники дневных смен. Выявленные специфические синдромы стресса у двух групп операторов дают основание прикладным психологам внедрять коррекционные и проактивные мероприятия, направленные на снижение негативного воздействия посменной работы на функциональное состояние персонала.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА В СИТУАЦИИ АДАПТАЦИИ ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В.В. Кузнецов (Москва)

Важным фактором, облегчающим замещающим родителям воспитание приемных детей школьного возраста является их адекватное вхождение в круг сверстников по месту жительства, одноклассников, адаптация к образовательному пространству. Согласно нашим наблюдениям подобная адаптация не всегда проходит гладко, так как современная школа и система взаимоотношений в ней бывает, не готова принять ребенка с большим количеством проблем, пришедшего из отличной «среды обитания», каковой является детский дом или интернат.

По нашему мнению, это происходит по той причине, что современная школа по факту не является образовательной средой в полном смысле слова, реально неся на себе в основном функцию обучения.

Ясвин В.А. под образовательной средой понимает систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении.

Образовательную среду можно представить как сложную организованную систему, в пространстве которой школьник решает ряд задач. Наиболее важными являются образовательные задачи. Образовательная среда, ее педагогические, материальные и социальные характеристики главным образом задают учебные возможности ребенка. И ребенок встает перед проблемой как максимально использовать эти возможности. Следом идут задачи по социализации ребенка. В процессе социализации ребенок должен усвоить и личностно принять определенные нормы, правила и требования, предъявляемые ему обществом. Наряду с этим образовательная среда представляет для ребенка возможность для социального развития, социального познания, что подразумевает развитие у ребенка различных навыков и умений, повышение социально-психологической компетентности, коммуникативных навыков и т.д.

По уровням образовательную среду можно разбить на: федеральный, региональный, локальный и микроуровень. Задачами федерального уровня являются: определение смысловых и ценностных оснований для формирования мировоззренческих ориентиров молодежи, принятие федеральных законов, стандартов образования и т.д. На региональном уровне решаются задачи подготовки и переподготовки педагогических кадров, создание служб для диагностики качества образования т.д. На локальном уровне создаются условия для благоприятного (физического, интеллектуального и т.д.) развития учеников, их самореализации, ощущения защищенности и личной успешности в решении школьных задач, на данном уровне проводится работа школьного психолога с педагогическим коллективом образовательного учреждения. На микроуровне должны учитываться личностные изменения ребенка, его интересы и намеченные цели, создаваться теплое и доверительное отношение между ребенком и учителем, учитываться поведенческие, личностные особенности и предшествующая ситуация развития ребенка. На названном уровне так же организуется тесное взаимодействие педагога с замещающими родителями и школьным психологом.

Ребенок сталкивается именно с локальным уровнем и микроуровнем образовательной среды, соответственно, его развитие зависит от того, насколько благоприятны будут эти среды и насколько позволят удовлетворить его потребности.

В обучении у приемного ребенка возникают трудности, которые можно разделить на две группы. Первая группа связана с проблемами самого ребенка (поведение, задержка психического развития, узкий кругозор, негативное отношение сверстников и т.п.), вторая группа включает в себя трудности взаимоотношений ребенка с педагогом, т.к. педагоги часто не подготовлены для работы с такими детьми.

Выход из этой трудной ситуации можно найти в тесном взаимодействии педагога со школьным психологом, в повышении квалификации педагогов, тесном общении педагога и родителей ребенка, в подборе индивидуальной учебной траектории.

Для успешного взаимодействия с ребенком педагогу нужно учитывать их личностные и поведенческие особенности, что помогает ребенку адаптироваться к новой для него среде и освоить учебную программу. Помощь в организации адекватного общения между ребенком и педагогом может оказать школьный психолог. Такая деятельность школьного психолога по своей сути является реализацией концепции сопровождения процесса обучения.

Под психологическим сопровождением мы, вслед за Битяновой М.Р., понимаем систему профессиональной деятельности психолога, направленную на создание социально-психологических условий для успешного обучения и психологического развития ребенка в ситуациях школьного взаимодействия.

Согласно М.Р. Битяновой, психологическое сопровождение ребенка осуществляется при участии родителей, педагога и психолога, а его успешность зависит от уровня взаимоотношений между участниками сопровождения.

Педагог проводит наибольшее время с приемным ребенком и быстрее сможет заметить те изменения, которые с ним происходят. Он может быстрее оказать помощь, подобрать соответствующие педагогические технологии в обучении и развитии ребенка. Для такого вида работы педагог должен пройти соответствующую подготовку и иметь желание работать с приемным ребенком. Такая подготовка педагога, может проводиться школьный психолог с привлечением необходимых специалистов.

Задача школьного психолога – это создание условий для продуктивного движения ребенка по тем путям, которые выбрал он сам в соответствии с требованиями семьи и педагога.

ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК СИСТЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ДИНАМИКИ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

Д.И. Кузнецов (Москва)

Планируемое исследование относится к разделу «развитие профессионала как субъекта труда». Согласно методологии деятельностного подхода, в деятельности и общении, а также других видах активности, человек становится субъектом (Брушлинский, 2002).

«Человек как субъект труда может исследоваться на разных уровнях: на уровне деяния, как единицы деятельности, которую себе задает сам человек; на уровне действий как процессов, направленных на достижение целей; на уровне операций как способов осуществления действий» (Носкова О.Г., 2006, с. 118). По мнению О.Г. Носковой, выбор уровня исследования субъекта труда зависит от целей и задач психолога.

В последнее время получили развитие идеи Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева о том, что личность – производная не от отдельной, даже ведущей, деятельности, но от системы деятельностей. Развивается мультидеятельностный подход (например, К.В. Карпинский, 2010). Если труд рассматривать в контекстах профессионального и жизненного пути, целостной жизнедеятельности человека, то изучения личности как субъекта труда на уровне отдельной деятельности может оказаться недостаточным, так как на каждой стадии профессионализации личность осуществляет не одну (ведущую), а несколько деятельностей. Это разные виды труда (профессиональный и непрофессиональные – общественно-полезный и труд по самообслуживанию) (Климов Е.А.), игра, творчество, общение. Они находятся в иерархических отношениях и представляют собой систему. К.В. Карпинский (2010) построил типологию личностей на основе личностного смысла профессиональной деятельности в структуре целостной жизнедеятельности.

Мы предполагаем, что эти системы не статичны, а трансформируются в процессе личностного развития в онтогенезе, в процессе профессионализации и постпрофес-

сионального развития. Как развивается личность в системе ее деятельностей на разных этапах профессионального пути? Как происходит динамика системы деятельностей профессионала? Какие характеристики системы деятельностей оптимальны и приводят к эффективности профессиональной деятельности и субъективному благополучию личности? На наш взгляд, эти вопросы имеют и теоретическую актуальность и могут иметь практическую значимость для оказания психологической помощи людям на этапе кризисов профессионального пути.

Для ответа на эти вопросы мы планируем исследование динамики системы деятельностей личности на разных стадиях профессионализации с использованием ретроспективного анализа профессионального пути.

Гипотезы нашего исследования.

1. На разных стадиях профессионализации существуют наиболее оптимальные характеристики системы деятельностей (сам набор деятельностей, их иерархия, характеристики каждой из них).

2. Существуют три варианта соотношения деятельностей в системе, между ведущими и неведущими деятельностями. Неведущие деятельности могут, во-первых, выполнять развивающую роль путем развития качеств субъектности (активности, инициативности, самостоятельности, ответственности, рефлексивности, саморегуляции, навыков преодоления трудностей, в том числе коммуникативных и т.п.), тем самым способствовать повышению эффективности в ведущей деятельности. Во-вторых, они могут выполнять компенсаторную роль: то есть личностно компенсировать неудачи, недостаток возможности проявления субъектности в труде, сохранять социальный статус в ведущей деятельности благодаря успехам в другой деятельности. Таким образом, они могут способствовать сохранению психологического здоровья. Третий вариант заключается в конкуренции, конфликтных отношениях различных деятельностей или получаемых в них новообразований. Внутренние противоречия в системе деятельностей могут приводить к кризису. В свою очередь, кризис может вызывать различные нарушения в конкретных деятельностях или личности в целом, а может приводить к изменению системы деятельностей (например, ее иерархии, количества и видов входящих в систему деятельностей).

3. В процессе развития систем деятельностей мы предполагаем закономерную динамику диалектического переключения от экстенсивного расширения количества деятельностей в юности к уменьшению количества деятельностей с повышением интенсивности реализации ведущей деятельности у зрелого профессионала. Это соотносится с чередованием процессов самоопределения и самореализации. Аналогом такой динамики в онтогенезе является описанное Д.Б. Элькониным закономерное чередование периодов с преимущественным развитием мотивационной сферы личности с периодами преимущественно операционального развития.

4. Широта освоенных деятельностей в юности (операциональный состав и приобретенные аспекты идентичности) является ресурсом повышения субъективного благополучия в кризисные периоды, особенно, при выходе на пенсию.

Объектом исследования выступает система деятельностей личности. Предметом исследования являются характеристики системы деятельностей на разных стадиях профессионализации, динамика системы деятельностей, эффективность профессиональной деятельности и субъективное благополучие личности как показатель благоприятной реализации системы деятельностей.

Эмпирическим объектом исследования являются люди на разных стадиях профессионализации.

Методы. Для анализа актуальной системы деятельностей, ретроспективного анализа системы деятельности на предшествующих стадиях профессионализации планируется метод биографического интервью. В интервью предполагается анализ параметров системы деятельностей на каждом этапе профессионального пути: количественный и качественный состав деятельностей, их иерархия, интегрированность, интенсивность их реализации, объективные показатели успешности профессиональной деятельности. В качестве индикаторов субъективного благополучия личности предполагается оценивать такие параметры как позитивное самоотношение, уровень самоактуализации, самореализации и удовлетворенности жизнью.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОСОЗНАННОСТИ В ПЕРИОД ОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ

А.И. Кулакова (Ярославль)

Проблема профессионального самоопределения личности является актуальной достаточно длительное время, поскольку каждый человек на определенном этапе жизненного пути сталкивается с проблемой выбора будущей профессии. То, насколько осознанным и правильным будет сделан выбор, зависит профессиональное и личностное благополучие человека. Выбор профессии является осознанным лишь в том случае, если окончательное решение о выборе профессии является результатом длительного процесса, в ходе которого индивид осознает необходимость подготовки к выбору профессии; учится оценивать свои возможности; накапливает профессиональные и личностные знания, на основе которых формируется самооценка; изучает мир профессионального труда и только тогда принимает решение о выборе профессии.

Целью нашего исследования явилось изучение формирования осознанности профессионального выбора и выявление индивидуально-психологических особенностей личности одиннадцатиклассников и абитуриентов, определяющих его процессуальные характеристики. В качестве гипотезы выступило предположение о том, что в процессе перехода от общего к профессиональному образованию изменяются профессиональные установки и профессиональная осознанность личности, что проявляется на уровне выраженности отдельных характеристик, а также на уровне их структурной организации. Для этого использовался опросник профессиональных установок И.М.Кондакова и авторская методика диагностики степени профессиональной осознанности. Выборку испытуемых составили одиннадцатиклассники и абитуриенты в количестве 163 человека.

Одним из статистически достоверных изменений явилось увеличение степени общей профессиональной осознанности при переходе от общего к профессиональному образованию на момент осуществления непосредственного выбора профессии. К моменту поступления в высшее учебное заведение большинство абитуриентов окончательно определяется с выбором будущей профессии, опираясь на свои предпочтения, способности, престижность выбираемой специальности, совет родителей или друзей, т.е. руководствуясь различными мотивами профессионального самоопределения.

Было замечено, что часть выпускников только после сдачи экзаменов рассматривают, на какие специальности они могут подавать документы, что говорит о невысокой степени ответственности за свое профессиональное будущее. Лишь единицы были абсолютно уверены в выборе будущей профессии, продемонстрировав серьезный, обдуманый подход к решению данной проблемы. Именно они в наибольшей степени смогут раскрыть себя в выбранной ими специальности, найти интересное и познавательное для себя, и в дальнейшем пойти работать по полученной профессии.

Другим статистически достоверным изменением является снижение рациональности профессионального выбора. Лицам с ярко выраженной установкой рациональности профессионального выбора присущи такие черты, как основательность, рассудочность, обстоятельные размышления. Абитуриенты находятся в ситуации непосредственного выбора, здесь и сейчас; рассмотреть возможные альтернативы, оценить соответствие своего личного мотивационного потенциала и потенциала выбираемой профессии им необходимо было сделать ранее. Свой выбор профессии они осуществляют, опираясь уже на предварительно прорефлектированные данные.

Задачей второй части исследования являлось изучение структурной организации профессиональных установок отдельно для каждой группы испытуемых. Полученные диагностические данные были подвергнуты математико-статистической обработке с использованием метода корреляционного анализа и коэффициента ранговой корреляции Спирмена. По итогам корреляционного анализа были построены матрицы интеркорреляций и вычислены индексы когерентности, дивергентности и организованности исследуемых структур.

На основании построенных нами структурограмм было замечено, что большее количество связей между профессиональными установками обнаруживается в группе одиннадцатиклассников, что может объясняться их неподготовленностью к профессиональному выбору, зависимостью от мнения других людей, малой профессиональной информированностью и низкой степенью осознанности профессионального самоопределения. При выборе профессии они сталкиваются с трудностями, не могут четко осознать свои склонности и интересы, оценить имеющиеся знания, умения и навыки. Абитуриенты лучше осознают свои способности и желания, но многие из них имеют нечеткие представления о требованиях и особенностях той или иной профессии, поэтому не могут принять окончательный выбор в пользу одной специальности, подают документы на различные направления, которые могут быть полностью противоположны друг другу.

Таким образом, во время перехода от общего обучения к моменту осуществления непосредственного профессионального выбора наблюдается снижение рационализма выбора профессии и увеличение профессиональной осознанности личности школьника. Можно наблюдать, что в последнее время готовность выпускников к самостоятельному, осознанному выбору в целом снижается. Основной проблемой становится избегание выраженных проблем, в частности, отрицание ценности профессионального самоопределения. В этой связи особую актуальность принимает проблема психологического повышения уровня готовности к зрелому, осознанному, самостоятельному, социально ориентированному профессиональному самоопределению.

ИНТЕЛЛЕКТ И ТВОРЧЕСТВО В СПОРТЕ ВЫСОКИХ ДОСТИЖЕНИЙ

К.У. Кун (Москва)

Говоря о спорте хотелось бы вспомнить барона Пьера де Кубертена (1863 — 1937), французского спортивного и общественного деятеля, историка, педагога, литератора, который был инициатором организации современных Олимпийских игр (проводятся с 1896). Его идея объединить спорт и искусство, как это было в древности, получила широкую поддержку и стала одним из основных принципов Олимпийского движения. На парижской «Конференции по вопросам науки, спорта и искусства» в 1906 году Пьер де Кубертен писал: «Спорт надо рассматривать как источник и повод для искусства». Поскольку именно интеграция спорта и искусства является одним из важнейших инструментов для гармонизации личности, преодоления разрыва между физическим и духовным развитием человека. Тем не менее, помимо определенных видов спорта, которые входят в так называемые "творческие профессии" (танцы, фигурное катание и т.п.), в спорте исследование творчества до недавних пор считалось неуместным.

Интересно рассмотреть и сравнить спортивное образование в различных странах, лидирующих по спортивным достижениям.

Начнем с того, что проанализируем причины бытующего в России мнения о "тугоголовости" или примитивном интеллектуальном и творческом потенциале спортсменов. Безусловно советский спорт вырастил многих выдающихся спортсменов и занимал значительное место в мировом спорте. Однако стоит проследить путь по которому он шел, рассмотреть в подробностях как именно достигались эти результаты. Спорт в Советском Союзе, особенно после войны, стал стратегическим объектом, оружием превосходства в холодной войне, и главной его целью было доказать всем, что мы лучшие. И действительно к началу 60-х советские спортсмены завоевали лидирующее положение по числу поставленных мировых рекордов. Однако это была холодная война. Человек не имел значения, не важно сколько было травмированных, покалеченных молодых людей в 18-25 лет. Появились специальные учебные заведения, в которых патриотизм доходил до края возможного, людей учили жертвовать собой для достижений страны. В рамках системы физического воспитания и спорта, занятия проводились в обязательной форме.

Беда современного российского спортивного образования, которое является продолжением советского, в очень узкой специализации. Студенты учащиеся в специальных спортивных заведениях имеют мало отношения к образованию вообще. Спортивная деятельность - их ведущая и единственная деятельность. Многие поступают в спортивный вуз только потому, что они не обладают достаточным уровнем знаний, но обладают физическим здоровьем. Именно про таких говорят: "В здоровом теле здоровый идиот". Отсюда вытекают представления о спортсменах как о людях не способных к творчеству или интеллектуальной деятельности.

Начиная с советского времени и до сих пор психологические особенности личности спортсмена в России берется в расчет только с целью повысить результат его достижений. Спортсмен который получил травму попадает в очень затруднительную ситуацию если он не может дальше тренироваться и участвовать в соревнованиях. Не каждый человек, вышедший из юношеского возраста способен начать свое образование, свою жизнь сначала. Отсюда высокий уровень преступности среди спортсменов ушедших из спорта, алкоголизм, огромное количество покалеченных судеб.

Интересно рассмотреть и сравнить спортивное образование других стран конкурирующих с Россией по спортивным достижениям. Для примера возьмем США.

Если в России спорт поставлен на государственный уровень, в Америке спортивная подготовка проходит как факультатив. Не смотря на наличие тренеров и соревнований, студент не может заниматься только спортом, в США нет спортивных вузов. Ребенок сначала учится в школе и параллельно ходит тренироваться в какую-то спортивную группу, далее он поступает в колледж на любой выбранный им факультет (например юридический) и параллельно тренируется, играет в баскетбол или занимается боксом здесь же, в своем колледже или университете. Он участвует в соревнованиях за университет, потом за город. И если студент серьезно тренируется и обладает способностями, его спортивные достижения замечают и приглашают играть уже в профессиональную спортивную лигу по контракту, т.е. спорт становится официальной работой. Но при этом студент получает образование так же и по специальности на которую он поступил. Уровень интеллектуального развития спортсменов здесь значительно выше.

Как видно из спортивных рейтингов, в медальном зачете по итогам всех олимпийских игр США занимает 1-е место. Приблизительно ту же картину спортивного образования мы видим и в других странах, лидирующих по спортивным достижениям, Китае и Великобритании.

Анализируя данный материал неизбежно приходит мысль о необходимости некоторых реформ в спортивном образовании нашей страны. Если вернуться к разговору об эстетическому и духовно-нравственному потенциале в спорте, то как раз этого не хватает в современном, и особенно российском, спорте.

Древнегреческий философ Платон (Платон. ок. 428 – 348 г. до н.э.) говорил: «...Бог дал людям две способности: музыку и гимнастику, для темперамента и для приверженности мудрости...». Если углубиться в историю Западной и Восточной цивилизаций, на Западе первое место занимало совершенство тела, на Востоке главенство отдавалось сознанию, психике, но везде мы видим стремление к гармоничному соединению и развитию материального и духовного.

К сожалению мы утратили эту гармонию в погоне за наградами и деньгами. Нужно заново вспоминать истоки того спортивного искусства, которое было в древности. Заново вспоминать Пьера де Кубертена, с которым нас разделяет совсем немного времени, и прислушаться к нему, потому что Пьер де Кубертен писал: «Мы должны заново объединить узами законного брака давно разведенную пару – Тело и Разум. Их взаимопонимание длилось долго и было плодотворным. Но неблагоприятные обстоятельства разлучили их. Наша задача – снова соединить их <...> Искусство должно быть связано с практикой спорта, чтобы из этого получилась взаимная выгода...».

СООТНЕСЕНИЕ ДИСГАРМОНИЧНЫХ ТИПОВ ПРИВЯЗАННОСТИ К РОДИТЕЛЯМ С УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОЙ АВТОНОМИИ ПОДРОСТКОВ

Ж.Г. Куповых (Таганрог)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №13-36-01006а1

Проблема личностной автономии подростков, как проблема развития способности к самостоятельной постановке жизненных целей, осуществлению личностного,

свободного выбора, обретению уверенности в себе на сегодняшний день является активно исследуемой и обсуждаемой. Актуальность проблемы обусловлена как тем фактом, что задача развития личностной автономии является одной из ключевых в подростковом возрасте, так и требованиями современного общества к личности. В отечественной традиции формирование автономии в подростковом возрасте связывают с выделением «Я», «вторым рождением» личности, личностной зрелостью, самоуправлением, возникновением «чувства взрослости».

Устойчивую «универсальную» значимость для развития автономии имеют родительский контроль, автономность в ДРО и сотрудничество. При возрастании автономии подростков трансформация детско-родительских отношений происходит от однонаправленных, где инициатива и право принятия решений принадлежит взрослому, к равноправному сотрудничеству и кооперации (Н.Н. Поскребышева, 2010).

Одним из противоположных личностной автономии по психологическому смыслу феноменов является зависимость. В частности, в работе Н.Н. Поскребышевой кластерный анализ данных позволил выделить несколько групп подростков, в числе которых «Высокоавтономные» (9.8%); «Автономные» (34.2%); «Умеренно автономные» (33.0%), «Ведомые» (18.1%); «Зависимые» (4.9%). Таким образом, нам представляется целесообразной операционализация понятий «автономия» и «зависимость» как двух связанных между собой и обозначающих противоположные состояния личности по шкале «свобода-обусловленность», отражающей степень вовлеченности человека как субъекта своего жизненного выбора в различные сферы деятельности и взаимоотношения с другими людьми.

Мы исследовали две основные формы проявления психологической зависимости подростков от родителей. Неконфликтная зависимость проявляется в робости, уступчивости, такие подростки стремятся избегать конфликтов с родителями, стараются не принимать самостоятельных решений. К конфликтной форме проявления зависимости мы относим поиск негативного внимания, а так же бунтарство. При этом конфликтно зависимое поведение как бы удовлетворяет внутреннюю потребность в автономии, однако оно же является доказательством наличия повышенной эмоциональной связи, болезненности её переживания.

Важной характеристикой детско-родительских отношений является качество привязанности к матери, отцу или обоим родителям. В исследовании М.В. Яремчук на выборке российских подростков и родителей была выявлена значимая корреляционная связь между типом привязанности к матери и типом привязанности к отцу (М.В. Яремчук, 2006).

Тип привязанности определяется посредством формирующихся рабочих моделей, или «паттернов привязанности», которые ребенок конструирует из своего опыта общения с главнейшими фигурами своего окружения на основе своего поведения привязанности и реакции значимого другого (Е.О. Смирнова, Р. Радеева, 1999). Мы соотнесли типы привязанности и уровни развития личностной автономии подростков в отношениях с родителями.

1. Надёжная привязанность (тип В). Родители умеют поддержать инициативу ребенка, в младенчестве мать способна установить с ним контакт взглядов, синхронизировать действия и проводить взаимодействия по типу диалога, в результате чего у подростков с надёжным типом привязанности формируется высокий уровень личностной автономии.

2. Тревожно-амбивалентная привязанность (тип С) формируется в семьях с непоследовательным и непредсказуемым типом реагирования. Выделяют «пассивный

тип», который вероятнее всего связан с тем, что проявление активности ребёнка пресекается до совершения конкретного действия, что на наш взгляд создаёт условия для формирования неконфликтной зависимости. Такие подростки тревожны и послушны. Развитие «активного типа» тревожно-амбивалентной привязанности связано с наказанием за уже совершённый поступок, в совокупности с непоследовательным типом воспитания, что в итоге связано с проявлениями негативизма и конфликтным зависимым поведением в отношениях с родителями.

3. Избегающая (дистанцированная) привязанность (тип А) формируется в семьях с повышенным контролем в сочетании с высокой или низкой враждебностью и отвержением, что служит основанием выделения трёх стратегий избегающей привязанности.

«Стратегия ухода» – высокий контроль, отвержение личности подростка, низкая чувствительность к потребностям, без проявления открытой враждебности, связана с формированием конфликтного зависимого поведения.

Стратегия «принуждение к заботе» – родители устраняются от процесса воспитания, отвергают проявление аффективных реакций ребёнка, проявляют низкую чувствительность к его потребностям. Прямое проявление потребности в любви и заботе не приносит успеха, и подросток начинает применять манипулятивные тактики, такие как, подавление своих истинных переживаний и имитация ярких, сильных положительных эмоций для сближения с родителями. Данная стратегия связана с формированием у подростков неконфликтного зависимого поведения.

«Вынужденно уступающий тип» – высокая требовательность в сочетании с открытой враждебностью. Такие подростки тщательно до мелочей выполняют любое задание, хотя и угодить во всем, аккуратны и блестяще учатся, но за всем этим стоит механизм подавления своих желаний и подмены их показным аффектом и безупречным поведением. Данный тип связан с формированием неконфликтного зависимого поведения.

Таким образом, низкий уровень личностной автономии подростков связан с отсутствием опыта самостоятельного, автономного, независимого поведения, с фиксацией смещения внимания со своего «Я» и раскрытия своих способностей к отслеживанию состояния родителей и адаптации к нему. А также, наконец, с формируемой квазипотребностью в общении, любви, принятии со стороны родителей, которая в свою очередь, не находя удовлетворения, связана с неуверенностью в себе и развитием зависимого поведения.

ДИАГНОСТИКА АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕГО И ПОСТДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С.А. Купцова (Великий Новгород)

Исследование проводилось на базе НовГУ им. Ярослава Мудрого; Межрегионального центра дополнительного профессионального образования, повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов; «Новгородского методического центра развития социального обслуживания населения и предоставления социальных выплат» Новгородской областной администрации.

В исследовании приняли участие студенты очного отделения и студенты заочного отделения (постдипломное образование) первого года обучения в период экзаменационной сессии в количестве 80 человек.

На протяжении исследования мы проводили включённое наблюдение, становясь активным участником дел студентов, посещали занятия других преподавателей и наблюдали за поведением студентов в строго регламентированных условиях учебной деятельности в сессионный период. Выводы делались на основе повторяющихся фактов, а не единичных случаев. Во время беседы осуществлялся прямой контакт со студентами, поэтому можно было учитывать не только содержание ответов, но и реакцию студентов на предложенные вопросы. В отличие от анкет, тему беседы можно было углубить, уточнить некоторые детали.

Методы и методики:

Теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования.

Организационный метод.

Эмпирические методы:

- Самооценка психических состояний (Айзенк),

- 8 цв. Тест Люшера,

- тест Психофизиологической дезадаптации (О.Н.Родина).

При проведении исследования учитывался возраст студентов, социальные условия получения образования (анализ анкетных данных; анализ успеваемости по оценкам в зачетках).

Математико-статистическая обработка, графический анализ полученных данных проведены с помощью приложения Microsoft Office - Excel 2010 с использованием общепринятых методов вычисления показателей вариационной статистики.

В результате исследования нами было выделено три группы студентов.

У студентов с высоким уровнем адаптации - сбалансированные эмоциональные состояния, уровень достижения состояния активации достаточно высокий, способность к релаксации – высокая. Тип реагирования на стресс в учебной деятельности - адекватный, предполагается высокая способность к навыкам саморегуляции.

В целом для данной группы студентов характерны: баланс эмоционального и поведенческого компонентов; высокий уровень адаптации, работоспособности, адекватное реагирование на когнитивный стресс, высокая эффективность учебной деятельности.

У студентов со средним (умеренным) уровнем адаптации - вегетативные дисфункции, психосоматические жалобы, нарушения баланса эмоциональных состояний (выраженные эмоциональные сдвиги), уровень достижения состояния активации достаточно высокий, способность к релаксации своего состояния – низкая, существуют нарушения в регуляции ФС систем организма. Характерно наличие повышенной утомляемости, раздражительности, эмоциональной напряженности и эмоциональной неустойчивости, нарушения ночного сна, головные боли, психосоматические жалобы на фоне относительно продолжительного эмоционального перенапряжения, непосредственно связанного как с индивидуально значимыми психотравмирующими обстоятельствами, так и с особенностями учебной деятельности.

Склонность испытуемых данной группы обращаться к привычным, шаблонным средствам и стереотипам поведения, что, по нашим предположениям, может проявиться в неустойчивости динамике обучения навыкам произвольной саморегуляции.

Присутствует психоэмоциональное напряжение, тип реагирования на когнитивный стресс (стресс в учебной деятельности) - с возникновением состояния перевозбуждения.

В целом, для данной группы студентов характерно нарушение баланса эмоциональных и поведенческих показателей. Состояние можно охарактеризовать как неустойчивая адаптация. Это пограничный (донозологический) уровень состояния здоровья (группа риска).

У студентов с низким уровнем адаптации, вероятно, благодаря длительному пребыванию в эмоциогенной ситуации, характерна общая эмоциональная перестройка. Недостаточная устойчивость к стрессогенным воздействиям, агрессивность, ригидность. Низкий уровень способности к саморегуляции, тип реагирования на учебный стресс - с возникновением состояния угнетения.

В целом для данной группы студентов характерны: низкий уровень эффективности учебной деятельности, нарушение баланса эмоциональных и поведенческих показателей. Изменение поведения или невроз.

Для данной группы студентов характерно устойчивое патологическое состояние. Группа, среди обследуемых, была самая малочисленная.

Достоверность различий в двух выборках (студенты высшего и постдипломного образования) проверили с помощью критерия Манна-Уитни. Подтвердилась гипотеза Н0. Разница между показателями статистически не достоверна.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ ПЕРВОКУРСНИКОВ РАЗНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

А.А. Курасова, Д.С. Тинькова (Бердянск)

Поступив в высшее учебное заведение, вчерашние школьники попадают в новые, непривычные для них условия, что неизбежно влечет ломку динамического стереотипа и связанных с ним эмоциональных переживаний.

Начало обучения сопровождается включением вчерашних выпускников школ в новую для них культурно-образовательную среду, является пусковым механизмом процесса адаптации. Успешность адаптации предполагает актуализацию резервных возможностей студентов и их готовность к преодолению разного рода трудностей, возникающих в процессе обучения. Адаптация к учебной деятельности и к студенческой группе должна происходить как можно раньше, поскольку в противном случае возникают трудности в актуализации необходимых для успешного обучения и овладения профессией познавательных и личностных ресурсов. Если студент не сможет в короткие сроки освоить предложенные вузом требования, а также найти общий язык и взаимопонимание с одногруппниками и преподавателями, то это, несомненно, скажется на его желании учиться и успехах в учебе, повлечет отчуждение от образовательной среды и часто – уход из вуза.

Нередко социально-психологическая дезадаптация порождает потерю сложившихся позитивных установок и отношений первокурсника. Тяжелым последствием дезадаптации является состояние напряженности и фрустрации, снижение активности студентов в обучении, потеря интереса к общественной работе, ухудшение поведения, неудачи на первой сессии, а в ряде случаев – потеря веры в свои возможности, разочарование в жизненных планах. Все это приводит к психической перегрузке, которая, собственно, и снижает адаптивные возможности и, как следствие, способствует нарушению психологического здоровья личности.

Первый год обучения является очень важным, так как в это время у студента происходит много эмоционально-личностных и когнитивных изменений. Нередко количество этих изменений превышает те, которые приходится на весь период обучения в высшем образовательном учреждении. Они обусловлены ситуацией новых и необычных для студента требований.

Различают три основные формы адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе: формальную, социальную и дидактическую.

Проблема адаптации студентов к условиям учебно-воспитательного процесса в высших учебных заведениях рассмотрена в исследованиях Д. Андреевой, Л. Булатовой, Н. Венедиктовой, В. Дугинца, Л. Егоровой, А. Мороза, Л. Рувинского, В. Хорошко и др. Социально-психологические аспекты адаптации студентов в вузе раскрыты в работах Н. Бачмановой, Е. Бологова, Л. Меркуловой, Т. Ронгинской, Е. Савонько, Н. Шафажинской и др. Вместе с тем, проблемы адаптации студентов требуют более глубокого исследования.

Целью нашего исследования стало определение основных проблем психологической адаптации студентов различных специальностей к условиям обучения в высшем учебном заведении.

Мы выдвинули гипотезу, что выбор некоторых факультетов влияет на более быструю адаптацию первокурсников.

Мы предполагали, что студенты-филологи быстрее адаптируются к обучению (дидактическая адаптация), чем студенты технических специальностей, потому что с первого курса они очень много читают. Студенты-психологи быстрее адаптируются в группе (социальная адаптация), потому что они по профессии должны быть более коммуникабельными, чем студенты других специальностей.

Исследование проводилось на базе Бердянского государственного педагогического университета. В нём приняло участие 210 студентов – первокурсников различных структурных подразделений: Института физико-математического и технологического образования (ИФМТО), Института филологии и социальных коммуникаций (ИФСК), Института психолого-педагогического образования и искусств (ИППОМ), Факультета образовательных инженерно-педагогических технологий (ФОИПТ) и Факультета физического воспитания (ФФВ), которые были опрошены на предмет трудностей выше перечисленных форм адаптации к обучению в вузе. Для этого нами была составлена специальная анкета.

После обработки результатов опроса был выявлен высокий показатель трудностей формальной адаптации у первокурсников на Факультете образовательных инженерно-педагогических технологий (75%) и в Институте психолого-педагогического образования и искусств (50%). Трудности возникают в процессе приспособления к новой обстановке (76%) и в освоении новых требований и обязанностей (72%).

Для проверки гипотезы мы провели исследование по методике Т.Д. Дубовицкой «Методика исследования адаптированности студентов в вузе».

Обрабатывая данные по дидактической адаптации, мы обнаружили, что студенты технических специальностей приспособились к обучению на 56%, студенты-филологи – на 53%, студенты-психологи – на 48%, студенты-спортсмены – на 47%.

Положительная социальная адаптация в группе студентов-филологов составляет 74%, студентов-психологов – 84%, студентов технических специальностей – 86%, студентов-спортсменов – 94%.

Можно сделать вывод, что наша гипотеза не подтвердилась. Не всегда выбор факультета влияет на более быструю адаптацию первокурсников; многое зависит от индивидуальных особенностей самих студентов. По результатам исследования

наиболее социально адаптированными оказались студенты ФФВ (спортсмены), наименее – студенты ИФСК (филологи). Скорее адаптируются к процессу обучения студенты ИФМТО (технических специальностей), медленнее – студенты ФФВ (спортсмены).

Результаты исследования показали, что психолого-педагогическая работа с первокурсниками должна включать в себя ознакомление с ситуацией и типичными проблемами обучения в высшем учебном заведении. Задача преподавательского состава, кураторов, студентов старших курсов – создать первокурсникам психологически благоприятную атмосферу для обучения. Необходимо прививать им любовь к будущей профессии, формировать положительную «Я-концепцию», шире использовать в учебном процессе проблемные методы обучения, совершенствовать систему поощрений, изучать проблемы, связанные с адаптацией, взять под контроль случаи выбытия студентов из учебного заведения, анализируя при этом причины отсева.

ИЗУЧЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

И.М. Кусраева (Санкт-Петербург)

В условиях глубоких социально-экономических преобразований в нашей стране, предъявляющих все более высокие требования к профессионализму специалистов с высшим образованием, вопросы связанные с самосовершенствованием и самоактуализацией личности в процессе профессионального становления приобретают особую значимость. В этой связи, одним из направлений проведенного нами комплексного исследования личности студента вуза было изучение наиболее актуальных направлений для самосовершенствования. В исследовании принимали участие студенты факультетов психологии, иностранных языков и искусств Северо-Осетинского государственного университета в количестве 99, 96 и 68 человек соответственно (всего 263 респондента).

Для выявления актуальных направлений самосовершенствования у студентов, нами была использована анкета О.Н. Истратовой, в которой предложены варианты ответов, с возможностью указания своего – «иного» направления.

Согласно данным описательной статистики по вопросу анкеты – «В каком направлении вы наиболее активно работаете над собой?», в целом по выборке студентами преимущественно были выделены варианты: развитие профессиональной компетентности (60,84%); повышение своего культурного кругозора (47,15%); формирование духовных и нравственных качеств (41,06%); укрепление психического здоровья, характера и воли (36,5%); совершенствование культуры профессионального общения (35,36%); расширение научного кругозора (27%). Реже отмечались такие направления как: формирование научного мировоззрения (14,45%); физическое развитие и закалка (12,93%).

Анализ полученных данных по факультетам психологии, иностранных языков и искусств в отдельности, выявил различия в иерархии направлений для самосовершенствования. Таким образом, для опрошенных студентов преимущественно приоритетны следующие направления самосовершенствования:

1. Факультет психологии – развитие профессиональной компетентности (67,68%); укрепление психического здоровья, характера и воли (47,47%); формирование духовных и нравственных качеств (38,38%); расширение научного кругозора

(32,32%); совершенствование культуры профессионального общения (28,28%); повышение своего культурного кругозора (27,27%); формирование научного мировоззрения (25,25%).

2. Факультет иностранных языков – развитие профессиональной компетентности (65,63%); повышение своего культурного кругозора (56,25%); укрепление психического здоровья, характера и воли (36,46%); совершенствование культуры профессионального общения (34,38%); формирование духовных и нравственных качеств (33,33%); расширение научного кругозора (26,04%); физическое развитие и закалка (16,67%).

3. Факультет искусств – повышение своего культурного кругозора (63,24%); формирование духовных и нравственных качеств (55,88%); совершенствование культуры профессионального общения (47,06%); развитие профессиональной компетентности (44,12%); расширение научного кругозора (20,59%); укрепление психического здоровья, характера и воли (20,59%); физическое развитие и закалка (19,12%).

Самыми малозначимыми из представленных направлений самосовершенствования для опрошенных студентов оказались:

1. Факультет психологии – физическое развитие и закалка (5,05%).

2. Факультет иностранных языков – формирование научного мировоззрения (9,38%).

3. Факультет искусств – формирование научного мировоззрения (5,88%).

Таким образом, приведенные данные, говорят об актуальности большинства приведенных направлений самосовершенствования для опрошенных респондентов. Полученные результаты, отчасти отражая специфику указанных специальностей, раскрывают содержание иерархии направлений к самосовершенствованию у студентов, что дает возможность его учета в процессе соответствующей коррекции педагогического процесса. Что в свою очередь позволит психологически обоснованно решать задачи повышения эффективности учебной и будущей профессиональной деятельности.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в условиях высшего профессионального образования и педагоги, и обучающиеся должны понимать прогностические и преобразующие функции самосовершенствования и самоактуализации личности, целенаправленно организовывать учебный процесс с личностно развивающих позиций, координируясь в своих целях, задачах и формах взаимодействия.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ ПОДРОСТКАМИ: СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ

Е.Н. Кутеева (Санкт-Петербург)

Время является одной из важнейших составляющих жизни, связующим звеном в образе мира подростков и одновременно входит как составляющая в этот образ. В понимании, оценке и отношении ко времени большую роль играет семья. Структура связи темпоральных периодов жизни, формирующаяся в семье, предполагает определенную направленность движения подростков во времени их жизни. Структуру связи отдельных периодов жизни во многом определяют события, происходящие с ними.

Задача исследования: изучение восприятия и эмоционального отношения ко времени жизни у подростков в связи с их социальной ситуацией развития. Гипотезы. Восприятие времени жизни и эмоциональное отношение подростков к времени жизни обусловлено социальной ситуацией развития. Такие события жизни подростков как поступление в закрытое учреждение, проживание там, отрыв от родителей, девиантное поведение родителей, лишение их родительских прав коренным образом меняют эмоциональный компонент отношения ко времени и восприятие временной перспективы жизни подростков. Объект: подростки 13-17 лет из благополучных семей и групп семейной депривации. Предмет: восприятие времени жизни и эмоциональное отношение к нему.

В исследовании принимали участие 346 подростков 13-17 лет. Вся выборка была разделена на 2 подгруппы: 1 подгруппу составили 186 подростков, воспитывающихся в благополучных семьях, 2-ую – 160 подростков из неблагополучных семей, воспитывающихся в закрытых учреждениях.

В исследовании использовались методики: «Изучение привлекательности будущего» М.Гинзбурга, «Семантический дифференциал времени» Л.Вассермана, методика «Событие» А.Кроника, изучение личных дел и метод беседы. Для сравнения выделенных групп по изучаемым параметрам использовался анализ средних значений и t-критерий Стьюдента.

Были выделены характеристики времени: негативное отношение ко времени (страх, тревога), индифферентное и положительное (оптимизм, уверенность), а также восприятие времени: активность- степень напряженности и активности времени; общий мотивационный потенциал; удовлетворенность временем своей жизни; ощущаемость – степень реальности и близости времени и структура времени –как взаимосвязанность отдельных темпоральных периодов и наличие целей на будущее. Метод беседы применялся для выявления у подростков предполагаемого направления их жизни, планов на будущее.

С помощью методики «Событие» были выявлены значимые события жизни подростков обеих исследуемых групп. В группах подростков из закрытых учреждений в качестве событий выявлены, события, связанные с отрывом от родителей (значимы для 46% подростков), проживание в закрытых учреждениях (значимы для 60% подростков). Для 40% подростков значимым явилось событие, связанное с пристрастием родителей к алкоголю и другим формам аморального поведения; 13% подростков указали в качестве события физическое насилие по отношению к ним со стороны родителей. Эти данные положительно коррелируют с преобладанием отрицательного отношения к прошлому и индифферентного к будущему в сочетании с низкой насыщенностью и активностью темпоральных периодов. Преобладает нейтральное или отрицательное эмоциональное отношение к времени жизни (индифферентность по отношению к настоящему $M=6,98$, $M=4,83$ у подростков «группы риска» и подростков из благополучных семей, по отношению к будущему $M=7,28$, $M=4,91$ соответственно), что связано с преобладанием негативных событий в жизни подростков данной группы.

Уровень активности, ощущаемости, величины и структуры времени у подростков групп семейной депривации значительно ниже, чем у их сверстников из благополучных семей ($p<0,01$ и $p<0,001$). При этом активность и структурированность времени выше в настоящем, чем в прошлом и будущем, а индифферентное отношение ко времени остается практически неизменным от прошлого к будущему.

Активность и ощущаемость времени у подростков, проживающих в закрытых учреждениях, зависит от их социальной ситуации. У подростков, чьи родители лишены или лишаются прав в настоящий момент, активность и ощущаемость времени значительно ниже, чем у подростков, чьи родители ведут аморальный образ жизни, но вопрос о лишении их родительских прав не встает ($p < 0,001$). Для них «лишение родителей прав» является событием, меняющим их жизнь, и вызывает переживание неопределенности ближайшего будущего.

В группе подростков из благополучных семей преобладают позитивные события, связанные с путешествиями (67%), достижениями в учебной деятельности (26%), общением с друзьями (74%), значимые события в жизни значимых для подростков людей (90%), окончание школы (51%). Метод беседы показал, что связность темпоральных периодов жизни у подростков из благополучных семей сформирована. Модальность отношения ко времени более вариабельна и определяется индивидуальными особенностями жизни подростка. В целом у них преобладает позитивное отношение ко времени, с ярко выраженными эмоциями интереса, уверенности, оптимизма и субъективной ощущаемости времени.

Среди закономерностей отношения ко времени у подростков из благополучных семей выявлены возрастающая активность, структурированность и ощущаемость времени и снижающаяся индифферентность отношения от прошлого к будущему. Показатели уверенности и оптимизма превышают средние значения и отражают позитивное эмоциональное отношение к темпоральным периодам.

Таким образом, события, происходящие и происходившие в жизни подростков, качественно влияют на восприятие ими времени жизни и отношении к нему. Чем больше негативных событий произошло в жизни подростка, тем менее позитивно и насыщенно он воспринимает время.

Очевидно, что условия проживания в семье и система отношений, складывающаяся в период роста и развития ребенка, являются важнейшими факторами, влияющими на формирование субъективной позиции подростка по отношению к себе и своему жизненному пути. Результаты исследования позволяют определить направления работы по оказанию психологической помощи подросткам, проживающим в неблагополучных семьях и закрытых детских учреждениях.

ХРАНЕНИЕ СХЕМЫ РЕШЕНИЯ В РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ КАК МЕХАНИЗМ ФИКСИРОВАННОСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ КОРОТКОЙ СЕРИИ

Н.Ю. Лазарева (Ярославль)

Выделен ряд феноменов и экспериментальных эффектов, которые связаны с ограничением зоны поиска решения:

- Функциональная фиксированность (К. Дункер, 1965)
- Слепота к латентным свойствам (Л. Секей, 1965)
- Эффект рамки (Д. Канеман, А. Тверски, 1984)
- Эффект Лачинсов (Э. Лачинс и А. Лачинс, 1950)
- Прайминг-эффекты

Вышеуказанные феномены фиксированности в решении задач можно условно разделить на две группы, а за основание деления взять следствием какой серии является эффект.

1. Эффекты, в которых фиксированность вызвана общей структурой опыта, сложившихся схем знания и взглядов. Такие эффекты мы будем называть – эффектами длинной серии (феномен функциональной фиксированности, эффект рамки).

2. Эффекты, где динамику структурирования опыта можно проследить и наглядно продемонстрировать в эксперименте и даже попробовать препятствовать возникновению – эффекты короткой серии (эффект Лачинсов, прайминг-эффекты).

В случае с длинными сериями, по мнению ряда авторов, механизмом фиксированности решения является организация структур опыта (Бартлетт, 2002; Шахтер, 2011 и др.).

Остается актуальным вопрос, что же может являться таким механизмом для эффектов короткой серии.

Та роль, которую рабочая память играет в процессе решения задач (Baddeley, Hitch, 1974; Hambrick, Engle, 2003) позволяет предположить, что таким механизмом может быть хранение информации о нерешенных и недавно решенных задачах, тем или иным образом, связанных с актуальной в РП. Причем время этого хранения может быть довольно длительным (Seifert et al., 1995).

Методика и процедура исследования

Основная гипотеза нашего исследования: механизмом фиксированности короткой серии (ФКС) при решении задач является хранящаяся в РП схема предыдущего успешного решения, которая мешает отойти от шаблона и найти новый вариант, адекватный изменившимся условиям. Снятие эффекта возможно при загрузке домен-специфического блока РП, для этого вводятся вариации способов стирания решения (ССР) для каждого вида задач.

В качестве задач, моделирующих эффект фиксированности, вызванный короткой серией нами используются видоизменённые и адаптированные задачи Лачинсов (Лачинс, Лачинс, 1942, 1946), а также видоизменённые и адаптированные лабиринты Коуэна (Э. Коуэном, 1951).

Специфика каждой серии заключалась в том, что первые 5 задач были установочными, т.е. вырабатывающими определённую «неэлементарную» стратегию решения; 6 и 7 задачи решаются как установочным, так и новым более экономичным и простым способом; 8 задача является критической, она решается исключительно новым простым способом; наконец, 9 и 10 задачи вновь имеют несколько способов решения.

Так же оба типа задач предъявлялись таким образом, чтобы можно было отследить стратегию зрительного поиска.

В качестве ССР используется 3 вариации заполнения 3-х минутного промежутка между установочной и проверочной сериями:

а) решение арифметических примеров (предположительно перезагрузка домен-специфического блока для задач Лачинсов)

б) решение анаграмм (предположительно перезагрузка домен-специфического блока для лабиринтов Коуэна)

в) работа с таблицами Шульте (предположительно перезагрузка домен-специфического блока как для лабиринтов Коуэна, так для задач Лачинсов).

Результаты исследования

Лабиринты Коуэна

Сравнивая между собой среднее время решения этапов по лабиринтам Коуэна в течение всей серии, можно сделать вывод о том, что средняя длительность решения 6 задачи после выполнения ССР анаграммами значимо выше ($F = 2,99$, $p < 0,05$), чем после других ССР (статистическая значимость результатов была оценена с помощью однофакторного дисперсионного анализа Фишера).

Что касается статистических различий между временем 5 установочной задачи лабиринтов Коуэна и 8 критической задачей, различия оказались статистически не значимы ни для одной из 4 группы. Данные результаты дают основания предположить, что эффект ФКС не прижился на лабиринтах Коуэна, т. к. неспецифические ССР должны были сохранить эффект ФКС до 8 критической задачи, где по нашему предположению должны были возникнуть сложности, в связи с изменением старой стратегии решения. С другой стороны, к успешному решению критической задачи, могло привести преждевременное снятие эффекта ФКС «неспецифическими», на наш взгляд, ССР. Например, неспецифическое задание, с видоизменённым способом маскировки в словесном лабиринте, данный вопрос требует отдельного анализа, который мы обязательно учтём в дальнейшем.

Задачи Лачинсов

Сравнивая между собой среднее время решения этапов по задачам Лачинсов в течение всей серии, можно сделать вывод о том, что средняя длительность поиска решения в 8 критической задаче после выполнения ССР анаграммами, меньше, чем, например, в контрольной серии с пустым промежутком или даже при помощи гипотетически специфического ССР с арифметическими задачами.

Анализ результатов:

Итак, судя по полученным данным, мы можем сказать, что наша гипотеза скорее не подтвердилась

а) Эффект фиксированности после решения лабиринтов Коуэна явно менее устойчивый, т.к снимается как анаграммами, так и арифметикой.

б) Анаграммы явно более серьезный ССР, т.к рушит и ФКС, образовавшуюся в результате решения задач Лачинсов, и ФКС лабиринтов Коуэна

Выводы:

Основной проблемой для снятия эффекта ФКС является поиск таких ССР, которые действительно вступали бы в борьбу с механизмами ФКС за ресурс.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ МАТЕРИАЛЬНЫМ БЛАГОСОСТОЯНИЕМ И ОТНОШЕНИЕМ К ДЕНЬГАМ

М.А. Лазуткина (Москва)

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-06-00570а («Взаимосвязь характеристик гражданской и религиозной идентичностей с экономическими представлениями и моделями экономического поведения»).

В последнее десятилетие социологи и экономисты всё чаще делают предметом своих исследований религиозность и её функциональную роль в мировой экономике и экономике отдельных государств, в связи с обострившейся социально-политической ситуацией в мусульманских странах и нарастающим влиянием политики мультикультурализма в странах Европы, США и России. В отличие от подобных исследований, психологическое изучение религиозности и экономики должно проводиться не только на культурном, но и индивидуальном уровне, и базироваться на функционале религиозности не только для глобальных экономических процессов, но и для отдельных групп людей, в частности, для различных конфессиональных групп, проживающих на территории одного государства. В связи с этим, предметом данного исследования выбраны религиозная идентичность, удовлетворенность материальным

благополучием и экономические представления, в качестве которых выступили разные аспекты отношения к деньгам. В состав выборки вошли респонденты двух конфессиональных и региональных групп – православные христиане Москвы и Московской области (170) и мусульмане-сунниты Татарстана (104). Общее количество респондентов составило 274 человека, среди которых - 64 мужчины и 55 женщин. Средний возраст респондентов составил 19 лет. Целью исследования является нахождение взаимосвязи параметров религиозной идентичности (выраженность и позитивность) с показателями удовлетворенности материальным благополучием и показателями отношения к деньгам. Фактор «Удовлетворенность материальным благополучием» был получен с помощью метода CFA. В фактор вошли такие шкалы как «Удовлетворенность жизнью», «Самооценка уровня благополучия», «Доходы удовлетворяют потребности», «Экономическая идентичность» и «Удовлетворенность материальным положением». Модели взаимосвязи данного фактора с религиозной идентичностью для двух конфессиональных групп построены с помощью метода SEM.

У православных христиан выявлена положительная взаимосвязь (0,25) позитивного отношения к религии (позитивность религиозной идентичности) с удовлетворенностью уровнем материального благополучия и отрицательная связь (-0,01) выраженности религиозной идентичности с этим же параметром (при этом отрицательная связь не является статистически значимой). На выборке мусульман наблюдается другая тенденция – выраженность их религиозной идентичности положительно взаимосвязана с удовлетворенностью уровнем материального благополучия (0,27), тогда как валентность (позитивность) идентичности отрицательно связана с ней (-0,13), но в этом случае связь не является статистически значимой.

Таким образом, чем более положительные чувства испытывают православные христиане по отношению к своему вероисповеданию, тем более они удовлетворены своим материальным благополучием. Что касается мусульман, то их удовлетворенность материальным благополучием возрастает с увеличением уровня религиозности, но не аффективного компонента (позитивности). При этом в обеих группах взаимосвязь между двумя компонентами идентичности оказалась статистически значимой и положительной (0,49 у православных и 0,30 у мусульман). В научном сообществе нередко обсуждается роль религиозности в благополучии человека, причем изучаются различные его компоненты. Так, результаты исследования, проведенного на выборке General Social Survey (GSS) продемонстрировали, что религиозные представления человека положительно взаимосвязаны с обоими компонентами психологического благополучия - когнитивным и аффективным, а, следовательно, и удовлетворенностью разными сферами жизни (Ellison C., 1991). Более того, согласно данным кросс-культурных исследований, влияние религиозной идентичности особенно велико среди иммигрантов, т.к. она влияет на экономический и субъективный аспекты адаптации, которые включают в себя удовлетворенность текущими доходами, работой, общей жизненной ситуацией (Montgomery J., 1996). Чувство идентификации со своей религиозной группой является важным фактором приспособления в новой культурной среде, религия играет важную роль в сообществах этнических меньшинств, способствует более быстрому нахождению работы, адаптации и удовлетворенности своим благополучием (Rubin, 1994). Существуют также эмпирические доказательства наличия связей между религией и трудовыми установками (Harraz, 1998; Niles, 1999), с мотивацией (McClelland, 1961), удовлетворенностью работой и доходом (Vecchio, 1980), психологическим благополучием (Abu-Rayya & Abu-Rayya, 2009; Ellison, 1991). Таким образом, учитывая накопленный эмпирический материал,

становится понятной взаимосвязь компонентов религиозности и параметров удовлетворенности уровнем материального благосостояния, однако выявленные различия во взаимосвязях среди двух конфессиональных групп нуждаются в более детальном анализе. Так, многие исследователи сходятся в том, что религия, религиозность и религиозная идентичность в значительной степени влияют на уровень благополучия, на успешность ассимиляции (в случае миграции), но это влияние может быть как положительным, так и отрицательным, поэтому при изучении и интерпретации этого влияния в конкретном регионе и в конкретной социокультурной среде необходимо учитывать и другие контекстуальные факторы, к примеру, политическую обстановку, различия в традициях и обычаях, политическое и экономическое сознание.

Что касается отношения к деньгам, то в настоящем исследовании были выявлены следующие взаимосвязи: у мусульман выраженность религиозной идентичности положительно взаимосвязана (0,28) с деструктивной ролью денег (негативным отношением к роли денег в обществе), и отрицательно взаимосвязана (-0,25) со смыслообразующей ролью денег. На выборке православных также обнаружена отрицательная взаимосвязь (-0,33) выраженности религиозной идентичности со смыслообразующей ролью денег).

ЗАЩИТНОЕ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Лапкина (Ярославль)

Тема психологической защиты остается весьма актуальной с момента открытия феномена в XIX веке З.Фрейдом и продолжением изучения последователями психоанализа и других психологических школ в XX веке.

В настоящее время, большинство ученых связывают психологическую защиту и совладающее поведение личности в единую систему адаптационных механизмов личности, направленных на преодоление стресса.

Данное положение проверяется рядом эмпирических исследований различных психологических школ нашей страны и зарубежья.

На основе большого эмпирического материала И.М. Никольской (Никольская И.М. 2000, 2007) предлагается объединение защитного и совладающего поведения в защитную систему личности. Автор выделяет четыре уровня развития защитной системы: сомато-вегетативный, психомоторный, уровень психологической защиты и уровень совладающего поведения. Все эти уровни последовательно формируются и одновременно функционируют у взрослого человека.

Весьма важными в изучении защитного и совладающего поведения личности представляются лонгитюдные исследования. Т.Л. Крюкова, проводя подробный обзор тринадцати срезовых и двух крупных лонгитюдных исследований возрастных изменений копинга с 70-х по 90-е годы XX века Страк и Фай-фель (Strack, Feifel, 1996) приходит к следующим выводам: возрастные различия в совладающем поведении у людей молодого, среднего и пожилого возраста в ситуациях ежедневных жизненных трудностей и болезней существуют. В большинстве этих исследований (11-ти из 13-ти) обнаружены различия разного уровня. Сила и направление связей между возрастом и копингом не до конца ясны из-за различий в выборках, инструментах измерения, используемых авторами, и в самих стрессовых ситуациях. Так увеличение ис-

пользования проблемно-ориентированного копинга ряд авторов считают положительно связанным с возрастом (Irion, Blanchard, 1987), а другие отрицают такую связь (Feifel, Strack, 1989; Folkman, 1987). Тем не менее, люди всех возрастов используют разнообразные стратегии, совладания со стрессом, и многие предпочитают решение проблемы всем другим тактикам (Крюкова Т.Л., 2006).

И.И. Ветровой исследовалась специфика связи контроля поведения, психологической защиты и совладания в подростковой и юношеском возрасте. При изучении динамики контроля поведения, копинг-стиля и психологических защит обнаружено, что наиболее заметные возрастные изменения в копинг-поведении. При этом пик изменений приходится на возраст от 17 к 18 годам: происходит увеличение частоты обращения к стратегиям, направленным на решение проблемы, поиск социальной поддержки, различным видам отвлечения, и при этом заметно снижается частота обращения к копинг-стратегиям, направленным на эмоциональную разрядку, самообвинение, надежду на сверхъестественное. Выявилась возрастная динамика психологических защит, отличная от динамики копинг-поведения. Пик изменений психологических защит приходится на более ранний период, чем у контроля поведения и совладающего поведения – возраст от 16 к 17 годам. Он сопряжен с увеличением напряжения психологических защит, а затем с его спадом к 18 годам (Ветрова И.И., 2012).

Проведенное нами срезное исследование на трех возрастных группах испытуемых: юношеский возраст — 17—21 год (мужчины), 16—20 лет (женщины); средний возраст: первый период — 22—35 лет (мужчины), 21—35 лет (женщины), второй период — 36—60 лет (мужчины), 36—55 лет (женщины) позволило получить несколько общих выводов о связи защитного и совладающего поведения в онтогенезе взрослых.

В частности, выявлено, что защитно-совладающее поведение личности развивается последовательно от бессознательных защит к копинг-стратегиям, которые в свою очередь, составляют копинг-стили. Формирование эмоционально-ориентированного стиля совладания происходит под влиянием большинства известных механизмов психологической защиты (регрессия, реактивное образование, проекция, замещение). Эти же механизмы затрудняют проблемно-ориентированное совладание, а его выработыванию способствует механизм интеллектуализации.

Во-вторых, защитно-совладающее поведение личности имеет разную динамику интеграции в онтогенезе. От юношеского возраста ко второму периоду среднего возраста оно становится более интегрированным, и менее дифференцированным.

В-третьих, существуют половые особенности защитно-совладающего поведения личности в разные периоды взрослого возраста. В первый период среднего возраста, границы которого составляют от 22 до 35(36) лет, лет защитное и совладающее поведение мужчин и женщин различается больше, чем в другие возрастные периоды. Результат может быть обусловлен принципиальным различием онтогенетических задач мужчин и женщин, которые именно в этом возрастном периоде активно реализуются, в отличие от юношеского возраста (планируются) или последнего периода взрослости (подводятся итоги).

Проведенное исследование, однако, не позволило получить ответы на следующие важные вопросы: во-первых, какой личностный конструкт может выступать в качестве системообразующего в единой системе защитно-совладающего поведения, что общее связывает эти два феномена? Во-вторых, с какими событиями индивидуальной жизни личности связаны те или иные возрастные изменения защиты и копинга?

И в-третьих, выявленные изменения защиты и копинга характерны для всех взрослых людей, или характерны только для определенной части генеральной совокупности?

Перспектива нашего дальнейшего изучения защитно-совладающего поведения взрослых связана с лонгитюдным исследованием вопроса и применением методов идиографического подхода.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №12-06-31042

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Н.М. Латыш (Киев)

Становление творческой личности в образовательном пространстве остается важным вопросом в решении существенных задач современной психолого-педагогической науки. В контексте исследований творческого мышления актуальным является изучение особенностей конструктивного мышления и разработка психологических методов его оптимизации.

В своем исследовании мы исходили из понимания конструктивного мышления как направленного на решение творческих задач и предусматривающего преобразование актуальной информации, согласно условиям и требованиям задачи. Его целью, в отличие от других видов мышления, является направленность на создание конструкции определенной формы и функционального назначения. Оно ориентировано на отображение определенной системы на основе структурно-функционального анализа ее элементов с целью ее трансформации, согласно внешним и внутренним условиям (Моляко, 2007).

Основываясь на методологических положениях психологической теории творчества В. А. Моляко, в соответствии с нашим исследованием, процесс решения творческих геометрических задач младшими школьниками можно представить следующими этапами: 1) ознакомление с условием задачи является начальным этапом возникновения замысла будущей конструкции; 2) понимание условия задачи является этапом, когда исходящие условия задачи трансформируются в искомые и в соответствии с этим осуществляется целенаправленный поиск элементов конструирования; 3) формирование первичного замысла осуществляется исходя из теоретического и практического опыта решающего задачу и характеризуется возникновением образа-ориентира; 4) формирование окончательного замысла является этапом, когда осуществляется переход от созданных в образном плане замыслов к практическому конструированию с геометрических форм и характеризуется развитием первичного образа-ориентира в ведущий образ, который отображает общие представления о конечном продукте деятельности; 5) окончательное решение характеризуется практическим воплощением конструктивного замысла.

В нашем исследовании основное внимание было обращено на процесс формирования конструктивного замысла, как наиболее творческого этапа в процессе конструирования, что позволило осуществить классификацию типов конструктивной активности, подходов к формированию конструктивного замысла и уровней конструктивного мышления. В исследовании приняли участие ученики 3–4-х классов. Для определения психологических закономерностей формирования замысла в процессе реше-

ния младшими школьниками творческих геометрических задач мы использовали задания на свободное конструирование, конструирование по условиям и конструирование в условиях ограничения во времени.

Анализируя процесс решения задач на конструирование, мы выделили три типа конструктивной активности учеников при решении экспериментальных заданий: внешне-обусловленный, когда замысел решения задачи выстраивается путем аналогизирования исходя из внешних характеристик представленных элементов конструктора (форма, цвет); внутренне-обусловленный, когда в процессе решения задачи замысел выстраивается путем аналогизирования исходя из субъективного опыта решающего задачу; комбинированный, когда замысел решения задачи выстраивается путем аналогизирования на основании сочетания специфики структурных характеристик элементов конструктора и мотивационной сферы ученика.

Дальнейший анализ процесса решения задач позволил выделить основные подходы к формированию замысла в зависимости от реализации предложенных элементов конструирования, когда: а) ориентиром для построения искомых конструкций является геометрическая форма элементов конструктора, создается аналогичная с предыдущего опыта конструкция по структуре – структурное конструирование; б) когда геометрические формы становятся динамическими ориентирами и ученик, решая задачу, выходит на оперирование элементами, которые служат аналогами функций – функциональное конструирование; в) когда конструкция создается путем сочетания как структурных, так и функциональных признаков – структурно-функциональное конструирование.

Анализ созданных учениками конструкций позволил нам выделить три уровня проявления конструктивного мышления у младших школьников:

– первый уровень, низкий, когда создается достаточно простая конструкция с нечетко разработанным планом построения будущего объекта или вообще конструирование осуществляется путем проб и ошибок. Основу первого уровня составляет мыслительная тенденция поиска очень близких аналогов, в процессе такого конструирования создается простая конструкция путем соединения нескольких геометрических форм;

– второй уровень, средний, когда осуществляется детализация конструкции или наблюдается соединение нескольких простых объектов между собой в сюжетную композицию. В основе второго уровня конструктивного мышления лежат мыслительные тенденции к поиску аналогов или комбинаторных действий. Дети создают конструкцию, которая является аналогом из предыдущего опыта, но при этом осуществляется достаточно детальное сочетание элементов конструкции (дом с окнами, дверью, дымоходом и т.п.) или же происходит содержательное соединение нескольких достаточно простых, с точки зрения сложности построения, конструкций (создание сюжетной композиции);

– третий уровень, высокий, когда создается конструкция с высоким уровнем сложности, с достаточной детализацией, оригинальна и осмыслена учеником. Как правило, ученик конструирует сюжетную композицию, в которой отдельные конструкции изображены достаточно детально и они соединены между собой содержательно. Мышление детей характеризуется тенденцией к поиску аналогов, часто достаточно отдаленных, и к комбинаторным действиям.

Установлено, что систематическое решение младшими школьниками творческих задач на конструирование в виде разработанных методических средств «Творческое конструирование» (модификация фрагмента системы «КАРУС») позитивно влияет на развитие творческого конструктивного мышления учеников.

ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И КРЕАТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Н.М. Лебедева, Е.В. Бушина (Москва)

*Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 12-36-01071).*

Современное состояние изучения креативности и креативного поведения заключается в том, что креативность является не только индивидуальным, но и социальным продуктом: все составляющие креативности должны изучаться с учетом социокультурной среды, в которой вырос человек. На данный момент, несмотря на существующий в российском обществе запрос на точное понимание детерминант креативного поведения, широкомасштабных исследований, аналогичных западным [Sternberg, 1988; Gardner, 1993; Amabile, 1994; Utman, 1997; Kaufman & Baer, 2002; Treffinger & Selby, 2004; Hennessey & Amabile, 2010] проведено недостаточно.

В данной работе ставится вопрос о существовании определенных предикторов креативного поведения. Цель: выявить взаимосвязи между ценностями, креативным поведением и отношением к инновациям в России.

Культура как многоаспектное понятие, имеет множество функций, одна из которых заключается в регуляции человеческого поведения, в том числе и поведения, связанного с креативностью и внедрением инноваций. Одним из важных детерминант регуляции культурой социального поведения будет, безусловно, результат усвоения ценностей данной культуры – в виде формирования индивидуальных ценностей.

По мнению множества исследователей именно преобладающие в обществе ценности составляют ядро культуры [Hofstede, 1980; Schwartz, 1995]. Именно культурные ценности формируют убеждения, субъективные действия и являются причиной специфического поведения, как индивида, так и общества [Лебедева, 2009]. Согласно последним исследованиям в области социальной и кросс-культурной психологии, индивидуальные ценности, сформировавшиеся под воздействием культуры, способны влиять на креативность и общее отношение к инновациям [Inglehart & Baker, 2000; Diener et al., 2000; Triandis, 1994; Shane, 1992, 1995; Лебедева, 2011]. На данный момент наиболее популярными подходами к изучению ценностей как социокультурного предиктора поведения являются измерения культур в концепции Р. Инглхарта и Ш.Шварца [Лебедева, 2009].

Эмпирическую базу исследования составили результаты социально-психологического опроса студентов московских. Объем выборки – 353 респондента (127 мужчин, 226 женщин), средний возраст респондентов составил 21 год.

Социально-психологический опрос, включал следующие методики: обновленный ценностный опросник (PVQ-R) Ш.Шварца для определения преобладающих ценностей респондентов; методика оценки креативного поведения С.Доллингера для выявления степени креативности в повседневной деятельности [Dollinger, 2003]; шкала самооценки инновативных качеств личности [Лебедева, Татарко, 2009].

С помощью корреляционного анализа, проведенного с использованием коэффициента корреляции Спирмана были проверены взаимосвязи ценностей-оппозиций, степени проявления креативности в повседневном поведении, а также установок по отношению к инновациям.

Нами было обнаружено, что у респондентов ценность “Сохранения” отрицательно взаимосвязана как с показателем креативности повседневного поведения,

так и с позитивными установками по отношению к инновациям. В то же время ценность “Открытости изменениям” положительно взаимосвязана с креативностью и положительным отношением к инновациям.

Полученные взаимосвязи могут свидетельствовать о том, что индивидуальные ценности действительно представляют собой большой ресурс для формирования креативности личности. Изучение всех девятнадцати ценности Ш.Шварца поможет более детально подойти к изучению взаимосвязей изучаемых конструкторов. Дальнейшая работа в этом направлении будет заключаться в расширении выборки, включении нескольких федеральных округов Российской Федерации, дальнейшим анализом данных с использованием регрессионного анализа, сравнения средних, построения моделей с помощью Amos.

НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ПРОЦЕССЫ РЕШЕНИЯ ИНСАЙТНЫХ ЗАДАЧ

А.А. Лебедь (Ярославль)

В современной психологии накоплено не так много знаний, касательно механизмов протекания инсайта. Однако существует ряд исследований, доказывающий, что сознательный контроль ингибирует инсайтные процессы, либо не участвует в них. Например, группа ученых (Lavric, Forstmeier Rippon, 2000) показала с помощью ЭЭГ, что при решении инсайтных задач, лобные доли, в которой локализуется сознательный контроль, не задействуется. Также, проведен ряд исследований, показывающих угнетающую роль сознательного контроля в инсайте:

1) Больные с поражениями префронтальной коры лучше решают инсайтные задачи (Reverberi, Toraldo, D’Agostini, Skrap, 2005)

2) При интоксикации алкоголем снижается уровень рабочей памяти, но улучшаются показатели теста отдаленных ассоциаций (Jarosz, Colflesh, Wiley, 2010).

3) Испытуемые, разбуженные в фазе быстрого сна (снижение активации системы исполнительского контроля), лучше решают анаграммы, чем испытуемые после фазы медленного (Walker, Liston, Hobson, Stickgold, 2002)

Все эти исследования заставляют задуматься, участвует ли рабочая память (крупнейшим компонентом которого является исполнительский контроль) в процессе переработки информации при решении инсайтной задачи. И валидно ли использовать метод, широко применяемый нашей исследовательской группой, исследующий динамику мышления опосредованно через загрузку рабочей памяти и двойной задачи, для изучения инсайтных процессов?

Таким образом, вырисовываются две главные проблемы, на решение которых направлено данное исследование:

1) Скрытость для исследования неосознаваемых процессов инкубации инсайтного решения

2) Рабочая память и неосознаваемые процессы могут иметь разный ресурс, поэтому метод мониторинга не может быть применен для исследования инсайтного решения.

Цель работы: исследование неосознаваемых процессов в рабочей памяти при решении мыслительных задач

Объект исследования: неосознаваемая переработка информации при решении мыслительных задач;

Предмет исследования: специфика загрузки рабочей памяти неосознанной информацией при решении мыслительных задач;

Гипотезы:

1. Переработка информации осуществляется в специфическом блоке рабочей памяти, ответственном за неосознаваемую переработку информации.

2. Ресурс данного блока рабочей памяти, ответственного за неосознаваемую переработку информации ограничен.

Методика:

Модифицированная методика двойной задачи. По изменениям в эффективности вторичного задания можно судить о динамике первичной задачи (Коровкин, Владимир, 2012). Зонды и задания варьируются:

Переменные:

Независимые переменные:

1) тип загрузки РП (тип задания-зонда)

-имплицитный зонд (неосознаваемые критерии выбора);

-эксплицитный зонд (осознаваемые критерии выбора)

2) тип задачи: инсайтная, комбинаторная

Зависимые переменные:

- время решения дополнительного задания

- ошибки в выполнении дополнительного задания

Выборка: в исследовании приняло участие 32 испытуемых. Им предлагалось решить 2 задачи, прежде выполнив два тренировочных задания. Таким образом, создавалось 128 экспериментальных ситуаций.

Ход эксперимента: работа выполнена в методической парадигме использования методики двойной задачи.

Задание-зонд позволяет отследить собственно динамику решения основной задачи по динамике вторичного задания. Сбои, ошибки и задержки в процессе его выполнения будут свидетельствовать о максимальной загрузке рабочей памяти решением основной задачи.

Задание-зонд необходимо нам в данном исследовании: по графику выполнения задания-выбора (задание-зонд) отслеживается динамика решения основной задачи (инсайтной, либо комбинаторной).

Одной из переменных, задаваемых с помощью условия зонда, являлась переменная загрузка блоков рабочей памяти, ответственных за осознанную и неосознаваемую переработку информации. Для этого мы использовали два типа зондов: процесс имплицитного научения в качестве самого зонда в одном случае, и реакцию выбора – в другом.

Также важно указать, что эксперимент построен на взаимодействии имплицитно сформированного навыка (с помощью задания-зонда) и основной задачи. Предварительно перед серией испытуемый проходил долгую тренировочную серию, целью которой было формирование у испытуемого имплицитного навыка.

Результаты: перекрестный эффект влияния типа зонда и типа задачи чрезвычайно силен. Иными словами, можно сказать, что имплицитный зонд больше конкурирует за ресурс с инсайтной задачей, чем с комбинаторной (потому что оба они обрабатываются неосознанно), а эксплицитный зонд больше конкурирует с комбинаторной задачей, чем с инсайтной (оба процесса осознанные).

Существуют значимые различия между средним временем реакции в нулевой серии имплицитного научения (без задачи) и серии с имплицитным навыком + инсайтной задачей. Это доказывает ограниченность ресурса бессознательной переработки.

Проблема же валидности использования рабочей памяти, как индикатора загрузки бессознательных процессов переработки, разрешается при наблюдении значимых различий в решении инсайтной задачи при загрузке одного из блоков рабочей памяти.

Анализ результатов:

- При решении инсайтных и комбинаторных задач существуют значимые различия между скоростью выполнения эксплицитного и имплицитного задания-зонда.

- При эксплицитном зонде наиболее сильно страдает решение комбинаторных задач.

- При имплицитном зонде наиболее сильно страдает решение инсайтных задач.

Интерпретация:

Полученные результаты свидетельствуют о:

- Наличии конкуренции за ресурс между неосознаваемыми процессами.

- Наличии разных ресурсов у осознаваемых и неосознанных процессов

- Возможности использования загрузки рабочей памяти в качестве индикатора протекания неосознанных мыслительных процессов.

Выводы:

- Переработка информации осуществляется в специфическом блоке рабочей памяти, ответственном за неосознаваемую переработку информации.

- Ресурс данного блока рабочей памяти, ответственного за неосознаваемую переработку информации ограничен.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00133-а, и гранта Президента РФ МК-4625.2013.6

ЗАВИСИМОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АФФИЛИЦИИ ОТ УРОВНЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Ж.А. Левшунова И. В. Михеева (Лесосибирск)

В подростковом возрасте на первый план выходит общение со сверстниками. При этом потребность быть в обществе других людей, проявляется особенно ярко. Однако на сегодняшний момент, в силу различных факторов (например, увлеченность компьютерными играми и др.) эта потребность не удовлетворяется некоторыми подростками в полной мере. Часто при этом ребенок ни с кем не общается из своего класса, и даже не принимает никаких попыток исправить ситуацию. Такие дети в коллективе чувствуют себя некомфортно, у них нет желания идти в школу, что сказывается на учебе и отметках не в лучшую сторону. Возникает дезадаптация, бороться с последствиями которой ребенку самостоятельно трудно.

В своей работе мы рассматриваем такую проблему современного подростка как влияние на общение со сверстниками, его стремление к сотрудничеству, выстраивание дружеских отношений, общительности такого свойства личности как эмоциональная устойчивость.

Жизнь ребенка в подростковом возрасте определяется факторами, связанными с общением. Очень важно, чтобы подростки умели находить общий язык с окружающими, хотели общаться, не боялись знакомиться и выстраивать дружеские отношения. Определяющим для развития личности в подростковом возрасте является стремление быть в обществе других людей, потребность в создании тёплых, эмоционально значимых отношений с другими людьми. В психологии этот феномен получил

название «аффилиация», который происходит от английского слова affiliation – «соединение, связь». Содержание мотива аффилиации далеко не однородно: сюда включаются потребность контактировать с людьми, быть членом группы, взаимодействовать с окружающими, оказывать и принимать помощь.

Отношения с товарищами находятся в центре жизни подростка, во многом определяя все остальные стороны его поведения и деятельности. Л.И. Божович отмечала, что у подростков привлекательность занятий и интересы в основном определяются возможностью широкого общения со сверстниками.

Для изучения вопроса об изменении показателей аффилиации подростков в зависимости от повышения эмоциональной устойчивости, мы провели исследование, в котором приняли участие 24 ученика 9 класса МОУ «СОШ №4» г. Лесосибирска Красноярского края. Обследуемым были предложены такие методики как «Личностный опросник» (FPI) Г. Айзенка для подростков (модификация Т.В. Матолиной) и «Опросник аффилиации» А. Мехрабиана (модификация М.Ш. Магомед-Эминова), оценивающий две мотивационные тенденции, соотносимые с потребностью аффилиации: стремление к людям и боязнь быть отвергнутыми.

В ходе первичной диагностики были получены следующие результаты. «Личностный опросник» (FPI) Г. Айзенка показал, что 29 % выборки являются эмоционально устойчивыми, у них наблюдается невысокий уровень нейротизма (до 10 баллов). У 42 % школьников была диагностирована эмоциональная впечатлительность (11-16 баллов), что говорит о среднем уровне эмоциональной устойчивости. Эмоциональная неустойчивость была диагностирована у 29 % учащихся на основе высокого уровня нейротизма (17 – 24 балла).

Эмоционально устойчивые дети по шкале оценки силы стремления к людям показали результат значительно выше, чем по шкале оценки боязни быть отвергнутым, что говорит об их желании общаться с окружающими и уверенность в своем поведении.

У школьников со средним уровнем эмоциональной устойчивости показатели по обоим шкалам методики изучения аффилиации либо находятся почти на одном уровне, либо по шкале оценки боязни быть отвергнутым показатели немного превышают результаты исследования оценки силы стремления к людям. То есть подростки, участвующие в обследовании, стремятся контактировать с людьми, но испытывают определенные трудности в этом общении.

У учащихся с высоким уровнем эмоциональной неустойчивости показатели по шкале оценки боязни быть отвергнутым значительно превышают показатели по шкале оценки силы стремления к людям. По этим показателям можно судить о том, что данные учащиеся хотят общаться с другими, но по каким-либо внутренним причинам избегают этого общения, боятся начать контактировать с окружением, испытывают чувство неуверенности в общении.

Таким образом, с подростками, имеющими средний и высокий уровень эмоциональной неустойчивости, а также средние и высокие показатели по шкале боязни быть отвергнутыми, было решено провести систему коррекционных занятий, направленных на развитие эмоциональной устойчивости.

Результаты повторной диагностики показали, что у 85 % подростков, принявших в ней участие, в ходе коррекционно-развивающей работы произошло снижение уровня эмоциональной неустойчивости. У остальных 15 % испытуемых такого изменения не произошло.

Отметим также, и изменения в области аффилиации этих подростков: произошло повышение показателей по шкале силы стремления к людям у 85% школьников. В то

же время у 92 % выборки наблюдается снижение показателей по шкале боязни быть отвергнутым. Это говорит о том, что большинство участвующих в эксперименте детей в большей мере стали нуждаться в общении, у них начала проявляться потребность контактировать с людьми и быть членом группы. При этом боязнь быть отвергнутым оказалась менее выраженной, что свидетельствует о возможности более широкого общения со сверстниками.

Исходя из результатов нашего исследования, мы можем говорить о том, что повышение уровня эмоциональной устойчивости влияет на изменение показателей аффилиации у подростков.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХА УКРАИНСКИХ ПОДРОСТКОВ МЕТОДОМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА

В.Р. Лемещук (Киев)

Социальный страх. С развитием мозга человека, вовлеченностью когнитивных процессов в реакцию социального страха, развилась предупредительная (регулирующая) функция страха, способствующая успешному предотвращению небезопасных ситуаций. Следовательно, в нашем исследовании в русле каузально-динамического анализа, мы исходили из того, что механизмом социального страха (реакцией субъекта деятельности и социальных отношений на опасность) выступает избегание объекта угрозы.

Подростковый возраст в современном обществе кризисный (в отличие от планомерного вхождения ребенка во взрослую жизнь в племенах), поскольку осуществляется переход от детства (к которому подросток уже не принадлежит) к взрослости (в которой подростка ещё не принимают), в силу этого – близок к маргинальному состоянию. При этом значима гетерохронность как такого перехода (в современном обществе такой переход осуществляется скачкообразно, резко и стрессогенно), так и развития самого подростка (процесс взросления занимает много физических сил, что усиливает у подростка состояние страха).

С развитием рефлексии подростка, его самосознания, личности социальные ситуации и отношения приобретают для него новое значение, становятся сферой ближайшего развития, поскольку, согласно Д.Б. Эльконину, ведущей деятельностью этого возраста является освоения задач, мотивов и норм отношений между людьми, важности межличностного общения. Таким образом, подросток становится чутким к социальным ценностям, способам поведения, изменениям, а при соответствующих условиях и страхам – актуализируются социальные страхи.

Метод. Возраст исследуемых украинских подростков (150) составлял 11-12 – младший подростковый и 13-14 лет – старший подростковый возраст. При этом учитывались этнокультурные особенности выборки. Используя метод семантического дифференциала, испытуемым предлагалось проанализировать 20 слов-активаторов с помощью 20 бинарных оппозиций, характеризующих людей из социального окружения подростка и персонажи, которые принято считать страшными. Исследование проводилось в два этапа с промежутком в два месяца для обеспечения валидности данных. Исследовалась оценка испытуемыми объекта, интенсивность (от -3 до +3, то есть мера угрозы), отношение объекта к подростка с точки зрения подростка и оценка самочувствия подростка в ситуации страха. Обработка данных проводилась с

помощью SPSS 17.0, использовался факторный (для получения характеристик, свойственных страхам у подростков) и кластерный анализ (для выявления кластеров схожести черт подростков с разными уровнями и формами страха). С помощью логистической регрессии были выделены три группы подростков: с высоким социальным страхом (сенситивные), низким социальным страхом (рискованные) и умеренным (адаптивные).

Результаты показали высокий уровень социального страха в обоих возрастах, при качественных изменениях социальных страхов. Была получена динамика страха в младшем и старшем подростковом возрасте на основании изменения сходства объектов страха и факторных структур. Младшему подростку были свойственны страх изоляции, изгнания, быть не таким как все, в то время как старшему – страх исчезновения, растворения личности, ассимиляции в обществе. В обоих возрастах подростков пугало неприятие и непризнание себя важными другими. Группа слов-активаторов «страшные персонажи» имела более символическое значение, помогая понять природу социального страха и его логику в отношениях в социуме. При оценке страшных персонажей минимальной единицей служило восприятие подростком слова-активатора как положительного (приближение) или отрицательного (избегание), отталкиваясь от чего, строилось восприятие его подростком как страшного или нестрашного, а следовательно и отношения к нему и с ним.

Вывод.

Социальный страх выражает отношения между субъектом страха и его объектом. Являясь негативной эмоцией, он имеет ряд положительных функций (адаптивная, превентивная, регуляционная). Однако, при длительности переживания этого состояния (как и состояния тревоги), оно имеет деструктивный характер.

Социальный страх возникает в подростковом возрасте с развитием личности подростка, роста самосознания, в силу недостаточностью его социального опыта и актуализации потребности овладения формами социальных взаимоотношений.

Выявлено, что социальный страх имеет динамику – изменяются формы страха, а следовательно и формы реакции и поведения подростка, где младшему подростку (10-12 лет) свойственны страхи изоляции от группы и самовыражения, быть непохожим на других, таких как он, остаться вне референтной группы, быть отвергнутым (что соответствует поведению гомеостаза). У старшего подростка (13-15 лет) выявлен страх нивелирования его личности, быть «растворенным» в группе, остаться незамеченным, что близко явлению гетеростаза, когда подросток выходит за рамки защищенной группой (семьи, сверстников) способа поведения, чтобы заявить о своей личности.

Подростки чувствительные к социальному страху требуют особой помощи психологов, поскольку сами не могут справиться с проблемой, а в этом сенситивном к социальным аспектам возрасте закладываются необходимые социальные умения, такие как строить близкие отношения с другим человеком, умение сопереживать, доверять и любить, развивается личность подростка.

Проведена реабилитация исследуемых подростков из малой выборки (с высоким уровнем социального страха, чувствительных к возникновению страха и тревоги) в виде информативно-тренинговой деятельности, в которой проводилась регуляция уровня самооценки (его повышение), эмоций и тревожности, локуса контроля, когнитивных убеждений, влияющих на возникновение социальных страхов (обучение критичности мышления) у сенситивных подростков и т.д.

Исследование социального страха и методов реабилитации использовано в подготовке студентов языковых специальностей (КНЛУ, 2009, 2011 год) для повышения

их уверенности в процессе говорения и успешного проведения презентаций на иностранном языке.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ ДЛЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Е.В. Леонова, И.В. Земнова (Обнинск)

Одной из основных проблем России президент РАН В.Е. Фортов назвал низкую производительность труда (Фортов: России необходимо уходить от сырьевой иглы // РИА новости. URL: <http://ria.ru/science>). Её повышение, наряду с внедрением в производство современных технологий, невозможно без улучшения процессов управления успешностью работы персонала, повышения безопасности и продуктивности производства. Для учета всех возможностей человека как субъекта труда необходимо изучение особенностей самого работника, важных для результативности его труда. Одним из профессионально важных качеств работников потенциально опасных производств, к числу которых относятся предприятия атомной энергетики и промышленности, является профессиональная ответственность. Анализу специфики профессиональной ответственности работников таких предприятий посвящены исследования Е. Д. Дорофеева, Т. П. Емельяновой, А.А. Обознова. В исследовании Т.П.Емельяновой и Т.В.Белых были определены различия в содержании социальных представлений о профессиональной ответственности у студентов с различным уровнем академической успеваемости (Емельянова Т.П., Белых Т.В. Социальные представления студентов-энергетиков о профессиональной ответственности // Учёные записки ИМЭИ Том 2 №2 2012 С. 95-103). Вместе с тем, особенности формирования профессиональной ответственности в период обучения в школе и вузе, равно как и психологические особенности студентов с разным уровнем сформированности профессиональной ответственности относятся к числу мало изученных областей психологии труда и инженерной психологии.

В 2012 году нами было проведено исследование, в ходе которого проверялось предположение, что студенты со сформированными представлениями о профессиональной ответственности обладают сходным набором психологических показателей (личностные особенности, осмысленность жизни, уровень субъективного контроля, учебная мотивация), причем некоторые из этих показателей сформированы у них уже к моменту поступления в вуз. В ходе исследования нами была обследована выборка в количестве 118 студентов 4-5 курса физико-энергетического факультета ИАТЭ НИЯУ МИФИ, из которых 101 юноша и 17 девушек в возрасте от 19 до 25 лет.

В качестве методов исследования были выбраны:

- метод анкетного опроса: анкета профессиональной ответственности Т.П. Емельяновой и анкета профессиональных намерений и отношения к будущей профессиональной деятельности Е.В. Леоновой;
- психодиагностический метод: методика СЖО – тест смысложизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев), пятифакторный личностный опросник (Р. МакКрае, П. Коста, адаптация М.В. Бодунова, С.Д. Бирюкова), опросник УСК – уровень субъективного контроля (Дж. Роттер).

Для обработки результатов применялись методы многомерного статистического анализа данных, который производился с применением программы Statistica 6.0.

На первом этапе анализа данных по результатам анкетного опроса с помощью метода кластерного анализа мы разделили выборку на две группы: студенты с высоким и низким уровнем профессиональной ответственности.

По результатам сравнительного анализа мы установили, что ответственные студенты имеют объективное представление о своей профессиональной деятельности. Они преуспевают в учебной деятельности, адекватно расценивают полученные знания, умеют организовывать свою деятельность, имеют профессиональные намерения, соответствующие получаемой специальности, в ходе образовательного процесса задумываются о своем статусе в обществе. Для ответственных студентов престижность вуза играет основную роль в профессиональном становлении. А также для них важна возможность заниматься научной деятельностью, досуговая сфера (спорт, культура).

Неответственные студенты также планируют свою профессиональную деятельность связать с атомной энергетикой, но их отношение к обучению не такое серьезное, как у ответственных студентов. Их убеждение в том, что жизнь не возможно сознательно контролировать, оказывает негативное влияние на планирование своей самостоятельной деятельности. Неответственные студенты необщительны, скромны, серьезны, стремятся к спокойной жизни. Все выше перечисленное подтверждает склонность приписывать ответственность за события другим людям. Такие студенты живут настоящим, но не задумываются о дальнейшей перспективе. Это подтверждается и тем, что особое значение представляет не престижность вуза и не перспектива трудоустройства по полученной профессии, а его месторасположение, качество преподавания. Многим необходима хорошая учебно-материальная база и социальная инфраструктура.

На втором этапе анализа данных мы установили различия по психологическим характеристикам и определили психологические показатели сформированности социальных представлений о профессиональной ответственности:

- высокий уровень осмысленности жизни (интерес и эмоциональная насыщенность жизни, внутренний локус контроля);
- высокие значения по экстраверсии, дружелюбии, добросовестности.

Таким образом, ответственные студенты имеют более полное представление о профессиональной ответственности. Если у ответственных студентов представление о профессиональной ответственности включает как фундаментальные, так и организационно-технические факторы, то у неответственных студентов в представлении преобладают организационно-технические факторы. Следовательно, результаты данного исследования показывают, что ответственные студенты обладают сходным набором психологических показателей, причем некоторые из этих показателей (высокие значения по экстраверсии и внутреннему локусу контроля) сформированы у них уже к моменту поступления в вуз.

На основании полученных выводов были сформированы практические рекомендации, в том числе, необходимость разработки и внедрения в образовательный процесс профильных вузов программы формирования профессиональной ответственности будущих работников атомной энергетики и промышленности.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Е.Н. Лисова (Воронеж)

Перед современной социально-психологической наукой стоят задачи достраивания предмета собственных исследований с учетом макропсихологических разработок и интегрирования их с классическими идеями об изучении ею психологических закономерностей поведения и деятельности субъектов, включенных в группы, и психологических характеристик самих этих групп. А в практической сфере деятельности социального психолога – задача более активного вмешательства в общественные процессы за счет повышения спроса на собственные услуги и эффективности результатов социально-психологического воздействия. Мы полагаем, что их решению может способствовать изучение социального целого, социального пространства жизнедеятельности субъекта как социально-психологического контекста.

Под социально-психологическим контекстом будем понимать представленность в восприятии субъекта (личности, группы) социальных условий собственного существования (средовых, субъектных и ситуативных). Мы отличаем его от социального контекста как в большей степени сугубо социологической категории, поскольку фиксируем субъективное преломление социальных условий.

Социально-психологический контекст образован социальной средой и субъектом, психологические характеристики которого рассматриваются как заданные в контексте. Взаимодействуя между собой, средовые и субъектные характеристики образуют значимые для субъекта сочетания действующих в одно время и в одном месте внешних и внутренних сил, то есть социально-психологическую ситуацию. В социальной психологии принято придавать ей значение в наведении мостов между закономерностями малой группы и факторами более высокого общественного порядка, в фиксации индивидуального вклада в деятельность социальной общности, во внесении упорядоченности в общую картину мира (Л. Ф. Бурлачук, Ю. Н. Емельянов), а мы бы хотели обратить внимание также на придание динамики существованию субъекта в заданных средовых условиях и в целом усиление психологической составляющей социально-психологического контекста, представленное знаменитым высказыванием классика психологии: «воздействие на человека внешних условий общественной жизни опосредовано внутренним к ним отношением» (Рубинштейн С. Л. Принципы и пути..., С. 142).

Функциональное значение социально-психологического контекста в целом состоит: во-первых, в придании нормативно-аксиологической направленности социальному бытию субъектов; во-вторых в «цементировании» их совместного существования, в-третьих, в поддержании и изменении социальных интеграционных, социальных дифференционных и социальных изоляционных процессов в системе общественных и межличностных отношений.

Теоретический потенциал анализа социально-психологического контекста состоит: в широком, а не «точном» (как в случае рассмотрения социально-психологических факторов) охвате социально-психологической реальности. Мы получаем преимущества и в практическом приложении сведений, описывающих социально-психологический контекст: предпринимаемое социально-психологическое воздействие уже не является локальным, а его результат – только касающимся отношения и самоотношения субъекта, увеличивается его устойчивость.

Самое главное: социально-психологический контекст предстает единым целым образованием, внутренне связанной социально-психологической структурой, фиксирующей внутренние и внешние условия существования субъекта в их взаимодействии и развитии, что соответствует требованиям к анализу по единицам.

Методологическими основами изучения социально-психологического контекста являются сочетания общенаучных принципов системности и детерминизма и специально-научных принципов субъектности, историзма и единства сознания и деятельности.

На методическом уровне требуется разработка и психометрическая проверка комплекса методов, позволяющих определять средовые, субъектные и ситуативные параметры, рассматриваемые согласно структуре изучаемого явления. Следовательно, они должны быть ориентированы на установление социального окружения субъекта и наполненности различных сфер его жизнедеятельности. При этом фиксировать степень взаимодействия субъекта с социальной средой, меру приспособления к имеющимся социальным условиям, усвоения представленных в них ресурсов, осуществления социальных требований и дальновидности (умелости) реализации себя в нем. И все это на фоне класса происходящих с ним событий, их социальной направленности, степени дестабилизирующего эффекта относительно его субъективной реальности.

Теоретическими принципами анализа социально-психологического контекста выступают: многоуровневость, транспективность, преемственность, учет субъективных и объективных проявлений, вариативность и опосредованность. На эмпирическом уровне исследования это отвечает необходимости построения модели, использующей результаты кластерного и факторного анализа психологических и социологических данных лонгитюдного исследования.

На основании вышеизложенного можно заключить, что тем самым прежде всего реализуются требования горизонтального и вертикального комплексирования теоретико-методологических основ исследования, представления о социальном пространстве как основе полипарадигмального синтеза в психологии (М. С. Гусельцева), теоретически обосновывается единство макро- и микросредовых проявлений в нем и вдобавок определяются пути их эмпирического исследования.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.Ю. Литвинова (Майкоп)

Проблема психологической готовности к труду постоянно привлекает внимание специалистов. С позиций субъектно-бытийного подхода психологическая готовность понимается как необходимое условие успешности, надежности и эффективности выполняемой деятельности. Особую актуальность в современных условиях приобретает проблема психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях. Данный подход особенно очевиден и оправдан в отношении сотрудников силовых ведомств, применительно к которым можно говорить о высокой психологической готовности к данным условиям служебной деятельности. Высокая динамичность экстремальных условий ставит человека перед необходимостью повышать свой профессиональный потенциал, т.е. занимать позицию активного субъекта -

быть “автором своей жизни”. Психологический смысл деятельности данных сотрудников заключается в том, что обостряется основное противоречие, которое приходится решать человеку на протяжении всей службы, постоянно находя баланс между – активной позицией и нормосообразными жесткими требованиями, предъявляемыми профессией.

Возможность полноценной аутентичной жизни в условиях сверхэкстремальных нагрузок определяет конструктивность выбранного способа существования. Таким образом, условия жизнедеятельности требуют от человека активизации его собственно субъектных качеств и проявления субъектной позиции. Степень самоисполненности зависит от способности индивида ставить такие цели, которые наиболее адекватны его внутренней сути. Другими словами, жизнь личности и аутентичность ее бытия неотделимы от нарастания субъектности (особенно остро это проявляется в экстремальных условиях).

Следовательно, экстремальные условия деятельности обнажают, обостряют внутренние противоречия человека и заставляют обращаться к вопросу о том, насколько ему стоит вкладывать свои силы и жизненные потенциалы в совершенствование своего труда в плане осмысления и решения следующей дилеммы. Первый вариант: ограничиться социально-приемлемым выполнением профессиональных функций, т.е. избрать адаптивный способ существования (неаутентичное бытие), или же второй вариант, стать подлинным субъектом своего выбора и предпочесть рефлексивный, продуктивный модус бытия (аутентичное бытие).

В своем исследовании мы ставим акцент на типе жизнедеятельности личности и качестве субъектной активности. Особенности субъектности и характер личностного самоопределения обуславливают тип психологической готовности сотрудника к экстремальным условиям службы. Профили психологической готовности мы рассматриваем через различные сочетания субъектной активности и особенности экзистенциального самоопределения с определенной конфигурацией ценностно-смысловых оснований, аффективно-потребностной сферы, степени профессиональной идентичности, специфики личностной активности.

Объектом исследования выступила психологическая готовность военнослужащих к выполнению служебных обязанностей в экстремальных условиях.

Предметом исследования – факторы психологической готовности военнослужащих к выполнению служебных обязанностей в экстремальных условиях.

Основной целью исследования стало выявление факторов психологической готовности военнослужащих к выполнению служебных обязанностей в экстремальных условиях и выделение на их основе типов профилей психологической готовности, отражающих особенности субъектности и характер личностного самоопределения.

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что разные категории военнослужащих различаются по уровню психологической готовности: в группе, с сознательным профессиональным выбором уровень психологической готовности выше, чем в группе, с профессиональным выбором на основе внешней необходимости.

Для решения поставленных задач нами были использованы психодиагностические методики: “ценностные ориентации” И.О. Моткова, Т.А. Огневой, тест “незаконченные предложения”, М.О. Калашникова, методика СЖО Д.А. Леонтьева, опросник ССПМ В.И. Моросановой, тест ЛФР-25 Т.В. Корниловой, методика УСК Е.Г. Ксенофоновой, тест “типы поведения и реакций в стрессовых ситуациях”, биографическая анкета.

Исследование проводилось в воинских и пожарных частях г. Майкопа, а также в действующей воинской части МВД п. Наур р. Чечня. Всего в исследовании приняли участие 273 человека.

Все испытуемые были условно разделены на две группы. В первую группу вошли те, чей выбор является внешней необходимостью (солдаты срочной службы), для которых характерна локальность, пространственно-временная ограниченность воинской деятельности продолжительностью срока службы (один год). Во вторую – военнослужащие, для которых служба в армии является сознательным, добровольным выбором (солдаты контрактной службы, летчики, сотрудники МЧС).

Для анализа результатов исследования применялся факторный анализ, который проводился при помощи коэффициента корреляции Пирсона. Применительно к функционированию личности в экстремальных условиях жизнедеятельности были выделены четыре типа профиля психологической готовности военнослужащих: интенционально-независимый – профессиональная деятельность, как следование объективному содержанию деятельности (деятельность ради самой деятельности); интенционально-зависимый – профессиональная деятельность, как возможность удовлетворения своих субъективных целей (интенций); утилитарный – профессиональная деятельность, как возможность извлечения максимальной для себя выгоды из сложившихся условий (узкий практицизм); аморфный – выбор профессиональной деятельности на основе неопределённости, с пренебрежением к собственным потребностям и интересам (несформированность мотивации). Высокому уровню психологической готовности соответствует интенционально-независимый тип профиля психологической готовности; низкому уровню психологической готовности – интенционально-зависимый, утилитарный и аморфный типы профилей психологической готовности.

ВОЗМОЖНОСТИ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ РЕШЕНИЯ ИНСАЙТНЫХ И НЕИНСАЙТНЫХ ЗАДАЧ

Н.И. Логинов (Москва)

Критерий выделения инсайтных задач как отдельного типа требуется для обоснования выбора конкретной задачи в качестве стимульного материала для исследований (Weisberg, 1995). Поэтому отсутствие таких критериев приводит к невозможности обобщить результаты исследований, в которых используются различные задачи. Для различения инсайтного и неинсайтного типов задач мы предложили подход, который описывает структуру решения задач, основываясь на категории «мыслительная операция». Этот подход основывается на теории задачного пространства (Newell, Simon, 1972). Для формулирования проверяемых следствий о различиях в операциональной структуре решения инсайтных и неинсайтных задач мы обратились к результатам эксперимента Ж. Меткалф (Metcalf, Wiebe, 1987). С позиций сформулированного нами подхода мы предположили, что в этом исследовании при решении неинсайтных задач испытуемые последовательно совершали мыслительные операции, приближаясь к цели, что и отражалось в оценках близости к цели. В случае же инсайтных задач испытуемые совершали мыслительные операции, но не могли постепенно приближаться к цели в связи со спецификой задачи, что также отражалось в оценках близости к цели.

Теоретическая гипотеза

При увеличении расстояния до цели в структуре решения неинсайтных задач будет закономерно увеличиваться количество совершаемых мыслительных операций, в то время как в структуре решения инсайтных задач такого эффекта не будет.

Экспериментальные гипотезы

1. При увеличении порядкового номера в последовательности неинсайтных задач будет увеличиваться время решение задачи и количество совершённых операций;

2. При увеличении порядкового номера в последовательности инсайтных задач время решения и количество совершённых операций в процессе решения статистически значимо меняться не будет;

Для проверки этих гипотез был проведён двухфакторный эксперимент.

Испытуемые

В качестве испытуемых выступили 54 человека от 18 до 43 лет (средний возраст – 21,4; дисперсия – 3,6) с высшим и неполным высшим образованием. Из них 40 девушек и 14 юношей.

Экспериментальный материал

Инсайтная задача представляла собой наглядно-действенную задачу на убирание спичек. В ней требовалось изменить исходную конфигурацию, сложенную из спичек так, чтобы убрав определённое количество спичек, решатель мог получить иную конфигурацию из спичек с заданным структурным параметром. Таким параметром было количество квадратов, которые и образовывались из спичек.

Неинсайтная задача представляла собой вербально-логическую задачу на установление изоморфизма между элементами нескольких множеств. Она состояла из текста, включающего два блока: в первом блоке перечисляются множества (например, марки автомобиля и цвет гаража), а также все элементы каждого множества (Porsche, BMW, и т.д.; жёлтый, красный и т.д.), во втором блоке дано требование задачи, в котором просится определить элементов разных множеств (напр. Определите, в каком из гаражей стоит каждая машина), а также дан список условий. Исходя из данных, содержащихся в этих условиях, необходимо установить взаимно-однозначное соответствие между элементами двух заданных конечных множеств.

Процедура

Испытуемые в случайном порядке были разделены на две группы. Первой группе было необходимо решить последовательность из пяти инсайтных задач, а второй группе – последовательность из пяти неинсайтных задач. При этом в обеих последовательностях задачи были ранжированы по сложности (первая – самая лёгкая, пятая – самая сложная). Сложность задачи определялась через минимальное количество мыслительных операций, которое необходимо совершить для решения. Испытуемым предъявлялась следующая инструкция: «Вам предстоит решить последовательность из 5 задач. Чем быстрее Вы найдёте правильный ответ каждой задачи, тем лучше».

Для решения неинсайтных задач испытуемым давался лист формата А4, на котором они и делали записи в ходе решения задачи и который являлся протоколом. В ходе решения инсайтных задач, экспериментатор сам фиксировал операции со спичками на специально подготовленном протоколе. Впоследствии протоколы анализировались, и на их основе производился подсчёт количества мыслительных операций, который совершил испытуемый. Помимо количества совершённых операций также фиксировались успешность и время решения каждой из задач.

Результаты

Для обработки полученных результатов был использован однофакторный дисперсионный анализ, а также дисперсионный анализ с повторными измерениями. В результате полученные данные можно проинтерпретировать следующим образом:

1) При увеличении порядкового номера неинсайтной задачи увеличивается количество операций, совершённых в процессе решения ($F(4,105) = 351,513$ при $p < 0,001$).

2) При увеличении порядкового номера неинсайтной задачи увеличивается время решения этой задачи ($F(4,105) = 24,769$ при $p < 0,001$).

3) При увеличении порядкового номера инсайтной задачи количество совершённых мыслительных операций статистически значимо изменялось ($F(4,92) = 4,297$ при $p < 0,01$), но характер этого изменения плохо интерпретируем в русле того подхода, который мы используем.

4) При увеличении порядкового номера инсайтной задачи время решения статистически значимо изменялось ($F(4,108) = 3,819$ при $p < 0,01$), хотя характер изменения зависимой переменной не укладывается в предсказания операционального анализа структуры решения задачи.

Выводы

1) Возможности операционального анализа структуры решения позволяют различать инсайтные и неинсайтные задачи

2) В основе решения инсайтных задач лежат определённые закономерности, которые проявляются в особенностях именно операциональной структуры решения этого типа задач.

3) Из-за того, что задачи различались по большому количеству признаков, достаточно сложно сказать, в чём действительно источник полученных различий, что позволяет заключить о потенциальной неэффективности исследовательской стратегии поиска различий между характеристиками задач из разных предметных областей.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ - БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫМИ КОНФЛИКТАМИ НА ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Е. Ю. Лойченко (Владимир)

Студенческий возраст представляет собой особый период жизни человека, переходный от юности к зрелости.

В исследованиях Б. Г. Ананьева, Н. В. Кузьминой, А. А. Реан и ряда других исследователей накоплен значительный эмпирический и теоретический материал, позволяющий говорить о том, что межличностные отношения студентов-психологов обуславливается, во-первых, возрастными особенностями данной социальной группы, во-вторых, особенностями присущей ей деятельности.

Профессиональная подготовка в вузе проходит на основе вовлечения будущего специалиста в такие виды деятельности как учебная, научно-исследовательская и общественная деятельность.

Учебная деятельность выступает основным видом деятельности студента, занимающим наибольший объем времени во всем процессе подготовки будущих специалистов. Научно-исследовательская деятельность исполняется в процессе участия в

работе различных научных сообществ и объединений. Общественная работа позволяет значительно обогатить социальный опыт студентов в сфере построения межличностных взаимодействий, сформировать у них позитивные личностные черты.

Отечественные исследователи (Белокрылова Г.М, Березин А.Ф, Буякас Т.М., Донцов А.И., Дубровина И.В. и другие), в различных аспектах исследуя личность, деятельность и профессиональную подготовку психологов, акцентируют внимание на специфических особенностях, в той или иной мере характерных для лиц, выбравших эту профессию. Это, прежде всего, стремление к рефлексии и самопознанию, высокая эмоциональная сензитивность, сложный внутренний мир, характеризующийся наличием внутренних конфликтов (иногда очень глубоких).

Любое развитие, как правило, не может осуществляться без внутренних противоречий, а там, где есть противоречия, есть и основа для конфликта. И если внутриличностный конфликт протекает в рамках меры, он действительно необходим, так как недовольство собой, критическое отношение к собственному «Я», как мощный внутренний двигатель, заставляет человека идти по пути самосовершенствования и самоактуализации.

Заметим, что межличностные отношения предполагают определенные границы, благодаря которым образуется физическая дистанция – расстояние между субъектами, а также дистанция между психологическими пространствами взаимодействующих субъектов.

Установление границ будет определять, формировать и задавать дистанцию между людьми, которая в свою очередь определяет меру свободы и автономности самого человека. Дистанция – это своего рода специфическая социально-психологическая форма единства человека с другими.

Гипотезой исследования выступало предположение о том, что внутриличностные конфликты влияют на межличностные отношения студентов – будущих психологов.

Методы исследования – анализ теоретических источников, тестирование с использованием методик по выявлению внутриличностных конфликтов: «Исследование самооценки по методу Дембо-Рубинштейн», «Методика исследования самоотношения (С.Р.Пантеев)», «Опросник для изучения степени осознания респондентом психологических механизмов своей проблемы (исследование внутриличностных конфликтов)», Методика «Субъективная оценка межличностных отношений» Духновский С.В., Методика определения социально-психологической дистанции в межличностных отношениях Духновский С.В.

По итогам эмпирического исследования мы пришли к следующим выводам:

В эмоционально-ценностном компоненте самосознания студентов – будущих психологов наиболее ярко выражены: глубокая осознанность Я; повышенная рефлексивность и критичность; ощущение ценности собственной личности и одновременно предполагаемая ценность своего Я для других; встречаются также противоположные тенденции: желание что-то в себе изменить, соответствовать идеальному представлению о себе, неудовлетворенности собой. На высоком уровне находятся внутриличностные конфликты: между уровнем притязаний и уровнем достижений, между стремлением к удовлетворению собственных потребностей и требованиями окружающей среды, между нормами и агрессивными тенденциями, между уровнем притязания и возможностями, между выраженной потребностью проявить себя и отсутствием позитивных усилий. Большинству студентов в межличностном взаимодействии характерны понимание и принятие установок, мотивов, целей, личностных черт партнеров, влекущее установление доброжелательных отношений, близости,

дружбы, уважения к человеку с которым он взаимодействует (общается). Они не задумываются о том, как складываются их отношения, в социальных контактах, не обладающих достаточной глубиной и значимостью, отношения носят преимущественно поверхностный характер. Присуще чувство, что в отношениях каждый ориентируется на свои интересы, стремится навязать предпочтительное для себя решение, открыто борется за реализацию своих интересов. При этом выявлено отсутствие противостояния, неразрешимых противоречий между субъектами отношений, либо возникающие трудности и противоречия конструктивно разрешаются. Студенты ориентированы на совместный поиск решения, удовлетворяющий интересы всех сторон. Отношения носят диалогичный характер.

Таким образом, результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу и указывают на то что конфликты, возникают вследствие рассогласования между значимостью таких жизненных ценностей как собственное здоровье, семейная жизнь и материальная обеспеченность и доступностью этих ценностей. Показателями этих внутриличностных конфликтов студентов являются противоречия между «Я-реальным» и «Я-идеальным», высокий уровень тревожности проявления агрессивности и фрустрации. Перспективой нашего исследования является разработка тренинговой программы по работе с эмоционально-ценностным компонентом самосознания при помощи средств арт-терапии.

ВОЗМОЖНОСТИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ ПРИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКЕ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

М.А. Локоткова (Санкт-Петербург)

В настоящее время существует достаточное количество исследований в области языкознания, психолингвистики и нейролингвистики (Osgood С. Е., 1967, Хомский Н., 1972; Лакан Ж., 1995, Леонтьев А.А., 1999; Ялов А.М., 2000, Черниговская Т.В., Y.Shtyrov). Изучены некоторые смежные с психофизиологией и патопсихологией лексико-семантические аспекты, разработаны лингвистические методы и методики для психодиагностических мероприятий (Микиртумов Б.Е., 1999, Додонова Н.А. 1988, Ремесло М.Б. 2003). Такой интерес к данному научному полю вызван тем, что посредством речевых процессов осуществляется ведущий механизм формирования всех осознанных, произвольных и социально обусловленных видов человеческой активности.

Речь как высшая психическая функция реализуется во второй сигнальной системе, условными раздражителями являются слова. Звуки и начертания слов, являясь изначально для человека нейтральными раздражителями, становятся условными речевыми раздражителями в процессе повторного сочетания их с первосигнальными раздражителями, которые реализуются через ощущение и восприятие свойств. Каждый акт речепорождения или восприятия речи обусловлен, условно говоря, формой (психологические факторы) и содержанием (лингвистические, социологические, стилистические факторы). Исходя из этого, под речевой деятельностью следует понимать такую деятельность, в которой языковой знак выступает в качестве "стимула-средства" (Л. С. Выготский), где в результате достигаются определенные цели.

В условиях спонтанной устной речи выбор и оценка адекватных языковых средств является минимальной. Этап порождения речи (семантическая интенция) продолжается в этап формирования грамматической структуры высказывания и завершается превращением структуры в словесную звуковую цепь. Нас заинтересовал процесс порождения речи, его психофизиологические корреляты и текстологические особенности испытуемых. Предполагалось выявить некоторые дискриминативные признаки текста, позволяющие различать особенности испытуемых. Была сформулирована основная гипотеза: структура, динамика и качество речевых процессов, описываемых моделью нейронной сети, выявляемые у пациентов с невротическими нарушениями в ответ на предъявление семантического стимула (способного запустить продукцию устной речи), отличаются от соответствующего контента речевых процессов у испытуемых из контрольной группы. Использование модели нейронных сетей, обладающей сходством в структуре с нервной системой позволяет использовать ее свойства в психофизиологических исследованиях (Горбунов И. А. Математические модели нейронных сетей как метод анализа данных в психофизиологии, 2003, Локоткова М.А. Применение анализа текста речи испытуемого для диагностики невроза, 2013). Мы изучаем полученный от испытуемых текст, предварительно его закодировав. Выделяется ряд переменных, отражающих основные лексические особенности слов. Каждому слову текста присваивается ряд чисел, соответствующих отобранному переменной. Каждому тексту в результате соответствует матрица чисел, в столбцах которой переменные, а в строках - слова. Модель, предлагаемая в данной работе представляет собой четырехслойную нейронную сеть с обучением с помощью обратного распространения ошибки, т.е. на вход нейронной сети подаются параметры любого слова текста, а на выходе мы должны получить параметры следующего за ним слова. В результате успешного обучения полученной модели нейронной сети мы получаем дискриминативный инструмент, позволяющий отличить признаки одних испытуемых от других. В дальнейшем именно матрица связей между условными нервными центрами является теми данными, которые служат для диагностики свойств испытуемого и его принадлежности к той или иной группе. К примеру, уже проведенное пилотное исследование позволило сделать некоторые промежуточные выводы. Выборка включала в себя пациентов клиник неврозов с диагностированным невротическим расстройством – основная группа, и условно здоровых людей, выровненных по возрасту и некоторым статусным маркерам – контрольная группа. Помимо модели нейронных сетей применялись личностные опросники (Пятифакторный опросник, адаптация А.Б. Хромова, 2000; Опросник для оценки центральных личностных функций Г.Аммона, адаптация НИИ ПНИ им. В.М.Бехтерева, 1995;). После проведения указанных выше действий с использованием модели нейронной сети и факторного анализа матрицы чисел мы выделили 8 факторов, объясняющих 89,6% дисперсии изменения всех связей у разных испытуемых. Выявилось, что контрольная и экспериментальная выборка отличается по двум факторам. Была получена значимая на уровне $P < 0,01$ ($r = 0,58$) между факторами Самоконтроль и Factor 8. Так же на уровне статистической тенденции ($P < 0,1$) была получена связь между Factor 2 и фактором конструктивной агрессивности. Процесс, обозначенный нами как Factor 8, предполагающий, что явление вспомогательного словообразования в предложении в начале слова обнаруживает связь с процессом, отвечающим за первоочередность употребления в предложении наречий, существительных. Также имеется различие на уровне статистической тенденции по Factor 5, который представляет собой влияние процессов вспомогательного словообразования и явления

частотности употребления служебных слов. Существует связь между фактором самоконтроля, дефицитарной, конструктивной агрессией и частым использованием служебных частей речи. Вероятно, использование вспомогательных слов в начале предложения объясняется наличием внутреннего (невротического) противоречия, в виду обнаружения в структуре личности признаков и конструктивной и дефицитарной агрессии наряду с наличием повышенного самоконтроля.

В следующей серии экспериментов планируется включение психофизиологической составляющей исследования (ЭЭГ, ЭКГ, окулография) для получения более полной картины процессов речепорождения. Предполагается, что в дальнейшем появится возможность разработать методiku, позволяющую проводить структурную диагностику невротических нарушений посредством анализа построенной математической модели нейронных сетей.

АВТОНОМИЯ ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

М.Ю. Луков (Великий Новгород)

Современное общество требует от человека обладать различными, зачастую, противоречивыми качествами. Окружающие обстоятельства всегда дают возможность для реализации одних потребностей и закрывают доступ к реализации других. Это естественный процесс, и человек в течение жизни успешно учится справляться с существующими ограничениями, до тех пор, пока ограничения не становятся повсеместными, или не начинают значительно преобладать над возможностями. Когда наступает такой момент, то внутренние желания личности перестают удовлетворяться в должной степени и качество жизни человека снижается. В такой ситуации критическую роль играет такое качество человека, как способность к автономии, то есть способность выносить собственные суждения и принимать решения, независимо от принятого в обществе мнения.

Проблеме автономии личности долгое время уделялось относительно небольшое внимание. Попробуем проследить основные направления в психологии, в рамках которых исследовалась эта проблема.

Важные выводы в развитии решения проблемы автономии личности можно сделать, опираясь на психоаналитический подход, разработанный З. Фрейдом. Анализ понимания зависимости в рамках психоанализа сделала Емельянова Е.В. Она обобщила взгляды представителей этой школы. Емельянова Е.В. изучала причины возникновения созависимости у различных людей. Опираясь на теорию психоанализа и на результаты своих исследований, она разработала свою теорию глубинной сущности созависимости. По ее мнению, тенденция к созависимым отношениям возникает у человека при остром дефиците любви в детском возрасте и юности. В своих выводах она опирается на представление о психической структуре человека, состоящей из «Оно», «Я» и «Сверх-Я». Распределение этих частей представляется в виде клетки или луковицы, в центре которой находится «Оно». «Оно» является представительством сферы инстинктов (большой частью асоциальных). «Оно» контактирует с реальностью только через «Я», которое в отношении «Оно» является своеобразной «оболочкой». По мнению Емельяновой, проблемы возникают на этапе формирования здорового «Я». Если «Я» было исходно «сломано» в детстве или даже просто «надломлено», то в нем нет «содержимого». Поскольку здоровое «Я» не было полноценно сформиро-

вано, то «Сверх-Я» формируется в основном из родительских интроектов и других социальных запретов. В итоге «Я» оказывается зажатым между своими желаниями («Оно») и повсеместными запретами «Сверх-Я». Человек с опустошенным «Я» стремится его заполнить с помощью тех людей, с которыми он вступает в значимые отношения. Априори у такого человека завышенные требования к другим людям, поскольку именно они призваны заполнить его «Я».

Также к психоаналитическому подходу в изучении автономии личности можно отнести эволюционно-этологическую теорию привязанности, которую развил Дж. Боулби. Боулби изучал теорию привязанности, в которой привязанность он рассматривал как мотивационно-поведенческую систему, складывающуюся к концу первого года и создающую базис, на котором происходит дальнейшее развитие личности. По мнению Боулби, к концу первого года складывается важнейшее психологическое образование, которое он назвал внутренней рабочей моделью, главную роль в формировании которой он отводит матери. «Эта модель представляет собой неразрывную и взаимообусловленную связь себя и другого. Ребенок воспринимает себя через отношение к нему близкого взрослого, а этого взрослого (фигуру или персону привязанности) через то, как он к нему относится».

Рассмотрим проблему автономии личности с точки зрения гуманистического подхода. Основателем этого подхода по праву считается Абрахам Маслоу. Теория Маслоу говорит об определенной иерархии человеческих потребностей. Высшей целью в иерархии потребностей человеческих ценностей Маслоу считал потребность в самоактуализации. Одной из отличительных черт самоактуализирующейся личности по Маслоу является независимость от культуры и среды влияния. Самоактуализирующиеся люди достаточно сильны, чтобы не зависеть от мнения других людей; они не ищут одобрения, похвалы, не ищут даже любви. «Однако, несмотря на все выше сказанное, мы ни на секунду не должны забывать о том, что самая верная, хотя и не единственная, дорога, ведущая к такого рода самостоятельности, к свободе от любви и уважения, – это полное удовлетворение потребностей в любви и уважении». Таким образом, Маслоу говорит о том, что чтобы получить независимость от удовлетворения потребности извне, необходимо сначала полностью удовлетворить эту потребность.

Исследуя теорию самодетерминации, работая в рамках культурно-исторического подхода, Леонтьев Д.А. выделяет два ключевых измерения самодетерминации - это свобода и ответственность. Свобода и ответственность развиваются независимо друг от друга. Их развитие пересекается в подростковом возрасте, что проявляется, как кризис подросткового возраста. Успешность разрешения подросткового кризиса зависит от способности к интеграции механизмов свободы и ответственности.

Подводя итоги, постараемся дать целостное определение понятию автономии и выделить его структуру. Автономией можно назвать такое поведение человека, которое обусловлено его личностными побуждениями, подкрепляемыми внутренней мотивацией. Такой человек обладает определенной независимостью от мнения окружающих в принятии решений, а также «хочу» у него преобладает над «должен». Внутренние принципы такого человека сформированы им лично или интернализированы. При этом человек, обладающий хорошей автономией, не является изолированным от общества, скорее наоборот, он способен выстраивать тесные взаимоотношения с подходящими для этого людьми и полагаться на них, но и умеет разрывать с ними связь, если дальнейшее сотрудничество не продуктивно. Такой человек способен отделять свои эмоции от интеллекта, его поведение нельзя назвать ни абсолютно реактивным,

ни когнитивно обусловленным. Он может проявлять чувства, но чувства не управляют им.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.А. Лукомская (Киев)

Нынешний век – это время перехода к высокотехнологичному информационному обществу, где качество человеческого потенциала, уровень культуры и образованности молодежи приобретают решающее значение. Сегодня во всем мире отмечается необходимость создания сетевого общества — общества, основанного на горизонтальных социальных связях, главную роль в котором играют не иерархические модели, а социальные сети.

Современное применение информационно-коммуникационных технологий в повседневной жизни меняет содержание понятия человеческой общности. Интернет, как предпосылка для создания сетевых сообществ, предоставляет новую, сетевую (анонимную), форму принадлежности к социальным группам. Многие исследователи считают, что в Интернете человек может конструировать разные виды идентичности, проявляющиеся в трех модальностях – биологической, личностной и социальной. Использование понятия "конструирование" уместно в тех случаях, когда человек конструирует не саму идентичность, а только виртуальную "оболочку" для нее (ник, аватар, персонаж игры), приписывая ей определены параметры (пол, возраст, профессию).

Понятие виртуальной идентичности тесно связано с понятием виртуального общества – электронной опосредствованной социальной среды, где происходит взаимодействие виртуальных личностей. События, происходящие в виртуальной среде могут влиять на реальную жизнь их участников как положительно, так и отрицательно.

В нашем исследовании были проанализированы особенности общения молодых людей (в возрасте от 19 до 26 лет) в социальной сети Вконтакте (<http://vk.com>). Мы предложили испытуемым ответить на вопросы теста «ДМО» (диагностика межличностных отношений – тест Лири в адаптации Л.Собчик), а также проанализировали их стиль общения, особенности аватаров и статусов. В исследовании приняли участие 38 человек, среди них 12 мужского и 26 женского пола.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что молодежь, которой свойственен сотрудничающий-конвенциональный стиль межличностного общения, выбирает в качестве аватаров собственные фотографии, где кроме испытуемых присутствуют друзья или любимый человек. Наиболее популярными статусами являются лучшие мнения всех времен (<http://vk.com/prosvetlen>), в частности «Можно закрыть глаза на то, что видишь. Но нельзя закрыть сердце на то, что ты чувствуешь», «Идеальных людей не существует, но всегда есть один, идеальный для тебя». Отметим, что этот стиль межличностного взаимодействия больше свойственен испытуемым женского пола (57,9% против 16,6% у мужчин), которые в большей степени характеризуются энтузиазмом, стремлением к гармоничным отношениям с другими людьми, широким кругом интересов и увлечений, высоким уровнем тревожности и низким – агрессивности, стремлением отвечать ожиданиям референтной группы,.

Испытуемые склонны к идеализации межличностных отношений, достаточно коммуникабельные и доброжелательные, стараются произвести хорошее впечатление на окружающих, но самооценка в основном неустойчива и зависит от мнения значимых людей.

Молодежь, у которой преобладает властный-лидирующий тип межличностных отношений, предпочитает абстрактные аватары, среди которых практически не встречаются собственные фотографии. Они часто создают виртуальные сообщества, активно участвуют в обсуждении разнообразных тем, даже если практически не знакомы с предметом дискуссии. Этот тип межличностных отношений свойствен как женщинам, так и мужчинам (26,9% и 66,7% соответственно). Существенное отличие между представителями разного пола с властным-лидирующим типом межличностных отношений заключается в количестве виртуальных друзей и использованных статусах. Если женщины пытаются добавить в свой список как можно больше друзей, с которыми незнакомы и не общаются даже в виртуальном мире, выбирают статусы, подчеркивающие их силу и преимущество («Когда вам покажется, что цель недостижима, не изменяйте цель – изменяйте свой план действий», «Если ты попробуешь, у тебя есть два варианта: получится или не получится. А если ты не попробуешь, то есть всего один вариант»), то мужчины характеризуются небольшим количеством друзей, а в статусах лаконично отображают свое нынешнее состояние («Женат», «Счастлив»). В целом испытуемые с властным-лидирующим типом межличностных отношений характеризуются доминантностью, склонностью к лидерству, ориентацией преимущественно на собственное мнение, поиском признания, демонстративностью, выраженной потребностью в самореализации, часто непоследовательностью в принятии решений, выраженным чувством соперничества, упрямством и импульсивностью.

Еще одним популярным среди молодежи типом межличностных отношений является недоверчивый-скептический (у 15,4% женщин и 16,7% мужчин). Эти исследуемые характеризуются недоверчивостью, скептицизмом, подозрительностью, склонностью к иронии и самоиронии. Страх открытого участия в конфликтах часто сочетается с высокой внутренней конфликтностью и агрессивностью. Они выбирают в качестве аватаров преимущественно собственные фотографии на фоне известных архитектурных достопримечательностей (в частности во время путешествий). Виртуальных друзей у них мало, преимущественно это знакомые в реальной жизни люди, возможность получения личных сообщений от посторонних лиц у них часто заблокирована, а в качестве статусов они нередко используют музыку из плей-листа аудиозаписей.

Таким образом, общение в виртуальном пространстве сегодня становится все более популярным. В современном Интернет-пространстве выделяют такие виды коммуникации как сообщества, блогосферы, социальные сети, форумы и чаты. Среди современной молодежи самыми популярными являются социальные сети – Фейсбук и Вконтакте. Проанализировав особенности общения в социальных сетях, мы пришли к выводу, что ими чаще всего пользуется молодежь с сотрудничающим-конвенциональным типом межличностных отношений, для которой Интернет-коммуникация нередко является основным местом для самовыражения и апробации различных моделей социального взаимодействия.

ОСОБЕННОСТИ РЕШИТЕЛЬНОСТИ ПОДРОСТКОВ

А.Я. Лучинская (Казань)

Актуальность: Воля занимает одно из центральных мест в психолого-педагогических исследованиях, так как она является выражением сущности личности, проявлением её как субъекта. Проблема воли и решительности волновала человека давно. Например, у Юлия Цезаря существовало правило: “Великие дела надо совершить не раздумывая, чтобы мысль об опасности не ослабляла отвагу и быстроту”. Особенно важно изучить решительность в подростковом возрасте, так как именно в этом возрасте происходят стабилизация качеств личности и развитие волевой саморегуляции.

Проблема нашего исследования: в научной литературе нами не было обнаружено точного определения понятия “решительность”, к тому же решительность подростков не изучалась до сих пор.

Целью работы является выявление особенностей личности подростков, отличающихся уровнем развития решительности.

Задачи работы: Теоретический анализ категории «решительность» (как волевого качества личности); Подбор методик и проведение исследования особенностей личности подростков; Выявление взаимосвязи решительности с другими параметрами личности подростков; Проведение сравнительного анализа подростков, отличающихся разными уровнями развития решительности.

Гипотеза – решительность связана с другими личностными качествами, такими как тревожность, агрессивность, способность к самоуправлению и др., а также в зависимости от уровня решительности будут наблюдаться различные взаимосвязи решительности с другими регулятивными составляющими личности.

В данной работе была создана тестовая методика на изучение решительности соответствующая требованиям валидности и надежности. В исследовании приняли участие 60 человек (31 девушка и 29 юношей). Возраст испытуемые – 14-16 лет. Все испытуемые были разделены на три группы: нерешительные – далее НР (20), средне решительные – далее СР (20) и очень решительные – далее ОР (20). После разделения участников на выборки, проводилось тестирование с помощью методик, направленных на выявление различных качеств личности. В нашем исследовании использовались 6 тестов и методик:

Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожностью (Ч.Б. Спилберг, Ю.Л. Ханин); “Q – сортировка”; методика Баса – Дарки; тест на выявление способности к самоуправлению (ССУ); стратегии поведения в конфликтной ситуации (К.Томас); Висбаденский опросник (WIPPF) Н. Пезешкиана. Полученные данные были проанализованы с помощью сравнения средних, t – критерия Стьюдента и линейной корреляции Пирсона.

Главным итогом проделанной работы, являются психологические портреты подростков с разным уровнем решительности.

Очень решительные – такие испытуемые, у которых низкий уровень тревожности, почти не выражено внутреннее стремление к принятию групповых стандартов и ценностей. Формы проявления агрессии у данных людей направлены не на себя (чувство вины), а на других, т.е. вербальная агрессия, косвенная и физическая. Очень решительные наиболее честны по отношению к окружающим, точнее. В конфликтных ситуациях они предпочитают соперничество, так как эта стратегия удовлетворяет их интерес.

Нерешительные – часто испытывают ситуативную тревогу, стремятся уйти от взаимодействия, сохранить нейтралитет в групповых спорах и конфликтах, склонны к компромиссным решениям.

Изучив решительность, выдвинутые гипотезы были подтверждены. Действительно, подростки, различающиеся уровнем решительности, отличаются и некоторыми другими качествами: у них различные стратегии поведения в конфликтных ситуациях, они различаются уровнем агрессии и т.д.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ РЕГУЛЯТОРНЫХ МЕХАНИЗМОВ САМОСОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ)

Ц. Ф. Лю (Санкт-Петербург)

При общем для всей человеческой цивилизации понимании сути проявления толерантности, можно выделить и различия в ее личностном смысле и обеспечивающих ее психологических механизмах. Эти различия связаны с этнокультурами, в которых формируется личность. Особенностью организации нашего исследования была попытка получить информацию о личностных механизмах, обеспечивающих толерантное поведение молодых людей, имеющих сходный социальный статус – студенты ведущих национальных университетов, но разный этнокультурный опыт.

В настоящее время в Китае у большинства представителей студенческой молодежи не выражено традиционное для китайцев терпимое отношение к партнерам по взаимодействию. Причину этого некоторые специалисты видят в том, что современные молодые люди Китая являются единственным ребенком в семье; для них характерна сниженная способность совладания с нервно-психическим напряжением в трудных ситуациях, но при этом у них высокая самооценка и значительные жизненные запросы. Все чаще молодые люди, получающие университетское образование чувствуют, что между их реальными возможностями и мечтой большое несоответствие. Это, по мнению ряда специалистов, приводит к интолерантности.

В эмпирическом исследовании, проведенном в 2011-2012 гг., приняли участие студенты 4-го курса экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (n=40) и студенты гуманитарных факультетов Пекинского государственного университета (n=40). Предметом изучения была фрустрационная и коммуникативная толерантность, а также элементы самосознания и поведения. Нами использовались многократно апробированные и подтвердившие свою надежность и валидность методики: «изучение фрустрационных реакций» (С.Розенцвейг), «исследование самооценки с помощью процедуры ранжирования» (Г.Н.Казанцевой); «стили поведения с ситуации конфликта» (К. Томаса); «изучение коммуникативной толерантности» (В.В. Бойко); "способность самоуправления" (Н.М.Пейсахова), для выявления уровня сформированности основных операций самоуправления.

В соответствии с разработанной теоретической моделью, уровень фрустрационной толерантности связан с характеристиками самосознания (регулирующее влияние обобщенной самооценки и сформированные механизмы самоуправления) и поведения (стили, реализуемые в ситуации фрустрации), включает мотивационную направленность личности и ее волевой потенциал.

Эмпирическое выявлено, что у российских студентов экстрапунитивная направленность фрустрационных реакций используется чаще, чем китайскими в сочетании

с «эго-защитным» типом реагирования. В этом проявилась характерная для российских студентов тенденция интолерантности в ситуации фрустрации (они могут быть не толерантными в отношении окружения и отрицать свою ответственность за это более часто, чем это характерно для китайской группы студентов). При этом показатели интегральной способности самоуправления российских (28,0%) и китайских (25.6%) студентов не имеют значимых различий. С учетом нормативной шкалы оценки результатов (Н.М.Пейсахов, 1991), можно констатировать, что уровень интегральной способности самоуправления всех обследованных студентов соответствует среднему уровню сформированности и кроскультурная специфика по данной характеристике необозначилась.

Самооценка является регулятором поведения в условиях проблемного взаимодействия (Петанова Е.И., 2009). Она взаимосвязана с самоуправлением личности в сложных обстоятельствах. Показатели самооценки студентов из сравниваемых групп имеют средний уровень выраженности: у российских (0,58) и китайских (0,75) студентов, и отражают позитивное содержание значимых в студенческом возрасте характеристик «Я». Самооценка китайских студентов выше, чем российских ($p = 0,01$).

Коммуникативная толерантность характеризует степень переносимости личностью неприемлемых, по ее мнению, психических состояний, качеств и поступков партнеров по общению. Показатели коммуникативной толерантности в сравниваемых группах находятся в пределах средних значений (у российских студентов 45,76, у китайских студентов 66,95). По методике В.Бойко, чем ниже получившийся суммарный показатель, тем выше уровень коммуникативной толерантности. Показатель российских студентов значимо ниже ($p = 0,01$), это позволяет считать, что в проблемных коммуникациях декларируемая толерантность российских студентов выше, чем у китайских сверстников.

Результаты, отражающие активность использования студентами в конфликтных ситуациях произвольно-регулируемых стилей поведения, также характеризуют регуляторную специфику их самосознания. Выявлено, что наиболее предпочитаемыми способами реагирования в конфликтных ситуациях у российских студентов является сотрудничество (7,00) и компромисс (7,82), а у китайских студентов – компромисс (7,1) и избегание (7,55). Наименее используемым стилем для российских студентов оказался стиль приспособление (3,76), а для китайских студентов – соперничество (1,76). Таким образом, имеет место различие в направленности саморегуляции поведения в ситуации конфликта: для россиян характерно стремление приблизиться к конструктивному взаимодействию в форме сотрудничества, но избежать проявление приспособления. Для китайских студентов избегание конфликта и приспособление не является «угрозой» для самооценки, а избегание соперничества указывает на основную цель их ситуационной саморегуляции. Вероятно, именно в этом отражаются установки китайской этнокультуры, не поощряющей открытое проявление соперничества.

Можно заключить, что при одинаковом уровне ресурса самоуправления российские и китайские студенты по-разному распределяют регуляторные усилия, их толерантное поведение содержит специфику целей и критериев для самооценки его эффективности.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ-УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

И.Н. Ляшенко (Омск)

На сегодняшний день проблема насилия над детьми стоит особенно остро. Это подтверждают многие специалисты, имеющие отношение к общественной деятельности: психологи, педагоги, органы МВД и др. Именно поэтому проблема изучения насилия в школе является особенно актуальной и требует тщательного исследования данного феномена в особенности социально-психологических характеристик его участников, для того чтобы предупредить все те негативные последствия в развитии личности обучающегося и построении межличностных отношений между субъектами образовательного процесса, к которым приводит буллинг (В. Р. Петросянц, 2011).

В нашем исследовании мы попытались комплексно рассмотреть характеристики его участников, в том числе и сторонних наблюдателей, помимо жертв и преследователей и выявить те факторы, которые обуславливают принятие ребенком определенной роли в процессе школьной травли. Для изучения буллинга нами был выбран подростковый возраст, так как он является важным периодом в формировании многих характеристик личности, на которые буллинг может оказать большое влияние.

В качестве психологических феноменов выступающих факторами буллинга в школе нами были выделены: детско-родительские взаимодействия, самоотношение личности, механизмы психологических защит.

Цель нашего исследования заключалась в выявлении социально-психологических особенностей участников буллинга в зависимости от роли выполняемой в буллинге.

Выборку исследования составили 75 респондентов женского и мужского пола в возрасте 14-15 лет, обучающихся в школах города Омска. Из 75 респондентов 35 мальчиков и 30 девочек.

Для диагностики буллинга мы разработали авторскую анкету «Изучение буллинга в школе», диагностирующую три основные роли в буллинге: «Жертвы», «Преследователя», «Свидетеля». При составлении анкеты мы опирались на анкету Д. Олвеуса «Ситуация буллинга в школе» (D. Olweus, 2007) Для диагностики детско-родительского взаимодействия мы использовали методику «Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми (ВРР)» И.М. Марковской. Для выявления уровня самоотношения мы использовали «Тест-опросник самоотношения В.В. Столина». Для диагностики психологических защит мы использовали опросник Плутчика-Келлермана-Конте Индекс Жизненного Стиля (LSI - Life Style Index) модификация Е.С. Романовой Л.Р. Гребеникова.

Статистическая обработка осуществлялась при помощи: критерия асимметрии и эксцесса, t - критерия Вилкоксона, непараметрического критерия для 3-ех и более зависимых выборок χ^2 – Фридмана, метода ранговой корреляции г-Спирмена.

Результаты, полученные с помощью авторской анкеты «Изучение буллинга в школе» показали, что преобладающим видом насилия является психологическое, проявляющееся в изолировании, презрительном отношении, игнорировании, насмешках, запугивании и т. д., так 61,3% опрошенных отвечают, что в их школе чаще всего встречается именно данный вид насилия, мнение юношей и девушек о распространенности видов насилия в основном совпадает. Проявление буллинга происхо-

дит, как правило, в пределах школы, а распространенными местами являются учебный кабинет в отсутствие учителя, коридоры, лестничные клетки. Дети, подвергающиеся насилию, предпочитают сами справляться с этой проблемой, но все-таки чаще демонстрируют пассивные формы поведения (47,8%): прогулы школы, избегание, смирение, самыми распространенными переживаниями «Жертв» являются – злоба, ненависть и желание ответить тем же.

По результатам анкеты «Изучение буллинга в школе» нами были выделены 3 основные группы «Жертвы», «Преследователи», «Свидетели», различающиеся по уровню выраженности шкал анкеты. Наиболее многочисленная группа «Свидетелей». В группе «Преследователей» количество юношей вдвое превышает количество девушек. В группе «Жертв» и юношей и девушек равное количество, здесь нет жесткой закономерности того, на кого будет направлена агрессия «Преследователя».

По показателям средних значений самооотношения, механизмов психологических защит и параметров детско-родительского взаимодействия представители каждой из выделенных групп имеют свои особенности.

«Жертвы» имеют более низкое глобальное самооотношение, по сравнению с другими участниками буллинга, в структуре самооотношения у них не выражено самоуважение, ожидание положительного отношения от других, самоуверенность и самообвинение. В качестве защитных механизмов личности «Жертвы» чаще используют реактивное образование и интеллектуализацию. «Жертвы» имеют достаточно благоприятные отношения с матерью, характеризующиеся высоким контролем с ее стороны, принятием ребенка, эмоциональной близостью и удовлетворенностью самого ребенка его отношениями с матерью.

«Преследователи» имеют ярко выраженное глобальное самооотношение, но при этом ожидание положительного отношения от других находится у них на низком уровне. Наиболее типичными для «Преследователей» являются механизмы отрицания, проекции и замещение. «Преследователи» воспринимают свою мать как строгую, контролирующую, выступающую для них авторитетом, с которой они готовы делиться своим сокровенным и важным.

В группе «Свидетелей» структурные составляющие самооотношения находится на более высоком уровне. Ярко выраженными являются: самоуважение, самоинтерес, аутосимпатия, глобальное самооотношение. Отношения с матерью в этих группах оцениваются как более благоприятные, и характеризуются высоким контролем со стороны матери, высокой эмоциональной близостью с ней, принимающим отношением матери, высоким уровнем сотрудничества и авторитетностью матери и удовлетворенность отношениями с ней.

Резюмируя полученные данные можно сказать, что выделенные нами факторы (самоотношение, механизмы психологических защит и параметры детско-родительских взаимодействий) имеют свою специфику в группах участников буллинга, и определенным образом детерминируют принятие той или иной роли в буллинге.

Перспективами нашей работы может быть выявление типологий участников буллинга с помощью кластерного анализа, а также разработка программ профилактики, диагностики и коррекции последствий буллинга.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА

Е. А. Магазева (Омск)

Любой человек обладает возможностями выбора в своей жизни, ведь каждая минута представляет десятки вариантов: мелких и крупных, незначительных и самых важных, между которыми необходимо постоянно выбирать. Альтернативы, которые предлагаются человеку обстоятельствами, либо, которые он сам конструирует, нередко заключают в себе неизвестное и риск, что порождает неопределенность и тревогу, связанную с нею.

Многие психологи пытались ответить на вопрос, на каких личностных предпосылках основывается выбор человека. На основании анализа и обобщения различных точек зрения по проблеме личностного выбора важно отметить, что условием его необходимости является наличие неопределенности в ситуации, что и обуславливают ее проблемность для человека. Ситуация выбора во внутреннем плане порождает замысел, под которым понимается побуждающая и регулирующая сила сознания направленная на реализацию деятельности для устранения неопределенности в ситуации. Неопределенность значимой жизненной ситуации инициирует активность субъекта, которая выражается в стратегии, направленной на разрешение этой ситуации, что включает выделение в ней условий, их соотнесение с встающими перед человеком задачами. В сознании моделируется обобщенный и идеальный образ цели и способы ее достижения. Оценивание и осмысление ситуации личностного выбора во многом определяются индивидуальными особенностями субъекта. Обобщенный план преобразования ситуации личностного выбора, обусловленный индивидуально-психологическими характеристиками и включающий определение жизненного направления, альтернатив, способов и средств достижения мы обозначаем как стратегию личностного выбора. Субъект в ситуации личностного выбора «конструирует» необходимые альтернативы, вырабатывает критерии оценки альтернатив, выбирает подходящую и конкретизирует ее в качестве цели будущей деятельности. Мотивационный аспект личностного выбора заключается в том, что субъекту необходимо осознать значимость и сложность ситуации личностного выбора, определить ее ценность. Особое место в структуре активности занимают ценности и смысложизненные ориентации, которые определяют жизненные отношения личности и могут существенно влиять на специфику выбора.

Наше предположение состояло в том, что специфика аргументации при выборе альтернатив в ситуации личностного выбора детерминирована ценностно-смысловыми структурами: ценностями и смысложизненными ориентациями.

На предварительном этапе исследования с целью отбора испытуемых проводилось интервью. Результаты интервью анализировались с точки зрения недостаточности, фрагментарности и неструктурированности информации об альтернативах. Также для получения диагностических данных в исследовании применялись методики: методический прием выделения и анализа аргументов при осуществлении выбора, предложенный Д.А. Леонтьевым и Н.В. Пилипко, методика Е. Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах», тест смысложизненных ориентаций (в адаптации Д.А. Леонтьева). С целью статистической обработки данных применялись: кластерный анализ, дисперсионный анализ и критерий t-Стьюдента для независимых выборок. Всего в исследовании

приняли участие 98 человек, для которых ситуация личностного выбора являлась неопределенной, значимой и, по мнению испытуемых, определяющей их поведение на длительный период времени.

Задача нашего исследования на первом этапе состояла в определении специфики аргументации испытуемых, которую они использовали при осознании альтернатив выбора. На основании кластерного анализа выделено три кластера, которые различаются степенью преобладания одного из типов аргументации. Первый кластер составили испытуемые, которые при осуществлении выбора оценивали соответствие своим возможностям и способностям тех альтернатив, на которые притязали. Второй кластер составили испытуемые, которые ориентировались на престижность альтернативы, на достижение посредством ее реализации статусных преимуществ и материального благополучия. Испытуемые, составившие третью группу, ставили перед собой задачи, лично значимые и интересные для них, у них явно выражена ориентация на достижение высокой продуктивности и саморазвитие в будущей деятельности.

Исходя из полученных данных, лица, опирающиеся на смысловую аргументацию при выборе альтернатив, способны реализовать многие из ценностей, но не испытывают к этому интереса, что объяснимо отсутствием целей в долгосрочной перспективе и именно поэтому достижение ценностей, не является значимым. Это подтверждается показателем «цели в жизни», который у испытуемых этой группы значимо ниже, чем у лиц с объектной аргументацией. Необходимо отметить, что при устном опросе лица со смысловой аргументацией, выдвигая критерии оценки альтернатив, не совсем способны сформулировать, что в их понимании заключает в себе та или иная альтернатива. Отсутствие значимых целей, в долгосрочной перспективе может повлечь за собой пассивность и бездеятельность этих испытуемых.

Лица с субъектной аргументацией опираются на альтернативы, которые соответствуют их возможностям, но не учитывают свои собственные интересы. Разрешая противоречие между «хочу», «могу» и «надо» они принимают в расчет только способности, не учитывая социальные требования и личные интересы, и поэтому жизнь может казаться им неуправляемой.

Лица с объектной аргументацией воспринимают свои ценности как достаточно реализуемые, хорошо представляют свои цели и способы их достижения. Испытуемые испытывают интерес к результатам планируемой деятельности, так как ее выполнение предполагает множество преимуществ, пытаются оценить свои возможности по достижению цели. У них четко проявляется направленность на достижение результата.

Таким образом, анализ результатов подтвердил выдвинутую нами гипотезу о том, что специфика аргументации при выборе альтернатив детерминирована ценностно-смысловыми структурами: ценностями и смысловыми ориентациями.

РАЗВИТИЕ САМОРЕГУЛЯЦИИ СУБЪЕКТА СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Л.Г. Майдокина (Саранск)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Государственного задания ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», проект «Исследование стратегий формирования психологической безопасности субъекта спортивной деятельности».

Современный спорт характеризуется наличием множества источников психологической угрозы личности: «предстартовая лихорадка», «предстартовая апатия», повышенная тревожность, агрессивность и др. Указанные источники препятствуют собранности и настроенности спортсмена на предстоящую деятельность. Те же источники способствуют закреплению страха, растерянности, неуверенности в собственных силах; приводят к деформациям личности, развитию психологической беспомощности, неадекватности оценки психологической опасности. Исходя из этого, обращение к вопросу развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности как условие достижения его психологической безопасности является весьма актуальным.

В настоящее время в психолого-педагогических исследованиях особое внимание уделено проблеме субъекта деятельности. Учеными предложены ценные теоретические идеи, концепции, положения, на которых базируется понимание субъекта и субъектности (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, С. Л. Рубинштейн).

Для нашего исследования особый интерес представляет определение трактовки «субъект», предложенное Е. А. Сергиенко [2]. Ученый под субъектом понимает качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности.

В определении четко видно, что одним из центральных элементов структуры субъекта является саморегуляционная система, развитие которой у спортсмена способствует достижению его психологической безопасности.

Под психологической безопасностью личности Е. Н. Руськина [1] понимает состояние психологического благополучия, достигаемое в результате владения приемами нейтрализации и преодоления психологической опасности и наличия атмосферы психологической безопасности социальной среды, способствующее сохранению целостности личности ее развитию и нормальному функционированию. Автор утверждает, что для достижения состояния психологической безопасности важно осознание причастности личности к обеспечению благоприятной психологической атмосферы: способность защитить не только себя, но и окружающих, отказ от применения психологически опасных способов поведения, высокий уровень нравственного развития и т. д.

С целью развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности как условие достижения его психологической безопасности нами разработана программа «Психическая саморегуляция в спорте». Она представлена теоретической и практической ча-

стями, которые взаимообусловлены и взаимозависимы. Теоретическая часть предполагает формирование психологических знаний, необходимых для эффективного овладения навыками психической саморегуляции (виды предстартовых эмоциональных состояний, методы и способы саморегуляции психического состояния и др.). Практическая часть ориентирована на выработку конкретных умений и навыков, необходимых для качественного осуществления спортивной деятельности (умение управлять собственным эмоциональным состоянием в спорте, умение регулировать агрессивность и др.).

Среди практических заданий, предлагаемых спортсмену можно выделить следующие: составьте и обоснуйте собственные требования к психолого-педагогическому отбору в спортивные секции или сборную команду (вид спорта – по выбору); осуществите самодиагностику психических состояний; подберите видеоролики с проявлением различных эмоциональных состояний в спортивной деятельности; проанализируйте дневниковые записи психических состояний спортсмена и разработайте психолого-педагогические рекомендации по коррекции неблагоприятных психических состояний спортсмена; выделите характерологические качества спортсмена, участвующие в системе саморегулирования и отразите их в таблице; предложите собственные средства и методы саморегуляции в спорте; выполните ряд упражнений для овладения способами саморегуляции; подготовьте конспект психологической беседы с презентацией с целью просвещения спортсменов по вопросу развития навыков саморегуляции; разработайте конспект профилактической лекции для спортсменов с целью предупреждения неблагоприятного психического состояния; предложите собственные словесные формулы, способствующие процессу психологического восстановления и др.

Освоение курса рассчитано на 36 часов. Формой итоговой аттестации по результатам освоения программы является зачет, который складывается из успешного выполнения контрольно-измерительного теста и защиты научной работы по предложенной теме с обязательным обоснованием психолого-педагогических рекомендаций разрешения поставленной в работе проблемы.

В результате изучения курса у субъекта спортивной деятельности формируются знания о психической саморегуляции в спорте; развиваются умения использовать средства и методы саморегуляции, управлять собственным поведением и поведением других людей в условиях спортивной деятельности. Сформированные умения регулировать собственное психическое состояние позволят субъекту спортивной деятельности достичь психологической безопасности.

КАЧЕСТВО ИЗОБРАЖЕНИЯ КАК ПРЕДИКТОР УСПЕШНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НА ИЗОБРАЖЕНИИ

И.Н. Макаров (Ярославль)

Распознавание лиц является одной из важнейших задач в таких областях прикладных междисциплинарных исследований когнитивной науки как цифровая обработка изображений, компьютерное зрение, организация видеоконференций, создание интеллектуальных систем безопасности и т. п. Под распознаванием понимается установление принадлежности данного элемента к определенному множеству. Про-

цесс распознавания лиц обычно состоит из трех этапов: обучения машины, поиск области лица на изображении, и сравнение найденного лица с лицами, находящимися в базе. Несмотря на значительные усилия по разработке алгоритмов распознавания лиц, до сих пор не создана система, способная работать без искусственных ограничений, с учетом всех возможных вариаций параметров изображений, таких как шумы сенсоров, расстояние до объекта и уровень освещенности. Единственная система, которая хорошо справляется со своей задачей — это зрение человека. Поэтому важно изучить стратегии, которые использует эта биологическая система, и попытаться использовать их при разработке искусственных алгоритмов.

Целью данного исследования являлось установить влияние качества изображения на успешность и механизмы определения демографических характеристик людей на изображениях.

Гипотезы:

1) Тип искажения оказывает влияние на качество и стратегию определения демографических характеристик

2) Степень искажения оказывает влияние на изменение качества и стратегии определения демографических характеристик при увеличении искажения.

Степень искажения влияет на сложность распознавания: чем выше степень, тем сложнее.

Под качеством понимается успешность распознавания.

Выборка: 24 студента-добровольца из ЯрГУ (возраст от 18 до 23 лет, 4 юноши и 20 девушек)

Материал и Процедура

Экспериментальный материал предъявлялся на экране компьютера, с помощью программы PowerPoint и состоял из 12 серий по 6 черно-белых изображений в каждой, разных возрастов и 3 рас. Каждому испытуемому предъявлялась 1 серия изображений, одного типа искажения, состоящая из всех 3 рас обоих полов и всех 6 степеней искажения без повторений.

В исследовании варьировались две переменные: тип искажения (Blur и шум гаусса (два этих типа выбраны по той причине, что Blur является более естественным искажением, с которым человек сталкивается ежедневно (отчасти сходный с воздушной перспективой), а шум гаусса – искусственен (с таким типом искажений человек обычно не сталкивается)) и степень искажения (1-6). Для Blur применялся медианный фильтр с маской (степени искажения 1 - оригинал, 2 - 7 на 7, 3 - 11 на 11, 4 - 15 на 15, 5 - 19 на 19, 6 - 23 на 23). Для шума гаусса изменялась дисперсия распределения (степени искажения 1 - оригинал, 2 - 0,2, 3 - 0,3, 4 - 0,4, 5 - 0,5, 6 - 0,6)

Все изображения уравнивались по качеству с помощью следующей процедуры: выбиралась большая сторона. Ее делили на 700, получался коэффициент масштабирования, после этого вторую сторону делили на этот коэффициент, в итоге получалось отмасштабированное изображение.

В исследовании использовался прибор SMI ETG, использующий технологию «темного зрачка».

Основные результаты:

Шум гаусса вызывает у испытуемых большее напряжение, которое определялось по ширине зрачка, на протяжении всей процедуры распознавания. Время распознавания каждого изображения было разбито на периоды. Периоды выделялись следующим образом: количество фиксации на каждом изображении делилось на 5 и в первые 4 распределялось поровну, а в последний период – остаток.

По итогам: шум Гаусса требует не только большего усилия от испытуемых при опознании, но так же напряжение на протяжении всего опознания практически не изменяется. Тогда как усилия, которые требуются для опознания при Blur меняются с течением времени. Интересен переход с четвертого на пятый этап, а именно уменьшение размера зрачка. Можно предположить, что во время 4 периода испытуемый окончательно принимает решение, тогда как при шуме Гаусса испытуемый пребывает в неуверенности до самого конца.

Таким образом, видно, что тип искажения влияет на успешность определения демографических характеристик, причем шум Гаусса является большим дистрактором.

Напряжение вызываемое шумом гаусса сильнее и более равномерное, чем напряжение, вызываемое Blur, при разных степенях искажения

Влияние степени искажения при Blur ($F=18,21, p=0,0000$)

Влияние степени искажения при шуме гаусса ($F=10,81, p=0,0000$)

Влияние между всеми факторами значимое. Особенно интересным является то, что для опознания оригинала при шуме Гаусса требовались большие усилия, чем для опознания изображений при других степенях искажения. Возможны два основных объяснения. Первый заключается в том, что из-за малого количества испытуемых были привнесены влияния их индивидуальных особенностей, что на большей выборке бы не отразилось. Второй, если предположить, что первый не верен, заключается в том, что по плану 10 из 12 оригиналов приходились не на начало серии, а при том что шум Гаусса является более сильным искажением, то испытуемый во время серии встретивший оригинал не стал расслабляться, а так как оригинал больше не встречался, то соответственно и напряжение, которое испытывал испытуемый не проходило.

Таким образом фактор степени искажения влияет на успешность опознания.

Резюме:

Тип и степень искажения оказывает влияние на качество и стратегию определения демографических характеристик. Кроме того в целях экспериментального смещения использовались различные изображения, варьирувавшиеся по полу, возрасту, расе, проценту площади изображения, занимаемого лицом, наличием дополнительных предметов и др. Данные вариации в силу малой выборки сами сыграли роль дополнительных переменных.

Можно предположить, что в основе распознавания при разных типах искажения используются разные механизмы. Но для них может быть общим то что при небольших искажениях Blur - вначале изображение лица воспринимается холистически, а при больших степенях, где-то после 3-4, аналитически, что снижает эффективность. А шум гаусса воспринимается аналитически при любой степени искажения.

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Е.А. Макарычева (Москва)

Арт-терапевтическое направление сформировалось на основе синтеза искусства и психологических знаний. В настоящее время, она включает в себя множество разнообразных форм и терапевтических методов, отличительной чертой которых, является работа с широким спектром различных состояний и категорий клиентов.

Арт-терапия может применяться в терапевтических и различных развивающих группах, а так же отлично сочетается с другими психотерапевтическими подходами. Благодаря гибкости форм данное направление эффективно при работе с детьми. В рамках арт-терапии ребенок может проигрывать, переживать, осознавать конфликтную ситуацию настолько насколько он к этому готов, что является наиболее безопасным для психики ребенка способом терапии.

Кроме того, в рамках терапии искусством, дети могут раскрыть свои переживания прежде всего невербально, что может быть наиболее легким для ребенка. позволяет не испытывая страха со стороны окружающих как может возникнуть при вербальной коммуникации.

Данная работа посвящена изучению влияния арт-терапевтических занятий на уровень тревожности. Причины возникновения и закономерности развития тревожного поведения рассматриваются в контексте общей тревожности.

Понятие тревожность можно определить как дискомфортное состояние, предвещающее о надвигающейся опасности, вызывающей волнение и страх, мешающие адекватно воспринимать действительность. В связи с рассмотрением главных причин тревожности и возрастных особенностей, можно сказать, что для тревожного ребенка младшего школьного возраста затрудняются взаимоотношения со сверстниками, любая неизвестная деятельность воспринимается со страхом и ожиданием неуспеха в ней. Самооценка такого ребенка, скорее всего, будет снижена, а так же тревожный ребенок будет склонен испытывать стресс даже в тех ситуациях, в которых им ничего не угрожает. В целом, можно сказать, что тревожные дети отличаются повышенным беспокойством, неуверенностью и эмоциональной неустойчивостью.

Арт-терапевтические занятия, проходящие в безопасном терапевтическом пространстве, способствующем высвобождению негативных переживаний ребенка, преобразованию их в положительные эмоции, раскрытию творческого потенциала и постижению своего внутреннего мира будут весьма эффективными для тревожного ребенка.

Мы предположили, что с помощью методов арт-терапии можно снизить уровень тревожности у детей младшего школьного возраста. В исследовании приняло участие 11 человек в возрасте от 7 до 11 лет. В ходе развивающих занятий мы использовали технику Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой-Д.Б. Кудзилова «Карта сказочной страны» и «Раскрашиваем эмоции и чувства» Л.Д. Лебедевой. До начала и после окончания проведения серии арт-терапевтических групп мы проводили диагностику тревожности с помощью теста школьной тревожности Филлипса.

Согласно полученным данным, в первом этапе исследования у 11 испытуемых была выявлена высокая и повышенная тревожность (>50% и >75%). По результатам второго и третьего этапа – проведения арттерапевтических занятий и теста школьной тревожности Филлипса, направленного на выявление уровня тревожности, среди выбранных 11 испытуемых, 4 из них по-прежнему имеют высокую и повышенную тревожность (>50% и >75%), 1 испытуемый, а у 6 испытуемых уровень тревожности снизился (<50%).

Лишь у одного испытуемого, выявлен промежуточный результат (50%), но по сравнению, с первым этапом, имеется тенденция к снижению тревожности.

Таким образом, из проведенного исследования следует, что уровень тревожности снизился у большинства испытуемых. Используя методы арт-терапии можно снизить уровень тревожности у детей младшего школьного возраста.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПЕНСИОННОГО ФОНДА РФ

Н.Ю. Макеева (Тверь)

Профессиональная деятельность специалистов Пенсионного фонда Российской Федерации (далее - ПФР) несет в себе социально-значимый характер по обеспечению экономического благополучия граждан РФ и защите их пенсионных прав. Специфика деятельности специалистов ПФР выражается в структурной подразделенности и соподчиненности, жесткой регламентации труда и многофункциональности. Данные особенности предъявляют высокие требования к профессиональным и личностным характеристикам специалистов. Значимым требованием выступает наличие профессиональной ответственности, обеспечивающей успешность и продуктивность выполнения профессиональных задач.

Мы рассматриваем профессиональную ответственность как интегральную характеристику субъекта труда (профессионала), отражающую процесс осуществления им деятельности с опорой на самостоятельные решения и действия с целью достижения оптимального результата, соответствующего профессиональным стандартам и общественным требованиям. Предполагаем, что профессиональная ответственность специалистов ПФР обуславливается рядом факторов, а именно, определенным набором личностных характеристик – локусом контроля, нервно-психической устойчивостью, воспринимаемой самоэффективностью, толерантностью к неопределенности, ценностными ориентациями, а также организационно-психологическими характеристиками самой деятельности, организационными ценностями специалистов, их профессиональной удовлетворенностью и внутренней профессиональной мотивацией.

Исследование факторов профессиональной ответственности проводилось на специалистах ПФР в возрасте от 20 до 63 лет, различающихся структурной принадлежностью (клиентская служба и пенсионные отделы). В ходе исследования применялись: авторский опросник «Структура и уровень профессиональной ответственности», опросник «Диагностика рабочей мотивации» Р.Хакмана и Г.Олдхема, ценностный опросник С.Шварца, методика «Ценностные регуляторы организационного поведения» Т.С. Кабаченко, методика диагностики субъективного контроля Дж.Роттера (адаптация Бажина Е.Ф., Голынкиной С.А., Эткинды А.М.), многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г.Маклакова и С.В. Чермянина, опросник толерантности к неопределенности Т.В. Корниловой, методика определения уровня самоэффективности Шеер-Маддукс (адаптация Бояринцевой).

В результате исследования были получены корреляционные взаимосвязи профессиональной ответственности и ее структурных компонентов с рядом индивидуально-личностных особенностей специалистов ПФР и социально-психологическими характеристиками работы. Именно эти переменные включались в дальнейший факторный анализ.

Факторный анализ индивидуально-личностных свойств и организационно-психологических характеристик профессиональной деятельности, позволил выделить 13 латентных факторов, детерминирующих профессиональную ответственность специалистов ПФР: 1) «Ценности открытости новизне и изменениям», 2) «Организационные ценности исполнения обязательств», 3) «Профессиональная удовлетворенность», 4) «Внутренняя профессиональная мотивация», 5) «Интернальный локус-контроля», 6) «Ценности служения обществу», 7) «Ценность формальных структур

организации», 8) «Самозффективность и стрессоустойчивость», 9) «Автономия в деятельности и оценке своей работы», 10) «Возможность выполнять деятельность от начала и до конца, применяя разнообразные профессиональные навыки», 11) Толерантность к неопределенности», 12) «Профессиональное взаимодействие», 13) «Ценность достижений и аффилиации».

Выделенные факторы однозначно интерпретируют детерминацию профессиональной ответственности специалистов ПФР. Однако необходимо отметить тот факт, что большинство факторов отображают специфику организационной среды и социально-психологические характеристики деятельности, что, безусловно, отражает особенность сферы пенсионного обеспечения.

Данная система психологических факторов профессиональной ответственности является обобщенной для всех специалистов ПФР в независимости от их структурного подразделения. Анализ профессиональной ответственности и факторов ее детерминирующих в группах специалистов клиентских служб и пенсионных отделов, позволяет выявить особенности детерминации профессиональной ответственности.

Так, профессиональная ответственность специалистов клиентских служб детерминируется в первую очередь ярко выраженной внутренней профессиональной мотивацией, высокой самозффективностью и стрессоустойчивостью и возможностью профессионального взаимодействия в ходе работы. Профессиональная ответственность специалистов пенсионных отделов в первую очередь обуславливается высокой самозффективностью и стрессоустойчивостью, толерантностью к неопределенности, профессиональной удовлетворенностью, а также такой организационной характеристикой как «возможность выполнять свою работу от начала и до конца, применяя разнообразные профессиональные навыки».

Обнаружена специфичность влияния фактора «Организационные ценности исполнения обязательств» на профессиональную ответственность. Если для специалистов пенсионных отделов ориентация на поддержание и следование ценностям исполнения обязательств, а именно соблюдение временных границ выполнения деятельности, достижения требуемого результата, а также нормативности деятельности способствует осознанию и переживанию ответственности, то для специалистов клиентских служб этот фактор способствует снижению инициативности в работе (как одного из структурных компонентов профессиональной ответственности).

Проведенное исследование показало, что система факторов профессиональной ответственности специалистов ПФР достаточно широка, выделяются ведущие факторы профессиональной ответственности в зависимости от структурной принадлежности. Полученные результаты легли в основу построения программы психологического сопровождения профессиональной ответственности специалистов ПФР.

ФАКТОРЫ ПРОДУКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

М.А. Максимов (Москва)

Адаптация является одним из основных критериев разграничения нормы и патологии в психической деятельности человека и является важнейшим условием его физического и психического здоровья, позволяет удовлетворить личностные потребности, обеспечивая соответствие психической деятельности и поведения требованиям среды.

В исследованиях по социально-психологической адаптации в ситуации миграции собран достаточно обширный материал, по выявлению факторов адаптации мигрантов в новой социальной среде. Многие авторы выделяют объективные и субъективные либо внешние и внутренние факторы адаптации.

Мы считаем вполне справедливым и оправданным разделение факторов социально-психологической адаптации мигрантов на объективные и субъективные. Более того, мы рассматриваем объективные и субъективные факторы в тесной взаимосвязи друг с другом, как способные влиять друг на друга, а так же выделяем еще один вид факторов – объективно-субъективные.

Основываясь на анализе факторов, выделяемых другими исследователями, мы считаем необходимым выделить собственные факторы социально-психологической адаптации мигрантов, которые соотносятся с нашим пониманием адаптации и вписываются в концепцию нашего исследования с описанием и обоснованием данных факторов:

Объективные факторы:

1. Возраст – один из наиболее важных и исследованных критериев, и хотя по этому критерию нет однозначных данных, большинство исследователей сходятся во мнении, что пожилые люди и люди предпенсионного возраста, а также подростки и дети испытывают наибольшие трудности в процессе адаптации к социокультурной среде.

2. Пол – еще один хорошо изученный и важный критерий, но он является довольно неоднозначным, поскольку в исследованиях существуют различные данные об успешности адаптации мужчин и женщин.

3. Национальные и культурные различия – в данном случае исследователи единодушны в своих выводах: чем больше национальные и культурные различия, тем больше дистанция между коренным населением и мигрантами, тем хуже взаимоотношения между ними, что затрудняет процесс социально-психологической адаптации мигрантов к новым для них условиям.

Субъективные факторы:

1. Удовлетворенность жизненными изменениями в миграции – основной и однозначный показатель социально-психологической адаптации. Исследователи, изучавшие данный фактор, отмечают четкую взаимосвязь между удовлетворенностью жизненными изменениями и уровнем социально-психологической адаптации, которая отражается в позиции Багери Масуда: «чем выше уровень субъективной удовлетворенности новым местом пребывания, чем более близкими воспринимаются своя культура и культура принимающей стороны, тем успешнее протекают процессы адаптации к новым социокультурным условиям».

2. Осмысленность жизни – наличие смысла в жизни является важнейшим компонентом адаптации, самореализации и развития. При нарушении процесса адаптации возникает риск деформации смысловой сферы и, как следствие, наступления полной дезадаптации. В. Франкл рассматривает стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности. По мнению В. Франкла, для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в смысл, которым обладают его поступки.

3. Уровень активности во взаимодействии со средой – является основополагающим фактором адаптационного процесса у большинства исследователей социально-психологической адаптации мигрантов и адаптации в целом. Отметим необходимость наличия у субъекта адаптации как внешней активности, по преобразованию

внешней среды, так и внутренней активности по преобразованию своего внутреннего мира.

4. Уровень агрессивности – является достаточно четким критерием адаптации, так как обладает качественной и количественной характеристикой. Показателем адаптированности является не наличие или отсутствие агрессивности, а оптимальный уровень выраженности данного критерия. Каждая личность должна обладать определенной степенью агрессивности, чтобы отстаивать свое право на существование и индивидуальное развитие. Отсутствие агрессивности приводит к пассивности, ведомости, конформности. Чрезмерное ее развитие начинает определять весь облик личности, приводит к социальной дезадаптации и девиантному поведению, такая личность может стать конфликтной, неспособной на сознательную кооперацию.

5. Уровень тревожности – по мнению многих исследователей, тревожность может являться определяющим показателем социально-психологической адаптации. Так Э. Эриксон считает, что уровень адаптированности определяется степенью тревожности, а при высокой степени тревожности наступает дезадаптированность. Дезадаптированность в окружающей среде, сопровождающаяся высоким уровнем тревожности провоцирует появление психических и соматических расстройств, вызывает депрессию, что только усугубляет процесс дезадаптации.

Объективно-субъективные факторы:

1. События жизни – мы относим данный фактор к объективно-субъективным, так как нас интересуют не столько жизненные события сами по себе, сколько жизненные ситуации, а ситуация - это система субъективных и объективных элементов, появляющихся в результате активного взаимодействия субъекта и среды. В рамках данного исследования в качестве ситуационного фактора мы рассматриваем события жизни человека, с одной стороны и влияние этих событий на человека, его отношение к ним с другой, что позволяет выявлять адаптационные возможности личности. Так, Л.Ф Бурлачук и Е.Ю. Коржова считают, что «ситуационный компонент внутренней картины жизненного пути – один из показателей функционирования адаптационного процесса».

2. Уровень образования – по мнению исследователей, данный критерий представляет более широкие возможности в понимании и осмыслении происшедшего, способствует более глубокому пониманию своего места и роли в новых условиях, а соответственно улучшает качество процесса социально-психологической адаптации.

ТЕОРЕТИКО-ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА ДОНАУЧНЫХ ТЕОРИЙ МОТИВАЦИИ

С.В. Максимов (Уфа)

Психология мотивации богата современными теориями и методами, большинство из которых появилось в XX веке, но потенциал мотивационных теорий, стоящих у истоков, не использован до конца. В данной статье мы теоретически предполагаем возможные варианты развития античных и средневековых теорий, если бы они продолжили своё существование до наших дней.

Основные мотивационные теории общеизвестны и доступны. Все они были рассмотрены с различных позиций и по поводу каждой выражали своё мнение многие именитые учёные.

Но "погибшим" теориям мотивации такие привилегии недоступны: современники про них говорили мало, а их история часто заканчивалась довольно бесславно. Но, как и во всех других науках, даже ошибочные теории играли положительную роль в формировании научно-теоретической и научно-практической базы. Опираясь на расхожее выражение "Всё новое - хорошо забытое старое", хотелось бы попробовать дать вторую жизнь необычным и даже где-то наивным теориям мотивации, которые имели место быть.

Если придерживаться хронологии, то родоначальником будет древнегреческий философ Гераклит Эфесский, который выдвинул одну из первых в мире потребностно-мотивационных теорий. Он считал, что каждое удовлетворение потребности ведет к ослаблению "психеи" (Ярошевский М. Г., 1985). То есть у каждого желания есть цена, выражающаяся в "психеи", за которую оно "покупается". Важной частью его теории является идея врожденного объёма "психеи", то есть "душевного бюджета". Такая экономическая составляющая обособляет данную теорию от других и даёт простор для прогнозирования событий "альтернативной" истории.

Сделаем допущение о том, что данная теория получила своё дальнейшее развитие. Ведь вполне возможно, что "экономическая теория" Гераклита, претерпев эволюционные преобразования, могла бы соперничать с крупнейшими мотивационными теориями XX века.

Если рассматривать "психею" как жизненную энергию организма, то сразу проводится параллель с психоаналитической теорией мотивации З.Фрейда, который считал, что человек - замкнутая энергосистема с врожденным количеством энергии, которая обеспечивает его существование. Главное отличие теории Гераклита от психоаналитической теории заключается в том, что в его теории человек рассматривается как открытая однонаправленная энергосистема, но параллель очевидна.

Но если эту же теорию перевернуть "вверх ногами" и представить, что "психея" - это энергия не жизни, а неудовлетворенности, то мы получим пирамиду Маслоу в другой интерпретации, где при удовлетворении потребности исчезает определенная часть "психеи", и где самоактуализируется лишь человек, полностью избавившийся от "психеи".

Выше приведено лишь два примера возможного развития «ушедшей» теории мотивации, но на самом деле их намного больше, ведь потенциал теории Гераклита огромен, особенно понимая то, что подавляющее большинство мотивационных теорий являются сугубо теоретическими, эмпирически слабо доказуемыми. Но они являются точкой отсчета, которая помогает психологу ориентироваться в человеческой личности, а "экономическая мотивационная теория" Гераклита имеет большой потенциал в создании новой системы, которая бы пополнила банк научно-психологического знания.

Со времен теории Гераклита до создания следующей мотивационной теории, которую мы рассматриваем, прошло около двух тысяч лет. Несмотря на это, "экономический" дух теорий мотивации сохранился, подкрепился открытиями в математике и механике и дал ещё один "росток" - им стала теория принятия решений (Немов Р.С., 2003). Данная теория основывается на предположении, что человек выбирает ту альтернативу, что с наибольшей вероятностью удовлетворит его потребность. Согласно этой теории, человек неосознанно производит математические вычисления по формулам теории вероятности. Сама теория принятия решений просуществовала недолго, но давайте представим, что она продолжила развиваться дальше. Что бы могло получиться?

Если бы теория принятия решений просуществовала до начала XX века, когда активно набирала мощь психология развития, то она бы стала объектом её пристального внимания. Мотивация ребенка - проблема актуальная, требующая изучения, поэтому её бы пытались объяснить с позиции теории принятия решений. К чему это могло бы привести? Получается, если ребенок обладает мотивационной сферой с детства, то формулы теории вероятности заложены генетически или являются врожденными, что подтолкнуло бы ученых к дальнейшим исследованиям в этой области, а то могло и вообще совершить научную революцию. Но даже если бы результат был отрицательным, то благодаря данной теории когнитивная психология зародилась бы на два десятилетия раньше, ведь теория принятия решений - её прямой "предок". Конечно, не всегда выводы по формулам будут соответствовать действительности, так как в жизни на появление и протекания того или иного события влияет огромное количество факторов, которые невозможно в полной мере обобщить и проанализировать, а, следовательно, и просчитать. В данном случае получается несовпадение двух знаний - предполагаемого результата и полученного, а такое несовпадение является одной из причин когнитивного диссонанса по Леону Фестингеру (Л. Фестингер, 1999).

Результаты, полученные при проведении теоретического аналитико-прогностического исследования, показывают, что теория принятия решений могла значительно повлиять на зарождение когнитивной психологии, что, несомненно, повлияло бы на иное дальнейшее развитие психологической мысли.

Резюмируя всё вышесказанное, хотелось бы добавить, что изучение "погибших" теорий и концепций, современное их исследование и интерпретация могут способствовать качественному скачку психологической науки. Ведь даже по теории вероятности, упоминаемой нами, не может быть такого, что за две тысячи лет не было создано ни одной психологической теории, имеющей право на продуктивное развитие и существование.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ГРУППЫ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ

Ю.О. Максимова (Ярославль)

В нашей работе «Проблемы управленческой группы и исполнительской группы» изучалось взаимодействие данных малых групп, а также влияние ролевой структуры группы на эффективность ее работы. Большой вклад в изучение этого вопроса внесли работы Р.М. Белбина, которые стали теоретической основой для нашего исследования. К сожалению, в отечественной психологии данная тема пока не получила должного развития, что побудило нас к изучению проблем групповой эффективности.

Белбин выделял 8 командных ролей, присущих малым группам: рабочая пчелка, вдохновитель, генератор идей, аналитик, снабженец, руководитель, контролер, мотиватор. Все они выполняют различные функции и условно их можно разделить на основные и поддерживающие. Мы предположили, что наличие некоторых ярко выраженных групповых ролей, положительно влияет на производительность труда группы.

Основной гипотезой нашего исследования стало то, что наличие ярко выраженных ролей руководителя, аналитика, генератора идей и реализатора положительно

влияет на производительность рабочей группы. Для определения производительности малой группы среди различных критериев были выбраны следующие:

- активность;
- стрессоустойчивость;
- уровень управляемости группой;
- общность интересов;
- целеустремленность;
- вовлеченность в работу;
- стремление к успеху;
- сплоченность.

Объектами нашего исследования стали 6 малых групп, работающих в различных сферах деятельности, которым были предложены специально подготовленные опросники:

- опросник самовосприятия Р.М. Белбина, заполняемый всеми участниками групп;
- авторский опросник субъективной производительности малой группы, предложенный к заполнению руководителям.

По опроснику Белбина определялась ролевая структура групп. Полученные данные мы обрабатывали с помощью корреляционного анализа, для получения статистических проверенных результатов. Нашей основной задачей являлось, проверить влияют ли положительно на производительность малой исполнительской группы такие командные роли, как рабочая пчелка, руководитель, генератор идей и аналитик. Для этого мы сравнивали средние показатели этих ролей по группе и производительность групп.

По полученным в данном исследовании результатам не удалось выявить зависимость производительности группы от ее командно-ролевой структуры. Следует отметить, что данные результаты могут быть обусловлены ограниченностью выборки и спецификой работы групп, разным требованиям и контролю продуктивности.

Таким образом, целью нашей работы было выяснить, можно ли повлиять на производительность группы путем создания в ней определенной командно-ролевой структуры. В результате проведенного исследования оказалось, что влияние определенных командных ролей на эффективность группы незначительно. Из этого можно сделать вывод, что нужно продолжить исследовать влияние других характеристик на продуктивность и эффективность работы управленческих и исполнительских малых групп. В заключение, хотелось бы поблагодарить за помощь в работе над этой темой моего научного руководителя - к.псхн, доцента кафедры консультационной психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова Е.Н.Дубиненкову.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ НАДЕЖНОСТИ ПЕРСОНАЛА ОВД В ПРОЦЕССЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д.В. Малеев (Краматорск)

Основным источником недостатков в деятельности органов внутренних дел является неадекватный современным требованиям уровень профессиональной надежности личности сотрудника органов внутренних дел (ОВД). Проблема заключается в том, что процесс включения профессионала в деятельность происходит в новых условиях, а его подготовка осуществляется по старым принципам. Между тем, границы профессионального самоопределения личности гораздо шире и многограннее, включают в себя значительную часть духовных и нравственных ценностей, которые не несут утилитарной направленности, но без которых профессиональная деятельность не может быть надежной. Возникает необходимость научного осмысления и обоснования новой парадигмы формирования профессиональной надежности сотрудников органов внутренних дел (ОВД), которая является качественной интегральной характеристикой свойств личности, отражающей ее способность к осуществлению профессиональной деятельности. Профессиональная надежность персонала ОВД определяется нами как способность и готовность личности качественно и безошибочно выполнять служебные обязанности в соответствии с требованиями действующего законодательства, присяги, норм служебной дисциплины и корпоративной культуры, придерживаться стандартов профессиональной деятельности и этики.

В отечественной психологии категория надежности традиционно используется при анализе деятельности человека-оператора в системе «человек-машина» или «человек-машина-производственная среда», нами же осуществляется попытка использования объяснительных возможностей этого понятия при анализе закономерностей правоохранительной деятельности в системе «человек-человек». Г.С. Никифоров указывает на то, что дальнейшее расширение традиционного понятия надежности обусловлено применением личностного подхода. По мнению автора, не только профессиональное мастерство, но и нравственные качества работников влияют на безопасность, безаварийность и безошибочность их труда, эти качества и надежность профессиональной деятельности являются тесно связанными понятиями.

В связи с этим производной профессиональной надежности может явиться нравственная, личностная надежность, как отмечает Г.А. Балл, заключающаяся в «равновесие между постоянством и изменчивостью», сочетании «зависимости от ситуации с преодолением ее непосредственного воздействия».

В свою очередь нравственную надежность личности Е.Ю. Стрижов определяет как психологическое свойство, позволяющее производить в сознании смыслы моральных норм, понимать общественное значение и необходимость соблюдения этих норм, учитывать эти нормы при определении способа своего бытия. Регулировать свои потребности, текущие и перспективные цели с учетом интересов других людей, осознавать свою ответственность перед нравственными ценностями и идеалами, длительно и непрерывно противостоять нормам узкогрупповой и эгоистической морали.

Исследования Ю.В. Бессоновой, В.В. Волкова, Е.Р. Куашевой, Е.Ю. Стрижова, позволяют выделить мировоззренческие и ценностные предпосылки профессиональной

надежности, определить и осуществить прогноз личностных структур, обеспечивающих честное, добросовестное, ответственное отношение личности к своему труду, преданность интересам организации, верность своему слову, дисциплинированность и исполнительность в работе и службе.

Так, согласно исследованию Ю.В. Бесонновой, установлено, что надежность гораздо сильнее (по количеству и тесноте корреляций) взаимосвязана с ценностями, нежели с другими особенностями личности, включая даже функциональные состояния.

По мнению А.А. Волкова профессиональная деятельность, в том числе и специфика деятельности сотрудников ОВД, обуславливает личностные трансформации, которые существенно влияют на особенности профессиональной самореализации. Изменения внутренних связей и отношения между разноуровневыми компонентами и параметрами, определяющими, уровень личностной устойчивости и профессиональной надежности сотрудников ОВД являются следствием трансформации ценностно-смысловой сферы личности, включающие содержательно-смысловые и динамически-мотивационные изменения. Динамика трансформаций личностной сферы сотрудников ОВД на разных уровнях профессиональной самореализации проявляется в виде устойчивых мировоззренческих установок, смысложизненных стратегий.

Результаты проведенного исследования Е.Р. Куашевой позволили утверждать, что мониторинг мировоззренческих установок и ценностных представлений в процессе профессионализации (в аспекте его содержания, динамики и противоречий), позволяет прогнозировать кризисные явления, как на уровне конкретного профессионала, так и отдельных профессиональных групп и системы в целом.

Таким образом, субъективное понимание сотрудником сущности добра и зла, честности и обмана, законности и произвола, справедливости заключается как в формах репрезентации этих моральных категорий в его сознании, так и в способах их обобщения, анализа и интерпретации. Следовательно, особое место в психологическом сопровождении профессиональной деятельности сотрудников ОВД занимает проблематика нравственной надежности, формирования мировоззренческих установок, действенных просоциальных гуманистически-ориентированных ценностей, которые соответствуют этике избранной ими профессиональной деятельности. Оценка и исследование профессиональной надежности невозможны без раскрытия роли субъектной активности, влияния на деятельность самой личности, ее переживаний, структуру смыслов и ценностных приоритетов, реализуемых в труде. Поэтому представляется необходимым при изучении надежности уделить дополнительное внимание индивидуальной специфике ценностно-смысловой сферы сотрудника ОВД, его мировоззренческим позициям, субъективным переживаниям, значимости тех или иных профессиональных задач, целей, т.е. включенности профессиональной деятельности в личностную структуру смыслов, на особенности индивидуального реагирования на профессиональные трудности.

АНАЛИЗ СИНХРОННОСТИ МОРГАТЕЛЬНОГО РЕФЛЕКСА ГРУППЫ ЛЮДЕЙ С ПОМОЩЬЮ ПРОГРАММНОЙ ОБРАБОТКИ

Д.Л. Мартинес (Казань)

Проблемы изучения причин различного рода дисфункций человеческого организма всегда являлись наиболее актуальными и значимыми в науке.

В данном исследовании был рассмотрен рефлекс моргания человеческого глаза с позиции качественной и количественной характеристики, представляющей одним из значимых показателей целостности работы живых систем.

С позиции психофизиологии деятельность центральной нервной системы человека в состоянии покоя может быть внешне охарактеризована проявлением моргательного рефлекса. Именно поэтому моргание может служить критерием для оценки состояния ЦНС, диагностики заболеваний и много другого.

В среднем человек не видит около 6 секунд из каждой минуты его жизни, иными словами продолжительность времени моргательного рефлекса равна примерно 400 миллисекундам. Любое отклонение от существующей нормы можно рассматривать как показатель изменённого функционирования ЦНС. Так, частое моргание у людей может свидетельствовать о том, что человек перенёс инсульт либо страдает заболеванием Паркинсона. Указанные состояния сопровождаются спазмами век, то есть их насильственными сокращениями. Если человек волнуется или напуган, то и без того частое моргание учащается ещё больше.

В настоящее время происходит интенсивное развитие исследований психофизиологических свойств личности человека. В ходе таких изысканий стало известно о том, что ЦНС человека способна адаптироваться к любым ситуациям и совершать моргания именно только в те моменты, когда в этом присутствует жизненная необходимость. В свою очередь текущее исследование было направлено на анализ полученных характеристик (частота, синхронность, время) моргательного рефлекса групп людей различного пола и возраста во время просмотра обучающего видеofilmа. Для проведения данного эксперимента возникла необходимость в разработке собственного программного обеспечения для более точной и детальной оценки всех вышеперечисленных характеристик.

Таким образом, в результате проведённого исследования была разработано приложение в программной среде LabVIEW, способное с отснятой видеозаписи регистрировать моргательные движения глаз человека и выводить необходимые данные в графическом представлении для возможности их последующего анализа.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХРОНОТОПА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ

К.В. Мартиросян (Волгоград)

Проблема суверенности психологического пространства (СПП) и временной перспективы (ВП) человека, как составляющих индивидуального хронотопа актуализируется, в том числе, и в контексте межэтнического общения. В условиях постсоветского взаимодействия различных народов одной из проблемных особенностей является то, что представители разных этнических культур никогда не будут и, главное, не захотят нивелировать свои этнокультурные и этнопсихологические особенности. Поэтому хронотопическая организация их сознания будет отличаться от таковой у представителей титульной нации и представителей других этнокультур.

Хронотоп – функционально-динамическое оформление сознания, субъективная представленность в сознании человека неразрывного единства пространства, времени и их личного содержания, – понятие, неразрывно связанное с идеей СПП. Этнокультурный хронотоп – важнейшее знаково-символическое средство построения как этнокультурного семейного нарратива, так и этнокультурной истории народа. У

представителей диаспоры его значение не вызывает сомнения и актуализация его содержания и структуры происходит гораздо чаще ввиду множества поводов, напоминающих об их «инаковости».

В этом тексте мы представим лишь структурную сторону хронотопа в его функции средства построения и удержания СПП.

Основные составляющие хронотопа в контексте СПП – это психологическое пространство (ППЛ) и психологическое время (ВП). ППЛ – субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий стратегию жизни человека, – включает комплекс физических, социальных и психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет (территорию, личные предметы, социальные и интимно-личные привязанности, установки) [2]. Посредством СПП человек может защищать и развивать ППЛ, опираясь на опыт собственной субъектности [1, 2], на опыт построения субъективной реальности. Все вышесказанное определяет теоретический контекст нашего исследования.

Целью работы на данном этапе было, во-первых, определение степени представленности (степени остроты) проблемы суверенности в сознании респондентов, во-вторых, выявление структурной картины хронотопа (СПП и ВП) у представителей армянской молодежи, т.е. представленности в нем и распределения, спектра жизненно важных составляющих. Это необходимо для выдвижения последующих гипотез относительно сходства и различия представлений армянской молодежи, живущей в России и живущей в Армении, гендерных различий, а также для соотнесения структуры и содержания хронотопов самосознания русских респондентов и респондентов-армян.

Участниками этого предварительного исследования стали представители армянской национальности – молодежь (студенты в возрасте 18 – 23 лет) - граждане Армении и России. В исследовании принимали участие 88 человек.

Были использованы следующие методики: опросник временной перспективы Зимбардо (ЗРТИ); «Суверенность психологического пространства» (С.К. Нартова-Бочавер); графический тест Коттла; «Моя линия жизни»; тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтева; тест культурно-ценностных ориентации (Дж. Таусенд) и т.д., а также статистические средства обработки данных (стандартизованный пакет SPSS 11.0).

Результаты исследования.

1. Распределение респондентов по типам СПП в целом по выборке (88 человек):

- 30,7 % опрошенных армян демонстрируют сверхсуверенность психологического пространства;
- 48,8 % – с нормальной суверенностью;
- 20,5 % – депривированные.

По всей выборке преобладают средние (нормальная суверенность) и высокие (сверхсуверенность) показатели как по общему показателю СПП, так и по каждому измерению ППЛ.

2. На основании полученных результатов первичной статистической обработки проведено распределение респондентов по типам временной перспективы в целом по выборке.

- ориентация на позитивное прошлое - 3,3 % респондентов;
- ориентация на негативное прошлое - 13,3 %;
- ориентация на гедонистическое настоящее - 23,4 %;
- ориентация на фаталистическое настоящее - 20 %;
- ориентация на будущее - 20 %;

- наконец, ориентация на сбалансированную временную перспективу была выявлена у 20 % респондентов-армян.

3. При сопоставлении результатов различных групп с помощью U-критерия Манна-Уитни было установлено следующее.

1) Сравнение групп по полу позволило выявить существенные различия. Группы респондентов мужского и женского пола различаются между собой как по основному показателю СПП (0,023, sig<0.05), так и отдельно по его измерениям, а именно:

- суверенность физического тела (sig =0,000), суверенность территории (sig =0,001), суверенность социальных связей (sig =0,000) в большей степени представлена у юношей;

- суверенность мира вещей (sig = 0,032) и суверенность привычек (sig =0,007), в большей степени проявилась в ответах больше девушек.

2) Группы респондентов мужского и женского пола различаются между собой по следующим измерениям временной перспективы: ориентация на гедонистическое настоящее (sig = 0,002), ориентация на фаталистическое настоящее (sig = 0,025) и ориентация на будущее (sig = 0,017).

Выявлено, что девушки более фаталистично относятся к своему настоящему, чем юноши. А гедонистическая ориентация и ориентация на будущее более проявилась у юношей, нежели у девушек.

Таким образом, армянские юноши демонстрируют более высокий уровень суверенности. Они чувствуют себя свободными в выборе социальных контактов (которые могут не контролироваться извне), и удовлетворении основных физиологических потребностей. Армянские девушки по показателям суверенности во многом отличаются от представительниц мужского пола. Общий уровень суверенности у них существенно ниже (армянки чаще сталкиваются с воздействием внешнего контроля и вынуждены, во многом, подчиняться: в молодом возрасте – родителям, а во взрослой жизни – мужу, семье мужа).

РОЛЬ РЕФЛЕКСИИ В СОЦИАЛЬНОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

А.Д. Мартынова (Москва)

1. Понятие социальный интеллект успешно развивается на западе и включен не только в социальную область, но, в последнее время, активно используется в экономической области, как показатель развития нового экономического мышления.

2. Социальный интеллект как способности, необходимые для успешного поведения в обществе рассматривались в американском русле западной психологии. Данное направление дробилось на два подхода. Первый подход - Чарльз Спирмен, который в целом представлял интеллект как наличие единого фактора G, который присутствует на любой ступени и в любом виде интеллекта, независимо от индивидуальных особенностей. Второй подход - представление о том, что любая деятельность обладает особыми интеллектуальными способностями.

3. Европейское направление было сосредоточено на рассмотрении интеллекта как процесса решения задач. Американское направление работало главным образом со способностью, европейское – с процессом. Однако в данном русле не поднимался вопрос о социальном мышлении, как о процессе решения социальной задачи.

4. Однако в России зародилось два понятия для обозначения данного явления, социальное мышление и социальный интеллект – эти понятия обозначают два

направления в понимании природы социального интеллекта. Первое направление основывается на теории субъектности, разработанной С. Л. Рубинштейном и его ученицей К.А. Абульханова-Славская.

Второе направление продолжило традиции американского взгляда на интеллект, однако в данном русле зародилось несколько теорий, объясняющих принцип работы социального интеллекта и его связь с поведением.

5. Социальное мышление, в рамках школы С.Л. Рубинштейна, понимается как «мышление о социальном». Механизмом социального мышления является проблематизация, которая понимается как «процедура мышления и познания в целом возникает в результате осознания субъектом противоречий социальной действительности и последующего ее преобразования». Поиск и решение противоречий носит субъектный характер (требуют личной активности) и личностный, поскольку основывается на жизненном опыте личности.

Как мыслительный процесс социальное мышление обладает следующими свойствами: проблематизация, категоризация, интерпретация, репрезентация. Согласно исследованиям кандидата социологических наук Г.Э. Белицкой социальное мышление в процессе своего развития делится на четыре вида: стереотипизация, созерцательный, деятельный и проблематизирующий. В стереотипизации ведущей единицей мышления является стереотип. «Стереотип отличается от других видов знаний тем, что соотносится главным образом с соответствующим объектом, а с сознаниями других людей о нем.»

6. Второй подход - социальный интеллект. В данном подходе распространены несколько школ, но на наш взгляд, их можно объединить единой волной – данные школы говорят о структуре способностей, которые обеспечивают успешное социальное реагирование. Однако уникальность данных школ заключается в ярких отличиях от западного направления, однако, у каждой школы своё отличие.

7. Как уже говорилось, спецификой социального мышления, как и социального интеллекта, является её предмет - межличностные отношения, поведение в обществе или социальная направленность мышления. В связи с этим мы не можем обойти стороной те способности, что необходимы для успешного поведения в обществе, но с другой стороны, личность, безусловно, играет важную роль в том, как будут использованы данные способности.

8. Подтверждение важности сохранения роли социального интеллекта, но в то же время и роли личной активности и выбора личности является проведенное педагогом – психологом Мартыновой А. Д. в 2010 году среди подростков исследование взаимосвязи между социометрическим статусом и уровнем социального интеллекта на базе московской школы № 498 и центра образования № 1424. Данное исследование показало отрицательную корреляцию между социометрическим статусом в классе, где они обучались, и уровнем социального интеллекта у подростков в возрасте от 14 до 15 лет. Другими словами, несмотря на то, что подростки из данной выборки обладали высокими социальными способностями, однако это никак не отразилось на их социальном статусе в группе. Как мы увидели, данная группа подростков обладала индивидуалистическим типом поведения в группе. Личностные особенности и предпочтения в группе повлияли на реализацию высокого социального интеллекта в данной группе.

9. Потому, на наш взгляд, невозможно раскрыть процесс мышления без понимания важной роли рефлексии. Понимание данной роли не только как "абстрагирование от личностно-смысловой обусловленности". Рефлексия представляет собой механизм переосмысления проблемной ситуации. Рефлексия является механизмом

связи мышления и личности; особенностью социального мышления является важность именно личностной рефлексии, а не интеллектуальной. Причиной, по которой социальное мышление чаще ставит творческие задачи, заключается в предмете самого мышления. Предметом мышления является социальная реальность, соответственно каждая задача по себе уникальна и не имеет стандартного решения. Что требует от человека с одной стороны задействовать собственную активность, переосмыслить личный опыт, с другой стороны задействовать интеллектуальные составляющие: интерпретация, прогнозирование, проблематизация. Связующим звеном между личностными чертами, особенностями и личным опытом является процесс рефлексии.

УПРАВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫМИ СОСТОЯНИЯМИ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА ЦВЕТОТЕРАПИИ

М.А. Мартынова, В.В. Савченко (Лесосибирск)

Изучение человека как целостной системы с психологической точки зрения невозможно без исследования аффективной стороны его личности, включающей чувства и эмоции. На эмоциональное состояние современного человека огромное влияние оказывает постоянно возрастающее в современном мире количество стрессогенных факторов. Вследствие этого в настоящее время люди достаточно часто сталкиваются с ситуациями, которые вызывают у них состояния повышенной напряженности. Поэтому для того, чтобы человек мог эффективно управлять своими эмоциями, исследователями разрабатываются специальные методы и приемы. К их числу могут быть отнесены и техники, предложенные в рамках цветотерапии. Они характеризуются тем, что позволяют за относительно небольшой промежуток времени гармонизировать эмоциональное состояние человека, а кроме того, подходят практически каждому человеку и являются безопасными в плане применения.

Эмоциональные состояния – это переживания человеком своего отношения к окружающей действительности и к самому себе в определенный момент времени, относительно типичные для данного человека; те состояния, которые регулируются преимущественно эмоциональной сферой и охватывают эмоциональные реакции и эмоциональные отношения; относительно устойчивые переживания (Реан А.А., 2002). Похожее определение предлагает Н.Д. Левитов: «это целостная характеристика психической деятельности за определённый период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности» (Левитов Н.Д., 1964).

В психологии выделяются следующие эмоциональные состояния: радость, грусть, гнев, страх, удивление, отвращение, презрение, стыд и т.д. Каждое из них своеобразно влияет на активность человека, стимулирует или угнетает ее. По утверждению исследователей, даже отсутствие эмоций – это тоже эмоциональное состояние. Считается, что чем выше эмоциональное состояние личности, тем легче ему достичь своих целей в жизни. Поэтому каждому человеку необходимо уметь управлять своими эмоциональными состояниями, т.е. сознательно контролировать в каком эмоциональном состоянии он находится на данный момент и как его изменить на более эффективное.

В психологической науке вопрос о влиянии цвета на эмоциональное состояние человека относится к числу интенсивно разрабатываемых. В настоящее время быстрыми темпами развивается цветотерапия – это направление практической психологии, которое использует цвет для оказания психологической помощи. Стоит упомянуть, что лечение цветом применялось уже в древних цивилизациях Индии, Египта и Китая, а в Новое время И.В. Гете в «Учении о цвете» писал: «Цвет - продукт света, вызывающий эмоции». Известный психиатр В.М. Бехтерева отметил следующее в отношении характера влияния цвета на организм человека: «Умело подобранная гамма цветов способна благотворнее воздействовать на нервную систему, чем иные микстуры».

Цветотерапия базируется на принципе использования организмом на разных уровнях самоконтроля цветов в определенном балансе. Она позволяет активизировать и направить в нужное русло внутренние резервы организма. В данном направлении используются самые разные средства: камни, свет, пропускаемый через окрашенную воду или даже сок, специальное цветное стекло или бумага.

Ученые экспериментально выделили следующие закономерности в воздействии цвета на эмоциональное состояние человека. В рамках данной статьи мы рассмотрим основные четыре цвета: красный цвет - наделяет чувством безопасности, уверенностью в себе, помогает справиться с неприятностями, формирует позицию лидера, положительно влияет на негативные психические состояния (апатия, депрессия, страх, неуверенность в себе); желтый цвет - активизирует, освобождает от негатива, способствует лучшей самоорганизации и концентрации мысли, помогает при негативных психических состояниях (депрессия, заниженная самооценка); зеленый цвет - помогает при негативных психических состояниях (неуравновешенность, злоба, грубость, скованность в эмоциях и чувствах); синий цвет - развивает психические способности, очищает мышление, освобождает от тревог и страхов, позволяет услышать внутренний голос и принять правильное решение (интуиция).

На сегодняшний день специалистами в области цветотерапии уже разработан ряд техник для управления человеком собственными эмоциональными состояниями. Они могут быть использованы в том случае, если человек сталкивается со стрессовой ситуацией. Так, Г.Е. Бреслав описал технику цветомедитации, сущность которой заключается в том, что человек медитирует, и в процессе медитации в спокойном и расслабленном состоянии под звуки мелодии для релаксации представляет картины, содержащие преимущественно один из цветов (например, существует варианты медитаций на красный, синий, зеленый, желтый цвета и т.д.). Кроме того, возможно проведение подобной медитации с помощью цветковых картин или их внушения под гипнозом.

Специфическими техниками являются ношение очков с цветными стеклами (проникающие через цветные стекла световые лучи воздействуют на мозг), прием ванн с окрашенной водой (окрашивание воды цветной пеной или солью), звукотерапия (каждому цвету соответствует определенная нота), цветное дыхание (визуализация процесса дыхания окрашенным воздухом), кормление цветом (прием еды и напитков, окрашенных в определенные цвета), использование цветных фотографий и др. Кроме того, можно сочетать работу с цветом и мандала-терапию (раскрашивание мандал разными цветами), релаксационные и физические упражнения.

Подводя итог, хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что эмоции играют важную роль в жизнедеятельности человека, определяя его успешность в различных сферах. Поэтому столь важно изучать сами эмоциональные состояния и спо-

собы их коррекции. На наш взгляд, терапевтический потенциал цвета на данный момент еще не раскрыт, поэтому данная проблема требует тщательного изучения и внедрения результатов в практическую деятельность психологов.

СВОЙСТВА СУБЪЕКТНОСТИ КАК СИСТЕМА

Е.Е. Марченко (Брест)

В современной русскоязычной психологии категория субъекта обладает особым статусом. Как отмечает В.Т. Кудрявцев, именно благодаря ей «при всей своей внутренней гетерогенности и парадигмальной разноликости отечественная психология едина исторически и логически» (В.Т. Кудрявцев, 1999). В тоже время по отношению к категории субъекта особенно актуально замечание о противоречивости, накопленных в мировой психологии взглядов и концепций. Понимание субъектности / субъекта строится на выделении множества разнообразных характеристик (свойств). В своем большинстве авторы обозначают те или иные свойства простым перечислением. В некоторых случаях – выделяют основные и неосновные свойства. Однако такой подход, на наш взгляд, лишает субъектность целостности. Актуальным представляется замечание Л.С. Выготского о необходимости выделения в явлении не элементов, а единиц.

Представим результаты сравнительного анализа подходов к пониманию субъектности в рамках акмеологического направления (в контексте целостной жизнедеятельности человека). Обратившись к метафоре, мы предлагаем выделять не отдельные свойства, но определенные «созвездия» (подсистемы) характеристик субъектности, что позволяет отражать свойства субъектности как в смысловых, так и функциональных взаимосвязях.

Первое созвездие образуется вокруг «активности», которая традиционно выделяется в числе наиболее общепринятых свойств субъектности (В.В. Давыдов, В.Т. Кудрявцев, Е.Н. Волкова). В ряду синонимичных свойств можно указать «инициативность» (А.Г. Асмолов, Г.С. Прыгин), «целеустремленность» (А.В. Петровский), «самопричинение», «целеполагание» (С.Д. Дерябо). При этом возможно несколько смысловых акцентов. Во-первых, утверждение о том, реактивность не является определяющим принципом жизнедеятельности субъекта зафиксировано в таких терминах как самостоятельность действия (О.А. Конопкин, Г.С. Прыгин), автономность (Е.П. Ермолаева), отсутствие конформизма, которые составляют единую семантическую подгруппу.

Второй акцент связан с идеей «неадаптивности» субъекта. В данном случае подчеркивается, что сообразность и адаптация, как направленность на поддержание психологического гомеостаза, являются для субъекта «чуждыми» (В.А. Петровский, О.А. Конопкин, С.Д. Дерябо). Идеи о неадаптивном характере активности субъекта широко представлены в русскоязычной психологии. Так, например, Б.С. Братусь указывает, что временная перспектива развития личности «не вытекает» прямо из наличной ситуации, а обеспечивает «выход за грань устоявшейся сообразности» (Б.С. Братусь, 1998). Особый интерес представляет авторская концепция А.В. Петровского, в которой надситуативность понимается как предпочтение целей с непредрежденным результатом и соотносится с такими феноменами, как «влечениек краю», «бескорыстный риск», а также с прагматическими формами общения и самопознания. В это же созвездие можно отнести «творчество» (А.В. Брушлинский) и «креативность»

(М.А.Щукина, О.В. Оконешникова), как отражающие активность, избыточную относительно приспособления (адаптации).

Вместе с этим, помимо активности как таковой, не менее важным является и ее «направление». Признавая, что активность субъекта носит преобразующий характер, большинство авторов подчеркивает, что субъектность предполагает направленность активности на самого себя (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова). Таким образом, второе созвездие характеристик образовано вокруг различных проявлений «само». В том числе, саморегуляции, самосовершенствования, саморазвития, самодетерминации, «самоупорядочивания», «самопричиненения» (С.Д. Дерябо)» или обобщенно свободы (А.В. Петровский).

Третье созвездие представлено такими понятиями как «рефлексивность», «рефлексия внутренних оснований собственной активности» (С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман, В.В. Зайцев, Е.Н. Волкова), «сознательность» (В.В. Давыдов).

На пересечении ряда «активность» и «рефлексивность» находятся такие характеристики как «наличие собственного отношения» (В.А. Петровский), подлинность (К.А. Абульханова-Славская), избирательность (Е.Д.Божович, В.В. Зайцев,), внутренняя позиция (В.С. Мухина).

Четвертое созвездие характеристик сгруппировано вокруг понятий «внутренний локус контроля» (К.А. Абульханова-Славская, Д.А. Леонтьев) и «ответственность» (В.В. Давыдов, В.А. Петровский, Е.Ю. Коржова), которые также оттеняют особый вид причинности и детерминации активности и развития субъекта.

Далее можно указать группу характеристик, системообразующей для которых является понятие «целостность» (В.И. Слободчиков, В.А. Петровский, К.А. Абульханова-Славская, Н.Я. Большунова, Г.С. Прыгин, А.К. Брушлинский). В это созвездие входят и характеристики, отражающие способность субъекта к самоорганизации собственной жизни, планированию (К.А. Абульханова-Славская, В.И. Ковалев,) и обеспечивающие целостность, или, в терминологии А.В. Петровского, «целокупность» жизнедеятельности субъекта. Примыкают к данной группе и такие понятия, как «жизненный путь», жизненное пространство (Life-Span). Они находится на пересечении рассмотренного выше созвездия «целостность жизненного пути» и последнего из выделенных нами «созвездий», образованного такими характеристиками, как индивидуальность (К.А. Абульханова-Славская) и уникальность (Е.Н. Волкова).

Реализованный нами подход позволяет не только систематизировать многообразие феноменологических проявлений субъектности, но и свести к общему знаменателю различные авторские подходы. Не менее важным представляется и тот факт, что системное рассмотрение характеристик субъектности облегчает разработку исследовательского инструментария и перевод данной темы в поле эмпирических исследований.

ЭФФЕКТИВНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Ю.М. Масалович (Абакан)

Человеку в процессе жизни постоянно приходится сталкиваться с ситуациями, для разрешения которых требуется умение прогнозировать возможные варианты их развития. Все это немаловажное значение имеет для младшего школьника. Ведь именно на этой возрастной ступени психические функции начинают приобретать все

большую произвольность. Тем самым прогнозирование тесно связано с ведущими для определенного возраста особенностями познавательной деятельности. При этом возможность ребенком заранее представить и спрогнозировать не только результат своих действий, но и способ достижения желаемого результата, важна как при решении им познавательных задач, так и социальных, что в целом, предопределяет успех в жизненных ситуациях. В связи с этим возникает необходимость глубокого изучения прогнозирования и выявления особенностей его формирования у детей.

Как известно мозг - это основа всех психических процессов. В нейропсихологии, которая изучает связь мозга с психикой, существует модель работы мозга, предложенная А.Р. Лурией, согласно которой, мозг может быть поделен на три блока по функциональному принципу. Первый блок предназначен для поддержания определенного уровня активности, расположен, по сути, в глубинных отделах мозга. Второй блок располагается в задних отделах больших полушарий. Его функциями являются прием, хранение и переработка разной информации: слуховой, кинестетической, зрительной и зрительно-пространственной. Структуры третьего блока находятся в передних отделах головного мозга и обеспечивают серийную организацию движений и действий, регуляцию и контроль над протеканием психической деятельности. При этом выполнение любой психической функции невозможно без совместной работы всех трех блоков. Также существует принцип деления мозга на два полушария левое и правое, которые обеспечивают единую работу мозга, однако каждое из них преимущественно отвечает за свою сферу деятельности.

Исходя из всего этого, цель нашей работы изучить особенности функций второго и третьего блоков мозга, а также лево- и правополушарных возможностей мозговых структур младших школьников, обладающих разной способностью к прогнозированию и выявить ключевые нейропсихологические показатели, способствующие формированию эффективного прогноза. Исследование проводилось на базе средних общеобразовательных школ № 1 и № 19 г. Абакана. В нем приняло участие 102 учащихся 1-2 классов, в возрасте от 7-8 лет.

Методологической основой исследования являются теоретическая модель структурно-функциональных блоков мозга А.Р. Лурии (1973), теоретические положения А.Н. Бернштейна (1996) о «модели потребного будущего», концепция о психофизиологических механизмах формирования вероятностного прогноза Л.И. Переслени (1984).

Для выявления типов прогнозирования использовалась методика «Угадайка», разработанная Л. И. Переслени. Ею сформулированы критерии эффективного прогнозирования, на основании которых выделены типы прогностической деятельности:

- небольшое количество ошибок предсказания (до 11,5);
- отсутствие ошибок отвлечения;
- воспроизведение порядков чередования элементов всех трех наборов после окончания обследования;
- использование рациональных стратегий формирования прогноза.

Нейропсихологическая диагностика функций мозга производилась с помощью батареи нейропсихологических проб, разработанной А.Р. Лурия, адаптированной под руководством Т. В. Ахутиной.

Статистическая обработка данных производилась с помощью пакета программ IBM SPSS Statistics 20, использовались описательные статистики, однофакторный дисперсионный анализ ANOVA и регрессионный анализ.

В процессе анализа полученных результатов, мы пришли к следующим выводам.

В младшем школьном возрасте в норме встречаются шесть из семи возможных типов прогностической деятельности, при этом наиболее типичны типы IIa и IIIa, объединяемые быстро формируемым прогнозом на фоне использования рациональных стратегий с воспроизведением или не воспроизведением выявленных порядков.

Выявлена близость в показателях ВПФ у младших школьников с типами IIa и IIIa, IIб и IIIб, из чего следует, что с точки зрения мозгового обеспечения типы прогностической деятельности в большей степени дифференцируются не в зависимости от показателей памяти, а в зависимости от скорости формирования прогноза и используемых при этом стратегий.

Параметры прогнозирования имеют связи с состоянием всех высших психических функций. Качество прогноза зависит от успешности зрительно-пространственной и слухоречевой памяти, конструктивного мышления и способности к целостному восприятию, а также от вовлечения лобных систем связей. При этом, чем выше уровень сформированности ВПФ в целом, тем эффективнее прогноз.

На фоне общей вовлеченности ВПФ в формирование прогноза можно выделить некоторые наиболее надежные предсказатели различных аспектов прогностической деятельности.

Быстрота, точность и устойчивость прогноза связаны с показателями функций программирования, контроля и серийной организации движений и действий;

Количество воспроизведенных наборов, отражающее эффективность запоминания и воспроизведения информации зависит от состояния левополушарных и передних функций, а также от зрительно-пространственных возможностей, последнее, вероятно, свидетельствует о важности симультанного анализа и синтеза поступающей информации для формирования прогноза;

Используемые стратегии прогностической деятельности, способствующие отбору релевантной информации, имеют прямую связь с уровнем сформированности функций программирования, контроля и серийной организации движений и действий.

Таким образом, прогностическая деятельность младших школьников опирается на интегративную деятельность мозга, но наиболее существенная роль принадлежит функциям третьего блока мозга и левого полушария, отвечающим преимущественно за способность к формированию целей и планов, успешную организацию действий, обобщение, абстрактное мышление и произвольное запоминание.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ С НАСЛЕДСТВЕННЫМИ БОЛЕЗНЯМИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ НА РАННИХ ЭТАПАХ ОНТОГЕНЕЗА

О.И. Маслова, В.М. Скляднева, С.Б. Лазуренко, Н.Н. Павлова, Е.А. Акимова
(Москва)

Актуальность исследования:

Врожденные аномалии развития составляют почти четверть всех причин инвалидности у детей. Они характеризуются сложной структурой отклонений в работе органов и систем организма. Учеными доказано, что наличие сочетанных тяжелых стойких и необратимых нарушений здоровья является непреодолимым препятствием в осуществлении рационального взаимодействия психики ребенка с окружающей средой, и крайне негативно влияет на сам процесс ее развития.

Однако даже при наличии органического нарушения человеческий головной мозг имеет биологические возможности и механизмы компенсации и регенерации.

Первые годы жизни являются стратегически важными для созревания мозга, формирования фундаментальных психологических достижений, необходимых для познания и социализации, усвоения культурного опыта, накопленного человечеством.

Изучению детей с генетическими нарушениями, а так же лечению и коррекционной работе с ними посвящено множество работ в педиатрии и дефектологии. Однако в современной отечественной литературе представлено мало примеров внедрения теоретических основ специальной психологии и коррекционной педагогики в процесс восстановительного лечения детей первых лет жизни с генетической патологией.

Цель исследования: изучить особенности психического развития детей с наследственными болезнями и генетической патологией для определения их специальных образовательных потребностей, направлений и форм психолого-педагогической помощи в процессе комплексной реабилитации.

Материалы и методы исследования:

Для достижения поставленной цели нами были изучены результаты психолого-педагогического обследований 28 детей от 10 до 14 месяцев жизни, у которых генетическая этиология заболевания нервной системы была выявлена на первом году жизни, на основании чего установлена инвалидность. Для этого использовались: анализ результатов клинических и лабораторных исследований, визуальных осмотров профильных врачей-специалистов, беседы с лечащим врачом для уточнения данных о текущем состоянии здоровья ребенка и родителями; психолого-педагогического обследования для оценки особенностей и темпа нервно-психического развития детей первых двух лет жизни (методика Г.В.Пантюхиной, К.Л.Печоры, Э.Л.Фрухт); наблюдение за свободным поведением ребенка в новом помещении и при контакте с незнакомым взрослым.

Результаты исследования:

Анализ медицинской документации пациентов показал, что все они родились у матерей с отягощенным акушерским анамнезом, беременность и роды у которых протекали патологически, в силу чего состояние детей при рождении было тяжелым и средне тяжелым. Для сохранения их жизни все после рождения находились на выхаживании в стационарах второго этапа. У каждого из обследованных детей были выявлены нарушения здоровья различного генеза и степени тяжести, структурные или системные отклонения в работе головного мозга. У большинства (65%) детей выявлено нарушение работы одного или нескольких анализаторов.

По результатам психолого-педагогического обследования все дети были разделены на три группы согласно степени отставания актуального уровня их психического развития от возрастного норматива, т.е. в соответствии темпа их психического развития. Отставание обозначено в эпикризных сроках: на первом году жизни 1 эпикризный срок составляет 1 месяц, на втором году жизни – 3 месяца.

В I группу вошли 25% детей (7 человек), у которых было выявлено отставание психического развития от возрастного норматива на 3-4 эпикризных срока. II группу составили 32,1% детей (9 человек), психическое развитие которых отставало от возрастного нормативного на 5-6 эпикризных сроков. В III группу были объединены 42,9% младенцы (12 детей) с отставанием темпа психического развития от возрастного норматива на 7 и более эпикризных сроков.

Группы детей, в связи с различной степенью их отставания, имели различия в количестве и качестве накопленных умений, темпе усвоения нового, в физических возможностях, сенсорной ориентировке. Дети отличались характером реагирования на воздействия и эмоциональными проявлениями, работоспособностью и степенью потребности в контакте с внешним миром, а также навыками удовлетворения данной потребности.

Сложная структура нарушений психического развития, большое число особых образовательных потребностей у детей обусловили необходимость в организации специальных условий среды и подборе специализированного многофункционального инструментария для оптимизации психологического взаимодействия детей с внешним миром, определения актуального уровня психического развития и выявления потенциальных возможностей детской психики.

Заключение

Наличие сочетанных нарушений здоровья различной этиологии и степени тяжести стали непреодолимым препятствием для психологического взаимодействия детей с внешним миром, причиной медленного накопления сенсорного опыта и формирования новых психологических взаимоотношений между ребенком и окружающей его средой.

У всех детей с наследственными болезнями наблюдается медленный темп психического развития, отставание актуального психологического возраста от онтогенетического норматива может быть на уровне 3-4 эпикризных сроков и достигать 7 и более эпикризных сроков.

Степень отставания актуального психологического возраста ребенка от онтогенетического норматива является социальным показателем степени тяжести нарушений физического и психического развития.

Психолого-педагогическая диагностика позволяет выявить детей с особыми образовательными потребностями, определить актуальный психологический возраст и потенциальные психические возможности детской психики к развитию.

Специальные педагогические технологии и методы обучения являются эффективным средством социальной компенсации детей с тяжелыми сочетанными нарушениями здоровья и психического развития.

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОВЫШЕННОЙ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У УЧАЩИХСЯ

О.И. Матешин (Пушкин)

Роль семьи в обществе не может быть преувеличена, так как именно в семье формируется и развивается личность человека, происходит овладение социальными ролями, необходимыми для безболезненной адаптации ребенка в обществе. Существенный интерес у специалистов-психологов вызывает характер семейного воспитания. На данный момент эта проблема является особенно актуальной, поскольку различные стили родительского воспитания по-разному влияют на формирование и развитие личности ребенка.

От стиля внутрисемейного воспитания зависит фундамент характера человека, состав его эмоционально-личностной сферы, особенности его взаимодействия с обществом. Любые внутрисемейные проблемы могут вызвать у ребенка развитие

невротических черт в характере и оказать существенное влияние на развитие акцентуаций, также может ярко проявиться девиантное поведение.

Такая проблема нарушения внутрисемейных взаимоотношений, как неблагоприятный тип воспитания и обращения с ребенком, имеет серьезные, порой даже драматические, последствия для психического развития ребенка, формирования его характера и личности. Наиболее чувствительными к внутрисемейным отношениям оказываются стержневые образования личности ребенка – его самоотношение и самооценка; очень часто у детей развиваются различные болезни психосоматического характера.

Данная проблема и определяет актуальность проводимого исследования. Своевременно определяя и устраняя причину эмоциональной нестабильности ребенка, можно предотвратить различного рода девиантное или делинквентное поведение и проблемы последующего развития.

Предметом исследования стал процесс активной социализации и его специфические особенности.

Исследование проводилось с 25 февраля по 25 апреля 2013 года на базе четырех школ Санкт-Петербурга. В ходе исследования было обследовано 357 учащихся 10-11 классов и 249 учащихся 5-7 классов. Общее количество школьников, прошедших тестирование, составило 606 человек. Возраст испытуемых варьировался от 12 до 19 лет.

Целью исследования было выявление особенностей взаимосвязи различных типов воспитания с уровнем личностной тревожности и внутренней напряженности.

Были использованы следующие методики:

1. 16-ти факторный личностный опросник Кеттелла (16 ФЛО-105-С);

Назначение теста: оценка индивидуально-психологических особенностей личности. Данный вариант опросника Кеттелла (форма С) адаптировался с 1972 года в исследовательской группе Э.С.Чугуновой на кафедре социальной психологии ЛГУ (Ленинградский Государственный Университет) под руководством И.М.Палея сотрудниками А.Н.Капустиной, Л.В.Мургулец и Н.Г.Чумаковой.

2. Опросник определения уровня невротизации и психопатизации;

Опросник разработан в Ленинградском научно-исследовательском психоневрологическом институте имени В.М. Бехтерева. Предназначен для психологической экспресс-диагностики особенностей личности, характерных для пограничных нервно-психических расстройств и определения степени их выраженности, выявление лиц с высоким риском развития невротических состояний и психосоциальной дезадаптации.

3. Шкала тревоги Спилбергера-Ханина;

Назначение методики: шкала тревоги Спилбергера является информативным способом самооценки уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность, как состояние) и личностной тревожности (как устойчивая характеристика человека). Разработан Ч.Д.Спилбергером и адаптирован Ю.Л.Ханиным.

4. Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (методика ADOR);

Опросник изучает установки, поведение и методы воспитания родителей так, как видят их дети в подростковом возрасте. Основой служит опросник, который создал Шафер в 1965г. Модифицированный вариант опросника был предложен З. Матейчиком и П. Ржичаном в 1983 г.

5. Методика «Копинг-тест» Лазаруса.

Методика предназначена для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, копинг-стратегий. Данный опросник считается первой стандартной методикой в области измерения копинга. Методика была разработана Р. Лазарусом и С. Фолкманом в 1988 году, адаптирована Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой в 2004 году.

Кроме того, был проведен анкетный опрос, касающийся специфики проведения школьниками досуга (акцент ставился на склонность проводить время досуга за ПК и активное использование интернет-ресурсов в развлекательных целях).

Гипотезы:

1) Существует зависимость, проявляющаяся в повышении уровня личностной тревожности при доминировании деструктивных тенденций в воспитании;

2) Существует стойкая взаимосвязь между деструктивным стилем воспитания и развитием у человека контрпродуктивного типа копинг-стратегии.

Дополнительная гипотеза: учащиеся с повышенным уровнем личностной тревожности предпочитают восстанавливать нервно-психический баланс при помощи развлекательных продуктов информационных технологий (например, социальные сети и видеоигры).

На основании первичных данных, полученных в результате исследования, были составлены сводные таблицы, которые затем были подвергнуты математико-статистической обработке:

-вычислялись значения и параметры одномерных статистик: среднее арифметическое, дисперсия и стандартное отклонение; ошибка средней арифметической;

-применялись частотный, сравнительный и корреляционный анализы. Определены статистически значимых различий сравняемых показателей было произведено с применением t-критерия Стьюдента (для независимых выборок).

Для установления тесноты связей между изучаемыми показателями применялся многомерный корреляционный анализ с применением критических значений коэффициентов корреляции r -Пирсона.

Выводы:

1. Выявлена зависимость, проявляющаяся в повышении уровня личностной тревожности при доминировании деструктивных тенденций в воспитании;

2. Существует взаимосвязь между стилем воспитания и развитием у человека различных типов копинг-стратегии;

3. Данные, полученные в ходе апробирования дополнительной гипотезы, послужат основой для дальнейших исследований.

ПРОБЛЕМА ПРОЯВЛЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.А. Машошина (Санкт-Петербург)

Каждый человек обладает креативностью, но в разной степени, – к такому выводу приходят многие зарубежные учёные. Проявление креативности наблюдается в повседневной жизни, так как человеку необходимо постоянно брать в расчёт новые условия жизненной ситуации, в которой он находится. А для наиболее эффективного выхода из любой жизненной ситуации необходим креативный элемент.

Креативностью обладают люди с разным уровнем знаний, но креативность, тем не менее, зависит от глубины знаний и опыта. Авторы вводят такое понятие как «креативная самооффективность». Самооффективность – один из аспектов личности, который включает уверенность в себе (Choi J.N., 2004; Jaussi R.S., Randel, A.E., Dionne, S.D., 2007).

Креативность имеет сложную структуру, и не может быть сведена к простым техникам и последовательности действий для нахождения креативной идеи (Lassig C.J., Plucker, Jonathan A.; Beghetto R.A., Ronald A.). Некоторые исследователи отмечают, что мало изучен креативный процесс, процесс решения проблемы. Но ещё меньше внимания уделяется аспекту поиска и формулирования проблем в повседневной жизни.

Авторы (Beghetto R.A., Kaufman J.C., 2007) вводят понятие креативности (mini-c) как оригинальной личностно значимой интерпретации опыта, действий, событий, часть процесса познания. Этот вид креативности является начальной ступенью создания оригинального продукта и имеет отношение к индивидуальному творческому процессу, включающему развитие знаний и понимания. Это, так называемая, потенциальная креативность, предрасположенность, которая при определённых условиях перерастёт в креативность более высокого уровня (little-c или Big-c). Изучение с помощью микрогенетического анализа креативности с такой стороны может помочь понять, как студенты получают и применяют новые знания, проникают в суть изучаемого, и при каких условиях эти знание и понимание могут лечь в основу создания оригинального продукта.

В исследовании, посвященном изучению взаимосвязи между креативностью и проблемами в поведении студентов, были выявлены некоторые черты личности, связанные с креативностью. Люди интуитивного типа, склонные обращать внимание на множество значений и возможностей более креативны, чем люди чувствительного типа, обращающие большее внимание на информационную составляющую и практическую значимость. Люди, склонные к большей спонтанности в жизни (воспринимающий тип) более креативны, чем склонные много рассуждать и планировать (рассуждающий тип) (Kim, K.H., 2010).

В исследованиях было выявлено, что позитивный настрой способствует проявлению креативности. В состоянии страха и беспокойства гораздо труднее продуцировать креативные идеи. Также более благоприятной для проявления креативности выступает мотивация достижения, в то время как мотивация избегания неудач осложняет проявление креативности (Baas M., De Dreu C.K., Nijstad B.A., 2008).

В исследованиях получено, что креативность связана с гибкостью, переключаемостью, открытостью новому опыту, уверенностью, проницательностью. Для варьирования своего поведения с учётом новых условий ситуации человек обладает пластичностью.

Многие учёные задавались вопросом о том, насколько вообще возможно развить креативность (Burroughs J.E., Dahl D.W., Darren W., Moreau C.P., Chattopadhyay A., Gorn G.J., 2011). Сложно определить, каковы границы развития творческих возможностей конкретного человека (Chermahini S.A., Hommel B., 2010). В креативном процессе задействованы сложные когнитивные процессы (Bietrich, 2004; Eysenck, 1993; Keilman, 2005).

Таким образом, креативность имеет социальную роль. Креативность имеет адаптационную функцию, поэтому ей обладают в разной степени все люди. Следовательно, целесообразно разработать психологические тренинги, которые будут помогать молодым людям задействовать свой творческий потенциал для достижения поставленных ими целей.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ ДОШКОЛЬНИКАМИ И ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ

А.И. Мелехин (Москва)

За последние 10 лет наблюдается увеличение числа исследований, посвященных восприятию времени у детей от 3 до 7 лет (Киреева, 2011; Сурнина, 1999; Clement, Droit-Volet, 2006; Droit-Volet, 1998; Droit-Volet, Izaute, 2005; McCormack et al, 1999; McCormack, Brown, 2004; McCormack, Wearden, 2005; Droit-Volet, Gautier, 2000; Grondin, 2011 и др.), нежели в поздних возрастах (60 – 80 лет). Способность воспринимать время определяется как поэтапный системный процесс, связанный с формированием и функционированием специфической функциональной системы субъективного отражения метрических (длительности и одновременности) и топологических свойств (одномерности, непрерывности, последовательности и однонаправленности) объективного времени (Багрова, 1980; Zakay, 1997). Процесс восприятия времени имеет двойственную когнитивно - биологическую природу, и важно учитывать, что старение организма способно отразиться как на биологических, так и на когнитивных аспектах восприятия времени (Meck, 2005). Способность к точному восприятию и продуктивному использованию времени лежит в основе успешной деятельности субъекта. В связи с этим, для пожилого человека проблема свободного владения временем является особенно актуальной, поскольку возможность самоорганизации во времени отражает успешность приспособления к возрастным изменениям (Wearden, 2005).

Исследования особенностей восприятия времени у детей 3-7 лет показали, что способность ребенка целесообразно воспринимать временной интервал, с одной стороны, способствует осознанию цикличности событий (Киреева, 2010; Grondin, 2011). С другой стороны, умение следить за течением времени в процессе деятельности, реагировать на тот или иной стимул с определенной скоростью и через заданные временные интервалы, ускорять или замедлять темп и ритм своей деятельности является показателем развития произвольности, оперативной, текущей регуляции поведения (Droit-Volet et al, 2001; Carelli, 2011; Zakay, 1992).

В наших исследованиях было показано, что наименьшей точностью у старших дошкольников (5-6 лет) отличается оценка 3 и 5 секундных временных интервалов. Временные интервалы (1 и 10 сек.) оцениваются легче старшими дошкольниками в норме, чем интервалы внутри диапазона (3, 5 и 7 сек.). Они могут обозначать различные временные интервалы, различать их, давать качественную оценку их различий типа «больше», «меньше», «равно» или «короткий», «средний», «длинный». Но даже при таких оценках проявляется их непропорциональность. Так, вероятность правильных ответов типа «короткий», «средний» и «длинный» для интервалов 1, 3, 5 сек. разная. Она меньше для 3 сек. временного интервала. В то же время этот интервал чаще оценивается старшими дошкольниками в норме как «длинный», нежели как «короткий».

Исследовать восприятие времени, в пожилом возрасте необходимо, если мы хотим понять особенности развития и субъективного искажения восприятия временных интервалов (Wearden, 2005). Изучение возрастных изменений процесса восприятия времени - функции базовой, и в то же время достаточно сложной, с необходимостью вовлекающей процессы кодирования, селекции, обработки и хранения информации является особенно актуальной на примере пожилых людей (ibid).

И. С. Бабич и Т. А. Мурина изучали специфику восприятия времени в разные периоды геронтогенеза и получили материал, характеризующий оценку, отмеривание и воспроизведение временных интервалов от 3 до 17 сек. у лиц в возрасте от 50 до 90 лет.

Было показано, что в среднем старые люди способны правильно ориентироваться во времени. Для них характерна тенденция к индивидуальным различиям: среди лиц, завершающих индивидуальный цикл развития, можно встретить как очень точно оценивающих временные интервалы, так и совершающих грубые ошибки, что, по видимости, объясняется гетерохронностью процессов старения. Пожилые испытуемые в среднем переотмеривали заданные временные интервалы (в диапазоне от 1 до 10 сек.), в то время как молодые, как правило, недоотмеривали его. Эта особенность связана с замедлением сенсомоторных реакций у пожилых людей. Изучение восприятия более длительных временных интервалов предполагает рассмотрение направленности личности во времени, а также субъективную оценку скорости протекания времени (Сурнина, Антонова, 2001). Показано, что вовлечение в социально значимую деятельность и адаптированная к возрастным особенностям, дозированная физическая нагрузка способствуют развитию компенсаторных механизмов, замедляющих ухудшение характеристик кратковременной памяти и внимания, и улучшают восприятие временных интервалов пожилыми людьми (Лебедева, 2004).

Представление о личности «во времени» (Ананьев, 1977; Агаджанян, 2000) важны с позиции организации консультативной психологической помощи пожилым по вопросам формирования и коррекции жизненной перспективы, жизненного пути личности на его завершающем этапе. Одной из задач такой помощи может быть приведение в определенное соответствие особенностей индивидуального восприятия времени с реалиями хронологического возраста. Изменения восприятия времени в пожилом возрасте оказываются одними из важнейших составляющих реагирования стареющего человека на проявление и прогрессирование инволютивно-возрастных изменений организма. От особенности восприятия времени зависят многие аспекты жизнедеятельности, в частности соблюдение режима сна и бодрствования, физической и интеллектуальной активности, своевременность принятия пищи, характер общения с окружающими, регулярность приема лекарственных средств и другие факторы, определяющие качество жизни (Ярыгина, Мелентьев, 2010). Личность стареющего человека при этом выступает в качестве «координатора» различных измерений времени (объективного, субъективного, психологического и т.д.) на различных уровнях психики. Задачи такой координации чрезвычайно сложные и осуществляются посредством саморегуляции, при которой личность человека оказывается «движущей силой самореализации во времени» (Н.С. Глуханюк, Т.Б. Горшкович, 2003).

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ЖАЛОБ ПРИ СОМАТИЗАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ

Ю.М. Мигунова (Москва)

Исследование поддержано РФФИ, проект 12-06-31165

Несмотря на то что интерес к проблеме соматизации в современной клинической психологии велик, остаются недостаточно исследованными функции, которые вы-

полняет соматический симптом. Можно выделить, по крайней мере, три функции соматизации в межличностном общении: оправдание, обвинение и вторичная выгода. По виду жалобы можно разделить на соматизацию и манипуляцию.

Основной проблемой, которой посвящено исследование, является вопрос о соотношении между предрасположенностью к формированию соматических симптомов, не имеющих достаточных органических оснований (в том числе склонностью к соматизации), и осознанным предъявлением соматических симптомов и реакции на их предъявление другими людьми. Можно выделить три направления такой связи. Во-первых, независимость: поскольку соматизация основана на неосознаваемых процессах, а восприятие симптомов и манипулятивные жалобы осознаваемы, они могут существовать параллельно и не зависеть друг от друга. Во-вторых, может наблюдаться отрицательная связь. Если человек способен к разрешению конфликта на уровне сознания, то в бессознательном не должно накапливаться "напряжения", которое приводит к увеличению склонности конвертировать свои переживания в телесные проявления. Напротив, если человек склонен манипулировать с помощью симптомов, то этот процесс будет плохо осознаваться. В-третьих, возможна положительная связь: если опыт человека в межличностном общении таков, что предъявление переживаемых соматических симптомов было эффективным (приводило к желаемому результату), должно происходить закрепление этого поведения, в том числе, выраженное в осознанном предъявлении симптомов с теми же целями. Особенности восприятия чужих симптомов могут также быть не зависимой от склонности к соматизации и сознательной манипуляции переменной, а могут зависеть лишь от одного из этих факторов.

В соответствии с этими представлениями, были сформулированы гипотезы данного исследования.

1) Для диагностики манипуляции с помощью соматических симптомов, а также отношения к соматическим симптомам других людей может использоваться модификация теста Розенцвейга.

2) Склонность к предъявлению соматических симптомов и реакция на предъявление соматических симптомов зависят от функции симптома, ситуации и вида (соматизация/манипуляция) этого предъявления.

3) Существуют гендерные различия в склонности предъявлять соматические симптомы и особенностях реагирования на предъявление соматических симптомов, зависящие от того, с какой функцией и в какой ситуации предъявляются симптомы.

4) Выраженность соматических жалоб, не имеющих достаточных органических оснований, связана с особенностями предъявления соматических симптомов и особенностями реагирования на предъявление симптомов в межличностном общении.

Методы

Для решения задачи диагностики манипуляции с помощью соматических симптомов в общении, а также реагирования на симптомы окружающих, была проведена модификация теста фрустрационных реакций Розенцвейга. Для диагностики склонности к предъявлению симптомов использовались фрустрирующие ситуации, в которых испытуемый мог предложить ответ, связанный с жалобами на соматические симптомы для достижения своих целей. Реакция испытуемых на симптомы окружающих диагностировалась по ответам на карточки содержащие указание на жалобу со стороны собеседника. Ситуации делились на тестовые и контрольные и были взвешены по типу ситуации (семья, работа), содержанию конфликта/функции соматизации. Всего было разработано 23 ситуации.

Также были использованы: скрининг соматоформных симптомов (Screening for somatoform symptoms, Rief, Hiller, 2003, в апробации Е.И. Рассказовой, А.И. Мачулиной, Г.В.Коврова) для выявления склонности к соматизации, и опросник когнитивных представлений о теле и здоровье (Cognitions About Body and Health Questionnaire, САВАН, Riefetal., 1998, в апробации Е.И. Рассказовой, А.И. Мачулиной, Г.В.Коврова) для выявления представлений испытуемых о здоровье.

К настоящему времени в исследовании приняли участие 32 испытуемых (18 женщин и 14 мужчин) в возрасте от 18 до 55 лет. Планируется расширение выборки.

При анализе данных были использованы методы статистической обработки, представленные в программе SPSS Statistics 17.0 (альфа Кронбаха, хи-квадрат, критерий Вилкоксона, критерий Стьюдента, критерий Манна-Уитни).

На основании проведенного исследования сделаны следующие выводы:

1. Модифицированный тест Розенцвейга позволяет диагностировать склонность к предъявлению соматических симптомов и отношение к соматическим жалобам, однако требуется дополнительное усовершенствование карточек провокации манипуляции, связанных с рабочими ситуациями.

2. Функции предъявления соматических симптомов в общении можно дифференцировать по степени доверия и реакциям на них.

3. Для ситуаций предъявления соматического симптома в общении характерно расхождение между предполагаемой поведенческой реакцией, с одной стороны, и мыслями и эмоциями, с другой стороны. Наибольшее расхождение связано с реакцией на оправдание с помощью соматического симптома в семье.

4. Выявлено два фактора, обуславливающих склонность к манипуляции с помощью соматических симптомов - пол и особенности эмоциональных реакций. Женщины склонны чаще манипулировать симптомами; эмоциональные реакции у манипулирующих испытуемых отличаются снижением частоты спокойствия, усилением вины, тревоги или недовольства ситуацией.

5. Уровни доверия симптомам и прямым жалобам различаются в зависимости от функции, типа и сферы ситуации и в зависимости от пола воспринимающего жалобу.

6. Отмечаются различия в реакции на чужие симптомы у испытуемых использующими симптомы для манипуляции и не использующих: склонные к манипуляции испытуемые демонстрируют меньший уровень доверия к симптомам других людей, выполняющих функцию получения вторичной выгоды.

В дальнейшем планируется расширение выборки, с целью апробации модификации теста Розенцвейга, а также сопоставление результатов с данными опросниковых методик.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ И АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

А.Ю. Минаева (Москва)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-06-00488а.

Интернет-пространство является новым условием существования, в котором человек сталкивается с постоянной неопределенностью, обусловленной динамической подвижностью информации о мире, других людях, самом себе. Активная представ-

ленность личности в социальных сетях является закономерным откликом на возникающие требования действительности. Современное общество предлагает человеку новые сферы для идентификации и для реализации собственной деятельности. Таким образом, личность получает новые способы решения возникающих проблем, что облегчает процесс адаптации к миру. В этой ситуации активность личности приобретает особую значимость.

Социальные сети имеют определенные особенности, обусловленные техническими причинами. Общение в социальных сетях можно рассматривать как диалог "человек-компьютер". Особенность такого диалога состоит не в опосредованности экраном, которое присутствует уже на уровне кинематографа, а в факте общения человека непосредственно с машиной. Интерактивные возможности погружают индивида в новые условия деятельности. Одним из таких условий является гипертекстуальность, которая создает систему связи между отдельными информационными потоками (текстами, графическими изображениями, звуковыми и видеофайлами), соединяя их в единое пространство с помощью встроенных в текст гиперссылок, что погружает человека в некий информационный поток разнокачественной информации. С помощью гиперссылок появляется возможность находиться в одном пространстве таким социальным явлениям, которые в физической реальности отдалены друг от друга. В связи с этим, социальные явления, попадая в виртуальный мир, начинают действовать по законам виртуальности. Одним из примеров виртуальности является глобализация коммуникации, которая дает возможность общаться в виртуальном мире людям, находящимся далеко друг от друга.

Для социальных сетей характерны, с одной стороны, свобода общения, с другой его хаотичность. Эта особенность коммуникации в социальных сетях означает, что человек может по собственному выбору конструировать свою идентичность, неограниченную реальной социальной ролью и статусом. Однако это же означает и то, что человек теряет ту роль, которую он должен исполнять. Приходится постоянно «допрашивать» как образ партнера, так и правила взаимодействия с ним. Исследователи дискурса эпохи постмодерна считают, что в социальных сетях "Я" уже не выступает как смыслорегулирующая структура, так как социально значимой является лишь инсценировка собственной индивидуальности через различные самопрезентации. Активность в процессе общения в социальных сетях становится игрой, где индивид желает сыграть как можно больше ролей, делая акцент на самом процессе.

Каждый пользователь социальной сети имеет свою страницу (профиль), где он может выкладывать продукты своей деятельности. Пользователь может публиковать фотографии, видео, картинки, вести блог, основное содержимое которых — регулярно добавляемые записи (посты). Вся жизнь пользователя как будто переносится в социальную сеть, которая позволяет самому индивиду выбирать степень точности копии, «слепка с жизни», зависящей только от желаний и фантазии самого пользователя. Таким образом, страница пользователя – это отображение субъективного переосмысления своей сущности индивидом, реализуемое на основе личностных ценностей, предпочтений и желаний.

С целью изучения активности личности в социальной сети нами под руководством проф. А.В. Иващенко было проведено пилотажное исследование с участием 66 юношей и девушек (18 и 48 соответственно) экологического и филологического факультетов РУДН, средний возраст которых составил 20 лет. Гипотеза исследования состояла в утверждении, что активность в социальных сетях в связи со специфическими техническими особенностями имеет определенные условия проявления. Нами

была разработана анкета, где респондентов просили указать количество регистраций в различных социальных сетях, время пребывания с целью общения (в сутки), а также то, насколько активными считают себя сами респонденты при общении в социальной сети.

Применив корреляцию Спирмена (r) между количеством регистраций в социальных сетях и самооценкой активности, нами не было обнаружено значимой корреляции ($r = 0,211$, при $p = 0,091$). Само наличие собственной страницы в социальной сети не дает чувство удовлетворения и не создает иллюзию удовлетворения потребности в самораскрытии личности. Количество регистраций в социальных сетях положительно коррелирует с частотой пребывания в социальных сетях ($r = 0,352$, при $p = 0,004$). Желание общаться в различных социальных сетях может свидетельствовать о внутренней пустоте и погоне за полнотой жизни за счет множества регистраций. Когда социальная сеть не может удовлетворить потребность в активности, то пользователь регистрируется еще в одной, затем еще в одной и т.д. Однако частота пребывания в социальных сетях положительно коррелирует с самооценкой активности ($r = 0,249$, при $p = 0,05$). Таким образом, можно предположить, что самооценка активности зависит не от частоты пребывания в социальных сетях или количества регистраций, а от субъективных качеств пользователя, который либо может найти своё место в социальной сети, либо чувствует дискомфорт в новой среде.

Хи-квадрат Пирсона показал, что не существует значимых различий между временем, проводимым в социальных сетях, и собственной самооценкой активности студента в социальной сети. Студент, который проводит в социальной сети достаточное количество времени, оценивает свою активность приблизительно столь же продуктивно, как и тот, кто ограничивается минимальным пребыванием в социальной сети.

Таким образом, причиной чувства удовлетворенности собственной активностью не могут являться только количественные переменные, поэтому в дальнейшем мы планируем изучить также и качественные пути реализации собственной активности пользователем социальной сети в процессе общения.

ФЕНОМЕН ЛИДЕРСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ). ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Г.В. Миськов (Киев)

Лидерские качества - тема для психологии вовсе не новая. Вместе с тем, до недавнего времени воспитание таких навыков не поддерживалось. Напротив, внимание обращалось на умение работать в коллективе и под руководством. Время изменилось, настоящее на передний план выводит «Я», меняя «Мы».

Важность изучения проблемы лидерства во многом обуславливается силой влияния отдельной личности на развитие общества. Формирование активной жизненной позиции личности предполагает ее оптимальное вхождение в коллектив и выполнения лидерских функций. Доказано, что группа, перед которой встает проблема решения определенной задачи, всегда выдвигает для ее решения лидера. Современные ученые А. В. Евтихов, В.В. Клименко, С. Д. Максименко, Ю. П. Платонов, В. Т. Цыба

, D. Katz и др. отмечают, что роль лидера заключается в умении повести людей за собой, обеспечить существование таких связей между людьми в системе, которые способствовали бы решению конкретных задач в рамках единой цели. Поэтому исследование развития лидерских качеств у молодых ученых в процессе профессиональной деятельности является перспективным ввиду улучшения результативности труда и повышения уровня профессиональной компетентности

Анализ сущности понимания лидерских качеств молодых ученых дает возможность понять комплекс психологических условий как особенностей этого явления.

Цель: осуществление теоретического анализа проблем профессиональной деятельности молодых ученых и определения экспериментальным путем психологических условий развития лидерских качеств.

Методы: применялось психологическое наблюдение за молодыми учеными, изучение и анализ продуктов профессиональной деятельности молодых ученых, анкетирование, тестирование, статистическая обработка результатов эмпирического исследования.

За основу эксперимента был взят адаптированную методику самооценки деловых и личностных качеств (по Ф. Фидлером), методика определения уровня стрессоустойчивости и тест креативности Торранса «Закончи рисунок».

Выявлено негативную тенденцию изменения средних значений деловых и личностных качеств, установлена зависимость между изменениями средних значений деловых и личностных качеств в динамике выполнения напряженной работы и преодоления экстремальных ситуаций, возникающих при решении профессиональных задач и таким параметрам как стрессоустойчивость и креативность. На основании полученных зависимостей можно констатировать следующее:

- 64,73 % респондентов имеют низкий уровень стрессоустойчивости, низкий уровень креативности и негативную динамику изменения средних значений деловых и личностных качеств в динамике выполнения напряженной работы и преодоления экстремальных ситуаций, возникающих при решении профессиональных задач (на основе среднеарифметических показателей).

- 22,11 % респондентов имеют средний уровень стрессоустойчивости, высокий уровень креативности и демонстрируют положительную динамику роста лидерских способностей.

- 5 % респондентов имеют высокий уровень стрессоустойчивости, низкий уровень креативности, динамика изменения средних значений деловых и личностных качеств отсутствует или наблюдается незначительный рост, что может свидетельствовать о незначительном уровне напряжения, которое появляется при исполнении напряженной работы и преодоления экстремальных ситуаций или о достижении верхней возможной предела лидерских способностей для данного респондента. При низком уровне креативности, дальнейший рост лидерских способностей невозможен.

Наилучшие перспективы стать лидером у респондентов - молодых ученых, имеющих средний уровень стрессоустойчивости и высокий уровень креативности. Лидерские качества динамично формируются и развиваются у лиц со средним значением стрессоустойчивости благодаря быстрому реагированию нервной системы на внешний раздражитель.

АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В РАЗВИТИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

О.И. Михайленко (г. Нальчик)

Актуальность данной проблемы состоит в проблеме развития системы поликультурного образования, что предполагает поиск более активных методов развития полиэтнической компетентности субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования.

На современном этапе развития полиэтнической компетентности в отечественной системе высшего профессионального образования значимость приобретают задачи оптимизации учебно-воспитательного процесса высшей школы средствами психолого-акмеологических технологий, которые заключаются в формировании сложных и разветвленных систем теоретического и практического человекознания.

Одной из таких систем следует считать акмеологию, предметом изучения которой является многогранная совокупность факторов, присущих зрелой личности и связанных с развитием и реализацией ее творческого потенциала средствами образования и самообразования, формированием индивидуального смысла и предназначения, становлением методологии высокопродуктивной профессиональной деятельности. Вершина профессиональной зрелости человека (акме) - это полифункциональное состояние человека, которое достигается всей предшествующей жизнью индивида, в том числе и научно обоснованным, проверенным на эффективность профессиональным образованием. Именно оно в итоге определяет, с каким уровнем полиэтнической компетентности подойдет выпускник профессиональной школы к ступени своей деятельностной зрелости, какие ценностные ориентации и отношения составляют ядро его личности и какие способности, а также какой запас знаний, умений и навыков будут характеризовать его как субъекта-творца, субъекта-профессионала.

Критерием качества высшего профессионального образования, в соответствии с Болонским процессом, является профессиональная и полиэтническая компетентность выпускников. Условие ее развития – профессиональная, полиэтническая компетентность преподавателей, частью которой является коммуникативная компетентность. Она обеспечивает выпускникам продуктивное решение задач в сфере общения, взаимодействия, взаимоотношений, по вертикали и горизонтали, установление профессионально целесообразных взаимоотношений между преподавателем и студентами, адекватное восприятие и понимание людей.

Профессиональная, полиэтническая и коммуникативная компетентность необходима как студенту в период овладения будущей профессией, так и специалисту в решении специальных и профессиональных задач, в условиях самостоятельной деятельности.

Студенты обязаны уметь профессионально грамотно строить собственные взаимоотношения с другими людьми, обучать их личным примером, реализовать в общении собственные природные потенциалы быть способными диагностировать, выявляя идеалы, ценностные отношения, потребности, мотивы и направленность.

Акмеологический тренинг для будущего преподавателя - источник развития компетентности, если опирается на наблюдательность, доброжелательность, терпение, толерантность, конфиденциальность, и средство развития общительности, интуиции,

тактичности, уравновешенности, корректности, пунктуальности, уверенности в себе, объективности, твёрдости характера, желания помочь.

В этой связи эффективным является:

1. Проведение сравнительного анализа развития полиэтнической компетентности у студентов посредством психологического и акмеологического тренингов на разных этапах подготовки;
2. Проведение сравнительного анализа факторов, содействующих и препятствующих развитию полиэтнической компетентности субъектов образовательного пространства
3. Создание информационного и коммуникационного обеспечения программ для психологического и акмеологического тренингов.
4. Создание акме-целевых технологий управления процессами созидания полиэтнической компетентности в психологическом и акмеологическом тренингах.
5. Изменение ролевой позиции студента на позицию преподавателя-тренера в целях управления развитием готовности выпускников к самостоятельной деятельности.

Новизна поставленной проблемы состоит:

1. В открытии закономерностей развития полиэтнической и компетентности студентов - будущих преподавателей в системе человек-человек, роли моделирования продуктивного образа результата в согласовании усилий преподавателя-тренера и студентов.
2. В открытии закономерностей моделирования акме-целевых стратегий проведения тренингов, подчиненных развитию полиэтнической компетентности субъектов образовательного пространства;
3. В вооружении субъектов образовательного пространства приемами саморазвития продуктивной компетентности средствами изменения их ролевой позиции студента на позицию преподавателя-тренера, умеющего выбирать тему тренинга, ее разрабатывать, реализовать на практике.
4. В отличие от инициаторов болонского процесса реализующих «студенто-центристский подход», состоящий в предоставлении студентам максимальной самостоятельности, нами будет реализован акмеологический подход, состоящий в поиске факторов достижения вершин продуктивности в развитии преподавателем полиэтнической компетентности студентов.

Практическая значимость исследования данной проблемы заключается:

1. В создании и проверке на практике программы психолога - акмеологического тренинга развития полиэтнической компетентности будущих специалистов на этапе общенаучной подготовки и этапе профессионализации.
2. В создании и экспериментальной проверке курса «Теоретические и методические основы психологического тренинга в развитии полиэтнической компетентности» - средства и изменения ролевой позиции студента на позицию преподавателя - тренера.
3. В интенсификации процессов развития мотивирования их к участию в тренинге, вооружении теорией, методиками и методами измерения меры развития их продуктивной компетентности средствами психологического и акмеологического тренинга. Таким образом, мы пришли к выводу, что применение акмеологического подхода является наиболее перспективной формой в развитии полиэтнической компетентности субъектов образовательного процесса в вузе.

КОМАНДНЫЕ РОЛИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ С РАЗНЫМ ТИПОМ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.Е. Михеева (Ярославль)

Современными исследованиями в области организационной психологии доказано, что оценка организационной культуры является субъективным феноменом. Традиции, ценности, идеалы и другие элементы организационной культуры преломляются через призму восприятия и сознания субъекта профессиональной деятельности и получают с его стороны определенную оценку. В результате одни и те же параметры культуры одной и той же организации по-разному оцениваются людьми. В результате чего сотрудники даже одного подразделения могут приписывать культуру своей организации к разным типам. В этой связи можно предположить, что в зависимости от субъективно определяемого типа организационной культуры субъект будет определять свою роль в организации.

Цель исследования заключалась в том, чтобы проанализировать содержательные и структурные особенности самооценки руководителями командных ролей в организациях с разным типом организационной культуры

Задачи исследования:

- Диагностика командных ролей, определяемых руководителями;
- Диагностика управленческого видения организационной культуры;
- Определение связи командных ролей в организациях с разным типом организационной культуры
- Определение специфики структурной организации командных ролей в разных типах организационной культуры

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что:

Существует взаимосвязь между командными ролями руководителей с субъективной оценкой типа организационной культуры, сформировавшимся в организации.

В качестве объекта исследования выступали командные роли руководителей низового звена

Предметом исследования была взаимосвязь командных ролей со сложившимся в организации типом организационной культуры.

В исследовании применялись такие методики как: методика Камерона-Куинна на определение организационной культуры; опросник самовосприятия М.Белбин на определение командных ролей.

Был проведен структурный анализ командных ролей руководителей, работающих в разных типах организационных культур.

Рассмотрим обнаруженные статистически наиболее сильные достоверные связи у испытуемых, оценивающих культуру организации, как клановую:

1) была выявлена обратная взаимосвязь между такими командными ролями, как Вдохновитель и Генератор Идей.

Команды студентов – руководителей обязательно в своем числе имеют Вдохновителей. Ведь именно вдохновитель пытается создать успешную команду. Но может получиться так, что Генератор идей может спровоцировать конфликты, потому что часто начинает отстаивать свои идеи в ситуациях, когда сотрудничество могло бы дать лучшие результаты.

Рассмотрим обнаруженные статистически достоверные связи у испытуемых, оценивающих культуру организации, как бюрократическую:

1) была выявлена обратная взаимосвязь между такими командными ролями, как Аналитик и Вдохновитель.

Работая над очередным заданием студенту – руководителю необходимо создать высокоэффективную команду. Эту задачу выполняет Вдохновитель. Команда вырабатывает ряд идей, которые могли бы быть осуществлены. Эти идеи оцениваются Аналитиком. Иногда с решением, которое принимает Аналитик, некоторые студенты не согласны, а это может спровоцировать конфликт, который приведет к рассогласованию команды.

Рассмотрим обнаруженные статистически достоверные связи у испытуемых, оценивающих культуру организации, как конкурентную:

1) была выявлена обратная взаимосвязь между такими командными ролями как Мотиватор и Вдохновитель.

В условия конкуренции неизбежны конфликты и стрессовые ситуации, В таких условиях руководитель – мотиватор лишен застенчивости и робости. Вдохновитель же, наоборот, выглядит доверчивым и чувствительным человеком..

Вдохновители не решительны в принятии важных решений для команды, что недопустимо в условиях конкуренции. Тогда как Мотиваторы способны принимать такие решения, которые привели бы к смене направления действий команды, и часто эти решения приводят к плодотворным результатам.

2) была выявлена обратная взаимосвязь между такими командными ролями как Мотиватор и Руководитель.

Часто в условиях конкуренции необходимо принять быстрое и правильное решение. Такое решение может найти мотиватор, с его способностью быстро усваивать материал. Руководитель обладает таким недостатком как присваивание себе командного успеха. Когда идеи и решения мотиватора приводят команду к высоким результатам, руководитель сразу начинает приписывать себе все эти достижения. Такая ситуация очень часто приводит к конфликтам.

При анализе степени организованности структур командных ролей руководителей, мерой которой является индекс организованности структуры (ИОС), заметно ее снижение в структуре командных ролей испытуемых, оценивающих культуру организации, как бюрократическую и конкурентную. Организационная культура формируется не только внутренней средой организации, но и внешней. Часто окружение заставляет руководителей изменять тип организационной культуры с целью достижения высоких результатов в работе. Изменения происходят в сторону наименее эффективного способа взаимодействия между членами организации. Это влечет за собой изменения в организационной культуре, что подтверждает выявленную нами закономерность.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. Существует взаимосвязь между командными ролями руководителей с субъективной оценкой типа организационной культуры, сформировавшимся в организации.

2. Аналитически выдвинутые гипотезы полностью подтвердились:

- Взаимосвязь между приписываемыми себе руководителем командными ролями и типом организационной культуры проявляется на уровне отдельных командных ролей.

- Имеет место специфика структурной организации командных ролей в разных типах организационных культур

Хочу выразить благодарность своему научному руководителю Филипповой Юлии Владимировне за помощь в проведении данного исследования.

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОЙ РЕФЛЕКСИИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Е.И. Мишина (Москва)

Актуальность темы исследования. В Законе «Об образовании в Российской Федерации» большое внимание уделяется поиску путей повышения социально-экономического потенциала общества, что возможно при условии развития личностной рефлексии будущих специалистов, обеспечивающих определенный социальный капитал. Реализация положений данного закона конкретизируются в Концепции Федеральной целевой программы развития образования до 2020 г., где стратегической целью государственной политики в области образования является повышение доступности качественного образования, соответствующего современным потребностям общества. Развитие академической мобильности будущих специалистов предполагает наличие в ВУЗах современных технологий развития личностной рефлексии будущих профессионалов, повышающих их конкурентоспособность.

В законе закреплено право предоставления образовательным учреждениям возможностей внедрения интегрированных образовательных программ в процессе профессионального обучения и отбор по способностям.

В психологической науке и образовательной практике наблюдается противоречие между совершенствованием методов развития личностной рефлексии будущих специалистов и недостаточностью методического обеспечения программ в практике психолого-педагогического сопровождения изучаемого феномена.

Психологический смысл профессионального обучения заключается в появлении личности нового типа – «личности рефлексивного профессионала», отвечающего требованиям современного профессионального сообщества. Поэтому важно создать алгоритм психологического сопровождения будущих специалистов, которые будут подготовлены в профессиональном и личностном плане.

Цель нашего исследования состоит в изучении влияния технологии развития личностной рефлексии в современной образовательной среде на специфику ее проявления у будущих специалистов.

В нашем исследовании участвовало 65 человек (будущие специалисты) обучающиеся в Московском государственном областном университете г. Ногинска.

Приоритетным направлением мы выбрали психолого-педагогическую технологию индивидуальной траектории развития личности будущего специалиста. Успешность внедрения в практику разработанной нами психолого-педагогической технологии связана с познанием и формированием интереса у будущих специалистов к различным современным новым научным знаниям, что предусматривает организацию обратной связи от студентов к преподавателям. При внедрении психолого-педагогической технологии учитывались эмоциональные оценки, определяющие рефлексивный процесс. Психолого-педагогический тренинг, включающий определенные этапы: целеполагание, социально-психологическая диагностика проблемной ситуации в системе «будущий специалист – профессиональная деятельность», Оценка реального уровня развития социально-психологической системы «будущий специалист – профессиональная деятельность», моделирование наличия личностной рефлексии будущего специалиста, проектирование требуемого уровня становления личностной рефлексии будущего специалиста, социально-психологическая актуализация личностной рефлексии будущего специалиста.

Внедренный нами психолого-педагогическая технология позволила отследить уровень становления личностной рефлексии будущих специалистов, что показало увеличение уровня развития личностной рефлексии у третьекурсников по сравнению с первокурсниками. Так, показатели развития личностной рефлексии «Реализация потребностей в саморазвитии» и «Цель» оказались значимо выше, чем у первокурсников.

Содержательный аспект применяемой технологии состоял в последовательном и циклическом переходе от незнания к осознанию определенной психологической реальности. Цикличность перехода означало регулярное возвращение к уже выявленным психологическим феноменам с целью их наилучшего понимания на данном этапе развития. При этом групповому анализу подвергались основные механизмы самопознания и психологического познания окружающих (стереотипизация, проецирование, децентрация, идентификация, эмпатия и др.), а также сопутствующие групповые и межгрупповые психологические феномены. Особое внимание уделялось выявлению неадекватных установок в сфере профессионального взаимодействия и их коррекции.

В результате применения рефлексивно-перцептивного тренинга получила развитие способность к анализу, обобщению и систематизации знаний по проблеме межличностного и профессионального сознания и самосознания. Обучающий аспект состоял в освоении эффективных приемов и методов познания личностных особенностей, осознания и осмысления человеческой культуры в целом.

В процессе тренинга по развитию личностной рефлексии будущих специалистов был проведен анализ значимых событий за неделю, где в письменной форме, рефлексии подвергалось яркое событие недели, связанное с будущей профессиональной деятельностью. Рефлексия самовосприятия и запуск механизма самопознания и самокоррекции личности как субъекта профессиональной деятельности был произведен посредством изучения индекса жизненной удовлетворенности. В ходе работы был реализован план рефлексии: описание себя, описание профессиональной деятельности, описание мыслей и чувств после профессиональной деятельности, кто и как повлиял на анализ и выводы и профессиональной деятельности, насколько успешна профессиональная деятельность.

Мы соблюдали главное условие, заключающееся в систематичности проведения данной последовательности. Рефлексии способствовало также ведение дневников с фиксацией событий жизнедеятельности, анализом по предложенным вопросам, в которых было подробное описание, включающее трудности, связанные с профессиональной деятельностью. В целом, технология развития личностной рефлексии способствовала адекватности между отношением личности к себе и внешнему миру и внутренней согласованности структуры Я-концепции.

ВЛИЯНИЕ ПРОГРАММЫ ПРОФИОРИЕНТАЦИИ НА ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Е.И. Молчанова (Йошкар-Ола)

Подростки по своим психологическим особенностям ещё не готовы к адекватному осознанному выбору не только будущей профессии, но и образовательного профиля. К данным особенностям можно отнести:

- недостаточно развитую способность совмещать ближнюю и дальнюю перспективу.
- незавершённость развития функции планирования.
- противоречивость и неупорядоченность разных аспектов «Я», что нарушает цельность и последовательность выбора.
- неумение разграничивать возможное и желаемое.

Условия развития общества и психологические особенности современных подростков способствуют появлению факторов, ещё более препятствующих формированию готовности к осознанному профессиональному выбору. Эти факторы следующие:

1) Изменение ценностных ориентаций в обществе.

Важным моментом, мешающим сформировать готовность к осознанному выбору профессии, является процесс дискредитации общечеловеческих гуманистических ценностей, происходящий в современном обществе. Раньше идеальный образ профессионала во многом был связан с образом конкретных людей и их профессиональной биографией, их определёнными профессиональными ценностями (иногда это был собирательный образ, но он обладал той конкретностью, которая способствовала процессу идентификации). Сейчас можно наблюдать, что в некоторой степени «идеальный образ профессионала» заменён на «идеальный образ жизни» («американский», «европейский», «новых русских» и др.). Неопределённость ценностных представлений о самой профессии смещает ориентиры на выбор предпочитаемого, желаемого образа жизни с помощью профессии, которая уже выступает средством достижения этого образа жизни, а не существенной частью.

2) Появление большого количества «новых» профессий.

Следующим фактором, препятствующим формированию готовности к осознанному выбору профессии, является то огромное количество новых профессий, которое появилось в последнее время на рынке труда. С одной стороны, чем шире выбор, тем он психологически сложнее, с другой - недостаток знания специфики, требований и путей приобретения новых профессий лишь иллюзорно увеличивает количество альтернатив и ещё больше дезориентирует школьников в мире профессий.

3) Рост высших учебных заведений на коммерческой основе.

Ещё одним немаловажным фактором, блокирующим смысловую готовность к выбору профессии является неконтролируемый рост высших учебных заведений, как правило, коммерческих, которые открывают факультеты по подготовке специалистов престижных специальностей.

Таким образом, необходимо разработать психологическую программу профориентации, которая включает в себя специальные методы и формы работы, учитывающие особенности возрастного развития подростков в современном обществе.

Профильное обучение в лицее Бауманском было организовано в форме многообразных межклассных групп. Модель такой внутришкольной профилизации состоит в следующем: базовые общеобразовательные предметы изучаются в классах, а профильные - в профильных группах. Направление групп может меняться из года в год, в зависимости от того, какие профили выберут учащиеся в конце 9-го класса.

Выбор образовательного профиля фактически совмещён с первичным выбором профессии. В соответствии с профориентационной программой велась следующая работа:

В 8 классе - создание условий для развития мотивации к профессиональному выбору.

В 9 классе - создание условий для осознанного профессионального выбора учащихся будущего образовательного профиля.

В 10 классе - психологическая поддержка профессионального выбора учащихся.

Основными положениями программы являются:

- работа с ценностными установками молодёжи с учётом новой системы ценностей и требованиями современного рынка труда;
- формирование потребности во взрослении подростков и предоставление им специально организованных пространств, моделирующих идеальное «взрослое» общество;
- формирование и развитие понятийного мышления и др.

Инновационность программы, по-нашему мнению, заключается в её ориентации на мотивационную составляющую готовности к осознанному выбору профессии. Именно в мотивационной сфере, как считала Л.И. Божович, находится главное новообразование переходного возраста.

Экспериментальное исследование эффективности программы показало:

Осознанность выбора будущего образовательного профиля и будущей профессии у подростков начинает появляться лишь к девятому классу, даже при условии обучения по профориентационной программе с восьмого класса.

У подростков 9-х и 10-х классов обучавшихся по разработанной профориентационной программе, произошло более значимое повышение уровня готовности к осознанному выбору будущего образовательного профиля и будущей профессии, чем у учащихся других школ, не прошедших такого обучения. Это проявилось в более высоком уровне общей готовности, автономности, информированности, способности принимать решения, планировать свою профессиональную карьеру и в более позитивном отношении к выбору, а также в более осознанной мотивации, определенности и устойчивости выбора.

Результаты исследования динамики развития отдельных компонентов готовности выявили наибольшие позитивные изменения в формировании мотивационного компонента профессиональной готовности.

Значимая разница уровня профессиональной готовности обнаружена также между отдельными показателями готовности к осознанному выбору у девятиклассников, прошедших обучение по разработанной программе и у девятиклассников других школ, обучавшихся по стандартным профориентационным программам. Эта разница проявилась в более высоком уровне информированности и умения планировать профессиональную карьеру.

Чтобы сформировать готовность к осознанному выбору образовательного профиля необходимо начинать профориентационную работу как минимум с восьмого класса, причем важнейшим психологическим условием, формирования профессиональной готовности в подростковом возрасте является сформированность мотивационного компонента.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СПОРТИВНЫХ КОМАНДАХ С УЧЕТОМ ИХ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

К.В. Монахова (Москва)

В процессе исследования проблемы гендерных особенностей межличностных отношений была выдвинута гипотеза о том, что учитывать гендерные особенности и совершенствовать межличностные отношения в спортивных командах можно посредством проведения индивидуально-коррекционной работы с членами команды и социально-психологического тренинга.

Для доказательства гипотезы проводился эксперимент. За основу был взят квазиэкспериментальный план №10 с неэквивалентной контрольной группой (по Д. Кемпбеллу). Это обусловлено тем, что в исследовании принимали участие естественно сложившиеся коллективы. Учитывая, что в гипотезе заложены два экспериментальных воздействия, а подбор контрольной группы связан с определенными сложностями в план эксперимента была добавлена вторая экспериментальная группа.

Межличностные отношения оценивались при помощи двух базовых модулей модульного социотеста Анцупова.

Выборка составила три мужские юношеские команды по хоккею с шайбой. Контрольная группа участвовала в обоих опросах в полном составе из 14 человек. Экспериментальная группа, в которой проводилась индивидуально-коррекционная работа с членами команды, составила 23 человека. В первом опросе приняли участие 19 человек, во втором – 17 человек. Для уравнивания данных, из результатов первого опроса были вычтены данные 2-х человек, не участвовавших во втором опросе. Экспериментальная группа, в которой проводился социально-психологический тренинг, составила 22 человека. В обоих опросах приняли участие 18 человек.

Социально-психологический тренинг был разработан на основе постдиагностического тренинга-коррекции Б.Д. Парыгина, что обусловлено особенностями спортивной команды как тренинговой группы. Социально-психологический тренинг и индивидуально-коррекционная работа учитывали гендерные особенности мужчин спортсменов.

Рассмотрим полученные результаты. В обеих экспериментальных группах были выявлены следующие изменения:

- реальные и воспринимаемые отношения (и межличностные отношения в целом) стали качественно лучше. В группе, где проводилась индивидуально-коррекционная работа, разница средних показателей между опросами составила +0,69, +0,72 и +0,71 балла соответственно. В группе, где проводился социально-психологический тренинг – +1,55, +1,39 и +1,48 балла соответственно;

- средняя выраженность реальных и воспринимаемых негативных отношений (и общая выраженность негативных отношений в команде) уменьшилась. В группе, где проводилась индивидуально-коррекционная работа, разница средних показателей между опросами составила +0,06, +0,03 и +0,05 балла соответственно. В группе, где проводился социально-психологический тренинг – +0,62, +0,25 и +0,44 балла соответственно;

- показатель однородности мнения команды в оценке реальных и воспринимаемых отношений (и межличностных отношений в целом) уменьшился. В группе, где

проводилась индивидуально-коррекционная работа, разница средних показателей между опросами составила -0,54, -0,65 и -0,59 балла соответственно. В группе, где проводился социально-психологический тренинг – -1,06, -0,66 и -0,86 балла соответственно. Чем меньше данный показатель, тем однородность выше.

Межличностные отношения в обеих группах улучшаются, их конфликтность снижается, а мнение команды о сложившихся отношениях становится более однородным.

В контрольной группе было выявлено качественное улучшение реальных и воспринимаемых (и межличностных отношений в целом) – разница средних показателей между опросами составила +0,16, +0,22 и +0,19 балла соответственно; уменьшение средней выраженности воспринимаемых негативных отношений (разница средних показателей между опросами составила -0,03 балла); увеличение средней выраженности реальных негативных отношений (разница средних показателей между опросами составила +0,04 балла); неизменность общей выраженности негативных отношений в команде (разница средних показателей между опросами составила 0,00 балла); увеличение однородности мнения команды при оценке реальных и воспринимаемых отношений (и межличностных отношений в целом) – разница средних показателей между опросами составила -0,13, -0,51 и -0,32 балла соответственно.

Для доказательства не случайности положительного сдвига в экспериментальных и случайности положительного сдвига в контрольной группах рассчитывался G-критерий знаков.

Расчет G-критерия знаков для группы, в которой проводилась индивидуально-коррекционная работа, выявил, что:

– сдвиг показателей при оценке реального отношения команды к игроку в положительную сторону не случаен (Gэмп = 33, N = 209, Gкр = 87 (p=0,05), Gэмп < Gкр);

– сдвиг показателей при оценке воспринимаемого командой отношения игрока к ней в положительную сторону не случаен (Gэмп = 8, N = 170, Gкр = 73 (p=0,05), Gэмп < Gкр). Улучшение межличностных отношений в целом, является не случайным.

Расчет G-критерия знаков для группы, в которой проводился социально-психологический тренинг, выявил, что:

– сдвиг показателей при оценке реальных отношений команды в положительную сторону не случаен (Gэмп = 36, N = 266, Gкр = 116 (p=0,05), Gэмп < Gкр);

– сдвиг показателей при оценке воспринимаемого командой отношения игрока к ней в положительную сторону не случаен (Gэмп = 23, N = 231, Gкр = 97 (p=0,05), Gэмп < Gкр). Улучшение межличностных отношений в целом, является не случайным.

Расчет G-критерия знаков для контрольной группы выявил, что:

– сдвиг показателей при оценке реального отношения команды к игроку в положительную сторону случаен (Gэмп = 24, N = 58, Gкр = 22 (p=0,05), Gэмп > Gкр);

– сдвиг показателей в оценке воспринимаемых командой отношений в положительную сторону случаен (Gэмп = 28, N = 59, Gкр = 23 (p=0,05), Gэмп > Gкр). Улучшение межличностных отношений в целом, является случайным.

В экспериментальных группах сдвиги в положительную сторону в оценке межличностных отношений являются не случайными, а в контрольной группе – случайными, следовательно, индивидуально-коррекционная работа и социально-психологический тренинг положительно влияют на межличностные отношения в команде.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РАМКАХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ШКОЛЫ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Е. В. Мороденко (Прокопьевск)

В системе общего психологического знания в целом и социальной психологии личности в частности произошли существенные концептуальные изменения, в том числе произошли они и в социально-психологической теории адаптации человека. Кроме общепринятых факторов – физиологических (И. П. Павлов, Б. М. Теплов) и патологических (З. Фрейд, Д. Морено, К. Хорни), а также развивающихся на протяжении всего XX в. теорий стресса (Г. Селье) – в категориальный аппарат были включены понятия чисто социально-психологического характера: личность и ее поведение в микро- макро социуме (С. Московичи, Л. И. Уманский), малые и большие группы членства (Г. Келли, Д. Хоманс), статусы и роли (И. Гофман, М. Холландер), Я-концепция (Ч. Кули, Дж. Мид).

При этом успешность адаптации оказалась взаимосвязана не только с характером профессиональных намерений, но и с индивидуальными адаптивными способностями.

Динамика изменений в процессе социальной адаптации личности, а также особенности этих изменений в переходные периоды (поступление в вуз, окончание вуза, первичное трудоустройство) позволили сделать предположение о том, что более независимая, самостоятельная и успешная в учебе личность не в полной мере востребована в системе динамично меняющегося социума, существенную роль играют характеристики гибкости, уступчивости, тактичности, терпения, которые в свою очередь могут характеризоваться, как проявления инфантильности, несамостоятельности, пассивности.

На наш взгляд, подобное предположение может быть подтверждено, если проследить динамику личностных изменений в процессе социальной адаптации через изменение отношения к значимости проблемных зон (Шабанов, 2005, с. 29-30). в поле приспособления (ассимиляции) индивида в социальной среде, поведенческого стремления к дифференциации (реадаптации) на переходных этапах процесса социализации.

Отслеживая динамику, мы увидели, что социальная адаптация сегодня включает в себя скорее приспособление к деструктивным и маргинальным параметрам современного атомизированного общества, что на уровне микросреды отслеживается через категории совместимости и качества жизни, а на уровне макросреды – через изменения организационных условий жизни, круга общения, окончанием ссуза/вуза, выходом на работу. (Мороденко, 2011, с. 145).

В области единого интегративного процесса социальной адаптации личности мы можем выделить три переходных этапа:

1. «довузовский» блок;
2. «вузовский» блок;
3. «послевузовский» блок.

Каждый из выделенных нами этапов получил свои характеристики:

«Довузовский» блок: по интегральному показателю «адаптация» характеризовался, как имеющий повышенные адаптивные способности. Испытуемые показали высокие индексы по шкалам: доминирование, интернальность, принятие других, самопринятия, эмоциональный комфорт. Взаимосвязь между социально-психологиче-

ской адаптацией и тревожностью - у юношей и девушек «довузовского» блока с высоким уровнем личностной тревожности наблюдается низкий уровень показателей социально-психологической адаптации, и наоборот. Социальная адаптация старших подростков затруднена: юноши и девушки, не успевают своевременно реагировать на стремительный ход микро- и макро-социальных событий, связанных с их непосредственным будущим.

«Вузовский» блок : уровень тревожности у испытуемых 1 курса очень высок: 33% поступивших в вузы испытывают дискомфорт, часто не понимают требований, предъявляемых им, плохо ориентируются в новой обстановке. Социальная адаптация характеризуется высоким уровнем тревожности, который растет на протяжении семестра и достигает своего апогея в период сессии. С началом обучения на 5 курсе у испытуемых отмечается новый рост тревожности, который связан с итоговой аттестацией, и с грядущей ломкой жизненного уклада и, наконец, с профессиональным самоопределением. «Послевузовский» блок: период начала трудовой социализации: социально-психологический климат, как общий психологический настрой в группе (сумма экспектации ожиданий) и к группе (личное отношение), показывает сложность межличностных связей. Обнаружена высокая напряженность и преобладание негативных эмоций в отношениях между молодыми сотрудниками и работниками с большим стажем; психологический фон конфликтности искусственно поддерживался работниками среднего звена. Исследование выявило преобладание стратегий избегания, в виду нестабильности положения молодого сотрудника и поиска точек опоры в одобрении эталонной группы. Однако выбранная им конфликтная стратегия избегания не позволяет конструктивно разрешать конфликты.

Как видно из вышеуказанного, при сопоставлении характеристик трех выделенных этапов, лично-значимые проблемные зоны социальной адаптации молодого человека на уровне микро- и макросреды оказываются в постоянной оппозиции друг к другу. Подобная неконгруэнтность во многом связана с переживанием социальной дезадаптации личности в указанных переходных периодах.

Все это позволяет констатировать, что степень успешности приспособления в общей линии социальной адаптации личности будет зависеть от степени востребованности в структуре общественных институтов – структуре иерархичной и требующей на входе таких черт, как демонстрация несамостоятельности и зависимости от вышестоящих в общей структуре индивидов (Козлов, 2010, с. 12).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ, СКЛОННЫХ К ФОРМИРОВАНИЮ КИБЕРАДДИКЦИИ

И.В. Морозов (Омск)

В нашем современном обществе высоко развиты компьютерные технологии, компьютер для многих людей стал неотъемлемой частью повседневной жизни, но, к сожалению, он стал средством различного рода зависимостей. Нас интересует кибераддикция - психологическая зависимость от компьютерных игр (И.И. Ягяев, 2013). Несмотря на то, что данная тема активно разрабатывается зарубежными психологами, в России она остается недостаточно изученной.

Наиболее известными зарубежными психологами, занимающимися данной темой являются: К. Янг, С. Гитлоу и другие. Из отечественных психологов можно выде-

литься следующих: Ю.В. Фомичева, А. Г. Шмелев, С. А. Шапкин, А.Ю. Егоров, А.Е. Войсунский, и другие. А. Г Шмелев выявил различия в структурах «Я – образах лиц, увлеченных компьютерными играми». С.А. Шапкин на основе его работ рассматривал негативный и терапевтический эффект компьютерных игр. К. Янг разрабатывала проблему интернет-зависимости и создала методику на диагностику интернет-зависимости.

Используя эту методику мы поставили цель разграничить выборку кибераддиктов и не имеющих зависимость от компьютерных игр студентов и исследовать психологические особенности студентов, склонных к формированию кибераддикции, и изучить их взаимосвязь с компьютерной зависимостью.

Выборку исследования составили 60 студентов старших курсов мужского и женского пола, в возрасте от 19 до 24 лет, играющие в различные компьютерные игры. По полученным результатам нами были выделены 2 группы «студенты склонные к формированию кибераддикции» и «студенты не имеющие зависимости от компьютерных игр».

Психологические особенности студентов старших курсов, склонных к формированию кибераддикции были изучены с помощью опросников: «Диагностика состояния агрессии» Басса-Дарки, «Шкала самооценки тревожности» Спилберга-Ханина, модификация А. Мехрабиана «Тест мотивация достижения» (предложена М.Ш. Магомед-Эминовым), «методика диагностика самооценки Дембо-Рубинштейн» (модификация А.М. Прихожан). Для разделения выборки на склонных к формированию кибераддикции и независимых от кибераддикции студентов старших курсов мы использовали модифицированный опросник К.Янга «На определение Интернет зависимости».

Статистическая обработка осуществлялась при помощи: подсчета среднего арифметического числа, U – критерий Манна-Уитни, метода ранговой корреляции г-Спирмена.

Значимые различия были установлены по следующим признакам: агрессивности и враждебности (враждебность $U=240,5$ $p=0,01$, агрессивность $U=271,5$ $p=0,01$): в группе испытуемых с предрасположенностью к кибераддикции данный критерий более выражен. Таким образом, у студентов, склонных к формированию кибераддикции, наблюдается повышенный уровень готовности к агрессии, склонность воспринимать и интерпретировать поведение других людей как враждебное, что приводит к формированию потенциально агрессивного восприятия как устойчивой особенности мировосприятия и миропонимания данной группы студентов.

Повышенная агрессивность студентов, склонных к формированию кибераддикции, формируется как форма протеста против непонимания общества и в связи с неудовлетворенностью своим положением в обществе, что и проявляется в соответствующем аддиктивном поведении.

По таким критериям как уровень мотивации достижения, ситуационная и личностная тревожность значимые различия небыли выявлены. При этом следует отметить, что практически у всех испытуемых обеих выборок доминирует стремление избегать неудачи. Преобладание мотивации избегания неудач у студентов говорит о том, что они проявляют неуверенность в себе, не верят в возможность добиться успеха, боятся критики, не испытывают удовлетворения от деятельности, тяготятся ею.

Проведя корреляционный анализ, мы обнаружили следующие взаимосвязи показателя кибераддикции студентов с их психологическими особенностями: высоко значимые положительные связи средней силы с уровнем агрессивности ($r=0,426$, $p=0,001$) и враждебности ($r=0,453$, $p=0,000$); значимая умеренная положительная

связь с личностной тревожностью ($r=0,282$, $p=0,029$); отрицательные умеренные связи на уровне тенденции с уровнем самооценки ($r=-0,246$, $p=0,058$) и уровнем притязаний ($r=-0,247$, $p=0,057$).

Полученные результаты обозначают, что достоверно выше агрессивность, враждебность, личностная тревожность у тех студентов, у которых больше уровень зависимости. А также у студентов с низкой самооценкой и слабо выраженным уровнем притязаний выше уровень кибераддикции.

Показатели кибераддикции прямо пропорционально связаны с личностной тревожностью и обратно пропорционально - с самооценкой и уровнем притязаний. Вследствие высокой тревожности и низкой самооценки переход в среду компьютерных игр представляет для данных студентов своеобразный способ приспособления к этому, как им кажется, жестокому миру. Для них характерны трудности при выражении эмоций. Они будут стараться уходить от тех ситуаций, в которых они могут испытать дискомфорт и будут находить менее опасный, опосредованный путь взаимодействия со средой, например, через компьютерную игру. Игра будет служить еще и способом защиты от подавленного настроения, ощущения собственной неполноценности.

Таким образом, по результатам проведенного корреляционного анализа можно заключить, что склонность к формированию кибераддикции взаимосвязана с такими личностными особенностями студентов, как высокая агрессивность и враждебность, низкая самооценка и уровень притязаний, высокая тревожность.

На наш взгляд, исследуемые факторы именно взаимосвязаны: например, человек изначально должен обладать повышенной агрессивностью, чтобы играть в игры с содержанием насильственного характера; в свою очередь, агрессивные игры могут вести к формированию и развитию агрессивности и враждебности как личностных качеств.

По результатам выполненного исследования могут быть разработаны методики для диагностики кибераддикции а так же профилактические и психокоррекционные программы. В качестве перспективы мы планируем так же рассмотреть гендерный аспект склонности к кибераддикции.

ПСИХОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

О.А. Морозова (Москва)

В докладе рассматривается миф как междисциплинарная и общепсихологическая проблема. Кратко изложены результаты теоретико-методологической работы в рамках изучения формирования индивидуальных мифологических представлений на базе инструментальных возможностей технологии виртуальной реальности (при факультете психологии МГУ им. Ломоносова). Стратегическая цель работы – создание комплексной общепсихологической теории мифа и мифообразования.

В докладе утверждается, что: 1) миф возрождает себя в науке и культуре как одна из центральных антропологических категорий; и 2) проблема мифа является актуальной для психологии. Анализ многочисленных научных источников дает представление, что доступные толкования и модели мифа в психологии являются недостаточ-

ными для покрытия запроса, предъявляемого нашей науке растущим значением индивидуального и коллективного мифотворчества во все усложняющемся процессе научного и обыденного миропознания и миропонимания.

В эпоху архаики миф выступал как основной, по сути единственный способ познавательного отношения к миру, он формировал внутренний план человека, фундировал все здание культуры, задавал социальные образцы и образцы мышления. Но и в наши дни миф выступает одной из фундаментальных форм конструирования реальности, причем не только для человека в обыденной жизни, но даже для ориентированного на истинность научного познания. Миф как способ постижения реальности рассматривается как значимый, продуктивный компонент научного процесса, не только неискоренимый, но и обязательный. В исторической ретроспективе оценка роли мифа в культуре во многом зависела от магистральных направлений разработки идеалов рациональности. Развитие идей об условиях и критериях познания, эволюция представлений об истине и ее многомерности приводят многих ученых к утверждению значимой роли «нерационального» (в классическом смысле) типа познания, в рамках которого мифологическое познание занимает подчеркнуто важную роль. Аналогичное, еще более радикальное, направление мысли закрепляется и в усилении позиций постмодернистских культурных течений, пересматривающих ведущий мировоззренческий принцип классической культуры – объективный рационализм – ставя в центр осмысления отрицание догматов логики и разума, полисемантизм, «бриколаж», ассоциативность и многослойность образов и стилей в художественном продукте, пренебрежение структурой.

Нам представляется, что интерес к мифологическому типу познания строится в числе прочего на том, что логический способ постижения реальности в условиях растущей сложности моделей мира достиг некоторого своего предела во многих областях науки, показав свою ограниченность как в объяснении реальности, так и в маскировке прежде отставляемых на задний план познавательных процессов. «Чистое» рационалистическое познание обедняет картину действительности, и, будучи ограниченным своей структурой, часто не способно произвести синтез, тормозя возможности научного прогресса. Ситуации встречи науки с гносеологическими проблемами, сложность которых превышает возможности признанной методологии, ведет учёных к использованию в научном познании метафорического и мифологического типа миропонимания.

На основе анализа роли мифотворчества в современной культуре и доступных психологических теорий мифа, в работе совершена попытка рассмотреть природу и функции мифообразования в ракурсе не только коллективности, но и индивидуальности. Утверждается, что миф имеет особое психологическое измерение, выражающее себя в сфере познавательного отношения человека к реальности. Миф выступает как процесс (мифотворчество) и результат (мифологическое представление) особой по характеру и адаптивному значению познавательной работы функциональной системы психических деятельностей человека. Миф – в первую очередь смыслоносущая реальность, он есть выражение потребности человека в смысле, поэтому миф есть выражение непосредственно индивидуального в познании. Мифотворчество конституирует себя в знаковых системах, его следует рассматривать как процесс реализации и самоорганизации на уровне семиосферы личности. Миф как знаковая система имеет символическую природу, именно в такой форме он реализуется в рамках обыденного уровня индивидуального сознания.

Совершается попытка сформулировать основные методологические принципы реализации задачи построения новой психологической теории мифотворчества. Миф

рассмотрен на основе постнеклассических принципов анализа системных объектов. Утверждается, что миф как предмет и исследовательская проблема в связи с характером реконструируемой психологической реальности включает в себя требование постнеклассического типа рассуждения и методологического аппарата, реализуемого с помощью специальных инструментов - к примеру, технологии виртуальной реальности.

Наука как институт и система знаний постоянно развивается в формах и принципах своей организации, руководствуясь в числе важнейшего представлениями о сущности человеческого познания. Психология как наука будущего способна и должна внести существенный вклад в развитие комплексного междисциплинарного понимания механизмов, возможностей и границ человеческого миропознания, углубляя горизонты творческого прогресса. Сделать это можно лишь пребывая на острие общенаучного гносеологического развития. Удивительным образом, в этом контексте долго отставляемая на задний план проблема мифа оказывается вновь актуальной для нашей науки в своей уникальной специфике современности.

О МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Л.Ш. Мустафина (Москва)

Совость является важнейшим феноменом для личности. Категория совести – сложный объект научного исследования и в психологической науке изучен мало, возможно, по причине того, что проявления совести скрыты как от внешнего наблюдателя, так иногда не осознаются и самим человеком. Поэтому напрямую совость изучать не представляется возможным.

Не претендуя на всеобъемлющую формулировку, предлагаем следующее определение совести. Совость – это внутренняя убежденность в том, что является добром и злом, нравственная самооценка своих помыслов и самоконтроль поступков, которые предотвращают действия, вызывающие стыд и раскаяние. Для того чтобы поступать по совости человеку необходимо обладать умом и способностью рассуждать, а также силой воли для осуществления велений совести.

Отношение к совости во многом определяет нравственную направленность личности и общества. Проблема, которая стоит перед психологической наукой, касается перспектив нравственного развития современного общества. А эти перспективы связаны с теми представлениями о нравственности и, прежде всего, о совости, которые разделяют молодые люди.

Сложность для исследователя состоит в том, что хотя совость самым тесным образом связана с сознанием, в то же время в ее работе много неосознаваемого самим человеком. Обращение к концепции социальных представлений (С. Московичи, 1995 и др.) в этом случае является и правомерным, и перспективным. Прежде всего, имеется в виду структурный подход к исследованию социальных представлений, позволяющий выявить направленность происходящих изменений под влиянием изменившихся условий (Abric, 1993; Емельянова 2006; Verges, 1992).

Социальные представления (СП) – это аналог здравого смысла, вырабатываются индивидом и группой в ходе социального опыта для ориентации в окружающем мире. В практических исследованиях часто используют разработку Ж.-К. Абрика, в которой он представил структуру СП состоящую из центрального ядра и периферии. Цен-

тральное ядро отвечает за стабильность и последовательность представлений. Элементы центрального ядра тесно связаны с коллективной памятью и историей социальной группы, устойчивы к изменениям. Периферия состоит из элементов, которым свойственна мобильность, подвижность и индивидуальные различия. Она чувствительна к определенному контексту, адаптируется к конкретной реальности, допускает дифференциацию содержания, предохраняет центральное ядро от внешних воздействий (Авгис, 1993; Емельянова, 2006).

Структурный подход позволяет приблизиться к пониманию того, какие предпочтения в воззрениях присутствуют у данной группы людей, а значит, дает возможность спрогнозировать их поведение. Мы считаем, что изучение структуры СП учащейся молодежи о совести помогает обнаружить тенденции развития представлений о совести в современном российском обществе.

Чтобы разработать методы изучения понимания такого сложного феномена, необходимо проведение большой подготовительной работы, в том числе - организация пилотажного исследования, на основе которого следует отбирать или разрабатывать новые методики или методические приемы.

Нами были разработаны авторские анкеты, направленные на выявление структуры СП. Исследование проходило в период 2008-2011 гг. среди старшеклассников и студентов ВУЗов. В исследовании приняло участие 823 респондента. Оно включало в себя несколько этапов: два подготовительных и основной.

На первом подготовительном этапе изучалось понимание совести нашими предками в России, для чего мы использовали русские пословицы и поговорки о совести, собранные В.И. Далем (1998; 1999). Отобрав три разные по степени сложности пословицы, мы составили анкету и предложили заполнить ее московским школьникам. Кроме пословиц в анкету были включены: задание написать 3 ассоциации со словом «совесть»; вопрос «Что такое совесть?»; просьба привести пример проявления совести; задание нарисовать символ, с которым у респондента ассоциируется слово «совесть». К заполненным анкетам применялся контент-анализ и, где это было возможно, микросемантический анализ. Применение микросемантического анализа незаменимо на начальных этапах исследования таких малоизученных и сложных явлений как совесть и представления о ней - при отсутствии готовых методик и стандартизированных методов обработки результатов. Микросемантический анализ позволяет выявлять некоторые процессуальные характеристики, указывающие на направленность размышлений испытуемого, а также на возможную противоречивость его отношения к объекту исследования (Брушлинский, Воловикова, 1976; Воловикова, 2003).

На втором подготовительном этапе мы составили расширенный и модифицированный вариант предыдущей анкеты, которую раздали старшеклассникам и студентам. Эта анкета позволила собрать достаточно подробные суждения молодежи о разных аспектах совести. Из них с помощью контент-анализа было отобрано 39 часто встречающихся суждений, на основе которых была составлена анкета для проведения основного этапа исследования.

Основной этап исследования заключался в предоставлении респондентам анкеты с 39 высказываниями о совести и методики «Добро-Зло» (Л.М. Попов, А.П. Кашин). Кроме того, ассоциации со словом совесть обрабатывались при помощи метода, разработанного П. Вержесом (Verges, 1992; Pachtchenko-de Preville, 2006). Этот метод также позволяет выделить ядро и периферию СП, и для нашего исследования являлся дополнительным инструментом в определении структуры СП молодежи о совести.

Анализ результатов эмпирического исследования показал, что в ядро СП молодежи входят элементы, выражающие отношение к совести как к важнейшему регулятору отношений в социуме, как к источнику здорового развития личности. В периферии СП содержатся элементы как с положительным, так и с отрицательным отношением к совести, что косвенно может свидетельствовать о постепенном смещении установки СП молодых людей о совести в негативную сторону. Анализ ассоциаций по методу П. Вержеса подтвердил данные результаты, полученные по методу Ж.-К. Абрика.

ОСОБЕННОСТИ Я-ОБРАЗА СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Ю.С. Мухина (Воронеж)

Современным молодым людям приходится сталкиваться с изменяющейся рыночной экономикой, определенным уровнем нестабильности в экономической ситуации, что усложняет процесс профессионального самоопределения молодежи. Итогом этого становится неосознанный, спонтанный и неадекватный выбор профессии, приводящий к кризису личностной и профессиональной идентичности. Такое положение дел, в свою очередь, наносит немалый экономический урон и государству, которое затрачивает огромные средства на обучение специалистов, впоследствии не работающих по избранной профессии.

Выбор профессии – это процесс, представляющий собой ряд последовательных этапов, среди которых наиболее важный – это этап выбора учебного заведения и факультета. Я-образ, как система представлений людей о себе, играет главную роль в постановке и достижении целей, в профессиональном выборе. Все вышесказанное определяет актуальность выбранной темы.

Целью исследования является изучение Я-образа студентов различных факультетов, с целью выявления присущих им особенностей, оказывающих влияние на процесс их профессионального самоопределения.

Объектом нашего исследования являются студенты различных факультетов.

Предметом нашего исследования выступают особенности Я-образа студентов различных факультетов.

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что выбор факультета как этап профессионального самоопределения личности, определяется особенностями Я-образа личности.

Исследование проводилось на базе Воронежского государственного университета. В исследовании участвовали студенты факультетов: 1) философии и психологии, 2) географии, геоэкологии и туризма, 3) журналистики.

Выборка составила 20 человек с каждого факультета, отбор респондентов производился случайным образом.

Для исследования эмоционально-ценностного компонента образа Я использовалась методика МИС (методика исследования самоотношения), автор С.Р. Пантелеев.

Цель методики – выявление структуры самоотношения личности, а также выраженности отдельных компонентов самоотношения: закрытости, самоуверенности, саморуководства, отраженного самоотношения, самооценности, самопривязанности, внутренней конфликтности и самообвинения.

Также была использована методика «Социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонда». В рамках методики используется тестирование, на основании

которого выявляются шесть интегральных показателей, отражающих социально-психологическую адаптацию личности: адаптация, самопринятие, принятие других, эмоциональный комфорт, интернальность, стремление к доминированию.

Для выявления статистической достоверности различий в исследуемых параметрах использовался критерий Манна-Уитни. Этот метод определяет достаточно ли мала зона перекрещивающихся значений между двумя рядами. Чем меньше область перекрещивающихся значений, тем более вероятно, что различия достоверны.

Были получены следующие результаты. Профиль параметров самоотношения в большей мере совпадает между студентами факультета психологии и философии и факультета журналистики, что объясняется тем, обе эти профессии предполагают взаимодействие с людьми, они требуют навыков установления эффективного контакта с другими людьми, развитых коммуникативных навыков, интерес к людям и т.д.

Адаптивность, как характеристика поведенческого компонента образа Я, отражает не только способность адаптироваться к переменам, но и в желании приспособиться к ним (психологи и журналисты работают в ситуации большой неопределенности, что предъявляет особые требования к уровню адаптивности представителей этих профессий).

Принятие себя, как характеристика эмоционально-ценностного компонента образа Я, - это принятие своих достоинств и недостатков, внешнего облика и внутреннего мира. На наш взгляд - это особенность образа Я должна быть развита у психологов. Поскольку принятие себя предполагает понимание себя, своих хороших и теневых качеств. По нашим результатам уровень развития принятия себя у психологов высокий по сравнению со студентами географического факультета, но более низкий, чем у студентов факультета журналистики. Это объясняется общей тенденцией выбора профессии психолога. В нашем обществе отсутствуют четкие и определенные представления о профессии психолога. Его профессионально важных качествах и личностных особенностях, поэтому при выборе факультета психологи абитуриенты - будущие студенты в основном ориентируются на свои интересы и развитые коммуникативные навыки. Эти ориентиры достаточно поверхностны, и не отражают требования профессии психолога к личности. Тем же можно объяснить и высокий уровень неприятия других, по сравнению со студентами факультета журналистики.

Внешний контроль характеризует способ презентации и поведения в обществе, умение и стремление следовать социальным нормам. Высокий внешний контроль у студентов географического факультета и факультета психологии по сравнению со студентами факультета журналистики отражают высокую нормативность этих студентов. Профессия журналиста требует иногда нарушение общепринятых внешних норм и правил. Профессия психолога требует соблюдение внешних норм и правил, а профессия географа особенно требовательна к соблюдению этих норм со стороны человека.

Доминирование как характеристика поведенческого компонента образа Я характеризует студентов факультета психологии. Полученные данные можно объяснить тем, что выбор этого факультета обусловлен не только желанием разобраться в себе. Но и разобраться в других, управлять ими и манипулировать людьми, что возможно эффективно осуществить, используя психологические знания.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что существуют различия в характеристиках поведенческого и эмоционально-ценностного

компонентов образа Я у студентов различных факультетах. В тоже время обнаружено, что самоотношение как параметр эмоционально-ценностного компонента образа Я у студентов практически не отличается.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПСИХИЧЕСКОГО УРОВНЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЮНОШЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАЮЩЕГО НА ОТЛИЧАЮЩИХСЯ ПО УСЛОВИЯМ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ ТЕРРИТОРИЯХ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

Э.А. Мысникова (Чита)

Работа выполняется при поддержке РГНФ (проект № 12-06-00025 "Снижение показателей психологической адаптации как следствие длительного проживания населения в регионе экологического неблагополучия") и в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ № 6.3657.2011.

В условиях экологического кризиса, являющегося значимой проблемой для России, вопросы психологической адаптации человека, длительно проживающего в регионах экологического неблагополучия, приобретают большое значение.

Проблема является актуальной и в Забайкальском крае, где серьезно деформирована природная среда из-за присутствия «загрязнителей» естественного и производственного генеза. Особого внимания заслуживает изучение показателей психологической адаптации юношеского населения, проживающего на экологически неблагоприятной территории, так как именно молодежь составляет интеллектуальный, инновационный потенциал страны.

В Лаборатории региональных исследований психики Забайкальского государственного университета психологическая адаптация человека рассматривается в системном контексте, представляется целостной, неоднородной, сложной структурой, психофизиологический, психический, социально-психологический уровни, которой связаны между собой иерархически.

Настоящее исследование выполнено в рамках эконсихологического подхода к развитию психики человека В.И. Панова.

В тезисах представлены результаты анализа показателей психического уровня психологической адаптации людей юношеского возраста, проживающих на территориях Забайкальского края, отличающихся по условиям жизненной среды, природной и социальной.

Исследование основной выборки проводилось на территориях Забайкальского края, признанных экологически неблагоприятными – это г. Краснокаменск (зона чрезвычайной экологической ситуации), г. Балей (зона экологического кризиса) и г. Чита (экологически неблагоприятная территория). Контрольное исследование было проведено на территории, признанной экологически «чистой»; в п. Красный Чикой.

Гипотеза исследования. Предполагается, что существуют отличия в показателях психического уровня психологической адаптации лиц юношеского возраста, проживающих на территориях, отличающихся по условиям жизненной среды.

Эмпирическое исследование осуществлялось с помощью личного опросника MMPI, оценивался уровень профиля, другие характеристики.

В основную выборку вошли лица юношеского возраста (студенты), проживающие на экологически неблагоприятных территориях края, в количестве 181 человек. Контрольную группу составило юношеское население территории, признанной экспертами экологически «чистой». В нее вошли старшеклассники п. Красный Чикой в количестве 61 человек. Все испытуемые или родились, или с раннего возраста выросли на территориях, которые изучались.

Достоверность различий определялась с помощью критерия углового преобразования Фишера. Были получены следующие данные.

Значимые отличия по параметру «Нормальный профиль» отмечаются при сопоставлении показателей психического уровня психологической адаптации в Краснокаменске и Красном Чикое (при $p < 0,003$), Балее и Красном Чикое (при $p < 0,03$), Чите и Красном Чикое (при $p < 0,04$), причем выявленные отличия свидетельствуют в пользу экологически благоприятной территории. То есть, на территории экологического благополучия выше доля лиц с профилем, указывающем на отсутствие выраженных затруднений в адаптации, высокую устойчивость к стрессу.

Значимые отличия по параметру «Утопленный профиль» отмечаются при сопоставлении показателей психического уровня психологической адаптации в Балее и Красном Чикое (при $p < 0,06$), здесь выявленные отличия свидетельствуют также в пользу экологически благоприятной территории. То есть, на территории экологического благополучия выше доля лиц с профилем, указывающем на преобладание процессов торможения, сдерживаемое и контролируемое эмоциональное напряжение, повышение степени выраженности стресса, снижение устойчивости к нему.

Значимые отличия по параметру «Пограничный профиль» отмечаются при сопоставлении показателей психического уровня психологической адаптации в Краснокаменске и Красном Чикое (при $p < 0,01$), Балее и Красном Чикое (при $p < 0,002$), здесь выявленные отличия свидетельствуют в пользу экологически неблагоприятных территорий. То есть, на территориях экологического неблагополучия выше доля лиц с профилем, указывающем на чрезмерно выраженное возбуждение, эмоциональную напряженность, выраженные затруднения в адаптации, высокую степень выраженности стресса и низкую устойчивость к нему.

Также выявлен тип профиля, показатели которого являют собой равное соотношение между нормой и пограничным профилем. В Лаборатории его называют промежуточным. В пользу экологически неблагоприятных территорий свидетельствуют и значимые различия по данному параметру: при сопоставлении показателей психического уровня психологической адаптации в Краснокаменске и Красном Чикое (при $p < 0,02$), Балее и Красном Чикое (при $p < 0,03$), Чите и Красном Чикое (при $p < 0,02$). То есть, на территориях экологического неблагополучия выше доля лиц с профилем, указывающем на снижение адаптационных возможностей личности.

Выводы по представленным результатам.

1. На экологически неблагоприятных территориях доля лиц с негативными характеристиками профиля больше, чем у испытуемых из контрольной группы.

2. Чем выше степень экологического неблагополучия территории, тем ярче проявляется явление смещения, «дрейфа» показателей психического уровня психологической адаптации в сторону нижненормативного диапазона.

3. Выявленные особенности можно расценивать как признаки тенденции к снижению показателей психического уровня психологической адаптации на территориях экологического неблагополучия.

СВЯЗЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ СРЕД ОБЩЕНИЯ С ИМПЛИЦИТНЫМ САМОУВАЖЕНИЕМ

Л.М. Найдёнова (Киев)

Исследование самоуважения как категории социального знания является одним из центральных и наиболее изученных объектов исследования имплицитной методологии. Самоуважение ученые определяют как аттитудный конструкт и часть самооценки, вместе с тем «имплицитное самоуважение» – автоматическая бессознательная оценка себя, ведущая к спонтанным реакциям на значимые для Я стимулы (В. Wittenbrink, 2007). Таким образом, социальное самоуважение – отношение к себе по сравнению с отношением к другим, установка на себя как на социальный объект.

Вместе с тем, сейчас в зарубежной психологии широко развивается метакогнитивная психология, в рамках которой выявлена связь между метакогнициями и социальными установками (R. E. Petty, P. Bri#241;ol, Z. L. Tormala, D. T. Wegener, 2007). Итак, контекст метакогниций, а именно групповой рефлексии представляется нам важным при исследовании социальных установок, в том числе социального самоуважения.

Нашей целью было выявление закономерностей связанных с социальным самоуважением, в частности исследования его рефлексивных аспектов.

В нашем исследовании приняли участие 189 испытуемых (взрослые и молодежь) из разных регионов Украины, среди них 86 лиц женского и 93 мужского пола.

Испытуемым предлагалась комплексная методика прямых измерений, важными модулями которой были «Термометр» – оценка теплоты отношение к себе и другим людям, а также методика оценки емкости рефлексивной среды. Второй блок исследования представлял собой имплицитные измерения, включая имплицитно-ассоциативный тест оценки социального самоуважения.

Рассмотрим подробнее, каким образом оценивается имплицитное социальное самоуважение. Главный принцип имплицитного измерения – измерение времени реакции с учетом открытых закономерностей оценивания разницы выполнения задач сложной сортировки. Время реакции – это параметр, который не подлежит сознательному контролю, как вербальные реакции при самоотчете.

«ИАТ-самоуважение» происходит по классической схеме из семи блоков, где в качестве концепта используются категории связаны с «Я» и «Другие», а атрибутом выступают категории «хороший» и «плохой» (A. G. Greenwald, D. E. McGhee, J. L. K. Schwartz, 1998).

Опираясь на выводы исследователей о важности разделения метакогниций, нами было введено понятие рефлексивной емкости среды общения, конкретизирующее понятие потенциальной формы групповой рефлексии. Чем чаще, по мнению человека, он обсуждает определенные темы о собственных метакогнитивных знаниях в общении с определенными людьми, тем легче происходит разделение метакогниций (групповая рефлексия). Важно, что в образовании показателя рефлексивной емкости используется не фактическая оценка частоты общения на определенную персональную тему, а метакогнитивные суждения (R. E. Petty, P. Bri#241;ol, Z. L. Tormala, D. T. Wegener, 2007) о частоте, которые проявляют субъективную легкость продуцирования рефлексивных мыслей.

В разработанной нами методике измерения рефлексивной емкости сред общения (Л. М. Найдёнова, 2011) используются различные модальности рефлексии, неоднократно апробированные в методике рефлексивного интервью (М. И. Найдёнов, 2005).

Методика представляет собой самоотчетный опросник, очерчивающий определенные сферы, которые могут свидетельствовать о качестве групп-рефлексивного ресурса личности. У исследуемого спрашивают про его знания, опыт, чувства, и отношения. Для оценки задаются три контекста общения: близкие люди (друзья и родители) и дальняя дистанция (другие люди). Кроме того, задается монологический аспект «думаю сам с собой наедине».

Для дальнейшего анализа связи групповой рефлексии с имплицитным самоуважением были выделены контрастные группы респондентов с высоким и низким уровнем общей рефлексивной емкости сред общения (соответственно 26 и 25 человек).

Результаты теста ИАТ-самоуважение и методики измерения рефлексивной емкости сред общения показали, что низкий уровень рефлексивного развития сред общения зафиксирован у 25 человек, при этом их показатели имплицитного социального самоуважения – 0,187. Для среднего уровня (112 испытуемых) характерно значение 0,438 и для высокого (26 человек) – 0,479.

Согласно этим данным для низкого рефлексивного уровня уровень самоуважения также низкий. В дальнейшем тенденция сохраняется, однако если данные самооценки низкого и среднего уровня отличны на уровне значимости $>0,05$ по критерию Стьюдента, то средний и высокий уровни отличаются незначительно.

Если рассмотреть данные рефлексивного уровня в зависимости от среды развертывания рефлексии, то статистически значимых закономерностей по каждой из сред нами не было обнаружено. Так, например, уровень «монологической» рефлексии не влияет значимо на имплицитное самоуважение, однако если мы рассмотрим все среды общения вместе, то закономерность, которую мы зафиксировали, рассматривая общий рефлексивный уровень, подтвердится на статистически значимом уровне.

Таким образом, доказано существование значимой прямой связи между уровнем рефлексивной емкости среды межличностного общения и имплицитным социальным самоуважением.

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО И МЕЖЛИЧНОСТНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ СОЦИОМЕТРИЧЕСКИМ СТАТУСОМ В ГРУППЕ

Р.М. Насыров (Ростов-на-Дону)

Актуальность исследования особенностей эмоционального интеллекта (EQ) в связи с уровнем развития социометрического статуса определяется тем, что стремление к лидерству является одной из главных движущих сил человеческой жизнедеятельности. Реализация стремления к высокому социометрическому статусу во многом определяется развитием эмоционального интеллекта: способностью к осознанию и управлению, своими и чужими эмоциями и чувствами. На это ссылаются, как зарубежные (Д. Гоулмен, Р. Бар-Он, К. Бэрд), так и отечественные (Д.В. Люсин, Д.В. Ушаков, У.А. Уманский) психологи. Люди с развитым эмоциональным интеллектом легче добиваются своих целей во взаимодействии с окружающими, становятся более эффективными лидерами. Поэтому целью исследования явилось изучение особенностей эмоционального интеллекта у студентов с различным социометрическим статусом в группе. Мы предполагаем, что уровень социометрического статуса у студентов может сопровождаться различными уровнем развития эмоционального интеллекта.

Исходя из поставленной цели и гипотезы, были выделены следующие задачи: 1) определить социометрический статус студентов в группах по критериям: лидер-организатор, лидер-инициатор, лидер-генератор эмоционального настроения, лидер-эрудит, лидер-эталон, лидер-мастер;

2) выявить уровень эмоционального интеллекта у студентов: а) выявить уровень развития осознания и управления своими чувствами и эмоциями (внутриличностный аспект эмоционального интеллекта); б) выявить уровень развития осознания и управления чувствами и эмоциями других людей (межличностный аспект эмоционального интеллекта);

3) выявить особенности мотивации власти у студентов.

В исследовании применялись следующие методики: социометрический тест Я.Л.Морено, методика диагностики эмоционального интеллекта М.А.Манойловой, а также методика «Мотив власти». В качестве эмпирического объекта исследования выступили 20 студентов ЮФУ психологического факультетов в возрасте от 18-21 лет.

В результате проведенного исследования было выявлено, что в исследуемой выборке студентов преобладает высокий уровень социометрического статуса у 43%. Средний уровень социометрического статуса выявлен у 30% студентов и низкий уровень социометрического статуса - у 27% выборки. Анализ эмоционального интеллекта студентов с различным социометрическим статусом показал следующие результаты. Внутриличностный аспект EQ выше оказался в группе студентов с высоким общим уровнем социометрического статуса, межличностный аспект EQ у них развит также хорошо. Внутриличностный аспект EQ лучше развит, чем межличностный и в группах со средним и низким общим показателем социометрического статуса. При этом у студентов со средним общим уровнем социометрического статуса развито лучше управление своими и чужими чувствами, чем их осознание. Тогда как у студентов с низким общим уровнем социометрического статуса лучше развито осознание своих и чужих чувств, чем управление ими. Кроме того, был проведен анализ показателей эмоционального интеллекта в группах с различным социометрическим статусом по различным типам лидерства. Так, по критерию лидер-мастер, были выявлены статистически значимые различия по критерию Манна-Уитни по параметру межличностного эмоционального интеллекта «осознание чувств и эмоций других людей» ($Z=2,592$, при $p<0,009$) в группах с высоким и средним социометрическим статусами. Это означает, что лидеры-мастера с высоким социометрическим статусом лучше осознают чувства и эмоции других людей, чем лидеры-мастера со средним уровнем социометрического статуса. Также были выявлены статистически значимые различия по критерию Манна-Уитни по параметру внутриличностного эмоционального интеллекта «осознание своих чувств и эмоций» ($Z=1,975$, при $p=0,048$) в группе лидер-организатор. В данном типе лидерства показатели осознания своих чувств и эмоций были значительно выше у студентов со средним уровнем социометрического статуса, чем у студентов с низким уровнем социометрического статуса. В остальных типах лидерства значимых различий эмоционального интеллекта найдено не было. Анализ данных по методике «Мотив власти» позволил получить следующие результаты. Мотивация власти у студентов с различным социометрическим статусом не имеет сильной степени выраженности, при этом, если сравнивать каждую группу с каждой, то у студентов с низким уровнем социометрического статуса мотивация власти имеет самый высокий бал среди трех групп. Это, с нашей точки зрения, можно объяснить нереализованной мотивацией: мотив власти у них выражен из-за отсутствия этой власти. Студенты лидеры (с высоким социометрическим статусом) силь-

ным стремлением к власти не обладают, в связи с наличием у них этой власти, в какой-то мере. У студентов со средним уровнем социометрического статуса показатели мотивация власти практически не выражены. Полученные данные требуют подтверждения на более расширенной выборке.

ЛИЧНОСТНАЯ ЗАЩИТА КАК ФАКТОР УСПЕВАЕМОСТИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

В.А. Негрий (Москва)

В настоящее время отечественное образование претерпевает существенные изменения. Каждое новое поколение образовательных стандартов всё больше обращает внимание на повышение важности учёта психологических факторов развития личности. Поэтому одной из актуальных задач, стоящих перед педагогической психологией, является изучение внутренних, психологических факторов, учащихся, влияющих на образовательный процесс.

Среди важных индивидуальных особенностей человека, влияющих на все стороны его жизни, являются защитные механизмы личности (ЗМЛ). ЗМЛ определяются как совокупность действий, нацеленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего цельности и устойчивости биопсихического индивида (Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б., 1996). Они могут, как способствовать развитию и устойчивости личности, так и приводить дезорганизации и дезадаптации в зависимости от их внутренней структуры, динамичности, уровня культурно-символической и социальной опосредствованности и их зрелости (Соколова Е.Т., 2007). Они влияют на все стороны психики, стремясь сохранить комфортный способ существования и его неизменность. Обучение представляет собой процесс, приводящий к изменениям в психике учащегося. Поэтому есть основание предположить, что в ряде случаев нарушения учебной деятельности вызваны действием определенных ЗМЛ.

В последние десятилетия диагностика ЗМЛ в России все чаще проводится с помощью стандартизированных опросников зарубежных авторов. Но современные проверки психометрической и содержательной обоснованности российских версий таких опросников говорят об их недостаточной проработанности и адаптации (Пантеев С.Р., Жилина Е.Ю., 2009). Поэтому создание качественного диагностического аппарата для ЗМЛ остается актуальным.

Целью настоящего исследования явилось изучение особенностей психологической защиты учащихся с разной академической успеваемостью.

Теоретико-методологическую базу исследования и методики «ЗМЛО», разработанной В.А. Негрий и Д.А. Титковым (Негрий В.А., Титков Д.А., 2011, 2012) составили современные психоаналитические подходы к исследованию ЗМЛ (Н. Мак-Вильямс, Ст. Джонсон, Х. Томэ, Х. Кэхеле, Р.М. Грановская, Е.Т. Соколова, и другие). Данный опросник состоит из 25 шкал (ЗМЛ) и 2 служебных (шкала лжи и шкала неуверенности) - по 5-6 утверждений на каждую шкалу (всего 120 утверждений). Для ответов применяется шкала Лайкерта с 5 градациями. Для проведения исследования использовался сервисный модуль для создания многомерных опросников системы HT-line [ht-line.ru]. С момента запуска проекта опросник заполнило около 1200 человек, были получена обширная статистика, что позволило проанализировать вопросы, шкалы и внести некоторые доработки.

В исследовании взаимосвязи ЗМЛ и школьной успеваемости участвовали 97 старшеклассников: СОШ №1294 и Колледжа предпринимательства №11 г. Москвы, ЭСОШ №75 и ЭСОШ №82 г. Черноголовки. Все испытуемые прошли опросник «ЗМЛО», в качестве показателя успеваемости использовался средний балл, полученный как среднее арифметическое четвертных оценок.

Для анализа данных использовался линейный регрессионный анализ методом шагового отбора. Были проанализированы данные по всем респондентам вместе и отдельно по школам. Школы г. Черноголовки исследовались вместе в силу небольшого числа выборки. Во всех случаях F-статистика Фишера значима на уровне $p < 0,001$. Ниже описаны предикторы успеваемости на уровне значимости $p < 0,05$. Стандартизованные коэффициенты регрессии обозначают величину и знак вклада этого предиктора.

По результатам всех респондентов (97 человек) ЗМЛ «идентификация» (0,212), «аннулирование» (0,203) и «всемогущий контроль» (0,165) более свойственны учащимся с хорошей успеваемостью, а «расщепление» (-0,471) и «отрицание» (-0,31) – с плохой успеваемостью. В СОШ №1294 (35 человек) механизм защиты «идентификация» (0,248) используют скорее хорошо успевающие учащиеся, а «отрицание» (-0,557) и «расщепление» (-0,466) – плохо успевающие. Для учащихся колледжа предпринимательства №11 (36 человек) с хорошей успеваемостью более свойственны ЗМЛ «идентификация» (0,613) и «интеллектуализация» (0,353), а «поворот против себя» (-0,294), «расщепление» (-0,53) и «отрицание» (-0,28) – с плохой успеваемостью. Для учащихся ЭСОШ №75 и ЭСОШ №82 (27 человек) с хорошей успеваемостью более характерно использование механизма защиты «аннулирование» (0,595) и механизма «обесценивание» (-0,338) – для учащихся с плохой успеваемостью.

Полученные результаты представляются интересными и требуют дальнейшего осмысления. Вместе с тем они открывают перспективы для исследования данной проблематики на разных возрастных и профессиональных группах. Учет ЗМЛ учащихся в педагогической работе открывает пути к оптимизации и более глубокой индивидуализации учебного процесса; лучшему пониманию учителями психологических особенностей учеников; развитию самосознания и рефлексии самих учащихся, повышению их психологического благополучия.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ В РАБОТАХ В.Н. ДРУЖИНИНА

Н.Г. Немировская (Москва)

Разработка методологических вопросов психологии является одним из наиболее важных направлений в научных трудах В.Н. Дружинина.

В.Н. Дружинин в своей монографии «Структура и логика психологического исследования» приводит классификацию методов психологии, излагает основания структурного описания психологического эмпирического исследования и обосновывает особенности психологического эксперимента, учитывающую взаимодействие испытуемого и экспериментатора. В предисловии автор пишет: «Может быть создано какое угодно количество универсальных всеобщих методологических теорий, не конкурирующих, а взаимно дополняющих друг друга в том смысле, что каждая из них предназначена для решения определенной познавательной задачи и не может с тем

же успехом использоваться в других случаях» (В.Н. Дружинин, 1994). Данная монография В.Н. Дружинина дополняет ранее вышедшие работы по методологии психологии: Б.Ф. Ломова «Методологические и теоретические проблемы психологии» (1984), Я.А. Пономарева «Методологическое введение в психологию» (1983), М.С. Роговина «Психологическое исследование» (1979) и «Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования» (1988) и др., поскольку подходы, сформулированные в этих работах, не могут охватить всего спектра методологических проблем психологии.

Значимым вкладом В.Н. Дружинина в методологию современной психологии является рассмотрение проблемы метода и систематизация психологических методов. Ученый выделяет пять уровней в описании иерархии исследовательских приемов (уровень методики, уровень методического приема, уровень метода, уровень организации исследования и уровень методологического подхода) и подчеркивает, что термин «метод» может применяться к любому из уровней (В.Н. Дружинин, 2000).

По аналогии с другими науками В.Н. Дружинин выделил в психологии три класса методов: 1) эмпирические, при которых осуществляется внешнее реальное взаимодействие субъекта и объекта исследования, 2) теоретические, когда субъект взаимодействует с мысленной моделью объекта, 3) интерпретация и описание, при которых субъект «внешне» взаимодействует со знаково-символическими представлениями объекта.

Результатом применения эмпирических методов являются данные, фиксирующие состояние объекта на основе показаний приборов, состояния субъекта, памяти компьютера, продуктов деятельности и др. В.Н. Дружинин предложил трехмерную классификацию психологических эмпирических методов. Основанием данной классификации является система из трех элементов «субъект исследования – инструмент – объект исследования» (Sub, J, Ob). В данной системе возможны 3 бинарных отношения:

- 1) отношение Sub, Ob, которое может интерпретироваться как непосредственное взаимодействие (общение);
- 2) отношение Sub, J, отражающее взаимодействие исследователя и прибора, задача экспериментатора;
- 3) отношение Ob, J, охватывающее взаимодействие испытуемого и прибора, задача испытуемого.

Каждое из этих отношений автор рассматривает как шкалу. Первая шкала характеризует меру внешнего взаимодействия объекта и субъекта. В.Н. Дружинин назвал ее шкалой изоляции. Вторая шкала характеризует использование внешних средств в ходе исследования. Эту шкалу ученый называет шкалой субъективности-объективности, если объективность связывать с применением инструментальных методов. И третья шкала характеризует взаимодействие испытуемого с инструментом (В.Н. Дружинин, 2000).

Методы психологического эмпирического исследования, по мнению В.Н. Дружинина, условно делятся на активные и пассивные, в зависимости от того, насколько велико взаимодействие исследователя и испытуемого. Вместе с тем, все методы можно разделить на инструментальные и субъективные. Субъективные – в зависимости от того, сколько в них места занимают процессы понимания, истолкования и интерпретации. Методы, в которых большое значение имеют активность исследователя и субъективная составляющая, но минимизировано использование инструментов, ученый называет коммуникативными методами; те же, где решающую роль иг-

рает использование исследовательских инструментов, наряду с взаимодействием исследователя и испытуемого, – деятельностными. Обсервационные методы – методы, при использовании которых важны инструменты, в то время как, непосредственное взаимодействие испытуемого и исследователя сведено к минимуму. Методы, сочетающие изоляцию от другого субъекта, минимизацию применения внешних инструментов и максимизацию субъективного фактора в исследовании, ученый считает методами понимающей психологии (В.Н. Дружинин, 1994).

К теоретическим методам психологического исследования автор относит:

1) Дедуктивный – восхождение от общего к частному, от абстрактного к конкретному (его результатом является разработка теорий и законов).

2) Индуктивный – обобщение фактов, восхождение от частного к общему (результатом является выявление закономерностей, проведение систематизации, выдвижение индуктивной гипотезы).

3) Моделирование – конкретизация метода аналогий, умозаключение от частного к частному, когда в качестве аналога более сложного объекта берется более простой и/или доступный для исследования. Результатом его применения является создание модели объекта, процесса, состояния. Ученый считает, что метод моделирования является центральным в психологическом исследовании.

В свою очередь, результат применения теоретических методов представлен знанием о предмете в форме естественно-языковой, знаково-символической или пространственно-схематической.

Интерпретационно-описательные методы, по мнению В.Н. Дружинина, это «место встречи» результатов применения теоретических и экспериментальных методов и их взаимодействия. Они играют важнейшую роль в целом психологическом исследовании, и владение этими методами предопределяет успех научной программы (В.Н. Дружинин, 1994).

Взгляды В.Н. Дружинина на методологию психологии требуют более детального анализа и важны для дальнейших исследований в области методологии отечественной психологической науки.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛЮДЕЙ С РАЗНОЙ НРАВСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ И ИХ СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ

И.В. Нехорошева (Москва)

Опросы общественного мнения и эмпирические исследования показывают, что нравственное состояние российского общества ухудшается. Этот процесс сказывается на эмоциональном состоянии и удовлетворенности жизнью всего населения. Но наиболее остро процесс снижения нравственных норм жизни общества может влиять на людей с положительной нравственной направленностью. Неудовлетворенность жизнью и пониженный уровень счастья могут приводить к снижению творческой активности, психосоматическим заболеваниям и снижению продолжительности жизни одной из наиболее потенциально полезных обществу групп населения. По мнению А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко, этим людям принадлежит особая роль в сохранении нравственных устоев общества, особенно в периоды политической, социальной и идеологической нестабильности (А.Л. Журавлев, 2010, с.209). А. Маслоу в работе «Новые рубежи человеческой природы» проводит мысль о том, что изучение лучших

представителей человечества чрезвычайно важно для развития общества. Однако до сих пор практически не изучены ни психологические особенности таких людей, ни особенности их оценки окружающих условий жизни, ни особенности их субъективного благополучия и качества жизни.

Учитывая важность и недостаточную изученность проблемы, в 2011-2012 гг. было проведено эмпирическое исследование, целью которого было изучение особенностей субъективного качества жизни людей с разной нравственной направленностью, в частности, особенностей их субъективного благополучия и субъективных оценок условий жизни.

Методики исследования

Основные и частные показатели субъективного качества жизни оценивались с помощью Оксфордского опросника счастья и методики «Интегральная оценка качества жизни», разработанной Н.П. Фетискиным и В.И. Кулайкиным на основе работ Г.М. Зараковского. Нравственная направленность респондентов оценивалась с помощью шкалы диспозиционного эгоизма (К. Муздыбаев, 2000) и двух новых методик диагностики убеждений «Не присваивать чужое», «Не брать взятки», разработанных в соответствии с ценностно-деятельностным подходом Г.Е. Залесского к диагностике убеждений (Г.Е. Залесский, 1982, 1994, 1996).

Характеристика выборки и деление её на группы

Всего было опрошено в Москве и Московской области 407 человек в возрасте от 15 до 79 лет, ср. возраст 27 лет. Из выборки были сформированы 3 группы: с положительной («+»), отрицательной («-») и неярко выраженной («0») нравственной направленностью. В группу «+» были отнесены респонденты, обладающие одновременно тремя характеристиками: уровнем развития двух убеждений выше среднего и уровнем эгоизма ниже среднего; всего 73 чел. (18%). В группе «-», сформированной по обратному принципу, оказалось 148 чел. (36%). Остальные 186 человек (46%) были отнесены к группе «0» с неярко выраженной нравственной направленностью. Группы были уравнены по возрасту, после чего в группах «-» и «+» осталось 69 и 66 чел., ср. возраст 31 и 33 года; в группе «0» осталось 138 чел., ср. возраст 30 лет. Во всех группах соотношение мужчин и женщин приблизительно равно 1:2. Уровень достоверности различий между группами оценивался по критерию Манна-Уитни.

Результаты исследования

1. Материальное положение выше у людей с отрицательной нравственной направленностью. Экономическими проблемами, которые касаются респондентов лично, более не удовлетворены люди с отрицательной и неярко выраженной нравственной направленностью. Социально-экономическими проблемами общества не удовлетворены в наибольшей степени люди с положительной нравственной направленностью.

2. Удовлетворенность личной, семейной жизнью и здоровьем наиболее высока у людей с отрицательной нравственной направленностью.

3. Работа более важна для людей с положительной нравственной направленностью, они более удовлетворены своей профессией. Взаимоотношениями с коллегами по работе (или сокурсниками) наиболее удовлетворены респонденты из средней группы.

4. Состоянием сферы социальных отношений, в частности кризисом культуры и нравственности, отчужденностью и разобщенностью людей, прагматизмом в человеческих отношениях наиболее не удовлетворены люди с положительной нравственной направленностью. Им наименее комфортно существовать в современном социуме и труднее адаптироваться к жизни в нем.

5. Условия жизни воспринимаются людьми с отрицательной нравственной направленностью как более легкие, более комфортные и более пригодные для повышения своего материального благосостояния, создания капитала, поддержания здоровья, развития способностей, но не для служения своей стране. В целом они чувствуют себя более уверенно в жизни.

6. Интегральные показатели субъективного качества жизни выше у людей с отрицательной нравственной направленностью. Они наиболее счастливы, удовлетворены жизнью, у них лучше настроение. У людей с положительной нравственной направленностью интегральные показатели субъективного качества жизни наиболее низкие, особенно у людей с высокими нравственными качествами.

На основе проведенного исследования можно наметить некоторые пути повышения субъективного благополучия людей с положительной нравственной направленностью. Во-первых, для них был бы оптимален выбор такой области профессиональной деятельности, где можно внести вклад в развитие всего общества. Это повысит их удовлетворенность жизнью, поскольку они хотят быть полезными обществу, проявляют интерес к судьбе общества, для них более важно помогать другим людям. Во-вторых, для этих людей был бы оптимален выбор спутника жизни соответствующего нравственного уровня, так как именно в этом случае удовлетворенность браком наиболее высока. В-третьих, для них было бы особенно полезно стремиться быть финансово самостоятельными и независимыми. Наличие денежных сбережений позволит им повысить те показатели социально-психологического самочувствия, которые у них ниже: готовность к неожиданным социальным изменениям в стране, уверенность в завтрашнем дне и в жизни в целом. Это также позволит им более смело высказывать свою точку зрения, несмотря на возможные негативные последствия.

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ (НА РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ РЕСПОНДЕНТАХ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ В ОБЛАСТИ МАТЕМАТИКИ)

А.Н. Низовцова (Москва)

Советские психологи одними из первых начали научное исследование математических способностей (В.А. Крутецкий), однако за последние 40 лет редко возвращались к данной теме, тогда как за рубежом количество работ в этой области растет с каждым годом. Вместе с тем актуальность проблемы очевидна: математическое образование играет ведущую роль в большинстве образовательных систем. Высокий уровень математических достижений является основой инновационного развития страны, поскольку они лежат в основе практически всех областей: науки, технологии, инжиниринга и самой математики. Эта работа является особенно актуальной в свете подписания президентом в прошлом году программы «Концепции общенациональной системы выявления и развития молодых талантов».

Проблематикой собственно математических способностей занимались как психологи (В.А. Крутецкий, С.И. Шапиро), так и математики (А. Пуанкаре, Ж. Адамар, А.Н. Колмогоров).

Математическая креативность долгое время считалась составляющей математических способностей или на высшем уровне вовсе отождествлялась с ними. На это во многом повлияла общая тенденция отождествления способностей и творчества. С.И.

Шапиро, обнаружив в своем исследовании факт развития деятельности по инициативе самих учеников, а именно самостоятельное исследование задачи на полноту и непротиворечивость и отделение постулируемое от выводимого, трактовал его как возникающую под влиянием школьного обучения математическую способность, проявляющуюся в тенденции к формализации математического материала в процессе восприятия.

Жак Адамар говорил о двух возможных путях математического открытия. В случае первого цель определена заранее. Второй – исследование «без цели». Ученый не стимулирован заданной целью, он руководствуется лишь мотивом познания. Адамар приходит к выводу, что математикам известен именно этот – только второй путь изобретения.

Эта особенность к самостоятельному исследованию, которую определяет исключительно познавательный мотив, как мы видим из литературы, до сих пор в исследовании математических способностей отождествляется с ними или считается их неотъемлемым компонентом. Однако все авторы сходятся во мнении, что именно этот компонент определяет успешность и даже возможность совершения математического открытия.

В концепции творческих способностей Д.Б.Богоявленской не специальные математические способности (которые мы можем назвать лишь операциональным аппаратом по теории способностей В.Д.Шадрикова), а личность в целом определяет успешность овладения той деятельностью, которую человек выбрал и освоил. Поэтому для нашего исследования нужен был эксперимент, позволяющий в ходе математической деятельности диагностировать такую особенность, которая характеризовала бы мотивационно-личностную сферу. Данным требованиям отвечает метод «креативное поле» Д.Б. Богоявленской.

Данный метод предполагает многократный индивидуальный эксперимент по решению однотипных задач, что позволяет выделить три уровня работы: более или менее успешное овладение предлагаемой деятельностью – стимульно-продуктивный уровень; способности к развитию деятельности по собственной инициативе, что позволяет открывать новые закономерности – эвристический уровень; доказательство выявленных закономерностей – креативный уровень. Высокие показатели на первом уровне говорят лишь о высоте интеллекта. Последние два уровня идентифицируют творческие способности. В рамках данного метода была разработана методика на математическом материале, «система координат», использованная нами.

Для подтверждения наших выводов был поставлен вопрос о необходимости проведения кросс-культурного исследования. Способность к развитию деятельности по собственной инициативе, диагностируемая в выбранном нами методе, должна иметь универсальный характер, отсюда следующие гипотезы: 1. кардинальные отличия в проявлении высших форм математических способностей – творчества не должны наблюдаться в разных культурах; 2. культурные различия могут проявиться в особенностях стиля работы.

В исследовании приняли участие 46 человек. Из них 24 русских и 22 немецких испытуемых. В состав русских испытуемых вошли 19 студентов математических специальностей разных курсов, 3 аспиранта, 2 преподавателя, один из которых на данный момент кандидат физико-математических наук. В состав немецких испытуемых вошли 14 студентов-бакалавров и 6 студентов-магистров, 2 кандидата математических наук (PhD).

При анализе данных были применены различные статистические критерии. Основными результатами эмпирического исследования:

1. При распределении по уровням русская и немецкая выборки не имеют значимых различий ($p = 0,598$).

2. При сравнении русской и немецкой выборки по уровню сложности примененных эвристик русские испытуемые используют значимо более сложные эвристики ($p = 0,01$). Основные значимые различия были обнаружены на выборках испытуемых эвристического уровня ($p < 0,01$).

Таким образом, в ходе эмпирического кросс-культурного исследования мы не обнаружили значимых различий при распределении по уровням у немецких и русских испытуемых, что подтвердило нашу гипотезу, и мы можем заключить, что такая личностная черта, как развитие деятельности по собственной инициативе, носит надкультурный характер. Также мы показали, что русские испытуемые эвристического уровня используют значимо более сложные эвристики, требующие более высокого уровня обобщения. Это различие было объяснено нами особенностями системы образования, стимулирующей ценность широты обобщения и менталитета. В то время как деятельность немецких испытуемых часто можно объяснить присущей немецкому менталитету ценностью дисциплинированности.

КОГНИТИВНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ ЮМОРА НА РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ

О.С. Никифорова (Ярославль)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 12-06-33008мол_а_вед*

Феномен юмора имеет множество аспектов и давнюю историю изучения. Так юмор рассматривается как унижение и чувство превосходства (Т. Гоббс), как форма психологической защиты, вытесняющая запретные мысли (З. Фрейд), как редуцирующая форма агрессии, облеченная в культурно-приемлемую форму (Ч. Дарвин), как несоответствие когнитивных схем (С. Аттardo, Дж. Коллинз, В. Раскин, Р. Уайер) и т.д. Юмор характеризуется специфическими видами когнитивных процессов. Что бы генерировать юмор, человек должен мысленно обработать информацию, поступающую из окружающей среды или из памяти, производя остроумное высказывание или смешное невербальное действие.

Многие авторы указывают на сходство структуры юмора и структуры процесса решения задач (Мартин, 2009; Минский, 1988). Авторы указывают на внезапность нахождения новых аспектов (новых схем, новых значений), а также на активизацию двух различных, часто противоположных, семантически далеких схем (Attardo, Raskin, 1991; Минский, 1988). Юмор и мышление объединяет также и родство с метафорами и аналогиями (Лакофф, 2004). Но с другой стороны, в теории юмора указывается на общий неспецифический характер влияния юмора на решение задач и проблем, проявляющийся в повышении мотивационного и эмоционального фона мыслительных процессов (Мартин, 2009). В то же время механизмы такого влияния остаются невыясненными. В психологической литературе встречаются понятия остроумия и чувства юмора, которые не всегда разводятся (Лук, 1977; Фрейд, 1997). Чувство юмора связано с возможностью воспринимать юмор, а остроумие – со способностью создавать остроумные мысли и «подмечать странности». Таким образом, можно

выделить как минимум две формы юмора: когнитивный юмор, представленный парадоксами и несовпадениями и эмоциональный юмор, связанный с восприятием смешного не наполненного смыслом.

Возможны, по крайней мере, две гипотезы: либо юмор вызывает общее возбуждение, необходимое для решения трудной задачи, либо есть специфическое влияние когнитивных механизмов, лежащих в основе юмора.

Нами предложена экспериментальная модель исследования юмора как средства фасилитации решения мыслительных задач, которая предполагает наличие двух основных механизмов влияния юмора на процесс решения.

1. Когнитивный механизм. Юмор способствует преодолению когнитивных ограничений в ходе решения задачи, расшатывает стереотипные схемы элементов задачи, создает преднастройку на поиск отдаленных ассоциаций («прайминг креативности»), способствует выходу за пределы первоначального видения ситуации. Данное воздействие может быть как предметно специфичным (эффективность решения повышает юмор, содержательно связанный с решаемой задачей), так и предметно неспецифичным (эффективность решения повышает юмор, содержательно относящийся к иным сферам).

2. Аффективно-регуляторный механизм. Юмор неспецифическим образом снижает эмоциональное напряжение, способствует выходу из состояния фрустрации, способствует установлению позитивного эмоционального состояния, повышению общего уровня ресурса (Канеман, 2006), за счет которых и повышается эффективность решения задач.

Для того что бы ответить на вопрос о механизмах влияния мы поставили эксперимент, в котором смоделировали влияние юмора, содержащего гипотетические когнитивные механизмы, и юмора, не содержащего таких механизмов, на решение задач.

Численность выборки в эксперименте составляла 30 человек в возрасте от 17 до 21 года. В ходе эксперимента группе испытуемых предъявлялись видеоролики аффективно-юмористического и когнитивно-юмористического характера в экспериментальном условии и нейтрального характера в контрольном условии. Когнитивно-юмористическое воздействие осуществлялось с помощью предъявления видеороликов с шутками на основе противоречий и двусмысленностей, аффективно-юмористическое воздействие осуществлялось с помощью предъявления видеороликов с заразительным смехом. После предъявления серии видеороликов, направленных на индукцию соответствующего состояния, испытуемому необходимо было решить ряд творческих задач. Предъявление задач осуществлено с помощью полного экспериментального смешения. В качестве проверки эффективности воздействия видеороликов аффективно-юмористического и когнитивно-юмористического характера регистрировалось время решения и верность решения творческих задач у каждого испытуемого. При обработке результатов необходимо было выявить различия во времени решения в контрольном и экспериментальном условиях.

На данном этапе нами проведена первая часть исследования на одно из трех сочетаний условий (нейтрального условия, когнитивного условия, эмоционального условия). С помощью Т-критерия Вилкоксона было выявлено, что различия во времени решения задач между нейтральным условием и когнитивным условием составляет $p=0,038$ $T=132,000$, что говорит о значимости результатов на уровне $p<0,05$. Так же значимы различия между нейтральным условием и эмоциональным условием и составляют $T=78,000$ $p=0,001$. Таким образом, на данном этапе выявлено, что влияние когнитивного и эмоционального механизмов присутствует, но не выявлено какой механизм влияет сильнее. Мы продолжаем исследование на оставшиеся два сочетания

условий (когнитивное – эмоциональное – нейтральное и эмоциональное – нейтральное – когнитивное).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЫБОРЕ В ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ

В.И. Николаева (Москва)

Современные социально-гуманитарные науки рассматривают проблему выбора как одну из наиболее трудноразрешимых в силу «текучести» (З.Бауман) современного мира. Вот лишь некоторые из его характеристик: неустойчивость, неуверенность, ненадежность, нестабильность, небезопасность. Все эти составляющие вместе образуют «парадоксальное социокультурное пространство неочевидного» (А.Ю. Согомонов), в котором предметом выбора становятся буквально все аспекты человеческого существования. Непредзаданность и нечеткость ориентиров, необходимость делать выбор в пользу одного, тем самым отказываясь от другого, а также сверять свои выборы с критериями, заданными обществом и значимыми другими, делают проблему выбора еще более сложной, что приводит к росту эмоционального напряжения в ситуации личностного выбора. В современных психологических исследованиях довольно редко изучаются особенности представлений о выборе. Одно из немногих исследований, проводящихся в данном направлении и посвященное социальным представлениям, фиксирует настороженное отношение подростков по отношению к ситуации выбора (О.В.Гребенникова). Необходимо рассмотреть, как возможность выбора воспринимаются в подростково-юношеский период развития, который связывается с принятием ключевых решений, совершением значимых выборов, которые определяют направление дальнейшей жизни. Мы предполагаем, что представления о выборе претерпевают качественные изменения на протяжении подростково-юношеского периода развития, что выражается в их усложнении, различиях в представлении о выборе в течение жизни и отношении к нему, особенностях понимания и восприятия значимых внешних факторов и внутренних условий, влияющих на выбор.

Эмпирическое исследование проводилось в период 2008-2013 гг. в средних и высших учебных заведениях города Москвы. Выборку составили 328 человек (младшие подростки – 107 человек, 52 девочки и 55 мальчиков, 12-14 лет; старшие подростки – 62 человека, 36 девочек и 26 мальчиков, 14-15 лет; ранняя юность – 68 человек, 38 девушек и 30 юношей, 16-17 лет; поздняя юность – 91 человек, 51 девушка и 40 юношей, 18-25 лет).

С целью изучения представлений о выборе была разработана модификация полупроективной методики «Завершение предложений» (Д.М.Сакс и С.Леви), включавшая в себя пять тематических групп предложений: виды выбора («Мой выбор...», «Жизненный выбор заключается в том, чтобы...», «Важный выбор отличается тем, что...»); процессуальные характеристики выбора как принятия решения («Когда я принимаю важное решение, я...»); выбор на временной транспективе («В прошлом мне приходилось выбирать...», «Сейчас я стою перед выбором...», «В будущем я буду стоять перед выбором...»); факторы, влияющие на процесс выбора («Мой выбор зависит от...», «Мой выбор не зависит от...»); степень уверенности в выборе («Когда я не уверен(а) в своем выборе, я...», «Принимая решение, я буду чувствовать себя увереннее, если...»).

Полученные результаты анализировались с помощью метода контент-анализа, категориальная сетка включала следующие восемь категорий: типологические, продуктивные, непродуктивные характеристики выбора, характеристики процесса и результата, внешние факторы, внутренние условия, отношение к выбору, другое. Проводился сравнительный анализ соотношения указанных категорий по пяти тематическим группам предложений. Для сопоставления результатов применялся t-критерий Стьюдента для качественных признаков.

Результаты проведенного исследования показывают, что младшие подростки обладают наименее сформированными представлениями о выборе, что выражается в значимо более частых уходах от ответа при завершении предложений практически всех тематических групп предложений. Наиболее выражены затруднения в характеристике видов выбора (30%), описании прошлого опыта, актуальных ситуаций и возможностей выбора на временной трансспективе жизни (37,4%), в описании факторов, которые не влияют на выбор (12%).

В представлениях о видах выбора содержательно-типологические характеристики, отвечающие на вопрос «Что я выбираю?», постепенно уступают свое место качественным характеристикам, отвечающим на вопрос «Как я выбираю?». В то время как в представлениях старших подростков о видах выбора содержательные характеристики имеют наиболее частотное положение (93,5%), с возрастом увеличивается значимость личностной отнесенности выбора, опоры его на внутренние условия, выражение своего отношения к выбору. Наибольшую значимость последнее приобретает в поздней юности (65%), причем зачастую над положительным эмоциональным отношением (7,7%) преобладает негативная эмоциональная оценка выбора (15,4%), включающая в себя ожидание негативных последствий и общее негативное отношение к выбору как феномену. Увеличивается степень осознания «цены» личностного выбора, ответственности за выбор и его последствия, необратимость отсечения альтернатив и т.д.

В подростково-юношеский период развития происходит активное приобретение и осмысление опыта выбора. В поздней юности значимое место занимают продуктивные характеристики выбора (значимость, сложность, правильность), в отличие от них, младшие подростки оценивают свой выбор с помощью непродуктивных характеристик (незначимость, простота, неправильность). По всей видимости, в восприятии младших подростков выбор ассоциируется скорее со значимыми ситуациями, а простой выбор, по сути, для них выбором как таковым не является.

В поздней юности наблюдается общее усложнение представлений о выборе. Увеличивается степень осознанности выбора, расширяются представления о факторах, от которых может зависеть выбор. В ситуации неуверенности в выборе с возрастом появляются знания о тех механизмах и способах снижения напряжения, с помощью которых можно отрегулировать свое состояние в ситуации выбора. Отличительная особенность поздней юности заключается в том, что выбор для них не связывается с субъективным отношением к нему. По всей видимости, в поздней юности возрастает понимание необходимости совершения выбора, вне зависимости от тех ожиданий, которые ему сопутствуют.

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ОБЩЕГО ИНТЕЛЛЕКТА, КРЕАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И СЕНСОМОТОРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ УЧАЩИХСЯ 5-6 КЛАССОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

А.В. Новикова (Санкт-Петербург)

В настоящее время при стандартизации школьного обучения, все меньше времени отводится творческому развитию детей, а между тем дети с высокими показателями интеллекта и творческих способностей требуют особого педагогического подхода, поэтому создание условий, обеспечивающих выявление и развитие таких детей, реализацию их потенциальных возможностей, должно являться одной из приоритетных задач современного общества.

Начиная с исследований Дж Кеттелла многие исследователи уделяли большое внимание зависимости функционирования интеллектуальной системы человека от скоростных характеристик его восприятия и обработки сенсорной информации, а также от механизмов организации ответных моторных реакций, т.е. от процессов сенсомоторной интеграции (Айзенк Г., 1995; Чуприкова Н.И., 1997; Холодная М.А., 2002; Каменская В.Г., 2005; Garlick D., 2002).

Г. Айзенк (1995) рассматривал сенсомоторную интеграцию как индикатор уровня развития интеллекта. Интеллект характеризует определенный уровень развития мыслительной деятельности личности, обеспечивая возможность приобщения и адаптации ее к окружающей действительности (Адагян О.В., 2005).

Кроме скоростных характеристик при анализе сенсомоторной интеграции важную роль играет способность субъекта интуитивно оценивать структуру сенсорного потока, что отражает структуру селективного внимания (Каменская В.Г., 2005; Зверева С.В., 2000). Можно предположить, что дети с более высокими показателями интеллекта и креативности, обладая хорошим уровнем селективного внимания, могут более эффективно воспринимать не только фрактально организованные потоки сенсорных сигналов, но и интуитивно улавливать структуру потоков, организованных случайно, хаотически. Подтверждение этого предположения позволило бы получить еще один инструмент ранней оценки одаренности ребенка.

Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязи показателей сенсомоторной интеграции и тестов на интеллект и креативные способности.

Выборку составили 80 детей, обучающихся в 5-6 классах. Исследование проходило на базе школы № 519 Московского района, города Санкт -Петербурга.

Методы исследования.

Для изучения уровня развития общего интеллекта мы использовали тест Прогрессивные матрицы Дж. Равена.

Для исследования сенсомоторной интеграции использовалась стохастическая компьютерная рефлексометрия "Time-test" (авторы Каменская В.Г., Урицкий В.М., Томанов Л.В.).

«Тайм-тест» включает набор программ, содержащих зрительные (в виде кружком зеленого, синего, красного цветов) и слуховые (в виде гудков) стимулы. В рамках данного исследования использовались 3 серии программы, представленных в виде сенсорных цепей с короткой экспозицией зрительных и акустических стимулов (число стимулов в сериях постоянно равно 64).

В нашем исследовании использовались следующие серии: 1-1 (с фрактальным режимом организации межстимульных интервалов); 1-5 (с хаотическим режимом организации межстимульных интервалов); 2-1 (стимул-тормоз, с фрактальным режимом организации межстимульных интервалов).

Обработка результатов осуществлялась по компьютерной программе, разработанной В.М.Урицким и В.Г.Каменской. В интерпретацию включались следующие параметры:

- среднее время реакции на все раздражители с учетом знака реакции, выраженное в значении dt ;

- среднее время реакции без учета знака реакции $|dt|$;

Так же использовался расчетный параметр распределения отдельных значений времени реакции у каждого участника экспериментов - индекс Херста – H (Каменская В.Г., Томанов Л.В., 2007). Этот параметр оценивает самоподобие распределения отдельных значений времени реакции (BP) в разных масштабах времени с помощью расчета накопленного отклонения.

При значении H больше $-0,55$ можно говорить о наличии ориентированной во времени сенсомоторной реакции. Значения, меньшие, чем $-0,55$ свидетельствуют о случайном характере появления во времени отдельных событий, то есть конкретных значений времени сенсомоторных реакций.

Для анализа творческих способностей испытуемых мы использовали батарею тестов-методик по изучению творческого мышления, модификацию тестов Гилфорда и Торренса (Туник Е.Е., 2002).

Стимульный материал включает в себя 8 заданий. Четыре из которых содержат вербальные тесты и 4 задания на невербальные способности

В каждом субтесте подсчитываются баллы по определенным факторам, установленным в исследованиях Гилфорда, а именно: беглость, гибкость, оригинальность, точность.

Коэффициент креативности (K) определяется суммой вышеуказанных факторов.

Результаты исследования

Уровень развития интеллекта в данной выборки соответствует в целом выше среднего для данной возрастной категории(75,01).

Результаты выполнения рефлексометрии показали, что все дети одинаково плохо справляются с дифференцировочной серией, это свидетельствует о низком уровне развития селективного внимания в этом возрасте. Анализ индекса Херста свидетельствует о том, что в среднем дети имеют ориентированную во времени сенсомоторную реакцию, но только в серии с фрактальной организацией.

Анализ результатов батареи тестов-методик на креативность, показал, что для детей этого возраста предложенные задания вызывают затруднения, особенно это прослеживается в вербальной части методики. Дети не могут правильно сформулировать свои мысли, встречаются часто повторяющиеся описания и определения предметов. Только 10% имеют средний бал по шкале оригинальность, остальные – ниже среднего.

В целом можно отметить достаточно хорошие результаты выполнения теста на интеллект и сенсомоторную интеграцию, тогда как многие дети вообще не справляются с заданиями на творческое мышление.

В докладе будет представлена статистическая обработка данных и корреляционный анализ.

ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.В. Огородова, Д.В. Вдовина (Ярославль)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект 6.4569.2011

Цель – это осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека. С точки зрения психологии, целью является формальное описание конечных ситуаций, к достижению которых стремится любая саморегулирующаяся функционирующая система; предвосхищаемый полезный результат, определяющий целостность и направленность поведения организма.

В спорте различают:

1. надежную цель;
2. реалистичную цель;
3. прорывную цель.

Надежная цель – это такая цель, получить которую спортсмен может практически всегда. Однако подобная цель слабо мотивирует спортсмена и не способствует спортивному совершенствованию. Как только мозг понимает, что цель всегда достижима, психическая энергия снижается, такая цель может стать психологическим барьером на пути к росту.

Реалистичная цель – это цель, отличающаяся от уже достигнутого не очень значительно, так, что становится понятно, что при необходимом количестве тренировок ее достижение вполне реально. Такая цель тоже слабо мотивирует спортсмена. Она похожа на ту морковку, которая висит слишком близко к ослику, и ему достаточно сделать лишь небольшой рывок вперед, чтобы дотянуться до нее. В таком случае «наша тележка» будет двигаться слишком медленно.

Однако у настоящего спортсмена, стремящегося к непрерывному росту своего мастерства, должна быть еще и прорывная цель. Уже по названию понятно, что достижение этой цели обеспечивает значительный прорыв в мастерстве спортсмена и выводит его на новый спортивный уровень. Достижение прорывных целей требует много времени, но они необходимы.

Если не иметь прорывной цели, то движение вперед прекращается. Когда завоевавшая приз команда начинает видеть в себе только чемпиона, у нее исчезает цель, за которую надо изо всех сил бороться, а остается только статус, который надо защищать (мотивация достижения сменяется мотивацией избегания). Ее боевой импульс становится слабее, и она проигрывает команде, которая только борется за чемпионский титул.

Основой становления целей ребенка в детском спорте является практическая деятельность, направленная на преобразование способностей и кондиций личности юного спортсмена при адекватном педагогическом взаимодействии с тренером и сопровождающей активности родителей. На этапе определения цели, ребенок подтверждает истинность избранного пути мотивацией и организацией деятельности. Стремления ребенка приобретают скелетную основу. Ребенок обретает личную точку зрения, собственную программу, избирает деятельность, право на которую он искусно защищает, подстраиваясь под различные требования и интересы взрослых, находит свободное пространство для избранной деятельности.

Целью нашего исследования было изучение взаимосвязи самооценки и характеристик целеполагания. В исследовании приняли участие хоккеисты СДЮШОР НП хоккейный клуб «Локомотив» г. Ярославль - всего 36 человек. Возраст спортсменов от 12

до 15 лет. Диагностический аппарат исследования составили: методика самооценки (Дембо – Рубинштейн), модифицированная под важные спортивные характеристики; Шкала Целей (разработанная нами для выявления спортивных целей хоккеистов).

В результате исследования выявлено, что спортсмены-подростки (игроки команды Локомотив-97) определяли как более достижимую цель «стать игроком в НХЛ», чем цели «попасть в основной состав», «выиграть турнир» или «выиграть Чемпионат Москвы». Это говорит о том, подростки плохо дифференцируют цели, испытывают трудности в построении цепочки последовательности достижения этапов карьеры. Другое объяснение полученных результатов заключается в том, что ребята не разделяют цель и мечту и таким образом выразили свои мечты о будущем. Это можно охарактеризовать как первый этап целеполагания. Жизнь - это воплощение мечтаний, в дальнейшем придется разложить свою мечту на цели. В возрасте 12- 14 лет только еще возникает способность к целеполаганию, а в 15 – 17 лет возникает «жизненная перспектива». В исследовании установлена связь самооценки своей игры (плохо – хорошо играю) и достижимости цели попадания в первые две пятерки игроков ($r=0,711$; $p=0,002$). Это говорит об адекватной самооценке представления своей игры и ее дальнейшей реализуемости.

Анализируя результаты игроков команды Локомотив-95 также отмечается слабая дифференцированность целей и своих карьерных задач. Построение таких цепочек вызвано антиципацией своего будущего, т.к. ближайшее будущее уже требует решений, воли, характера и физических затрат, к чему юные хоккеисты пока не вполне готовы. Выявлена связь самооценки своей физической силы (сильный – слабый) и уровнем достижения цели «стать бомбардиром сезона» ($r=0,445$; $p=0,049$) и цели «сдать тесты на 4/5» ($r=0,598$; $p=0,005$). Эту связь мы объясняем как адекватную оценку ближайших целей т.к. без физической силы невозможно чего-то добиться в хоккее, в частности сдать тесты по физподготовке. Чем выше самооценка физической силы у юных хоккеистов, тем выше они оценивают возможность стать лучшим бомбардиром сезона и сдать тесты по физподготовке. Установлена связь самооценки воли и возможностью выиграть Чемпионат Москвы ($r=0,456$; $p=0,043$). Без внутренних усилий невозможно чего-либо достичь.

Значимые различия выявлены в оценке достижимости цели «провести сезон без травм» у игроков команды Локомотив-95 и Локомотив-97. Значительно выше осознание неизбежности травм, а также последствия для жизни и дальнейшей карьеры у более старших игроков команды Локомотив 95.

В результате проведенного исследования выявлено, что юные спортсмены не всегда реально оценивает свои интересы, имеющийся ресурс, личные жизненные цели и планы. Но если цель органично встраивается в логику развития ребенка, как привитая почка, то она дает свои побеги, цветы и плоды. Ведь любая цель как программа деятельности требует энергии, эмоциональных, интеллектуальных и физических сил исполнителя.

МОТИВАЦИЯ В ПОДРОСТКОВОМ СПОРТЕ

Т. В. Огородова, А.А. Моисеева (Ярославль)

Мотивация человека, являясь составной частью направленности личности, формируются в течение всей жизни. В детском возрасте источниками мотивации могут

быть особенности психики данной личности, личная потребность в успехе, признании, общении с друзьями, особенности и склонность двигательной задачи. Мотивация в спорте зависит как от внутренних причин (темперамент, черты характера), так и внешних (влияние родителей, педагогов, тренеров).

Главным действующим лицом в спорте является спортсмен и тренеру не безразлично, что движет его воспитанником на разных этапах спортивного совершенствования, как активизировать этот «двигатель» - запускать его действие? Не зная особенностей потребностно-мотивационной сферы личности спортсмена, трудно готовить его к соревнованиям, формировать у него устойчивую, сильно действующую мотивацию.

Как отмечает Е.П.Ильин, на начальном этапе (у новичков, начинающих спортсменов) причинами прихода в спорт (независимо от вида спорта) могут быть:

1. Стремление к самосовершенствованию (укрепление здоровья, улучшение телосложения, развитие физических качеств).

2. Стремление к самовыражению и самоутверждению (желание быть не хуже других, быть похожим на выдающегося спортсмена; стремление к общественному признанию; желание защищать честь коллектива, города, страны, быть привлекательным для противоположного пола).

3. Социальные установки (мода на спорт, стремление сохранить семейные спортивные традиции, желание быть готовым к труду и службе в армии).

4. Удовлетворение духовных и материальных потребностей (стремление чувствовать себя необходимым членом спортивной команды или спортивной школы, общаться с товарищами, получать новые впечатления от поездок по городам и странам, желание получить материальные блага).

Каждая из перечисленных причин имеет для конкретного спортсмена большую или меньшую значимость в связи с его ценностными ориентациями.

Целью нашего исследования было проанализировать мотивационную структуру личности юного спортсмена в различных видах спорта.

В исследовании приняли участие: игроки хоккейных команд Локомотив-97 и Локомотив-98; спортсмены стрелки-винтовочники, спортсмены гимнасты (г. Ярославль). Возраст спортсменов от 11 до 14 лет. Всего в исследовании приняли участие 59 спортсменов.

На основании результатов пилотажного исследования мы выделили следующую структуру мотивов:

1. Стремление к самосовершенствованию (укрепление здоровья, улучшение телосложения, развитие физических и волевых качеств).

2. Стремление к самоутверждению и самовыражению (желание быть не хуже других, быть похожим на выдающегося спортсмена; стремление к общественному признанию; желание защищать честь коллектива, города, страны, быть привлекательным для противоположного пола).

3. Социальные установки (мода на спорт, стремление сохранить спортивные семейные традиции, желание быть готовым к труду и службе в армии).

4. Удовлетворение материальных потребностей (желание получить материальные блага).

5. Мотив общения (желание общаться с товарищами, желание общаться в спортивной среде).

В выборках хоккеистов и стрелков общим является преобладание мотива самоутверждения. При этом установлены значимые различия по мотиву общения ($U=0,044$; $p=0,05$). Мы объясняем это тем, что в стрельбе, как индивидуальном виде

спорта, соперничество между детьми выражено в меньшей степени, чем в хоккее. Несмотря на то, что хоккей - это командный вид спорта, отмечается острая конкуренция между игроками, как в игровой, так и в межличностной сфере.

Единство мотивационной сферы личности спортсменов подтвердилось большим количеством корреляций в структуре мотивации. Установлена прямая связь показателя мотива самосовершенствования и мотива самоутверждения ($r=0,771$, $p=0,001$) в выборке стрелков ($r=0,583$, $p=0,001$) у выборки хоккеистов и выборки гимнасток ($r=0,770$, $p=0,01$) - я занимаюсь спортом чтобы быть красивым, физически развитым и это приносит мне самоутверждение. Установлена взаимосвязь между показателями мотивов общения и самосовершенствования в выборке стрелков ($r=0,852$, $p=0,001$), выборке хоккеистов ($r=0,684$, $p=0,001$) и выборке гимнасток ($r=0,735$, $p=0,05$). Обща-ясь в спортивной среде ребенок получает удовлетворение не только от общения, но и от осознания того, что работает над развитием себя. В выборках хоккеистов ($r=0,558$, $p=0,001$) и стрелков ($r=0,754$, $p=0,001$), выявлена связь между мотивами материальных потребностей и мотивом социальных установок, спортсмены понимают престижность профессионального спорта, считают что это модно.

В заключении необходимо подчеркнуть, что работа по формированию устойчивой положительной мотивации к занятиям спортом, должна носить системный характер и учитывать взаимоотношения в тренировочном и соревновательном процессе самого спортсмена, тренера и родителей. Так же важно учитывать полимотивированность спортивной деятельности и ее индивидуальные особенности для каждого конкретного спортсмена.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект 6.4569.2011

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ РОЛЕЙ В СОЗНАНИИ ЛИЧНОСТИ

А. Н. Одинцова (Херсон)

Вопрос о природе возникновения понятия «роль» и его значения, появился примерно в то же время, как возникли первые попытки описать данное психологическое явление, а именно в 30-х годах XX века. Труды Р. Линтона и Дж.Г. Мида, работавших независимо друг от друга, стали основой двух различных подходов к теории социальных ролей: теории символического интеракционизма (Дж.Г. Мид) и теории функционализма (Р. Линтон).

В свое время наиболее характерные определения категории «роль» предложили: Г. Атей и Дж. Дарли, Р. Линтон, Я. Морено, Р. Тернер, Е. Томас и Б. Бидл.

Мы считаем, что одно из лучших и наиболее глубоких определений «роли» является то, которое предложил Р. Тернер. Согласно автору ролью считается совокупность паттернов поведения, которые составляют значимое целое и свойственны человеку, который занимает специфический статус в обществе (например, доктора или отца), неофициальную позицию в межличностных отношениях (например, лидера) или тождественную со специфической ценностью в обществе (например, честного человека или патриота).

Среди множества разнообразных типов и видов ролей, наиболее тесно связанными с личностными качествами человека являются жизненные роли. По мнению П.П. Горностая, жизненная роль ; это психологическая роль, которая связана с иден-

тичностью личности, жизненным сценарием, индивидуальностью человека, она связана не с конкретными ролевыми ситуациями, а выполняется в различных ситуациях, иногда в течение всей жизни.

Что касается места роли в сознании личности ; позиция ученых неоднозначная. Л.С. Выготский приравнивает роль к аксиоме, многократному повторению действия или типу поведения, который относится к определенной категории в сознании личности. А.Н. Леонтьев выделяет и анализирует понятие роли, но наряду с этим считает, что личность нельзя сводить только к набору определенных ролей, или связывать личность с запрограммированным поведением. П.П. Горностай предлагает методологические и прикладные основы ролевой теории.

Существует множество исследований, которые разрабатывают понятие роли, ролевого репертуара, ролевой идентичности и поведения в рамках социальной психологии. В то же время без внимания ученых остается вопрос о репрезентации жизненной роли в сознании личности. Следует отметить, что жизненные роли в противоположность другим видам психологических ролей имеют не ситуативный, а достаточно устойчивый характер, связанный с жизненной перспективой, жизненным сценарием и жизненным смыслом личности. Представление жизненной роли в сознании определяет траекторию жизненного пути личности.

Сознание это высший уровень психического отражения и саморегуляции, присущий только человеку как общественно-историческому существу. Сознание формируется в процессе общения, опосредуется речью, направляется на преобразование действительности и связано с самосознанием, ориентированным на внутренний мир субъекта.

Исследуя структуру индивидуального сознания, А.Н. Леонтьев выделил три ее составляющие: чувственную ткань, значение и личностный смысл.

Проанализировав научные источники, касающиеся данного вопроса, мы пришли к заключению, что именно через значение и личностный смысл можно изучить явление репрезентации жизненной роли в сознании личности.

Значение, как понятие, есть над индивидуальным, социально обусловленным, зависимым от культурных традиций. Всякое значение это, прежде всего обобщение, которое относится не только к одному явлению или предмету, но к целой группе или к целому классу предметов. Сознание проявляется в деятельности и в речи, как в проявлении этой деятельности. Если существует значение «роль» ; слово, понятие, которое включает в себе определенный смысл, то можно предположить, что в сознании существуют определенные характеристики, которым присваивается это понятие. Понятие «роль» используется в человеческой речи как обобщение поведения и состояния определенных категорий людей, а также предоставляет возможность человеку предвещать, угадывать, фантазировать, додумывать состояния и характеристики окружающих людей, т.е. выполняет функцию адаптации.

Личностный смысл ; это субъективное понимание и отношение к ситуации или информации. Личностный смысл отражает субъективную значимость тех или иных событий, явлений действительности относительно интересов, потребностей, мотивов человека. В индивидуальном сознании, значение приобретает особый, только ей присущий (личностный) смысл. Например, все дети хотели бы получать пятерки. Отметка «пять» имеет общее для всех них значение, закрепленное социальным нормативом. Однако для одного эта пятерка - показатель знаний, способностей, для другого ; символ того, что он лучше других, для третьего ; способ добиться обещанного подарка от родителей и т.д. То значение, которое оно приобретает лично для каждого человека, называется личностным смыслом.

Личностный смысл ; это и есть та индивидуальная окраска, то неповторимое толкование, которое мы предоставляем своей жизненной роли. Именно личностный смысл делает понимание и исполнение роли персональным, является условием интериоризации, т.е. перехода содержания роли и ее требований во внутренний мир личности.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБРАЗА РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

А.А. Окасова (Омск)

Специфика современной социальной ситуации развития России характеризуется наличием проблем, связанных с социально-экономическими, политическими трансформациями в стране, происходящими в условиях системного кризиса. Важным моментом наряду с вышеуказанными проблемами выступает вопрос о национальной составляющей России как традиционно многонационального государства. Для формирования позитивного образа страны необходимо понимать, каким предстает образ Российской Федерации в представлениях ее граждан. Важно выяснить значение и влияние именно молодежной субкультуры, как представителей общества будущей России. Как отмечает С.В. Ерофеев, образ России представляется двояко: как реальное отражение воспринимаемого и как проекцию ожидаемого субъекта восприятия. В образе России отражаются знания, представления, мнения, оценки, ожидания, эмоции, требования граждан к объекту восприятия (Ерофеев С. В. 2008).

В образе России в нашем понимании закрепляется ряд характерных признаков, которые его стереотипизируют, делая легко узнаваемым на фоне других политических объектов. С другой стороны, эта структура препятствует изменениям в сознании граждан. Формирование позитивного образа страны определяется компонентами, входящие в ее содержание. Одним из компонентов является этническая идентичность, определяемая как набор устойчивых, хотя и не константных значений, которые индивиды придают своему членству в этнической общности, включая те характеристики, которые связывают их с этой общностью и отличают от социального окружения (Стефаненко 1999).

Осознание собственной этнической идентичности обусловлено в высокой степени конкретными общественными интересами и групповыми потребностями, в том числе и политического, экономического, культурного характера. Именно благодаря этому функционирование этнической идентичности становится в той или иной мере фактором развития социокультурных, политических и экономических процессов.

Таким образом, этническая идентичность является важным фактором формирования образа страны, поэтому, рассматриваемая нами проблема является актуальной, и целью нашего исследования стало исследование образа России и выявление взаимосвязи типа идентичности с факторами семантического дифференциала Силы, Активности и Оценки качеств у представителей молодежи казахской и русской культур.

Выборку составили 62 человека, в возрасте от 18 до 23 лет, русской и казахской национальности, проживающие на территории Российской Федерации.

В качестве психодиагностических методик использовались: классический семантический дифференциал; авторская анкета «Незаконченные предложения» на выявление представлений о России; методика Г. У. Солдатова и С.В. Рыжова «Типы этнической идентичности».

При статистической обработке полученных эмпирических данных нами был использован Т-критерий Стьюдента, частотный анализ, метод линейной корреляции Пирсона. Результаты исследования показали, что главной составляющей образа России в представлениях молодежи двух культур, является характеристика «большая территория». Половина опрошенных представителей русской культуры говорят о «красивой природе». Стоит отметить, что в представлениях казахской молодежи, в отличие от представителей русской молодежи, в описании доминируют такие характеристики как невоспитанность народа, отсутствие сплоченности и единства, самобытность, многонациональность и наличие негативного отношения к иным национальностям. В целом, в описании представлений о России преобладают негативные характеристики. В основном недовольства касаются социальной сферы, сферы политической составляющей и негативные оценки межличностного характера. При этом отмечается и положительные качества, которые выражаются в характеристиках, касающиеся природного потенциала, территориального, культурного и духовного богатства. Возникающие чувства и эмоции – любовь, патриотизм, гордость и др.

При исследовании значений факторов «Силы», «Активности», «Оценки» семантического дифференциала образа России у представителей молодежи русских и казахов значимых различий не выявилось. Исследование преобладающего типа идентичности показало, что как для русских молодых людей, так и для казахов присущ позитивный тип идентичности. Представления у молодежи казахской и русской культур значимо различаются по таким типам этнической идентичности как «этнонигилизм», «этноэгоизм» и «этнофанатизм», причем данные типы у молодежи русской культуры выражены больше чем у казахской культуры.

При исследовании, взаимосвязи факторов «Активности», «Силы» и «Оценки» с типом идентичности у казахов не обнаружилось. Это говорит о том, что у представителей казахской культуры наличие определенного типа идентичности не влияет на оценку факторов. У представителей русской культуры фактор «Сила» взаимосвязан с такими типами этнической идентичности как «этноизоляционизм» и «этнофанатизм». В совокупности три вида шкал позволяют описать сенсорно-эмоциональный образ объекта для конкретного индивида. Касаясь образа страны, это выражается в неспособности держаться принятой линии стратегии или правила, в существовании зависимости от внешних обстоятельств и оценок. Низкие значения фактора «Оценка» указывают на критичное восприятия образа страны своими гражданами, их неудовлетворенность жизнью.

Обращение к этой проблеме позволяет приблизиться к познанию скрытых глубин самосознания человека в сфере формирования этнической идентичности. В современном изменяющемся мире влияние общественности на индивида колоссально, что влечет за собой разные формы поведения. Мы считаем, что изучение образа России в призме двух культур значимо, так как, исследование нынешнего представления о России является полезным на пути к формированию более позитивного образа страны, с учетом выделенных ее недостатков.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРИЯТИЯ ТИПА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

А.А. Окутина (Ярославль)

На сегодняшний день важным вопросом функционирования любой организации, является вопрос, касающийся организационной культуры. Практически доказанным является факт, что восприятие организационной культуры является субъективным феноменом, что выражается в индивидуальной специфичности оценки компонентов культуры сотрудниками, работающими не только в одной организации, но даже в одном из ее подразделений. В этой связи многих исследователей интересует вопрос о детерминантах, которые определяют оценку организационной культуры, т.е. что является основой ее субъективного восприятия. Цель исследования: определение взаимосвязи личностных характеристик и оценки испытуемыми типа организационной культуры.

Данная общая цель конкретизируется в следующих задачах исследования:

1. Диагностировать оценки испытуемыми реального и идеального типа организационной культуры и степень выраженности личностных характеристик;
2. Определить различия в степени выраженности личностных качеств сотрудников, предпочитающие разные типы культуры;
3. Определить взаимосвязь личностных характеристик и оценки человеком культуры организации.
4. Определить характер влияния личностных характеристик на склонность оценивать организационную культуру.

Объект исследования: восприятие организационной культуры предприятия

Предмет исследования: личностные детерминанты субъективного восприятия организационной культуры

Общая гипотеза исследования: фактором оценки организационной культуры являются субъективные детерминанты, в частности личностные характеристики человека.

Содержание данной гипотезы отражается в более частных предположениях:

1. Существует определенный набор личностных качеств, связанных с оценкой организационной культуры;
2. Степень выраженности личностных качеств по-разному влияет на склонность оценивать организационную культуру.

В исследовании приняли участие 93 человека в возрасте от 19 до 55 лет.

Методики исследования: вопросник «Диагностика Организационной культуры» К. Камерона и П. Куинна; личностный опросник 16 PF Р. Кеттелла.

Для статистической обработки данных использовались: метод корреляционного анализа (ранговый коэффициент корреляции Спирмена), критерий Н-Крускал-Уоллиса, F-критерий Фишера.

На первом этапе исследования испытуемые были разделены на группы по критерию предпочтения типа идеальной ОК. На этапе описательного анализа были построены усредненные личностные профили входящих в эти группы испытуемых. Далее было проведено аналитическое соотнесение степени выраженности отдельных личностных качеств у испытуемых, предпочитающих разные типы организационной культуры. Далее с использованием метода корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи между факторами (личностными характеристиками) и оценками типов

ОК. На данном этапе исследования мы учитывали оценки как реальной, так и предпочитаемой организационной культуры. Так, например, оценка культуры, как клановой, характерна для людей с низкими показателями фактора I (эмоциональная сензитивность), т.е. независимые, практичные и циничные люди воспринимают организацию как большую и дружную семью. Можно предположить, что в связи с наличием I – у данной части испытуемых высокий порог чувствительности к восприятию окружающей действительности, к ее эмоциональным компонентам, и они тем самым любой конкурентный коллектив воспринимают как дружный союз.

Следующим этапом исследования явился анализ характера влияния особенностей личности на склонность оценивать сложившуюся организационную культуру. Следует отметить, что результаты оказались достаточно разнородные и выявлены типы зависимостей как прямолинейные, так и криволинейные, что отражает всевозможный характер влияния факторов (характеристик личности) на склонность оценивать организационную культуру. Так, например, чем ближе у испытуемых показатели фактора N (проницательность) к максимальным значениям начиная от 10, тем в большей степени они склонны оценивать организационную культуру как клановую.

В целом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Субъективными детерминантами оценки организационной культуры являются личностные качества испытуемых;

2. Набор таких личностных характеристик, как: В (интеллект), Е (доминантность), Н (смелость), I (эмоциональная сензитивность), L (подозрительность), O (склонность к чувству вины), Q1 (мятежность) и Q3 (способность сдерживать тревожность) определяют оценку типа организационной культуры;

3. Разная степень выраженности таких личностных качеств, как Е (доминантность), Н (смелость), O (склонность к чувству вины), L (подозрительность) и Q1 (мятежность) определяет тип предпочитаемой организационной культуры;

4. Разная степень выраженности таких личностных качеств, как А (теплота), В (интеллект), Е (доминантность), Н (смелость), L (подозрительность), N (проницательность), Q2 (самоудовлетворенность) и экстраверсия влияют на склонность оценивать организационную культуру по одному из четырех типов.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практике психологического отбора с целью прогнозирования адаптационных возможностей человека в отношении сложившейся организационной культуры, что определяет практическую ценность проведенного исследования.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗВИТИЯ САМОСОЗНАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ.

А.А. Орлова (Саратов)

В данной статье речь пойдет о взаимосвязи двух динамических процессов человеческой личности: воспитания толерантности и развития самосознания.

На первый взгляд, процесс развития самосознания направлен на успешность социализации и поиска своего места в жизни конкретного человека; воспитание же толерантности – процесс, направленный на благополучное взаимодействие всего общества во благо общего существования. Рассматривая определения этих двух процессов, мы также можем найти мало общего. Развитие самосознания – это необратимое,

направленное, закономерное, непрерывное изменение самосознания, как личностного образования, которое на основе совокупности психических процессов позволяет понимать себя, определённым образом относиться к себе, видеть объективный мир и себя через него и, в соответствии с этим, осуществлять саморегуляцию. Воспитание толерантности - процесс целенаправленного, систематического формирования качества терпимости, снисходительного уважения к иным идеям, чуждым взглядам, концепциям, вкусам. Из определений видно, что два рассматриваемых понятия имеют различную структуру. Воспитание толерантности и толерантность сама по себе – простое понятие по структуре; а развитие самосознания – сложное, так как самосознание имеет сложную структуру из 4 составляющих.

Если заглянуть глубже в сущность этих процессов, можно найти много общего. Первым объединяющим признаком становится необходимость сознания личности для обоих процессов. Согласно энциклопедии практической психологии, «сознание - сила, освещающая внутренний мир человека и делающая управление психическими процессами явным и контролируемым». (Энциклопедия практической психологии Психологос, электронный ресурс). Следовательно, сознание делает процессы воспитания толерантности и развития самосознания осознанными и контролируемыми.

Также оба процесса - продукт педагогического воздействия на человека или его самовоспитания и саморазвития, и формируются только в социуме.

За третий объединяющий признак можно принять мнение О.Н. Михайловской о том, что одним из факторов формирования толерантной личности является «стремление человека к самосознанию, расширение его кругозора, формирование мировоззренческой позиции. Эти качества укрепляют представления человека о самом себе». (Михайловская О.Н. Электронный ресурс). Делают их более позитивными и адекватными. То есть без развития у человека самосознания со всеми его структурными компонентами (самопознание, самоотношение, саморегуляция и миросознание) полное формирование толерантной личности в значительной степени усложнено.

Существует ещё одно утверждение, указывающее на взаимопроникновение рассматриваемых процессов. В.Н. Гуров считает, что «подлинная толерантность является ценным нравственным качеством развитой личности, которая имеет свои ценности и интересы и готова, если понадобится, их защищать, но вместе с тем с уважением относится к воззрениям и ценностям других людей». (Толерантное сознание и формирование толерантных отношений. Сб.науч.-метод. ст. 2003 – 368 с).

Одним из первых обобщенную характеристику толерантной личности дал Г. Олпорт. Мы в свою очередь предлагаем сравнительную характеристику толерантной личности (по Олпорту) и личности с высоким уровнем развития самосознания (Таблица 1).

Из данной сравнительной характеристики становится понятно, что у толерантной личности и личности с высоким уровнем самосознания много общего.

Мы провели эмпирическое исследование по измерению взаимосвязи между уровнем развития самосознания и индексом толерантности.

Гипотеза: Предполагается, что уровень толерантности личности находится во взаимосвязи с уровнем развития самосознания.

В ходе проведения эмпирического исследования использовались методы :

- теоретические методы (индуктивный метод, метод моделирования);
- эмпирические методы (качественно-описательный: анкета; измерительные: тестирование, корреляционный анализ);
- интерпретация и описание.

Для проведения диагностического этапа исследования были использованы следующие методики: Методика «16 Я-позиций» Светланы Меджидовой, Тест готовности к саморазвитию В. Павлова, Методика Дембо-Рубинштейн, «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана – для выявления уровня развития самосознания и, экспресс - опросник «Индекс толерантности».

Выборку составили 60 человек, среди которых юноши и девушки возраста 16-17 лет, обучающиеся на 1 курсе среднего профессионального учебного заведения. Юношеский возраст был выбран для исследования не случайно, а исходя из сензитивности данного периода для целостного формирования и дальнейшего развития самосознания.

В результате диагностики и последующей обработке данных мы получили коэффициент корреляции между уровнем самосознания и индексом толерантности равный 0,5. Это также указывает на очень высокую взаимосвязь между уровнем самосознания и индексом толерантности. Так как коэффициент корреляции имеет положительную полярность, мы делаем вывод, что чем выше уровень самосознания, тем более развита у этого человека толерантность.

Как отмечает С. Д. Щеколдина, «в развитии понимания личностью окружающей действительности объектом глубокого понимания становится человек, его внутренний мир. Это вызывает интерес к себе и собственной жизни, качествам своей личности, потребности сравнивать себя с другими. Толерантность личности способствует формированию реального представления о себе и окружающих». (Щеколдина С. Д. 2004).

Это значит, что чем больше у личности проявляются толерантные качества, тем выше уровень самосознания человека и наоборот, чем выше уровень самосознания у человека, тем более выражены его толерантные качества.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА СТЕПЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У РАБОТНИКОВ МЧС

Н.Ю. Орлова (Лесосибирск)

Синдром эмоционального выгорания относится к числу феноменов личностной деформации, имеющих тенденцию к широкому распространению. Выгорание развивается, как правило, у тех, кто по роду своей деятельности должен много общаться с другими людьми и/или у тех людей, специфика профессиональной деятельности которых предполагает высокую степень ответственности за жизнь и здоровье других. Для успешной профилактики эмоционального выгорания необходимо иметь как можно более полное представление о факторах, провоцирующих его развитие, и о тех ресурсах личности, которые могут быть задействованы в профилактической работе.

Изучение факторов, влияющих на развитие эмоционального выгорания у работников МЧС представляется чрезвычайно актуальным в силу специфики профессиональной деятельности сотрудников спасательных служб. Специфика эта заключается в том, что работа спасателя требует максимальной концентрации внимания, четкости восприятия, высокой скорости мыслительных процессов, точности действий, физической силы, ловкости и выносливости, от которых напрямую зависит успешность деятельности специалиста. Эмоциональное выгорание сопровождается упадком физических сил, вялостью познавательных процессов, что создаёт угрозу жизни и здоровью людей, которые призван сохранить спасатель.

Исходя из того, что успешность работы спасателя во многом определяется качественными характеристиками познавательных процессов, а эмоциональное выгорание притупляет мозговую активность, необходимо получить ответ на вопрос о том, имеется ли взаимосвязь между эмоциональным выгоранием и интеллектуальным развитием личности спасателя. При этом интеллект следует рассматривать как систему психических механизмов, которые обуславливают возможность построения внутри индивидуума субъективной картины происходящего, а назначение интеллекта, с психологической точки зрения, соответственно, определять как создание порядка из хаоса на основе приведения в соответствие индивидуальных потребностей с объективными требованиями реальности.

Гипотеза исследования. Гипотетически интеллект может рассматриваться как один из личностных ресурсов, регулирующих психоэмоциональное состояние и, соответственно, степень развития интеллекта может оказывать влияние на формирование и развитие синдрома эмоционального выгорания.

Целью нашей работы, выполненной под руководством старшего преподавателя кафедры ПРЛ Ж.А. Левшуновой, является исследование влияния уровня интеллектуального развития на степень эмоционального выгорания у работников МЧС.

Объект исследования: уровень интеллектуального развития работников МЧС.

Предмет исследования: влияние уровня интеллектуального развития работников МЧС на степень их эмоционального выгорания.

Задачи:

- 1) изучить литературу по теме исследования;
- 2) провести эмпирическое исследование влияния уровня интеллектуального развития на степень эмоционального выгорания у работников МЧС;
- 3) проанализировать полученные результаты.

Теоретико-методологической основой исследования являются труды В.В. Бойко, Н.Е. Водопьяновой и других специалистов, посвятивших свою работу исследованию синдрома эмоционального выгорания, а также Г. Айзенка, Л. Терстоуна и других учёных, занимавшихся изучением интеллекта.

База исследования: Федеральное государственное казенное учреждение «Сибирский региональный поисково-спасательный отряд МЧС России» – структурное подразделение Сибирского регионального центра МЧС России.

Выборка исследования: 15 сотрудников поисково-спасательного отряда.

Методы исследования:

- 1) общетеоретические: анализ, синтез, обобщение;
- 2) эмпирические: тестирование («Краткий ориентировочный тест» Э.Ф. Вандерлика, «Методика диагностики эмоционального выгорания» В.В. Бойко), математическая обработка эмпирических данных.

Обработка результатов осуществлялась посредством применения программы «STATISTICA 6.0».

Ввиду того, что в нашей стране не проводилось масштабных исследований уровня интеллекта на больших выборках сотрудников МЧС с различными уровнями образования, данных о средних нормативных показателях для каждого из уровней образования, с которыми можно было бы сопоставить полученные нами данные, не имеется. В этой связи мы определяли уровень развития интеллекта на основании шкалы, предложенной Э.Ф. Вандерликом.

В ходе исследования уровня интеллекта по методике КОТ нами были получены следующие результаты: высокий уровень интеллекта имеют 6% испытуемых, выше среднего – 28%, средний – 40%, ниже среднего – 20% и низкий – 6%.

Исследование эмоционального выгорания по методике В.В. Бойко показало, что наиболее выраженной в группе испытуемых является резистентная симптоматика: у 93% испытуемых диагностируется складывающийся или уже устойчиво сформировавшийся симптомокомплекс второй фазы эмоционального выгорания. Им свойственны следующие особенности: неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, эмоционально-нравственная дезориентация, расширение сферы экономики эмоций, редукция профессиональных обязанностей.

20% испытуемых достигла фазы истощения. Им свойственны эмоциональный дефицит, эмоциональная отстраненность, личностная отстраненность, психосоматические и психовегетативные нарушения.

Складывающаяся симптоматика истощения свойственна 27% обследованным нами работникам МЧС.

Автоматический расчёт коэффициента ранговой корреляции для показателей уровня интеллекта и эмоционального выгорания показал, что отрицательная корреляция ($r_s = -0.037$) наблюдается между показателями уровня интеллекта и симптомами напряжения; и положительная между показателями уровня интеллекта и симптомами резистенции ($r_s = 0.168$) и симптомами истощения ($r_s = 0.267$). Для данного объема выборки ($n = 15$) минимальное критическое значение $r_s = 0,52$ при $p = 0,05$. То есть абсолютное значение полученного результата находится ниже самого минимального порога статистической значимости, что свидетельствует, что уровень интеллектуального развития не оказывает значимого и существенного влияния на степень эмоционального выгорания работников МЧС.

ОБРАБОТКА ЗАПОМИНАЕМОГО МАТЕРИАЛА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Т.Н. Осина (Орехово-Зуево)

Человеческая память и процесс обучения – это классическая проблема как современной, так и традиционной психологии и педагогики. Существует немало исследований, показывающих зависимость мнемических процессов от установки, мотивации, организации работы с запоминаемым материалом. Идеи о связи памяти с мышлением привели к постановке проблемы сознательного и прочного усвоения знаний. Наиболее яркое выражение эти идеи получили в трудах К.Д. Ушинского, П.Ф. Каптерева,

А.П. Нечаева. Мнемические способности как орудия организации информации представляют собой стереотипизированные психические процессы, отличающиеся индивидуальным своеобразием, проявляющиеся в различной эффективности запоминания, узнавания, сохранения, забывания и воспроизведения. Реализуются мнемические способности системой разноуровневых механизмов: функциональных, операционных и регулирующих.

Впервые использовавший понятие «функциональные механизмы» Б. Г. Ананьев, обозначил этим термином те характеристики человека, которые в большей мере свойственны ему как индивиду. По его мнению, функциональные механизмы – это основа психической функции, которая генотипически обусловлена и предопределена природной организацией человека. Функциональная основа мнемических способностей реально существует в системе условных связей, которые можно назвать операционными механизмами (мнемическими действиями или мнемическими приемами).

Они возникают вследствие индивидуального развития личности, особенностей её социализации и жизненного опыта, формируясь в тех или иных видах научения.

Выделяют следующие способы обработки материала: 1. Группировка – разбиение материала на группы по каким-либо основаниям (смыслу, ассоциациям, законам гештальта и т.д.); 2. Опорные пункты – выделение какого-либо краткого пункта, служащего опорой более широкого содержания (тезисы, заголовки, вопросы, образы излагаемого в тексте, примеры и т.д.); 3. Мнемический план – совокупность опорных пунктов; 4. Классификация – распределение каких-либо предметов, явлений, понятий по классам, группам, разрядам на основе определенных общих признаков; 5. Структурирование – установление взаимного расположения частей, составляющих целое, внутреннего строения запоминаемого; 6. Систематизация – установление определенного порядка в расположении частей целого и связей между ними; 7. Схематизация – изображение или описание чего-либо в основных чертах или упрощенного представления запоминаемой информации; 8. Аналогия – установление сходства, подобия в определенных отношениях предметов, явлений, понятий, в целом различных; 9. Мнемотехнические приемы – совокупность готовых, известных способов запоминания; 10. Перекодирование – вербализация, или проговаривание, называние, представление информации в образной форме, преобразование информации на основе семантических, фонематических признаков и т.д.; 11. Достраивание запоминаемого материала – привнесение в запоминаемое субъектом: использование вербальных посредников; объединение и привнесение чего-либо по ситуативным признакам; распределение по местам (метод локальной привязки или метод мест); 12. Серийная организация материала – установление или построение различных последовательностей: распределение по объему; распределение по времени; упорядочение в пространстве и т.д.; 13. Ассоциация – установление связей по сходству, смежности или противоположности запоминаемого с индивидуальным опытом субъекта и т.д.

Операционные механизмы мнемических способностей функционируют на разных уровнях обработки запоминаемого материала: перцептивном, образном, мыслительном.

Перцептивный уровень характеризуется тем, что используемые мнемические приемы совершаются при незначительной доле смысловой обработки. Чаще используются такие мнемические приемы как выделение опорного пункта, ассоциации, выделение последовательности и др. Запоминаемый материал не осмысливается, не перерабатывается, а фиксируется с помощью возможностей восприятия. Субъект слабо осознает процесс запоминания, слабо управляет им.

При функционировании операционной стороны мнемических способностей на образном уровне на первый план выступают способности субъекта оперировать информацией в образной форме. Субъект способен осознавать процесс запоминания и управлять им, но системность в этом процессе отсутствует.

При мыслительной обработке материала запоминание происходит при определяющем воздействии мыслительных процессов. Субъект способен обрабатывать материал на разных уровнях познавательной активности, но мышление выполняет регулирующую функцию. Это проявляется в наличии у субъекта плана запоминания, стратегии и контроля и приводит к наиболее прочному усвоению информации.

Регулирующие механизмы являются следствием формирования операционных механизмов и «запускаются» целью деятельности. Фундаментальной основой появления регулирующих механизмов мнемических способностей являются мотивационные образования.

Эффективность воспроизведения учебного материала обусловлена уровнем его обработки. Знания особенностей обработки учебной информации в процессе обучения дают возможность выстроить адекватную способностям учащегося стратегию психолого-педагогических мероприятий, направленных на коррекцию мнемических способностей в случае низкой успеваемости школьников. Таким образом, для повышения успешности обучения необходимо заботиться не столько о повторении, сколько о способах представления учебного материала, об организации учебной деятельности и её средствах, о развитии способов обработки учебной информации. Психологически грамотная организация произвольного запоминания в процессе обучения, обусловленная не только четкими целями и адекватной мотивацией, но и разнообразными способами обработки материала, приводит к наиболее полному и прочному усвоению учебной информации.

РЕСУРСНОЕ СОСТОЯНИЕ КЛИЕНТА В ПРОЦЕССЕ КОНСУЛЬТАТИВНО-ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Т.В. Осинцева (Таганрог)

Научная проблема и ее обоснование. В современном мире человек с рождения подвергается различным воздействиям из окружающей среды: социализация, процесс воспитания, образования, с последствиями которых человеческая психика часто не может самостоятельно справиться. Травмирующие жизненные события часто влекут за собой ухудшение психического и физического здоровья. Поэтому, мы считаем важным рассмотрение темы психической травмы.

Необходимость проработки травмирующего события на глубинном уровне, как и ориентация человека на дальнейшее развитие – это не только оказание ценной «скорой» психологической помощи, но и реанимация целостности личности с перспективой ее дальнейшего развития. Вот почему целью исследования явилось изучение необходимости контроля и активизации ресурсного состояния клиента в процессе консультативно-терапевтической работы.

Работа с людьми, начинается с анализа проблемы и источника ее возникновения. И тут возникает нересурсное состояние. Согласно А.Бакирову нересурсные эмоциональные состояния способствуют сужению выбора «сопровождающееся чувством беспомощности и незащищенности и вызывающее длительное потрясение в понимании себя и мира» (Fischer und Riedesser, 1999, р. 79), в таком состоянии человек не может принимать и выполнять продуманные, разумные решения (Немов Р. С. «Основы психологического консультирования», 1999).

Существует мнение, что психодинамическая терапия может добавить трудностей людям с невротическим расстройством (Salzman, 1980, 1985). Свободные ассоциации и интерпретации могут усиливать тенденцию слишком много размышлять (Noonan, 1971).

В бихевиоральном методе погружения и предотвращения ответных действий (Rachman, 1985; Rachman Hodgson, 1980) клиентов несколько раз вводят в контакт с объектами или ситуациями, вызывающими тревогу, но при этом им дают инструкции сопротивляться желанию произвести действия, которые, как кажется этим людям, они обязаны совершить. На практике далеко не все клиенты соглашаются входить в тревожное состояние, а войдя в ситуацию тревоги, могут просто отложить привычное действие до прихода домой, таким образом, отсрочив ритуал восстановления и

перенеся проблему с терапевтического кабинета домой. Хотя, безусловно, бихевиористские методы терапии оказались более успешными и в нередких случаях помогли изменить неблагоприятный прогноз.

Можно согласиться, что погружение клиента в проблему аналогично вскрытию нарыва [2].

Необходимо ли консультанту погружать человека в его переживания? Как контролировать процесс погружения в проблему? Можно ли оставлять человека после консультации наедине со вновь пережитой проблемой? Есть ли необходимость после проживания или анализа проблемы приводить человека в ресурсное состояние? Поиск ответов на эти вопросы составляет проблему исследования.

В качестве объекта исследования нами рассмотрен процесс консультативно-терапевтической работы с людьми, пришедшими на индивидуальную консультацию с проблемами депрессии, панических атак, в результате диагностики которых выяснился факт сильных психологических травм в прошлом. Предмет исследования - ресурсное состояние клиента в процессе консультативно-терапевтической работы.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что при работе с клиентом с травмирующей ситуацией необходимо активировать его ресурсное состояние. Конкретизация гипотезы: при анализе и работе психолога с проблемой клиента необходимо каждый раз в конце терапии вводить человека в ресурсное состояние, индикатором которого будет улучшенное настроение клиента.

Выборку пилотажного исследования составили взрослые люди: экспериментальная группа (ЭГ) - 5 женщин и 3 мужчин (средний возраст 40 лет), контрольная группа (КГ) - 2 женщины и 1 мужчина, имевшие проблему психологической травматизации в прошлом.

Методы и этапы исследования. На первом этапе изучались особенности личности, диагностировался и анализировался факт проблемы, проверялась связь травмы в прошлом с актуальным состоянием.

Для диагностики использовались следующие методики:

- Сбор информации методом SCORE;
- Диагностика содержания и структуры человеческих побуждений, оценки эмоционального состояния и качеств личности, прогнозирования вероятности различных заболеваний, профессиональных, сексуальных и криминальных предпочтений (тест Сонди);
- Торонтская Алекситимическая Шкала;
- Диагностика уровня развития рефлексивности (методика А. В. Карпова);
- Исследование самооценки по методике Дембо-Рубинштейн.

На втором этапе исследования проводилась терапевтическая работа, в процессе которой в ЭГ активизировалось ресурсное состояние методами ОР-терапии И.Шпаррер (ориентированный на решение подход) и визуализацией позитивного результата при помощи всех сенсорных каналов, а в КГ велась классическая работа по методу Мюррей.

Результаты исследования и их анализ. Сбор информации показал, что при запросе убрать депрессию обнажаются сопутствующие проблемы, которые выявляются сразу при первичном обращении.

К ним относятся: алекситимия, заниженная самооценка, подавление или вытеснение враждебных тенденций, напряженность деструктивной потребности с тенденцией к проявлению самоконтроля, демонстрация авелевых тенденций (позиция жертвы), проблема обратной связи, рефлексии.

По результатам пяти сессий было проведено вторичное диагностирование, которое показало, что в ЭГ улучшились показатели по шкале субъективной оценке в среднем на 4 порядка, увеличились как самооценка, так и оценка со стороны. В КГ проработанность проблемы была детальная, но оставляла человека в напряжении, усугубляясь позицией жертвы, которую чаще всего отстаивал клиент. В результате снижение сопротивления проблемной ситуации, которая исходит из «бессознательного» состояния [3, стр13]. Улучшились показатели по рефлексии.

Заключение. Пилотажное исследование показало, что погружение в проблему дает возможность ее проработки, но при наличии ресурсного состояния улучшения наступают быстрее и в разных сферах (от социальных до внутриличностных).

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ У СТУДЕНТОВ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА

М.В. Павленко (Омск)

В настоящее время психологические исследования проблем адаптации являются весьма актуальными. Подобный интерес неслучаен: современная социально-экономическая ситуация ежедневно ставит перед человеком высокие и разносторонние требования, подразумевающие развитую способность к адаптации. Интегральным представлением последней, согласно С.Т. Посоховой, А.Г. Маклакову и др., является адаптационный потенциал (АП), выражающий совокупность личностных адаптационных факторов. При этом отмечается, что значительную роль в выраженности и развитии АП играют регуляционные механизмы личности.

Согласно мультирегуляторной модели Д.А. Леонтьева, в структуре личности существуют шесть уровней регуляции жизнедеятельности, среди которых ключевое место учёный отводит пятому уровню или смысловой сфере. Стержневым образованием данной сферы является смысл жизни (её осмысленность), включающий в себя две группы факторов. Первая группа — смысловые ориентации (СЖО): цели в жизни, её эмоциональная насыщенность и удовлетворенность самореализацией. Вторая группа образована двумя аспектами локуса контроля: ЛК-жизнь (представления о контролируемости жизни вообще) и ЛК-Я (кто или что осуществляет данный контроль).

С другой стороны, в последние десятилетия пристальный интерес исследователей направлен на изучение перфекционизма. С точки зрения Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогоровой и др., перфекционизм — это многомерное личностное образование, центральным компонентом которого выступают завышенные требования к себе. Кроме того, с перфекционизмом сопряжён широкий спектр негативных последствий, подрывающих адаптацию человека к миру. Хотя вопрос об дезадаптивности/адаптивности перфекционизма остаётся спорным, мы, вслед за Т. Гринспун, склонны считать, что он представляет собой форму дезадаптации личности.

Более того — мы предполагаем, что именно высокий уровень перфекционизма может выступать причиной неспособности человека приспособиться к жизненным обстоятельствам, что затем отрицательно влияет на СЖО личности.

Основываясь на данном предположении, мы выдвинули следующие гипотезы. Теоретическая гипотеза: перфекционизм является одним из факторов АП и СЖО личности. Эмпирические гипотезы: высокий уровень перфекционизма отрицательно

коррелирует с показателями АП и СЖО; также оказывает значимое влияние на уровень выраженности АП и осмысленности жизни.

Выборка нашего исследования составила 38 человек (студенты факультета психологии ОмГУ) в возрасте от 18 до 22 лет. В процессе первичного тестирования она была разделена на две группы: экспериментальную — студенты с высокой выраженностью перфекционизма (17 человек) и контрольную — студенты с низким уровнем данного признака (21 человек). Для удобства будем именовать эти группы перфекционисты и неперфекционисты соответственно.

В качестве диагностических инструментов мы взяли следующие методики: многоуровневый личностный опросник "Адаптивность" (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин), многомерная шкала перфекционизма Р. Фроста (в адаптации В.А. Ясной и С.Н. Еникополова), тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева.

Для статистической обработки данных были использованы следующие математические методы: t-критерий Стьюдента, критерий значимых различий Т-Вилкоксона, корреляционный анализ (критерий Спирмена).

Были выявлены значимые различия между контрольной и экспериментальной группами по показателю АП. Это означает, что перфекционисты испытывают большие трудности в процессе адаптации, менее эмоционально устойчивы, нежели неперфекционисты. Вероятность асоциальных срывов, проявлений агрессивности и конфликтности в этой группе также выше.

Перфекционисты и неперфекционисты значимо различаются по таким составляющим смысла жизни, как «цели в жизни» и «ЛК-жизнь». Из этого следует, что в экспериментальной группе жизненные цели, призвание, намерения в жизни является менее сформированными по сравнению с контрольной; также перфекционистов отличает меньшая уверенность в возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора.

В процессе обработки данных возникла дополнительная возможность проанализировать субвыборку «академически успешных» (средний балл зачётки которых 4,5 и выше) студентов. Оказалось, что в данной субвыборке есть как студенты с высоким уровнем перфекционизма, так и с низким; их число примерно равно. Из этого можно заключить, что добиваться равнозначных результатов можно различными путями; однако один из них, «перфекционистский», предполагает гораздо большие физические, психические и духовные затраты, нежели тот, который присущ неперфекционистам.

В обеих группах были выявлены отрицательные корреляции между следующими особенностями: перфекционизмом и АП; перфекционизмом и показателями осмысленности жизни и ЛК-Жизнь. Если говорить о составляющих перфекционизма, то были получены следующие взаимосвязи отрицательного характера: между «обеспокоенность ошибками» и всеми показателями СЖО, «родительская критика и сомнения в своих действиях» и показателями СЖО: «цели в жизни», «удовлетворённость самореализацией», ЛК-Я и ЛК-жизнь.

Также удалось установить значимое влияние перфекционизма на АП и осмысленность жизни, цели в жизни, ЛК-жизнь.

Таким образом, были получены взаимосвязи между компонентами перфекционизма и составляющими СЖО и АП. Обнаруженное влияние перфекционизма позволяет нам утверждать, что перфекционизм может оказывать значительное деструктивное влияние на жизнь человека, как-то: снижение возможности к адаптации, отсутствие целей в будущем, придающих жизни осмысленность и направленность, безответственное отношение к результатам своей деятельности и жизни вообще. В

связи с последним интересно заметить, что, согласно Н.Г. Гаранян, эмпирические исследования демонстрируют связь между перфекционизмом и суицидальной готовностью. Иначе говоря, проблема перфекционизма стоит очень остро. Следующим шагом в её разрешении, как нам кажется, должно стать создание психокоррекционных программ, направленных на снижение и/или изменение перфекционистской направленности человека.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

О.Б. Павленко, М.В. Ефремова (Москва)

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 12-06-00570а («Взаимосвязь характеристик гражданской и религиозной идентичностей с экономическими представлениями и моделями экономического поведения»)

История исследований, посвященных роли религии в поведении человека насчитывает более века (Weber, 1905). Тем не менее, до сих пор не были даны ответы на многие ключевые вопросы, например, как разные религии влияют на поведение представителей разных культур в разных странах мира; есть ли сходства между религиозными идеями и практиками и т.д. Вместе с тем, в современном мире религия по-прежнему оказывает влияние не только на морально-этическую составляющую жизни человека, но и на различные сферы его деятельности – социальную, политическую, экономическую. Недавние исследования показывают, что между представителями разных религиозных конфессий существуют значительные отличия в их экономическом поведении (Noland, 2005). Так было обнаружено, что существуют различия в ценностях по отношению к работе у представителей протестантизма, католицизма и православия (Parboteeah, Paik Cullen, 2009). Целью данной работы является изучение связи характеристик религиозной идентичности с моделями экономического поведения у представителей православия и ислама в России. Мы предполагаем, что существуют различия во взаимосвязи религиозной идентичности с моделями экономического поведения у представителей православия и ислама в России. Гипотеза исследования: выраженная религиозная идентичность ведет к снижению экономической вовлеченности. Данный эффект будет сильнее выражен в группе мусульман.

В исследовании принимали участие представители двух конфессий (православные христиане, N=287; мусульмане сунниты N=130). Исследование проводилось в Центральном и Северо-Кавказском федеральных округах. Религиозная идентичность изучалась через определение субъективного уровня религиозности (когнитивный компонент), а также измерялась степень позитивности религиозной идентичности (аффективный компонент). Для изучения моделей экономического поведения использовался т.н. «метод поведенческих сценариев» (Smith P. B., 2009). Респонденту предлагается описание социальной ситуации (сценария), а затем его просят оценить данную ситуацию с помощью специально разработанных шкал.

Методика сценариев экономического поведения разработана и апробирована на базе Научно-учебной лаборатории социально-психологических исследований ГУ-ВШЭ (2010 г). Данные обрабатывались при помощи конфирматорного факторного анализа, и метода моделирования структурными уравнениями с использованием программы MPlus.

Результаты конфирматорного факторного анализа позволили выявить фактор «Экономическая вовлеченность», в который вошли следующие сценарии, используемые в методике «Модели экономического поведения»: экономическая самостоятельность, долговременная перспектива в экономическом поведении, интерес к экономике, экономическая активность. Таким образом, под экономической вовлеченностью подразумевается желание и готовность к экономической самостоятельности, желание и готовность к построению долговременной перспективы в экономическом поведении, интерес к экономике, а также экономическая активность. Противоположный полюс данного фактора включает экономический патернализм, т.е. достижение собственного экономического успеха благодаря помощи государства; краткосрочную перспективу в экономическом поведении, отсутствие интереса к экономике и механизмам увеличения прибыли со сбережений; а также экономическая пассивность.

Показатели эмпирической модели удовлетворительны, что указывает на ее соответствие теоретической модели. Независимо от конфессии, сила религиозной идентичности не способствует экономической вовлеченности. Данная результат выражен в группе мусульман, т.е. чем выше человек оценивает уровень своей религиозности, тем меньше он отдает предпочтение моделям поведения, отражающим экономическую вовлеченность. В нашем исследовании подтвердилась гипотеза о том, что выраженная религиозная идентичность ведет к снижению показателя экономической вовлеченности. Ценностно-мотивационная сфера религиозных людей характеризуется сниженной ценностью достижения, стимуляции (Schwartz, 1995), в то время как данные мотивационные конструкты лежат в основе экономически активного поведения. Межгрупповой анализ показал, что в группе мусульман с возрастанием религиозной идентичности снижается установка на экономическую вовлеченность. В ранних исследованиях было выявлено, что чем более выраженной является религиозная идентичность, тем в большей степени она будет проявляться в различных типах поведения, а религиозные правила и нормы, регламентирующие поведение, будут более значимы для человека в различных ситуациях (Stryker, 1968). Важно отметить, что у представителей ислама выше религиозная идентичность, это связано с тем, что поддержание религиозной идентичности служит важным фактором сохранения культуры и границ своей этнической группы. Учитывая этот факт, отметим, что Ислам предписывает полный свод подробных норм и правил, затрагивающих все аспекты жизни человека, делая акцент на всеобщем послушании. Анализ показал, что во взаимосвязи религиозной идентичности с моделями экономического поведения у представителей православия и ислама в России существуют как сходства, обусловленные религиозным мировоззрением в целом, так и различия, в основе которых лежит особенность религиозной идентификации у представителей данных конфессий.

ДИНАМИКА САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ-ВЫПУСКНИКОВ

А.В. Павлова (Харьков)

В современных исследованиях самореализация (самоактуализация) рассматривается как непрерывный процесс саморазвития личности. Для описания и операционального представления самореализации личности в динамическом аспекте целесообразно построить временной ряд, используя для этого последовательность проводимых измерений ее показателя (показателей). Другими словами — проанализировать

вать функцию зависимости показателя самореализации от времени. Такая постановка задачи требует решения двух вопросов, а именно: во-первых, — выбрать соответствующий показатель самореализации и, во-вторых, — провести много измерений (опросов) испытуемых, что фактически не представляется возможным. Число реальных срезов возможно два-три. В такой ситуации на помощь приходят современные математические методы изучения нелинейных динамических систем, в частности, метод моделирования латентного роста (Duncan et al., 1999; Митина, 2008), который наряду с конфирматорным факторным анализом и анализом путей входит в арсенал методов структурного моделирования.

Для оценки конструкта самореализации исследователи (например, Keyes, Shmotkin, & Ryff, 2002; Lindfors & Lundberg, 2002) используют опросник психологического благополучия (PWB; Ryff, 1989; Ryff & Keyes, 1995). Согласно теории К. Рифф, в структуру психологического благополучия входят шесть психологических измерений самореализации. Это: самопринятие — положительное отношение к себе и своей прошлой жизни; позитивные отношения — отношения с другими, пронизанные заботой и доверием; компетентность — способность выполнять требования повседневной жизни; жизненные цели — наличие целей и занятий, придают жизни смысл; личностный рост — чувство непрерывного развития и самореализации; автономность — способности следовать собственным убеждениям. Но, как продемонстрировал Кейс и др. (Keyes et al., 2002), собственно три шкалы опросника психологического благополучия — самопринятие, жизненные цели и личностный рост измеряют экзистенциальные аспекты PWB, отделяя самореализацию от эмоциональных оценок счастья.

Рассматривая самореализацию как динамический процесс, в нем можно выделить фазы подъема и спада, которые очевидно зависят от достижения личностно значимых целей. Опираясь на теорию самодетерминации (Deci & Ryan, 1985; Ryan & Deci, 2000), можно предположить, что преследование студентами автономных целей способствуют их самореализации, поскольку эти цели соответствуют их собственным интересам и ценностям, и поэтому удовлетворяют основные психологические потребности, которые лежат в основе самореализации.

Цель исследования — выявить характер динамики личностной самореализации студентов на выпускном курсе; влияние автономности в выборе цели на процесс самореализации.

Методика.

В исследовании приняли участие 118 студентов пятого курса Украинской инженерно-педагогической академии. Из них - 56 юношей и 62 девушки. Средний возраст испытуемых — 22,7 лет (SD = 1,58).

Степень автономности выбора профессии (цели) оценивалась по 7 балльной шкале Лайкерта. Студентам предлагалось ретроспективно оценить степень самостоятельности при выборе будущей профессии по шкале в пределах от 0 — «Полностью не самостоятельно» до 6 — «Полностью самостоятельно».

Для оценки самореализации использовался опросник психологического благополучия. Мерой самореализации выступала сумма баллов по трем шкалам — самопринятие, жизненные цели и личностный рост.

Замеры самореализации проводились трижды — в начале, в середине и конце учебного года.

Математическая обработка полученных данных проводилась с помощью корреляционного анализа и структурного моделирования. Анализ был выполнен в пакете SPSS 21.0 с использованием модуля AMOS 21.0.

Результаты.

Статистические показатели модели латентных изменений самореализации студентов-выпускников свидетельствуют о высокой степени соответствия экспериментальным данным. $CMIN = 8,916$; $DF = 5$, $P = 0,112$; $CFI = 0,980$; $RMSEA = 0,701$.

Латентное среднее для точки пересечения (интерсепт) $99,15$ ($p < 0,001$). Латентное среднее для наклона $-6,21$ ($p < 0,001$). Точка пересечения указывает на статистическое существенное среднее значение самореализации на начальном уровне (т.е. в начале семестра) и средний наклон указывает на существенное среднее снижение (линейная форма зависимости), самореализации в течение выпускного учебного года. Этот уровень самореализации у студентов, как ожидается, будет уменьшаться на $6,21$ единиц от первой точки измерения к каждой последующей, начиная со среднего значения $99,15$.

Стандартизированный коэффициент регрессии для переменных Автономность цели Начальный уровень составляет $0,60$ ($p < 0,001$) и Автономность цели Линейный коэффициент $0,24$ ($p < 0,057$). Это указывает на то, что автономный выбор цели положительно влияет на уровень самореализации как в начале учебного года, так и на его изменения в течение года. Другими словами, студенты, которые более самостоятельно выбирали будущую профессию, оценивают себя как обладающих более высоким уровнем самореализации.

Снижение уровня самореализации у студентов к окончанию обучения обусловлено многими факторами: недостаточная материальная обеспеченность в общем уже взрослого человека, нередкая бытовая неустроенность, но главное, на наш взгляд, ощущение переломного момента жизни, близкие по времени трудности начала профессиональной карьеры.

Такие переживания усугубляются характерной для многих из них недостаточной активностью, малой готовностью к изменению жизненной ситуации в желаемом направлении. Подобная пассивность должна вызывать большую тревогу, это общественное явление с далеко идущими последствиями.

Выводы.

1. Уровень самореализации у студентов-выпускников снижается в течение учебного года.
2. Фактор автономность выбора цели (профессии) положительно влияет как на начальный уровень самореализации студентов-выпускников, так на его изменения в течение года.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА

В. С. Павлова (Запорожье)

Постановка проблемы. Перфекционизм задает определенный ритм жизнедеятельности современного человека, определяет стиль, качество и скорость его социальной активности. Фактически все современные исследователи придерживаются мнения о том, что перфекционизм – это субъективный по своей природе социально-культурно обусловленный психологический феномен, который не существует вне межличностного взаимодействия. Соответственно, для его полного понимания необ-

ходимо анализировать не только индивидуальный, семейный опыт и личностные характеристики людей, но и социально-культурные условия, в которых они живут и взаимодействуют.

Анализ исследований и публикаций. Взаимосвязи социальных и культурных факторов с перфекционизмом посвящены работы таких отечественных и зарубежных ученых как: Н. Гаранян, С. Степанов, И. Грачева, С. Ениколопов, Е. Соколова, П. Цыганкова, А. Холмогорова, Т. Юдеева, В. Ясная, Д. Барнс, С. Блатт, Р. Фрост, П. Хьюитт, Г. Флетт, Д. Хамачек, Д. Боучер, Л. Дэвидсон, Р. Слейни, Л. Терри-Шорт, Р. Оуэнс, П. Слэйд и др.

Целью публикации является анализ современных исследований образовательного взаимодействия которое может влиять на формирование перфекционизма личности.

Изложение основного материала. В современной психологии перфекционизм – это стремление субъекта к совершенству, высокие личные стандарты, стремление человека доводить результаты любой своей деятельности до соответствия самым высоким эталонам. В настоящее время выработано представление о перфекционизме как о многомерном конструкте, имеющем сложную структуру и включающем, наряду с высокими личными стандартами, ряд когнитивных и интерперсональных параметров.

На сегодняшний день большинство исследователей считают, что можно определить следующие группы основных факторов, обуславливающих проявление перфекционизма: социально-культурные, семейные, личностные.

Современное индивидуализированное западное общество с его ценностями успеха и процветания, генерирует культ совершенства всегда и во всем, навязывая людям посредством действия СМИ нереалистичные стандарты и идеалы. Степень восприимчивости к воздействию социокультурных факторов во многом обусловлена особенностями семейных систем. Так, в семьях людей с высоким уровнем перфекционизма выявляются нарушения детско-родительской привязанности и повышенный уровень критики со стороны родителей, которые стимулируют стремление своих детей к совершенству.

Феномен перфекционизма связан также с кластером таких личностных характеристик, как нейротизм, низкая неустойчивая самооценка, полоролевая зависимость и искажения гендерной и телесной идентичности. Так или иначе, однако, несомненно, во всех факторах происходит взаимодействие субъекта либо со средой либо с другими субъектами. На наш взгляд образовательное взаимодействие может так же служить одним из факторов формирования перфекционизма.

Необходимо отметить, что очень небольшое число посвящено исследованиям перфекционизма в социально-психологическом взаимодействии субъектов образовательного процесса. Так проводилось исследование перфекционизма одаренных детей в педагогической науке К. Дебровским, Л. Сильверманом, Г. Бурменским, Е. Бистрицкой и другими; изучение феномена перфекционизма в профессиональной деятельности педагога (Д. Бокум, А. Марье, П. Флакман и др.). В зарубежной науке изучались отдельные типологические характеристики перфекционизма педагога, а также влияние перфекционизма на уровень стресса, эффективность учителя, его истощаемость в деятельности, особенности копинг-стратегий, а также специфику восприятия субъектов педагогической деятельности – учеников, их родителей и коллег-учителей (Ф. Фридман, Р. Фрост, С. Халлет, П. Хьюитт, С. Холт, Дж. Матиа, К. Отто, Дж. Соебер и др.).

Вместе с тем, следует обратить внимание, что феномен перфекционизма в образовательном процессе остается малоизученным. Влияние феномена перфекционизма на профессиональную деятельность педагога и студента практически не рассматривалось в отечественной психологической науке.

Категория «взаимодействие» охватывает все виды социальных процессов и человеческой деятельности (труд, познание, общение, воспитание, обучение и т.п.), указывая на взаимосвязь социальных явлений как на уровне общества в целом, так и на уровне функционирования его отдельных групп и индивидов.

Опираясь на исследования Ю. Швалба, М. Заброцкого, экологическое взаимодействие мы определяем как такое, что создает двусторонние условия для развития всех субъектов образовательного пространства. Причем это такие условия, обеспечивающие экологически положительную связь, которая отображается в действиях человека, направленных на адекватное функционирование и развитие всех элементов этого пространства. Для определения уровня экологичности пространства анализируется, насколько оно обеспечивает собственное развитие каждого элемента благодаря целостному развитию всех его элементов.

Исследования, посвященные изучению экологичности образовательного взаимодействия, свидетельствуют о том, что на уровень экологичности существенное влияние оказывает сложный комплекс многочисленных свойств личности, однако результаты работ, осуществленных в рамках данного направления, достаточно противоречивы.

В частности, с нашей точки зрения, несомненный интерес представляет исследование взаимосвязи уровня экологичности образовательного взаимодействия с феноменом перфекционизма.

Выводы. По нашему мнению перфекционизм это - амбивалентный феномен, который стереотипно проявляется в системных характеристиках психической деятельности (познавательной, эмоционально-регуляторной, коммуникативной) и в структуре личностной организации субъекта. Сегодня активность изучения перфекционизма дает возможность утверждать, что этот феномен стал важной характеристикой человека нашего времени, он играет значительную роль в регуляции поведения личности. Поэтому необходимы дальнейшие исследования перфекционизма в условиях образовательного процесса, который несомненно является одним из факторов его формирования.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

И.Н. Палютина (Ростов-на-Дону)

В психологии Интернет-среда рассматривается как новая реальность бытия человека, взаимодействие с которой ведет к значительным структурным и функциональным изменениям в психической деятельности. Эти изменения могут затрагивать познавательную, коммуникативную и личностную сферы; трансформировать операционное (исполнительское) звено деятельности, пространственно-временные характеристики взаимодействия «субъект-субъект» и «субъект-информационная система»; изменять процессы целеполагания, потребностно-мотивационную регуляцию поведения.

Предметом особого внимания психологов является психологическая безопасность детей и подростков в сети, связанная со снижением рисков и превенций зависимости от Интернета – Интернет-аддикции.

Аддиктивное поведение представляет собой один из типов девиантного (отклоняющегося) поведения с формированием стремления к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций (Короленко Ц.П., Донских Т.А., 2001).

Интернет-зависимость (Internet addiction) определяется как нехимическая зависимость от пользования Интернетом (Griffiths M.D., 1998). По некоторым данным Интернет-зависимыми являются не менее 10% от числа активных Интернет-пользователей. Исследователи отмечают, что наиболее значимым в развитии Интернет-зависимости является такой компонент Интернет-среды как общение. 91% Интернет-аддиктов – участники социальных сетей, форумов, чатов, телеконференций, а также других ресурсов, нацеленных на общение. По мнению А.Е. Жичкиной, Интернет-зависимые преимущественно пользуются теми ресурсами Интернет, которые позволяют им встречаться, социализироваться и обмениваться идеями с новыми людьми в виртуальной среде, в то время как Интернет-независимые пользуются теми аспектами Интернет, которые позволяют им собирать информацию и поддерживать ранее установленные знакомства (Жичкина А.Е.).

Наибольшую опасность возможность социального взаимодействия в сети Интернет представляет для подросткового возраста, когда общение является ведущим типом деятельности. При неудачах в межличностном общении создается потенциальная ситуация для бегства в виртуальную реальность, где можно выговориться, быть эмпативно понятым и принятым, освободиться тем самым от острого переживания неприятностей в реальной жизни, получить поддержку и одобрение. Возникает опасность замены реального общения виртуальным, т.е. потребление суррогатов общения, не требующих непосредственных контактов.

В результате эмпирического исследования, проведенного в рамках написания выпускной квалификационной работы, нами было установлено, что в виртуальной среде Интернет происходит модификация социальных норм, правил взаимодействия, и как следствие, происходит изменение характера взаимодействия, что может оказывать огромное влияние на развитие формирующейся личности и социальную адаптацию подростков. Обезличенный характер взаимодействия в Интернет-среде способствует несерьезному, поверхностному, неформальному взаимодействию, где количество требований по отношению к подростку снижено до минимума (Палютина И.Н.; Погорелова Е.И., Палютина И.Н., 2012-2013).

В процессе адаптации англоязычного опросника «Internet Questionnaire» (Интернет опросник), разработанного в университете Гринвич, нами было проведено пилотажное исследование на выборке подростков 13-14 лет обоего пола. Объем выборки составил 24 человека (Черная А.В., Палютина И.Н., 2013).

В результате пилотажного исследования были получены данные о том, что подростки являются активными Интернет-пользователями, обращаясь к различным Интернет ресурсам, в том числе к социальным сетям, электронной почте, ICQ.

Было обнаружено, что для большинства подростков важна постоянная возможность выхода в Интернет, и при наличии такой возможности они обязательно ею воспользуются.

Самыми популярными Интернет-площадками коммуникации и обмена информацией для подростков являются социальные сети, в которые при любой возможности они заходят и пишут сообщения в новостных лентах. Было выявлено, что именно для данной цели подросткам важен постоянный доступ к Интернету.

Полученные данные говорят о высокой степени значимости социальных сетей, виртуального общения в жизни современных подростков.

Постоянное стремление в виртуальный мир, социальные сети, важность постоянной возможности выхода в Интернет могут явиться предпосылками к Интернет-зависимому поведению.

Данное поведение может говорить о наличии у подростка определенных проблем, т.к. стремление к постоянному пребыванию в новом виртуальном мире может быть вызвано недостатком живого человеческого общения, проблемами в сфере взаимодействия подростка со взрослыми и сверстниками, разочарованием в реальном мире, невостребованностью собственных ресурсов, возможностей в реальной жизни, проблемой свободного времени (Алексеева А., Лебедева М., 2007).

Интернет-зависимость рассматривается как альтернативная форма адаптации некоторых подростков к жизненным условиям, как средство их самореализации и эмоционально-психической регуляции (Коваль Т.В., 2001). Как и любой другой вид поведенческой аддикции Интернет-зависимость имеет негативные последствия, заключающиеся в возможных изменениях в поведенческой, мотивационной, эмоционально-аффективной сферах; в отношении к себе и к окружающим, в степени личной автономии, целей в жизни, самопринятии и уровне самооценки.

Можно предположить, что подростки, склонные к Интернет-зависимому поведению, обладают определенными психологическими особенностями, проявляющимися как специфической внутренней картиной характерологических свойств, так и внешними поведенческими паттернами.

Таким образом, актуальным в настоящее время является изучение психологических особенностей подростков Интернет-пользователей, склонных к Интернет-зависимости.

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЫШЛЕНИЯ БУДУЩЕГО ВРАЧА-СТОМАТОЛОГА

О.В. Панчак (Ивано-Франковск)

Формирование творческого мышления как неотъемлемая составляющая мышления будущего врача-стоматолога.

Задачи, стоящие сегодня перед нашим обществом, связанные с поиском резервов повышения эффективности деятельности человека, что в значительной степени кроется в раскрытии его творческого потенциала. Творческих решений требует любая сфера деятельности человека. В частности, профессиональная.

Актуальность изучения проблемы медицинского мышления предопределяется новейшими требованиями к медицинским знаниям врача в соответствии с государственными стандартами образования врачей, реформой высшего медицинского образования. Эти изменения должны опираться на формирование творческого мышления обучаемого, и обучающего. Это в полной мере касается формирования в течение

учебного процесса творческого медицинского мышления. Для студентов высших медицинских учебных заведений это особенно важно, ведь оно является залогом творческой активности будущего врача.

Именно поэтому, готовя в стенах вуза будущего специалиста, следует максимально ориентировать его на творчество, создавать основу для формирования творческой личности, способной решать творческие профессиональные задачи, уметь гибко мыслить, уметь превращать знания в активные практические действия, привыкнуть искать решение в тех случаях, для которых еще не существует разработанных алгоритмов действий врача. Но в большинстве учебных заведений не уделяется надлежащего внимания такой организации учебного процесса, которая бы способствовала и поощряла проявления творчества. Преподаватели обычно преследуют цель дать студентам больше знаний в своей области науки. Нашей целью данной статьи является анализ определенных методов активизации творческого медицинского мышления будущих стоматологов.

Как известно, творчество - процесс образования чего-то нового, ранее для данного субъекта неизвестного. Именно поэтому, многие исследователи (Рубинштейн Л.С., Леонтьев А.Н., Славская К.А., Самарин Ю.А., Пономарев Я.А., Матюшкин А.М. и др.) уделяли большое внимание исследованию сущности творческого мышления. Отрадно отметить, что значительная когорта украинских психологов плодотворно работали и работают над этими вопросами. Среди них Костюк Г.С., Моляко В.А., Коваленко А.Б., Моисеенко Л.А. и др. Современная украинская школа психологии творчества Моляко В.А. определяет ее как процесс решения новой с субъективной точки зрения задачи. Исходя из этого, любую умственную деятельность можно назвать более или менее творческой.

Это в значительной степени касается врачебной деятельности. Ведь врачебная практика свидетельствует, что нельзя вооружить врача знаниями на все случаи жизни. Поэтому важно находить такие методы обучения будущего врача, который был бы подготовлен к решению любых медицинских обстоятельств.

Мы апробировали активное внедрение в учебный процесс учебно - тренинговую систему КАРУС, предложенную Моляко В.А. Составной частью этого творческого тренинга является использование осложнений в процессе решения творческих задач. К таким относятся: внезапный запрет, требование поиска новых вариантов решения, метод скоростного эскизирования, метод временных ограничений, метод информационной перегрузки, метод ситуативной драматизации. Задачей этого тренинга мыслительного процесса является содействие углубленному осмыслению сущности препятствий, сложностей, характерных для проблемных ситуаций, и выяснению условий и факторов, как их обойти. Данный тренинг КАРУС направляется на получение личностью собственного опыта решения проблемы.

Наше исследование проводилось с целью изучения влияния элементов тренинговой системы КАРУС на поисковый процесс студентов, направленный на решение различных творческих задач. Мы пытались экспериментально выяснить, в какой мере проявляется влияние учебно - тренингового решения творческих задач с использованием усложняющих условий на творческие аспекты поисковой деятельности в области стоматологии.

В эксперименте приняли участие две группы студентов 5 курса стоматологического факультета Ивано - Франковского национального медицинского университета (по 15 студентов в каждой группе). Структурно эксперимент состоял из нескольких этапов: решение задач ознакомительной серии, решения задач в усложненных усло-

виях (тренинг) и решения контрольной задачи. Экспериментальная группа принимала участие во всех трех этапах. В частности, ее участники решали серию ситуативных медицинских задач в тренинговом режиме. То есть в процессе решения экспериментатор внезапно выдвигал очередные условия для процесса решения или найденного студентом решения.

Так организованное исследование позволило нам выявить влияние тренинга на решение студентами творческой задачи через сравнение мыслительной деятельности студентов в экспериментальной и контрольной группах. Внедрение тренингового обучения способствовало позитивным изменениям творческого медицинского мышления студентов, что в общих чертах выражается в формировании навыка всесторонне обосновывать принимаемые в течение решения медицинских задач, уменьшении количества времени, затраченного на решение задач, увеличении результативности поисковых действий, уменьшении количества мыслительных ошибок, уменьшении количества отказов от решения предложенных задач, то есть, таким образом мы предлагаем активное внедрение в учебный процесс нестандартных ситуационных задач, процесс решения которых не укладывается в готовые схемы или методы решения. А именно прошлый опыт студента не содержит готовых методов, действий, которые можно было бы применить в случае решения нестандартной задачи. Такая задача будет источником умственной активности для студента, поскольку требования новых стоматологических задач и приобретенный опыт их решения в затрудненных условиях тренинга, вступая в противоречие, создают движущую силу, вызывает активную мыслительную деятельность, направленную на поиски методов решения задачи.

Интересным будет углубленный анализ влияния КАРУСа на процессы понимания, прогнозирования и апробирования.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНОГО РЕСУРСА ГОСУДАРСТВА

Е.В. Панченко (Владимир)

Отсутствие ясного позитивного образа государства в массовом сознании молодежи ведет к потере гражданской идентичности и гражданской отчужденности. Теоретические положения Е.М. Арутюновой (2007), А.В. Микляевой (2008), А.А. Николаевой (2011) гражданская идентичность выполняет функцию, обеспечивающую уверенность личности в изменяющихся социальных условиях, фиксирует единство интересов и позволяет оказывать влияние на гражданское сообщество через проявление гражданской активности.

В результатах социологического исследования «Молодежь России» (Горшков М.К., Шереги Ф.Э., 2010) подчеркивается, что молодежь имеет разнонаправленные представления о Российской государственности, соответствующие шести типам моделей: демократическое государство, капиталистическое государство, государство с доминирующим рынком, полусоциалистическое государство, выполняющее попечительские функции по отношению к гражданину, авторитарное и анархическое государство. Примерно у 15% молодежи отсутствуют представления о модели Российской государственности.

Представления о государстве являются основой для формирования индивидуальных стилей поведения молодежи, среди которых можно выделить: инициативное, исполнительское, социально-зависимое, оппозиционное, анархическое и пассивное.

Инициативное и исполнительское поведение как индикаторы сформированной гражданской идентичности молодежи мы можем рассматривать как компонент социального капитала государства, который представляет собой совокупность отношений, порождающих слаженность действий, направленных на социально-экономический прогресс. На связь гражданской идентичности и социально-экономического развития указывает Н.М. Лебедева (2009).

Структура гражданской идентичности, описанная А.А. Николаевой, включает когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный и деятельностный компоненты.

Результатом сформированности когнитивного компонента являются представления о социально-политическом устройстве России, знание государственной символики, государственных праздников, территориальных, культурных, политических идентифицирующих признаков, исторических событий, географии края.

Важнейшими составляющими эмоционального компонента являются гордость за свою страну, как индикатор отношения к гражданской принадлежности. Маркерами сформированности ценностно-смыслового компонента является уважение истории, культурных памятников и национальных традиций, гуманистические ценности личности. Деятельностный компонент раскрывается в деловой активности.

Актуальность нашего исследования определяется необходимостью иметь четкие представления о характеристиках гражданской идентичности молодежи, проживающей во Владимирской области, что позволит осуществлять превентивную воспитательную политику на разных уровнях. Учащаяся молодежь является той группой, изучение которой позволяет с определенной корректировкой строить прогнозы состояния гражданского сознания.

В качестве предмета исследования выбраны отличия в выраженности компонентов гражданской идентичности учащихся подросткового и юношеского возраста.

В работе были выдвинуты предположения о том, что качественное содержание эмоционального компонента гражданской идентичности будет амбивалентным: у подростков будет преобладать его негативный характер, у юношей будет выражен позитивный характер, а когнитивный и ценностно-смысловой компоненты будут выражены в равной степени.

В качестве эмпирической базы исследования были выбраны общеобразовательная школа № 15 г. Владимира и сельская Бутылицкая школа. В исследовательскую выборку вошли учащиеся 6-11 классов (N=251), из них 127 мальчиков и 124 девочки.

Для выявления характеристик структурных компонентов гражданской идентичности был использован рисунок «Страна, в которой я живу». Анализ содержания рисунков проводился путем подсчета элементов, отнесенных к той или иной категории.

К элементам рисунков, характеризующих когнитивный компонент, были отнесены изображения территории России с выделением в ней Владимирской области; изображение флага, герба, Кремля, значимых исторических событий, географических объектов.

Ценностно-смысловой компонент гражданской идентичности отражали рисунки памятников культуры, символы, подчеркивающие значимость общечеловеческих ценностей (человек, семья, дружба, любовь, природа, народные традиции).

Эмоциональный компонент оценивался по соотношению позитивных (солнце, небо, цветы, звезды, улыбки) и негативных символов (безработица, алкоголизм, бездомность, наркомания, взяточничество, мусор). Всего было выделено 1547 элементов рисунка.

Анализ результатов позволил сделать выводы о том, что в выборке в наименьшей степени сформирован когнитивный компонент гражданской идентичности (среднее значение 5,87%). Самый высокий показатель продемонстрировали учащиеся 8 классов (11,4%), что можно объяснить наличием предмета «История России» в содержании обучения этой возрастной группы. Наиболее выраженным оказался ценностно-смысловой компонент (среднее значение 47,2%) Применение критерия углового преобразования Фишера ϕ^* (при $p \leq 0,01$) выявило достоверные различия в представленности позитивного и негативного эмоционального компонента в выборках 7-х, 8-х и 10-х классов (23,3% и 17,5%; 29,5% и 10,4%; 35,7 % и 18,6%). Значимые отличия, связанные с возрастом и местом проживания не выявлены.

Таким образом, мы выявили амбивалентный характер выраженности эмоционального компонента, низкую степень сформированности когнитивного и высокую степень - ценностно-смыслового компонента. Несомненно, что Владимир как исторический центр, славящийся историческими памятниками, создает культурную среду, способствующую формированию ценностного компонента, однако рисунки отражают и серьезные проблемы нашего общества: алкоголизм, наркоманию, коррупцию. В дальнейшем мы предполагаем увеличение исследовательской выборки в целях уточнения структуры гражданской идентичности молодежи региона.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ С ВЕРЕТЕБРОГЕННЫМИ ПОРАЖЕНИЯМИ ПОЗВОНОЧНОГО СТОЛБА

О.А. Панченко, А.В. Зарубайко (Константиновка)

Рассматривая проблему заболеваний позвоночника, нельзя не вспомнить слова известного испанского писателя Грасиан-и-Моралеса: «Осанка человека — фасад души». Испытывая физический дискомфорт, соматически больной человек постепенно приобретает проблемы психологического характера, обусловленные реакцией на болезнь. Нездоровое состояние таких людей отражается на их работоспособности, качестве жизни, социальной адаптации. Психологическое здоровье является необходимым условием полноценного функционирования и развития человека в процессе его жизнедеятельности (И.В. Дубровина, 1995г.). Сегодня проблема психологического здоровья является актуальной и разрабатывается целым рядом научных исследователей (О.А. Баякина, В.И. Слободчиков и др.). Осмысление и понимание проблемы здорового существования требует проведения анализа многочисленных факторов и критериев всех его проявлений.

Цель исследования: определить характер изменений психологического здоровья больных с диагнозом «вертеброгенные нарушения» во время реабилитации.

Материалы и методы. Исследование проводилось на базе ГУ «Научно-практический медицинский реабилитационно-диагностический центр МЗ Украины». В исследовании приняли участие 110 человек (42 мужчины и 68 женщин работоспособного возраста с диагнозом: хроническая вторичная вертеброгенная цервико-дорсолюм-

балгия в стадии обострения, средний возраст - 37 ± 4 года), проходивших реабилитацию средствами кинезотерапии. Кинезотерапию осуществляли на тренажере EN-TreeM («Enraf-NoniusB.V.», Нидерланды). Применялись эмпирические методы: наблюдение, психодиагностика. Использовались психодиагностические методики: шкала нервно-психического напряжения Т.А. Немчина, опросник «SF-36 HEALTH STATUS SURVEY» («Оценка качества жизни»), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич). Обработка эмпирических данных проводилась с помощью лицензионного пакета прикладных статистических программ «MedStat» (коэффициент корреляции Пирсона, t-критерий Стьюдента).

Результаты и обсуждение. Были выделены критерии психологического здоровья людей трудоспособного возраста: адекватный возрасту уровень эмоционально-волевой и познавательной сфер личности; положительный образ Я-концепции; адекватность самооценки здоровья; способность к рефлексии, эмпатии; сформированность навыков общения; способность планирования своей деятельности.

Психодиагностика психологического здоровья больных проводилась в начале и в конце курса реабилитации, который включал кинезотерапию.

Путем проведения корреляционного анализа, было установлено, что уровень физического здоровья влияет на уровень психологического: тесная прямая связь на уровне $r=0,93$ ($p<0,05$). Обнаружено, что психологическое здоровье связано с конкретными показателями физического ($p<0,05$): с физическим функционированием ($r=0,505$), ролевым функционированием, обусловленным физическим состоянием ($r=0,554$), интенсивностью боли ($r=0,772$) и общим состоянием здоровья ($r=0,586$). Также установлена тесная взаимосвязь уровня физического здоровья с показателями, характеризующими психологическое здоровье личности, а именно: с жизненной активностью ($r=0,597$), социальным функционированием ($r=0,466$), ролевым функционированием, обусловленным эмоциональным состоянием ($r=0,568$), и психическим здоровьем ($r=0,604$). Благодаря данному факту обнаружены четкие взаимосвязи интенсивности болевых ощущений и выраженности психологических изменений.

Анализ нервно-психического напряжения больных показал, что в начале болезни наблюдалось неблагоприятное для субъекта развитие событий, которое сопровождалось чувством общего дискомфорта, тревоги, страха. По окончании курса реабилитации приоритетной стала готовность больных действовать согласно условиям ситуации, сохранять адекватную психическую деятельность.

Установлено статистически значимое улучшение показателей по шкалам тревоги, невротической депрессии, астении и вегетативных нарушений ($p<0,01$); снижение показателей по шкалам истерии и обсессивно-фобических нарушений, но в данной выборке они не имели статистической значимости ($p=0,35$ и $p=0,06$ соответственно).

Таким образом, еще раз доказано, что при изменении физического здоровья меняется и психологическое благополучие человека. Важно отметить, что основой психологического здоровья является гармония человека с самим собой: осознание своих желаний, ценностей, смысла жизни, саморегуляции и самоактуализации – все это может быть достигнуто при использовании в курсе физической реабилитации больных с хронической вторичной вертеброгенной цервико-дорсолюмбалгией в стадии обострения средств психологического сопровождения.

Выводы.

Проведение психодиагностических исследований в начале и в конце курса реабилитации продемонстрировало положительную динамику психологического состояния больных с вертеброгенными поражениями позвоночного столба (тесная прямая связь на уровне $r=0,93$ ($p<0,05$)). По данным проведенных исследований психологическое и физическое состояние пациентов улучшилось у 58 % больных, у 37 % больных не изменилось, у 5 % состояние ухудшилось. После прохождения курса реабилитации, что низкий уровень нервно-психического напряжения у 54 чел. (47 %), умеренный уровень - у 39 чел. (45 %), высокий – у 7 чел. (7 %) снизился.

Принятые критерии психологического здоровья прошли апробацию, разработанный психодиагностический комплекс позволяет объективизировать психологическое и физическое здоровье, отметить динамику их показателей и составить прогноз реабилитации пациента.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ОСОБЕННОСТЯМИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И РОДИТЕЛЬСКИМИ УСТАНОВКАМИ К УРОВНЮ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ

Е. Е. Парфенова (Владимир)

Дошкольный возраст является периодом активного усвоения социальных норм. Высокий темп психического и личностного развития ребенка-дошкольника, его открытость миру и новому опыту создают благоприятную психологическую почву для вступления в общественную жизнь. Нередко, однако, окружающие ребенка взрослые недооценивают важность этого возрастного периода в развитии ребенка, расценивая его как подготовительный к будущей, «настоящей» жизни, которая, по их мнению, начинается с момента поступления в школу. Между тем, именно в дошкольные годы складываются первые стереотипы социального поведения, формируются индивидуальный стиль поведения человека. Основными параметрами, характеризующими позицию родителей по отношению к психическому развитию ребенка и определяющими особенности этого развития, являются отношение родителей к процессу развития и способы воздействия на него.

Объектом нашего исследования является познавательная сфера детей старшего дошкольного возраста. Предмет составляет познавательная сфера детей, проживающих в семьях с разными родительскими установками к уровню развития детей.

Целью работы является исследование взаимосвязи между особенностями познавательной сферы детей старшего дошкольного возраста и родительскими установками к уровню развития детей.

Гипотеза исследования такова: в семьях, где родители ориентированы на развитие, дети старшего дошкольного возраста имеют более высокий уровень развития познавательной сферы

Для достижения цели, поставленной в работе необходимо решить ряд задач, которые могут быть сформулированы следующим образом:

Проанализировать отечественную и зарубежную психологическую литературу по выбранной проблематике;

Определить особенности познавательной сферы детей старшего дошкольного возраста;

Выявить преобладающие родительские установки к уровню развития детей;

Выявить и описать характер взаимосвязи между особенностями познавательной сферы детей старшего дошкольного возраста и родительскими установками к уровню развития детей

Описать данные полученные в ходе эмпирического исследования.

Методологическим основанием исследования послужили научные труды по возрастной психологии и психологии развития таких авторов как А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин, И.В. Дубровина, Л.С. Выготский, Б.П. Никитин, А.Я. Варга, В.В. Столин и др.

Основным эмпирическим методом, который был использован в ходе исследования, является эксперимент, среди аналитических методов были использованы: анализ данных о социальном статусе семей, сравнение выявленных показателей развития познавательных способностей детей старшего дошкольного возраста. Для обоснования полученных результатов применялся метод корреляционного анализа Пирсона и U-критерий Манна-Уитни.

В качестве группы исследования были выбраны 50 человек, в возрасте от 5 до 7 лет, все они – воспитанники групп №6 и №9 МДОУ №63 г. Владимира и их родители.

Таким образом, в ходе исследования был проведен теоретический анализ рассматриваемого вопроса, было организовано эмпирическое исследование для проверки гипотезы взаимосвязи между особенностями познавательной сферы детей старшего дошкольного возраста и родительскими установками к уровню развития детей. Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу относительно трех познавательных способностей – внимания, воображения и образно – логического мышления.

НАПРАВЛЕНИЯ КОРРЕКЦИИ И ПРОФИЛАКТИКИ «НЕУСТАВНЫХ ОТНОШЕНИЙ» В ДЕТСКИХ ДОМАХ

А.А. Пелевина (Ярославль)

«Неустановные отношения» – это социально-психологическое явление, которое заключается в системе различных форм физического и психического насилия, пронизывающих все сферы жизнедеятельности и обеспечивающих доминирующее положение старших по социальному статусу в группе над младшими.

В обществе существует мнение, что «неустановные отношения» – это только негативное явление, которое разрушает конструктивные отношения, мешает образовательному процессу и препятствует развитию личности. Но нельзя не учитывать положительное влияние «неустановных отношений» на личность и группу, так как они способствуют: социализации объектов «неустановных отношений» в коллективе; снижению психологического напряжения у субъектов взаимодействия, вызванного с непроницаемостью групповых границ; удовлетворению архетипических потребностей отдельных членов коллектива.

На основе анализа предпосылок и проявлений «неустановных отношений» ряд авторов (С.Н. Тутолмин, К.Л. Банников, В. Кабо, А.Н. Олейник) делает вывод, что причина явления лежит в архетипических особенностях развития коллектива и личности. В результате «неустановных отношений» наблюдается воспроизводство мифоритуальных алгоритмов, проявляющихся в качестве нормативно-правовых систем, организующих социальное взаимодействие в коллективах с низким уровнем интеграции. Несмотря на невозможность искоренения, существует необходимость снижения

выраженности «неуставных отношений», так как нередко их проявления превышают относительно допустимые нормы. С целью предотвращения эскалации «неуставных отношений» необходимо соблюдать комплекс профилактических мер.

В основе сформулированных нами рекомендаций по коррекции «неуставных отношений» лежат особенности проявления «неуставных отношений» в детских домах, формы их влияния на личность и группу, функции «неуставных отношений», а также опыт других авторов в области их коррекции и предупреждения. Коррекцию и профилактику необходимо проводить по двум направлениям: коррекция социального поведения и профилактика личностных деприваций. Разработанные рекомендации по коррекции проявлений «неуставных отношений» можно применять и как комплекс профилактических мер, так как пути коррекции проявлений феномена основаны на причинах их появления. Рассмотрим направления коррекции и профилактики «неуставных отношений»:

1. Ознакомление участников взаимодействия с явлением «неуставных отношений».

Осведомленность проживающих в детских домах о «неуставных отношениях», способах противостояния им и о последствиях их влияния находится на низком уровне. Поэтому первая задача коррекции и профилактики – ознакомление членов коллектива с проблемой «неуставных отношений».

2. Поддержание неформального статуса участников взаимодействия в коллективе и снижение страха перед новыми членами группы.

Жертвой «неуставных отношений» чаще становится новый член коллектива, страх возникает перед новыми членами независимо от их качеств и связан с нежеланием утратить собственный статус. Поэтому, введение негласных, но понятных для всех правил получения привилегий, способствует снижению страха и позволяет воспитанникам контролировать свое положение в коллективе.

3. Создание условий для самоутверждения социально-приемлемыми способами.

Проявления «неуставных отношений» в детских домах, связанные со стремлением к самоутверждению, имеют специфические черты, вызванные возрастными особенностями воспитанников. По мнению Т.В. Драгуновой и Д.Б. Эльконина, в процессе перехода из младшего школьного возраста в подростковый меняется ведущая деятельность с познавательной на интимно личностное общение со сверстниками. Поэтому условия для самоутверждения должны включать не только познавательные мероприятия, но и способствовать межличностной коммуникации. Получение навыков коммуникации может осуществляться на психологических тренингах, где происходит обучение правилам общения, расширение границ самопознания и рефлексия собственного поведения.

4. Повышение мотивации к личностному развитию и обучению.

Заполнение свободного времени принудительными мероприятиями формируют зависимую личность, а не способствует снижению проявлений «неуставных отношений». Коррекция и профилактика «неуставных отношений» должна быть направлена на повышение мотивации к самообучению и личностному развитию. Следствием личностного саморазвития является снижение вероятности роста проявлений «неуставных отношений».

5. Формирование представления о потребности человека в личном пространстве и о последствиях его нарушения для личности и коллектива.

При коррекции и профилактике «неустановленных отношений» воспитанникам детского дома необходимо давать возможность организовывать свое личное пространство, например, поощрять ведение фотоальбомов, дневников. При этом необходимо объяснить негативные последствия нарушения личного физического и эмоционального самими воспитанниками и воспитателями.

6. Развитие активности воспитанников для установления межличностных контактов.

Проявления «неустановленных отношений» в детских домах могут быть спровоцированы закрытостью структуры. Основная характеристика закрытой группы – жестко-иерархичная групповая структура, обуславливающая «вторичность» активности личности для индивидуального и группового развития. Согласно нашим исследованиям, выраженность проявлений «неустановленных отношений» обратно пропорциональна активности воспитанников в процессе установления контактов. Следовательно, необходимо развивать активность и лидерские качества воспитанников, для этого можно менять в процессе деятельности роли участников и состав подгрупп.

Нами были представлены направления коррекции и профилактики «неустановленных отношений». Подводя итог, необходимо отметить следующее: 1) существует положительное влияние проявлений «неустановленных отношений» на личность и коллектив; 2) отсутствует возможность полного искоренения проявлений «неустановленных отношений» в коллективе; 3) существует необходимость поддержания проявлений «неустановленных отношений» на относительно оптимальном уровне.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ В СПЕЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ТРУДА

М.О. Перелыгина(Чита), О.А. Ворона (Москва)

Профессиональная подготовка специалиста на сегодняшний день все больше связывается не только с овладением им системой знаний и умений, но и с целенаправленным развитием профессионально важных качеств его личности, позволяющих будущему специалисту добиться успехов в своей профессиональной деятельности (Шаймуратова А.Ф., 2010).

Профессионально важные качества (ПВК) рассматриваются как компоненты профессиональной пригодности, то есть такие качества, которые необходимы человеку для успешного решения профессиональных задач. Среди них широкий спектр разных качеств — от природных задатков до профессиональных знаний, получаемых в процессе профессионального обучения и самоподготовки, включающий особенности личности (мотивация, направленность, смысловая сфера, характер), психофизиологические особенности (темперамент, особенности ВНД), особенности психических процессов (память, внимание, мышление, воображение), а в отношении определенных видов деятельности – даже анатомо-морфологические характеристики человека.

В каждой профессии работнику предъявляются определенные требования, которые в дальнейшем определяют эффективность его профессиональной деятельности. На эффективность выполняемой работы особое влияние оказывают специальные или особые условия труда – это условия производственного процесса (трудовой деятельности), которые имеют дополнительные риски для здоровья работника, определяются условиями производственной (природной) среды и не могут быть устранены путем совершенствования техники, технологии и организации производства (труда).

Подготовку специалиста к деятельности сложного, экстремального и неординарного характера важно осуществлять особым образом, с целью специального развития специфических для данной деятельности профессионально важных качеств.

Профессиональная деятельность оперативного персонала энергетической отрасли может быть отнесена к числу профессий со специальными, особыми условиями труда, и основными профессионально важными качествами для оперативного персонала в энергетике являются те характеристики, которые играют значимую роль в обеспечении эффективной безаварийной деятельности. Профессиональная деятельность специалистов-энергетиков во многом специфична, что связано со сложностью оборудования, частыми внештатными и аварийными ситуациями, риском для жизни, жесткой регламентацией труда, работой на высоте, на открытых площадках, независимо от времени года и многими другими факторами. В большинстве случаев деятельность сопряжена с необходимостью принятия решения в условиях дефицита времени и высокой ответственностью за правильность принятых решений (Абрамов Н.Р., 2005).

Деятельность оперативного персонала при обслуживании энергоустановок связана не только с угрозой собственной жизни и с вероятностью получения травм, связанных с повреждением электрическим током, но и с обеспечением безопасности жизни окружающих людей. Специфика же угрозы жизни и здоровью в области электроэнергетики состоит в том, что эта угроза носит хронический характер (непосредственно связана с ежедневной профессиональной деятельностью) и ответственность за ее возникновение лежит на самом человеке (как результат соблюдения правил техники безопасности и собственной бдительности). Кроме того, ощущение угрозы, связанной с условиями профессиональной деятельности, предъясвляет повышенные требования и к эмоциональной саморегуляции человека, его стрессоустойчивости, поскольку переживание ситуации, угрожающей жизни, может приводить к развитию стресса, и отражаться на качестве профессиональной деятельности.

Основными ПВК для оперативного персонала энергетической отрасли являются те, которые представляют наиболее приоритетную роль в работе, связанной с риском для жизни. Эффективность профессиональной деятельности и оптимальная профессиональная работоспособность сотрудников энергетической отрасли связана с комплексом психофизиологических и эмоционально-личностных характеристик, среди которых особое значение имеют уровень функционального состояния, процессуальные и качественные характеристики психических, познавательных процессов (внимание, памяти, интеллекта), особенности эмоционально-волевой сферы. Подсистема личностных характеристик и коммуникативных особенностей в системе профессионально важных качеств выполняет неоднозначную роль: с одной стороны, она способствует эффективной и безопасной деятельности, с другой – личностный уровень позволяет компенсировать слабость некоторых психофизиологических или когнитивных характеристик (Ворона О.А., Короченко Т.Ю., 2012 г.).

На формирование ПВК работника оказывает влияние профессиональная адаптация, она же делает огромный вклад в становление личности профессионала. Профессиональная адаптация – это процесс вхождения человека в профессию и гармонизация взаимодействий его с профессиональной средой (В.А. Слостенин, В.П.Каширин, 2001).

Формирование системы профессионально важных качеств происходит на основе того, что у человека уже есть определенные качества, а при освоении профессии происходит их перестройка в соответствии с особенностями данной профессиональной деятельности; однако в процессе профессиональной деятельности могут появляться

и развиваться и новые качества и способности. Также учитывается возможность компенсации одних качеств личности другими» (Шадриков, 1979, с. 58).

Успешное вхождение его в профессиональную деятельность сопровождается адаптационными процессами. В исследованиях В.Д. Шадрикова и его учеников показано, что в процессе профессионализации личности образуются интегративные ансамбли качеств. Компонентный состав профессионально обусловленных ансамблей постоянно изменяется, усиливаются корреляционные связи (Шадриков В.Д., 1994). Анализ формирования ПВК в специальных условиях труда у оперативного персонала энергетической отрасли может быть перспективным с целью выявления ресурсов и факторов снижения интенсивности переживаемого стресса у лиц, подвергающихся скрытой и непосредственной угрозе жизни в процессе профессиональной деятельности.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮДЕЙ, С ЭКСТРЕМАЛЬНЫМИ ВИДАМИ ХОББИ

Р.О. Песенко (Санкт-Петербург)

Экстремальными видами хобби принято считать досуговую деятельность обязательной и значимой составляющей которой является преодоление с помощью специальных технических приемов, препятствий созданных условиями климата, рельефа и жизнедеятельностью человека. В альпинизме такие препятствия могут быть представлены скалами, ледовыми и снежными склонами, низкими температурами, ветром и другими преградами. Рассматривая увлечение альпинизмом можно отметить, что покорением гор «заболевают» люди, стремящиеся к активному отдыху, преодолению собственных страхов; люди желающие таким образом укрепить свое здоровье; и те, кого влечет азарт покорения ране недоступных вершин и достижения наивысших результатов (в сложности восхождения, длительности маршрутов, скорости и т.д.). Бытует мнение, что люди, предпочитающие экстремальные виды хобби, к которым относится и альпинизм, склонны к саморазрушающему поведению; и занятие альпинизмом есть не что иное, как проявление скрытых суицидальных тенденций. В то же время, ведущие инструкторы по альпинизму отмечают, что помимо физической подготовки, альпинист должен быть сохранен психически и обладать высоким уровнем нервно-психической устойчивости.

Цель исследования: выявление психологических особенностей лиц, занимающихся альпинизмом.

Объектом исследования стали альпинисты – 20 человек, средний возраст - 35 лет; средний стаж альпинизма 17 лет. Контрольную выборку составили люди, не имеющие опыта экстремальных хобби и не стремящиеся к его приобретению, средний возраст обследованных в этой группе составил 35 лет.

При проведении исследования использованы методики: опросник Шмишека, методика ИЖС, шкала «Потребность в новых ощущениях» Цукермана и опросник «Степень готовности к риску» Шуберта. При обработке данных использовался частотный, сравнительный (t-критерий Стьюдента) и корреляционный анализ.

При оценке особенностей защитного реагирования выявлено, что в группе альпинистов преобладают такие психологические защиты, как интеллектуализация, отрицание и компенсация. Следовательно, альпинисты склонны пресекать пережива-

ния, вызванные субъективно неприемлемой ситуацией при помощи логических установок и отрицания фрустрирующих обстоятельств, либо к поиску замены субъективно неприятных переживаний за счет фантазирования или активного поиска приятных впечатлений. Возможно, именно сочетание отрицания и компенсации провоцирует занятие альпинизмом, так как многие обследованные утверждают, что уходят в горы «от проблем», подчас бросая незавершенные дела. В контрольной группе преобладают такие защиты, как реактивное образование и отрицание. Сравнительный анализ специфики психологических защит альпинистов и людей без экстремального хобби показал, что защитные механизмы проекция и реактивные образования достоверно менее выражены ($p < 0.001$) в группе альпинистов.

В двух обследованных группах выявлено преобладание экзальтированных черт личности (не достигающее уровня выраженной акцентуации). Акцентуированность некоторых личностных черт в группе альпинистов и людей, не занимающихся экстремальными хобби, имеет достоверные отличия. Так в основной группе менее выражены эмотивные, циклотимные ($p < 0,001$) и тревожные ($p < 0,005$) черты. Следовательно, альпинисты достоверно менее склонны к резким перепадам настроения, не боятся ответственности. На основании оценки защитного реагирования и личностных особенностей альпинистов можно предположить, что они имеют достаточно высокую нервно-психическую устойчивость.

При изучении готовности к риску выявлены достоверные различия данной характеристики у респондентов обследованных групп. У лиц, занимающихся альпинизмом, готовность к риску достоверно ($p < 0,001$) выше, чем у людей не склонных к экстремальным видам хобби. Однако, при этом альпинисты, возможно, могут переоценивать свои силы и шансы на успех.

Также выявлены достоверные различия результатов основной и контрольной группы по показателю склонности к поиску новых впечатлений ($p < 0,001$). Альпинисты манифестируют достоверно большую заинтересованность в новых и разнообразных впечатлениях и переживаниях, что, возможно, и реализуется в занятиях альпинизмом.

В ходе корреляционного анализа был выявлен ряд значимых взаимосвязей склонности к экстремальным видам хобби. В частности, существуют отрицательные взаимосвязи подобной склонности с проявлениями тревожности (при $p \leq 0,5$), эмотивности и циклотимии (при $p \leq 0,1$), а также, сильные положительные взаимосвязи (при $p \leq 0,001$), с поиском новых ощущений и склонностью к риску. Следовательно, люди, склонные к экстремальным хобби и занимающиеся альпинизмом, более контактны и уверены в себе и собственных силах; не склонны к проявлениям дистимии, боязливости и эмоциональной чувствительности.

Также, выявлены значимые отрицательные интеркорреляционные взаимосвязи готовности к риску и выраженностью проявлений тревожности (при $p \leq 0,1$) и эмотивности (при $p \leq 0,1$), и использованию психологической защиты «реактивные образования» (при $p \leq 0,001$). Это позволяет предположить, что люди, склонные к риску менее пугливы, неуверенны в себе, слезливы, им не свойственны глубокие реакции в области тонких чувств и гипертрофированное реагирование.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- альпинистам свойственна малая выраженность или отсутствие черт личности, предполагающих большую эмоциональную нестабильность и неустойчивость нервной системы. Также они не склонны к переадресации отрицательных эмоций;

-альпинисты манифестируют достаточно высокую степень готовности к риску, однако, при этом могут переоценивать свои силы и шансы на успех;

-в группе альпинистов более выражена потребность в поисках новых ощущений и впечатлений, чем в основной группе. Но есть риск реализации этой потребности деструктивными способами, такими как алкоголизация, наркотизация, совершение противоправных действий и т. д.

-альпинисты (в сравнении с лицами, не имеющими экстремальных хобби) обладают более высокой нервно-психической устойчивостью.

КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПСИХОТРАВМИРУЮЩЕГО ОПЫТА ПАЦИЕНТОВ С РАССТРОЙСТВОМ АДАПТАЦИИ

Е.Н. Петрова (Санкт-Петербург)

Клиническая психология оперирует разными методами, сочетая клиническую беседу с различными вариантами опросников для получения более цельной картины. Помимо того что качественные и количественные методы имеют разные мишени изучения, их сочетание помогает исследователю сохранять нейтралитет между субъективизмом и безличностным объективизмом. Для иллюстрации взаимодействия данных методов мы хотим представить результаты проведенного исследования.

Изучался психотравмирующий опыт пациентов с диагнозом «Расстройство адаптации» с помощью нарративного автобиографического интервью, которое предполагало свободный рассказ пациентами о своей жизни. Также использовались 4 опросника: «Большая пятерка», методика «Репертуар ролей» Л.В.Куликова; методика «Стратегии совладающего поведения» и Торонтская алекситимическая шкала (TAS).

Всего было обследовано 37 пациентов в возрасте от 17 до 66 лет, из них 32 женщины и 5 мужчин. Проводился качественный анализ основных содержательных линий нарративов и сопоставление отдельных повествований с результатами опросников. Также проводился количественный анализ, который заключался в сравнении групп, различающихся по полу, возрасту и специфике травматической ситуации, по специально разработанным 12-ти содержательным критериям, таким как продолжительность повествования, объем травматического сюжета, упоминание чувств в нарративах, упоминание потери смысла и др.

Основная гипотеза была сформулирована следующим образом: «Существуют отличительные особенности переживания травмы у пациентов с расстройством адаптации в зависимости от пола, возраста респондентов и от специфики самой травматической ситуации». При этом специфика травматической ситуации включает в себя 2 параметра: «Содержание травмы» (личная / профессиональная / смешанная), и «Характер травмы» (острая / кумулятивная). В случае острой травмы описывалась неожиданная и крайне интенсивная по своему эмоциональному воздействию критическая ситуация (смерть близкого, уход близкого и др.). В случае кумулятивных травм имело место длительное накопление напряжения в одной или нескольких жизненных сферах (болезнь близкого, длительные напряженные отношения в семье, конфликты на работе и др.). Для проверки гипотезы о различиях в группах использовался метод χ^2 Пирсона.

В результате количественного анализа нарративов было выявлено, что повествования женщин статистически достоверно длиннее, чем повествования мужчин

($p < 0,05$). Объем травматического сюжета у женщин также оказался больше, на уровне тенденции ($p = 0,1$). Женщины достоверно чаще упоминали в нарративах свои чувства ($p = 0,01$) и говорили о тяжести страданий ($p = 0,1$). Благодаря качественному анализу повествований женщин удалось выделить такие составляющие переживания травматического опыта, как ощущение потери смысла и тупика в будущем, крайнюю интенсивность страданий. Мужские повествования отличались лаконичностью, фактичностью, отсутствием вербализуемых переживаний. При этом часто мужчины находили физиологическое объяснение своему состоянию.

Были получены статистически достоверные различия в разных возрастных группах по показателю «Потеря смысла» ($p < 0,05$). Упоминание потери смысла как некоторого длительного состояния встречалось только у молодых пациентов. Молодые девушки делились своими экзистенциальными переживаниями, связанными с ощущением собственной ненужности. Благодаря качественному анализу нарративов мы можем проследить внутреннее наполнение и динамику кризиса идентичности молодых пациентов, включающее в себя трудности самоопределения, сложные отношения с родителями, социальную изоляцию, нередко сопровождающуюся пищевыми расстройствами и суицидальными мыслями. Данные по методикам дополняют наше представление о кризисном состоянии молодых респондентов: среди ведущих копинг-стратегий была диагностирована стратегия «Бегство-Избегание», по методике «Репертуар ролей» у пациентов наблюдалась рассогласованность реально выполняемых и желаемых ролей.

Наконец, были получены значимые различия в группах, отличающихся по специфике самой травматической ситуации. В ситуациях кумулятивных травм наблюдался больший объем травматического сюжета по сравнению с острыми травмами ($p = 0,01$). Однако в случае острых травм пациенты чаще говорили о тяжести своих страданий и потере смысла в связи с травматической ситуацией ($p = 0,01$ и $p = 0,5$ соответственно).

Если же говорить о различиях, обусловленных характером травмы, то было выявлено, что в случае личных травм пациентами чаще упоминались чувства, предпринимались попытки понять другого человека, чем в случае профессиональных и смешанных травм. Результаты изучения ролевого репертуара по методике подтверждают эти особенности: у пациентов с личными травмами ведущее положение занимали роли в семейной и дружеской сферах (мать, дочь, жена и др.). В то время как у людей с профессиональными травмами первоочередное место отводилось ролям в деловой сфере (начальник, руководитель, подчиненный и др.).

У пациентов с диагностируемой алекситимией по методике «Горонтская алекситимическая шкала» в повествованиях о жизни практически отсутствовали описания своих чувств. В то же время у остальных пациентов в большинстве случаев были подробные, чувственно насыщенные нарративы.

В данных тезисах хотелось продемонстрировать взаимодействие и взаимодополнение количественных и качественных методов исследования и полученных с их помощью данных. Клиническому психологу важно уметь определять сходства и противоречия показателей, диагностируемых по разным методикам, дополнять ими свои собственные наблюдения, и все это в совокупности использовать для определения психологического состояния пациентов.

ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ С РАЗНЫМ СООТНОШЕНИЕМ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

С.О. Петрова (Москва)

Материалы подготовлены при поддержке Гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук, проект МК-4338.2013.6.

Лонгитюдное исследование посвящено изучению разных видов соотношения вербальных и невербальных способностей у интеллектуально одаренных учащихся, а также их мотивационно-личностных особенностей в период обучения с V по IX классы. Актуальность темы определяется признанием необходимости обеспечения условий для развития и обучения каждого ребенка с учетом его индивидуальных особенностей. В отношении одаренных школьников требуется разработка психологически обоснованных подходов к определению их особых познавательных возможностей и потребностей и созданию условий, содействующих реализации высокого потенциала таких детей на каждом образовательно-возрастном этапе.

В психологии накоплен значительный материал о психологических особенностях одаренных детей и предложены методы их обучения и развития с учетом этих особенностей. Однако мало известно о различиях одаренных детей с разными видами и уровнями одаренности, профилями способностей, интересами и особенно с трудностями в учении. В зарубежной психологии исследование трудностей в учении одаренных школьников составляет одно из главных направлений, в отечественной психологии этому направлению уделяется значительно меньше внимания. Так, остается недостаточно изученным вопрос о различиях в соотношении вербальных и невербальных компонентов интеллекта у подростков с высокой общей одаренностью, их мотивационно-личностных особенностях и успешности в учении. На изучение этого вопроса было направлено наше исследование.

В исследовании участвовали 120 учащихся (58 мальчиков и 62 девочки) с показателями интеллекта выше средневозрастного уровня. Испытуемые обследовались трижды с интервалом в два года: в V, VII и IX классах. Использовались следующие методики (по Е.И. Щербановой): русскоязычная версия тестов познавательных способностей для одаренных школьников – КФТ, включающих вербальную, математическую и невербальную шкалы; опросники по познавательной активности и мотивации достижения (надежда на успех, боязнь неудачи); регистрировалась школьная успеваемость. На основе тестовых показателей были сформированы три группы учащихся: группа 1 – с относительным отставанием вербальных способностей, по сравнению с высокими невербальными; группа 2 – с относительным отставанием невербальных способностей, по сравнению с высокими вербальными; группа 3 – с равновысокими вербальными и невербальными способностями.

Полученные результаты показали, что с возрастом численность группы 1 уменьшалась с 46% учеников в V классе до 26% в IX классе. Численность двух других групп увеличивалась: группы 2 с 8-9% в V и VII классах до 20% в IX классе, а группы 3 – с 45% в V до 53-54% в VII и IX классах.

Сравнение успеваемости в разных группах учащихся не выявило значимых различий между ними в V классе. В VII и IX классах в группе 1 оценки почти по всем предметам были достоверно более низкими, по сравнению с группой 3, и существенно не отличались от оценок группы 2, тогда как аналогичные различия между группами 2 и 3 редко достигали уровня достоверности.

Результаты сравнения мотивационных переменных в разных группах показали, что учащиеся группы 1 на всех этапах исследования имели самые низкие показатели познавательной активности и надежды на успех и самые высокие показатели боязни неудачи, по сравнению с двумя другими группами. Однако эти различия достигали статистической значимости только в IX классах между группами 1 и 3 по всем трем показателям мотивации. При этом группа 2 также имела достоверно более низкие показатели познавательной активности и надежды на успех, чем группа 3. Эти различия можно объяснить тем, что по мере приближения экзаменов в IX классе у учащихся с отставанием невербальных и особенно вербальных способностей существенно снижалась уверенность в успехе и нарастал страх перед неудачами в учебе, тогда как их одноклассники с равновысокими способностями чувствовали себя более уверенно. Это связано с тем, что одаренные учащиеся с отставанием вербальных способностей наиболее часто сталкивались с трудностями в учении, по сравнению со сверстниками с отставанием невербальных способностей и особенно с равновысокими способностями.

Результаты проведенного лонгитюдного исследования согласуются с данными авторов, связывающих познавательную активность и надежду на успех с мотивацией развития, а боязнь неудачи – с мотивацией избегания и адаптации (А.М. Матюшкин, Л.М. Митина, Е.И. Щепланова). Полученные данные соотносятся с отмеченными особенностями отношения к междисциплинарному обучению одаренных детей с разным профилем способностей (Н.Б. Шумакова). Показано, что учащиеся с преобладанием вербальных или невербальных способностей имели более низкие показатели стремления к самостоятельности, предпочтения исследовательской позиции в обучении, чем их одноклассники с равновысокими способностями.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют в пользу предположения о том, что одаренные подростки отличаются разным соотношением вербальных и невербальных способностей и это соотношение связано со школьной успеваемостью. Показано, что в период обучения в средних классах у многих одаренных учащихся происходит сглаживание отставания вербальных способностей за счет их интенсивного развития.

Личностные особенности одаренных подростков с диспропорциями вербальных и невербальных способностей создают дополнительные барьеры на пути преодоления их трудностей и достижения успеха в учении. При организации психолого-педагогической помощи таким учащимся следует учитывать снижение их познавательной активности и надежды на успех, повышение боязни неудачи, по сравнению со сверстниками без таких диспропорций.

ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ УЧИТЕЛЕЙ С РАЗНЫМИ УРОВНЯМИ САМОРАЗВИТИЯ

Н.А. Пешкова (Тула)

Эффективное внедрение новых образовательных стандартов невозможно без развития учительского потенциала. В этой связи учителя должны обладать всем спектром развитых качеств Я-концепции, определяющих успех и продуктивность их педагогической деятельности, а также уметь поддерживать свою конкурентоспособность, важнейшими условиями которой становятся инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения. Все это предъявляет новые требования к личности и к профессиональной компетенции учителя, способного к непрерывному саморазвитию.

В результате проведенного анализа современных подходов ученых к пониманию сущности процесса саморазвития, и учитывая особенности педагогической деятельности, мы сформулировали определение понятия «саморазвитие личности учителя начальных классов». Последнее мы определяем как процесс сознательного интегративного становления позитивной Я-концепции с целью эффективной самореализации, основанный на взаимодействии внутренне значимых стремлений и активно творчески воспринятых внешних влияний.

В результате проведенного нами исследования были охарактеризованы особенности структурной организации Я-концепции учителей с разными уровнями саморазвития.

Учителя с несложившимся саморазвитием относятся к категории людей – пассивных пессимистов, которые ни во что не верят и ничего не предпринимают для того, чтобы изменить свою жизнь в лучшую сторону. Они характеризуются преобладанием мрачного и подавленного настроения, отсутствием веры в свои силы. В трудных ситуациях предпочитают стратегии ухода от решения проблем.

Они не особенно внимательны к социальной информации, являются менее гибкими в демонстрации разных форм экспрессивного поведения. Их поведение не реализуется в самопрезентации, созданной соответственно данной конкретной ситуации, а управляется – в функциональном смысле – внутренним эмоциональным состоянием. Во взаимодействии с другими могут проявляться прямолинейность, сдержанность в контактах, демонстрируется поведение, соответствующее собственным установкам, ценностям, упорство в отстаивании своего мнения.

Данная выборка учителей имеет слабую убежденность относительно контролируемости и справедливости окружающего мира, собственной ценности, способности управления событиями и везения. В силу этого они имеют низкую, иногда среднюю удовлетворенность качеством жизни.

В большей степени их саморазвитию препятствуют собственная инертность, разочарование в результате имевшихся ранее неудач, враждебность окружающих, плохо воспринимающих в опрашиваемых учителях перемены и стремления к новому, неадекватная обратная связь с членами коллектива и руководителями (отсутствие объективной информации о себе), ограниченные ресурсы, стесненные жизненными обстоятельствами.

В числе значимых стимулирующих факторов данные учителя указывают пример и влияние коллег и руководителей, школьную методическую работу.

Они имеют средний уровень инициативности и энергичности, настойчивости, способности руководителя и организатора, уверенности, сдержанности, самостоятельности, требовательности к себе, творческого подхода к работе.

Данные учителя имеют мало выраженные самоинтерес, самоуважение, стремление к самоанализу. Отмечается наличие отрицательных эмоций, связанных с работой, коллективом и всей организацией труда в целом; развиваются негативные установки по отношению к себе, чувство безразличия, эмоциональное истощение, негативное профессиональное самовосприятие.

Учителя с активным саморазвитием относятся к типу «активные пессимисты». Таким людям свойственна большая активность, но, к сожалению, в трудных ситуациях они часто используют агрессивные стратегии преодолевающего поведения.

Данная группа учителей обладает высоким уровнем самомониторинга, гибкостью (лабильностью) поведения во взаимодействии с другими людьми; стабильностью успехов в привычных видах деятельности; они успешны в овладении новыми видами активности, характеризуются социальной смелостью, активностью, дипломатичностью в отношениях с окружающими.

Учителя с активным саморазвитием особенно чувствительны к экспрессивным реакциям и самопрезентации других; они умеют учитывать специфику данной социальной ситуации и осуществляют контроль и управление собственной вербальной и невербальной самопрезентацией с учетом этих факторов. Они готовы модифицировать свое поведение, используя большое количество поведенческих стратегий для того, чтобы получить позитивные результаты в любом социальном взаимодействии.

Данных учителей отличает психическая стабильность, они верят в собственную ценность, управляемость событий, имеют ценности, направляющие их на профессиональное развитие (творчество, достижения, развитие). В целом учителя с активным саморазвитием имеют высокую или среднюю удовлетворенность качеством жизни.

Устойчивое саморазвитие этих учителей характеризуется тем, что осуществляется необходимая коррекция, самоанализ профессиональных и жизненных достижений, актуализируется потребность в дальнейшем саморазвитии.

Для учителей с активным саморазвитием наиболее весомыми факторами, стимулирующими их саморазвитие, являются возрастающая ответственность, интерес к работе, обучение на курсах и занятия самообразованием, доверие. Им присущи инициативность и энергичность, настойчивость и требовательность, способности руководителя и организатора, уверенность, сдержанность, самостоятельность, требовательность к себе, творческий подход к работе, педагогическое мастерство, активность и трудолюбие, дисциплинированность, прилежность. Их характеризует предрасположенность к типу «интеллигент».

Эти учителя имеют позитивное самоотношение, наличие положительных установок в адрес собственного Я; высокий самоинтерес, самоуважение.

Данные положения легли в основу работы со слушателями курсов повышения квалификации по программе профессионально-личностного саморазвития педагогов, осуществляемую на базе института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области.

АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ВОДИТЕЛЕЙ ПАССАЖИРСКОГО АВТОТРАНСПОРТА

В.В. Плохих (Одесса), М.В. Гаража (Константиновка)

В последнее время, в связи с ростом количества аварий с участием пассажирских автобусов, проблема готовности водителей к деятельности приобретает все большую актуальность.

Понятие готовности к деятельности трактуется достаточно широко: готовность как проявление сформированности или необходимого уровня развития определенного психического качества (свойства), состояние, обеспечивающее результаты профессиональной деятельности (К.М. Дурай-Новакова, Я.Л. Коломинский, В.А. Крутецкий и др.); как мотивационное образование, активное состояние личности, вызывающее деятельность и характеризующееся через понятие установки (Д.Н. Узнадзе, А.Г. Асмолов); как предпосылка к целенаправленной деятельности, ее регуляции, устойчивости, эффективности: психологический настрой, актуализация и приспособление возможностей для успешных действий в определенных условиях (Н.Д. Левитов, К.К. Платонов и др.); как умение мобилизовать необходимые физические и психологические ресурсы для реализации деятельности (А.Б. Леонов, В.Г. Мышкина и др.); как состояние концентрации возможностей человека, достигающих высшей степени, проявляющееся перед, при выполнении и по завершении деятельности (А.В. Самойлик). Абрамова М.Ю. рассматривает готовность к профессиональной деятельности и психологическую готовность как единое по смыслу понятие – психологическую структуру, компонентный состав которой аналогичен компонентному составу осваиваемой деятельности.

Психологическая готовность водителей понимается нами как степень сформированности интегральной системы индивидуально-психологических свойств и состояний, позволяющей эффективно осуществлять профессиональную деятельность. Оценка психологической готовности водителей должна осуществляться по целому комплексу показателей.

Цель исследования – оценить уровень психологической готовности к деятельности водителей пассажирского автотранспорта.

Исследование проведено на базе ГУ «Научно-практический медицинский реабилитационно-диагностический центр МЗ Украины».

Материалы и методы. Выборка - 47 мужчин 25-60 лет: 22 водителя маршрутных автобусов и 25 водителей Госслужбы Украины по чрезвычайным ситуациям. Средний возраст $38,8 \pm 8,4$ года, средний стаж вождения – $18,9 \pm 8$ лет.

Применялись психодиагностические (исследование индивидуальных особенностей восприятия Т.П. Зинченко; таблицы Горбова-Шульте; «Запоминание 10 слов» С.Л. Рубинштейна; диагностика оперативной памяти «Шкалы» Б.Л. Покровского; диагностика лабильности-ригидности мыслительных процессов «Словесный лабиринт» А. Лачинса; метод цветочных выборов М. Люшера; методика диагностики нервно-психического напряжения Т.А. Немчина; опросник структуры темперамента В.М. Русалова; пятифакторный опросник личности «Большая пятерка»; компьютеризированная методика на определение зрительно-моторной реакции (ЗМР)) и статистические методы (t-критерий Стьюдента, W-критерий, методы описательной статистики).

Результаты и их обсуждение. В результате интегративной оценки всех исследуемых показателей испытуемые по уровню готовности к деятельности были отнесены

к группам: «готовность» (группа I) 33 чел. (70,2%), «условная готовность» (группа II) 11 чел. (23,4%), «неготовность» (группа III) 3 чел. (6,4%).

Анализ различий между показателями готовности в группах «готовых» и «условно готовых» к деятельности позволил получить достоверные различия по показателям: возраст ($p=0,030$): в I группе – 36,79±1,15 лет, во II группе – 43,71±2,70 лет; стаж вождения ($p=0,012$): в I группе – 16,71±1,16 лет, во II группе – 23,93±2,39 лет; эмоциональность ($p=0,021$): в I группе – 3,09±0,50 балла, во II группе – 5,57±0,91 балла; социальная эмоциональность ($p=0,021$): в I группе – 2,67±0,42 балла, во II группе – 5,43±1,00 балла; переключаемость внимания ($p=0,036$): в I группе – 198,90±8,50 с, во II группе – 244,20±20,67 с; продуктивность кратковременной памяти ($p=0,018$): в I группе – 8,79±0,19 слов, во II группе – 7,86±0,38 слов; продуктивность долговременной памяти ($p=0,021$): в I группе – 7,06±0,21 слов, во II группе – 6,14±0,33 слов. По показателям полезависимости, концентрации внимания, оперативной памяти, лабильности мыслительных процессов, времени сложной ЗМР, эмоционального стресса, нервно-психического напряжения, предметной и социальной эргичности, пластичности и социальной пластичности, темпа и социального темпа, экстраверсии, привязанности, контролирования, игривости достоверно значимые различия между группами «готовых» и «условно готовых» к деятельности водителей не выявлены. Полученные данные дают представление об основных показателях готовности к деятельности водителей, однако нуждаются в глубоком анализе на примере более широкой выборки.

Выводы.

В результате исследования установлено, что 33 чел. (70,2%) характеризуются готовностью к деятельности, 11 чел. (23,4%) являются условно готовыми. При этом важно установить не только уровень готовности, но также и определить средства ее восстановления, что может способствовать перераспределению водителей из группы «условно готовых» в группу «готовых» к деятельности. У 3 чел. (6,4%) отмечается неготовность к профессиональной деятельности по психологическим показателям, что может приводить к возникновению ошибочных действий, аварийных ситуаций, связанных с «человеческим фактором».

Выделены показатели эмоциональности, социальной эмоциональности, переключаемости внимания, продуктивности кратковременной и долговременной памяти, которые в результате расчетов явились наиболее значимыми для установления уровня готовности водителей к профессиональной деятельности. Также установлено, что с увеличением возраста и стажа вождения возрастает риск отнесения водителей к группе с «условной готовностью».

Исследование показателей психологической готовности к деятельности водителей пассажирского автотранспорта, их соотношений, взаимосвязи с объективными данными (возраст, стаж, количество аварий и пр.) является перспективным направлением в сфере прогнозирования надежности водителя и повышения безопасности пассажирских перевозок.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ИГРЫ ДОШКОЛЬНИКА

А.В. Подковыркина (Сыктывкар)

Гипотеза: в старшем дошкольном возрасте происходит развитие и усложнение игровой деятельности.

Методы исследования:

- 1) реферирование;
- 2) невключенное наблюдение.

В раннем возрасте игра для ребенка является вторичным, отраженным и зависимым процессом. Однако в ходе дальнейшего развития, а именно с переходом к той стадии, которая связана с дошкольным периодом детства, отношение к игре становится иным. Теперь игра становится ведущим типом деятельности.

Игра выполняет огромную роль в развитии и воспитании ребенка. С помощью игры решаются задачи взаимопонимания детей и взрослых, развиваются навыки общения со сверстниками, корректируются типичные эмоциональные и личностные нарушения в дисгармонии семейных отношений (страх, тревога, агрессия, неадекватная самооценка). Игры помогают в адаптации детей к дошкольному учреждению.

Дошкольник воспринимает социальное окружение через игру, которая раскрывает ребенку смыслы человеческого взаимодействия в различных ситуациях. В игре ярко проявляются особенности мышления и воображения ребенка, его эмоциональность, активность, развивающаяся потребность в общении.

Внутри игры также начинает складываться и учебная деятельность, к которой ребенок в дошкольный период относится как к своеобразной игре с определенными ролями и правилами.

Игра ребёнка часто выполняет функцию исследования, в процессе игры обычно происходит изучение свойств и особенностей предмета. Игра и исследовательское поведение нередко взаимно дополняют друг друга.

Игра современных детей неизбежно и непреодолимо меняется под воздействием изменений, происходящих в обществе. Меняются сюжеты и роли, структура игры и ее мотивы.

Социальные, особенно профессиональные взаимоотношения взрослых стали закрытыми, их трудно воссоздать, наглядно представить в игре. Как наглядно представить деятельность экономиста, менеджера, юриста или банковского служащего – задача не из легких для многих взрослых, не то, что для ребенка. Профессии не дают материала для игровых ролей, а общение взрослых между собой носит фрагментарный, часто утилитарный характер. Родители как работники не являются эмоционально значимым, привлекательным образцом для ребенка. Сюжеты для игр современные дети черпают не из наблюдений за жизнью взрослых или книг, а с экранов телевизоров и мониторов компьютеров.

В играх нынешних дошкольников роли выбираются и называются крайне редко, лишь по обращению детей друг к другу можно понять, кого они изображают. В игре редко выделяется конкретное пространство, темы спонтанны, а сюжеты хаотично сменяют друг друга. Часто наблюдающему за игрой детей взрослому не понятны (скрыты) и смысл происходящего, и значение отдельных действий.

За последние годы снизился уровень развития ролевой игры. У подавляющего большинства дошкольников она не достигает своей развитой формы и остается на самом низком, примитивном уровне. А ведь игра может быть ведущей деятельностью только в том случае, если она достигает своего полноценного развития. Примитивная игра детей 4 – 6 лет, когда они просто варят суп, возят машинки или одевают кукол, не отождествляясь с ролью и «не оживляя» своих кукол, не оказывает существенного воздействия на развитие личности дошкольника.

Отсутствие игры в дошкольном возрасте приводит к тому, что период формирования основ личности, базовых психических функций обеднен и ограничен лишь когнитивной составляющей.

В игре складываются другие виды деятельности, которые потом приобретают самостоятельное значение.

Нами было проведено наблюдение за игрой в «дочки – матери» у современных дошкольников. Наблюдение проходило в двух группах детского сада – младшей (3 – 4 года) и старшей (5 – 6 лет). Результаты эксперимента показали, что с возрастом возрастает длительность игры и состав участников. Младшим девочкам необходим инициатор игры, в роли которого выступает воспитатель или экспериментатор, а старшие девочки уже овладели навыками игры в «дочки – матери» и сами выступают в роли инициатора. С возрастом увеличивается количество действий в игре, усложняется игровой сценарий.

Содержание игры младших девочек отражает действия с предметами – игрушками (они кормят кукол, укладывают спать, качают на руках), а в играх старших девочек еще и отражаются взаимоотношения людей.

У младших и старших девочек наблюдается однотипность игры. Прослеживаются повторы одних и тех же операций.

В игре «дочки – матери» у младших и старших девочек есть и сходства. Игра заканчивается одинаково – девочки укладывают кукол спать. Также девочки не зовут мальчиков играть вместе.

Игра постепенно теряет свое значение. Дети стали меньше и хуже играть, не проявляют фантазирование. Игра современных дошкольников сворачивается, носит шаблонный, примитивный характер.

КОНСТРУКТИВНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ ВРАЧА-ТЕРАПЕВТА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д.А. Политова, Ю.С. Филатова (Ярославль)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 13-06-00707а).

Важными составляющими деятельности врача являются не только его знания и умения, особенности профессионального мышления, но и личностные качества, умение общаться с пациентом. Поэтому профессиональная компетентность врача включает, не только специальную медицинскую подготовку, общечеловеческую культуру, но и социально-психологические аспекты его личности, его ценностные ориентации, коммуникативную грамотность

Целью исследования явилось изучение факторов, влияющих на формирования коммуникативной компетентности на разных этапах профессиональной деятельности.

Гипотеза исследования формирование коммуникативных навыков в процессе профессионализации врачей происходит гетерохронно

Проведено обследование 92 врачей-терапевтов, проходящих обучение на кафедре терапии Института последипломного образования Ярославской государственной медицинской академии. В большинстве женщины 78 человек и 14 мужчин. Средний возраст врачей составил 47,13 лет (от 28 до 69 лет). Средний стаж работы 20,82 года (от 1 до 40 лет).

Им было предложено заполнить анкеты «Профессиональная коммуникативная компетенция врача» (Яковлева Н.В., Урванцев Л.П.), «Диагностика ведущего типа реагирования» (Кашапов М.М. Киселева Т.Г.), Уровень эмпатических способностей (Бойко В.В)

Учитывая классификацию профессионального онтогенеза медицинских профессий Е.А.Климова врачи в исследовании были разделены на группы: 1 врачи стажем до 10 лет (Адаптант), 2 группа – со стажем от 11 до 15 лет (Интернал). 3- группа со стажем от 16 до 24 лет (Мастер) и 4 группа врачи со стажем от 25 лет (Наставник).

Проводя корреляционный анализ в разных группах установлено:

У врачей со стажем до 10 основным фактором, влияющим на формирование профессиональных коммуникативных умений (ПУ) является Агрессия (как тип реагирования в конфликте) ($R=0,47$ $p < 0,005$). Т.е. чем более агрессивно в возникающих конфликтных ситуациях ведет себя врач, тем в большей степени совершенствуются профессиональные коммуникативные навыки. Также отмечается тенденция роста эмпатических способностей с возрастом ($R=0,49$, $p < 0,05$). В связи с необходимостью адаптации в коллективе, к организационной среде лечебно-профилактического учреждения, становлением профессиональных ролей и приспособлением к сложностям профессиональных задач Агрессия выступает стимулирующим фактором развития навыков профессионального общения.

У врачей со стажем от 11 до 15 лет Агрессия как поведение в конфликтных ситуациях выступает отрицательным фактором, влияющим на формирование, влияющим на формирование коммуникативных идеалов (КИ) ($R=-0,49$, $p < 0,05$), коммуникативных умений на основании самооценки (КУ) ($R=-0,65$ $p < 0,05$) и профессиональных коммуникативных умений ПУ ($R=-0,52$ $p < 0,05$). Чему способствует низкий уровень развития рефлексии на фоне нервно-эмоционального напряжения, которое в свою очередь может привести к принятию нерациональных копинг-стратегий замене системе ценностей, разочарованию в профессии.

У врачей со стажем от 16 до 24 лет поведение в конфликте не является определяющим фактором выраженности коммуникативных навыков, но по мере увеличения общих коммуникативных (КИ) и профессиональных (ПИ) идеалов врачи этой группы в большей степени предпочитают уходить от конфликтных ситуаций ($R=0,53$ $p < 0,05$; $R=0,47$ $p < 0,05$). Так же, чем выше общие коммуникативные идеалы, тем больше уровень эмпатии (ОУ) ($R=0,74$ $p=0,005$). С возрастом и по мере накопления профессионального стажа у врачей этой группы становятся выше профессиональные идеалы ПИ ($R=0,61$ $p < 0,05$ и $R=0,57$ $p < 0,05$) соответственно. Характерные для этого профессионального периода стремление к лидерству, неудовлетворенность нерациональным стилем руководства, конфликты внутри коллектива способствуют пересмотру профессиональных идеалов.

В группе врачей со стажем более 25 лет одним из ведущих фактором, определяющих выраженность общих коммуникативных идеалов, коммуникативных навыков на основании самооценки, профессиональных коммуникативных умений выступает Решение как поведение в конфликтных ситуациях ($R=0,25$ $p < 0,05$; $R=0,34$ $p < 0,05$; $R=0,45$ $p < 0,05$ соответственно). Эмпатические способности способствуют росту коммуникативных навыков. Чем выше способность врача на этом этапе его профессиональной деятельности сопереживать пациенту, тем в большей степени развиваются его коммуникативные способности ($R=0,39$ $p < 0,005$). Высокий уровень рефлексии, снижение толерантности к психотравмирующим ситуациям способствуют более конструктивному поведению, что приводит к развитию профессиональных коммуникативных умений.

Таким образом, поведение в конфликтных ситуациях является важным фактором, определяющим формирование коммуникативной компетентности врача-терапевта. На разных этапах профессиональной деятельности поведение в конфликте носит конструктивный характер и способствует развитию коммуникативных навыков,

что оптимизирует отношения в диаде «врач-больной». Разрабатывая тренинги, направленные на развитие коммуникативных навыков, так необходимые для оптимизации взаимоотношений в диаде «врач-больной» - нужно учитывать стаж профессиональной деятельности врача-терапевта.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА

М.Р. Полозкова (Уфа)

Человек в труде по мере совершенствования из простого исполнителя, превращается в субъекта труда, ставящего и реализующего в труде свои цели. Далее он становится специалистом, квалифицированно выполняющим труд на основе специальной подготовки. Позднее превращается в профессионала, осуществляющего свой труд на основе его высоких стандартов. Иногда человек развивается и дальше, становясь творцом, новатором в труде, обогащая опыт профессии.

Сложные профессии, а профессиональная деятельность оперуполномоченного оперативных подразделений принадлежит к разряду «сложных», делают необходимым проведение психологического отбора.

К кандидатам на службу предъявляются высокие психологические и психофизиологические требования, так как успешное осуществление оперативно-розыскной деятельности возможно только морально и физически подготовленными сотрудниками. Их несоответствие требованиям профотбора является причиной дезадаптации специалистов, повышает риск правонарушений на службе, суицидального и асоциального поведения.

Во-первых, деятельность оперативных сотрудников протекает в условиях, отличающихся высокой эмоциональной и физической напряженностью, зачастую связана с риском и опасностью для жизни.

Во-вторых, работа отличается ненормированностью труда, не предоставляет комфортных условий, жестко ограничена во времени.

В-третьих, профессия требует нахождения сотрудников в состоянии постоянной готовности, проявления осторожности, быстрой переключаемости при смене деятельности.

В-четвертых, оперативно-розыскная деятельность характеризуется большим разнообразием видов и направлений деятельности, которые необходимо сочетать и реализовывать на практике, которые к тому же связаны с повышенной социальной ответственностью за профессиональные ошибки.

В-пятых, работа оперативного сотрудника связана с широким кругом разнообразных контактов, как внутриорганизационных, так и внешних. При этом большая часть времени уходит на контакты с преступными элементами, наркопотребителями, которые не отличаются хорошими манерами, воспитанностью и наличием развитых морально-нравственных качеств.

Профессиональная пригодность зависит не просто от совокупности профессионально важных качеств личности, но также от степени их выраженности и характера взаимосвязи.

Поэтому при осуществлении профессиональной диагностики важно применять системный подход. Важно обследовать у кандидатов, в первую очередь, те специфические профессионально-важные качества, которые являются необходимыми, мало

компенсируемыми, характеристиками именно в данной профессии, входят в ее психограмму. В ходе диагностики важно учитывать не только позитивные качества работника, но и негативные проявления, препятствующие движению к профессионализму.

Важным критерием определения профессиональной пригодности к оперативной службе является развитие познавательной сферы кандидатов. Низкое интеллектуальное развитие значительно снижает продуктивность деятельности.

Личности с низкими показателями интеллекта характеризуются несамостоятельной позицией к деятельности, небольшим запасом знаний, поверхностностью суждений, бедным словарным запасом, шаблонностью умозаключений, при этом для них актуальны проблемы самоутверждения, которые не всегда адекватно реализуются.

При высоких показателях интеллекта наблюдается быстрая обучаемость, высокая продуктивность деятельности, эрудиция, неординарный подход в решении задач, подвижность познавательных процессов, прогностические способности, умение выделять главное.

К основным профессионально важным качествам оперативного сотрудника были отнесены такие качества, как:

- 1) способность располагать к себе людей, вызывать у них чувство доверия;
- 2) стрессоустойчивость;
- 3) умение принять решение в очень короткий срок;
- 4) способность длительное время сохранять устойчивое внимание, несмотря на усталость и посторонние раздражители;
- 5) умение подмечать незначительные (малозаметные) изменения в исследуемом объекте;
- 6) быстрое запоминание слуховой информации;
- 7) память на внешность и поведение человека.

Профессия оперуполномоченного предъявляет жесткие требования и к личностным качествам. Было выделено пять наиболее значимых факторов, к которым относятся:

- эмоционально-волевые качества (эмоциональная устойчивость, выдержка, настойчивость, внимательность, энергичность, решительность, самооценка, инициативность, целеустремленность, адаптивность);
- лидерские качества (самодостаточность, экстрапунитивность, стеничность, властность, спонтанность, акцентуированность, доминирование, агрессивность);
- коммуникативные качества (социабельность, экстраверсия, лидерство, смелость и общительность);
- адаптационные способности (низкие значения компромиссности, зависимости, подозрительности, подчиненности, аггравации, тревожности, интропунитивности, при высоких значениях адаптивности);
- характерологические особенности (проницательность, добросовестность, ответственность и ригидность).

Важным критерием определения профессиональной пригодности является и наличие четкой мотивации к службе. К основным мотивам выбора профессии оперуполномоченного выступают стремление к самосовершенствованию, занятию интересным делом, повышению своей личностной значимости, что впоследствии способствует процессу их самореализации, а также помогает приносить пользу обществу и получать социальное одобрение.

Данные характеристики выступают предпосылками дальнейшей успешной деятельности сотрудника и личностной реализации. При этом на наличие и выраженность данных показателей следует обращать внимание не только при приеме на службу, а также уделять значительное внимание их развитию и совершенствованию в процессе служебной деятельности.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

А.С. Пономаренко (Владимир)

Профессиональная идентичность- это сложная система представлений о мире профессий и о себе как о профессионале в конкретной сфере деятельности. Профессиональная идентичность предполагает целенаправленную, специально организованную обществом подготовку. В данном исследовании в основе подготовки рассматривается обучение в высшем учебном заведении. Поскольку именно на данном этапе, по мнению ряда авторов, происходит максимальное становление профессиональной идентичности.

Е.П. Ермолаева отмечает, что профессиональная идентичность складывается при достижении субъектом высокого уровня профессионального мастерства и выступает как устойчивое согласование основных элементов профессионального процесса.

Профессиональная идентичность является центральным звеном реализации профессионала: ее наличие, уровень структурной сформированности, гибкость и адекватность являются условием реализации личности в профессиональной деятельности, она выступает индикатором и регулятором во взаимоотношениях профессионала с его профессией, обществом и самим собой. Структуру профессиональной идентичности образуют три компонента: индивидуальный (профессиональная самоидентификация, или Я - концепция), инструментальный (профессиональные знания, умения, навыки), и социальный (соответствие социальному заказу) их совпадение трактуется как профессиональная идентичность, расхождение как та или иная разновидность маргинализма.

В зарубежной литературе прослеживаются два основных контекста исследования проблематики профессиональной идентичности: первый направлен на изучение профессионального развития, личностного самосовершенствования, второй — на социальные стороны и факторы становления профессионала. В работе Р. Финчман внимание уделяется осознанию профессиональных требований, этических норм, ценностей, которое происходит по мере овладения профессией. Процесс формирования профессиональной идентичности, по сути, выступает как соотнесение индивидуальных особенностей и социальных воздействий в ходе профессионализации.

Для отечественных исследований профессиональной идентичности характерна опора на принципы системности и структурности психических явлений. В рамках идеи профессионального становления личности Ю. П. Поваренков рассматривает профессиональную идентичность как явление системное, динамичное и уровневое, тесно связанное с другими элементами профессионального развития человека: профессиональным самоопределением, профессиональной самооценкой, профессиональной деформацией. Автор проводит анализ профессиональной идентичности в таких аспектах, как: (а) тенденции становления профессионального пути субъекта и

ведущего показателя профессионального развития, (б) как эмоционального состояния, возникающего на основе отношения к профессиональной деятельности, профессионализации и к себе как профессионалу, (в) как подструктуры субъекта профессионального пути, реализующейся в форме функциональной системы. Так же следует подчеркнуть подход Е.П. Ермолаевой и ее концепцию профессиогенеза. Автор исходит из того, что профессиональная идентичность складывается только на достаточно высоких уровнях овладения профессией и выступает как устойчивое согласование основных элементов профессионального процесса.

Нами было проведено исследование профессиональной идентичности у студентов 3 и 5 курсов факультета психологии и физико-математического факультета ВЛГУ имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. Выборка составила 88 человек. Участникам исследования предлагались модифицированные варианты следующих методик: У.С. Родыгина "Исследование профессиональной идентичности" и А.Азбеля "Изучение статусов профессиональной идентичности". Следует отметить полученные нами результаты. Профессиональная идентичность характеризуется по показателям преобладания положительных или отрицательных эмоций и по активной деятельности испытуемых. Наблюдается тенденция к преобладанию положительных эмоций к своей будущей профессиональной деятельности и высокие показатели активности в ее освоении. Причем, различий в группах студентов разных специальностей (техническая и гуманитарная) не выявлено. Выявлены значимые различия между студентами, обучающимися на 5 и 3 курсах в целом по всей выборке: профессиональная идентичность является более сформированной у студентов 5 курса по сравнению с группой третьекурсников. Данные результаты подтверждают положение о значимости предметов специализации и роли производственных практик в профессиональном становлении студента.

По методике А.Азбеля нами были получены следующие результаты: у третьекурсников всей выборки преобладает статус неопределенного состояния профессиональной идентичности (44%) и статус навязанной профессиональной идентичности (27%). Что подчеркивает непрочное формирование профессиональных целей и планов, неосознанность важности выбора профессии, возможно – о навязывании выбора со стороны авторитетной группы или личности. У студентов 5 курсов преобладает показатель ярко выраженной профессиональной идентичности (65%), а так же статус кризиса выбора (25%), что свидетельствует о более высоком статусе формирования профессиональной идентичности на данном возрастном этапе.

Таким образом, следует отметить, что профессиональная идентичность формируется преимущественно на более старших курсах обучения в вузе. В то же время успешно пройденные первые курсы обучения закладывают фундамент дальнейшего продуктивного формирования профессиональной идентичности.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ВНУТРИЛИЧНОСТНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Ю.А. Попова (Ростов-на-Дону)

Актуальность данной темы весьма велика. В настоящее время наблюдается определенный дефицит теоретических исследований в области внутриличностного конфликта. Изучение внутриличностных конфликтов играет огромную роль в межлич-

ностном общении. На сегодняшний день выявлены многочисленные факторы, влияющие на возникновение межличностных и внутриличностных конфликтов. Одним из них является фактор гендерной идентичности. В работах ряда исследователей, как отечественных, так и зарубежных, таких как Клёцина И. С., 1998г; Буракова М. В., 2000; Воронина О.А., 2001г.; Воронцов Д. В., 2003; С. Бем, 2004; Струговец А. С., 2011, представлены результаты, свидетельствующие о взаимосвязи типа гендерной идентичности с эффективностью или неэффективностью общения. Однако эта область еще недостаточно изучена.

Поэтому целью нашей работы является изучение особенностей взаимосвязи внутриличностной конфликтности и гендерной идентичности. Предметом исследования выступают - тип гендерной идентичности и уровень внутриличностной конфликтности. В работе мы хотим выявить наличие или отсутствие взаимосвязи между показателями внутриличностной конфликтности и типом гендерной идентичности. Мы предполагаем, что лица с различной гендерной идентичностью могут обладать различным уровнем внутриличностной конфликтности.

Для достижения цели и проверки гипотезы были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить тип гендерной идентичности;
- 2) определить уровень внутриличностной конфликтности;
- 3) выявить взаимосвязь типа гендерной идентичности и уровня внутриличностной конфликтности, а также типа гендерной идентичности и основных конфликтных структур внутреннего мира личности;
- 4) выявить различия уровня и вида внутриличностной конфликтности у лиц с различной гендерной идентичностью.

Исследование было проведено с использованием двух методик:

1) Тест по выявлению уровня внутриличностной конфликтности Анатолия Ивановича Шпилова.

2) Опросник ориентации личности на гендерные роли С. Бем.

В исследовании приняли участие 44 студента из Ростовских ВУЗов в возрасте от 19 до 23 лет.

При обработке результатов использовались методы математической статистики: корреляционный анализ Спирмена, непараметрический U-критерий Манна — Уитни. На первом этапе исследовался уровень внутриличностной конфликтности респондентов. На втором этапе определялась гендерная идентичность личности.

Новизна нашей работы заключается в том, что она является первой работой, отражающей влияния типа гендерной идентичности на уровень внутриличностной конфликтности. Полученные результаты исследования можно использовать на практике, а именно они могут быть полезны в психологическом консультировании на этапе диагностики проблем клиента.

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты. Корреляционный анализ по критерию Спирмена показал наличие прямой значимой связи ($r=0,51$, при $p<0,005$) между уровнем внутриличностной конфликтности и фемининным типом гендерной идентичности и наличие обратной значимой связи ($r=-0,34$, при $p<0,005$) с маскулинным типом гендерной идентичности. Таким образом, чем выше показатель фемининности, тем выше уровень внутриличностной конфликтности, а чем выше показатель маскулинности, тем ниже уровень внутриличностной конфликтности. Это означает, что уровень внутриличностной конфликтности у лиц с фемининными чертами выше, чем у лиц с маскулинными чертами. Также корреляционный анализ показал наличие прямой значимой связи ($r=0,45$, при $p<0,005$; $r=0,43$, при $p<0,005$; $r=0,54$, при $p<0,005$) между показателями фемининности

и основных конфликтных структур внутреннего мира личности, а именно мотивация, долженствование, самооценка и наличие обратной связи ($r=-0,38$, при $p<0,005$; $r=-0,43$, при $p<0,005$) между показателями маскулинности и теми же структурами, кроме долженствования. Это говорит о том, что чем выше показатели фемининности, тем сильнее преобладают основные конфликтные структуры внутреннего мира личности, и чем выше показатели маскулинности, тем слабее выражены конфликт мотивации и конфликт неадекватной самооценки. Таким образом, фемининный тип гендерной идентичности предполагает большую выраженность основных конфликтных структур внутреннего мира личности, чем маскулинный, что подтверждает выдвинутую гипотезу практически по всем видам внутриличностного конфликта.

Результаты статистического анализа по критерию Манна-Уитни выявили наличие значимых различий по показателям как общей внутриличностной конфликтности, так и по её составляющим: мотивация, долженствование и самооценка у лиц с фемининным и маскулинным типами гендерной идентичности. Это означает, что, уровень как общей внутриличностной конфликтности, так и уровни внутриличностной конфликтности мотивации, долженствования и самооценки значимо выше у представителей фемининной гендерной идентичности, чем у представителей маскулинной гендерной идентичности. Таким образом, выдвинутое предположение подтвердилось.

Итак, проведенное исследование позволяет говорить о наличии взаимосвязи гендерной идентичности с внутриличностной конфликтностью личности. Фемининные представители имеют уровень внутриличностной конфликтности ниже, чем маскулинные. Также испытуемые с фемининным типом гендерной идентичности имеют больше проблемных структур личности и большую выраженность данных структур, а именно конфликт мотивации, долженствования и самооценки. Большинство испытуемых, ориентированных на фемининную гендерную роль (90%), обладают высоким или средним уровнем внутриличностной конфликтности, а почти все испытуемые с маскулинной гендерной идентичностью (77%) имеют низкий уровень внутриличностной конфликтности.

ИЗУЧЕНИЕ СВЯЗИ САМООЦЕНКИ И МОТИВАЦИИ ЛИЧНОСТИ К УЧЕБЕ

Т.В. Попова (Сыктывкар)

Данная тема является актуальной, поскольку в современных условиях активность, настойчивость, целеустремленность человека является тем неотъемлемым фактором, позволяющим человеку как субъекту межличностных отношений быть успешным в разных видах деятельности, в том числе и профессиональной. От того, насколько сильна учебная и профессиональная мотивация человека, его способности, какова его самооценка, будет зависеть и качество специалиста, его компетентность, профессиональность. Одними из важнейших компонентов профессиональной деятельности является мотивационный комплекс личности: мотивация учебной и профессиональной деятельности, мотивация успеха и боязнь неудачи, факторы привлекательности профессии для студентов, обучающихся в вузе. Правильное выявление профессиональных мотивов, интересов и склонностей является важным прогностическим фактором удовлетворённости профессией в будущем. Отношение к будущей

профессии, мотивы её выбора являются чрезвычайно важными факторами, обуславливающими успешность профессионального обучения.

Объект исследования: мотивация и самооценка личности как психологическое явление.

Предмет исследования: связь мотивации и самооценки личности в юношеском возрасте.

Гипотеза: Мотивация личности к учебе обусловлена уровнем самооценки: более высокому уровню мотивации соответствует более высокий уровень самооценки.

Задачи:

1. Раскрыть понятие самооценки;
2. Раскрыть понятие мотивации личности;
3. Провести исследование.

Теоретическая значимость состоит в обобщении исследований, посвященных проблеме мотивации учебной деятельности и формированию самооценки в юношеском возрасте.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы в практической деятельности психолога при выявлении профессиональных мотивов, интересов и склонностей студентов, что является важным прогностическим фактором удовлетворённости профессией в будущем.

Методы исследования: эмпирическое исследование.

Для диагностики взаимосвязи учебной мотивации и самооценки личности у студентов были применены следующие методики:

1. Методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной;
2. Методика исследования самооценки личности С.А. Будасси;

Обнаружена положительная взаимосвязь мотивации на приобретение знаний, мотивации на овладение профессией и самооценки, то есть чем выше уровень самооценки, тем выше уровень мотивации к учебе.

Обнаружена отрицательная взаимосвязь самооценки и мотивации на получение диплома.

Гипотеза о том, что мотивация личности к учебе обусловлена уровнем самооценки: более высокому уровню мотивации соответствует более высокий уровень самооценки нашла свое подтверждение.

Выводы:

1. У студентов преобладают мотивы приобретения знаний и овладение профессией.
2. У девушек наблюдается высокий уровень мотивации к приобретению знаний и овладение профессией, а у юношей лидирующую позицию занимает мотив получения знаний.
3. У 50% студентов адекватная самооценка
4. У одинакового количества юношей и девушек заниженная самооценка.
5. Студенты с высоким уровнем мотивации на получение знаний имеют более высокий уровень самооценки.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

А.В. Попова (Мурманск)

На современном этапе перед системой образования стоят задачи по подготовке специалистов, обладающих межкультурной компетентностью. С этой целью совместно с кандидатом психологических наук, доцентом кафедры психологии Мурманского государственного гуманитарного университета О.Н. Недосека был разработан «Тренинг развития межкультурной компетентности».

Цель курса – формирование межкультурной компетентности, развитие позитивной этнической идентичности, как компонента межкультурной компетентности.

Первый раздел – «Кросскультурная грамотность как фактор интеграции в мировое сообщество», за основу которого взята программа спецкурса В.Г. Рошупкина «Культура и образование», направленная на формирование кросскультурной грамотности студентов. Данная программа влияет только на ценностную сферу, а не на поведение, поэтому ее мы модифицировали, добавив во второй раздел тренинг, т.к. такая форма позволяет сочетать педагогические и психологические методы формирования межкультурной компетентности как структурного компонента профессионального сознания.

Второй раздел – «Тренинг различия продуктивных и непродуктивных способов реагирования с субъектами педагогической деятельности в межкультурных условиях» направлен на развитие способностей, знаний, умений, необходимых для установления и построения отношений, основанных на психологическом равенстве всех участников педагогического процесса в ситуациях межкультурного взаимодействия (детей, педагогов, родителей).

Построение данного вида тренинга основано на идее Е. В. Сидоренко о том, что группа совместно с тренером исследует не социально-психологические явления в общем, а те из них, которые субъективно важны для участников и способствуют преодолению «драм общения» в педагогической практике. Выделение драм общения помогает участникам осознать те механизмы (приемы, техники), которые препятствуют установлению продуктивного взаимодействия.

В работе каждого педагога возникают проблемные педагогические ситуации как в собственно педагогическом общении (с детьми, родителями), так и профессионально-деловом (с коллегами, администрацией, обслуживающим персоналом). В этой связи актуальной становится задача: научиться самостоятельно находить адекватный выход из сложной педагогической ситуации. Тот, кто владеет техниками анализа проблемных ситуаций, может не только разрешить ситуацию, но и уменьшить число педагогических ошибок, выработать самостоятельное решение, избежать субъективизма в оценке поведения другого человека. Это возможно при условии знания и развития способности различать непродуктивные и продуктивные способы реагирования с другими людьми. Непродуктивные способы реагирования не способствуют развитию положительных межличностных отношений, не создают ситуацию развития, как для участников ситуации, так и для деятельности, так как основаны на работе защитных механизмов психики.

Охарактеризуем основные этапы тренинга различия продуктивных и непродуктивных способов реагирования с субъектами педагогической деятельности.

I этап. После знакомства с понятиями «продуктивных и непродуктивных» способов реагирования участникам предлагается разделиться на микрогруппы по 3-4 человека. В микрогруппе учащиеся работают над одной и той же проблемой, изучают одну и ту же тему или пытаются общими усилиями, на основе единого мнения, выдвинуть свежие идеи, комбинации или нововведения.

Каждый участник микрогруппы рассказывает о своей «трудной» педагогической ситуации с одним из субъектов профессиональной деятельности. Это необходимо для того, чтобы преодолеть дистанцию, на которой вступает участник тренинга во взаимодействие с другими членами группы. Затем микрогруппа по согласованному решению выбирает «рабочую» ситуацию.

II этап. После этого микрогруппа решает эту ситуацию и в форме прямой речи записывает данное решение, т.к. специфика контент-анализа подразумевает только наличие высказываний в форме прямой речи. К тому же прямая речь – высказывание, дословно введённое в авторскую речь (говорящего или пишущего) и в отличие от косвенной речи, сохраняет индивидуальные и стилистические особенности речи того, чьё высказывание воспроизводится: диалектные черты, повторы, паузы, вводные слова и т. п. Из косвенной речи не всегда понятно, что было сказано угроза, обвинение или обида. Этот шаг является необходимым методическим атрибутом, так как то, что записано далее будет анализироваться и диагностироваться с точки зрения непродуктивности или продуктивности.

III этап. Постановка «диагноза», что дает возможность осознать, какие слова или действия могут способствовать созданию ситуации развития, а какие будут этому препятствовать. Данное действие помогает участникам на основе метода контент-анализа выделить те единицы, которые демонстрируют, наглядно показывают продуктивность или непродуктивность предлагаемого решения, и только на этой основе в дальнейшем овладеть продуктивной коммуникативной техникой. Поскольку овладение техникой дает возможный, осязаемый результат тренинга, то «тренинг должен начинаться с чего-то осязаемого и приводить к осязаемым результатам».

IV этап. Осознанный выбор продуктивного способа реагирования.

V этап. В конце работы микрогруппы принимают решение, будут ли они выносить свою ситуацию на общее обсуждение или нет. Это связано с тем, что в некоторые микрогруппы выбирают ситуации интимного характера и по согласованному мнению не хотят их делать публичными. Однако следует отметить, что это встречается достаточно редко.

В конце работы тренер получает обратную связь, просит высказаться участников, насколько они продвинулись в способности различать продуктивное и непродуктивное реагирования с разными субъектами профессиональной деятельности, поможет ли это им улучшить отношения.

Реализация «Тренинга различия продуктивных и непродуктивных способов реагирования с субъектами педагогической деятельности» может проходить в рамках любой дисциплины с целью повышения как межкультурной компетентности, так и компетентности педагогов в целом.

СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ БЕЛОРУСОВ

С.А. Преснякова (Минск)

В настоящее время оценка качества жизни является актуальной проблемой. Это обусловлено тем, что уровень качества жизни взаимосвязан с психологическим, социальным, духовным, физическим, материальным благополучием, а также уровнем жизни в целом.

Проблема качества жизни рассматривалась в работах К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, В. А. Хащенко, а также Дж. Гелбрейт, Р. Инглхарт и др. (Агапова Е.Н., 2003).

Проблема качества жизни изучается в различных науках – социальной психологии, психологии здоровья, социологии, медицине, экономике и д. р. Качество жизни является субъективной составляющей удовлетворенностью жизни (Никифоров Г.С., 2006).

Качество жизни представляет собой широкий комплекс условий жизнедеятельности человека и включает в себя уровень жизни, а также такие составляющие, которые относятся к экологической среде обитания, социальному благополучию, политическому климату, психологическому комфорту (Беляева Л.А., 2009).

По данным Организации Объединенных Наций на 2013 год, Республика Беларусь находится на 50 месте из 186 стран мира по уровню качества жизни. В пятерку стран с высоким качеством входит Норвегия, Австралия, США, Нидерланды, Германия. Основными показателями являются: здоровье, продолжительность жизни, доступность образования, уровень качества жизни. Италия находится на 25 месте, а соседняя Польша – на 39. Основными критериями данного рейтинга являются: уровень жизни, состояние здоровья, продолжительность жизни, уровень образования.

Нами было проведено эмпирическое пилотажное исследование по оценке качества жизни мужчин и женщин Республики Беларусь. С этой целью были использованы психодиагностические методики: опросник определения уровня качества жизни, SF- 36, отношения к здоровью (Р. А. Березовской), шкала социальной поддержки в адаптации В. М. Ялтонского, Н. А. Сироты.

Выборочную совокупность составили 200 человек: 100 юношей в возрасте и девушек, от 18 до 30 лет и 100 женщин, мужчин в возрасте от 30 до 50.

Нами изучался уровень качества жизни мужчин и женщин, а также факторы, влияющие на качество жизни. 80% респондентов оценивают свой уровень качества жизни как средний, 9% - как высокий, 11% - низкий. Факторами, которые обуславливают оценку качества жизни, являются: наличие социальной поддержки, оценка состояния здоровья, экономическое положение в обществе.

Нами было выявлено, что на оценку качества жизни существенное влияние оказывает наличие социальной поддержки. Так, наличие социальной поддержки со стороны семьи ($r = 0,46$; $p = 0,05$) и друзей ($r = 0,38$; $p = 0,05$), оказывает позитивное влияние на оценку качества жизни в целом. Также можно отметить, что показатели качества жизни положительно коррелируют с оценкой собственного здоровья ($r = 0,41$; $p = 0,05$). Были выявлены гендерные различия в отношении оценки собственного здоровья. Так, женщины более удовлетворены своим состоянием здоровья, нежели мужчины ($r = 0,40$; $p = 0,05$). Это обусловлено тем, что женщины больше уделяют внимания своему здоровью: посещают врача с профилактической целью, занимаются спортом, придерживаются диеты и т.д.

Нами были выявлены положительные корреляционные связи между показателями оценки качества жизни с некоторыми шкалами SF – 36. Таким образом, физическое состояние оказывает влияние на эмоциональное состояние ($r = 0,38$; $p = 0,05$), а также на особенности коммуникации с другими людьми. Здоровый образ жизни ($r = 0,43$; $p = 0,05$) и отсутствие вредных привычек ($r = 0,33$; $p = 0,05$), также оказывает положительное влияние на оценку качества жизни.

Что касается влияния профессиональной деятельности, то хорошие условия работы и высокий экономического благополучия положительно коррелируют с оценкой качества жизни ($r = 0,47$; $p = 0,05$). Люди с высоким уровнем экономического благополучия оценивают свой уровень жизни как высокий или средний.

Проведенное нами эмпирическое пилотажное исследование свидетельствует, что оценка качества жизни обусловлена следующими факторами: наличием социальной поддержки семьи и друзей, состоянием здоровья, экономическим положением в обществе и т.д. Эти факторы оказывают влияние на психологическое, физическое состояние, а также на особенности коммуникации с другими людьми.

Результаты проведенного исследования могут использоваться в организации мероприятий, направленных на повышение качества жизни современных белорусов.

ДИНАМИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

А.А. Пронина (Владимир)

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (грант 13-06-00513)

Формирование конструктивных способов межличностного взаимодействия в подростковом возрасте является актуальной проблемой современной психологии в связи с тем, что межличностное общение является важным условием развития личности. В этот период происходит коренная ломка прежних интересов и отношений ребенка, обостряются внутренние и внешние конфликты, появляются разные формы нарушающего поведения и агрессивности, как протеста по поводу неудовлетворенности своим положением в обществе, в группе, в семье.

Многие личностные проблемы в подростковом возрасте, по мнению Э.В Матюхиной, Л.А.Петровской, С.В. Духновского и др., связаны с нехваткой коммуникативной компетентности, влекущей за собой отчужденность, конфликтность и агрессию в межличностных отношениях подростка. Важной областью социального поведения подростков является среда сверстников, позволяющая удовлетворить потребность в самореализации, принадлежности к группе, личностном признании у сверстников. Все выше сказанное позволяет сформулировать проблему исследования: какие психолого-педагогические технологии будут оптимальными для решения задачи гармонизации межличностных отношений в реальной подростковой группе?

По нашему мнению, наиболее продуктивные результаты работы в подростковой среде дают интерактивные методы обучения.

В качестве объекта исследования выступили межличностные отношения подростка. Предметом исследования явилась динамика межличностных отношений под воздействием интерактивных технологий социально-психологического тренинга. Цель исследования – оценить изменения параметров межличностных отношений

подростков реальной группы, которые произойдут под воздействием интерактивных технологий, включенных в содержание социально-психологического тренинга. Была выдвинута гипотеза о том, что специально подобранные интерактивные методы, включенные в программу социально-психологического тренинга, будут способствовать снижению конфликтности, отчужденности и агрессивности подростков, что в свою очередь будет способствовать гармонизации межличностных отношений в учебной группе и оптимизировать образовательный процесс, строящийся на сотрудничестве.

Методологическая основа исследования: концептуальные положения, разработанные В.Н.Мясищевым, получившие дальнейшее развитие в трудах А.А.Бодалева, Л.И.Божович, В.В.Давыдова, В.А.Зобкова, А.К.Марковой, Л.В. Куликова, С.В.Духновского и др.

В исследовании были использованы следующие методы: анализ теоретических источников; тестирование с применением методик «Субъективная оценка межличностных отношений» (СОМО) С.В. Духновского, тест «Рука» Э. Вагнера, опросник «Выявление форм агрессивных и враждебных реакций» А.Басса и А.Дарки; метод математической статистики (U - критерий Манна-Уитни); социально-психологический тренинг.

В качестве эмпирической базы исследования была выбрана МБОУ СОШ № 15 г. Владимира. Исследовательскую выборку составили учащиеся 9 «А» и 9 «Б» класса (возраст 14-15 лет) в количестве 40 человек, 18 мальчиков, 22 девочек.

Диагностический этап – исследование параметров, раскрывающих межличностные отношения подростков, составивших выборку исследования. В рамках этапа были сформированы эквивалентные, по интересующим нас характеристикам, экспериментальная (ЭГ) и контрольная (КГ) группы. Просветительский этап – проблемные лекции, модерация совместных обсуждений, дискуссий. Основной этап – подбор интерактивных технологий, разработка и реализация программы социально-психологического тренинга (СПТ). Цель этапа – предложить конструктивные поведенческие альтернативы, которые помогут подростку гармонизировать межличностные отношения со сверстниками, обучить эффективным способам общения и сотрудничества. Итоговый этап – подведение итогов реализации программы, диагностика произошедших изменений в параметрах межличностных отношений. Структура занятий в общем виде включала ритуал встречи, модерацию, групповые дискуссии, проблемные лекции, упражнения, имитационные и ролевые игры, групповую и индивидуальную рефлексию, обратную связь.

Исследование на первом этапе проекта позволило сделать вывод, что для подростков характерны вербальная агрессия, физическая агрессия, подозрительность, косвенная агрессия и раздражительность, дисгармония межличностных отношений, проявляющаяся в отчужденности, напряженности и конфликтности.

После реализации программы СПТ при повторном диагностическом исследовании были выявлены значимые различия с помощью U-критерия Манна-Уитни (при $p=0,01$) по параметрам напряженности, отчужденности, конфликтности, агрессивности в КГ и ЭГ.

Анализ результатов повторного тестирования с применением опросника А.Басса, А.Дарки выявил достоверные различия по индексу враждебности и индексу агрессии.

Повторное использование теста «Рука» Э.Вагнера выявило значимые изменения (при $p=0,01$) по параметру склонность к социальной кооперации в отношениях.

Подростки, входящие в ЭГ смогли значительно повысить уровень успеваемости (с 3,1 балла до 3,9). В контрольной же группе подобных изменений не отмечено. На

достоверном уровне было доказано, что различия в развитии учащихся ЭГ и КГ являются значительными, хотя изначально, как уже упоминалось, различий между данными группами выявлено не было.

Сопоставляя результаты исследования с выдвинутым предположением, о том, что специально подобранные интерактивные методы, включенные в программу социально-психологического тренинга, будут способствовать гармонизации межличностных отношений в учебной группе и оптимизировать образовательный процесс, строящийся на сотрудничестве, можно утверждать, что гипотеза подтвердилась.

Перспективой развития проекта является внедрение программы в образовательный процесс школы. Гармонизация отношений в классных коллективах будет способствовать улучшению социально-психологического климата и как следствие оптимизации учебной деятельности, строящейся на поисково-исполнительском и творческом уровнях активности учащихся, самостоятельном поиске решения проблем.

ДУХОВНОСТЬ НАРОДА КАК СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Е.А. Пронина (Москва)

Духовность – одна из самых Великих тайн и загадок человеческого существования. Из века в век для миллионов людей она открывает доступ к глубинным, сакральным измерениям Бытия, придающим жизни человека необходимую целостность и смысл.

Известно, что духовность - категория не только индивидуальная, но и социальная. Об этом писали многие крупнейшие представители общественной и научной мысли: Л.Фейербах, Гегель, О.Конт, Э. Дюркгейм, К. Ясперс. Поиску ответа на вопрос – что есть духовность народа – были посвящены труды таких великих отечественных мыслителей как Бердяев Н.А, Булгаков С.Н, Ильин И.А, Франк С.Л, Достоевский Ф.М, Карсавин Л.П, Киреевский И.В, Хомяков А.С. Нельзя не отметить, что существенный вклад в разработку проблемы духовности народа внесла и социальная психология. Здесь, безусловно, ведущая роль принадлежит работам Х.Штейнтала, М.Лацаруса, В.Вунда, Г.Лебона, Г.Г.Шпета, А.А. Потебни.

К сожалению, в современной гуманитарной науке, среди огромного количества публикаций, посвященных духовности, практически нет работ, затрагивающих проблему духовности народа. В то же время сегодня, в условиях нарастающих межнациональных и межконфессиональных конфликтов, мы все отчетливее начинаем понимать, что этот вопрос требуют серьезного научного - теоретического осмысления.

Ситуация осложняется крайней широтой и полисемичностью самого термина «народ». До настоящего времени в рамках научно-теоретического дискурса так и не была сформирована единая и целостная концепция, позволяющая дать строго научное определение термину «народ». Вследствие этого в большей части исследований наблюдается путанность и недифференцированность смежных с народом понятий, таких как этнос и нация.

Между тем автор глубоко убежден, что обращение к проблеме духовности народа настоятельно требует предельно четкого представления о том, что такое народ, какова его сущность, место и роль в структуре социального бытия.

Поскольку в центре нашего внимания находится психологический аспект рассмотрения проблемы, то считаем необходимым попытаться раскрыть содержание категории «народ» на уровне психологического знания.

Отправной точкой для нашего исследования явилось то огромное пространство межнаучной мысли, которое было сформировано вокруг такого масштабного социального феномена, каким является народ.

Так вот, с позиций социально – психологической науки народ представляет собой социальную общность людей, объединенную рядом существенных признаков. К их числу прежде всего относятся: общий духовно-психологический облик, мировосприятие, уклад жизни, совокупность обычаев, традиций, ценностей и т.д. (В.С. Барулин, Л.Г. Почебут, В.В. Новиков).

Здесь можно задаться следующим вопросом: существуют ли общие глубинные пласты психической реальности народа, которые позволят отличить его от любой другой социальной общности людей? Очевидно, что без знания законов зарождения и становления народа, без постижения механизмов его развития ответить на этот вопрос не возможно. В этой связи важно обратиться к многочисленным этносоциологическим, культурологическим, психологическим, историческим исследованиям, которые занимались изучением данной проблемы.

Следует подчеркнуть, что существенное влияние на нас оказало научное наследие К.Г. Юнга. Использование именно его идей позволило нам подойти к рассмотрению таких сложных структур психического как коллективное бессознательное, архетип и Эго народа.

Итак, обратимся к истокам зарождения народа. Как известно, в основании народа всегда находится этнос или этносы. Подчеркнем, что сущностной характеристикой этнического сознания является его мифологичность. Миф пронизывает собою всю действительность этноса, затрагивая духовные, моральные, социальные, физические аспекты его реальности.

Здесь необходимо понимать, что этнос еще не является народом, но миф или мифы этноса, в дальнейшем, станут неотъемлемой частью содержания его коллективного бессознательного.

В свете подобных рассуждений, исключительно важными для нас становятся идеи крупнейшего французского ученого К. Леви-Стросса. В структуре мифа К.Леви – Стросс выделяет наиболее сложные основополагающие элементы, которые он называет мифемами. Данные мифологические конструкты являются базовыми и лежат в основе любого мифа. В то же время особое сочетание, комбинация этих мифем не повторяются, что придает мифу уникальность. Таким образом, с точки зрения К.Леви – Стросса жизнь этноса представляет собой динамическое взаимодействие между мифемами и мифом (Леви – Стросс.К.,1983)

Это обстоятельство позволяет предположить, что коллективное бессознательное народа содержит сложные структурные элементы, которые базируются на архетипическом пласте психического и обуславливают уникальность конкретной народной общности.

Важно отметить, что если бытие этноса полностью мифологично, то переход от этноса к народу связан с появлением совершенно нового измерения. Это глубинное явление в жизни этноса, которое обусловлено его способностью идентифицировать Другого. Характерно, что наличие Другого оказывается необходимым условием для осознания этносом самого себя как отличного от Другого. Иными словами, зарождение народа связано с моментом появления Эго (Дугин. А.Г., 2010).

Подводя итог, заметим - все сказанное нами о народе, лишь малая толика того, что еще можно сказать. Тем не менее, рискнем предположить, что духовность народа связана с его способностью преодолевать границы собственного Эго, выходить в ту область, где Другой является неотъемлемой частью его Бытия.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЦ С ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ПЕРЕДАЮЩИМИСЯ ПОЛОВЫМ ПУТЕМ

Е.В. Пронина, А.А. Пронина (Владимир)

В современной эпидемиологической обстановке актуальное значение имеет разработка и активное внедрение мер профилактики заболеваний, передаваемых половым путем (ЗППП). Вероятность заражения этими инфекциями (ИППП) во многом зависит от различных форм поведения в межличностных отношениях.

Большинство больных с ЗППП составляют пациенты молодого возраста, а в последние годы отмечается рост этих инфекций среди детей и подростков, профилактическая работа должна быть направлена именно на указанные группы населения.

Нарушение значимой системы отношений приводит к нарушению полноценного функционирования человека в обществе, к личностной дезорганизации, поэтому объектом исследования стали межличностные отношения, предметом – особенности межличностных отношений лиц с ЗППП: гендерный аспект.

Цель исследования – изучить проблему межличностных отношений лиц с ЗППП в гендерном аспекте.

Гипотезу исследования составляет положение о том, что межличностные отношения лиц с ЗППП характеризуются переживанием дисгармонии и наблюдаются гендерные различия по параметрам напряженности, отчужденности, конфликтности, агрессивности в отношениях, степени одиночества и близости – отдаленности между субъектами отношений.

Исследование проводилось на базе Областного кожно-венерологического диспансера г. Владимира, первоначально в нем приняли участие 26 человек, больных ЗППП, из них 7 мужчин и 19 женщин, в возрасте от 17 до 48 лет. Контрольную группу составили люди (n = 26), не страдающие ЗППП. Эквивалентность групп устанавливали по таким параметрам, как пол, возраст, образование. Далее включены в исследование еще 36 человек (с заболеваниями ЗППП), из них 18 женщин и 18 мужчин в возрасте от 20 до 30 лет.

На первом этапе эмпирического исследования были определены цель и задачи исследования, база его проведения, выдвинута гипотеза, а также подобран диагностический инструментарий, соответствующий логике и задачам исследования.

На втором этапе была проведена диагностика межличностных отношений, степени одиночества человека, степени близости – отдаленности между субъектами отношений. Мы провели аналогичную диагностику с контрольной группой (людьми, не страдающими ЗППП). Эквивалентность групп устанавливали по таким параметрам, как пол, возраст, образование. На основе качественного и статистического анализа (угловое преобразование Фишера) по методике «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В.Духновского, о специфике межличностных отношений больных ЗППП можно сделать следующий вывод: больные ЗППП не задумываются о том, как складываются их отношения, для них характерно большое количество социальных контактов, не обладающих достаточной глубиной и значимостью, отношения носят

преимущественно поверхностный характер или, наоборот, у них наблюдается излишняя сосредоточенность, повышенная озабоченность отношениями, которые являются неустойчивыми, доставляющими беспокойство и дискомфорт ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 3,4$, при $p \leq 0,001$).

Больные ЗППП не замечают наличия трудностей, проблем в отношениях или не желают признавать их, у них формально отмечается наличие дисгармонии в межличностных отношениях: отсутствие единства, согласия с другими людьми, ослабление позитивных эмоциональных связей, преобладание удаляющих чувств над сближающими чувствами ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 3,2$, при $p \leq 0,001$).

Статистический анализ результатов, полученных по методике «Шкала субъективного переживания одиночества» С.В. Духновского, позволил выявить, что для больных ЗППП характерна в незначительной степени гиперсоциальность, в большей – беспокойство по поводу реальных или воображаемых препятствий; сдержанность в выражении искренних чувств, снижен тонус чувств, характерна усталость, инертность, уменьшен ресурс сил. В отношениях таких людей отмечается сомнение в способности вызывать уважение, застенчивость, скептицизм, потребность в доверии и признании, неудовлетворенность собой и своим положением. Они лишены доверия к окружающим и надежды на будущее. Внутренняя конфликтность и сопровождающие ее эмоции связаны с трудностями локализации их истинного источника ($\varphi^*_{\text{кр.}} = 3,72$, при $p \leq 0,001$).

На третьем этапе – расширена выборка испытуемых (лиц с ЗППП), проведена диагностика межличностных отношений и психологического пола с определением степени андрогинности, маскулинности и фемининности лиц с ЗППП (опросник по изучению маскулинности-фемининности С.•Бэм), выявлены гендерные различия в межличностных отношениях.

При изучении гендерных различий выявлено, что для фемининных женщин характерны высокие показатели напряженности, отчужденности и агрессии в межличностных отношениях, высокий уровень переживания одиночества ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2,62$; при $p \leq 0,01$).

Андрогинные женщины характеризуются менее высоким уровнем социального самоконтроля по сравнению с фемининными, при этом обладают выраженными показателями переживания одиночества.

Андрогинные мужчины имеют схожие показатели с показателями андрогинных женщин. В их межличностных отношениях особо представлены высокие показатели напряженности, отчужденности, конфликтности, агрессивности, социального самоконтроля и переживания одиночества по сравнению с маскулинными мужчинами.

В межличностных отношениях маскулинных мужчин наблюдаются средние показатели изучаемых параметров.

На основе данных, полученных в исследовании, выявлено, что на психологическом уровне заражение инфекциями, передающимися половым путем, во многом зависит от различных форм поведения в межличностных отношениях.

Таким образом, гипотеза исследования о том, что межличностные отношения лиц с ЗППП характеризуются переживанием дисгармонии и есть гендерные различия по параметрам напряженности, отчужденности, конфликтности, агрессивности в отношениях, степени одиночества и близости – отдаленности между субъектами отношений, подтверждена, задачи решены.

Перспективой нашего исследования является создание программы коррекции дисгармонии межличностных отношений. Целью этой работы будет коррекция и

снижение склонности подростков, молодых людей к девиантному поведению, приводящему к ЗППП.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРЕССА, КОМПОНЕНТОВ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛИЧНОСТИ И СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Е.В. Пронина, Е.С. Муреева (Владимир)

В современном обществе людям постоянно приходится сталкиваться с трудными жизненными ситуациями: на работе, дома, в любой социальной группе. Здесь необходимо говорить о таком качестве как *hardiness*, предложенное С.Мадди и С.Кобейса и обозначающее «крепость, выносливость», Д.А.Леонтьев предложил обозначать это качество как жизнестойкость. Особенно важно рассматривать жизнестойкость как личностную переменную, которая помогает личности успешно противостоять стрессовым ситуациям, прежде всего в профессиональной деятельности.

Жизнестойкость личности становится особенно важной в периоды каких-либо перемен, проблем, экономических и других кризисов. Изучение поведения, направленного на преодоление трудных ситуаций, в психологии проводится в рамках исследований, посвященных анализу «*coping*»-механизмов. Представляется актуальным провести исследование по выявлению значимых взаимосвязей между уровнем переживания стресса, жизнестойкостью и преобладающими копинг-стратегиями. Целью нашего исследования стало определение взаимосвязи между выраженностью компонентов жизнестойкости личности и выраженностью стратегий совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях, а также изучение взаимосвязи уровня выраженности жизнестойкости и уровня переживания стресса у финансово-экономических работников. Была выдвинута гипотеза о том, что между уровнем переживания стресса, выраженностью компонентов жизнестойкости и стратегий совладающего поведения в трудных ситуациях существуют значимые взаимосвязи.

На первом этапе исследования был осуществлен теоретический анализ проблемы выраженности жизнестойкости и совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях. Далее мы на психодиагностической основе (тест жизнестойкости Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, опросник диагностики состояния стресса А.О.Прохорова) изучили выраженность компонентов жизнестойкости личности и стратегий совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях у финансово-экономических работников. На третьем этапе устанавливали взаимосвязи между выраженностью уровня переживания стресса, различных компонентов жизнестойкости и стратегий совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях, с помощью ранговой корреляции Спирмена, интерпретировали полученные результаты.

На основе теоретического анализа, вслед за Д.А. Леонтьевым, мы рассматривали жизнестойкость, как «систему убеждений, которая включает три компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска и способствует успешному совладанию с трудными ситуациями». В качестве копинг- стратегий мы рассматривали следующие: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, бегство - избегание, планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, позитивная переоценка.

В результате эмпирического исследования, мы пришли к следующим выводам: у большинства участников исследования наблюдается высокий уровень выраженности такого компонента жизнестойкости, как «вовлеченность». Это говорит о том, что испытуемые получают удовольствие от собственной деятельности, чувствуют себя уверенными; большая часть участников исследования (65%) имеют высокий уровень выраженности такого компонента жизнестойкости, как «контроль», указывающий на их стремление влиять на результаты происходящего, выбирать собственную деятельность, свой путь; такой компонент жизнестойкости как «принятие риска» имеет средний уровень выраженности у большинства участников исследования, следовательно, они стремятся к развитию, черпая знания из своего опыта. Они убеждены в том, что все то, что с ними случается, способствует их развитию, готовы действовать в отсутствие надежных гарантий успеха; в целом, большинство участников исследования имеют высокий уровень выраженности жизнестойкости, в структуре которой преобладает такой компонент как «вовлеченность»; на высоком уровне у большинства испытуемых развиты следующие стратегии совладания: самоконтроль, поиск социальной поддержки, планирование решения проблемы и положительная переоценка. Необходимо отметить, что данные копинг-стратегии являются конструктивными. Это дает нам повод сделать вывод о том, что большинство участников исследования используют в стрессовых ситуациях полезные для них способы совладания; все деструктивные стратегии совладания у большинства испытуемых находятся на среднем уровне; большинство испытуемых ведут себя в стрессовых ситуациях достаточно сдержанно и умеют регулировать свои собственные эмоции.

В результате корреляционного анализа ($R = 0,27$, при $p = 0,05$), были получены следующие данные: чем выше уровень самоконтроля, тем выше уровень принятия риска и жизнестойкости в целом; при снижении использования такой копинг-стратегии как «бегство-избегание» уровень выраженности принятия риска должен увеличиться; все компоненты жизнестойкости, включая ее интегральный показатель, влияют на стратегию совладающего поведения «планирование решения проблемы», а именно при увеличении уровня жизнестойкости - повышается частота использования данной копинг-стратегии; уровень переживания стресса имеет значимые отрицательные связи со всеми показателями жизнестойкости. Следовательно, при возрастании уровня жизнестойкости, уровень переживания стресса снижается.

Таким образом, результаты и выводы исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что между уровнем выраженности жизнестойкости и выбором стратегий совладания в трудных жизненных ситуациях существуют значимые взаимосвязи, а также подтверждается вторая часть гипотезы о том, что при увеличении уровня жизнестойкости снижается переживание стресса.

Перспективой нашего исследования является разработка тренинговой программы по оптимизации уровня жизнестойкости и выработке конструктивных копинг-стратегий с целью снижения уровня переживания стресса в группе финансово-экономических работников.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАГЛЯДНО-ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В.Е. Пузакова (Тула)

Дошкольное детство – это период интенсивного психического развития ребенка. В это время закладываются основы всех психических свойств и качеств личности, познавательных процессов и видов деятельности. Это время активного познания окружающего мира.

Образное мышление – основной вид мышления детей 5-6 летнего возраста. Благодаря этому виду мышления, дети в этом возрасте могут овладеть разными возможностями. Например, они могут научиться мыслить, строить наглядные модели-схемы, а также планировать свои действия в уме.

Р.С. Немов в своем словаре предлагает следующее определение: «Наглядно-образное мышление — это вид мыслительного процесса, который осуществляется непосредственно при восприятии окружающей действительности и без этого осуществляться не может».

Главной особенностью наглядно-образного мышления, по мнению Ж. Пиаже, является решение ребенком жизненных задач не только в ходе практических действий с предметами, что характерно для наглядно-действенного мышления предшествующего возрастного периода, но и в уме с опорой на образы - представления об этих предметах. Уровень сформированности наглядно-образного мышления определяется главным образом развитием зрительного восприятия, кратковременной и долговременной памяти.

Основная линия развития наглядно-образного мышления заключается в формировании умения оперировать образами предметов или их частей. В качестве основы такого оперирования выступает умение детей произвольно актуализировать эти образы. Такие умения возникают у детей в ходе усвоения двух тесно взаимосвязанных систем действий. Вначале формируется система анализирующих действий, в процессе которых ребёнок обучают последовательно выделять основные, а затем производные части предмета, то есть обучают идти от общего к частному. Затем в продуктивной деятельности формируется система воспроизводящих действий, в процессе которых ребёнок обучают воссоздавать вначале основные части предметов, а затем производные.

Исследование Г.И. Минской показало, что на протяжении дошкольного возраста ребенок переходит от наглядно-действенного к наглядно-образному и к словесно-дискуссионному мышлению. Это исследование, доказавшее наличие такого перехода, вместе с тем указывает, что наиболее высокий процент правильных решений дети дают тогда, когда их мышление носит наглядно-действенный характер – 96,3%, наглядно-образный – 68,2%, словесный – 22%. Из этих данных, мы видим, что становление наглядно-образного мышления ещё до конца не сформировано.

Нами была разработана диагностическая программа, направленная на изучение особенностей и уровня наглядно-образного мышления у детей старшего дошкольного возраста. Исходной позицией для отбора методик по изучению мышления у детей старшего дошкольного возраста явились работы С.Д. Забрамной, Е.А. Стребелевой, А.А. Катаевой В состав программы вошли следующие методики: «Классификация картинок по функциональному назначению», «Исключение четвертого лишнего», «Серия сюжетных картинок», «Почини коврик», «Разрезные картинки». Задания

имели как вербальную, так и невербальную форму выполнения. Условиями проведения методических заданий было налаживание доброжелательного контакта с ребенком, подбадривание – в случае затруднения выполнения задания. Проводя обследования, мы фиксировали все ответы детей, учитывали понимание ребенком инструкции, цели задания, характер деятельности, её целенаправленность.

По итогам проведенной нами диагностической процедуры, мы можем сделать следующий вывод, что наглядно – образное мышление у детей старшего дошкольного возраста развито не достаточно высоко и требует целенаправленной системной работы. 42,8% детей имеют высокий уровень сформированности наглядно-образного мышления; 28,6% - средний, 28,6% - низкий уровень сформированности наглядно-образного мышления.

Во время исследования многие дети верно справились с заданиями. Большая часть детей имеет хорошую сформированность наглядно-образного мышления, целенаправленности, умеют выделять в предметах существенные признаки, а также могут обобщить в речевом плане принцип группировки.

Таким образом, уровень развития наглядно-образного мышления, достигаемый в дошкольном возрасте, имеет непреходящее значение для всей последующей жизни человека, служит тем основным вкладом, который дошкольное детство вносит в общий процесс психического развития.

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ АДАПТАЦИЮ К ВУЗУ

Д.Н. Разорина (Москва)

Нами проверялось предположение о том, что индивидуально-личностные особенности сформированности компонентов психологической готовности к деятельности (обучению в вузе) связаны с внешним (успешность обучения: отсутствие троек за последнюю сессию) и внутренним (ощущение комфорта при нахождении в университете) критериями адаптации по модели А.А.Реана и уровнем их развития. Проверка гипотезы проведена с помощью t-критерия равенства средних для независимых выборок выделенных групп адаптации. Изучаемые признаки исследованы при помощи методики «Адаптированность студентов в вузе» Т.Д.Дубовицкой и А.В.Крыловой (2010), теста «КОТ» В.Н.Бузина и Э.Ф.Вандерлика (1989), опросника «Стиль саморегуляции поведения» В.М.Моросановой (2004). Выборка: 104 студента первых курсов Сыктывкарского госуниверситета в возрасте 17-23 лет (37,5% юношей и 62,5% девушек).

Для выделения групп адаптации применен кластерный анализ с использованием метода внутригрупповых связей в соответствии с принятой моделью А.А.Реана. В группах адаптации по внешнему критерию на основании шкал методики «Адаптированность студентов в вузе» выделены три уровня адаптации по внутреннему критерию: средний (54-60%), выше среднего (72-81%) и высокий (86-93%). Сформированы 6 групп социально-психологической адаптации.

Результаты: основой успешной адаптации к учебе и к социальной среде вуза выступает обучаемость и система саморегуляции студента. При снижении успеваемости студентов наблюдается уменьшение благоприятности прогноза обучаемости: уменьшается количество выполненных заданий методики «КОТ» (t-критерий = 2,23 при

$p \leq 0,05$) и верно решенных ($t=3,22$; здесь и далее в скобках приводится значение t -критерия при уровне значимости $p \leq 0,01$ за исключением оговоренных случаев). Это означает, что успевающие студенты более эффективно решают познавательные задачи и ориентируются в непривычных условиях, у них в целом выше темп мыслительной деятельности.

В группе с высоким уровнем адаптации по внутреннему критерию успевающие студенты выполнили больше заданий методики «КОТ» (в целом и верно), чем неуспевающие ($t=2,74$), у них также выше показатели планирования ($t=2,4$ при $p \leq 0,05$). Причиной неуспеваемости может быть недостаточно развитая способность строить реалистичные, детализированные и устойчивые планы в сочетании с менее продуктивной мыслительной деятельностью. Отсутствие цели (подготовиться к экзамену или зачету и успешно его сдать) или ее неустойчивость («вот в следующем семестре точно начну хорошо учиться»), нереалистичность и слабая детализация плана даже при наличии цели не позволяют ее осуществить. В группе успевающих студентов отмечен самый низкий показатель самостоятельности среди всех групп, это может говорить о том, что одной из причин успеваемости является потребность в социальной поддержке и одобрении, которая находит выражение в стремлении хорошо учиться.

Различия показателей саморегуляции в группах успешных и неуспешных студентов не выявлены, однако эти показатели могут быть связаны со степенью адаптированности к социальной среде.

В группе с высоким уровнем адаптации по внутреннему критерию выше, чем в группах с уровнем выше среднего и средним, показатели моделирования ($t=3,9$ и $t=4,2$ соответственно), программирования ($t=2,7$ и $t=2,7$) и общего уровня саморегуляции ($t=2,4$ при $p \leq 0,05$ и $t=5,0$). В группе со средним уровнем достоверно ниже, чем в группах с высоким уровнем и уровнем выше среднего, показатели оценивания результатов ($t=4,3$ и $t=2,8$ соответственно) и регуляторной гибкости ($t=5,0$ и $t=2,8$).

Успешно адаптированных студентов отличает способность выделять значимые для достижения цели условия, продумывание и детализация программ достижения целей, а также общий достаточно высокий уровень сформированности системы саморегуляции. Эти студенты способны анализировать ситуацию и находить решение возникающих проблем, что позволяет им результативно общаться, а также является предпосылкой для успешного учения в сочетании с адекватной мотивацией.

Слабыми местами студентов, наименее успешно адаптированных в вузе, являются недостаточно развитые навыки оценивания себя, результатов своей деятельности и поведения, несформированность критериев оценки, они также с трудом привыкают к переменам, не способны быстро и адекватно реагировать на изменяющиеся условия и в соответствии с ними перестраивать свою деятельность. Скорее всего, у этих студентов неадекватная самооценка, им трудно оценить успешность своей деятельности и выявить свои сильные стороны и достоинства. Это сочетается с медленным приспособлением к изменениям и в итоге не позволяет эффективно общаться с одноклассниками и преподавателями и т.д.

Показатели основных регуляторных процессов (моделирование, программирование и оценивание результатов) образуют в группах адаптации по внутреннему критерию сходные профили. В группах с высоким уровнем адаптированности значения показателей убывают в следующей последовательности: моделирование, программирование, оценивание результатов. В группах с уровнем адаптированности выше среднего значения показателей убывают в обратном направлении. В группах со средним уровнем наиболее выражен показатель программирования.

Выводы: на успешность адаптации к учебной деятельности оказывает влияние способность ставить достижимые цели, планировать деятельность, высокая познавательная активность и эффективность, умение ориентироваться в незнакомых ситуациях.

На успешность адаптации к социальной среде в значительной мере влияют особенности системы саморегуляции, ее развитость и сбалансированность, способность анализировать актуальную ситуацию, быстро и адекватно на нее реагировать, сформированность критериев оценки себя и своей деятельности, способность проявлять гибкость в поведении. При этом для студентов, адаптированных к вузу в разной степени, значимой оказывается способность продумывать способы своих действий и поведения, их последовательность, устойчивость программ поведения.

К ВОПРОСУ О ДЕКЛАРАТИВНЫХ ЗНАНИЯХ КАК ЯВЛЕНИИ ОБЫДЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

А.Р. Репникова (Южно-Сахалинск)

Современная популяризация психологического знания привела к тому, что психология превратилась в существенную часть повседневной жизни, а большое количество терминов, фамилий, идей теперь не является исключительно прерогативой специалистов, что по-новому представляет проблему психологии обыденной, житейской.

На сегодняшний день имеется целый ряд понятий, отражающих данное явление: «наивная психология», «имплицитные теории», «обыденное психологическое знание», «субъективные представления», «социальный интеллект», «психологическая грамотность». При этом, несмотря на имеющиеся различия, когнитивная составляющая каждого из определений облигатно утверждает наличие субъективной картины идей, понятий, принципов относительно психологии окружающих, в некоторых дефинициях, и своей.

Особо проблемный вопрос в данном контексте представляет задача разграничения обыденного психологического знания, действительного, и обыденного психологического знания вербализуемого, «предоставляемого». Так, исследователи социального интеллекта К. Джонс и Дж. Д. Дэй выделили «кристаллизованные социальные знания», полученные в результате социального научения, и опытные, полученные в ходе собственной исследовательской практики, знания о хорошо знакомых социальных событиях (по Р. Стернбергу, 2002).

Уже в данном определении структуры прослеживается некое противопоставление данных форм знаний: процедурного и декларативного: декларативное знание относится к знанию теоретического типа, что предполагает умение объяснить происходящее, в то время как процедурное является практическим знанием и означает какие-либо умения, навыки.

Еще более ярко это противопоставление обнаруживается в словах отечественного психолога В.Н. Дружинина: «имплицитная теория может быть обыденной, то есть принадлежать обыденному сознанию группы или индивида, а та, в свою очередь, декларироваться» (В.Н. Дружинин, 1994, 2008), добавим: возможно, только декларироваться, то есть быть неким артефактом, легендой.

Традиционно в психологических науках – психосемантике, психолингвистике – различают декларируемые, «знаемые» и реально используемые, «рабочие» конструкторы.

Декларативное (от лат. *declaratio*), дискриптивное или формальное знание есть любое знание, к которому человек имеет осознанный доступ и которое может быть выражено тем или иным способом (М. Кордуэлл, 2000).

Д. Берри и Д. Бродбент одними из первых разделили знание, как и соответствующее обучение на два антагонистических типа: эксплицитное и имплицитное – невербальное, обеспечивающее практическое действие и, как правило, не сказывающееся на качестве словесных ответов (по Д.В. Ушакову, 1997)

Работа по изучению творческого мышления привела Я.А. Пономарева к выводам о природе интуитивного знания (то самое процедурное), которое, в соответствии с взглядами ученого, может служить основой практического действия, являясь в то же время бессознательным и недоступным свободной вербализации, актуализации (Я.А. Пономарев, 1976, 2010).

Среди исследований в рамках анализа декларируемого и реально используемого, в частности, в сравнении, должно назвать работу Е.Ю. Самсоновой под руководством В.Н. Дружинина по изучению репрезентации общих умственных способностей в индивидуальном и групповом сознании. Кроме установления влияния навязанных конструкторов на оценку интеллектуальных способностей, а также содержание ненавязанных конструкторов, Е.Ю. Самсонова подтвердила, что фактически декларируемое не используются при реальной оценке выраженности способностей у других людей (Е.Ю. Самсонова, 1994).

С.А. Леднева, изучая особенности субъективной диагностики педагогами детской одаренности, обнаружила такой факт: вербализация, то есть стремление сделать осмысленными, научно грамотными (педагогам предлагалась программа просвещения относительно природы и проявлений общих умственных способностей) субъективные представления приводит к снижению точности той самой оценки (С.А. Леднева, 2003). Однако, здесь необходимо признать, по-видимому, невозможность, несмотря на имеющийся соблазн, полноценно интерпретировать данный факт, как правило «процедурное знание больше соответствует действительности, нежели декларативное», ограничиваясь лишь утверждением достоверности в отношении деклараций, сформированных извне.

Примечательными в данном случае выглядят данные, полученные С.С. Беловой, детально описавшей эффект вербализации. Сравнение двух групп испытуемых, одной из которых предлагалось объяснять собственное суждение об интеллекте детей, показало, что точность субъективной оценки интеллекта значимо выше именно в группе «без объяснений», что обнажало факт: вербализуемые критерии субъективной оценки интеллекта окружающих часто являются декларативными (С.С. Белова, 2004).

Несмотря на визуальное «преимущество» и большую достоверность процедурного, интуитивного знания, подтвержденную описанными оригинальными исследованиями, явление деклараций неоспоримо, как, по-видимому, и неоспорима их необходимость, значимость в психической жизни обывателя. Человек с трудом может существовать в неизвестности, ситуация неопределенности вызывает напряжение, повышение тревоги, с чем индивид справляется, создавая себе «известность» – декларацию. При этом, фактически являя собой миф, эти осознанные, вербализуемые суждения служат моделью реальности, исполняют роль инстанций, претендуя притом на достоверность.

В этом смысле, декларативность, вероятно, аналогично этикетной лжи детей, не должна отождествляться с ложью истинной, «сознательным лицемерием», в большинстве своем не предлагая своему носителю даже возможности осознания многочисленных переходов «от ориентировки на реальные значения к ориентировке на декларативные и наоборот» (А.Г. Шмелев, 1983).

Таким образом, тонко очерченная в границах область декларативного знания о психологии других людей, в содержании являясь освещенной преимущественно с позиции когнитивной парадигмы, оставляет настоящей науке возможности для изучения, одновременно с тем, ставя целый ряд задач.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРОБЛЕМЕ ТАБАКОКУРЕНИЯ

С.А. Решетко (Москва)

В настоящее время остро стоит вопрос о факторах, влияющих и способствующих отказу от табакокурения. Однако исследования, посвященные проблеме табакокурения, носят разрозненный характер, как в России, так и за рубежом. Не существует единого подхода к изучению данного явления, в результате чего полученные данные о влиянии курения носят разрозненный характер. Данная проблема рассматривается на разных уровнях от генетического уровня до макросоциологического и в разных областях знания: в медицине, социологии, психологии.

Исследования на генетическом уровне затрагивают вопрос связи rs 1051730 гена CHRNA3 (никотиновый рецептор 3) с проявлениями тревоги и депрессии (Gunnell, Elvestad, Smith, Skorpen, Krokkan, Vatten, Romundstad, 2013). Было показано отсутствие связи rs1051730, связанного с курением, с тревогой и депрессией среди курильщиков, на основании чего был сделан вывод, что табакокурение не является причиной тревоги и депрессии. На стыке с психиатрией изучаются вопросы связи табакокурения и психических болезней (Kahler, Daughters, Leventhal, 2009). В настоящее время большое распространение получает проблема генетической предрасположенности к табакокурению (Rose, Broms, Korhonen, 2009). На стыке с психиатрией изучаются вопросы связи табакокурения и психиатрических болезней (Kahler, Daughters, Leventhal, 2009).

Немаловажной проблемой является и вопрос о «социальном» курении (Shiffman, 2006). Отмечается, что «социальные» курильщики не чувствуют себя табакозависимыми. В своих контактах они более разборчивы и ищут себе друзей и партнеров из числа некурящих. Зависимость от табакокурения часто связывают только с никотиновой зависимостью, однако в нее следует включать и синдром выученной беспомощности (Глухова, Щеглова, 2009). Данный синдром подразумевает, что после начала курения оно становится частью повседневной жизни. Данному синдрому чаще подвержены молодые люди, которые предъявляют к себе высокие требования, но при столкновении с неожиданными ситуациями не способны поддерживать высокую планку своих достижений, которую сами себе установили. Проблема табакокурения активно обсуждается в медицине (Лазебник, Шарахов, Бедерова, 2009).

На стыке психологии и медицины проводятся исследования о связи табакокурения и депрессии среди больных с Большим депрессивным расстройством (Holma, Melartin, 2013). В литературе представлены результаты исследований влияния таба-

кокурения на пациентов с Большим депрессивным расстройством. Исследование показало, что по сравнению с теми, кто никогда не курил, курильщики моложе, у них больше заболеваний, связанных с алкоголем, наблюдались личностные расстройства, частые попытки суицида, более высокий уровень невротизма, низкий уровень социальных контактов и социальной поддержки. Также проводятся исследования, направленные на изучение влияния табакокурения на вероятность суицида (Bronisch, Hofler, Lieb, 2008).

В отечественной психологии рассматриваются вопросы о психологических особенностях молодых людей с табачной зависимостью (Аносова, 2005). При рассмотрении вопроса об оптимизации программ снижения зависимости от табакокурения были рассмотрены такие причины неэффективности лечения, как неадекватный уровень первичной мотивации для отказа от курения, демонстративность поведения и склонность к фиксации тревоги (Сафонова, 2011). Эмоциональное напряжение как реакция на стресс также было отмечено как одна из причин возврата к курению. Практическая значимость данной работы заключалась в предоставлении практических рекомендаций при работе с больными с табачной зависимостью, предложен сбор анамнеза в соответствии с интегративным, когнитивным и эмоциональным уровнями.

Особую актуальность проблематика профилактики табакокурения приобретает в настоящее время, когда курение получает большое распространение среди молодежи. Рассматривая проблему начала курения среди подростков, большое внимание уделялось влиянию микросоциального окружения (Broms, Kaprio, Koskenvuo, 2002; Акчурун, Мостовой, Мостовая, 2002). Отмечается более низкий социальный статус курящих подростков в группе сверстников, их отвержение.

В настоящее время в зарубежной науке большую популярность получает теория запланированного поведения (Ajzen, 1985). Данная теория находит свое применение в совершенно разных областях знания: при изучении мотивации дородового наблюдения (Tasci-Duran, Emel; Ozkahraman, Sukran, 2013), при предсказании занятий спортом при избыточном весе (Plotnikoff, Ronald; Lubans, David; Costigan, Sarah, 2013). Согласно данной теории поведение человека можно запланировать, и направляется оно тремя видами убеждений: поведенческие убеждения (вероятные последствия поведения), нормативные (об ожиданиях окружающих), контролирующие убеждения (убеждения о присутствии факторов, которые могут содействовать или воспрепятствовать осуществлению поведения). Например, согласно данному подходу, люди бросят курить, если они:

1. Имеют положительное отношение к отказу от курения.

2. Думают, что значимые для них люди считают, что бросить курить будет им полезно

3. Считают, что могут контролировать процесс бросания.

Данный подход является перспективным в изучении и прогнозировании поведения отказа от курения. Используя данную теорию, можно предсказать, изменит человек свое поведение или нет, а в рамках данной тематики откажется ли от курения или продолжит курить.

В планируемом исследовании, направленном на изучение социально-психологических факторов отказа от курения, будут решаться задачи:

1. Анализ эмпирических и теоретических подходов к проблеме табакокурения

2. Изучение личностных особенностей российской курящей и некурящей молодежи

3. Выявление характерных для российской молодежи типов отношения к курению.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЗГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОИСК ПОДХОДОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

А.Р. Родионов (Санкт-Петербург)

Известно, что творчество и интеллект связаны друг с другом до определенного уровня (IQ равный 120), после чего их можно рассматривать как два независимых проявления психики. Этот факт вместе с результатами современных нейровизуализационных исследований приводит к предположению, что творческие и интеллектуальные процессы могут быть представлены, как системы различных, общих и до некоторой степени перекрывающихся механизмов. Взаимодействие творчества и интеллекта все еще остается недостаточно изученной проблемой. В частности, нерешен вопрос о возможном влиянии творческого тренинга на различные когнитивные функции с целью их развития для решения как творческих, так и нетворческих задач.

Нами был обобщен пятилетний опыт применения различных методических приемов анализа электроэнцефалографических данных ЭЭГ (спектральный анализ, вызванная синхронизация/десинхронизация, анализ независимых компонент, стандартизованная электромагнитная томография), а также стандартизованных психологических методик при исследовании вербальной творческой и нетворческой деятельности и креативности (по Гилфорду) у актеров.

В группе актеров при сравнении с неактерами показан более высокий уровень креативности (тест Гилфорда) и более высокие количественные показатели успешности выполнения творческих и нетворческих задач. Сравнивая эти данные с результатами ЭЭГ исследований можно предположить, что актеры имеют способность лучше адаптировать свое внимание в соответствии с особенностями творческих и нетворческих задач. Полученные результаты согласуются с данными других исследований (Gazzaniga et al., 2008), в которых показано оптимизирующее влияние актерского тренинга на развитие различных когнитивных функций, в том числе, памяти и внимания, что сказывается на повышении качества выполнения и нетворческих задач.

Наши результаты открывают новые перспективы для понимания снижения показателей беглости и оригинальности (тест Гилфорда) у детей с задержкой психического развития и общим недоразвитием речи по сравнению с нормальными детьми и могут быть использованы для разработки новых подходов к развитию когнитивных функций и при социально-поведенческой реабилитации.

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНЫХ АКЦЕНТУАЦИЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

М.А. Романова, С.В. Пестова (Ярославль)

В предыдущей работе мы выявили личностные акцентуации руководителей связанные с реализацией конкретных управленческих функций, которые могут также выступать предиктором умения их реализовать. В данной работе мы раскрыли специфику взаимосвязи между управленческими функциями и акцентуациями руководителей, в зависимости от пола, стажа, эффективности и типа организации.

Нами была выдвинута следующая гипотеза: связь управленческих функций и личностных акцентуаций будет различна у руководителей, дифференцированных: по полу; по типу собственности организации, в которой они работают; по степени эффективности реализации управленческой деятельности; по стажу управленческой деятельности.

Выборку составили: 80 руководителей (40 руководителей бюджетных организаций, 40 – коммерческих; 58 женщин, 22 мужчины). Выделяя полярные группы, мы отобрали из общей выборки 17 самых эффективных и 17 самых неэффективных руководителей на основе сравнения их базовых менеджерских умений с нормами (по Вилсону). Разделив общую выборку менеджеров по стажу работы в руководящей должности, мы получили 3 группы: от 0 до 3 лет – 26 чел; от 4 до 10 лет – 25 чел; от 11 лет – 29 чел. Все респонденты в возрасте от 21 до 73 лет, со стажем работы от 0 до 35 лет в руководящей должности.

Для диагностики управленческих функций мы использовали методику Кларка Л. Вилсона «Цикл управленческих умений». Акцентуации мы диагностировали при помощи методики определения акцентуаций личности К. Леонгарда – С. Шмишека.

В ходе нашей работы использовались методы математической статистики: корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) и оценка достоверности различий с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Проведенное исследование показало, что:

1. В женской выборке руководителей по сравнению с мужской ярко выражена отрицательная связь акцентуаций тревожности и возбудимости с большинством управленческих функций. В мужской выборке такой ярко выраженной акцентуации, имеющей большое количество достоверных связей, нет.

2. У руководителей бюджетных организаций доминирует отрицательная связь акцентуации экзальтированности с фазами определения цели, составления плана по ее достижению, обеспечения условий, обратной связи и контроля. У руководителей коммерческих организаций акцентуация возбудимости имеет наибольшее количество отрицательных связей с управленческими функциями.

3. Эффективные и неэффективные руководители значительно различаются практически по всем управленческим функциям, при этом значимых корреляционных связей акцентуаций с функциями практически нет. Вероятно, это связано с тем, что индивидуальный стиль деятельности эффективных руководителей позволяет им компенсировать негативные акцентуированные черты. Причиной неэффективности может являться выраженность различных акцентуаций имеющих индивидуальное проявление в управленческой деятельности.

4. Группы руководителей, разделенные по стажу, имеют мало достоверных различий по управленческим функциям и акцентуациям. Отсутствие выраженной дина-

мики акцентуация–стаж может объясняться тем, что акцентуация является устойчивой характеристикой личности, уже сформировавшейся к началу управленческой карьеры.

Таким образом, нам удалось выявить специфику взаимосвязи умения реализовать управленческие функции с личностными акцентуациями руководителя, дифференцировав руководителей: по полу; по типу собственности организации, в которой они работают; по степени эффективности реализации управленческой деятельности; по стажу управленческой деятельности.

Полученные данные могут быть использованы в работе служб персонала при оценке и подборе менеджеров, при создании программ и проведении тренингов для управленцев и разработке программ профилактики личностных деформаций руководителей.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ «НЯНЕЧНОГО РЕБЕНКА»: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ПРИСУТСТВИЯ НЯНИ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ

М.А. Романовская (Москва)

Анализируя материалы проведенных в последние годы конференций, можно отметить, что интерес исследователей к изучению проблем детства за последние годы не снизился. Большинство работ, посвященных данной теме, ориентировано на изучение изменений в системе социальных условий формирования личности детей. Так, отмечается «отстранение взрослого Мира от Мира Детства», деформация внутрисемейных отношений, отчуждение детей от родителей, низкий уровень мотивации родителей в реализации своих воспитательных функций и неадекватный возрасту уровень социально-психологической зрелости детей (Акутина и др. 2013; Фельдштейн 2011).

В раннем детстве особое значение для ребенка имеют его отношения с мамой, которая является организатором и посредником всех его контактов с социальным окружением. Именно эти отношения за последние два десятилетия претерпели существенные изменения. В настоящее время дети не посещают ясли, даже при условии раннего выхода мамы на работу. Её функции принимают на себя бабушка, папа, няня. Статус няни в семье характеризуется амбивалентностью. С одной стороны, от нее ожидают помощь и точное выполнение требований, обеспечение эмоционального благополучия ребенка и сохранения его здоровья. С другой стороны - не заменять маму. Часто родители не осознают (или не хотят осознавать) потенциальную возможность воздействия няни на психику и поведение ребенка. Мы же наблюдаем влияние няни не только на взаимоотношения ребенка с мамой, но и на характер его взаимодействия со сверстниками. Няня (стиль воспитания, личностные качества, система ценностей и т.п.) является тем фактором социальной среды, который на раннем этапе онтогенеза оказывает существенное воздействие. К сожалению, данные факты в психологической науке не изучаются. С нашей точки зрения, учитывая масштаб востребованности профессиональной деятельности няни, следует обратить внимание на положительные и отрицательные последствия её влияния на формирующуюся личность.

Проведенные нами пилотажное и поисковое исследования, уже на данном этапе работы, позволили описать эффекты влияния няни на психику и поведение ее воспитанника. (Дробышева, Романовская 2010, 2011, 2012). Описывая психологический портрет «нянечного ребенка» (термин, применяемый в работе для характеристики детей, в раннем возрасте которых наряду с родителями присутствовала няня), построенный на основе полученных данных, необходимо отметить следующее. Положительным эффектом присутствия няни в жизни ребенка можно рассматривать: высокий уровень его интеллектуального и речевого развития. Работу няни составляет постоянное целенаправленное общение с ребенком, что развивает его мыслительную деятельность. Мама ребенка раннего возраста, как правило, не освобождена от домашней работы, активно общается со своим окружением, ходит по магазинам и т.п. Как следствие – меньше времени уделяет взаимодействию с ребенком. Няню чаще всего приглашают в первый год жизни ребенка, который характеризуется эмоциональным, довербальным общением. Словесное воздействие старших составляет большую и значимую часть поведения взрослого по отношению к ребенку. Умение устанавливать контакт со взрослыми — еще один положительный эффект воспитания няни. Он появляется в процессе ежедневного взаимодействия ребенка и становится привычным навыком. Функциональной обязанностью няни является соблюдение режима дня. Косвенно, профессиональная няня влияет и на улучшение взаимоотношений родителей ребенка, так как её присутствие обеспечивает взрослым возможность не отказывать себе в удовольствиях, связанных со свободным времяпрепровождением. Перечисленные нами положительные эффекты влияния няни на развитие личности ребенка в интеллектуальном и, частично, социальном плане ожидаемы и одобряемы родителями. Спрос на услуги няни в современных российских семьях постоянно возрастает.

Анализ предъявляемых требований к профессии показал, что няня должна обучать воспитанника не только правилам поведения в обществе, но и стратегиям взаимодействия со сверстниками. В условиях детского сада дети (4-5 лет), не имевшие в раннем возрасте няни, отличаются от «нянечных» по выбираемым ими стратегиям поведения. Так, в ситуации конфликта они настроены продолжать игру («играть и подружиться с ребятами»), в то время как «нянечные дети» ориентированы на ее завершение. Наиболее предпочитаемые стратегии детей, воспитывающихся в раннем возрасте нянями, - жалоба на сверстника, уход от конфликта и одиночная игра. В спорных вопросах решающая роль ими отводится взрослому как посреднику. После конфликта сверстники оцениваются «нянечными детьми» негативно («плохие», «злые»). У них диагностируется низкий уровень способности к эмпатии. При выявлении степени эмоционального сопереживания во взаимоотношениях со сверстниками, данные дети демонстрируют негативные эмоциональные реакции («обижусь на всех»), которые могут сменяться равнодушным отношением, отстраненностью. Неспособность разрешить элементарную конфликтную ситуацию, неумение принять самостоятельное решение в самой простой бытовой ситуации — признаки социально-психологической незрелости личности пятилетнего ребенка, что рассматривается как отрицательный эффект влияния няни. На наш взгляд, данные характеристики «нянечного ребенка» связаны со стратегиями «ухода», «избегания», реализуемыми няней во время прогулок. Она старается защитить воспитанника от любых возможных травм и активно включается в ситуацию его взаимодействия со сверстниками на детской площадке. Ребенок лишен попытки разрешить простейшую конфликтную ситуацию (например, отобрать игрушку). В итоге многократного повторения этого действия, няня направляет социальное развитие воспитанника в другое

русло. Иными словами, практика общения современных детей обусловлена не только объективными, но и субъективными факторами, т.е. стратегиями профессионального поведения няни.

ВЛИЯНИЕ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ

В.С. Руденко (Кострома)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №13-06-00582)

Проблема межпоколенных отношений в настоящее время достаточно актуальна как для общества в целом, так и для семьи. Особую значимость данной области исследований придает тенденция увеличения продолжительности жизни человека, «старения» населения, наблюдающаяся как в России, так и за рубежом, усиливающая конфликтность и разрыв между поколениями. Сложность и противоречивость межпоколенных отношений наиболее сильно проявляются в семье. Межпоколенные отношения влияют на психологический климат семьи, адаптивные способности, определяют степень ее сплоченности. Велико влияние характера межпоколенных отношений и на личность каждого члена семьи. В большей степени этому влиянию подвержена активно формирующаяся личность ребенка. В психологической науке имеется множество исследований, посвященных изучению влияния взаимоотношений ребенка с родителями и прародителями на его развитие. Р.Бернс и В.В. Столин изучали влияние родительского отношения на развитие самооценки ребёнка. А.В. Камышевой рассматривалась роль прародителей в духовно-нравственном развитии ребенка, О.В. Краснова отмечала значение взаимоотношений между прародителями и внуками для формирования у детей эмпатии и чувства уверенности в себе. Э.Берном, Т.А.Репиной, В.Г.Петровым, З.А. Янковой исследовалось влияние структуры семьи на становление личности ребенка. А.И. Захаров, А.М. Прихожан, А.В. Толстых рассматривали роль семьи и семейных отношений в формировании агрессивного поведения ребёнка, возникновении у него страхов и неврозов

Необходимо отметить, что, несмотря на разноплановость проведенных исследований, большая их часть посвящена изучению негативного влияния межпоколенных отношений на развитие личности ребенка. Недостаточно изученным остается позитивный аспект влияния межпоколенных отношений в семье на личность ребенка, в частности, на стояние ее психологического здоровья.

Категория «психологическое здоровье личности» разрабатывалась отечественными авторами И.В.Дубровиной, Т.В. Вохмяниной, Е.Е.Даниловой и другими, однако однозначного определения данного феномена авторы не приводят. За рубежом «психологическое здоровье личности» тоже трактуется по-разному. Например, А. Маслоу связывает его с самоактуализацией личности, В. Франкл с удовлетворением экзистенциальных потребностей личности, Ш. Бюллер с овладением смыслом жизни. А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским, психологическое здоровье рассматривается как состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических явлений и обеспечивающее адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения и деятельности.

Более подробно изучена вторая из интересующих нас категорий – поколение. В русле возрастно-психологического подхода термин поколение определяется как спе-

цифическая общность людей, объединённых границами возраста, изменение и развитие которых характеризуется возрастными, социальными и историческими причинами. Схожим образом определяет поколение и А. И. Афанасьева, с ее точки зрения, поколение ; это объективно складывающаяся конкретно-историческая совокупность близких по возрасту и сформировавшихся в один и тот же исторический период людей, характеризующаяся специфическими демографическими чертами. В толковом словаре С.И. Ожегова к понятию «поколение» имеется двойственный подход: с одной стороны, поколение трактуется как одновременно живущие люди близкого возраста, с другой - как родственники одной степени родства по отношению к общему предку. И именно второе определение наиболее значимо в контексте проводимого нами исследования. В этой связи межпоколенные отношения трактуются нами как отношения между представителями разных поколений в семье: поколения прародителей, родителей и детей.

Наше исследование направлено на изучение взаимосвязи психологического здоровья личности с межпоколенными отношениями. Планируется выявить особенности психологического здоровья личности ребенка в семьях с разным характером взаимоотношений в трех поколениях (родители – ребенок, прародители – ребенок, прародители – родители). Предполагается, что сохраненные межпоколенные отношения будут способствовать формированию психологически здоровой личности. Нарушения, возникшие в каком-либо звене межпоколенных взаимоотношений, будут оказывать специфическое влияние на те или иные компоненты психологического здоровья личности.

БИОПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ФЕНОМЕНА БРОДЯЖНИЧЕСТВА

Т. Ф. Рудзинская (Саратов)

Существуют разные подходы к пониманию сущности феномена бродяжничества: медицинский (Г.Е. Сухарева, А.Е. Личко, М. И. Буянов и др.), педагогический (Б.Н. Алмазов, Е.Б. Бреева, А.Б. Боссарт и др.), социологический (Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон, А. Кетле, М. Вебер, Т. Парсонс, Е.Г. Слуцкий, А.А. Фатхелисламова, О.П. Карпова и др.), психологический (Ю.М. Антонян, В.Ф. Кондратишко, Ю.А. Клейберг, Е.В. Змановская, Л.К. Золотарева, А.В. Прялухина и др.), социально-психологический (А.В. Гоголева).

В отечественной социальной психологии на протяжении последних 10-15 лет поддерживается интерес к данной проблеме, разрабатываются психолого-педагогические технологии помощи девиантным подросткам (С.А. Беличева, И.В. Дубровина, Н.Н. Толстых, А.М. Прихожан и др.).

Целью данного исследования стало подтверждение биопсихосоциальной природы подросткового бродяжничества.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что генезис бродяжничества определяется совокупностью факторов, имеющих биопсихосоциальный характер.

С целью проверки гипотезы исследования были использованы следующие методы: теоретический анализ научной литературы по изучаемой проблеме, констатирующий эксперимент, метод анализа медицинской документации, метод интервью, диагностический метод (методика К. Леонгарда для определения акцентуаций характера (в адаптации Х. Шмишека), опросник «Поведение родителей и отношение

подростков к ним» (ADOR) Шафера (в адаптации Э. Матейчика и П. Ржичана), метод экспертных оценок (методика программированного наблюдения Д. Стотта «Карта наблюдения»), методы математико-статистической обработки полученных данных (корреляционный анализ данных (по Пирсону), вычисление t – критерия Стьюдента для выявления значимых отличий между средними значениями независимых выборок, проведение факторного и иерархического кластерного анализа (по переменным)).

Таким образом, в ходе эмпирического исследования сравнивались результаты данных 3-х групп подростков, уравненных по возрасту (12-16 лет), с разными вариантами проявления/непроявления бродяжничества.

Г1 – хорошо обучающиеся в школе подростки, проживающие в семье, в возрасте от 12 до 16 лет, 40 человек (не имеющие опыт уходов и побегов из дома);

Г2 – безнадзорные подростки (воспитанники приютов, находящиеся в трудной жизненной ситуации), 40 человек (имеющие однократный опыт побега из дома);

Г3 - подростки, систематически занимающиеся бродяжничеством, 56 человек.

Всего в исследовании приняло участие 136 человек.

Анализ полученных данных позволил сформулировать следующие выводы:

1. Низкий материальный, социальный и моральный статус ближайшего окружения подростков-бродяг (только у 75% подростков имеются родители или один родитель, у 20% респондентов отец находится в МЛС, 88% семей живут за счет детских пособий и пособий по безработице, временных заработков, половина опрошенных упоминала либо о жестоком обращении со стороны родителей, либо о полном игнорировании с их стороны) становится социальной базой для формирования личности подростка-девианта.

2. У подростков, совершающих систематические уходы и побеги, выявлен низкий социально - психологический личностный ресурс: у 76% бродяг имеется склонность к зависимому поведению (в основном, табакокурение, алкоголизм и токсикомания), у 91,6% – низкая учебная успеваемость, у всех подростков-бродяг педагоги отмечают негативное отношение к учебной деятельности, проблемы с дисциплиной, эмоциональную неустойчивость, слабую волевую регуляцию, сложные отношения с одноклассниками и в то же время избегание конфликтных ситуаций.

3. У всех подростков-бродяг отмечается присутствие так называемой «неврологической симптоматики» (соматический фактор) - повышенная нейрофизиологическая истощаемость, неусидчивость, эмоционально-волевая незрелость, существенное отставание в предметных знаниях по сравнению с успешно адаптированными ровесниками (лишь 9,4% подростков-бродяг хорошо справляются с учебной программой).

Таким образом, можно сделать вывод, что систематическое бродяжничество - это комплексное биопсихосоциальное явление, возникающее при воздействии системы разнородных факторов (внешних и внутренних), основным из которых является социально-психологический фактор, который создает стартовую социально-психологическую и экономическую маргинальность подростка и усугубляет складывающиеся отношения с окружающим миром.

РАЗВИТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РЕБЕНКА В СИТУАЦИИ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

В.В. Рябухина (Таганрог)

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, грант №13-36-01006а1

Современная социальная ситуация характеризуется наличием достаточно большого количества неблагополучных семей, в которых родители не исполняют должным образом своих обязанностей по содержанию и воспитанию детей. Дети, живущие в этих семьях, усваивают негативную модель семейных отношений, деструктивные жизненные установки родителей и в дальнейшем воспроизводят их в собственных семьях. Развитие субъектной активности таких детей будет носить особый характер. Это связано с тем, что овладение произвольностью (а на ее основе и самостоятельностью) происходит уже на ранних стадиях онтогенеза, продолжаясь вплоть до подросткового возраста под контролем родителей и при их непосредственном участии. Именно семья является решающим условием развития продуктивной самостоятельности ребенка.

Формирование личностных особенностей саморегуляции и самостоятельности ребенка будет зависеть от той социальной среды, в которой происходит ее развитие. Самостоятельность как качество субъекта жизни начинает развиваться с 2-3 лет, а окончание формирования самостоятельности ребёнка приходится на завершение подросткового возраста. Несамостоятельность может объясняться разными причинами. Одной из таких причин может быть отсутствие опыта продуктивной самостоятельности, подкрепленное определенным типом детско-родительских отношений, например, гиперопекой. Такому ребенку незачем проявлять самостоятельность, ведь за него все могут сделать взрослые, участвующие в воспитании.

Семья, являясь первичным институтом социализации и важным источником опыта для ребенка в первые годы жизни, инициирует развитие самостоятельности. Если в семье на бытовом уровне (умение самостоятельно одеваться, домашние обязанности) самостоятельность не развивается, то это приводит в дальнейшем к отсутствию самостоятельности во всех сферах жизнедеятельности ребенка (как в учебной, так и в личной). В результате, подходя к окончанию обучения в школе, старшеклассники не могут определиться с выбором профессии. Выбор несамостоятельных старшеклассников может быть основан на предпочтениях их сверстников, рекомендациях родителей и учителей, но не учета собственных склонностей, интересов и возможностей. Еще одним немаловажным фактором будет являться то, что и средняя, и высшая школа недостаточно готовят своих выпускников к самостоятельному выбору своего единственного и неповторимого жизненного пути и не в полной мере развивают готовность к профессиональному самоопределению старшеклассников.

Наиболее сложный вариант развития самостоятельности ребенка представляется в неблагополучных семьях. Отличительной чертой таких семей является жестокое обращение с ребенком, которое может проявляться на разных уровнях (как непосредственное физическое насилие, так и моральное и психологическое давление на ребенка). Ребенок в такой семье может быть ограничен даже в удовлетворении своих основных витальных потребностей. Что же касается личностного развития ребенка, то родители в неблагополучных семьях могут полностью игнорировать необходимость развивать ребенка в данном направлении, либо удовлетворять потребности ребенка в развитии лишь частично (например, развивая только интеллектуальную сферу).

Для адекватного развития самостоятельности ребенку необходимо научиться следовать образцам социально-одобряемого поведения. Именно таким образцом и выступает семья, родители. Однако, что же делать ребенку из неблагополучной семьи, каким образцам следовать, чьи принципы и установки усваивать? Дети принимают ближайшую и доступную им форму поведения, свойственную их семье. Таким образом, к определенному возрасту мы уже имеем дело с последствиями несамостоятельности ребенка, которая тянется из раннего детства.

Тем не менее, возможен и обратный вариант: дети из неблагополучных семей начинают развиваться не благодаря обстоятельствам, а вопреки им. В этом случае окружение не имеет решающего влияния на ребенка и он вырастает самостоятельным и ответственным, так как ему пришлось взять на себя многие функции собственных родителей.

Каковы последствия несамостоятельности в детстве? Несамостоятельность ребенка в детстве оборачивается несамостоятельностью и в дальнейшей жизни. Такой ребенок, став взрослым, превращается в человека, зависимого от множества обстоятельств; несамостоятельный ребенок (как в последствии и взрослый) не умеет принимать помощь окружающих, а если и принимает ее, то как иждивенец, а не с позиций сотрудничества, совместной работы. В дальнейшем такие люди строят собственные семьи и транслируют те же установки и образцы поведения.

На сегодняшний день существует необходимость психолого-педагогической поддержки и сопровождения личностного развития детей, входящих в группу риска, а именно детей из неблагополучных семей.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЕВОЙ СПЕЦИФИКИ ПРОЦЕССОВ РЕШЕНИЯ В ПЕРИОД ИНКУБАЦИИ

А.Д. Савинова (Ярославль)

Одной из ключевых проблем в психологии мышления является проблема специфичности феномена инсайта. Изучение механизмов протекания инсайтного решения является важным как в теоретическом, так и в практическом плане.

По нашему мнению, наиболее подходящим методом для изучения процесса инсайтного решения является эксперимент. Механизмы же инсайтного решения необходимо исследовать через динамику протекания второстепенного задания, т.к. сам феномен является кратковременным и скрытым. Согласно представлениям Д. Канемана, существует ограниченный ресурс, который мы можем потратить на решение различных задач. А распределение между этими задачами зависит от их субъективной важности.

Целью нашего исследования является изучение уровневоы специфики процесса инкубации инсайтного решения при нагрузке на рабочую память (РП) заданиями, отличающимися по высокоуровневости процесса.

Гипотезы:

1. инсайтные механизмы задействуют специфические блоки РП, отвечающие за высокоуровневую вербальную переработку;
2. использование зондового задания на категоризацию в большей степени интерферирует с решением основной задачи.

Методика

Выборку составили 32 испытуемых в возрасте от 18 до 49 лет. В качестве экспериментального материала испытуемым было предложено решать инсайтные задачи и одновременно выполнять задание-зонд. В первой зондовой задаче испытуемому предлагалось на экране компьютера отнести предъявляемые слова к одной из двух категорий («Живое» и «Неживое»). Во второй зондовой задаче испытуемому необходимо было определить, является ли предложенный набор букв словом или несловом.

Задачи предъявлялись на экране компьютера в случайном порядке, и решались испытуемыми устно до полного нахождения верного решения. Всего испытуемому необходимо было решить 4 инсайтные задачи. Кроме решения инсайтных задач, испытуемый также выполнял тренировочное задание. Выполнение заданий-зондов осуществлялось посредством нажатия соответствующих клавиш на клавиатуре компьютера. При этом фиксировалось время нажатия.

Результаты.

В связи с тем, что решение каждой из задач различно, время решения каждой задачи было разбито на 10 равных по времени отрезков или этапов. Для оценки динамики загруженности РП использовался подсчет среднего времени одного нажатия клавиши для каждого этапа. Также были взяты срезы решения инсайтных задач за 5, 10, 15 секунд до окончания решения. Для статистической обработки полученных данных было использовано два статистических критерия – критерий Краскела-Уоллиса и критерий Фридмана.

Выполнение тренировочной и основной серий имеют статистически значимые различия при выполнении обоих зондовых заданий. При этом обе тренировочные серии не имеют значимой динамики. Такой результат говорит о том, что задание-зонд является однородным по своей структуре и не вызывает динамики в выполнении сам по себе.

Статистически значимой динамики в решении инсайтных задач с зондом на категоризацию нет ($8,7; p < 0,5$). Задание-зонд хоть и загружало РП, но не было непосредственно связано с решением. Значит, инкубация инсайтного решения не является высокоуровневым процессом.

Оценка динамики загруженности РП с параллельным выполнением зондового задания на лексический выбор ($23,8, p < 0,05$) имеет значимую динамику. С 1 по 5 этап динамика в загруженности небольшая. Она связана с выполнением относительно простых, полуавтоматизированных процессов. Начиная с 6 этапа, происходит более сильная динамика. Она связана с самим инсайтным решением. Во время 9 и 10 этапов происходит эмоциональное переживание открытого решения и вербализация ответа. Наличие динамики в решении инсайтных задач с подобным зондом говорит о том, что инкубация инсайта является низкоуровневым процессом.

Последним этапом в обработке полученных результатов стала оценка протекания последних секунд в решении. Статистически значимой динамики в выполнении заданий с обоими зондами нет.

Обсуждение результатов.

Согласно полученным нами данным, задания-зонды были выбраны методически верно и не нарушают течение мыслительного процесса.

По мере приближения к решению задачи загруженность РП все более возрастает, причем линейно и прямо пропорционально времени до окончания задания. Мы предполагаем, что в этот момент происходит переструктурирование полученного материала, а вследствие этого возрастает загруженность РП дополнительным заданием.

Стоит отметить, что полученные нами данные о низкоуровневом инсайтном решении являются относительными. Низкоуровневость задания на лексический выбор

определялась по сравнению с заданием на категоризацию. Таким образом, инсайтное решение не является исключительно высокоуровневым процессом, но точно определить уровневую специфику по имеющимся данным нельзя.

Большая загруженность РП при решении инсайтных задач и выполнении задания на лексический выбор связана с нахождением обоих процессов в одном блоке РП. Если выделять блоки РП согласно А.Д. Бэддели, то оба процесса находятся в исполнительном блоке. Исполнительный блок отвечает за сознательные операции в решении задач. Отсутствие динамики РП при решении задачи и выполнении категоризации, несмотря на нахождение обоих процессов также в центральном блоке, можно объяснить с двух сторон:

- большая сложность зондового задания, выполняемого на всем своем протяжении на максимуме возможностей
- неточность модели РП А.Д. Бэддели.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00133-а, и гранта Президента РФ МК-4625.2013.6

ИЗУЧЕНИЕ СВЯЗИ СОЦИАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ И ОТНОШЕНИЯ К СЕМЕЙНЫМ ЦЕННОСТЯМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Э.И. Сайфетдинова (Пенза)

Семья играет важную роль в жизни отдельной личности и всего общества в целом. В семье формируется личность ребенка и «образ семейных отношений», который в последствии выступит основой для создания собственной семьи.

В настоящее время в семейных отношениях происходят изменения. Наблюдается деформация семейных ценностей у большинства населения.

Исследование проблем семьи, семейного взаимодействия, отношения к семейным ценностям в молодом возрасте является актуальным направлением.

Под семейными ценностями мы понимаем положительные и отрицательные показатели значимости объектов. Под социальной успешностью - определенный уровень социальных достижений, признаваемый достойным в данной стране и культуре. Социальная успешность - определенный уровень материального достатка, социального статуса и влияния, социально успешный человек представляется включенным в социальную активность и имеющий некие социальные достижения.

Актуальность нашего исследования для современной психологической науки объясняется малой степенью изученности связи социальной успешности и отношения к семейным ценностям в отечественной психологии.

Цель нашего исследования: определение связи социальной успешности и отношения к семейным ценностям для разработки программы профилактики отношения к семейным ценностям в молодежной среде.

Объект: ценностно-смысловая сфера в молодом возрасте.

Предмет: связь социальной успешности и отношения к семейным ценностям в молодежной среде.

Гипотеза: существует связь между социальной успешностью и отношением к семейным ценностям в молодежной среде, семейные ценности являются составной частью социальной успешности для молодежи.

Методы исследования:

1. Организационный метод – сравнительный анализ.

2.Эмпирические методы:экспериментальное исследование.

3.Психодиагностический метод:

-Анкета (сбор биографических данных).

-Методика А.В.Карпова "Диагностика уровня развития рефлексивности".

-Тест «Кто Я?»(М.Кун,Т.Макпартленд; модификация Т.В.Румянцевой).

-Метод наблюдения (фиксировалось в виде видеобратной связи).

-Проективные методы исследования: составление и анализ коллажа «Связь социальной успешности и семейных ценностей» с последующим обсуждением.Интерпретация по М.В.Осориной.

4.Методы обработки данных:качественный анализ результатов исследования;угловое преобразование Фишера, критерий Пирсона, критерий различия U-критерий Манна-Уитни.

Организационная база исследования:

Исследование проводилось с ноября 2011 по май 2012г. Всего в исследовании приняли участие 75 человек, возраст 16–24 лет (63 девушки,12 юношей). Мы сформировали выборки:

Исследовательская выборка – студенты различных высших учебных заведений г.Пензы (30 девушек, 10 юношей, средний возраст-22 года).

Пвыборка - студенты 4 курса факультета психологии ПГПУ им.В.Г.Белинского (19 девушек, 2 юношей, средний возраст-20 лет).

Швыборка - школьники 10 класса Гимназии №4 Ступени (14 девушек, средний возраст-16 лет).

Выводы по результатам нашего исследования:

У испытуемых сформировано представление о семье, оно является позитивным.Все испытуемые исследовательской выборки среди ценностей семейной жизни выбирают любовь, здоровье, семью. Испытуемые при описании семьи делают акцент либо на внешний критерий построения семейных отношений (1 группа), тогда их высказывания носят описательный характер, либо говорят о содержательной стороне построения семейных отношений (2 группа), т.е. о внутрисемейных процессах, подчеркивая важность любви, взаимопонимания, поддержки и уважения между членами семьи,крепких доверительных взаимоотношений.

Представление о социальной успешности сформировано у студентов нашей исследовательской выборки. Под социальной успешностью они понимают ориентацию на карьеру(47%), на личностный рост(28%), на семью(25%). У школьников же представление находится на стадии формирования.

Существуют достоверные различия в целях создания семьи ($\varphi^*_{эмп} = 1.713$; $p=0.05$). Молодые люди, описывающие семью содержательными характеристиками (1 группа), считают главной целью создания семьи любовь, 2 группа говорит о желании создать семью с целью ведения совместного быта.

Молодые люди 1группы считают, что семья способствует социальной успешности ее членов. Испытуемые 2группы считают - наличие семьи частично способствует социальной успешности, различия достоверны ($\varphi^*_{эмп}=2.817$; $p=0.01$). Школьники нашей выборки неоднозначно относятся к данному вопросу о влиянии семьи, что связано с несформированностью представления о социальной успешности.

Испытуемые студенты 1группы ставят ценность семьи на 1место, любовь – 2место, ценность здоровья на 3место,2группа ценность здоровья ставят на 1место, 2место – ценность семьи,3место- любовь.

Существуют достоверные различия в ранжировании ценности любви школьниками нашей выборки ($r_s=0.15$). Молодые люди 1 группы ставят ценность любви на 1 место, 2 группа ценность ставит на 2 место.

Анализ создания индивидуальных коллажей.

Испытуемые в своих коллажах показали связь социальной успешности и семейных ценностей. Она выражается в том, что наличие семьи является важной составляющей социальной успешности. Анализ коллажей, исходя из проявленности как категории социальной успешности, так и семейных ценностей, позволяет говорить, что испытуемые в большей степени ориентируются на семью родительскую.

Испытуемых нашей выборки характеризует ориентация в большей степени на взаимодействие и построение отношений с противоположным полом. При этом рассматривают свою будущую семью больше как удовлетворение социальных и материальных потребностей.

По итогам анализа и интерпретации экспериментальных данных, была подтверждена выдвинутая нами гипотеза о существовании связи между социальной успешностью и отношением к семейным ценностям в молодежной среде.

Полученные данные использованы при работе с лицами молодого возраста. Разработанная образовательно – профилактическая программа формирования семейных ценностей в молодёжной среде может быть внедрена в работу волонтерского движения по сопровождению подростничества, юношества и молодого возраста.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕЗАДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

И. В. Салычева (Лёвина) (Обнинск)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. Грант № 13-16-40020 а(р).

В современных социально-экономических условиях высшее образование осуществляется на фоне неопределенности жизненной перспективы молодых людей. Студенты-первокурсники входят в новую, не знакомую для них жизнь: начало учебных занятий, и устройство быта означает включение студента в сложную систему адаптации. Промежуток времени между окончанием школы и началом обучения в высшем учебном заведении довольно короткий, а именно на нем будущему студенту необходимо существенно пересмотреть и скорректировать ранее поставленные цели, переосмыслить свои привычки и поведение. Первокурсникам предстоит адаптироваться не только к содержанию программы обучения по выбранной им специальности, которая является порой весьма сложной, но и к однокурсникам, преподавателям, различным формам отчетности и значимости в глазах окружающих.

Повышение качества подготовки специалистов является важной проблемой, стоящей перед высшей школой. Студент вуза должен не только получать знания по дисциплинам учебного плана выбранной специальности, овладевать умениями и навыками использования этих знаний, методами исследовательской работы, но и уметь самостоятельно приобретать новые научные сведения.

В связи со значительным расширением форм обучения необходимо выявление общих и специальных, связанных с особенностями конкретной вузовской системы, механизмов формирования и проявления адаптивного поведения студентов в наибо-

лее сложные и критические периоды обучения. Изучение проблем адаптации студентов важно и для ранней диагностики дезадаптированных студентов с целью дальнейшей коррекции их способов адаптации в образовательной среде вуза.

Моделью для изучения психологические факторы дезадаптации студентов технического вуза послужили исследования Е.В. Леоновой личностной компетентности как внутреннего фактора непрерывности образования и ее компонентов: индивидуально-психологического, деятельностного, мотивационно-ценностного и коммуникативного. В ходе нашего исследования проверялась гипотеза, что у студентов, которые не смогли успешно адаптироваться в образовательной среде вуза и имеют низкий рейтинговый балл, уровень сформированности указанных компонентов личностной компетентности ниже, чем у успешно адаптировавшихся студентов.

Изучение структурных компонентов личностной компетентности (индивидуально-психологические особенности, мотивационно-ценностный компонента, деятельностный и коммуникативный) производилось с помощью следующих методик: методика "Изучение мотивов учебной деятельности студентов" (А. А. Реан, В. А. Якунин), СЖО (Д. А. Леонтьев), тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра. Также применялась анкета, разработанная Е. В. Леоновой.

Показателями дезадаптации являлись низкие результаты учебной деятельности: низкий рейтинг по результатам промежуточных контрольных точек в течение 1 семестра, а также академическая задолженность по результатам сдачи 1 сессии. В исследовании участвовали студенты первого курса ИАТЭ НИЯУ МИФИ физико-энергетического факультета в количестве 109 человек. Среди них юношей 84 человека, девушек – 25. Средний возраст испытуемых 18 лет. Возрастной диапазон испытуемых от 17 до 19 лет. В экспериментальную группу были включены две группы студентов, которые мы по результатам анализа успеваемости (в течение семестра и по результатам сессии) отнесли к неадаптировавшимся, а в контрольную группу – успешные студенты (успешно учившиеся в семестре и закрывшие сессию без задолженностей).

Для достижения цели исследования и проверки гипотезы в соответствии с моделью исследования нами был произведен сравнительный анализ выраженности компонентов личностной компетентности у первокурсников, отнесённых нами к категориям адаптировавшихся и неадаптировавшихся в образовательной среде вуза. Статистический анализ данных проводился нами с помощью методов непараметрической статистики (U-критерий Манна-Уитни, угловое преобразование Фишера).

В результате проведенного исследования по изучению психологических факторов дезадаптации студентов технического вуза были получены следующие научные результаты:

1) Дезадаптация в образовательной среде представляет собой нарушение сложного, динамического, многоуровневого и многостороннего процесса перестройки потребностно-мотивационной сферы, комплекса имеющихся навыков, умений и привычек в соответствии с новыми условиями.

2) Причины дезадаптации скрываются в следующих областях: индивидуально-психологические особенности, относящиеся к когнитивной и личностной сферам; направленность личности (учебная и профессиональная мотивация); сформированность учебной деятельности на уровне, соответствующем новой ступени обучения; коммуникативные способности.

3) Студенты, относящиеся к группе риска дезадаптации, обладают более низким (по сравнению с успешно адаптирующимися студентами) уровнем сформированности компонентов личностной компетентности: индивидуально-психологических особенностей, мотивационно-ценностного, деятельностного и коммуникативного.

ПРИНЦИПЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ АВТОПОДСТРАИВАЮЩЕГОСЯ ИНТЕРФЕЙСА ПОД ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

Р.Р. Самигуллин (Уфа)

Современные компьютерные системы позволяют сегодня создавать реалистичные виртуальные миры и обеспечивают интерактивное взаимодействие пользователя с предметами данных миров. Другой аспект современных информационных технологий (ИТ) - это их вседоступность, а так же высокий уровень развития средств разработки и проектирования новых программных продуктов. Уже существуют инструменты для разработки программ различного уровня. Так, например, для написания собственной интернет странички не обязательно знать язык гипертекстовой разметки (например, HTML), достаточно научиться работать в такой программе как Dreamweaver (Дримвивер) — WYSIWYG (является аббревиатурой от англ. What You See Is What You Get, «что видишь, то и получишь») HTML-редактор компании Adobe, другой более простой вариант это сохранить документ MS Word в формате HTML. Подобных инструментов существует огромное множество и научиться в них работать сравнительно легко, так как они, как раз, и нацелены на пользователей, не владеющих навыками программирования, но нуждающиеся в разработке своих программ.

Рынок программного обеспечения насыщен продукцией разного уровня. Причем, стоит отметить, что в нашей стране разработкой различного программного обеспечения, в частности, предназначенного для учебных заведений, зачастую занимаются не профессионалы, а студенты. Таким образом, интерфейс у таких программ оставляет желать лучшего, хотя функционально программа может быть вполне на должном уровне. На Западе требования к разрабатываемым программным продуктам выше, особое внимание уделяется разработке пользовательского интерфейса. Вообще стоит отметить разницу в подходе к разработке программ в России и на Западе.

Отечественные разработчики в различных книгах по проектированию пользовательских интерфейсов не идут, чаще всего, дальше применения знаний о свойствах различных физиологических особенностей пользователя. Данный подход зародился еще в 80-х годах в рамках инженерной психологии и эргономики. В Западной психологии сегодня есть модная тенденция изучения и применения пользовательского опыта, причем как опыта, связанного с общением с программами, так и житейского или профессионального, связанного с выполнением различных задач. Данный опыт для программиста является своеобразной рабочей картой, показывающей, как необходимо организовывать общение между пользователем и программой.

Предпринимаются различные попытки стандартизации пользовательских интерфейсов. На основе этих стандартов разрабатываются различные методы и средства проектирования пользовательского интерфейса, в основе которых лежит идея построения абстрактных моделей взаимодействия пользователя и ИТ. Наиболее знаменитым методом является UML. Стандартизируя пользовательский интерфейс, разработчики программных продуктов добиваются того, что разработка нового эффективного пользовательского интерфейса упрощается, а также происходит как бы выравнивание пользовательского опыта, что позволяет чаще обращаться к уже созданным ранее алгоритмам и моделям взаимодействия пользователя и компьютера.

Стандартизация пользовательских интерфейсов велась и в нашей стране. Существует целый ряд ГОС-стандартов, регламентирующих процесс разработки пользовательского интерфейса и документации к программе, а так же терминологию. Разрабатываются и программные средства по проектированию и определению эффективности пользовательских интерфейсов с точки зрения эргономики. Так, например, программа «ЭргоМастер», разработанная в Институте психологии РАН.

Данные стандарты и программные продукты основаны на различных исследованиях в области восприятия, памяти, мышления и ориентированы на статистическое большинство. Данный подход теоретически является верным, так, например, при любых обстоятельствах или особенностях индивида хорошо подобранный алфавит пиктограмм считывается и запоминается быстрее целых слов, которые служат в качестве индикации или памятки в различных элементах интерфейса или органах управления. Тем не менее, в данном направлении эргономика достигла практически «дна» (как уже писалось выше, сегодня исследования в данной области направлены на оптимизацию и стандартизацию интерфейсов программ).

Другим перспективным направлением в данной области является разработка новых видов устройств, взаимодействия компьютера и человек (вплоть до разработки биологического интерфейса, который должен обеспечить прямую связь компьютера и человека). При этом, как отмечают западные эксперты, отказа от графического интерфейса не произойдет. Так или иначе будет интерфейс, который может либо транслироваться на сетчатку глаза или непосредственно в мозгу будут формироваться различные образы.

Таким образом, обобщая выше сказанное, мы пришли к выводу, что дальнейшее развитие пользовательских интерфейсов может идти по пути авто-настройки под конкретного пользователя. Не сложно прийти к выводу, что сам по себе пользовательский интерфейс является «отпечатком» индивидуальных свойств личности программиста. В Западной литературе можно найти исследования, подтверждающие данные выводы. Это уже упомянутые выше исследования пользовательского опыта и человеческого фактора при написании программ.

Для создания автоподстраивающегося программного продукта необходимо иметь некую типологию пользователей. В нашем исследовании основанием для типологизации мы предлагаем использовать когнитивно-стилевые особенности человека. Даная характеристика связана со всеми другими психическими процессами. Это можно проиллюстрировать на следующем примере. Полнезависимые люди склонны к выбору таких профессий как математик, инженер, это говорит о развитости у полнезависимых индивидов абстрактно-логического мышления.

Таким образом, через взаимную связь когнитивных стилей и межполушарной асимметрии можно показать связь между когнитивным стилем и различными когнитивными процессами. Что, в свою очередь, дает базу для обоснованного построения интерфейса, автоматически подстраивающегося под когнитивно-стилевые особенности пользователя.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИЕРАРХИИ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ У ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ В СИТУАЦИИ БЕСПЛОДИЯ

А.В. Саницкая (Курск)

Введение. В настоящее время отмечается увеличение числа женщин, не способных выносить и родить ребенка, что выступает не только сугубо медицинской, но и актуальной социальной-психологической проблемой. На данный момент проведено большое количество исследований, посвященных проблеме бесплодия. Однако в них было уделено недостаточное внимание процессам трансформации системы социальных ролей женщины, которые протекают под влиянием особенностей переживания ситуации бесплодия как особой жизненной ситуации и контекста жизненного пути личности.

Актуальность. Процесс развития личности выступает как динамика освоения социальных ролей. И в случае, если какая-либо из необходимых для данной личности социальных ролей не может быть освоена, возникает сложная ситуация, «затормаживающая» процесс личностного развития и обуславливающая нарушение адаптации человека. Следовательно, исследование особенностей трансформации иерархии социальных ролей у женщин, страдающих бесплодием, является актуальным и необходимым для разработки и проведения коррекционной программы, направленной на гармонизацию процесса развития личности.

На протяжении длительного периода психологи предпринимали попытки дать научное определение жизни. Первой из них была Ш. Бюлер. Она провела аналогию между процессом жизни и процессом истории и объявила жизнь личности индивидуальной историей. Индивидуальную жизнь в ее динамике она назвала жизненным путем личности. Бюлер выделила ряд сторон жизни. Первый ряд, составляющий объективную логику жизни, рассматривался как последовательность внешних событий; второй — как эволюция внутреннего мира человека; третий — как результаты его деятельности. Если Бюлер стремилась выделить в качестве единиц анализа жизненного пути события, то С.Л. Рубинштейн в качестве основы взял понятие жизненных отношений личности, назвав среди них три: отношение к предметному миру, к другим людям, к самому себе. По его словам, события неизбежно распадаются на внешние и внутренние, в отношениях же внешнее и внутреннее связано неразрывно.

Таким образом, жизненный путь личности представляет собой, во-первых, некоторую череду эмоционально окрашенных событий, во-вторых, жизненные отношения личности. Человек своим ответственным отношением к жизни придает ей направление и движение, отстаивает её высший смысл. На наш взгляд, ситуация бесплодия выступает как особая жизненная ситуация в контексте жизненного пути личности женщины, поскольку запускает процессы трансформации смысловой сферы.

Каждое событие, составляющее жизненный путь, имеет свою уникальную особенность и глубокий смысл для личности. А некоторые из них оказывают значительное влияние на дальнейшее протекание жизни и на характер восприятия личностью собственной жизни. Также на линии жизненного пути встречаются особые (или критические) жизненные ситуации. Согласно Ф.Е.Васильюку, данные ситуации определяются как ситуации невозможности, т.е. такие ситуации, в которых субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни. Любая особая жизненная ситуация переживается личностью. Переживание при этом понимается как особое, субъективное, пристрастное отражение, причем отражение не

окружающего предметного мира самого по себе, а мира, взятого в отношении к субъекту, с точки зрения предоставляемых им (миром) возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей субъекта.

В рамках данного исследования в качестве особой жизненной ситуации выступает бесплодие. Ситуация бесплодия переживается женщиной как одна из самых трудных, поскольку является ситуацией невозможности реализовать себя в роли матери. Данное явление относится к числу тех патологических состояний, которые могут существенно влиять на психэмоциональный статус, вызывая состояние хронического стресса. Материнство выступает как уникальная ситуация развития личности женщины, необходимая для ее самореализации в жизни и обеспечивающая становление социальной идентичности женщины. Таким образом, ситуация невозможности реализовать себя в роли матери негативно отражается на личности женщины и на характере её отношений к окружающей действительности. По данным проведенных ранее исследований, женщина, попадая в особую жизненную ситуацию – ситуацию бесплодия, испытывает негативные переживания. В результате, меняется ее состояние в физиологическом, психологическом и социальном плане. Более всего поддается изменениям эмоциональная сфера женщины. Претерпевают перемены и особенности восприятия временной перспективы. Социальные контакты постепенно сужаются. Ситуация бесплодия обуславливает изменение образа «Я», становится препятствием на пути развития и взросления женщины. Перед ней встает задача адаптации к жизни в статусе бесплодной, нахождения новых жизненных смыслов, преобразования будущего без потери женственности.

Социальная роль оказывает значительное влияние на развитие личности. Находясь в конкретной социальной ситуации, личность имеет определенный ролевой набор. Чем больше социальных ролей способен воспроизвести индивид, тем более приспособленным к жизни он является. Следовательно, попадая в ситуацию бесплодия, женщина оказывается неспособной овладеть всем ролевым набором, что в свою очередь сказывается на особенностях иерархии социальных ролей.

В результате, вполне обоснованным можно считать предположение о важной роли особенностей переживания ситуации бесплодия в процессе трансформации иерархии социальных ролей. Мы считаем, что переживание особой жизненной ситуации (ситуации бесплодия) представлено совокупностью двух компонентов – смыслового и эмоционального – которые определяют особенности трансформации иерархии социальных ролей в связи с нахождением в особой жизненной ситуации в контексте жизненного пути личности женщины.

Таким образом, специфика переживания особой жизненной ситуации – ситуации бесплодия – находится в зависимости от контекста жизненного пути личности и в то же время обуславливает особенности трансформации иерархии социальных ролей женщины, находящейся в особой жизненной ситуации.

ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ ПРОФЕССИИ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИИ»

Е.И. Сапего (Минск)

Среди всего комплекса общих и специальных дисциплин, предлагаемых студентам, только дисциплины психологического профиля имеют двойную цель: не только

передать конкретные знания, но и стать движущей силой саморазвития и самоактуализации личности студента, что объясняется самой спецификой предмета (И. А. Шмелева, 2007). Психика - один из самых сложных предметов в науке, так как многие психические явления (мышление, воля, мотивация и т.д.) недоступны изучению в чистом виде, и можно исследовать лишь внешние проявления психики. Психические явления очень многогранны, а большинство законов психики до сих пор не изучено. Кроме того, научиться управлять психическими процессами и явлениями, психическими функциями сложнее, чем чем-либо другим. Чрезвычайная перспективность исследований психологии вытекает из постоянно возрастающих роли и значения людей, их психики и сознания. Наибольшую сложность в будущем может представлять не разработка каких-либо сверхсложных технических проектов, а прогнозирование поведения и поступков людей в ходе их реализации.

Поэтому такой актуальной является качественная подготовка преподавателей психологи, которые не только сами будут владеть научным пониманием психологии, но и обладать необходимыми способностями для передачи этого понимания обучаемым им студентам. Известно, что в настоящее время профессиональная психолого-педагогическая подготовка преподавателей не унифицирована, ее содержание и уровень отличаются, в зависимости от того, где происходит обучение и кто учит будущих специалистов нового тысячелетия. Специфика и сложность этой подготовки состоят в том, что будущие профессионалы должны не только иметь глубокие знания психологии и смежных с ней научных дисциплин, но и грамотно ориентироваться в реальной жизни обучаемых, иметь направленность общего развития, включенность в современную общественную жизнь, многообразную культуру, эпоху, обладать способностью ориентироваться в ней (А. В. Морозов, 2009).

Работа преподавателя психологии не ограничивается только рамками существующей программы. Он часто сталкивается с желаниями студентов разобраться со своими конфликтами (как с учебными, так и личными, семейными), они часто обращаются к преподавателю психологии за советами. Поэтому необходима психологическая готовность к этой должности. Преподавателю желательно быть хорошо адаптируемым к изменениям ситуации, гибким. Необходимы навыки общения со студентами, красноречие, чувство юмора, желательно знание молодёжного сленга (особенностей их языка), рекламы, молодежных передач, музыкальных команд и их роликов (клипов). Всё это поможет будущему преподавателю за небольшой срок расположить к себе студентов (В. Н. Карандашев, 2005).

Профессия преподавателя психологии предъявляет требования не только к исполнительной, но и к познавательной и личностной сферам профессионала, к возможностям его саморегуляции. Ситуация усложняется и тем, что для преподавателей психологии, в отличие от их практикующих коллег-психологов, не является обязательным прохождение супервизии, в том числе, в малых группах. При прохождении данной процедуры профессионал имеет возможность проработать с более опытным наставником не только проблемы своих подопечных, разрешить спорные ситуации, но и разобраться в себе и собственных ментальных и эмоциональных противоречиях.

С освоением профессии «преподаватель психологии» также связан ряд дополнительных трудностей. Во-первых, психологические понятия сложны для восприятия и понимания, во-вторых, специфичность содержания предмета создает определённые когнитивные барьеры. Не каждый человек может и хочет познать себя (пусть даже это студент психологического факультета, выбравший данную специальность для обучения). Есть люди, которые руководствуются стереотипным убеждением: чем

меньше знаю о себе, тем лучше себя чувствую. Как следствие – возникновение сопротивления обучению, опасения узнать о себе нежелательные, скрытые вещи, что может выступать фактором снижения самооценки и позитивного самовосприятия. Возникает вопрос включения получаемых психологических знаний в жизненное пространство студента в связи с имеющимися у него ранее познаниями (будь то житейские или околонуточные). Наличие таких имплицитных знаний может вызвать противоречия в мышлении студента, когнитивный диссонанс и связанное с этим несоответствием ощущение психологического дискомфорта.

Как утверждает Я. Л. Коломинский, данный принцип реализуется в механизмах интроспективного проецирования и психотерапевтических ожиданиях в процессе изучения психологии. Реально, что содержанием психологических дисциплин можно оказывать психотерапевтическую помощь нуждающимся в ней (А. А. Амельков, 2006). Поэтому будущему преподавателю психологии необходимо знать, что своими неумелыми, педагогически неграмотными действиями, он может вызвать деструктивные переживания у будущих учеников по отношению к собственному психическому и личностному развитию, что может привести к формированию неадекватной самооценки, неуверенности в своих силах, к снижению познавательной активности, а иногда к безразличию по отношению к собственному развитию. В связи с этим студенту приходится сталкиваться со значительной неопределенностью возникающих проблем, неоднозначностью их последствий как для себя лично, так и для учебного процесса и будущей деятельности. Будущему преподавателю необходимо затрачивать дополнительные, иногда немалые усилия, чтобы преодолеть собственные ментальные противоречия и принять необходимость самопознания как первичное условие для полноценного овладения профессией.

Преподавателями психологии становятся обычно профессиональные психологи, получившие университетское образование. Однако получение специальности «преподаватель психологии», обозначенное в дипломе, еще не означает действительного овладения этой профессией. Необходимо многолетнее самостоятельное обучение в контакте со студентами, работа над своим курсом, поведением, ошибками, чтобы прийти к высокому уровню преподавания (Е.А. Климов, О.Г. Носкова, 2009).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СТУДЕНТОВ

Н.В. Сафронова (Москва)

Межличностные отношения, как объект нашего изучения, определяются как субъективно переживаемые взаимосвязи людей. В ходе совместной деятельности и общения, межличностные отношения объективно проявляются в характере и способах взаимного влияния людей друг на друга. В данном исследовании мы будем опираться на теорию межличностных отношений В. Шутца. Основной идеей теории В. Шутца является то, что каждый человек имеет характерный способ социальной ориентации по отношению к другим людям, и эта ориентация определяет его межличностное поведение. В. Шутц объясняет межличностные отношения человека на основании трех потребностей: включения, контроля и аффекта. Он считает, что данные потребности развиваются в детстве при взаимодействии ребенка с родителями. Насколько развита потребность включения зависит от того, насколько в детстве ре-

бенок был включен в свою семью. Потребность контроля зависит от того, как строились отношения родитель - ребенок, на сколько родители давали свободу ребенку. Потребность аффекта зависит от того, в какой степени ребенка принимали или отвергали в семье. Если эти потребности не были удовлетворены в период детства, индивид чувствует себя незначительным, некомпетентным и недостойным любви. Для преодоления этих чувств он вырабатывает у себя защитные механизмы, которые проявляются как характерные способы поведения, наблюдаемые при межличностном контакте.

В процессе построения межличностных отношений необходимо учитывать культурные особенности. Дэвид Мацумото считает, что влияние культуры ярче всего проявляется именно на социальной арене, т.е. культура влияет на то, как мы взаимодействуем друг с другом и как мы друг друга воспринимаем.

Научная новизна нашего исследования заключается в том, что мы будем изучать этнокультурные особенности межличностных отношений студентов через их взаимосвязь с различными параметрами культур по Г. Хофстеде. Г. Хофстеде первый предпринял попытку изучать культуры сразу по нескольким параметрам. Данная модель была выбрана для проведения исследования, так как она наиболее разработана и имеет данные по большому количеству стран. Каждый из указанных параметров изучался отдельно разными социальными науками, но все вместе они представляют собой "пятимерную" модель измерения различий между национальными культурами. Хофстеде ввел балльную шкалу в каждое из этих измерений, что позволило ему с помощью данной модели дать каждой из стран характеристику, выраженную количественно.

Г. Хофстеде определяет культуру как «коллективную ментальную запрограммированность, часть предопределенности нашего восприятия мира, общая с другими представителями нашей нации, региона или группы и отличающая нас от представителей других наций, регионов и групп». «Параметры культуры - это категории, по которым можно описать отличия культур друг от друга и тем самым предсказать поведение человека исходя из категорий его культуры». Он выделил 5 параметров культуры, а именно:

1. Дистанция власти - PDI
2. Индивидуализм/Коллективизм - IDV
3. Маскулинность /Феминность - MAS
4. Избегание неопределенности – UAI
5. Долгосрочная/краткосрочная ориентация

Результаты исследования могут быть использованы преподавателями и психологами различных ВУЗов страны для корректного построения образовательного процесса с представителями различных культур. Также результаты будут полезны для улучшения имеющихся образовательных программ в вузах, где обучаются иностранные студенты. Полученные результаты будут необходимы для развития сотрудничества московской системы образования с системами образования других регионов Российской Федерации и иностранных государств с целью интернационализация столичного образования.

Контингент испытуемых:

1. Русские студенты, родившиеся и выросшие в Москве
2. Китайские студенты из Пекина или другого мегаполиса.
3. Итальянские студенты из Рима

В качестве контингента испытуемых мы взяли данных представителей, так как по исследованию Г. Хофстеде, было выявлено, что данные культуры имеют различия

по параметрам культур, а, следовательно, мы предполагаем, что и по нашему исследованию мы увидим наиболее яркие различия, которые дадут возможность проверить нашу гипотезу.

Основная гипотеза: Существует взаимосвязь между параметрами культур и проявлением основных межличностных потребностей.

Частные гипотезы:

1. Потребность создавать и поддерживать чувство взаимного интереса будет выше при высоком параметре индивидуализм.

2. Потребность создавать и сохранять чувство взаимного уважения, опираясь на компетенцию и ответственность будет выше при высоком параметре дистанция власти.

3. Потребность создавать и сохранять чувство взаимного теплого эмоционального отношения будет выше при низком показателе параметра маскулинность.

4. Уровень мотива «стремление к людям» будет выше при низком параметре дистанция власти.

5. Уровень мотива «боязнь быть отвергнутым» будет выше при высоком значении параметра избегание неопределенности.

Цель исследования – выявление взаимосвязи параметров культур с особенностями межличностных отношений студентов.

Актуальность исследования продиктована необходимостью привлечения иностранных студентов в столицу с целью обеспечения конкурентоспособности ВУЗов Москвы по сравнению с ведущими мировыми высшими учебными заведениями. Для обеспечения комфортного пребывания иностранных студентов и продуктивного взаимодействия их с преподавателями и российскими студентами необходимо учитывать культурные особенности построения межличностных отношений.

Актуальная проблема образования – усредненный подход к личности студента и неосведомленность педагогов о культурных различиях и особенностях иностранных студентов. Результаты исследования позволят повысить уровень осведомленности преподавателей о культурных различиях студентов, а также позволят стоять прогнозы о поведении тех или иных национальностей на основе знаний параметров культур.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОЦЕНКЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА (НА ПРИМЕРЕ КРП)

Н.В. Сафьян (Екатеринбург)

Сегодня персонал, занимающийся сложной производственной деятельностью, обладающий высоким уровнем самооценки и притязаний, требует иных методов управления. Внедрение корпоративных инструментов управления персоналом предъявляет новые требования к профессионализму руководителей, к качеству исполнения ими своих обязанностей. Таким образом, актуализируются потребность современных российских организаций в обучении руководителей новым инструментам управления персоналом.

Отдельно следует отметить, что особое внимание в своей деятельности руководители уделяют оценке деятельности сотрудников. Оценка персонала – мощный технологический инструмент, в котором заложены основные резервы регулирования и

опосредованного влияния на конечный результат функционирования всей организации. Поэтому руководству необходим инструментарий, позволяющий проводить такую оценку, такой как KPI.

Ключевые показатели эффективности - система наиболее важных на текущий момент показателей, измеряющих эффективность сотрудников, команды, процесса, проекта или системы управления в целом по заранее заданным критериям.

Для успешной разработки и внедрения инструмента KPI важным фактором является сформированность профессиональных компетенций руководителя по использованию данного инструмента. Именно поэтому мы уделяем особое внимание обучению руководителей инструменту KPI и цель нашей работы - создание программы обучения руководителей, направленной на разработку и внедрение ключевых показателей эффективности.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть ключевые показатели эффективности как инструмент оценки и мотивации сотрудников.

2. Описать особенности обучения руководителей оценке ключевых показателей деятельности персонала.

3. Сформулировать принципы разработки ключевых показателей деятельности персонала.

4. Описать алгоритм разработки ключевых показателей деятельности персонала.

5. Определить условия и факторы внедрения ключевых показателей деятельности персонала.

6. Разработать программу обучения руководителей оценке ключевых показателей деятельности персонала.

Теоретический анализ позволил выделить некоторые особенности обучения руководителей оценке деятельности персонала с помощью KPI:

1. Особенности, определяющиеся целью обучения, а именно передача функции руководителям по разработке и использованию KPI (операциональная и мотивационная готовность).

2. Особенности, связанные с содержанием обучения - формирование знаний руководителей: ключевого бизнес процесса, продукта подразделений, категории персонала, принципов разработки KPI, алгоритма внедрения.

3. Особенности, связанные с технологией обучения, а именно: согласование ожиданий, диагностика на вводном этапе, учет управленческого опыта, субъект-субъектное взаимодействие, связь с практикой, формирование среды для обмена опытом, интенсивность обучения.

Среди наиболее значимых принципов разработки KPI следует выделить: связанность с целями организации, контролируемость, объективность, комплексность, измеримость, статичность динамики изменения

Для успешного внедрения KPI следует обеспечить готовность персонала к внедрению KPI. Определить оптимальный выбор системы показателей, их значений и весовых коэффициентов, проконтролировать отсутствие пересечения зон ответственности, ввести единую методику расчета, систему контроля за расчетом значения показателей, систему обратной связи, проводить актуализацию системы KPI при изменении внешней среды.

Разработанная нами программа обучения включает в себя несколько этапов. Отдельно выделяется подготовительный этап, на котором обучающий (консультант) знакомится с бизнес-процессом компании, определяются четкие задачи на проведе-

ние корпоративного обучения. Следующий этап обучения посвящен повышению готовности руководителей к внедрению KPI, проясняются ожидания каждого обучающегося и формируется мотивация к использованию KPI. На третьем этапе обучение проходит в индивидуальной форме отдельно с каждым руководителем. На четвертом этапе обучения проводится тренинг для всех руководителей организации. И завершается обучение оценкой результативности.

Разработанная программа была апробирована на производственном предприятии (г. Екатеринбург, 2013). Результативность программы оценивалась с использованием модели оценки эффективности обучения Киркпатрика. Полученные результаты позволяют констатировать положительную обратную связь от руководителей и их готовность использовать KPI для оценки деятельности сотрудников (по результатам анкеты). Так же мы констатировали сформированность необходимых компетенций руководителей (по результатам тестирования).

Руководителями, в ходе обучения была разработана новая система оплаты труда, основанная на KPI. Среди сотрудников было проведено исследование удовлетворенности старой и новой системой оплаты. Полученные результаты позволяют говорить о том, что новая система оплаты позволяет сотрудникам прогнозировать свой заработок, поощряет инициативности работника, достижение результата, дает возможность получать дополнительную оплату за дополнительные работы, более управляема и понятна сотрудникам, позволяет увеличить доход за счет собственных усилий.

Уровень удовлетворенности сотрудников новой системой оплаты труда выше по сравнению со старой системой оплаты, что подтверждается с помощью критерия Т-Вилкоксона ($T=214$ констатирует различия, уровень значимости 0,01).

Полученные результаты позволяют нам говорить о том, что обучение руководителей инструменту KPI проведено эффективно, цели обучения достигнуты. Сотрудники компании удовлетворены изменением системы оплаты труда.

Подведем итоги:

Для успешного внедрения KPI для оценки деятельности персонала необходимо сформировать у руководителей операциональную и мотивационную готовность использовать KPI.

Программа обучения руководителей основана на выделенных особенностях и принципах.

Программа может использоваться для обучения руководителей предприятий, в которых внедрено процессное управление и планируется внедрение KPI как инструмента оценки деятельности персонала.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЯТИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ВРАЧАМИ

А.Е. Сахарова (Казань)

Актуальность исследования: Диагностический процесс в деятельности врача является основополагающим, в связи с чем изучение стратегии принятия диагностических решений представляется весьма актуальным как в практическом, так и в теоретическом отношении. Не менее значимой научной задачей является задача изучения деятельности врача в ситуации выбора между различными терапевтическими стратегиями, предвосхищение им разных вариантов результатов применения разнообразных методов терапии.

Проблема: в течение длительного времени разработка теории принятия решения осуществлялась в рамках психологии управления, где играла основную роль. С одной стороны, очевидна связь успешности принятия решения с антиципационной состоятельностью любого человека, с другой стороны, практически не изученной остается подобная взаимосвязь в рамках профессиональной деятельности человека, в частности процесс диагностики и терапии в деятельности врача.

Гипотеза исследования: Врачи используют различные варианты принятия диагностических решений исходя из собственных коммуникативных, когнитивных или эмоциональных прогностических способностей.

Методы исследования: теоретический анализ общей и специальной литературы по проблеме исследования, анкетирование: для исследования психологических особенностей принятия медицинского решения была сформирована анкета, включающая 25 утверждений, так или иначе характеризующих процесс принятия диагностических решений врачом. А также методы математической обработки экспериментальных данных (выявление X среднее; подсчет процентного соотношения показателей).

Описание выборки исследования.

Выборку составили 142 врача в составе неврологов, стоматологов, хирургов, психиатров, акушер-гинекологов, врачей скорой медицинской помощи и врачей диагностической лаборатории с равным соотношением мужчин и женщин. Средний возраст выборки 44 года, стаж профессиональной деятельности в среднем 21 год.

Рассмотрим результаты анкетирования по пунктам давшим наибольший разброс ответов:

1.20% врачей ответили, что верные диагностические решения лучше принимать в сложной, экстремальной обстановке, в условиях дефицита времени, в то время как 58% из опрошенных являются работниками скорой медицинской помощи и 12% из оставшегося числа работают в реанимации.

2.51% считает, что правильность принятия диагностических решений больше зависит от окружающей обстановки, ситуации, от людей, а не от психического состояния и эмоций опрошенных, в то время как 49% высказали несогласие с данным утверждением.

3.54% диагностические решения предпочитают принимать, посоветовавшись с коллегами, в отличие от второй половины (46%), которая предположительно склонна принимать решения самостоятельно.

4.Только 8% опрошенных ответили утвердительно на следующий вопрос: если в принимаемое диагностическое решение «не вписывается» какой-либо симптом (нетипичное проявление), то его можно «отбросить», не обращая на него внимания. При этом подавляющее большинство несогласно с данным высказыванием.

5.39% опрошенных при принятии диагностических решений склонны размышлять самостоятельно, а не следовать мнению опытных наставников, «медицинских светил», авторитетов в данной области, принятым подходам и догмам, что в свою очередь согласуется с пунктом №3 приведенном выше о том, что большинство опрошенных врачей старается согласовать принимаемые решения с коллегами.

6.67% врачей при принятии диагностических решений могут предположить исход лечения, конечную ситуацию в самом начале лечения, после первой встречи с пациентом, что предположительно может положительно коррелировать с прогностической компетентностью в дальнейшем исследовании.

7.61% согласен с утверждением: Я принимаю диагностические решения на основании «узнавания принципа». То есть я могу в течение нескольких секунд, иногда без всякого осознанного анализа, в основном на основании визуальной оценкой пациента принять нужное решение. Это происходит не последовательно или ступенчато, а путем комбинирования симптомов, различных проявлений.

8.20% врачей признают, им нелегко изменить принятые диагностические решения, даже если пациенту не стало лучше, оставшиеся 80% отрицают проявление такого в своей работе.

Исходя из ответов опрошенных, можно составить усредненный психологический портрет врача в ракурсе принятия диагностических решений: врачи подвержены влиянию как обстановки так и собственного эмоционального состояния, склонны учитывать мнение коллег, но и действовать самостоятельно. Для подавляющего большинства опрошенных условия риска нежелательны при принятии решений, тем не менее, сохраняется большая вероятность возможности принятия диагностического решения при первой встрече с пациентом и предсказание исхода предстоящей терапии. В свою очередь, большинство уделяет внимание «нетипичным проявлениям» симптомов.

Несмотря на свойство опираться на рациональность, логический анализ, прошлый опыт при принятии решений, остается элемент неопределенности принятия решений с точки зрения эмоциональной реакции самого врача и разделение ответственности с коллегами в ходе диагностики и последующих решений.

ВЫЯВЛЕНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ШКОЛЬНИКОВ

А.В. Саяпин (Саратов)

Для выявления уровня развития творческого потенциала личности школьника может быть использована разработанная П.Ф. Кравчук диагностика его развитости, в которой первый уровень развитости предпосылок к творчеству определяется такой качественной характеристикой как «в силу необходимости», второй – «благодаря», третий – «вопреки». Также могут быть использованы тесты В.И. Андреева, Н.Ф. Вишняковой, В.Г. Рындак, Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова и др. Диагностика одаренности школьников, выявление их интересов и склонностей, развитости творческого потенциала может проводиться согласно тестов Н.П. Фетискина, Дж. Гилфорда и П. Торренса в модификации Е. Туник и др.

В выборе диагностических методик исследования творческого потенциала, креативности вызывают большой интерес труды Д.Б. Бого-явленской. В них представлен метод «креативное поле», обеспечивающий значительно большую его валидность по сравнению с другими тестами «на креативность», в то же время он характеризуется сложностью и трудоемкостью самой процедуры. Данный метод предполагает решение испытуемым большого числа однотипных задач, обладающих определённой скрытой закономерностью, которую он рано или поздно обнаруживает.

Применение вышеназванных тестов и методов в исследовании предполагает учет особенностей их использования при тестировании обучающихся. Первая особенность связана с определением оригинальности результатов тестирования, которая по своей сути может быть многоликой вплоть до появления новых идей, не обязательно умных, искусственных, надуманных. В связи с этим мы соглашаемся с рядом

ученых (Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин, М.А. Холодная и др.), считающих, что оригинальные идеи нельзя рассматривать в отрыве от их полезности. Они должны быть продуктивными, востребованными, применимыми к реальной жизни. Например, за нестандартностью или редкостью ответа могут стоять совершенно разные психологические явления: собственно оригинальность, как проявление продуктивных возможностей испытуемого; оригинальничанье как проявление личностной гиперкомпенсации интеллектуальной несостоятельности, либо психическая неадекватность.

С другой стороны, если испытуемый не даёт оригинального, творческого ответа при тестировании, это ещё не означает отсутствия у него креативности, а может свидетельствовать, к примеру, о неумении его расслабиться, раскрепоститься в контролируемой ситуации тестирования. Поэтому, как отмечал В.Н. Дружинин, «с помощью тестов креативности мы можем выявлять креативов, но не можем точно определять некреативов. Причиной этого является спонтанность проявлений креативности и неподвластность этих проявлений внешней и внутренней регуляции».

Вторая особенность связана с тем, что качество и значимость продуктов творчества учащихся зависит от уровня их интеллектуальной активности. Высокий ее уровень позволяет проникать в глубинные структуры выполняемой ими деятельности. У школьников в качестве ведущей выступает учебная деятельность во всем многообразии своих видов: познавательная, художественная, трудовая, эстетическая, спортивная, музыкальная и т.д. В психолого-педагогической литературе творческие достижения школьников в основных видах учебной деятельности, определяемые их возрастными и индивидуальными особенностями, представлены в виде нового образовательного продукта: идея, определение, стихотворение, рисунок, сказка, задача, факт, гипотеза, поделка, песня, танец, вышивка, фотография, участие в концерте, спектакле, сценке, выставке и т.д. Новым психическим продуктом будет изменение, развитие способностей школьника и связанных с ним знаний, умений, убеждений, отношений, направленности, мотивации, качеств личности, ценностей, мышления, деятельности. Главное, чтобы результаты развития их творческого потенциала становились естественным продуктом деятельности школьника с опорой на соответствующий уровень их развития.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЧАСТЬЕ

Е.В. Свередюк (Минск)

В понимании и определении счастья мы основываемся на положениях ценностного подхода, согласно которому разнообразные жизненные блага и духовно-нравственные ориентации, составляющие ценности счастья, определенным образом соотношены и структурированы на уровне индивидуального сознания.

Особенность изучения восприятия образа счастья – наличие объективных (эвдемонистических) и субъективных (гедонистических) детерминант. Объективные детерминанты счастья предполагают стремление человека соответствовать смыслу своей жизни, своему предназначению, при этом состояние счастья обретается путем развития всех потенций, уникальным образом представленных в каждом человеческом индивиде. С позиций субъективизма в счастье существенно лишь физиологическое ощущение, переживание наслаждения, счастье достигается максимизацией удовольствия и отсутствием боли. Счастье состоит в осознании человеком имеющихся в

его распоряжении ценностей, в их идейной и эмоциональной оценке и в переживании своего отношения к этим ценностям.

Ментальная репрезентация как психический информационный комплекс, содержит как объективные, так и субъективные детерминанты счастья. Именно поэтому для практического изучения указанных детерминант в исследовании был использован метод контент-анализа – метод постижения внетекстовой реальности. Учитывая значимость субъективных детерминант, использовались проективные методы – незаконченные предложения: «Я счастлив, когда...», «Для меня счастье – это...», «Счастливый человек – это...», «Смысл жизни вижу в...», «Хотел бы реализовать себя в...» и эссе на тему «В чем заключается счастье?».

В исследовании приняли участие 60 студентов факультета психологии специальностей «Социальная психология», «Практическая психология. Иностранный язык» Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка, специальности «Спортивная психология» Белорусского государственного университета физической культуры, средний возраст испытуемых – 21 год. Вторую выборку составили 60 студентов Минского государственного высшего радиотехнического колледжа специальности «Профессиональное обучение (информатика)», средний возраст по выборке – 20 лет.

Критерии счастья, выделенные в ходе контент-анализа незаконченных предложений и эссе, включают такие общепризнанные ценности, как любовь, дружба, здоровье, семья, и отражают возрастные и профессиональные особенности респондентов. Так, значимым элементом в структуре представлений о счастье по двум выборкам является элемент «любовь», это связано с интересом к противоположному полу, который проявляется в юношеском возрасте. Студенты-психологи в качестве показателя переживания счастья указывают положительные эмоции, а студенты-информатики называют достижение поставленных целей, стремление к осуществлению смысла собственной жизни. Первые, таким образом, демонстрируют свою жизнь как эмоционально насыщенную, а вторые – как осознанную. Для студентов специальности «Психология» самым важным компонентом в ценностной структуре изучаемого феномена является счастье и благополучие близких людей, что отражает альтруистический характер их будущей профессии. Этот критерий играет важное значение, и для испытуемых второй выборки, однако не отражается в самом максимальном балле, скорее всего, этот компонент важен для общей удовлетворенности отношениями с другими людьми, но не всегда является личностной характеристикой как для психологов.

Качественный анализ критериев позволил выделить следующие ценностные блоки понимания счастья юношами и девушками. Блок «психологического благополучия» предполагает объединение двух позиций: «собственное счастье, благополучие» и «благополучие, счастье родных, близких, любимых людей». Блок «материального (финансового) благополучия» личности включает в себя, во-первых, «карьеру», «престижную работу», «положение в обществе», а во-вторых, «материальный достаток». Блок «душевного (духовного) благополучия» определяет счастье как «гармонию, согласие с самим собой / с окружающим миром», «душевный комфорт», «спокойствие, состояние покоя». Блок «физического благополучия» включает «личное здоровье», «здоровье близких», «ведение здорового образа жизни». «Эмоциональный» блок предполагает «наличие положительных эмоций, хорошего настроения», «переживание радости», «состояние эйфории, полета». Блок эмоционально-межличностных отношений базируется на «взаимной любви», «взаимоуважении», «взаимопонимании», его можно разделить на взаимоотношения с близкими людьми (интимно-

личностное общение) и взаимоотношения в социальных группах (дружеское общение). «Целесообразной» блок включает такие ценностные установки в понимании счастья, как «развитие, совершенствование», «реализация как личности / студента / профессионала / семьянина», «достижение смысла жизни». Блок «любовь к жизни» предполагает определение счастья через «оптимистическое отношение к жизни», «ценность жизни», «способность радоваться жизни».

Ментальные репрезентации счастья включают в себя как инвариантный, так и индивидуальный компоненты. Инвариантный компонент преобладает и выражается в наличие стабильных образных паттернов, независимых от способов реконструкции представлений, а также от индивидуальных особенностей испытуемых, специфики их образования и возраста. Это такие характеристики, как «семья», «дружба», «здоровье». Индивидуальный компонент проявляется в вариативности отображения счастья в сознании субъекта в форме индивидуальных значений и личностных смыслов. Это характеристика «любовь» как возрастная особенность по двум выборкам, «благополучие других» как проявление профессионально важного качества будущего психолога, «достижение целей и смысла жизни» как проявление высокого уровня осознанности среди студентов-информатиков, «положительные эмоции» как проявление важности эмоционального переживания события для студентов-психологов и т.д. Таким образом, ментальные репрезентации счастья в картине мира личности студента разнообразны по своему содержанию и структурированы на уровне индивидуального сознания.

ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ К НЕВРОТИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЯМ: ИСТЕРИЧЕСКИЙ ТИП РЕАГИРОВАНИЯ, ОБСЕССИВНО-ФОБИЧЕСКИЕ И ВЕГЕТАТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ И ВТОРИЧНЫЕ ОБРАЗЫ В СНОВИДЕНИЯХ

Т.А. Свиридченкова (Москва)

Сновидения — это неотъемлемо значимая и ритмически повторяемая во время сна психическая активность человека, проявляющаяся как результат отражения совокупности ментальных, физиологических, биохимических и психологических процессов в организме. В данной работе символы сновидений рассматриваются как вторичные образы, т.е. как образы предметов и явлений, существующие в субъективном мире человека в отсутствие непосредственно воздействующего на них стимула-образа. В основе сновидения лежит определенное психическое состояние, представленное сновидцу в образах и символах, как результат интегративной деятельности разных уровней функционирования психики и организма.

В настоящее время исследования влияния психологических и патопсихологических свойств личности на характеристики сна касаются в основном физиологических параметров. Взаимосвязи же индивидуальных свойств личности, таких как истерический тип реагирования, обсессивно-фобические и вегетативные нарушения, рассматриваемые как предрасположенность к определенному виду невротического состояния и образов, чувств, эмоций и действий, проявляющихся в сновидениях изучены недостаточно. Сновидение является отражением состояния человека, «невротическим симптомом, проявляющимся у всех здоровых» и, следовательно, может предупредить об отклонении в состоянии здоровья или психологической проблеме. Изучая

частоту появления тех или иных сновидных образов можно предположить развитие болезни еще до проявления первых симптомов.

Целью исследования является изучение взаимосвязи вторичных образов в сновидениях у лиц с истерическим типом реагирования, обсессивно-фобическими и вегетативными нарушениями, что имеет существенное значение для ранней диагностики и профилактики неврозов.

Для оценки невротических состояний был выбран Клинический опросник выявления и оценки невротических состояний (Яхин К.К., Менделевич Д.М.). Для изучения содержания характеристик вторичных образов сновидений была разработана оригинальная анкета, состоящая из 30 вопросов; в анкету вошли вопросы, выясняющие наиболее часто встречающиеся сновидные образы, цвета, речь в сновидении, сексуальные сцены, активность сновидца, эмоции, чувства, общий эмоциональный фон сновидения, наличие слуховых, температурных, тактильных ощущений, наличие повторяющихся сновидных сюжетов, сновидения в сновидении, незавершенность сновидения, феномен люцидности, качество запоминания и воспроизведения сновидений. Анкета позволяла выявить образы, эмоции, чувства, действия чаще проявляющиеся в сновидениях. Для статистической обработки результатов использовался корреляционный анализ по методу Спирмена.

В исследовании участвовало 63 человека (34 мужчины и 29 женщин). Средний возраст участников составил $28,27 \pm 1,39$ года. Все испытуемые по клиническому опроснику имели предрасположенность к определенному виду невроза.

Исследовались связи между представленностью отдельных образов в сновидениях, а также переживанием при этом определенных чувств и эмоций, совершении действий в сновидении и числовыми показателями по шкалам истерического типа реагирования, обсессивно-фобических и вегетативных нарушений.

При корреляционном анализе по Спирмену ($p < 0,05$) были выявлены значимые обратные корреляции между числовыми показателями по шкале истерического типа реагирования и образами в сновидениях. Чем выше уровень истерического типа реагирования тем чаще в сновидениях присутствуют: образ матери(-0,387); чувство страха(-0,732), тревоги(-0,844); феномен люцидности(-0,357); сновидение в сновидении(-0,425); незавершенности(-0,672); сексуальные сцены(-0,750); яркие цвета(-0,552); ощущения температурные(-0,567), тактильные(-0,515), звуковые(-0,409); отрицательный эмоциональный фон(-0,857); кошмары в сновидениях(-0,799); повторяющиеся сновидения(-0,528); хорошее запоминание и воспроизведение(-0,581).

При корреляционном анализе по Спирмену ($p < 0,05$) выявлены значимые прямые и обратные корреляции между числовыми показателями по шкале обсессивно-фобических нарушений и образами в сновидениях. Чем выше уровень обсессивно-фобических нарушений тем реже сновидец принимает активное участие в сновидении и реже видит городской пейзаж (0,327) и животных (0,230) и тем чаще в сновидениях присутствуют: образы матери(-0,496); родственников(-0,329); дома(-0,340); фантазийных объектов(-0,357); чувств страха(-0,656), тревоги(-0,836), тоски(-0,495, угнетенности(-0,489); сновидения в сновидении(-0,564); незавершенности(-0,717); сексуальных сцен(-0,500); ярких цветов (-0,335); ощущений температурных(-0,321), звуковых(-0,316); отрицательного эмоционального фона(-0,853); кошмаров в сновидениях(-0,777); повторяющихся сновидений(-0,495); хорошего запоминания и воспроизведения(-0,479).

При корреляционном анализе по Спирмену ($p < 0,05$) выявлены значимые обратные и прямые корреляции между числовыми показателями по шкале вегетативных нарушений и образами в сновидениях. Чем выше уровень вегетативных нарушений

тем чаще в сновидениях присутствуют: образы матери(-0,524); родственников(-0,338); чувств страха(-0,690); тревоги(-0,775); тоски(-0,378); угнетенности(-0,455); феномена люцидности(-0,350); сновидения в сновидении(-0,510); незавершенности(-0,590); сексуальных сцен(-0,607); ярких цветов(-0,375); ощущений температурных(-0,444), тактильных(-0,476), звуковых(-0,450); отрицательного эмоционального фона(-0,866); кошмаров в сновидении(-0,806); повторяющихся сновидений(-0,475); хорошего запоминания и воспроизведения(-0,611).

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют, что индивидуальные свойства личности такие как истерический тип реагирования, обсессивно-фобические и вегетативные нарушения, рассматривающиеся как предрасположенность к определенному виду невротического состояния могут оказывать существенное влияние на образы, чувства, эмоции и действия, проявляющиеся в сновидениях.

СТРУКТУРА ОТЦОВСТВА

У.Ю. Севастьянова (Кострома)

Изучение феномена отцовства в настоящее время находится на этапе накопления научных знаний. Проводятся большое количество исследований по изучению современного отцовства, функций отца, структуры отцовства, развития личности отца и др.

Отцовство понимается как системное образование, имеющее свою структуру и функции.

Рассмотрим исследования структуры отцовства рядом авторов.

Структурная модель комплекса отцовства была разработана Г. Г. Филипповой и Ш. Бартом. В структуру отцовства входят следующие компоненты: потребностно-эмоциональный блок, включающий биологические, социальные аспекты мотивации, потребность в контакте, эмоциональные реакции, переживания; операционный блок, как осведомленность и умения, операции по уходу за ребенком и общение с ним; и ценностно-смысловой блок, как отношение отца к ребенку, включая экзистенциальные переживания (Г.Г. Филиппова, 2002; Barth S., 1999).

Ю. В. Борисенко дополнила данную структуру двумя компонентами. В данной структуре оценочный компонент состоит из: 1) самооценки, как элемента Я-концепции, принятие или неприятие роли отца и рациональная и эмоциональная оценка себя, как отца, и своего ребенка; 2) социальной оценки окружающих, базирующихся на принятых в данном конкретном обществе социальных стереотипах и предписаниях по выполнению роли, требованиях, которые необходимо соблюдать для соответствия статусу. Социальная оценка является базой для формирования собственной оценки, так как через социальные стереотипы влияют на формирования образов Я-идеального. Оценочный компонент является интегральным, так как пронизывает и влияет на все остальные компоненты структуры (Ю.В. Борисенко, 2007).

В. В. Столин предлагает в структуре личности отца выделять три уровня характеристик – индивидуальность, социальные и собственно личностные (В.В. Столин, 1983).

Согласно исследованиям Томпсона и Плека, которые приводит Р. В. Овчарова, структура отцовской роли состоит из следующих компонентов, влияющих на формирование стереотипа отцовства:

1. Норма успешности или норма статуса – стереотип, утверждающий, что социальная ценность мужчины определяется величиной его заработка.

2. Норма эмоциональной твердости - стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен испытывать мало чувств и быть в состоянии разрешать свои эмоциональные проблемы без помощи окружающих.

3. Норма антиженственности – стереотип, согласно которому мужчинам следует избегать «женских» проявлений (Р.В. Овчарова, 2005).

Для большинства рассмотренных нами моделей точкой отсчета является ребенок и его развитие в структуре отцовства.

Мы же предполагаем анализировать отцовство как динамическое образование, систему взаимосвязанных отношений, реализующихся в родительской деятельности. Отцовство нами рассматривается не столько как фактор развития личности ребенка, а является условием развития мужчины. По своей сущности отцовство может быть составляющей частью личности взрослого человека. Отцовство выступает системой взаимоотношений между мужчиной и ребенком, способствующим развитию личности и эмоционального благополучия обоих (У.Ю. Севастьянова, 2012).

В результате теоретического анализа вышеперечисленных работ нами была разработана структурная теоретическая модель отцовства, которая включает две подсистемы:

- отношение к себе.
- отношение к ребенку.

С одной стороны, такое отношение имеет потенциальный (динамичный) характер, с другой, основано на прошлом опыте.

Данные подсистемы проявляются в когнитивном, эмоциональном и поведенческом компонентах.

Эмоциональный компонент отцовства связан в первую очередь с переживаниями, которые испытывает отец во взаимодействии с ребенком и в целом с принятием либо отвержением ребенка. В этот блок также входит эмоциональное отношение родителя к собственной роли, возникающее в результате оценки своих действий (операций), и своей компетентности как родителя.

Когнитивный компонент характеризуется оценочностью, в его основе лежат индивидуальные потребности и мотивы. Он содержит оценку себя как родителя, оценку своего партнера как родителя и оценку ребенка (супруги). Этот компонент тесно связан с моделями детства и родительского отношения, усвоенными человеком. Отец имеет представления как об идеальном родителе, так и об идеальном ребенке, и эти представления влияют на его деятельность по воспитанию детей.

Поведенческий компонент отцовства описывает операции, связанные с уходом за ребенком и общением с ним, и общую стратегию (стиль) воспитания, особенности реального поведения мужчины. Кроме того, в этот компонент входят:

- деятельность по созданию условий для появления ребенка на свет, его развития и воспитания. В этом плане мужчина выступает как представитель человеческого рода;

- деятельность, направленная на формирование у ребенка социально одобряемых качеств, здесь отец выступает как представитель определенной культуры. В поведенческий блок входит, например, количество времени, которое отец в среднем проводит с ребенком, особенности поощрений и наказаний, используемых отцом, а также специфика общения с детьми.

Для строения систем характерна иерархичность, многоуровневость: отдельные уровни системы обуславливают определенные аспекты ее поведения, а целостное

функционирование оказывается результатом взаимодействия всех ее сторон, уровней. Т.Н.Овчинникова предлагает рассматривать психологические феномены как открытые системы, то есть находящиеся в состоянии подвижного равновесия со средой. Понимание такой системы как открытой, саморазвивающейся означает возможность появления в процессе ее развития новых образований, которые способствуют дальнейшему становлению, развитию системы под влиянием взаимодействия с окружающей средой.

Итак, отцовство может быть рассмотрено как открытая система, имеющая свою достаточно устойчивую структуру – компоненты, связи и уровни, а также осуществляющая взаимосвязь с окружающей средой, в результате чего возможно развитие данной системы.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ)

А.С. Седунова (Ульяновск)

Актуальность исследования обусловлена ростом научного интереса как к классическим когнитивным теориям, так и к современным технологичным моделям, позволяющим синтезировать знания в рамках конкретных требований профессиональной деятельности и профессиональной среды. Отметим, что широта интерпретации понятия "репрезентации" зачастую приводит к редукционизму подобных моделей. Такие противоречия проявляются как на уровне психологической теории и ее отдельных отраслей, так и в контексте психологической практики при разработке технологий личностно-профессионального развития.

Понятие "профессиональная культура" остаётся малоисследованным как в отечественных, так и зарубежных психологических теориях. Поэтому одним из актуальных направлений становится сравнительный анализ нормативных моделей профессиональной культуры, их сущностных характеристик, а также эмпирическое исследование индивидуально-личностной вариативности восприятия моделей профессиональной культуры.

Теоретической основой исследования стали работы Г. М. Андреевой, Б. Вайнера, С. Плауса по проблемам социального познания, работы Д. В. Ушакова с соавторами по анализу проблемы ментальных репрезентаций в когнитивной психологии, а также ряд авторефератов, посвященных проблеме ментальных репрезентаций, основанных на модели М. А. Холодной и др. Отметим, что классические исследования ментальных репрезентаций включают различные теории и подходы (экологический, информационный, когнитивный и др.). Широко применяется метод моделирования (например, Mangold-Allwin, 1995). В работах, посвящённых анализу исторической перспективы теории познания (например, М. Айзенк (1997), Дж. Гибсон (1988), У. Найссер (1981)) обосновываются положения информационного подхода к трактовке роли репрезентаций в процессе отражения, а также использование данного концепта при создании разработок в сфере "искусственного интеллекта" (см., например, обзор Н. И. Чудовой, 2002). Современные авторы (например, Dretske (1988), Fodor (1987), Churchland (1989), Dennett (1987), Kosslyn (1980), Pylyshyn (2003) и мн.др.) решают проблему соотнесения эмпирических фактов с устоявшимися представлениями о структуре и механизмах репрезентаций, создавая новые объяснительные конструкты.

Понятие "профессиональная культура" также не является однозначным в психологической литературе. С точки зрения отечественной научной школы, специфика становления профессионала предполагает интеграцию в культурное сообщество с учётом индивидуальных особенностей, требований профессии, особенностей окружающей среды. В статье О.А.Шумаковой профессиональная культура рассматривается как системное образование. Интегральным акмеологическим критерием оценки профессиональной культуры личности является продуктивность деятельности, выраженная в показателях уровня и качества процесса и результатов деятельности, в характеристиках социально- психологического состояния среды, проявляющемся в общем настроении, социальном самочувствии, в субъектности, а также в способности личности к самосовершенствованию и саморазвитию. Понятие "профессиональная культура" соотносится с термином «поликультурная среда», также включающем условия формирования представлений субъекта о мире и окружении. В диссертационном исследовании Л. С. Ерина ссылается на ряд работ по проблеме (В. С. Агеева (1983), Г. М. Андреевой (1994), Н. М. Лебедевой (1999, 2002) и др.) и формулирует следующее определение: поликультурная среда есть совокупность всех условий жизнедеятельности, в которых осуществляется интеграция общекультурного (на макроуровне), социального и личностного начал. В исследованиях Ф. Н. Зиатдиновой, рассматривались возможности поликультурного познания, подчёркивается значимость общечеловеческих ценностных знаний. Результатом поликультурного и общечеловеческого ценностного познания автор считает создание собственного образа «Мира», образа «Я», которое человек переживает и осмысливает «внутри у себя, по-своему». Таким образом, в рамках настоящего проекта необходимо не только уточнить основные теоретические понятия ("личностные репрезентации", "профессиональная культура"), но и ответить на ряд вопросов, раскрывающих проблему развития мировоззрения и самосознания личности в особых условиях – условиях, задаваемых типом профессиональной культуры и вариативными факторами профессиональной среды. Особый интерес представляет сравнительный анализ нормативного и вариативного типов профессиональной культуры, их описание.

Целью данного проекта является выявление, теоретический и эмпирический анализ личностных особенностей репрезентаций в контексте модели профессиональной культуры.

Исходя из цели сформулированы следующие задачи в рамках проблемы, на решение которой направлен проект:

1. Выявление сущностных характеристик понятия "личностные репрезентации".
2. Анализ современных отечественных и зарубежных теорий, рассматривающих структуру репрезентаций личности.
3. Анализ структуры личностных репрезентаций в различных условиях, в том числе - в контексте проблемы формирования мировоззрения личности в вариативной среде.
4. Изучение моделей профессиональной культуры.
5. Обоснование диагностического инструментария.
6. Апробация опросника структуры репрезентаций личности.
7. Осуществление эмпирического исследования особенностей личностных репрезентаций.
8. Разработка модели структуры репрезентаций личности в контексте нормативной и вариативной моделей профессиональной культуры.
9. Апробация технологии моделирования ситуативных знаний и профессиональных представлений личности.

Перечисленные задачи позволят решить основные проблемные вопросы исследования: определить субъективные предпосылки формирования образа мира и профессии, а также выбора субъектом собственных ролевых стратегий и траекторий личностно-профессионального развития в конкретных социальных условиях и предложить действенные рекомендации по внедрению полученных результатов в практику психологической службы.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ АТТРАКЦИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Н.И. Сердюк (Бердянск)

Межличностные отношения со сверстниками являются важнейшей сферой интересов подростков, именно в этом возрасте проявляются впервые положительные эмоции, возникающие в результате появления аттракции между личностями, которые симпатизируют друг другу. Сам феномен аттракции является достаточно сложным и многокомпонентным, следовательно, проанализировав особенности проявления уровней аттракции (симпатии, дружбы и любви) к сверстникам в подростковом возрасте различных ученых, мы выделили общие структурные компоненты, которые необходимы для проявления каждого уровня аттракции. К таким структурным компонентам мы отнесли: когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Распределение по группам структурных компонентов достаточно условно, так как в реальных условиях для возникновения аттракции между подростками необходимо гармоничное сочетание и взаимодополнение всех компонентов. Хотя эти компоненты с появлением аттракции функционируют как единое целое, однако их группирование позволяет выделить основные, возможные проявления активности личности при построении позитивных эмоциональных отношений со сверстниками.

Когнитивный компонент аттракции отражает полученные знания об ощущениях и переживаниях: эмоции и чувства собственные и окружающих людей. На объем полученных знаний влияет уровень развития абстрактного мышления подростков, которое в этом возрасте довольно активно развивается. Оно влияет на широту и содержание мыслей и способностей. Подростки способны заранее проанализировать ситуации и возможные формы проявления и поведения во время общения со сверстниками, опираясь на уже полученные знания и опыт. Опыт, полученный в наследство от предыдущих поколений, а также приобретенный в течение своей жизни. Он может быть как положительного, так и негативного характера, но, в любом случае, этот опыт дает подростку большой запас знаний об особенностях межличностного общения со сверстниками.

Характеризуя эмоциональный компонент необходимо отметить, что в подростковом возрасте проходит бурное развитие эмоциональной сферы. Возникновению эмоций и чувств в этом возрасте предшествует появление мнимых или реальных образов настоящих дружеских отношений со сверстниками. Образы, возникающие в воображении подростков, обусловленные различными факторами, например, это могут быть положительные эмоциональные отношения между родителями, которые стали примером настоящей дружбы для подростка; сюжет прочитанной книги, или текст любимой песни, в которой раскрыты особенности межличностных дружеских отношений. В любом случае, все эти образы сопровождаются появлением положительных

эмоций и чувств, которые оказывают значительное влияние на жизнь подростков, о чем свидетельствуют особенности их поведения.

Вообще эмоциональный компонент имеет очень большое влияние на появление аттракции, потому что в ее основе лежат положительные эмоции, которые испытывают люди друг к другу. Этот компонент является своеобразной внутренней мерой аттракции личности, ее способностью глубоко чувствовать привлекательность других людей и свою собственную. А с помощью поведения, в котором проявляются индивидуальные признаки, качества личности, возможно, вызвать аттракцию.

Как мы уже отметили, влияние когнитивного и эмоционального компонентов в проявлении аттракции немало значимы, однако их реализация почти невозможна без поведенческого компонента. Он раскрывает особенности поведения подростков и соответствующее отношение к сверстникам, их поступков, их взаимоотношений, которые влияют на появление аттракции. Любое поведение имеет соответствующую мотивацию, в нашем случае она является первоисточником, что мотивирует ребенка к общению и проявлению того или иного поведения. Она побуждает индивида выбирать себе друзей для общения и совместного время провождения. Однако одной лишь мотивации еще недостаточно для появления определенного отношения к окружающим. Следующим шагом является формирование установки, после того как появился мотив, формируется установка на выполнение того или иного мотива, в нашем случае мотива на удовлетворение потребности в общении, потребности в аффилиации. Реализация сложившейся установки с помощью определенного поведения, поступков, действий раскрывает потребности и мотивы, которыми руководствуется подросток в своем поведении, с помощью, которых он проявляет свои преимущества и отношение к сверстникам. У каждого подростка проявление поведения, проходит по-разному: одни открыто проявляют знаки внимания той личности, которая вызвала у них симпатию, другие проявляют свое истинное отношение только тогда, когда ее рядом. Однако, в любом случае, реализация поведения тесно связана с эмоциями и чувства, которые испытывают подростки во время его проявления.

Влияние рассмотренных компонентов на формирование аттракции очень тесное и действенное. Единство когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, освещает ценностное отношение подростка к позитивным межличностным отношениям со сверстниками. Таким образом, можно констатировать, что гармоничное сочетание каждого из этих компонентов выполняет специфическую функцию в проявлении аттракции к сверстникам среди подростков, оказывает положительное влияние на их психологическое здоровье.

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.В. Сиврикова (Челябинск)

Актуальность научного изучения проблемы личностной идентичности обусловлена с одной стороны запросами психотерапевтической практики, а с другой - необходимостью построения единой концепции развития взрослого человека. Сложность решения данной проблемы связана с отсутствием единого определения понятия «идентичность», а также изначальной многомерностью данного психологического феномена.

Проблемы изучения идентичности в первую очередь проявляются в ситуации диагностики. Несмотря на большое количество психодиагностических методик,

направленных на анализ идентичности, исследователи зачастую сталкиваются с проблемой дефицита опросников, позволяющих определить уровень и статус личностной идентичности.

Так, Н.Л. Иванова и Т.В. Румянцева в своей монографии выделяют 4 класса методов анализа идентичности в исследованиях и в практике психологического консультирования: 1) методы изучения когнитивных, ценностно-мотивационных и поведенческих компонентов самоидентификации; 2) методы исследования половой, гендерной идентичности и полоролевой идентификации; 3) методы изучения этнической идентичности; 4) методы изучения профессиональной идентичности и идентификации в организации.

Следует отметить, что авторы не учитывали в своей работе, ряд методик, направленных на диагностику личностной идентичности, разработанных в последнее время. К таким методикам, на наш взгляд следует отнести: Тест «Личностная и социальная идентичность» (ЛиСи) В. Урбанович; Тест статусов и структуры эго-идентичности (СЭИ-тест) Е.Л. Солдатовой и др. Появление последних, направлено на устранение дефицита в методиках, позволяющих выявить оценочно-смысловой и регулятивный аспекты функционального значения идентичности. Но при всех своих достоинствах указанные методы имеют существенные недостатки, затрудняющие их использование в массовых исследованиях и консультативной практике. Например, большой объем и характер используемых в СЭИ-тесте стимулов существенно затрудняет его использование в подростковом, раннем юношеском и пенсионном возрасте.

Поэтому нами была разработана методика диагностики личностной идентичности. Данный опросник основан на положениях теории эго-идентичности Э. Эриксона и культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Всего методика содержит 72 утверждения, которые сгруппированы попарно. В ходе диагностики участникам исследования предлагается выбрать одно из двух утверждений, которое в большей степени их характеризует.

Основными диагностическими показателями методики являются показатели автономии, сомнения и фиксации, которые определяются в отношении четырех разных сфер: время, межличностные отношения, деятельности и ценности. Согласно разработанной методике структуру идентичности можно представить в виде плоскости, разбитой на сектора: время, отношения, деятельность и ценность. Уровень автономности, соответствия и фиксации будет представлять выпуклости в каждом из секторов. Чем более ровная поверхность, тем более гармонично развивается эго-идентичность. Методика позволяет оценить уровень сформированности идентичности, а также ее статус. Кроме того, в рамках психологического консультирования, полезным представляется возможность составления профиля личностной идентичности.

Методика прошла апробацию на базе Психологического центра Советского района г. Челябинска, в ходе которой проводилась ее психометрическая проверка. Для проверки внутренней валидности теста использовался алгоритм четырехклеточной корреляции. Результаты применения метода показали, что частота ответов, совпадающих с ключом, в группах с высоким и низким итоговым тестовым баллом значительно отличается. Вопросы, у которых, частота ответов, совпадающих с ключом в сравниваемых группах не имела значимых различий (таких оказалось 3) были исключены из текста опросника.

В ходе апробации методики оценивалась дискриминативность всего теста. Для этого использовалась формула Фергюссона (при расчетах был использован алгоритм, предложенный Л.Ф. Никифоровой и В.В. Казанцевой). Показатель $\delta=0,993$, что говорит о высокой дискриминативности разработанной методики.

Для проверки внешней валидности разработанной методики проводился корреляционный анализ данных полученных с ее помощью и с помощью СЭИ-теста (использовался коэффициент корреляции Спирмена). Итоговый показатель по разработанной методике диагностики идентичности обнаруживает положительную корреляцию с показателем автономии ($r=0,573$; $p=0,0003$; $n=35$) и отрицательную с показателем сомнения ($r=-0,697$; $p=0,000003$; $n=35$) СЭИ-теста. Это свидетельствует о том, что высокие показатели разработанной методики соответствуют достигнутой идентичности, а низкие – диффузному статусу идентичности. Вместе с тем, разработанная методика не чувствительна к показателю фиксации СЭИ-теста, соответствующего статусу предрешенной идентичности.

Имеются данные об удовлетворительной надежности опросника (коэффициент ретестовой надежности - $0,51-0,72$; коэффициент надежности частей теста - $0,74-0,81$).

Стандартизация методики проводилась на выборке из 307 испытуемых в возрасте от 16 до 44 лет. С помощью критерия Колмагорова-Смирнова было установлено, что распределение общего балла по методике не отличается от нормального. В результате для определения уровня идентичности были определены стандартные баллы (использовалась трихотомическая шкала).

Таким образом, на основе апробации методики диагностики личностной идентичности, можно сделать вывод, что она является валидным и надежным инструментом, который может быть использован для диагностики людей в возрасте от 15 лет до старости. Методика может быть полезна исследователям или практикующим психологам.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ФАКТОРОВ НАСЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ОПЫТА

М.А. Сизова (Кострома)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №13-06-00582)

В современной психологической науке все большее внимание представителей различных научных школ и направлений привлекает к себе проблема межпоколенных отношений в семье. В современном обществе характер межпоколенных отношений отличается противоречивостью и вариативностью (от слитости поколений до максимального межпоколенного разрыва), что с одной стороны, придает особую актуальность данной области исследований, с другой требует всестороннего изучения категорий «межпоколенные отношения» и «межпоколенная связь». Подробный анализ данных дефиниций в своих исследованиях проводит М.В. Сапоровская. Межпоколенная связь трактуется ей как процесс, передачи опыта одного поколения и принятия этого опыта другим поколением, межпоколенная связь предполагает передачу и прием опыта как в направлении от предков к потомкам (трансгенерация), так и от потомков к предкам (префигурация)». Схожие идеи высказывает и С.Г. Спасибенко, отмечая, что межпоколенные отношения всегда включают встречные информационно-деятельностные потоки: от родителей к детям и от детей к родителям.

В диссертационном исследовании автора эти идеи были развиты в разработанной типологии межпоколенных связей в семье, согласно которой выделены три типа межпоколенной связи:

1 тип – «сохранная преемственность», характеризуется двусторонним обменом опытом между поколениями в семье и осознанным наследованием;

2 тип – «односторонняя передача» отражает передачу опыта только в направлении от предков к потомкам и отсутствие осознанности в наследовании;

3 тип – «нарушенная преемственность» сочетает слабую выраженность передачи опыта в направлении от предков к потомкам и осознанности в наследовании опыта.

Тип межпоколенной связи, преобладающий в семье, во многом определяется содержанием семейного опыта, транслируемого в семье, как по женской, так и по мужской линии. Однако на сегодняшний день данные вопросы недостаточно изучены: неясным остается содержание семейного опыта, нет однозначного подхода к проблеме доминантного характера наследования социального опыта в семье.

Ряд авторов связывают доминантный характер наследования с наличием травматического опыта у предка. Так, Е.С. Калмыкова, С.Н. Малимонова, С.Э. Медведев, М.Н. Тимофеева, П. Ренн, М. Лейцингер, Б.В. Болебер и др., рассматривают проблему межпоколенной передачи индивидуальной и коллективной травмы и отмечают негативные последствия травматизации в поколении детей и внуков. М. Терек и Н. Абрахам описывают данное явление как «синдром призрака и склепа», А.А. Шутценбергер – как «синдромом годовщины».

Другие исследователи обосновывают связь доминантного наследования с полом. С.Ю. Лавренчук отмечает межпоколенную трансляцию жизненных моделей по женской линии в семье. М.В. Сапоровская, изучая трансляцию стратегий совладающего поведения в семье, также свидетельствует о преобладании наследования по женской линии, но не исключает и наследования по линии отца (ей были выявлены копинг-стратегии, передающиеся только по отцовской линии). С точки зрения Э. Берна, базовые сценарные установки ребенок получает от родителя противоположного пола, что исключает концепцию наследования только по мужской или по женской линии.

В Гольжак в проблеме определения доминантного характера наследования ведущую роль отдает степени эмоциональной привязанности к тому или иному предку.

Многоаспектность и противоречивость данных подходов обуславливает необходимость дополнительного изучения характера наследования семейного опыта. Наше исследование направлено на изучение факторов определяющих преобладающий тип наследования семейного опыта. На эмпирической базе, образованной представителями трех поколений семьи: дети, родители, прародители по линии отца и по линии матери, планируется оценить влияние ведущих факторов доминантной трансляции семейного опыта: пола, степени привязанности, наличия травматического опыта в предшествующих поколениях, а также выявить сопутствующие условия, влияющие на характер наследования.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИГОДНОСТЬ ВАХТОВЫХ РАБОТНИКОВ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Н.Н. Симонова, Я.А. Корнеева (Архангельск)

Районы Крайнего Севера и Арктики характеризуются экстремальными природно-климатическими факторами и условиями жизнедеятельности, на этих территориях используется вахтовый метод труда. Профессиональная деятельность специалистов вахтовых форм труда в этих условиях предъявляет повышенные требования

к созданию условий для физиологической, психологической и социально-психологической адаптации. Экстремальность такого труда обусловлена постоянным воздействием неблагоприятных климато-географических, производственных и социально-бытовых факторов; необходимостью постоянных маятниковых миграций, вследствие которых работники постоянно испытывают процессы «адаптация – реадаптация»; высокой интенсивностью труда в вахтовый период. Несмотря на большие усилия по снижению влияния негативных факторов, профессиональная деятельность в условиях Крайнего Севера остается одной из экстремальных в профессиональном плане видов деятельности. Поэтому внимание исследователей направлено не только на обеспечение необходимых условий, но и на изучение адаптационных ресурсов и профессиональной пригодности работника.

Формирование профессиональной пригодности вахтовых работников позволяет повышать эффективность их труда, а также охранять здоровье и личность специалистов. Профессиональная пригодность рассматривается, во-первых, как совокупность качеств, свойств человека, предопределяющих успешность формирования пригодности к конкретной деятельности (видам деятельности) и, во-вторых, как совокупность наличных, сформированных профессиональных знаний, навыков, умений, а также психологических, физиологических и других качеств и свойств, обеспечивающих эффективное выполнение профессиональных задач [Бодров В.А., 2001]. С этих позиций свойство профессиональной пригодности обуславливается совокупностью исходных (с точки зрения включения в деятельность) особенностей человека, а также формируется, развивается на этапах профессионального пути в процессе деятельности [Бодров В.А., 2001].

Для реализации поставленных целей использовались данные, полученные в исследовательских экспедициях по изучению специфики вахтового труда в нефтяной отрасли за период с 1993 по 2012 года. Рассматривались вахты различной длительности (15, 24, 30, 52 - дневная) в разные сезоны. В исследовании приняли участие более 1000 профессионалов, работающих вахтовым методом на предприятиях Крайнего Севера. Это специалисты различных профессий (153 специальности). Средний возраст – $34,94 \pm 9,584$. Методы исследования: анализ документации, наблюдение за рабочим процессом, опрос, анкетирование и психологическое тестирование. Методики психологического тестирования: опросник уровня субъективного контроля (Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина и соавт., 1984), методика диагностики мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман, 1990), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова, 1988), тест цветового предпочтения (М. Люшер в адаптации Л.Н. Собчик, 1949), факторный опросник Р. Кеттелла 16PF (форма С), методика на изучение темперамента ОФДСИ В.М. Русалова, методика изучения социально – психологического климата в трудовом коллективе (А.С. Михалюк, А.Ю. Шалыто, 1990), методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд в адаптации А.К. Осницкого, 1954). Статистические методы анализа: описательные статистики, множественный пошаговый регрессионный, дискриминантный пошаговый, двухэтапный кластерный.

Профессиональная пригодность определялась через профессионально важные качества работников, которые можно именовать личностным ресурсом (совокупностью внутренних средств, которыми обладает и которые использует субъект для обеспечения эффективной деятельности и поддержания оптимального функционального состояния в процессе адаптации) [Шапкин С.А., Дикая Л.Г., 1996]. При изучении компонентов личностного ресурса вахтовых работников была взята за основу концепция индивидуального стиля деятельности Е.А. Климова [Климов Е.А., 2004],

согласно которой различные профессионально важные качества специалистов относятся к «ядру» или «пристройке к ядру». К «ядру» личностного ресурса относятся формально-динамические свойства (подвижность – инертность нервных процессов; накопление – расходование ресурсов; и т.п.), а также социально-психологические качества, необходимые для всех вахтовых работников. «Пристройку к ядру» образуют психологические качества, способствующие эффективному выполнению данной деятельности, базирующиеся на свойствах «ядра» или же компенсирующие их, обусловленные спецификой работы конкретного вида производства, группы профессий и трудового поста.

В результате исследования были определены следующие группы качеств «ядра» личностного ресурса вахтовых работников. Профессионально необходимые качества: умеренная интровертированность; рационалистичность; повышенный самоконтроль, особенно в межличностных отношениях (т.е. такие работники считают себя способными контролировать свои неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию) и в отношении здоровья – болезни (т.е. они считают себя ответственными за свое здоровье); повышенная интеллектуальная эмоциональность (т.е. высокую чувствительность к расхождениям между ожидаемым и реальным результатом умственной работы, сильное беспокойство по поводу работы, связанной с умственным напряжением); эмоциональная устойчивость (сила Я). Профессионально желательные качества: умение активно влиять на других, руководить; общительность; нацеленность на процесс работы; стремление к поддержке со стороны окружающих; альтруизм (стремление помогать другим, добродетельность); повышенная интеллектуальная скорость (т.е. высокая скорость умственных процессов при осуществлении интеллектуальной деятельности); осторожность.

СТРУКТУРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Я.И. Сиповская (Москва)

Традиционно феномен компетентности исследовался на примере индивидов, включенных в профессиональную деятельность, например, букмекеров, фасовщиков продукции на ферме и др. (Стернберг, 2002), тогда как проявления компетентности у школьников не подвергались систематическому исследованию. Таким образом, нарушается принцип непрерывности: согласно традиционным представлениям, компетентность появляется эмерджентно. Однако можно выделить некоторые общие со «взрослой» компетентностью компоненты и изучить их влияние на деятельность ребенка в других предметных областях (вне профессии), например, в условиях школьного образования.

Задача данного исследования – определение конструкта интеллектуальной компетентности в терминах понятийных, интенциональных способностей и качеств мышления.

Интеллектуальная компетентность – это «...особый тип организации знаний, обеспечивающий возможность принятия эффективных решений в определенной предметной области...» (Холодная, 2002, с. 206).

В ряде исследований были выделены компоненты интеллектуальной компетентности (Стернберг, 2002; Равен, 1977 и др.), а именно: 1) предметные знания; 2) концептуальные способности; 3) интеллектуальная саморегуляция; 4) интенциональное знание; 5) специфическая мотивация, а также отдельные качества мышления, такие как познавательная потребность, гибкость, критичность, креативность. В данной работе исследовались: 1) особенности организации предметных знаний; 2) концептуальные способности; 3) роль интенционального опыта и вышеперечисленные качества мышления.

Теоретические гипотезы данного исследования:

- показатели интеллектуальной компетентности, одним из проявлений которой является способность к порождению ментальных нарративов (авторских текстов), связаны с определенными качествами мышления, такими как высокая познавательная потребность, критичность, креативность, избирательность интересов, рациональность, самостоятельность, диалогичность, общая умственная культура;
- важнейшими компонентами интеллектуальной компетентности являются понятийные и интенциональные способности. Соотношение этих составляющих является важным фактором, определяющим своеобразие индивидуальной компетентности в старшем подростковом возрасте.

Таким образом, предмет данного исследования – проявления и состав интеллектуальной компетентности, объект исследования – учащиеся 9-ых классов средних общеобразовательных школ, формирующие интеллектуальную компетентность в процессе школьного обучения.

Цель исследования: раскрытие специфики интеллектуальной компетентности в старшем подростковом возрасте.

Исследовательские гипотезы:

1) существует взаимосвязь между уровнем развития понятийных (в терминах категориальных и концептуальных способностей) и показателями сформированности интеллектуальной компетентности (измеряемой в терминах нарратива – сочинения на свободную тему) у учащихся 9-х классов общеобразовательной школы;

2) существует связь между уровнем развития понятийных и интенциональных способностей, интеллектуальной компетентностью и определенными качествами мышления, а именно: познавательной потребностью, критичностью, креативностью, избирательностью интересов, рациональностью, самостоятельностью, диалогичностью, общей умственной культурой.

Выборку составили 99 школьников (56 девочек и 43 мальчика) 9-ых классов школ №№ 1201, 709 г. Москвы в возрасте 13 - 16 лет.

Использованные методики: сочинение, «Понятийный синтез» (Холодная, 2002), «Обобщение трех слов» (Холодная, 2008), «Качества мышления» (Сиповская, 2010).

Для обработки результатов применялись описательные статистики, корреляционный (Коэффициент корреляции Спирмена), дискриминантный (пошаговый) анализ (программа Statistica - 7).

В ходе исследования были выявлены связи концептуальных способностей с показателем нарратива вопросительного ($R_s=0,034$; $p=0,01$; $df=99$), интерпретационного ($R_s=0,23$; $p=0,05$; $df=99$), эмоционально-оценочного содержательного ($R_s=0,3$; $p=0,001$; $df=99$) и эмоционально-оценочного личностного типа ($R_s=0,33$; $p=0,001$; $df=99$). Категориальные способности коррелировали с показателями нарратива фактологического ($R_s=0,21$; $p=0,05$; $df=99$), систематизирующего ($R_s=0,27$; $p=0,05$; $df=99$), аргументирующего ($R_s=0,22$; $p=0,05$; $df=99$), интерпретационного ($R_s=0,23$; $p=0,05$; $df=99$) и эмоционально-оценочного содержательного типа ($R_s=0,2$; $p=0,05$; $df=99$). Эти

результаты свидетельствуют в пользу того, что интеллектуальная компетентность характеризуется и категориальными, и концептуальными способностями как двумя проявлениями понятийного опыта, а также указывает на иерархическую организацию понятийных способностей (эффекты «вложенности» концептуальных структур по М. А. Холодной, 2012).

При корреляционном анализе переменных, характеризующих интеллектуальную компетентность, и качеств мышления были выявлены высокие корреляции переменных способность к понятийному синтезу с самостоятельностью ($R_s=0,38$; $p=0,001$; $df=99$), а также с познавательной потребностью ($R_s=0,33$; $p=0,001$; $df=99$), критичностью ($R_s=0,31$; $p=0,01$; $df=99$), рефлексивностью ($R_s=0,28$; $p=0,01$; $df=99$), гибкостью ($R_s=0,28$; $p=0,01$; $df=99$), креативностью ($R_s=0,31$; $p=0,001$; $df=99$), общей умственной культурой ($R_s=0,3$; $p=0,01$; $df=99$) и диалогичностью ($R_s=0,24$; $p=0,05$; $df=99$). Это в свою очередь еще раз подчеркивает наши выводы о том, что сформированная и эффективно работающая понятийная структура характеризуется возможностью различным образом оперировать информацией.

При статистической обработке данных методом дискриминантного (пошагового) анализа было выявлено, что прогностической способностью определения интеллектуальной компетентности могут выступать сразу четыре переменные: концептуальные способности ($df=99$); семантическая интерпретация неопределенных визуальных изображений ($df=99$); общая умственная культура ($df=99$) и критичность ($df=99$) как качества мышления.

Таким образом, полученные в проведенном исследовании результаты показывают высокую степень правдоподобия выдвинутых гипотез.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И.А. Скиртач (Ростов-на-Дону)

История насчитывает огромное количество попыток найти универсальную формулу, применение которой позволило бы творить бесценные произведения искусства, создавать по заказу шедевры. На рубеже XIX - XX столетий, как специальная область исследований, стала складываться психология творчества. Творчество не является новым предметом исследования. С давних пор оно интересовало ученых всех эпох и вызывало желание создать «теорию творчества». Уж сколько раз пытались «мерить алгеброй гармонию»!

Психофизиологическую сторону творчества стали исследовать сравнительно недавно. Наиболее яркими представителями отечественной науки, обратившими свое внимание на изучение мозговых коррелятов творчества посредством таких методов как ПЭТ и ЭЭГ, можно назвать следующих ученых: Разумникова О.М., Ларина Е.Н., Афтанас Л.И., Данько С.Г., Тарасова И.В., Нагорнова Ж.В., Старченко М.Г., Шемякина Н.В. Бехтерева Н.П. и др. Нейрофизиологические корреляты творчества все чаще можно встретить в качестве предмета исследования и зарубежных ученых Martindale С., Petsche Н., Howard-Jones P.A., Jung-Beeman M., Bowden E.M., Haberman J., Frymiare J.L., Arambel-Liu S., Fally M., Jau#353;ovec K., Jau#353;ovec N., Carlsson I., Molle M., Marshall L., Gibson С., и др. Однако среди рассмотренных нами работ слишком мало данных об исследовании процесса музыкального творчества и носят они крайне противоречивый характер.

Важно отметить, что творчество - неотъемлемая часть любой музыкальной деятельности. Музыкальное творчество — создание качественно нового в любой области музыкального искусства, отражающего в образно-неповторимой форме существенные черты действительности.

Музыкально-творческий процесс специфичен в сравнении с другими художественно-творческими явлениями в том, что он стоит в связи с особыми психологическими основами музыкальных ощущений и восприятия вообще. Когда мы говорим о музыкально-творческом процессе, то у нас уже является предпосылка субъекта этого процесса, как музыканта, как лица с определенным психологическим опытом в звуковой области, как психика, уже нагруженной в достаточной мере феноменами звуков и их психологических превращений.

Таким образом, беспристрастный анализ любого творческого акта показывает, что процесс этот далеко не только спонтанный. В какой бы мере человек, осененный талантом, ни полагался на силы извне, ему необходимо мастерство, умение точно выбирать среди множества путей свой единственный, терпеливо возвращать в себе установку на творчество. Именно поэтому изучать музыкальное творчество, специфику его психофизиологических аспектов представляется возможным только у людей, которые профессионально занимаются данным видом творчества.

Нами проведено эмпирическое исследование частотно-пространственных характеристик ЭЭГ у музыкантов-профессионалов при выполнении профессионально-специфичной творческой деятельности. В исследовании приняли участие 46 человек (36 мужчин и 10 женщин) в возрасте 20-29 лет. Кроме того выборка была разделена на музыкантов-профессионалов и музыкантов-любителей. Для изучения функциональной организации коры мозга испытуемых во время выполнения музыкальной деятельности использовался метод ЭЭГ. Анализировались отрезки ЭЭГ длительностью 10 секунд, не имеющие артефактов. Рассматривались значения показателей спектральной мощности ЭЭГ в диапазонах частот: дельта1 (0,5-2 Гц), дельта2 (2-4 Гц), тета (4-8Гц), альфа (8-13 Гц), бета1(13-24Гц) и бета2 (24-35 Гц). Показатели ЭЭГ регистрировались в спокойном состоянии (фоновая ЭЭГ с закрытыми глазами) и при выполнении функциональных проб (импровизация (или сочинение своей мелодии) после прослушанной перед этим мажорной и минорной классической гармонии). Во время записи ЭЭГ импровизация осуществлялась в умственном плане. После окончания записи ЭЭГ испытуемые исполняли на музыкальном инструменте сочиненную мелодию.

С помощью сравнительного анализа спектральной мощности ЭЭГ между фоновыми показателями и показателями функциональных проб у музыкантов выявлен ряд достоверных различий во всех исследуемых частотных диапазонах.

Выявлено, что показатели альфа-ритма у непрофессионалов характеризуются значимым повышением спектральной мощности в центральных, париетальных и фронтальных областях во время импровизации музыки в сравнении с фоновым состоянием, в то время как у профессионалов такого повышения альфа-ритма не наблюдается ($p=0,05$).

Также у музыкантов-непрофессионалов отмечено повышение спектральной мощности тета-ритма (в сравнении с фоновыми показателями) практически во всех областях, кроме окципитальных, в то время как у музыкантов-профессионалов наблюдается снижение мощности тета-ритма в окципитальных, фронтальных и париетальных областях ($p=0,05$). В рамках дельта1 диапазона выявлено повышение спектральной мощности в большинстве отделов коры по сравнению с фоном у профессионалов, в то время как музыканты-непрофессионалы показывают обратную

картину снижения спектральной мощности ($p=0,05$). Достоверные различия спектральной мощности бета1- ритма выявлены в окципитальных (повышение) и темпоральных (снижение) областях у непрофессионалов в отличие от профессионалов ($p=0,05$).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что особое значение при сочинении музыки имеют фронтальная, темпоральная и окципитальная области коры, выполняющие интегрирующие функции организации процессов внимания, эмоциональной регуляции и стратегий решения проблемы в целом. Исследование показало, что для профессиональных музыкантов характерно высокое межполушарное взаимодействие во время творческого процесса. Каждое из полушарий регулирует различные функции, но в целом сочинение музыки обеспечивается интеграцией специализированных когнитивных и эмоциональных процессов, протекающих в обоих полушариях.

ФОРМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЛИЧНОСТИ В СТРЕССОВОЙ СИТУАЦИИ

А.О. Скоробогатых (Иваново)

В наше время значительно увеличились темпы жизни современного общества, результатом чего стало частое переживание стрессовых ситуаций. В связи с отрицательным влиянием стресса на личность, возникает необходимость поиска средств снижения эмоционального напряжения, которое он вызывает и мер борьбы с ним.

Таким образом, актуальность данной проблемы состоит в том, что знание того, какое значение эмоциональная поддержка имеет для личности и какое влияние оказывает на нее, позволит найти более эффективные способы выхода из стрессовых ситуаций.

В исследовании приняли участие 100 респондентов: мужчин и женщин в возрасте от 17 до 60 лет.

В качестве гипотезы исследования мы выдвинули положение о том, что в стрессовой ситуации для личности имеет значение эмоциональная поддержка.

В ходе проведения исследования нами были использованы следующие методы: беседы, анкетирование, методы математической статистики (корреляционный и частотный анализы).

Результаты исследования указывают на то, что опрашиваемые предпочитают форму «объятия» в следующих стрессовых ситуациях: смерть супруга, разезд супругов, свадьба, изменение привычек, связанных с питанием. Отправится в путешествие чаще стремятся при смерти супруга, разводе, тюремном заключении, свадьбе, уходе на пенсию, изменении финансового положения, взятии мелкой ссуды, изменении числа живущих вместе людей. Остаться одни респонденты хотят в случае смерти супруга, разъезде с супругом и взятии мелкой ссуды, а вот побыть в компании при болезни или изменении финансового положения.

Респонденты полагают, что лучше всего высказаться в таких стрессовых ситуациях, как развод, разезд с супругом, смерть близкого члена семьи, болезнь, изменение финансового положения, изменение привычек, связанных с питанием, но при этом, с их точки зрения, не стоит рассказывать о сексуальных проблемах. При таких жизненных трудностях они предпочитают получить подарок, как и в случае свадьбы или изменении числа живущих вместе.

Поговорить «по душам» опрашиваемые предпочитают при смерти близкого члена семьи, когда дети покидают дом, супруг бросает работу, беременности или примирении с супругом, а отказываются от данной формы эмоциональной поддержки при смерти супруга или изменении должности. При данной ситуации предпочитают выпить, как и в случае увольнения. Отказываются же от спиртных напитков при разезде с супругом, смерти близкого члена семьи или болезни.

Получить совет респонденты хотят при смене места жительства или уходе детей из семьи, но при этом данная форма их не устраивает при разезде с супругом без оформления развода, как и форма «сочувствие».

Услышать анекдот они предпочитают в случае свадьбы. В данной ситуации, так же, они хотят культурно отдохнуть, как и в случае рождения ребенка, но не при смерти близкого члена семьи. Также опрашиваемые хотят, чтобы в качестве эмоциональной поддержки им показали что могло бы быть хуже, в случае развода с супругом.

Полученные данные свидетельствуют о том, что среди опрашиваемых нет тех, для кого эмоциональная поддержка не значима, для всех них она имеет немаловажное значение, большинство из которых оценивают ее, как «значит» (47,5% опрошенных).

Кроме этого, мы установили, что уровень значения эмоциональной поддержки оказывает влияние на предпочитаемую респондентом ее форму.

Таким образом, формы эмоциональной поддержки «поговорить по душам» (0,369 при $p \leq 0,01$) и «сочувствие» (0,488 при $p \leq 0,01$) находятся в прямо пропорциональной зависимости от значения эмоциональной поддержки, следовательно, чем больше для личности имеет значение эмоциональная поддержка, тем чаще она выбирает данные ее формы.

Кроме этого, обнаружена обратно пропорциональная зависимость форм эмоциональной поддержки «заставить действовать» (-0,217 при $p \leq 0,05$) и «остаться одному» (-0,642 при $p \leq 0,01$) от степени ее значимости. Это свидетельствует о том, что чем значимее эмоциональная поддержка, тем реже индивид хочет остаться один или чтобы его заставили действовать.

Судя по полученным данным, можно сделать вывод о том, что чем чаще испытуемые переживали такие стрессовые ситуации, как: травма или болезнь, проблемы с родителями супруга, начало или окончание обучения, проблемы с начальством, тем большее значение для них имеет эмоциональная поддержка.

Кроме этого, стоит отметить, что эмоциональная поддержка наименее значима для тех личностей, которые переживали свадьбу, рождение ребенка, сексуальные проблемы, усиление конфликтности с супругом, смену места обучения и нарушения сна.

Мы выявили, что, чем важнее для опрашиваемого получить помощь в ситуациях болезни, сексуальных проблемах, изменения финансового положения, личного успеха, начала или окончания обучения, изменения условий труда, смены обучения и изменениях привычек, связанных с питанием, тем значимее для личности эмоциональная поддержка.

Данные стрессовые ситуации очень значимы для опрашиваемого и откладывают отпечаток на его жизни. Они заставляют перестраивать привычные модели поведения, изменять образ жизни. Это не всегда легко сделать без помощи окружающих: совета, беседы, указаниями ими возможных путей выхода из сложной жизненной ситуации, поэтому значение эмоциональной поддержки возрастает.

Также в ходе исследования выявлено, что чем более значимой для индивида является ситуация ухода на пенсию, смены работы и то, что он взял мелкую ссуду, тем меньше для него важна эмоциональная поддержка. Это связано с тем, что с данными событиями сталкивается большая часть людей, и эти стрессовые ситуации требуют больше конкретных действий, направленных на их разрешение, поэтому значение эмоциональной поддержки снижается.

Полученные данные свидетельствуют о влиянии на значение эмоциональной поддержки стрессовых ситуаций, которые пережила личность, а также тех ситуаций, в которых для нее наиболее важно получить эмоциональную поддержку, а именно: смерти супруга или друга, рождения ребенка, реорганизации на работе, начала и окончания обучения в учебном заведении и других.

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК ФОРМА ПЕРВИЧНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Г.В. Скрипниченко, А.Г. Соловьев, О.А. Харьковская (Архангельск)

В рамках реализации социального проекта «Арт-терапия как форма профилактики употребления психоактивных веществ» по долгосрочной целевой программы Архангельской области «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками на 2011 – 2013 годы» за 2013 год

Проблема умственной отсталости среди детей и подростков актуальна во всем мире. По данным Всемирной организации здравоохранения количество детей с нарушениями умственного развития достигает до 1% (Davis E., Saeed S.A., Antonacci DJ., 2008). К сожалению, число таких детей с каждым годом имеет тенденцию к увеличению.

Удельный вес нарушений поведения у подростков с различной выраженностью нарушений интеллекта различен: среди умственно отсталых детей с легкой степенью они отмечаются у 28,2%, с умеренной – у 55,2%, а с тяжелой – у 33,3% (Кожалиева Ч.Б., Суралова Т.В., 2008).

Умственно отсталые дети по неразумению либо по неустойчивости нравственных понятий, из-за внушаемости поддаются дурным влияниям и совершают неправильные действия, в том числе и употребление различных психоактивных веществ (ПАВ). Правильное воспитание и обучение таких детей в благоприятных условиях дает возможность не только сформировать мировоззрение, но и сделать его достаточно устойчивым к наркотическим и токсикоманическим веществам. Сложность в организации воспитания и обучения детей с умственной отсталостью обусловлена особенностями их психического развития, не позволяющими применять общепринятые меры первичной профилактики употребления ПАВ. В связи с этим арт-терапия является универсальной формой в сфере профилактики наркомании, т.к. помогает справиться не только с этим недугом, но и открывает новые неведомые горизонты жизни, которые в будущем становятся замещающими факторами реализации личностных потенциалов, повышает самооценку, помогает найти способ адекватного реагирования негативных эмоций через создание художественных образов и пр. (Беззубик К.В. и соавт., 2009). Арт-терапия широко применяется в практике работы с психически больными, в том числе и с детьми, имеющими умственную отсталость.

Руководствуясь знаниями и особенностями детей с умственной отсталостью, нами были проанализированы технологии и разновидности арт-терапии как формы первичной профилактики употребления ПАВ у несовершеннолетних с отклонениями в психическом развитии. Изотерапия и музыкотерапия – это одни из не многих методов арт-терапии, которые позволяют познать себя, самовыразиться, развить творческие способности, снять эмоциональное напряжение, расширить возможности социальной адаптации, повысить психологическую безопасность, обучиться навыкам взаимодействия с окружающими, снизить агрессивность, пр., что и обусловило актуальность данного исследования.

Целью работы явилась оценка эффективности элементов арт-терапии в первичной профилактике нарушений поведения и употребления ПАВ у несовершеннолетних с умственной отсталостью.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 42 несовершеннолетних с умственной отсталостью, находящихся в детском доме-интернате; из них 6 чел. имели легкую степень умственной отсталости (F70), а 36 чел. – умеренную (F71). Рисунок «Несуществующее животное» применялся в качестве диагностики психологического состояния, где оценивались агрессивность, тревожность и самооценка. Несовершеннолетние были разделены на микрогруппы по 2-7 чел. Продолжительность занятия колебалась от 30 до 60 минут. Арт-терапевтические занятия проводились в течение пяти дней, пяти занятий. Критерий Мак-Нимара применялся для оценки эффективности разработанных арт-терапевтических сессий.

Результаты исследования. Почти каждый третий ребенок с умственной отсталостью в своем рисунке изобразил когти, иглы, у 14,3% наблюдались зубы, а у 9,52% – рога, свидетельствующие о наличии повышенной агрессивности. Тревожность в рисунках прослеживалась у 14,3%, сниженная самооценка – у 16,7%, а каждый пятый нарисовал угрожающее животное. У троих детей (7,14%) возникли серьезные проблемы с пониманием задания, поэтому они были объединены в одну группу для дальнейшей работы. Повторное тестирование, проведенное спустя неделю, выявило статистически значимые изменения в психологическом состоянии детей с умственной отсталостью. Так, когти были нарисованы всего лишь у 11,9% ($0,01 < p < 0,02$), зубы у 7,14% ($p < 0,50$), а рога вообще отсутствовали в рисунках ($p < 0,20$). Если до арт-терапевтических сессий тревожность наблюдалась у 14,3% несовершеннолетних с умственной отсталостью, то после ни одно «несуществующее животное» не содержало элементов, которые бы об этом свидетельствовало ($p < 0,05$). Подобные изменения произошли и с уровнем самооценки – лишь 2,38% диагностировалась низкая самооценка ($p < 0,05$).

Заключение. Таким образом, разработанные арт-терапевтические сессии позволили скорректировать психологическое состояние умственно отсталых детей. Кроме того, труд и деятельность, как писал Л.С.Выготский, способствуют развитию критичности детей, укреплению навыков самоконтроля и самооценки. В процессе изготовления чего-либо укрепляется вера в собственные возможности, что, соответственно, и не позволяет несовершеннолетним с умственной отсталостью вовлекаться в дурные компании и употреблять ПАВ для т.н. «самоутверждения».

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО СТРЕССА И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ-ВЫПУСКНИКОВ

Т.Ю. Сладкова (Пенза)

Каждый человек на нашей планете сдавал экзамены. Кто-то встречается с этим чаще, кто-то реже. И вне зависимости от предмета, любой экзамен это переживания и волнение, а значит стресс. Учеными установлено какое пагубное влияние оказывает экзаменационный стресс на организм и психику учащихся. Каждый раз, находясь в ситуации экзамена человек испытывает мощный психологический стресс, который сопровождается страхом, волнением и сильным напряжением памяти и внимания. Все перечисленные нагрузки могут впоследствии сказаться на физическом и психическом здоровье.

Такой термин, как стресс в наши дни приобрел широкое распространение и введен в обиход. Обычно, говоря что испытывает стресс, человек тем самым имеет в виду, что находится в состоянии высокого нервного напряжения, подавленности. Тем не менее стресс это не «болезненное» состояние, а скорее способ которым организм пытается справиться с нежелательными воздействиями.

В нашей повседневной жизни стресс стал занимать огромное место. Мы испытываем его, порой даже не обращая на него особого внимания, в то время как частое и длительное его воздействие грозит появлением различных психосоматических заболеваний.

Так как ситуация экзамена неотъемлемо связана со стрессом, мы хотим изучить проблему стресса конкретно в данной ситуации. На сегодняшний день эта тема весьма актуальна, так как налицо недостаточность теоретической и методологической разработки феномена экзаменационного стресса.

Цель исследования: изучить взаимосвязь уровня экзаменационного стресса и личностных особенностей студентов-выпускников.

Объект исследования: стресс, как состояние эмоциональной напряженности во время экзамена.

Предмет исследования: стресс у студентов в период экзаменационной сессии.

Гипотеза исследования: от уровня таких личностных свойств как личностная тревожность, стрессоустойчивость, социальный интеллект и эмоциональность зависит уровень экзаменационного стресса.

Методологической базой работы являются исследования Г. Селье, Р. Ланьер, Р. Лазарус, В. Л. Маришук, которые занимались проблемой стресса, а также работы А.Н. Акопяна, Л.Д. Маркиной, Ю.В. Украинцевой и Ю.В. Щербатых, посвященные изучению экзаменационного стресса.

Исследование проводилось на базе Пензенского Педагогического Института имени В. Г. Белинского с целью выявления личностных особенностей и уровня экзаменационного стресса студентов- выпускников. В исследовании приняли участие 20 студентов пятого курса, в возрасте от 22 до 24 лет.

Методы исследования:

1. Организационный метод (сравнительный метод).

2. Эмпирические методы - психодиагностические методы, в частности

- Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации (Т. Холмс и Р. Рэй);

- Методика "Шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилберга и Ю. Л. Ханина;

- Тест "Социальный интеллект" (Дж. Гилфорд);
- Методика диагностики эмоциональности (В. М. Русалов);

3. Метод статистической обработки данных- критерий различий U- Манна-Уитни.

После проведения исследования нами был сделан вывод о том, что гипотеза, представленная в исследовании, подтвердилась. Это означает, от уровня таких личностных свойств как личностная тревожность, стрессоустойчивость, социальный интеллект и эмоциональность зависит уровень экзаменационного стресса. После проведения методики на ситуативную и личностную тревожность нами было выяснено что 20% испытуемых имеют низкий уровень ситуативной тревожности и по 40% средний и высокий уровень. Это говорит нам о том, что 40% испытуемых испытывают сильный стресс, находясь в ситуации экзамена, им свойственно волнение и беспокойство в то время, когда ожидаются возможные жизненные осложнения и неприятности. Людям с низким уровнем ситуативной тревожности присуща определенная степень инфантильности и безответственности. Можно предположить, что такие люди не могут мобилизоваться в ситуации стресса и быстро принять решение.

Далее лица у которых был выявлен высокий уровень ситуативной тревожности сравниваются нами между собой по уровню личностной тревожности. Среди данных испытуемых преобладают лица с высоким уровнем личностной тревожности - 59 %. У 33% испытуемых данной группы наблюдается низкий уровень личностной тревожности. Люди с высоким уровнем личностной тревожности склонны к переживанию тревоги в самых разных ситуациях, в том числе и таких, которые объективно не несут в себе какой-либо опасности. Они часто испытывают чувство безотчетного страха, воспринимая большинство событий, как несущие за собой опасность.

В третьем случае те же самые испытуемые с высоким уровнем ситуативной тревожности сравнивались между собой по уровню стрессоустойчивости. Таким образом, высокий уровень стрессоустойчивости наблюдается у 33% испытуемых, а низкий уровень у 59%. Человек с высоким уровнем стрессоустойчивости без труда преодолевает различные кризисные ситуации, принимает резкие перемены в своей жизни и всегда готов к ним.

Далее, те же самые испытуемые с высоким уровнем ситуативной тревожности сравнивались по уровню социального интеллекта. Композитная оценка социального интеллекта у большинства из этих испытуемых находится на низком уровне - 50%, а у 33% на высоком уровне. Для людей, которым свойственен высокий уровень социального интеллекта присуще успешное функционирование в межличностных отношениях, высокая коммуникабельность, что способствует сопротивляемости стрессу и успешной сдаче экзаменов.

В последнем случае мы сравнивали все ту же группу испытуемых с высокой ситуативной тревожностью по уровню эмоциональности. Нами было выявлено, что у большей части испытуемых эмоциональность находится на низком уровне. Людям незэмоциональным более свойственно спокойствие и уравновешенность, что способствует сопротивляемости экзаменационному стрессу.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ: ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ю.С. Смирнова (Минск)

Исследование процесса категоризации предубеждений является актуальным в контексте решения проблемы ослабления их деструктивного влияния на социальное взаимодействие. Обнаружив проявления предубеждений, субъект может попытаться противостоять им, реализуя различные подходы к их ослаблению (конфронтационный или диссонанс-ориентированный, эмпатический, категориальный и др.). Вместе с тем динамика феномена предубеждений такова, что современные их формы приобретают все более скрытый, завуалированный характер. Если открытые проявления враждебности и насилия будут замечены и с большой вероятностью категоризированы как проявления предубеждений и дискриминации, то в отношении их скрытых форм такая вероятность существенно ниже. Вероятностная модель организации социальных категорий представлена в рамках прототипического подхода, который в свете сказанного представляется нам прогностически ценным. Исследования прототипичности различных форм предубеждений продемонстрировали, что она иерархически структурирована и определяется, во-первых, формой предубеждений, то есть тем признаком, который лежит в их основе (например, пол, этническая принадлежность, профессия), во-вторых, отношениями между предубежденными субъектами и их жертвами (прототипичным является, как правило, предвзятое отношение доминирующего большинства к представителям низкостатусного меньшинства) и, в-третьих, ситуационной схемой (в каких ситуациях эти предубеждения будут себя проявлять) (M.W. Marti, D.M. Bobier, R.S. Baron, 2000). Авторы также продемонстрировали, что вероятность распознавания прототипических форм предубеждений выше, нежели непрототипических.

С целью определения содержания прототипа категории «предубеждение» нами было проведено эмпирическое исследование. В опросе приняли участие 94 респондента в возрасте от 17 до 21 года. Респондентам было предложено определить, представители каких социальных групп являются объектом предубеждений, предвзятого отношения в современном обществе, а также по определенной схеме описать несколько типичных примеров проявлений предубеждений. Полученные эмпирические данные позволили выделить сферы проявления наиболее прототипических форм предубеждений.

Итак, наиболее высокую степень прототипичности имеют расовые и этнические предубеждения, а также предубеждения к иностранцам и иммигрантам. Распространенными и типичными считаются и предубеждения в отношении представителей социальных категорий, выделяемых на основе признаков профессии и рода занятий (прежде всего это рабочие профессии и род занятий, не требующий какой-либо квалификации). К социальным категориям, которые вызывают предвзятое отношение в обществе, по мнению респондентов, относятся сексуальные меньшинства. Можно сделать вывод о достаточно высокой степени прототипичности предубеждений в отношении бездомных людей и людей с алкогольной и наркотической зависимостями. Принадлежность к некоторым молодежным субкультурам также является признаком, вызывающим негативное отношение окружающих.

Несколько ниже степень прототипичности предубеждений в отношении людей, имеющих физические или психические отклонения, страдающих какими-то серьезными заболеваниями, инвалидов. Как продемонстрировали проведенные нами ранее

исследования, социальные установки в отношении представителей данных категорий являются положительными, а имеющиеся в отношении них предубеждения носят дружелюбный характер и проявляют себя в скрытой форме. Общая позитивная установка в этом случае может сопровождаться восприятием человека как неполноценного, обреченного, бесперспективного, не имеющего надежды на лучшее, вызывать снисходительное отношение и жалость, отсутствие готовности взаимодействовать на равных, ограничивать социальные контакты и т.д. Так, к примеру, положительное отношение к людям, страдающим психическими заболеваниями, сопряжено с установлением протяженной социальной дистанции. Это является признаком так называемых «предрассудков длинной руки», подразумевающих позитивное отношение в ситуации общения, которое носит случайный, формальный, поверхностный характер, и негативное – в ситуации более близкого контакта. Такие скрытые формы предубеждений, как правило, обладают невысокой степенью прототипичности и зачастую остаются незамеченными.

Не остались без внимания респондентов также предубеждения по таким признакам, как пол, возраст, имущественный и социальный статусы, религиозная принадлежность, место жительства, происхождение, политические взгляды, «запятнавшие репутацию» поступки в прошлом, наличие некоторых психологических характеристик (замкнутость, застенчивость, заниженная самооценка, слабость, слабоволие, легкомысленность и др.) и даже цвет волос. Следует заметить, что на эти признаки как основу для возникновения предвзятого отношения к человеку указало не так много участников исследования. Это позволило нам предположить, что степень прототипичности таких предубеждений является низкой.

В целом же, исследование продемонстрировало понимание респондентами того, что объектом предубеждений часто становятся люди, отличающиеся от большинства по какому-либо признаку, не такие как все. Описанные выше результаты можно рассматривать как наивную житейскую типологию предубеждений, отражающую представления респондентов о степени распространенности их в обществе. Такие представления следует учитывать при разработке программ, направленных на ослабление предубеждений и профилактику их деструктивных последствий. Предубеждения, считающиеся типичными для общества, легко распознаются в условиях растущей популярности ценностей справедливости, равенства, толерантности. Этого нельзя сказать о предубеждениях, которые обладают низкой степенью прототипичности; с большой вероятностью они останутся незамеченными.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮДЕЙ С ПИЩЕВОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

А. В. Соболева (Ярославль)

В современном мире люди постоянно подвержены различного вида стрессам. Жизнь навязывает свой ритм, кто-то под него подстраивается, кто-то меняется, кто-то не справляется. В любом случае люди переживают лишения и изменения каждый по-своему. В результате каждодневной борьбы с неблагоприятными факторами, люди перестают находить положительные моменты, питающие и мотивирующие к дальнейшему развитию и движению. Усталость, повышенная тревожность, депрессивность, все это можно увидеть в глазах людей, которых встречаются в маршрутке, на улице, в метро, парке. Но наш организм склонен к борьбе с этим состоянием. Так

или иначе, инстинкт самосохранения подталкивает людей к поиску наиболее простых и быстрых способов получить радость, отрешиться от проблем и реальности. Поэтому в мире появляются и распространяются такие зависимости как алкогольная, наркотическая, никотиновая, пищевая и так далее.

Человечество активно борется с наркотиками, лишая людей способов их получить, с алкоголизмом, вводя ограничения и ведя пропаганду, с курением, запрещая сигареты в общественных местах. Но как запретить человеку есть? Нельзя забрать у человека холодильник как, например сигарету или бутылку.

Помимо всего прочего, корпорации по производству и распространению продуктов питания, активно подсаживают людей на недорогую и «вкусную» еду. Для этого используется различного рода добавки, раздражая вкусовые рецепторы всей полости рта, они вызывают более интенсивную иннервацию зоны головного мозга, отвечающую за получения удовольствия. В конечном итоге, они выступают легальными наркоторговцами, на которых нет никакой управы, кроме здравого смысла, воли и заботы о собственном организме.

Эта проблема становится актуальной изо дня в день. Факторов влияющих на формирование депрессий и психических расстройств становится все больше с каждым днем. Плохая экология, не нормированный рабочий день, тревога, боязнь за завтрашний день и так далее. Все это приводит к тому, что люди начинают заедать. В конечном счете, происходит неконтролируемое увеличение массы тела, которое впоследствии ведет за собой иные психические нарушения, усиление уже имеющихся симптомов, а так же ухудшение состояния здоровья.

Эта тема является важной для рассмотрения и разработки, так как ведет к поиску причин и способов оказания помощи людям, впавшим в состояние бесконтрольного поглощения пищи, набора веса, сокращения качества жизни и ее продолжительности.

В процессе изучения этого вопроса складывается достаточно четкая картина того как возникает, развивается и к чему приводит пищевая зависимость. А именно, причин возникновения несколько, либо человек с детства был подвержен чрезмерной «любви» - закармливанию, которое в свою очередь формирует у ребенка нездоровое отношение к еде, физиологические нарушения несформировавшегося организма, психологические изменения в отношении восприятия собственного тела, решения трудных задач, взаимодействий с окружающими, достижения цели и многое другое. Помимо этого происходят перекосы в формировании личности, такие как раннее нарушение самооценки, неврозы, тревоги, если цель не достигается привычным способом.

Далее наступает зрелость, в которую человек вступает менее адаптивным, с множеством нарушений, которые в свою очередь несут сильные психологические переживания. Взаимодействие с внешним миром становится травматичными даже в самых простых случаях, постоянное психологическое напряжение и физиологический дискомфорт приводят к ухудшению самочувствия, из-за чего прогрессирует имеющаяся зависимость, являясь наиболее привычным способом справляться с ситуацией. В итоге формируется нездоровый организм с измененной психикой, который либо окончательно отказывается что-то делать, либо продолжает прогрессировать в негативных проявлениях к окружающим, пытаясь найти виновных, используя как наиболее простой способ снятия напряжения.

Другая ситуация предполагает появление данной зависимости в позднем возрасте, причиной могут стать различного рода травмы, переживания, потеря близкого, насилие и многое другое. Эти ситуации являются своего рода пусковым меха-

низмом для поиска человеком способа снять с себя груз переживаний, тяготы страданий. Некоторые люди начинают пить, кто-то борется с ситуацией, мы же говорим о тех, кто находит утешение в еде. При съедании любимой пищи в момент тревоги, переживания, происходит иннервация отделов головного мозга отвечающих за получение удовольствия. В этом случае все остальные переживания уходят на второй план. На некоторое время, организм получает способность справиться с переживанием, но как только человек попадает в условия активирующие воспоминания, либо доставляющие очередной дискомфорт, первая потребность – это снова избавиться от переживаний, перекрыв их приятными ощущениями. Таким образом, человек впадает в сильную зависимость, которая превращается в замкнутый круг, так как еда приносит лишний вес, дополнительные проблемы со здоровьем, новые переживания и большую потребность в еде.

Таким образом, обобщая все вышесказанное можно говорить о том, что люди с пищевой зависимостью имеют существенные психологические отличия от людей без зависимости, которые возникают в большинстве случаев из детства и продолжают развиваться и увеличиваться количественно в ходе постоянно ухудшающегося самочувствия, психологической травматизации, потери смысла жизни, дезадаптации, ухудшения качества жизни.

То есть мы можем говорить о множестве причин, которые ложатся в основу психологических и физиологических изменений, таких как депрессии, фобии, неврозы, суицидальные наклонности, ожирение и так далее.

Более того, в связи с наличием факторов, не подлежащих изменению, таких как нарастающий темп жизни, ухудшение экологии, снижение уровня жизни, все это так же влияет на психику людей склонных к пищевой зависимости, зачастую подталкивая или развивая зависимость до катастрофических размеров.

В итоге человек становится зависимым от собственного заболевания и не способен справиться с ним.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА

А.В. Соколова (Сыктывкар)

Дети, имеющие нарушения интеллекта и находящиеся в специализированных интернатах, с рождения воспитываются в условиях психической депривации, что означает, в подавляющем большинстве случаев, наличие высокой тревожности. Иногда тревога может полностью поглотить сознание ребёнка, и он может замкнуться в себе, а также стать нервным и агрессивным. Чтобы сгладить проявление тревоги у умственно отсталых детей, нормализовать и улучшить их эмоциональное состояние, требуются специальные методы коррекции, но отечественные исследования в данной области крайне немногочисленны. Целью представленной работы является нормализация и стабилизация эмоциональной сферы, в частности уровня тревожности у детей с нарушениями интеллекта. В ходе реализации цели были поставлены следующие задачи: изучить особенности эмоциональной сферы детей с нарушениями интеллекта; использовать интерактивные методы, способствующие нормализации психоэмоциональной сферы; проанализировать изменения в эмоциональной сфере детей до и после проводимых занятий. Исследование, осуществлялось в течении января-марта 2013 года на базе Кочпонского психоневрологического интерната в г.

Сыктывкар. Испытуемыми были 15 детей, в возрасте 10-11 лет имеющих интеллектуальные нарушения. Работа с детьми осуществлялась в интерактивной форме. За основу взяли разработки, представленные в практическом пособии для педагогов-психологов детских образовательных учреждений «Путешествие в мир гармонии». Данная программа тренингов включает релаксационные техники (дыхательная релаксационная техника, техника визуализации и нервно-мышечная релаксация), позволяющие разносторонне использовать возможности человеческого организма для стабилизации психоэмоционального состояния. Однако, поскольку у детей наблюдали значительные нарушения интеллекта, занятия были модифицированы с учетом специфики детей. Тренинг включал 7 занятий, которые содержали релаксационные и игровые техники. Каждое занятие длилось примерно 30 минут, что позволяло удерживать внимание детей и не вызывать у них утомление. Достижению положительного эффекта способствовало ежедневное проведение тренинга в течении недели. Все количество детей было разделено на 3 подгруппы, по 5 детей в каждой – это оптимальное количество участников для подобных занятий. Для оценки психоэмоционального состояния детей использовались следующие методики: цветовой тест М. Люшера; методика «Визуально-ассоциативная самооценка эмоциональных состояний» Н.П. Фетискина; тест детской тревожности Р. Темпл, М. Дорки, В. Амен; графическая методика М.А. Панфиловой «Кактус» и методика АРТ (второй квадрат – «Крокодил»). Однако, в силу специфики детей, в дальнейшем использовались только первые две методики, так как выполнение остальных вызывало затруднение у детей и их оценка не всегда была адекватной. Оценивалось также субъективное состояние детей путем наблюдения за их поведением. Полученные данные были статистически обработаны с учетом характера распределения данных: использовался непараметрический Т-критерий Вилкоксона. В ходе проведенных исследований были получены следующие результаты. В процессе наблюдения за детьми было отмечено, что они с нетерпением ожидали начала следующего занятия. И это не случайно, ведь именно в игре ребенок забывает о своих проблемах, открывает и проявляет себя, учится смотреть и видеть, слушать и слышать. В результате взаимодействия с группой была создана дружеская комфортная для детей атмосфера. Уже после четвертого занятия дети стали обнимать друг друга, хотя раньше не могли даже поделить игрушку, часто проявляли агрессию. Т.е., в ходе проведенной работы существенно улучшились межличностные отношения воспитанников. Упражнения способствовали также тому, что дети стали лучше распознавать и понимать чувства других людей. Данные теста М. Люшера показали, что у подавляющего большинства детей уровень тревожности достоверно снижался ($p < 0,05$), так после каждого занятия, так и от первого к последнему занятию, т.е. позитивный эффект аккумулировался. В отличие от этих тестов, методика Н.П. Фетискина, которая является самооценкой эмоциональных состояний, показала, что до тренинга у 16% детей было дремотное настроение, а у 12% - спокойное. Это возможно связано с приемом препаратов. После проведенного тренинга эмоциональное состояние детей улучшилось. В результате у 32% воспитанников настроение стало восторженным, а у 16% - радостным. Позитивный настрой ребенка снижает уровень тревожности и улучшает его психоэмоциональную сферу. Итак, проведенные диагностические измерения и статистическая обработка показали положительный эффект тренинга в целом, о чем свидетельствует динамика улучшения психоэмоционального состояния участников исследования.

ПЕРЕЖИВАНИЕ КРИЗИСА СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Н.В. Солопова (Москва)

Актуальность темы исследования. Проблема развития человека и становление его как личности – кардинальная проблема в системе психологических знаний. Процесс развития продолжается во взрослом, зрелом и позднем возрасте. При этом на жизненном пути большинства людей неизбежно возникают возрастные кризисы, значимость которых для продолжения процесса развития признана многими психологами. Роль кризиса среднего возраста для дальнейшего развития человека, его полной самореализации, сложно переоценить. Именно в среднем возрасте человек в состоянии наиболее адекватно оценить самого себя, обстоятельства своей жизни, осознать свои истинные желания, поставить реальные цели. У него еще достаточно сил, чтобы реализовать свои жизненные планы и избежать негативных последствий, связанных с нерешенными задачами возраста при наступлении очередного переходного периода.

Кризис среднего возраста называют «смысложизненным кризисом», основным содержанием которого является необходимость переосмысления своего места в жизни, поисков человеком своего истинного предназначения, неотвратимость выбора в важных сферах жизни.

В философии кризис среднего возраста представлен в категориях экзистенциального направления, отражающего стремления человека найти смысла бытия.

В психологии кризис среднего возраста рассматривается как нормативный кризис или кризис психического развития в контексте смены социальной ситуации.

В рамках данного теоретического исследования предполагается рассмотреть кризис среднего возраста как проблему поиска смысла жизни личностью на этапе ее развития в контексте социальной ситуации.

Объектом исследования является представление о кризисе среднего возраста.

Предметом исследования является особенности представления о кризисе среднего возраста в возрастной психологии.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что представления в философии о поисках смысла жизни зависят от этапов культурно-исторического развития общества; в рамках психологии – в предположении, что кризис среднего возраста связан с социальной ситуацией развития личности.

Цель исследования – изучение генезиса представлений о кризисе среднего возраста в философии и психологии.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие возрастного кризиса как философско-психологическую категорию;
- провести анализ представлений о проблеме смысла жизни в философии и психологии;
- выявить специфику понимания кризиса среднего возраста в философии и психологии: сходства и различия.

Методологическая основа исследования.

Общефилософский уровень исследования составили идеи С.Л. Рубинштейна о возрастных особенностях как ступенях развития и как моментах различных фаз жизни человека.

Общетеоретическую основу исследования составили идеи Л.С. Выготского о возрастных кризисах как факторах закономерного изменения личности в контексте смены социальных ситуаций и их влиянии на дальнейшее развитие человека.

Конкретно-теоретический уровень исследования представлен идеями Э.Эриксона о кризисе среднего возраста как состоянии, связанном с необходимостью выбора между продуктивностью и инертностью, которые характеризуют, соответственно, прогрессивную и регрессивную линии развития.

ОСОБЕННОСТИ ВНИМАНИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ю.Ю. Солтанович (Смоленск)

Важнейшим психическим процессом, который лежит в основе успешной познавательной деятельности, является внимание. В младшем школьном возрасте наиболее активно развивается произвольное внимание. В данный возрастной период развитие внимания является наиболее актуальным, так как в этом возрасте закладываются фундаментальные понятия основных школьных предметов.

Объектом данного исследования является внимание как психический процесс у детей младшего школьного возраста.

Предметом исследования являются особенности процесса внимания у детей младшего школьного возраста.

Цель исследования: изучить особенности процесса внимания младших школьников

Задачи исследования: изучение и анализ психолого-педагогической литературы, посвященной особенностям внимания; проведение исследования особенностей процесса внимания у детей младшего школьного возраста, рекомендации по обеспечению эффективной деятельности младших школьников.

Гипотеза исследования: особенностями внимания детей младшего школьного возраста является низкая устойчивость, средний уровень распределения и переключения внимания.

Методы исследования: анализ психолого-педагогической литературы, наблюдение, тестирование, методы математической обработки.

Методики, использованные в исследовании: корректурная проба Бурдона, тест «Таблица Шульте», методика «Распределение и переключение внимания», методика «Изучение переключения внимания».

Базой исследования выступал отряд детей 25 человек в возрасте 8-9 лет в ДОЛ «Факел» Смоленского района.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

Большая часть респондентов (59%) обладает низким уровнем устойчивости внимания, 41 % респондентов имеет средний уровень развития устойчивости внимания. Дети с низким уровнем устойчивости внимания не могут долго сосредотачиваться на одном и том же объекте, быстро наступает утомление. Остальные респонденты способны интенсивно и продуктивно заниматься одним и тем же видом деятельности, однако в младшем школьном возрасте уровень работоспособности среднего уровня (по данным исследования около 42%), поэтому необходимо проводить релаксационные упражнения, переключать их на другой вид деятельности.

Устойчивость сочетается с переключением внимания. Переключение проявляется в быстром переходе от одной деятельности к другой. Это быстрое перемещение внимания, обусловленное сознательно и преднамеренно поставленной новой задачей. В ходе исследования были получены следующие результаты: средний уровень переключаемости внимания имеет 56% детского коллектива, 25 % группы имеет показатели уровня переключаемости внимания выше среднего, ниже среднего уровень переключаемости имеет 19% детской группы,. Отсюда следует, что свойство внимания переключаемость развито у детей младшего школьного возраста лучше, чем устойчивость внимания.

Распределение внимания заключается в способности рассредоточить внимание на значительном пространстве, параллельно выполнять несколько видов деятельности или совершать несколько различных действий. В ходе исследования 52 % детского коллектива получили показатели распределения внимания среднего уровня, 24% группы имеют уровень распределения внимания выше среднего, 24 % детского коллектива имеют низкий уровень распределения внимания. Так как распределение внимания зависит от психофизиологического состояния детей необходимо следить за тем, чтобы они не утомлялись, иначе область распределения внимания сужается.

В результате проведенного исследования частично была подтверждена гипотеза, выдвинутая в начале исследования. У детей исследуемой группы свойств внимания развиты недостаточно: в большинстве случаев низкий уровень развития устойчивости внимания и средний уровень развития переключаемости, распределения внимания. Данные показатели необходимо учитывать в организации деятельности и досуга детей (ставить четкие задачи перед детьми, разделять выполняемую ребенком деятельность на операции). Важным является вовремя осуществить переключение внимания детей с одного вида деятельности на другой во избежание ослабления внимания. Необходимо также заинтересовывать и мотивировать детей в том или ином виде деятельности, это позволит улучшить показатели устойчивости и распределения внимания. Важно проведение коррекционных занятий по развитию основных свойств внимания и других психических процессов (памяти, мышления).

СОЗНАТЕЛЬНОЕ ОТЦОВСТВО

А.С. Соткин (Ярославль)

Актуальность проблемы заключается в том, что литература по сознательному материнству есть, а также данная проблема активно разрабатывается в настоящее время, а по сознательному отцовству литература и исследования практически отсутствуют. Исключения составляют отдельные авторы (Мистерлих, Э. Клэр и другие). Дискуссии о роли родителей в процессе воспитания подверглись влиянию ещё со стороны психоанализа. В своей концепции, основную роль в воспитании ребенка и формировании его как личности, Фрейд отводит матери, так как именно она закладывает основы его будущего характера, проявляющегося и во взрослой жизни. По мнению психолога и психотерапевта Энтони Клэра, данная точка зрения приводит к большой ошибке. Поскольку долгое время предполагалось, что неполные семьи, прежде всего, сталкиваются с финансовыми трудностями (ввиду отсутствия отца), откуда вытекают и все другие проблемы с детьми (образование, воспитание).

Важность отцовского воспитания и участия его в жизни ребёнка очень хорошо прослеживается при сравнении характеров детей в полных семьях и в семьях без отцов. Согласно психоаналитику Мистерлиху, дети, растущие без отца, чаще других имеют низкую успеваемость в школе, проблемы в эмоциональной и поведенческой сферах. В психике таких детей, в процессе воспитания, формируется вакуум, что приводит к формированию негативного образа отца, не имеющего значимой роли в воспитании детей, и искаженное представление об отцовстве. Впоследствии сыновья, транслируя подобный образец отцовства, чаще других становятся безответственными и некомпетентными родителями.

Результаты современных психологических исследований говорят о значительном влиянии отца на развитие ребенка. Рождение ребенка важным этапом в развитии семьи и представляет для нее стрессовую ситуацию. Важнейшим фактором нормального пренатального развития ребенка является благоприятная обстановка в семье, эмоциональный комфорт беременной женщины, эмоциональная поддержка мужа, благодаря которой жене удастся с наименьшими психологическими потерями преодолеть трудности этого периода. Отсутствие такой поддержки становится провоцирующим моментом для возникновения у нее депрессивно-тревожных расстройств, являющихся как правило, предшественниками послеродовой депрессии, отрицательное влияние которой на психическое развитие ребенка общепризнано. Таким образом, еще до рождения ребенка отец оказывает влияние на его развитие через обеспечение благоприятных условий.

При нормальных условиях отец значительно влияет на половую идентификацию ребенка. Для сына уже в раннем возрасте он является своеобразным примером, моделью для подражания, следовательно, влияет на формирование половой идентичности. Как замечает И.С. Кон, пассивные, отстраненные отцы мало влияют на формирование собственно мужских черт у своих сыновей. Недостаточный опыт общения с отцом и отсутствие приемлемой модели идентификации ослабляет формирование отцовских чувств у мальчика и юноши, часто неблагоприятно сказывается в будущем на воспитании своих собственных детей.

Любовь отца дает девочке уверенность в своей женской привлекательности и обаянии. Каждый раз, подчеркивая, что его дочь «умница и красавица» отец формирует у нее уверенность в себе. Недостаточная же эмоциональная отзывчивость отцов порождает у девочек беспокойство, неустойчивость настроения и капризность, как средство привлечения внимания.

Целью нашего исследования является описание индивидуально-психологических особенностей сознательных отцов.

Первичная форма вопросника включала 100 вопросов (как прямых, так и обратных, сформулированных от первого лица). Шкала многоступенчатая.

Вопросы были составлены на основе:

- 1) Анализа литературы
- 2) Полученных данных от респондентов с помощью опросной анкеты

В результате анализа пунктов нашего вопросника на выборке из 100 человек, которая состояла из мужчин от 18 до 50 лет, в итоговый вариант вопросника вошли 66 вопросов. Вот пример некоторых вопросов, которые наиболее сильно коррелируют с итоговым баллом:

- 1) Я читал литературу о методах воспитания детей ($r=0.65$).
- 2) Мне нравится проводить с ребенком свое свободное время ($r=0.62$).
- 3) Я часто интересуюсь проблемами своего ребенка ($r=0.61$).

Выводы:

1. Разработанная нами методика на диагностику сознательного отцовства прошла полную психометрическую проверку, и измеряет именно ту черту личности, которую должна измерять.

2. У более взрослых мужчин уровень сознательного отцовства выше, чем у более молодых.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДОГО УЧИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

М.С. Сотникова (Москва)

Молодой учитель, приходя после окончания учебного заведения в школу, сталкивается с проблемой сложного и многоаспектного «приспособления» к условиям, функциям и особенностям профессиональной деятельности. В последние годы этот процесс осложнился ускоренной модернизацией средней школы, внедрением новых стандартов образования, включением школы в инновационную деятельность, возрастанием числа внедряемых в УВП новых методик и т.п. В первые годы профессиональной деятельности молодой учитель испытывает многочисленные стрессы в силу неподготовленности к условиям работы, а именно: по причине дефицита информации о специфике образовательного учреждения, школьного коллектива, родительского социума, а также вследствие недостаточности у начинающего педагога навыков работы в статусе классного руководителя и практических умений и навыков компетентного и продуктивного общения.

Процесс профессиональной адаптации начинающих учителей носит неоднородный характер по проявлениям, противоречивый по динамике, многофакторный по содержанию. В ряде случаев этот период не завершается успешным вхождением в деятельность, приводит к профдеформации, а в наиболее дезадаптивных формах - к отсеву работников этой категории.

Можно выделить несколько основных групп проблем, с которыми практически наверняка столкнется любой молодой педагог, начинающий работать в школе:

1. Проблемы собственно профессионального плана, связанные в основном с очень широким спектром работы и необходимостью хорошо ориентироваться в педагогике школы.

2. Организационные проблемы, связанные с организацией своей профессиональной деятельности.

3. Проблемы интеграции в педагогический коллектив, взаимодействия и взаимопонимания с коллегами и с администрацией.

4. Эмоциональные проблемы, связанные с освоением новой социальной роли.

Новые Федеральные государственные образовательные стандарты начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования предусматривают необходимость перехода к компетентностно-деятельностному подходу в обучении, который обеспечивает «... достижение планируемых результатов образования и создаёт основу для самостоятельного успешного усвоения обучающимися новых знаний, компетенций, видов и способов деятельности». Обучающийся должен овладеть системой универсальных учебных действий на основе изучаемого материала. Создание этих условий требует повышенного внимания к профессиональной подготовке учителя.

Внедрение новых образовательных стандартов в школе порождает дополнительные трудности в профессиональной адаптации начинающего учителя. Изменяется уровень ответственности в работе учителя: возрастает ответственность за удовлетворение образовательных потребностей каждого ученика, за выбор рабочей программы, учебника, средств обучения, пособий, ответственность за результаты обучения. Происходят изменения в стратегии контроля знаний: проверять не то, что легче проверить, а наиболее важное; проверять не воспроизведение, а владение знаниями в различных ситуациях; проверять способность найти и понять новую информацию. Изменяется и стратегия оценивания знаний: использование традиционных и инновационных оценочных средств, выявление динамики личностного развития, сочетание систем внутреннего и внешнего оценивания, применение накопительной системы оценки индивидуальных достижений, использование персонифицированной и неперсонифицированной информации.

Особенностью труда начинающих педагогов неизменно является то, что они с первого дня работы имеют те же самые обязанности и несут ту же ответственность, что и учителя с многолетним стажем, а учащиеся, родители, администрация ожидают от них столь же безупречного профессионализма.

Таким образом, молодой учитель проходит сложный путь интеграции в новые образовательные условия, боится собственной несостоятельности во взаимодействии с учениками, их родителями, опасается критики администрации и опытных коллег, постоянно волнуется, что что-нибудь не успеет, забудет, упустит. Эта ситуация неизменно усложняет процесс профессиональной адаптации.

Те преподаватели, которые в первый год своей работы не получили поддержки от коллег и администрации чувствуют себя «брошенными на произвол судьбы», от столкновения с реальностью испытывают шок.

Выходом из сложившейся ситуации, на наш взгляд, может стать психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации молодых учителей.

СПЕЦИФИКА ВИДЕНИЯ ЗАДАЧНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК МАРКЕР ВЫБОРА СТРАТЕГИИ РЕШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ЗАДАЧ

Г.А. Спиридонов (Ярославль)

В лабораторных исследованиях мы зачастую стараемся минимизировать влияние прошлого опыта, тогда как он является источником готовых функциональных решений и так или иначе проявит себя. Ближайший пример – аффордансы, которые по сути являются запомненными качествами объектов. В попытке купировать прошлый опыт испытуемого, мы лишаемся возможности проследить фактическое функционирование его способностей в реальной, специфичной для него деятельности. Фактически, мы отсекаем целый пласт конструкторов, которые задействованы в реальной жизни. Альтернативным будет подход, где мы не убираем прошлый опыт субъекта, а наоборот, провоцируем его использование, изучаем его проявление.

Мы предположили, что выбор различных по типу и эффективности стратегий поведения в одной и той же проблемной ситуации разными испытуемыми будет обусловлен видением задачного пространства. Более того, что видение ситуации, ее функциональных особенностей будет детерминировать стратегию испытуемого.

Иными словами, что испытуемые с характерным видением задачного пространства будут выбирать характерную для их группы стратегию.

Испытуемым предлагалось условие задачи (ситуации), к которой он должен был придумать решение. В рамках нашего исследования это была задача «шумный сосед», ее условие: «В твоём доме поселился сосед, он играет на кларнете, постоянно делает ремонт и вообще шумит так, как только умеет. Шумит он целыми днями и никогда не устает. Тебе все это надоело, только вот проблема в том, что шумит он в законное для того время и вообще, никакими законными санкциями его не урезонить. Что ты будешь с этим делать?». При ознакомлении испытуемого с условием, делался аспект на необходимости представить конкретно себя в этой ситуации и на реальность условий, то-есть, абстрактные, неприменимы на практике решения не принимались.

Решение предложенное испытуемым протоколировалась. На основе этого же решения испытуемый относился к одной из трех выделившихся групп. Об этом чуть ниже.

Далее испытуемому предлагалось выделить из проблемной ситуации, способа ее решения и т.д. (задачного пространства) наиболее существенные на его взгляд элементы, элементы делились на группы для возможности факторного анализа. После чего, выделенные элементы испытуемый оценивал по 12 шкалам семантического дифференциала. Список шкал: твердый, шершавый, сладкий, большой, нежный, громкий, длинный, угловатый, светлый, устойчивый, острый и свежий. Выборку составили 40 человек, гендерно смешанная, возрастом от 20 до 44 лет.

По выбору стратегии решения испытуемые разделились на три группы.

Первая группа – Игноранты. Испытуемые этой группы, как следует из названия, предпочитали игнорировать источник шума. Они выделяли 3-4 элемента в пространстве задачи. Характерной особенностью группы – никто из испытуемых не выделил самого соседа, как элемент проблемной ситуации. Вместо него выделялся источник шума как таковой (дрель, колонки и т.д.), иногда несколько. Элементы, выделяемые этой группой испытуемых, мы разделили на три группы. Это инструменты игнорантов, то, что они используют для избавления от шума. беруши, наушники, снотворное и т.д. Источник шума, который для игнорантов был безличным. Качество дома – все игноранты включали в свою ситуации такой аспект, как особенности дома, его качество. Как то тонкие стены, неудачная планировка и т.д.

Вторая группа – Дипломаты. Испытуемые этой группы предпочитали договориться с соседом, как правило, мирно. При этом у большинства испытуемых этой группы выделялся такой элемент, как средство манипуляции. Характерная особенность этой группы – выделение не только себя и соседа, как элементов задачного пространства, но и других соседей, жильцов дома, квартиры и т.д. Элементы, которые выделяют испытуемые этой группы, разделились на шесть групп. Обстоятельства, при которых шумно, при которых он идет договариваться (единственная группа, которая сочла это важным элементом), сам испытуемый, сосед, группа дополнительных персонажей, шум как таковой, тут речь идет не об источнике, а именно о шуме самом по себе и, наконец, эмоции, которые испытывает дипломат (так же единственная группа, которая выделяла этот элемент как важный).

Третья и последняя группа – Мстители. Испытуемые этой группы сразу же брались придумывать способы отомстить соседу. Причем не важно, поможет это убрать шум или нет. У многих испытуемых данной группы наблюдалась аналогичная ситуация в жизни, в которой они продолжают мстить без видимого результата. У этих испытуемых выделилось четыре группы элементов. Это инструмент мстителя – это то, с помощью чего и как они собирались мстить. Как правило, один испытуемый данной

группы выделял сразу несколько инструментов мщения. Качество дома, почти то же, что и у игнорантов, однако в случае мстителей качество и особенности дома оценивались с точки зрения возможности осуществления мести. Сосед. И шум как таковой, аналогичный шуму дипломатов.

После факторного анализа выделились следующие факторы. Для группы Игноранты четыре фактора, включившие в себя шкалы: 1) твердый, большой, устойчивый, 2) шершавый, нежный, длинный, свежий, 3) сладкий, нежный, острый 4) длинный, угловатый. Для группы Дипломаты три фактора, включившие в себя шкалы: 1) шершавый, сладкий, нежный, светлый, 2) твердый, большой, громкий 3) длинный, устойчивый, острый и свежий. Для группы Мстители четыре фактора, включившие в себя шкалы: 1) твердый, нежный, угловатый, свежий, 2) шершавый, сладкий, устойчивый, 3) большой, длинный, 4) громкий, светлый.

В результате испытуемые разделились на различные группы по типу стратегии поведения в проблемной ситуации. Испытуемые одной группы обладают специфическим видением задачного пространства, которое и качественно, и количественно отличается от видения испытуемых других групп. Испытуемые выделяют определенные и отличные от других типы элементов, разные их количество, а их оценивание детерминировано разными факторами.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

Е.Н. Старкова (Владимир)

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена наличием существенных трудностей, которые испытывают более половины учащихся 9-11-х классов в выборе профессии. Установлено, что лишь около половины выпускников школы совершают обоснованный выбор, большинство учащихся выбирают профессию под влиянием случайных факторов (Чистякова С.Н.)

Н.С. Пряжников указывает на невозможность дальнейшего развития общества без специального внимания к проблеме профессионального самоопределения. [1]

Проблема исследования состоит в определении психолого-педагогических условий оказания помощи преодолению трудностей профессионального самоопределения старшеклассников.

На решение поставленной проблемы направлена цель исследования.

Анализ показал, что вопросы знакомства с миром профессий, самопознания раскрываются достаточно. Вместе с тем, практически нет обоснования возможной помощи в принятии решения о выборе профессии. Кроме того, не рассматривается превентивная профориентационная работа по предупреждению типичных трудностей.

В имеющихся исследованиях не получила специального рассмотрения проблема адекватного содействия предупреждению и преодолению трудностей профессионального самоопределения старшеклассников. Кроме того, в них в большей мере раскрываются педагогическое и управленческое содействие и не отражено психолого-педагогическое, которое имеет специфику своих задач, содержания, форм и методов реализации.

В ходе проведенного исследования мной была проведена диагностика учащихся 10-ого класса, где были использованы следующие методики:

- Анкета ОПТАНТА
- Анкета изучения желаемого социального статуса
- Опросник «Ориентация»
- Тест интересов и склонностей
- Тест «Художник или мыслитель»
- Методика «Дифференциально-диагностический опросник» (ДДО) Е.А.Климова.
- Тест Айзенка (на определение типа темперамент)
- Методика Дж. Голланда «Определение типа личности»
- Анкета «Выбор профиля»

Были получены следующие результаты:

- 70% учащихся (опрашиваемых) имеют трудности в выборе будущей профессии;
- 99% хотят получить высшее образование;
- 30% совсем не определились с выбором будущей профессии и нуждаются в психолого-педагогической помощи;
- Юноши отмечают, что большое влияние на выбор профессии оказали родители (50%). Большинство девушек (30%) считают, что сделали свой выбор самостоятельно, а также значительную роль отводят общественному мнению (20%).
- Мотивы выбора будущей профессии
 - перспективность (возможность профессионального роста) и высокую материальную обеспеченность (19%)
 - сам труд (16,2%),
 - контакты с людьми и условия труда - 10,8%.
 - меньше всего привлекает возможность без особого труда получить профессию (6,7%)
 - и возможность творить (2,7%)
- Факторы, оказавшие наибольшее влияние на выбор профессии
 - способности 27,7%
 - жизненные обстоятельства 22,2%
 - 13,8% выбрали профессию сами
 - на выбор 11,7% школьников повлияли родители
 - меньшее влияние на учеников оказывают педагоги и друзья (8,3%)
 - а также СМИ (2,7%)

В целом по результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. В профессиональном самоопределении большинства старшеклассников возникают закономерные трудности: построения адекватного образа профессии; определения и самопознания профессионально важных качеств; принятия решения о выборе профессии и учебного заведения; построения резервных профессиональных планов. Учащиеся нуждаются в психолого-педагогической помощи.
2. Необходимыми условиями успешного оказания психолого-педагогической помощи являются: её соответствие этапу профессионального самоопределения; последовательное сочетание превентивного и оперативного видов; соответствие её форм и методов сущности содействия и возрастным особенностям подростков; согласованность его направлений и содержания с типичными трудностями учащихся.
3. Оперативное содействие направлено на помощь в: построении образа ситуации принятия решения; определении его цели, задач; альтернатив выбора; критериев их сравнения; их возможных последствий; сравнении альтернатив; выборе одной из них конструктивным способом; формулировании запасного варианта.

СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ СДВИГИ КАК КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Е.В. Степура (Киев)

Психология принятия решений начала активно развиваться в 60-х годах XX столетия. Предпосылкой её развития стала НТР, которая привела к усложнению систем, в которых задействован человек. Основным направлением в зарубежной психологии принятия решений стало раскрытие когнитивных механизмов, обеспечивающих принятие решений реальными людьми. Особое внимание уделялось сравнению реальных решений, принимавшихся людьми, с решениями, вытекавшими из рациональной теории принятия решений. Одним из важных открытий было то, что человек при принятии решений часто не использует правил, следующих из указанной теории. Это связано, помимо прочего, с тем, что реализация рациональных способов принятия решений требует больших затрат сил и времени; поэтому человеческое мышление находит более простые пути обработки информации, которые, во многих случаях, не менее эффективны, чем рациональные способы. Но были установлены и основные недостатки подобных когнитивных стратегий: 1) их во многом неосознанный характер; 2) их неэффективность при решении задач, возникающих в процессе взаимодействия человека со сложными системами: экономическими, технологическими, социально-политическими и т.д.

В разработке психологии принятия решений следует в большей мере, чем это имеет место ныне, учитывать цивилизационные сдвиги, характеризующие современную эпоху. Укажем некоторые направления конкретизации данного тезиса.

Всё более значимым в современных условиях становится то обстоятельство, что человек способен перерабатывать ограниченное количество информации. Из всей информации, характеризующей конкретную ситуацию, он вынужден выделять главное, абстрагируясь от второстепенного. Конечно, человек может попытаться воспринять ситуацию в целом, но при этом, закономерно, он сосредоточится на её бросающихся в глаза особенностях, упуская при этом значимые, но мало выделяющиеся детали. Основная проблема человека, принимающего решение относительно сложной системы, заключается в том, что нужно выделить наиболее важные точки приложения своих сил, учитывая динамику развития системы и возможные последствия своих действий. Между тем, действия, направленные на сложную саморазвивающуюся систему, всегда имеют множество последствий и вследствие упомянутого выше ограничения процессов переработки информации мы далеко не всегда можем проследить их. В силу вышесказанного можно поставить под сомнение саму возможность гармоничного существования человека и природы. Ограниченность наших когнитивных процессов всегда будет создавать проблемы, которые будут касаться всей окружающей нас среды, причем вероятность возникновения этих проблем будет усиливаться по мере увеличения количества поступающей информации. Поскольку любые попытки ограничить темпы усложнения структур, в рамках которых осуществляется человеческая деятельность, приведут к ещё большим проблемам, связанным с невозможностью существования большинства людей вне рамок современной цивилизации, мы вынуждены будем мириться с тем, что придётся принимать ответственные решения в условиях информационной перегрузки, с риском разных негативных последствий.

Ограничения способности человеческой психики перерабатывать информацию проявляются и в том, что человеку трудно быть специалистом в разных областях

деятельности. Отсюда трудности установления диалога между разными областями, которые придают ему поверхностный характер, что будет отражаться на уровне решений, принимаемых по результатам диалога.

Возрастающие трудности принятия решений в усложняющемся мире нашли отражение также в увлечении постмодернистскими идеями, представленными, в частности, в методологии П. Фейерабенда. Следует с осторожностью подходить к его положениям о привлечении в науку идей дилетантов, представителей религии, мистиков, сумасшедших и проч. Надо учитывать, что эти положения, да и сама постмодернистская парадигма, могут быть прекрасным прикрытием для деятельности разного рода шарлатанов и авантюристов.

Чтобы адекватно принимать решения в сложном изменяющемся мире, человек должен вырабатывать в себе мышление, обладающее такими качествами, как системность, критичность, стратегичность. По сути, развитие такого мышления должно быть одной из целей всей системы образования

Пристального внимания требует и моральный аспект принятия решений. При его несомненной важности, стандартные предписания традиционной морали не всегда адекватны в сложных ситуациях современной действительности. Потому моральный аспект принятия решений должен быть тесно увязан с интеллектуальным, с опорой на критическое мышление. Это позволит учитывать не только моральный принцип, но и ситуацию его применения, что должно обеспечить наиболее адекватные действия.

В заключение коснёмся ответственности учёного за последствия реализации на практике его открытий. Психология, как почти любая наука, может дать инструменты, которые можно использовать для негуманных целей. Речь идёт прежде всего о механизмах влияния, о контроле над поведением человека. Является ли ответственным учёный за то, что его открытия применяют в негуманных целях? Существует мнение, что учёный должен подумать о следствиях оглашения своих открытий. Мы частично согласны с данным утверждением. Его следует учитывать, но не отказываясь при этом от общей тенденции науки. Эта тенденция состоит в ориентации на прогресс, что требует открытия новых возможностей для развития цивилизации.

Как указывает А. П. Назаретян, новые знания должны подкрепляться новыми сдерживающими агрессию механизмами. Наука призвана участвовать в их выработке. Но, перекладывая на науку ответственность за неадекватное функционирование общественных структур, которые должны способствовать духовному росту человека, мы уходим от подлинной проблемы. Что, конечно, не исключает персональной ответственности учёных, помогающих применять научные знания в неэтических целях.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СЕКСУАЛЬНО-ЭРОТИЧЕСКОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН

Д.И. Субкевич (Санкт-Петербург)

Сексуально-эротическая сфера человека стыдливо замалчивалась и не изучалась в Советском Союзе вплоть до 1970-х годов (Кон И.С., Роткирх А.). Первые научные исследования этого вопроса были проведены Васильченко Г.С., однако, они, в основном,

были посвящены сексуальным дисфункциям у мужчин, и не затрагивали, в должной мере вопросы сексуального здоровья. Последующее изучение женской сексуальности, строилось исходя из понимания её как «иной», объектной и вторичной по отношению к мужской. В настоящее время, несмотря на попытки психологической, социологической и культурологической интерпретации, в доминирующем общественном дискурсе женская сексуальность остается несамостоятельной (Тёмкина А.).

Принимая в расчет тот факт, что сексуально-эротическая удовлетворенность - это субъективная оценка индивидом самореализации в интимной сфере, возникает необходимость выделить факторы (предпосылки), способствующие достижению удовлетворенности. Их можно описать как биологические, психологические и социокультурные. Биологические предпосылки являются потенциальными половыми возможностями человека, и включают нейрогуморальное обеспечение репродуктивной функции и сексуальности (половая конституция) (Васильченко Г.С.), на основе которого выстраиваются, и, во многом, опосредуют его, психологические факторы и ценности личности, ее Я-концепция и установки по отношению к сексуально-эротической сфере (Исаев Д.Д.). Чем выше самооценка человека и его уверенность в себе, тем выше степень сексуального удовлетворения и тем меньше у него сексуальных проблем. Женщина, которая не стесняется своего тела, считает, что она имеет право на получение сексуального удовольствия, занимает активную позицию в удовлетворении чувственных желаний, будет иметь более удовлетворительные сексуальные отношения, чем женщина, не испытывающая столь позитивных чувств в отношении самой себя (Крукс Р., Бауэр К.).

Анализ литературы позволяет говорить о том, что привязанность к партнеру и доверительные отношения с ним, в значительной мере влияют на эротическое удовольствие и удовлетворенность сексуальными отношениями у женщин (Исаев Д.Д.).

Выделяют также множество социально-культурных факторов, оказывающих влияние на сексуально-эротическую сферу женщин. К ним относят особенности воспитания, профессиональной деятельности, материального и социального положения, а также вероисповедание, этические представления и уровень образования (Исаев Д.Д., Крукс Р., Бауэр К., Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р.).

Целью исследования является изучение особенностей сексуально-эротической удовлетворенности женщин, и психологических особенностей, взаимосвязанных с ней. Были использованы следующие методы: опросник FSFI (Индекс женских сексуальных функций), опросник SASOQ (Отношение к собственному сексуальному поведению и сексуальному поведению других), опросник SAI (Сексуальная возбудимость), опросник SDI (Уровень чувственных желаний, потребность в сексуальной активности), методика «Уровень невротизации», методика определения доминирующих состояний, семантический дифференциал, методика «Big Five» («Большая пятерка»), авторская анкета для сбора сексуально-эротического анамнеза и определения сексуальной удовлетворенности, сравнительный анализ; корреляционный анализ, дискриминантный анализ.

В качестве испытуемых выступили 90 женщин в возрасте 20-40 лет.

В результате проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что женщины, удовлетворенные интимными отношениями, испытывают большую потребность в сексуальной реализации, нежели сексуально неудовлетворенные женщины. Они сексуально возбудимы, и позитивнее оценивают как своего партнера, так и всю сексуально-эротическую сферу в целом. В то же время, у сексуально неудовлетворенных женщин чаще возникают трудности в достижении сексуальной разрядки. Они чаще испытывают дискомфорт и болевые ощущения во время близости, зачастую

негативно оценивают свою сексуальную жизнь. Удовлетворенные женщины, характеризуя свою сексуально-эротическую сферу, больший акцент делают на партнерских взаимоотношениях. В группе неудовлетворенных женщин акцент смещается в сторону самоощущений и отношения к сексу как таковому, почти не затрагивая сферу партнерских взаимоотношений.

Состояние психического напряжения женщины, субъективный дискомфорт и болезненные ощущения во время близости отрицательно связаны с сексуальной удовлетворенностью. В то же время значимость сексуально-эротической сферы, интенсивность сексуального желания и оргастическая способность, а также позитивная субъективная картина партнерских взаимоотношений положительно связаны с сексуально-эротической удовлетворенностью женщин.

Сексуально-эротическая удовлетворенность женщины очень тесно взаимосвязана с особенностями её партнерских отношений. То, как женщина оценивает поведение своего партнера, его статус и отношение к ней, как ощущает себя в этих взаимоотношениях, всё это имеет взаимосвязи с её сексуально-эротической сферой. Грубость партнера, его отстраненность и холодность, имеет отрицательные взаимосвязи с эмоциональной удовлетворенностью, тогда как его чуткость и участие имеет положительные взаимосвязи с этим показателем.

Наибольший вклад в показатель сексуально-эротической удовлетворенности женщины вносят высокая оргастичность, достаточная лубрикация, интенсивность сексуальной потребности и желаний. Чрезвычайно важным оказывается то, как женщина оценивает сексуальную жизнь и то, насколько она подвержена стрессовым воздействиям. Низкая стрессоустойчивость и негативная оценка сексуальной сферы, показатели эмоционального дискомфорта, болевые ощущения или страхи, связанные с близостью, могут негативно сказаться на сексуально-эротической удовлетворенности женщины.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ НА РАЗНЫХ КУРСАХ

К.В. Суворова (Белгород)

В настоящее время под КЖ понимается система объективных и субъективных показателей, в той или иной степени отражающих ощущаемое благополучие индивида (Т.Н. Савченко, 2006). Исследовательский интерес к изучению качества жизни в студенческой среде продиктован необходимостью оценки влияния внешних факторов на субъективное самочувствие учащихся (физическое, психическое и др.), способных спровоцировать спад академической активности последних. Тенденции в образовании на сегодняшний момент предъявляют повышенные требования к организации процесса обучения и учения, т.к. количество часов, отводимых на самоподготовку у студентов, в разы больше, чем их аудиторная нагрузка. А в ситуации, когда приходится тратить силы на восстановление своего здоровья и одновременное освоение учебного материала – указанная проблематика становится особенно актуальной. Ввиду того, что современный студент вряд ли может похвастаться отменным здоровьем, указанное положение дел дает основание предполагать, что студенты, обучаю-

щиеся на разных курсах, будут по-разному переживать трудности со своим здоровьем, что в первую очередь найдет свое отражение в изменении психологических показателей качества жизни и их отношении к обучению.

Целью проведенного исследования стало изучение психологической составляющей качества жизни студентов-психологов, имеющих актуальные проблемы со здоровьем (соматическое заболевание), обучающихся на разных курсах. Нами было выдвинуто предположение о том, что студенты разных курсов, имеющих актуальные трудности со здоровьем, будут различаться по степени выраженности психологических параметров качества жизни (положительные, отрицательные эмоции, познавательные функции, самооценка, образ тела и внешность) и, ввиду этого, будет различаться их отношение к своей академической активности. В исследовании приняли участие 73 студента-психолога (соотношение учащихся первого и третьего курсов практически равное: 54% и 46 %, соответственно). Для диагностики интересующих нас параметров был использован опросник качества жизни ВОЗ (ВОЗКЖ-100, ядерный модуль), в частности, показатели психологической сферы, и беседа. Статистическая обработка данных проводилась с помощью t-критерия Стьюдента (статистический пакет STATISTICA 6.0). Данные, полученные в рамках проведенного исследования, позволили сделать выводы о том, что для студентов, обучающихся на третьем курсе, не свойственно связывать актуальные проблемы со здоровьем с трудностями в обучении и спадом их академической активности. Анализ отдельных субсфер и сфер показал, что для студентов старших курсов в меньшей степени характерно переживание неблагополучия в таких сферах здоровья (в частности, его психологической составляющей), как самооценка, образ тела и внешность; третьекурсники выгодно отличаются от своих младших коллег в оценке качества своих познавательных функций (мышления, память, внимание), что позволяет сделать вывод о том, что эти параметры качества жизни в меньшей степени будут зависеть от актуального состояния здоровья этих студентов. Это связано с тем, что третий курс является переломным в плане профессионального становления на этапе активного овладения профессией, и большинство студентов демонстрируют довольно высокую мотивированность на получение и приобретение знаний вне зависимости от состояния своего здоровья. Напротив, студенты первого курса, которые только ступили на путь своего профессионального становления, продемонстрировали выраженную озабоченность тем, что актуальное состояние здоровья и субъективные переживания, связанные с ним, сказываются на телесных ощущениях, внешнем облике, их самооценке и познавательных процессах. Результаты беседы подтверждают приведенные выше умозаключения: подавляющее большинство студентов первокурсников при проведении беседы признались, что практические всегда субъективное ощущение неблагополучия (в рамках заболевания) требует отказа от посещения занятий. Это значит, что студенты первого курса в большей степени склонны считать, что качество жизни, связанное с актуальным состоянием здоровья способно спровоцировать спад их академической активности, наряду со студентами третьего курса, продемонстрировавших тенденцию к преодолению физического недуга и считающих, что только объективные показатели при заболевании способны заставить их отказаться от посещения занятий.

Таким образом, все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что особенности психологической составляющей качества жизни отличаются у студентов-психологов, обучающихся на разных курсах, и по-разному сказываются на их академической активности. Третьекурсники, в отличие от своих младших коллег, несмотря на наличие ослабленного здоровья, считают, что это обстоятельство не сказывается на их способности к познавательной деятельности, на способности усваивать новую

информацию, концентрировать внимание на вопросах, не связанных с болезнью, и принимать решения. Они испытывают чувство собственной ценности как личности и способны включаться в деятельность, связанную с поддержанием этого чувства и способствующую личностному росту, если только объективные противопоказания при заболевании не вынуждают временно отказаться от своих планов (при $p = 0,05$). Переживание положительных и отрицательных эмоций, вызванных актуальными проблемами со здоровьем, у студентов первого и третьего курса находится на одном уровне.

Мы обнаружили, что психологическая составляющая качества жизни современного студента выгодным образом отражает тенденции влияния актуального состояния здоровья на его академическую успеваемость и активность. В дальнейшем планируется провести более детальное изучение всех показателей качества жизни студентов и тех переменных, которые, наряду с ним, способны оказывать влияние на отношение студентов к приобретению знаний и овладению профессией.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ

Д.Н. Супрун (Киев)

Психологическое здоровье человека - это наличие в его психике активных и пассивных зависимых паттернов, которые постоянно генерируют положительный психоэнергетический потенциал, который обеспечивает осознанное позитивное восприятие окружающего мира, гармонию с ним и с собой, личностный оптимизм и удовлетворение от жизни. Именно психологическое здоровье человека является необходимым условием его эффективной деятельности вообще и профессиональной в частности. В последнее время констатируется резкое ухудшение здоровья населения Украины. Не являются исключением работники руководящих должностей. Состояние здоровья как физического, так и психологического большинства руководителей не соответствует профессиональным требованиям, становится препятствием на пути реализации их способностей и возможностей. В связи с этим поднимаются вопросы психологического обеспечения сохранения и укрепления здоровья управленцев, что будет способствовать совершенствованию общего и профессионального развития.

Настоящее во всех его проявлениях способствует распространению человекоцентристских взглядов, представляющих личность человека как неповторимую ценность. Приоритетности приобретает сохранение здоровья человека во всех его проявлениях. В системе управления одним из главных условий, направленных на достижение данной цели является личность руководителя. Именно она принимает непосредственное участие в формировании мотивации сохранения здоровья в условиях четко регламентированных законом. Повседневная профессиональная деятельность сотрудника – звена руководящего состава находится под разносторонним влиянием и длительным действием неблагоприятных социальных, психологических, экономических и других факторов, что обуславливает возникновение высокого уровня нервно-психического напряжения. Это, в свою очередь, способствует развитию негативных проявлений поведения, отражающихся и на профессиональной деятельности.

Анализ результатов научных исследований по сохранению психологического здоровья личности рассматривается в двух аспектах: сохранение психологического

здоровья самого руководителя и непосредственное отражение этого аспекта на отношении к психологическому здоровью подчиненных. А. Маслоу главной характеристикой психологического здоровья личности считал стремление к самоактуализации, самовыражению, раскрытию потенциалов к творчеству и любви, в основе которых лежит гуманистическая потребность приносить людям добро. Он видел здорового человека, прежде всего, как человека счастливого, который живет в гармонии с самим собой, не чувствует внутреннего разлада, способного защищаться, но первым не начинать конфликт. Демократичность лежит в основе психологически самоактуализированной личности, постоянная готовность к обучению. Человек не боится показаться несведущими, он готов учиться у всякого, кто может открыть ему что-то новое. Они не стремятся во что бы то ни стало доказать собеседнику свое превосходство, не щеголяют эрудицией, не пытаются произвести впечатление своим высоким статусом или жизненным опытом. Его психологически правильный личностный рост должен равняться на рост духовный.

Таким образом, на надлежащее состояние психологического здоровья указывают следующие признаки: стремление к гармоничному бытию и здоровью, к искренним и гармоничным межличностным отношениям, к новому, к высокой цели, естественная симпатия и доверие к людям, честность, непредвзятость, доброжелательность, интерес к объектам, которые прямо не связаны с удовлетворением каких-либо потребностей, автономность, аутосимпатия, хорошо осознанная позитивная Я-концепция, способность к самораскрытию.

Современная наука содержит следующие характеристики по оценке психологического здоровья руководителя: развитие полезных знаний и навыков; положительное отношение к профессиональной работе, наличие положительно ориентированных жизненных планов; проявления коллективизма; адекватное отношение к воздействиям высшего руководства; критичность, способность правильно оценивать других; самокритичность, самоконтроль, самоанализ, способность к сотрудничеству; внешняя культура поведения и т.д.

Психологическое здоровье в значительной степени предопределяет потребности человека, психологические установки, жизненные цели, определяющие его мотивацию. Одной из задач руководителя является сохранение и развитие мотивации к укреплению как собственного психологического здоровья, так и психологического здоровья подчиненных, повышение психологической подготовленности - существенного условия улучшения качества жизни и труда, выполнение поставленных задач, реализации идей и решений. Воплощение в жизнь этой задачи способствует выработке у каждого руководителя потребности к познанию сущности психологического здоровья. Результативность данного познания будет должной только при условии соблюдения следующих психологических условий :

- Стимулирование самопознания, формирование адекватной самооценки и позитивного самовосприятия;
- Преодоление психологических защит и барьеров, уменьшения симптомов тревожности, формирование системы знаний, умений, навыков как базиса для развития мотивации сохранения психологического здоровья руководителей;
- Формирование системы убеждений и ценностных ориентаций у руководителей по здоровому образу жизни;
- Содействие самоактуализации как основной предпосылке развития мотивации сохранения психологического здоровья у руководителей.

Предложенные психологические условия направлены на развитие мотивации сохранения психологического здоровья управленческого состава: расширяются представления о своих возможностях, что побуждает к раскрытию творческого потенциала личности; исчезают (или уменьшаются) симптомы тревожности, формируется система убеждений и ценностных ориентаций, появляется уверенность в собственной позиции, желание улучшить свое здоровье, укрепить духовные и физические силы для занятия делом, для служения жизненной миссии, которыми человек чувствует себя обязанным заниматься.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА

Р.А. Сурвила (Лесосибирск)

На протяжении всей жизни почти каждый человек сталкивался с ситуациями, субъективно переживаемые им как трудные, нарушающие привычный образ жизни. Переживание таких ситуаций часто меняет и восприятие окружающего мира, и восприятие самого себя в этом мире. Изучение поведения направленного на преодоление трудностей, проводится в рамках исследований, посвященных анализу совладающего поведения (копинг-поведения).

Актуальность темы заключается в том, что проблема совладающего поведения (копинг-поведения) со сложными ситуациями малоизученна. Первым кто заинтересовался в данной научной области и ввел понятие «coping» был Абрахам Маслоу. Затем продолжили изучение такие ученые, как Р. Лазарус и С. Фолкмен, П. Коста и Р. Маккрей, У. Лер и Х. Томэ. В отечественной психологии изучение поведения личности в стрессе изучалась в основном в контексте преодоления экстремальных ситуаций.

Цель исследования: исследование стратегий психологического преодоления студентов первого курса.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

1. Проанализировать литературу по теме исследования, рассмотрев теоретическую сущность понятий «преодолевающее поведение», «совладающее поведение», «копинг-поведение»; охарактеризовать стратегии психологического преодоления студентов.

2. Подобрать диагностический инструментарий для изучения стратегий психологического преодоления студентов первого курса.

3. Проанализировать результаты эмпирического исследования.

Для решения задач мы используем следующие методы психологического исследования:

1. Анализ психологической литературы по изучаемой проблеме;

2. Методы сбора эмпирических данных исследования: тестирование (опросник «Стратегии и модели преодолевающего поведения» Хобфолла С., «Копинг-тест» Лазаруса Р.);

3. Методы количественной и качественной обработки результатов.

Методологической базой исследования стали работы Е.А. Крюковой, Е.В. Битюцкой, Т.В. Корниловой и др.

Выборка исследования представлена студентами 1 курса факультета педагогики и психологии Лесосибирского педагогического института – филиала ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». Средний возраст исследуемых 18 лет, количество выборки составило 19 человек.

Практическая значимость исследования состоит в систематизации теоретического материала по проблеме исследования. В ходе экспериментального исследования получены эмпирические данные, которые могут быть полезны при организации учебно-воспитательного процесса вуза.

На основе теоретического анализа мы определили содержание понятия «копинг-поведение», которое является целенаправленным поведением и позволяет человеку справиться со стрессом (трудной жизненной ситуацией) способами, адекватными личностным особенностям и ситуации, через осознанные стратегии действий, которые либо адаптируют к требованиям ситуации, либо помогают преобразовать её.

Под стратегией преодолевающего поведения понимается образ действий, предпринимаемые человеком в ситуациях психологической угрозы физическому, личностному и социальному благополучию, осуществляемые в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах функционирования личности и ведущие к успешной или менее успешной адаптации.

Проведенное нами исследование позволило определить, что значительная часть студентов характеризуется хорошей способностью противостоять стрессам, и для его преодоления наиболее часто используются такие модели преодоления как поиск социальной поддержки, избегания, импульсивные и агрессивные действия, ассертивные и агрессивные действия. У большинства студентов отмечен адаптационный потенциал в пограничном состоянии.

На основании этого, можно говорить, что современный студент первого курса, попадая в новую для него социальную ситуацию, социальную группу может успешно в ней адаптироваться и правильно приспосабливаться к данной ситуации, может правильно выбрать стратегию и способ преодоления возникающей трудности или проблемы.

Таким образом, респонденты выбирают в основном эмоционально-ориентированные поведенческие стратегии, направленные, прежде всего, непосредственно на эмоциональное решение снятия негативных ощущений.

Кроме того был проведён корреляционный анализ (STATISTIKA.6.) результатов исследования, подтвердивший взаимосвязь копинг-механизмов, способов преодоления со стратегиями и моделями преодолевающего поведения.

Проведенное нами исследование дает практический материал для дальнейшего изучения проблемы копинг-стратегии. Тем самым создается теоретическая база для практической деятельности, направленной на дальнейшее изучение копинг-стратегий у студентов разных специальностей. Также исследование копинг-стратегий вносит существенный вклад в изучение стрессоустойчивости, а также позволяет расширить наши представления о субъектных аспектах личности.

ОСОБЕННОСТИ СУВЕРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВОСПИТАННИКОВ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Р.А. Сурвила (Лесосибирск)

Проблема психологического пространства личности и его суверенности имеет глубокие корни, как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Психологическая (личностная) суверенность (франц.) – это способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основанная на обобщенном опыте успешного автономного поведения.

Целью нашего исследования был анализ особенностей суверенности психологического пространства, где в качестве объекта выступала личностная суверенность подростков как психологический феномен. Мы предположили, что существуют некоторые конфигурации границ психологического пространства, соответствующие типичным искажениям поведения подростков.

Эмпирическое исследование проводилось в течение 2010 – 2011 гг. на базе МБОУ «Гимназия» г. Лесосибирска, выборка представлена учащимися 7 класса 13-14 лет в количестве 20 человек, которые вошли в контрольную группу. Экспериментальная группа представлена 20 подростками 13-14 лет, проживающими в КГБУ СО «Социально – реабилитационный центр для несовершеннолетних «Тюхтетский». Мы использовали личностный опросник С.К. Нартовой-Бочавер «Суверенность психологического пространства», в котором структурно суверенность устанавливается по отношению к разным измерениям психологического пространства личности и включает в качестве подсистем суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), личных вещей (СВ), привычек (СП), социальных связей (СС), вкусов и ценностей (СЦ).

Анализируя данные, полученные в ходе опроса детей, мы пришли к следующим выводам: профиль участников экспериментальной группы изменен в сторону депривированности психологического пространства. Истории жизни данных респондентов свидетельствуют, что в основном это дети из неблагополучных семей, склонные реагировать на прессинг в семье уходом из дома. Таким образом, депривация пространства побуждает их расширять свою территорию в меру возможности, уходя жить в более крупные населенные пункты, о чем и свидетельствуют низкие показатели по шкале суверенность территории у 84,2 % воспитанников. В результате они прерывают контакт с подавляющими родственниками.

Также наблюдается некоторое понижение по шкале социальных связей – это может говорить о том, что детям не нравится их окружение, им хотелось бы общаться с другими людьми. У воспитанников закрытых учреждений отношение к взрослому определяется практической пользой последнего в жизни ребенка. В жизни этих детей имеет место не личное, а функционально-ролевое общение, выбор партнера по общению осуществляется на предметно-содержательной основе. Что и проявляется у 63,1 % испытуемых данной группы, имеющих низкий уровень личностной суверенности по шкале социальных связей. Еще одной отличительной чертой, характеризующей взаимоотношение респондентов, является феномен «мы» как особое психологическое образование. Дети без родителей делят мир на «свои» и «чужие», на «они» и «мы». От «чужих» они совместно обособливаются, проявляют по отношению к ним агрессию, готовы использовать их в своих целях. Обращает на себя внимание повышение суверенности по шкале привычек, подчеркивающее стремление к свободе, т.

е. детям субъективно легче переночевать на улице, чем допускать, чтобы мама утром будила их в школу. Существенное понижение выявлено по шкале ценностей, что, возможно, выступает как результат, так и предпосылка склонности к девиантному поведению.

Участники контрольной группы демонстрируют более высокий уровень суверенности, особенно по шкалам суверенность физического тела, суверенность социальных связей. Однако и в этой группе наблюдаются низкие показатели, в частности, по шкале привычек, можно фрустрировать поведение ребенка уже тем, что мешаешь встретиться с другом или сделать эту встречу «скомканной», а в подростковом возрасте это переживается особенно остро. Наиболее важным измерением нам видится суверенность ценностей. У наших респондентов депривация вкусов и ценностей проявляется в том, что близкие (прежде всего родители) не разделяют и не уважают приущих субъекту вкусов.

Таким образом, результаты эмпирического исследования выявили наличие особенностей личностной суверенности воспитанников социально-реабилитационного центра, проявляющихся в уровне суверенности границ. Для участников экспериментальной группы не существует такого понятия как целостность мира, они замкнуты и неуверенны в себе. Отсутствие базового доверия к миру, у них порождает страх, агрессивность, недоверие к другим людям и к самому себе, нежелание познавать новое, учиться. У них неправильно формируются межличностные отношения между детьми и детьми, которые порождают дефицит в интимно-личностных связях. Хроническая депривация не компенсируется ситуативным вниманием к детям и ситуативной реализацией их потребностей.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН, НЕ СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ

А.А. Сухова (Курск)

Еще с древнейших времен людей интересовало, что происходит с женщиной в период беременности. На Руси считалось, что женщина, ожидающая ребенка, обладает магической силой. Новейшие исследования открывают перед нами завесу особенностей жизненного пути беременных женщин. Однако, мало исследований посвящено причинам и следствия распространения внебрачных рождений, а именно - выяснению ориентации, намерений и интересов в сфере брака и семьи женщин - матерей внебрачных детей, реализации их жизненных устремлений и планов в семейной сфере.

На рубеже XXI века в России сложилась беспрецедентная демографическая ситуация, обусловленная прежде всего снижением рождаемости до уровня, не обеспечивающего воспроизводство населения. Процесс депопуляции, начавшийся в стране в 1992 г., когда впервые уровень общей смертности превысил рождаемость (12,2‰ и 10,7‰ соответственно), продолжает набирать темпы и в настоящее время. Прирост населения, регистрируемый до 1990 г., сменился дефицитом воспроизводства, составившим к 2002 г. 6,5 на 1000 населения.

По мнению О.Н. Безрукова, в основе снижения рождаемости, кроме утерянных социально-экономических рычагов, определяющую роль играют одновременно несколько таких взаимосвязанных факторов, как уменьшение числа браков и увеличение числа разводов, прогрессивный рост удельного веса бесплодных супружеских

пар, характерное для России большое число абортов, использование современных высокоэффективных средств контрацепции, изменившиеся репродуктивные установки населения на создание малодетной семьи.

Падение нравов, духовности населения, захлестнувшая страну сексуальная революция расшатала устои традиционного института семьи, которая по сути является микросоциальной средой, где наследуются и формируются здоровье, образ жизни и национальные традиции новых поколений. В связи с этим четко обозначенной особенностью современной демографической ситуации является неуклонный рост числа внебрачных рождений, которое в стране за период 1990-2002 гг. увеличилось на 41,6%. Удельный вес их среди всех родов вырос с 14,6 до 29,5%, т.е. каждый третий россиянин рождается вне брака. Для сравнения на территории бывшего Советского Союза удельный вес внебрачных рождений в 1980 г. составлял 8,8%, в 1985 г. - 9,1%, в 1989 г. - 10,7%.

Т.Ю. Журженко говорит о том, что масштабность внебрачных рождений в России приобрела характер социального явления, требующего всестороннего динамического изучения и оценки. Учитывая, что среди женщин, родивших вне брака, весомая доля приходится на тех, кто сам воспитывался в неполных семьях, есть основание предполагать, что внебрачное материнство как социальное явление носит характер цепной реакции. А это означает, что в перспективе тенденция внебрачных рождений (и тем более зачатий) будет сохраняться.

Женщина, не состоящая в браке, испытывает сильную зависимость от семьи, родители имеют сверхавторитет. Скорее всего, это объясняется тем, что незамужняя женщина живёт в родительской семье, под опекой родителей. Наблюдается доминирование матери испытуемой, то есть мать – глава семьи, отсюда установка женщины на самопожертвование в роли матери, готовность на всё ради ребёнка. Что касается взглядов на воспитание ребёнка, то, с одной стороны, они склонны к излишней концентрации на ребёнке – отсюда опасение обидеть, тенденция к чрезмерной заботе, попытки исключения внутрисемейных влияний, подавление воли и сексуальности, чрезвычайное вмешательство в мир ребёнка; уделяется внимание развитию активности ребёнка, с другой стороны – излишняя эмоциональная дистанция с ребёнком, что проявляется в раздражительности, вспыльчивости.

В исследовании Ю.В. Коваленко и Е.А.Сергиенко обнаружено, что благоприятное или неблагоприятное протекание беременности зависит от раннего семейного опыта женщины. Женщины, у которых представление о собственном раннем семейном опыте как принимающем, поддерживающем и не авторитарном, беременность переживают легче и лучше.

Находясь под постоянной родительской опекой, имея зависимость от мнения родителей, женщина, решившая родить ребёнка, зачастую руководствуется мотивом появления близкого человека, о котором она сама могла бы заботиться, опекать, воспитывать, кроме того, проявляется желание показать своим родителям, что она сама – уже взрослый и самостоятельный человек. Излишнюю концентрацию на ребёнке можно объяснить, если обратиться к исследованиям Г.Г.Филипповой, которая отмечала, что изменение психологического состояния женщины во время беременности может отразиться на её социальном окружении, так как не все члены семьи могут принять и понять перемены, происходящие в ней. А женщине в период беременности необходима поддержка, особенно мужа, который может оказаться наиболее неподготовленным в данной ситуации. Если мужа нет, то женщина, с одной стороны, пыта-

ется заменить необходимые ей внимание, поддержку и заботу тем, что сама концентрируется на собственном ребенке, а с другой стороны, раздражается, не получая от него обратной связи, отдачи.

При теоретическом анализе различных источников литературы было выявлено, что особенностью современной демографической ситуации является четкая тенденция увеличения числа внебрачных рождений. К настоящему времени почти каждый четвертый ребенок рождается вне брака (23%). Данные изменения в структуре рождаемости характерны для всех высокоразвитых стран. Увеличение числа внебрачных родов на фоне повсеместного снижения уровня рождаемости свидетельствует о значительных изменениях принципов формирования семьи в современном обществе.

ФАКТОР ПОЗИТИВНОСТИ ИНГРУППЫ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

К.О. Тарасов (Москва)

Изучение взаимодействия различных групп в этнопсихологии и кросс-культурной психологии предоставляется актуальным в контексте социальных категорий. Одной из значимых тем современной социальной психологии является механизм формирования представлений у субъекта о другом человеке или группе людей, выстраивание стратегий дальнейшего взаимодействия с ними и от того, каким образом они будут категоризированы, будут зависеть успех или неуспех дальнейшего взаимодействия.

Социальная категория выступает как совокупность групп индивидов, имеющих одинаковые характеристики по тому или иному социально значимому признаку, такому как пол, возраст, этничность, профессия, Из принадлежности к определенной социальной категории формируется набор социальных ролей - правил и обязанностей, предписывающих выполнение членов данной социальной категории. Соответственно восприниматься данная категория будет с точки зрения ее роли в обществе, норм и правил.

Изучение социальных категорий исходит из теории социальной идентичности и теории самокатегоризации Тернера, в которой предметом исследования является отнесение человеком окружающих его людей к тем или иным социальным группам — категориям. Категоризация людей отличается от категоризации физических объектов, поскольку в ходе нее человек выступает не только как субъект, но и как объект восприятия (который ожидает оценки со стороны окружающих), что приводит к формированию оценочного отношения к социальным категориям. Каждая категория включает в себя ряд примеров (информация об определенной категории хранится в памяти в виде примеров ее членов, изменить отношение к категории способны исключения в примерах членов данной группы), их признаков, прототипов (заключение о групповом членстве человека, соответствующего прототипу, делается быстрее, чем вывод о членстве «непрототипичного» объекта). Согласно теории самокатегоризации, в основе межгрупповой дифференциации лежит принцип мета-контраста, то есть, подчеркивая различие между ингруппой и аутгруппой люди стараются структурировать мир, распределив окружающих по разным группам-категориям. Эта категоризация основывается на наиболее ярких признаках объекта, которые определяются особенностями социализации субъекта восприятия. Основной проблемой изучения категоризации является то, что субъект, будучи представителем сразу нескольких

категорий, отождествляет себя в различных ситуациях по-разному и актуализирует одну категорию, игнорируя другие. Так, например, школьник, оказавшись в среде студентов, будет актуализировать свою категорию школьника. Выделяются четыре группы факторов, которые отвечают за то, какая категория будет актуализирована в каждом случае: особенности социальной категории, контекста категоризации, соотношение между ними, а также характеристики объекта категоризации. В наших исследованиях акцент делается на особенностях социальной категории и одном из основных ее составляющих – позитивности своей социальной категории.

Фактор позитивности категории обусловлен позитивной оценкой собственной группы и включенности в нее. Если человек повышает самооценку за счет своей группы, то вероятность использования подобной категоризации возрастает. Например, степень самокатегоризации в ВУЗ будет выше у тех студентов, которые наделяют его позитивными особенностями и считают престижным по сравнению с остальными. Таким образом, оценка позитивности индивидом своей группы зависит от входящих в нее членов. То есть, если члены группы имеют низкий статус в социальной стратификации, то отождествление индивида с данной группой будет минимально. (Гулевич О.А., 2008)

Подводя итог, можно сказать, что изучение активации различных групповых категоризаций как субъектом восприятия, так и объектом восприятия является важным и актуально в современном мире при решении различного рода конфликтов, как в малых группах, так и в больших. Изучение группового взаимодействия и прогнозирование успеха данного взаимодействия должны учитывать внимание факторы социальной категоризации, которые актуализируют те или иные социальные роли субъектов.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА У ПОДРОСТКОВ

С.Я. Телегина (Москва)

В данный момент времени тема психологического пространства очень мало изучена в психологии. Актуальность этой проблемы состоит в том, что психологическое пространство является истинным местом обитания личности. Человек воспринимает объекты не в отдельности, а как находящиеся в контексте их окружения, при этом пропуская их через призму своего восприятия. Важным аспектом жизни человека является не конкретная жизненная реальность человека, а те фрагменты, которые отражены в сознании индивида, представляющие для него какую-то ценность и влияющие на построение его поведения.

Психологическое пространство человек воспринимает как свое, имеющее для него ценность и важность. Автором психологического пространства является сам человек, поэтому очень важно смотреть на структуру пространства, это поможет открыть особенности некоторых аспектов жизни человека, проницаемость границ пространства и отношения человека к своему окружению. Психологическое пространство это динамичное образование, изменяющееся с течением жизни. Изучение психологического пространства у подростков может показать их внутреннее состояние, их зрелость, осознание временной протяженности, текущие ценности и особенности взаимодействия с окружающим миром, их интересы, то, что является для них важ-

ным, а что отходит на второй план. При лучшем рассмотрении содержания психологического пространства можно определить отклонения или патологии развития, недостаточное развитие у подростков.

Подростковый возраст был выбран, как ключевой период перехода человека из стадии детства в новый мир взрослых людей. В этом возрасте происходит много важных изменений личности. Изучение психологического пространства у подростка может лучше показать проблемы, происходящие в этом возрасте в личности человека, посмотреть на ощущения подростка, находящегося в этой среде обитания. Определение элементов среды психологического пространства может показать состояние и настроение человека – определяет ли он, окружающее его как что-то чужое и враждебное, либо он чувствует себя комфортно.

В данной работе мы предположили, что в подростковом возрасте психологическое пространство изменяется больше, чем в других возрастах, и можно выделить определенные составляющие психологического пространства у подростков, отличающихся от других возрастов. Перед нами стояли задачи сделать теоретический анализ понятий «психологическое пространство» и «подростковый возраст», определить особенности подросткового возраста и психологического пространства в этом периоде, а также структурировать полученную информацию. В работе использовался метод анализа теоретических моделей и эмпирических данных, представленных в научных публикациях по выбранной теме.

В этой работе была рассмотрена проблема психологического пространства личности. Сопоставив разные точки зрения, и проанализировав литературу по выбранной теме, мы получили более полную и обоснованную картину по вопросу о психологическом пространстве.

Из работ зарубежных авторов мы выявили, что психологическое пространство это сложная, многосоставная структура, определяющая все важные события, которые происходят с человеком и являющаяся, таким образом, модификатором его поведения в реальной действительности. Главными составляющими психологического пространства является степень его расширенности, состояние психологических границ на данный момент времени и временная протяженность, которую устанавливает сам человек. Психологическое пространство многие авторы выделяют как динамическое образование, которое изменяется в течение времени, на протяжении всей жизни.

Из всех возрастов мы выделили подростковый возраст и особенности психологического пространства этого возраста, поскольку подростковый возраст является переломным моментом в жизни человека, когда происходят наиболее существенные изменения. Эти изменения происходят в физической, психической и социальной жизни человека, такие серьезные изменения не могут не оставить свой след в изменении психологического пространства личности и на дальнейшем поведении человека. Изменения в этом возрасте ведут к становлению определенного образа поведения и мироотношения в целом в последующей жизни. Рассмотрев эту проблему поближе можно заключить, что для подростков наиболее важны такие проявления как безопасность и защищенность своего внутреннего «Я», суверенность и доверие к миру. Подросток входит в новые области знания, ему надо систематизировать и структурировать весь объем полученной новой информации, вследствие чего расширяется психологическое пространство, устанавливаются наиболее четкие границы психологического пространства, отделяющие внутренний мир подростка от окружающей реальности. Изменяется и понятие времени у подростков, если в детстве прошлое играло не столь важную роль в поведении, а о будущем ребенок не задумывался, то для

подростка все иначе. Подросток начинает строить новые планы на будущую жизнь, а его прошлый опыт играет для него очень важную роль в построении его ситуативного поведения.

Психологическое пространство становится более систематизированным, структурированным, в нем появляется больше объектов, социальных связей, событий, людей. В норме психологическое пространство становится наиболее приближенным к реальной жизни, когда в детстве оно может носить ирреальный характер.

Таким образом, из всего проанализированного нами материала можно сделать вывод, что подростковый возраст очень сильно влияет на изменение конструкции психологического пространства. На подростковом этапе происходят значительные анатомо-физиологические, психологические и социальные изменения в человеческой жизни, которые приводят к перестройке границ и внутренней структуры психологического пространства. Открытие новых психических функций, новые потребности, расширение сферы познания подростка и открытие новых областей реального бытия, выход в новую социальную жизнь, аффективная сфера подростка. Все это накладывает свой отпечаток на формирование психологического пространства.

О ПРИРОДЕ ДЕПРИВАЦИИ

Л.Г. Тен (Таганрог)

Актуальность исследования проблемы депривации в её психологическом аспекте – как состояния сознания личности, явившегося результатом лишения, отнятия, потери, утраты или недополучения чего-либо, – состоит в недостаточной изученности феноменологии этого состояния, что следует из наиболее известных публикаций, где описываются отдельные его аспекты, тогда как практически все авторы отмечают многоплановое влияние депривации на личностное развитие, психическое здоровье и социализацию личности. В связи с этим актуальным является вопрос о природе феноменов депривации, чему и посвящена настоящая работа.

В основном авторы описывают одну неудовлетворённую психическую потребность, которая принимается за важную, и ее влияние на возникновение психических нарушений, посему и существует множество (около 30) различных терминов описывающих состояние депривации, из которых не видно её природы.

На наш взгляд для понимания природы депривации необходимо использовать адекватную этой задаче модель человека. В философии существует тринитарная модель человека, где человек представлен в виде духа-души-тела, что соответствует существующей в естественных науках парадигмы Томаса Куна, согласно которой человек соответствует по своей структурной организации закону сохранения, т.е. имеет в своей структуре такие состояния материи, как вещество, энергия, информация, причем со способностью перехода одного состояния материи в другое и третье. Учитывая, что человек является открытой самоорганизующейся системой, обменивающейся с миром веществом, энергией, информацией, нетрудно сделать вывод, что и природа депривации так же является тринитарной. То есть депривация может происходить по линии обмена веществом, например, в виде недополучения питания, одежды. По линии энергетического обмена это может быть недостаток эмоционального отношения, резкого ограничения в движении, вызванного болезнью или травмой. Обедненная информационная среда в виде недостатка сенсорных стимулов

(зрительных, слуховых, осязательных и прочих) может выступать в качестве депривации по информационной линии.

Последствием депривационного опыта, являются характерные стратегии обработки информации, проявляющиеся в реальности как «ложные установки», низкая самооценка, отрицательное самопринятие, склонность к психосоматическим заболеваниям, затруднения в социализации личности.

Исследуя феномен депривации невозможно обойти стороной аспект взаимоотношений, в которых произошло лишение, дефицит и т.д. Отношения ребенка с другими людьми является необходимым условием здорового личностного, психического развития и успешной социализации. В исследованиях М.И. Лисиной показано, что результатом отношений ребенка со значимыми взрослыми являются образ себя, образ другого и образ мира. Так как взаимоотношения индивидов всегда осуществляются на информационной основе, то можно сказать другими словами, что через отношения со значимым взрослым ребенок усваивает информацию о себе самом, о других людях и представление о мире. Б.Д. Эльконин определяет отношения как «действие, которое разворачивается на уровне сознания и в котором реальная и идеальная форма фактически совпадают (тождественны друг другу), в отличие от внешнего действия, где эти формы разведены». Само слово «отношение» является отглагольным существительным (от глагола «носить»). Смысл действия отношения заключается в субъективном, то есть в том, что живет лишь в сознании субъекта (представление, оценка, чувство, мысль, установка и т. д.), а не в объективном действии.

Раннее детство (примерно до 5 лет) является наиболее сензитивным периодом для обучения ребенка. Процесс обучения ребенка строится на информационной основе механизмами запечатления, когда в ответ на возникшую потребность (биологическую, психическую, духовную) происходит удовлетворение потребности ребенка, или не удовлетворение её, как в случае депривации. В результате многократного повторения таких ситуаций происходит процесс формирования знаний, представлений и, в конечном итоге, стереотипов мышления на основе накопленного опыта. Так, например, если в результате депривационных условий ребенок испытывает дефицит общения с матерью (такова ситуация детского дома) и как следствие дефицит сенсорных, зрительных и слуховых стимулов появляется мысль о своей не ценности, о том, что его не любят и мир не является безопасным местом и соответственное отношение к себе и миру [5]. Эта информация запечатляется в нейродинамическом коде мозга и может быть крайне устойчивой, кроме того, она служит фактором управляющим поведением данного субъекта, что подтверждается публикациями, где рассматривается вопрос о системогенезе мышления, когда процессы мышления взрослого человека разыгрываются на уже сформированных его развитием и воспитанием в детстве стереотипах знаний, представлений, установок, т.е. стереотипах обработки информации.

На основании выше сказанного можно заключить что:

1. депривация может происходить на трех уровнях организации материи (на уровне обмена веществом, энергией и информацией), т.е. природа депривации является тринитарной;

2. депривационные последствия имеют информационный характер и влияют на процессы мышления человека, проявляясь как характерные стратегии обработки информации, которые служат фактором управляющим поведением.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ РЕФЛЕКСИИ И КОНТРОЛЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИЙ

Н.С. Терехина (Москва)

Работа выполняется при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, проект № 13-36-01267а.

Согласно системно-субъектному подходу (Е. А. Сергиенко) ключевая роль в организации поведения принадлежит субъекту и реализуется посредством контроля поведения, являющимся регуляторной характеристикой субъекта. С его помощью осуществляется согласование внутренних личностных ресурсов и внешних целей субъекта (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, Ю. В. Ковалева, 2010).

Вместе с тем С. Л. Рубинштейн указывает на то, что необходимым условием для возникновения субъекта является развитие рефлексии, которая выводит человека на новый уровень развития и позволяет ему не только осознавать себя и бытие, но и творить, создавать, преобразовывать окружающую действительность и свою личность, выступая субъектом своего жизненного пути (С. Л. Рубинштейн, 1997).

Занимаясь изучением феномена рефлексии, А. В. Карпов также обращает внимание на «всепроницаемость» рефлексии, а также её «распределённость» по психике в целом. «Рефлексия – это одновременно и уникальное свойство, присущее лишь человеку, и состояние осознания чего-либо, и процесс репрезентации психике своего собственного содержания» (А. В. Карпов, 2003).

Опираясь на эти положения, были выдвинуты гипотезы:

- рефлексия имеет разную степень выраженности у людей различных профессий;
- рефлексия как свойство психики и базовая характеристика субъекта взаимосвязана с контролем поведения, являющимся регуляторной функцией субъекта;
- структура взаимосвязи рефлексии и контроля поведения отличается у людей различных профессий.

Для проверки гипотез нами совместно с филиалом №3 ФГУ «З ЦВКГ им. А. А. Вишневого МО РФ» было проведено исследование с участием 2-х групп испытуемых: 44 человека из числа лётного состава ВВС РФ (средний возраст 35 лет) и 30 человек из числа людей, чья профессиональная деятельность не связана с работой в условиях строгой внешней регламентации (средний возраст 31 год). В качестве диагностического инструментария мы использовали методики:

- «Диагностика уровня развития рефлексивности» (А. В. Карпов);
- «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль) в адаптации С. А. Шапкина для оценки волевого компонента контроля поведения;
- «Стилевые особенности саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова) с целью диагностики когнитивного компонента контроля поведения;
- «Эмоциональный интеллект» (Дж. Мэйер, П. Сэловой и Д. Карузо) в адаптации Е. А. Сергиенко, И. И. Ветровой для изучения эмоционального компонента контроля поведения.

Для статистической обработки данных применялся U-критерий Манна-Уитни и метод ранговой корреляции Спирмена.

В результате исследования первая гипотеза не подтвердилась, так как нам не удалось установить статистически значимых различий в уровне развития рефлексии между испытуемыми ($U = 582$; $\text{sig} = 0,390$). В обеих группах преобладающим является

средний уровень (68% в группе лётного состава и 66% в контрольной группе), на втором месте – низкий (32% и 27% соответственно). Высокий уровень развития рефлексии оказался практически не свойственным исследуемым респондентам (0% и 7% соответственно).

В группе лётного состава были обнаружены следующие корреляционные связи между рефлексией и когнитивным контролем поведения (** – $p = 0,01$; * – $p = 0,05$): рефлексия (Р) – планирование (Пл) $r_s = 0,307^*$; Р – программирование $r_s = 0,424^{**}$; Р – моделирование $r_s = 0,298^*$; Р – оценка результатов $r_s = 0,690^{**}$; Р – самостоятельность $r_s = -0,400^{**}$; Р – общий уровень саморегуляции $r_s = 0,485^{**}$. Таким образом, у лётного состава была установлена взаимосвязь рефлексии со всеми шкалами саморегуляции кроме гибкости. В контрольной группе наоборот удалось выявить только одну статистически значимую корреляцию: Р – Пл $r_s = 0,339^*$. Такие результаты указывают на то, что у лётного состава процессы самосознания участвуют в когнитивной регуляции поведения на всех этапах его организации: планирование целей деятельности, моделирование значимых для достижения целей условий, программирование действий, оценка результатов деятельности. При этом, не смотря на то, что у большинства респондентов контрольной группы само свойство рефлексивности развито на среднем и высоком уровне, в организации поведения оно используется только на этапе планирования.

Волевая регуляция поведения по результатам нашего исследования практически не имеет взаимосвязей с рефлексией. Мы установили одну отрицательную корреляцию с контролем за действием при планировании в контрольной группе ($r_s = -0,376^*$). Таким образом, чем меньше субъект рефлексиирует свои интенции, тем быстрее он способен приступить к конкретной деятельности для реализации запланированных целей.

В обеих группах установлена взаимосвязь рефлексии и эмоционального интеллекта ($r_s = 0,301^*$ в группе лётного состава; $r_s = 0,460^{**}$ в контрольной группе). Кроме того, у лётного состава была выявлена корреляционная связь с таким компонентом эмоционального интеллекта, как понимание эмоций ($r_s = 0,304^*$). Это означает, что с возрастанием уровня развития рефлексии возрастает и способность различать родственные эмоциональные понятия, а также видеть причины возникновения эмоций. В контрольной группе мы обнаружили корреляцию между рефлексией и идентификацией эмоций ($r_s = 0,394^*$). Такие данные говорят о том, что чем больше у субъекта развиты процессы самосознания, тем в большей степени он способен к точному выражению и распознаванию своих чувств и чувств других людей.

Делая выводы по результатам всей работы, можно отметить, что наше исследование не позволило установить различия в уровне развития рефлексии в зависимости от особенностей профессиональной деятельности. Тем не менее, у людей различных профессий наблюдается разное количество и характер взаимосвязей рефлексии и контроля поведения. В частности у людей, работающих в условиях строгой внешней регламентации, а именно лётного состава ВВС РФ выявлено большее число корреляций по сравнению с контрольной группой. Однако взаимосвязь рефлексии с компонентами волевого контроля поведения наблюдается только в контрольной группе.

ПОНЯТИЙНОЕ ЗНАНИЕ ОБ ЭМОЦИЯХ СОДЕРЖИТ КОМПОНЕНТ СОМАТОСЕНСОРНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Ю.И. Терушкина, Н.И. Дагаев (Москва)

Воплощенное познание – точка зрения на психические процессы, согласно которой последние зависят от особенностей строения тела, сенсорных и моторных систем. Так, теория перцептивных символов (Barsalou, 1999) утверждает, что понятийное знание прямо происходит из перцептивных и моторных процессов и является модально-специфическим.

В работе Pecher, Zeelenberg, and Barsalou (2003) было показано, что испытуемые отвечают медленнее, если пробе с верифицируемым модально-специфическим свойством предшествовала проба со свойством из другой модальности, чем если ей предшествовала проба со свойством из той же модальности. Такой эффект издержки переключения модальности объяснялся ими тем, что называемые свойства имитируются с помощью перцептивных модально-специфических паттернов, как если бы они реально воспринимались.

Концепции воплощенного познания также охватывают сферу эмоций. Согласно Damasio (1994), эмоция – это комплексный паттерн изменений состояния тела, вызванный некоторым врожденно обусловленным или появившемся в результате научения значимым стимулом. Сигналы обо всех телесных изменениях посредством обратной афферентации поступают в мозг, формируя репрезентацию данного эмоционального состояния.

Если эта точка зрения верна, то репрезентации эмоций содержат в себе соматосенсорный компонент (обратная афферентация от скелетной мускулатуры и внутренних органов), т.е. опираются на соответствующую модальность.

Исходя из описанных выше предположений, в настоящем исследовании была выдвинута гипотеза о том, что понятийное знание об эмоциях включает в себя компонент соматосенсорной модальности, хотя и не сводится к нему.

Экспериментальные гипотезы

1. Время реакции на соматосенсорное свойство не должно быть медленнее, когда ему предшествует эмоциональное свойство.
2. Время реакции на эмоциональное свойство должно быть медленнее, когда ему предшествует соматосенсорное свойство.

Предполагалось, что в остальных сочетаниях модальностей будут получены эффекты, согласующиеся с результатами Pecher et al. (2003).

Методика

Испытуемые. В исследовании приняли участие 78 испытуемых (29 мужчин, 49 женщин; $M = 19.36$, $SD = 1,37$).

Материал и процедура. Модально-специфические свойства отбирались с помощью процедур экспертной оценки.

Испытуемым необходимо было давать ответ по поводу каждого утверждения: является ли оно правдой или ложью; они проходили обучающую серию из 20 проб, без паузы переходившую в основную часть из 436 проб (276 нерелевантных проб, включенных в пары, где одна или обе пробы были ложными, и 160 релевантных, включенных в пары, где обе пробы были истинными).

Внутрисубъектно варьировались типы пар (контекстные и целевые пробы), т.е. свойства каких модальностей сочетаются. Использовались зрительная, аудиальная,

соматосенсорная и эмоциональная модальности. Регистрировались ответы испытуемых и время реакции.

Результаты

Время реакции на целевую пробу соматосенсорной модальности в случаях, когда ей предшествовала контекстная проба эмоциональной модальности, не отличается значимо от случаев, когда ей предшествовала контекстная проба соматосенсорной модальности, $t(71) = 1.104$, $p > .05$.

Время реакции на целевую пробу эмоциональной модальности в случаях, когда ей предшествовала контекстная проба соматосенсорной модальности, значимо выше, чем время реакции в случаях, когда ей предшествовала контекстная проба эмоциональной модальности, $t(71) = -3.276$, $p < .01$.

Таким образом, первые 2 (основные) экспериментальные гипотезы подтвердились.

Ожидаемый паттерн результатов, согласующийся с существующим представлением об эффекте переключения модальности, подтвердился лишь частично.

Сочетания, в которых время реакции на целевую пробу в парах проб по типу «другая модальность» дольше, чем в парах по типу «та же модальность»: «аудиальная + зрительная» по сравнению со «зрительной + зрительной», $t(71) = -2.951$, $p < .01$, «соматосенсорная + зрительная» по сравнению со «зрительной + зрительной», $t(71) = -2.199$, $p < .05$, «эмоциональная + зрительная» по сравнению со «зрительной + зрительной», $t(71) = -3.903$, $p < .001$, «зрительная + аудиальная» по сравнению с «аудиальной + аудиальной», $t(71) = -4.324$, $p < .001$, «эмоциональная + аудиальная» по сравнению с «аудиальной + аудиальной», $t(71) = -2.466$, $p < .05$, «зрительная + соматосенсорная» по сравнению с «соматосенсорной + соматосенсорной», $t(71) = -2.715$, $p < .01$, «зрительная + эмоциональная» по сравнению с «эмоциональной + эмоциональной», $t(71) = -4.823$, $p < .001$.

Сочетания, для которых значимые различия отсутствовали: «соматосенсорная + аудиальная» по сравнению с «аудиальной + аудиальной», $t(71) = -0.174$, $p > .05$, «аудиальная + соматосенсорная» по сравнению с «соматосенсорной + соматосенсорной» $t(71) = 1.901$, $p > .05$, «аудиальная + эмоциональная» по сравнению с «эмоциональной + эмоциональной» $t(71) = -0.225$, $p > .05$.

Обсуждение результатов

Полученные результаты согласуются с выдвинутой теоретической гипотезой: понятийное знание об эмоциях включает в себя компонент соматосенсорной модальности, но не сводится к нему. Такие результаты согласуются с концепцией Damasio (1994) и с концепцией перцептивных символов Barsalou (1999).

Часть полученных результатов противоречит интерпретации Pecher et al. (2003) об универсальности эффекта издержки переключения модальности: он отсутствует для обоих возможных сочетаний аудиальной и соматосенсорной модальности, а также в случаях, когда аудиальная информация предшествует эмоциональной (но не наоборот).

В контексте этих результатов, предсказанное отсутствие обсуждаемого эффекта при переключении с эмоциональной модальности на соматосенсорную может быть объяснено иным образом, нежели предложенным в выдвинутой теоретической гипотезе (например, возможно предположить просто тесное взаимодействие между этими модальностями). Тем не менее, существующие данные о вовлеченности соматосенсорного компонента в эмоции и эмоциональные понятия (Alexopoulos Ric, 2007; Navas et al., 2007; Niedenthal et al., 2009) свидетельствуют в пользу выдвинутой изначально гипотезы.

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В ЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ

К.Ю. Терёшина (Владимир)

Согласно данным массового опроса россиян, проведенного Е.Вовк, альтернативные браку форматы брачных союзов весьма распространены в России - на каждые три зарегистрированных брака приходится одна пара с незарегистрированными отношениями. Жизнь без штампа в паспорте стремительно набирает популярность - за 8 лет число незарегистрированных браков во Владимирской области выросло на 60%.

Незарегистрированные союзы становятся все более частым и обычным явлением. Большинство незарегистрированных пар сегодня вряд ли полагают, что их отношения хоть чем-то отличаются от отношений зарегистрированных супругов или станут качественно другими после регистрации.

Поэтому представляется актуальным и перспективным провести сравнительное социально-психологическое исследование взаимоотношений мужчины и женщины с незарегистрированными брачными отношениями и супругов, состоящих в официальном браке. В ходе работы была выдвинута общая гипотеза: семейные отношения супругов будут различны в официальном и неофициальном браке.

Методы, использованные в работе, - анализ теоретических источников, констатирующее исследование, тестирование с использованием следующих методик: «Профиль чувств в отношениях (ПЧО)» Л.В.Куликов; «Ролевая структура семьи» Ю.Е.Алешина, Л.Я.Гозман, Е.М.Дубовская; «Особенности общения между супругами» Ю.Е.Алешина, Л.Я.Гозман, Е.М.Дубовская; «Взаимодействие супругов в конфликтной ситуации» Ю.Е.Алешина, Л.Я.Гозман, Е.М.Дубовская; «Диагностика сплоченности и гибкости семейной системы (FACES-III)» в адаптации Э.Г.Эйдемиллер; «Опросник удовлетворенности браком» Ю.Е.Алешина; методы математической статистики (угловое преобразование Фишера).

В исследовании приняли участие 120 человек: группа зарегистрированных супругов (60 человек) и группа незарегистрированных пар (60 человек), представляющих собой пробный тип отношений. Средний стаж супружеской жизни составлял 1,5 года. Возраст испытуемых 20-25 лет.

Представим выявленные различия в отношениях мужчины и женщины, состоящих в официальном и неофициальном браке.

1. Эмоциональные отношения в семье. Для зарегистрированных супругов в большей степени характерно переживание гедонистических, приятных чувств по отношению к партнеру (удовольствие, уверенность, спокойствие, раскрепощение), что отличает их от группы супругов, проживающих в пробном типе брака, которым свойственно испытывать астенические (слабые) чувства (подавленность, неудовлетворенность собой, растерянность).

2. Ролевая структура семьи. В зарегистрированном браке мужчина в большей степени берет на себя роль ответственного за материальное обеспечение семьи, а женщины являются психотерапевтами в отношениях и хозяйками. Остальные внутрисемейные роли супруги предпочитают выполнять в равной степени.

В пробном же типе незарегистрированных отношений мужчины выполняют полностью роль сексуального партнера, отдавая женщине возможность быть психотерапевтом, организатором развлечений и ответственным за материальное обеспечение в равной степени с женщиной.

3. Особенности общения супругов. Достоверно значимых различий в отношении общих символов семьи, легкости и психотерапевтичности общения не выявлено. Это говорит о том, что супруги и зарегистрированного, и пробного брака в одинаковой мере имеют любимые фразы, прозвища, общие воспоминания, традиции семьи; в их общении отсутствует скованность, непонимание, страх неприятия, и присуща легкость взаимодействия и понятная невербальная коммуникация. Супругам обеих групп становится легче от общения друг с другом в случае неприятности и плохого настроения. Тем не менее, общение официально оформленных супругов отличается от общения в пробном браке большей доверительностью, открытостью, откровенностью, взаимопониманием и сходством во взглядах.

4. Конфликтность. В целом уровень конфликтности в незарегистрированных союзах выше, чем в зарегистрированных. Наиболее частыми причинами межличностных конфликтов в пробном браке являются сфера отношений с родственниками и друзьями, проявления стремления к автономии и доминирования партнера, когда супруги активно выражают свою негативную реакцию, возражая и настаивая на своем, категорически не соглашаясь с тем, что партнер делает и говорит. В зарегистрированном браке мужчина и женщина предпочитают не выражать свое отношение открыто, поддерживают и одобряют друг друга, не развивая конфликт.

5. Сплоченность. Зарегистрированным семьям свойственна эмоциональная близость членов семьи, лояльность в отношениях. В свою очередь для супругов, проживающих в пробном браке, характерна некоторая эмоциональная дистанцированность, сниженная сплоченность. Однако обе группы супружеских пар имеют сбалансированные уровни как показатель успешности функционирования семейной системы, способности преодолевать трудные жизненные ситуации.

6. Удовлетворенность браком. Уровень субъективной удовлетворенности браком у официальных супругов значимо выше, чем тех, кто проживает в пробном типе отношений, т.е. регистрация брака повышает качество супружества. Стоит отметить степень согласованности ответов мужа и жены по поводу удовлетворенности.

Среди зарегистрированных супругов значимых различий не выявлено. Женщины же из неофициального брака менее удовлетворены браком, чем мужчины. Это может быть связано и с особенностями распределения ролей, где женщина нагружена различными семейными обязанностями; с повышенной конфликтностью незарегистрированных пар, низкой доверительностью и взаимопонимания супругов.

Таким образом, исходя из представленных выше данных, можно сделать вывод о том, что регистрация отношений значимо повышает качество супружества. Тем не менее, незарегистрированные союзы становятся все более частым и обычным явлением, и рассматриваются как альтернативная форма брачно-семейных отношений. Выдвинутая в исследовании гипотеза о том, что зарегистрированные и незарегистрированные пары будут отличаться по основным характеристикам супружеских отношений, подтверждена.

ОСОБЕННОСТИ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ

Ю.Л. Тимохова. Е.А. Семёнова(Иркутск)

Природа и генезис индивидуальных, групповых, общечеловеческих ценностей является фундаментальной проблемой гуманитарного познания. Ряд ее аспектов:

философский, социологический, психологический неоднократно привлекал внимание ученых. В.В. Знаков подчеркивает «Изучение ценностей представителями гуманитарных социальных наук и их роли в детерминации деятельности человека всегда отличалось большой сложностью. Эмпирические данные добываются с особыми трудностями, но, не смотря на них, изучение ценностной сферы не прекращается» (Знаков В.В., 2008). В настоящее время становится необходимой подготовка кадров, обладающих не только знаниями, умениями, профессиональными компетенциями, но и аксиологическими репрезентациями. Осознание ценностей и смысла активности может быть чрезвычайно сложным этапом личностного роста и социального созревания профессионала, когда выбор профессии тесным образом связан со смыслом жизни, пониманием своей ответственности перед обществом. Развитие аксиологических репрезентаций студентов является важным звеном в теоретической и практической подготовке будущего профессионала.

М.М. Рубинштейн в своей работе «О смысле жизни» писал «В педагогике ставится задача указать средства и пути воспитания человека как телесно и духовно, индивидуально, всесторонне развитой, сильной, жизнеспособной, социальной, самостоятельной, культурно-творческой, нравственной силы. Вечно будет то, что по своей ценности и смыслу должно быть постоянным звеном мирового порядка; все то погибнет, что лишено этой сохраняющей ценности» (Рубинштейн М.М., 2008). Отсюда следует, что актуальность исследования проблемы аксиологических репрезентаций студентов обусловлена необходимостью поиска эффективной системы подготовки будущего специалиста. Профессиональные и аксиологические репрезентации определяют особенности движения человека в профессии и возможности его личностной и профессиональной самореализации (Семенова Е.А., 2012). Существуют различные философские и психологические подходы к изучению природы ценностей (Р.Б. Пери, В. Дильтей, О. Шпенглер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ф. Знанецкий, Т. Парсонс, Д.Н. Узнадзе, С.Л. Рубинштейн, Г. Олпорт, К. Роджерс и др.). Все представители теорий солидарны, что ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятого индивида, так и для любой социальной группы, культуры, нации, для человечества в целом (Леонтьев Д.А., 1996).

Аксиологические репрезентации молодых людей отражают ценностные ориентации, смыслы, ценностные представления и трансформируются за период обучения в вузе.

Целью нашего исследования являлось изучение гендерных особенностей аксиологических репрезентаций студенческой молодежи. Гипотеза исследования: аксиологические репрезентации личности имеют свои особенности у молодых людей в зависимости от психологического пола. Исследование проводилось на базе Иркутского государственного технического университета (ИрГТУ) и Восточно-Сибирской государственной академии образования (ВСГАО). Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью методик: «Опросник определения маскулинности и фемининности» С. Бэм, «Ценностные ориентации» М. Рокича, «Морфологический тест жизненных ценностей» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной и других. Для количественного анализа данных применялись следующие процедуры: контент-анализ, а также анализ достоверности различий по t-критерию Стьюдента.

В процессе проведения эмпирического исследования были получены следующие результаты. Особенностью аксиологических репрезентаций юношей с андрогинным психологическим полом выступает стремление к саморазвитию в образовании, в профессии, в семье. Андрогинные юноши направлены на постановку жизненных целей и

их достижение, удовлетворены настоящим. Они характеризуются творческим отношением к социальным нормам и привнесением в жизнь семьи нового. Маскулинные юноши ориентированы на «цель» и «результат», уверены в возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора. Они мотивированы ценностями собственного престижа, материального благополучия и сохранения своей независимости. Для них важны достижения в сфере профессии, образовании, сохранения своей независимости в семье, в общественной жизни, престижность работы. Стремятся быть лучшими, ориентируясь на конкретные результаты и материальную выгоду. Феминные юноши ориентированы на обеспечение престижа семьи, достижение целей в образовании, на постановку и достижение целей в своем хобби, направлены на «результат».

Особенностью аксиологических репрезентаций андрогинных девушек является гармоничность развития своей индивидуальности в семье, в профессии, хобби, творческий подход к организации своей деятельности. Андрогинные девушки ставят перед собой цели, ощущают успешность осуществления самих себя в жизни. Для них важны интересная работа, благоприятный фон взаимоотношений с коллегами, с членами семьи. Маскулинные девушки ориентированы на «цель», нацелены на будущее. Для них наиболее важно материальное благополучие и достижение результатов. При этом маскулинные девушки направлены на достижения и хорошую оплату труда, на престиж и на высокое материальное положение в обществе, на повышение уровня образования ради принадлежности к определенной социальной группе. Они стремятся посредством своей профессиональной деятельности и увлечения «выделяться из толпы». Феминные девушки направлены на «процесс», т.е. смысл жизни видят в настоящем и прошлом. Для феминных девушек важными ценностями являются развитие себя, духовное удовлетворение (особенно в сфере образования), материальный достаток, глубокое взаимопонимание со всеми членами семьи.

Итак, на основании интерпретации результатов исследования можно заключить, что аксиологические репрезентации респондентов разных психологических полов различаются по некоторым основаниям. Ценностные ориентации молодежи служат своеобразным индикатором развития общества. Поэтому важно, чтобы на вузовском этапе социализации у молодежи были сформированы адекватные аксиологические репрезентации, не противоречащие интересам общества.

ОСОБЕННОСТИ САМООПРАВДАНИЯ ПРЕСТУПНИКОВ-РЕЦИДИВИСТОВ

Е.В. Тихомирова, С.М. Гурнова (Кострома)

Человек, вышедший из исправительного учреждения, остаётся пенитенциарным субъектом и на свободе. Достаточно примеров того, как бывшие осужденные повторно шли на преступление по причине своей дезадаптации в нормальном обществе. В основе возникающих у осужденных сложностей в адаптации к условиям общественной жизни могут лежать различные факторы: деформация личности, стереотипы негативного восприятия бывших заключенных обществом, склонность к самооправданию лиц, совершивших противоправный поступок. Необходимо изучение причин и психологических механизмов того, что толкает людей совершать противоправные деяния, а в некоторых случаях неоднократно.

В нашей работе основное внимание мы уделяем именно феномену самооправдания, так как на наш взгляд, именно он создает мотивационный барьер на пути к исправлению личности.

Необходимо учитывать особенности и уровень самооправдания при работе с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми для того, чтобы в правильно организовывать работу психолога с личностью преступника в условиях отбывания наказания, а также для успешной последующей за освобождением, эффективной адаптации осужденного к нормам общественности.

Самооправдание изучалось многими научными деятелями, как механизм психологической защиты (Г.Х. Ефремова, В.П. Шейнов, Э. Шостром). Исходя из этой концепции, мы можем предположить, что самооправдание позволяет снизить психологическое напряжение. Выступая в данном случае видом психологической защиты, оно может способствовать сохранению внутреннего комфорта человека. Однако, защищая свое «Я», осужденные не признают свою вину в содеянном, не раскаиваются, а соответственно уменьшаются шансы их исправления.

Другой подход рассматривает самооправдание, как один из мотивов преступного поведения (А.Р. Ратинов, В.В. Сорочан). Искреннее осуждение своих действий встречается довольно редко, но и при этом вслед за признанием обычно следуют рассуждения, направленные на то, чтобы свести вину к минимуму. Данный образ мыслей может служить основой последующих преступных действий.

Цель настоящей работы состоит в изучении самооправдания субъектов преступного деяния и составлении их психологического профиля. Соответственно, предметом исследования стали различия между группами заключенных по критерию их особенностям самооправдания.

В качестве основной гипотезы исследования выступало предположение о том, что самооправдание занимает центральное место в самоанализе у любых групп осужденных, независимо от степени признания вины, при этом существуют особенности самооправдания у групп осужденных, с разной степенью признания вины и с разным психологическим профилем их личности.

Исследование проводилось на базе исправительных колоний г. Костромы: ФКУ ИК-8 и ФКУ ИК-1. Общий объем выборки составил 50 осужденных обоего пола, неоднократно совершивших противоправные деяния. По данным анкетирования все испытуемые были разделены на две группы в зависимости от степени признания ими вины в совершенном деянии или признающие её частично. Численность этой группы составила 22 человека.

Для изучения поставленной проблемы нами был сформирован методический комплекс:

Мини-мульти. (В.П. Зайцев; адапт. Ф.Б. Березин, М.П. Мирошенков);

Индекс жизненного стиля. (Р. Плучек, Г. Келлерман, Г. Конте; адапт. Л.Р. Гребенникова);

Методика исследования самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев);

Особенности самооправдания мы изучали с помощью контент-аналитического исследования, по результатам проведенного авторского полу стандартизированного опросника.

В результате контент-аналитического исследования и примененных статистических методов, нами была обнаружена обратная зависимость между признанием вины и уровнем самооправдания.

Осужденные с высокой степенью самооправдания отличаются по ряду психологических свойств, они демонстрируют более стабильное эмоционально-психическое

состояние, менее подвержены внутреннему конфликту и используют более зрелые психологические защиты. Низкая степень самооправдания способствует более высоким показателям внутреннего конфликта, что может быть связано с непродуктивной деятельностью ранних механизмов психологической защиты, а также большей подверженностью колебаниям психоэмоционального состояния.

В группе респондентов с низким уровнем самооправдания, были выявлены нами высокие оценки по шкале депрессия. Такие люди старательны в делах, добросовестны, у них нет уверенности в себе, при малейших неудачах они впадают в отчаяние. Общей чертой такого типа является сочетание повышенной чувствительности к эмоциональной холодностью и отчужденностью в межличностных отношениях.

Полученные в результате факторного анализа данные демонстрируют, что осужденные с низкой степенью самообвинения в большей степени прибегают к таким защитным механизмам, как проекция и регрессия, то есть самые ранние защитные механизмы, которые в свою очередь могут вызывать внутренний конфликт, не обеспечивая надежной защиты «Я» в условиях исправительного учреждения.

Испытуемые с высокой степенью самооправдания сохраняют целостность личности, в их психологическом профиле мы не наблюдали склонностей к пограничным состояниям. Показатель внутреннего конфликта также достаточно низкий, вероятно можно говорить о том, что самооправдание является достаточно продуктивным защитным механизмом личности. Для данной группы осужденных характерны колебания настроений в зависимости от ситуации и обстоятельств. Они активны, деятельны, энергичны и жизнерадостны. Любят работу с частыми переменами, охотно контактируют с людьми.

Таким образом, самооправдание эффективно для защиты «Я» личности человека, оно эффективно защищает личность от травмирующего воздействия стрессовых факторов среды, не позволяя истощаться ресурсам и сохранять эмоциональную устойчивость личности. Но, кроме этого, самооправдание может тормозить процесс исправления личности, так как, оправдывая себя, личность не может отличать объективные факторы среды, и учитывать их при построении дальнейшей модели поведения.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕЯ ЛИЧНОСТНОЙ КУЛЬТУРАДИГМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Ю.В. Товстокорая (Киев)

Профессиональные интересы современного человека генерируются, прежде всего, вокруг биологических и интеллектуально-психологических особенностей субъектов. Экономические и социальные трансформации последних двух десятилетий характеризуются стремительным развитием на постсоветском пространстве профессии психолога и психологии как сферы практической деятельности, что стало ответом на общественный запрос относительно компенсации диспропорций развития рыночных отношений, смягчения давления на человека, обусловленном его пребыванием в конкурентных условиях. Зарождение рынка психологических услуг, развитие отраслевых служб, с одной стороны, способствовали росту престижа профессии, появлению широкого круга предложений системы образования для получения данной специальности. С другой стороны, это привело к возникновению ряда стерео-

типов относительно профессионального становления, связанных с рыночными условиями профессионального самоосуществления психолога и такой характерной для этой ситуации особенностью, как неопределенность. Одной из составляющих, которая углубляет ситуацию неопределенности для будущих психологов, является возможная сфера его профессионального становления в условиях вызовов, связанных с множественностью психологического знания. В некоторых случаях эта множественность, хотя и имеет разрывы в обоснованности связей с другим знанием, но является непротиворечивой и проявляется на локальном уровне, в некоторых случаях существование множественности обусловлено только борьбой за клиента.

Методологическое осмысление данной множественности И. Н. Семеновым и С. Ю. Степановым завершилось введением понятия культурадигмы для обозначения принципа сосуществования гуманитарного знания. Это понятие в психологическом пространстве сосуществует также с понятием мультипарадигмальности. Они помогают осуществлять переосмысление работ предшественников и современников для реализации научной позиции. Идея культурадигмы является важным звеном продуктивной деятельности, выступая как процесс осмысления, переосмысления и преобразования субъектом содержания сознания, деятельности, общения и форм собственного опыта. Для иных позиций М. И. Найденовым и Л. А. Найденовой введено понятие личностной культурадигмы. Авторы определяют ее как систему готовности субъекта к отражению взаимосвязи существования противоречия при сохранении психологической устойчивости относительно долговременного не устранения научной множественности знания. В результате выделяются два полюса методологической идеи: 1) построение внутренне непротиворечивого сосуществующего знания; 2) координация границ востребования практикой перехода от одной системы знания к иной. Существенно, что каждый из определенных нами полюсов данного принципа сосуществования суммируется в определении глубинной, субстанциальной утечки рационального и целостного осознания субъектом труда позиции трудового ресурса, что является значимым для профессионального становления будущих психологов.

В групп-рефлексивном подходе М. И. Найденовым выделены две логики наполнения понятия "ресурс", которое можно применить к субъекту профессиональной деятельности: 1) экономический ресурс – потенция, запас, резерв, предпосылка и основа производства; 2) психологический ресурс – человеческий ресурс как средство производства (профессиональной деятельности) со стороны экологических, темпоральных характеристик в рамках модели статусно-ролевых трансформаций субъекта в процессе трудового найма. Сущность психологического понимания ресурса заключается в том, что идентичность является переменной. Когда трудно себя воспринимать в части заниженной самооценки, когда нет достижений на индивидуальном полюсе трансформаций субъекта, мы хотим объединиться с более успешным субъектом – групповым. Когда групповой субъект беспомощен и не деятельный, не решается сделать следующий необходимый шаг, мы вновь переходим в свою активную фазу индивидуальной субъектности, возвращаемся к своей самости, эгоизму и т.п.

Ресурсная позиция востребует в производственном процессе только часть целостной личности, ответной реакцией на что может стать борьба субъекта за право на целостность в профессиональном становлении. Такая стратегия работника содержит риски получения оценки себя работодателем как несостоявшегося трудового ресурса, неоднократность которой ведет, как правило, к увольнению.

Таким образом, неотрефлексированный образ себя как ресурса снижает привлекательность субъекта как в трудовых отношениях и профессиональных потребностях, так и в социальной инфраструктуре.

Профессиональное становление будущих психологов должно проходить в соответствии с принципом личностной культурадигмы, который задает направленность на преодоление субъектом внутренней неопределенности существующего множественного знания. Инструментом этого преодоления выступает групповая рефлексия. Профессия психолога требует целенаправленного и планомерного формирования плана профессионального становления, который смог бы охватить многомерность интеграционного психологического феномена, результатом которого являются когнитивные, эмоциональные процессы, поведенческие проявления. Профессиональное становление во всех видах деятельности прямо зависит от умения субъекта рефлексировать, преодолевать неопределенность ситуации и нестабильности рынка труда.

Профессиональное становление будущих психологов должно основываться на умении оперировать не только практическими знаниями, но и теоретическими. Сегодняшний уровень теоретических знаний будущего специалиста делает для него заведомо необъяснимыми многие психические явления, приводя к осознанию собственной некомпетентности.

Принцип личностной культурадигмы в профессиональном становлении студентов-психологов основывается на допущении сосуществования разнородного знания в тезаурусе конкретного практика, но при условии сохранения готовности психолога к оперированию теоретическим званием для преодоления сложностей в практической работе.

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУППОВОЙ РЕФЛЕКСИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Ю.В. Товстокорая (Киев)

Актуальной задачей практики подготовки будущих специалистов является уменьшение негативного влияния неопределенности рынка труда на профессиональное становление. Это актуализирует потребность поиска саморегуляционного инструмента для преодоления существующих трудностей. Перспективы решения проблемы профессионального становления будущих психологов в условиях неопределенности рынка труда мы видим в создании групп-рефлексивной среды, которая является благоприятной для приобретения студентами-психологами широкого взгляда на профессиональное становление, появления у них психологических новообразований как составляющих профессионализма. Средством преодоления неопределенности мы видим групповую рефлексю.

Теоретической основой рассмотрения нами рефлексии служат подходы, в которых она рассматривается как психологический механизм переосмысления (И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов), форма деятельности (Г. П. Щедровицкий, В. А. Лефевр, А. А. Зиновьев), как анализ закономерностей и механизмов управления (А. У. Карпов, Р. З. Красовский, В. Е. Лепский), неотъемлемый элемент содержательного, смыслового и ресурсного отражения субъектом реальности, вариативной составляющей которого является объем отражения (М. И. Найденов и др.).

Современные образовательные системы широко используют в учебном процессе групповые дискуссии, которые вместе с тем создают и стихийные возможности для функционирования рефлексии и возникновения рефлексивных сред в образовательном пространстве. Научная же проблема заключается в отсутствии научных знаний

об оптимальной локализации групповой рефлексии во времени, обеспечивающей эффективное выполнение ею функции катализатора профессионального становления будущих психологов.

Периодом исследования профессионального становления нами выбрано время получения специальности в высшем учебном заведении. Предполагается, что в исследовании примут участие студенты-психологи на различных этапах обучения общей численностью порядка 500 человек: не менее 4-х академических групп и студенты – участники массового опроса. Экспериментальные процедуры планируется проводить на начальном этапе обучения и на этапе освоения специальных предметов. Две из четырех академических групп будут иметь статус контрольных, две – формирующих. В соответствии с целью исследования нами сформулированы две гипотезы. Гипотеза 1 – нулевая гипотеза для контрольной группы предполагает отсутствие отличия между замерами, которые планируется проводить на начальном этапе обучения и на этапе освоения специальных предметов. Гипотеза 2 – нулевая гипотеза для формирующей группы предполагает отсутствие отличия между замерами в формирующих группах.

Для контрольной группы наличие значимых позитивных различий будет указывать на подтверждение нулевой гипотезы и ее опровержении для формирующей группы, о соответствии процедур формирования уровню групп-рефлексивного механизма. Сочетание двух проверок (замеров в контрольной и формирующей группе) контролирует наличие и стихийного развития и развития, происходящего в результате формирующих воздействий. Сравнение всей системы показателей на предмет большей или меньшей их выраженности в начале обучения или на этапе изучения специальных предметов может дать ответ на вопрос об оптимальной локализации групповой рефлексии в период профессионализации.

Определяя методы исследования для его констатирующей части, мы исходим из необходимости учитывать, во-первых, то, что субъект в процессе обучения направлен на субъективное постижение собственного профессионального самоопределения; во-вторых, то, что на этапе обучения у будущих психологов представления о реализации себя в профессии являются скорее идеализированными, чем операционализированными; в-третьих, что профессиональное самоопределение при обучении рассматривают, прежде всего, на основании трех основных критериев: организационного, деятельностно-творческого, результативно-профессионального.

При определении инструментария для формирующей части исследования мы исходим из необходимости учитывать различные компоненты профессионального становления будущих психологов: во-первых, то, что субъект процесса профессионализации является заказчиком образовательной услуги и одновременно ее потребителем со спецификой активного участника образовательного процесса и организатора собственной учебной деятельности; во-вторых, что развитие у студентов продуктивного мышления подвергает сомнению известные истины, способствует формированию у них ориентации на ресурсы свои и группы как индивидуального и группового субъектов интенсификации профессионализации; в-третьих, что осознание роли и функций образовательной среды является основным ресурсом профессионализации; в-четвертых, что профессиональное становление и дальнейшая профессиональная самореализация требуют осознания собственных потребностей овладения необходимыми навыками ресурсного обучения для овладения стратегиями "здоровой" конкуренции на рынке труда.

В комплекс исследовательских инструментов нами включены: 1) тестирование – для изучения профессионального самоопределения (предполагается использовать

тесты СЖО; САТ; САН; РСК; УСК, „МТЖЦ” В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушина и др.); 2) анкетирование – для изучения степени готовности к профессиональному становлению на разных этапах обучения; 3) решение малых творческих задач (МТЗ) – для изучения групповой рефлексии как ведущего фактора профессионального становления будущих психологов и ее оптимальной локализации во времени; 4) рефлексивный тренинг-практикум – для создания рефлексивной среды и формирования в нем групповой рефлексии.

Для обработки полученных эмпирических данных предполагается использовать: 1) метод контекстуального функционально-параметрического содержательно-смыслового анализа речевой продукции; 2) групповой рефлексивный анализ событий; 3) методы математической статистики. Гарантии выделения индикаторов для массового опроса дизайном не обеспечиваются, но исследование будет достаточным и без этого этапа.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМПАТИИ С ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬЮ И СУБЪЕКТИВНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ ЛИЧНОСТИ

Е.А. Троицкая (Москва)

В последнее время в связи с участвовавшими случаями жестокого обращения людей друг с другом особо актуальным становится исследование эмпатии, т.е. эмоциональной отзывчивости на состояние другого, формирующейся у человека благодаря представлению им своих аналогичных переживаний, возникновение которых характерно для ситуации подобной той, в которой находится этот другой. Эмпатия включает в себя позитивный эмоциональный («сорадование» положительным эмоциям другого), негативный эмоциональный (сострадание отрицательным эмоциям другого), когнитивный и действенный структурные компоненты.

С другой стороны, в психологии все ярче проявляется тенденция к исследованию позитивных личностных качеств и состояний в рамках развивающегося направления «позитивная психология». Одними из ключевых категорий данного направления выступают «субъективное благополучие» и «жизнестойкость». При этом эмпатия включена в список сильных сторон – добродетелей личности.

Уровень субъективного благополучия коррелирует с наличием социальных связей, а одним из компонентов жизнестойкости является вовлеченность в происходящее. Таким образом, эмпатия, вероятно, выступает значимым механизмом для развития как субъективного благополучия, так и жизнестойкости.

Некоторые исследователи эмпатии считают, что людям проще проявлять эмпатию по отношению к тем, кто на них похож. Из этого положения можно сделать вывод, что людям, которые больше страдают, должно быть проще испытывать эмпатические переживания. Однако другие исследования показали, что более жизнерадостные люди чаще проявляют эмпатию, чем те, кто реже испытывают счастье. Можно предположить, что жизнестойкость и субъективное благополучие являются личностными ресурсами необходимыми для проявления эмпатии.

Для разрешения данного противоречия нами было проведено эмпирическое исследование с целью выявления взаимосвязи эмпатии с жизнестойкостью и субъективным благополучием личности.

В качестве испытуемых выступали 53 девушки 17-20 лет ($M=18,74$; $SD=0,68$), обучающиеся по специальности «Социология» в ВУЗах г. Москвы.

Для диагностики эмпатии применялась методика «Эмоциональная, когнитивная и действенная эмпатия» (Е.А.Троицкая), показателями по которой являются позитивная эмоциональная (ЭП), негативная эмоциональная (ЭН), когнитивная (К) и действенная (Д) эмпатия, а также вычисляется итоговый показатель эмпатии (ИЭ). Субъективное благополучие личности оценивалось посредством двух методик: «Шкала удовлетворенности жизнью» Э.Динера (Д.А.Леонтьев, Е.Н.Осин) и «Шкала субъективного счастья» С.Любомирски (Д.А.Леонтьев, Е.Н.Осин). Испытуемые заполняли «Тест жизнестойкости» С.Мадди в адаптации Д.А.Леонтьева и Е.И.Расказовой (показатели: вовлеченность, контроль, принятие риска, итоговый показатель «жизнестойкость») и опросник «Шкала базисных убеждений» Р.Янофф-Бульман в адаптации М.А.Падун и А.В.Котельниковой (субшкалы: доброжелательность окружающего мира, справедливость, образ Я, удача, убеждения о контроле), а также анкету для сбора социально-демографической информации.

Корреляционный анализ выявил статистически значимые положительные корреляционные связи по коэффициенту корреляции Пирсона ($p=0,05$) показателя ЭП с показателями: удовлетворенность жизнью, принятие риска, доброжелательность окружающего мира. Показатель ЭН значимо положительно коррелирует с показателем удовлетворенности жизнью и с показателем убежденности в доброжелательности окружающего мира. Были обнаружены значимые положительные корреляции показателя К с показателями: субъективное счастье, вовлеченность, жизнестойкость, справедливость, образ Я, удача. Показатель Д статистически значимо положительно коррелирует с показателями: вовлеченность, принятие риска, жизнестойкость, доброжелательность окружающего мира. Были определены статистически значимые положительные корреляционные связи показателя ИЭ с показателями: удовлетворенность жизнью, субъективное счастье, вовлеченность, принятие риска, жизнестойкость, доброжелательность окружающего мира, справедливость.

Проверка достоверности результатов корреляционного анализа проводилась методом контрастных групп. По каждому показателю эмпатии были выделены две группы по 15 человек каждая для сравнения по критерию Манна-Уитни ($p=0,05$). Для показателя ЭП были выявлены значимые различия по показателю принятия риска и показателю убежденности в доброжелательности окружающего мира; для ЭН – принятие риска; для К – вовлеченность, контроль, жизнестойкость, убежденность в контроле; для Д – вовлеченность и доброжелательность окружающего мира; для ИЭ – удовлетворенность жизнью, субъективное счастье, вовлеченность, принятие риска, жизнестойкость, доброжелательность окружающего мира.

Был проведен дискриминантный анализ с использованием семи предикторов (удовлетворенность жизнью, субъективное счастье, вовлеченность, принятие риска, убежденность в доброжелательности окружающего мира, убежденность в справедливости, убежденность в собственной удачливости), которые определяли принадлежность испытуемого к группе с высокими / низкими значениями итогового показателя эмпатии. Критерий лямбда Уилкса для полученной дискриминативной функции статистически значим ($p=0,01$). Выявлены корреляции предикторов с дискриминативной функцией: удовлетворенность жизнью (0,583), принятие риска (0,542), вовлеченность (0,488), субъективное счастье (0,473), убежденность в доброжелательности окружающего мира (0,438), убежденность в справедливости (0,348), убежденность в собственной удачливости (0,133). Правильно классифицированы были 90% испытуемых.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о взаимосвязи эмпатии с удовлетворенностью жизнью, субъективным счастьем, жизнестойкостью,

а особенно с вовлеченностью и принятием риска, а также с убежденностью в доброжелательности окружающего мира. На основе данных о субъективном благополучии, жизнестойкости и базисных убеждениях личности можно с высокой долей вероятности предсказать будет ли человек проявлять высокий или низкий уровень эмпатии.

ИЗМЕНЕНИЕ РЕФЛЕКСИИ ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

А.И. Троянская (Ижевск)

Современные условия развития личности профессионала таковы, что требуют постоянного совершенствования, созидания себя, на стыке, индивидуальных устремлений, особенностей и ценностей – с одной стороны, а также требований общества и условий профессии – с другой. Рефлексия является одним из важнейших качеств, катализирующих профессиональное развитие.

Профессиональная рефлексия заключается в познании, переосмыслении и проектировании личностью собственной профессиональной деятельности, своей позиции в ней и образа себя, как субъекта этой деятельности (Троянская А.И., 2011). Индикаторами профессиональной рефлексии могут служить: уровень рефлексивности (методика измерения индивидуальной меры рефлексивности А.В.Карпова), самооценка профессионально важных качеств, производительная мотивация, удовлетворенность профессией (комплексная методика «Мотивация профессионального самосовершенствования» А.А.Деркача, А.А.Бодалева, Л.Г.Лаптева и др.), профессиональное самосознание (методика измерения профессионального самосознания А.В.Савчука, С.К.Гасанова), значимость событий профессионального пути в прошлом и в будущем (методика анализа жизненных целей Л.Д.Столяренко).

В данном исследовании профессиональной рефлексии личности принимали участие специалисты, занятые в системе образования, преимущественно, педагоги, обучавшиеся в Институте Повышения Квалификации и Переподготовки Работников Образования, проходившие начальную и завершающую ступени повышения квалификации. Общее количество испытуемых 128 человек в возрасте 30 – 47 лет, из них 29 мужчин, 99 женщин.

Рефлексия профессионала предполагает как когнитивные, так и ценностные ресурсы основания. Соответственно гипотеза исследования состояла в предположении эффектов когнитивного и ценностного факторов на изменение рефлексии личности. Под изменением когнитивного фактора подразумевается прохождение различных этапов профессионализации – от начального к заключительному. Для конкретизации ценностного фактора выделены наиболее и наименее предпочитаемые ценности исследуемой выборки (опросник изучения базовых культурных ценностей Ш.Шварца), далее они были факторизованы.

В результате факторного анализа было получено пять значимых факторов, описывающих 51% дисперсии, предлагаемые рабочие названия: «Упорядочивание», «Консерватизм», «Духовность», «Самореализация в обществе», «Стабильность жизни». Наиболее весомые: «Упорядочивание» (16%) – ценности блоков консерватизм, мастерство, равноправие, по Ш.Шварцу (Schwartz S.H., 1992); «Консерватизм (Сохранение)» (10%) – ценности блоков консерватизм, иерархия, автономия, по Ш.Шварцу.

Взаимодействие одного из ценностных факторов – «Упорядочивание» с показателем этапа профессионализации оказало значимое влияние на профессиональную рефлексию: След Пиллая=0,223, Лямбда Уилкса=0,777, Оценка F-отношения=4,850, $p > 0,001$ (двухфакторный многомерный MANOVA). Главные эффекты взаимодействия факторов ценностного «Упорядочивание» и профессионализации на компоненты профессиональной рефлексии: самооценку ПВК $F(3, 124)=22,4$, $p < 0,001$, производительную мотивацию $F(3, 124)=7,4$, $p < 0,01$, профессиональное самосознание $F(3,124)=7,1$, $p < 0,01$.

На начальном этапе профессионализации самооценка ПВК более адекватна при отвержении (непринятии) ценности «Упорядочивания» и завышена при ее принятии. В группе заключительного этапа противоположная картина – завышенная самооценка ПВК при отвержении ценности «Упорядочивания», адекватная при ее принятии.

Принятие ценности Упорядочивания практически не изменяет уровня производительной мотивации в группе начинающих, в то время как значительно поднимает его в группе завершающих.

Профессиональное самосознание имеет примерно равный уровень при отвержении ценности «Упорядочивания» в обеих группах, однако при ее принятии в группе начального этапа уровень профессионального самосознания незначительно падает, то есть практически не изменяется, в группе заключительного – значимо растет.

Эти результаты можно объяснить тем, что по прохождении профессионализации профессионал получает инструмент, способ осуществления упорядочивающей преобразующей активности, рефлексивный инструмент самоорганизации в направлении достижения целей деятельности. Осознание возможности применения приобретенных компетентностей в деятельности вызывает изменения в профессиональной рефлексии, в большей степени затрагивающие самооценку профессионально важных качеств, производительную мотивацию, профессиональное самосознание. Не имея адекватного инструмента, необходимых компетенций, но принимая ценность преобразующей упорядочивающей деятельности, специалист неадекватно наделяет себя высокими оценками профессиональных качеств, активизация рефлексивных процессов в ходе профессионализации способствует адекватности оценивания. Отсутствие адекватного инструмента упорядочивающей преобразующей деятельности не способствует высокой производительной мотивации, затрудняет отождествление себя с профессией. А при значимости этой деятельности, возможно, запускает защитные механизмы, проявляющиеся в обратном процессе – отторжения от профессии. Важно отметить, что само по себе наличие «когнитивного инструмента» не обеспечивает профессиональной самоидентификации, она происходит лишь в случае принятия ценности упорядочивающей преобразующей активности.

Таким образом, психологическая система деятельности находится во взаимодействии с культурным контекстом сообщества, в котором осуществляется. Ее основные блоки развиваются на стыке индивидуальных ресурсов человека и ресурсов сообщества. Ценность упорядочивания и приобретаемая в результате профессионализации компетентность, инструментальная оснащенность для реального осуществления упорядочивания в своем сочетании обеспечивают возможность эффективного применения профессиональной рефлексии в деятельности.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ ПАЦИЕНТОВ С ФИБРИЛЛЯЦИЕЙ ПРЕДСЕРДИЙ И ПАЦИЕНТОВ СО СТЕНОКАРДИЕЙ НАПРЯЖЕНИЯ

С.В. Тырановец (Москва)

Актуальность исследования обусловлена недостаточностью имеющихся на настоящий момент в психокардиологии и клинической психологии данных о субъективных представлениях больных об их приступообразно протекающих хронических заболеваниях сердца, об особенностях эмоционального реагирования личности на болезнь, выборов способов совладания с болезнью и приверженности рекомендованному лечению.

Цель исследования: сравнительное исследование особенностей эмоционального уровня внутренней картины болезни (ВКБ) пациентов с фибрилляцией предсердий в сравнении с пациентами со стабильной стенокардией напряжения

Задачи работы: 1) исследование выраженности уровня тревоги и депрессии в сравниваемых группах; 2) исследование компонентов эмоционального реагирования на болезнь пациентов с фибрилляцией предсердий и пациентов со стенокардией напряжения; 3) изучение корреляционных связей между изучаемыми параметрами в сравниваемых группах больных.

Методы исследования: 1) клиничко-анамнестический; 2) экспериментально-психологический, в рамках которого были использованы следующие психодиагностические методики: а) тест «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» (Тхостов А.Ш., Елшанский С.П.); б) шкалы «тревожность» и «депрессия» Опросника выраженности психопатологической симптоматики SCL-90-R (Derogatis, Rickels Rock, в адаптации Тарабриной Н.В.); в) опросник «Эмоциональное реагирование на болезнь» (Ялтонский В.М.); 3) статистический.

Характеристика выборки.

Исследование проводилось на базе Института клинической кардиологии ФГБУ РКНПК МЗ РФ, Были обследованы 70 пациентов, из них: 35 мужчин и 35 женщин; средний возраст: $57,91 \pm 5,93$ лет.

Основную группу исследования составляли 35 пациентов (18 мужчин, 17 женщин) с диагнозом: «Нарушение ритма сердца. Фибрилляция предсердий» (пароксизмальная и персистирующая формы). Средний возраст больных: $56,73 \pm 6,12$ лет. В качестве группы сравнения выступили 35 пациентов (17 мужчин, 18 женщин) с диагнозом: «Ишемическая болезнь сердца. Стабильная стенокардия напряжения II-III ф.к.». Средний возраст больных: $59,10 \pm 5,31$ лет.

Результаты исследования. Полученные результаты по методике SCL-90-R показывают, что и у больных с фибрилляцией предсердий (ФП), и у больных со стабильной стенокардией напряжения (СН) превышены нормативные значения как по шкале тревожности, так и по шкале депрессии. Однако у пациентов с ФП, в сравнении с пациентами с СН, отмечается статистически достоверно более высокие значения по данным показателям: по шкале тревожности ($1,84 \pm 0,42$ против $1,24 \pm 0,49$) и по шкале депрессии ($1,58 \pm 0,37$ против $1,13 \pm 0,44$), что может свидетельствовать о наличии признаков умеренно выраженного тревожного и депрессивного расстройств у больных с мерцательной аритмией.

У пациентов с фибрилляцией предсердий (ФП), по сравнению с пациентами со стабильной стенокардией напряжения (СН), имеются статистически значимые различия в эмоциональном реагировании на свою болезнь. Так, у пациентов с ФП, по сравнению с пациентами с СН, значительно более выражены такие эмоциональные состояния, как: тревога ($8,26 \pm 1,17$ против $5,83 \pm 1,20$, $p=0,01$), страх ($6,51 \pm 2,39$ против $5,43 \pm 2,32$, $p=0,05$), ужас ($2,23 \pm 1,36$ против $1,46 \pm 1,13$, $p=0,05$), что свидетельствует о признаках тревожно-фобического расстройства у больных с мерцательной аритмией. В то же время у пациентов с фибрилляцией предсердий более выражены и такие состояния, как: беспомощность ($7,23 \pm 2,44$ против $5,60 \pm 1,64$, $p=0,05$), чувство вины ($6,27 \pm 2,11$ против $3,36 \pm 1,49$, $p=0,01$) и горя ($4,00 \pm 1,94$ против $2,87 \pm 1,76$, $p=0,05$), что может говорить о наличии у больных симптомов депрессивных проявлений. Вероятно, что такие эмоциональные переживания у пациентов с ФП связаны со специфическим приступообразным течением их заболевания.

Проведенный корреляционный анализ показывает связь интенсивно переживаемых ощущений неестественности ритма сердца с эмоциональными переживаниями: тревоги и страха с «болезненными» ощущениями ($r = 0,68$ и $r=0,59$, $p=0,05$), а также тревоги и страха с «опасными, угрожающими» ощущениями ($r = 0,73$ и $r=0,64$, $p=0,05$).

В свою очередь, у пациентов с СН, по сравнению с пациентами с ФП, более выражены такие эмоциональные проявления как: раздражение ($3,53 \pm 2,12$ против $5,03 \pm 1,32$, $p=0,01$), гнев ($2,40 \pm 2,84$ против $4,16 \pm 1,39$, $p=0,01$) и злость ($1,93 \pm 2,49$ против $3,73 \pm 1,23$, $p=0,01$), что может говорить о наличии признаков личности коронарного типа в данной группе больных.

Проведенный анализ показал, что в зависимости от формы мерцательной аритмии и длительности заболевания у больных с ФП имеются тенденции к развитию тревожных расстройств у пациентов с пароксизмальной формой ФП ($1,59 \pm 0,32$ против $0,99 \pm 0,76$, $p=0,01$), а также депрессивных расстройств умеренной выраженности у пациентов с персистирующей формой ФП ($0,88 \pm 0,42$ против $1,47 \pm 0,32$, $p=0,05$).

Выводы. 1. У больных с фибрилляцией предсердий, по сравнению с пациентами со стабильной стенокардией, статистически достоверно более выражены показатели как по шкале тревожности, так и по шкале депрессии. 2. Эмоциональное реагирование пациентов с мерцательной аритмией, по сравнению с пациентами со стенокардией напряжения, является статистически достоверно более выраженным и характеризуются высоким уровнем переживаемой тревоги, умеренно выраженными страхом, а также чувством беспомощности, отчаяния и вины. Эти негативные эмоции коррелируют с испытываемыми ощущениями специфических симптомов нарушения ритма сердца. 3. В ходе проведенного исследования в группе больных с фибрилляцией предсердий были обнаружены определенные закономерности формирования признаков тревожного или депрессивного расстройства в зависимости от формы мерцательной аритмии (пароксизмальная или персистирующая) и длительности заболевания.

Примечание.

Автор тезисов выражает благодарность научному руководителю, д.м.н., профессору кафедры клинической психологии МГМСУ имени А.И. Евдокимова В.М. Ялтонскому за неоценимую помощь в подготовке и проведении данного исследования.

ПОНЯТИЕ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПАЦИЕНТОВ С ПРИОБРЕТЕННЫМИ ДЕФЕКТАМИ ВНЕШНОСТИ

А.Г. Фаустова (Москва)

Исследование выполняется в рамках гранта РГНФ № 13-36-01213

К приобретенным дефектам внешности специалисты относят видимые отличия, возникшие в результате травм, болезненных состояний, хирургического вмешательства. Неожиданное изменение внешности – неконтролируемое индивидом событие, иногда с непоправимыми последствиями.

Адаптация к измененному внешнему облику – сложный и долгий процесс, который необходимо затрагивает все сферы личности. Чтобы объяснить способы защиты от стресса и давления, связанных с переживанием социально-психологических последствий приобретенного дефекта внешности, американские и британские исследователи вводят в качестве основополагающего понятие «устойчивость». Интегральность этого понятия определила вектор нашего исследования «Социально-психологическая уязвимость и устойчивость пациентов, переживших калечащее хирургическое вмешательство».

Исходя общенаучного принципа системности, устойчивость представляет собой способность сохранять текущее состояние при воздействии внешних сил. Данное понятие может быть применено к различным ситуациям, на объекты которых распространяется упомянутый принцип.

По данным Г.С. Никифорова (2006), психологическая устойчивость предполагает «интегрированность личности в смысле сохранения согласованности основных функций личности, стабильности их выполнения».

Устойчивость как характеристику личности и степень сопротивляемости стрессовым нагрузкам описывают Egle, Hoffmann, Steffen (1997), Masten (2001).

Некоторые авторы (Jacobi, Esser, 2003) под психологической устойчивостью личности подразумевают внутренние защитные факторы, уделяя меньше внимания внешним обстоятельствам и социальным ресурсам.

В работах Rutter (2008) об устойчивости говорится как о результате «посттравматического роста» или «закалке» в том случае, когда опыт переживания несчастья или травмы мобилизует и приводит к более эффективному функционированию. Тогда об устойчивости стоит говорить не как о черте или характеристике личности, а как о процессе, на который влияют различные факторы. В этом же ключе мыслят Zautra, Hall & Murray (2010): устойчивость является позитивным результатом для тех индивидов, которые в состоянии взаимодействовать с окружающей средой и активировать у себя процессы, направленные на повышение благосостояния и защиту от факторов риска.

Рассматривая устойчивость как динамический процесс, американские специалисты допускают, что индивид демонстрирует адаптивные поведенческие паттерны, когда сталкиваются с угрозами или травмами, чрезвычайными происшествиями.

Купер (Cooper, 2000) описывал устойчивость людей с видимыми отличиями как «способность формировать уверенность в себе для противостояния социальным и психологическим давлениям».

Представители британской благотворительной организации Changing Faces считают, что пациентам с дефектами внешности необходимо три вида устойчивости:

- поведенческая устойчивость – способность успешно взаимодействовать с другими людьми;

- когнитивная устойчивость – способность контролировать мысли, опровергая собственные представления о том, что «отличный от других внешний вид означает второсортное существование»;

- эмоциональная устойчивость – способность хорошо относиться к самому себе и адекватно реагировать на происходящие события.

Среди важных компонентов психологической устойчивости пациентов с дефектами внешности разные авторы называют:

- позитивные представления о самом себе, эффективные социальные навыки и социальная поддержка (Mouradian, 2001);

- самовосприятие, чувство юмора, семейная поддержка, решительность и создание социальных сетей (Meyerson, 2001).

Томпсон и коллеги (Thompson et al., 2002) провели анализ переменных, которые оказывают влияние на устойчивость пациентов с дефектами внешности, и выделили преимущественно социальные факторы (влияние семьи, сверстников, незнакомых людей; стили коммуникации; социальные навыки), поведенческие и когнитивные паттерны.

Карр (Carr, 2004) считает, что основное внимание следует уделить таким аспектам «системы собственного «Я»», как стабильно-высокая самооценка, самоэффективность, «функциональные» копинг-стратегии, «адаптивные защитные реакции» и ориентация на будущее.

Теоретический анализ показал, что наряду с термином «устойчивость» употребляются понятия «стабильность», «гомеостаз», «равновесие». Сам термин «устойчивость» используется в приложении к различным сферам теоретической и практической психологии: можно встретить определения «эмоциональной устойчивости», «психологической устойчивости», «устойчивости личности» и т.д.

Принимая понятие «психологическая устойчивость» в качестве базового для нашего исследования, мы сталкиваемся с разнообразием его толкования. Основоположающими являются несколько тенденций:

- психологическая устойчивость как качество личности;

- психологическая устойчивость как совокупность внутренних защитных факторов;

- психологическая устойчивость как навык или стратегия совладания;

- психологическая устойчивость как результат воздействия неблагоприятных жизненных обстоятельств.

Среди ученых, занимающихся психологией внешности, также нет единства относительно понимания психологической устойчивости пациентов с дефектами внешности. В таких случаях психологическая устойчивость воспринимается и как способность не поддаваться на провокации со стороны общества, и как навык, которому можно обучиться.

Некоторые авторы предложили описание структуры психологической устойчивости у пациентов с видимыми отличиями, что может быть полезно при формировании необходимых умений для успешной адаптации.

В контексте проводимого исследования мы склонны определить психологическую устойчивость как результат психотравмирующего события и основу успешной адаптации пациентов с дефектами внешности, приобретенными в результате хирургического вмешательства.

Изучение факторов, способствующих устойчивости и редукации дистресса, становится популярной темой в клинической психологии и психологии здоровья.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И САМООЦЕНКИ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Д.А. Федерякин, М.Ю. Степанова (Смоленск)

Значение изучения феномена самооценки в современных условиях социально-экономической и политической нестабильности трудно переоценить. Не секрет, что одним из приоритетов развития современной системы образования является формирование способности к самодетерминации, что повышает важность изучения самооценки, как одного из ключевых феноменов, определяющих самость личности. Одним из направлений изучения психологических феноменов является изучение их связи с другими психическими явлениями и процессами, поэтому целью работы мы выбрали изучение взаимосвязи уровня невербального интеллекта и самооценки.

Исходя из цели, мы смогли сформулировать задачи исследования:

1. Изучение литературы по теме исследования, выявление некоторых наиболее общих взглядов на самооценку и интеллектуальное развитие, и выбор методик и методов проведения исследования;
2. Проведение психодиагностики с помощью выбранных методик;
3. Обработка и анализ полученных результатов.

Объектом исследования выступили один из аспектов психического развития – интеллектуальное, а так же самооценка, как психологический феномен.

Предметом исследования является взаимосвязь невербального интеллекта и самооценки.

Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что в младшем школьном возрасте между самооценкой и интеллектуальным развитием существует прямая взаимосвязь.

Психическое развитие – чрезвычайно объемный термин. Самое общее и обобщенное определение, которое нам удалось найти, описывает психическое развитие как постепенное и закономерное усложнение психических процессов во времени, выраженное в их количественных, качественных и структурных преобразованиях. Наиболее частые ошибки, которые происходят при попытке дать полное и системное определение этому термину заключаются в том, что психическое развитие сводят исключительно к личностному или интеллектуальному развитию. Поэтому, с целью избежать данных ошибок и упростить процедуру исследования, мы примем невербальный интеллект, как наименее зависящий от включенности ребенка в социальные связи, за показатель уровня интеллектуального развития.

Несмотря на частоту употребления и тот факт, что термин «самооценка» является одним из основополагающих в психологии, нам не удалось выявить единое определение этого термина. Тем не менее, представляется возможным выделить некоторые наиболее общие черты, встречающиеся в большинстве определений: самооценка – это восприятие человеком своих ресурсов и сравнение их с ресурсами других людей. При этом, понятие ресурсов следует понимать как можно более широко: компетенции, силы, способности, достижения, социальный статус и др.

Таким образом, исходя из поставленных целей и задач и понимания нами использованных психологических терминов, мы смогли выбрать методы и методики. Для измерения невербального интеллекта нами были использованы некоторые элементы детского варианта интеллектуального теста Векслера:

- Субтест-3 «Арифметический» - наиболее важны специфические навыки арифметического счета;

- Субтест-6 «Повторение цифр» - наиболее важен объем механической памяти и активное внимание;
- Субтест-7 «Недостающие детали» - наиболее важны перцептивные возможности, мы считали этот субтест более всего формально похожим на игровую деятельность, и менее всего на учебную;
- Субтест-11 «Шифровка» - успешность зависит от свойств внимания (концентрация, распределение, переключение), восприятия, зрительно-моторной координации, скорости формирования новых навыков, способности к интеграции зрительно-двигательных стимулов, этот субтест мы считали наиболее формально похожим на учебную деятельность и наименее на игровую.

Исследование проводилось на 18 учениках МБОУ СОШ №3 г. Смоленска младшего школьного возраста. Из них: 4 испытуемых мужского пола (22,22%), 14 – женского (77,78%); 3 в возрасте 7 лет (16,67%), 6 в возрасте 8 лет (33,33%), 5 в возрасте 9 лет (27,78%) и 4 в возрасте 10 лет (22,22%) ($M=8,56$, $SD=1,04$; $7,52=;x=;9,6$).

На основании полученных результатов нам удалось сделать следующие выводы:

1. Обнаружена положительная умеренная взаимосвязь невербального интеллекта с самооценкой и уровнем притязаний, что может объясняться воздействием школьного обучения на развитие данных характеристик;
2. Установлено, что существует умеренная положительная взаимосвязь класса с самооценкой и уровнем притязаний, что позволяет говорить об общем положительном воздействии школы на психологическое развитие;
3. Выводы о воздействии школьного обучения на развитие самооценки мы сделали исходя из сравнения специфики различных субтестов и значения коэффициентов их корреляции с индексами самооценки и уровня притязаний;
4. Обнаружено, что школьное обучение проявляет большее положительное влияние на уровень притязаний, чем на настоящую самооценку;
5. Отсутствует выраженная связь самооценки с полом ребенка;
6. Можно говорить о задатках гендерных различий мышления у детей младшего школьного возраста: для мальчиков характерна большая абстрактность мышления, для девочек – конкретность;
7. Дети в младшем школьном возрасте имеют почти прямо пропорциональный самооценке уровень притязаний, что лишний раз обосновывает необходимость формирования адекватной самооценки;
8. Тот факт, что корреляции уровня притязаний со всеми использованными нами шкалами ниже, чем с настоящей самооценкой, позволяет говорить о том, что у детей младшего школьного возраста слабо выражено представление о временной перспективе.

Таким образом, проведя исследование взаимосвязи самооценки с невербальным интеллектом, мы смогли установить наличие положительной взаимосвязи между данными феноменами. В ходе исследования мы решили все поставленные задачи: мы систематизировали научные взгляды на самооценку и уровень развития невербального интеллекта, провели непосредственное испытание методик и обработали полученные результаты.

Исходя из важности заявленной нами темы, мы планируем продолжить её разработку. В частности, мы планируем провести исследование взаимосвязи самооценки с некоторыми антропометрическими феноменами.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ИНВАЛИДОВ С НАРУШЕНИЯМИ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИЙ КОНЕЧНОСТЕЙ (ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ)

М.В. Федоренко, Р.И. Хисамова (Казань)

В настоящее время инвалидность остается одной из наиболее острых медико-социальных проблем, стоящих перед обществом. Объект исследования: инвалиды (318 человек, в возрасте от 18 до 66 лет) с нарушениями структуры и функций конечностей, обратившиеся для протезирования в Казанский протезно-ортопедический центр – жители Республики Татарстан, и некоторых других регионов России.

Испытуемые были разделены на 5 возрастных групп: от 19 до 29 лет, от 30 до 39 лет, от 40 до 49 лет, от 50 до 59 лет и старше 60 лет.

Цель исследования - выявление качества жизни, характерологических особенностей и эмоционального статуса у инвалидов с нарушениями структуры и функций конечностей.

Материалы и методы исследования. Эмпирические данные были получены при помощи методов опроса, анкетирования и тестирования. Анализировались следующие характеристики:

1) качество жизни пациента, оцениваемое с помощью международного опросника SF-36, адаптированного к использованию в Российской Федерации;

2) уровень тревожности (ситуативной тревожности как состояния и личностной тревожности как устойчивой характеристики человека), измеренный по шкале реактивной (ситуативной) и личностной тревожности (разработана Ч.Д. Спилбергером, адаптирована Ю.Л.Ханиным);

3) уровень депрессии (тест Бека);

4) характерологические особенности пациента, диагностированные с помощью методики акцентуаций характера К. Леонгарда (тест Шмишека).

Количественная обработка полученных данных проводилась при помощи прикладного пакета Microsoft Excel и программы STATISTICA 7.0 (расчет средних данных, корреляционный анализ, критерии достоверности отличий).

По результатам корреляционного анализа в возрастном аспекте можно сделать следующие выводы.

В возрастной группе от 19 до 29 лет (34 человека) наиболее связаны с параметрами качества жизни ситуативная тревожность и акцентуации характера по демонстративному и педантичному типам. Учитывая направленность и сочетание выявленных взаимосвязей можно сделать следующий вывод. Физический дефект и связанные с ним ограничения являются для людей молодого возраста постоянным источником ситуативной тревожности. Это, в свою очередь, вызывает действие психологических защитных механизмов, которые компенсируют тревогу и способствуют развитию педантичной и демонстративной личности, а также ведут к снижению эмоциональной чувствительности.

В возрастной группе от 30 до 39 лет (37 человек) нарастает влияние ограничений, вызванных ампутацией, на формирование депрессии. В качестве компенсаторного поведения здесь наблюдаются акцентуации характера по демонстративному типу. Снижение эмоциональной чувствительности в ответ на болевой синдром, характерное для пациентов 19 – 29 лет, в возрастном диапазоне 30 – 39 лет сменяется гиперактивными реакциями; нарастает ощущение психологического дискомфорта.

В возрастной группе от 40 до 49 лет (106 человек) наблюдается резкое, двукратное (по сравнению с предыдущей группой) увеличение числа корреляционных связей, достигающих уровня статистической значимости, – 32 коэффициента. Это говорит о том, что в структуре личности пациентов, перенесших ампутацию конечности, усиливается сопряженность и взаимовлияние качества жизни, эмоциональных состояний (тревожности и депрессии) и черт характера.

В возрасте 40 – 49 лет усиливается сопряженность эмоциональных и личностных особенностей пациентов с характеристиками качества жизни. Эмоциональное, физическое или психическое неблагополучие влияют на характер и могут приводить к его деформации в направлении педантичных и тревожных черт. В данном возрасте особенное значение приобретает социальная активность. Не связанными с личностными особенностями, тревожностью и депрессией оказываются ограничения физической активности, вызванные состоянием здоровья. В то же время возрастает влияние депрессии на качество жизни и личность пациента.

Возрастная группа от 50 до 59 лет составила 80 человек. Наиболее влиятельной оказывается триада признаков «ситуативная, личностная тревожность и депрессия». Воздействие депрессивных тенденций нарастает и напоминает «порочный круг»: с одной стороны, депрессия снижает качество жизни пациента и ведет к деформации личности, а с другой – низкий уровень качества жизни, тревожность, физическое и психическое неблагополучие усиливают депрессивные тенденции. Так же в этом возрасте многовероятно акцентуированное развитие личности по педантичному типу.

В возрастной группе старше 60 лет (19 человек) количество взаимосвязей между исследуемыми показателями резко уменьшается до 23. качество жизни все также сильно связано с психоэмоциональными состояниями пациента, особенно с ситуативной тревожностью. Влияние депрессивных тенденций по сравнению с предыдущей возрастной группой ослабевает, но становятся более выраженными характерологические изменения в направлении большей лабильности, циклотимии, педантичности, застреманности и экзальтированности.

Выводы:

Взаимосвязи эмоциональных состояний с чертами характера и качеством жизни имеют возрастную специфику. В более молодом возрасте (19 – 39 лет) наиболее интенсивно связана с качеством жизни и индивидуальными психологическими особенностями личности ситуативная тревожность, которая в возрасте 40 – 49 лет уступает место личностной тревожности, в 50 – 59 лет тревожность сменяется депрессией, а после 60 лет возвращается на свои приоритетные позиции.

Качество жизни имеет наибольшее количество взаимосвязей с эмоциональными и личностными характеристиками пациентов 40 – 59 лет, особенно с депрессией. В более молодом возрасте различные параметры качества жизни связаны в основном ситуативной тревожностью и не связаны с личностной тревожностью и депрессией.

У пациентов старше 60 лет снижение качества жизни отражается на ситуативной тревожности и акцентуациях характера.

СВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ

А.А. Федорова (Москва)

В современном мире все более распространенными становятся стрессовые состояния, которым подвергается почти каждый человек. Стресс может возникать как из-

за собственных несбывшихся ожиданий или неудовлетворенных потребностей, так и из-за внешних причин, - таких, как трудности в семье, банкротство или тяжелый режим работы. Ганс Селье разделял стресс на «эустресс», то есть относительно полезный для человека, мобилизующий его силы, и «дистресс», пагубно влияющий на здоровье и вызывающий истощение организма.

Очевидно, что необходимо преодолеть состояние стресса прежде, чем он вступит в угрожающую здоровью форму. Как показали результаты исследований, основными факторами стресса оказываются большие объемы работы или рутина. В таких ситуациях умение нестандартно мыслить и прибегать к неожиданным вариантам решения приобретает особую актуальность.

Бесспорно, и креативные, и «рациональные» люди подвержены воздействию различных стрессоров. Однако мы можем предположить, что в зависимости от степени креативности личности, способы выхода из стрессовой ситуации будут отличаться. Некоторые исследования свидетельствуют, что креативные люди больше подвержены стрессовым воздействиям, что пагубно влияет на их работу и жизнь в целом. Однако в ряде других работ выдвигается тезис о том, что эустресс, напротив, позитивно влияет на креативность человека, мотивируя его и давая почву для разработки новых идей.

Ряд факторов может рассматриваться и как стрессор, и как средство мобилизации сил человека. К таким, по нашему предположению, относится ограничение времени. Также стрессовыми могут оказаться такие факторы, как присутствие других лиц при выполнении важных заданий или их комментарии.

Таким образом, целью нашего исследования является изучение влияния стресса на креативность личности.

В нашей работе выдвигается гипотеза о том, что, эустресс повышает креативность человека.

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутой гипотезы было проведено экспериментальное исследование с использованием методики Д.Гилфорда, направленной на изучение креативности личности.

В качестве экспериментальной базы выступили 100 человек, студенты 1 курсов факультетов менеджмента и рекламы НИУ-ВШЭ.

Испытуемый заходил в тихое помещение, где ему предлагались два задания из теста Д.Гилфорда на креативность: написать предложения с определенными буквами и придумать применения простому предмету. Далее оказывалось воздействие в зависимости от типа группы. Первым, контрольной группе, предлагалось просто пройти тест. Вторая группа параллельно с заполнением теста получала стрессовое воздействие в виде ограничения времени, третья – экспериментатора, который не вмешивался, но слишком пристально следил за работой, нарушая личную зону общения испытуемого, и четвертая – экспериментатора, который препятствовал выполнению задания, постоянно вмешиваясь в процесс. После заполнения теста с испытуемым проводилось постэкспериментальное интервью с целью выяснить, явилось ли воздействие стрессовым.

Полученные результаты обрабатывались в SPSS 17 (непараметрический критерий Манна-Уитни).

Проведенное исследование показало, что связь между стрессом и креативностью личности существует ($p=;0,000$), то есть мы можем говорить о различии в выполнении задания среди испытуемых в контрольной экспериментальных группах. Однако наша теоретическая гипотеза не нашла подтверждения. Мы полагали, эустресс будет положительно влиять на выполнение задания, тогда как результаты исследования

показывают его отрицательное влияние. Все испытуемые контрольной группы справились с заданием лучше, чем испытуемые в экспериментальных группах (обрабатывались как суммарные результаты по субтестам, так и отдельные показатели каждого субтеста).

Сравнив между собой результаты групп с воздействием, мы обнаружили, что статистических различий в выполнении заданий нет. Однако есть тенденция к различию в составлении осмысленных предложений между группой с ограничением времени и группой с нарушающим личную зону общения экспериментатором ($p=;0,009$). Результаты показывают, что третья группа, в которой экспериментатор нарушал личную зону общения, справилась со всеми заданиями лучше остальных групп с воздействием. Это может говорить о том, что подобное нарушение зоны общения хоть и является раздражающим фактором, но не мешает непосредственно выполнению задания. Ограничение времени вводит, по словам испытуемых, некую суетливость, а сопутствующие комментарии экспериментатора сбивают с мысли. А стоящий рядом экспериментатор ничем не мешает заданию, вызывая лишь небольшой физический дискомфорт.

Также можно сделать некоторые выводы на основании анализа постэкспериментального интервью:

Во-первых, многие испытуемые отмечали, что воздействие для них стрессовым не явилось, и они уверены, что успешно справились с заданием (70% - первая группа с воздействием, 45% - вторая, 30% - третья). Большой процент в первой группе может быть обоснован тем, что эти испытуемые ставили себе целью написать задание не по максимуму, а хотя бы на минимум. Хотя ограничение времени большая часть испытуемых стрессовым не назвала, результаты группы с этим воздействием оказались самыми плохими среди всей выборки испытуемых.

Во-вторых, испытуемые назвали второй вид воздействия (экспериментатор, пристально наблюдающий за процессом работы) весьма раздражающим и мешающим концентрации. Абсолютное большинство испытуемых, даже те, кто признал воздействие не стрессовым, отметили, что это отвлекает и сбивает с мысли.

Воздействие с экспериментатором, комментирующим процесс выполнения работы в несколько негативном ключе, было признано наиболее раздражающим, пять испытуемых даже написали о своем раздражении прямо в работах. Двое также сказали, что комментарий, который касался лично их, раздражал сильнее. Им приходилось постоянно отвлекаться и сосредотачиваться, поскольку мысль терялась.

Во всех группах испытуемые отмечали, что было сложно абстрагироваться от воздействия и сосредоточиться на задании.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДИЛЕММЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ)

Ж.Э. Федотова (Ковров)

В настоящее время между учеными возникают дискуссии об эффективности результатов переговоров как коммуникативного процесса. Многие ученые утверждают, что одним из эффективных способов проведения переговоров, является выбор стратегии сотрудничества, которое необходимо для достижения своих целей [Ajzen, Fishbein, 1980]. Другие утверждают, что выбор стратегии конфронтация более эффек-

тивен в переговорах, в том случае, когда участники заботятся о личном благосостоянии [Ajzen, Fishbein, 1980]. При этом многих исследователей интересует вопрос, какие факторы могут влиять на выбор той или иной стратегии. К одним из них относят когнитивный и аффективный факторы. Первая включает в себя создание когнитивной установки, направленной на определенное поведение [Bazerman, Curhan, Moore, 2000, с.286]. Другими словами, правильно заданная «когнитивная установка может повлиять на дальнейшее поведение». При воздействии аффективного фактора с положительной валентностью увеличивается вероятность выбора стратегии сотрудничества в переговорах.

Таким образом, целью исследования является изучение влияния когнитивного (формирование эффекта установки) и аффективных факторов на принятие решений в переговорном процессе в условиях риска на примере задачи из теории игр («дилемма заключенных»). Следует отметить, что мы использовали метод моделирования ситуации. При этом была использована модифицированная игра «дилемма заключенных», в которой можно проследить процесс принятия решения и влияние необходимых факторов.

В связи с поставленной целью мы выдвигаем следующие гипотезы: при формировании «эффекта установки», направленной на выбор стратегии сотрудничества, увеличивается вероятность принятия решения в соответствии с этой установкой. Положительные эмоции увеличивают вероятность принятия решения в пользу выбора стратегии сотрудничества.

В исследовании участвовало 132 человека, из которых 44 респондента входили в контрольную группу (22 пары), а другие 44 - в экспериментальные (по 22 пары). Из 132 участников 86- это женщины и 46- мужчины, средний возраст испытуемых - 21 год. Пары были созданы для лучшего моделирования ситуации переговоров. При этом, участники в парах не были знакомы между собой, а были представлены друг другу только перед началом самого эксперимента.

Контрольной группе необходимо было выбрать один из исходов в игре «дилемма заключенных» без какого-либо воздействия. В экспериментальной группе, перед принятием решения, обоим участникам необходимо было прочесть характерное описание своего оппонента (хобби, увлечение, работа и т.д.). Пример описания: «Ваш партнер достаточно спокойный человек. Кроме того, ведет размеренный образ жизни. В свободное время любит почитать книги. Редко ходит в шумные места, например клубы. Очень редко вступает в споры, и т.д...». Тем самым, у каждого участника по отношению к другому сформировалась когнитивная установка на то, что он должен выбрать стратегию сотрудничества. В другой экспериментальной группе, перед выбором ответа, показывали специально подобранный положительный видеоматериал.

Проведенное исследование показало, что воздействие когнитивного фактора в виде эффекта установки повлияло на принятие решения участниками. Другими словами, в контрольной группе из 44 человек только 22 выбрали стратегию сотрудничества, в экспериментальной группе 34 человека из 44 испытуемых предпочли сотрудничество. При воздействии аффективного фактора стратегию сотрудничества выбрали 28 человек из 44. Эти данные подтверждаются результатами статистической обработки. Данные результаты можно объяснить тем, что у каждого оппонента по отношению друг к другу сформировалось положительное впечатление, а именно, отсутствие агрессивности, враждебности и неприязни. В соответствии с этим, оппоненты выбирали стратегию сотрудничества, зная, что его партнер, в силу своих лич-

ностных особенностей выберет аналогичную стратегию, а не стратегию конфронтации, для которой более характерен враждебный настрой. Кроме того, на наш взгляд, на выбор участников повлиял феномен, который носит название «эффект первичности» [Зимбардо, Ляйппе, 2006]. Можно предположить, что информация, полученная впервые о незнакомом человеке, может эффективно повлиять на дальнейшее поведение в отношении этого человека. Что можно проследить в нашем случае, так как фактор незнакомства другого человека тщательно контролировался в ходе всего эксперимента. Тем самым, увеличивалась вероятность выбор стратегии сотрудничество при сформированном факторе.

Сама по себе когнитивная установка имеет сильное воздействие на поведение человека. Исследователи выяснили, что возможной причиной укрепления установки является ее «систематический анализ» [Зимбардо, Ляйппе, 2006, с.213]. Другими словами, установка имеет влияние в будущем, если она будет когнитивно проработана в настоящем. Поэтому в соответствии с исследованиями Ф. Зимбардо, можно предположить, что систематическая проработка делает установку более крепкой, затем в определенной ситуации она актуализируется [Зимбардо, Ляйппе, 2006].

Таким образом, фактором, повлиявшим на полученные результаты и на подтверждение гипотезы о том, что определенная когнитивная установка влияет на поведение при принятии решения, является прямое ознакомление участников с тем человеком, по отношению к которому создается установка. Тем самым, оба участника были настроены на сотрудничество, так как убедились в том, что другой оппонент не настроен «враждебно» по отношению к нему.

В заключении стоит отметить, что грамотно созданные когнитивный и эффективный фактор могут оказать влияние на принятие решения. Другими словами, при принятии решения влияние могут оказать когнитивные установки, которые направлены на необходимый выбор в данной ситуации, или эмоциональное воздействие, которое предопределяет выбор в позитивном направлении.

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

С.Л. Федько (Киев)

На сегодняшний день трудно опровергнуть факт влияния социальных изменений на особенности предоставления услуг психологического консультирования. В особенности, это важно для полиэтнических обществ, специфическими чертами которых являются культурная контрастность и национальная разнородность. В целях удовлетворения потребностей всех обращающихся за психологической помощью, независимо от этнической и культурной принадлежности, психологическое консультирование должно опираться на фундаментальную основу, которая, в свою очередь, зиждется на узком понимании и осмыслении индигенных особенностей того или иного народа.

На необходимости учета культурного контекста, который по праву является одной из основополагающих детерминант формирования личности, в процессе оказания психологической помощи акцентируют внимание как отечественные (проф. Бондаренко А.Ф.), так и зарубежные авторы (К. Паттерсон (Patterson, С. Н.), П. Педерсен (Pedersen, Р.), Дж. Понтеротто (Ponterotto, J.G.), А. Пуртинга (Poortinga, Y.H.), М. Сигалл (Segall, M.H.), Д. В. Сью, (Sue, D.W.), Д. Сью (Sue D.) и др.

Следовательно, значительный интерес представляет собой проблема поиска культурно-специфических методов оказания психологической помощи, которые подразумевают строгий учет переменных, оказывающих воздействие на формирование неповторимых культурных оттенков той или иной этнической группы.

Исходным положением является идея о том, что в основе практически любого научного подхода лежит определенная социокультурная традиция. Следовательно, с целью избежания неправомерного навязывания инокультурных паттернов мышления, норм и ценностей, центральным фактором, опосредующим выбор консультативного метода, должно быть не что иное, как культурная и этническая принадлежность клиента.

Таким образом, исходя из изложенных выше стандартов следует, что основной методологической задачей, на сегодняшний день, является поиск концептуальной основы обеспечения культурно-конгруэнтной психологической помощи или же адаптация существующих подходов к консультированию, в соответствии с конкретным культурными контекстом.

Насущность вопроса включения культурной составляющей в общее психологическое консультирование заключается: во-первых – в факте этнического многообразия в большинстве стран, фактическим замещением национальных обществ мультикультурными; во-вторых – в том, что многое в современной сфере оказания психологической помощи является заимствованным из консультативной практики стран западного мира (в особенности, США), с тенденцией к индивидуализму, потребительской направленностью и протестантской религиозной традицией.

Современные авторы, подчеркивая проблематичность применения американской консультативной модели в иных культурных пространствах, указывают на факт, что профессионалы по всему миру, некритично принимают опыт своих западных коллег, а следовательно, их теории, методы и стратегии работы. Такое заимствование не всегда является целесообразным, так как использование консультативных моделей, основанных на американском культурном контексте, может стать проблематичным, когда ценности культуры-реципиента существенно отличаются. (Norsworthy K.L., Heppner P.P., #198; gisdottir S., Gerstein L.H., Pedersen P.B)

Примером и доказательной базой невозможности существования универсальных методов могут служить свидетельства ряда ученых. К примеру, неоправданность применения традиционного рожерианского подхода в работе с жителями о. Тайвань была засвидетельствована Паулем Хеппнером (P. Heppner) еще в 1989 году. По причине того, что для тайванцев слово «консультант» (counselor), является синонимом к слову «учитель», клиенты априори настроены на получение совета или директивного указания, а не на эмпатическое слушание, что никак не коррелирует с примененной моделью. Дж. Катс (J. Katz), прослеживая социоисторическую основу модели психологической помощи применяемой в США, указывает, что последняя, всецело стоит на фундаменте культуры белых англо-саксонских протестантов, что делает ее неприменимой в среде жителей Азиатско-Тихоокеанского или Латино-Американского ареалов. Проф. А. Ф. Бондаренко, раскрывая истоки русской традиции в психотерапии, доказал нецелесообразность применения метода классического психоанализа в работе с контингентом отечественных клиентов, по причине того, что указанный выше метод в своих истоках легко ассоциируется с иудео-христианской, в частности, католической традицией. Вместе с тем, автор представляет метод, разработанный на почве представлений о русской культуре и восходящий к системе отечественных культурных норм, ценностей и духовных традиций – этический персонализм.

Таким образом, осознание тесной привязанности практики психологической помощи к культурной традиции приводит к необходимости открытия новых горизонтов для развития профессии психолога-консультанта и влечет за собой потребность поиска культурно-специфических методов, основанных на ценностях, верованиях, убеждениях, социокультурном и религиозном наследии конкретной этнической группы.

РИСУНОЧНАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ ИЗ ПАТРОНАТНЫХ СЕМЕЙ

Д.В. Филатова (Саратов)

В современной России количество детей, оставшихся без попечения родителей, ежегодно растет. Согласно официальной статистике, общая численность детей, оставшихся без попечения родителей, учтенных на конец 2011 года, составила 655 тысяч детей, поэтому утверждение, что воспитание в семье — наилучшее для нормальной жизни и развития ребенка, становится все более актуальным.

Зарубежное и российское законодательство провозгласило семейное устройство детей, нуждающихся в государственной поддержке, приоритетным, таким образом, сегодня наиболее актуальны:

- устройство ребенка не в учреждение, а в патронатную семью;
- профессиональная работа и помощь семье, чтобы появилась возможность оставления ребенка с родителями.

Такой новой, гибкой формой устройства ребенка в семью и работы с проблемной семьей является патронатное воспитание, которое помогает решению основной задачи — сохранить ребенка для семьи и семью для ребенка.

Патронатная семья — это форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, созданная при учреждении (детском доме, школе-интернате и т.п.). Патронатной семьей признается опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о патронатной семье (патронате, патронатном воспитании) случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации.

Таким образом, патронатная семья обеспечивает ребёнку безопасное и благоприятное окружение, удовлетворяет его базовые потребности во время пребывания в семье, обучает бытовым, социальным навыкам и самообслуживанию. У ребенка есть возможность узнать тепло семейных отношений.

Профессиональное сопровождение семьи и ребенка является частью модели патронатного воспитания и создает специфические условия для успешной адаптации и социализации ребенка.

Психолог проводит психотерапевтическую работу с семьей, а также разрешает конфликты между приемным ребенком и собственными детьми воспитателя. Он регулярно проводит тренинговые группы для патронатных семей, посвященные особенностям детского развития.

Детскому психологу необходимо владеть всеми видами работы, для успешного решения поставленных перед ним задачи. Его деятельность включает различные виды работ: психологическая профилактика, диагностика, психологическая коррекция, работа по развитию личности ребенка, психологическое консультирование и психологическое просвещение. Все эти виды работ взаимосвязаны и в практической

деятельности психолога присутствуют в нерасторжимом единстве. Безусловно, в любой конкретной ситуации каждый из видов работы может выдвигаться на первый план в зависимости от той проблемы, которую решает психолог.

Рисуночные методики выгодно выделяются среди других методов своей естественностью и полным соответствием требованиям, предъявляемым к процедуре психологического обследования. Анализируя рисунок, можно наблюдать за ходом общего психического развития ребенка, дифференцировать норму и нарушения, вычленивать эмоционально - личностные особенности. Однако возможности использования рисунка и особенности интерпретации, получаемых с его помощью данных, до сих пор признаются не до конца изученными.

Объектом исследования является процесс адаптации детей-сирот.

Предмет исследования - социальная адаптация детей-сирот из патронатных семей

Цель работы – выявить особенности адаптации детей-сирот из патронатных семей с помощью рисуночной психодиагностики.

Гипотеза - при интерпретации результатов детей-сирот, воспитывающихся в патронатных семьях, в ходе применения рисуночной психодиагностики будут выявлены особенности их социальной адаптации.

Задачи:

1. Проанализировать литературу с помощью рисуночной психодиагностики.
2. Рассмотреть особенности психического развития детей-сирот.
3. Подбор экспериментальных методик для изучения эмоционального состояния детей-сирот в фостерных семьях.
4. Выявить особенности социальной адаптации детей-сирот в фостерных семьях.
5. Проанализировать полученные результаты.

Методы исследования:

- Теоретический (изучение психологической, методической, специальной литературы);
- Эмпирический (наблюдение);
- Статистические (методы количественной обработки результатов).
- Методики исследования
- Проективная методика исследования внутрисемейных отношений «Кинетический рисунок семьи» (КРС) Бернса и Кауфмана.
- Проективная методика исследования личности «Дом – дерево – человек» (ДДЧ) Дж. Бука.

Эксперимент проводился на базе Детского санаторно-оздоровительного лагеря «Морская волна» п. Лермонтово, Туапсинского района.

В исследовании принимали участие дети-сироты 8-9 летнего возраста в количестве 6 человек, проживавшие в патронатных семьях 2 года, а рисунки детей были разделены на три группы: положительное эмоциональное отношение, негативное эмоциональное отношение и смешанное эмоциональное отношение детей к членам приёмной семьи.

Таким образом, исследование с помощью рисуночных методик выявило ряд особенностей адаптации детей-сирот в приемных семьях, у которых наблюдаются:

- потребность в сплоченности семьи;
- положительное взаимодействие с членами семьи;
- трудности в стремлении раскрыться в кругу семьи, потребность влиться в семейную ситуацию;
- агрессия по отношению к некоторым членам семьи;

- чувство отверженности и замкнутости;
- эгоцентризм;
- чувство недостаточности эмоциональной теплоты;
- ощущение своей малоценности;
- боязнь быть покинутыми;
- готовность к контактам;

Данное исследование наглядно показало, что адаптация детей-сирот в патронатных семьях происходит неодинаково. Имеются свои особенности - как положительные, так и отрицательные, а определяющую роль играет приемная семья.

Проективные методы играют важную роль в исследовании глубинных индивидуальных особенностей личности, которые менее всего доступны непосредственному наблюдению или опросу. Таким образом, в работе с патронатными семьями, рисунок является качественным показателем взаимоотношений ребенка с членами приемной семьи, а также позволяет увидеть те проблемы, которые, зачастую, оказываются скрыты.

АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ЛИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

И. Л. Фельдман (Тула)

На формирование адаптационных стратегий личности младшего школьника в стрессовых ситуациях влияет следующее: активное развитие познавательных функций, осознание собственных чувств, чувствительность, впечатлительность, эмоциональность, отзывчивость, становление морально-нравственных качеств, умение и готовность устанавливать контакты со сверстниками; становление мировоззрения, формирование самооценки и самосознания, самоэффективности, обусловленных, прежде всего их индивидуально-личностными особенностями (наследственные, физиологические, следствие влияния среды), уровень когнитивной и эмоциональной сферы, отношения в микросоциуме.

Проведённый эмпирический анализ учеников 2 и 4 классов сельских и городских школ позволят нам сделать следующие выводы.

У городских школьников 2 классов, преобладали пассивные адаптационные стратегии. Они стремились забыть о своих неприятностях, расслабиться, избавиться от тягостного эмоционального компонента путём переключения на более лёгкие способы снятия напряжения. Так же эти дети предпочитали оставаться в одиночестве, наедине с проблемой.

Городские школьники 2 классов используют психический тип адаптации, включающий такие стратегии, как: мечтаю, представляю себе что-нибудь; говорю сам с собой; стараюсь забыть; останусь сам по себе, один; думаю об этом; социально-психологический тип адаптации, включающий такие стратегии, как: играю во что-нибудь; обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или глажу животное (собаку, кошку и пр.); прощу прощение или говорю правду; психофизиологический тип адаптации, включающий такие стратегии, как: стараюсь расслабиться, оставаться спокойным; ем или пью.

У школьников 2 класса, проживающих в сельской местности преобладали активные адаптационные стратегии. В их реакциях на стресс доминировали реакции про-

теста, дети дразнили окружающих, кричали, старались забыть. Когда они сомневались в собственных возможностях, обсуждали трудности и неприятности совместно с родителями и друзьями.

Дети 2 класса, проживающие в сельской местности используют психический тип адаптации, включающий такие стратегии, как: стараюсь забыть; социально-психологический тип адаптации, включающий такие стратегии, как: гуляю вокруг дома или по улице; дразню кого-нибудь; гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде; говорю с кем-нибудь; психофизиологический тип адаптации, включающий такие стратегии, как: делаю что-то подобное; ем или пью; кусаю ногти или ломаю суставы пальцев; сплю; воплю и кричу.

Ученики 4 класса, проживающие в сельской местности, в отличие от городских младших школьников, по психическому типу адаптации, в большей степени используют такие стратегии, как: останусь сам по себе, один; стараюсь забыть; мечтаю, представляю себе что-нибудь; рисую, пишу или читаю что-нибудь; молюсь; говорю сам с собой; смотрю телевизор, слушаю музыку; по социально-психологическому типу адаптации: обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или глазу животное (собаку, кошку и пр), прощу прощение или говорю правду; по психофизиологическому типу адаптации: кусаю ногти или ломаю суставы пальцев, ем или пью, борюсь или дерусь с кем-нибудь, схожу с ума (не понимаю, что делаю, совсем не могу держать себя в руках), бью, ломаю или швыряю вещи; сплю; стараюсь расслабиться; воплю и кричу.

Наиболее высокие показатели частоты использования копинг-стратегий, субъективной эффективности их использования и тотальности отмечались у детей 4 класса, проживающих в сельской местности, это свидетельствует о том, что процесс овладения навыками стресспреодолевающего поведения у младших школьников, проживающих в сельской местности значительно заторможен. Это можно объяснить тем, что в городе дети 4 классов способны выделять из всего нерасчленённого потока чувственных феноменов некоторые устойчивые элементы, чтобы, изолировав их, сосредоточить на них внимание. А так же можно предположить, что в сельской местности детям нужно приспособляться к возникшим ситуациям, так как все взаимодействуют в одном коллективе, учатся в одной школе, живут в одном дворе, нет возможности поменять школу, не видеть тех людей, с которыми поссорился.

Гипотеза о том, что реакции на неудачу и способы выхода из ситуаций различны у младших школьников городских и сельских школ в 4 и 2 классах частично подтвердилась.

У городских школьников и ребят, проживающих в сельской местности, обучающихся во 2 классе существует комплекс адаптационных стратегий на стрессовые ситуации, при котором они используют импунитивные реакции и реакции с фиксацией на препятствии.

У городских школьников 4 классов существует комплекс адаптационных стратегий на стрессовые ситуации, при котором они используют импунитивные реакции и реакции с фиксацией на препятствии. У младших школьников 2 класса, проживающих в сельской местности существует комплекс адаптационных стратегий на стрессовые ситуации, при котором они используют интропунитивные реакции и реакции с фиксацией на разрешении ситуации.

Подтвердилась частная гипотеза о том, что адаптационные стратегии связаны с уровнем социальной активности, внутренним потенциалом личности и уровнем социальной поддержки.

Уровень и структура адаптации городских младших школьников и школьников, проживающих в сельской местности, существенно образом отличаются. Проблемные ситуации, оказывающие повседневное стрессорное воздействие имеют качественные и количественные отличия. Для городских младших школьников наиболее осознаваемыми субъективными стрессорами являются: социальное положение, общение с друзьями, общение с отцом, чувство вины. Учеников, проживающих в сельской местности беспокоят: общение с матерью, осознание того, что все против них. Страх перед учителем и плохими оценками присутствовал у всех младших школьников.

Таким образом, подтвердилась общая гипотеза о том, что существуют различия в адаптационных стратегиях личности младшего школьника в стрессовых ситуациях между младшими школьниками, проживающими в городе и сельской местности.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА, БОЛЕЮЩИХ БРОНХИАЛЬНОЙ АСТМОЙ

Г.В. Филиппова (Сыктывкар)

Значимой медико-социальной проблемой является личность подростков, страдающих бронхиальной астмой. Немаловажная роль в прогнозе и течении этого заболевания отводится психологическому фактору, который рассматривается в психосоматических заболеваниях. Но в настоящее время роль этого фактора в заболевании учитывается мало, несмотря на то, что многие исследования указывают на то, что психологические факторы могут влиять на заболеваемость и симптоматику бронхиальной астмы, а она, в свою очередь, может привести к патологическим изменениям личности. Это препятствует формированию четких представлений об особенностях личности подростков, болеющих бронхиальной астмой, затрудняет достаточную информированность их родителей и врачей, что создает нежелание изменять устоявшиеся взгляды в представлении этого заболевания. В основном исследуется взрослая часть населения, встречаются единичные работы, в которых исследуется детский возраст и практически совсем не рассматривается личность и психологическая коррекция подростков, болеющих бронхиальной астмой, в условиях лечебно-профилактических и лечебно-стационарных учреждений, вне контекста семьи. Этой темой занимались немногие авторы. К отечественным ученым относятся А.Д.Адо, П.К.Булатов, Н.М.Амосов; к зарубежным – Н. Хогсхед, Дж.Казенс, Р.Шмидт и другие. Цель представленной работы – изучение личностных особенностей детей подросткового возраста, болеющих бронхиальной астмой. Задачи исследования:

1. На основе анализа литературы, описать личностные особенности подростков, болеющих бронхиальной астмой.
2. Провести исследование изучаемой переменной – тревожность у здоровых детей подросткового возраста и болеющих бронхиальной астмой
3. Провести обработку с помощью критерия Манна-Уитни

Объект исследования – личностные особенности детей подросткового возраста. Предмет исследования - личностные особенности детей подросткового возраста, болеющих бронхиальной астмой.

Гипотеза - дети подросткового возраста, болеющие бронхиальной астмой, в большей степени отличаются повышенной тревожностью, чем здоровые подростки.

Нулевая гипотеза - дети подросткового возраста, болеющие бронхиальной астмой, не отличаются повышенной тревожностью от здоровых подростков.

В исследовании использовались следующие методы: теоретический анализ литературных источников по исследуемой проблеме; методика изучения личностной и ситуативной тревожности Спилбергера – Ханина.

Исследование было проведено на базе пульмонологического отделения Республиканской Детской больницы города Сыктывкара и МБОУ «Томская СОШ» п. Том. В исследовании приняли участие группы подростков в возрасте от 14 до 17 лет: экспериментальная группа (15 человек); контрольная группа (общей численностью 15 человек).

Для статистической обработки данных исследования был использован критерий Манна-Уитни.

Анализ результатов теста-опросника Спилбергера-Ханина показал незначительную разницу по показателям уровня ситуативной тревожности в исследуемых группах. 0% в группе здоровых подростков и 20% в группе болеющих бронхиальной астмой, имеют низкий и очень низкий уровень ситуативной тревожности, что свидетельствует об отсутствии напряжения, беспокойства, озабоченности, нервозности при эмоциональной реакции на стрессовую ситуацию. Низкотревожные подростки исключают свою ответственность при решении тех или иных задач, показывают незаинтересованность в деятельности. У 73% испытуемых в группе здоровых подростков и у 67% испытуемых, болеющих бронхиальной астмой, адекватный уровень ситуативной тревожности. В контрольной группе высокая ситуативная тревожность выявлена у 27% здоровых подростков. Тогда как в экспериментальной группе высокая ситуативная тревожность выявлена лишь у 13% подростков. Высокий показатель ситуативной тревожности косвенно свидетельствует о выраженном психоэмоциональном напряжении испытуемого. Этот показатель чутко реагирует на изменения психоэмоционального состояния. Повышенный показатель ситуативной тревожности у здоровых подростков можно объяснить приближением стрессовой ситуации, такой как приближающиеся экзамены (ЕГЭ и ГИА) и контрольные работы. 27% испытуемых в группе здоровых подростков имеют адекватный уровень личностной тревожности, что свидетельствует о склонности воспринимать достаточно широкий круг ситуаций как угрожающие и реагировать на них соответствующим состоянием тревожности. В обеих группах 0% подростков имеют низкий показатель личностной тревожности, то есть в обеих группах у подростков завышенная личностная тревожность, что даёт представление о высокой вероятности появления состояния тревожности у субъектов в ситуациях, где речь идёт об оценке их компетентности, подготовленности и воспринимаемых ими как угрожающие. У 73% испытуемых в группе здоровых подростков высокий уровень тревожности, 100% подростков, болеющих бронхиальной астмой, имеют высокую личностную тревожность. Таким образом, можно сделать вывод о том, что личность подростков, болеющих бронхиальной астмой, характеризуется повышенной личностной тревожностью. Это можно объяснить тем, что бронхиальная астма влияет на психологическое состояние подростка: происходят изменения в структуре, внутреннем содержании образа «я» больного ребенка, меняется характер, настроение, эмоциональный фон, волевая схема; у детей, страдающих бронхиальной астмой, часто возникают трудности в системе межличностных контактов; они недоверчивы и подозрительны, у них преобладает эгоцентризм, инфантильность; также у них преобладает высокий уровень нейротизма и у них легко и часто возникают страхи. На основании проведенного анализа можно сделать выводы, что подростки, страдающие бронхиальной астмой, отличаются повышенной

тревожностью, легкостью возникновения страхов, у них преобладает эгоцентризм, инфантильность, повышенная эмоциональная связь с родителями и теснейшая зависимость от них. Также у них присутствует высокий уровень нейротизма, депрессивный фон настроения.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЗОНДА НА ДИНАМИКУ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ ПРИ РЕШЕНИИ ИНСАЙТНЫХ ЗАДАЧ

О.В. Филяева (Ярославль)

На сегодняшний день феномен инсайта является одним из наиболее актуальных для изучения в современной психологии мышления. Последние исследования в данном направлении говорят о том, что рабочая память играет существенную роль в процессе решения задач. Существует большое количество различных подходов и методов для изучения рабочей памяти.

В данном исследовании мы используем методический прием двойной задачи в качестве задания-зонда. Данный прием опирается на модель ограниченного ресурса Д. Канемана.

В данной работе также затрагивается проблема влияния возбуждения на ресурс. Согласно модели Д. Канемана, входящая информация вызывает возбуждение. В результате имеющиеся возможности (ресурсы) приводятся в соответствие со стимулом в зависимости от устойчивой или ситуационной предрасположенности. Мы предполагаем, что ресурс не имеет постоянного объема и может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от уровня возбуждения. В таком случае, метод «двойной задачи» становится спорным методом для определения затрачиваемого объема ресурса.

Целью нашей работы является изучение роли рабочей памяти в процессе решения инсайтных задач.

Была выдвинута следующая гипотеза: существуют различия в динамике загрузки рабочей памяти во время решения инсайтной задачи методом задания-зонда, в зависимости от наличия, либо отсутствия возбуждения. Общая гипотеза может быть конкретизирована в ряде частных гипотез:

1. Существует влияние возбуждения, вызванного стимулом положительного содержания, на динамику загрузки рабочей памяти при решении инсайтной задачи.

2. Существует влияние возбуждения, вызванного стимулом негативного содержания на динамику загрузки рабочей памяти при решении инсайтной задачи.

В исследовании принимали участие 18 человек. Каждому из них было предложено решить по три инсайтных задачи, выполняя в это же время задание-зонд. Один зонд с нейтральным содержанием, и два с эмоциогенным содержанием: положительный и отрицательный. Само исследование состояло из двух частей: тренировка (выбор альтернатив без решения основной задачи). Основная часть также состояла из трех частей в зависимости от содержания задания-зонда:

1. В качестве задания, оказывающего нейтральное воздействие, испытуемому предлагались изображения лиц людей, которые он должен был определить по типу «мужское – женское» (F)

2. В качестве задания, оказывающего негативное эмоциогенное воздействие, предлагались картинки устрашающего характера, которые определялись по типу «человек – не человек» (Z)

3. В качестве задания, оказывающего положительное эмоциогенное воздействие, предлагались картинки сексуального/эротического характера, которые определялись по типу «мужское - женское». (A)

После того, как испытуемый давал верный ответ на основную задачу, эксперимент прекращался.

Фиксировалась скорость выбора альтернатив, общее время решения задачи, и количество сделанных ошибок при выборе альтернатив.

Скорость выбора альтернатив подсчитывалась при помощи деления общего количества времени решения задачи на 10 этапов. На каждом этапе решения подсчитывалось среднее время нажатия на клавишу при выборе альтернативы.

Далее, эти данные сравнивались между собой по трем экспериментальным сериям.

Значимость различий подсчитывалась при помощи факторного дисперсионного анализа (ANOVA). Отдельно подсчитывались значения для всех этапов и для некоторых отдельных участков. Далее, для сравнения задач по типу зонда также проводился факторный дисперсионный анализ (ANOVA). Наиболее значимые различия дал однофакторный анализ А серии (ДА хи-кв. ($N = 20$, $df = 9$) = 16,74545 $p < ,05286$)

Еще более значимыми стали результаты при подсчете однофакторного дисперсионного анализа А серии с 4 по 6 этапы ($F=3,962$; $p=0,024$).

Этот спад активности с 4 по 6 этап можно трактовать, как переход испытуемого от стадии прочтения и решения задачи к процессу решения задачи.

Из полученных данных следует, что не существует различий в динамике загрузки рабочей памяти во время решения инсайтной задачи методом задания-зонда, в зависимости от наличия, либо отсутствия возбуждения. Объяснением данным результатам могут послужить две причины: во-первых, ресурс, выделяемый на решение задачи может быть стабильным, и не подвергается воздействию внешних стимулов. Во-вторых, стимулы, предъявляемые в качестве задания-зонда, не вызывали нужного уровня положительного либо отрицательного возбуждения, которое отнимало слишком мало ресурса, для того что бы это отразилось на динамике решения основной задачи.

Вывод: не существует различий в динамике загрузки рабочей памяти во время решения инсайтной задачи методом задания-зонда, в зависимости от наличия, либо отсутствия возбуждения, следовательно, гипотеза, о том, что существуют различия в динамике загрузки рабочей памяти во время решения инсайтной задачи методом задания-зонда, в зависимости от наличия, либо отсутствия возбуждения не подтвердилась.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00133-а, и гранта Президента РФ МК-4625.2013.6

ОСОБЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОКРАСТИАНЦИИ У СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА)

Я.И. Фишер (Москва)

Ситуация многозадачности современной жизни приводит к широкому распространению явления прокрастинации в обществе. Однако, учащаяся молодежь в связи с возрастными особенностями, в частности – изменением социального статуса, наиболее подвержена данному состоянию.

Прокрастинация – это специфическая деятельность человека, характеризующаяся сознательным откладыванием выполнения намеченных действий на более поздний срок.

Обращаясь к отечественным и зарубежным источникам, можно отметить как факт повышенной тревожности во время прокрастинации, так и факт равнодушного отношения к учебным делам, выполнение которых оставлено на крайний срок. Однако в большинстве случаев пребывание в состоянии прокрастинации становится постоянной характеристикой учебной деятельности современных студентов.

Актуальность изучения проблематики феномена прокрастинации обусловлена во многом тем, что явление устойчивой академической прокрастинации соответствует низкой эффективности учебной деятельности студентов.

Проблема прокрастинации студентов рассматривалась в науках о человеке в аспектах возникновения, обусловленности данного явления психофизиологическими особенностями индивида и гендерных особенностей. В нашем исследовании мы попытаемся выявить взаимосвязь возрастных и гендерных особенностей прокрастинации у студентов в процессе обучения в вузе.

Таким образом, изучаемую проблему можно сформулировать в виде вопроса: каковы возрастные и гендерные особенности прокрастинации в сфере образования у студентов.

Объектом исследования является феномен прокрастинации студентов, а предметом исследования – возрастные и гендерные особенности прокрастинации в сфере учебной деятельности у студентов 1 и 3 курсов обучения.

Первой гипотезой исследования является утверждение, что существуют гендерные особенности академической прокрастинации у студентов, а именно: у студентов мужского пола переживание чувства вины при прокрастинации выражено слабее.

Второй гипотезой исследования является утверждение, что существуют возрастные особенности академической прокрастинации у студентов, а именно: студенты 1 курса испытывают чувство заинтересованности по отношению к процессу и результату выполнения учебных заданий, что сокращает период их академической прокрастинации.

Было проведено модельное исследование возрастных и гендерных особенностей академической прокрастинации у студентов педагогической направленности с помощью методов феноменологического интервью и фокус-групп по обсуждению проблемы прокрастинации у учащейся по педагогической направленности молодежи. В процессе обработки результатов феноменологического интервью и фокус-групп нами был проведен анализ аспектов предпосылок и проявления академической прокрастинации, особенностей переживаний в процессе прокрастинации, способов самоорганизации и саморегуляции, личностной ценности прокрастинации и последующих умозаключений.

Выборка модельного исследования по методу феноменологического интервью состоит из 16 представителей учащейся молодежи Московского педагогического государственного университета 1 и 3 курсов в возрасте 18-21 года: по 4 испытуемых женского и мужского пола с каждого курса. Выборка модельного исследования по методу фокус-групп состоит из 10 представителей учащейся молодежи Московского педагогического государственного университета 1 и 3 курсов в возрасте 18-21 года: 5 испытуемых женского пола и 1 испытуемый мужского пола 1 курса обучения, 3 испытуемых женского пола и 1 испытуемый мужского пола 3 курса обучения.

В результате эмпирического исследования были сделаны следующие выводы:

1. У студентов не выявлено выраженных гендерных особенностей академической прокрастинации. Модельным исследованием опровергнута изначальная гипотеза о слабо выраженном переживании чувства вины у студентов мужского пола при прокрастинации (во всяком случае – по выборке в педагогическом вузе).

2. Существуют возрастные особенности академической прокрастинации у студентов педагогической направленности, а именно: студенты 1 курса испытывают чувство заинтересованности по отношению к процессу и результату выполнения учебных заданий, что сокращает период их академической прокрастинации.

3. В связи с тем, что у 3 курса факт новизны обучения в вузе снижен, феномен прокрастинации становится более индивидуализированным, т.е. зависит от личностной включенности в содержание обучения и его связь с профессионально-жизненной перспективой.

4. Всю выборку прокрастинаторов можно типологически разделить на тех, у кого высокие результаты обучения и тех, у кого довольно они низкие. Таким образом, у студентов не было выявлено прямой и устойчивой связи академической прокрастинации с успеваемостью. Это является предпосылкой для дальнейших исследований проявлений академической прокрастинации во взаимосвязи с особенностями профессионально-личностных устремлений студентов.

ПОНИМАНИЕ ОБМАНА И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

А.Я. Фоминых (Москва)

Феномен обмана, его понимание и осознание является одной из составляющих модели психического или «Theory of mind». Представление о данном феномене позволяет человеку более успешно адаптироваться в современном мире, дает некое знание о социальных взаимодействиях и позволяет прогнозировать поведение других людей. Само понимание коммуникативной функции, в свою очередь, оказывается связанным как с личностными характеристиками, так и с другими особенностями и рассматривается в субъект-субъектных отношениях.

В исследовании приняли участие 200 испытуемых – ученики старших классов школ и студенты различных средне-специальных и высших учебных заведений. 35 испытуемых - в возрасте от 12 до 14 лет, 73 – от 15 до 17 и 92 человека – от 18 до 22.

В настоящем исследовании был использован ряд методик, который позволил диагностировать искомые личностные характеристики подростков и понимание обмана.

Для выявления личностных особенностей использовался опросник EPI в российской адаптации [Русалов, 1992], опросник Самомониторига М.Снайдера (M.Snyder)

[Полежаева, 2006], опросник Макиавеллизма, предложенный Кристи и Гейс (Christie, Geis, 1970) [Знаков, 2001] и опросник ценностных ориентаций Шварца.

Для оценки представлений об обмане были использованы нарративы, созданные в Колесниковой Н.И. и Сергиенко Е.А. в работе «Личностные аспекты понимания психического у взрослых». Нарративы были разработаны специально для каждой из половозрастных групп с учетом актуальности и значимости различных событий в разные периоды жизни. Для старшего школьного и студенческого возраста нарративы отражали ведущие жизненные задачи, предполагающие проекцию субъекта. Для каждой ситуации было также разработано по два нарратива, отражающих два вида обмана, выделенных А.С. Герасимовой [Герасимова, 2004]: высказанный и по умолчанию. Всего было представлено 6 ситуаций: 3 ситуации высказанного обмана и 3 обмана по умолчанию. Для всех возрастов от 12 до 22 лет для анализа предлагались следующие ситуации: «общение с родителями», «общение с близким другом», «общение с преподавателями». Респонденты должны были решить, присутствует ли обман в данных неоднозначных ситуациях и обосновать свой ответ. В ходе обработки данных нами был предложен показатель выражающий отношение к обману, который складывался из баллов, кодирующих наличие или отсутствие обмана, по мнению испытуемого, в шести неопределенных ситуациях. Каждая ситуация кодировалась следующим образом. 0- «Не обман» 1 – «Да, но», 2 – «Да, обман». Таким образом, общий балл имел максимальное значение в 12 баллов.

Анализ полученных результатов позволил выявить некоторую специфику в понимании обмана и связанных с ним характеристик:

- Понимание обмана обнаруживает связь с ценностными ориентациями разного уровня, что означает, что признание наличия обмана в неопределенности, будет, скорее всего, связано с высокой степенью понимания и терпимости к другим людям, признанием ценности человеческого существования и умением сдерживать свои порывы и желания, вести себя в соответствии с общепринятыми законами. Такая тенденция подтверждается многими авторами, которые утверждают, что в ситуации действия в контексте межличностных отношений поступок (выбор в неопределенной ситуации) совершается путем соподчинения и иерархизации системы мотивов в мотивационной сфере личности. А сознательный выбор той или иной альтернативы при моральном поступке предполагает ориентацию субъекта деятельности на внутреннюю иерархическую систему ценностей [Козлов В.В; Езерская К., 2010]. Высокий уровень развития самосознания, в свою очередь, говорит о том, что понимание себя и понимание другого (модель психического), находит свое прямое отражение в понимании обмана.

- Сравнительный анализ понимания 2х видов обмана выявил следующие закономерности:

1. В ситуации обмана по умолчанию обнаруживаются связи с показателями ценностных ориентаций разного уровня и макиавеллизмом. Т.е. способность сдерживать и контролировать свои действия и побуждения, которые могут навредить другим и терпимость к людям, оказывается связанным с пониманием и признанием обмана в неопределенных ситуациях. А ориентация лишь на свои интересы, связанное с желанием иметь все, что захочется и склонность к манипуляциям другими людьми ради получения желаемого, напротив, будут связаны с непризнанием обмана, особенно, в случае, когда не требуется его устного выражения. Хорошим примером такого поведения служит выражение «не сказал, значит, не соврал».

2. В ситуации высказанного обмана его понимание оказалось связанным с отказом от собственных интериоризированных норм в пользу норм общественных и ориентацией на интересы других людей. Отрицание наличия обмана будет, в большей степени, связано со способностью учитывать мотивы других, хорошо приспосабливаться к новой неизвестной ситуации, а также умением манипулировать.

Таким образом, было показано, что понимания обмана, как составляющей модели психического, обнаруживает связи с различными характеристиками такими как ценностные ориентации и некоторые личностные характеристики. Результаты проведенного исследования позволяют расширить представления о понимании обмана.

РОЛЬ САМООЦЕНКИ В СТРУКТУРЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А.А. Фролов (Краснодар)

В период реформирования Министерства внутренних дел Российской Федерации актуальным является процесс формирования сотрудника органов внутренних дел как высоконравственного профессионала, который воплощает в себе исключительно положительные качества личности и профессионального мастерства.

Исследования личностных особенностей и психодинамических свойств представителей силовых структур в настоящее время подвергаются детальному изучению, но вместе с тем диагностика таких сфер личности как мотивационная, ценностно-ориентационная и морально-нравственная достаточно затруднена в силу сложности и неоднозначности предмета исследования. В тоже время в психологической структуре личности имеется ряд других значимых категорий, изучение которых позволяет не только построить более качественно содержательный образ сотрудника правоохранительного органа, но и прогнозировать вектор его поведения. Одной из таких категорий, на наш взгляд, является самооценка как центральная область самосознания. Ее основу составляет система личностных смыслов индивида, принятая им система ценностей. Вместе с тем, нам видится, что особенности профессионального поведения сотрудников органов внутренних дел целесообразнее рассматривать через призму самосознания, а конкретнее через правосознание. Определение, данное Аминовым И.И., согласно которому правосознание - это система знаний, оценок и представлений о правопорядке общества, а также установок правоисполнительного поведения, на наш взгляд наиболее полно отражает содержание данного конструкта. И именно этого понимания мы будем придерживаться в нашем исследовании, посвященном изучению взаимосвязи самооценки с уровнем правосознания сотрудников органов внутренних дел. Содержание явления правосознания имеет непосредственное личностное выражение и, на наш взгляд, соотносится с индивидуально-психологическими особенностями самой личности. Выполнение профессиональных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел осуществляется через совершение определенных профессиональных действий, которые позволяют достигнуть нужного результата. В свою очередь, успешность профессиональной деятельности зависит от качества выполнения профессиональных обязанностей, которое, на наш взгляд, может быть рассмотрено с позиции совершенных нарушений дисциплины и законности. Исходя из этого, мы сделали предположение о зависимости правосознания, самооценки, индивидуально-психологических особенностей личности и особенностей профессиональной деятельности с позиции нарушения дисциплины и законности, что позволит под другим

углом рассматривать роль самой самооценки, как в структуре правосознания, так и в структуре самосознания. Проблема заключается в том, что это влияние неоднозначно, оно может носить как конструктивный, так и деструктивный характер, гармонизировать структуру личности или наоборот, усилить противоречия между ее отдельными сферами, а также воздействовать на продуктивность ее деятельности.

В исследовании участвовало 400 сотрудников органов внутренних дел, из них 245 человек - действующие сотрудники МВД России, 155 - слушатели и курсанты Краснодарского университета МВД России. Репрезентативность выборки была обеспечена, в том числе достаточной представленностью сотрудников, как мужчин, так и женщин, имеющих разный возраст и стаж службы в органах внутренних дел. Исследование носило лонгитюдный характер.

В ходе исследования проводилось изучение правосознания, самооценки и индивидуально-психологических особенностей испытуемых, а также осуществлялся контент-анализ профессиональной деятельности с позиции совершенных ими нарушений дисциплины и законности. Полученные результаты показали наличие взаимосвязи между уровнями правосознания и видами самооценки – чем выше уровень правосознания, тем выше самооценка личности. Также была отмечена зависимость между уровнями правосознания и количеством и содержанием совершенных нарушений дисциплины и законности – чем выше уровень правосознания, тем меньше фиксируется нарушений. Выводы подтвердили наши предположения о связи самооценки и правосознания личности. Практическая реализация математических моделей осуществлялась методами корреляционного анализа на основе применения пакета IBM® SPSS® Statistics 20 (Statistical Package for Social Science). Полученные экспериментальные данные позволяют продолжить наше исследование и дифференцировать обследуемых на группы с разными конфигурациями вышеуказанных параметров - уровнем правосознания, видами самооценки, определенными индивидуально-психологическими особенностями и успешностью профессиональной деятельности с позиции нарушений дисциплины и законности.

Таким образом, мы предполагаем, что полученные результаты позволят более качественно раскрыть индивидуально-психологические черты личности сотрудника органов внутренних дел. В свою очередь, это позволит повысить оптимизацию психологического сопровождения деятельности сотрудников силовых структур в аспекте профилактики правонарушений (в частности, превышения властных полномочий, злоупотребления служебным положением, сознательного уклонения от исполнения профессиональных обязанностей), а также своевременно предупреждать действия и поступки стражей правопорядка, которые оказывают отрицательное влияние на имидж всей правоохранительной системы.

ОЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СУБЪЕКТИВНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПРОЖИВАНИЯ НА РАДИОАКТИВНО ЗАГРЯЗНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Н. Хашченко, Е.М. Панова (Москва)

Проблемы жизнедеятельности человека на экологически неблагоприятных территориях являются предметом рассмотрения многих наук как естественных, так и гуманитарных. Особое место в ряду исследований экологических факторов занимают проблемы, связанные с психологическими последствиями аварий на атомных и химических производствах. Авария на Чернобыльской АЭС в 1986 г. стала трагическим событием в истории не только нашей страны, но и мира в целом. Вопросы, связанные в первую очередь с ликвидацией аварии, а затем последствий катастрофы решались специалистами разных областей, как практики, так и науки. Психологические и социально-психологические исследования, которые были проведены в посткатастрофный период, также внесли свой вклад в минимизацию последствий трагедии. В работах, выполненных в посткатастрофный период, отмечалось, что в регионах, пострадавших от последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС протекают сложные и противоречивые социальные, социально-психологические, социально-экономические, политические и другие процессы (Е.М. Бабосов, М.И. Бобнева, А.Л. Верник, Г.М. Денисовский, А.Л. Журавлев, А.В. Мозговая, В.А. Сумарокова, Ю.М. Швалб и др.). Подчеркивался тот факт, что авария на Чернобыльской АЭС поставила многих людей перед необходимостью жить и работать в условиях повышенного экологического риска (Г.М. Денисовский, А.В. Мозговая). Изменения в структуре жизненных условий, с которыми взаимодействует человек постоянно, связаны, прежде всего, с мощным негативным фактором – радиационной угрозой, которая влияет на социальную и психологическую устойчивость, как личности, так и социальных групп. Указанные проблемы и в настоящее время не утратили своей значимости, несмотря на то, что после аварии прошло более 25 лет. Годы прошедшие после катастрофы снизили остроту фактора экстремальности, но, как отмечают специалисты, радиоактивное загрязнение, как фактор, который «не виден», оказывает негативное воздействие на окружающую нас природу, и на человека в том числе, очень длительное время (так, например, период полураспада цезия-137 и стронция-90 – более 30 лет).

Во многих исследованиях в первые посткатастрофные годы был сделан вывод о том, что под влиянием психологического стресса оказалась значительная часть населения территорий, подвергшихся воздействию аварии на ЧАЭС. Особенности реакции на радиационную опасность были охарактеризованы следующими симптомами: нарастание апатии, пассивности, отказа от ответственности за свою судьбу, образ жизни и здоровье при сохраняющемся высоком уровне восприятия радиационной угрозы и др. (Т.А. Марченко, А.В. Мозговая). Социальными, психологическими и социально-психологическими вопросами, которые рассматривали ученые и специалисты, изучающие последствия Чернобыльской катастрофы являются проблемы связанные с особенностями физического, социального самочувствия и психического состояния населения, проживающего на загрязненных территориях; состоянием стресса и комплексом «жертвы» катастрофы (Т.В. Голушко, А.И. Валитова и др.); социально-психо-

логической напряженности жизнедеятельности (В.Н. Абрамова, В.Г. Асеев, Т.В. Базылевич, М.О. Бобрик, О.В. Гусева, А.Л. Журавлев, Л.А. Пергаменщик, В.А. Сумарокова и др.) и др..

Одним из наиболее важных показателей, отражающих состояние социального и социально-психологического самочувствия населения, выступает субъективная оценка здоровья. Отношение к своему здоровью и здоровью членов семьи – один из факторов социальной напряженности проживания в экологически неблагоприятных условиях. Результаты опросов зафиксировали, что произошло резкое снижение в самооценке здоровья населения в первые дни после аварии, обозначались различные симптомы, позволяющие судить об изменении в худшую сторону самочувствия. Затем, в первые годы после аварии, появляются противоречивые данные о физическом самочувствии. В одном из исследований отмечается, что при негативной оценке изменения своего здоровья за 2-3 года после аварии, на момент опроса в 1991-92 гг. большей частью респондентов оно оценивалось как «неплохое». Был сделан вывод о том, что субъективные оценки здоровья после катастрофы неоднозначны и зависят, во-первых, от территории проживания (большей или меньшей степени загрязнения) и, во-вторых, от времени воздействия неблагоприятных факторов, т.е. от времени, прошедшего после аварии. При этом противоречива и официальная информация о состоянии здоровья населения, так как несмотря на различные открытия в области медицины, как отмечают многие авторы, воздействие радиации на организм человека до конца не изучено. В исследовании, проведенном спустя 15 лет после катастрофы (2000-2002 гг.), также было установлено, что «тревога за здоровье», выступает значимым фактором отношения людей к экологическим условиям жизни (в условиях проживания на радиоактивно загрязненных территориях) и характеризуется оценкой большинством людей самочувствия в сторону его ухудшения в последние годы, оценкой экологической ситуации как «опасной» для здоровья, прогнозом ослабления здоровья, а также возрастанием степени беспокойства не только за самочувствие, но и за здоровье членов семьи и, особенно, детей (А.Л.Журавлев, Н.Н.Хашченко).

В настоящее время исследования, посвященные процессам жизнедеятельности людей на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате аварии на Чернобыльской АЭС, носят разноплановый и локальный характер (в Белоруссии, на Украине и других зарубежных странах). Российские исследователи также обращаются к проблемам, которые посвящены отдельным психологическим, социально-психологическим, медицинским аспектам последствий катастрофы. Представляется актуальным изучение изменения отношения людей к различным значимым сторонам их жизни, и в частности, субъективной оценки здоровья, на экологически неблагоприятных территориях спустя более 25 лет после Чернобыльской катастрофы.

*Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ,
грант № 13-06-00666.*

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

М.С. Хеймашева (Нальчик)

Формирование установок толерантного сознания и поведения, профилактика экстремизма и терроризма, противодействие им имеют для многонациональной России особую актуальность, обусловленную сохраняющейся социальной напряженностью в обществе, продолжающимися межэтническими и межконфессиональными конфликтами. В последние десятилетия психологические составляющие толерантности стали предметом широкого круга научных исследований, имеющих междисциплинарный характер. Современные педагогические и психологические исследования в области выявления факторов этнической толерантности/интолерантности и направленного формирования толерантных установок связаны с именами А.Г.Асмолова, Б.С. Гершунского, В.Н. Гурова, Г.У. Солдатовой и др.

Процесс формирования толерантных установок предполагает участие в нем различных социальных институтов. Являясь значимым институтом социализации, ВУЗ призван повышать уровень этнопсихологической компетентности студентов, основанной на принципах толерантности. Большинство психологов подчеркивает, что студенческий возраст – важнейший этап формирования этнического самосознания, следовательно, именно на данном этапе воздействие на этнические стереотипы и установки может оказаться наиболее эффективным.

Этническая толерантность-это вид толерантности, под которым понимается социально-психологическая характеристика, проявляющаяся в степени принятия/непринятия представителей других этнических групп. Этническая толерантность имеет степень выраженности в зависимости от наличия у человека опыта общения с представителями той или иной этнической общности.

На наш взгляд, наиболее важным аспектом этнической толерантности являются стереотипы и предубеждения, толерантность и интолерантность, межнациональные конфликты, культура, традиции и религия. Основным условием этнической толерантности является этнокультурная компетентность личности. Теоретический анализ проблемы также демонстрирует, что формированию этнической толерантности способствует и становлению этнокультурной компетентности опыт позитивных межэтнических контактов.

Формирование этнической толерантности у студента означает развитие его рефлексии, осознание не только себя, но и других как представителей конкретных народов, социально полезных личностей. Именно поэтому объектом данного исследования является толерантность, предметом уровень толерантности установок студентов, а целью сравнительное изучение уровня толерантности студентов Кабардино-Балкарии.

Эмпирическое исследование толерантности проводилось в высших и средних образовательных учреждениях Кабардино-Балкарии. Выборочная совокупность составляла 300 студентов одинаковое количество юношей и девушек, представителей балкарской, кабардинской и русской этногрупп.

Для диагностики общего уровня толерантности был использован экспресс-опросник "Индекс толерантности". Стимульный материал опросника составили утверждения, отражающие как общее отношение к окружающему миру и другим людям, так и социальные установки в различных сферах взаимодействия. Специальное внимание уделено этнической толерантности-интолерантности. Три субшкалы опросника

направлены на диагностику таких аспектов толерантности, как этническая толерантность, социальная толерантность, толерантность как черта личности.

Индивидуальная или групповая оценка выявленного уровня толерантности осуществлялась по трем ступеням:

(22-60) баллов – низкий уровень толерантности. Результаты нашего исследования показывают, что только у 4% студенток из балкарской этногруппы, 2% - из кабардинской этногруппы и 4% из русской этногруппы демонстрируют высокую интолерантность и наличие у него выраженных интолерантных установок по отношению к окружающему миру и людям. В категории низкотолерантных оказались 6% студентов из кабардинской этногруппы и 4% из балкарской этногруппы. Среди студентов русских низкотолерантных нет.

(61-99) баллов – средний уровень толерантности. Такие результаты показывают респонденты, для которых характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. В одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность. На этом уровне оказались 82%, 92%, и 78% - соответственно в женской выборке. Высокий уровень толерантности (100-132) баллов имеют 4%, 14% и 2% студентов – представителей балкарской, кабардинской, русской этногруппы и соответственно 14%, 14% и 6% студенток, 96% студентов из балкарской и русской этногруппы и 84% из кабардинской этногруппы. К этой категории относятся респонденты из кабардинской и русской этногруппы, показатели толерантности которых равны 121 б и 127 б. В то же время необходимо понимать, что результаты, приближающиеся к верхней границе (больше 115 баллов), могут свидетельствовать о размывании у человека "границ толерантности", связанном, к примеру, с психологическим инфантилизмом, тенденциями к попустительству, снисходительности или безразличию. Сравнительный анализ показателей толерантных установок проводился по соотношению в исследуемых группах студентов с различным уровнем толерантности по всей выборке, а также по мужской и женской выборкам по отдельности. Результаты анализа позволяют утверждать, что подавляющее большинство респондентов имеют средний уровень толерантности: 89%, 90%, 94%. Низкий уровень проявляется у 2%, 4%, 3% -соответственно.

Проведенное экспериментальное исследование позволило сформулировать следующие рекомендации:

1. В интересах оптимизации межнационального общения и профилактики межэтнических конфликтов необходимо учитывать индекс толерантности студентов, принадлежащих к балкарской, кабардинской и русской этногрупп.

2. При формировании структуры межличностного общения студенческой молодежи необходимо проводить ознакомительную и просветительскую работу в ее среде с целью передачи знаний и представлений об основах национальной истории, культуры, обычаях и традициях, бытовых особенностях их проявлений среди представителей различных этнических общностей.

ПРОЯВЛЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ В ПРОФЕССИЯХ СУБЪЕКТ – ОБЪЕКТНОГО ТИПА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЕКТИВНЫМИ МЕТОДАМИ

С.А. Храмов (Владимир)

Внимание исследователей привлекает проблема психического выгорания и его проявлений в зависимости от типа профессии. Разработка проблемы психического выгорания, в частности в профессиях субъект -объектного типа позволяет разобраться в причинах возникновения подобных профессиональных стрессов. [1; с. 46]

Исследование психического выгорания традиционно осуществляется с использованием методик субъективного подхода, в частности опросников, наиболее известными из которых являются MBI-GS в адаптации В.Е. Орла и И.Г. Сенина и опросник психического выгорания предлагаемый Е.С. Старченковой и Н.Е. Водопьяновой. [2; с. 121] Сложившиеся положение требует расширения методов исследования психического выгорания, в частности, в данной работе рассматривается возможность использования проективных методов для выявления и изучения психического выгорания.

В качестве объекта исследования рассматривается психическое выгорание, а предметом является его проявление в профессиях субъект -объектного типа.

Цель работы состояла в исследовании проявлений психического выгорания в профессиях субъект - объектнoгo типа, в том числе посредством проективных методов. Подобная постановка цели предполагает реализацию следующих задач: проанализировать подходы к проблеме психического выгорания в работах отечественных и зарубежных авторов; раскрыть проявления психического выгорания в профессиях субъект-объектного типа; рассмотреть проявления психического выгорания сотрудников с субъект - объектным типом профессиональной деятельности; выявить возможности исследования психического выгорания проективными методами.

Методологической базой исследования является подход К. Маслач и В.Е. Орла, о том, психическое выгорание проявляется в профессиях субъект – объектнoгo типа и обладает своей спецификой.

Исследование проводилось с использованием опросника MBI-GS в адаптации В.Е. Орла и И.Г. Сенина и проективных методик: С. Розенцвейга «Методика фрустрации», графический тест «Дерево», методика «Несуществующее животное» М.З. Дукаревич, тест М. Люшера. Эмпирической базой исследования является региональный автомобильный центр «АвтоГрад». В исследовании принимали участие сотрудники различных отделов данного предприятия. Всего в исследовании участвовало 30 человек, из них 26 мужчин и 4 женщин в возрасте от 20 до 45 лет.

В результате исследования выделены группы специалистов с различной степенью интенсивности проявления компонентов психического выгорания. Было выяснено что, психическому выгоранию подвергается 33% сотрудников. Сравнительный анализ психического выгорания по компонентам показывает, что значительно выгорание проявляется в компоненте эмоциональное истощение у 46%, деперсонализация у 76%, редукция личных достижений у 43% «выгоревших» сотрудников..

Анализ данных, полученных по тесту М. Люшера показывает, что «выгоревшего» работника характеризует потребность в положительных эмоциональных переживаниях, малая вовлеченность в процесс деятельности, переживание чувства обиды, потребность в сочувствии и понимании, пассивность, скептичность, высокий уровень тревоги и стресса.

Анализ данных, полученных по графической методике «Несуществующее животное» и «Дерево» позволяет утверждать, что для большинства испытуемых характерны экономия энергии, астеничность, недовольство собственным положением в социуме, недостаточность признания со стороны окружающих, страх, нерешительность, поверхностность и легкомысленность суждений.

Данные по тесту С. Розенцвейга показывают, что у «выгоревших» сотрудников преобладают интропунитивные реакции (50%). Для них характерно самообвинение, неприятности у таких испытуемых вызывают глубокие внутренние переживания и могут стать причиной стрессовых расстройств. Преобладающим типом реакций являются реакции с фиксацией на разрешение ситуаций (60 %) Для таких сотрудников с характерно конструктивное поведение в стрессовых ситуациях, они берут ответственность на себя, и пытаются справиться с ситуацией самостоятельно.

Таким образом, в ходе пилотажного исследования было выявлено, что в профессиях субъект - объект типа присутствует психическое выгорание, которое возможно зафиксировать посредством проективных методик. Для «выгоревших» работников характерны преобладающие интропунитивные реакции, неустойчивая самооценка, эмоциональная нестабильности, частые стрессы, тревога, астеничность, недовольство положением в социуме, недостаточность признания со стороны окружающих и необходимость в близких, дружественных отношениях.

Полученные данные могут быть использованы в целях прогнозирования, профилактики и коррекции синдрома психического выгорания в профессиях субъект - объект типа.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.М. Хусаинова (Ташкент)

При подготовке и планировании кросс-культурного исследования мы столкнулись с проблемой определения методологического аппарата для изучения этнической идентичности предполагаемых респондентов. Разбиение респондентов на группы по какому-либо этническому признаку – это первое, что осуществляет каждый исследователь, занимающийся кросс-культурной психологией.

Сегодня в эпоху глобализации остается все меньше моноэтнических территорий, большинство современных государств представлено многонациональным населением, что делает исследования содержательно по-новому более наполненными, но и усложняет сам процесс изучения. Несомненно, при дискуссии на данную тему необходимо различать понятия этнической и национальной идентичности. Как в начале 1990-х гг. писал В.М. Межуев, «Нация в отличие от этноса... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию — выбираю, могу выбрать... Нация - это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность». Однако в обыденном понимании респондентов нация – это именно то, что «врожденно», то, что «получаешь от родителей». Вероятно, это специфично для населения постсоветского пространства. И понятию «национальная идентичность», предложенным Межуевым, на территории государств бывшего СССР более соответствует понятие гражданства. При пилотном опросе («Какова Ваша

национальность») в г. Ташкенте респондентов, рожденных в межнациональных браках, более 70% затрудняются с ответом. При более детальной беседе участники опроса начинают разделять такие понятия, как: «национальная идентичность» (национальность родителей) – «наполовину кореец, наполовину украинец»; «гражданство» (страна постоянного проживания) – «узбекская»; «этническая идентичность» (кем я себя ощущаю) – «русский». И тот факт, что нередко случаи, когда ответ представлен нацией, не относящейся к национальности родителей, проявил для нас всю методическую сложность осуществления самых первых этапов процесса – разбиение на этнические группы для дальнейшего изучения социально-психологических представлений о любви и браке в таких мультиэтнических государствах, как Узбекистан и Германия.

Поскольку основным предметом нашего исследования являются особенности социально-психологических представлений, для нас было крайне важно операционализировать «портрет респондента». Самым простым, но и самым сложным решением было бы изучить представления различных социальных групп, проживающих на территории данных государств, используя такие основания, как пол, возраст, родной язык, национальная идентичность, этническая идентичность, проживание в городе / в селе и пр. Учитывая классификационное многообразие и количество возможных сочетаний, исследование оказалось бы крайне громоздким и тяжело осуществимым. Значительную конкретизацию в наше исследование внесла бы разработка критериев отбора респондентов, в частности, привлечение определенных этнических групп, на которые потом мы можем распространить результаты исследования.

Анализ существующих методик показал, что, к сожалению, они не охватывают все те области современного бытия, формирующих этническую идентичность. Выбираемые авторами «маркеры», отражающие этническую идентичность исследуемых, по нашему мнению, не являются валидными. Однако мы не можем не согласиться, что при определении этнической идентичности следует делать выводы, основываясь на единстве триады: когнитивное, поведенческое, аффективное.

Такие выводы мы делали на основании опыта использования данных методик узбекистанскими коллегами. Практика показывает необходимость пересмотра и доработки методического аппарата по этой проблеме. По нашим наблюдениям происходит тенденция «стирания» границ этнической идентичности. «Этнически идентифицировать» себя для современного человека, вероятно, становится менее значимым, чем раннее. Опрос студентов психологического факультета в г. Ташкенте показал, что при ранжировании разных видов социальной идентичности этническая идентичность в среднем получает ранг 7,3 (N=100), пропуская вперед половую, профессиональную идентификацию и связанные с ними роли.

Некоторые авторы считают, что распространенная еще недавно установка на то, что в условиях модернизации и глобализации произойдет замещение этнической идентичности национальной, не подтверждается практикой. По нашему мнению, все-таки условия современности запустили механизм «вытеснения» этнической другими видами идентичности.

Все выше описанное наводит на мысль, что все чаще мы видим появления маргинальной этнической идентичности. Но так ли это? Ведь согласно определению Стефаненко Т.Г., человек, живущий в полиэтнической среде, не владеет в достаточной мере ни одной из культур, что приводит к внутриличностным конфликтам (ощущение неудачливости, бессмысленности существования, агрессивность и т. д.). А можем ли мы говорить о том, что современное молодое поколение столь неблагополучно,

столь несчастно? Или это проявление так называемой слабой (нулевой) идентичности, когда человек не относит себя к какому-либо этносу, декларирует космополитическую или гражданскую позицию? Это еще один довод в пользу того, как актуально именно сейчас изучение данного вопроса.

По нашему убеждению, проблема изучения этнической идентичности первостепенна для кросс-культурной психологии, и работу необходимо вести по двум направлениям: 1) теоретическое (пересмотр и уточнение понятий, относящихся к социальной идентичности); 2) методическое (разработка инструментария для изучения этнической идентичности).

ОСНОВНЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА НОВАТОРОВ

Л.В. Цай (Хабаровск)

В современном мире предъявляется много требований к личности профессионала. Креативность, способность генерировать новые формы деятельности и поведения становятся ведущими компетенциями, которые непосредственно входят в структуру инновационного потенциала личности. Мы будем опираться на модель инновационного потенциала личности составленной А.Д. Карнышевым, Т.А. Тереховой и И.В. Пахно.

В настоящее время множество исследований инновационного потенциала ведется в экономическом и социальном аспектах развития организаций и регионов. Однако люди внедряют инновации и люди являются ключевыми фигурами в инновационной деятельности.

Таким образом, целью нашего исследования является описание инновационного потенциала личности профессионала.

В качестве профессионалов мы выбрали 10 железнодорожников-новаторов работающих на предприятиях Дальневосточной железной дороги - филиала ОАО "РЖД". Железная дорога является наукоемкой и высокотехнологичной отраслью, которая обладает традициями новаторства. Под определением новатора мы понимаем личность, обладающую инновационным потенциалом, позволяющим ей в определенной ситуации активизировать внутренние ресурсы для решения поставленной задачи.

Мы предположили, что основу инновационного потенциала личности железнодорожника-новатора составляют такие личностные качества как: любознательность, креативность, ответственность. Использовали метод биографического интервью, пятифакторный личностный опросник МакКрае-Коста, методика изучения особенностей проявления инновационного потенциала личности (В.К. Калинин, Ю.А. Власенко), диагностика личностной креативности (Е.Е. Туник).

В исследовании использовались методы математической статистики, а именно корреляционный анализ Пирсона.

Результаты эмпирического исследования позволили сформулировать следующие выводы:

1. В ходе биографического интервью выявлены следующие качества личности новаторов: упорство, целеустремленность, настойчивость, любопытство, творческий подход к делу, любознательность, ответственность, усидчивость, трудолюбие.

2. Результаты диагностики личностной креативности (Е.Е. Туник) свидетельствуют о том, что наиболее выраженным является фактор «любопытность». Вторыми по значимости являются «склонность к риску» и «воображение». Наименее выражен фактор «сложность».

3. Результаты пятифакторного личностного опросника МакКрае – Коста говорят о том, что наиболее выраженными явились факторы: «Привязанность-обособленность», «Самоконтроль – импульсивность»,

«Экспрессивность – практичность».

Высокие значения по фактору «Привязанность-обособленность» определяют позитивное отношение человека к людям. Как правило, это добрые, отзывчивые люди, чувствуют личную ответственность за их благополучие. Главным содержанием фактора «Самоконтроль – импульсивность» является волевая регуляция поведения. На полюсе высоких значений находятся такие черты личности, как добросовестность, ответственность, обязательность, точность и аккуратность в делах. Выраженность фактора «Экспрессивность – практичность» дает нам основания утверждать, что новаторы являются людьми практичными и реалистичными.

Менее выраженными факторами явились: «экстраверсия – интроверсия», низкие значения по данному фактору характерны для интровертов. Основными особенностями интровертов являются опора на собственные силы и желания, предпочтение абстрактных идей конкретным явлениям действительности. Низкие значения по фактору «эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость» свойственны лицам самодостаточным, эмоционально зрелым, смело смотрящим в лицо фактам, спокойным, постоянным в своих планах и привязанностях.

4. Согласно результатам методики изучения особенностей проявления инновационного потенциала личности (ИПЛ) (В.К. Калинин, Ю.А. Власенко), новаторы демонстрируют высокий уровень ИПЛ.

Наибольший вклад в реализацию инновационных возможностей вносит гносеологический компонент (50 %), человек при столкновении с новым ориентируется в первую очередь на имеющуюся у него информацию, праксеологический компонент является подкрепляющим (30 %) возможность продуктивной инновационной деятельности, а аксиологический подавленным (20 %).

5. Результаты корреляционного анализа позволяют констатировать, что в группе новаторов между показателями личностной креативности (Е.Е. Туник) и инновационным потенциалом личности (ИПЛ) установлены положительные значимые корреляционные связи между:

- показателем любопытность, воображение, склонность к риску, сложность и ИПЛ.

Так же результаты корреляционного анализа позволяют констатировать, что в группе новаторов между основными факторами «Большой пятерки» и компонентной структуры ИПЛ установлены:

1) Отрицательные значимые корреляционные связи между:

- фактором «экспрессивность - практичность» и формально –накопительским типом т.е. новаторы ищут рациональные объяснения и практическую выгоду.

- фактором «эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость» и гносеологическим аспектом ИПЛ. Эмоционально устойчивые люди быстрее обнаруживают новую информацию.

2) Положительные значимые корреляционные связи между:

- фактором «экспрессивность - практичность» и культурным уровнем взаимодействия человека со средой. Чем сильнее у респондентов выражена черта «практичность», тем выше постоянство ценностей. Следовательно, практичность новаторов определена через реализацию выбираемых личностью способов взаимодействия с миром.

- Интегральным показателем инновационного потенциала личности и фактором «экспрессивность - практичность». Чем выше уровень ИПЛ, тем более выражена черта практичность. Новаторы являются людьми практичными и реалистичными, избегают рутинной работы.

Таким образом, можно сделать вывод, что на формирование инновационного потенциала личности новатора оказывает влияние такие личностные качества как целеустремленность, креативность и ответственность. Следующим аспектом исследования инновационного потенциала будет ценностно – смысловая сферы личности.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММЫ ПСИХОКОРРЕКЦИИ МОРАЛЬНО-ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

И.А. Целинко (Херсон)

Актуальность темы развития морально-ценностной сферы личности обусловлена рядом факторов: дегуманизацией современного общества; противоречиями в декларируемых и реальных ценностях общества, в представлениях и отношении к нормам морали.

Многокомпонентным личностным образованием, оказывающим важную роль на понимание, оценку и выбор стратегии в сложных ситуациях, является понятие морально-этической ответственности личности. И.Г. Тимощук указывает, что любая черта морально-этической сферы личности проявляется в определённых ситуациях требующих актуализации и конкретного внешнего проявления нравственных и моральных качеств в действиях и поступках. Последнее, в свою очередь, может выражаться в широком диапазоне (диспозициях) поведения.

Важным регулятором активности человека является система ценностных ориентаций, поскольку она позволяет соотносить индивидуальные потребности и мотивы с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума. Мы опираемся на теорию ценностных ориентаций, разработанных М. Рокичем. Согласно теории автора, - ценности представляют собой устойчивое убеждение в том, что определённый способ поведения или конечная цель существования лучше из собственной и общественной точки зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, или конечная цель существования. Ученый рассматривает ценности – цели, или терминальные ценности, и ценности – средства, или инструментальные ценности.

Высшей формой отражения действительности, одним из проявлений индивидуального сознания, в котором зафиксирована система когнитивно-ценностных и эмоциональных представлений, и реакций на сферу моральных законов, которые определяют нормы сосуществования людей в социуме, является моральное сознание. Мы опираемся на когнитивно-эволюционную теорию морализации Л.Колберга. Основная идея данной теории принадлежит изучению изменения процесса морализации в зависимости от стадии морального сознания личности.

Таким образом, для эмпирического исследования морально-ценностной сферы личности, нами были использованы такие психодиагностические методики как:

опросник «уровень морально-этической ответственности» (И.Г. Тимощук), методика «ценностные ориентации» (М. Рокич), методика оценки уровня морального сознания (Л. Колберг). Исследование проводилось на базе Херсонского государственного университета. Участие в эксперименте приняли 207 испытуемых, - учащиеся I-IV курсов специальностей «психология», «социальная работа», «социальная педагогика», «история», возраст испытуемых от 18 до 23 лет. Эксперимент был проведен в несколько этапов: 1. Диагностика морально-ценностной сферы испытуемых; 2. На основе результатов диагностики испытуемые были распределены на контрольную и экспериментальную группы. В контрольную группу вошли испытуемые со средними и высокими значениями по показателям вышеприведенных методик. Соответственно, в экспериментальную группу вошли испытуемые, получившие низкие значения по показателям проведенных методик; 3. Проведение программы психокоррекции, направленной на развитие моральных чувств испытуемых (как компонента морального сознания) в экспериментальной группе; 4. Повторная диагностика контрольной и экспериментальной групп для сравнительного анализа полученных данных и оценки эффективности психокоррекционного воздействия. В данной статье будет раскрыт последний этап нашего исследования, посвященный оценке эффективности формирующего эксперимента.

Для оценки эффективности формирующего эксперимента использовался критерий знаков — статистический критерий, позволяющий оценивать наличие отсутствия сдвига параметров в двух связанных выборках, если их распределение не является симметричным¹. Количественный и качественный анализ по данной методике, позволяет нам констатировать повышение уровня морально-этической ответственности в результате влияния цикла проведенных психокоррекционных занятий.

Далее мы оценивали эффективность формирующего эксперимента по методике М.Рокича «Ценностные ориентации». Анализ данных показал отсутствие статистически значимых изменений в терминальных ценностях в экспериментальной группе до и после коррекционной программы. Данный факт мы связываем с тем, что ценностные ориентации личности являются устойчивым образованием, и для обеспечения динамики необходимо влияние комплекса факторов, которые могли бы повлиять на изменение иерархии ценностей.

Анализ изменения показателя методики оценки уровня развития морального сознания (Л.Колберг) проводился путем расчета критерия Мак-Немара, поскольку данный показатель принимал только бинарные значения. Критерий показал, что изменения по данному показателю нельзя считать статистически значимыми. Действительно, из 6 испытуемых только у 1 уровень вырос с 1-го конвенционального до 2-го конвенционального. У тех 4-х испытуемых, у кого отмечался 2-й конвенциональный уровень, уровень развития сохранился прежним. Полученные результаты мы объясняем необходимостью обладания испытуемыми не только моральными знаниями, которые по сути транслировались на протяжении психокоррекционных занятий, но и поступков, позволяющих закрепить это моральное знание.

В контрольной группе показатели методик И.Г. Тимощука и Л. Колберга не изменились ($p > 0,05$) при повторном измерении. Тогда как в методике М. Рокича изменения коснулись отношения к здоровью как к реальной терминальной ценности. Ее важность при повторной оценке была статистически значимо ниже.

Сравнительный анализ полученных данных позволяет нам сделать вывод о том, что использование психокоррекционной программы повлияло на повышение уровня морально-этической ответственности испытуемых. Ценностные ориентации экспериментальной группы остались на прежнем уровне, а уровень морального сознания

повысился у одного испытуемого. Таким образом, мы можем констатировать эффективность психокоррекционного воздействия на морально-этическую ответственность испытуемых.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО ПРИЗЫВУ ОТ ВЕЛИЧИНЫ ФЛУКТУИРУЮЩЕЙ АСИММЕТРИИ

А.К. Циснецкий (Новосибирск)

Понятие «адаптация» — одно из ключевых при исследовании закономерностей выживания, поскольку именно механизмы адаптации, выработанные в результате длительной эволюции, обеспечивают возможность существования организма в постоянно меняющихся условиях среды. Ситуацию адаптации молодых людей к службе по призыву и к воинскому коллективу можно рассматривать как психологическую модель, полезную для изучения закономерностей проявления агрессивного поведения в зависимости от социальных и биологических факторов.

У военнослужащих в процессе адаптации к воинской деятельности наблюдается специфическое состояние: «состояние неопределенности выбора». Характерным признаком такого состояния является потеря контроля над своими эмоциями. Высокий уровень агрессии у военнослужащих первого периода службы может вызываться объективно непреодолимыми (или субъективно понимаемыми) трудностями адаптации к воинской службе. На ее начальном этапе выбор действий у молодых воинов ограничен уставными взаимоотношениями. Воинский коллектив уже самим фактом своего существования предопределяет, программирует систему действий и отношений. Определяя каждой личности конкретную роль, коллектив указывает примеры необходимого поведения или наказания в случае его нарушения. Таким образом, создается состояние хронической фрустрации, которая, как известно, провоцирует агрессию.

Одним из маркеров агрессии может стать флуктуирующая асимметрия (ФА). Это показатель отражает отклонения в билатеральной симметрии частей организма, связанные с воздействием стрессоров генетического или средового характера в период раннего онтогенеза. Генетические изменения, лежащие в основе проявлений малых значений ФА, могут накапливаться в процессе развития и приводить к более крупным фенотипическим эффектам, что, в конечном счете, влияет на приспособляемость организмов к меняющимся экологическим условиям. При суммации факторов генетической асимметрии и эффектов стрессирующего воздействия средовых факторов показатели ФА возрастают.

Такой подход в последнее время широко используется для оценки экологического благополучия различных природных популяций при изменениях условий окружающей среды. Оценка величины ФА, используемая для характеристики качества среды обитания, получила название «методологии оценки здоровья среды» и стимулировала интерес к исследованию взаимосвязи показателей ФА и состояния здоровья человека.

Таким образом, в качестве гипотезы нашего исследования предполагается, что величина флуктуирующей асимметрии может рассматриваться как маркер успешности адаптации военнослужащих по призыву к новым условиям жизни в ситуации воинской службы.

В исследовании приняли участие 152 военнослужащих по призыву первого периода службы в возрасте от 18 до 22 лет.

Для самооценки проявления разных форм агрессии использовали опросник А. Басса и А. Дарки, который позволяет дифференцировать физическую, косвенную, вербальную агрессию, раздражение, негативизм, обиду, подозрительность и чувство вины.

Для определения ФА с использованием цифрового электронного кронциркуля (с точностью измерения 0,01 мм) измеряли 11 показателей парных органов, которые чаще используются в исследованиях ФА. Каждое измерение высоты и ширины уха, длины второго, третьего, четвертого и пятого пальцев и длины ладони; ширины запястья, локтя, лодыжки и ступни проводил дважды один и тот же исследователь, интервал между замераами составлял примерно 15 минут.

Для вычисления ФА использовали среднее значение двух измерений каждого показателя. Согласно критерию Колмогорова-Смирнова распределение значений этих показателей было близко к нормальному. Распределение рассчитанных значений ФА, из которого следует, что 45% испытуемых характеризовались малой ФА: менее 0,1; 30% - средней и у 25% ФА превысила 0,4. При анализе компонентов агрессивного поведения было установлено относительное преобладание компонентов физической агрессии и чувства вины. Значение индекса агрессивности было больше, чем враждебности ($54,0 \pm 13,6$ и $42,5 \pm 18,2$; $p < 0,0001$ согласно критерию Стьюдента). Корреляционный анализ ФА и компонентов агрессии выявил достоверные негативные связи между ФА и значениями как физической, так и вербальной агрессии ($R_s = - 0,17$; $p < 0,03$ согласно критерию Спирмена), а также между ФА и индексом агрессивности ($R_s = - 0,20$; $p < 0,01$). Обнаруженная негативная связь ФА и таких компонентов агрессии, как физическая или вербальная, соответствует результатам других исследователей. В частности, в работе А.С. Прудниковой отмеченная у юношей спортсменом отрицательная связь ФА и агрессии рассматривается как отражение эффекта «приспособительной ценности этого психологического признака в современном спорте высоких достижений». Аналогично этой интерпретации можно считать, что повышение показателей физической и вербальной агрессии при снижении ФА отражает адаптивное значение агрессивного поведения в соответствии с требованиями военной службы и спецификой предъявляемых военнослужащим задач. В пользу этого предположения свидетельствуют и невысокие значения показателей физической и вербальной агрессии согласно выполненной самооценке

Таким образом обнаруженное соотношение флуктуирующей асимметрии и особенностей агрессивного поведения может быть следствием реализации социально желательной модели конструктивной агрессии в воинской деятельности. Следовательно, показатель флуктуирующей асимметрии, отражающий степень стабильности развития организма, можно рассматривать как маркер успешности адаптации к новым условиям жизни в ситуации воинской службы.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФРУСТРАЦИОННЫХ СИТУАЦИЙ У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ СУБЪЕКТНО-ЛИЧНОСТНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

С.Ю. Чаплина (Казань)

В период обучения в вузе молодые люди нередко сталкиваются с препятствиями на пути реализации своих значимых намерений. Эти препятствия могут обуславливать возникновение состояния фрустрации (Тарабрина Н.В., 1983). Частое переживание состояния фрустрации способно негативно сказаться на решении студентом задач профессионального становления, дезорганизовать его деятельность (Прохоров А.О., 1991). Однако мы одни и те же фрустрационные ситуации по-разному влияют на деятельность разных студентов: одни преодолевают их и извлекают опыт, а другие нет. Следовательно, существуют определенные внутриличностные условия, качества, которые влияют на преодоление студентами фрустрационных ситуаций. Опираясь на субъектно-деятельностный подход (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова), мы признаем влияние деятельности на развитие и изменение личностных характеристик. Но, в то же время, постановка проблемы требует изучения механизмов, которые стимулируют развитие или подавление определенных характеристик в структуре личности как системном образовании (Колпакова Л.М., 2011). Итак, возникает вопрос, каковы особенности преодоления фрустрационных ситуаций в контексте характеристик субъектной саморегуляции и личностных свойств у студентов вузов первых и третьих курсов. Мы выдвигаем гипотезу, что между характеристиками субъектной саморегуляции и личностными свойствами, помогающими преодолевать фрустрационные ситуации, существуют реципроктные отношения взаимосвязанности и взаимообусловленности.

В целях проверки выдвинутой гипотезы, нами были определены задачи: 1) выявить группы студентов, обладающих устойчивыми характеристиками субъектной саморегуляции, и не обнаруживших устойчивости в показателях данных свойств; 2) выявить различия между указанными группами по показателям личностных свойств, помогающих преодолеть трудные ситуации; 3) сравнить данные группы по показателю эффективности разрешения переживаемых ими фрустрационных ситуаций.

Для получения эмпирических данных были использованы методы анкетирования и тестирования. Разработанная нами анкета состояла из двух частей: первая часть включала вопросы о значимых намерениях респондента и о ситуациях, которые являлись и/или являются препятствиями к реализации этих намерений. Вторая часть анкеты включала вопросы об эффективности преодоления фрустрационных ситуаций. Тестирование осуществлялось при помощи методики выявления адаптивного отношения к трудным ситуациям в мотивационно-потребностной сфере Л.М. Колпаковой и опросника «Саморегуляция» Осницкого А.К.

Опытно-экспериментальной базой исследования послужили государственные и коммерческие вузы г. Казани: Академия социального образования, Казанский юридический институт при МВД России, Казанский национальный исследовательский технологический университет. Выборку исследования составили студенты дневной формы обучения, в количестве 50 человек. Исследование проводилось в два этапа: на первом курсе и на третьем. Возраст респондентов на первом этапе составлял 17-18 лет, а на втором – 20-21 лет.

В ходе решения первой задачи нашего исследования нами были выделена группа студентов, у которых не наблюдается снижения значений показателей субъектной саморегуляции к третьему курсу. Таких студентов было выявлено 23. Вторую группу составили студенты, у которых было обнаружено снижение значений показателей всех характеристик субъектной саморегуляции к третьему курсу (уровень достоверности различий $p=0,05$, критерий Стьюдента).

Далее, в рамках решения второй задачи нашего исследования, мы провели анализ различий между студентами выявленных групп по показателям личностных свойств, позволяющих преодолевать трудные ситуации. Было обнаружено, что на первом курсе между студентами данных групп не наблюдается достоверно значимых различий по данным показателям, однако на третьем курсе обнаруживаются достоверно значимые различия уже по показателю способности изменить стереотип презентации ($t_{эмп.}=2,1$, $p>0,05$), способности провести коррекцию жизненных стратегий ($t_{эмп.}=2,3$, $p=0,05$) и автономности от внешних установок ($t_{эмп.}=2,6$, $p=0,05$).

Далее, в рамках решения третьей задачи мы провели анализ различий между данными группами по эффективности разрешения фрустрационных ситуаций. На первом курсе между данными группами не было выявлено достоверно значимых различий, 14 (61%) студентов 1 группы и 15 (56%) студентов 2 группы успешно преодолевали фрустрационные ситуации. В то же время было обнаружено, что на третьем курсе всего 9 (33 %) студентов 2 группы указали, что обозначенные ими ситуации разрешены. В то же время студенты 1 группы сохранили свои показатели: 15 (65%) студентов преодолели возникшие фрустрационные ситуации. Различия между выявленными группами по данному показателю на третьем курсе были подтверждены при помощи критерия Хи-квадрат ($\chi^2=2,3$, $p=0,05$). Следовательно, студенты, обладающие устойчивыми характеристиками субъектной саморегуляции, способны сохранять уровень эффективности преодоления фрустрационных ситуаций, даже когда стоящие перед ними задачи усложняются.

Итак, в ходе нашего исследования были сформулированы следующие выводы. Студенты, обладающие устойчивыми характеристиками субъектной саморегуляции, обнаруживают более высокий уровень развития личностных свойств, позволяющих справляться с трудными ситуациями. Кроме того, они способны более эффективно преодолевать фрустрационные ситуации, даже когда происходит усложнение стоящих перед ними задач. Это подтверждает наше предположение о наличии реципроктивных отношений взаимосвязанности и взаимообусловленности между характеристиками субъектной саморегуляции и личностными свойствами, позволяющими преодолевать фрустрационные ситуации.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ЛЖИ В РАЗЛИЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ

А.С. Чахойян (Иваново)

Ложь, являясь одной из самых «человеческих» особенностей, поддерживает стабильность общества и отношений между людьми, и, как явление социального порядка, всегда ориентирована на других (даже когда человек лжет самому себе, он сознательно или бессознательно, имеет в виду других людей). Поэтому способность ко лжи можно соотнести с адаптивными возможностями личности, с ее умением приспособиться к другим людям и существовать в контексте социальных систем.

Целью данного исследования является выявление и сравнение особенностей лжи, присущих представителям различных национальных культур.

Объектом исследования выступает ложь как культурно обусловленная форма поведения.

Предметом исследования являются особенности лжи как социо-культурного феномена у представителей различных национальностей.

Для исследования и сравнения особенностей лжи были привлечены представители четырех наций: русские, армяне, азербайджанцы и чеченцы.

Исходя из специфики проблемы, цели и предмета исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

Существуют различия в особенности лжи в отдельных социо-культурных общностях:

1. Ложь как социально-психологический феномен зависит от этно-культурных особенностей личности.

2. Проявления лжи связаны с индивидуально-психологическими особенностями личности, в частности с потребностью в одобрении. У людей с выраженной потребностью в одобрении проявления лжи носят более интенсивный характер и содержательно ориентированы на создание благоприятного образа Я.

3. Проявления лжи существенно зависят от степени религиозности личности.

Для проверки исходных гипотез были использованы следующие диагностические методики: Фрайбургский личностный опросник, копинг-тест Лазаруса и методика «Оценка потребности в одобрении», а также была составлена авторская анкета.

В исследовании приняли участие 120 человек, 25% из них - русские, 25% - армяне, 25% - азербайджанцы и 25% - чеченцы. Причем, 43,3% - христиане, а 48,3% являются мусульманами.

Обработка полученных результатов проводилась в два этапа:

- первичная обработка исходных данных, определение индивидуальных показателей по всем диагностируемым признакам

- методы аналитической статистики: сравнение средних по нескольким независимым группам (Однофакторный дисперсионный анализ - One way ANOVA), частотный анализ, корреляционный анализ и факторный анализ.

В данном исследовании рассматривались особенности лжи специфичных категорий людей – людей разных национальностей, представителей разных культур и носителей разного языка и сознания. В ходе исследования были выявлены существенные различия в особенностях проявления лжи между данными группами респондентов, обнаружены особенности личности, определяющие проявления лжи и факторы, влияющие на эти проявления.

Национальные различия в проявлении лжи отражены в трех основных аспектах:

1. Понимание границ лжи:

Различия в проявлениях лжи в отдельных национальных культурах возникают ввиду того, что в каждой из этно-культурных групп ложь и ее границы разнообразны, поэтому так различается понимание лжи и особенности ее проявления. К примеру, для армян характерно более широкое понимание границ лжи, чеченцы же более категоричны в этом плане. Такая гибкость позволяет армянам легче адаптироваться к новой социальной среде.

2. Оценка частоты собственной лжи:

Армяне и азербайджанцы оценивают частоту своей лжи выше, нежели чеченцы и русские, они в целом оценивают различные виды лжи как не имеющие высокого по-

тенциала зла, и как следствие допускают ложь как одну из форм реагирования в отношении различных категорий людей. Так, отражая границы допустимости, ложь может выступать в качестве защитной и адаптивной реакции. В нашем предыдущем исследовании были выявлены тесные связи между механизмами психологической защиты и ложью как эмоциональной формой реагирования.

3. Значимость отдельных аспектов жизни:

Большинство различий в проявлениях лжи у представителей четырех указанных наций связано со значимостью отдельных сфер жизни респондентов. Если для чеченцев первостепенными являются родовые отношения (причем, это касается семьи сложной, патриархальной), то для русских более значимы супружеские отношения. Армяне и азербайджанцы, в этом плане, более ориентированы на социальные статусы и роли. Ложь при этом является инструментом исполнения роли, достижения статуса, получения превосходства или поддержания соответствующего образа.

Если говорить о причинах лжи, то стремление избежать наказания является значимой причиной лжи для чеченцев, азербайджанцев и русских. Сохранение превосходства может служить причиной лжи для азербайджанцев и армян. Это связано с тем, что для последних социальный статус и мнение окружающих имеет особую значимость, т.к. они, в целом, более ориентированы на социум. При этом, если азербайджанцы импульсивны и эмоциональны в процессе общения, то армяне стремятся доминировать в межличностных отношениях, воспринимая ложь как элемент соревнования в общении. Таким образом, они более лояльно относятся ко лжи, причем понимание разнообразия и сложности лжи позволяет им быть более гибкими и адаптивными по отношению к ситуации.

Были выделены три группы факторов, влияющих на особенности лжи.

1. Фактор переживания лжи.
2. Фактор эмоциональной устойчивости.
3. Фактор ответственности перед детьми.

Все три фактора тесно связаны с эмоциональной сферой и определяют особенности и проявления лжи в соответствии с личностными особенностями эмоциональной сферы. Таким образом, доминирующую роль в проявлении лжи играют чувства, а не логика, расчет или оценка выгоды.

Ложь как социальный феномен занимает особое место в сфере общественных отношений. Обладая как положительными, так и отрицательными аспектами, она является особой стороной человеческих взаимоотношений, требующей глубинного изучения.

ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ПАРАМЕТРОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЁЖИ РАЗЛИЧНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

О.А. Черкаева (Саратов)

Актуальной проблемой в современной психологии является изучение ценностно-смысловой сферы как центрального образования личности, воздействующего в целом на поведение человека в каждой конкретной ситуации и определяющего общую направленность его жизни. Саморегуляция, в свою очередь, является динамической системой взаимодействия личности и окружающего мира. Таким образом, цен-

ностно-смысловая сфера личности является важным связующим звеном между личностью, ее внутренним миром и окружающей действительностью, и представляет собой основание личностной саморегуляции. Данные проблемы достаточно подробно изучены как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Новизну и значимость для современного психологического исследования составляет изучение данных феноменов в этническом аспекте.

Для нас представляет интерес выявление соотношения параметров саморегуляции и ценностно-смысловой структуры личности представителей молодежи разных этнических групп, а именно русской, татарской и французской.

Исходя из актуальности проблемы, нами было проведено исследование, целью которого является выявление общих и специфических особенностей соотношения параметров саморегуляции личности и ценностно-смысловых предпочтений представителей молодежи различных этнических групп.

Исследование выполнено на пропорционально подобранной выборке представителей студенческой молодежи разного этноса (русские, татары, французы; г. Саратов, г. Казань и г. Корбей-Эссонн Иль-де-Франс, Франция; $n=94$, возраст 18-20 лет). В качестве методического инструментария нами использован опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, целью которого является диагностика развития индивидуальной саморегуляции и ее индивидуального профиля, включающего показатели планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показатели развития регуляторно-личностных свойств - гибкости и самостоятельности; морфологический тест жизненных ценностей В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной, позволяющий выявить структуру ценностно-смысловой сферы личности, а также выявить выраженность социальных установок ценностно-смысловой сферы в различных жизненных сферах, определить направленность социальной активности личности.

Проведенный нами корреляционный анализ (по Пирсону) позволил выявить достоверно значимые взаимосвязи между параметрами саморегуляции личности и ценностно-смысловых предпочтений личности представителей молодежи французского, татарского и русского этноса.

Интерпретация результатов позволяют отметить общие и специфические особенности корреляционных связей. В целом, необходимо отметить высокую значимость профессиональной сферы, образования и достижения поставленных целей в указанных жизненных сферах. Общим для всех выборок является ценность и потребность в высоком материальном положении, стремление молодежи к самостоятельности, независимости и определения своего места в обществе, подтверждающиеся высокими корреляционными связями.

Для представителей французской молодежи специфичным является завоевание своего признания в обществе, т.е. высокая значимость собственного престижа. В подтверждении вышеизложенным выводам приведём примеры выявленных корреляционных связей: «собственный престиж» - «программирование» ($r=0,35$, при $p=0,05$); «собственный престиж» - «оценивание результатов» ($r=0,52$, при $p=0,01$). Важность установления социальных контактов и активного проявления своей личности в социальной сфере также характерно и для двух оставшихся выборок. Важно отметить главенствующую роль семьи в жизни татар и русских, стремление молодежи данных выборок развиваться в семейных отношениях, укреплять доверительные и тёплые отношения между членами семьи. На это указывает достоверно значимая взаимосвязь, обнаруженная между общим уровнем саморегуляции и значимостью семьи ($r=0,67$, $r=0,64$, при $p=0,01$). Для русских и татар немаловажной является потребность

в удовлетворении духовных потребностей, развитие системы морально-нравственных ценностей, познание себя и окружающего мира. Для представителей татарской молодёжи предпочтительна ценность «сохранение индивидуальности», которая, в свою очередь, связана с личностной саморегуляцией студентов. Это характерно и для французских студентов. Специфичной для представителей французской этногруппы является значимость физической активности, свидетельствующая о высокой потребности в физическом совершенствовании, поддержании здорового образа жизни.

Опираясь на полученные данные, необходимо также отметить положительную связь между высоким уровнем личностной саморегуляции молодёжи и стремлением к развитию себя, осознанному регулированию процессов своей психики, личности, поведения с целью изменения их характеристик в желаемом направлении.

Таким образом, современная молодёжь всех представленных этнических групп стремится к полноценному развитию своей личности, становлению своей индивидуальности, позиционируя себя как активного субъекта своей жизнедеятельности.

В дальнейшем нами планируется изучение структурно-содержательных компонентов саморегуляции в этнокультурном аспекте, исследование таких личностных компонентов, как ценности, смыслы, социальные установки и этническая идентичность представителей различных этногрупп.

ВЛИЯНИЕ МЕТАКОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.В. Чернов (Казань)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Регистрационный номер – № 12-06-00043а

Проблема рефлексии активно разрабатывается в русле метакогнитивного подхода, суть которого заключается в рассмотрении рефлексивных оснований познавательных процессов. М.А.Холодная отмечает, что «...наряду с традиционно изучавшимися процессами переработки информации существуют метакогнитивные процессы, отвечающие за управление ходом текущей интеллектуальной деятельности» [М.А.Холодная, 2002]. Метакогнитивные процессы, как отмечает А.В.Карпов, – это «такие процессуальные средства, овладевая которыми, субъект в значительной степени и становится таковым, обретает «самость», субъектность не только по отношению к внешнему миру, но и к миру внутреннему – к своей собственной психике, к ее содержанию» [А.В. Карпов, 2005].

Исследователи, изучавшие сферу метапознания, отмечают, что обучение метапознавательным процессам позволит улучшить результаты обучения. Можно ожидать, что, если отсутствие способности самостоятельно организовывать свою учебную деятельность закономерно выступает для учащихся основной причиной неуспеваемости, то выделение таких учащихся с целью выработки у них навыков самостоятельности представляет большой практический интерес.

Целью нашего исследования было: выявить влияние включенности в деятельность метакогнитивных процессов на психические состояния в повседневной учебной деятельности. В исследовании участвовало 140 человек в возрасте 18-20 лет, из них 72 – студенты-гуманитарии отделения психологии КФУ и 68 – студенты естественнонаучных специальностей Института ВМиТ КФУ. В ходе исследования были

использованы: методика диагностики метакогнитивной включенности в деятельность, Schraw Dennison (Metacognitive Awareness Inventory); методика «Рельеф психического состояния личности» А.О. Прохорова и другие методики изучения рефлексии. Также в процессе исследования были использованы: корреляционный анализ методом Пирсона, однофакторный и многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA), а также структурный анализ по обобщенным показателям – индексы организованности структуры, с применением статистической программы SPSS 16.0.

В ходе повседневной учебной деятельности было обнаружено, что на лекции и семинаре доминирующими являются схожие психические состояния: заинтересованность, бодрость и сонливость – на лекции; и веселость, спокойствие и заинтересованность – на семинаре. Это позволило обозначить состояние заинтересованности в качестве «типичного» психического состояния, переживаемого студентами в повседневной учебной деятельности. Исходя из этого, в дальнейшем рассматривались взаимодействия именно этого состояния с различными составляющими рефлексии. Состояние заинтересованности «связано с проявлением внимания к чему-либо» [А.О.Прохоров, 2004], в данном случае к содержанию лекционного и семинарского занятия. Обозначенное состояние переживаются в 44% случаев во время лекции и в 29% в ходе занятий на семинаре.

Обратимся к состоянию заинтересованности, которое можно отнести к условно равновесным психическим состояниям. Во взаимодействии этого состояния с рефлексией одна из ведущих ролей отводится метакогнитивной включенности в деятельность. Здесь метакогнитивные процессы выступают в качестве операционных средств рефлексии. Сама же рефлексия – есть синтез интегральных и метакогнитивных процессов.

Влияние включенности в деятельность метакогнитивных процессов на состояние заинтересованности было выявлено по трем основным подструктурам психического состояния: психическим процессам, переживаниям и поведению, а также по среднему по всем подструктурам. Наибольшей степени значимости достигает влияние регулятивной рефлексии на психическое состояние заинтересованности в целом ($p=0,006$), а также на параметры психических процессов ($p=0,009$) и поведения ($p=0,008$). Влияние метакогнитивной включенности на подструктуру физиологических реакций установлено не было.

Выраженность всех составляющих состояния заинтересованности возрастает по мере роста метакогнитивной включенности в деятельность. Причем, увеличение интенсивности характеристик состояния происходит планомерно. Таким образом, чем больше включены в деятельность метакогнитивные процессы, тем выше интенсивность показателей состояния, а значит, выше и продуктивность учебной деятельности. Необходимо отметить также, что интенсивность подструктур состояния заинтересованности не одинакова. Так, в диапазоне от низкой метакогнитивной включенности к высокой наибольшую выраженность имеют психические процессы, а наименьшую – показатели переживания. Следовательно, наиболее оптимальным для учебной деятельности является высокий уровень метакогнитивной включенности в состоянии заинтересованности, поскольку в этом случае установлена наибольшая продуктивность психических процессов при сравнительно невысоких показателях переживания.

С целью выявления степени влияния рефлексии на различные подструктуры психических состояний, нами был применен метод «полярных групп», где высчитывался индекс организованности структуры (ИОС) во взаимодействии рефлексии и психиче-

ского состояния заинтересованности. Индекс организованности показывает соотношение интеграционных и дезинтеграционных тенденций, что дает обобщенное и наиболее значимое представление о степени их общей структурированности. Связям на уровне статистической значимости $p=;0,05$ приписывался 1 балл, $p=;0,01$ – 2 балла и $p=;0,001$ – 3 балла. Параметр, получивший наибольшую сумму баллов по всем статистически значимым связям, рассматривается как ведущий в данной структуре.

Показатель поведения является ведущим в структуре психических состояний, то есть увеличение или снижение по показателям рефлексии будут, в первую очередь, отражаться на открытости, активности и последовательности поведения студента. Отметим, что ведущая роль во взаимодействии с психическим состоянием принадлежит регулятивным, интегральным по своей сути, составляющим рефлексивных процессов. Влияние же когнитивной рефлексии носит незначительный и точечный характер.

СТИЛЬ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ И КАРДИОЛОГИЧЕСКИЙ РИСК У МУЖЧИН ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА

А.В. Чернорай, Н.П. Долганова, Е.А. Трифонова (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 13–36–01288а2

Введение.

Повышение эффективности профилактики сердечно-сосудистых заболеваний в настоящее время остается одной из приоритетных задач здравоохранения (ВОЗ, 2013). Важная роль в решении этой задачи отводится мероприятиям психологической и поведенческой коррекции, что обусловлено доказанным участием психологических и поведенческих факторов в развитии и динамике заболеваний сердца (Алехин А.Н., Трифонова Е.А., 2012). Наиболее глубоко в этом аспекте изучены неблагоприятные эффекты стресса (Steptoe A., Kivim M., 2012). Значение стресса в патогенезе сердечно-сосудистых расстройств актуализирует проблему адаптивности и стрессоустойчивости личности, определяемых в том числе репертуаром копинг-стратегий и гибкостью стресс-преодолевающего поведения.

Несмотря на потенциальное значение стиля совладания со стрессом в опосредовании связи между стрессорами и кардиологическим риском, исследования, посвященные данной проблеме, немногочисленны, а полученные результаты противоречивы (Вассерман Л.И., Абабков В.А., Трифонова Е.А., 2010). Развитие этого исследовательского направления представляется перспективным для научного обоснования задач и содержания психологической коррекции в системе профилактических мероприятий в кардиологии.

Вышеизложенное определило цель настоящего исследования: определение роли стиля совладания со стрессом в формировании кардиологического риска у мужчин.

Материалы и методы.

В рамках комплексного медико-психологического исследования проведено обследование 123 мужчин в возрасте от 26 до 60 лет (средний возраст $48,4 \pm 0,77$ лет). На основании клинических и инструментальных исследований были сформированы три группы: 1) кардиологически здоровые респонденты (23 чел.); 2) группа кардиологического риска (27 чел.) – респонденты с донозологическими кардиометаболиче-

скими нарушениями (повышенным артериальным давлением, висцеральным ожирением, гиперхолестеринемией, гипергликемией натощак - отдельно и в сочетаниях) и кардиометаболическим синдромом; 3) пациенты, перенесшие неотложные кардиологические состояния (инфаркт миокарда, острый коронарный синдром и др.) – 73 чел. Группы были сбалансированы по возрасту.

Условно здоровые респонденты и группа кардиологического риска проходили обследование амбулаторно в рамках скрининговых программ, реализуемых на базе отделения эпидемиологии артериальной гипертензии «ФЦСКЭ им. В.А. Алмазова». Обследование пациентов, перенесших неотложные кардиологические состояния, осуществлялось в период их стационарной реабилитации (в городской больнице №23 и больнице Святой преподобномученицы Елизаветы г. Санкт-Петербурга).

Использовались следующие психологические методы и методики: структурированное интервью, направленное на оценку характеристик образа жизни, опросник «Стратегии совладающего поведения» R. Lazarus (Вассерман Л.И. и соавт., 2009).

Гипотеза исследования состояла в том, что для респондентов с повышенным кардиологическим риском, а также верифицированными кардиологическими заболеваниями будут характерны специфические стили совладания со стрессом, предположительно определяющие предрасположение к повышенной стрессовой нагрузке и, как следствие, к развитию заболеваний сердечно-сосудистой системы.

Результаты.

При сравнительном анализе стилей совладания со стрессом респондентов с разным уровнем кардиологического риска были выявлены лишь единичные различия. По сравнению со здоровыми мужчинами пациенты с кардиологической патологией несколько реже использовали стратегию «самоконтроль» ($p=0,07$) и «планирование решения проблемы» ($p=0,07$). Достоверных различий в стиле совладания со стрессом между кардиологическими пациентами и группой риска, а также между группой риска и условно здоровыми испытуемыми выявлено не было.

При анализе соотношений кардиометаболических показателей и характеристик стресс-преодолевающего поведения было установлено, что вне зависимости от возраста нарушения углеводного обмена (повышенный уровень глюкозы в крови натощак) более характерны для респондентов, предпочитающих стратегии «дистанцирование» ($r=0,38$ $p<0,01$) и «избегание» ($r=0,31$ $p<0,05$). Взаимосвязей характеристик копинга с иными кардиометаболическими параметрами выявлено не было.

При оценке соотношения поведенческих факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний и стиля совладания со стрессом было обнаружено, что некурящие респонденты, а также респонденты, уделяющие внимание рациону питания и стремящиеся ограничить употребление «вредных» продуктов, в стрессовых ситуациях несколько чаще прибегают к поиску социальной поддержки ($p=0,07$).

Выводы.

Стиль совладания со стрессом оказывает умеренное влияние на кардиологический риск у мужчин трудоспособного возраста, однако это влияние, по-видимому, опосредовано комплексом других факторов и носит характер «медленного накопления» негативных эффектов неадаптивного поведения в стрессе.

Для мужчин, подверженных кардиологическим заболеваниям, более характерно импульсивное, эмоциогенное поведение в стрессовых ситуациях.

В формировании поведенческих факторов риска кардиологических заболеваний определенную роль играют трудности в мобилизации внешних (социальных) ресур-

сов для разрешения проблемных ситуаций, а также несколько меньшая подверженность социальному контролю поведения (независимость, склонность полагаться на собственные силы).

Предпочтение копинг-стратегий отвлечения, субъективного снижения значимости проблемы и поведенческого отреагирования эмоционального напряжения (в том числе через эмоциогенное питание) способствует формированию предрасположенности к гипергликемии, которая в данном случае, по-видимому, обуславливается как «нездоровым поведением», так и неосознаваемой эмоциональной напряженностью.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО В КОНФЛИКТАХ, МЕДИАЦИЯ – СОДЕРЖАНИЕ, СПЕЦИФИКА, ПЛАНЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.С. Чиннова (Москва)

Актуальные проблемы, присущие обществу, формируют запросы для социальной психологии. Таким образом, социально-психологическое знание должно иметь множество точек приложения в реалиях большинства процессов общественной жизни.

Современное стремительное общемировое развитие, в том числе, происходящее непосредственно в нашей стране, приводит к кардинальному изменению характера взаимодействия между людьми.

Глобализация, становление широких рыночных отношений, активное формирование различных видов собственности затронули Россию в последние годы. Отношения между членами общества существенно усложнились. Вековые традиции претерпевают серьезные изменения, модернизируются национальные, половые, детско-родительские, бизнес-партнерские и другие значимые взаимоотношения. Процессы перерождения непросты, порой сопровождаются непониманием, агрессивным настроением сторон. Мир потрясают революции.

В связи с этим одним из востребованных направлений исследований социальной психологии стала проблема посредничества в спорах и переговорах. В научном сообществе и в стане практиков становится популярным понятие «медиации» - структурно организованного процесса группового взаимодействия между двумя и более людьми, в ходе которого участники конфликта с помощью нейтрального посредника (медиатора) стремятся достичь консенсусного соглашения, которое максимально отвечает бы их интересам (Аллахвердова, Карпенко, 2005).

Целью медиации является выработка такого соглашения, которое удовлетворяло бы интересам обеих сторон, принимается ими и порождает у них стремление к исполнению установленных обязательств (Бесемер, 2004).

Дополнительной целью выступает снятие эмоционального напряжения и противостояния между участниками конфликта, установление отношений доверия и уважения, а также формирование установки на разрешение будущих споров путем конструктивных переговоров.

Специфика медиации определяется качественным своеобразием правил ее организации и проведения (Калашникова, 2011).

В основе теории о медиации лежит идея о необходимости сотрудничества сторон для достижения наиболее успешного соглашения, максимально возможно удовлетворяющего все стороны спора.

Метод «принципиальных переговоров» был разработан в рамках Гарвардского проекта по переговорам Р. Фишером и У. Юри (Фишер, Юри, Паттон, 2005) и является воплощением этой идеи в медиационной практике.

Метод дает возможность найти принципиально новое решение конфликта, достигнуть консенсуса или, иначе говоря, - итога «победа-победа». Объединение усилий сторон, основанное на стратегии сотрудничества, ведет к достижению «взаимных выгод» не только в рассматриваемой проблеме, но и с точки зрения формирования благоприятных межличностных отношений в дальнейшем по итогам переговорного процесса.

Исследователи выделяют и другие особенности медиации, оценивая их, как глубоко позитивные, - самостоятельная работа сторон над выработкой и принятием решений (Бесемер, 2004; Kressel, 2000); удовлетворенность сторон, экономичность финансовых и временных ресурсов (Alberts, Heisterkamp, McPhee, 2005; Wall, Dunne, Chan-Serafin, 2011); восприятие процедуры как справедливой, восстановление и укрепление благоприятных взаимоотношений оппонентов (Wall, Dunne, 2012); возможность личностного развития и роста (Kressel, 2006).

Медиация предлагает обширный репертуар эффективных техник и стратегий для разрешения конфликтов (Montada, 2008). Как отмечают корифеи медиации, проф. Д. Волл, проф. К. Крессел, только за последнее десятилетие в исследовании медиации было опубликовано порядка 200 статей, описывающих около 25 различных стилей медиации (Kressel, Wall, 2012). Некоторые из представляемых стилей приобрели особую популярность в мире практики: на их основе разрабатываются обучающие программы, формируются стандарты посредничества, вспыхивают страстные дебаты в сообществе профессионалов.

Медиация востребована реалиями настоящего и несет в себе неограниченные возможности «научного завтра», но, надо признать, что в России медиация как наука, да и как практика находится на ранних этапах развития и может быть обозначена как технология будущего. Для ее эффективного функционирования наравне с другими общепринятыми социальными институтами, такими, как суд, арбитраж, необходимы множественные социально-психологические исследования.

Арсенал техник и знаний, касающихся процедуры медиации, был преимущественно заимствован из Соединенных Штатов Америки и Германии. Работы отечественных исследователей медиации на сегодняшний день можно обозначить как описательные - по фактическим процедурам медиации и по фиксации рефлексии медиаторами собственного опыта. Эмпирические исследования медиации практически отсутствуют в нашей стране. Но, между тем, нужно отметить, что медиация, как наука, все чаще привлекает к себе внимание отечественных исследовательских групп. Так, в стенах Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова под руководством Базарова Тахир Юсуповича активно ведутся разработки темы медиации (Базаров, Чиннова, 2013).

Актуальным направлением работы в будущем отечественной социальной психологии может стать исследование фигуры посредника-медиатора, как ключевого атрибута процесса медиации. Выявление ролевого набора посредника и анализ содержания этих ролей, исследование взаимосвязи характеристик ситуации и стилистических предпочтений посредника, сопоставление различных стилей деятельности посредника, поиск факторов определяющих выбор той или иной стилистической стратегии, эффективность процесса в зависимости от ролевого репертуара ведущего – задачи для дальнейшего развития темы медиации в России. Психология будет обогащена не только как наука, но и как действенный практический инструмент.

ЗАГРУЖЕННОСТЬ ПОДЧИНЕННЫХ СИСТЕМ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ СПЕЦИФИКИ ИНСАЙТНОГО РЕШЕНИЯ

А.С. Чистопольская (Ярославль)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00133-а

Постановка проблемы: в качестве основных спорных вопросов психологии мышления, а именно психологии решения задач остается проблема специфики инсайтного решения (существует ли таковая в принципе), а также мыслительные механизмы нахождения инсайтного решения. Именно на решение этих вопросов и направлено данное исследование.

Цель: выявить роль подчиненных систем рабочей памяти в процессе поиска инсайтного решения.

Гипотезы:

1. Механизмы протекания решения инсайтных задач специфичны по сравнению с комбинаторными;
2. Ответственными за оперирование информацией в ходе решения инсайтной задачи являются структуры исполнительского контроля.
3. Существует блоковая специфичность обработки информации в процессе решения инсайтных задач: характер динамики инсайтного решения может отражаться в динамике функционирования подчиненных систем РП

Методическое решение: методическим решением поставленных проблем в данном исследовании является использование методики двойной стимуляции. Суть методики состоит в следующем: одновременно испытуемому необходимо решать основную мыслительную задачу, параллельно выполняя вторичное задание – зонд (задание-монитор), до тех пор, пока не будет решена основная задача. Фиксируется время решения и количество ошибок выполнения вторичного задания для последующего анализа. Предполагается, что профиль динамики выполнения задания- зонда отражает (мониторит) динамику решения основной задачи в следствии ограниченности общего ресурса, которым выступает рабочая память.

Процедура эксперимента: решатель выполняет вторичное задание-монитор - выбор из двух альтернатив: определение типа угла (тупой-острый), либо типа слога (открытый- закрытый) пока найдет решение основной мыслительной задачи. Основная задача по типу могла быть либо инсайтной, либо комбинаторной. По ведущему формату репрезентации каждый тип задачи мог быть либо визуальным, либо текстовым. Таким образом, создавалось 8 возможных экспозиционных комбинаций.

Выборка: всего в исследовании приняло участие 65 человек. (ср возраст 24 года. ст.откл =6). Им предлагалось решить 8 задач, прежде выполнив два тренировочных задания. Однако при первичном анализе 7 испытуемых были исключены. Таким образом, статистической обработке подверглись результаты 58 человек, т.е. 580 первичных экспериментальных ситуаций.

Также из общей выборки случайным образом была сформирована выборка, в которой процесс решения задач записывался на айтрекер. Выборка составила 21 испытуемого. Анализировались показатели длины фиксации.

Результаты исследования:

1.С помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) были выявлены значимые различия в среднем времени реакции на вторичное задание-зонд в зависимости от типа параллельно решаемой мыслительной задачи. При параллельном решении инсайтной задачи ВР значительно меньше ($F=67,104$, $p < 0,0001$). Вероятно, процесс решения комбинаторной задачи в большей степени задействует ресурс блока исполнительского контроля рабочей памяти. Это согласуется с ранее полученными данными (Коровкин С.Ю., Владимиров И.Ю., Савинова А.Д.) и является аргументом в пользу гипотезы о специфичности протекания инсайтного решения относительно комбинаторного.

2.При параллельном решении инсайтной задачи количество ошибок значительно больше ($F=6,9312$, $p=,00851$) по сравнению с комбинаторным. Это также согласуется с ранее полученными данными и является свидетельством в пользу гипотезы о специфичности протекания инсайтного решения относительно комбинаторного. Это вероятно объясняется различными стратегиями выполнения вторичного задания: быстрое решение с большим количеством ошибок в решении инсайтных задач и более медленное решение с меньшим количеством ошибок в решении комбинаторных задач.

3.Выявленные профили динамики времени фиксации значимо ($F=5,7270$, $p < 0,0001$) выше в инсайтном типе задач. Показатель продолжительности фиксации характеризует когнитивную активность. Предполагается, что глубина когнитивной обработки визуальной информации связано с длиной фиксации. Чем больше время, тем больше глубина переработки. Большее время фиксации в инсайтных задачах подтверждает важную роль визуального блока рабочей памяти, поскольку когнитивный ресурс тратится на ориентировку в поле задачи, переструктурирование этого поля, построение репрезентаций, что будет показано в дальнейшем анализе. Данные согласуются с результатами, полученными Г.Кноблихом и коллегами.

4.Выявлен значимый совместный эффект влияния кода основной мыслительной задачи (семантический - визуальный) и типа задания-зонда на среднее время выполнения вторичного задания в инсайтном типе задач. Совпадение модальностей (визуальный код - углы, семантический код - слоги) предполагает наличие конкуренции за когнитивный ресурс. ($F=11,429$, $p < 0,0001$), т.е. в решении инсайтных задач подчиненные системы оказывают влияние, особенно при работе с визуальным типом информации. В комбинаторном типе задач таковой эффект не выражен.

5.Наибольшая конкуренция за ресурс в решении инсайтных задач с 3 по 5 этап (пики ВР при сочетании визуальный тип задач - углы и семантический тип задач - слоги). Конкуренции за «визуальный» ресурс проявляется сильнее, что также согласуется с особенностями протекания инсайтного решения (дезориентировка в задачном пространстве, распределенность внимания) и свидетельствует о важной роли визуального формата репрезентации в решении инсайтных задач. В комбинаторном типе задач не наблюдается выраженного преобладания загрузки того или иного подчиненного блока

Выводы:

1.В ходе решения комбинаторных задач механизмом поиска решения является перемещение по дереву решений, существенную роль в данном процессе играет исполнительский контроль. Для инсайтных задач такой процесс нехарактерен.

2.В процессе решения инсайтных задач механизмом поиска решения является ненаправленное движение в поле задачи, очевидно имеющем пространственную или квазипространственную структуру.

ИНСТИТУТ ЗАМЕЩАЮЩЕГО РОДИТЕЛЬСТВА В АСПЕКТЕ КЛАССИФИКАЦИЙ И ТИПОЛОГИЙ

Р.А. Читао (Краснодар)

Вопросы воспитания за последнюю сотню лет, на осознанном уровне, приобрели особую актуальность, поскольку задают качество воспроизводства поколений, наций, государств и т.п. Особенная значимость воспитательной проблематики задана тем обстоятельством, что во всем мире и в России, в частности, отмечается рост детей-сирот. В этой связи, особую актуальность приобретает поиск и формирование для таких детей замещающей семьи и замещающих родителей. Названная проблема в нашей стране относится пока к малоизученным темам.

Социальная политика в нашей стране, по крайней мере, в ее декларативной части, направлена на сокращение числа детей-сирот, воспитывающихся в государственных учреждениях, за счет развития альтернативных форм устройства детской жизни.

В странах Европы и США за последние 25 лет наблюдается отказ от институционального воспитания детей-сирот, в пользу развития замещающего родительства, поскольку государственное воспитание (в системе детских домов или приютов) формирует слишком низкий уровень социализации ребенка, порождая целый веер психологических и социальных проблем (замкнутость, агрессия, наркомания, преступность и т.п.).

По мнению многих исследователей, только нормальная семейная атмосфера формирует у ребенка адекватную личностную основу, ядро которой составляют эмпатия, самоконтроль, самодисциплина, умение жертвовать своими интересами ради интересов близких и способность заботиться о других.

Законодательно, термин «замещающая семья» включает все типы семейного устройства детей-сирот: приемная семья, патронатная семья, опекунская семья, семья усыновителей.

Существует большое многообразие критериальных оснований для классификации замещающих семей. Так, например, В.Н. Ослон и А.Б. Холмогорова делят замещающие семьи по правовому статусу, выделяя:

непрофессиональные семьи: семья-усыновитель (родители наделяются теми же юридическими правами и ответственностью, что и родители от рождения); опекунская семья (опекуны наделяются родительскими правами на определенное время (чаще всего, до совершеннолетия) и получают на ребенка пособие от государства);

профессиональные семьи: приемная семья (один или оба родителя наделяются полномочиями опекунов до совершеннолетия ребенка, получают пособие на содержание ребенка и зарплату за его воспитание, но юридически не вступают с ним в алиментные отношения). Приемная семья является инвариантной, сокращенной по количеству приемных детей и уровню материального обеспечения, а также, является моделью семейного детского дома.

Патронатная семья (опекуном ребенка остается детский дом, а один из родителей наделяется статусом патронатного воспитателя, является сотрудником сиротского учреждения на время устройства ребенка в семью и разделяет ответственность за воспитание ребенка с опекуном (детским домом или приютом). Патронатный воспитатель получает пособие на содержание ребенка и зарплату за его воспитание в сиротском учреждении.

Профессиональная семейная забота на сегодняшний день является малоизученным явлением, а вопрос о правомерности воспитания детей за деньги очень актуален.

Н.П. Иванова, И.А. Бобылева и О.В. Заводилкина классифицируют замещающие семьи следующим образом:

-по наличию материального вознаграждения за воспитание детей: на профессиональные (родители выполняют работу, за которую выплачивается заработная плата) и непрофессиональные (отсутствует оплата родительских функций);

-по срокам устройства: на бессрочные (усыновление без срока) и срочные (срок оговаривается, исходя из потребностей ребенка);

-по возможности семьи получать регулярную поддержку от профессионалов – специалистов;

-по объему ответственности за воспитание и развитие ребенка, его устройство в самостоятельной жизни (полный объем ответственности – опека, усыновление, детский дом семейного типа; ответственность, поделенная с органами опеки и попечительства – остальные формы замещающей заботы).

Обобщенный анализ литературы позволяет выделить несколько типов замещающей семьи в современной российской действительности, на основе дифференциации статуса взрослого, который заботится о ребенке, органов социального контроля и особенностей материальной поддержки замещающей семьи:

-«опекунская семья» - взрослый находится в статусе опекуна, контроль осуществляют органы опеки и попечительства, в качестве материальной поддержки выплачивается опекунское пособие;

-«приемная семья – усыновители» – взрослый находится в статусе родителя, контроль семьи ведется органами опеки и попечительства, в качестве материальной поддержки иногда выплачивается детское пособие, в том случае, если подтвержденный документально доход семьи ниже официального прожиточного минимума;

-«приемная семья» - взрослый имеет статус приемного родителя, контролируют семью органы опеки и попечительства, приемному родителю выплачивается заработная плата и пособие на содержание ребенка;

-«патронатная семья» - взрослый имеет статус воспитателя, контроль осуществляет руководство и специалисты детского дома; в качестве материальной помощи воспитателю выплачивается заработная плата, оформляется трудовой стаж и выплачиваются средства на содержание ребенка;

-«семейный детский дом» - статус взрослого определяется как воспитатель, контроль осуществляют органы опеки и попечительства, семье выделяется дом или помещение, воспитателю выплачивается заработная плата и пособие на детей;

-«семейная воспитательная группа» - взрослый находится в статусе воспитателя, контроль осуществляют специалисты социально-реабилитационного центра, воспитателю выплачивается заработная плата, оформляется трудовой стаж и выплачивается пособие на содержание детей.

Какой из этих типов замещающей семьи станет более популярным и более позитивным и эффективным в плане воспитания и развития детей покажет время и обобщенный научный анализ, который в данной сфере насущно необходим уже сейчас.

КРЕАТИВНОСТЬ И ОБРАЗ ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ

Е.Ю. Чичук (Краснодар)

Активные социально-экономические преобразования в обществе диктуют необходимость формирования творчески активной личности, обладающей способностью

эффективно и нестандартно решать новые жизненные проблемы, максимально используя свой потенциал, находясь в гармонии с окружающим миром, ведущей тот образ жизни, который соответствует её внутреннему содержанию.

На основании анализа различных концепций креативности Л.С. Выготского, А.Н. Лук, Е.И. Щепланова, Дж. Гилфорда, В. Тейлора, А. Торренса, В. Пономарева и на психологических определениях образа жизни Л.С. Колобова, Г.Л. Смирнова, А.Г. Здравомыслова, В.Г. Синицына, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, А.П. Бутенко, Г.Е. Глезерман, А.В. Здравомыслова, была выявлена проблема взаимосвязи уровня креативности с особенностями образа жизни личности.

«Образ жизни» – сложный феномен поведения и жизнедеятельности человека, целостное явление, интегрирующее в себе различные социально-психологические характеристики. Содержание образа жизни определяется тем, как живут люди, чем заняты, какие виды деятельности и взаимодействия друг с другом заполняют их жизнь.

На основании различных трактовок образа жизни была составлена общая модель, состоящая из 15 социально-психологических параметров: общение, потребительская деятельность, виды жизнедеятельности, отношение к жизни, цель жизни, принципы жизни, отношение к труду, система потребностей, социальные роли, социальный статус, авторитет, культурная сфера (средства массовой информации), образы в одежде, свободное время, отношение к здоровью.

Креативность – уровень творческой одаренности, способности к творчеству, составляющий относительно устойчивую характеристику личности. Творческие проявления во многом определяют личностные черты, которые в свою очередь организуют образ жизни личности. Предполагается, что специфика образа жизни как способа организации содержания личности своей жизнедеятельности, дифференцируется в зависимости от уровня креативности. Соответственно, цель исследования – выявление различий и специфических особенностей в характеристиках образа жизни у личностей с разным уровнем креативности.

В исследовании участвовали 70 студентов факультета управления и психологии КубГУ, г. Краснодар. В исследовательский комплекс вошли следующие методы и психодиагностические методики.

1. Тест-опросник «Креативность» Н.Ф. Вишняковой. Таким образом были получены интегральные показатели креативности респондентов.

2. С помощью статистического критерия Шапиро-Уилко был построен график нормального распределения, выявлены максимальные, минимальные и средние показатели креативности по выборке в целом. В соответствии с этими показателями все респонденты были разделены на три группы: низкокреативные, среднекреативные и высокреативные.

3. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, для изучения ценностной составляющей образа жизни.

4. Специально разработанная анкета «Особенности образа жизни», включающая 18 вопросов (открытые и закрытые), для исследования остальных параметров образа жизни.

5. Данные анкет обработаны с помощью контент-анализа и количественного метода (наибольшее количество выборов в группах).

6. Значимость различий в характеристиках образа жизни между группами с разной степенью креативности подтверждалась с помощью t-критерия Стьюдента.

В результате исследования выявились различия по большей части параметров образа жизни между низко-, средне- и высокреативными людьми.

У высококреативных личностей выявились стремления изменить сложившуюся ситуацию и мир в целом, принести пользу людям, полностью реализовать свой потенциал на благо общества, высокая нравственность и свобода, духовное развитие. Многие в их жизни носят героический и эпизодический характер. Помочь миру – вот их девиз, их долг. Больше удовольствие им приносит не сам результат действий по «улучшению мира», а процесс, в котором они смогут реализовать свои потребности и тем самым духовно обогатиться. Данная жизненная позиция высококреативных личностей была условно названа «Героизм».

У среднекреативной группы прямо противоположная позиция – позиция «Прагматизм». Их кредо жизни – это практичность, оценка и расчет во всем, важной является только правдивая и непротиворечивая информация. Они «не бросаются головой в омут» во имя спасения мира, им свойственны обдуманые поступки, постоянное самообразование и стремление к материальной обеспеченности, приземленность и определенность целей, четкое, непробиваемое стремление к их достижению. Для них главное – результат, и как можно быстрее. Но за видимой железной и расчетливой оболочкой кроется и чувственная сторона их сущности. Большое значение они придают чувствам и отношениям с противоположными полом. У личности со средней креативностью одновременно сосуществуют как вера в любовь, так и вера в расчет.

«Поиск себя» – так можно обозначить жизненную позицию низкокреативной группы. Все их усилия в основном направлены на поиск и определение себя в этой жизни. Важными качествами для низкотворческих людей являются стабильность, определенность, наблюдается четкая привязанность к занимаемому положению в жизни, будь то работа или родственные связи. Главное для таких личностей – устояться, укорениться, но сделать это не за счет других, а самим, своими усилиями и волей.

Таким образом, выделились три жизненные позиции, соответствующие трём обобщённым типам личности с разным уровнем выраженности креативности, а следовательно, и различной организацией образа жизни.

Креативность, обладая индивидуальным своеобразием, уникальностью, относительной самостоятельностью и ценностью, способна оказывать формообразующее действие на образ жизни, отражающий социально-психологические стороны жизни людей. Креативность дает совсем иной взгляд на жизнь, иное восприятие, мышление, все это значительно влияет поведение и жизнедеятельность человека. Таким образом, различия в степени выраженности и проявлений креативности отражаются на многообразных особенностях ведущего образа жизни личности.

МОДЕЛИ ВЗАИМОСВЯЗИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

С.В. Чувашов (Москва)

Данное исследование проводилось в рамках проекта при поддержке РГНФ, проект № 12-06-00570 «Взаимосвязь характеристик гражданской и религиозной идентичностей с экономическими представлениями и моделями экономического поведения»

На протяжении последнего десятилетия в социальных науках идея влияния культурных и социальных факторов на экономическое и политическое состояние общества получает широкое распространение. Этот тезис стал толчком для проведения

многих исследований, как за рубежом, так и в России. Одним из наиболее комплексных и сложных вопросов в данной области является характер взаимосвязей факторов, оказывающих влияние на экономическое состояние общества. Некоторые сложности также возникают из-за междисциплинарности изучаемых понятий и концептов.

В данной работе предпринимается попытка углубить представления о характере и направлении взаимосвязи гражданской идентичности и экономического поведения человека, на примере двух регионов России: Центральный и Северо-Кавказский. На данный момент, практически не существует исследований изучающих роль характеристик гражданской идентичности в установках на экономическое поведение в разных регионах России. Исследование на примере двух различных по социально-экономическим и культурным условиям регионов России становится крайне актуальным.

Целью нашего исследования является сравнение моделей взаимосвязи характеристик гражданской идентичности и экономической вовлеченности в двух регионах России: Центральном и Северо-Кавказском.

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что гражданская идентичность взаимосвязана с высокой экономической вовлеченностью, однако, характер связи ее компонентов в регионах различается.

Участники исследования: в исследовании приняло участие 500 человек – представители доминирующих этнических групп (Центральный федеральный округ – русские (228 человек), Северо-Кавказский – русские, чеченцы, ингуши, осетины (272 человек). Средний возраст респондентов составил 24 года.

Инструментарий и процедура опроса:

Основными переменными в нашем исследовании выступили две шкалы гражданской идентичности (Лебедева Н.М., Татарко А.Н., 2011): выраженность (осознанность и сила отождествления человека с понятием «гражданин России»), валентность (эмоциональное отношение к факту принадлежности). Для изучения моделей экономического поведения использовалась «методика сценариев экономического поведения», которая была разработана на базе Научно-учебной лаборатории социально-психологических исследований НИУ ВШЭ (2010 г.). Данная методика предназначена для изучения экономических установок респондентов относительно повседневных ситуаций, связанных с экономическим выбором. Методика создавалась на основе сценарного подхода П. Смита (Smith P. B., 2009; Smith and Schwartz, 2002). Основываясь на теоретическом анализе, мы предположили, что из 11 биполярных измерений экономического поведения может быть сформирован фактор «Экономическая вовлеченность». Для проверки данного предположения мы использовали подтверждающий факторный анализ (CFA) в программе MPlus. Структурные модели были построены с помощью статистического пакета AMOS v. 20.0.

Стоит отметить, что построенная нами модель квалитативная (Prob.level=.004; CMIN/DF=1.838; CFI=.992; RMSEA=.032; PCLOSE=.986; #967;2=51.47; df=28). Индексы качества модели общие для двух регионов. Однако стоит обратить внимание, что в Северо-Кавказском Федеральном округе доля объясняемой дисперсии экономической вовлеченности (.04) выше, чем в Центральном Федеральном округе (.01).

Согласно полученным результатам, выраженность гражданской идентичности взаимосвязана с экономической вовлеченностью среди респондентов обоих регионов. Для представителей двух регионов России: Центрального и Северо-Кавказского, источник убеждений и нормативных предписаний (Akerlof, Kranton, 2000) в отноше-

нии экономической вовлеченности отличается. Если для представителей Центрального региона выраженность гражданской идентичности играет довольно большую роль (положительная связь на уровне $R = .15$) в определении экономической самостоятельности, активности и интереса к экономике (экономическая вовлеченность), то для респондентов Северо-Кавказского региона данный эффект не наблюдается (отрицательная связь на уровне $R = -.26$). На наш взгляд, это связано с различиями в структуре социальной идентичности. Вероятно, что для Северо-Кавказского региона наиболее актуальной и важной является религиозная и этническая идентичность, в отличие от Центрального региона.

Рассматривая позитивность гражданской идентичности и ее связь с экономической вовлеченностью, мы полагаем, что аффективный компонент гражданской идентичности выполняет разные функции у респондентов Центрального региона и Северо-Кавказского. Так, для представителей последнего, положительная гражданская идентичность приводит к активации экономической вовлеченности ($R = .12$): росту экономической самостоятельности и активности, приоритету долгосрочной перспективы в экономическом поведении, в то время как для представителей Центрального региона этот компонент гражданской идентичности способствует патернализму ($R = -.11$) в экономическом поведении (противоположный полюс экономической самостоятельности), снижению интереса к экономике.

Выводы

1. Гипотеза о наличии связи характеристик гражданской идентичности и высокой экономической вовлеченности подтвердилась.
2. В Центральном регионе выраженность гражданской идентичности способствует росту экономической вовлеченности, в то время как ее позитивность вызывает рост патернализма в экономическом поведении, снижению экономической активности и интереса к экономике.
3. В Северо-Кавказском регионе выраженность гражданской идентичности снижает уровень экономической вовлеченности, однако, позитивность гражданской идентичности способствует росту экономической самостоятельности и активности, стимулирует интерес к экономике.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СОЗДАНИЯ БРАКА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

А.А. Чхаидзе (Херсон)

Актуальность исследования. Молодость - это возраст ярких, окрашенных эмоций и любви. Многие факторы способствуют выбору спутника для дальнейшей семейной жизни. Среди них можно выделить: психологические, социальные и физиологические.

Формирование психологической готовности к семейной жизни - многоаспектная проблема, которую связывают со зрелостью личности, развитием сознания и самосознания индивида. Известно, что самосознание в подростковом и раннем юношеском возрасте структурируется вокруг полового развития личности. Именно уровень развития полового сознания и самосознания определяет потребности, ценностные ориентации, мотивы поведения как полового существа.

Различные аспекты готовности молодежи к семейной жизни стали предметом изучения сексологов, психологов, педагогов. Медико - психологические аспекты

вступления в брак являются наиболее распространенными и представленными в научной литературе. Этой проблеме посвящены исследования Л. Богдановича, И. Горпинченка, Д. Тсаева, В. Кагана, Д. Колесова, И. Юнды и др.. Морально - педагогические проблемы готовности молодежи к семейной жизни рассматривались В.Бойко, Е. Ильиной, Н. Стельмаховичем, В. Сухомлинским, В. Чудновским и др.. Формирование полового сознания, идентичности и их роли в психологической готовности к браку исследовали А. Васютинский, Т. Говорун, И. Кон, Л. Мороз и др.. Содержание и формы полового воспитания освещены в работах М. Боришевского, Т. Говорун, В. Кагана, И. Кона.

Под духовными ценностями личности мы подразумеваем целостное образование, состоящее из целого ряда стремлений, духовных чувств, потребностей. Некоторые из них занимают ведущую роль в то время, как другие - играют второстепенную роль в контексте духовной направленности личности. Формируясь в определенных социальных условиях, духовные ценности воплощают в себе высокие общественные интересы, активизируют социальную деятельность, привлекаются к сознательному вмешательству индивида в дела общества.

Духовность, по М.И. Боришевскому, это многомерная система, составляющими которой являются образования в структуре сознания и самосознания личности, в которых отражаются ее морально релевантные потребности, интересы, взгляды, отношение к окружающей действительности, к другим людям, к себе самой, которые стали субъективно значимыми регуляторами активности.

Многие исследователи утверждают, что именно ценности определяют характер отношений личности со средой, с семьей и это, в свою очередь, детерминирует особенности её поведения (Б. Ананьев, М.И. Боришевский, А. Здравомыслов, Г. С. Костюк, В.Я. Титаренко, К.В. Шорохова, В.А. Ядов и др.). Но вопрос о влиянии морально релевантных потребностей на мотивацию создания брака остается не раскрытым.

Исходя из актуальности указанной проблемы, наше внимание сосредоточено на исследовании психологической особенности мотивации создания брака в контексте духовных ценностей.

Объект исследования - мотивация создания брака;

Предмет исследования - мотивация создания брака в контексте духовных ценностей личности;

Цель исследования - теоретически обосновать и эмпирически выявить духовные ценности у личностей, решивших создать семью; определить место духовных ценностей в мотивации создания брака; установить влияние личностной зрелости на мотивацию создания брака.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1 . Обобщить современные подходы к изучению духовных ценностей личности;
- 2 . Эмпирически исследовать духовные ценности испытуемых разных возрастов;
- 3 . Средствами анкетирования определить основные мотивы, которые преобладают при создании брака;
- 4 . Выяснить особенности, место, влияние духовных ценностей и зрелости личности на мотивацию создания брака.

В нашем исследовании принимали участие 4 выборки лиц: 1) лица, которым исполнилось 16-17 лет; 2) лица, которым исполнилось 20-25 лет; 3) лица, которым исполнилось 35-40 лет; 4) лица, которые уже были в браке, но развелись. Таким образом, мы исследовали различные возрастные группы, чтобы проследить динамику мотивов вступления в брак в зависимости от духовных ценностей личности и личностной зрелости.

Для исследования были использованы следующие методики:

- Авторская анкета «Мотивация создания семьи»;
 - Методика определения сформированности духовных ценностных ориентаций личности «Осуществление желаний»;
 - Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха.
- Научная новизна исследования:
- Расширено понятие о духовных ценностях личности;
 - Расширено теорию выбора брачного партнера;
 - Представлено место духовных ценностей в иерархии ценностей, имеющих связь с мотивацией создания семьи;
 - Выяснено место и влияние духовных ценностей и личностной зрелости на мотивацию создания брака.

Практическое значение исследования:

- Обеспечивается разработкой и совершенствованием психодиагностического комплекса для выявления духовных ценностей личности, мотивов создания брака;
- Материалы исследования могут быть использованы практическими психологами в процессе консультативной помощи в системе как добрачного так и семейного консультирования;
- Результаты работы могут быть использованы при проведении тренинговых занятий и семинаров, направленных на обеспечение помощи в подготовке к браку и выработке эффективных стратегий поведения в брачных отношениях, прогнозировании проблем и сложностей будущей семейной жизни, в своевременной коррекции и профилактике;
- Материалы исследования могут стать основой для проведения просветительской работы в системе среднего и высшего образования, курсов подготовки старшеклассников и студентов к семейной жизни.

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ПОДРОСТКОВ С ОВЗ (ОБЗОР)

А.А. Шаров (Саратов)

В Российской Федерации отмечается тенденция к увеличению числа суицидов у подростков. Проблема суицидального поведения у подростков с ОВЗ является актуальной, но пока малоизученной. К подросткам с ОВЗ можно отнести лиц соответствующего возраста, имеющих недостатки в физическом и (или) психическом развитии. Данные недостатки можно объединить термином «дизонтогенез», которым обозначают различные формы нарушений онтогенеза.

Переживание неполноценности подростками с ОВЗ в повседневной деятельности приводит к аутоагрессивным действиям и поступкам. Подростков с ОВЗ можно отнести к группе риска по отношению к суицидальному поведению, поэтому необходимо применять скрининговые исследования к данной группе детей.

Важным фактором в формировании суицидального поведения у подростков с ОВЗ является низкая самооценка. Низкая самооценка является следствием ограниченной активности в повседневной деятельности и высоким риском формирования депрессии. К факторам возникновения суицидального риска у рассматриваемой группы подростков можно отнести индивидуальную фиксированность на дефекте, проблемы в общении, межличностных отношениях.

Б.Н. Алмазов, обследовал группу подростков, умышленно нанесших себе порезы. При последующем обследовании 15% из них признаны психически здоровыми, у остальных отмечены различные отклонения в развитии: психический инфантилизм, пограничная умственная отсталость, в 50% случаев – акцентуация характера.

Ранее существовала точка зрения, что нарушение интеллекта может являться своеобразным «буфером» для суицидального поведения у лиц с умственной отсталостью. В пубертатном периоде психотравмирующими являются ситуации, связанные с переживанием собственной неполноценности, невозможностью принимать участие в различной деятельности, неправильное, подчас негативное отношение окружающих к подростку с умственной отсталостью. В связи с этим возможно развитие реактивных состояний с субдепрессией, суицидальными мыслями и попытками. И.В. Евтушенко отмечает, что у умственно – отсталых подростков при затяжных протестных реакциях на фоне аффективного сужения сознания наблюдается суицидальное поведение.

Охарактеризуем наличие суицидального риска у подростков с нарушениями опорно – двигательного аппарата, в частности ДЦП. У подростков с ДЦП часто наблюдается наличие суицидальных тенденций. Этиологией их возникновения являются: переживание одиночества, отвержения в связи с невозможностью полноценного участия в различных видах деятельности, переживание угрозы утраты любви родителей, недовольство внешностью, особенно при наличии выраженных внешних деформаций (нарушение походки, гиперкинезы мышц). Аффективное суицидальное поведение – характерно преимущественно для подростков с эмоционально-лабильными чертами и является наиболее опасным, ввиду того, что может протекать при сужении сознания. Сильное эмоциональное переживание ввиду наличия дефекта наблюдается после окончания школы-интерната и перехода в среду здоровых сверстников.

Л.Я. Жезлова в качестве дополнительного фактора риска суицида в детском и подростковом возрастах выделяет дисгармоническое развитие. Подростки с психопатией неустойчивого типа склонны к демонстративным суицидальным попыткам. При истерическом типе также возможны демонстративные суицидальные попытки (надрезы в области запястья, приём лекарственных препаратов), которые осуществляются с расчетом на реакцию значимых лиц. В качестве причины таких попыток является чаще всего ущемленное самолюбие, утрата необходимого для подростка внимания со стороны значимых взрослых, сверстников.

В комплексном исследовании с применением анонимного анкетирования, посвященном проблеме суицидального поведения у подростков с ОВЗ, проводимым И.Е. Куприяновой, И.С. Карауш, Б.А. Дашиевой, показано, что для подростков с ОВЗ характерно наличие суицидальных мыслей. В выборке подростков с нарушением зрения (слабовидящих), чаще, чем у подростков без нарушения зрения возникало чувство одиночества, суицидальные мысли.

В кризисных состояниях, состояниях стресса, подростки с ОВЗ характеризуются меньшей адаптивностью, уязвимостью, ввиду неполноценности, отсутствия навыков решения социальных, психологических проблем. Социальная дезадаптация в данном случае, играет важную роль в формировании аутоагрессивного поведения.

Меньшее количество попыток суицида у школьников с ОВЗ связывается как с индивидуальными психологическими особенностями, так и с наблюдением, постоянном пребывании в кругу сверстников в условиях коррекционной школы.

Таким образом, изучение суицидального поведения у подростков с ОВЗ является актуальным на сегодняшний день. Важным фактором в формировании суицидаль-

ного поведения у подростков с ОВЗ является осознание неполноценности, ограничение физической активности, высокая степень фиксированности на дефекте, формирование неадекватной самооценки. Следовательно, важным направлением работы является разработка диагностических мероприятий по выявлению суицидального риска у подростков с ОВЗ. Своевременно выявленные особенности суицидального риска у подростков с ОВЗ послужат основой для построения программы психологической профилактики подростковых суицидов.

СПОНТАННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ О СОЦИАЛЬНОМ КАПИТАЛЕ

Н.А. Шаталова (Курск)

Проблема. Менеджерам как представителям профессии типа «человек – человек» важно уметь устанавливать и поддерживать отношения с другими людьми: подчиненными, коллегами, руководством, потребителями, деловыми партнерами, конкурентами и др. Для этого, прежде всего, необходимо иметь субъективные представления о социальном капитале - основе, средстве и результате установления и обогащения отношений человека с другими. Теоретический поиск позволил выделить структуру социального капитала менеджера. В эмпирическом исследовании (в первой части) предполагается изучить изменение спонтанных субъективных представлений о социальном капитале в процессе профессионального обучения.

Организация и методы исследования. Для анализа спонтанного изменения субъективных представлений о социальном капитале использовались результаты диагностики 350 испытуемых: 66 студентов первого (17-18 лет), 37 студентов второго (18-19 лет), 31 студент третьего (19-20 лет), 65 студент четвертого (20-21 год) и 68 студент пятого (21-22 года) курсов. Все испытуемые являются студентами факультета экономики и менеджмента Курского государственного университета будущие менеджеры и маркетологи, экономисты, бухгалтеры.

В соответствии с ранее разработанной структурой социального капитала будущих менеджеров был подобран комплекс диагностических методик. Для когнитивного компонента: Методика диагностирования рефлексивности А.В. Карпова, В.В. Понаморевой, Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта и Методика диагностики межличностных и межгрупповых отношений (социометрия) Дж. Морено. Для эмоционального компонента: Шкала оценки значимости эмоций и Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д.В.Люсин). Для поведенческого компонента: Диагностика межличностных отношений (ДМО) Л.Н. Собчик (модифицированный опросник интроперсонального диагноза Т.Лири) и Мини-сочинение «5 лет».

Результаты исследования. Рассмотрим значения показателей диагностики спонтанного изменения субъективных представлений студентов 1-5 курсов о социальном капитале

Когнитивный компонент.

По методике А.В. Карпова, В.В. Понаморевой оптимальный уровень рефлексии в управлении проявляется у 38% студентов 1 курса, у 43% студентов 2 курса, у 55% студентов 3 курса, у 58% студентов 4 курса и у 66% студентов 5 курса. По методике М. Гранта оптимальное сочетание само- и социорефлексии было выявлено у 26% студентов 1 курса, у 32% студентов 2 курса, у 42% студентов 3 курса, у 48% студентов 4

курса и у 54% студентов 5 курса. Рост вышеуказанных показателей рефлексии с первого по пятый курс составил 29% и 28% соответственно, что говорит о наличии статистически значимых различий ($p=0,05$).

Методика Дж. Морено показала следующие значения: для студентов 1 курса – 2,82; для студентов 2 курса – 1,19; для студентов 3 курса – 1,65; для студентов 4 курса – 1,71 и для студентов 5 курса – 2,85. Это говорит о том, что 86%, 5%, 10%, 28% и 92% соответственно осуществляют максимально возможное количество выборов (3 человека). Студенты, выбравшие трех одноклассников для осуществления совместной деятельности, открыты не только для поддержания уже существующих, сложившихся отношений в группе, но и для установления новых.

Эмоциональный компонент.

Диагностика показала, что 20% студентов 1 курса, 22% студентов 2 курса, 23% студентов 3 курса, 26% студентов 4 курса и 28% студентов 5 курса ставят на первое и / или второе место такие эмоции как: «Чувство радости и удовлетворения, когда удается сделать что-либо хорошее для дорогих тебе людей» и «Радость, хорошее настроение, симпатия, признательность, когда общаешься с людьми, которых уважаешь и любишь, когда видишь дружбу и взаимопонимание, когда сам получаешь помощь и одобрение со стороны других людей».

Высокий уровень межличностного эмоционального интеллекта по опроснику эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д.В.Люсин) показали 38% студентов 1 курса, 19% студентов 2 курса, 29% студентов 3 курса, 26% студентов 4 курса и 32% студентов 5 курса.

Изменение обоих показателей эмоционального компонента социального капитала за пять лет незначительно – 9% и 18% соответственно.

Поведенческий компонент.

Гармоничный тип межличностных отношений показали 27% студентов 1 курса, 32% студентов 2 курса, 45% студентов 3 курса, 48% студентов 4 курса и 54% студентов 5 курса.

Количество студентов, упоминавших в мини-сочинении «5 лет» о других и/или отношениях с ними, изменялось следующим образом: 1 курс – 11%, 2 курс – 19%, 3 курс – 29%, 4 курс – 34% и 5 курс – 44%. Стоит отметить наличие «отрицательных» высказываний о других и/или отношениях: 6% студентов 1 курса и столько же студентов 3 курса. Студенты констатировали проблемы в построении или поддержании отношений в прошлом (в том числе в школе) или настоящем («не дружная группа»), проявляли неуверенность или отрицание наличия у себя навыков для установления и развития отношений («не умею общаться»), опасения и неуверенность в установлении дружеских отношений в учебной группе (характерно для студентов первого курса).

Вывод. Анализ спонтанного изменения субъективных представлений о социальном капитале студентов факультета экономики и менеджмента с первого по пятый курс показал наличие его роста. Возможно, такой рост обусловлен стихийным влиянием: изучение психологических дисциплин, прохождение производственной практики (новые контакты) и др. Есть основание предположить, что в процессе профессионального обучения на субъективные представления можно оказывать целенаправленное воздействие. В качестве инструмента воздействия был избран психологический практикум.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭФФЕКТА «ДРУГОЙ РАССЫ» В ОЦЕНКЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЛИЦА

Т.А. Швец, И.А. Басюл, К.И. Ананьева (Москва)

В зарубежной литературе широко известен феномен, получивший название «эффект другой/своей расы» (кросс-расовый эффект). Одними из первых этот эффект исследовали Р.С. Малпасс и Дж. Кравиц (Malpass and Kravitz, 1969) на примере запоминания лиц черных и белых американцев студентами американских университетов, представлявшими обеих расовые группы. В этом исследовании все испытуемые лучше распознавали лица белых американцев, чем черных, а припоминали лучше лица представителей своей расы, чем другой. Как отмечают Ж. Линьюн с соавторами (Lingyun et al., 2007), причиной этого явления долгое время считали тот факт, что в онтогенезе опыт общения с людьми своей расы обычно значительно превосходит опыт общения с представителями других рас (Shepard, 1981; Chance et al., 1982; Valentine et al., 1995).

Была также обнаружена более высокая эффективность распознавания и восприятия лиц представителей своей расы по сравнению с другими (Shapiro and Penrod, 1986; Bothwell et al., 1989). Однако в дискриминационных задачах на зрительный поиск и категоризацию морфированных изображений лиц опознание лиц представителей другой расы происходит быстрее, чем лиц представителей своей расы (Levin, 2000), что в первом приближении находится в противоречии с более быстрым распознаванием лиц своей расы в задачах на опознание. Для объяснения этого парадокса Д. Левин (Levin, 1996, 2000) предположил, что существует некий существенный «признак расы», активирующий особый механизм только в случае, когда наблюдатель видит лицо представителя другой расы. Постулирование такого признака дало Левину возможность непротиворечиво описать данные по обнаружению лиц представителей разных рас в терминах зрительного поиска и в рамках этой же парадигмы интерпретировать отмеченное противоречие.

В работе Д. Келли с соавторами (Kelly, 2005) было показано, что чувствительность к междрасовым различиям не является врожденной. В то время как новорожденные не обнаружили никаких предпочтений своей или другой расе, 3-месячные дети значимо предпочитали лица своей этнической группы. В работе П. Куинна и др. (Quinn et al., 2008) так же показано, что трехмесячные дети предпочитают лица представителей той же расы и того же пола, что и человек, преимущественно осуществляющий за ними уход. В одном из экспериментов трехмесячные дети-европейцы отдавали предпочтение женским лицам перед мужскими, в том случае если эти лица были европейскими, но не азиатскими. В другом эксперименте новорожденные дети-европейцы не продемонстрировали предпочтение женским лицам перед мужскими, причем все лица были европейскими. На основании полученных результатов авторы приходят к выводу, что новорожденный ребенок имеет некоторый прототип восприятия лиц, который затем подстраивается и структурируется комплексом расовых и гендерных черт лиц, воспринимаемых в ходе раннего онтогенетического развития.

Авторские исследования нашли подтверждение «эффекта другой расы» в ряде особенностей межличностной перцепции (работа проведена при поддержке гранта РФНФ «Оценка психологических особенностей человека по изображению его лица представителями разных расовых групп», проект №11-36-00345а2), в частности при

вынесении суждений о личностных особенностях представителей своей и другой расы.

В исследовании использовался экспериментальный план с участием четырех независимых выборок испытуемых. Каждому участнику исследования на экране монитора компьютера последовательно демонстрировалась одна из восьми цветных фотографий натурщиков (четыре женщины и четыре мужчины в возрасте от 20 до 30 лет - представителей монголоидной и европеоидной расовых групп), изображенных до плечевого пояса. Размер предъявляемых фотоизображений составлял 10x15 см; расстояние от монитора до наблюдателя - 60 см.

Испытуемые оценивали выраженность индивидуально-психологических особенностей натурщиков, изображенных на фотографиях, с помощью методики «Личностный дифференциал». Главным отличием выборок было время экспозиции фотоизображений на экране монитора: для первой выборки время экспозиции составляло 200 мс, для второй - 1 с, для третьей - 3 с, для четвертой - 10 с.

В общей сложности в исследовании приняло участие 95 чел.: первая группа (время экспозиции - 200 мс) - 30 чел., вторая группа (время экспозиции - 1 с) - 16 чел., третья группа (время экспозиции - 3 с) - 40 чел., четвертая группа (время экспозиции - 10 с) - 9 чел., все студенты московских вузов в возрасте от 17 до 48 лет (средний возраст - 24,3 года, SD = 5,84).

На основании выполненных испытуемыми оценок индивидуально-психологических особенностей натурщиков для каждой экспериментальной группы определялся усредненный профиль каждого натурщика.

Затем, был выполнен кластерный анализ Complete Linkage Euclidean Distance полученных усредненных профилей натурщиков для каждой экспериментальной группы в отдельности.

Проведенный анализ показал, что при времени экспозиции фотоизображений натурщиков 200 мс оцениваемые объекты образуют две группы, причем по расовому признаку: в первый кластер вошли натурщики-европеоиды, во второй - монголоиды. С увеличением времени экспозиции до 1 с однородность классов по расовому составу нарушилась: в первый кластер вошли три представителя европеоидной расы и один монголоид, а во второй - три монголоида и один европеоид. При времени экспозиции 3 с первый класс образовали три натурщика-европеоида, второй - четыре представителя монголоидной расы и один европеоид. При максимальном времени экспозиции фотографий (10 с) в первый кластер вошли четверо натурщиков-европеоидов и два монголоида, а во второй - два монголоида.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что эффект другой расы проявляется на ранних стадиях перцептогенеза, а при более длительной экспозиции испытуемые обращаются к другим признакам и характеристикам, изучение которых, требует отдельных исследований.

ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ В ПОВСЕДНЕВНОМ МЕЖЛИЧНОСТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Т.А. Швец, А.И. Карапышева, А.С. Дивеева, Ю.Н. Аверчинков (Москва)

Любая ситуация межличностной коммуникации с необходимостью предполагает формирование первого впечатления о партнере по общению. Несмотря на то, что данное впечатление складывается в первые минуты, и даже секунды межличностного

восприятия и взаимодействия, оно представляет собой достаточно сложное психическое явление. Образ другого человека интегрирует в себе не только информацию о его внешности, поведении, личностных чертах и т.д., но включает и отношение к нему. Одним из «результатов» первого впечатления является возникновение доверия или недоверия к партнеру по общению. Доверие является своеобразным опосредующим звеном между восприятием и действием, между представлением о человеке и взаимодействием с ним. Доверие выражает, прежде всего, отношение к воспринимаемому субъекту, готовность взаимодействовать с ним. Таким образом, доверие является сложным когнитивно-коммуникативным феноменом, обладающим яркой регулятивной функцией и широким диапазоном детерминации.

В рамках настоящей публикации по научно-исследовательскому проекту РГНФ № 13-06-00645 по теме «Феномен доверия в межличностном восприятии» представлена попытка очертить тот круг основных факторов, который обуславливает формирование феномена доверия в такой повседневной ситуации поведения для каждого из нас как «голосование на дороге». Эта ситуация является прекрасной моделью межличностного восприятия – в условиях скоротечного взаимодействия между водителем и потенциальным пассажиром, принимается решение имеющее потенциальный риск для последнего.

В исследовании приняло участие 53 человека – студенты московских ВУЗов в возрасте от 17 до 33 лет. Основным методом исследования являлся анонимный опрос. Каждому испытуемому в отдельности раздавался разработанный бланк опроса со следующей инструкцией. «Представьте, пожалуйста, себе следующую ситуацию: Вы задержались в гостях у своего знакомого, время уже очень позднее - за полночь. Но Вы все равно решили ехать к себе домой, на другой конец города. Общественный транспорт уже не ходит. Диспетчеры таксопарков, которых Вы обзвонили, отвечают, что свободных машин в ближайшее время не будет. И Вы решили поймать попутную машину – «частника». Вы подошли к краю дороги и начали «голосовать». Пожалуйста, постарайтесь как можно более подробно описать все возможные факторы/причины от которых будет зависеть Ваше решение – ехать или нет с водителем автомобиля, который остановился, увидев Вас. Особое внимание, пожалуйста, уделите тем факторам, которые влияют на формирование у Вас доверия к водителю остановившегося автомобиля».

Испытуемый в свободной, письменной форме описывал те факторы, в соответствие с которыми он бы «выстроил» свое реальное поведение в подобной ситуации. Анализ ответов испытуемых проводился с помощью экспертного категориального анализа содержания текстов и определения представленности в описаниях испытуемых тех или иных факторов.

По результатам обработки текстов были выделены следующие смысловые категории – факторы, которые определяют решение субъекта.

1. Этническая/национальная принадлежность водителя. Наиболее распространенная категория описаний связанных с тем, что наши испытуемые вряд ли бы согласились сесть в машину, водитель которой является представителем иной этнической группы. Здесь же отмечается уровень владения водителем русским языком. Данная категория встречается в описаниях у 55% испытуемых.

2. Марка и состояние автомашины. Данную категорию составляют описания не только внешнего состояния автомобиля (напр., престижности марки, страна-производитель – отечественная/зарубежная марка автомобиля, его сохранность и т.д.), но и внутреннего обустройства (напр., наличие магнитов, иконок на приборной доске, запах, музыка и т.д.). Встречаемость данной категории – 53%.

3. Пол и возраст водителя. Наши испытуемые часто упоминают подобные факторы, по нашему мнению это связано с тем, что большинство из них это молодые девушки. В частности, отмечается, что наиболее лучшим вариантом для принятия решения будет ситуация когда водителем является либо женщина, либо мужчина, причем в возрасте. Встречаемость данной категории – 49%.

4. Внешность водителя. В рамках данной категории испытуемые отмечают опрятность одежды водителя, выражение лица, степень его «интеллигентности», телосложение водителя, наличие у него каких-либо татуировок, пирсинга, украшений и т.д. Встречаемость данной категории – 49%.

5. Стилль общения водителя и его информированность. Данную категорию составляют описания манеры общения водителя, наличие уменьшительно-ласкательных или фамильярно-грубых обращений. Наличие торга при определении стоимости проезда, информированность водителя о маршруте поездки и т.д. Данная категория встречается в описаниях у 42% испытуемых.

6. Стоимость проезда. Здесь испытуемые отмечают дороговизну, или наоборот, излишнюю, и в этой связи подозрительную, дешевизну проезда. Встречаемость данной категории – 28%.

7. Физическое и психическое состояние водителя. В рамках данной категории испытуемые упоминают, прежде всего, то, находится ли водитель в состоянии алкогольного/наркотического опьянения, насколько он возбужден или подавлен чем-то, приветливость/открытость и т.д. Встречаемость данной категории – 26%.

8. Количество людей в машине помимо водителя. Практически все испытуемые отметили, что они бы не сели в машину, где помимо водителя есть еще пассажир. Встречаемость данной категории – 25%.

Таким образом, можно сделать предварительное заключение: несмотря на скоротечность взаимодействия водителя и потенциального пассажира в описанной выше ситуации, оно определяется целым рядом обстоятельств, и прежде всего, характеризующих психическое состояние и внешность водителя. Выявленные нами факторы в дальнейшем будут использованы для создания экспериментальных модельных ситуаций для изучения межличностного восприятия.

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕДАГОГА

Т.В. Шелкунова (Лесосибирск)

Личностный потенциал педагога имеет свои особенности, отличные от представителей других профессий и не зависящие от возраста, педагогического стажа и специализации.

Педагог реализует свой личностный потенциал по мере того, как он осваивает и развивает педагогическую деятельность, признаёт педагогические ценности. Развитие личностного потенциала - это непрерывный процесс, влияющий на педагогическую деятельность в целом.

Развитие личностного потенциала требует от педагога достаточно высокой степени активности, способности управлять, регулировать своё поведение в соответствии с возникающими или специально поставленными педагогическими задачами.

Осваивая ценности педагогической науки, личность способна преобразовывать, интерпретировать их, что определяется личностным потенциалом преподавателя.

В педагогических ценностях, личность, воздействуя на других, творит себя, определяет свое собственное развитие, реализуя себя в деятельности.

Проанализировав основные общепсихологические модели структуры личности, приходим к выводу о необходимости использовать в качестве основы для исследования личностного потенциала педагога модель личности, предложенную Д.А. Леонтьевым. В соответствии с этой моделью структуру личности педагога можно представить следующим образом.

Первый уровень составляют ядерные механизмы личности педагога – свобода и ответственность.

Второй уровень представлен смысловой сферой личности педагога. Этот уровень крайне важен для понимания того, как взаимодействуют личностное и профессиональное в педагоге.

Третий уровень – экспрессивно-инструментальный. В него входят подструктуры, характеризующие типичные для педагога формы или способы внешнего проявления личности в профессиональной деятельности (педагогические способности, профессиональные роли и позиции, педагогические установки, педагогическую культуру и т. д.)

В соответствии с представленной моделью, под личностным потенциалом педагога понимается интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности педагога, включающая в себя потенциал свободы, потенциал ответственности, смысловой потенциал, отвечающая за способность педагога исходить из гуманистических смыслов в своей профессиональной деятельности и позволяющая сохранять эффективность деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий.

Как личностная характеристика, личностный потенциал педагога включает в себя следующие психологические конструкты: личностную автономию, осмысленность жизни, жизнестойкость, толерантность к неопределённости, ориентацию на действие, особенности планирования деятельности, временную перспективу личности, субъект-объектные ориентации, смысловые структуры личности.

В результате проведенного анализа с опорой на положения концепций А.А. Костылевой, Д.А. Леонтьева, Л.М. Митиной, были теоретически определены структурные компоненты личностного потенциала педагога, проявляющиеся в деятельности: по аксиологическому компоненту - ценности и идеалы самореализации, самооценочность; по мотивационному - стремление к достижению новых вершин в профессии, потребность в познании и самореализации; по гносеологическому - знания педагога о внешнем (социальном и природном) мире и о самом себе, умения видеть и разрешать противоречия жизнедеятельности; по творческому - открытость новому опыту и креативность; по коммуникативному - контактность, умение преодолевать барьеры самореализации; по регулятивному - самоконтроль и самокоррекция.

Для развития вышеуказанных составляющих личностного потенциала педагога необходима соответствующая среда, которая дала бы ему возможность с помощью общения, а также других видов деятельности ощутить и осознать целое многообразие образовательной среды, ее объектов, явлений, оценить их значение, тем самым имея возможность развития своего личностного потенциала в профессиональной деятельности.

Е.Б. Лактионова в своих исследованиях делает вывод о том, что субъективное благополучие педагога положительно взаимосвязано с психологической безопасностью образовательной среды и отдельными ее психологическими характеристиками.

В среде, которая оценивается, как значимая, педагог ощущает удовлетворенность жизнью, что сопровождается положительным эмоциональным настроением и высоким жизненным тонусом. Это может быть также связано с наличием интересной и социально одобряемой деятельности. Были выявлены взаимосвязи показателей субъективного благополучия с такими показателями психологической безопасности образовательной среды как удовлетворенность характеристиками образовательной среды и защищенность от психологического насилия в межличностном взаимодействии [Баева И.А., Лактионова Е.Б., 2006.].

Если педагог доволен взаимоотношениями с учениками и коллегами по работе, если его ценят и уважают, относятся с пониманием, то его профессиональная деятельность будет наполнена положительными эмоциями, сопровождаться хорошим настроением и благоприятным расположением духа. К тому же, в такой среде педагогу проще справляться с неудачами и жизненными трудностями, конструктивно разрешать возникающие проблемы. Для ощущения субъективного благополучия педагогу также важно пребывать в среде, защищенной от угроз и, в первую очередь, психологического насилия. Отсутствие защищенности сказывается на психологическом здоровье педагога и удовлетворенности профессиональной деятельностью.

При анализе различий показателей психологических параметров безопасности образовательной среды, субъективного благополучия и характеристик педагогов в зависимости от типа образовательной среды Е.Б. Лактионовой удалось выявить, что показатели психологической безопасности образовательной среды находят свое отражение в личностных, эмоциональных и коммуникативных характеристиках педагогов.

Таким образом, психологическая безопасность образовательной среды является условием, обеспечивающим субъективное благополучие учителя, определяющим значимые показатели его психологического здоровья в целом.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ ОДАРЕННОСТИ У ДЕТЕЙ

Р.З. Шериева (г. Нальчик)

В соответствии с требованиями новой парадигмы образования главной задачей школы является подготовка образованной творческой личности, способной к непрерывному развитию и самообразованию, что в свою очередь предполагает развитие одаренных детей.

Рассматривая проблему одаренности первоначально необходимо раскрыть сущность данного понятия. Выражение «одарённые дети» употребляется весьма широко. Если ребёнок обнаруживает необычные успехи в учении или творческих занятиях, значительно превосходит сверстников, его могут называть одарённым. Многочисленные труды (В.А. Крутецкий, Ю. Д.Бабаева, М.А. Холодная, Н.С. Лейтес и др.) посвящены рассмотрению понятия одарённый ребёнок, выявлению таких детей, особенностям работы с ними, их психологическим проблемам.

С психологической точки зрения, одаренность, во-первых, представляет собой сложное психическое образование, в котором неразрывно переплетены познавательные, эмоциональные, волевые, мотивационные, психофизиологические и другие сферы психики.

Во-вторых, одаренность многолика, ее проявления зависят от возраста и характеризуются большой индивидуальностью, что определяется исключительно своеобразным сочетанием разных сфер психики одаренного человека.

В-третьих, различны критерии, используемые для оценки феномена одаренности, вследствие чего различают несколько видов одаренности.

Учитывая многообразие, разноликость и индивидуальное своеобразие феномена одаренности, выбор условий и методов работы с одаренными детьми требует предварительного рассмотрения подходов различных педагогов и психологов к развитию одаренности.

В течение последних 10 лет психологами и педагогами разрабатываются следующие концептуальные подходы к выявлению-развитию детской одаренности.

1. Концепция возрастного подхода к феноменам интеллектуальной одаренности, разработанная Н. С. Лейтесом на стыке возрастной (детской) психологии и психологии индивидуальных различий. Согласно этому подходу существуют особые внутренние предпосылки развития способностей, присущие детскому возрасту. Н. С. Лейтес вводит понятие "возрастная одаренность", подразумевая под этим проявляющиеся в ходе созревания возрастные предпосылки одаренности. Таким термином привлекается внимание к тому, что необычные возможности ребенка на том или ином возрастном этапе еще не означают сохранение этого уровня и своеобразие его возможностей в более зрелые годы. Возрастной подход дает реальную базу для практической работы с детьми, обнаруживающими признаки повышенных способностей и позволяет более адекватно относиться к прогностическим возможностям диагностических измерений;

2. Подход к одаренности как проявлению творческого потенциала человека, теоретически разработанный А. М. Матюшкиным и В. С. Юркевич и практически реализуемый его сотрудниками в образовательных учреждениях разного типа. Здесь одаренность понимается как высокий уровень творческого потенциала, выражающийся, прежде всего в высокой исследовательской активности человека. Активная форма познавательной потребности в большинстве случаев приводит к реализации этой потребности в самых разных проявлениях творческой активности. Впоследствии при адекватной динамике личностного и интеллектуального развития эта активность превращается в целенаправленную творческую деятельность;

3. Динамическая теория одаренности, разрабатываемая Ю.Д. Бабаевой в продолжение идей Л.С. Выготского. Ядро ДТО включает три базовых принципа:

1. Принцип социальной обусловленности развития, согласно которому вместо оценки уже достигнутого уровня развития способностей на первый план выдвигаются задачи поиска различных препятствий, мешающих этому развитию, анализа психологической природы этих препятствий, установления и изучения причин их возникновения и т. п.

2. Принцип перспективы будущего.

3. Принцип компенсации. (Компенсация – одна из форм борьбы с препятствиями, возникающими на пути психического развития).

4. Экопсихологический подход к развитию одаренности, разрабатываемый В. И. Пановым в рамках экопсихологии развития человека (его психических процессов,

психических состояний и сознания). Одаренность в этом случае рассматривается как особая форма проявления творческой природы психики.

5. Психодидактический подход к обучению и развитию одаренных детей в условиях массовой общеобразовательной школы. Этот подход интенсивно разрабатывается, апробируется и практически внедряется последние десять лет под совместным руководством В. П. Лебедевой, В. А. Орлова и В. И. Панова в работе Центра комплексного формирования личности РАО.

Подводя итог можно сделать следующие выводы:

1. Существует несколько подходов к выявлению-развитию детской одаренности. Стержневым моментом, объединяющим перечисленные теоретические позиции, является подход к одаренности как к процессу целостного развития личности и сознания одаренных детей, реализующего творческий потенциал их развития.

2. Учитывая это, в качестве базовой характеристики одаренности выделяется творческая активность человека как проявление творческой природы психики и ее развития в зависимости от образовательной среды.

3. Для создания необходимой образовательной среды, существуют два основных способа: обогащение и ускорение традиционного образовательного процесса. Виды ускоренного обучения: раннее поступление в школу, перепрыгивание через классы, профильные классы, занятия в других классах. Обогащение традиционного содержания предполагает: усиление развивающих возможностей урока; разработку индивидуальных (авторских) программ; кружки, факультативы, олимпиады, конкурсы.

4. Основные психолого-педагогические методы развития одаренных детей, входящие в обогащение и ускорение образовательного процесса должны включать решение специальных математических и учебных задач, формирование ориентировочной основы умственных действий при решении задач, эвристические, игровые, проблемные и активные методы обучения.

Таким образом, изучение и выявление одаренности у детей способствует повышению эффективности обучения.

ПРОЦЕСС ИНКУЛЬТУРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ШКОЛА-ВУЗ

М.В. Шибанов (Владимир)

Статья подготовлена при поддержке Гранта РГНФ 13-06-00513

Понятие инкультурации было введено американским антропологом М. Херсковитцем (M.Herskovits, 1967), рассматривающего культуру как созданную человеком часть среды, влияющую на миропонимание, поведение личности в нее включенную. Процесс инкультурации начинается с момента рождения ребенка. Конечный результат процесса – человек, компетентный в культуре. Культура рассматривается и как предиктор и как следствие поведения человека и выступает в совокупности установок, ценностей и способов поведения личности, принадлежащей тому или иному обществу (Н.М. Лебедева, 2011). В этой связи несомненно важным становится характер и содержание воспитательных воздействий на подрастающее поколение. В нашем исследовании мы вводим понятие воспитательного пространства, создающего необходимые для развития личности условия, способствующие формированию

самоценной творчески активной личности, обладающей высокой культурой. Моделирование воспитательного пространства школа - вуза является инновационным образовательным подходом, решающим современные воспитательные задачи. Сущность воспитательного пространства рассматривается в работах Д.В. Григорьева, Л.И. Новиковой, К.В. Дрозд, Г.Н. Серикова, А.В. Сперанского, М.Я. Виленского, В.И. Гинецинского, В.С. Ильина и понимается нами как динамическая сеть взаимосвязанных педагогических событий, специально организованная педагогами, студентами, учащимися, способствующих личностному и профессиональному развитию всех субъектов.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. (2012) подчеркивают, что важной характеристикой пространства является система координат, определяющая соответствующие ей виды пространства: доверия – недоверия, творчества – стагнации, ответственности – безответственности, зависимости – свободы. Осями координат пространства могут выступать жизненные смыслы и принципы, ценности и идеалы, потребности и интересы, которые удовлетворяются в процессе взаимодействия и составляют сущность процесса инкультурации.

Актуальность нашего исследования определяется важностью объективизации параметров пространства, задающего вектор развития личности, в него включенной. В качестве методологического основания исследования был выбран метод типологии среды, предложенный В.А. Ясиным (2001, 2011).

Цель нашего исследования состояла в выявлении типологических характеристик воспитательного пространства в оценке их различными категориями членов образовательного сообщества.

В исследовании было выдвинуто предположение о том, что типологические характеристики образовательного пространства в оценке разными категориями членов образовательного сообщества будут иметь существенные отличия.

В качестве эмпирической базы исследования была выбрана средняя общеобразовательная школа №15 г. Владимира. Выборку исследования составили педагоги школы (N=27), ученики 9-11 классов (N=124), студенты, проходящие педагогическую практику, родители учеников 1,2,4 классов (N=80). Типологические характеристики пространства исследовались с помощью метода векторного моделирования (В.А. Ясвин, 2001). Тип пространства определялся с помощью диагностических шкал «свобода-зависимость» и «активность-пассивность».

Анализ результатов с применением Н-критерия Крускала-Уоллиса выявил достоверные различия ($p=0,05$) в уровнях выраженности параметров «свобода», «зависимость», «пассивность» в выборках «учащиеся, педагоги, администрация», «родители, педагоги, администрация».

Учащиеся, родители, педагоги начальной школы воспринимают воспитательное пространство как карьерное, иерархическое, авторитарное, активно зависимое от внешних обстоятельств, отношений. Для такого пространства характерны декларативность, высокомерие, обилие контроля. В.А. Ясвин подчеркивает, что карьерная среда перестает выполнять свою воспитывающую функцию, превращаясь в инструмент жесткого формирования навыков и отнимая у ребенка творческую активность. Важно отметить, что чем старше ученики, тем в большей степени проявляется параметр зависимости (значение параметра «Зависимость» в 9, 10, 11 классах составляет в баллах соответственно 1,9; 2,29; 2,32.) Педагоги, студенты, проходящие педагогическую практику, и члены администрации оценивают пространство как творческое, с высокой внутренней мотивацией, связанное с осями свободы и активности (значение параметра «Свобода» составляет соответственно 1,89; 2; 2,3).

Анализ типологических педагогических позиций позволяет сделать следующие выводы: администрацией школы приписана себе педагогическая позиция «эксперта» (В.А. Ясвин, 2011), педагогами среднего и старшего звена приписана себе позиция «консультанта». При этом важно подчеркнуть, что в оценке учащихся эти педагогические позиции описываются как позиция «начальника, ментора, администратора». Наиболее адекватной позицией, по нашему мнению, оказалась педагогическая позиция учителей начальной школы – «тренер».

Таким образом, характеристики пространства, которые мы можем отнести к ценностным ориентирам – свобода, активность, творчество оказались противоречивыми. На наш взгляд, причинами этого могут быть, во-первых, несформированность критериев творческой образовательной деятельности, во-вторых, наличие трудно преодолимых субъект-объектных отношений. В-третьих, это недостаточная технологическая подготовленность педагога к функции воспитателя и организатора воспитательного пространства.

Одним из образовательных результатов современная педагогическая практика рассматривает развитие личности учащегося, что неотрывно связано с культурным контекстом образовательного, воспитательного пространства. Выявленные в процессе первичных мониторинговых процедур проблемы и анализ их причин возникновения приводят к мысли о том, что для образовательных учреждений становится актуальным вопрос глубокого анализа тех установок, ценностных ориентаций, которые транслируются учащимся в процессе взаимодействия.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ СУГГЕСТИВНОСТИ НА РЕЗУЛЬТАТ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ МЕТОДАМИ ЭМОЦИОНАЛЬНО – ОБРАЗНОЙ ТЕРАПИИ

А.В. Шостак (Витебск)

С точки зрения медицины, боль – неприятное, иногда нестерпимое ощущение, возникающее преимущественно при сильных раздражающих или разрушительных воздействиях на организм человека.

Согласно современным представлениям, при воздействии болевого стимула включаются механизмы на трех уровнях, и боль может иметь три радикала: физиологический, поведенческий (болевая поза и мимика, особая речевая и двигательная активность) и личностный (мысли, чувства, эмоции).

Большинство головных и сердечных болей является следствием тех или иных мышечных спазмов, вызванных подавлением своих эмоций и желаний. Используя техники эмоционально – образной терапии (ЭОТ) можно воздействовать на подсознание человека и ликвидировать боль.

ЭОТ использует оригинальную схему создания субъективных образов эмоциональных состояний, актуально переживаемых индивидом, опирающуюся, прежде всего, на психосоматическое выражение этих состояний. Далее ведется анализ проблемы клиента, с использованием полученного образа. Потом осуществляется работа по мысленному воздействию на образ, целью которого является преобразование негативных эмоциональных состояний в позитивные, что позволяет разрешить внутренний конфликт. Решение внутреннего конфликта ведет к исчезновению внешнего конфликта, изменению поведения и мышления клиента.

Цель нашего исследования: изучить влияние уровня суггестивности на результат психотерапевтической работы методами ЭОТ.

Была выдвинута гипотеза о том, что результаты работы методом эмоционально-образной терапии не зависят от уровня внушаемости испытуемых.

Методы исследования:

1. психотерапевтическая работа методами ЭОТ.
2. психодиагностический метод («Оценка суггестивности внушаемости» Елисеев О. Е.).

В нашем исследовании приняло участие пять испытуемых, с различным социальным статусом, возрастом и болью различных мест локализации: в висках, в области сердца, в спине, в ноге, головная боль.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе определялся уровень суггестивности. На втором, на основании результатов первого, проводилась психотерапевтическая работа методами ЭОТ.

Как видно у всех испытуемых с синдромом боли, были определены причины недуга. Далее для каждого испытуемого в соответствии с уровнем суггестивности была разработана индивидуальная программа работы по устранению болевой симптоматики. Психотерапевтическая работа проводилась по предложенным Н. Д. Линде, десяти этапам работы: клиническая беседа, прояснение симптома, создание образа, исследование образа, проверка на фиксацию, трансформация образа, интегрирование образа с личностью (соматизация), ситуационная проверка, экологическая проверка, закрепление.

В результате проделанной работы мы получили данные, которые свидетельствуют о том, что уровень суггестивности не влияет на результат работы техниками эмоционально – образной терапии, так как психотерапевтическая работа была успешна проведена у всех испытуемых вне зависимости от степени внушаемости.

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ГИДРОЦЕФАЛИИ.

Г.С. Шурыгина (Санкт-Петербург)

В последнее время активно развивается нейропсихология, появились новые методы исследования, такие как fMRT, МЭГ, ПЭТ. Но, по-прежнему, основной задачей нейропсихолога является локализация нарушений мозга. (Maryse Lasonde и др., 2001). Согласно нашим представлениям нейропсихология в России развивается в двух направлениях: по пути модификации схемы А.Р. Лурия (Семенович А.В., 2005) и посредством совершенствования стандартизированных методов исследования с использованием специальной экспериментальной аппаратуры в Ленинградской школе (Тонконогий И. М., 1973; Вассерман Л. И., 1983; Меерсон Я. А., 1986). Такое развитие нейропсихологии связано с тем, что ее аппарат позволяет выявить, описать и оценить системно-динамические перестройки, которые сопровождают психическое развитие ребенка с точки зрения его мозгового обеспечения. Подобный научный подход играет значительную роль, так как развитие психических функций у ребенка невозможно без развития соответствующего субстрата мозга. Важность нейропсихологического исследования связана еще и с тем, что в раннем возрасте даже обширные

нарушения головного мозга могут не иметь выраженной неврологической симптоматики, а проявятся часто грубыми нарушениями отдельных высших психических функций, например: устной речи (Лассан Л.П., 2010).

Пренатальные энцефалопатии – это общее название для перинатальных поражений головного мозга. В нашем исследовании мы проводили сравнение нормально развивающихся дошкольников (23 человека), обучающихся в детском саду №59, с дошкольниками с врожденной гидроцефалией (12 человек), которые проходили лечение на кафедре неврологии и нейрохирургии Медицинского университета им. Мечникова, а так же детьми (10 человек), имеющими в анамнезе расширение мозговых желудочков на первом году жизни. Гидроцефалия характеризуется нарушением циркуляции ЦСЖ и расширением мозговых желудочков (Штульман Д.Р., 2008). Частота встречаемости гидроцефалии примерно 0,28 до 4,0 на 1000 новорожденных, причем как отдельный синдром составляет 30% пороков развития мозга (Сахно Л.В., 2004). Данный факт обуславливает важность своевременной диагностики и последующей коррекции таких детей. Для нашего исследования мы использовали методику интеллекта Френч в адаптации Шумской Н.А., а также шкалы из нейропсихологической батареи методик Марковской И.Ф.: зрительный гнозис, слуховой гнозис, практические функции, слухо-моторная координация, слухоречевая память, графические навыки.

Нами было высказано предположение, что существуют различия в развитии высших психических функций у нормальных детей и детей с врожденной гидроцефалией.

В процессе нашего исследования нами было выявлено отставание в интеллектуальном развитии у детей, имеющих в анамнезе окклюзивную гидроцефалию, связанное с неправильными умозаключениями и неумением ребенка соотносить формы, а также с истощаемостью внимания. При этом дети, имеющие в анамнезе гипертонический синдром, не отстают в развитии интеллектуальных способностей, более того, часть детей оказались интеллектуально одаренны. Объясняя полученные результаты, мы опираемся на высказывания родителей о их высокой тревоге по поводу возможного запаздывания в развитии их детей, которая сформировала у них желание и потребность к усиленным занятиям, способствующим когнитивному и личностному развитию детей.

В нашем исследовании были выявлены нейропсихологические особенности у детей, имеющих в анамнезе окклюзионную гидроцефалию и нейрохирургическую операцию – шунтирование головного мозга. Такие дети хуже всего справляются с заданием на практическую функцию, причем как на динамический, так и оптико-кинестетический праксис. Детям очень сложно выполнить пробы на перебор пальцев и ассиметрическое постукивание. Эти дети быстро утомляются, показывая низкие результаты по исследованию слухо-речевой памяти посредством субтеста на запоминание десяти слов. После третьего предъявления стимульного материала дети уставали, и дальше не происходило изменение количества запоминаемых слов, более того дети начинали придумывать другие слова, или заменяли предложенные слова синонимами.

У детей, имеющих в анамнезе гидроцефалию, снижено развитие слухового и зрительного гнозиса. Были выявлены низкие показатели развития речи, которые обусловлены замедленным темпом развития орального праксиса и непониманием детьми сложных логико-грамматических конструкций, предложенных экспериментатором например: «Нарисуй крест под кружком». При этом все дети понимают страдательный залог «Коля ударил Петю» и правильно отвечают на вопрос: «Кто драчун?».

Дети с окклюзионной гидроцефалией не любят рисовать, они показывают низкие баллы по графическим пробам (рисунок человека), лишь 1 ребенок справился с рисунком в рамках возрастной нормы, всего четверо детей получили результаты отличные от нуля. Помимо этого у детей, имеющих в анамнезе окклюзионную гидроцефалию, задание на конструирование вызывало существенные трудности по сравнению с нормально развивающимися детьми, лишь один ребенок 6 лет получил высокий коэффициент успешности 80%.

Как по результатам теста интеллекта Дж.Френча РТИ в адаптации Шумской Н.А, так и в исследовании, основанном на батарее тестов Марковской И.Ф. дети, имеющие в анамнезе гипертегнзионный синдром, получили результаты сравнимые с результатами нормально развивающихся детей.

Полученные результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу: на особенности психологического развития влияет степень тяжести неврологического дефекта.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МУЛЬТФИЛЬМОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Е.С. Щуклина (Пенза)

В начале XXI века, века технологий и информатизации, роль средств массовой информации в процессе формирования и развития личности ребенка в настоящее время велика. На смену традиционным сказкам и былинам приходят мультипликационные фильмы, телевидение и интернет.

Дошкольный и младший школьный возраст – сензитивный период для формирования образов окружающего мира и моделей поведения. Просмотр мультфильмов активно участвует в формировании образов-эталонов у детей.

Актуальность исследования заключается в осмыслении взаимосвязи и противоречий между формированием образа мужчины и женщины у детей и влиянием современных мультфильмов на данные образы.

Цель исследования – изучение влияния современных мультфильмов на формирование образа мужчин и женщин у детей дошкольного и младшего школьного возраста для разработки рекомендаций о структурировании визуального пространства детей.

Объект – образ мужчины и женщины у детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Предмет – современные мультфильмы как фактор влияния на формирование образа мужчины и женщины у детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Гипотеза – образы, используемые в современных мультфильмах, оказывают влияние на формирование образа мужчины и женщины у детей дошкольного и младшего школьного возраста, которое отражается:

- в идентичности образов мужчины и женщины с образами мультипликационных героев;
- в дифференциации образов мужчины и женщины между собой;
- эмоциональном отношении к образам мужчины и женщины;
- четкости образов в представлениях детей.

Методологической базой исследования выступают труды следующих авторов: Мухиной В.С., Кулагиной И.Ю., Берн Ш., Крайг Г., Короткого В.И., Козачек О.В., Ворониной О.А. и Медведевой М.И.

Методы исследования:

1. Организационные методы:

- Сравнительный метод двух групп;

2. Эмпирические методы:

- Эксперимент;

3. Диагностические методы:

1) Методы опроса:

- Социально-демографическая анкета данных. Цель – получение сведений от родителей о тех современных мультфильмах, которые смотрят дети;

- Методика личностный дифференциал. По исходным данным производился корреляционный анализ с целью выявления наличия или отсутствия дифференциации между образами мужчины и женщины в исследуемой выборке родителей для дальнейшего сравнения полученных показателей с показателями идентификации мужского и женского образа у детей.

2) Проективные методы:

- Проективная методика – рисунок образа мужчины и женщины (модификация методики рисунок человека К.Маховеера). Данная методика предназначалась для исследования образа женщины и мужчины у детей до экспериментального воздействия и после.

- Контент-анализ высказываний детей после проведения проективного метода;

4. Методы обработки данных:

Организационная база исследования. Исследование проводилось с октября 2012 по апрель 2013 года на базе студии интеллектуального и личностного развития «ПозитиFF» и МОУ СОШ №36. В исследовании принимали участие учащиеся (средний возраст 6,5 лет) и родители (средний возраст 33 года) 1 класса и подготовительной группы в студии в количестве 60 человек.

Было организовано полевое исследование, которое включало в себя четыре этапа:

1. Определение и подбор инструментария диагностики; составление программы экспериментального исследования; определение стратегии отбора испытуемых в группу;

2. Диагностический этап.

По результатам социально-демографических анкет было выявлено, что самыми популярными современными мультфильмами у детей являются мультфильмы преимущественно зарубежного производства - «Феи Винкс», «Смурфы», «Трансформеры», мультфильмы производства «Дисней» и т.д.

Анализ образов данных мультипликационных персонажей по специфическим характеристикам показывает низкую гендерную идентичность образов.

Корреляционный анализ результатов дифференциации образов мужчин и женщин у родителей показал, что в 60% случаев различия между данными образами отсутствуют, соответственно, 40% испытуемых наделяют мужчин и женщин специфическими чертами личности. Сравнительный анализ полученных показателей с показателями детей выявил, что фактор влияния значимых взрослых на формирование образов мужчин и женщин не является первостепенным, что может свидетельствовать о превалировании других факторов в формировании данных представлений. В

частности средств массовой информации – те мультфильмы, которые предпочитают смотреть дети.

3. Экспериментальный этап.

Изучалось влияние образов предлагаемого к просмотру мультфильма на формирование образа мужчины и женщины у детей. В качестве экспериментального материала был выбран мультфильм производства киностудии союзмультфильм «Москва» 1954 года выпуска «Царевна – лягушка»

4. Вторичная диагностика, анализ и интерпретация результатов;

В ходе проведенного исследования была достигнута основная цель по изучению влияния современных мультфильмов на формирование образа мужчины и женщины у детей дошкольного и младшего школьного возраста и разработаны рекомендации о структурировании визуального пространства детей.

По итогам анализа и интерпретации экспериментальных данных, была подтверждена выдвинутая гипотеза о том, что образы, используемые в современных мультфильмах, оказывают влияние на формирование образа мужчины и женщины у детей дошкольного и младшего школьного возраста.

В ходе экспериментального исследования было показано, что:

1. Мультипликационные фильмы являются одним из ведущих факторов в формировании представлений и образов у детей;
2. Образы мужчины и женщины идентичны с образами героев современных мультфильмов;
3. Современные мультфильмы влияют на формирование эмоционального отношения к образам мужчины и женщины;
4. Современные мультфильмы влияют на проявленность образов мужчины и женщины;
5. Современные мультфильмы оказывают влияние на дифференциацию образов мужчины и женщины между собой.

Таким образом, через предъявление детям тех или иных мультфильмов с определенными образами главных героев, можно формировать некоторые представления о разных аспектах жизнедеятельности и жизнотворчества человека.

К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ ОСВОЕНИЯ ПОДРОСТКАМИ ОБРАЗА СУБЪЕКТНОСТИ

Г.В. Элькинд (Смоленск)

В современных психологических исследованиях все больше внимания уделяется актуальной проблеме развития ребенка как личности, в частности как участника социальных взаимоотношений. Значение исследований данной проблемы обусловлено новыми характеристиками адаптации детей к стремительно изменяющейся социальной действительности. Нестабильность экономико-политической ситуации в стране, смена образовательных стандартов и другие явления в совокупности, приводят к очевидному усилению психологического давления на формирующуюся личность ребенка, который нуждается в содействии взрослыми освоению социальных норм, стремится проявить в них самобытность и индивидуальность.

Мы полагаем, что осваивая социальные нормы взаимодействий в изменяющемся мире, современный подросток оказывается в сложной для него ситуации выбора.

Уделяя особое внимание на этапах обучения в школе взрослеющего подростка процессу его формирования как личности, мы можем значительно оптимизировать его целостное развитие, повлиять на ставящуюся им новую позицию в системе социальных отношений, раскрывая во взаимодействии смысл деятельностной (субъектной) стороны социально ценных отношений.

В организации психологического сопровождения подростка в школе важно учитывать, что формирование не адаптированного, а адаптивного к будущему подростка (см. подр. ЕА. Ямбург) требует точного определения новых задач практической психологии призванной помочь взрослому человеку достичь подлинной самореализации в актуальных для него на этой дистанции формирования личности социальных отношениях.

Именно в связи с этим обстоятельством мы предлагаем учитывать в формировании личности современного подростка положения о природе субъекта деятельности, сформулированные в концептуальных трудах А.В. Брушлинского, В.В. Селиванова, В.А. Петровского. Такими мы видим:

1. Субъект рассматривается как отдельный феномен, представляющий собой общую генерализованную совокупность свойств человека;
2. Субъект есть универсальное сочетание активности и индивидуальности человека, рождающееся из индивидуальных особенностей организма и заканчивая специфическим стилем деятельности;
3. Субъект «самопричинен». «Быть личностью», таким образом, означает «быть субъектом» деятельности, общения, самосознания».

Применение этих важных принципов субъектного подхода в рамках предпринятого нами исследования особенностей становления образа субъектности на подростковом периоде онтогенеза позволит, как мы убеждены, приблизиться к пониманию освоения субъективности и субъектности взрослеющими людьми, раскрыть новые тенденции в формировании личности в процессе самореализации.

Именно субъектный подход к данной проблеме, в рамках которого в отечественной психологии разработаны указанные выше принципы, позволяет выявить в пространстве формирования личности наиболее существенные условия определения подростком смысла в своей индивидуальной деятельности (системе), самовыражения и самореализации в её разных видах.

В этой связи мы также принимаем в качестве исходной позиции важное положение, сформулированное А.А. Деркачом и В.И. Слободчиковым, которые утверждают, что в ходе деятельности личностью формируется важная составляющая психического мира именуемая «образом субъектности». Отсюда мы полагаем, что в психологическом содействии формированию подростком своей личности в социальных отношениях следует принимать во внимание, что образ субъектности трактуется как представление о социальной норме самореализации и потому он может играть роль психологической детерминанты самореализации подростка, определяя смысло-ценностную основу и индивидуальное своеобразие его деятельности. Данная точка зрения служит для нас основанием, дающем возможность говорить об актуальности изучения образа субъектности у ребенка-подростка, как будущего активного деятеля, гражданина.

Исследование освоения подростками образа субъектности, специфики психологического сопровождения данного процесса для нас представляет особый интерес и потому, что именно в этот период для взрослеющего человека актуализируется проблема самореализации в профессиональной деятельности, им определяется дальнейший жизненный путь. Наибольший интерес для нас имеют дети 13 и 14 лет, в силу

того, что именно данный период, по мнению многих исследователей, представляет собой пик подросткового кризиса, когда подросток испытывает максимальные трудности как во взаимодействии с окружающими, так и в восприятии себя. Ребенок стремится выразить свою индивидуальность, но не всегда может это сделать в конструктивных формах.

РОЛЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ СРЕДЫ ДОМА В УКРЕПЛЕНИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.А. Юмкина (Санкт-Петербург)

В последнее время отмечается повышение интереса к проблеме устойчивости семейных отношений. Среди факторов, взаимосвязанных со стабильностью семейной системы, разные авторы выделяют: дом как общее место проживания, совместные деньги и развлечения, дети, болезни или нарушения в поведении [Варга А.Я., 2001], семейные верования, открытость и ясность общения, гибкость при реагировании на стрессоры [Walsh F., 2003], совпадение ценностных ориентаций в отношении семьи, синхронность «социальных часов» к моменту вступления в брак [Udry J., 1974] и др.

В рамках данного исследования затрагивается проблема материально-предметной среды дома, и намечаются подходы к изучению ее роли в укреплении семейных отношений. Жизнь семьи начинается с создания общего пространства. Сам статус жилища несет в себе психологическую нагрузку и может стать фактором, как укрепления, так и разрушения семейных отношений.

Современное состояние отечественных научных работ в области проксемики дома характеризуется крайне малой представленностью исследований взаимосвязи различных составляющих материально-предметной среды дома с качеством семейных отношений. В зарубежной психологии, наоборот, в русле психологии среды (environmental psychology) сложилось особое направление социальной психологии дома [Kron J., 1983], ведутся разработки в области психологии организации пространства дома [Ozaki R., 2005; Stevenson O., Prout A., 2013]. Психология дома имеет области пересечения с такими общегуманитарными областями, как история, этнография, культурология.

Первоосновная задача в любом исследовании - определение понятий. Центральные в данном случае - понятия «дом» и «материально-предметная среда дома». В широком смысле дом – это место организации совместного бытия образующих семью людей. В этом смысле дом представляет собой материальную основу создаваемого членами семьи особого микромира, отражающего наиболее значимые ценности, а также связи времен и поколений. Уникальность дома в том, что в нем одновременно представлены прошлое, настоящее и будущее.

В целях конкретизации и операционализации понятия «дом» нами проводилось пилотажное исследование (выборка – 30 человек, студенты 3-го курса факультета психологии СПбГУ, в возрасте от 22-24 лет, 11 юношей и 19 девушек). Цель - выявление смысловых составляющих понятия дом. Для реализации поставленной задачи испытуемым предлагалось ответить на вопрос «Что для Вас входит в понятие «Дом»?». Для обработки применялся контент-анализ.

В результате были выделены 42 категории, взаимосвязанные с понятием «дом». Обобщая полученные результаты, можно сформулировать два эмпирических определения.

Во-первых, дом – это место удовлетворения разнообразных потребностей. Если взять за основу классическую пирамиду потребностей А. Маслоу, то распределение категорий получится следующим: а) физиологические потребности – 9,5% (сон, еда и т.п.); б) потребность в безопасности – 31% (защищенность, комфорт); в) потребность в принадлежности и любви – 21% (любовь, общение, поддержка); г) эстетические потребности – 9,5% (порядок, чистота); д) потребность в самоактуализации – 4,8% (свобода, работа).

Во-вторых, дом – это место гармонии различных противоположностей, в частности, таких как социальное и индивидуальное, материальное и духовное. Одни испытуемые видят дом, прежде всего, как место общения, другие – как место уединения, для одних ценны конкретные вещи, их расстановка, создающая ощущение уюта, для других значим сам факт отгороженного от внешнего мира пространства, где можно предаваться мечтам и приятным занятиям.

Определение материально-предметной среды дома более конкретно. Это сгруппированные определенным образом вещи. Для классификации всего многообразия вещей и их размещения в доме представляется перспективным обращение к философским концепциям. Любая вещь обладает ценностью, которая может иметь разное выражение. Так, с точки зрения В.П. Бранского, ценности разделяются на утилитарные (служат некоей пользе) и духовные (обладают глубоким субъективным смыслом и ценные в истинном значении этого слова). Следовательно, материальные вещи могут быть подразделены на: а) полезные (бытовая техника); б) ценные в высшем смысле этого слова (семейные реликвии); в) полезные и ценные одновременно (старинное кресло прадеда).

Анализ материально-предметной среды дома предполагает: учет расположения вещей, их принадлежность члену семьи и, соответственно, степень структурированности пространства дома как в функциональном, так и в социально-психологическом смысле. Для оценки последнего нами совместно с В.Н. Куницыной была создана специальная шкала «Структурированность среды дома и ее рефлексия» в рамках 8-ми шкального опросника «Семейные отношения и дом». Шкала содержит 12 суждений, размерность от 0 до 12 баллов. В результате проведенного исследования на 79 испытуемых (студенты различных учебных заведений, возраст 17- 23 года ($M=20$), 19 (24%) юношей и 60 (76%) девушек) получилось, что опрошенные склонны относиться к дому, как к общей среде, где большая часть предметов воспринимается принадлежащей всем членам семьи в равной степени, территориальные границы характеризуются гибкостью, слабой выраженностью. Среднее значение по данной шкале = 8,23.

На той же выборке проводился корреляционный анализ (ПО SPSS) данного параметра с ценностными ориентациями (методика «Ценностные ориентации-36» В.Н. Куницыной). Были получены значимые связи с ценностями «понимание и доверие в семье» ($r=0.28^*$, $p<0.05$), «ответственность» ($r=0.25$, $p<0.05$) и «уважение традиций» ($r=0.28$, $p<0.05$). Эти связи говорят о том, что материально-предметная среда дома – это важный компонент регулирования семейных отношений, организация которого с учетом социально-психологических параметров может стать фактором укрепления семьи, повышения ценности семьи в глазах молодых людей и преемственности поколений.

В заключении хотелось бы выразить благодарность своему научному руководителю – профессору Валентине Николаевне Куницыной.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМУ ЛЕЧЕНИЮ ПАЦИЕНТОВ, СТРАДАЮЩИХ ИШЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕРДЦА

М.В. Яковлева (Санкт-Петербург)

В современной медицине широко применяются хирургические методы лечения, в частности высокотехнологичные. Несмотря на то что их объективная эффективность высока, зачастую прооперированные пациенты не восстанавливают в полной мере свой физический и трудовой статусы. Врачи давно обратили внимание на влияние индивидуально-психологических особенностей пациента на ход лечения хронических заболеваний, поэтому и в вышеописанной ситуации сразу встал вопрос об участии медицинских психологов в процессе реабилитации пациентов.

Ярким примером данной проблемы может послужить область кардиологии. Пациентам, страдающим ишемической болезнью сердца, проводится качественная современная терапия, включающая в том числе хирургическое вмешательство. Операция аортокоронарного шунтирования представляет собой процедуру восстановления кровоснабжения миокарда посредством создания искусственного «обходного пути» для кровотока. Коронарное шунтирование позволяет значительно улучшить самочувствие пациентов, повысить качество и продолжительность их жизни, пациенты могут вернуться к нормальной активной жизни. Однако это обстоятельство имеет обратную сторону – многие пациенты, почувствовав улучшение, легкомысленно отказываются продолжать лечение (такие пациенты относятся врачами к группе неприверженных лечению больных), а без поддерживающей терапии эффект от коронарного шунтирования сводится к минимальному.

В связи с актуальностью данной темы на базе Федерального центра сердца, крови и эндокринологии им. В.А. Алмазова (Санкт-Петербург) запланировано проведение комплексного исследования, целью которого является сравнительный анализ психологических характеристик больных ишемической болезнью сердца с различной приверженностью лечению после коронарного шунтирования. Предполагается, что разные психологические особенности оказывают различное влияние на ход восстановительного лечения. Выборка пациентов разделяется на экспериментальную и контрольную группы с помощью экспертного метода. Психологом осуществляется всестороннее изучение социально-демографических и психологических характеристик пациентов, в том числе эмоциональных, личностных, копинговых. Для реализации поставленных задач применяются клинико-психологические и психодиагностические методы. Таким образом, планируется с помощью математико-статистических методов выявить прогностическую ценность исследуемых характеристик в плане определения степени комплаенса пациентов. Полученные выводы в дальнейшем позволят предварительно составлять прогноз о степени приверженности пациентов лечению и планировать психокоррекционные мероприятия для улучшения комплаенса.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОКРАСТИНАЦИИ ПАЦИЕНТОВ С СОМАТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Н.В. Яковлева, В. С. Ковылин (Рязань)

Термин «прокрастинация» является относительно новым для отечественной психологии, несмотря на то, что психологическая сущность обозначаемого этим термином явления знакома каждому. Прокрастинация (лат. pro – вместо и crastinus – завтрашний) – тенденция откладывать выполнение необходимых дел «на потом»; поведенческий паттерн, при котором выполнение ведущей для человека в данный период времени деятельности осознанно откладывается. Человек остается деятельным, но его активность направлена на посторонние, малозначимые, иногда просто бессмысленные занятия.

Большинство исследований, как отечественных, так и зарубежных, посвящено изучению академической прокрастинации и акцентировано на проблемах, связанных с учебной деятельностью. Однако важными и требующими внимания являются проблемы в сфере здравоохранения, когда для определенной категории населения процесс лечения становится одной из ведущих деятельностей на протяжении всей жизни. Для пациентов, имеющих серьезные соматические заболевания, в том числе, имеющих группу инвалидности, процесс лечения и связанное с ним выполнение определенных указаний врача становятся значимой деятельностью. Соблюдение режима питания, режима дня, приема лекарств, выполнение лечебных процедур, посещение лечащего врача жизненно важны для данной категории пациентов. Но зачастую, со временем даже при элементарных медицинских требованиях происходят сбои в их выполнении либо полное прекращение выполнения полученных указаний.

Актуальность исследования прокрастинации пациентов с соматическими расстройствами очевидна и имеет большое значение для современной медицины – изучение прокрастинации в данной отрасли позволит получить данные о специфике поведения и поступков пациентов, которые понимают и ясно осознают жизненную необходимость соблюдения всех медицинских указаний, но, тем не менее, нарушают либо полностью игнорируют их. Полученные данные можно будет использовать для построения процесса лечения и реабилитации пациентов, для оптимизации взаимоотношений «врач-пациент», для повышения эффективности системы здравоохранения в целом.

Таким образом, проблема изучения прокрастинации пациентов с соматическими расстройствами является важной и актуальной для современной клинической психологии.

Гипотеза исследования: проявления прокрастинации у пациентов с соматическими расстройствами, имеющими группу инвалидности, имеют отличия от проявлений прокрастинации у пациентов с соматическими расстройствами, не имеющими группу инвалидности.

Для решения поставленных задач и проверки гипотезы использовались следующие методы:

- общенаучные: теоретический анализ зарубежной и отечественной психологической литературы, посвященной проблеме исследования;
- психодиагностические: тест жизнестойкости С. Мадди; шкала общей прокрастинации К.Лэй (в адаптации Я.И. Варваричевой); методика диагностики самооценки Ч.Д. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина); тест смысложизненных ориентаций (в

адаптации Д.А. Леонтьева); шкала общей самооффективности (в адаптации В.Г. Ро-мека); методика определения приверженности лечению С.В. Давыдова;

- статистические: критерий Манна-Уитни, используемый для оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно; а также коэффициент ранговой корреляции Спирмена для определения статистической связи между случайными величинами.

Исследование проводилось на базе ФГБУ ФБ МСЭ Минтруда России, «Центр социальной, профессиональной и психологической экспертно-реабилитационной диагностики» с 18.02.2013 по 29.03.2013.

В исследовании приняло участие 60 человек, пациентов терапевтического отделения, находящихся на реабилитационном лечении и имеющих заболевания сердечно-сосудистой системы (диагнозы: ишемическая болезнь сердца, атеросклеротическая болезнь сердца и гипертоническая болезнь).

Первую группу выборки составили 30 человек, имеющих 2 и 3 группы инвалидности, в возрасте от 56 до 62 лет. Во вторую группу вошло 30 человек, не имеющих группу инвалидности, в возрасте от 54 до 59 лет.

Полученные результаты исследования позволяют сделать некоторые выводы относительно явления прокрастинации и ее специфике проявления у соматических больных.

Во-первых, пациенты, не имеющие группы инвалидности, более склонны к высокому уровню прокрастинации, чем пациенты, имеющие группу инвалидности.

Во-вторых, показатели самооффективности и общей жизнестойкости пациентов, имеющих группу инвалидности, превышают данные показатели у пациентов, не имеющих группу инвалидности.

В-третьих, в обеих группах испытуемых преобладают высокий уровень личностной тревожности.

В-четвертых, в первой группе испытуемых преобладает слабopоложительная приверженность лечению и следованию врачебным указаниям, а во второй – слабopрицательная.

В-пятых, можно говорить о том, что для пациентов, не имеющих группу инвалидности, будут справедливыми утверждения: чем выше уровень прокрастинации у пациента, тем ниже уровень его общей самооффективности и чем выше уровень прокрастинации пациента, тем ниже уровень его приверженности лечению.

Таким образом, гипотеза нашего исследования подтвердилась. Проявления прокрастинации у пациентов с соматическими расстройствами, имеющими группу инвалидности, имеют отличия от проявлений прокрастинации у пациентов с соматическими расстройствами, не имеющими группу инвалидности.

Однако данная тема требует дальнейших и более обширных исследований. Возможно, если увеличить выборку и учитывать в ней возрастной и гендерные аспекты, полученные данные будут уточнены и дополнены по 2 основным направлениям: 1) достоверность различий исследуемых признаков в группах испытуемых и 2) взаимосвязь прокрастинации и исследуемых нами психологических особенностей.

Изучение прокрастинации и коррелирующих с ней психологических особенностей в сфере здоровьесберегающего поведения позволит улучшить эффективность лечебно-реабилитационного процесса и, в перспективе, сможет повысить качество жизни населения.

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТА ОТРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

А.П. Якунин (Санкт - Петербург)

1. Актуальность данного доклада обусловлена поиском решения проблемы отношения как результата отражения человеком объекта на основе смысловой сферы как формы отражения.
2. Понимание отношения как результата отражения было определено в работах разных авторов, разрабатывавших проблему отражения и психологию отношения человека (К.К. Платонов, 1982; А.Я Пономарёв, 1983; И.Р. Сушков, 1999 и др.). Однако данное определение затрагивало проблему филогенетического, эволюционного становления отношения как результата отражения, как присущей только человеку формы проявления субъективного. Детальной же проработки отношения как результата отражения на онтогенетическом, индивидуальном уровне не реализовывалось.
3. Обоснование смысловой сферы как формы отражения человеком действительности, реализующей его субъектный потенциал (А.П. Якунин 2013), позволяет по-новому рассмотреть проблему отношения.
4. Диалектическое единство субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности, с присущими им уникальностью и специфичностью (К.А. Абульханова, 1973, 2005), задаёт разделение отношения человека на два диалектически взаимосвязанных отношения: жизненное и психологическое.
5. Наиболее разработанным из двух названных отношений является психологическое отношение (В.Н. Мясищев, 2004; В.Н. Панфёров, 2009; В.П. Позняков, 2012 и др.). Согласно работам данных авторов, признано, что отношение есть целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности (В.Н. Мясищев, 2004). Доказано, что в психологическом отношении находят своё воплощение эмотивные, когнитивные и конативные функции психической деятельности человека (В.Н. Панфёров, 2009). При этом для более конкретного отображения субъективности предлагается рассматривать психологическое отношение в онтологическом аспекте, которое есть «... индивидуальное проявление оценочного отражения предпочитаемого или отвергаемого человеком объекта взаимодействия.» (В.Н. Панфёров, 2009, с. 402).
6. Одной из существенных проблем в понимании жизненного отношения является отождествление данного отношения, при его анализе, с личным отношением (Е.Б. Старовойтенко, 2003), с чем нельзя вполне согласиться. Личное отношение есть результат отражения человеком как субъектом психической деятельности, а жизненное отношение есть результат отражения объекта человеком как субъектом жизнедеятельности. Субъект жизнедеятельности – это системное качество человека, интегрирующее другие системные качества человека (индивид, личность и индивидуальность).
7. В определении жизненного отношения надо исходить из понимания смысла отношением, поскольку в онтологическом ряду смысл есть элемент отношения человека с миром (Д.А. Леонтьев, 1999). Жизненный смысл человека – это отражение императивной необходимости человеком во взаимодействии с объектом или явлением (Д.А. Леонтьев, 1999). Потому жизненное отношение отображает императивную необходимость человека в объекте или явлении. Понятие «императивная необходимость» подчёркивает сущностную характеристику человека как субъекта жизнедеятельности, в которой отображается весь потенциал человека в его биологических,

психологических и социальных особенностях. Объект взаимодействия является необходимым для субъекта для удовлетворения потребностей разного уровня (биологического, культурного, социального) (В.А. Иванников, 1997), что и выражается в жизненном отношении к данному объекту. При этом императивная необходимость носит индивидуальное проявление, которое задаётся специфичностью субъекта жизнедеятельности. Субъект жизнедеятельности выражает обособленность человека при взаимодействии его с миром (К.А. Абульханова, 1973). Е.Ю. Коржова показала, что данное обособление человека носит субъект – объектное ориентирование (Е.Ю. Коржова, 2009). Поэтому можно предполагать, что в жизненном отношении выражается данное ориентирование, которое индивидуализирует императивную необходимость в объекте взаимодействия. Пока гипотетически можно вывести следующее определение жизненного отношения. Жизненное отношение – это индивидуальное проявление императивной необходимости человека в объекте взаимодействия. Исходя из этого определения жизненного отношения и определения, данного В.Н. Панфёровым личному отношению, можно выделить одно из парадоксальных явлений психологии человека: необходимость человеку отвергаемого им объекта.

8. Диалектическое единство жизненного и личного отношения показывает, сколь многогранно отношение как феномен психологии человека, выражающий его субъективность. Однако понимание данного единства позволяет лучше объяснить, каким – образом осуществляется регуляция объективации этого субъективного в различных формах, поскольку ранее мы уже высказывались о том, что отношение как результат отражения регулирует все формы объективации (А.П. Якунин, 2013).

9. Д.А. Леонтьев (1999) подчеркивал, что проявление человеком формы объективации по смыслу или значению, в конечном счёте, есть деятельность самой смысловой сферы человека. Соглашаясь с таким пониманием объективации смысловой сферы, мы бы хотели уточнить, что форма объективации обусловлена отношением человека к объекту взаимодействия при его отражении на основе смысловой сферы как формы отражения. Человек реализует ту или иную форму объективации, исходя из своего отношения к объекту. Поэтому, например, не совсем понятна природа метафоры, которую понимают как процесс образования смысла (В.П. Зинченко, 2010). Она может выражать, как и порождение нового смысла, при незнании человеком объекта, а может, напротив, отображать негативность человека, его отвергаемость по каким – либо основаниям, при наличии полного знания об объекте у данного человека. Безусловно, постановка обусловленности форм объективации отношением как результатом отражения на основе смысловой сферы как формы отражения требует более детальных исследовательских проверок.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В НОВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ МИГРАНТОВ В ИСПАНИИ)

А.М. Якухный (Владивосток)

С самого рождения человек усваивает правила и нормы, определяемые культурной средой. В дальнейшем они регулируют его поведение. Социальные нормы, ценности, установки, помимо разных других, обладают также и адаптивной функцией, позволяя личности успешно существовать в своей культурной среде, и порождают чувство принадлежности к ней. При эмиграции человек сталкивается с проблемой

адаптации к новой социально-культурной среде, нормам, ценностям, традициям, природным условиям, климату и т.д. Для изучения психологической адаптации к новым социокультурным условиям русских людей в Испании из существующих методов был выбран метод опроса и в частности использовался «Опросник адаптации личности к новой социокультурной среде Л.В. Янковского». Данная методика позволяет выявить уровень и тип адаптации эмигрантов к новым условиям жизни в другой стране. Опросник предназначен для русских эмигрантов и в нем отражена специфика прошлого опыта людей, приобретенного в условиях русской культуры. Для определения статистической значимости различий показателей по разным группам был применен U-критерий Манна-Уитни.

Гипотеза исследования: Существуют значимые различия в типе и уровне психологической адаптации у добровольных российских мигрантов в Испании, в группах, объединенных по различным факторам (пол, возраст, семейное положение, длительность проживания в Испании).

Данные, полученные при тестировании, могут оказаться полезными в психологической консультации и психокоррекции личности эмигранта.

В опросе участвовали русские люди, мужчины и женщины, живущие в Испании (приехавшие как визитеры, целью учебы, и так и эмигранты, уехавшие на постоянное проживание). В общей сложности участвовало 29 человек (21 женщина и 8 мужчин), в возрасте от 20 лет до 58 лет, период проживания в Испании от 2 недель до 14 лет. Цель - выявить преобладающий тип и уровень адаптации в группах, объединенных по различным признакам: гендерным; возрастным; по семейному положению; по продолжительности пребывания в Испании.

Результаты исследования: Все группы респондентов, являющихся российскими мигрантами в Испании, распределенные по различным признакам, обладают адаптивным типом устойчивого среднего уровня. Различия в остальных типах и уровнях адаптации, выявленные с помощью методики Л.В. Янковского, не явились статистически значимыми. За исключением различий, выявленных в группе, распределенной по семейному признаку.

Можно сделать вывод, что гипотеза о значимости различий подтверждается только в случае с группой, распределенной по семейному признаку. Можно сказать, что семья придает чувство защищенности и уверенности в будущем в отличие от показателей респондентов, не состоящих в браке.

Мигранты, не состоящие в браке, в большей степени подвержены чувству подавленности и опустошенности, сомнению и тревоге относительно социальной идентичности, неуверенности в реализации собственных способностей, трудностям в реализации ожиданий, связанных с социальной и профессиональной позицией. У испытуемых не семейной группы возможен пониженный уровень самооценки, несоответствие притязаний и реальных возможностей, влияние внешнего контроля на общее принятие себя и других, мысли о том, что собственные усилия могут лишь в незначительной степени повлиять на ситуацию.

СООТНОШЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ ВКБ С СУБЪЕКТИВНЫМ ВОСПРИЯТИЕМ БОЛЕЗНИ У ПАЦИЕНТОВ С МУКОВИСЦИДОЗОМ

В. М. Ялтонский, И.Н. Абросимов (Москва)

Муковисцидоз – наследственное полимодальное системное заболевание с высокой вероятностью летального исхода, при котором секрет всех экзокринных желез становится вязким, не может эвакуироваться, что приводит к множественным воспалительным и обструктивным процессам во всех системах организма. На тяжелое заболевание пациенты реагируют преимущественно эмоционально. В структуре эмоционального уровня внутренней картины болезни (ВКБ по Николаевой В.В.) чаще встречаются отрицательные переживания, связанные с различными аспектами заболевания (Николаева В.В., 2004). Ряд авторов указывают на различия в эмоциональном реагировании пациентов с тяжелыми заболеваниями в зависимости от особенностей субъективного восприятия болезни (Leventhal H. et al., 1987; Цветкова И.В. 2012; Мухтаренко С.Ю. и соавт., 2003). Соответственно, одной из первоочередных задач психологического сопровождения пациентов с муковисцидозом является коррекция их эмоционального реагирования на болезнь, которое связано с социальным функционированием и другими сферами качества жизни, а также с уровнем приверженности лечению данной категории больных.

Целью исследования было изучение особенностей личностной тревожности и эмоционального реагирования на болезнь как параметров эмоционального уровня ВКБ у пациентов с муковисцидозом с различным субъективным восприятием болезни.

Выборку составили 86 пациентов с муковисцидозом в возрасте от 18 до 35 лет (средний возраст - $23,7 \pm 4,8$ года), мужского и женского пола (38 и 48 человек, соответственно), проходивших плановое лечение в лаборатории муковисцидоза ГКБ №57 г. Москва.

В пакет психодиагностических методик входили: 1) «Краткий опросник восприятия болезни» (Broadbent E. et al. (2006), русскоязычная версия Ялтонского В.М. (2010)) для пациентов с муковисцидозом, который позволил разделить всю выборку на две подгруппы: пациентов, воспринимающих муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью и пациентов, воспринимающих муковисцидоз как умеренную угрозу жизни и здоровью; 2) «Интегративный тест тревожности» (Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., 1997); 3) «Опросник эмоционального реагирования на болезнь» (Ялтонский В.М., 2007).

В подгруппу пациентов, воспринимающих муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью вошли 40 больных (46,51%); в подгруппу пациентов, воспринимающих муковисцидоз как умеренную угрозу жизни и здоровью - 46 больных (53,49%).

В структуре личностной тревожности пациентов с муковисцидозом, выраженной на высоком уровне ($6,57 \pm 1,93$ станайнов), преобладают тревожная оценка перспективы ($6,67 \pm 1,98$ станайнов) и астенический компонент ($6,38 \pm 2,18$ станайнов). При этом у пациентов с муковисцидозом, воспринимающих свое заболевание как выраженную угрозу жизни и благополучию статистически достоверно выше показатели по шкалам: эмоциональный дискомфорт ($7,43 \pm 0,97$ станайнов), общий уровень тревожности ($7,63 \pm 1,41$ станайнов) и фобический компонент ($6,43 \pm 2,24$ станайнов). У пациентов с муковисцидозом с субъективным восприятием болезни как умеренной

угрозы ведущими компонентами личностной тревожности являются тревожная оценка перспективы ($6,09 \pm 2,12$ станайнов) и астенический компонент ($5,73 \pm 2,69$ станайнов).

В структуре личностной тревожности пациентов с муковисцидозом, воспринимающих свое заболевание как выраженную угрозу жизни и здоровью, на первый план выступают сниженный эмоциональный фон и неудовлетворенность жизненной. При этом личностная тревожность больных муковисцидозом с восприятием болезни как умеренной угрозы характеризуется превалированием астенического компонента и опасений за свое будущее, которые в совокупности могут являться факторами недооценки своего физического состояния, пренебрежения его лечением и повышения контроля над ним.

В структуре эмоционального реагирования на болезнь по всей выборке пациентов с муковисцидозом доминируют позитивные формы реагирования: благодарность за оказываемую помощь и поддержку ($1,94 \pm 0,93$ балла), уверенность в себе и своих силах ($1,69 \pm 1,01$ балла), чувство готовности к борьбе ($1,38 \pm 1,02$ балла), надежда на лучшее ($1,38 \pm 1,02$ балла).

Менее всего в структуре эмоционального реагирования на болезнь представлены негативные формы (средний показатель - $0,56 \pm 0,50$ балла): печаль ($0,90 \pm 0,76$ балла), тревога ($0,80 \pm 0,60$ балла), депрессия ($0,67 \pm 0,64$ балла), беспомощность ($0,59 \pm 0,57$ балла).

При сравнительном анализе структуры эмоционального реагирования на болезнь у пациентов с различным восприятием болезни было установлено, что в группе пациентов, воспринимающих муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью наиболее выражено преобладание негативных форм эмоционального реагирования, чем в группе больных муковисцидозом с восприятием болезни как умеренной угрозы (средние общие показатели $0,75 \pm 0,45$ балла и $0,31 \pm 0,42$ балла, соответственно; $p=0,43$). При этом статистически значимые различия были обнаружены по шкалам: гнев ($0,75 \pm 0,45$, $1,16 \pm 0,7$; $p=0,33$), разочарование ($0,66 \pm 0,54$, $0,27 \pm 0,25$; $p=0,49$), презрение к себе ($0,80 \pm 0,70$, $0,44 \pm 0,22$; $p=0,43$).

Таким образом, в структуре эмоционального реагирования на болезнь пациентов с муковисцидозом выражены позитивные его формы. Однако в сравниваемых группах наиболее значимые различия были получены по негативным формам: в структуре эмоционального реагирования на болезнь пациентов, воспринимающих муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью чаще встречаются и интенсивнее используются негативно окрашенные эмоциональные реакции на болезнь, чем в группе пациентов, воспринимающих муковисцидоз как умеренную угрозу жизни и здоровью.

Выводы.

1) Структура эмоционального уровня ВКБ пациентов с муковисцидозом характеризуется преобладанием позитивных эмоционально-окрашенных реакций, при этом личностная тревожность данных больных не превышает нормативных показателей.

2) Пациенты, воспринимающие муковисцидоз как выраженную угрозу жизни и здоровью, характеризуются более выраженной личностной тревожностью, а также более выраженным негативным эмоциональным реагированием на болезнь.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЗАВИСТИ И ЗАВИСТЛИВОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

К.В. Янович (Гомель)

Актуальность исследования зависти обусловлена, прежде всего, тем, что в настоящее время усиливается влияние на жизнь людей тех социально-экономических процессов, которые приводят к увеличению неравенства в обществе, актуализирующем, по мнению многих авторов философских, психологических и психоаналитических работ, завистливое отношение, как к отдельному человеку, так и к группам.

Эмоциональное переживание зависти столь широко распространено, что оно, с одной стороны, может приводить к тяжелым психическим и психосоматическим нарушениям, но, с другой стороны, находится под запретом в обществе и входит в число наиболее часто отрицаемых психических конфликтов.

В консультативной, терапевтической и аналитической работе крайне необходимо обращаться к теме зависти, поскольку без осознания зависти не могут быть признаны или интегрированы и положительные эффекты терапии. Для клиента это, как правило, оказывается болезненным актом разоблачения, и чтобы он не боялся испытать чувство неполноценности, необходимы стабильные отношения. Часто консультанты, терапевты, аналитики интерпретируют связанные со стыдом конфликты клиентов лишь поверхностно, как простое проявление тщеславия. Защита от жестокой нарциссической обиды приводит к противоречиям и, в особенности, к проективной идентификации. Зависть как атака и зависть как защита иногда неотличимы друг от друга, они могут пересекаться и вместе быть частью одного действия.

Практическая значимость исследования заключается в возможностях продуктивного использования положительных сторон зависти и создания методов ее преодоления на основе владения информацией о гендерных различиях переживания зависти в юношеском возрасте. Знания гендерных особенностей переживания зависти в юношеском возрасте могут быть применимы при индивидуальной и групповой психотерапии, в психоконсультировании, в медиации, для понимания и при урегулировании межличностных конфликтов, а также разрешения внутриличностных конфликтов обусловленных переживанием зависти. Большое значение для изучения зависти имеет разработка надежной и валидной методики для диагностики ее вида и направленности.

Под завистью понимают чувство, возникающее, когда индивид не имеет того, чем обладает другой человек, и страстно желает иметь этот предмет, либо страстно желает лишить предмета зависти другого человека. Под завистливостью понимают качество личности, основанное на неприязненно-враждебном чувстве зависти.

В последние десятилетия интерес исследователей к проблеме психологии зависти значительно усилился, о чем свидетельствует ряд работ, выполненных как отечественными, так и зарубежными авторами (Л.С. Архангельская, О.Р. Бондаренко, И.Б. Котова, В.А. Лабунская, У. Лукан, К. Муздыбаев, Е.Е. Соколова, Р.М. Шамионов, Г.Шек и др.). Однако, несмотря на возрастающий интерес к данной проблематике, «белых пятен» в ней и по сей день остается достаточное количество, что делает эту тему открытой для изучения, на что и направлено данное исследование.

В ходе исследования было обследовано 300 человек. Однако 36 испытуемых набрали высокие показатели по Шкале социальной желательности Кроуна-Марлоу,

что не позволило нам учитывать данные их анкет в нашем исследовании. Статистической обработке было подвержено 274 пакета методик. Для сравнения показателей в различии вида и направленности зависти мы использовали *t*-критерий Стьюдента,

По результатам эмпирического исследования было выявлено, что юноши больше девушек испытывают злобную зависть по отношению к материальному благополучию, социальному статусу, способностям и талантам; восхищенную зависть по отношению к социальному статусу. В целом уровень общей зависти по отношению к материальному благополучию, социальному статусу, способностям и талантам у юношей выше, чем у девушек. Девушки же превосходят юношей в уровне восхищенной зависти способностям и талантам, везению и удаче, внешней привлекательности, дорогой модной одежде.

Была подтверждена корреляция между разрабатываемой методикой исследования уровня и направленности зависти (Янович К. В. Довыдова И. А.) и стандартизированной Методикой исследования завистливости личности (Бескова Т. В.) прошедшей проверку на валидность и надежность.

РОЛЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗВИТИИ Я-КОНЦЕПЦИИ ПОДРОСТКА

А.В. Яценко (Таганрог)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-36-01006а1.

Главная возрастная задача отрочества – формирование Я-концепции, важный и обязательный компонент которой – эмоционально-оценочный, состоящий из самооценки, уровня притязаний, самоотношения. Самооценка играет большую роль в становлении личности подростка: от неё зависят отношения с окружающими людьми, его креативность, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам, тем самым самооценка влияет на эффективность деятельности личности, ее дальнейшее развитие.

Развитие Я-концепции (в ее оценочном компоненте) зависит от многих факторов. Это и уровень развития способностей и притязаний, и средний уровень оценок в коллективе, друзья, товарищи по учебной группе, сравнение себя с другими малознакомыми или незнакомыми людьми, реальные возможности личности, реакция авторитетных старших. Но особую роль в формировании Я-концепции играют родители, а точнее, тот тип отношений, который сложился между ребенком и родителями. Много исследований посвящено изучению отношений в семье (А.Я. Варга, В.В. Столин, А.В. Личко, А.В. Петровский). Однако отдельным типам, должного внимания не уделялось совсем или исследователи касались их косвенно.

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение эмоционального компонента Я-концепции подростков из семей с разными типами родительского отношения к ребенку.

Объект исследования: подростки 13-14 лет и их семьи. Предмет исследования: эмоциональный компонент Я-концепции подростков из семей с разными типами родительского отношения к детям.

Гипотеза исследования: подростки из дисгармоничных семей отличаются неадекватностью самооценки и уровня притязаний по сравнению с подростками из гармоничных семей, а именно:

- подростки из семей с симбиотическим типом отношений, по сравнению с подростками из гармоничных семей имеют неадекватно завышенные самооценку и уровень притязаний;

- подростки из семей с авторитарным типом отношений и типом отношений «невмешательство», по сравнению с подростками из гармоничных семей имеют заниженную самооценку и неадекватный уровень притязаний;

- подростки из семей с неустойчивым типом отношений, по сравнению с подростками из гармоничных семей имеют неустойчивую самооценку и уровень притязаний;

В исследовании были применены следующие методы и методики:

1. Для выявления характера родительского отношения к детям использовалась методика ОРО (А.Я. Варга и В.В. Столин).

2. Для исследования эмоционального компонента Я-концепции подростков использовались следующие методики:

методика Дембо – Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан;

исследование уровня притязаний детей школьного возраста (модификация методики Ф. Хоппе);

методика «Автопортрет»;

тест самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев).

Результаты эмпирического исследования родительского отношения к детям показали, что каждый тип отношений в семье влечет за собой последствия в личностном развитии ребенка, в частности – развитии его Я-концепции:

-гармоничный тип отношений (сотрудничество), способствует нормальному развитию личностных начал в ребенке: подростки отличаются адекватностью восприятия себя. Они отличаются высоким уровнем самоуважения, адекватной самооценкой (66% опрошенных). 35% опрошенных имеют средний уровень притязаний.

-дети «опекающих» родителей, характеризуются очень высокой (68%), или неадекватной низкой самооценкой (36%). 96% опрошенных подростков имеют нереально завышенный уровень притязаний. Таким образом, они оценивают себя менее критично, характеризуются эгоизмом, повышенной тревожностью, зависимостью от матери, выраженной защитой, низким самоуважением;

-авторитарный (диктат) тип: подростки отличаются неадекватно заниженной самооценкой (60%). Наказания и «рамки» приводят к формированию негативного самоотношения;

-невмешательство родителей грешит вероятностью развития в ребенке эмоциональной отчужденности, в том числе и от родителей. Неадекватность уровня притязаний (69%), заниженная самооценка (44%),

Неустойчивый тип родительского отношения к детям приводит к формированию неуверенности в себе и неустойчивой самооценке.

Таким образом, наиболее травматичными типами родительского отношения являются: опекающий тип, где главной задачей родителей становится «прожить жизнь за ребенка»; диктат, где родители всегда принимают все решения сами, считают, что их отпрыск должен во всем подчиняться их авторитету и воле; невмешательство, где родители уклоняются от выполнения воспитательных функций, и ребенок не чувствует себя частью семьи.

Перспективами данного исследования могут стать:

-изучение других компонентов Я-концепции для более интегрированного видения того, как влияет семья на личностное развитие подростка;

- изучение влияния других социальных институтов на становление Я-концепции подростка;

- развитие коррекционных направлений, необходимых для коррекции возникающих трудностей с учетом выявленных особенностей взаимоотношений родителей и ребенка. Результаты могут использоваться в сфере психологического консультирования подростков, психолого-педагогической работе в школах, а также в семейном консультировании.

НАШИ АВТОРЫ

Михайленко Ольга Ивановна (с.421) - зав. кафедрой педагогики и психологии ДП, ФГБОУ ВПО Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова".

olganlk@mail.ru

Рудзинская Танзиля Фаатовна (с. 537) - доцент, СГУ.

tanzilyaff@yandex.ru

Абдуллаева Бриллиант Видади (с.3) - выпускница факультета психологии, МГУ им.Ломоносова Бакинский филиал.

brilli90@bk.ru

Абитов Ильдар Равильевич (с. 5) - старший научный сотрудник, ФГНУ ИППО РАО.

ildar-abitov@yandex.ru

Абражевич Ольга Владиславовна (с. 7) - младший научный сотрудник, МГУ им. М. В. Ломоносова.

hellsehen@yandex.ru

Абрамян Нина Георгиевна (с. 9) - доцент кафедры общей и практической псих, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столет.

Абросимов Илья Николаевич (с. 717) - Старший преподаватель, Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова.

i.abrosimov@bk.ru

Аверченков Юрий Николаевич (с. 696) - студент, НОУ ВПО "МИП".

yurichck@mail.ru

Автономова Таисия Петровна (с. 10) - студент, ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Taia71@yandex.ru

Агаларова Карина Наримановна (с. 12) - Аспирант, МГППУ.

carina-light@yandex.ru

Агафонова Ольга Владимировна (с. 14) - Студент, МГЛУ.

olga.agafonova92@gmail.ru

Акимов Сергей Константинович (с.15) - Старший преподаватель кафедры компьютерн, Бердянский государственный педагогический университет.

akimov@email.ua

Акимова Евгения Алексеевна (с. 408) - дефектолог, ФБГУ "НЦЗД" РАМН.

mellinel777@gmail.com

Алексеева Александра Валерьевна (с. 17) - магистрант, НИУ ВШЭ.

pitergirl2911@yandex.ru

Алешичева Анна Васильевна (с. 19) - ст. преподаватель, Харьковская государственная академия физической культуры.

ANnamona@yandex.ru

Альперович Валерия Дмитриевна (с. 40) - Старший преподаватель кафедры социальной, ЮФУ.

valdmalp@rambler.ru

Алямкина Екатерина Анатольевна (с. 21) - Аспирант, МУПОЧ "Дубна".

ekaterina-psy@mail.ru

Ананьева Кристина Игоревна (с. 693) - научный сотрудник, ИПРАН.

kristina.ananyeva@psyexp.ru

Андриянова Наталья Владимировна (с. 23) - аспирант, СПбГУ.

andriyanova89@mail.ru

Андропова Людмила Олеговна (с. 25) - зав. кафедрой психологии, НОО ВПО НП "ТИЭИ".
AndropovaLO@mail.ru

Артемяева Ольга Аркадьевна (с. 26) - Доцент кафедры социальной психологии, ИГУ.
oartemeva@yandex.ru

Астрецов Дмитрий Александрович (с. 28) - аспирант, МГУ им. М. В. Ломоносова.
kalla.mallanik@gmail.com

Афлятунова Нина Александровна (с. 30) - аспирант 2-го года обучения, БГПУ им.М.Акмуллы.
porabote87@yandex.ru

Багова Римма Хамидбиевна (с. 31) - доцент, ФГБОУ ВПО "Кабардино-Балкарский государственный университет"
bagovarimma@mail.ru

Бакиева Дилара Саматовна (с. 33) - магистрант заочного отделения, БГПУ.
dilara.bakieva@mail.ru

Баранников Константин Витальевич (с. 35) - Генеральный директор, Институт дизайна управления .
kb@integra-ural.com

Баранова Ксения Борисовна (с. 37) - магистрант, РГППУ.
baranova-ks@mail.ru

Баринова Алла Андреевна (с. 38) - студентка , Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столет.
exclusion2104@mail.ru

Басангова Александра Анатольевна (с. 40) - Студент 4 курса (специалитет), ЮФУ.
basangovaaleksandra@mail.ru

Басилян Армина Артуровна (с. 42) - магистр, НИУ "Высшая школа экономики".
aabasilyan@edu.hse.ru

Басюл Иван Адреевич (с. 693) - аспирант, ИПРАН.
ivbasul@gmail.com

Безгина Наталья Вячеславовна (с. 44) - Аспирант, ТулГУ.
bezginanatasha@mail.ru

Бекузарова Алана Таймуразовна (с. 45) - Аспирантка , МГППУ.
alana1988@rambler.ru

Белик Татьяна Николаевна (с. 47) - аспирант, ХГУ.
tatohka_tata@meta.ua

Белинская Анастасия Андреевна (с. 49) - студент, НИУ-ВШЭ факультет психологии.
belinskaya.anastasy@gmail.com

Белоус Ольга Валерьевна (с. 50) - доцент, АГПА.
belous_a@inbox.ru

Белоус Юлия Александровна (с. 52) - студент, КубГУ.
julia-wow@mail.ru

Беляева Евгения Михайловна (с. 54) - ассистент кафедры психологии, ЕГУ.
Evgeniyabely@yandex.ru

Бердыган Антонина Вячеславовна (с. 55) - старший научный сотрудник, КГБОУ ДПО ХКИППКСПО.
a.v.berdygan@mail.ru

Бехтер Анна Александровна (с. 57) - аспирант, РУДН.
behter2004@mail.ru

Бирюлина Елена Игоревна (с. 59) - Студент, Владимирский Государственный Университет.
biryulina_lena@mail.ru

Блинова Наталья Михайловна (с. 60) - аспирант, ВСГАО.
natalislumen@list.ru

Блохин Виктор Николаевич (с. 62) - Преподаватель, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия.
vik-1987@bk.ru

Блохина Анастасия Алексеевна (с. 64) - Студент, ТГПУ им. Л. Н. Толстого.
anastasia94xxx@yandex.ru

Блюм Анна Ивановна (с.65) - ассистент, Курский государственный медицинский университет.
frau.blum2013@yandex.ru

Бобылёв Евгений Леонидович (с. 67) - Доцент, АФ ННГУ.
arzjen@mail.ru

Богдан Марина Сергеевна (с. 69) - Студентка 5 курса, Бердянский государственный педагогический университет.
margandga92@mail.ru

Богомолова Екатерина Ильинична (с. 70) - Аспирант, преподаватель, Кубанский государственный университет.
bogomolova_kate@bk.ru

Божко Светлана Владимировна (с. 72) - Студентка , СГУ им Н.Г. Чернышевского.
svetabozko@yandex.ru

Божко Юлия Петровна (с. 73) - аспирант, КНУ им. Тараса Шевченка.
Julianochka@meta.ua

Бокарева Мария Алексеевна (с.75) - Database assistant, Egon Zehnder International.
bokarevamarina@gmail.com

Болтик Галина Викторовна (с. 77) - аспирант 2 года обучения, Санкт-Петербургский государственный университет.
galinaboltik@yandex.ru

Бондаренко Алексей Сергеевич (с. 78) - студент, МГУ.
aleshka92@mail.ru

Бреус Мария Сергеевна (с. 80) - студентка 1г. магистратуры, Южный федеральный университет.
reus121@rambler.ru

Брукштын Ксения Александровна (с. 82) - выпускник, Белорусский государственный университет.
brukshtyn_kseniya@mail.ru

Будакова Анна Васильевна (с. 84) - аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет.
farmazonka2009@yandex.ru

Буенок Анастасия Геннадьевна (с. 86) - аспирантка, СПбГУ.
stasia276@inbox.ru

Бузмакова Анна Владимировна (с.89) - аспирантка, Ярославский Государственный университет им. П.Г. Демидова.
buzanya@yandex.ru

Буравцова Наталия Владимировна (с. 93) - доцент кафедры социальной психологии и п, НГУЭУ.
burawzov@yandex.ru

Бурова Аделия-Влада Владимировна (с. 95) - студент, МГУ им. М. В. Ломоносова.
DEL.AD@yandex.ru

Бурякова Кристина Александровна (с. 97) - Психолог, МПГУ.
KASharko@mail.ru

Буслаева Анна Сергеевна (с. 99) - младший научный сотрудник, Научный центр здоровья детей РАМН, Лаборатория специальной психологии и коррекционного обучения.
perepisska@yandex.ru

Буторина Анна Валерьевна (с. 300) - Научный сотрудник, Московский городской психолого-педагогический университет.
armature@yandex.ru

Бушина Екатерина Валерьевна (с. 356) - старший научный сотрудник, МНУЛ СКИ.
ekaterinaosipov@yandex.ru

Буянова Светлана Михайловна (с. 101) - преподаватель, Финансовый университет при Правительстве РФ.
svebuyanova@yandex.ru

Вапельник Людмила Андреевна (с. 103) - магистрант, ЮФУ.
ludmilka-tgn@mail.ru

Василевская Екатерина Юрьевна (с. 105) - Студент, НИУ ВШЭ.
luckybeauty@mail.ru

Вашурина Екатерина Дмитриевна (с. 106) - Инспектор деканата, Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ташкенте.
e.vashurina@hotmail.com

Вдовина Дарья Владимировна (с. 458) - аспирант, ЯрГУ им. П.Г. Демидова.
vdovina.dar@yandex.ru

Веракса Александр Николаевич (с. 108, 109, 111) - доцент, МГУ имени М.В.Ломоносова.
veraksa@yandex.ru

Вергасова Александра Николаевна (с. 112) - студент, МЭСИ.
vergasova.aleksandra@yandex.ru

Верченова Екатерина Андреевна (с. 114) - МГППУ.
katept@bk.ru

Ветрова Ирина Игоревна (с. 116) – научный сотрудник лаборатории психологии развития Института психологии РАН
stranavetra@gmail.com

Винклер Елена Васильевна (с. 118)
vinkler.lena@gmail.com

Виноградная Елена Владимировна (с. 119) - старший научный сотрудник, Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН України.
Elena-V2005@yandex.ru

Владимиров Илья Юрьевич (с. 121) - доцент кафедры общей психологии, ЯрГУ.
kein17@mail.ru

Возничук Ксения Сергеевна (с. 123) - Студентка, стажер-исследователь, ИАТЭ НИЯУ МИФИ.
voznichuk_kseniya@mail.ru

Войтехович Татьяна Сергеевна (с. 125) - ассистент кафедры психологии, САФУ.
arapsy@mail.ru

Волкова Елена Олеговна (с. 126) - студентка 3 курса, Кубанский Государственный Аграрный Университет.

volckova.ale@yandex.ru

Володина Юлия Анатольевна (с. 128) - Доцент, ФГБОУ ВПО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского".

psylabgu@ya.ru

Волошена Елена Александровна (с. 129) - магистрант, ЮФУ.

hochu-letto@mail.ru

Воробьева Анастасия Евгеньевна (с. 131) - научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН.

aeVorobieva@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна (с. 329) - доцент, УрГПУ.

lorisha@mail.ru

Ворожейкин Илья Валерьевич (с. 133) - ассистент, Самарский государственный университет.

vorozheikin@yandex.ru

Ворона Ольга Александровна (с. 492) - старший научный сотрудник, Институт психологии РАН.

vorona_o@rambler.ru

Вронская Марианна Игоревна (с. 135) - аспирант, РАНХиГС.

marianna@bigur.ru

Вус Виктор Илларионович (с. 137) - старший преподаватель, НУБиП Украины.

viktorvus@ukr.net

Высочил Нина Анатольевна (с. 138) - лаборант-исследователь, ЦЭП МГППУ.

ninlile@mail.ru

Вышквыркина Мария Александровна (с. 139) - старший преподаватель, ФГАОУ ВПО ЮФУ.

muha81@list.ru

Галанин Сергей Валерьевич (с. 141) - магистр, Национально-исследовательский Томский Государственный Университет.

galan621@mail.ru

Гаража Мария Владимировна (с. 502) - практический психолог, ГУ "НПМ РДЦ МЗ Украины".

rdckonst@mail.ru

Гвоздев Виктор Александрович (с. 143) - аспирант, ЗабГУ.

victorg26@mail.ru

Геронимус Иван Александрович (с. 145) - Научный сотрудник, ФГБУ «НЦН наркологии» Минздрава России.

ivangeronimus@yandex.ru

Гильмутдинова Рада Уеловна (с. 147) - аспирант, РАНХиГС.

ra-da_kaz@mail.ru

Гогицаева Ольга Урузбековна (с. 148) - доцент, СОГУ.

gogitsaeva@yandex.ru

Голикова Нина Сергеевна (с. 150) - Студент, ФГБОУ ВПО Сыктывкарский государственный университет.

apelsninka@mail.ru

Голубев Илья Андреевич (с. 152) - аспирант, ГОУ ВПО Ярославский государственный технический университет.

golian@bk.ru

Голубева Елена Валериевна (с. 154) - доцент, ЮФУ.

ev_golubeva@mail.ru

Гранопольский Дмитрий Сергеевич (с. 156) - студент 4 курса, ЛГУ им. А.С. Пушкина.
granopolski@gmail.com

Гребенникова Татьяна Олеговна (с. 158) - студентка, МГЛУ.
rougetats@gmail.com

Гречина Дарья Сергеевна (с.160) - студентка 4 курса факультета психологии, ЛГУ им. А.С. Пушкина.
asterias_rubens@mail.ru

Гринина Елена Сергеевна (с. 162) - доцент кафедры специальной психологии, СГУ им. Н.Г. Чернышевского.
elena-grinina@yandex.ru

Гришина Людмила Николаевна (с. 164) - Магистрант 2-го года обучения, программа, ЮФУ.
ludmila8891@mail.ru

Грушко Алена Игоревна (с. 165) - аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
al-grushko@yandex.ru

Гурнова Светлана Михайловна (с. 620) - Психолог, ФКУ ИК-8.
vetta13@inbox.ru

Дагаев Николай Игоревич (с. 615) - РГГУ.
nikolaydagaev@gmail.com

Данилина Мария Владимировна (с. 167) - аспирантка, ТвГУ.
dmv.tver@gamil.com

Данилова Нина Николаевна (с. 169) - профессор, факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова.
danilovan@mail.ru

Данилова Галина Игоревна (с. 171) - Педагог-психолог, ГБОУ детский сад №2079.
vishnichka@ya.ru

Двойнин Алексей Михайлович (с. 173) - Доцент, ГБОУ ВПО "Московский городской педагогический университет".
alexdvoinin@mail.ru

Дедух Марина Николаевна (с. 175) - преподаватель, Национальная академия внутренних дел Украины.
marik_84@ukr.net

Денисов Станислав Николаевич (с. 177) - Аспирант, Башкирский Государственный Педагогический Университет им. М. Акмуллы .
slev7n2010@yandex.ru

Деряева Майя Корпеевна (с. 178) - магистр, РГППУ.
m.deryaeva@yandex.ru

Дёгтева Ярославна Николаевна (с. 197, 199) - Студентка, Воронежский государственный университет.
Dyogteva_Yaroslavna@mail.ru

Дёмина Анастасия Сергеевна (с. 201) - студентка 4 курса, Факультет психологии ЮФУ.
llpv@mail.ru

Дивеева Анастасия Сергеевна (с. 694) - соискатель, НОУ ВПО "МИП".
nastia-inei@mail.ru

Дикая Людмила Александровна (с. 180) - Доцент кафедры психофизиологии и клиник, Южный федеральный университет.
dikaya@sfedu.ru

Долганова Наталья Павловна (с. 676) - аспирант, РГПУ им. А.И. Герцена.
natylkin@yandex.ru

Дорошко Кирилл Геннадьевич (с. 182) - Аспирант, Поволжская Государственная Социально-гуманитарная академия.
Doroshko.Kirill@psga.ru

Дрегина Алла Михайловна (с. 184) - аспирант, ФГНУ ПИ РАО.
alla33307@yandex.ru

Дремина Татьяна Федоровна (с. 186) - Аспирант, ГБОУ ВПО КГМУ Минздрава России.
tat-dremina@yandex.ru

Дробышева Мария Михайловна (с. 188) - студент, ГАУГН.
mmdrob@mail.ru

Дробышевская Елена Владимировна (с. 190) - студентка, ГГУ им. Ф. Скорины.
drobalena91@mail.ru

Дружинина Светлана Владимировна (с. 192) - аспирант, ГАУГН.
svetadrzh@gmail.com

Дружинина Юлия Александровна (с. 193) - Аспирант, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.
druzhinina_julia@mail.ru

Дука Ангелина Ивановна (с. 195) - Аспирантка, НИУ БелГУ.
angelina.duka@bk.ru

Егорова Александра Алексеевна (с. 203) - студент, ЯрГУ.
das66bende@gmail.com

Елистратова Ксения Андреевна (с. 203) - Студент, Владимирский Государственный Университет.
elistratova.xenia@yandex.ru

Ермушева Анастасия Алексеевна (с. 207) - младший научный сотрудник, ФГБУ НЦПЗ РАМН.
aermusheva@gmail.com

Ефремова Мария Викторовна (с. 476) - ст.н.с., НИУ ВШЭ, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований.
dulphine@yandex.ru

Жаворонкова Кристина Евгеньевна (с. 50) - студент, АГПА.
belous_a@inbox.ru

Жирова Людмила Олеговна (с. 208) - Аспирант кафедры клинической психологии, ГБОУ ВПО "МГМСУ им. А.И. Евдокимова" Минздрава России.
plureveryday@yandex.ru

Завгородняя Ирина Владимировна (с. 210) - доцент, ВГУ.
zavgorodnyai@mail.ru

Заволокина Екатерина Андреевна (с. 212) - студент, КГМУ.
fanny.prop@gmail.com

Заикин Виктор Александрович (с. 213) - Преподаватель, НИУ Высшая школа экономики.
vicalex7@gmail.com

Замесина Дарья Ивановна (с. 215) - Аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Университет.
dasha-zamesina@rambler.ru

Замятина Анна Евгеньевна (с. 217) - студентка 6 курса факультета педагогики, ЛПИ-филиал СФУ.
zh.levshunova@mail.ru

Зарубайко Анастасия Валериевна (с. 478) - практический психолог, ГУ "НПМ РДЦ МЗ Украины".
rdckonst@mail.ru

Зарубин Юрий Сергеевич (с. 219) - студент, БФУ им. И. Канта.
felis.zh@gmail.com

Захаренко Татьяна Александровна (с. 221) - аспирант, БГПУ им. М. Танка.
zakharenko.tanya@mail.ru

Земнова Ирина Владимировна (с. 363) - студентка, ИАТЭ НИЯУ МИФИ.
ira.zemnova@mail.ru

Зиброва Екатерина Александровна (с. 223) - заведующая научно-практической лабораторией, Хабаровский краевой институт переподготовки и повышения квалификации в сфере профессионального образования
optima1984@mail.ru

Зурабьян Маргарита Мироновна (с. 225) - магистрант, КубГУ.
zur-gulya@yandex.ru

Зурилина Анастасия Сергеевна (с. 227) - аспирант, СПбГУ.
mouson@yandex.ru

Иванова Татьяна Александровна (с. 228) - выпускница факультета клинической психологии, Московский Государственный Медико-Стоматологический Университет.
glassherz@mail.ru

Иванченко Валерия Анатольевна (с. 229) - методист, ГБОУ НСО ОЦДК.
ivaleria@mail.ru

Ивашкин Сергей Игоревич (с. 231) - ассистент, ВлГУ.
10lokomotiv@mail.ru

Иглицкая Инна Михайловна (с. 232) - аспирантка, МИП.
ahhn@mail.ru

Игумнова Наталья Юрьевна (с. 234) - студент, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.
natalia.igumnova@yandex.ru

Ипполитова Елена Александровна (с. 236) - доцент, АлтГУ.
ippolitovae@bk.ru

Ихсанова Светлана Радиевна (с. 240) - преподаватель, СХУ.
svetlana.ihsanova@gmail.com

Иштуткина Анна Анатольевна (с. 241) - аспирант, СПбГУ.
kudryahaa@mail.ru

Кабанова Дарья Михайловна (с. 121) - студент, ЯрГУ.
dexa0105@yandex.ru

Кагермазова Лаура Цараевна (с. 243) - профессор, КБГУ.
laura07@yandex.ru

Калачева Анна Петровна (с. 238) - магистрант, АлтГУ.
moskina_86@mail.ru

Каравайная Виктория Владимировна (с. 245) - магистрант, КГУ.
nechego_ne_znayu@mail.ru

Карапышева Анна Игоревна (с. 694) - студент, НОУ ВПО "МИП".
dhiany@yandex.ru

Карасаева Алия Манасовна (с. 246) - аспирант, РГПУ им. Герцена.
aliya-13@mail.ru

Карманова Татьяна Михайловна (с. 248) - Студент, ПГУ.
tatyanamihailovna@yandex.ru

Карпов Александр Анатольевич (с. 250) - Ассистент, Кафедра психологии труда и организационной психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова.
ruslapta_yar@myrambler.ru

Карпова Виктория Викторовна (с. 180) - соискатель кафедры психофизиологии и кли, Южный федеральный университет.
5603691@mail.ru

Кастромицкая Елена Владимировна (с. 252) - аспирант, Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова.
ela_lesha@mail.ru

Качановецкая Наталья Ивановна (с. 253) - аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова.
nataliwka_2009@mail.ru

Каширина Наталия Владимировна (с. 257) - соискатель, МПГУ.
sati-90@mail.ru

Кежаев Олег Сергеевич (с. 259) - Ассистент кафедры дизайна и педагогики, МФ ЛГУ им. А.С. Пушкина.
Okezhaev@yandex.ru

Кирдода Лидия Юрьевна (с. 261) - студентка, ЧНУ.
lidiya-kirdoda@yandex.ru

Киреева Юлия Дмитриевна (с. 262) - аспирант, ГАУГН.
tugantseva@yandex.ru

Кливак Алеся Ростиславовна (с. 264) - студент, КГМУ.
Klivaka@mail.ru

Климова Оксана Анатольевна (с. 266) - студентка 5 курса, МГУ имени М.В. Ломоносова.
Okli07@yandex.ru

Князева Олеся Владимировна (с. 268) - психолог, студентка 6 курса Уральского г, санаторий "Магадан" г. Сочи .
olli6987@yandex.ru

Кобзева Наталья Владимировна (с. 270) - аспирант, РГСУ.
natakob@yandex.ru

Ковалёв Артём Иванович (с. 271) - техник, МГУ имени М.В. Ломоносова.
artem.kovalev.msu@mail.ru

Ковтун Юлия Юрьевна (с. 273) - аспирант, ПИ РАО.
kovtun_31@mail.ru

Ковылин Вадим Сергеевич (с. 712) - специалист Центра психологических исследований, РязГМУ.
vadim_kovylin@mail.ru

Козева Анна Станиславовна (с. 275) - Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
ask@dnspro.ru

Козлова Наталия Сергеевна (с. 277) - доцент, ИвГУ.
nat-tycuk@yandex.ru

Козова Ирина Любомировна (с. 279) - ассистент каф. психиатрии, наркологии и м, Нац. медицинский университет.
Irusy_kozova@ukr.net

Козырь Екатерина Геннадьевна (с. 135) - магистрант, МГППУ.
katkolgenol@mail.ru

Кокарева Мария Владимировна (с. 280) - старший научный сотрудник лаборатории пс, Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины.

kokareva.masha@gmail.com

Коледа Юлия Николаевна (с. 282) - Студент, ггу им.Ф.Скорины.

yulyakoleda@mail.ru

Колесник Татьяна Олеговна (с. 284) - соискатель, ИП РАН.

kol-tania@yandex.ru

Колесникова Ирина Сергеевна (с. 286) - студент 3 курс, РГППУ.

demeza.ds@gmail.com

Колесниченко Анастасия Викторовна (с. 288) - сотрудник НИЛ инженерной психологии, эрг, БГПУ им М.Акмоллы.

kolesnichenko_anastasiya@inbox.ru

Колобанов Александр Сергеевич (с. 290) - аспирант, ШФ "ИвГУ".

actualis88@mail.ru

Колодина Анастасия Викторовна (с. 291) - доцент, ФГБОУ ВПО "ОмГУ им. Ф.М. Достоевского".

avkolodina@rambler.ru

Колотилина Виктория Васильевна (с. 293) - педагог-психолог, ГБНОУ "ГМЛИ".

vikolotilina@yandex.ru

Колпаков Ярослав Витальевич (с. 295) - заведующий отделением профилактики употр, ФГБУ "Национальный научный центр наркологии" Минздрава России.

kolpakov_jv@mail.ru

Комарова Екатерина Николаевна (с. 296) - старший преподаватель, ИвГУ.

kkatie1988@mail.ru

Кондратичев Александр Николаевич (с. 109) - студент, МГУ имени М.В.Ломоносова.

kondratichiev@mail.ru

Кондрашова Мария Сергеевна (с. 298) - Аспирант, МУПОЧ "Дубна".

hotms@mail.ru

Коптелова Александра Михайловна (с. 300) - Научный сотрудник, Московский городской психолого-педагогический университет.

koptelova.am@gmail.com

Корнеева Яна Александровна (с. 304) - доцент кафедры психологии, САФУ им. М.В. Ломоносова.

amazonkca@mail.ru

Корнилова Наталья Сергеевна (с. 306) - ст.преподаватель, НИУ - РАНХиГС.

nskorn@mail.ru

Коробейникова Екатерина Юрьевна (с. 108) - студент, МГУ.

ekaterinayk@rambler.ru

Коровкин Сергей Юрьевич (с. 307) - доцент, ЯрГУ.

korovkin_su@list.ru

Кортаева Анастасия Игоревна (с. 309) - старший преподаватель, ЯГПУ им К.Д. Ушинского.

tiger77706@mail.ru

Костригин Артем Андреевич (с. 311) - Магистрант, ННГУ им.Н.И.Лобачевского.

artdzen@gmail.com

Кострова Маргарита Александровна (с. 313) - Студентка 4 курса факультета психологии, ЛГУ им. А. С. Пушкина.

Margarita_Kostrova@mail.ru

Котляков Дмитрий Андреевич (с. 315)- студент, МГППУ.

kotlyakovd@gmail.com

Котлярова Анна Андреевна (с. 316) - аспирант, Российский государственный университет им. А.И. Герцена.
cotlyarova.ania@yandex.ru

Кочетков Никита Владимирович (с. 318) - доцент, МГППУ.
nkochetkov@mail.ru

Кочисов Чермен Валерьевич (с. 148) - магистрант, филиал РТА.
gogitsaeva@yandex.ru

Кочисов Валерий Константинович (с. 320) - зав.кафедрой, СОГУ.
kotisov@yandex.ru

Кратинев Виталий Андреевич (с. 322) - преподаватель, Донецкий юридический институт МВД Украины.
ANnamona@yandex.ru

Криворучко Марина Владимировна (с. 323) - преподаватель, ГБОУ ВПО Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского.
mkrivoruhcko@rambler.ru

Криулева Алина Андреевна (с. 325) - студент, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.
alinareal@mail.ru

Кружкова Ольга Владимировна (с. 327) - доцент, УрГПУ.
galiat1@yandex.ru

Куваева Ирина Олеговна (с. 331) - старший преподаватель, Уральский федеральный университет.
irina.kuvaeva@usu.ru

Кузнецов Валентин Викторович (с. 332) - Аспирант, МПГУ.
erp-2002@mail.ru

Кузнецов Даниил Игоревич (с. 334) - аспирант, МГУ.
dan-smith@yandex.ru

Кузьмичева Екатерина Олеговна (с.91) - студентка, Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова.
katy-kuzmicheva@yandex.ru

Кукушкин Кирилл Андреевич (с. 111) - студент, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
kukushkinkirill@yandex.ru

Кулакова Анастасия Игоревна (с. 336) - Студент 5го курса, ЯрГУ им.П.Г.Демидова.
kulakova1992@yandex.ru

Кун Ксения Увгеньевна (с. 338) - аспирант, МГППУ.
kkun@yandex.ru

Куповых Жанна Геннадиевна (с. 339) - ассистент, Южный федеральный университет.
jannetvip@mail.ru

Купцова Светлана Анатольевна (с. 341) - доцент, НовГУ.
kupsv@yandex.ru

Курасова Алёна Александровна (с. 343) - магистрант, БГПУ.
Kamila@nm.ru

Курсаева Ирина Мерабовна (с. 345) - аспирант, СПбГУ.
k.i.m_spb_@mail.ru

Кутеева Елена Николаевна (с. 346) - аспирант, СПбГУ.
Lena-kuteeva@mail.ru

Лазарева Наталья Юрьевна (с. 348) - студент, ЯрГУ им. Демидова.
natali-milka@mail.ru

Лазуренко Светлана Борисовна (с. 408) - Заведующая лабораторией, ФБГУ "НЦЗД" РАМН.
labspiko@gmail.com

Лазуткина Марина Андреевна (с. 350) - Стажер-исследователь, МНУЛ СКИ.
in_psychology@mail.ru

Лапкина Елена Валерьевна (с. 352) - старший преподаватель, ЯГПУ им.К.Д. Ушинского.
elena-lapkina@inbox.ru

Латыш Наталья Михайловна (с. 354) - младший научный сотрудник, Институт психологии им. Г.С.Костюка НАПН Украины.
latysh.nat@yandex.ua

Лебедева Надежда Михайловна (с. 356) - заведующая, МНУЛ СКИ.
lebedhope@yandex.ru

Лебедь Антон Александрович (с. 357) - Аспирант, ЯрГУ.
gyfest@yandex.ru

Лебезова Татьяна Вячеславовна (с. 9) - Студентка, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столет.
t_lebezova@mail.ru

Левшунова Жанна Амирановна (с. 359) - ст. преподаватель кафедры ПРЛ, ЛПИ - филиал СФУ.
zh.levshunova@mail.ru

Лемещук Виктория Романовна (с. 361) - аспирант, Института психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины, лаборатория Методологии и теории психологии.
torystreet@yandex.ru

Леонова Елена Васильевна (с. 363) - руководитель Психологической службы ИАТЭ, ИАТЭ НИЯУ МИФИ.
e.v.leonova@mail.ru

Лисова Екатерина Николаевна (с. 365) - преподаватель, Воронежский государственный университет.
lisova.yekaterina@yandex.ru

Литвинова Оксана Юрьевна (с. 366) - ст. преподаватель, ЮФУ.
oylitvinova@yandex.ru

Логинов Никита Иванович (с. 368) - Студент, РГГУ.
lognikita@yandex.ru

Лойченко Елизавета Юрьевна (с. 370) - Студентка, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столет.
lilibeth-05@bk.ru

Локоткова Марина Анатольевна (с. 372) - аспирантка, СПбГИПиСР.
marina.lokotkova@fmail.com

Луков Михаил Юрьевич (с. 374) - аспирант, НовГУ.
savelifebd@rambler.ru

Лукомская Светлана Алексеевна (с. 376) - научный сотрудник, Институт Психологии им. Г.Костюка.
svitluk@ukr.net

Лучинская Анастасия Ярославовна (с. 378) - ассистент, аспирант, КФУ.
fcz_90@mail.ru

Лю Цзинцзин Фа (с. 379) - аспирант, СПбГУ.
jingjing_liu_love@126.com

Ляшенко Ирина Николаевна (с. 381) - студент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.
keineliebe27@rambler.ru

Магазева Елена Анатольевна (с. 383) - доцент кафедры педагогики и психологии, ОмГМА.
psicholog1981@yandex.ru

Майдокина Людмила Геннадьевна (с. 385) - доцент, МордГПИ.
lyda_maydokina84@mail.ru

Макаров Игорь Николаевич (с. 386) - студент, ЯрГУ.
reoge@mail.ru

Макарычева Елизавета Александровна (с. 388) - студент, МГППУ.
eklis@mail.ru

Макеева Наталья Юрьевна (с. 390) - соискатель, ТвГУ.
makeeva.nat@mail.ru

Максимов Максим Анатольевич (с. 391) - аспирант, РАНХ и ГС.
maksimo82@yandex.ru

Максимов Сергей Вячеславович (с. 393) - Студент 3-его курса факультета психологии, БГПУ им. М. Акмуллы.
PsyMax@yandex.ru

Максимова Юлия Олеговна (с. 395) - Студентка, ЯрГУ им. П.Г.Демидова.
juliua_1994@mail.ru

Малеев Денис Викторович (с. 397) - старший преподаватель, ЧВУЗ "КЭГИ".
psyxe@mail.ru

Мальцева Анна Александровна (с. 93) - аспирант кафедры социальной психологии и, НГУЭУ.
aamaltseva@yzndex.ru

Мартинес Даниэль Лазаревич (с. 398) - Магистр, КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева.
sharklist@mail.ru

Мартиросян Карине Вардановна (с. 399) - аспирант, ФГБОУ ВПО "РАНХиГС. Волгоградский филиал".
marti-5@mail.ru

Мартынова Александра Дмитриевна (с. 401) - аспирант, МГПУ ВПО ИППО.
s1802@mail.ru

Мартынова Марина Александровна (с. 403) - старший преподаватель кафедры ПРЛ, ЛПИ-филиал СФУ.
martynova.marina.24@yandex.ru

Марченко Елена Евгеньевна (с. 405) - старший преподаватель, БрГУ им.А.С.Пушкина.
elena_mar@mail.ru

Масалович Юлия Михайловна (с. 406) - магистрант, ХГУ им. Н.Ф. Катанова.
lulia__1991@mail.ru

Маслова Ольга Ивановна (с. 408) - Заведующая отделением, ФБГУ "НЦЗД" РАМН.
labspiko@gmail.com

Матешин Олег Игорьевич (с. 410) - студент, ЛГУ им. А.С. Пушкина .
mmates44@gmail.com

Машошина Анастасия Андреевна (с. 412) - Педагог-психолог, СПб ГБУ "МПЦ "Московский".
a.a.mashoshina@gmail.com

Медведева Юлия Сергеевна (с. 255) - ассистент, ЯрГУ им. П.Г.Демидова.

yuliamed26@gmail.com

Мелёхин Алексей Игоревич (с. 414) - Медицинский психолог, Институт психологии РАН, лаборатория психология развития.

vjchuck@yahoo.com

Мигунова Юлия Михайловна (с. 415) - студентка, МГУ.

migunova.y@inbox.ru

Минаева Алёна Юрьевна (с. 417) - студент, РУДН.

cahapa@gmail.com

Миськов Геннадий Васильевич (с. 419) - научный корреспондент, Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины.

ittek@ukr.net

Михеева Ирина Владимировна (с. 359) - студентка 5 курса факультета ПиП, ЛПИ - филиал СФУ.

zh.levshunova@mail.ru

Михеева Екатерина Евгеньевна (с. 423) - студентка 5 курса, ЯрГУ.

mk_meh@mail.ru

Мишина Екатерина Игоревна (с. 425) - доцент, МГОУ.

mashina-katya@yandex.ru

Моисеева Анна Анатольевна (с. 459) - аспирант, ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

a_nn_a88@mail.ru

Молчанова Елена Ивановна (с. 426) - педагог-психолог, ГАОУ РМЭ "Лицей Бауманский".

e.molchanova@my18.ru

Монахова Ксения Владимировна (с. 429) - Доцент кафедры психологии, МГЭИ.

k.monakhova@bk.ru

Мороденко Евгения Васильевна (с. 431) - старший преподаватель кафедры социально-, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева филиал в г.Прокопьевсе.

morodenko@yandex.ru

Морозов Илья Владимирович (с. 432) - Аспирант, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

morozoff.work@gmail.com

Морозова Екатерина Николаевна (с. 307) - студент, ЯрГУ.

musspelheim@mail.ru

Морозова Ольга Андреевна (с. 343) - аспирант, ИП РАН.

helgamoro@gmail.com

Муреева Екатерина Сергеевна (с. 523) - студентка 5 курса, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

mureeva_es@bk.ru

Мустафина Лилия Шаукатовна (с. 436) - научный сотрудник, ИПРАН.

Leila.mus@gmail.com

Мухина Юлия Сергеевна (с. 438) - студентка 4 курса, ВГУ.

cwell@yandex.ru

Мысникова Эльвина Александровна (с. 440) - аспирантка, ЗабГУ.

mysnikova_e@mail.ru

Найдёнова Любовь Михайловна (с. 442) - старший научный сотрудник, Институт психологии им. Г.С.Костюка НАПН Украины.

lyunster@gmail.com

Насыров Рустам Махсудович (с. 442) - студент, ЮФУ.

nasyrov_92@mail.ru

Негрый Варвара Александровна (с. 445) - младший научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова.
v.negrii@gmail.com

Немировская Наталья Геннадьевна (с. 446) - аспирант, ИП РАН.
talisha.89@mail.ru

Нехорошева Инна Владимировна (с. 448) - аспирант, УРАО.
i-vl-n@mail.ru

Низовцова Анна Николаевна (с. 450) - Аспирант, МГУ.
anna_nizovtsova@mail.ru

Никифорова Ольга Сергеевна (с. 452) - студент, ЯрГУ.
weis1993@mail.ru

Николаева Анастасия Юрьевна (с. 300) - Аспирант, Учреждение РАО Психологический институт.
nastia1584@inbox.ru

Николаева Варвара Ильинична (с. 454) - аспирант, РГГУ.
iklimler@yandex.ru

Новикова Ольга Геннадьевна (с. 171) - психолог, факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова.
окуа@bk.ru

Новикова Анастасия Викторовна (с. 456) - Аспирант, РГПУ им. Герцена.
nastish87@yandex.ru

Огородова Татьяна Вячеславовна (с. 255) - доцент, ЯрГУ им. П.Г. Демидова.
Shtak@bk.ru

Одинцова Анастасия Николаевна (с. 461) - ассистент, Херсонский государственный университет.
asyaodin@mail.ru

Окасова Айнура Асетовна (с. 463) - студент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.
ainurokaset@mail.ru

Окутина Алёна Александровна (с. 465) - Аспирант, Кафедра психологии труда и организационной психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова.
alenska.okutina@yandex.ru

Орлова Наталья Юрьевна (с. 468) - студентка курса факультета педагогики и, ЛПИ-филиал СФУ.
zh.levshunova@mail.ru

Орлова Алёна Александровна (с. 466) - Студентка 5 курса, СГУ.
Alor-90@mail.ru

Осинина Татьяна Николаевна (с. 470) - старший преподаватель, МГОГИ.
tatyanaosinina@mail.ru

Осинцева Татьяна Викторовна (с. 472) - магистрант, ЮФУ.
kamelia5@list.ru

Павленко Мария Владимировна (с. 474) - студентка, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.
mary.pavlenko@gmail.com

Павленко Ольга Борисовна (с. 476)
pavlenkoolga@mail.ru

Павлова Анна Валерьевна (с. 477) - Практический психолог, СОШ № 142, аспирант Украинской инженерно-педагогической академии.
annetpavlova@ukr.net

Павлова Виктория Сергеевна (с. 479) - секретарь, КПУ.
vika_pavlova@lenta.ru

Павлова Наталья Николаевна (с. 408) - научный сотрудник, ФБГУ "НЦЗД" РАМН.
labspiko@gmail.com

Палт Екатерина Александровна (с. 112) - ст.преподаватель, МЭСп.
katerinapalt@gmail.com

Палютина Ильмира Наилевна (с. 481) - Студент (магистрант), ЮФУ.
hi500@yandex.ru

Панова Екатерина Михайловна (с. 656) - студентка 6 курса, РУДН, экологический факультет.
panova098@mail.ru

Панчак Оксана Владимировна (с. 483) - ассистент кафедры, Ивано-Франковский государственный медицинский университет.
panchakoksana@rambler.ru

Панченко Олег Анатольевич (с. 487) - директор, ГУ "НПМ РДЦ МЗ Украины".
rdckonst@mail.ru

Панченко Елена Валерьевна (с. 485) - Студентка IV курса, Владимирский государственный университет.
elena.panchenko33@gmail.com

Парфенова Елена Евгеньевна (с. 489) - Студентка, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столет.
lenksa@inbox.ru

Пелевина Антонина Александровна (с. 490) - аспирант, Ярославский Государственный Университет им. П.Г. Демидова.
antonina-pelevina@mail.ru

Перельгина Марина Олеговна (с. 492) - магистрант, Забайкальский государственный университет.
malinka-8-8-8@mail.ru

Песенко Руслан Олегович (с. 494) - Студент, ЛГУ им. А.С. Пушкина.
ruslan857@mail.ru

Пестова Светлана Вадимовна (с. 533) - ЯрГУ.
sveta7591@mail.ru

Петрова Елена Николаевна (с. 496) - аспирант, СПбГУ.
elen.np90@gmail.com

Петрова Светлана Олеговна (с. 498) - старший научный сотрудник, МГППУ.
simarik2000@mail.ru

Пешкова Наталья Александровна (с. 500) - доцент, ИПК и ППРО ТО.
na_peshkova@mail.ru

Плохих Виктор Владимирович (с. 502) - преподаватель, ДЗ"ЮНПУ им.Ушинского".
rdckonst@mail.ru

Подковыркина Алёна Витальевна (с. 503) - студентка, Сыктывкарский государственный университет.
alenaPodkovyrkina@rambler.ru

Политова Дарья Андреевна (с. 505) - аспирант кафедры терапии ИПДО, ГБОУ ВПО "Ярославская государственная медицинская академия" Министерства здравоохранения РФ.
yuliaka@mail.ru

Полозкова Майя Равилевна (с. 507) - магистрантка 3 года обучения, БГПУ им. М. Акмуллы.
mpolozkova@bk.ru

Пономаренко Анна Сергеевна (с. 509) - студент, ВЛГУ.

ovm2210@gmail.com

Попова Татьяна Владимировна (с. 512) - студентка, СЫКТГу.

tane4ka-popova92@mail.ru

Попова Анастасия Валерьевна (с. 514) - магистр, Мурманский государственный гуманитарный университет.

naumenko.anastas@mail.ru

Попова Юлия Александровна (с. 510) - Студентка 3 курса, ЮФУ.

julie_1994_14@mail.ru

Порохина Ирина Андреевна (с. 304) - студентка магистратуры, САФУ им. М.В. Ломоносова.

irundelka@bk.ru

Преснякова Светлана Александровна (с. 516) - студентка 4 курса, БГПУ имени Максима Танка.

presnyakova.sveta@mail.ru

Прокофьев Андрей Олегович (с. 300) - Научный сотрудник, Московский городской психолого-педагогический университет.

a_o_p@mail.ru

Пронина Анастасия Александровна (с. 517) - магистр, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

pronina.ev@gmail.com

Пронина Елена Викторовна (с. 521) - доцент кафедры общей и педагогической пс, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

pronina.ev@gmail.com

Пронина Елена Анатольевна (с. 519) - аспирант, ЯрГУ им.Демидова.

Elenapronina08@mail.ru

Пузакова Валерия Евгеньевна (с. 525) - Студент, ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

miss.puzakova@yandex.ru

Пухаева Ольга Ивановна (с. 320) - студент, СОГУ.

kotisov@yandex.ru

Разорина Дарья Николаевна (с. 526) - аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова.

dn-razorina@yandex.ru

Репникова Александра Робертовна (с. 528) - аспирант, ФГБОУ ВПО "Сахалинский государственный университет".

repkapsy@mail.ru

Решетко Светлана Альбертовна (с. 530) - аспирант, ИП РАН.

swetlana.reshetko@yandex.ru

Родионов Андрей Рудольфович (с. 532) - ст. лаборант, Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН.

rodionov_and@hotmail.ru

Романова Мария Андреевна (с. 533) - ЯрГУ.

romashka_5.10@mail.ru

Романовская Мария Александровна (с. 534) - соискатель лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН.

m.a.romanovskaya@yandex.ru

Руденко Владислава Сергеевна (с. 536) - студент 5 курса, КГУ им. Н.А.Некрасова.

vlada.rudenko@list.ru

Рябухина Владислава Владимировна (с. 539) - студент, ЮФУ.

vlada_riabykhina@mail.ru

Савинова Анна Джумберовна (с. 540) - -, ЯрГУ.

anuta1334@yandex.ru

Савченко Валерия Вячеславовна (с. 403) - студентка, ЛПИ-филиал СФУ.

valeriya-sav.mail.ru@mail.ru

Сайфетдинова Элина Ильясовна (с. 542) - магистрантка, ПГУ ПИ.

elina.saifetdinova@yandex.ru

Салычева (Лёвина) Ирина Васильевна (с. 544) - Специалист, ИАТЭ НИЯУ МИФИ.

IVLevina1989@mail.ru

Самигуллин Ринат Рафилевич (с. 546) - аспирант, БГПУ им. Акмуллы.

samigullin24@mail.ru

Саницкая Ангелина Владимировна (с. 548) - Студент, КГМУ.

malvina_angel@mail.ru

Сапего Екатерина Ивановна (с. 549) - психолог, ОО «Белорусская Ассоциация психотерапевтов».

miltcom@tut.by

Сафронова Наталья Викторовна (с. 551) - Аспирант, МГППУ.

natalisafronova190@gmail.com

Сафьян Надежда Владимировна (с. 553) - Магистр, УрФУ.

2133940@mail.ru

Сахарова Анна Евгеньевна (с. 555) - ассистент, КГМУ.

sakharova_anna@mail.ru

Саяпин Алексей Васильевич (с. 557) - ассистент, ФГБОУ ВПО "Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского".

aleckseysay85@gmail.com

Свередюк Елена Владимировна (с. 558) - ассистент, ф/л РГСУ в г. Минске.

s.helen.v@mail.ru

Свиридченкова Татьяна Александровна (с. 560) - аспирант, МГГУ им. М.А.Шолохова.

svirtata@gmail.com

Севастьянова Ульяна Юрьевна (с. 562) - ассистент, КГУ им. Н.А. Некрасова.

ulyanakostroma@mail.ru

Седунова Анастасия Сергеевна (с. 564) - доцент, Ульяновский государственный университет.

asedunova@mail.ru

Семёнова Елена Александровна (с. 618) - доцент кафедры общей и педагогической пс, ВСГАО.

artemiss09@rambler.ru

Сергеева Дарья Викторовна (с. 286) - студент 4 курс, РГППУ.

demeza@mail.ru

Кашапов Сергей Михайлович (с. 255) - заведующий кафедрой педагогики и педагог, ЯрГУ им. П.Г.Демидова.

smk007@bk.ru

Сердюк Наталья Ивановна (с. 566) - ассистент кафедры психологии, Бердянский государственный педагогический университет.

serdyuk_nata@mail.ru

Сиврикова Надежда Валерьевна (с. 567) - старший преподаватель, ЧГПУ.

bobnv79@mail.ru

Сизова Мария Александровна (с. 569) - старший преподаватель, КГУ им. Н.А.Некрасова.

mariasizova1985@yandex.ru

Симонова Наталья Николаевна (с. 570) - зав. кафедрой, С(А)Фу.
n23117@mail.ru

Синёва Ольга Валентиновна (с. 26) - Старший преподаватель кафедры социальной, ИГУ.
igel-1986@yandex.ru

Сиповская Яна Ивановна (с. 572) - аспирантка, ГАУГН.
syai@mail.ru

Скиртач Ирина Анатольевна (с. 574) - старший лаборант, ЮФУ.
limpopo-is@yandex.ru

Скляднева Веселина Михайловна (с. 408) - дефектолог, ФБГУ "НЦЗД" РАМН.
labspiko@gmail.com

Скоробогатых Анастасия Олеговна (с. 576) - ст.преподаватель, ИвГУ.
Angelok1-8@mail.ru

Скрипниченко Галина Владимировна (с. 578) - аспирант, СГМУ.
galya-skripichenko@rambler.ru

Сладкова Татьяна Юрьевна (с. 580) - студент, ППИ. им. В. Г. Белинского.
tatyana0206@rambler.ru

Смирнова Юлия Сергеевна (с. 582) - доцент, БГУ.
smiry@bsu.by

Соболева Алена (с. 583) - Студентка, ЯрГУ.
alena.vitalevna.soboleva@mail.ru

Соколова Александра Викторовна (с. 585) - студент, СыктГУ.
pcheela@mail.ru

Соловьев Андрей Горгоньевич (с. 578) - профессор, СГМУ.
asoloviev1@yandex.ru

Солопова Наталья Владимировна (с. 587) - студент 2 курса магистратуры, МПГУ.
sinabar@yandex.ru

Солтанович Юлия Юрьевна (с. 588) - Студент, СмолГУ.
yuliasolt@yandex.ru

Соткин Артем Сергеевич (с. 589) - Аспирант, ЯрГУ.
Drag0n-13@yandex.ru

Сотникова Марина Сергеевна (с. 591) - аспирант, МПГУ.
myseaname@gmail.com

Спиридонов Геннадий Андреевич (с. 592) - студент, ЯрГУ им. П.Г. Демидова.
spgena4@gmail.com

Старкова Евгения Николаевна (с. 594) - студентка, ВлГУ.
evgeniya_agafono@mail.ru

Степанова Марина Юрьевна (с. 634) - Студентка, МБОУ ВПО СмолГУ.
4rtionok2008@rambler.ru

Степура Евгений Викторович (с. 596) - Аспирант, Институт психологии им. Г. С. Костюка НАПН Украины.
evgenij-stepura@yandex.ru

Субкевич Дмитрий Игоревич (с. 597) - Специалист по социаль, ГПНДС № 7.
slim159@yandex.ru

Суворова Ксения Викторовна (с. 599) - ассистент кафедры общей и клинической пс, "НИУ БелГУ".
suvorova_k@bsu.edu.ru

Супрун Дарья Николаевна (с. 601) - доцент кафедры специальной психологии и , НПУ им. М.П. Драгоманова .

Darya7@ukr.net

Сурвила Римма Александровна (с. 603, 605) - студентка, ЛПИ (ф) СФУ.

rimma-survila@mail.ru

Сухова Анастасия Александровна (с. 606) - Студент, КГМУ.

nastasiasu@mail.ru

Тарасов Константин Орестович (с. 608) - Аспирант/лаборант исследователь, МГППУ/МРЦ БОС.

dr-bmx@mail.ru

Телегина Станислава Ярославовна (с. 609) - студент, МГППУ.

ignas-fatui@rambler.ru

Тен Людмила Григорьевна (с. 611) - магистрант, ЮФУ, ф-т ФИБ.

lyudmilaesf@mail.ru

Терехина Надежда Сергеевна (с. 613) - Аспирант, ИП РАН.

n.s.terekhina@rambler.ru

Терёшина Ксения Юрьевна (с. 617) - Студентка, ВлГУ.

khrustaleva.ks@mail.ru

Терушкина Юлия Игоревна (с. 615) - РГГУ.

terushkina@gmail.com

Тимохова Юлия Леонидовна (с. 618) - Студентка 5-го курса факультета психолог, ВСГАО.

timoxova1991@mail.ru

Тинькова Дарья Сергеевна (с. 343) - магистрант, БГПУ.

Kamila@nm.ru

Тихомирова Елена Викторовна (с. 620) - доцент, КГУ им. Н.А.Некрасова.

tichomirowa82@mail.ru

Товстокорая Юлия Виталиевна (с. 622, 624) - младший научный сотрудник, ИСПП НАПН Украины.

julia.ua.zp@ukr.net

Трифонова Елена Александровна (с. 676) - доцент кафедры клинической психологии и , РГПУ им. А.И. Герцена.

trifonovahelen@yandex.ru

Троицкая Елена Авенировна (с. 626) - старший преподаватель кафедры психологии, ФГБОУ ВПО "Московский государственный лингвистический университет".

ea.troitskaya@mail.ru

Троянская Анна Игоревна (с. 628) - Доцент кафедры "Экономика предприятия", Ижевский государственный технический университет им. М.Т.Калашникова.

atroyanskaya@mail.ru

Тырановец Сергей Владимирович (с. 630) - Соискатель кафедры клинической психологии, МГМСУ имени А.И. Евдокимова.

styranovets@gmail.com

Удачина Полина Юрьевна (с. 225) - преподаватель, КубГУ.

udachina777@mail.ru

Фаустова Анна Геннадьевна (с. 632) - заочный аспирант, Институт психологии РАН.

lakoniya@yandex.ru

Федерякин Денис Александрович (с. 634) - Студент, МБОУ ВПО СмолГУ.

ened5@rambler.ru

Федоренко Марина Владимировна (с. 636) - доцент, К(П)ФУ.

fedorenko60@mail.ru

Федорова Анастасия Александровна (с. 637) - студент 4 курса бакалавриата, НИУ-ВШЭ.
enternita@inbox.ru

Федотова Жанна Эдуардовна (с. 639) - студент, НИУ-ВШЭ.
ganka007@yandex.ru

Федько Светлана Леонидовна (с. 641) - аспирант, КНЛУ.
svetlana.fedko@mail.ru

Фельдман Инесса Леонидовна (с. 645) - доцент кафедры психологии, ТулГУ.
inessa-feldman@mail.ru

Филатова Юлия Сергеевна (с. 505) - ассистент кафедры терапии ИПДО, ГБОУ ВПО "Ярославская государственная медицинская академия" Министерства здравоохранения РФ.
yuliaka@mail.ru

Филатова Дарья Валерьевна (с. 643) - Студент, СГУ им.Н.Г.Чернышевского.
Dakcota@mail.ru

Филиппова Галина Васильевна (с. 647) - студент, СыктГУ.
fil-galina92@yandex.ru

Филяева Ольга Васильевна (с. 649) - студент, ЯрГУ им. П.Г. Демидова.
faniacat@gmail.com

Фирсова Анна Александровна (с. 89) - студентка, Ярославский Государственный университет имени П.Г.Демидова.
fna91@rambler.ru

Фишер Яна Игоревна (с. 651) - Студент, МПГУ.
fisher_yana@mail.ru

Фоминых Анна Яновна (с. 652) - младший научный сотрудник, ПИ РАО.
fanya-07@mail.ru

Фролов Алексей Анатольевич (с. 654) - Преподаватель кафедры психологии и педагог, Краснодарский университет МВД России.
ajeduc@mail.ru

Харькова Ольга Александровна (с. 578) - ст.преподаватель, СГМУ.
harkovaolga@yandex.ru

Хашченко Надежда Николаевна (с. 656) - научный сотрудник, ИП РАН.
nadin-khash@yandex.ru

Хеймашева Марьяна Суфьяновна (с. 658) - аспирант, ФГБОУ ВПО "Кабардино-Балкарский государственный университет".
marianaaspirant@yandex.ru

Хисамова Разиля Ирековна (с. 636) - студентка гр.10-013013, К(П)ФУ.
razilya.hisamova@mail.ru

Храмов Сергей Андреевич (с. 660) - Студент, Владимирский Государственный Университет.
Viva1702@gmail.com

Хусаинова Александра Михайловна (с. 661) - преподаватель, филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Ташкенте.
khusainova.alexandra@gmail.com

Цай Лина Вадимовна (с. 663) - младший научный сотрудник, КГБОУ ДПО ХКИП-ПКСПО.
Lina27rus@mail.ru

Целинко Ирина Александровна (с. 665) - аспирант, ХГУ.
irinacelinko.com@yandex.ru

Циснецкий Андрей Казимирович (с. 667) - Аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет.
kesson08@yandex.ru

Чаплина Софья Юрьевна (с. 669) - младший научный сотрудник, ФГНУ ИПП ПО РАО.
sofjachaplina@gmail.com

Чахоян Алина Самвеловна (с. 670) - аспирант, ИвГУ.
ali7028@yandex.ru

Черкаева Олеся Александровна (с. 672) - студент, СГУ им. Н.Г. Чернышевского.
cherekaeva91@gmail.com

Чернов Альберт Валентинович (с. 674) - ассистент, КФУ.
albertprofit@mail.ru

Чернорай Анна Владимировна (с. 676) - заведующая лабораторией "Психология
здor, РГПУ им. А.И. Герцена.
annache07@mail.ru

Чиннова Алеся Сергеевна (с. 678) - аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
achinnova@gmail.com

Чистопольская Александра Валерьевна (с. 680) - аспирант, ЯрГУ им.П.Г.Демидова.
chistosasha@mail.ru

Читао Рузана Аслановна (с. 682) - педагог-психолог, ЧОУ "Семья".
ruzanatext@yandex.ru

Чичук Елена Юрьевна (с. 683) - старший преподаватель, КубГУ.
13e@mail.ru

Чувашов Сергей Викторович (с. 685) - стажер-исследователь, НИУ ВШЭ, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований.
csvgroup189@gmail.com

Чхайдзе Анна Александровна (с. 687) - ассистент кафедры практической психологии, Херсонский государственный университет.
Anna.nechiporenko.89@mail.ru

Шаров Алексей Александрович (с. 689) - Магистрант 1 курс, СГУ им.Н.Г. Чернышевского.
sha555da@mail.ru

Шаталова Надежда Анатольевна (с. 691) - аспирант, КГУ.
nadeshda-shatalova@yandex.ru

Швец Татьяна Александровна (с. 693, 694) - аспирант, МГППУ.
buratino2@mail.ru

Шелкунова Татьяна Васильевна (с. 696) - старший преподаватель, ЛПИ - филиал СФУ.
cokolova_t_v@mail.ru

Шериева Рузана Заурбиевна (с. 698) - аспирант, ФГБОУ ВПО "Кабардино-Балкарский государственный университет".
zyzi88@mail.ru

Шибанов Михаил Валерьевич (с. 700) - Студент IV курса, Владимирский государственный университет.
BITRAIM@bk.ru

Шостак Анастасия Викторовна (с. 702) - Студентка, ВГУ имени П. М. Машерова.
Nasty617@mail.ru

Шурыгина Георгия Сергеевна (с. 703) - выпускница, СПбГУ.
deddotground@gmail.com

Щуклина Евгения Сергеевна (с. 705) - студент, ПГУ ПИ.

zhenevaaa@mail.ru

Элькинд Григорий Витальевич (с. 707) - Лаборант, ФГБОУ ВПО " Смоленский государственный университет".

grishaelkind@mail.ru

Юмкина Екатерина Анатольевна (с. 709) - аспирант, СПбГУ.

ekaterinayum@gmail.com

Яковлева Мария Викторовна (с. 711) - аспирант, СПбГУ.

mariaiakovleva@mail.ru

Яковлева Наталья Валентиновна(с. 712) - зав.кафедрой общей психологии с курсом п, РязГМУ.

yakovleva.nata2@gmail.com

Якунин Анатолий Павлович (с. 714) - соискатель, РГПУ им. А.И. Герцена.

a.yakunin-a.p.psi@yandex.ru

Якухный Андрей Михайлович (с.715) - выпускник, ДВФУ.

andrey1709@bk.ru

Ялтонский Владимир Михайлович (с. 717) - Профессор, Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова.

yaltonsky@mail.ru

Янович Кирилл Владимирович (с. 719) - Студент, ГГУ.

kiryann90@gmail.com

Яценко Анна Викторовна (с.720) - магистрант, ЮФУ.

annik_2205@mail.ru

Научное издание

Серия «Материалы конференции»

Психология – наука будущего
Материалы V международной конференции молодых ученых
28-29 ноября 2013 года
Москва

Редактор – О.В. Шапошникова
Верстка – К.Б. Зуев
Обложка – С.С. Фёдоров

Лицензия ЛР №03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-61-02. E-mail: vbelop@ipras.ru. www.ipras.ru

Сдано в набор 07.11.13. Подписано в печать 14.11.13
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура ITC CHARTER
Уч.-изд.л 57,1; усл.-печ. л. 58,7. Тираж 200 экз.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru. E-mail: sales@chpd.ru
(495) 988-63-76, т/ф. (496) 726-54-10

КНИГИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

- Психологические исследования проблем современного российского общества /**
Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 502 с. (Труды Института психологии РАН)
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики.** Выпуск 5 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2013. – 426 с. (Труды Института психологии РАН)
- Trust in society, business and organization: Proceedings of the Conference “Business.Society. Human” (October 30–31, 2013, Moscow) /** N. I. Dryakhlov, A. Ishikawa, A. B. Kupreychenko, M. Sasaki, Zh. T. Toshchenko, V. D. Shadrikov (Eds). – Moscow: Cogito-Centre-IPRAS Publishing House, 2013. – 320 p.
- Сергиенко Е. А., Таланова Н. Н., Лебедева Е. И.**
Телевизионная реклама и дети. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 184 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Махнач А. В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н.** Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 219 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Прохоров А.О., Юсупов М.Г.** Повседневное трансовое состояние.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.– 176 с. (Экспериментальные исследования)
- Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 1 /**
Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 584 с. (Материалы конференции)
- Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 2 /**
Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 502 с. (Материалы конференции)
- Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 3 /**
Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 600с. (Материалы конференции)
- Шадриков В.Д.** Психология деятельности человека.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 464 с. (Достижения в психологии)
- Кольцова В. А., Холоднович Е. Н.**
Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 304 с.
- Журавлева Н.А.** Психология социальных изменений: ценностный подход.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.–524 с.
- ISBN 978-5-9270-0257-3

- Толочек В. А.** Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 320 с. (Методология, теория и история психологии)
- Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е.** Нравственное самоопределение молодежи.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.– 480 с.
- Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире** / Отв. ред. В.А. Кольцова.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.– 956 с. (Материалы конференции)
- Джидарьян И.А.** Психология счастья и оптимизма.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.– 268 с. (Достижения в психологии)
- Сухарев А. В., Чулисова А. П.** Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.– 144 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Латынов В.В.** Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.– 368 с.
- Юревич А. В.** Социальная психология научной деятельности.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 447 с. (Методология, теория и история психологии)
- Дифференциально-интеграционная теория развития:** Философское осмысление и применение в психологии, языкознании и педагогике. Тезисы докладов Второй научно-практической конференции. 4 марта 2013 г., Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.– 45 с.
- Пономаренко В.А.** На чьих плечах стоим? – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 200 с.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ** / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 413 с. (Психология социальных явлений)
- Экспериментальный метод в структуре психологического знания** / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 828 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Барабанщиков В.А.** Экспрессии лица и их восприятие. –М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 341 с. (Экспериментальные исследования)
- Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ** / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 468 с. (Методология, теория и история психологии)
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики.** Вып. 4 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 480 с. (Труды Института психологии РАН)
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.** Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 480 с.
- Русалов В.М.** Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 528 с. (Достижения в психологии)

- Развитие психологии в системе комплексного человекознания.** Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 828 с.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания.** Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 696 с.
- Алмаев Н. А.** Применение контент-анализа в исследованиях личности: Методические вопросы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 167 с. (Методы психологии)
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе** / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 341 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Человек в экономических и социальных отношениях: Материалы Всероссийской научной конференции. 4–5 октября 2012 г.** – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 418 с.
- Холодная М. А.** Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 288 с.
- Современная личность: Психологические исследования** / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 392 с. (Труды Института психологии РАН)
- Гостев А.А., Борисова Н.В.** Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 288 с. (Методология, теория и история психологии)
- Психологические исследования.** Вып. 6 / Под А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 187 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)
- Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 5** / Под ред. А.А. Кибрика, Т.В. Черниговской, А.В. Дубасовой.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 295 с.
- Хашченко В.А.** Психология экономического благополучия. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 426 с.
- Психологические проблемы современного российского общества** / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 575 с. (Психология социальных явлений)
- Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.** Социально-психологическое пространство личности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 496 с.
- Падун М.А., Котельникова А.В.** Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 206 с. (Перспективы психологии)
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики.** Вып. 3 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 400 с. (Труды Института психологии РАН)

- Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия** / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 368 с. (Труды Института психологии РАН)
- Проблемы психологической безопасности** / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.– 440 с. (Психология социальных явлений)
- Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна** / Под ред. К.А. Абульхановой, С.В. Тихомировой.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 432 с. (Методология, теория и история психологии)
- Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (24-25 февраля 2011 г.)** / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.И. Артемьевой.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 216 с.
- Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам** / Под ред. Д.В. Ушакова.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 736 с. (Научные школы ИП РАН)
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте** / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 512 с. (Психология социальных явлений)
- Журавлев А.Л.** Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 560 с.
- Ушаков Д.В.** Психология интеллекта и одаренности.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 464 с. (Экспериментальные исследования)
- Дискурс в современном мире.** Психологические исследования / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 368 с. (Труды Института психологии РАН)
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем** / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 480 с. (Психология социальных явлений)
- Гулевич О.А.** Социальная психология справедливости.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 284 с.
- Психология – наука будущего:** Материалы IV международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» 17–18 ноября 2011 г. Москва / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 540 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Занковский А.Н.** Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 296 с.
- Современная экспериментальная психология:** В 2 т. / Под ред. В.А. Барабанщикова.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 555 с., 493 с. (Интеграция академической и университетской психологии).
- Познание в деятельности и общении:** От теории и практики к эксперименту / Под ред. В.А. Барабанщикова, В.Н. Носуленко, Е.С. Самойленко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 527 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Гуцыкова С.В.** Метод экспертных оценок: теория и практика.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 144 с. (Методы психологии)

- Баканов А.С., Обознов А.А.** Эргономика пользовательского интерфейса: от проектирования к моделированию человеко-компьютерного взаимодействия.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 176 с.
- Ермолаева Е.П.** Оценка реализации профессионала в системе «человек–профессия–общество».– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 176 с. (Методы психологии)
- Ларионова Л.И.** Культурно-психологические факторы развития интеллектуальной одаренности.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 320 с.
- Волкова Е.В.** Психология специальных способностей: дифференционно-интеграционный подход.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 320 с.– 978-5-9270-0210-8
- Проблемы нравственной и этической психологии в современной России /** Отв. ред. М.И. Воловикова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 320 с. (Труды Института психологии РАН)
- Рябов В.Б.** Гуманитарная технология организационного проектирования и развития.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 224 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Морозов В.П.** Невербальная коммуникация: Экспериментально-психологические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 528 с. (Достижения в психологии)
- Нестик Т.А.** Отношение к времени в малых группах и организациях.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 296 с. (Перспективы психологии)
- Галкина Т.В.** Самооценка как процесс решения задач: системный подход. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики.** Выпуск 2 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 624 с. (Труды Института психологии РАН)
- Ушакова Т.Н.** Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.– 524 с. (Достижения в психологии)
- Юревич А.В., Цапенко И.П.** Наука в современном российском обществе.— М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 352 с.
- Юревич А.В.** Методология и социология психологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 272 с. (Методология, теория и история психологии)
- Акопов Г.В.** Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований.— М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 272 с.
- Математическая психология:** Школа В.Ю. Крылова / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Н. Савченко, Г.М. Головиной. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 512 с. (Научные школы Института психологии РАН)
- Когнитивные исследования:** Сборник научных трудов. Вып. 4 / Под ред. Ю.И. Александрова, В.Д. Соловьева.— М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.— 304 с. (Когнитивные исследования)
- Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В.** Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство.— М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.— 85 с. (Методы психологии)

- Психологические исследования:** Вып. 5 / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 264 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)
- Самойленко Е.С.** Проблемы сравнения в психологическом исследовании.— М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 416 с.
- Психология интеллекта и творчества:** Традиции и инновации: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 368 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Психологические исследования интеллекта и творчества:** Материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 288 с. (Материалы конференций)
- Методы исследования психологических структур** и их динамики. Выпуск 5 / Под ред. Т.Н. Савченко, Г.М. Головиной. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 192 с. (Труды Института психологии РАН)
- Карнышев А.Н. Винокуров М.А.** Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 480 с. (Психология социальных явлений)
- Экспериментальная психология в России** / Под ред. В.А. Барабанщикова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 888 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- История отечественной и мировой** психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня – 03 июля 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 782 с. (Материалы конференций)
- Материалы итоговой научной конференции** Института психологии РАН (11–12 февраля 2010 г.) — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 291 с. (Материалы конференций)
- Социальная психология труда:** Теория и практика. Том 1 / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 488 с. (Труды Института психологии РАН)
- Социальная психология труда:** Теория и практика. Том 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Л. Г. Дикая. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 442 с. (Труды Института психологии РАН)
- Сергиенко Е. А., Ветрова И. И.** Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): Руководство.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 176 с. (Методы психологии) — ISBN 978-5-9270-0192-7
- Интеллект, творчество и формирование личности в современном обществе:** Сборник тезисов Всероссийской школы молодых ученых «Педагогические, психологические и культурологические принципы и методы воспитания молодых исследователей в условиях высокотехнологичной экономики» (29 сентября–3 октября 2010 г., Москва) / Научн. ред. А. Л. Журавлев, Т. Н. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.– 184 с. (Материалы конференций)